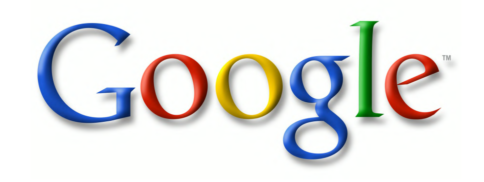
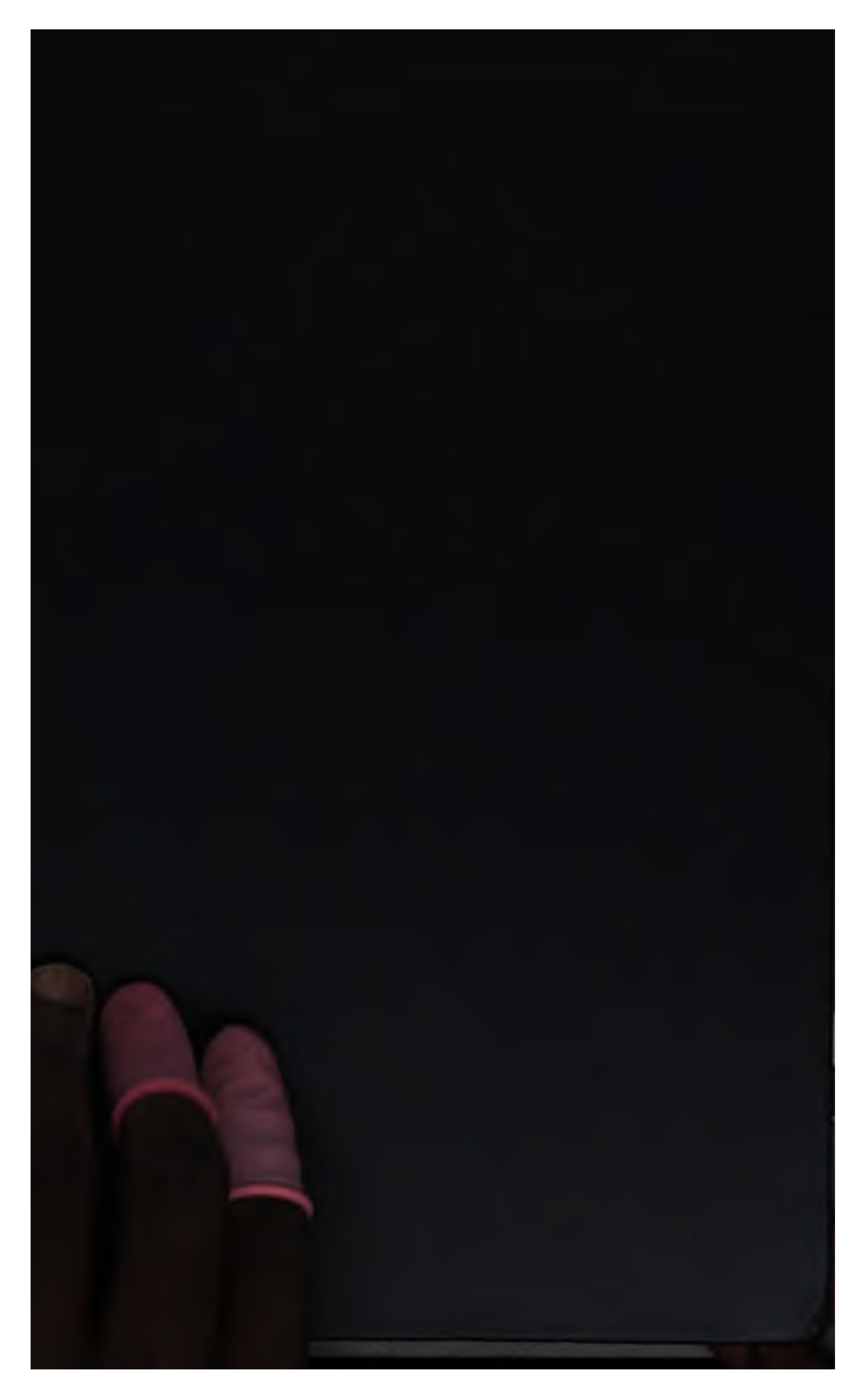

Google

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ИСТОРІЯ

ПОЛУВѢКОВОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

1845—1895.

Semenov-Tian-Shaskii, Petr P

ИСТОРІЯ

ПОЛУВѢКОВОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

1845—1895.

СОСТАВИЛЪ
ПО ПОРУЧЕНІЮ СОВѢТА
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ВИЦЕ-ПРЕДСѢДАТЕЛЬ ОБЩЕСТВА
П. П. СЕМЕНОВЪ,
ПРИ СОДѢЙСТВІИ ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА
А. А. ДОСТОЕВСКАГО.

Часть I-я.

Отдѣлы I, II и III.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1896.

Въ типографіи В. Безобразова и Комп.
(Вас. Остр., 8 л., № 45).

СОДЕРЖАНІЕ I-Й ЧАСТИ.

ГЛАВА III.

Изслѣдованія и работы Общества на азіатскихъ окраинахъ Россіи и вообще въ дальнихъ странахъ.

ГЛАВА IV.

Изслѣдованія и работы Отдѣленій Географіи Математической и Физической въ Европейской Россіи.

ГЛАВА V.

Изслѣдованія и работы по этнографіи и статистикѣ въ Европейской Россіи.

ГЛАВА VI.

Издательская дѣятельность Общества и его заботы о научныхъ пособіяхъ, необходимыхъ для занятія членовъ Общества (библіотекѣ и музеѣ).

ОТДѢЛЪ II.

ПЕРІОДЪ ВИЦЕ-ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВА М. Н. МУРАВЬЕВА (съ 1850 г. до января 1857 г.).

ГЛАВА VII.

Административная дѣятельность Общества, измѣненія въ составѣ его главныхъ дѣятелей и внутренняя его жизнь (съ 1850 по 1857 г.).

ГЛАВА VIII.

Экспедиціи Общества въ Сибири.

ГЛАВА IX.

Изслѣдованія и работы по географіи Внутренней Азіи.

ГЛАВА X.

Работы Общества въ области Математической и Физической Географіи въ Европейской Россіи.

ОТДѢЛЪ III.

ПЕРІОДЪ ВИЦЕ-ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВА ГРАФА Ѳ. П. ЛИТКЕ ДО 25-ЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ ОБЩЕСТВА (съ января 1857 г. до января 1871 г.).

ГЛАВА XIV.

Административная дѣятельность Общества, измѣненія въ составѣ его главныхъ дѣятелей и внутренняя его жизнь (съ 1857 г. по 1871 г.).

ГЛАВА XV.

Большая Сибирская Экспедиція Географическаго Общества и работы Сибирскаго Отдѣла и Членовъ Общества по изслѣдованію Амурской и Приморской областей.

ГЛАВА XVI.

Остальныя экспедиціи и изслѣдованія, совершонныя Географическимъ Обществомъ, его Сибирскимъ Отдѣломъ и ихъ членами въ предѣлахъ Восточной Сибири.

ГЛАВА XVII.

Экспедиціи и поѣздки Членовъ Общества и Сибирскаго его Отдѣла въ Манчжурію и Монголію.

ГЛАВА XVIII.

Экспедиціи Общества и изслѣдованія его Членовъ на сѣверо-западной окраинѣ Центральной Азіи.

ГЛАВА XXIII.

Издательская дѣятельность Общества.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Полувѣковая дѣятельность Императорскаго Русскаго Географическаго Общества должна была безъ сомнѣнія прежде всего обусловливаться тѣмъ определеніемъ, какое давалъ географической наукѣ сначала небольшой кружокъ учредителей Общества, а затѣмъ обширный кругъ лицъ, постепенно привлеченныхъ къ его дѣятельности.

Въ то время, когда учреждалось Общество, географическая наука къ счастію уже давно вышла изъ тѣхъ узкихъ рамокъ, которыя были на нее наложены самымъ терминомъ „географія", какъ бы указывавшимъ на то, что географическая наука есть только изученіе очертаній земныхъ пространствъ. Чувствуя несоотвѣтствіе термина „географія" съ широко разросшимся за его предѣлы объемомъ этой науки, величайшій изъ географовъ первой половины XIX вѣка, Карлъ Риттеръ, уже замѣнилъ имя географіи, на заглавномъ листѣ своего обширнаго сочиненія, терминомъ „Землевѣдѣніе" (Erdkunde), разумѣя подъ этимъ терминомъ познаніе земли въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, со всѣмъ міромъ на ней обитающимъ.

Ни кружокъ учредителей, ни возникшее въ Россіи Географическое Общество впрочемъ никогда не задавались академическими разсужденіями, направленными къ уясненію того, что̀ должно разумѣть подъ „географіей", но они достаточно выразили свой широкій взглядъ на значеніе „землевѣдѣнія", раздѣливъ Общество на четыре Отдѣленія, изъ коихъ одно вѣдаетъ Математическую

географію и картографію, другое—Физическую географію, такъ что оба исчерпываютъ кругъ познанія земли, третье—Этнографію, Антропологію и Историческую географію, четвертое—Статистику и Политическую географію, такъ что два послѣднія Отдѣленія исчерпываютъ кругъ изученія обитателя земли — человѣчества.

Съ полною же ясностью понятія объ объемѣ и составныхъ частяхъ землевѣдѣнія, преобладающія въ средѣ нашего Общества, выразились во всей суммѣ его полувѣковой дѣятельности. И теперь, подводя въ этой книгѣ итоги этой дѣятельности за цѣлое 50-ти-лѣтіе, мы считаемъ долгомъ указать прежде всего на мірской приговоръ, если можно такъ выразиться, болѣе чѣмъ двухъ тысячъ лицъ, занимавшихся въ теченіе полувѣка въ кругу дѣятельности Общества географическою наукою, о томъ, что̀ они разумѣли и что̀ должно разумѣть подъ землевѣдѣніемъ или вообще подъ цикломъ географическихъ наукъ.

Землевѣдѣніе прежде всего имѣетъ дѣло съ фигурою земли; оно старается опредѣлить эту фигуру во всей ея детальной точности не только путемъ градусныхъ измѣреній, но и изслѣдованіемъ силы притяженія земли въ разныхъ мѣстахъ земной поверхности.

Затѣмъ слѣдуетъ изслѣдованіе земныхъ очертаній, составленіе географическихъ картъ. Опредѣляется, при помощи астрономіи, положеніе точекъ земной поверхности, производятся геодезическія и топографическія съемки, а затѣмъ, по начертаніи надлежащей проекціи, вычерчиваются и карты земныхъ пространствъ. Но составленіе географической карты не есть еще само по себѣ географическое изслѣдованіе земли: географическая карта представляетъ для такихъ изслѣдованій только одну рамку.

Для выполненія этой рамки необходимо прежде всего изслѣдованіе рельефа земной поверхности. Опредѣленіе высотъ, тригонометрически или барометрически, даетъ основу той важной части землевѣдѣнія, которая называется орографіею.

Но орографія страны, въ свою очередь, зависитъ отъ состава нѣдръ земли, отъ строенія земной коры. Изученіе этого строенія, свойства и происхожденія горныхъ породъ, изъ которыхъ слагается тектоника нѣдръ земли, исторія тѣхъ процессовъ, которыми обусловливается непрерывныя измѣненія, происходящія

на земной поверхности,—все это образуетъ тѣ обширныя части землевѣдѣнія, которыя извѣстны подъ именемъ геологіи и геогнозіи.

Но независимо отъ твердой земной коры большая часть поверхности земного шара покрыта океанами и морями и даже на поверхности материковъ, вòды являются въ видѣ рѣкъ, озеръ, источниковъ и подпочвенныхъ водъ и во всѣхъ этихъ видахъ имѣютъ громадное вліяніе на тѣ процессы, при помощи которыхъ непрерывно измѣняется земная поверхность. Изученіе морей съ ихъ теченіями, размывами морскихъ береговъ, изслѣдованіе рѣкъ съ ихъ наносами и отложеніями, да и вообще всѣхъ водъ земного шара,—его гидрологія и гидрографія, очевидно, также составляютъ одну изъ важнѣйшихъ отраслей землевѣдѣнія.

Вокругъ твердой и жидкой оболочки земли распространена ея легкая воздушная оболочка, составляющая однако же интегральную часть земного шара. Въ этой земной „атмосферѣ" происходитъ цѣлый рядъ весьма сложныхъ физическихъ явленій, зависящихъ отъ положенія земли по отношенію къ солнцу, отъ лучей свѣта и теплорода, посылаемыхъ солнцемъ черезъ эту оболочку, отъ состава воздуха, отъ степени насыщенія атмосферы парами воды, удѣляемою ей водною оболочкой, отъ развитія электрическихъ и магнитныхъ явленій и т. д. Всѣ явленія, происходящія въ атмосферѣ, обусловливаютъ собою климаты странъ, а изученіе этихъ климатовъ, да и вообще всѣхъ физическихъ явленій, происходящихъ въ нашей атмосферѣ, составляютъ весьма важныя части землевѣдѣнія, извѣстныя подъ именемъ метеорологіи и климатологіи.

Всѣ доселѣ упомянутыя условія съ незапамятныхъ временъ вызвали на нашей планетѣ ту органическую жизнь, при помощи которой она только и могла сдѣлаться обиталищемъ первобытнаго человѣка, а потомъ и театромъ развитія всего человѣчества. Распредѣленіе по земной поверхности растительныхъ и животныхъ формъ, флора и фауна каждòй страны, въ которыхъ наглядно отражаются самыя тонкія и почти неуловимыя климатическія условія, — все это безспорно составляетъ ту интересную часть землевѣдѣнія, которая извѣстна подъ именемъ фито- и зоогеографіи.

Но безъ сомнѣнія вѣнцомъ для полнаго вѣдѣнія нашей планеты остается все-таки ея властитель — человѣкъ.

Такимъ образомъ изученіе человѣческихъ расъ, ихъ физическихъ и антропологическихъ признаковъ, а также тѣхъ ихъ свойствъ и различій, которыя находятся въ тѣсной связи съ природою странъ, обитаемыхъ человѣкомъ, вводитъ и антропологію въ область землевѣдѣнія.

Человѣческія расы не всегда находились на высокой степени развитія. Первобытные народы, точно также какъ нѣкоторые и изъ нынѣ живущихъ, не отличались своею культурностью и занимали, занимаютъ и нынѣ, обширныя пространства земной поверхности въ качествѣ блуждающихъ звѣролововъ или кочующихъ пастушескихъ племенъ. Немногое уцѣлѣло отъ жизни этихъ племенъ, въ ихъ времена доисторическія, но изученіе ихъ доисторической археологіи, а также современнаго быта такъ называемыхъ природныхъ народовъ (Naturvölker), съ ихъ жилищами, одеждою, пищею, незатѣйливою домашнею утварью и орудіями труда, съ ихъ нравами, обычаями, несложными формами ихъ общественнаго быта, однимъ словомъ вся эта историческая археологія и этнографія первобытныхъ племенъ входитъ, конечно, также въ циклъ землевѣдѣнія.

Однимъ изъ отличительныхъ свойствъ человѣка служитъ его даръ слова. По различіямъ языка человѣчество раздѣляется на національности, различіе которыхъ объясняется прежде всего тѣмъ, что нарѣчія людей издавна дифференцировались подъ вліяніемъ разныхъ мѣстныхъ условій. Съ дифференцированіемъ нарѣчій пробуждается и народное творчество, развиваются народныя вѣрованія и преданія, народныя поэзія и музыка, передаваемыя отъ поколѣній къ поколѣніямъ. Изученіе народной рѣчи и народнаго творчества,—этой еще живой части доисторической филологіи и этнографіи, входитъ также въ циклъ землевѣдѣнія.

Но вотъ люди, переходя постепенно въ фазисъ высшаго культурнаго развитія, сплочиваются въ политическіе союзы, которые занявъ уже осѣдло свою территорію, образуютъ различныя по своей національности государства. Исторія развитія этихъ государствъ и весь ихъ современный экономическій строй находятся, безъ сомнѣнія, въ большой зависимости отъ природныхъ условій

страны, которая, въ свою очередь, значительно измѣняется упорнымъ многолѣтнимъ трудомъ достигшихъ культурнаго развитія человѣческихъ обществъ. Изученіе современнаго бытового и экономическаго строя государствъ, также какъ и зависимости историческаго развитія народностей, ихъ составляющихъ, отъ природныхъ условій странъ, въ которыхъ они и развились, составляютъ тѣ части землевѣдѣнія, которыя извѣстны подъ именемъ демографіи, политической и исторической географіи.

Наконецъ, въ современномъ развитіи государственныхъ союзовъ, во взаимодѣйствіи двухъ главныхъ элементовъ, изъ коихъ состоятъ государства, его территоріи и населенія, происходитъ цѣлый рядъ явленій экономическаго или соціологическаго свойства, который легче всего изучается черезъ посредство цифрового метода, а примѣненіе этого метода къ изученію экономическихъ и соціологическихъ явленій входитъ также въ обширный циклъ землевѣдѣнія подъ именемъ статистики.

Такія широкія рамки землевѣдѣнія являются здѣсь не только теоретическимъ опредѣленіемъ цикла географическихъ наукъ, но и прямымъ практическимъ подведеніемъ итоговъ полувѣковой дѣятельности Русскаго Географическаго Общества, такъ какъ не было ни одной изъ приведенныхъ отраслей землевѣдѣнія, которой Общество не принесло бы своей лепты. Но при такой широкой постановкѣ Обществомъ съ самаго начала его существованія, программы его дѣятельности, задачи его были бы необъятны, если бы оно не ограничилось почти исключительно предѣлами Россійской Имперіи и странъ съ нею сопредѣльныхъ.

Такимъ образомъ на долю изслѣдованій Общества досталась не только громадная территорія, на которой, отъ меридіана Берингова пролива до меридіана устья Вислы, не заходитъ солнце, но и вся Китайская Имперія, Афганистанъ, Персія, Азіатская Турція, а также и Балканскій полуостровъ.

Насколько Общество справилось съ предстоявшею ему задачею, своею несомнѣнно живою дѣятельностью, читатель можетъ заключить, просмотрѣвъ всѣ три части этой книги; но во всякомъ случаѣ задача въ значительной мѣрѣ была облегчена Русскому Географическому Обществу самымъ его устройствомъ.

Основная идея почтенныхъ учредителей Общества заключа-

лась въ томъ, чтобы привлечь къ осуществленію широко поставленной ими цѣли — изученія родной земли и людей ее обитающихъ, по возможности всѣ лучшія силы русской земли и работать вмѣстѣ съ ними на пользу и славу дорогого Отечества. Учрежденіе Общества совпало весьма счастливо съ эпохою сороковыхъ годовъ, когда въ молодыхъ поколѣніяхъ начало уже пробуждаться русское народное чувство, когда, согласно съ указаніями свыше, передовые люди начали работать не только надъ возрожденіемъ русской народности, но и надъ освобожденіемъ русскаго народа отъ крѣпостной зависимости, и когда первою заботою всѣхъ и каждаго должно было быть изученіе родины и ея народныхъ массъ.

Русское Географическое Общество заняло прямо готовое себѣ мѣсто въ исторіи русской культуры. Оно не было и не могло быть замкнутою корпораціею. Это былъ просто воздвигнутый передовыми русскими людьми, съ согласія русскихъ Вѣнценосцевъ, сначала Великокняжескій, а потомъ и Императорскій стягъ, подъ который свободно собирались русскіе люди съ высокою цѣлью сослужить Россіи незабвенную службу, способствовать своими безкорыстными трудами познанію русской земли и русскаго народа, а равно и тѣхъ странъ и народовъ, сношенія съ которыми обусловливаютъ его развитіе и благосостояніе. Алфавитный указатель, приложенный къ этой книгѣ, наглядно покажетъ читателю, какъ много лучшихъ русскихъ именъ собралось подъ стягомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества для изученія русской земли и русскаго народа.

Изъ настоящей исторіи мы видимъ, что державный Основатель Общества, Императоръ Николай I, уже призналъ его стягъ Своимъ Императорскимъ, что Вѣнценосные преемники Его Императоры Александръ II, Александръ III и Николай II, охотно принимали на Себя званіе его Покровителей, что два Великихъ Князя въ теченіе всего 50-лѣтія были его Предсѣдателями. При этомъ вся сила Общества заключалась въ томъ, что оно росло, развивалось и крѣпло непосредственно изъ русской общественной среды, что его довѣренные и избранники, составлявшіе Совѣтъ Общества, только въ самомъ началѣ, еще разыгрывали до нѣкоторой степени роль учителей и инструкторовъ научной дѣятельности Об-

щества, а съ теченіемъ времени являлись только руководителями и регуляторами научныхъ трудовъ и изслѣдованій, свободно и по собственному почину предпринимаемыхъ дѣятелями, непринужденно выходящими изъ русской общественной среды и примыкающими къ Русскому Географическому Обществу.

Послѣ 1861 года вся Россія, вмѣстѣ къ Географическимъ Обществомъ, пошла уже несомнѣнно по пути своего національнаго развитія: быстро подвинулись впередъ на истинно національной почвѣ русская наука и искусство, возродилось много научныхъ силъ, которыхъ дотолѣ между русскими было далеко недостаточно, возникли новыя ученыя Общества. При всемъ томъ и во второй половинѣ своей полувѣковой дѣятельности Русское Географическое Общество сдержало твердою рукою свой стягъ, оставшійся и донынѣ однимъ изъ любимыхъ стяговъ для русской науки, и Общество продолжало безпрепятственно работать по прежней широкой своей программѣ на обширномъ полѣ изслѣдованія русскаго народа и русской земли и странъ съ нею сопредѣльныхъ.

Подвести итоги того, что Общество сдѣлало въ этомъ направленіи въ полвѣка, Совѣтъ Общества задумалъ уже года за три до его юбилея, но только въ 1894 году окончательно возложилъ на меня составленіе исторіи полувѣковой дѣятельности Общества. Рѣшеніе Совѣта, чтобы исторія Общества не была коллективною работою, было основано на томъ опытѣ, который былъ сдѣланъ Совѣтомъ при его юбилейномъ изданіи по поводу 25-лѣтія Общества. Предпринятая въ то время коллективная работа не имѣла ни единства плана, ни соразмѣрности отдѣльныхъ частей. Это былъ собственно рядъ наскоро составленныхъ частныхъ обзоровъ, или сообщеній ко дню юбилея, а не исторія 25-ти-лѣтней его дѣятельности.

Исполненіе возложеннаго на меня Совѣтомъ обширнаго труда было облегчено тѣмъ, что въ моемъ непосредственномъ распоряженіи находились всѣ его матерьялы: хорошо сохраненный архивъ и всѣ изданія Общества и его Отдѣловъ, состоящіе изъ 460 томовъ и книжекъ, въ которыхъ заключалось 11.850 печатныхъ листовъ. Разобраться въ этой массѣ матерьяла мнѣ было легче чѣмъ всякому другому, потому, что руководною нитью слу-

Уральскую экспедицію. Въ этомъ же періодѣ во главѣ Совѣта Общества, предсѣдательство надъ которымъ съ самаго основанія принадлежало Великому Князю Константину Николаевичу, стоялъ самый дѣятельный изъ учредителей Общества Ѳ. П. Литке, въ качествѣ, по Временному Уставу, Помощника Предсѣдателя.

Второй періодъ исторіи Общества начинается съ февраля 1850 г. первыми выборами по новому Уставу на вновь установленную этимъ уставомъ должность Вице-Предсѣдателя. Сгруппированныя уже въ первомъ періодѣ учредителями Общества, подъ его стягомъ молодыя силы, взятыя изъ среды русскаго Общества, проявили во второмъ періодѣ неудержимое стремленіе идти самобытнымъ и самостоятельнымъ, ими избраннымъ и излюбленнымъ національнымъ путемъ и старались на своихъ первыхъ же выборахъ замѣнить встрѣчавшіеся между вождями юнаго Общества нерусскія имена наиболѣе популярными русскими. Это и объясняетъ выборъ на мѣсто почтеннаго основателя Общества Ѳ. П. Литке — другого изъ его Членовъ-Учредителей, М. Н. Муравьева, періодъ вице-предсѣдательства котораго съ начала 1850 до начала 1857 г. и признанъ за второй періодъ исторіи дѣятельности Общества. Періодъ этотъ, имѣвшій безъ сомнѣнія только переходный характеръ, сослужилъ однако-же Обществу ту службу, что оно именно въ теченіе этого періода справилось окончательно съ своею внутреннею организаціею, въ которой гармонически уравновѣсились дѣятельность составныхъ частей Общества и раздѣленіе между ними труда, и навсегда укрѣпилось его самостоятельное національное направленіе. Самымъ выдающимся предпріятіемъ Общества въ этомъ періодѣ была его Сибирская экспедиція и большою его заслугою было учрежденіе двухъ мѣстныхъ Отдѣловъ, — Кавказскаго и Сибирскаго. Сибирская экспедиція, хотя организованная въ этомъ періодѣ только на половину, попала въ Сибирь въ то время, когда будущій графъ Амурскій напрягалъ всѣ свои усилія для занятія Амурскаго края, вслѣдствіе чего члены Сибирской экспедиціи и Сибирскаго Отдѣла Общества явились піонерами географической науки во вновь занятомъ краѣ. Внутри же Россіи въ этомъ періодѣ Общество установило свои сношенія, которыя привлекли къ нему впервые множество мѣстныхъ дѣятелей, направившихъ

сдѣлано для землевѣдѣнія Россіи и странъ съ нею сопредѣльныхъ лицами, вошедшими въ кругъ дѣятельности Общества, независимо отъ того дѣйствовали ли они по приглашенію Общества, или по собственному почину или по иниціативѣ другихъ русскихъ ученыхъ учрежденій; если только Общество принимало участіе въ этой дѣятельности своею помощью или покровительствомъ, или если изслѣдователи сообщали Обществу результаты своихъ изслѣдованій, дѣлая ихъ такимъ образомъ достояніемъ географической науки черезъ посредство Географическаго Общества или его мѣстныхъ Отдѣловъ, то труды этихъ лицъ не отдѣлялись отъ дѣятельности Общества.

Для удобства обзора, исторія Общества раздѣлена хронологически на пять періодовъ, а въ каждомъ періодѣ излагается исторія дѣятельности Общества по болѣе или менѣе соотвѣтственнымъ одна другой въ разныхъ періодахъ главамъ, изъ коихъ въ первой главѣ каждаго періода излагается административная дѣятельность Общества, измѣненія въ составѣ его главныхъ дѣятелей и внутренняя его жизнь за весь періодъ, въ послѣдующихъ — научныя предпріятія и работы Общества, его Отдѣловъ и Членовъ Общества, сгруппированныя въ географическомъ порядкѣ странъ, на которыя распространялись изслѣдованія и, наконецъ, въ послѣднихъ главахъ каждаго періода излагается обзоръ издательской дѣятельности Общества.

Періоды на которые пришлось раздѣлить исторію Общества, не могли быть равномѣрными по своей продолжительности, въ виду желанія достигнуть нѣкоторой цѣльности въ изложеніи исторіи каждаго періода.

Такъ первый періодъ представляетъ собою, если можно такъ выразиться, только прологъ исторіи Общества продолжавшійся не много болѣе 4-хъ лѣтъ (съ конца 1845 до начала 1850 г.). Въ это время Общество, подъ непосредственнымъ руководствомъ своихъ учредителей, только что сформировывалось, дѣйствуя по временному Уставу и выработывая свой окончательный Уставъ, послужившій впослѣдствіи, въ своемъ практическомъ примѣненіи, однимъ изъ залоговъ успѣшной дѣятельности Общества. Въ видѣ перваго опыта своей самостоятельной дѣятельности, Общество, въ этомъ періодѣ, снарядило составившую первую его славу—

наго края. Издательская дѣятельность Общества получила также уже довольно полное развитіе въ третьемъ періодѣ.

Четвертому періоду дѣятельности Общества, послѣдовавшему непосредственно за 25-лѣтнимъ его юбилеемъ и продолжавшемуся съ 1871 до конца 1885 г., присвоено названіе періода экспедицій Н. М. Пржевальскаго. Въ этомъ періодѣ Обществу, благодаря неутомимой энергіи и беззавѣтной отвагѣ этого предпріимчиваго путешественника, взлелѣяннаго и выдвинутаго впередъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, удалось постепенно завоевать для географической науки бо̀льшую часть внутренней Азіи, т. е. Застѣннаго Китая. Одновременно съ этимъ другія экспедиціи и Члены Географическаго Общества работали по изслѣдованію Монголіи, Сибири, устраивали, по международному соглашенію, полярныя метеорологическія станціи на устьѣ Лены и на Новой Землѣ, работали на Туркестанской окраинѣ и въ Арало-Каспійской низменности. Однимъ словомъ никогда еще въ исторіи развитія географическихъ наукъ Азіатскій материкъ къ сѣверу отъ паралели Тибета не подвергался такимъ обширнымъ и разностороннимъ изслѣдованіямъ, какъ въ 15-ти-лѣтіе означеннаго періода. И всѣ эти изслѣдованія нашихъ азіатскихъ владѣній и странъ съ ними сопредѣльныхъ не обратились въ ущербъ изученію Европейской Россіи и обитающихъ на ея пространствѣ племенъ. Только здѣсь самый способъ дѣятельности Общества значительно измѣнился. При множествѣ превосходныхъ работъ, предпринимаемыхъ въ обширномъ циклѣ землевѣдѣнія на пространствѣ Россіи правительственными учрежденіями, какъ напр. Главнымъ Штабомъ, учрежденіями подвѣдомственными Императорской Академіи Наукъ, какъ напр. Пулковскою и Главною Физическою Обсерваторіею, Горнымъ Вѣдомствомъ и Геологическимъ Комитетомъ, Гидрографическимъ Управленіемъ Министерства Морского и Министерствомъ Путей Сообщенія, Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ и широко развившимися статистическими учрежденіями разныхъ вѣдомствъ, Русскому Географическому Обществу уже не представлялось надобности въ снаряженіи большихъ экспедицій внутри Европейской Россіи. Но тѣмъ плодотворнѣе была дѣятельность Общества, когда оно принимало на себя поддержку и регулированіе работъ въ области землевѣдѣнія, предпринимаемыхъ

свои силы на изслѣдованія въ обширной области русскаго землевѣдѣнія и въ особенности на изученіе народнаго быта.

Третій періодъ дѣятельности Общества (съ начала 1857 до 25-лѣтняго юбилея Общества въ началѣ 1871 г.) названъ періодомъ Вице-Предсѣдательства графа Ѳ. П. Литке, такъ какъ во весь этотъ періодъ во главѣ Совѣта Общества стоялъ незабвенный учредитель Общества, положившій уже въ первомъ періодѣ всю свою душу на созданное его трудами и усиліями Общество. Въ этомъ періодѣ совершились великія реформы Царствованія Императора Александра II, въ которыхъ многіе изъ дѣятелей Русскаго Географическаго Общества играли весьма видную роль, именно потому, что они тщательнымъ изученіемъ русскаго народнаго быта отчасти подготовили почву къ разрѣшенію великаго дѣла освобожденія народнаго труда. Съ 1861 года русскія національныя стремленія, проявлявшіяся съ такою силою въ средѣ Русскаго Географическаго Общества, сдѣлались общими стремленіями всего русскаго общества, быстро развились и русская наука, и русское искусство, а въ развитіи первой на первомъ планѣ стояло, конечно, изученіе родной земли и всѣхъ народностей, входящихъ въ составъ Русскаго государства. На отдаленныхъ окраинахъ дѣятельность Общества была не менѣе плодотворна. Изслѣдованіе Сибири организованнымъ въ этомъ періодѣ физическимъ отдѣломъ большой Сибирской экспедиціи и предпріятіями Сибирскаго отдѣла продолжалось безостановочно и захватило весь крайній востокъ нашихъ азіатскихъ владѣній. На Туркестанской окраинѣ передовые дѣятели Общества явились піонерами географическихъ изслѣдованій, облегченныхъ занятіемъ въ этомъ періодѣ Ташкента и Туркестанскаго края. Отдѣльныя экспедиціи Общества выходили и за предѣлы русскихъ окраинъ: въ Манчжурію, Монголію, Кульджу, Кашгарію и даже въ Персидскій Хорассанъ. На Кавказѣ съ успѣхомъ развивалась дѣятельность Кавказскаго Отдѣла Общества, бассейны Каспійскаго и Аральскаго морей обращали на себя усиленное вниманіе Общества, а внутри Европейской Россіи Общество снаряжало крупныя экспедиціи: для изслѣдованія хлѣбной торговли, постепенно измѣнявшей свое направленіе съ проведеніемъ цѣлой внутренней сѣти желѣзныхъ дорогъ, а также для этнографическаго изслѣдованія Запад-

наго края. Издательская дѣятельность Общества получила также уже довольно полное развитіе въ третьемъ періодѣ.

Четвертому періоду дѣятельности Общества, послѣдовавшему непосредственно за 25-лѣтнимъ его юбилеемъ и продолжавшемуся съ 1871 до конца 1885 г., присвоено названіе періода экспедицій Н. М. Пржевальскаго. Въ этомъ періодѣ Обществу, благодаря неутомимой энергіи и беззавѣтной отвагѣ этого предпріимчиваго путешественника, взлелѣяннаго и выдвинутаго впередъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, удалось постепенно завоевать для географической науки бо̀льшую часть внутренней Азіи, т. е. Застѣннаго Китая. Одновременно съ этимъ другія экспедиціи и Члены Географическаго Общества работали по изслѣдованію Монголіи, Сибири, устраивали, по международному соглашенію, полярныя метеорологическія станціи на устьѣ Лены и на Новой Землѣ, работали на Туркестанской окраинѣ и въ Арало-Каспійской низменности. Однимъ словомъ никогда еще въ исторіи развитія географическихъ наукъ Азіатскій материкъ къ сѣверу отъ паралели Тибета не подвергался такимъ обширнымъ и разностороннимъ изслѣдованіямъ, какъ въ 15-ти-лѣтіе означеннаго періода. И всѣ эти изслѣдованія нашихъ азіатскихъ владѣній и странъ съ ними сопредѣльныхъ не обратились въ ущербъ изученію Европейской Россіи и обитающихъ на ея пространствѣ племенъ. Только здѣсь самый способъ дѣятельности Общества значительно измѣнился. При множествѣ превосходныхъ работъ, предпринимаемыхъ въ обширномъ циклѣ землевѣдѣнія на пространствѣ Россіи правительственными учрежденіями, какъ напр. Главнымъ Штабомъ, учрежденіями подвѣдомственными Императорской Академіи Наукъ, какъ напр. Пулковскою и Главною Физическою Обсерваторіею, Горнымъ Вѣдомствомъ и Геологическимъ Комитетомъ, Гидрографическимъ Управленіемъ Министерства Морского и Министерствомъ Путей Сообщенія, Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ и широко развившимися статистическими учрежденіями разныхъ вѣдомствъ, Русскому Географическому Обществу уже не представлялось надобности въ снаряженіи большихъ экспедицій внутри Европейской Россіи. Но тѣмъ плодотворнѣе была дѣятельность Общества, когда оно принимало на себя поддержку и регулированіе работъ въ области землевѣдѣнія, предпринимаемыхъ

по частному почину лицами добровольно становившимися подъ стягъ Географическаго Общества. Все это еще болѣе расширило кругъ дѣятельности Общества и упрочило его популярность.

Подъ пятымъ періодомъ мы разумѣемъ послѣднее 10-лѣтіе полувѣковой дѣятельности Общества.

Въ самомъ началѣ періода Общество, въ лицѣ Н. М. Пржевальскаго, утратило самаго дѣятельнаго изъ блестящей плеяды путешественниковъ предшедшаго періода. Уже съ самаго начала періода тяжкая болѣзнь, а потомъ и кончина Великаго Князя Константина Николаевича, бывшаго Августѣйшимъ Предсѣдателемъ Русскаго Географическаго Общества, какъ бы лишило Общество его точки опоры. Но здѣсь-то и высказалась живучесть и устойчивость вполнѣ окрѣпшаго Общества и прочность его стяга. На мѣсто Н. М. Пржевальскаго выдвинулась цѣлая плеяда самоотверженныхъ и отважныхъ путешественниковъ, при помощи которыхъ Обществу удалось осуществить, благодаря щедротамъ Вѣнценоснаго Покровителя Общества Императора Александра III и стараніямъ новаго Августѣйшаго Предсѣдателя Великаго Князя Николая Михаиловича, въ теченіе 10-лѣтія, шесть экспедицій для изслѣдованія внутренней Азіи и восточной ея окраины со стороны Китая и тѣмъ самымъ завершить блестящій циклъ изслѣдованія внутренности Азіатскаго материка, начатой въ предшедшемъ періодѣ четырьмя экспедиціями Н. М. Пржевальскаго. Но эти необыкновенные труды Географическаго Общества не умалили работъ его въ обширной области землевѣдѣнія и въ предѣлахъ Имперіи. Съ полнымъ успѣхомъ дѣйствовали въ обширной Сибири Отдѣлы Общества—Восточно-Сибирскій и Западно-Сибирскій и вновь возникшій Амурскій, подъ стягъ Общества становились по прежнему изслѣдователи Туркестанской окраины и Кавказа, по инипіативѣ Общества совершены были замѣчательныя изслѣдованія бассейновъ Чернаго и Мраморнаго морей, наконецъ въ предѣлахъ Европейской Россіи никогда еще Общество не группировало съ такимъ успѣхомъ, независимо отъ систематически задуманныхъ и выполненныхъ имъ предпріятій, относящихся до опредѣленія силы притяженія земли, многочисленныхъ работъ своихъ сочленовъ, какъ въ области физической географіи, такъ и этнографіи. Наконецъ и издательская

дѣятельность Общества, благодаря щедротамъ его Вѣнценосныхъ Покровителей, достигла небывалаго еще развитія.

Итоги полувѣковой дѣятельности Общества подведены въ предлежащемъ изданіи. Они дѣлаются тѣмъ болѣе достояніемъ исторіи русской культуры, что и самый вѣкъ, въ которомъ возникло и дѣйствовало Императорское Русское Географическое Общество, на исходѣ и что черезъ пять лѣтъ всѣ дѣятели, поименованные въ этой книгѣ, будутъ уже людьми прошлаго вѣка, одинъ за другимъ уходящими на вѣчный покой.

Но на будущность дорогого намъ Русскаго Географическаго Общества мы, люди прошлаго, можемъ смотрѣть свѣтлымъ и спокойнымъ взглядомъ. Свободная и открытая для всѣхъ, кто проникнутъ любовью къ родной землѣ и глубокою несокрушимою вѣрою въ будущность Русскаго государства и русскаго народа, корпорація будетъ, какъ и прежде, постоянно пополняться и обновляться тѣми лучшими людьми русскаго общества, которые, по собственному почину, отдадутъ лучшія свои силы изученію родной земли съ ея разноплеменными обитателями и преобладающею между ними русскою народностью. По прежнему стягъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества будетъ стоять подъ прямымъ Покровительствомъ Русскихъ Вѣнценосцевъ, въ рукахъ обновляемыхъ временемъ достойныхъ его избранниковъ, около которыхъ будутъ группироваться все новые и новые дѣятели. Однимъ словомъ, учрежденіе, черпающее свои силы непосредственно изъ лучшихъ силъ всего русскаго общества, имѣетъ одинаковыя съ нимъ условія развитія и успѣха и не можетъ оскудѣть до тѣхъ поръ, пока во всемъ русскомъ обществѣ не оскудѣетъ сочувствіе къ широко поставленнымъ прошедшими дѣятелями Русскаго Географическаго Общества задачамъ, требующимъ непрерывной работы *русскаго самопознанія*.

ОТДѢЛЪ I.

Организаціонный періодъ дѣятельности Общества (съ 1845 г. до января 1850 г.).

Устава, въ которомъ опять приняли живое участіе избранный членомъ Совѣта Д. А. Милютинъ, также какъ и оба остальные представителя Общаго Собранія Н. А. Милютинъ и В. С. Порошинъ. Пересмотръ былъ приведенъ къ окончанію только въ половинѣ апрѣля 1849 г.

Въ виду упомянутыхъ замѣчаній, Совѣтъ прежде всего исправилъ ту статью проекта, которая опредѣляла цѣль общества несогласно съ Временнымъ Уставомъ и выставляла на первый планъ занятія географическою наукою вообще, оставляя на второмъ географическое изученіе Россіи. Противъ такой постановки вопроса особенно рѣзко возражали, въ поданной ими общей запискѣ, В. В. Григорьевъ и К. А. Неволинъ, а также и многіе другіе члены Общества, согласно съ замѣчаніями которыхъ изученію Россіи въ 8 § Устава Общества отведено первое мѣсто; въ практическомъ же примѣненіи своего Устава Общество, въ теченіи полувѣка, главнымъ образомъ обращало свою дѣятельность на разностороннее изученіе Россіи и странъ съ нею сопредѣльныхъ. Въ связи съ этимъ Совѣтъ Общества, съ Ѳ. П. Литке во главѣ, вполнѣ согласился и на упраздненіе Отдѣленія Общей Географіи и раздѣленіе Отдѣленій Географіи Россіи на Отдѣленія Математической и Физической Географіи.

Но весьма существенное разногласіе обнаружилось по вопросу о выборахъ членовъ Совѣта. По временному уставу во главѣ Отдѣленій стояли

Богдановичъ (извѣстн. воен. историкъ и проф. Воен. Ак.), М. Б. Бульмерингъ (ученый лѣсничій), А. В. Веневитиновъ (д. ст. сов., служ. въ М-вѣ Вн. Д.), К. К. ф.-Венцель (ген.-м., извѣстн. геодезистъ), А. И. Вергинъ (шт.-оф. Главн. Шт., впослѣдствіи пом. нач. Главн. Шт., и чл. Госуд. Совѣта), Ѳ. Ѳ. Веселаго (впосл. директ. гидрогр. деп.), К. С. Веселовскій (впослѣдствіи непр. секр. Акад. Наукъ), кн. С. М. Воронцовъ, М. П. Врончепко (чл. учр.), А. К. Гирсъ (секр. Общ.), кн. Н. М. Голицынъ (кам.-юнк., путеш. по Сибири), П. В. Голубковъ (изв. чл. соревнов. Общ.), В. В. Григорьевъ (профес., впослѣдств. нач. Гл. Упр. по дѣл. печати), Ф. В. Гроздовъ (проф. Царск. Лицея), Б. К. Данзасъ (впосл. Тов. М-ра Юстиціи), А. С. Джунковскій (непр. секр. Вольн. Эк. Общ.), П. Д. Дурново (шталмейстеръ), Н. А. Жеребцовъ (предс. учен. Отд. Вольн.-Эк. Общ.), А. М. Жуковскій (об.-оф. Генер. Шт.), А. П. Заблоцкій-Десятовскій (Предс. Отд. Стат.), Д. Н. Замятнинъ (впосл. М-ръ Юстиціи), М. И. Иванинъ (шт.-оф., путеш. по Мангышлаку), бар. Ѳ. Ѳ. Корфъ, А. А. Краевскій (извѣстный журналистъ), Ѳ. Е. Кудрявскій (полков.), А. П. Кузьминскій (офиц. Глав. Шт., проф. тактики), П. И. Кузнецовъ (преподав. Гидрографіи въ Морск. уч.), С. С. Лашкаревъ (чин. М-ва Гос. Им.), Н. С. Лебедевъ (маіоръ), кн. П. И. Ливенъ, Ѳ. П. Литке (тогда пом. Предсѣд. Общ.), Ѳ. П. Максимовичъ (инсп. Технол. Инст.), Ѳ. О. Максимовъ (об.-оф., геодезистъ), бар. Е. К. Мейендорфъ (извѣст. своими экономич. трудами), А. И. Мендъ (ген.-м, извѣстн. геодезистъ), Д. А. Милютинъ (впослѣдств. Воен. М-ръ и графъ), Н. А. Милютинъ (впосл. чл. Редакц. к-іи по кр. дѣлу и ст. секр. Ц. Польск.), Н. Н. Муравьевъ (тогда Тульск. г-ръ, впослѣд. гр. Амурскій), Г. П. Небольсинъ (см. выше), П. И. Небольсинъ (извѣстн. своими статист. и этногр. изслѣдованіями), К. А. Неволинъ (проф. Спб. Унив.), кн. Д. А. Оболенскій (впосл. тов. М-ра Гос. Им. и статсъ-секр.), кн. В. Ѳ. Одоевскій (чл. учр.), Е. А. Петерсонъ (чинов. М-ва Гос. Им.), А. Н. Поповъ (впослѣдствіи чл. редакц. к-іи по кр. дѣлу), В. С. Порошинъ (проф. Спб. Унив.), А. Ф. Постельсъ (казначей Общ.), Н. В. Путята (д. ст. с.), В. И. Романовичъ (капит.), А. С. Савельевъ (проф. Каз. Унив.), П. С. Савельевъ (секр. иностр. ценз.), И. П. Сахаровъ (извѣстн. пис. по историч. геогр.), В. В. Скрипицынъ (камергеръ, дир. Д-та Дух. дѣлъ), Г. Ѳ. Стефанъ (полк. Гл. Шт.), гр. Д. Н. Толстой (впосл. Рязанск. г-ръ.), гр. Д. А. Толстой (впосл. М-ръ Нар. Прос., а затѣмъ М-ръ Вн. Д.), Н. П. Тыртовъ (морск. лейтен.), С. М. Усовъ (проф. и редакт. Земл. Газ.), Н. Г. Фроловъ (поручикъ), Я. В. Ханыковъ (впосл. Секр. Общ.), Н. В. Ханыковъ (впосл. нач. Хорасанск. эксп.), М. Н. Хозиковъ (тит. сов.), К. Г. Холодовскій (д. с. с., статист. М-ва Гос. Им.), Д. П. Хрущовъ (впосл. товар. М-ра Гос. Им.) А. Д. Чертковъ (Московск. Губ. Предв. Двор.), И. Ѳ. Штукенбергъ (см. выше), гр. А. П. Шуваловъ (впослѣдств. флиг.-ад.), гр. П. П. Шуваловъ (впослѣдствіи Спб. Губ. Предв. Двор.), А. Г. Яновскій (кол. сов.).

Управляющіе оными, назначаемые Совѣтомъ. Д. А. и Н. А. Милютинымъ удалось настоять уже въ Коммиссіи на томъ, чтобы во главѣ Отдѣленій стояли Предсѣдательствующіе и ихъ Помощники, избираемые самими Отдѣленіями изъ среды своихъ членовъ. Такъ рѣшило и большинство въ Совѣтѣ и Ѳ. П. Литке подчинился этому рѣшенію, признавъ такимъ образомъ полную автономію Отдѣленій, въ предѣлахъ ихъ дѣятельности. Что же касается до 8 членовъ Совѣта, то Д. А. и Н. А. Милютины требовали, чтобы они избирались Общимъ Собраніемъ изъ 4 кандидатовъ, указываемыхъ по одному каждымъ Отдѣленіемъ общества, а Ѳ. П. Литке,—непремѣнно изъ 2 кандидатовъ, предлагаемыхъ Совѣтомъ (какъ это было въ Временномъ Уставѣ). Вопросъ улаженъ былъ компромиссомъ: Совѣтъ рѣшилъ, чтобы на открывающуюся въ немъ вакансію два кандидата предлагались Совѣтомъ, но чтобы за Общимъ Собраніемъ оставалось право избирать и другихъ лицъ, т. е. чтобы кандидаты Совѣта не были бы для Общаго Собранія обязательны.

По вопросу же объ избраніи Предсѣдателя Общества, его Помощника и Секретаря Общества разногласіе между Д. А. и Н. А. Милютиными съ одной стороны и Ѳ. П. Литке съ другой оставалось въ полной силѣ, какъ въ Коммиссіи, такъ и въ Совѣтѣ. По мнѣнію первыхъ двухъ, сказанныя должностныя лица должны были быть избираемы также какъ и другіе члены Совѣта, а по мнѣнію послѣдняго Предсѣдатель и его Помощникъ должны были, какъ это было и въ Временномъ Уставѣ, избираться на 4 года исключительно изъ 3 кандидатовъ, предложенныхъ Совѣтомъ, а Секретарь назначаться Предсѣдателемъ, съ утвержденія Совѣта. По этому вопросу (§ 56) Ѳ. П. Литке остался въ меньшинствѣ только въ зимнихъ засѣданіяхъ Совѣта, и энергически протестовалъ противъ рѣшенія Совѣта въ своемъ особомъ мнѣніи [1]).

Наконецъ, существенное разногласіе обнаружилось и по вопросу объ отношеніяхъ Ревизіонной и другихъ Коммиссій, избираемыхъ Общимъ Собраніемъ Общества или его Отдѣленіями. Относительно Ревизіонной Коммиссіи братья Милютины требовали, чтобы она, кромѣ разсмотрѣнія отчета, обсуждала смѣту расходовъ, составляемую Совѣтомъ, и еслибы по этой смѣтѣ соглашенія съ Совѣтомъ не воспослѣдовало, то разногласіе рѣшалось бы Общимъ Собраніемъ. Точно также Д. А. и Н. А. Милютины требовали чтобы, по каждому предпріятію Общества, избиралась отдѣльными или соединенными Отдѣленіями или Общимъ Собраніемъ особая коммиссія, и, въ случаѣ несогласія Совѣта съ ея заключеніями, разногласіе представлялось на рѣшеніе Общаго Собранія. Предложенія эти были отвергнуты при первоначальномъ составленіи проекта новаго Устава. Совѣтъ, при окончательномъ разсмотрѣніи замѣчаній членовъ Общества и составленіи проекта Устава, согласился однакоже допустить при ежегодномъ разсмотрѣніи смѣты присутствіе 7 депутатовъ, избранныхъ для участія въ этомъ разсмотрѣніи Общимъ Собраніемъ

---

[1]) Мнѣніе это, — см. Приложеніе 3-е.

ОТДѢЛЪ I.

ГЛАВА I.

Возникновеніе Общества и постепенная его организація съ 1845 по 1850 г.

Мысль объ учрежденіи Русскаго Географическаго Общества возникла впервые въ 1844 году, т. е. какъ разъ послѣ достиженія вторымъ сыномъ Государя Императора Николая I семнадцати-лѣтняго возраста.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ съ ранняго дѣтства былъ возведенъ Державнымъ Родителемъ въ званіе Генералъ-Адмирала. Весьма естественно, что воспитаніе его было поручено одному изъ славнѣйшихъ моряковъ того времени и направлено къ пріобрѣтенію необходимыхъ для Великаго Князя свѣдѣній въ наукахъ физико-математическихъ и географическихъ. Необыкновенная любознательность юнаго и талантливаго Великаго Князя, для котораго разностороннее изученіе обширной территоріи нашего отечества казалось предметомъ первостепенной важности, навела какъ главнаго руководителя воспитаніемъ Великаго Князя, Вице-Адмирала ген.-адъютанта Ѳ. П. Литке, такъ и преподавателя географіи и статистики у двухъ старшихъ сыновей Императора Николая I, К. И. Арсеньева, на мысль объ учрежденіи, подъ предсѣдательствомъ вышедшаго изъ малолѣтства Великаго Князя, *Русскаго Географическаго Общества*.

Мысль объ основаніи такого Общества, съ цѣлью собрать и направить лучшія молодыя силы Россіи на всестороннее изученіе родной земли, нашла себѣ живое сочувствіе въ четырехъ кружкахъ, близко принимавшихъ къ сердцу интересы науки и отечества.

Одинъ изъ этихъ кружковъ состоялъ, разумѣется, изъ славной плеяды тѣхъ русскихъ *мореходовъ*, которая своими плаваніями и открытіями въ дальнихъ

и въ то время мало доступныхъ моряхъ покрыла себя громкою славою еще въ началѣ XIX вѣка. Бывшіе въ 1844 году въ живыхъ изъ этихъ мореплавателей, а именно: Ѳ. П. Литке, И. Ѳ. Крузенштернъ, баронъ Ф. П. Врангель и П. И. Рикордъ вошли въ составъ учредителей Общества.

Другой кружокъ былъ *академическій*. Онъ состоялъ изъ корифеевъ физико-математическаго отдѣленія Академіи Наукъ: великаго естествоиспытателя К. М. Бэра, знаменитаго астронома В. Я. Струве и лучшаго въ то время въ Россіи геолога Г. П. Гельмерсена, а также почтеннаго и трудолюбиваго статистика, академика П. И. Кеппена. Все это поколѣніе славныхъ ученыхъ, высоко державшихъ знамя русской науки, не смотря на свои нѣмецкія имена и даже на нѣсколько замкнутый партикуляризмъ своего кружка, было искренно предано Россіи и глубоко убѣждено въ томъ, что живое его общеніе съ молодыми силами несомнѣнно растущаго и развивающагося русскаго общества можетъ оказать самое плодотворное вліяніе на развитіе, въ дорогомъ для всѣхъ общемъ русскомъ отечествѣ, тѣхъ наукъ, въ которыхъ, какъ въ наукахъ географическихъ, всего болѣе выражается національное самопознаніе. И эти достойные ученые не только поспѣшили украсить своими славными именами списокъ членовъ учредителей Общества, но и приняли впослѣдствіи самое дѣятельное участіе въ его развитіи, въ качествѣ членовъ Совѣта, а также Управляющихъ и Предсѣдательствующихъ въ Отдѣленіяхъ Общества. Возвращеніе изъ интереснаго въ высшей степени путешествія на Таймырскій полуостровъ, въ Амурскій бассейнъ и на берега Охотскаго моря—посланнаго Академіею Наукъ А. Ѳ. Миддендорфа и необыкновенное богатство собранныхъ имъ научныхъ матерьяловъ въ особенности способствовали къ возбужденію въ то время въ академическомъ кружкѣ живаго интереса къ географическимъ изслѣдованіямъ въ обширныхъ предѣлахъ Русскаго государства.

Третьимъ кружкомъ, оказавшимъ впослѣдствіи неоцѣненныя услуги развитію географическихъ наукъ, какъ вообще въ Россіи, такъ и въ частности въ кругу и на почвѣ дѣятельности Географическаго Общества, былъ кружокъ тогдашнихъ и бывшихъ *офицеровъ Главнаго Штаба*, изъ которыхъ вошли въ составъ учредителей Общества нѣкоторые старѣйшіе, а именно: Ѳ. Ѳ. Бергъ (пріобрѣвшій себѣ славу своими изслѣдованіями въ Арало-Каспійской низменности и открытіемъ Усть-Урта, въ то время уже бывшій генералъ-квартирмейстеромъ, а впослѣдствіи Намѣстникомъ въ Ц. Польскомъ, графомъ и фельдмаршаломъ), М. П. Вронченко (братъ М-ра Финансовъ, превосходный геодезистъ, извѣстный своими путешествіями въ Малой Азіи), М. Н. Муравьевъ (въ то время сенаторъ, управлявшій Межевымъ Корпусомъ, и впослѣдствіи Вице-Предсѣдатель Общества, а затѣмъ М-ръ Государственныхъ Имуществъ, Ген. Губ. Виленскій и графъ).

Наконецъ, четвертый кружокъ состоялъ изъ тѣхъ въ 1844 году еще немногочисленныхъ дѣятелей по различнымъ отраслямъ русской науки, которые съ серьезною научною подготовкою соединяли несомнѣнную талантливость и горячій патріотизмъ, и могли служить достойными представителями

тѣхъ свободныхъ силъ русскаго общества, содѣйствіе коихъ должно было принести обширную пользу географическимъ наукамъ, при всестороннемъ изученіи Россіи. Изъ этого то кружка, кромѣ почтеннаго и уже стяжавшаго себѣ всеобщую извѣстность русскаго географа и статистика К. И. Арсеньева, вошли въ составъ членовъ-учредителей Общества: извѣстный своимъ прекраснымъ описаніемъ Киргизскихъ ордъ и степей А. И. Левшинъ, въ качествѣ Директора Д-та Сельскаго Хозяйства особенно заботившійся о научномъ изслѣдованіи естественныхъ производительныхъ силъ Россіи; пріобрѣвшій себѣ, не смотря на молодые годы, почетную извѣстность какъ путешественникъ и талантливый наблюдатель Пл. А. Чихачевъ; высоко талантливый изслѣдователь русскихъ нарѣчій и народнаго быта В. И. Даль, который своимъ личнымъ вліяніемъ привлекъ и Оренбургскаго Генералъ-Губернатора В. А. Перовскаго (впослѣдствіи графа) въ число членовъ-учредителей Общества, и наконецъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ въ то время литераторовъ и меценатовъ русской науки, кн. В. Ѳ. Одоевскій. Около этого, исключительно *русскаго, кружка* по преимуществу и группировались болѣе молодые, истинно русскіе дѣятели, не вошедшіе въ составъ членовъ-учредителей, но или игравшіе съ самыхъ первыхъ лѣтъ существованія Общества видную роль въ его дѣятельности, или оказавшіе впослѣдствіи (въ обширномъ циклѣ дѣятельности Географическаго Общества) выдающіяся услуги Россіи [1]).

---

[1]) Сюда относились изъ постепенно входившихъ въ составъ Общества въ теченіи перваго періода т. е. съ 1845 по 1849 г. слѣдующія лица. Избр. въ 1845 г.: Н. П. Буцкій (впослѣдств. чл. Совѣта Общ.), Ѳ. Ѳ. Веселаго (вп. чл. Совѣта Общ.), А. П. Заблоцкій-Десятовскій (вп. Предс. Отд. Статист.), А. И. Зеленый (вп. Предс. Отд. Физ. геогр.), С. И. Зеленый (вп. Предс. Отд. Матем. геогр.), Н. И. Надеждинъ (вп. Предс. Отд. Этногр.), Г. П. Неболсинъ (вп. чл. Сов.), Е. В. Путятинъ (вп. чл. Совѣта), П. А. Тучковъ (вп. чл. Сов.), Петръ А. Чихачевъ (пут. по Алтаю и Мал. Азіи.), А. В. Головнинъ (Секр. Общ.), А. П. Болотовъ (вп. чл. Сов.), В. П. Бутковъ (вп. Госуд. Секр. и Упр. дѣл. Кавказск. и Сибирск. Ком.), И. П. Шульгинъ (вп. чл. Сов.). Въ 1846 г.: В. В. Григорьевъ (вп. чл. Сов.), М. Н. Мусинъ-Пушкинъ (вп. чл. Сов.), В. С. Порошинъ (дѣят. чл. Общ.), А. Н. Савичъ (вп. Предс. Отд. Геогр. Мат.), Н. В. Ханыковъ (вп. нач. Хорасанс. экс.), Я. В. Ханыковъ (вп. Секр. Общ.), К. В. Чевкинъ (вп. чл. Сов.), А. Д. Озерскій (вп. Предс. Отд. Геогр. Физ.), С. М. Усовъ (проф. земледѣл.), П. А. Валуевъ (вп. Мин. Вн. Д. и графъ), Ѳ. О. Максимовъ (дѣят. чл. Общ.), Н. А. Жеребцовъ (предс. Учен. Отд. Вольн. Эк. Общ.), А. С. Норовъ (вп. чл. Сов.), А. И. Веригинъ (вп. чл. Сов.), гр. Л. Л. Гейденъ (адм.), А. К. Гирсъ (вп. Секр. Общ.), А. Н. Демидовъ (князь С. Донато, меценатъ геогр. наукъ), А. А. Краевскій (публицистъ), Д. А. и Н. А. Милютины (вп. чл. Сов.), П. И. Мельниковъ (пис. подъ псевд. Печерскаго), Ѳ. И. Прянишниковъ (вп. Почтъ-директоръ), А. Н. Муравьевъ (вп. Нижегородск. г-ръ), А. Н. Драшусовъ (проф. астрон., работавш. по поруч. Общ.). Въ 1847 г.: И. П. Арапетовъ (дѣят. чл. Общ. въ 1-мъ и 2-мъ пер.), К. С. Веселовскій (впосл. членъ Совѣта), кн. Н. М. Голицынъ (дѣят. чл. Общ.), Д. Н. Замятнинъ (вп. Министръ Юстиціи), Н. И. Гречъ (русск. филологъ), А. П. Кузьминскій (проф. воен. наукъ), Г. И. Невельской (морякъ, вп. открывшій и занявш. устья Амура), К. А. Неволинъ (проф. Спб. Универс.), П. С. Савельевъ (вп. членъ Совѣта), Из. И. Срезневскій (вп. Предс. Отд. Этногр.), В. П. Титовъ (вп. посланникъ и одинъ изъ воспитат. Имп. Александра III), Д. П. Хрущовъ (впосл. членъ Совѣта), А. С. Джунковскій (Непр.-Секр. Вольн. Эк. Общ.), А. М. Княжевичъ (вп. чл. Сов.), А. И. Бутовскій (вп. членъ Совѣта), И. П. Сахаровъ (заним. историч. геогр.), Н. Н. Муравьевъ (вп. гр. Амурскій), И. И. Панаевъ (публицистъ), И. О. Шиховскій (профес. ботан.), М. П. Манганари (изсл. бас. Черн. Моря), Д. М. Перевощиковъ (проф. астрон., вп. академикъ), А. Н. Поповъ (дѣят. чл. Общ. 1 и 2 пер.), А. П. Бакунинъ (Тверской г-ръ), П. Н. Березинъ (проф. Казан. Унив.), кн. Э. М. Голицынъ (дѣят. чл. Общ. принявш. на себя всю его иностр. переписку), Л. А. Загоскинъ (морс. оф. путеш. въ Русской Америкѣ), М. И. Иванинъ (офиц. Гл. Шт., путеш. на

Направленіе этого исключительно русскаго кружка обусловило впослѣдствіи и направленіе всего Общества, поставившаго себѣ задачею способствовать всѣми своими силами изученію Россіи и странъ съ нею сопредѣльныхъ, (этихъ послѣднихъ по стольку, по скольку то вызываютъ интересы нашего отечества) и такое направленіе осталось, если можно такъ выразиться, девизомъ всей полувѣковой дѣятельности Общества.

Толки и совѣщанія объ учрежденіи Русскаго Географическаго Общества происходили въ теченіи 1844 года отчасти въ Зимнемъ дворцѣ, въ покояхъ высказывавшаго горячее сочувствіе этому дѣлу Великаго Князя Константина Николаевича, и притомъ нерѣдко въ его присутствіи. Но когда въ 1845 году изъ четырехъ вышеупомянутыхъ кружковъ окончательно образовался полный составъ 17 членовъ-учредителей, то учредители эти собирались уже въ М-вѣ Вн. Дѣлъ, въ квартирѣ принимавшаго самое горячее участіе въ учрежденіи Общества В. И. Даля, условившись между собою испросить Высочайшее соизволеніе на учрежденіе Общества черезъ тогдашняго Министра Внутреннихъ Дѣлъ Л. А. Перовскаго, къ которому Даль стоялъ близко, занимая должность чиновника особыхъ порученій и личнаго его секретаря.

Отлагая составленіе окончательнаго Устава Общества до сформированія его въ полномъ составѣ, члены-учредители представили Перовскому только Временный Уставъ, который былъ, съ небольшими измѣненіями и приспособленіями, сколкомъ съ Устава Лондонскаго Географическаго Общества. Вмѣстѣ съ соизволеніемъ на учрежденіе Общества учредители испрашивали и Высочайшее Его Императорскаго Величества разрѣшеніе на предложеніе Его Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу принять на себя званіе Предсѣдателя Общества.

6 августа 1845 г. воспослѣдовало Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на учрежденіе Общества, при чемъ Высочайше одобренъ его Временный Уставъ, долженствующій дѣйствовать въ теченіи четырехъ лѣтъ до представленія Совѣтомъ Общества, черезъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, окончательнаго Устава. Вмѣстѣ съ тѣмъ Государемъ Императоромъ поручено Л. А. Перовскому извѣстить Великаго Князя Константина Николае-

---

Мангышлакѣ), Ег. П. Ковалевскій (вп. пом. Предс. Общ.), Н. И. Любимовъ (вп. дир. Азіатск. Д-та), кн. Д. А. Оболенскій (вп. дир. Д-та Внѣшн. Торг.), М. Х. Рейтернъ (Секр. общ., вп. графъ), А. С. Савельевъ (проф. Каз. Унив.), гр. Д. А. Толстой (вп. презид. Акад. Наукъ), М. И. Богдановичъ (проф. Воен. ист.), И. В. Вернадскій (проф. Полит. Эк.). Въ 1848 г., гр. Д. Н. Толстой (вп. Рязанск. г-ръ), кн. А. И. Васильчиковъ (вп. изв. сельск. хоз. и земск. дѣятель), С. М. Жуковскій (вп. чл. Редакц. К-іи), А. П. Карцовъ (проф. Воен. п., вп. Нач. Шт. Кавказск. арм.), И. П. Корниловъ (вп. Попеч. Виленск. окр.), гр. А. С. Уваровъ (извѣст. своими археолог. трудами), А. И. Бутаковъ (вп. членъ Совѣта), П. В. Голубковъ (вп. чл. соревн.), В. А. Кипріановъ (горн. инж. и геологъ), Ефгр. П. Ковалевскій (вп. М-ръ Нар. Просв.), В. А. Милютинъ (вп. Секр. Общ.), П. И. Небольсинъ (изв. статист. раб.), П. Н. Стремоуховъ (вп. дир. Азіатск. Д-та), К. Д. Кавелинъ (профес. Спб. Унив.). Въ 1849 г.: Н. Н. Колошинъ (вп. изв. дѣятель по кр. дѣлу), Н. В. Исаковъ (вп. Попеч. Московск. окр. и Нач. Военн. уч. зав.), бар. А. П. Николаи (вп. М-ръ Нар. Просв.), Ю. Ѳ. Самаринъ (вп. чл. Редакц. К-іи), П. П. Семеновъ (вп. Вице-Предс. Общ.), В. С. Семека (вп. ген.-адьют.), гр. Ѳ. Л. Гейденъ (вп. чл. Совѣта), А. Д. Башмаковъ (вп. чл. сорев. Общ.), В. Н. Латкинъ (путеш. въ Печорс. кр.), К. А. Коссовичъ (вп. проф. и извѣстн. филологъ).

вича о желаніи членовъ Совѣта относительно принятія имъ на себя званія Предсѣдателя и отвѣтъ Его Высочества сообщить собранію учредителей.

Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи Общества, было сообщено Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ Правительствующему Сенату и напечатано въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ 15 авг. 1845 г. въ слѣдующей формѣ:

„По ходатайству Генералъ-Адъютанта Литке и нѣсколькихъ другихъ лицъ объ учрежденіи Русскаго Географо-Статистическаго Общества, съ состояніемъ его въ вѣдомствѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, къ вѣдѣнію коего принадлежитъ статистика государства, онъ, Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, входилъ о семъ съ представленіемъ въ Комитетъ Министровъ, по положенію коего Государь Императоръ 6-го августа на ходатайство учредителей соизволилъ, съ наименованіемъ Общества, коего цѣль состоитъ въ разработываніи отечественной географіи, статистики и этнографіи, *Географическимъ*, благоволивъ утвердить въ то же время представленный учредителями Временный Уставъ и даровать Обществу по десяти тысячъ рублей серебромъ ежегодно изъ Государственнаго Казначейства".

19 сентября 1845 г., въ квартирѣ В. И. Даля, состоялось собраніе учредителей Общества, въ которомъ участвовали всѣ наличные въ то время въ Петербургѣ члены-учредители (8 изъ 17). Собраніе выслушало прежде всего сообщенное ему Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ вышеприведенное Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи Общества, а затѣмъ отношеніе ген.-ад. Ѳ. П. Литке къ Министру Внутр. Дѣлъ отъ 30 августа 1845 г. слѣдующаго содержанія: „Полученное при письмѣ Вашего Высокопревосходительства отъ 15 авг., письмо на имя Его Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, съ увѣдомленіемъ о вновь учредившемся Русскомъ Географическомъ Обществѣ и о послѣдовавшемъ Всемилостивѣйшемъ соизволеніи на предложеніе Его Высочеству званія Предсѣдателя того Общества, я не замедлилъ представить Великому Князю. Предложеніе сіе, согласное съ волею Державнаго Его Родителя, Государь Великій Князь принялъ съ удовольствіемъ, но не безъ сожалѣнія, что не можетъ быть столько полезенъ какъ бы того желалъ Обществу, котораго Его Высочество постигаетъ всю важность и успѣхамъ котораго готовъ содѣйствовать всѣми зависящими отъ него средствами".

За тѣмъ члены-учредители единогласно избрали Помощникомъ Предсѣдателя — вице-адмирала, генер.-адъют. Ѳ. П. Литке, дѣйствительными членами 51 лицо, а почетнымъ Л. А. Перовскаго. Журналъ засѣданія былъ составленъ членомъ-учредителемъ П. И. Кеппеномъ и подписанъ восемью наличными членами-учредителями.

Но дѣйствительная первоначальная организація Общества произошла только въ Общемъ Собраніи его, бывшемъ 7 октября, въ зданіи Академіи Наукъ, уже подъ предсѣдательствомъ только что возвратившагося изъ Крыма Ѳ. П. Литке, который въ вступительной своей рѣчи постарался выяснить будущій характеръ дѣятельности Общества [1]). Въ засѣданіе собралось 48 изъ 51

[1]) Рѣчь Ѳ. П. Литке, см. Приложеніе 1-е.

первоначальныхъ членовъ Общества [1]). Собраніе занялось прежде всего организаціею, согласно требованіямъ Временнаго Устава, Совѣта Общества, въ которомъ должно было сосредоточиваться управленіе всѣми дѣлами его и своихъ 4 Отдѣленій, въ коихъ должна была развиваться вся научная его дѣятельность. Управленіе этими Отдѣленіями было поручено Совѣтомъ: Отдѣленіемъ Общей Географіи — барону Ф. П. Врангелю, Географіи Россіи — В. Я. Струве, Этнографіи — К. М. Бэру, Статистики — П. И. Кеппену. Кромѣ Управляющихъ Отдѣленіями въ составъ Совѣта Общества, согласно Временному Уставу, было выбрано 8 членовъ, а именно: К. И. Арсеньевъ, Ѳ. Ѳ. Бергъ, М. П. Вронченко, Г. П. Гельмерсенъ, В. И. Даль, А. И. Левшинъ, Э. Х. Ленцъ (профессоръ С.-П.Б. Университета, впослѣдствіи академикъ) и М. Н. Муравьевъ. Такимъ образомъ въ первоначальномъ составѣ Совѣта Общества изъ 4-хъ вышепоименованныхъ кружковъ, изъ соединенія которыхъ образовалось Общество, преобладающимъ оказался академическій (изъ 13 членовъ Совѣта — 5, въ томъ числѣ три Управляющихъ Отдѣленіями, а нѣсколько позже, при избраніи замѣстителемъ отсутствующаго Ѳ. П. Литке, П. Н. Фуса, Непремѣннаго Секретаря Академіи Наукъ, изъ 14 членовъ — 6). Почетнымъ членомъ Общества въ томъ же засѣданіи (7 октября) былъ избранъ М-ръ Народн. Просвѣщенія С. С. Уваровъ.

Впрочемъ новый Совѣтъ Общества вынужденъ былъ открыть свои дѣ-

---

[1]) Вотъ списокъ членовъ, составлявшихъ это первое засѣданіе Общества: П. Ѳ. Анжу (адмиралъ, знаменитый спутникъ и сотрудникъ бар. Ф. П. Врангеля въ его плаваніяхъ по Сѣверному Океану), К. И. Арсеньевъ (чл.-учр.), Ѳ. Ѳ. Беллинсгаузенъ (адмиралъ и знаменитый мореплаватель), Ѳ. Ѳ. Брандтъ (академикъ и знаменитый зоологъ), А. И. Бреверпъ (полков. гв. арт.), Н. И. Бунцкій и Ѳ. Ѳ. Веселаго (лейтенанты флота, уже извѣстные своими научными работами), А. Г. Вилламовъ (ген. лейт., директоръ Гидрограф. Д-та), бар. В. Е. Врангель (надв. сов.), бар. Ф. П. Врангель (чл.-учр.), М. П. Вронченко (чл.-учр.), Г. П. Гельмерсенъ (чл.-учр.), Э. К. Гофманъ (профес. минералогіи и геологіи въ Спб. Университетѣ, впослѣдствіи начальникъ Уральской экспедиціи), В. И. Даль (чл.-учр.), А. П. Заблоцкій-Десятовскій (завѣдывавшій въ то время Статист. Отдѣленіемъ М-ва Вн. Дѣлъ, впослѣдствіи ст. секр. и чл. Госуд. Совѣта) А. И. и С. И. Зеленые (въ то время кап. лейт., извѣстные своими научными работами, впослѣдствіи адмиралы), гр. А. А. Кейзерлингъ (молодой, но уже тогда извѣстный геологъ, впослѣдствіи Эстляндск. Губ. Предв. Двор. и Попечитель Дерптскаго округа), П. И. Кеппенъ (чл.-учр.), В. Ф. Клюпфель (ген.-лейт., директоръ одного изъ кадетск. корпусовъ), П. И. Колошинъ (д. ст. сов. служившій въ М-вѣ Вн. Д.), А. Я. Купферъ (академикъ, знаменитый физикъ и дир. Глав. Физ. Обсерваторіи), Э. Х. Ленцъ (проф. физики Спб. Унив., впослѣдствіи академикъ), П. К. Ломновскій (ген. м., нач. Главн. Инж. Уч.), А. Ѳ. Миддендорфъ (знаменит. путешественникъ, впослѣдствіи академикъ), М. Н. Муравьевъ (чл.-учр.), Г. П. Неболсинъ (только что начинавшій въ то время свои прекрасные статист. труды, нынѣ чл. Гос. Сов.), кн. В. Ѳ. Одоевскій (чл.-учр.), Е. А. Петерсонъ (кол. ас., впослѣдствіи одинъ изъ видныхъ дѣятелей М-ва Гос. Им.), Х. И. Петерсъ (академикъ), В. Г. Политковскій (полковникъ), А. Ф. Постельсъ (директоръ гимназіи, казначей Общ.), С. А. Пошманъ (д. с. с., директоръ гимназіи), П. И. Рикордъ (чл.-учр.), бар. Л. В. Россильонъ (кол. сов.), А. А. Саблуковъ (ген.-лейт.), Л. Г. Сенявинъ (дир. Азіатс. Д-та), В. Я. Струве (чл.-учр.), О. В. Струве (впослѣдствіи академикъ и дир. Пулковс. Обсерв.), П. А. Тучковъ (ген.-м., директоръ Воен. Топ. Отд.), А. Ѳ. Фольбортъ (извѣстн. минералогъ), Е. Н. Фусъ (тогда помощ. дир. Пулковск. Общ.), Петръ А. Чихачевъ (знаменитый путешественникъ по Алтаю и впосл. по Мал. Азіи), А. И. Шренкъ (извѣстн. путеш. по самоѣдск. землѣ и Киргизск. степямъ), И. Ѳ. Штукенбергъ (авторъ гидрограф. Россіи), Ѳ. Ѳ. Шубертъ (ген.-отъ-инф., знаменит. геодезистъ) Е. А. Энгельгардтъ (просвѣщенный директ. Царскосельск. лицея).

ствія безъ Предсѣдателя, такъ какъ Ѳ. П. Литке, сопровождая Августѣйшаго Предсѣдателя Общества, уѣхалъ въ октябрѣ 1845 г. на продолжительное время за границу. За отъѣздомъ Предсѣдателя и его Помощника исправленіе должности Предсѣдателя Общества возложено было, съ Высочайшаго соизволенія, на Почетнаго его члена Л. А. Перовскаго, который просилъ чтобы его мѣсто заступалъ, въ случаѣ его отсутствія, исправляющій должность Помощника Предсѣдателя. Но такъ какъ такого лица еще не было, то Совѣтъ Общества оказался вынужденнымъ созвать 18 октября, подъ предсѣдательствомъ адмирала П. И. Рикорда, экстренное собраніе и предложилъ ему трехъ кандидатовъ для временнаго замѣщенія должности Помощника Предсѣдателя, а именно: К. И. Арсеньева, Ф. П. Врангеля и П. Н. Фуса. Послѣдній изъ нихъ оказался избраннымъ и предсѣдательствовалъ какъ въ Совѣтѣ, такъ и въ Общемъ Собраніи во время продолжительнаго отсутствія Ѳ. П. Литке, а именно въ теченіи цѣлаго года.

Впрочемъ вліяніе Ѳ. П. Литке, поддерживаемое частыми сношеніями съ его замѣстителемъ, на только что организующееся Общество, и особливо на Совѣтъ его, осталось въ полной силѣ. Оно выразилось прежде всего въ организаціи секретаріата Общества. Въ силу §§ 54 и 62 Временнаго Устава Секретарь Общества долженъ былъ быть взятъ изъ лицъ ему постороннихъ (т.-е. не быть его членомъ), совмѣщать съ своею должностью еще и обязанности казначея и архиваріуса и быть въ непосредственномъ подчиненіи избравшаго его, съ согласія Совѣта, Помощника Предсѣдателя. Выборъ Ѳ. П. Литке палъ на А. В. Головнина (впослѣдствіи Ст.-Секр. и М-ра Народн. Просв.), рекомендованнаго ему ближайшимъ служебнымъ начальникомъ Александра Васильевича чл.-учр. В. И. Далемъ, а также и сподвижникомъ отца его, знаменитаго адмирала Головнина, чл.-учр. П. И. Рикордомъ, сохранившимъ на всю жизнь трогательное расположеніе ко всему семейству своего бывшаго начальника, съ которымъ онъ прославился и кругосвѣтнымъ плаваніемъ и тѣмъ, что въ 1813 г., успѣшными переговорами, выручилъ его изъ Японскаго плѣна. Въ глазахъ Ѳ. П. Литке 24-хъ-лѣтній А. В. Головнинъ, за 6 лѣтъ до того окончившій блистательно курсъ наукъ въ Царскосельскомъ лицеѣ, не былъ чужимъ дружной семьѣ русскаго флота и Ѳ. П. Литке съ особеннымъ удовольствіемъ принялъ рекомендацію двухъ своихъ сотрудниковъ по основанію Русскаго Географическаго Общества.

Согласно желанію Ѳ. П. Литке, въ первомъ же, состоявшемся 24 октября 1845 г., засѣданіи Совѣта, назначеніе Секретаремъ А. В. Головнина было принято Совѣтомъ Общества безъ баллотировки, не смотря на записанный въ протоколѣ этого засѣданія протестъ члена-учредителя П. И. Кеппена, исполнявшаго временно секретарскія обязанности. Вмѣстѣ съ тѣмъ Совѣтъ отдѣлилъ секретарскую часть отъ казначейской, возложивъ послѣднюю на Д. Чл. А. Ф. Постельса (директора 2 гимназіи, бывшаго натуралистомъ въ кругосвѣтномъ плаваніи Ѳ. П. Литке), и опредѣлилъ окладъ жалованья

Секретаря (300 руб.), а также далъ ему въ помощь особаго письмоводителя (впослѣдствіи Помощника). П. И. Кеппенъ передалъ свои обязанности Головнину и Постельсу въ послѣдующемъ засѣданіи Совѣта 3 января 1846 г., А. В. Головнинъ оставался Секретаремъ Общества въ теченіи болѣе 2 лѣтъ до марта 1848 г., когда отъѣздъ изъ Петербурга вынудилъ его отказаться отъ занимаемой имъ должности, которая и была замѣщена товарищемъ и другомъ Головнина М. Х. Рейтерномъ (впослѣдствіи Статсъ-Секр., министръ финансовъ и графъ). По переходѣ же М. Х. Рейтерна въ Морское Министерство усиленіе его занятій (ему было поручено устройство контрольной части М-ва) заставило его отказаться отъ должности Секретаря Общества въ январѣ 1849 г., а на мѣсто его поступилъ родной племянникъ Ѳ. П. Литке, А. К. Гирсъ (впослѣдствіи товарищъ М-ра Финансовъ), занимавшій эту должность до начала слѣдующаго періода и принесшій большую пользу Обществу своими добросовѣстными трудами.

Организаціонныя дѣйствія Совѣта продолжались безостановочно во все время предсѣдательства въ немъ П. Н. Фуса и коснулись въ значительной мѣрѣ и устройства Отдѣленій. На помощь Управляющимъ Отдѣленіями Совѣтъ предложилъ имъ избрать себѣ, съ своего утвержденія, Помощниковъ. Такими Помощниками явились въ Отдѣленіи Общей Географіи А. Н. Савичъ (профессоръ астрономіи, впослѣдствіи академикъ), въ Отдѣленіи Географіи Россіи А. П. Болотовъ (полковникъ Главнаго Штаба, впослѣдствіи генералъ-маіоръ, проф. геодезіи), въ Отдѣленіи Этнографіи А. Ф. Миддендорфъ (знаменитый путешественникъ, впослѣдствіи академикъ и непремѣнный Секретарь Академіи Наукъ), въ Отдѣленіи Статистики А. П. Заблоцкій-Десятовскій (впослѣдствіи Директоръ Д-та Сельск. Хоз., а затѣмъ Статсъ-Секр. и членъ Госуд. Совѣта). Уже съ самаго начала дѣятельности Отдѣленія Географіи Россіи на долю его выпало такъ много трудовъ, что П. Н. Фусъ предложилъ Совѣту раздѣлить Отдѣленіе на два отдѣльные Комитета: Географіи Математической и Физической. Такъ какъ по вопросу о подраздѣленіи Отдѣленія были затребованы мнѣнія его членовъ, то раздѣленіе это произошло только въ 1847 году. Совѣтъ озаботился также и пріисканіемъ постояннаго помѣщенія Обществу, собиравшемуся на первое время въ Академіи Наукъ. Квартира была найдена въ домѣ Пущина у Пѣвческаго моста за 1,200 руб. и контрактъ заключенъ на 4 года съ 1 окт. 1846 г.

Такимъ образомъ, когда Ѳ. П. Литке вернулся изъ заграницы и принялъ на себя предсѣдательство Совѣтомъ 30 окт. 1846 г. онъ нашелъ уже Общество вполнѣ организованнымъ. П. Н. Фусъ былъ избранъ членомъ Совѣта на одну изъ открывшихся вакансій. Вакансіи же членовъ Совѣта открывались ежегоднымъ выбытіемъ, сначала по жребію, а потомъ по старшинству избранія, 2-хъ членовъ Совѣта, а также выѣздомъ нѣкоторыхъ членовъ изъ Петербурга или переходомъ ихъ на должности Управляющихъ Отдѣ-

леніями. Пополнялся составъ Совѣта избраніями новыхъ лицъ въ Общихъ Собраніяхъ [1]).

Въ теченіи организаціоннаго періода (1845 — 1850 г.) постепенно установились между двумя главными органами Общества—Совѣтомъ и Отдѣленіями, такія отношенія, которыя послужили залогомъ успѣшной дѣятельности Общества во все время полувѣковаго его существованія. Отдѣленія, при свободномъ приливѣ къ нимъ всѣхъ интересующихся успѣхами географическихъ наукъ въ Россіи, сдѣлались тѣми лабораторіями, въ которыхъ происходилъ обмѣнъ мыслей, возбуждался починъ полезныхъ общественныхъ предпріятій на пользу науки, обсуждались способы достиженія предположенныхъ цѣлей, оцѣнивались уже совершонные труды, впослѣдствіи съ цѣлью присужденія за нихъ наградъ Общества, разработывались и обнародовались полученные предпринимаемыми изслѣдованіями результаты и пр. Въ Совѣтѣ же сосредоточивалась вся административная и распорядительная дѣятельность Общества, осуществленіе, по мѣрѣ возможности, предположеній Отдѣленій, пріисканіе и распредѣленіе средствъ выполненія задуманныхъ Отдѣленіями предпріятій и вообще всякаго рода содѣйствіе научной дѣятельности какъ Отдѣленій, такъ и отдѣльныхъ членовъ Общества. Такимъ образомъ Совѣтъ, со своимъ Предсѣдателемъ и Августѣйшимъ Предсѣдателемъ всего Общества, явились регуляторами свободной дѣятельности Общества, посредниками между ними и высшими органами Правительства, меценатами въ Россіи географическихъ наукъ въ самомъ обширномъ и распространительномъ ихъ смыслѣ.

Такъ уже въ 1846 г. Августѣйшій Предсѣдатель Общества, въ видахъ поощренія дѣятелей географической науки, задумалъ учредить золотую медаль, для ежегоднаго присужденія ея за лучшіе географическіе труды. Высочайшимъ указомъ 3 Декабря 1846 г. повелѣно Собственной Его Императорскаго Величества Конторѣ внести въ одно изъ Государственныхъ Учрежденій изъ суммъ Его Высочества Предсѣдателя Общества 5,000 р., съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ съ этого капитала Общество ежегодно присуждало золотую медаль за географическія работы. Совѣтъ возложилъ составленіе проекта медали на К. В. Чевкина, а правилъ ея присужденія на П. Н. Фуса.

Составленный П. Н. Фусомъ проектъ правилъ, подвергшійся значительнымъ измѣненіемъ со стороны Совѣта, былъ утвержденъ Августѣйшимъ Предсѣдателемъ въ февралѣ 1847 г.; К. В. Чевкипъ уже въ январскомъ

---

[1]) Такимъ образомъ въ теченія періода 1845—50 годовъ перебывали на должностяхъ членовъ Совѣта, кромѣ уже поименованныхъ, еще слѣдующія лица: А. М. Княжевичъ (директоръ департамента, а впослѣдствіи М-ръ Финансовъ), баронъ Е. К. Мейендорфъ, (извѣстный финансистъ, братъ Вѣнскаго посла), Д. А. Милютинъ (полковникъ Главнаго Штаба, впослѣдствіи Военный Министръ, нынѣ графъ), А. С. Норовъ (путешественникъ по Св. Мѣстамъ, впослѣдствіи М-ръ Народн. Просвѣщенія), П. А. Тучковъ (директоръ Военно-Топографическаго депо, впослѣдствіи генер.-адъютантъ), К. В. Чевкинъ (управляющій Штабомъ Корпуса Горныхъ Инженеровъ, впослѣдствіи М-ръ Путей Сообщенія), И. П. Шульгинъ (профессоръ исторіи).

засѣданіи представилъ свой проектъ рисунка медали: золотая въ 200 р., на одной сторонѣ грудное изображеніе Августѣйшаго Предсѣдателя съ надписью кругомъ: „Великій Князь Константинъ Николаевичъ", внизу подъ портретомъ: „на пользу Географіи"; на другой сторонѣ кругомъ дубовый вѣнокъ, въ серединѣ въ трехъ строкахъ слова: „Русское Географическое Общество", надъ этими словами звѣзда, а подъ ними имя получателя и годъ. Совѣтъ одобрилъ рисунокъ и постановилъ поднести Его Высочеству на утвержденіе. Рисунокъ этотъ удостоился также и Высочайшаго Его Императорскаго Величества утвержденія въ февралѣ 1847 года.

Изготовленіе медали было поручено Совѣтомъ профессору Академіи Художествъ Уткину, но такъ какъ, несмотря на многократныя напоминанія, Уткинъ не принимался за исполненіе медали въ теченіи болѣе года, то Совѣтъ передалъ свой заказъ медальеру Губе, который умеръ въ августѣ 1848 г. не окончивъ медали, вслѣдствіе чего Совѣтъ вынужденъ былъ передать исполненіе медали Ганеману, также не исполнившему заказа, и только въ мартѣ 1849 г. медаль была окончена все таки русскимъ медальеромъ Брусницынымъ.

Такимъ образомъ первое присужденіе Константиновской медали могло произойти только въ концѣ организаціоннаго періода, въ ноябрѣ 1849 г., и чести этой удостоился, съ утвержденія Августѣйшаго Предсѣдателя, достойный начальникъ только что оконченной въ то время Сѣверно-Уральской экспедиціи — Э. К. Гофманъ.

Въ послѣдующей главѣ мы ознакомимся съ ходомъ этого перваго выдающагося предпріятія Общества, здѣсь же изложимъ дальнѣйшую его дѣятельность по организаціоннымъ его работамъ.

3 февраля 1847 г. завершилось раздѣленіе Отдѣленія Географіи Россіи на два Комитета: Математической и Физической Географіи, при чемъ В. Я. Струве остался Управляющимъ Комитетомъ Географіи Математической, а въ Управляющіе Комитетомъ Географіи Физической избранъ Г. П. Гельмерсенъ.

Понятно что всѣ усилія молодыхъ и еще не особенно многочисленныхъ дѣятелей географической науки, поступившихъ въ ряды Общества, направились на изученіе Россіи, а потому сосредоточившаяся въ обоихъ Комитетахъ Географіи Россіи дѣятельность по организаціи первыхъ предпринятыхъ Обществомъ экспедицій и относящихся до изслѣдованія Россіи изданій привлекала туда большинство лучшихъ дѣятелей Общества. Отдѣленія Этнографіи и Статистики, поставившія себя задачею этнографическія и статистическія изслѣдованія въ Россіи, также привлекали много молодыхъ дѣятелей, между тѣмъ какъ Отдѣленіе Общей Географіи оставалось внѣ этого движенія и, при существованіи спеціальныхъ Комитетовъ для математической географіи (съ картографіею, геодезіею и астрономіей) и физической (съ геологіею и естествознаніемъ), не могло поставить себѣ такихъ задачъ, которыя достаточно заинтересовали бы юное, только что развивающееся Общество. Въ ноябрѣ

ГЛАВА II.

Уральская экспедиція Географическаго Общества.

Мысль о снаряженіи экспедиціи Географическаго Общества для изслѣдованія Сѣвернаго Урала возникла въ средѣ Отдѣленія Географіи Россіи немедленно послѣ его открытія, т. е. еще въ 1845 году. Главными иниціаторами предпріятія были Г. П. Гельмерсенъ и К. М. Бэръ. Наведены же они были на эту мысль возвращеніемъ въ Петербургъ въ 1844 г. интересной экспедиціи гр. Кейзерлинга и Крузенштерна въ Печорскій край, достаточно выяснившей крайнюю неполноту тогдашнихъ свѣдѣній о Сѣверномъ Уралѣ.

Состояніе этихъ свѣдѣній до снаряженія Уральской экспедиціи было слѣдующее. Первымъ путешественникомъ, пересѣкшимъ Сѣверный Уралъ на пути изъ Обдорска къ Карской губѣ еще въ 1771 г., былъ состоявшій при экспедиціи Палласа студентъ Зуевъ. Зуевъ, представившій достаточно обстоятельное описаніе пройденнаго имъ пути отъ Обдорска до Карскаго моря, несомнѣнно видѣлъ ту оконечность Уральскаго хребта, которая Уральскою экспедиціею была впослѣдствіи названа Константиновымъ Камнемъ, но обогнувъ эту оконечность и не дойдя верстъ 35 до устья Кары, конечно, не могъ еще составить себѣ яснаго понятія о хребтѣ, открытомъ и изслѣдованномъ впослѣдствіи Уральскою экспедиціею подъ именемъ Пай-хоя и считалъ этотъ хребетъ за главный Уральскій, а обойденную имъ сѣверную оконечность самаго Уральскаго хребта, за отрогъ его [1]). Вслѣдствіе того маршруты Зуева оставались не пріуроченными къ существовавшимъ картамъ и показанія сихъ послѣднихъ оставались, по прежнему, до такой степени неправильными, что Обдорскъ на лучшихъ картахъ до 1828 г. показывался на 3° 37′ восточнѣе, чѣмъ слѣдуетъ и только въ 1828 г. Ад. Эрманъ исправилъ эту ошибку, опредѣливъ положеніе 5 Уральскихъ вершинъ между 66° и 67° с. ш.. Эти на-

---

[1]) См. Палласа: «Пут. по разн. пров. Росс. гос.», перев. Вас. Зуева ч. III, полов. 1-я, стр. 36—38. Если бы маршрутъ Зуева былъ изученъ со вниманіемъ и нанесенъ на карту непосредственно послѣ появленія въ свѣтъ Палласова путешествія (на русскомъ языкѣ оно вышло въ 1778 г.), то карты начала нынѣшняго вѣка уже не представляли бы такихъ рѣзкихъ погрѣшностей, какія имѣлись на всѣхъ картахъ этой части Сибири до 1828 г. Маршрутъ Зуева пріурочивается къ картѣ Уральской экспедиціи и всѣмъ современнымъ картамъ безъ особыхъ затрудненій. Выѣхавъ съ низовья Оби (20 вер. ниже Обдорска) 3 іюля, Зуевъ переѣзжалъ отъ 9-го до 12 іюля водораздѣлъ Обской губы и Карскаго залива, между рѣками Щучьею (притокъ низовья Оби) и Лѣсною или Пыдератою, впадающею въ ю.-в. оконечность Карскаго моря, которую Зуевъ называетъ Подарети-яга (что и соотвѣтствуетъ Пы-

блюденія были дополнены впослѣдствіи еще нѣкоторыми свѣдѣніями, собранными горн. инж. Страженскимъ во время его поѣздки на 400 вер., къ с. отъ Богословска и Ал. Шренкомъ, совершившимъ въ 1837 году интересное ботаническое путешествіе къ с.-в. углу Архангельской губерніи. Но еще въ 1841 г., въ своей Центральной Азіи, Гумбольдтъ указывалъ [1]), что множество вопросовъ относительно направленія главнаго Уральскаго хребта на сѣверѣ остаются неразрѣшенными.

Блестящее путешествіе гр. Кейзерлинга и Крузенштерна въ Печорскій край въ 1843 году дало множество новыхъ свѣдѣній о с. в. части Европейской Россіи, но не разрѣшило вопросовъ, относящихся собственно до Уральскаго хребта, такъ какъ изъ 45 опредѣленныхъ Крузенштерномъ астрономическихъ пунктовъ только одинъ находился въ самомъ Уралѣ, а остальные на Печорѣ и ея притокахъ. Послѣднимъ путешественникомъ, до снаряженія экспедиціи Общества, въ Сѣверномъ Уралѣ былъ изслѣдователь финскихъ племенъ венгерецъ Регули, которому Общество, по его возвращеніи въ 1846 г., дало небольшую субсидію за сообщеніе собранныхъ имъ свѣдѣній и составленной имъ карты Сѣвернаго Урала, но карта эта, основанная только отчасти на личныхъ его наблюденіяхъ, а отчасти на распросныхъ свѣдѣніяхъ, не имѣла большаго научнаго достоинства [2]).

дератѣ новѣйшихъ картъ). 18 іюля, говоритъ Зуевъ, «къ вечеру пріѣхали подъ высочайшій каменный хребетъ, который отъ главнаго Уральскаго хребта отдѣлившись здѣсь при морскихъ берегахъ оканчивается. Остановившись ночевать при одномъ озерѣ, недалеко отъ рѣки Талвоты» и т. д. Рѣка Талвота, на картѣ Уральской экспедиціи Тальота, беретъ начало какъ разъ на горѣ Арко-пай, сосѣдней съ Константиновымъ Камнемъ и, по объясненію Зуева, названіе свое получила «отъ двухъ сшедшихся утесовъ, кои рѣку въ быстромъ теченіи стѣсняютъ». Далѣе, подъ 21 іюля, Зуевъ говоритъ: «однако высочайшаго хребта конецъ еще не совсѣмъ въ виду былъ; эти были высокія каменныя, голыя, острыя горъ маковицы, кои за 20 вер. отъ морскаго берега будто раздробились и уничтожились. Главный же хребетъ Урала походитъ на западъ весьма высокими и съ Карскаго залива будто за облаками кажущимися горами; онъ долженъ также въ берегахъ противъ Новой Земли кончиться». Отсюда ясно видно, что Зуевъ, за оконечность главнаго Уральскаго хребта принимаетъ Пай-хой, до котораго онъ и не достигъ, а настоящую оконечность Урала за отрогъ его. Что Зуевъ обогнулъ сѣверную оконечность Уральскаго хребта, въ виду Арко-пая и Константинова Камня, явствуетъ изъ того, что 23 іюля онъ былъ уже на берегу Карскаго залива при устьѣ рѣчки Оо, на нынѣшнихъ картахъ Ой-яга, берущей начало какъ разъ у подножья Константинова Камня. Далѣе уже Зуевъ слѣдовалъ по прибрежью Карскаго залива до 28 іюля, когда наступившіе холода заставили его повернуть обратно, не дойдя верстъ 35 (полтора дневныхъ перехода) до устья р. Кары. Въ Обдорскъ Зуевъ вернулся 14 августа, а 18-го уже предпринялъ новую поѣздку изъ Обдорска до Уральскаго хребта на оленяхъ, слѣдуя вдоль р. Соби. Достигъ онъ до Уральскаго хребта въ два дневныхъ переѣзда, а 24-го авг. къ вечеру уже вернулся въ Обдорскъ. Конечно, еслибъ картографы начала нашего вѣка только приняли въ соображеніе что Уральскій хребетъ, по показанію Зуева, отстоитъ не болѣе какъ на 60 верстъ отъ Обдорска, то они не поставили бы на своихъ картахъ Обдорска на 3°37′ восточнѣе его настоящаго положенія. Но къ сожалѣнію все путешествіе достойнѣйшаго изъ русскихъ учениковъ Палласа, Вас. Зуева, собравшаго такъ много драгоцѣнныхъ естественно-историческихъ и этнографическихъ матерьяловъ, до временъ Уральской экспедиціи было предано незаслуженному забвенію.

[1]) См. Humboldt: «Asie Centrale» I, 412—474.

[2]) Мадьярскій ученый Регули, родившійся въ 1819 г., былъ чрезвычайно способный лингвистъ, страстно преданный наукѣ и весьма осмотрительный въ своихъ выводахъ. Прибывъ въ Петербургъ на собственныя средства въ 1840 г., онъ въ 1842 г. осуществилъ свое путешествіе къ Вогуламъ въ Сѣверный Уралъ, сначала на средства, собранныя ему академиками Фусомъ и Бэромъ, а потомъ на субсидію въ 600 гульденовъ, дарованную ему Австрійскимъ

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ Отдѣленіе Географіи Россіи внесло въ Совѣтъ 30 Янв. 1846 года свои предположенія о снаряженіи экспедиціи въ Сѣверный Уралъ „для изслѣдованія границы между Европою и Азіею на всемъ протяженіи Сѣвернаго Урала“. При этомъ предполагалось не ограничиваться одними геодезическими изслѣдованіями, а произвести розысканія по всѣмъ отраслямъ географическихъ наукъ. Во главѣ экспедиціи предполагалось поставить графа Кейзерлинга, какъ молодаго ученаго, уже заявившаго большую талантливость своими прекрасными изслѣдованіями въ Печорскомъ краѣ.

Совѣтъ одобрилъ общій планъ экспедиціи, но, въ виду отсутствія Ѳ. П. Литке, отсрочилъ осуществленіе ея на одинъ годъ, поручивъ особой коммиссіи обсудить и составить подробный планъ дѣйствія экспедиціи. Коммиссія эта, подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Географіи Россіи В. Я. Струве, состояла изъ лучшихъ въ то время представителей по разнымъ отраслямъ географическихъ наукъ въ средѣ Общества (кромѣ, разумѣется, статистики), а именно: Ѳ. Ѳ. Берга, К. М. Бэра, Ѳ. Ѳ. Брандта (академика по зоологіи), барона Ф. П. Врангеля, Г. П. Гельмерсена, графа А. А. Кейзерлинга, А. Ѳ. Миддендорфа и О. В. Струве (сына В. Я. Струве, впослѣдствіи академика и директора Пулковской Обсерваторіи).

Къ сожалѣнію уже въ маѣ 1846 гр. Кейзерлингъ объяснилъ письменно Г. П. Гельмерсену, что непредвидѣнныя обстоятельства лишаютъ его возможности участвовать въ предположенной экспедиціи [1]), но что онъ очень желалъ бы быть полезнымъ Обществу по крайней мѣрѣ своимъ участіемъ въ обсужденіи плана снаряженія экспедиціи.

По возвращеніи Ѳ. П. Литке въ Петербургъ, Г. П. Гельмерсенъ пріискалъ замѣстителя гр. Кейзерлингу въ лицѣ своего дерптскаго товарища, горнаго инженера, полковника и профессора минералогіи и геологіи въ С.-П.Б. Университетѣ Э. К. Гофмана. Въ собраніи 11 дек. 1846 года Совѣтъ пригласилъ Гофмана въ начальники экспедиціи и ввелъ его, вмѣстѣ съ Э. Х. Ленцомъ, въ составъ коммиссіи.

Въ началѣ 1847 года экспедиція была вполнѣ организована, съ утвержденія Государя Императора, воспослѣдовавшаго 17 янв. 1847 г. Въ составъ экспедиціи, кромѣ ея начальника Э. К. Гофмана, вошли: горный инженеръ маіоръ Стражевскій, извѣстный своими прежними поѣздками въ Сѣверномъ Уралѣ и хорошо знакомый со способами передвиженія на крайнемъ сѣверѣ, магистръ Ковальскій — астрономъ экспедиціи (впослѣдствіи профессоръ Казанскаго Университета), подпоручикъ датской службы Брандтъ — натуралистъ (коллекторъ) экспедиціи и два топографа (прапорщики Брагинъ и Юрьевъ). Инструкціи для экспедиціи были составлены: по геодезіи и астрономіи В. Я.

Императоромъ. Преждевременная смерть, къ сожалѣнію, помѣшала Регули разработать и привести къ окончанію свои интересныя лингвистическія и этнографическія изысканія надъ финскими племенами Урала.

[1]) Эти непредвидѣнныя обстоятельства находились въ связи съ кончиною въ концѣ 1845 года Министра Финансовъ графа Канкрина, на дочери котораго былъ женатъ гр. А. А. Кейзерлингъ.

Струве, по физической географіи Э. Х. Ленцомъ и академикомъ Купферомъ (директоромъ Главной Физической Обсерваторіи), по геологіи Г. П. Гельмерсеномъ и Э. К. Гофманомъ, по естественнымъ наукамъ К. М. Бэромъ и А. Ѳ. Миддендорфомъ, по этнографіи К. М. Бэромъ. На командировку Гофмана и Ковальскаго воспослѣдовало согласіе Министра Народнаго Просвѣщенія, Стражевскаго—Министра Финансовъ, по докладу Начальника Штаба Горныхъ Инженеровъ, члена Совѣта Общества К. В. Чевкина. На расходы экспедиціи ассигновано съ Высочайшаго разрѣшенія, по представленію Министра Финансовъ Вронченко, 10.500 р.[1]) изъ суммъ Горнаго Вѣдомства, а топографы командированы Военнымъ Вѣдомствомъ, съ Высочайшаго соизволенія, по ходатайству генералъ-квартирмейстера (члена Совѣта Общества) Ѳ. Ѳ. Берга.

Въ началѣ мая экспедиція уже была въ Перми, а въ концѣ того же мѣсяца вышла изъ Чердыни. Въ теченіи лѣта 1847 года экспедиція обстоятельно изслѣдовала часть Урала, отъ параллели Чердыни до горы Квосьмъ-Ньеръ, т. е. на протяженіи 4 градусовъ широты. Зимою Гофманъ и Стражевскій были въ Петербургѣ, а Ковальскій продолжалъ свое пребываніе въ Уралѣ. Раннею весною онъ окончилъ свои наблюденія въ Пустозерскѣ, въ половинѣ марта прибылъ въ с. Колву по Уссѣ, а оттуда направился въ Обдорскъ, куда прибылъ 2 апрѣля 1848 г.

Въ 1848 г. Гофманъ и Стражевскій выѣхали изъ Петербурга въ апрѣлѣ, но изъ Тобольска не могли тронуться ранѣе 16 мая, такъ какъ ледъ сковывалъ рѣки. 30 мая экспедиція соединилась съ Ковальскимъ въ Березовѣ и направилась внизъ по Оби къ устью рѣки Войкара (200 верстъ сѣвернѣе Березова), но была задержана тамъ неблагопріятною погодою и холодами. Два дня экспедиція поднималась по Войкару и, достигнувъ Уральскаго хребта, гдѣ были заранѣе заготовлены олени, отправилась на нартахъ, раздѣлившись у горы Паришенго (на картѣ Паришекей) на двѣ партіи. Стражевскій съ топографомъ Юрьевымъ повернулъ къ югу, вдоль восточнаго склона хребта, а Гофманъ съ Ковальскимъ, Брандтомъ и топографомъ Брагинымъ направились къ сѣверу.

До самаго Ледовитаго Моря путешественникамъ предстояло бороться безпрерывно съ препятствіями разнаго рода и подвергаться множеству лишеній. Миріады комаровъ измучили людей и оленей, которые едва могли двигаться. Вскорѣ начался падежъ между оленями. Каждый день падало ихъ по нѣскольку и изъ 200 оленей при экспедиціи осталась только сотня измученныхъ переходами и комарами. Гофманъ побросалъ дорогой всѣ вещи, безъ которыхъ, хотя, впрочемъ, и съ трудомъ, но возможно было обойтись. 27 іюля онъ прибылъ къ берегамъ Усы. Отсюда онъ послалъ проводниковъ за другими оленями и по прибытіи ихъ немедленно отправился далѣе. Среди всѣхъ этихъ препятствій времени прошло много и потеря эта, по краткости

---

[1]) Уральская экспедиція обошлась въ 21340 р., изъ коихъ 9840 р. пали на средства Общества, 10500 р. на средства Министерства Финансовъ по Горному Вѣдомству, а 1000 р. на средства Главнаго Штаба.

сѣвернаго лѣта, была невознаградима. Всѣ олени, необходимые для передвиженія экспедиціи, были доставляемы обдорскимъ купцомъ Трофимовымъ, который, руководясь желаніемъ, чтобы родной его край былъ всесторонне изслѣдованъ, снабдилъ экспедицію оленями (въ числѣ 300 головъ) безвозмездно. Падежъ оленей причинилъ Трофимову убытка на 2000 руб., но онъ отказался принять какое либо вознагражденіе отъ Русскаго Географическаго Общества.

По прибытіи экспедиціи къ берегамъ Кары наступилъ холодъ, весьма чувствительный въ близости моря, но за то исчезли мучители комары. Гофманъ всходилъ 6 августа на самую сѣверную гору Уральскаго хребта. Оконечность хребта окружена здѣсь съ трехъ сторонъ тундровыми озерами, и отсюда было видно уже море. Гофманъ назвалъ это мѣсто, въ честь Августѣйшаго Предсѣдателя Географическаго Общества, Камнемъ *Константиновымъ*. На рѣкѣ Карѣ отрядъ экспедиціи раздѣлился. Ковальскій отправился въ Обдорскъ, а Гофманъ, переѣхавъ Кару, слѣдовалъ вдоль хребта Пай-хой, до Югорскаго Шара, куда и прибылъ 23 августа. Краткость времени, остававшагося для обратнаго пути, не дозволила ему переѣхать на о. Вайгачъ. Возвратясь къ р. Карѣ, гдѣ оставался по болѣзни Брандтъ, Гофманъ отправился съ нимъ по тундрѣ къ р. Уссѣ, слѣдовалъ внизъ по этой рѣкѣ до Усть-Уссы, затѣмъ по Печорѣ, Цыльмѣ и Мылвѣ до Ямъ-озера и наконецъ по Южной Пижмѣ къ Мезени и въ г. Мезень прибылъ 13 ноября, а въ исходѣ 1848 г. возвратился въ Петербургъ.

Изъ изслѣдованій экспедиціи оказалось, что въ параллели Обдорска Уральскій хребетъ поворачиваетъ прямо на в:, но верстъ черезъ 30 опять принимаетъ прежнее направленіе къ с.-с.-в. и слѣдуетъ этому направленію, измѣняясь только въ высотѣ до 68° 28′. Здѣсь же хребетъ, оканчиваясь Константиновымъ Камнемъ, изчезаетъ въ тундрѣ, которая простирается отсюда на 50 вер. до самаго моря. Верстахъ-же въ 40 къ ю.-з. отъ истоковъ Кары возвышается хребетъ Поэмбой, тянущійся параллельно Уралу, и оканчивается горою, отъ которой прямо на з. простирается въ направленіи къ Вайгачскому проливу рядъ каменистыхъ горъ и скалъ, переходящихъ и на ос. Вайгачъ. Это и есть открытый экспедиціею хребетъ Пай-хой, какъ по направленію своему, такъ и по внѣшнему виду совершенно отличный отъ Урала. Пай-хой состоитъ изъ поднимающихся съ тундры небольшихъ покрытыхъ мхомъ отлогихъ горъ, а Уралъ представляетъ рядъ обнаженныхъ и относительно высокихъ скалъ. Впрочемъ, самая высокая гора Сѣвернаго Урала Пай-яръ (въ переводѣ: хозяинъ камней) не превышаетъ 3500 ф. абс. выс. Какъ растительная, такъ и животная жизнь оказалась столь бѣдною на Уралѣ сѣвернѣе 67° с. ш., что Брандту, не смотря на неутомимые его поиски, удалось прибавить весьма немногое къ тому, что онъ собралъ въ Уралѣ въ предшедшемъ году. За то Брандтъ составилъ интересную карту распредѣленія лѣсовъ на всемъ изслѣдованномъ экспедиціею пространствѣ. Гофманъ нашелъ, что къ с. отъ Кары живутъ Самоѣды, а къ югу Остяки, и собралъ нѣкоторыя этнографическія свѣдѣнія объ обоихъ племенахъ, но въ

Струве, по физической географіи Э. Х. Ленцомъ и академикомъ Купферомъ (директоромъ Главной Физической Обсерваторіи), по геологіи Г. П. Гельмерсеномъ и Э. К. Гофманомъ, по естественнымъ наукамъ К. М. Бэромъ и А. Ѳ. Миддендорфомъ, по этнографіи К. М. Бэромъ. На командировку Гофмана и Ковальскаго воспослѣдовало согласіе Министра Народнаго Просвѣщенія, Стражевскаго—Министра Финансовъ, по докладу Начальника Штаба Горныхъ Инженеровъ, члена Совѣта Общества К. В. Чевкина. На расходы экспедиціи ассигновано съ Высочайшаго разрѣшенія, по представленію Министра Финансовъ Вронченко, 10.500 р.[1]) изъ суммъ Горнаго Вѣдомства, а топографы командированы Военнымъ Вѣдомствомъ, съ Высочайшаго соизволенія, по ходатайству генералъ-квартирмейстера (члена Совѣта Общества) Ѳ. Ѳ. Берга.

Въ началѣ мая экспедиція уже была въ Перми, а въ концѣ того же мѣсяца вышла изъ Чердыни. Въ теченіи лѣта 1847 года экспедиція обстоятельно изслѣдовала часть Урала, отъ параллели Чердыни до горы Квосьмъ-Ньеръ, т. е. на протяженіи 4 градусовъ широты. Зимою Гофманъ и Стражевскій были въ Петербургѣ, а Ковальскій продолжалъ свое пребываніе въ Уралѣ. Раннею весною онъ окончилъ свои наблюденія въ Пустозерскѣ, въ половинѣ марта прибылъ въ с. Колву по Уссѣ, а оттуда направился въ Обдорскъ, куда прибылъ 2 апрѣля 1848 г.

Въ 1848 г. Гофманъ и Стражевскій выѣхали изъ Петербурга въ апрѣлѣ, но изъ Тобольска не могли тронуться ранѣе 16 мая, такъ какъ ледъ сковывалъ рѣки. 30 мая экспедиція соединилась съ Ковальскимъ въ Березовѣ и направилась внизъ по Оби къ устью рѣки Войкара (200 верстъ сѣвернѣе Березова), но была задержана тамъ неблагопріятною погодою и холодами. Два дня экспедиція поднималась по Войкару и, достигнувъ Уральскаго хребта, гдѣ были заранѣе заготовлены олени, отправилась на нартахъ, раздѣлившись у горы Паришенго (на картѣ Паришекей) на двѣ партіи. Стражевскій съ топографомъ Юрьевымъ повернулъ къ югу, вдоль восточнаго склона хребта, а Гофманъ съ Ковальскимъ, Брандтомъ и топографомъ Брагинымъ направились къ сѣверу.

До самаго Ледовитаго Моря путешественникамъ предстояло бороться безпрерывно съ препятствіями разнаго рода и подвергаться множеству лишеній. Миріады комаровъ измучили людей и оленей, которые едва могли двигаться. Вскорѣ начался падежъ между оленями. Каждый день падало ихъ по нѣскольку и изъ 200 оленей при экспедиціи осталась только сотня измученныхъ переходами и комарами. Гофманъ побросалъ дорогой всѣ вещи, безъ которыхъ, хотя, впрочемъ, и съ трудомъ, но возможно было обойтись. 27 іюля онъ прибылъ къ берегамъ Усы. Отсюда онъ послалъ проводниковъ за другими оленями и по прибытіи ихъ немедленно отправился далѣе. Среди всѣхъ этихъ препятствій времени прошло много и потеря эта, по краткости

[1]) Уральская экспедиція обошлась въ 21340 р., изъ коихъ 9840 р. пали на средства Общества, 10500 р. на средства Министерства Финансовъ по Горному Вѣдомству, а 1000 р. на средства Главнаго Штаба.

сѣвернаго лѣта, была невознаградима. Всѣ олени, необходимые для передвиженія экспедиціи, были доставляемы обдорскимъ купцомъ Трофимовымъ, который, руководясь желаніемъ, чтобы родной его край былъ всесторонне изслѣдованъ, снабдилъ экспедицію оленями (въ числѣ 300 головъ) безвозмездно. Падежъ оленей причинилъ Трофимову убытка на 2000 руб., но онъ отказался принять какое либо вознагражденіе отъ Русскаго Географическаго Общества.

По прибытіи экспедиціи къ берегамъ Кары наступилъ холодъ, весьма чувствительный въ близости моря, но за то исчезли мучители комары. Гофманъ всходилъ 6 августа на самую сѣверную гору Уральскаго хребта. Оконечность хребта окружена здѣсь съ трехъ сторонъ тундровыми озерами, и отсюда было видно уже море. Гофманъ назвалъ это мѣсто, въ честь Августѣйшаго Предсѣдателя Географическаго Общества, Камнемъ *Константиновымъ*. На рѣкѣ Карѣ отрядъ экспедиціи раздѣлился. Ковальскій отправился въ Обдорскъ, а Гофманъ, переѣхавъ Кару, слѣдовалъ вдоль хребта Пай-хой, до Югорскаго Шара, куда и прибылъ 23 августа. Краткость времени, остававшагося для обратнаго пути, не дозволила ему переѣхать на о. Вайгачъ. Возвратясь къ р. Карѣ, гдѣ оставался по болѣзни Брандтъ, Гофманъ отправился съ нимъ по тундрѣ къ р. Уссѣ, слѣдовалъ внизъ по этой рѣкѣ до Усть-Уссы, затѣмъ по Печорѣ, Цыльмѣ и Мылвѣ до Ямъ-озера и наконецъ по Южной Пижмѣ къ Мезени и въ г. Мезень прибылъ 13 ноября, а въ исходѣ 1848 г. возвратился въ Петербургъ.

Изъ изслѣдованій экспедиціи оказалось, что въ параллели Обдорска Уральскій хребетъ поворачиваетъ прямо на в:, но верстъ черезъ 30 опять принимаетъ прежнее направленіе къ с.-с.-в. и слѣдуетъ этому направленію, измѣняясь только въ высотѣ до 68° 28′. Здѣсь же хребетъ, оканчиваясь Константиновымъ Камнемъ, изчезаетъ въ тундрѣ, которая простирается отсюда на 50 вер. до самаго моря. Верстахъ-же въ 40 къ ю.-з. отъ истоковъ Кары возвышается хребетъ Поэмбой, тянущійся параллельно Уралу, и оканчивается горою, отъ которой прямо на з. простирается въ направленіи къ Вайгачскому проливу рядъ каменистыхъ горъ и скалъ, переходящихъ и на ос. Вайгачъ. Это и есть открытый экспедиціею хребетъ Пай-хой, какъ по направленію своему, такъ и по внѣшнему виду совершенно отличный отъ Урала. Пай-хой состоитъ изъ поднимающихся съ тундры небольшихъ покрытыхъ мхомъ отлогихъ горъ, а Уралъ представляетъ рядъ обнаженныхъ и относительно высокихъ скалъ. Впрочемъ, самая высокая гора Сѣвернаго Урала Пай-яръ (въ переводѣ: хозяинъ камней) не превышаетъ 3500 ф. абс. выс. Какъ растительная, такъ и животная жизнь оказалась столь бѣдною на Уралѣ сѣвернѣе 67° с. ш., что Брандту, не смотря на неутомимые его поиски, удалось прибавить весьма немногое къ тому, что онъ собралъ въ Уралѣ въ предшедшемъ году. За то Брандтъ составилъ интересную карту распредѣленія лѣсовъ на всемъ изслѣдованномъ экспедиціею пространствѣ. Гофманъ нашелъ, что къ с. отъ Кары живутъ Самоѣды, а къ югу Остяки, и собралъ нѣкоторыя этнографическія свѣдѣнія объ обоихъ племенахъ, но въ

особенности интересныя свѣдѣнія о торговлѣ неутомимыхъ и смѣтливыхъ Зырянъ-Ижемцевъ въ тундровой полосѣ. Свѣдѣнія эти, также какъ и описаніе сѣверной оконечности Урала и Пай-хоя, обратили на себя особенное вниманіе любознательнаго Великаго Князя.

Ковальскій же, разставшись съ Гофманомъ у Карскаго лимана и опредѣливъ положеніе мыса Толстаго, предпринялъ путешествіе вдоль береговъ моря и, обогнувъ сѣверную оконечность Урала, (очевидно тѣмъ же путемъ какъ и Зуевъ, но въ обратномъ направленіи), достигъ устья рѣки Пыдараты. Здѣсь онъ положительно убѣдился, что восточная цѣпь Урала, изображенная на картѣ Регули, въ дѣйствительности не существуетъ. Переѣхавъ Пыдарату и достигнувъ р. Щучьей (опять таки путемъ Зуева), Ковальскій спустился внизъ по этой рѣкѣ до Оби и по этой послѣдней прибылъ 17 Сентября 1848 г. въ Обдорскъ.

На восточной сторонѣ Урала Ковальскому предстояло опредѣленіе Обдорска, Березова и нѣкоторыхъ мѣстъ по Оби между этими двумя городами. Всѣ эти работы окончены были съ совершеннымъ успѣхомъ къ 1 Января 1849 года. 16 Января Ковальскій оставилъ Тобольскую губернію и на оленяхъ Ижемскаго крестьянина Терентьева, который отказался отъ всякаго вознагражденія, переѣхалъ по р. Уссѣ на Печору. Наступившая оттепель затруднила чрезвычайно путешествіе его вверхъ по Печорѣ до г. Чердыни. Мѣстами онъ долженъ былъ идти на лыжахъ. Прибывъ въ Чердынь 23 Февраля, Ковальскій соединилъ этотъ городъ хронометрически съ деревнею Усть-Улсуй и сопкою Монинъ-Тумпъ близъ истоковъ Вишеры. 21 Марта онъ оставилъ Чердынь и 17 Апрѣля 1849 года прибылъ въ С.-Петербургъ. Всего въ теченіи двухъ-лѣтнихъ работъ на Уралѣ и въ при-Уральѣ, астрономъ экспедиціи опредѣлилъ: на самомъ Уралѣ 167 точекъ, внѣ его—49, кромѣ того опредѣлилъ геодезически высоту 40 пунктовъ.

Партія же Стражевскаго сильно пострадала, вслѣдствіе усиленія падежа и сибирской язвы въ пройденной странѣ. Большая часть оленей подохла; погибъ отъ сибирской язвы и одинъ изъ горнорабочихъ экспедиціи (Ванниковъ). Самъ Стражевскій бросилъ провіантъ, совершилъ значительную часть пути пѣшкомъ и питаясь нѣсколько дней ягодами и мхомъ, съ большимъ трудомъ достигъ до Березова, оттуда, проболѣвъ тамъ нѣсколько дней, добрался уже на этотъ разъ благополучно до Екатеринбурга.

Вслѣдствіе неудачи партіи Стражевскаго осталась неизслѣдованною часть Уральскаго хребта, между горою Квосьмъ-Ньеръ ($63^3/_4{}^0$ с. ш.) и Копполовымъ переваломъ, на протяженіи болѣе 200 вер. Поэтому Совѣтъ Общества въ 1849 г. рѣшился на снаряженіе, согласно съ мнѣніемъ Августѣйшаго Предсѣдателя, внимательно слѣдившаго за ходомъ Уральской экспедиціи, дополнительной къ ней экспедиціи лѣтомъ 1850 г. Для обезпеченія ея успѣха, по мысли Великаго Князя, Совѣтъ Общества сдѣлалъ уже зимою сношеніе съ оказавшими важныя услуги экспедиціи Географическаго Общества Ижемскими Зырянами о содѣйствіи ихъ дополнительной экспедиціи. Сношенія эти были сдѣланы черезъ пребывавшаго въ Ижмѣ

помощника Пинежскаго Окружнаго Начальника Государственныхъ имуществъ и черезъ Ижемскаго благочиннаго, почтеннаго отца Александра Зуева. Ижемскіе Зыряне, по прочтеніи имъ вслухъ, въ церки на полной мірской сходкѣ, лестнаго о нихъ отзыва, сдѣланнаго полковникомъ Гофманомъ передъ Особою Его Императорскаго Высочества, съ особенною готовностью выразили желаніе поставить лѣтомъ 1850 г. къ Аранецкой деревнѣ потребное количество оленей съ нартами, вожатыми и переводчиками, при чемъ уже заранѣе подписались на доставленіе для экспедиціи 200 оленей. По испрошеніи Высочайшаго соизволенія дополнительная экспедиція была снаряжена къ началу 1850 г. Въ составъ ея, кромѣ начальника Э. К. Гофмана, вошли топографъ Брагинъ и живописецъ Бермелеевъ.

Снаряженная такимъ образомъ дополнительная экспедиція, прибывъ въ Пермь въ концѣ мая 1850 года, до 10 іюня занималась съемкою непосѣщенной части долины Печоры, отъ Усть-Волосницы до Усть-Илыча. Затѣмъ, отправилась она далѣе на востокъ по Печорскому притоку Щугору, двигаясь весьма медленно, вслѣдствіе полноводья, и, по достиженіи горъ, у подошвы которыхъ экспедицію ожидало приготовленное Ижемскими Зырянами стадо изъ 280 оленей съ вожатыми, направилась черезъ главный хребетъ Урала, чтобы связать съемку 1850 года съ сопкой Квосьмъ-Ньеръ, до которой достигла съемка въ 1847 году. Послѣ того приступлено было къ весьма трудному изслѣдованію далѣе на сѣверъ высокаго и дикаго узла горъ, образуемаго Ураломъ между $64^1/_2{}^0$ и $65^1/_2{}^0$ с. ш.; занятія эти окончены были къ 8 іюля, когда экспедиція достигла рѣки Кошема, одного изъ главныхъ притоковъ Колвы, откуда къ сѣверу хребетъ значительно понижается, теряя свой альпійскій характеръ. Выйдя изъ горъ и, слѣдуя на сѣверъ по западному склону ихъ, Гофманъ 18 іюля достигъ горнаго прохода Яремова, и, подвинувшись еще 15 верстъ по рѣкѣ Харутѣ, связалъ и тутъ свою съемку съ предшествовавшими. Исполнивъ такимъ образомъ главную часть своего порученія, экспедиція 16 августа возвратилась по рѣкамъ Харутѣ, Лемвѣ и вверхъ по Печорѣ въ Чердынь; отсюда Брагинъ и Бермелеевъ отправились по большой дорогѣ къ устью рѣки Колвы, а Гофманъ, въ сопровожденіи только четырехъ проводниковъ, 18 августа поѣхалъ на восточный склонъ хребта для довершенія своихъ геогностическихъ изслѣдованій. Это исполнено было имъ къ 30 августа, когда онъ достигъ Богословска, откуда предпринялъ обратный путь въ Петербургъ, гдѣ 27 сентября уже присутствовалъ въ Собраніи Общества. Благодаря полному безкорыстію Гофмана и сочувствію и содѣйствію Ижемцевъ дополнительная экспедиція обошлась Обществу только въ 800 р.

ГЛАВА III.

Изслѣдованія и работы Общества на азіатскихъ окраинахъ Россіи и вообще въ дальнихъ странахъ.

Сѣверно-Уральская экспедиція на столько поглотила силы и средства юнаго Географическаго Общества, что въ первое пятилѣтіе его дѣятельности снаряжать экспедиціи въ другія дальнія страны не было возможности.

Тѣмъ не менѣе стремленіе къ осуществленію экспедицій на дальнія окраины Россіи и въ страны съ нею сопредѣльныя, проявлялось и въ этомъ періодѣ дѣятельности только-что организующагося Общества. Такъ Ѳ. П. Литке, еще въ январѣ 1846 г., внесъ въ Совѣтъ Общества докладъ о снаряженіи экспедиціи въ знакомое ему Берингово море, на Камчатскіе его берега и на острова Алеутскіе и Курильскіе. Съ научной, географической точки зрѣнія экспедиція эта казалась весьма заманчивою, такъ какъ очень мало изслѣдованныя въ то время Берингово и Охотское моря представляютъ, не смотря на свое сравнительно довольно южное положеніе, типъ морей полярныхъ съ ихъ характерными обитателями и имѣютъ большое вліяніе на климатическія условія всего нашего восточнаго побережья, въ то время еще не достигавшаго до незамерзающихъ заливовъ Японскаго моря. Притомъ же Литке какъ-бы предугадывалъ уже и въ то время будущее значеніе для Россіи его восточныхъ, океаническихъ побережій. Предложеніе Ѳ. П. Литке, встрѣченное Совѣтомъ Общества съ большимъ сочувствіемъ, было передано на обсужденіе Отдѣленія Общей Географіи, которое осенью того же года предложило, по значительности требующихся на экспедицію расходовъ и неимѣнію средствъ, отложить снаряженіе этой экспедиціи до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ и ограничилось, для полученія нѣкоторыхъ свѣдѣній о прибережьяхъ и островахъ Берингова моря, составленіемъ инструкціи отправляемому туда сѣверо-американскою компаніею въ 1847 г. горному инженеру Дорошину, котораго и снабдили необходимыми для принятыхъ имъ на себя наблюденій инструментами.

Но предложеніе Ѳ. П. Литке не осталось безъ послѣдствій. Оно, какъ увидимъ, принесло свои плоды въ слѣдующемъ періодѣ дѣятельности Общества.

Уже со второго года своего существованія Русское Географическое Об-

щество обратило также должное вниманіе на крупнѣйшую изъ предстоявшихъ ему въ будущемъ задачъ — научное изслѣдованіе Внутренней Азіи.

Въ засѣданіе Совѣта 23 нояб. 1846 г. внесено было представленіе Управляющаго Отдѣленіемъ Общей Географіи Ф. П. Врангеля о необходимости приступить къ разработкѣ богатыхъ матеріаловъ для географіи Средней Азіи, хранящихся въ петербургскихъ и оренбургскихъ архивахъ, для чего Отдѣленіе находило необходимымъ имѣть двухъ сотрудниковъ, одного въ Петербургѣ, а другого въ Оренбургѣ. Совѣтъ опредѣлилъ ассигновать Отдѣленію на этотъ предметъ до 600 руб.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Совѣтъ постановилъ просить Ф. П. Врангеля вступить въ сношеніе съ полковникомъ Г. И. Данилевскимъ о сообщеніи Обществу, для напечатанія, составленнаго имъ по возвращеніи изъ Хивы описанія Хивинскаго ханства и изготовить для Общества копіи съ описанія Коканскаго ханства, на время сообщеннаго Обществу Директоромъ Азіат. Департ. Л. Г. Сенявинымъ.

5 нояб. 1847 г. Д. Чл. П. С. Савельевъ предложилъ Совѣту озаботиться изданіемъ разбросанныхъ въ архивахъ и разныхъ періодическихъ журналахъ свѣдѣній о Средней Азіи и вызвался составить планъ изданія Сборника такихъ свѣдѣній. Предложеніе это было принято Совѣтомъ. Мысли Савельева объ этомъ изслѣдованіи были изложены въ прекрасной его статьѣ, прочтенной имъ въ засѣданіи Общества 3 декабря 1847 г. (см. ниже).

7 Янв. 1848 г. Д. Чл. Пл. А. Чихачевъ сообщилъ Совѣту свои предположенія объ изслѣдованіи верхняго бассейна Сыръ- и Аму-Дарьи и о своей готовности предпринять подобное изслѣдованіе. Совѣтъ опредѣлилъ принять самыя дѣятельныя мѣры для того, чтобы способствовать отправленію ученой экспедиціи въ Среднюю Азію, согласно предположеніямъ Пл. А. Чихачева, и для сего войти въ предварительныя, съ кѣмъ нужно, сношенія для обезпеченія успѣха столь полезнаго предпріятія. Къ сожалѣнію осуществленіе упомянутыхъ предположеній встрѣтило непреодолимыя препятствія со стороны Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и Обществу не удалось еще снарядить экспедиціи въ Среднюю Азію въ первомъ періодѣ своей дѣятельности. Вслѣдствіе того талантливый, отважный и имѣвшій прекрасную научную подготовку Пл. А. Чихачевъ, который могъ-бы уже и въ то время сдѣлаться піонеромъ русской географической науки по изслѣдованію Центральной Азіи, долженъ былъ окончательно отказаться отъ своей завѣтной мечты и, уѣхавъ надолго заграницу, выбыть, если можно такъ выразиться, изъ строя русскихъ изслѣдователей Внутренней Азіи.

Между тѣмъ и можно сказать наперекоръ боязливой политикѣ тогдашняго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, сила обстоятельствъ неудержимо влекла Россію вглубь Азіи. На обширномъ пространствѣ, разстилающемся за предѣлами обнимавшей его съ сѣвера и запада укрѣпленной казачьими поселками нашей сибирско-оренбургско-уральской линіи, обитали подвижные кочевники Киргизскихъ ордъ, которые, одни вслѣдъ за другими, вступая, въ силу сознанной ими самими необходимости, въ русское подданство, требовали отъ

насъ защиты отъ набѣговъ и захватовъ своихъ южныхъ сосѣдей. Это обстоятельство, въ связи съ необходимостью обезпечить отъ постоянныхъ грабежей кочевниковъ торговые караваны, черезъ посредство которыхъ завязывались все болѣе и болѣе наши торговыя сношенія съ независимыми еще въ то время владѣніями Турана, заставляли Россію выдвигать впередъ необходимые для достиженія упомянутыхъ цѣлей опорные пункты.

Такъ, въ разсматриваемый нами періодъ времени, были воздвигнуты: на восточномъ берегу Каспійскаго моря—Новопетровское укрѣпленіе на полуостровѣ Мангышлакскомъ (1846 г.); въ Киргизской степи Оренбургскаго вѣдомства—нынѣшніе города Иргизъ (въ то время подъ именемъ Уральскаго укрѣпленія) на р. Иргизѣ (1846 г.) и Тургай (въ то время подъ именемъ Оренбургскаго укрѣпленія) на р. Тургаѣ (1846 г.); на низовьяхъ Сыръ-Дарьи близъ Аральскаго моря—укрѣпленіе Раимское (1847 г.) и, наконецъ, въ обширномъ бассейнѣ Балхашскаго озера, у подножія снѣжнаго Семирѣчинскаго Алатау—Копальское укрѣпленіе (1848 г.).

Занятію и устройству такихъ пунктовъ, конечно, очень часто предшествовали какія-нибудь мѣстныя изслѣдованія піонеровъ русской географической науки. Такъ, напримѣръ, постройкѣ Новопетровскаго укрѣпленія предшествовала экспедиція Г. С. Карелина, И. Ф. Бларамберга и П. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, обозрѣвшая съ 1832 по 1837 годъ все восточное пространство Каспійскаго моря; основанію Раимскаго укрѣпленія—поѣздка въ Хиву въ 1840 г. Н. В. Ханыкова и ботаника А. Лемана, а въ 1842 г. полк. Г. И. Данилевскаго и натуралиста Базинера; основанію Копала—совершонныя въ 1840—42 годахъ въ Балхашскомъ бассейнѣ, путешествія Г. С. Карелина съ ботаникомъ Кириловымъ и А. И. Шренка.

Затѣмъ уже и по основаніи упомянутыхъ опорныхъ пунктовъ они служили исходными точками для нѣкоторыхъ географическихъ изслѣдованій, совершаемыхъ членами Русскаго Географическаго Общества по возлагаемымъ на нихъ служебнымъ обязанностямъ. Такъ Д. Чл. Общ. М. И. Иванинъ посѣтилъ въ 1846 г. Мангышлакскій полуостровъ, Д. Чл. А. И. Макшеевъ и, получившій впослѣдствіи отъ Общества Константиновскую медаль, Бургардъ Леммъ работали по съемкамъ у низовьевъ Сыръ-Дарьи и опредѣленію тамъ астрономическихъ пунктовъ въ 1847 и 1848 годахъ, а капитанъ-лейтенанты Д. Чл. Общ. А. И. Бутаковъ и Поспѣловъ съемками Аральскаго моря, при помощи нарочно построенныхъ для того шхунъ „Николай“ и „Константинъ“. А. И. Бутаковъ лѣтомъ 1848 года, кромѣ опредѣленій астрономическихъ пунктовъ, совершилъ общее обозрѣніе всего моря, промѣрялъ въ разныхъ направленіяхъ глубину его, произвелъ съемку острова Кильмесъ, а за тѣмъ открылъ среди моря довольно обширную группу Царскихъ островов. Зиму 1848—49 г. Бутаковъ провелъ на о. Косъ-Аралѣ въ устьѣ Сыръ-Дарьи, а за тѣмъ экспедиція его возобновила свои работы съ наступленіемъ весны 1849 г. Поспѣловъ сдѣлалъ опись восточнаго берега моря съ прилежащими островами и промѣры въ сѣверной его части, Бутаковъ — опись остальныхъ береговъ и

частей моря, съ промѣрами и опредѣленіемъ астрономическихъ пунктовъ. Подробная карта Аральскаго моря была окончена Бутаковымъ въ 1850 году.

Къ сожалѣнію мѣстныя изслѣдованія предшедшихъ возникновенію Географическаго Общества періодовъ, касавшіяся Внутренней Азіи и, безъ сомнѣнія, имѣвшія большую важность для успѣховъ географической науки въ Россіи, скрывались, какъ секретныя по понятіямъ того времени, а за тѣмъ забывались и даже безполезно утрачивались въ административныхъ архивахъ. Только благодаря заботамъ и усиліямъ молодого Географическаго Общества, были напечатаны въ его изданіяхъ въ разсматриваемомъ періодѣ, нѣкоторые изъ подобныхъ географическихъ изслѣдованій, не выходящія большею частью изъ предѣловъ Арало-каспійскаго бассейна, а именно: журналъ Д. Чл. И. Ф. Бларамберга, веденный во время Карелинской экспедиціи для обозрѣніи восточныхъ береговъ Каспійскаго моря; статья Д. Чл. К. Боде о туркменскихъ поколѣніяхъ Ямудахъ и Гокланахъ; отчетъ объ интересной поѣздкѣ въ 1846 г. Д. Чл. М. И. Иванина на полуостровъ Мангышлакъ; интересная и выше уже упомянутая записка, составленная при Сибирскомъ штабѣ, сообщенная Обществу Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ и заключающая въ себѣ обозрѣніе современнаго состоянія Коканскаго ханства въ 1849 г.; еще болѣе интересная и также упомянутая выше статья Д. Чл. П. С. Савельева „Средняя Азія“, а наконецъ, внѣ предѣловъ Арало-Каспійскаго бассейна, интересное изслѣдованіе іеромон. Палладія о торговыхъ путяхъ по Китаю [1]).

Замѣчательно, что стремленіе молодаго Общества къ изученію и изслѣдованію Внутренней Азіи нашло глубокое сочувствіе въ одномъ изъ горячихъ русскихъ патріотовъ того времени—П. В. Голубковѣ. 28 іюня 1848 года Августѣйшій Предсѣдатель увѣдомилъ Совѣтъ Общества о томъ, что Голубковъ предлагаетъ Обществу принять на себя трудъ составленія дополненій къ издаваемому имъ переводу Риттеровой Азіи и жертвуетъ Обществу на составленіе этихъ дополненій 5000 рублей, а на изданіе карты Азіи 2000 р. Въ исходѣ того же года Голубковъ дополнилъ это пожертвованіе еще 15-ю тысячъ руб., съ тѣмъ, чтобы Общество взяло на себя какъ изданіе перевода классическаго сочиненія Риттера, такъ и дополненій къ нему. Великодушное пожертвованіе это, принесшее свои плоды только въ послѣдующіе періоды дѣятельности Общества, сильно способствовало тому, что Общество, какъ мы увидимъ далѣе, направило впослѣдствіи обширную часть своей дѣятельности на изученіе и изслѣдованіе Внутренней Азіи.

Переходя за тѣмъ къ путешествіямъ и изслѣдованіямъ членовъ Географическаго Общества въ ближней или передней Азіи въ разсматриваемомъ періодѣ, замѣтимъ, что самымъ плодотворнымъ изъ нихъ является путешествіе уже прославившагося своимъ путешествіемъ въ 1842 г. по Алтаю, Д. Чл. Петра А. Чихачева по Малой Азіи. Чихачевъ, съ цѣлью получить геологическій разрѣзъ всего полуострова Малой Азіи, проѣхалъ его въ 1846 и 1847 годахъ во всю

[1]) О томъ, въ какихъ изданіяхъ Общества были напечатаны эти статьи, см. ниже, глава VI.

его длину по двумъ параллельнымъ линіямъ, не говоря о многочисленныхъ отдѣльныхъ поѣздкахъ по Малой Азіи въ разныхъ направленіяхъ. Въ 1848 году Чихачевъ снова возобновилъ свои странствованія по Малой Азіи и результатомъ его трехлѣтнихъ изслѣдованій явились богатые матерьялы для геологической карты всего Анатолійскаго полуострова, журналы его путешествій и прекрасныя геологическія и палеонтологическія коллекціи. Предварительный краткій отчетъ о путешествіяхъ Чихачева былъ уже напечатанъ въ видѣ брошюры въ 1850 г., а обширное сочиненіе его о Малой Азіи вышло гораздо позже.

Сирія, Палестина и Аравія были посѣщены еще нѣсколько ранѣе однимъ русскимъ путешественникомъ. Это былъ А. Уманецъ, одинъ изъ членовъ карантинной коммиссіи, посланный въ 1842 г. по Высочайшему повелѣнію на востокъ для производства опытовъ надъ чумою. Уманецъ, исполнивъ свое порученіе въ Египтѣ, отправился на Синай, а въ 1843 посѣтилъ Іерусалимъ, Вифлеемъ и Мертвое море. Сдѣлавъ Обществу сообщеніе о своемъ путешествіи, Уманецъ описалъ его по настоянію М-ра Нар. Просв. Норова въ 1850 г. въ отдѣльномъ сочиненіи [1]).

Что же касается до путешествій и изслѣдованій въ отдаленныхъ странахъ остальныхъ частей свѣта, то они являются въ исторіи дѣятельности Общества изрѣдка и какъ бы случайными явленіями.

Такъ въ 1847 г. приглашенный Египетскимъ хедивомъ для изслѣдованія золотыхъ пріисковъ его страны Д. Чл. Общ. горный инженеръ подполковникъ Ег. П. Ковалевскій (впослѣдствіи занимавшій должности Директора Азіатск. Департамента и Помощника Предсѣдателя Общества), отправляясь въ южный Египетъ и Нубію, предложилъ Обществу собрать тамъ полезныя для него свѣдѣнія, съ тѣмъ, чтобы Общество командировало на помощь Ковалевскому магистра ботаники Ценковскаго (впослѣдствіи профессора), изъявившаго согласіе сопутствовать Ковалевскому. Совѣтъ исходайствовалъ Высочайшее соизволеніе на командировку магистра Ценковскаго, ассигновавъ ему въ пособіе 500 рублей. Инструкція для путешественника была составлена К. М. Бэромъ, вслѣдствіе чего путешествіе дало не только хорошіе ботаническіе, но и этнографическіе результаты. Ценковскій сопутствовалъ Ковалевскому въ 1847 г., въ началѣ 1848 г. отдѣлился отъ него и провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ провинціи Фазогло, занимаясь ботанико-географическими изслѣдованіями, затѣмъ остался еще въ Нильской долинѣ близъ Хартума послѣ отъѣзда Ковалевскаго въ концѣ 1848 г., и по своемъ возвращеніи сдѣлалъ о своемъ путешествіи сообщеніе въ Обществѣ уже въ 1850 году. Къ сожалѣнію собранныя Ценковскимъ коллекціи погибли вмѣстѣ съ судномъ, на которомъ были отправлены [2]). Нѣсколько ранѣе еще два члена Общества совершили, впрочемъ безъ его содѣйствія, путешествія въ Африку: А. А. Рафаловичъ и Э. И. Эйхвальдъ.

---

[1]) А. Уманца: «поѣздка на Синай» 1850. 2 части.

[2]) Отчеты Ценковскаго о его поѣздкѣ въ Египетъ и Суданъ напечатаны во 2 вып. Геогр. Извѣст. 1850 г. стр. 202—225 и въ Вѣст. Геогр. Общ. 1851 г. Ч. IV, отд. VII, стр. 1—22.

А. А. Рафаловичъ, одесскій медикъ и антропологъ, былъ командированъ въ 1846 г. на востокъ для изслѣдованія чумы. Отправившись изъ Одессы весною 1846 г. и пробывъ въ Константинополѣ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ прибылъ въ сентябрѣ въ Каиръ, изучилъ здѣсь арабскій языкъ, зиму 1846—47 г. посвятилъ обозрѣнію Нижняго Египта, лѣтомъ 1847 совершилъ караванную поѣздку въ Сирію и Палестину. Вернувшись въ августѣ въ Александрію, осенью онъ поднимался по Нилу до вторыхъ пороговъ, а въ началѣ 1848 г. изслѣдовалъ внутренность Нильской дельты. По возвращеніи въ Петербургъ съ самаго начала 1849 г. онъ примкнулъ къ дѣятельности Отдѣленія Этнографіи Общества, сдѣлался секретаремъ его, составилъ для него замѣчательную статью: „Этнографическія замѣтки о нубійцахъ“, а въ 1850 г. издалъ на собственный счетъ къ веснѣ 1850 г. собственно I томъ своихъ путевыхъ записокъ подъ заглавіемъ: „Путешествіе по Нижнему Египту и внутреннимъ областямъ Дельты“, но кончина его въ началѣ 1851 г. уже не позволила ему издать второй части своего труда.

Э. И. Эйхвальдъ совершилъ въ 1847 г. чрезвычайно интересное путешествіе въ Алжирію. Превосходное съ точки зрѣнія естествоиспытателя сообщеніе его объ этомъ путешествіи было сдѣлано въ Общемъ Собраніи Общества 1849 г. [1]).

---

[1]) Оно было напечатано въ Вѣст. Геогр. Общ. за 1851 г. Т. II, Отд. VII, стр. 1—84 подъ заглавіемъ: «Отрывки изъ путешествія въ Алжиръ въ 1847 году».

ГЛАВА IV.

Изслѣдованія и работы Отдѣленій Географіи Математической и Физической въ Европейской Россіи.

О состояніи картографіи Европейской Россіи во время основанія Географическаго Общества можно судить по читанной Чл.-Учр. В. Я. Струве въ собраніи Общества 12 дек. 1845 г. статьѣ: „Обзоръ географическихъ работъ въ Россіи" и по изданнымъ имъ еще въ 1843 г. „Tables des positions géographiques en Russie". Въ то время, за исключеніемъ четвертой части поверхности Европейской Россіи, уже покрытой тріангуляціями, произведенными преимущественно въ западныхъ губерніяхъ Главнымъ Штабомъ и прибрежныхъ съемокъ Гидрографическаго Департамента, вся картографія Евр. Россіи была основана едва ли на 200 точкахъ, часто даже не совсѣмъ точно опредѣленныхъ и если впослѣдствіи большая часть Европ. Россіи, кромѣ самой сѣверной ея части, покрылась сплошною сѣтью треугольниковъ, а въ остальныхъ частяхъ Россіи получались точныя опредѣленія нѣсколькихъ тысячъ пунктовъ, то нѣтъ сомнѣнія, что весьма сильный толчекъ этимъ колоссальнымъ работамъ былъ данъ В. Я. Струве въ упомянутомъ чтеніи. Само собою разумѣется, что обширными геодезическими работами, покрывшими своею сѣтью большую часть Европейской Россіи, наше отечество обязано преимущественно спеціальнымъ правительственнымъ учрежденіемъ и болѣе всего Главному Штабу и Пулковской Обсерваторіи, но во всякомъ случаѣ и Географическое Общество съ перваго періода своего существованія приносило свою посильную пользу картографическому дѣлу въ Россіи. Въ его средѣ начальники различныхъ государственныхъ учрежденій, занимавшихся картографіею Россіи, сходились для обсужденія предметовъ ихъ занятій и нерѣдко, подъ вліяніемъ или при участія Общества, предпринимались болѣе или менѣе обширныя картографическія экспедиціи и работы. Въ засѣданіи 8 мая 1846 г. А. П. Болотовъ сдѣлалъ также интересное сообщеніе о современномъ состояніи геодезіи вообще и въ Россіи въ особенности, а 6 ноября того же года была прочитана въ засѣданіи Общества прекрасная статья I. И. Ходзько о тріангуляціи на Кавказѣ.

Одно изъ самыхъ видныхъ предпріятій Общества въ картографическомъ направленіи возникло по иниціативѣ Управляющаго Межевымъ Корпусомъ се-

натора М. Н. Муравьева (впослѣдствіи Вице-Предсѣдателя Общества). Онъ предложилъ Обществу принять на себя ученое наблюденіе за исправленіемъ, или, лучше сказать, за предпринимаемымъ Межевымъ Вѣдомствомъ составленіемъ межевыхъ атласовъ нѣсколькихъ губерній. Предложеніе это было передано Совѣтомъ на разсмотрѣніе особой Коммиссіи изъ членовъ Отдѣленія Географіи Россіи. Въ Коммиссіи этой, подъ предсѣдательствомъ В. Я. Струве, участвовали Д. Члены: Ѳ. Ѳ. Бергъ, А. П. Болотовъ, М. П. Врончeнко, Ѳ. О. Максимовъ, М. Н. Муравьевъ, Г. Ѳ. Стефанъ, О. В. Струве и П. А. Тучковъ.

Получивъ увѣдомленіе, въ январѣ 1847 г., о согласіи Министра Юстиціи предоставить Обществу ученое руководство работами по предполагаемому въ Межевомъ Вѣдомствѣ исправленію межевыхъ атласовъ нѣкоторыхъ губерній, Совѣтъ Общества, согласно представленію Отдѣленія и Коммиссіи, постановилъ избрать для предположенныхъ работъ губерніи Тверскую, Рязанскую, Тамбовскую, Орловскую и Тульскую, произвести отъ Общества астрономическія опредѣленія достаточнаго количества пунктовъ въ этихъ губерніяхъ, поручивъ эти опредѣленія Д. Членамъ Общества М. П. Врончeнко и А. Н. Драшусову (профессору астрономіи въ Московскомъ Университетѣ)[1], избрать одного изъ членовъ Общества для наблюденія надъ межевыми работами, которыя производить по плану, выработанному особою Коммиссіею Общества[2], и наконецъ, сообщить Министру Юстиціи, что издержки для работъ Межеваго Вѣдомства обойдутся по 8000 р. въ годъ. Въ слѣдующемъ засѣданіи Совѣта (28 мая 1847 г.) генералъ-квартирмейстеръ Бергъ сообщилъ о Высочайшемъ соизволеніи на назначеніе одного изъ высшихъ офицеровъ Главнаго Штаба для руководства геодезическими работами, предстоявшими въ Тверской губерніи. Руководителемъ этимъ былъ избранъ, по соглашенію генералъ-квартирмейстера съ Коммиссіею Общества, Д. Чл. Общества Ген.-Маіоръ А. И. Мендъ. Составленная для А. И. Менда Коммиссіею Общества и утвержденная Совѣтомъ инструкція была препровождаема Министру Юстиціи и Генералъ-Квартирмейстеру, а въ августѣ 1847 г. состоялось Высочайше утвержденное Положеніе Комитета Министровъ, которымъ былъ утвержденъ составленный Русскимъ Географическимъ Обществомъ планъ межевыхъ работъ, съ нѣкоторыми ограниченіями, согласно мнѣнію Комитета Министровъ, и сверхъ того предоставлено Обществу составить, по предварительному сношенію съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, Главнымъ Штабомъ и Межевымъ Вѣдомствомъ, подробную инструкцію чинамъ Межеваго Корпуса для производства, вмѣстѣ съ геодезическими, и статистическихъ работъ, съ точнымъ указаніемъ предметовъ и способа собиранія свѣдѣній.

Предположенныя Совѣтомъ Общества астрономическія и геодезическія работы начались уже лѣтомъ 1847 года. Д. Члены Врончeнко и Драшу-

---

[1]) Одновременно съ этимъ Главный Штабъ поручилъ полк. Б. Лемму подобныя же опредѣленія въ Землѣ Войска Донскаго.

[2]) Изъ членовъ: В. Я. Струве, А. П. Болотова, М. П. Врончeнко, М. Н. Муравьева и Г. Ѳ. Стефана.

насъ защиты отъ набѣговъ и захватовъ своихъ южныхъ сосѣдей. Это обстоятельство, въ связи съ необходимостью обезпечить отъ постоянныхъ грабежей кочевниковъ торговые караваны, черезъ посредство которыхъ завязывались все болѣе и болѣе наши торговыя сношенія съ независимыми еще въ то время владѣніями Турана, заставляли Россію выдвигать впередъ необходимые для достиженія упомянутыхъ цѣлей опорные пункты.

Такъ, въ разсматриваемый нами періодъ времени, были воздвигнуты: на восточномъ берегу Каспійскаго моря—Новопетровское укрѣпленіе на полуостровѣ Мангышлакскомъ (1846 г.); въ Киргизской степи Оренбургскаго вѣдомства — нынѣшніе города Иргизъ (въ то время подъ именемъ Уральскаго укрѣпленія) на р. Иргизѣ (1846 г.) и Тургай (въ то время подъ именемъ Оренбургскаго укрѣпленія) на р. Тургаѣ (1846 г.); на низовьяхъ Сыръ-Дарьи близъ Аральскаго моря—укрѣпленіе Раимское (1847 г.) и, наконецъ, въ обширномъ бассейнѣ Балхашскаго озера, у подножія снѣжнаго Семирѣчинскаго Алатау—Копальское укрѣпленіе (1848 г.).

Занятію и устройству такихъ пунктовъ, конечно, очень часто предшествовали какія-нибудь мѣстныя изслѣдованія піонеровъ русской географической науки. Такъ, напримѣръ, постройкѣ Новопетровскаго укрѣпленія предшествовала экспедиція Г. С. Карелина, И. Ф. Бларамберга и П. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, обозрѣвшая съ 1832 по 1837 годъ все восточное пространство Каспійскаго моря; основанію Раимскаго укрѣпленія—поѣздка въ Хиву въ 1840 г. Н. В. Ханыкова и ботаника А. Лемана, а въ 1842 г. полк. Г. И. Данилевскаго и натуралиста Базинера; основанію Копала—совершонныя въ 1840—42 годахъ въ Балхашскомъ бассейнѣ, путешествія Г. С. Карелина съ ботаникомъ Кириловымъ и А. И. Шренка.

Затѣмъ уже и по основаніи упомянутыхъ опорныхъ пунктовъ они служили исходными точками для нѣкоторыхъ географическихъ изслѣдованій, совершаемыхъ членами Русскаго Географическаго Общества по возлагаемымъ на нихъ служебнымъ обязанностямъ. Такъ Д. Чл. Общ. М. И. Иванинъ посѣтилъ въ 1846 г. Мангышлакскій полуостровъ, Д. Чл. А. И. Макшеевъ и, получившій впослѣдствіи отъ Общества Константиновскую медаль, Бургардъ Леммъ работали по съемкамъ у низовьевъ Сыръ-Дарьи и опредѣленію тамъ астрономическихъ пунктовъ въ 1847 и 1848 годахъ, а капитанъ-лейтенанты Д. Чл. Общ. А. И. Бутаковъ и Поспѣловъ съемками Аральскаго моря, при помощи нарочно построенныхъ для того шхунъ „Николай“ и „Константинъ“. А. И. Бутаковъ лѣтомъ 1848 года, кромѣ опредѣленій астрономическихъ пунктовъ, совершилъ общее обозрѣніе всего моря, промѣрялъ въ разныхъ направленіяхъ глубину его, произвелъ съемку острова Кильмесъ, а за тѣмъ открылъ среди моря довольно обширную группу Царскихъ острововъ. Зиму 1848—49 г. Бутаковъ провелъ на о. Косъ-Аралѣ въ устьѣ Сыръ-Дарьи, а за тѣмъ экспедиція его возобновила свои работы съ наступленіемъ весны 1849 г. Поспѣловъ сдѣлалъ опись восточнаго берега моря съ прилежащими островами и промѣры въ сѣверной его части, Бутаковъ — опись остальныхъ береговъ и

губерніи, служатъ опорою простирающагося къ югу отъ этой полосы черноземнаго пространства.

Предположенія эти возникли изъ болѣе широко поставленнаго предложенія Д. Чл. барона Е. К. Мейендорфа, предлагавшаго Обществу въ 1847 году изслѣдовать какъ этотъ кряжъ возвышенностей, такъ и всю опирающуюся на него черноземную полосу Россіи отъ Самары до Кіева. Исполненіе широко поставленной Мейендорфомъ программы, по обсужденіи ея особою Коммиссіею, составленною изъ К. И. Арсеньева, А. С. Джунковскаго, Бар. Е. К. Мейендорфа, А. Д. Озерскаго и Е. К. Петерсона, признано было Совѣтомъ превышающимъ средства Общества, но предложеніе это принесло свои плоды, приведя Отдѣленіе Географіи Россіи къ начертанію проекта разрѣшенной въ 1849 году, но осуществленной уже въ слѣдующемъ періодѣ дѣятельности Общества экспедиціи для изслѣдованія центральной русской девонской полосы, распространеніе которой за р. Донъ и Воронежъ было впервые констатировано изслѣдованіемъ нѣкоторой части этой полосы (по р.р. Соснѣ — пр. притоку Дона и Матырѣ—лѣв. пр. Воронежа), произведеннымъ въ 1849 г. Д. Чл. Общества П. П. Семеновымъ. Въ 1849 же году Д. Чл. Общества П П. Семеновъ, опредѣливъ сѣверную границу черноземнаго пространства въ Тульской и Рязанской губерніяхъ, совершилъ довольно обширное изслѣдованіе по части ботанической географіи всего бассейна р. Дона, результаты котораго составили предметъ его магистерской дессертаціи: „Придонская флора, въ ея отношеніяхъ съ географическимъ распредѣленіемъ растеній по поверхности Европ. Россіи“, напечатанной имъ въ 1850 году.

Наконецъ съ перваго же періода своей дѣятельности Общество обратило вниманіе на изслѣдованіе климата Россіи.

Д. Чл. Общества профессоръ В. С. Порошинъ представилъ въ Совѣтъ 30 апр. 1847 г. записку о средствахъ къ опредѣленію климата, для чего полагалъ назначить Коммиссію съ цѣлью обсужденія всѣхъ изложенныхъ въ его запискѣ вопросовъ. Совѣтъ опредѣлилъ передать записку Порошина на разсмотрѣніе Комитета Физической Географіи.

Предсѣдатель Комитета представилъ Совѣту, 27 авг. 1847 г., заключеніе о напечатаніи въ Запискахъ Общества статьи Порошина о средствахъ къ опредѣленію климата. Порошинъ полагалъ, что для сей цѣли, кромѣ непосредственныхъ метеорологическихъ наблюденій, могутъ служить свѣдѣнія о степени распространенія на сѣверъ посѣвовъ разныхъ хлѣбовъ, о различіи во времени посѣва и жатвы въ разныхъ мѣстахъ, объ употребленіи овиновъ для сушки хлѣба, о времени вскрытія и замерзанія рѣкъ и о періодическихъ явленіяхъ въ жизни животныхъ, и что для собранія подобныхъ свѣдѣній было бы полезно учредить Коммиссію, которая обратилась бы съ циркулярами къ лицамъ, живущимъ въ губерніяхъ и изъявившимъ готовность сообщать Обществу нужныя ему свѣдѣнія. Совѣтъ опредѣлилъ представить особое соображеніе объ учрежденіи Коммиссіи на сей предметъ.

Члены Э. Х. Ленцъ, В. С. Порошинъ и О. И. Шиховскій (профес-

соръ ботаники С.-П.Б. Университета) изъявили готовность заняться климатологическими вопросами, почему Совѣтъ 1 окт. 1847 г. постановилъ просить помянутыхъ членовъ соединиться въ Коммиссію и предоставить ей право пригласить въ составъ ея тѣхъ лицъ, кои изъявятъ согласіе участвовать въ ихъ работахъ. 11 февр. 1848 г. Совѣтъ постановилъ напечатать представленное Коммиссіею руководство по собиранію свѣдѣній о климатѣ и разослать его по губерніямъ.

10 мар. 1849 г. В. С. Порошинъ доложилъ уже Совѣту и о результатахъ, полученныхъ отъ разсылки по губерніямъ 10.000 экземпляровъ книжекъ съ вопросами. Отвѣты получены только отъ 400 лицъ, вслѣдствіе, какъ полагаетъ Порошинъ, бывшей тогда повсемѣстно эпидеміи. Изъ присланныхъ 400 книжекъ многія были составлены неудовлетворительно, по мнѣнію Порошина потому, что доставлены лицамъ несвоевременно, вслѣдствіе чего весенній періодъ отмѣченъ осенью лишь по памяти. Но въ общемъ Порошинъ остался доволенъ полученнымъ результатомъ и изъявилъ готовность составить особую статью на основаніи полученныхъ данныхъ. Для дальнѣйшаго развитія дѣла онъ предложилъ: оставшіеся книжки съ вопросами (200 экземпл.) разослать лишь избраннымъ лицамъ, напечатать выработанный проектъ дополнительныхъ правилъ, въ количествѣ 6.000 экземпл., а печатаніе и разсылку по возможности ускорить. Совѣтъ утвердилъ все это.

ГЛАВА V.

Изслѣдованія и работы по этнографіи и статистикѣ въ Европейской Россіи.

Въ то время, когда Отдѣленія Географіи Россіи и Общей Географіи, постепенно преобразившіяся въ Отдѣленія Географіи Математической и Физической, при опытномъ и твердомъ руководствѣ своихъ Управляющихъ и въ ближайшей связи съ Совѣтомъ Общества, шли съ самаго его возникновенія по весьма опредѣленному пути, снаряжая экспедиціи Общества или принимая на себя авторитетное научное руководство даже такими работами, которыя предпринимались правительственными учрежденіями и опирались при этомъ на развивающіяся въ средѣ Отдѣленій молодыя русскія силы, Отдѣленіямъ Этнографіи и Статистики, въ которыхъ сосредоточивалось особенно много такихъ силъ, предстояло прежде всего опредѣлить характеръ своей дѣятельности и расчистить ей пути.

Во главѣ Отдѣленія Этнографіи стоялъ, въ началѣ его дѣятельности, одинъ изъ геніальнѣйшихъ русскихъ натуралистовъ — К. М. Бэръ, смотрѣвшій на этнографію по преимуществу съ точки зрѣнія антропологической и вообще естественно-исторической, при чемъ онъ обращалъ особое вниманіе на зависимость этнографическаго характера изслѣдуемыхъ народностей отъ природныхъ условій страны или мѣстности, въ которой они обитаютъ. Взгляды свои на то, какъ должны производиться этнографическія изслѣдованія вообще, и въ Россіи въ особенности, Бэръ выразилъ въ своей особой, превосходной статьѣ, читанной имъ въ засѣданіи Общества 6 марта 1846 г.[1]). Прекрасныя инструкціи, составленныя Бэромъ какъ для этнографическаго изслѣдованія въ Сѣверно-Уральской экспедиціи, такъ и для путешествія Ковалевскаго и Ценковскаго въ Африку, принадлежали къ первымъ шагамъ дѣятельности Отдѣленія, вмѣстѣ съ внесеннымъ въ Совѣтъ Общества въ январѣ 1846 г. предложеніемъ о снаряженіи небольшой экспедиціи въ Лифляндскую губернію для

---

[1]) Зап. Русск. Геогр. Общ. кн. 1-я и 2-я, 2-е изд., 1849, стр. 64—81.

собранія подробныхъ свѣдѣній о двухъ изчезающихъ народностяхъ: Ливахъ и Кревингахъ.

Совѣтъ Общества, утвердивъ внесенное К. М. Бэромъ предложеніе, поручилъ, согласно предложенію Отдѣленія, руководство экспедиціею академику Шегрену и ассигновалъ на нее 1200 руб. Подробная инструкція экспедиціи была составлена К. М. Бэромъ, самая экспедиція успѣшно выполнила возложенную на нее задачу лѣтомъ 1846 г., а отчетъ Шегрена былъ представленъ Совѣту въ мартѣ 1847 г.[1]). Но внесенное въ апрѣлѣ того же года представленіе Отдѣленія о снаряженія новой небольшой экспедиціи Шегрена для изслѣдованія финскихъ племенъ Петербургской губерніи было отклонено Совѣтомъ Общества, по недостаточности средствъ. Притомъ же и въ самомъ Отдѣленіи приливъ новыхъ русскихъ дѣятелей измѣнилъ въ значительной мѣрѣ его направленіе. Русскіе его члены гораздо болѣе интересовались изученіемъ русскаго народнаго быта, чѣмъ антропологической географіею и изслѣдованіемъ обитающихъ въ предѣлахъ Имперіи племенъ инородческихъ. Это, если можно такъ выразиться, русское народное направленіе было какъ разъ направленіемъ такихъ талантливыхъ людей, какими были въ то время В. И. Даль, Н. И. Надеждинъ, Из. И. Срезневскій, П. С. Савельевъ, В. В. Григорьевъ и др. Управляющій Отдѣленіемъ К. М. Бэръ, несмотря на весьма опредѣленно высказанный имъ взглядъ на этнографическія изслѣдованія вообще и въ Россіи въ особенности, однако же нисколько не противодѣйствовалъ принятому, по собственному почину, молодыми русскими членами направленію, но чувствуя, что, при недостаточномъ своемъ знаніи русскаго языка, онъ не можетъ руководить Отдѣленіемъ на его новомъ пути дѣятельности, сложилъ съ себя въ концѣ 1848 г. званіе Управляющаго Отдѣленіемъ, продолжая, однакоже, живо сочувствовать дѣятельности Общества и трудиться на его пользу. Такъ въ 1848 г. онъ изготовилъ для изданной въ то время Обществомъ „Карманной книжки для любителей землевѣдѣнія“ прекрасную статью: „О вліяніи внѣшней природы на соціальныя отношенія (отдѣльныхъ) народовъ и исторію человѣчества“.

На мѣсто К. М. Бэра Совѣтъ, согласно съ желаніемъ Отдѣленія, назначилъ Управляющимъ Отдѣленіемъ Этнографіи Н. И. Надеждина. Само собою разумѣется, что непосредственнымъ послѣдствіемъ этой перемѣны было то, что къ концу разсматриваемаго періода изслѣдованіе быта русскаго народа выступило рѣшительно на первый планъ дѣятельности Отдѣленія. Взглядъ свой на изученіе русской народности Н. И. Надеждинъ развилъ въ превосходной своей рѣчи, прочитанной имъ въ Общемъ Собраніи Общества 29 ноября 1846 г.[2]). Согласно съ этимъ взглядомъ Отдѣленіе Этнографіи постановило собирать свѣдѣнія о *простомъ русскомъ человѣкѣ*,

---

[1]) Отчетъ этотъ былъ напечатанъ въ извлеченіи въ Зап. Геогр. Общ. кн. 1-я и 2-я, 2-е изд., 1849 г., стр. 310—322. Акварельный альбомъ послѣднихъ Ливовъ и Кревинговъ, а также видовъ мѣстностей, посѣщенныхъ экспедиціей, сохраняется и донынѣ въ библіотекѣ Общества.

[2]) См. Зап. Русск. Геогр. Общ. кн. 1-я и 2-я, изд. 2-е, 1849 г., стр. 149—194.

о народномъ бытѣ кореннаго русскаго населенія во всѣхъ его оттѣнкахъ. Имѣя въ виду, что тѣ свойства, тѣ отличительныя черты, которыя составляютъ родовую принадлежность *русскаго человѣка*, сохранились въ чистотѣ своей наиболѣе въ простомъ народѣ, Отдѣленіе разослало подробную программу тѣхъ сторонъ, съ которыхъ простонародный бытъ долженъ быть подвергаемъ изученію съ пользой для этнографіи. Оно пригласило людей любознательныхъ, въ подручныхъ наблюденію ихъ мѣстностяхъ, обратить вниманіе: 1) на наружность туземныхъ жителей, замѣчая всѣ болѣе или менѣе характеристическія особенности ихъ тѣлосложенія и вида; 2) на языкъ, главный органъ народности, во всемъ разнообразіи его мѣстныхъ нарѣчій и говоровъ; 3) на домашній бытъ, въ которомъ всего вѣрнѣе сохраняется древнее наслѣдіе первобытныхъ нравовъ и обычаевъ народа; 4) на тѣ остатки быта общественнаго, гдѣ сила времени и другихъ вліяній не затерла слѣдовъ первоначальнаго устройства народной жизни изъ самой себя; 5) на умственныя и нравственныя отличія, на сколько видно въ нихъ природное направленіе и развитіе народнаго духа, а не внѣшнія заимствованія путемъ подражанія и переимчивости; наконецъ 6) на народныя преданія и памятники, эту живую, безпристрастную исторію, въ которой народъ высказываетъ себя какъ онъ есть, безъ всякаго притворства и самообольщенія.

Съ особеннымъ сочувствіемъ отнеслось къ этимъ программамъ и циркулярамъ Общества мѣстное православное духовенство. Такъ Преосвященный Іоасафъ, архіепископъ Литовскій, въ 1848 г. составилъ особый Комитетъ изъ свѣдущихъ лицъ и вступилъ въ сношенія со многими частными лицами ввѣренной ему эпархіи. Подъ личнымъ наблюденіемъ Преосвященнаго разобраны, приведены въ систему и редактированы восемь статей этнографическаго содержанія, относящихся до Литовской эпархіи, представленныхъ имъ Обществу въ октябрѣ 1848 г. Архіепископъ Нижегородскій Іаковъ также почтилъ Общество многими присылками, между которыми особеннаго вниманія заслуживали интересныя свѣдѣнія о мордовскомъ населеніи Нижегородской губерніи, собранныя іеромонахомъ Макаріемъ.

Въ Отдѣленіи же Этнографіи былъ возбужденъ въ 1847 г. вопросъ объ установленіи русской географической терминологіи. Двѣ записки по этому поводу были внесены въ этомъ году въ Совѣтъ Общества Я. В. Ханыковымъ и Д. А. Милютинымъ. Совѣтъ поручилъ обсужденіе этого вопроса Коммиссіи изъ членовъ Отдѣленій Этнографіи и Статистики, а именно: Н. И. Надеждина, М. Н. Богдановича, В. В. Григорьева, Д. А. и Н. А. Милютиныхъ, В. С. Порошина, П. С. Савельева и Г. Ѳ. Стефана. Коммиссія составила въ концѣ года инструкціи и разослала ихъ въ 1848 г. въ 3000 экземпляровъ по всей Россіи, съ цѣлью собрать мѣстныя географическія выраженія, долженствующія служить матерьяломъ для установленія русской географической терминологіи. Отвѣты на эти вопросы получились въ большомъ количествѣ въ теченіи 1848 и 1849 г.г. и заключали въ себѣ болѣе 8000 географическихъ и этнографическихъ выраженій. Матерьялъ этотъ, впрочемъ признанный Коммиссіею еще недостаточнымъ

для окончательной его разработки, былъ переданъ Совѣтомъ только въ 1851 г. Я. В. Ханыкову, на котораго, по предложенію Коммиссіи, былъ возложенъ трудъ разработки собраннаго матерьяла.

Но еще бóльшее значеніе для этнографической науки имѣли занятія въ разсматриваемомъ періодѣ времени чл.-учр. Общества В. И. Даля. Приведя въ порядокъ свое огромное собраніе пословицъ и поговорокъ онъ всецѣло отдалъ свои силы составленію „Словаря живаго народнаго русскаго языка по всѣмъ нарѣчіямъ" и въ особенности простонароднаго. Уже собраніе пословицъ и поговорокъ, расположенное Далемъ въ попредметномъ (а не азбучномъ) порядкѣ давало возможность дѣлать любопытные выводы о народныхъ воззрѣніяхъ на различные предметы. Что же касается до словаря, то Даль значительную часть матерьяловъ для своихъ обширныхъ работъ, по собственному сознанію, извлекъ изъ многочисленныхъ отвѣтовъ, полученныхъ Обществомъ съ разныхъ концовъ Россіи на его этнографическій циркуляръ 1846 года. Въ словарь Даля вошла масса словъ бытовыхъ обиходныхъ, т.-е. употребляемыхъ народомъ ежедневно. Важность этихъ словъ для этнографіи оказалось безспорною: они касались многихъ народныхъ обычаевъ, повѣрій, суевѣрій и объясняли ихъ. Въ дополненіе къ своему словарю Даль занялся и нанесеніемъ на карту географическаго распредѣленія разныхъ нарѣчій. Какъ высоко оцѣнило Геогр. Общество заслуги своего чл.-учр. В. И. Даля на пользу русской этнографіи мы увидимъ изъ исторіи дѣятельности Общества послѣдующихъ періодовъ.

Этнографическо-археологическія изслѣдованія также обращали на себя вниманіе Отдѣленія. Въ 1848 Д. Чл. Общ. гр. А. С. Уваровъ совершилъ интересное путешествіе по Южн. Россіи отъ Дуная до Анапы съ цѣлью археологическихъ изслѣдованій и этнографическихъ наблюденій, особливо надъ инородческими колоніями Южной Россіи: сербскими, болгарскими, греческими и т. п. Эти изслѣдованія были началомъ той обширной и плодотворной дѣятельности, которую проявилъ впослѣдствіи незабвенный гр. А. С. Уваровъ по изслѣдованію Россіи въ области Археологіи и Исторической Географіи.

Между мѣстными изслѣдователями народнаго быта особенную наблюдательность и талантливость проявилъ Д. Чл. Общества П. И. Мельниковъ, который, объѣзжая въ 1848 и 1849 г., въ качествѣ Правителя дѣлъ Нижегородскаго Статист. Комитета, разные малоизвѣстные уголки Нижегородской губерніи, собралъ обильный матерьялъ по этнографіи, статистикѣ и исторической географіи.

Еще труднѣе, чѣмъ Отдѣленію Этнографіи, было опредѣлить задачи и кадры своей дѣятельности Отдѣленію Статистики. Статистика въ Россіи въ 40-хъ годахъ была еще въ совершенно младенческомъ состояніи. Методологія производства статистическихъ цифръ не была установлена, спеціальныхъ статистическихъ органовъ, кромѣ небольшихъ статистическихъ Отдѣленій въ Министерствахъ Внутреннихъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ, не существовало. На изслѣдованія и объясненія явленій національной экономической и

общественной жизни органы администраціи, и въ особенности цензурные, смотрѣли даже нѣсколько подозрительно [1]).

Единственными сколько нибудь достовѣрными источниками для статистики населенія служили періодическія переписи, такъ называемыя „ревизіи“ податнаго населенія и церковныя метрическія записи. Ревизіи, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, могли бы служить еще цѣннымъ источникомъ свѣдѣній не только о численности податнаго населенія, но и о его составѣ, т. е. распредѣленіи его по семейному состоянію, возрасту и сословіямъ, еслибы ревизскія сказки подвергались правильной статистической разработкѣ (dépouillement), т. е. сведенію въ таблицы всѣхъ данныхъ, заключающихся въ переписи, но о такой разработкѣ, требующей многочисленнаго персонала и значительныхъ средствъ, никто и не помышлялъ, да и не было для нея спеціальныхъ статистическихъ органовъ. Что же касается до движенія населенія, то, при довольно удовлетворительномъ веденіи духовенствомъ собственно метрическихъ книгъ, извлеченія изъ ихъ записей статистическихъ свѣдѣній было крайне неудовлетворительно, такъ какъ оно лежало не на спеціальныхъ статистическихъ органахъ, а на худо оплачиваемыхъ нисшихъ чиновникахъ Духовныхъ Консисторій, чуждыхъ всякаго знанія статистической техники и занимавшихся составленіемъ выходящихъ изъ круга ихъ обычной канцелярской дѣятельности статистическихъ таблицъ крайне небрежно.

Еще менѣе удовлетворительны были свѣдѣнія по другимъ отраслямъ статистики, кромѣ тѣхъ, для которыхъ, какъ напримѣръ для внѣшней торговли, существовали правильныя регистраціи, преслѣдовавшія какія либо административныя или фискальныя цѣли. Статистики поземельной въ сороковыхъ годахъ вовсе не существовало и, при полномъ, слѣдовательно, отсутствіи данныхъ о землевладѣніи, землепользованіи и о количествѣ земель, состоящихъ подъ тѣми или другими посѣвами, свѣдѣнія о количествѣ высѣваемаго хлѣба и о его урожаѣ основывались исключительно на фиктивныхъ показаніяхъ полиціи, фиктивныхъ потому, что никакая полиція не имѣла, ко времени составленія губернаторскихъ отчетовъ, ни времени, ни средствъ даже розыскать каждаго производителя хлѣба, а тѣмъ болѣе опросить его, сколько онъ высѣялъ и собралъ хлѣба въ данномъ году. Еще менѣе могла полиція свести получаемыя неполныя показанія въ общіе по административнымъ единицамъ (уѣзды и станы) итоги. Поэтому весьма естественно, что полиція, на запросы къ ней обращаемые, вынуждена была отвѣчать всегда только болѣе или менѣе правдоподобными вымыслами. Подобную же степень достовѣрности имѣла и большая часть таблицъ, прилагаемыхъ ко всеподданнѣйшимъ отчетамъ губернаторовъ, какъ это было доказано впервые въ средѣ Отдѣленія Статистики молодымъ и талантливымъ русскимъ статистикомъ Чл.-Сотр. Общества Д. В. Журавскимъ, имѣвшимъ случай свѣрять оффиціальныя статистическія данныя съ дѣйствительностью

[1]) Нѣкоторые изъ этихъ органовъ смѣшивали соціологію, т. е. изученіе явленій общественной жизни съ соціализмомъ и распространявшимися уже въ то время соціалистическими ученіями, а слово демографія со словомъ демократія.

во время производства прекрасныхъ статистическихъ работъ, предпринятыхъ имъ въ Кіевской губерніи, при дѣятельномъ содѣйствіи мѣстнаго губернатора, просвѣщеннаго Фундуклея.

Съ такими то матерьялами приходилось тогда имѣть дѣло тогдашнимъ корифеямъ русской статистики: К. И. Арсеньеву, работавшему въ то время надъ своими „Статистическими очерками Россіи“ и П. И. Кеппену, который съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ, одинъ и безъ всякихъ средствъ, все таки суммировалъ и группировалъ нѣкоторыя изъ даваемыхъ ревизіями цифръ.

По отношенію къ давно задуманному П. И. Кеппеномъ въ его академической дѣятельности предпріятію: опредѣлить и нанести на карту въ губерніяхъ съ преобладающимъ русскимъ населеніемъ всѣ поселки, занятые инородческимъ населеніемъ, почтенный академикъ вышелъ на большую дорогу съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался Управляющимъ Отдѣленіемъ Статистики Русскаго Географическаго Общества. Онъ завелъ обширную переписку съ губернаторами, исправниками, священниками и размножающимися корреспондентами Общества, указывая имъ на извѣстные уже ему факты о распредѣленіи инородцевъ въ губерніи и прося ихъ дополнить, исправить имѣющіяся свѣдѣнія, и въ особенности сообщить ему данныя о численности инородцевъ. Слѣдя внимательно за газетными извѣстіями и въ особенности за губернскими вѣдомостями, получаемыми Обществомъ, П. И. Кеппенъ дѣлалъ изъ нихъ вырѣзки и собралъ такимъ образомъ обширный матеріалъ о каждомъ племени и объ этнографическомъ составѣ населенія каждой губерніи. Кеппенъ и самъ предпринималъ поѣздки въ доступныя ему мѣстности, напр. по Петербургской губерніи, для разъясненія нѣкоторыхъ сомнительныхъ для него вопросовъ, напр. относительно мѣстожительства финскихъ племенъ Воти и Ижоры. Также пользовался Кеппенъ для своей цѣли и поѣздками другихъ лицъ: такъ напримѣръ о распространеніи Корелъ по Новгородской и Тверской губерній получилъ весьма удовлетворительныя свѣдѣнія отъ посѣтившаго эти губерніи Чл.-Сотр. Общества Европеуса. Кеппенъ просилъ даже Совѣтъ Общества возбудить ходатайство передъ Министерствомъ Финансовъ о томъ, чтобы при переписяхъ (ревизіяхъ) въ ревизскихъ сказкахъ обозначалась народность лицъ, вносимыхъ въ ревизскіе списки. Совѣтъ возбудилъ это ходатайство въ 1849 г., но получилъ отвѣтъ Министра Финансовъ Вронченко о невозможности, будто бы, его исполненія.

Что же касается до составленія этнографической карты, то Совѣтъ съ особымъ вниманіемъ и сочувствіемъ относился къ работамъ почтеннаго академика. Въ апрѣлѣ 1846 г. Совѣтъ утвердилъ предлагаемое Кеппеномъ изданіе 4 листовой этнографической карты Европейской Россіи и расходъ, испрашиваемый на это изданіе и изъявилъ свою признательность Д. Чл. Общества К. К. Венцелю за содѣйствіе имъ оказываемое Управляющему Отдѣленіемъ Статистики при составленіи этнографической карты; въ октябрѣ 1846 г. предоставилъ П. И. Кеппену пріискать искуснаго топографа для работъ по картѣ, съ вознагражденіемъ отъ Общества; въ ноябрѣ того-же года ассигновалъ Кеппену

испрашиваемую имъ сумму на наемъ помощника для изготовленія пояснительнаго текста въ картѣ; въ февралѣ 1847 г. уплатилъ топографамъ Сухарину и Орлову вознагражденіе за окончательную отдѣлку карты; въ маѣ того-же года обращался къ М-ру Вн. Дѣлъ съ ходатайствомъ объ истребованіи отъ губернаторовъ Сѣверо-Западнаго края списка селеній, въ которыхъ живутъ Литовцы или Жмудины. Въ сентябрѣ 1848 г., когда карта, благодаря всѣмъ этимъ распоряженіямъ Совѣта, была уже въ главныхъ контурахъ награвирована, Совѣтъ постановилъ печатать ее въ 280 экземплярахъ и выдать Кеппену сумму потребную на бумагу и печатаніе карты.

Вслѣдствіе дѣятельныхъ сношеній Общества содѣйствіе П. И. Кеппену было оказываемо со всѣхъ сторонъ. По Высочайшему повелѣнію Департаментъ Военныхъ Поселеній собралъ для этнографической карты свѣдѣнія о Волохахъ и Сербахъ, въ этихъ поселеніяхъ живущихъ. Такія же свѣдѣнія по Подольской губерніи собраны Подольскимъ Военнымъ губернаторомъ, а о Болгарахъ начальникомъ Херсонской губерніи. Генералъ Губернаторъ Сѣверо-Западнаго края Бибиковъ отвѣтилъ на ходатайство Совѣта Общества присылкою въ 1849 г. подробныхъ свѣдѣній о селеніяхъ, во ввѣренныхъ ему губерніяхъ, обитаемыхъ Литовцами, Поляками, Евреями, Татарами. Въ томъ-же году бывшій въ Западныхъ губерніяхъ Д Чл. Общества графъ Дим. Андр. Толстой (впослѣдствіи М-ръ Народн. Просв., Президентъ Академіи Наукъ и М-ръ Внутр. Дѣлъ) весьма много содѣйствовалъ П. И. Кеппену для собранія точныхъ свѣдѣній объ инородцахъ Западныхъ губерній. Относительно финскихъ племенъ большое содѣйствіе Кеппену было оказано Чл.-Сотр. Общества Европеусомъ и магистромъ Вареніусомъ, благодаря которымъ опредѣлились границы Квенскаго нарѣчія, а также границы распространеніе и численность финскихъ племенъ Вoти и Ижоры и распространеніе Кореловъ въ Новгородской и Тверской губерніи. Только Тамбовскій губернаторъ Булгаковъ, на запросъ Кеппена о Корелахъ, по имѣвшимся даннымъ, нѣкогда водворенныхъ въ Козловскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи, отвѣтилъ что такой народности въ его губерніи не имѣется, что объяснялось можетъ быть тѣмъ, что эти Корелы уже совершенно обрусѣли.

Этнографическая карта окончательно была представлена Совѣту П. И. Кеппеномъ въ декабрѣ 1851 года и изданіе ея обошлось Обществу болѣе 1500 р.

Кромѣ тогдашнихъ корифеевъ статистической науки П. И. Кеппена и К. И. Арсеньева, въ трудахъ Отдѣленія Статистики приняла участіе цѣлая плеяда русскаго молодого въ сороковыхъ годахъ поколѣнія, живо интересовавшагося статистикою, какъ примѣненіемъ точнаго цифроваго метода къ изслѣдованію экономическихъ и соціологическихъ явленій русской жизни, какъ разъ въ тѣ годы, когда Императоръ Николай I задумывалъ неосуществившуюся въ его царствованіе великую реформу освобожденія крестьянъ въ Россіи. Самыми выдающимися изъ этихъ дѣятелей были: А. П. Заблоцкій-Десятовскій и К. С. Веселовскій, работавшіе надъ хозяй-

ственнымъ атласомъ Европейской Россіи, Г. П. Неболсинъ, приготовлявшій для изданія прекрасный для своего времени трудъ о внѣшней торговлѣ Россіи, Д. П. Журавскій, такъ хорошо выяснившій несостоятельность тогдашней оффиціальной статистики и усердно работавшій надъ статистикой Юго-Западнаго края, Д. А. Милютинъ, впослѣдствіи можно сказать создавшій русскую военную статистику, Н. А. Милютинъ, живо заботившійся объ упорядоченіи статистическаго дѣла въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, а нѣсколько позже Е. И. Ламанскій, занявшійся статистикою кредитныхъ учрежденій и исторіею денежнаго обращенія въ Россіи.

Въ подобномъ составѣ Отдѣленіе могло уже задумать въ 1848 г. изданіе въ средѣ Общества своего спеціальнаго органа, предположеннаго подъ заглавіемъ „Памятной Книжки статистики Россіи“. Внесенное Управляющимъ Отдѣленіемъ въ Совѣтъ Общества представленіе о томъ было, впрочемъ, отклонено въ январскомъ засѣданіи Совѣта 1846 г., въ виду недостаточности средствъ, впредь до ожидаемаго сближенія Отдѣленія Статистики Географическаго Общества съ такимъ же Отдѣленіемъ, состоящимъ при М-вѣ Вн. Дѣлъ. Только годъ спустя, въ мартовскомъ засѣданіи 1847 г., Совѣтъ Общества разрѣшилъ печатать „Сборникъ Статистическихъ Свѣдѣній“ и ассигновалъ на это изданіе 500 руб.

Къ началу 1847 г. дѣятельность Отдѣленія и переписка его Управляющаго разрослась на столько, что добросовѣстный П. И. Кеппенъ почувствовалъ, что не можетъ справиться съ принятыми имъ по управленію Отдѣленіемъ обязанностями. Тяготила его и та отвѣтственность, которая могла лечь на него при изданіи „Сборника статистическихъ свѣдѣній“, при тогдашнихъ тяжкихъ цензурныхъ условіяхъ. Все это побудило его въ апрѣлѣ 1847 г. отказаться отъ управленія Отдѣленіемъ, но когда 20 членовъ Отдѣленія, очень уважавшихъ и любившихъ Кеппена, представили Совѣту свое единодушное ходатайство объ удержаніи ихъ Управляющаго на его мѣстѣ, то Кеппенъ соглашался остаться въ своей должности, при условіи, если ему данъ будетъ постоянный письмоводитель, съ жалованьемъ въ 400 р. въ годъ. Однакоже Совѣтъ, за скудостью средствъ Общества, отклонилъ это предложеніе, предоставивъ Отдѣленію избрать двухъ кандидатовъ на должность Управляющаго Отдѣленіемъ. Тогда Отдѣленіе единогласно избрало только одного — А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, который, будучи утвержденъ Совѣтомъ Общества, избралъ себѣ въ Помощники К. С. Веселовскаго. При такомъ обновленномъ управленіи дѣятельность Отдѣленія еще болѣе оживилась. Явился и членъ-соревнователь Коммерціи-Совѣтникъ Жуковъ (извѣстный табачный фабрикантъ), который въ 1847 г. принялъ на себя обязанность въ теченіе 10 лѣтъ вносить ежегодно Обществу по 500 руб. на премію за лучшее сочиненіе по статистикѣ Россіи. Эта Жуковская премія, въ теченіе разсматриваемаго періода, была присуждена два раза: въ 1847 г. Г. П. Неболсину за его „Статистическое Обозрѣніе Внѣшней торговли Россіи“ и въ 1849 г. К. И. Арсеньеву за его „Статистическіе очерки Россіи“.

Многіе изъ членовъ Отдѣленія Статистики принялись за составленіе

статей для будущаго сборника, который, впрочемъ, появился въ свѣтъ уже только въ послѣдующемъ періодѣ. Неутомимый Чл.-Сотр. Журавскій представилъ Совѣту Общества свои предположенія объ усовершенствованіи оффиціальной статистики посредствомъ разработки, по общему плану, свѣдѣній и матерьяловъ, заключающихся въ дѣлопроизводствахъ присутственныхъ мѣстъ, разумѣя подъ этимъ однѣ подлинныя переписи и записи, которыя правительственные органы производятъ для какихъ либо административныхъ или фискальныхъ цѣлей. Въ основѣ своей предложеніе это указывало на необходимость организаціи правильной статистической разработки (dépouillement) всѣхъ правительственныхъ переписей и записей. Такъ поняла это дѣло и состоявшая изъ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, В. И. Даля и А. К. Гирса Коммиссія, разсматривавшая предположенія Журавскаго и указавшая на необходимость опредѣлить въ точности и самые способы обработки данныхъ извлекаемыхъ изъ правительственныхъ записей. Но такъ какъ, при полномъ въ то время еще отсутствіи статистической методологіи, опредѣлить эти способы a priori было невозможно, то Коммиссія предложила возложить на Журавскаго производство опыта предположенной имъ разработки по Кіевской губерніи.

Предложеніе, въ этомъ смыслѣ, Совѣта Общества Журавскому было принято, а Кіевскій Генералъ-Губернаторъ Д. Г. Бибиковъ изъявилъ готовность содѣйствовать всѣми зависящими отъ него средствами успѣху занятій Журавскаго. Въ томъ же году Журавскій представилъ въ Отдѣленіе Статистики образцы своихъ извлеченій, въ видѣ 19 весьма сложныхъ таблицъ, и 200 страницъ объясненій и соображеній о способахъ производства работъ и вообще о лучшемъ устройствѣ оффиціальной статистики, въ которомъ онъ доказывалъ возможность разработки оффиціальныхъ данныхъ и предлагалъ, чтобы Общество приняло на себя руководство всѣми присутственными мѣстами Имперіи по собиранію и разработкѣ статистическихъ свѣдѣній.

Таже Коммиссія, на которую Совѣтъ возложилъ разсмотрѣніе труда и предложеній Журавскаго, отнеслась весьма одобрительно собственно къ труду Журавскаго, но нашла совершенно невозможнымъ, чтобы Общество, состоящее изъ добровольныхъ и безвозмездныхъ тружениковъ науки, при подвижности и измѣнчивости своего состава, могло сосредоточить у себя разработку всѣхъ статистическихъ данныхъ обширной Имперіи, требующую цѣлаго легіона нанимаемыхъ позадѣльно счетчиковъ, на что въ распоряженіи Общества не имѣлось никакихъ средствъ, а также принять на себя обязанности учрежденія, руководящаго всѣми присутственными мѣстами по предмету собиранія статистическихъ свѣдѣній, каковымъ учрежденіемъ во всѣхъ государствахъ Европы состоятъ центральныя или спеціальныя по отдѣльнымъ вѣдомствамъ статистическія бюро или регистратуры.

Совѣтъ вполнѣ согласился съ осмотрительнымъ мнѣніемъ Коммиссіи и предложилъ Журавскому принять на себя составленіе статистическаго описанія Кіевской губерніи, которое могло бы быть издано, какъ образцовое,

для окончательной его разработки, былъ переданъ Совѣтомъ только въ 1851 г. Я. В. Ханыкову, на котораго, по предложенію Коммиссіи, былъ возложенъ трудъ разработки собраннаго матерьяла.

Но еще бо́льшее значеніе для этнографической науки имѣли занятія въ разсматриваемомъ періодѣ времени чл.-учр. Общества В. И. Даля. Приведя въ порядокъ свое огромное собраніе пословицъ и поговорокъ онъ всецѣло отдалъ свои силы составленію „Словаря живаго народнаго русскаго языка по всѣмъ нарѣчіямъ“ и въ особенности простонароднаго. Уже собраніе пословицъ и поговорокъ, расположенное Далемъ въ попредметномъ (а не азбучномъ) порядкѣ давало возможность дѣлать любопытные выводы о народныхъ воззрѣніяхъ на различные предметы. Что же касается до словаря, то Даль значительную часть матерьяловъ для своихъ обширныхъ работъ, по собственному сознанію, извлекъ изъ многочисленныхъ отвѣтовъ, полученныхъ Обществомъ съ разныхъ концовъ Россіи на его этнографическій циркуляръ 1846 года. Въ словарь Даля вошла масса словъ бытовыхъ обиходныхъ, т.-е. употребляемыхъ народомъ ежедневно. Важность этихъ словъ для этнографіи оказалось безспорною: они касались многихъ народныхъ обычаевъ, повѣрій, суевѣрій и объясняли ихъ. Въ дополненіе къ своему словарю Даль занялся и нанесеніемъ на карту географическаго распредѣленія разныхъ нарѣчій. Какъ высоко оцѣнило Геогр. Общество заслуги своего чл.-учр. В. И. Даля на пользу русской этнографіи мы увидимъ изъ исторіи дѣятельности Общества послѣдующихъ періодовъ.

Этнографическо-археологическія изслѣдованія также обращали на себя вниманіе Отдѣленія. Въ 1848 Д. Чл. Общ. гр. А. С. Уваровъ совершилъ интересное путешествіе по Южн. Россіи отъ Дуная до Анапы съ цѣлью археологическихъ изслѣдованій и этнографическихъ наблюденій, особливо надъ инородческими колоніями Южной Россіи: сербскими, болгарскими, греческими и т. п. Эти изслѣдованія были началомъ той обширной и плодотворной дѣятельности, которую проявилъ впослѣдствіи незабвенный гр. А. С. Уваровъ по изслѣдованію Россіи въ области Археологіи и Исторической Географіи.

Между мѣстными изслѣдователями народнаго быта особенную наблюдательность и талантливость проявилъ Д. Чл. Общества П. И. Мельниковъ, который, объѣзжая въ 1848 и 1849 г., въ качествѣ Правителя дѣлъ Нижегородскаго Статист. Комитета, разные малоизвѣстные уголки Нижегородской губерніи, собралъ обильный матерьялъ по этнографіи, статистикѣ и исторической географіи.

Еще труднѣе, чѣмъ Отдѣленію Этнографіи, было опредѣлить задачи и кадры своей дѣятельности Отдѣленію Статистики. Статистика въ Россіи въ 40-хъ годахъ была еще въ совершенно младенческомъ состояніи. Методологія производства статистическихъ цифръ не была установлена, спеціальныхъ статистическихъ органовъ, кромѣ небольшихъ статистическихъ Отдѣленій въ Министерствахъ Внутреннихъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ, не существовало. На изслѣдованія и объясненія явленій національной экономической и

ныя объявленія, наставленія и извѣщенія въ огромномъ числѣ экземпляровъ: такъ въ 1848 г. ихъ было разослано до 30.000. Отвѣтовъ получалось множество и всеобщій интересъ къ дѣятельности Общества и его популярность возрастали съ каждымъ годомъ. Нѣкоторые изъ иногородныхъ членовъ Общества относились съ особымъ вниманіемъ и сочувствіемъ къ его дѣятельности. Такъ Д. Чл. Общества Тверской губернаторъ Бакунинъ непрестанно заботился о собираніи въ своей губерніи статистическихъ свѣдѣній и старался всѣми зависящими отъ него средствами возбуждать въ губерніи изученіе, въ выясненномъ уже Географическимъ Обществомъ циклѣ его дѣятельности, мѣстныхъ, въ Тверской губерніи малоизслѣдованныхъ, предметовъ.

ГЛАВА VI.

Издательская дѣятельность Общества и его заботы о научныхъ пособіяхъ, необходимыхъ для занятія членовъ Общества (библіотекѣ и музеѣ).

Издательская дѣятельность Общества, конечно, не могла еще получить обширнаго развитія въ разсматриваемомъ нами первомъ періодѣ, такъ какъ многія, задуманныя въ этомъ періодѣ изданія еще не могли быть осуществлены или окончены.

Съ самаго начала дѣятельности Общества было положено имѣть постояннымъ его печатнымъ органомъ „Записки Географическаго Общества“, въ которыхъ должны были печататься всѣ географическіе труды членовъ его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и текущія извѣстія о его дѣятельности.

Первая книжка „Записокъ“ появилась въ печати въ сентябрѣ 1846 г., а вторая въ 1848 г. Интересъ, возбуждаемый дѣятельностью Общества, былъ такъ великъ, что всѣ экземпляры этихъ книжекъ разошлись очень скоро и Общество нашлось вынужденнымъ перепечатать обѣ книжки вторымъ изданіемъ въ 1849 году [1].

Само собою разумѣется, что, согласно постановленію Совѣта Общества въ апрѣльскомъ его засѣданіи, „Записки“ должны были издаваться непремѣнно на русскомъ языкѣ, но такъ какъ Совѣтъ, заботившійся о распро-

---

[1]) Въ I книжкѣ были помѣщены только статьи, читанныя въ Общихъ Собраніяхъ Общества, а именно: В. Я. Струве «Обз. геогр. работъ въ Россіи» (18 стр.), К. И. Арсеньева «Истор. стат. опис. монетн. дѣла въ Россіи» (20 стр.), А. Н. Савича «Извл. изъ отчета Фреймапа о владѣніяхъ Гудзонъ-Байской компаніи» (14 стр.), К. М. Бэра «Объ этногр. изсл. вообще и въ Россіи въ особенности» (23 стр.) и А. П. Болотова «Взглядъ на соврем. состояніе геодез. и этнограф. дѣйств.» (20 стр.). Во II книжкѣ, кромѣ чтеній: Ф. П. Врангеля «О средствахъ достиженія полюса» (6 стр.), Н. И. Надеждина «Объ этногр. изученіи народности русской» (65 стр.), А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго «Взглядъ на истор. развитіе статистики въ Россіи» (19 стр.), С. И. Зеленаго «Извлеч. изъ дневн. лейт. Загоскина» (68 стр.), В. С. Порошина «О средствахъ къ опредѣл. климата» (17 стр.), были помѣщены извлеченія изъ отчета чл.-сотр. А. Шегрена «Объ этногр. экспед. въ Лифляндію и Курляндію» (14 стр.) и оригинальныя статьи, составленныя членами Геогр. Общества, а именно: Я. В. Ханыкова «Очеркъ состоян. Внутр. Киргизс. орды въ 1841 г.» (34 стр.), бар. К. Боде «О туркменс. покол. Ямудахъ и Гокланахъ» (33 стр.), М. И. Иванина «Поѣздка на полуостровъ Мангышлакъ» (32 стр.).

страненіи свѣдѣній о Россіи въ Европѣ, постановилъ издавать въ иностранныхъ переводахъ тѣ статьи, которыя могли имѣть интересъ для иностранной публики, то I и II книжки появились въ 1849 году и въ нѣмецкомъ изданіи, за что Общество уплатило Веймарскому издателю Фрорипу 938 руб.

Въ сентябрьскомъ засѣданіи 1848 года Совѣтъ поручилъ редакцію III книжки „Записокъ“ К. С. Веселовскому, а IV-й В. В. Григорьеву; первая изъ этихъ книжекъ появилась въ печати въ 1849, а вторая въ 1850 году, хотя по содержанію своему всецѣло принадлежитъ еще первому періоду дѣятельности Общества [1]).

Но Совѣтъ Общества не довольствовался изданіемъ однихъ „Записокъ“. Желая содѣйствовать популяризаціи географической науки, онъ, въ засѣданіи своемъ 20 января 1847 г., постановилъ издавать еще географическій ежегодникъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 30 печатныхъ листовъ, наполняя его статьями нарочно составляемыми, главнымъ образомъ съ цѣлью популяризовать въ Россіи географическія науки. Въ особо учрежденный для редакціи ежегодника комитетъ Совѣтъ пригласилъ, кромѣ Ѳ. П. Литке—Д. Членовъ: К. М. Бэра, Ф. П. Врангеля, Г. П. Гельмерсена и Н. И. Надеждина. Собственно наблюденіе за печатаніемъ задуманнаго ежегодника Совѣтъ поручилъ Д. Чл. Свенске, а программу 1-й его книжки утвердилъ 2 августа 1847 года. Изданіе это, подъ названіемъ „Карманная книжка для любителей Землевѣдѣнія“, вышло въ 1848 году, а въ началѣ 1849 года, книжка, напечатанная въ 1.200 экз., разошлась вся, и, вслѣдствіе заявленнаго на нее спроса, была перепечатана вторымъ изданіемъ въ 1849 году. Были заготовлены и матерьялы для II книжки, но когда, въ началѣ послѣдующаго періода, Совѣтъ Общества рѣшился на изданіе „Вѣстника Имп. Русск. Геогр. Общ.“, то изданіе второй Карманной книжки было оставлено и матерьялъ для нея приготовленный былъ переданъ въ редакцію Вѣстника.

Въ мартѣ 1848 г., также по мысли и предложенію Н. И. Надеждина, поддержанному Ѳ. П. Литке, Совѣтъ Общества постановилъ издавать, подъ именемъ „Географическихъ Извѣстій“, срочный листокъ или бюллетень для своевременнаго сообщенія извѣстій о трудахъ Общества и разныхъ географическихъ новостей, въ виду того что „Записки“ Общества, состоя изъ болѣе или менѣе обширныхъ трудовъ его членовъ, не могли сообщать въ должной свѣ-

---

[1]) Въ III книжкѣ, кромѣ чтеній, а именно: В. Я. Струве: «О рукописи астрон. Делиля» (18 стр.); К. С. Веселовскаго «Статист. недвиж. имуществъ въ С.-Петербургѣ» (70 стр.); К. М. Бэра «Заслуги Петра Великаго по части распространенія географич. познаній» (37 стр.), помѣщены еще статьи: П. Чихачева «Объ изслѣдов. вершинъ Сыръ и Аму-Дарьи и Памира» (30 стр.) и замѣч. на эту статью Іак. Бичурина: «Обозр. Коканскаго ханства» (41 стр.) и письмо Регули къ акад. Кеппену (17 стр.). Наконецъ въ IV книжкѣ помѣщены: И. Ф. Бларамберга «Журналъ эксп. 1836 г. для обозр. береговъ Каспійскаго м.» и «Топогр. и статист. опис. вост. бер. Каспійскаго м.» (обѣ 120 стр.); А. И. Шренка «Областн. выраженія русскаго языка въ Архангельской г-ніи» (47 стр.); А. А. Рафаловича «Этногр. замѣтки о жител. Нижней Нубіи» (56 стр.); отца Палладія Кафарова (впосл. архимандритъ) «О торг. путяхъ по Китаю» (36 стр.), также какъ и окончаніе вышеприв. статьи Бэра о заслугахъ Петра Великаго (24 стр.).

жести свѣдѣній о дѣйствіяхъ самого Общества, ни текущихъ любопытныхъ новостей по разнымъ отраслямъ географическихъ наукъ. Редакторами „Географическихъ Извѣстій“ были назначены: въ 1848 г. Н. И. Надеждинъ, а въ 1849 г. В. В. Григорьевъ; оба вели свое дѣло съ большимъ знаніемъ и талантливостью.

Такимъ образомъ, въ теченіе перваго періода дѣятельности Общества, было имъ издано (со включеніемъ IV книжки Записокъ) семь книжекъ, въ объемѣ всего только 147 печатныхъ листовъ, такъ какъ статьи, помѣщаемыя въ изданіяхъ Общества были не обширны и ни одна изъ нихъ не превосходила въ своемъ объемѣ 5 печатныхъ листовъ.

Но очевидно, что содержаніе Записокъ Общества и Карманной его Книжки вполнѣ соотвѣтствовало тогдашнему спросу образованной среды русскаго общества сороковыхъ годахъ и, въ особенности, стремившагося къ познанію Русской земли молодаго поколѣнія того времени. Потому въ высшей степени интересными представляются, для исторіи просвѣщенія Россіи, свѣдѣнія о томъ, какое содержаніе имѣли удовлетворявшія общественному спросу въ сороковыхъ годахъ изданія Географическаго Общества.

Прежде всего молодое Географическое Общество желало знать, на сколько Россія изучена по разнымъ отраслямъ землевѣдѣнія и народовѣдѣнія, и какими методами можно достигнуть изученія того, что осталось неизвѣстнымъ въ сказанныхъ отрасляхъ знанія.

Несомнѣнно, что прочитанныя въ засѣданіяхъ Общества и появившіяся въ его изданіяхъ статьи: В. Я. Струве—Обзоръ географическихъ работъ въ Россіи [1]), и А. П. Болотова—Взглядъ на состояніе геодезическихъ работъ и дѣйствій [2]),—дали рѣшительный толчокъ послѣдующимъ геодезическимъ работамъ на обширномъ пространствѣ Евр. Россіи, а статьи: К. М. Бэра—О заслугахъ Петра Великаго по части распространенія географическихъ наукъ [3]), проф. Кемтца—Объ успѣхахъ землевѣдѣнія въ первой половинѣ XVIII вѣка [4]) и Ф. П. Врангеля—О средствахъ достиженія полюса [5]),—возбуждали интересъ къ географическимъ изслѣдованіямъ. Статья Э. Х. Ленца—О теплотѣ въ отношеніи климатическомъ [6]),—пробудила интересъ къ метеорологическимъ изслѣдованіямъ, но гораздо болѣе вліянія на возбужденіе этого интереса по всей Россіи имѣла статья В. С. Порошина—О средствахъ къ опредѣленію климата [7]), такъ какъ, читая эту статью, любознательные люди, живущіе въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Россіи, почувствовали, что и они могутъ принести посильную лепту изученію физическихъ и климатическихъ условій родной земли.

---

[1]) См. Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. 1-я и 2-я, изд. 2-е, 1849 г., стр. 23—35.
[2]) Тамъ же, стр. 81—97.
[3]) См. Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. 3, 1849 г., стр. 217—253 и кн. 4-я, 1850 г., стр. 260—283.
[4]) См. Карм. книжка для любит. землевѣд., 1848 г., стр. 5—157.
[5]) См. Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. 1-я и 2-я, изд. 2-е, 1849 г., стр. 115—120.
[6]) См. Карм. книжка для любит. землевѣд., 1848 г., стр. 161—194.
[7]) См. Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. 1-я и 2-я, изд. 2-е, 1849 г., стр. 296—310.

Широкій взглядъ на значеніе этнографической науки былъ высказанъ К. М. Бэромъ въ прочитанной имъ въ Общемъ Собраніи и напечатанной въ „Запискахъ“ Общества статьѣ—Объ этнографическихъ изслѣдованіяхъ вообще и въ Россіи въ особенности [1]),—а также въ статьѣ—О вліяніи внѣшней природы на соціальныя отношенія отдѣльныхъ народовъ и на исторію человѣчества,—напечатанной въ Карманной книжкѣ Общества [2]). Въ статьяхъ этихъ, Бэръ, со свойственною ему талантливостью, выяснилъ и значеніе этнографіи, и вліяніе на природу человѣка физическихъ условій страны имъ обитаемой, и вліяніе культурнаго человѣка на подчиненную его хозяйству природу. Статьи Бэра не только очаровали слушателей и читателей, но и завербовали многихъ на изученіе этнографіи. Но еще большее вліяніе на возбужденіе интереса къ этнографическимъ изслѣдованіямъ, въ другомъ направленіи, возбудила статья Н. И. Надеждина—Объ этнографическомъ изученіи народности русской [3]),—такъ какъ статья эта болѣе соотвѣтствовала общественному спросу того времени. Когда же молодымъ силамъ Россіи пришлось выбирать между направленіемъ Бэра, стремившагося къ изученію вымирающихъ (подобно Ливамъ и Кревингамъ) инородческихъ племенъ, также какъ и къ основанному преимущественно на антропологіи и естественной исторіи сравнительному изученію многочисленныхъ народностей, обитающихъ въ предѣлахъ Имперіи, и направленіемъ Н. И. Надеждина, стремившагося къ изученію русскаго простолюдина, удержавшаго, во всѣхъ мѣстныхъ особенностяхъ своего крестьянскаго быта, какъ бы подъ пепломъ постигавшихъ его историческихъ погромовъ, и свои преданія глубокой старины, и свой народный характеръ, но при всемъ томъ, по юношеской еще свѣжести своихъ силъ, несомнѣнно способнаго на будущее культурно-историческое развитіе—то молодая русская интеллигенція, сгруппировавшаяся въ Географическомъ Обществѣ, не задумываясь отдала предпочтеніе этимъ послѣднимъ изслѣдованіямъ.

Въ области примѣненія цифроваго метода къ изученію соціологическихъ явленій, т. е. въ области статистики, большое вліяніе на будущіе успѣхи статистической науки въ Россіи оказали: статья А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго,—Взглядъ на исторію развитія статистики въ Россіи [4]), прекрасное чтеніе К. С. Веселовскаго 12 ноября 1847 г., извлеченіе изъ котораго—Статистика недвижимыхъ имуществъ въ Петербургѣ—была напечатана въ „Запискахъ“ Общества [5]), наконецъ интересныя сообщенія въ Отдѣленіи Статистики Чл.-Сотр. Журавскаго, который съ необыкновенною для того времени смѣлостью доказалъ всю несостоятельность тогдашней русской оффиціальной статистики.

О возраставшемъ интересѣ, въ средѣ тогдашняго Русскаго Географиче-

---

[1]) См. Зап. Русс. Геогр. Общ. кн. 1-я и 2-я, изд. 2-е 1849 г., стр. 64—81.
[2]) См. Карм. книжка для любит. землевѣд., 1848 г., стр. 197—235.
[3]) См. Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. 1-я и 2-я, изд. 2-е, 1849 г., стр. 149—194.
[4]) Тамъ же, стр. 195—210.
[5]) См. Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. 3-я, 1849 г., стр. 63—137.

скаго Общества, къ изученію внутренности Азіатскаго материка свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ статей, появившихся въ изданіяхъ Общества разсматриваемаго періода. Однѣ изъ этихъ статей, какъ напр. Пл. А. Чихачева — О (желаемомъ) изслѣдованіи вершинъ Сыръ и Аму-Дарьи и нагорной площади Памира[1]) и П. С. Савельева—Средняя Азія[2]),—прямо призывали молодыхъ русскихъ ученыхъ къ путешествіямъ и изслѣдованіямъ въ глубинѣ Азіатскаго материка; другія, какъ напр. И. Ф. Бларамберга — Журналъ экспедиціи (Г. С. Карелина) для обозрѣнія восточныхъ береговъ Каспійскаго моря въ 1836 г. и описаніе этихъ береговъ[3]), Бар. К. Боде — О туркменскихъ поколѣніяхъ Ямудахъ и Гокланахъ 1842 г.[4]) и М. И. Иванина — Поѣздка на полуостровъ Мангышлакъ[5]) — заключали въ себѣ результаты наблюденій членовъ Общества въ поѣздкахъ ихъ на западныхъ границахъ внутренней Азіи; третьи—монографическія разработки свѣдѣній о нѣкоторыхъ частяхъ Азіи. Сюда относились: Обозрѣніе Коканскаго ханства[6]), трудъ Ханыкова — О состояніи внутренней Киргизской орды[7]), а также іеремонаха Палладія Кафарова (бывшаго впослѣдствіи дважды Начальникомъ Пекинской Духовной Миссіи и архимандритомъ) — О торговыхъ путяхъ по Китаю[8]).

Достаточный интересъ обнаруживало юное Общество къ арктической зонѣ не только Стараго, но и Новаго Свѣта. Такъ въ его изданіяхъ разсматриваемаго періода встрѣчаются статьи А. И. Шренка — Областныя выраженія русскаго языка въ Архангельской губерніи[9]), письмо венгерца Регули, путешествовавшаго въ Сѣверномъ Уралѣ[10]), В. Я. Струве — О рукописи астронома Делиля (путешествовавшаго въ с.-з. Сибири), найденной и принесенной въ даръ Обществу Д. Чл. кн. Н. А. Долгоруковымъ[11]), С. И. Зеленаго—Извлеченіе изъ дневника лейт. Загоскина во время экспедиціи въ Русской Америкѣ въ 1842—44 г.[12]) и А. Н. Савича—Извлеченіе изъ отчета Фреймана о владѣніяхъ Гудзонъ-байской компаніи[13]).

Изъ странъ субтропическихъ Общество въ разсматриваемомъ періодѣ интересовалось въ особенности бассейномъ Нила, какъ это доказываютъ напечатанныя Обществомъ этнографическія замѣтки Д. Чл. А. А. Рафаловича — О жи-

---

[1]) См. Зап. Русск. Геогр. Общ. кн. 3-я, 1849, стр. 20—49 (съ картою), а замѣч. на эту статью О. Іакинфа Бичурина, стр. 254—260.
[2]) См. Карм. книжка для любит. землевѣд., 1848 г., стр. 239—278.
[3]) См. Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. 4-я, 1850 г., стр. 1—120.
[4]) См. Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. 1-я и 2-я, изд. 2-е, 1849 г., стр. 267—295.
[5]) Тамъ же, стр. 322—354 (съ 2 картами).
[6]) См. Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. 3-я, 1849 г., стр. 176—216 (съ картою).
[7]) См. Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. 1-я и 2-я, изд. 2-е, 1849 г., стр. 121 — 148 (съ картою).
[8]) См. Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. 4-я, стр. 224—259.
[9]) См. Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. 4-я, 1850 г., стр. 121—167.
[10]) См. Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. 3-я, 1849 г., стр. 159—173.
[11]) Тамъ же, стр. 50—67.
[12]) См. Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. 1-я и 2-я, изд. 2-е, 1849 г., стр. 211 — 266 (съ картою).
[13]) Тамъ же, стр. 52—63.

теляхъ Нубіи[1]) и отчетъ о поѣздкѣ въ Египетъ Д. Членовъ Е. П. Ковалевскаго и Ценковскаго.

Однимъ изъ важныхъ пособій при работахъ членовъ Географическаго Общества должна была сдѣлаться разроставшаяся съ необыкновенною быстротою библіотека Общества. Составилась она главнымъ образомъ изъ книгъ, жертвуемыхъ членами Общества и присылаемыхъ авторами и различными учрежденіями.

Совѣтъ Общества, разумѣется, поставилъ себѣ задачею сдѣлать его библіотеку доступною для занятій членовъ Общества. Въ началѣ 1849 года секретарь Общества А. К. Гирсъ, не имѣя возможности справиться съ библіотекою и желая сдѣлать ее скорѣе доступною членамъ Общества, просилъ вновь избраннаго члена, магистранта С.-П.Б. Университета, П. П. Семенова (нынѣ Вице-Предсѣдателя Общества), привести въ порядокъ библіотеку Общества и принять ее въ свое вѣдѣніе. Все это было исполнено безвозмездно первымъ библіотекаремъ Общества и каталогизированная и систематически сгрупированная библіотека сдѣлалась доступною для членовъ. Организовано было и ея систематическое пополненіе тѣмъ, что всякое спрашиваемое членами Общества и относящееся до географіи Россіи (въ обширномъ смыслѣ) сочиненіе было, при первой возможности, пріобрѣтаемо для библіотеки Общества.

Въ концѣ перваго періода, по мысли, выраженной К. М. Бэромъ въ Извѣстіяхъ Общества, было положено въ немъ и начало Этнографическаго Музея, недавно переданнаго Обществомъ въ будущій Русскій Этнографическій Музей Академіи Наукъ.

---

[1]) См. Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. 4-я, стр. 168—228.

ГЛАВА VI.

Издательская дѣятельность Общества и его заботы о научныхъ пособіяхъ, необходимыхъ для занятія членовъ Общества (библіотекѣ и музеѣ).

Издательская дѣятельность Общества, конечно, не могла еще получить обширнаго развитія въ разсматриваемомъ нами первомъ періодѣ, такъ какъ многія, задуманныя въ этомъ періодѣ изданія еще не могли быть осуществлены или окончены.

Съ самаго начала дѣятельности Общества было положено имѣть постояннымъ его печатнымъ органомъ „Записки Географическаго Общества", въ которыхъ должны были печататься всѣ географическіе труды членовъ его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и текущія извѣстія о его дѣятельности.

Первая книжка „Записокъ" появилась въ печати въ сентябрѣ 1846 г., а вторая въ 1848 г. Интересъ, возбуждаемый дѣятельностью Общества, былъ такъ великъ, что всѣ экземпляры этихъ книжекъ разошлись очень скоро и Общество нашлось вынужденнымъ перепечатать обѣ книжки вторымъ изданіемъ въ 1849 году [1]).

Само собою разумѣется, что, согласно постановленію Совѣта Общества въ апрѣльскомъ его засѣданіи, „Записки" должны были издаваться непремѣнно на русскомъ языкѣ, но такъ какъ Совѣтъ, заботившійся о распро-

---

[1]) Въ I книжкѣ были помѣщены только статьи, читанныя въ Общихъ Собраніяхъ Общества, а именно: В. Я. Струве «Обз. геогр. работъ въ Россіи» (18 стр.), К. И. Арсеньева «Истор. стат. опис. монетн. дѣла въ Россіи» (20 стр.), А. Н. Савича «Извл. изъ отчета Фреймапа о владѣніяхъ Гудзонъ-Байской компаніи» (14 стр.), К. М. Бэра «Объ этногр. изсл. вообще и въ Россіи въ особенности» (23 стр.) и А. П. Болотова «Взглядъ на соврем. состояніе геодез. и этнограф. дѣйств.» (20 стр.). Во II книжкѣ, кромѣ чтеній: Ф. П. Врангеля «О средствахъ достиженія полюса» (6 стр.), Н. И. Надеждина «Объ этногр. изученіи народности русской» (65 стр.), А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго «Взглядъ на истор. развитіе статистики въ Россіи» (19 стр.), С. И. Зеленаго «Извлеч. изъ днevн. лейт. Загоскина» (68 стр.), В. С. Порошина «О средствахъ къ опредѣл. климата» (17 стр.), были помѣщены извлеченія изъ отчета чл.-сотр. А. Шегрена «Объ этногр. экспед. въ Лифляндію и Курляндію» (14 стр.) и оригинальныя статьи, составленныя членами Геогр. Общества, а именно: Я. В. Ханыкова «Очеркъ состоян. Внутр. Киргизс. орды въ 1841 г.» (34 стр.), бар. К. Боде «О туркменс. покол. Ямудахъ и Гокланахъ» (33 стр.), М. И. Иванина «Поѣздка на полуостровъ Мангышлакъ» (32 стр.).

страненіи свѣдѣній о Россіи въ Европѣ, постановилъ издавать въ иностранныхъ переводахъ тѣ статьи, которыя могли имѣть интересъ для иностранной публики, то I и II книжки появились въ 1849 году и въ нѣмецкомъ изданіи, за что Общество уплатило Веймарскому издателю Фрорипу 938 руб.

Въ сентябрьскомъ засѣданіи 1848 года Совѣтъ поручилъ редакцію III книжки „Записокъ" К. С. Веселовскому, а IV-й В. В. Григорьеву; первая изъ этихъ книжекъ появилась въ печати въ 1849, а вторая въ 1850 году, хотя по содержанію своему всецѣло принадлежитъ еще первому періоду дѣятельности Общества [1]).

Но Совѣтъ Общества не довольствовался изданіемъ однихъ „Записокъ". Желая содѣйствовать популяризаціи географической науки, онъ, въ засѣданіи своемъ 20 января 1847 г., постановилъ издавать еще географическій ежегодникъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 30 печатныхъ листовъ, наполняя его статьями нарочно составляемыми, главнымъ образомъ съ цѣлью популяризовать въ Россіи географическія науки. Въ особо учрежденный для редакціи ежегодника комитетъ Совѣтъ пригласилъ, кромѣ Ѳ. П. Литке—Д. Членовъ: К. М. Бэра, Ф. П. Врангеля, Г. П. Гельмерсена и Н. И. Надеждина. Собственно наблюденіе за печатаніемъ задуманнаго ежегодника Совѣтъ поручилъ Д. Чл. Свенске, а программу 1-й его книжки утвердилъ 2 августа 1847 года. Изданіе это, подъ названіемъ „Карманная книжка для любителей Землевѣдѣнія", вышло въ 1848 году, а въ началѣ 1849 года, книжка, напечатанная въ 1.200 экз., разошлась вся, и, вслѣдствіе заявленнаго на нее спроса, была перепечатана вторымъ изданіемъ въ 1849 году. Были заготовлены и матерьялы для II книжки, но когда, въ началѣ послѣдующаго періода, Совѣтъ Общества рѣшился на изданіе „Вѣстника Имп. Русск. Геогр. Общ.", то изданіе второй Карманной книжки было оставлено и матерьялъ для нея приготовленный былъ переданъ въ редакцію Вѣстника.

Въ мартѣ 1848 г., также по мысли и предложенію Н. И. Надеждина, поддержанному Ѳ. П. Литке, Совѣтъ Общества постановилъ издавать, подъ именемъ „Географическихъ Извѣстій", срочный листокъ или бюллетень для своевременнаго сообщенія извѣстій о трудахъ Общества и разныхъ географическихъ новостей, въ виду того что „Записки" Общества, состоя изъ болѣе или менѣе обширныхъ трудовъ его членовъ, не могли сообщать въ должной свѣ-

---

[1]) Въ III книжкѣ, кромѣ чтеній, а именно: В. Я. Струве: «О рукописи астрон. Делиля» (18 стр.); К. С. Веселовскаго «Статист. недвиж. имуществъ въ С.-Петербургѣ» (70 стр.); К. М. Бэра «Заслуги Петра Великаго по части распространенія географич. познаній» (37 стр.), помѣщены еще статьи: П. Чихачева «Объ изслѣдов. вершинъ Сыръ и Аму-Дарьи и Памира» (30 стр.) и замѣч. на эту статью Іак. Бичурина: «Обозр. Коканскаго ханства» (41 стр.) и письмо Регули къ акад. Кеппену (17 стр.). Наконецъ въ IV книжкѣ помѣщены: И. Ф. Бларамберга «Журналъ эксп. 1836 г. для обозр. береговъ Каспійскаго м.» и «Топогр. и статист. опис. вост. бер. Каспійскаго м.» (обѣ 120 стр.); А. И. Шренка «Областн. выраженія русскаго языка въ Архангельской г-ніи» (47 стр.); А. А. Рафаловича «Этногр. замѣтки о жител. Нижней Нубіи» (56 стр.); отца Палладія Кафарова (впосл. архимандритъ) «О торг. путяхъ по Китаю» (36 стр.), также какъ и окончаніе вышеприв. статьи Бэра о заслугахъ Петра Великаго (24 стр.).

жести свѣдѣній о дѣйствіяхъ самого Общества, ни текущихъ любопытныхъ новостей по разнымъ отраслямъ географическихъ наукъ. Редакторами „Географическихъ Извѣстій“ были назначены: въ 1848 г. Н. И. Надеждинъ, а въ 1849 г. В. В. Григорьевъ; оба вели свое дѣло съ большимъ знаніемъ и талантливостью.

Такимъ образомъ, въ теченіе перваго періода дѣятельности Общества, было имъ издано (со включеніемъ IV книжки Записокъ) семь книжекъ, въ объемѣ всего только 147 печатныхъ листовъ, такъ какъ статьи, помѣщаемыя въ изданіяхъ Общества были не обширны и ни одна изъ нихъ не превосходила въ своемъ объемѣ 5 печатныхъ листовъ.

Но очевидно, что содержаніе Записокъ Общества и Карманной его Книжки вполнѣ соотвѣтствовало тогдашнему спросу образованной среды русскаго общества сороковыхъ годахъ и, въ особенности, стремившагося къ познанію Русской земли молодаго поколѣнія того времени. Потому въ высшей степени интересными представляются, для исторіи просвѣщенія Россіи, свѣдѣнія о томъ, какое содержаніе имѣли удовлетворявшія общественному спросу въ сороковыхъ годахъ изданія Географическаго Общества.

Прежде всего молодое Географическое Общество желало знать, на сколько Россія изучена по разнымъ отраслямъ землевѣдѣнія и народовѣдѣнія, и какими методами можно достигнуть изученія того, что осталось неизвѣстнымъ въ сказанныхъ отрасляхъ знанія.

Несомнѣнно, что прочитанныя въ засѣданіяхъ Общества и появившіяся въ его изданіяхъ статьи: В. Я. Струве—Обзоръ географическихъ работъ въ Россіи [1]), и А. П. Болотова—Взглядъ на состояніе геодезическихъ работъ и дѣйствій [2]),—дали рѣшительный толчокъ послѣдующимъ геодезическимъ работамъ на обширномъ пространствѣ Евр. Россіи, а статьи: К. М. Бэра—О заслугахъ Петра Великаго по части распространенія географическихъ наукъ [3]), проф. Кемтца—Объ успѣхахъ землевѣдѣнія въ первой половинѣ XVIII вѣка [4]) и Ф. П. Врангеля—О средствахъ достиженія полюса [5]),—возбуждали интересъ къ географическимъ изслѣдованіямъ. Статья Э. Х. Ленца—О теплотѣ въ отношеніи климатическомъ [6]),—пробудила интересъ къ метеорологическимъ изслѣдованіямъ, но гораздо болѣе вліянія на возбужденіе этого интереса по всей Россіи имѣла статья В. С. Порошина—О средствахъ къ опредѣленію климата [7]), такъ какъ, читая эту статью, любознательные люди, живущіе въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Россіи, почувствовали, что и они могутъ принести посильную лепту изученію физическихъ и климатическихъ условій родной земли.

---

1) См. Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. 1-я и 2-я, изд. 2-е, 1849 г., стр. 23—35.
2) Тамъ же, стр. 81—97.
3) См. Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. 3, 1849 г., стр. 217—253 и кн. 4-я, 1850 г., стр. 260—283.
4) См. Карм. книжка для любит. землевѣд., 1848 г., стр. 5—157.
5) См. Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. 1-я и 2-я, изд. 2-е, 1849 г., стр. 115—120.
6) См. Карм. книжка для любит. землевѣд., 1848 г., стр. 161—194.
7) См. Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. 1-я и 2-я, изд. 2-е, 1849 г., стр. 296—310.

Широкій взглядъ на значеніе этнографической науки былъ высказанъ К. М. Бэромъ въ прочитанной имъ въ Общемъ Собраніи и напечатанной въ „Запискахъ“ Общества статьѣ—Объ этнографическихъ изслѣдованіяхъ вообще и въ Россіи въ особенности [1]),—а также въ статьѣ—О вліяніи внѣшней природы на соціальныя отношенія отдѣльныхъ народовъ и на исторію человѣчества,—напечатанной въ Карманной книжкѣ Общества [2]). Въ статьяхъ этихъ, Бэръ, со свойственною ему талантливостью, выяснилъ и значеніе этнографіи, и вліяніе на природу человѣка физическихъ условій страны имъ обитаемой, и вліяніе культурнаго человѣка на подчиненную его хозяйству природу. Статьи Бэра не только очаровали слушателей и читателей, но и завербовали многихъ на изученіе этнографіи. Но еще большее вліяніе на возбужденіе интереса къ этнографическимъ изслѣдованіямъ, въ другомъ направленіи, возбудила статья Н. И. Надеждина—Объ этнографическомъ изученіи народности русской [3]),—такъ какъ статья эта болѣе соотвѣтствовала общественному спросу того времени. Когда же молодымъ силамъ Россіи пришлось выбирать между направленіемъ Бэра, стремившагося къ изученію вымирающихъ (подобно Ливамъ и Кревингамъ) инородческихъ племенъ, также какъ и къ основанному преимущественно на антропологіи и естественной исторіи сравнительному изученію многочисленныхъ народностей, обитающихъ въ предѣлахъ Имперіи, и направленіемъ Н. И. Надеждина, стремившагося къ изученію русскаго простолюдина, удержавшаго, во всѣхъ мѣстныхъ особенностяхъ своего крестьянскаго быта, какъ бы подъ пепломъ постигавшихъ его историческихъ погромовъ, и свои преданія глубокой старины, и свой народный характеръ, но при всемъ томъ, по юношеской еще свѣжести своихъ силъ, несомнѣнно способнаго на будущее культурно-историческое развитіе—то молодая русская интеллигенція, сгруппировавшаяся въ Географическомъ Обществѣ, не задумываясь отдала предпочтеніе этимъ послѣднимъ изслѣдованіямъ.

Въ области примѣненія цифроваго метода къ изученію соціологическихъ явленій, т. е. въ области статистики, большое вліяніе на будущіе успѣхи статистической науки въ Россіи оказали: статья А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго,—Взглядъ на исторію развитія статистики въ Россіи [4]), прекрасное чтеніе К. С. Веселовскаго 12 ноября 1847 г., извлеченіе изъ котораго—Статистика недвижимыхъ имуществъ въ Петербургѣ—была напечатана въ „Запискахъ“ Общества [5]), наконецъ интересныя сообщенія въ Отдѣленіи Статистики Чл.-Сотр. Журавскаго, который съ необыкновенною для того времени смѣлостью доказалъ всю несостоятельность тогдашней русской оффиціальной статистики.

О возраставшемъ интересѣ, въ средѣ тогдашняго Русскаго Географиче-

---

1) См. Зап. Русс. Геогр. Общ. кн. 1-я и 2-я, изд. 2-е 1849 г., стр. 64—81.
2) См. Карм. книжка для любит. землевѣд., 1848 г., стр. 197—235.
3) См. Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. 1-я и 2-я, изд. 2-е, 1849 г., стр. 149—194.
4) Тамъ же, стр. 195—210.
5) См. Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. 3-я, 1849 г., стр. 63—137.

скаго Общества, къ изученію внутренности Азіатскаго материка свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ статей, появившихся въ изданіяхъ Общества разсматриваемаго періода. Однѣ изъ этихъ статей, какъ напр. Пл. А. Чихачева — О (желаемомъ) изслѣдованіи вершинъ Сыръ и Аму-Дарьи и нагорной площади Памира[1]) и П. С. Савельева—Средняя Азія[2]),—прямо призывали молодыхъ русскихъ ученыхъ къ путешествіямъ и изслѣдованіямъ въ глубинѣ Азіатскаго материка; другія, какъ напр. И. Ф. Бларамберга — Журналъ экспедиціи (Г. С. Карелина) для обозрѣнія восточныхъ береговъ Каспійскаго моря въ 1836 г. и описаніе этихъ береговъ[3]), Бар. К. Боде — О туркменскихъ поколѣніяхъ Ямудахъ и Гокланахъ 1842 г.[4]) и М. И. Иванина — Поѣздка на полуостровъ Мангышлакъ[5]) — заключали въ себѣ результаты наблюденій членовъ Общества въ поѣздкахъ ихъ на западныхъ границахъ внутренней Азіи; третьи—монографическія разработки свѣдѣній о нѣкоторыхъ частяхъ Азіи. Сюда относились: Обозрѣніе Коканскаго ханства[6]), трудъ Ханыкова — О состояніи внутренней Киргизской орды[7]), а также іеромонаха Палладія Кафарова (бывшаго впослѣдствіи дважды Начальникомъ Пекинской Духовной Миссіи и архимандритомъ) — О торговыхъ путяхъ по Китаю[8]).

Достаточный интересъ обнаруживало юное Общество къ арктической зонѣ не только Стараго, но и Новаго Свѣта. Такъ въ его изданіяхъ разсматриваемаго періода встрѣчаются статьи А. И. Шренка—Областныя выраженія русскаго языка въ Архангельской губерніи[9]), письмо венгерца Регули, путешествовавшаго въ Сѣверномъ Уралѣ[10]), В. Я. Струве — О рукописи астронома Делиля (путешествовавшаго въ с.-з. Сибири), найденной и принесенной въ даръ Обществу Д. Чл. кн. Н. А. Долгоруковымъ[11]), С. И. Зеленаго—Извлеченіе изъ дневника лейт. Загоскина во время экспедиціи въ Русской Америкѣ въ 1842—44 г.[12]) и А. Н. Савича—Извлеченіе изъ отчета Фреймана о владѣніяхъ Гудзонъ-байской компаніи[13]).

Изъ странъ субтропическихъ Общество въ разсматриваемомъ періодѣ интересовалось въ особенности бассейномъ Нила, какъ это доказываютъ напечатанныя Обществомъ этнографическія замѣтки Д. Чл. А. А. Рафаловича — О жи-

---

1) См. Зап. Русск. Геогр. Общ. кн. 3-я, 1849, стр. 20—49 (съ картою), а замѣч. на эту статью О. Іакинфа Бичурина, стр. 254—260.
2) См. Карм. книжка для любит. землевѣд., 1848 г., стр. 239—278.
3) См. Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. 4-я, 1850 г., стр. 1—120.
4) См. Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. 1-я и 2-я, изд. 2-е, 1849 г., стр. 267—295.
5) Тамъ же, стр. 322—354 (съ 2 картами).
6) См. Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. 3-я, 1849 г., стр. 176—216 (съ картою).
7) См. Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. 1-я и 2-я, изд. 2-е, 1849 г., стр. 121 — 148 (съ картою).
8) См. Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. 4-я, стр. 224—259.
9) См. Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. 4-я, 1850 г., стр. 121—167.
10) См. Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. 3-я, 1849 г., стр. 159—173.
11) Тамъ же, стр. 50—67.
12) См. Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. 1-я и 2-я, изд. 2-е, 1849 г., стр. 211 — 266 (съ картою).
13) Тамъ же, стр. 52—63.

теляхъ Нубіи[1]) и отчетъ о поѣздкѣ въ Египетъ Д. Членовъ Е. П. Ковалевскаго и Ценковскаго.

Однимъ изъ важныхъ пособій при работахъ членовъ Географическаго Общества должна была сдѣлаться разроставшаяся съ необыкновенною быстротою библіотека Общества. Составилась она главнымъ образомъ изъ книгъ, жертвуемыхъ членами Общества и присылаемыхъ авторами и различными учрежденіями.

Совѣтъ Общества, разумѣется, поставилъ себѣ задачею сдѣлать его библіотеку доступною для занятій членовъ Общества. Въ началѣ 1849 года секретарь Общества А. К. Гирсъ, не имѣя возможности справиться съ библіотекою и желая сдѣлать ее скорѣе доступною членамъ Общества, просилъ вновь избраннаго члена, магистранта С.-П.Б. Университета, П. П. Семенова (нынѣ Вице-Предсѣдателя Общества), привести въ порядокъ библіотеку Общества и принять ее въ свое вѣдѣніе. Все это было исполнено безвозмездно первымъ библіотекаремъ Общества и каталогизированная и систематически сгрупированная библіотека сдѣлалась доступною для членовъ. Организовано было и ея систематическое пополненіе тѣмъ, что всякое спрашиваемое членами Общества и относящееся до географіи Россіи (въ обширномъ смыслѣ) сочиненіе было, при первой возможности, пріобрѣтаемо для библіотеки Общества.

Въ концѣ перваго періода, по мысли, выраженной К. М. Бэромъ въ Извѣстіяхъ Общества, было положено въ немъ и начало Этнографическаго Музея, недавно переданнаго Обществомъ въ будущій Русскій Этнографическій Музей Академіи Наукъ.

---

[1]) См. Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. 4-я, стр. 168—228.

ОТДѢЛЪ II.

Періодъ Вице-Предсѣдательства М. Н. Муравьева, (съ 1850 г. до Января 1857 г.).

М. Муравьевъ

ФОТОТИПІЯ ЭКСПЕДИЦІИ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОС[illegible]НЫХЪ БУМАГЪ

ОТДѢЛЪ II.

ГЛАВА VII.

Административная дѣятельность Общества, измѣненія въ составѣ его главныхъ дѣятелей и внутренняя его жизнь (съ 1850 г. по 1857 г.).

16 Февр. 1850 г. было первое Годовое Собраніе Общества, въ которомъ должны были произойти выборы уже по новому Уставу, Высочайше утвержденному 28 дек. 1849 г. Кандидатами на должность Вице-Предсѣдателя, согласно § 43 Устава, Совѣтъ предложилъ трехъ лицъ: Ѳ. П. Литке, М. Н. Муравьева и М. Н. Мусина-Пушкина.

Въ предшедшей главѣ достаточно было выяснено, какое настроеніе преобладало въ концѣ перваго періода въ юномъ Географическомъ Обществѣ. Настроеніе это находилось въ полномъ соотвѣтствіи съ стремленіями того, въ то время еще молодаго, поколѣнія русскаго общества, которое впослѣдствіи получило прозваніе „людей сороковыхъ годовъ“. Поколѣніе это, въ сознаніи своихъ развивающихся силъ, стремилось къ возстановленію какъ-бы порванной, послѣ реформъ Петра Великаго, связи нѣсколько космополитически образованныхъ высшихъ слоевъ русскаго общества съ русскимъ народомъ и направилось на изученіе быта и экономическаго положенія сельскаго населенія Имперіи, приведшее передовыхъ людей поколѣнія къ полному сознанію необходимости того улучшенія этого быта, о которомъ уже помышлялъ именно въ это время Вѣнценосный Вождь русскаго народа, Императоръ Николай I, и которое неминуемо было связано съ отмѣною крѣпостнаго права.

Вышеприведенная программа Отдѣленія Этнографіи (стр. 39) живо очерчиваетъ настроеніе поколѣнія сороковыхъ годовъ въ средѣ Русскаго Географическаго Общества, весьма способствовавшей развитію именно въ этомъ по-

колѣніи того духа *народности*, который незадолго передъ тѣмъ былъ уже заявленъ сравнительно молодымъ въ то время Министромъ Народнаго Просвѣщенія Уваровымъ, какъ одинъ изъ трехъ устоевъ русскаго государственнаго зданія.

Весьма естественно было молодымъ силамъ развивающагося Общества стремиться идти самобытно и самостоятельно по избранному и излюбленному имъ пути, и какъ бы почтенны ни представлялись вновь прибывающимъ въ большомъ количествѣ членамъ Общества его старые вожди, безспорно корифеи географической науки въ Россіи, но лишь только молодому поколѣнію Географическаго Общества казалось, что эти корифеи не выказываютъ достаточно дѣятельнаго сочувствія къ его излюбленному самобытному національному направленію, то оно становилось въ оппозицію съ ними, стараясь замѣнить ихъ лицами съ несомнѣннымъ въ его глазахъ русскимъ національнымъ направленіемъ. Этимъ и объясняется совершившаяся перемѣна Предсѣдательствующихъ въ двухъ Отдѣленіяхъ Общества (Этнографіи и Статистики), а въ самомъ началѣ разсматриваемаго періода и въ третьемъ (Физической Географіи), также какъ и возрастающая оппозиція противъ достойнаго Вице-Предсѣдателя Общества.

Ѳ. П. Литке, положившій, можно сказать, свою душу на созданіе Русскаго Географическаго Общества, невольно смотрѣлъ на него, какъ смотритъ опытный и умный капитанъ корабля на оснащенный и взлелѣянный имъ въ борьбѣ съ стихійными явленіями корабль. По Временному Уставу Совѣтъ Общества управлялъ его дѣлами, при посредствѣ имъ назначаемыхъ „Управляющихъ Отдѣленіями", которые, только въ силу новаго Устава, превратились въ „Предсѣдательствующихъ", избираемыхъ самими Отдѣленіями. Въ Совѣтѣ Общества значеніе Вице-Предсѣдателя было преобладающее. Онъ, конечно, относился съ глубокимъ уваженіемъ къ научнымъ знаніямъ своихъ лейтенантовъ — Управляющихъ Отдѣленіями и часто подчинялся ихъ взглядамъ, но въ глазахъ его выборные молодаго поколѣнія не имѣли достаточнаго авторитета и, при всемъ своемъ несомнѣнномъ и высокомъ русскомъ патріотизмѣ, онъ скептически относился къ народнымъ стремленіямъ и симпатіямъ сравнительно молодыхъ избранниковъ Общества.

Съ другой стороны и эти молодые избранники, въ полномъ сознаніи своихъ быстро развивающихся силъ, стремились расширить свои полномочія, и путемъ самаго разносторонняго изученія своего отечества, а въ особенности русскаго народа, способствовать развитію его національной самодѣятельности. Особенно обострились отношенія между Вице-Предсѣдателемъ и новыми дѣятелями Общества при пересмотрѣ Временнаго его Устава, какъ это уже было изложено выше (стр. 3).

Къ началу 1850 г. оппозиція выставила и своего кандидата на Вице-Предсѣдательство Обществомъ; кандидатомъ этимъ былъ М. Н. Муравьевъ, къ которому вожаки оппозиціи хотя и не имѣли непосредственнаго душевнаго расположенія, но отдавали справедливость выдающемуся уму и сильному характеру

этой во всякомъ случаѣ крупной личности, считая Муравьева вполнѣ „русскимъ человѣкомъ", въ томъ значеніи, которое они придавали этому слову.

При состоявшемся въ Годовомъ Собраніи 16 февр. 1850 г. голосованіи, Ѳ. П. Литке получилъ только двумя голосами болѣе М. Н. Муравьева, но такъ какъ третій кандидатъ М. Н. Мусинъ-Пушкинъ также получилъ нѣсколько голосовъ, то требуемой Уставомъ половины голосовъ въ пользу Ѳ. П. Литке не оказалось, а при перебаллотировкѣ между Литке и Муравьевымъ послѣдній получилъ однимъ голосомъ болѣе, и, согласно § 65 Устава, былъ признанъ Вице-Предсѣдателемъ Общества.

Не изгладится изъ памяти очевидцевъ величественная фигура поднявшагося съ своего предсѣдательскаго мѣста сѣдовласаго старика, который, твердымъ, хотя сильно взволнованнымъ голосомъ, обратился къ Обществу съ слѣдующими словами.

„Отъ души желаю, чтобы избранный Вами сегодня преемникъ мнѣ, лучше меня съумѣлъ удовлетворить желаніямъ и стремленіямъ быстро развивающагося Общества и способствовать его успѣхамъ. Съ своей стороны могу Вамъ выразить только, что я не щадилъ никакихъ усилій и стараній для того, чтобы, по мѣрѣ своего уразумѣнія, содѣйствовать развитію и процвѣтанію дорогого мнѣ Общества. Будьте увѣрены, что и теперь, передавая свою должность лицу болѣе меня внушающему Вамъ довѣріе, и разставаясь съ грустью съ достойными моими сотрудниками въ Совѣтѣ Общества, я конечно сохраню свою неизмѣнную преданность интересамъ Русскаго Географическаго Общества и постараюсь и внѣ активнаго участія въ Вашей дѣятельности всѣми силами быть еще полезнымъ Обществу".

Помощникомъ Предсѣдателя въ томъ же засѣданіи, изъ трехъ кандидатовъ, предложенныхъ Совѣтомъ (П. Н. Фусъ, К. И. Арсеньевъ, А. В. Головнинъ), былъ избранъ К. И. Арсеньевъ. Совѣтъ Общества находился въ это время въ слѣдующемъ составѣ. Предсѣдателями Отдѣленій были: В. Я. Струве, А. Д. Озерскій (ученый горный инженеръ, полковникъ, впослѣдствіи Томскій губернаторъ и главный начальникъ Алтайскаго Горнаго Округа), избранный по новому уставу Отдѣленіемъ Географіи Физической, Н. И. Надеждинъ и А. П. Заблоцкій-Десятовскій (уважаемые представители новаго направленія Общества); Членами Совѣта: Ѳ. Ѳ. Бергъ, А. М. Княжевичъ, А. И. Левшинъ, баронъ Е. К. Мейендорфъ, Д. А. Милютинъ, А. С. Норовъ, П. А. Тучковъ и И. П. Шульгинъ [1]). Секретаремъ Общества остался А. К. Гирсъ, на основаніи новаго Устава сдѣлавшійся уже Членомъ Совѣта Общества. Такимъ образомъ въ спискѣ 16 членовъ Совѣта состава 1850 года оказалось только 4 не русскихъ имени.

---

[1]) Въ теченіе второго періода Членами Совѣта были еще слѣдующія лица: К. М. Бэръ, А. П. Болотовъ, К. С. Веселовскій, Ю. А. Гагемейстеръ (впослѣдствіи сенаторъ и Помощникъ Предсѣдателя Г. О.), П. И. Кеппенъ, Г. П. Гельмерсенъ, С. С. Куторга, (проф. зоологіи Спб. Университета), П. П. Мельниковъ, (впослѣдствіи М-ръ Путей Сообщенія), Н. А. Милютинъ, К. А. Неволинъ (проф. Спб. Университета), А. Ф. Постельсъ, Еф. В. Путятинъ (адмиралъ, впослѣдствіи графъ и М-ръ Нар. Просвѣщенія), Я. И. Ростовцовъ (Начальникъ Штаба Воен. Уч. Заведеній, впослѣдствіи Предсѣдатель Редакціонныхъ Коммиссій по крестьянскому дѣлу).

Новый Вице-Предсѣдатель Общества принялся за свое дѣло съ свойственными ему тонкостью ума и энергіею. Должно отдать справедливость М. Н. Муравьеву въ томъ, что, во все время его дѣятельности въ средѣ Общества, онъ не щадилъ ни своихъ, ни чужихъ силъ на служеніе интересамъ Общества и, по мѣрѣ возможности, старался привлечь къ нему новыхъ и полезныхъ дѣятелей, а въ особенности ревнителей географической науки. Нельзя сказать однако-же, чтобы въ личныхъ своихъ отношеніяхъ М. Н. Муравьевъ въ дѣйствительности сошелся какъ съ лицами наиболѣе способствовавшими его избранію, такъ и вообще съ главными дѣятелями Общества: большинство ихъ сдѣлалось впослѣдствіи его недоброжелателями. Тѣмъ не менѣе, когда, по истеченіи указаннаго Уставомъ 4-лѣтняго срока, въ 1854 г., кандидатами на должность Вице-Предсѣдателя были заявлены Совѣтомъ М. Н. Муравьевъ, графъ С. Г. Строгановъ и П. А. Тучковъ, то избраннымъ оказался М. Н. Муравьевъ. Помощникомъ же Предсѣдателя въ 1854 г., на мѣсто К. И. Арсеньева, былъ избранъ А. И. Левшинъ, остававшійся въ этой должности до конца періода.

Особенно много трудовъ при Вице-Предсѣдательствѣ М. Н. Муравьева выпадало на долю Секретарей Общества. Черезъ годъ по избраніи Муравьева (въ мартѣ 1851 г.) прекрасно образованный, способный и трудолюбивый А. К. Гирсъ, утомленный не знавшею покоя и отдыха дѣятельностью Вице-Предсѣдателя, отказался отъ своей должности и былъ замѣщенъ талантливымъ и чрезвычайно преданнымъ интересамъ географической науки Я. В. Ханыковымъ, который сложилъ съ себя свое званіе уже въ концѣ 1851 года, по случаю назначенія губернаторомъ въ Уфу, гдѣ у него скоро развилась душевная болѣзнь, сведшая его въ могилу. Ханыкова замѣнилъ чрезвычайно талантливый В. А. Милютинъ (адъюнктъ С.-П.Б. Университета, младшій братъ Д. А. и Н. А. Милютиныхъ), но послѣ двухлѣтняго пребыванія въ должности Секретаря Общества онъ, въ маѣ 1854 г., уѣхалъ по случаю тяжкой болѣзни за границу, гдѣ и скончался въ слѣдующемъ за тѣмъ году. Затѣмъ должность Секретаря Общества поручена была Е. И. Ламанскому (извѣстному финансовому дѣятелю, впослѣдствіи члену Редакціонной Коммиссіи по крестьянскому дѣлу, а затѣмъ Упр. Гос. Банкомъ), остававшемуся въ ней уже до слѣдующаго періода.

Изъ избранныхъ, на основаніи новаго Устава, Предсѣдательствующими въ Отдѣленіяхъ: Математической Географіи — В. Я. Струве, Физической — А. Д. Озерскаго, Этнографіи — Н. И. Надеждина и Статистики — А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, первый оставался на своемъ мѣстѣ почти во весь періодъ и только къ самому концу его, въ октябрѣ 1856 г., по многочисленнымъ занятіямъ, сложилъ съ себя свое званіе и былъ замѣненъ контръ-адмираломъ С. И. Зеленымъ (директоромъ Гидрографическаго Д-та, впослѣдствіи членомъ Адмиралтействъ-Совѣта и адмираломъ). Помощниками В. Я. Струве были: до конца 1852 г. превосходный гидрографъ контръ-адмиралъ М. Ф. Рейнеке, въ теченіи 1853 г. — также морской писатель и дѣятельный сотрудникъ „Записокъ Гидрографическаго Департамента“ А. П. Соколовъ и наконецъ съ 1854 г. — капит. 1-го ранга Н. П. Буцкій, остававшійся до выхода В. Я. Струве. Предсѣдательствующій въ От-

дѣленіи Физической Географіи А. Д. Озерскій (ученый горный инженеръ) сложилъ съ себя званіе въ концѣ 1852 года, по случаю своей командировки въ Восточн. Сибирь, при чемъ на его мѣсто былъ избранъ бывшій его Помощникъ Ал. Ил. Зеленый (впослѣдствіи адмиралъ и членъ Адмиралтействъ-Совѣта), но въ началѣ 1856 г. возвратившійся А. Д. Озерскій былъ снова избранъ Предсѣдательствующимъ, а Помощникомъ его П. П. Семеновъ (нынѣшній Вице-Предсѣдатель Общества). Въ Отдѣленіи Этнографіи предсѣдательствовалъ почти во весь періодъ талантливый Н. И. Надеждинъ, отдавшій всѣ свои силы служенію Обществу въ его новомъ направленіи. Только по кончинѣ его, въ началѣ 1856 г., былъ избранъ на его мѣсто бывшій во весь періодъ его Помощникомъ Из. Ив. Срезневскій (профессоръ С.-П.Б. Университета) [1]). Наконецъ въ Отдѣленіи Статистики предсѣдательствовалъ въ теченіе всего періода А. П. Заблоцкій-Десятовскій (достойный сотрудникъ гр. П. Д. Киселева, въ то время директоръ Деп. Сельск. Хоз., впослѣдствіи Статсъ-Секретарь и Членъ Госуд. Совѣта), а Помощникомъ его былъ К. С. Веселовскій (впослѣдствіи академикъ и Непремѣнный Секретарь Академіи Наукъ) [2]).

Казначеемъ Общества до 1852 г. былъ А. Ф. Постельсъ, а когда онъ, по усиленію своихъ служебныхъ занятій, отказался отъ своей должности — К. К. Гротъ (нынѣ Статсъ-Секретарь и Членъ Госуд. Совѣта), послѣ отъѣзда котораго изъ Петербурга, по случаю его назначенія Самарскимъ губернаторомъ, былъ избранъ на должность Казначея въ 1854 г. М. Д. Княжевичъ.

Никакихъ измѣненій въ Уставѣ Общества въ разсматриваемомъ періодѣ не происходило и только въ 1854 году, согласно желанію Августѣйшаго Предсѣдателя, Совѣтъ Общества поручилъ своимъ сочленамъ Н. А. Милютину и Г. П. Неболсину составить свои предположенія о порядкѣ присужденія Константиновской медали, и предположенія эти, одобренныя Совѣтомъ, удостоились утвержденія Великаго Князя. Въ утвержденномъ Положеніи была введена очередь между Отдѣленіями и установлены медальныя коммиссіи.

Самыя медали въ теченіе разсматриваемаго періода были присуждаемы:

1) За 1850 г. подполковнику Корпуса Топографовъ Б. Лемму, за весьма многочисленныя его астрономическія опредѣленія широтъ и долготъ, какъ въ Европейской Россіи, такъ и въ Азіи.

2) За 1851 г. профессору К. А. Неволину, за его изслѣдованіе о Новгородскихъ пятинахъ и карту ихъ имъ составленную.

3) За 1852 г. профессору С. С. Куторгѣ, за геогностическія изслѣдованія въ Петербургской губерніи и геогностическую карту этой губерніи имъ составленную.

4) За 1853 г. академику П. И. Кеппену, за составленную имъ этнографическую карту Европейской Россіи.

---

[1]) Секретарями Отдѣленія Этнографіи въ разсматриваемомъ періодѣ были: А. А. Рафаловичъ, А. Ѳ. Тюринъ, Н. А. Мордвиновъ, А. Д. Башмаковъ и Н. Н. Колошинъ.

[2]) Секретарями Отдѣленія Статистики въ разсматриваемомъ періодѣ были: В. А. Милютинъ, Е. И. Ламанскій и В. П. Безобразовъ.

5) За 1854 г. капит. 1-го ранга Манганари, за морскія карты Мраморнаго моря и за продолжительные его труды по гидрографіи Чернаго моря.

6 и 7) За 1855 и 1856 годы: члену Гос. Совѣта Л. В. Тенгоборскому, за его сочиненіе о производительныхъ силахъ Россіи и профессору Х. И. Пандеру, за его превосходные монографіи остатковъ рыбъ палеозойскихъ формацій балтійскихъ губерній и вообще за его работы по палеонтологіи Россіи.

Въ теченіе разсматриваемаго періода Жуковская премія присуждалась:

1) Въ 1851 году—половинная—Г. В. Воронову, за историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-П.Б. учебнаго Округа съ 1815 г. по 1828 г.

2) Въ 1852 году—полная—П. И. Кеппену за этнографическую карту Европейской Россіи.

3, 4 и 5) Въ 1853 г.—половинныя преміи—Н. Я. Данилевскому, за его труды о климатѣ Вологодской губерніи и движеніи населенія той же губерніи; П. И. Небольсину, за его труды о торговлѣ со Среднею Азіею и Шопену, за его описаніе Армянской области.

6) Въ 1855 г.—полная—Е. И. Ламанскому, за историческій очеркъ денежнаго обращенія въ Россіи и статистическій обзоръ операцій кредитныхъ установленій.

7) Въ 1856 г.—полная—Г. В. Воронову, за его историческій и статистическій очеркъ учебныхъ заведеній С.-П.Б. учебнаго округа съ 1829 по 1853 годъ.

Независимо отъ упомянутыхъ поощреній Общество уже въ 1850 г. рѣшилось впервые воспользоваться правами, предоставленными ему § 7 Устава, а именно предлагать для конкурса нѣсколько ученыхъ задачъ, назначивъ за ихъ рѣшеніе денежныя преміи изъ собственныхъ своихъ суммъ. Въ избраніи задачъ Совѣтъ основался на отзывахъ, доставленныхъ Отдѣленіями, вслѣдствіе чего предложилъ: по Отдѣленію Математической Географіи—составить историческое и критическое обозрѣніе способовъ астрономическаго опредѣленія мѣстъ по широтѣ и долготѣ; по Отдѣленію Физической Географіи—представить сводъ свѣдѣній о минеральныхъ водахъ, находящихся въ Россіи; по Отдѣленію Этнографіи — возстановить, по такъ называемой книгѣ Большаго Чертежа, древнюю карту Россіи, а по Отдѣленію Статистики—составить историческо-статистическое обозрѣніе неурожаевъ въ Россіи. За рѣшеніе этихъ задачъ назначены преміи: первой — въ 200, второй—въ 500, третьей—въ 300 и четвертой—въ 400 рублей. Сроками для представленія отвѣтовъ опредѣлены: для первой и третьей задачъ 1 іюня 1853 года; для второй—1 іюня 1855 года и для четвертой—1 іюня 1854 года.

Когда 1 іюня 1853 года по первой и третьей задачѣ не было получено ни одного отвѣта, то задачу о книгѣ Большаго Чертежа Совѣтъ Общества возобновилъ, увеличивъ премію до 500 руб. и опредѣливъ срокъ 1 сент. 1856 г., а задачу по Отдѣленію Математической Географіи замѣнилъ другою, а именно: „Составить библіографическое и критическое описаніе географическихъ картъ Россіи, изданныхъ Правительствомъ или частными людьми со времени

Петра Великаго". За лучшее рѣшеніе ея назначена премія въ 500 рублей; а срокъ для представленія отвѣтовъ опредѣленъ 1 сентября 1857 года.

Когда же къ 1 іюня 1854 г., на задачу Отдѣленія Статистики — „Историко-статистическое обозрѣніе неурожаевъ въ Россіи", также не было получено ни одного отвѣта, Совѣтъ снова возобновилъ эту задачу, перенеся срокъ на 1 іюля 1856 г.

Къ 1 іюня 1855 г. было представлено на задачу, „Сводъ свѣдѣній о минеральныхъ водахъ" печатное сочиненіе (Грума), по тому самому не подошедшее подъ условіе конкурса и уже не подлежавшее разсмотрѣнію; въ виду же появленія въ печати обширнаго сочиненія на тему конкурсной задачи, Совѣтъ Общества уже не возобновлялъ ее. Къ іюлю 1856 года былъ полученъ отвѣтъ на задачу о неурожаяхъ въ Россіи; автору ея, священнику города Дедюхина Ипполиту Словцову, была присуждена половинная премія (200 руб.) и трудъ его опредѣлено напечатать въ одномъ изъ изданій Общества.

Къ сентябрю 1856 г. былъ полученъ отвѣтъ на задачу о книгѣ Большаго Чертежа, но отвѣтъ этотъ былъ признанъ не вполнѣ удовлетворительнымъ и задача снова возобновлена на два года до 1 сент. 1858 г. Впрочемъ, по отзыву К. А. Неволина и по соглашенію съ авторомъ труда В. А. Преображенскимъ, извлеченіе изъ его труда, заключающее въ себѣ нѣсколько интересныхъ замѣчаній о древней географіи Тверской губерніи, было опредѣлено напечатать въ „Вѣстникѣ" Общества.

Независимо отъ поощреній, выдаваемыхъ въ теченіе разсматриваемаго періода потрудившимся на пользу географической науки, въ видѣ Константиновской медали и Жуковской и конкурсной премій, Августѣйшій Предсѣдатель Общества, въ 1856 году, въ запискѣ своей къ Вице-Предсѣдателю, сообщилъ и о томъ, что было бы прилично и сообразно достоинству Россіи оказывать вниманіе Правительства не только тѣмъ, которые потрудились съ выдающимся успѣхомъ на пользу науки въ кругу дѣятельности Общества, но и тѣмъ какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ ученымъ, которые въ области географіи, статистики и этнографіи оказали особыя услуги географической наукѣ. Его Высочество признавалъ бы возможнымъ испрашивать, для подобныхъ лицъ, по представленію Общества, Монаршія награды орденами. Совѣтъ поручилъ Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіяхъ, въ совокупномъ засѣданіи, обсудить этотъ вопросъ и указать кандидатовъ къ предполагаемымъ наградамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Совѣтъ счелъ умѣстнымъ обратить вниманіе Августѣйшаго Предсѣдателя и на заслуги соотечественника, Д. Чл. Р. К. Маака, совершившаго, по порученію Сибирскаго Отдѣла Общества, въ качествѣ начальника, двѣ тяжелыя экспедиціи: первую въ Вилюйскій округъ, другую по всему теченію Амура до Маріинскаго поста. Руководствуясь бывшимъ примѣромъ Высочайшаго награжденія заслугъ астронома Шварца, получившаго за участіе въ снаряженной Главнымъ Штабомъ, подъ начальствомъ подполк. Агте, Забайкальской экспедиціи, орденъ Св. Владиміра 4-й ст. и пенсію въ 300 р., Совѣтъ полагалъ справедливымъ испросить и Мааку

за его двѣ экспедиціи, сопряженныя съ огромными трудами и лишеніями, тоже Высочайшія награды: орденомъ Св. Владиміра 4 ст. и пенсіею по 300 р. въ годъ.

Что же касается до иностранныхъ ученыхъ, то Предсѣдательствующіе въ Отдѣленіяхъ обратили вниманіе Совѣта на выдающіяся заслуги по географическимъ наукамъ слѣдующихъ лицъ: *по географіи*: Карла Риттера, предсѣдателя Берлинскаго Географич. Общества; *по этнографіи:* Д-ра П. О. Шафарика въ Прагѣ; *по статистикѣ*: Л. Кетлэ, непремѣннаго Секретаря Бельгійской Академіи Наукъ и предсѣдателя центральной статистической коммиссіи королевства и І. Шницлера, члена-корреспондента Географ. Общества; *по метеорологіи*: Дове, члена берлинской Академіи Наукъ; *по гидрографіи и физической географіи*: Мори, лейтенанта американской морской службы.

Совѣтъ исключилъ изъ этого списка І. Шницлера, такъ какъ статистическій трудъ его о Россіи еще былъ не оконченъ, а остальныхъ предположилъ представить: К. Риттера къ ордену Св. Анны 1 ст., Шафарика и Кетлэ къ орденамъ Св. Анны 2 ст. съ брилліантами, Дове къ ордену Св. Станислава 2 ст. Что же касается Мори, то, имѣя въ виду законы С. Американскихъ Штатовъ, не дозволяющіе гражданамъ штатовъ принимать ордена отъ иностранныхъ державъ, Совѣтъ постановилъ испросить ему золотую медаль.

Ходатайства Общества и его Августѣйшаго Предсѣдателя увѣнчались успѣхомъ. Въ началѣ 1857 г. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ сообщилъ Августѣйшему Предсѣдателю Общества, что Его Имп. Величеству благоугодно было Всемилостивѣйше пожаловать профессора Риттера — кавалеромъ ордена Св. Станислава 2 ст. съ звѣздою; Шафарика и Кетлэ — кавалерами ордена Св. Анны 2 ст. съ алмазными украшеніями, а Дове — кавалеромъ ордена Св. Станислава 2 ст.; лейтенанту же Американской службы Мори Высочайше повелѣно объявить Монаршее благоволеніе.

Д. Чл. Общества Р. К. Маакъ удостоился также, на основаніи ходатайства Общества, полученія ордена Владиміра 4 степени по докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ и 300 рублевой пенсіи, по докладу Министра Финансовъ.

Самыми главными организаціонными дѣйствіями Общества во II періодѣ его дѣятельности было учрежденіе двухъ мѣстныхъ Отдѣловъ Общества на отдаленныхъ нашихъ окраинахъ, именно Кавказскаго и Сибирскаго. Мысль объ учрежденіи мѣстныхъ Отдѣловъ Географическаго Общества въ значительныхъ культурныхъ центрахъ нашихъ окраинъ возникла еще въ первомъ періодѣ дѣятельности Общества и принадлежала А. В. Головнину. Мысль эта была одобрена Совѣтомъ и сообщена еще въ 1849 году просвѣщенному намѣстнику Кавказа князю М. С. Воронцову, который изъявилъ полную готовность содѣйствовать учрежденію Отдѣла, проектъ Устава котораго просилъ сообщить на его заключеніе. Проектъ этотъ былъ составленъ Н. И. Надеждинымъ и А. В. Головнинымъ. 27 іюля 1850 г. Положеніе о Кавказскомъ Отдѣлѣ было уже Высочайше утверждено и Отдѣлу Высочайше дарована ежегодная субсидія въ 2.000 рублей. 10 марта 1851 г. Отдѣлъ былъ открытъ въ домѣ его По-

кровителя кн. Воронцова въ Тифлисѣ и съ самаго начала своего существованія проявилъ замѣчательную дѣятельность. Онъ занялся прежде всего исправленіемъ 10-ти-верстной карты Закавказскаго края, а затѣмъ отыскиваніемъ, разсмотрѣніемъ, обработкою и обнародованіемъ уже имѣющихся свѣдѣній, хранящихся въ архивахъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ. Такія свѣдѣнія были разработываемы и сообщаемы членами Отдѣла: А. С. Санковскимъ, А. Е. Лазаревымъ, А. А. Харитоновымъ (нынѣ сенаторъ), М. И. Жеребцовымъ и И. А. Дюкруасси, А. А. Уманцомъ, И. А. Сливицкимъ и др. Затѣмъ члены Отдѣла начали съ 1851 г. представлять ему и самостоятельныя работы: неутомимый О. И. Ходзько, незадолго до открытія Отдѣла совершившій, вмѣстѣ съ Н. В. Ханыковымъ, свой замѣчательный по своимъ научнымъ результатамъ географическій подвигъ, а именно первое восхожденіе на Араратъ (6 августа 1850 г.) [1]), опредѣлилъ географическое положеніе 86 мѣстъ Кавказа и Закавказья и производилъ свои превосходныя наблюденія надъ солнечнымъ затмѣніемъ 16 іюля 1851 г. [2]); Н. В. Ханыковъ представилъ свое изслѣдованіе Объ измѣненіи уровня Каспійскаго моря [3]); баронъ П. Усларъ — Объ Эриванской губерніи [4]); В. А. Новицкій — Объ Анапѣ и Закубанскихъ военныхъ поселеніяхъ [5]); Евлаховъ — О караванъ-сараяхъ въ Тифлисѣ и пр. [6]); а въ концѣ періода: Риссъ — О Талышинцахъ [7]); кн. Р. Д. Эристовъ — О Тушино-Пшаво-Хевсурскомъ округѣ [8]), а И. А. Бартоломей — О вольной Сванетіи [9]). Первымъ Предсѣдательствующимъ Отдѣла былъ Н. И. Вольфъ, а въ 1852 г. его замѣнилъ кн. В. О. Бебутовъ. Помощникомъ ихъ былъ Н. В. Ханыковъ, а съ 1855 г. Н. И. Карлгофъ. Правителемъ дѣлъ — А. А. Уманецъ, котораго въ 1853 г. замѣстилъ А. А. Харитоновъ, въ 1855 г. Е. А. Вердеревскій, а въ 1856 г. А. П. Берже. Членами Комитета, завѣдывающаго дѣлами Отдѣла, были въ теченіе разсматриваемаго періода: И. А. Бартоломей, князь Г. Г. Гагаринъ, А. П. Максимовичъ, О. И. Ходзько, М. П. Щербининъ, И. А. Дюкруасси, бар. А. П. Николаи, А. А. Харитоновъ, Д. И. Кипіани. Однимъ изъ первыхъ самостоятельныхъ предпріятій Кавказскаго Отдѣла было изслѣдованіе весьма древняго, обитающаго въ Нухинскомъ уѣздѣ, племени Уди. Восточная война въ 1853 и 1854 годахъ, разумѣется, на время пріостановила всю научную дѣятельность Отдѣла, но послѣ водворенія мира Отдѣлъ опять оживился и въ 1856 г. предпринялъ составленіе сравнительнаго словаря кавказскихъ языковъ и нарѣчій, который и поручилъ А. П. Берже.

Иниціатива учрежденія Сибирскаго Отдѣла принадлежала Вице-Предсѣда-

---

[1]) Объ этомъ замѣчательномъ восхожденіи см. Изв. Имп. Русс. Геогр. Общ. 1850 г., стр. 411—422.
[2]) См. Зап. Кавк. Отд. кн. I, стр. 33—144.
[3]) См. Зап. Кавк. Отд. кн. II, стр. 66—154.
[4]) См. Зап. Кавк. Отд. кн. I, стр. 5—32.
[5]) См. Зап. Кавк. Отд. кн. II, стр. 14—43.
[6]) См. Зап. Кавк. Отд. кн. I, стр. 167—183.
[7]) См. Зап. Кавк. Отд. кн. III, стр. 1—72.
[8]) См. Зап. Кавк. Отд. кн. III, стр. 73—116.
[9]) См. Зап. Кавк. Отд. кн. III, стр. 147—240.

телю Общества М. Н. Муравьеву. Учрежденіе это онъ предложилъ Совѣту въ сент. 1850 г. и, послѣ сношенія съ генер.-губер. Вост. Сибири Н. Н. Муравьевымъ, съ радостью изъявившимъ на то свое согласіе, Совѣтъ сдѣлалъ представленіе Мин. Внутр. Дѣлъ, по докладу котораго, 6 іюня 1851 г., Государь Императоръ соизволилъ на учрежденіе Сибирскаго Отдѣла, по образцу Кавказскаго, съ назначеніемъ Отдѣлу ежегодной субсидіи въ 2.000 руб.

Отдѣлъ открытъ былъ Генералъ-Губернаторомъ Н. Н. Муравьевымъ въ его квартирѣ 17 ноября 1851 г. и избралъ въ свои Предсѣдательствующіе Иркутскаго губернатора К. К. Венцеля, а въ Правители Дѣлъ Ю. И. Штубендорфа (впослѣдствіи Якутскій губернаторъ). К. К. Венцель оставался Предсѣдательствующимъ Отдѣломъ въ теченіе всего періода, а Правителемъ Дѣлъ послѣ отъѣзда Ю. И. Штубендорфа изъ Иркутска избранъ Д. Чл. И. С. Сельскій. Однимъ изъ первыхъ крупныхъ предпріятій Сибирскаго отдѣла было снаряженіе въ 1853 г. интересной экспедиціи на р. Вилюй, съ участіемъ въ ней натуралиста Р. К. Маака и офицера-топографа Зандгагена. На экспедицію эту Чл.-Соревн. Соловьевъ пожертвовалъ 1000 р., а остальные на нее расходы (вся экспедиція обошлась до 5.000 руб.) были покрыты изъ накопившихся средствъ Отдѣла. Экспедиція возвратилась въ Иркутскъ въ февралѣ 1855 г. Вслѣдъ затѣмъ Сибирскій Отдѣлъ принялъ самое дѣятельное участіе въ Сибирской экспедиціи Географическаго Общества снаряженіемъ своей партіи на Амуръ, куда направились тѣ-же лица, неутомимые Маакъ и Зандгагенъ. Независимо отъ того, въ теченіе разсматриваемаго періода, Сибирскій Отдѣлъ организовалъ еще нѣсколько другихъ, до крайности интересныхъ поѣздокъ. Такъ, по порученію Отдѣла въ 1854 г. островъ Ольхонъ былъ осмотрѣнъ Чл.-Сотр. Бакшевичемъ, въ Канскій округъ Енисейской губерніи совершилъ поѣздку Пейзынъ, въ Нерчинскую Даурію чл. отд. Юринскій, посѣтившій мѣстность Делюнъ-Болдокъ на Ононѣ, озера Боронъ и Дзонъ-Тарей, наконецъ въ Селенгинскую степь и Тункинскій край былъ посылаемъ художникъ Смирновъ для снятія ландшафтовъ и этнографическихъ рисунковъ. Еще большую услугу географической наукѣ оказалъ Отдѣлъ послѣ великаго географическаго подвига своего Покровителя Н. Н. Муравьева, а именно геройскаго его сплава по Амуру въ 1854 г., снаряженіемъ при второмъ Амурскомъ сплавѣ географической экспедиціи, въ главѣ коей былъ поставленъ только что возвратившійся изъ Вилюйской экспедиціи Р. К. Маакъ.

Возвращаясь къ дѣятельности Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, замѣтимъ, что отношенія между Ревизіонными Коммиссіями и Совѣтомъ Общества установились вполнѣ согласныя съ духомъ новаго Устава Общества. Ревизіонныя Коммиссіи, по разсмотрѣніи отчета, высказывали свое сочувствіе тѣмъ дѣйствіямъ Совѣта и Отдѣленій Общества, которыми, по ихъ мнѣнію, достигались его цѣли, выражали и свои сомнѣнія тамъ, гдѣ усматривали какіе либо недостатки въ дѣятельности Общества, наконецъ заявляли и свои пожеланія и предположенія тамъ, гдѣ признавали что либо особенно полезнымъ въ кругу дѣятельности Общества. Совѣтъ, съ своей стороны,

представлялъ свои объясненія на замѣчанія Ревизіонныхъ Коммиссій и все это сообщалось въ Общихъ Собраніяхъ Общества, но не вызывало со стороны ихъ никакихъ постановленій, такъ что случаи разногласія Коммиссій съ Совѣтомъ оставались открытыми до слѣдующихъ Ревизіонныхъ Коммиссій, при чемъ, само собою разумѣется, что, въ случаѣ неоднократнаго повторенія Ревизіонными Коммиссіями однихъ и тѣхъ же замѣчаній, Совѣтъ оказывался вынужденнымъ удовлетворять ихъ, если къ тому представлялась возможность.

Ревизіонныя Коммиссіи 1851 и 1852 г. ни въ чемъ не разошлись съ Совѣтомъ. Коммиссіи 1853 и 1854 г. торопили изданіемъ Риттеровой Азіи, замедлившейся отказами А. П. Болотова и А. К. Гирса въ ихъ участіи въ этомъ трудѣ и отъѣздомъ Я. В. Ханыкова въ Уфу и В. В. Григорьева въ Оренбургъ, но Коммиссія 1855 г. была уже вполнѣ удовлетворена окончаніемъ изданія I тома, съ обширными дополненіями П. П. Семенова. Коммиссіи 1853 и 1854 годовъ, указывали на неудовлетворительный ходъ изданія генеральной карты Азіи, заказанной Флорипу, но Совѣту, при всѣхъ его стараніяхъ, не удалось, какъ будетъ разъяснено ниже, поправить этого дѣла и въ концѣ періода пришлось только констатировать полный его неуспѣхъ. Коммиссія 1853 года торопила приведеніемъ къ окончанію предпринятаго Обществомъ труда по Внутренней Торговлѣ Россіи, но въ этомъ трудѣ, какъ мы увидимъ ниже, Общество встрѣтилось съ неодолимыми препятствіями и вынуждено было, съузивъ свою задачу, ограничиться прекраснымъ исполненіемъ только небольшой ея части (изслѣдованіемъ Украинскихъ ярмарокъ).

Ревизіонныя Коммиссіи касались конечно въ своихъ замѣчаніяхъ и административной части. Такъ двѣ Коммиссіи (1853 и 1854 г.) обратили вниманіе на неаккуратное поступленіе ежегодныхъ вносовъ членовъ Общества, но всѣ усилія Совѣта не привели къ желаемымъ результатамъ: недоимки продолжались и, послѣ значительнаго ихъ накопленія, частыя напоминанія приводили только къ тому, что недоимщики слагали съ себя званіе Членовъ Общества. Коммиссіи 1853 и 1854 г. настаивали на изданіи печатнаго каталога библіотеки Общества, но Коммиссія 1855 г., убѣдившись въ удовлетворительности рукописнаго каталога и доступности библіотеки для членовъ Общества, признала, согласно съ мнѣніемъ Совѣта, печатаніе каталога преждевременнымъ. Коммиссія 1854 года указывала еще на несвоевременность полученія отчетовъ Сибирскаго и Кавказскаго Отдѣловъ, но послѣдующія Коммиссіи убѣдились въ томъ, что никогда отчеты Отдѣловъ не могутъ поспѣть ко времени составленія годоваго отчета Общества.

Наконецъ нѣкоторыя Коммиссіи возбуждали вопросы о новыхъ предпріятіяхъ Общества. Такъ Коммиссіи 1854 и 1856 годовъ возбудили, по поводу изданія прекраснаго сочиненія Неволина о Новгородскихъ Пятинахъ, вопросъ о разработкѣ и изданіи писцовыхъ книгъ, а Коммиссія 1856 г.

объ изданіи Географическаго Словаря Россійской Имперіи. Оба эти предположенія получили свое осуществленіе въ послѣдующихъ періодахъ. Замѣчаніе Ревизіонной Коммиссіи 1856 г. о необходимости изданія карты Южной Россіи нашло свое осуществленіе въ изданіи Обществомъ, въ слѣдующемъ періодѣ, карты всей Европейской Россіи, а предложеніе о собираніи этнографическихъ свѣдѣній объ инородческихъ племенахъ также принесло свои плоды впослѣдствіи. Наконецъ замѣчанія Коммиссіи 1855 г., указывавшей, что изданіе памятниковъ нарѣчій Русскаго языка, относясь къ области чистой филологіи, выходитъ изъ предѣловъ дѣятельности Географическаго Общества, хотя и встрѣтило въ свое время возраженіе со стороны Совѣта, но все таки умѣрило нѣсколько одностороннія филологическія стремленія Предсѣдательствующаго въ то время Отдѣленіемъ Этнографіи Из. Ив. Срезневскаго [1]).

Библіотека и музей Общества очень сильно увеличились въ разсматриваемый періодъ, въ особенности путемъ пожертвованій. Къ концу періода библіотека уже заключала въ себѣ болѣе 3.200 сочиненій и свыше 6.000 томовъ.

Завѣдываніе библіотекою Общества, послѣ отъѣзда изъ Петербурга П. П. Семенова, въ 1852 г. принялъ на себя Д. Чл. Е. И. Ламанскій, а впослѣдствіи Д. Чл. В. Я. Фуксъ.

Музей Общества въ теченіе періода значительно увеличился. Въ особенности онъ сдѣлался богатъ какъ народными такъ и инородческими костюмами, для которыхъ были исполнены, при содѣйствіи Чл.-Сотр. Общества препаратора Академіи Наукъ Н. Г. Вознесенскаго, манекены, съ сохраненіемъ вѣрности типовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Общество озаботилось также и постепеннымъ составленіемъ этнографическаго альбома.

Вообще говоря Общество пріобрѣло большую популярность въ Россіи именно въ этомъ періодѣ, благодаря своему чисто народному направленію. Достаточно сказать, что Общество въ 1851 г. получило 700 рукописей, а въ 1852 году 1.290 (климатическихъ — 724, по внутренней торговлѣ—240, по торговлѣ желѣзомъ—116, по этнографіи—102, разнаго содержанія—105). Въ 1853 году количество это все еще доходило до 612.

Конечно война 1854—55 г.г. не могла не отозваться неблагопріятно на мирныхъ занятіхъ Общества. Въ началѣ 1855 г. не стало могущественнаго покровителя Русскаго Географическаго Общества Императора Николая I. При самомъ Своемъ воцареніи, не смотря на тяжкія заботы, Ему предстоявшіе, Императоръ Александръ II вспомнилъ Русское Географическое Общество и 4 мая 1855 г. осчастливилъ его слѣдующимъ милостивымъ рескриптомъ.

---

[1]) Въ Ревизіонныхъ Коммиссіяхъ разсматриваемаго періода принимали участіе слѣдующіе Дѣйств. Члены Общества: П. Θ. Анжу, И. П. Арапетовъ, К. И. Арсеньевъ, Е. Н. Бреверпъ, И. Д. Булычовъ, А. В. Веневитиновъ, К. К. Венцель, Ю. А. Гагемейстеръ, Н. А. Жеребцовъ, А. П. Зеленый, К. Д. Кавелинъ, П. И. Кеппенъ, М. А. Коркуновъ, М. Н. Лонгиновъ, И. С. Мальцевъ, М. П. Манганари, Θ. О. Матюшкинъ, К. А. Неволинъ, кн. В. Θ. Одоевскій, В. С. Порошинъ, А. Ф. Постельсъ, Н. В. Путята, П. И. Рикордъ, П. Г. Рѣдкинъ, А. П. Савичъ и И. А. Шестаковъ.

„Русское Географическое Общество въ короткое время существованія, полезными своими трудами и практическимъ направленіемъ своихъ изслѣдованій о Россіи, въ самыхъ даже отдаленныхъ ея краяхъ, вполнѣ оправдало высокую цѣль своего назначенія.

Похвальная дѣятельность Общества постоянно удостоивалась покровительства и высокаго одобренія Незабвеннаго Моего Родителя.

Въ полной увѣренности, что Русское Географическое Общество подъ руководствомъ своего Предсѣдателя, Любезнѣйшаго Моего Брата, будетъ продолжать съ тѣми же успѣхами свои столь замѣчательные труды, Мнѣ пріятно, съ подтвержденіемъ всѣхъ дарованныхъ правъ и преимуществъ, изъявить сему Обществу Мое совершенное благоволеніе и удостовѣрить во всегдашней Моей готовности покровительствовать всѣмъ благимъ его предпріятіямъ на изученіе любезной Намъ Россіи".

«АЛЕКСАНДРЪ».

Не надолго остался М. Н. Муравьевъ въ должности Вице-Предсѣдателя Общества въ новое царствованіе. Его не удовлетворяла дѣятельность ни въ Географическомъ Обществѣ, ни въ управляемомъ имъ Межевомъ Корпусѣ, ни въ коллегіальномъ учрежденіи Государственнаго Совѣта, членомъ котораго онъ былъ назначенъ очень скоро по избраніи Вице-Предсѣдателемъ Географическаго Общества. Онъ стремился къ еще болѣе видной, и притомъ единоличной дѣятельности на какомъ-либо государственномъ поприщѣ. Назначеніе гр. П. Д. Киселева, по заключеніи Парижскаго мира, посломъ во Францію, открыло М. Н. Муравьеву дорогу на постъ Министра Государ. Имуществъ. Съ принятіемъ этой должности М. Н. Муравьевъ, въ январѣ 1857 г., сложилъ съ себя званіе Вице-Предсѣдателя Имп. Русскаго Геогр. Общества, а на мѣсто его, въ Годовомъ Собраніи въ янв. 1857 г., былъ избранъ снова Ѳ. П. Литке, съ радостью возвратившійся въ среду любимаго имъ Общества.

Въ теченіе разсматриваемаго періода соблаговолили принять званіе Почетныхъ Членовъ: Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ и Герцогъ Георгъ Мекленбургъ-Стрелицкій, а избраны въ Почетные Члены: Филаретъ Митрополитъ Московскій, Іаковъ Архіепископъ Нижегородскій, графъ Д. Н. Блудовъ, фельдмаршалъ князь П. М. Волконскій, адмиралъ М. П. Лазаревъ, Иннокентій Архіепископъ Херсонскій, Іосифъ Архіепископъ Литовскій, адмиралъ кн. А. С. Меншиковъ, Ѳ. П. Литке, Нарсесъ Патріархъ Армянскій, Д. Г. Бибиковъ (Мин. Внутр. Дѣлъ), князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ (Мин. Народ. Просв.), Исидоръ Экзархъ Грузіи (впослѣдствіи Митрополитъ С.-Петербургскій), Н. Н. Муравьевъ (Намѣстникъ Кавказскій). Иностранными же Почетными Членами были избраны: астрономъ Гаусъ въ Гетингенѣ, геологъ Леоп. ф.-Бухъ въ Берлинѣ, Вице-Президентъ Парижской Геогр. Общества Жомаръ и Президентъ Вѣнскаго Географическаго Общества Гайдингеръ.

ГЛАВА VIII.

Экспедиціи Общества въ Сибири.

Мы видѣли выше, что самое крупное изъ предпріятій Общества въ первомъ періодѣ его дѣятельности — Уральская экспедиція — уже почти было окончено къ началу разсматриваемаго періода, а въ этомъ послѣднемъ, только еще лѣтомъ 1850 года, Э. К. Гофманъ совершилъ въ Уралѣ ту дополнительную экспедицію (для изслѣдованія части Урала, оставшейся въ пробѣлѣ, вслѣдствіе неудачи въ 1848 году маіора Стражевскаго), которую мы, для полноты изложенія, уже описали выше, въ главѣ, посвященной Сѣверо-Уральской экспедиціи (см. стр. 25).

Послѣ такого полнаго къ осени 1850 г. окончанія Уральской экспедиціи, Совѣту Общества оставалось только озаботиться изданіемъ ея результатовъ, что было уже всецѣло дѣломъ разсматриваемаго періода. На изданіе Высочайше даровано было Обществу 5.300 рублей, но такъ какъ все изданіе обошлось въ 8.500 р., то недостающая сумма была пополнена изъ средствъ Общества. Магистру Ковальскому, откомандированному на одинъ годъ въ распоряженіе Общества, Совѣтъ оставилъ на этотъ годъ содержаніе (800 р.), получаемое во время экспедиціи. Ковальскій выполнилъ свою задачу превосходно, такъ какъ подъ его редакціей вышелъ уже въ 1852 году первый томъ трудовъ экспедиціи въ 49 печатныхъ листовъ. Второй томъ, подъ редакціею Э. К. Гофмана, вышелъ только въ концѣ разсматриваемаго періода, а именно въ 1855 г. Въ разработкѣ трудовъ экспедиціи, кромѣ Гофмана и Ковальскаго, принимали еще участіе и другія лица. Матеріалы по ботаникѣ были обработаны членомъ Общества акад. Рупрехтомъ, по зоологіи — академиками Брандтомъ и Миддендорфомъ и консерваторомъ академіи Менетріе, по палеонтологіи — графомъ Кейзерлингомъ, по гипсометріи и метеорологіи — Д. Чл. Общества академикомъ Ленцомъ.

Большое значеніе для географической науки имѣла и *карта Сѣвернаго Урала и берегового хребта Пай-хоя*, изданная Обществомъ въ началѣ 1852 года на двухъ языкахъ: Русскомъ и Нѣмецкомъ. Карта эта изображала Сѣверный Уралъ отъ 61° широты до береговъ моря, весь Печорскій край, часть Тобольской губерніи до рѣки Оби и берега Ледовитаго моря, на протя-

женіи 17 градусовъ по долготѣ. До снаряженія Уральской Экспедиціи, въ этой части Имперіи произведено было весьма мало астрономическихъ и топографическихъ съемокъ. За исключеніемъ астрономическаго опредѣленія городовъ Обдорска и Березова, сдѣланнаго берлинскимъ профессоромъ Эрманомъ, произведены были только двѣ съемки въ этомъ краѣ: вопервыхъ, опись береговъ Ледовитаго и Карскаго морей и Обской губы, совершенная, по порученію Правительства, штурманами Ивановымъ и Бережныхъ, съ 1821 по 1828 годъ, и обнявшая устье рѣки Печоры и весь берегъ Ледовитаго моря между долготами 44° и 73° отъ Гринвича; во-вторыхъ, опись рѣки Печоры отъ деревни Усть-Илыча подъ 62° 30′ широты до самаго Пустозерска, рѣкъ Илыча, Мылвы и части Вычегды, сдѣланная, въ 1843 году, капитанъ-лейтенантомъ Крузенштерномъ и основанная на положеніи 47 пунктовъ, опредѣленныхъ астрономическими наблюденіями. Обѣ описи, и въ особенности послѣдняя, произведены были весьма тщательно, но обнимали только извѣстную часть пространства, изслѣдованнаго экспедиціею, такъ-что послѣдняя, воспользовавшись прежде добытыми результатами, принуждена была, однако, основать на собственныхъ наблюденіяхъ и съемкахъ большую часть составленной ею карты.

Астрономическія наблюденія, послужившія основаніемъ карты, состояли изъ опредѣленныхъ Ковальскимъ 186 пунктовъ по географическому ихъ положенію и 72 высотъ надъ уровнемъ моря. Послѣднія выведены частію геодезическими способами, частію помощію барометрическихъ наблюденій и дали возможность изобразить на картѣ точный профиль всего Сѣвернаго Урала. Топографическія съемки производимы были состоявшими при экспедиціи топографами Врагинымъ и Юрьевымъ, отчасти же и самимъ Ковальскимъ. Онѣ были связаны достаточнымъ числомъ точекъ, опредѣленныхъ изъ астрономическихъ наблюденій, изъ измѣреній базисовъ, но преимущественно посредствомъ азимутовъ, опредѣлявшихся изъ мѣстъ, долгота и широта которыхъ были выведены при помощи астрономическихъ наблюденій. Тамъ, гдѣ позволяло время, производились измѣренія базисовъ помощію мѣрительной цѣпи, но большая часть съемки была маршрутная; тѣмъ не менѣе она была сдѣлана съ рѣдкою точностію, такъ-что, при составленіи карты, на пространствѣ въ 30 верстъ оказалась ошибка на одну только версту.

Всѣмъ мѣстностямъ и рѣкамъ на картѣ даны тѣ самыя названія, которыя существуютъ и употребляются у мѣстныхъ жителей. На Уралѣ, отъ 61° до 65° широты, всѣ названія взяты изъ нарѣчія Остяковъ племени Манци, какъ природныхъ обитателей этой страны, а между Ураломъ и рѣкою Печорою до 65° широты—изъ языка Зырянскаго, и т. д.

Карта была гравирована въ Военно-Топографическомъ Депо, подъ руководствомъ Д. Чл. Ѳ. О. Максимова, и изящество ея отдѣлки совершенно соотвѣтствовало внутреннему ея достоинству.

Русское изданіе трудовъ Уральской экспедиціи разошлось безъ остатка и нынѣ составляетъ библіографическую рѣдкость.

По столь успѣшномъ окончаніи Уральской экспедиціи однимъ изъ первыхъ

стремленій, какъ новаго Вице-Предсѣдателя, такъ и обновленнаго состава Совѣта Общества, было снаряженіе какой бы то ни было крупной экспедиціи на одну изъ русскихъ окраинъ. Самою отдаленною изъ этихъ окраинъ представлялось морское побережье Восточной Сибири. Совѣту Общества былъ памятенъ возбужденный еще въ началѣ 1846 г. Ѳ. П. Литке вопросъ о снаряженіи экспедиціи для изслѣдованія прибрежья Берингова моря. Когда, въ октябрѣ 1846 г., Совѣтъ Общества обсуждалъ возбужденный Ѳ. П. Литке вопросъ, то, согласно съ мнѣніемъ Отдѣленія Общей Географіи, снаряженіе экспедиціи было не отклонено, а только отложено Совѣтомъ до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Пользуясь этимъ, въ ноябрѣ 1850 года, новый Вице-Предсѣдатель М. Н. Муравьевъ изъяснилъ, что съ окончаніемъ ученаго описанія сѣверной части Уральскаго хребта, было бы, по мнѣнію его, необходимо, согласно съ самою цѣлью учрежденія Общества, выраженною въ Высочайше утвержденномъ Уставѣ онаго, предпринять въ будущемъ году подобныя-же изслѣдованія въ какой либо другой части отечества, подробное описаніе которой представлялось бы столько-же полезнымъ, какъ для разъясненія многихъ ученыхъ вопросовъ, такъ и для разныхъ практическихъ цѣлей Правительства. Въ этихъ видахъ заслуживала бы, по мнѣнію М. Н. Муравьева, особаго вниманія Восточная Сибирь, весьма мало изслѣдованная въ то время, какъ въ математическо-географическомъ, такъ и физико-географическомъ отношеніяхъ. По обилію предметовъ предлежащихъ къ изученію въ этомъ отдаленномъ краѣ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи, Вице-Предсѣдатель полагалъ снарядить двѣ отдѣльныя экспедиціи: *одну* для изслѣдованій собственно астрономическихъ и топографическихъ, съ цѣлію географическихъ опредѣленій важнѣйшихъ пунктовъ, направленія рѣкъ, горъ, дорогъ и т. п. и для составленія, на основаніи собранныхъ такимъ образомъ данныхъ, возможно вѣрнаго очерка края, *другую* для изслѣдованій физико-географическихъ, какъ-то климатологическихъ, геологическихъ, зоологическихъ и ботаническихъ.

По постоянному покровительству, оказываемому трудамъ Общества просвѣщеннымъ Правительствомъ, Вице-Предсѣдатель высказывалъ надежду, что оно не отказало бы въ существенномъ содѣйствіи изъясненному предпріятію, тѣмъ болѣе, что составленіе вѣрной карты Восточной Сибири и геологическое изслѣдованіе сего края принесло бы важную практическую пользу. Въ случаѣ одобренія мысли о снаряженіи помянутыхъ экспедицій, Вице-Предсѣдатель полагалъ предоставить Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіяхъ Математической и Физической Географіи составленіе программъ симъ экспедиціямъ и проектовъ ихъ снаряженія, дабы сообщить сіи предположенія предварительно Генералъ-Губернатору Восточной Сибири, и затѣмъ, по соглашеніи съ нимъ, испросить установленнымъ порядкомъ Высочайшее соизволеніе на отправленіе экспедиціи.

Совѣтъ, одобряя вполнѣ изъясненное Вице-Предсѣдателемъ предположеніе, опредѣлилъ просить Предсѣдательствующихъ въ Отдѣленіяхъ Географіи Математической и Географіи Физической приступить къ составленію программы

и проекта снаряженія предполагаемыхъ ученыхъ экспедицій и представить ихъ, въ непродолжительномъ по возможности времени, на обсужденіе Совѣта.

Отдѣленіе Физической Географіи, съ новымъ своимъ Предсѣдательствующимъ (А. Д. Озерскимъ) во главѣ, отнеслось съ особымъ сочувствіемъ къ мысли о снаряженіи экспедиціи въ Восточную Сибирь. А. Д. Озерскій, вмѣстѣ съ секретаремъ Отдѣленія П. П. Семеновымъ, составили подробную записку объ изслѣдованіи Восточной Сибири въ физико-географическомъ отношеніи. Записка эта заключала въ себѣ слѣдующій планъ предположенной Отдѣленіемъ Камчатской экспедиціи.

По части *астрономической* предполагалось произвести, по мѣрѣ возможности, наибольшее число опредѣленій мѣстъ, избирая для того города, селенія, отличительныя горы, рѣки, особенно при сліяніи ихъ, и другія урочища; долготы главныхъ точекъ въ предѣлахъ самой Камчатки опредѣлять преимущественно наблюденіями закрытій звѣздъ и лунныхъ прохожденій; для связи астрономическихъ наблюденій въ Камчаткѣ съ материкомъ Сибирскимъ опредѣлить абсолютное положеніе Витима, Якутска, Аяна, а также, по мѣрѣ возможности, и Нижне-Колымска. Во время пребыванія экспедиціи въ Камчаткѣ предположено было учредить въ Петропавловскѣ постоянную обсерваторію; при ней кромѣ производства другихъ астрономическихъ работъ, наблюдать лунныя прохожденія, чтобы путешествующіе астрономы могли пользоваться соотвѣтственными опредѣленіями.

Гидрографическія работы, при обѣщанномъ Генералъ-Губернаторомъ Восточной Сибири содѣйствіи офицеровъ камчатской флотиліи, предполагалось направить вдоль береговъ морскихъ и рѣчныхъ, описи-же береговъ, въ новѣйшее время произведенныя, общей повѣркѣ подвергать лишь тамъ, гдѣ это могло-бы оказаться нужнымъ.

Топографы должны были производить съемку по направленію рѣкъ, дорогъ и хребтовъ горъ, опредѣляя отличительныя высоты и замѣчательныя долины, удобныя къ населенію и земледѣлію; по рѣдкости постоянныхъ сухопутныхъ сообщеній, топографическія изслѣдованія могли мѣстами идти рядомъ съ гидрографическими. На всей площади изслѣдуемаго пространства предположено было производить съемку рекогносцировкой; инструментальную же съемку употреблять только въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ. При съемкахъ гидрографическихъ и топографическихъ замѣчать свойства поверхности земной, т. е. мѣста луговыя, болотистыя, покрытыя лѣсомъ, кустарникомъ и проч. и связывать съ пунктами, опредѣленными астрономически; кромѣ того измѣрять относительныя высоты горъ, чтобы имѣть выводы о возвышеніи почвы надъ уровнемъ моря.

Этими работами слѣдовало привести географическое познаніе Камчатки, Курильскихъ, Алеутскихъ острововъ и, по возможности ближайшей части Россійско-Американскихъ владѣній въ такую степень отчетливости, чтобы можно было нанести ихъ, съ нѣкоторою подробностію, на карту, а при посредствѣ наблюденій въ самой Сибири, связать безошибочно съ материкомъ.

Четвертый разрядъ работъ экспедиціи составляли работы *геологическія.* Извѣстно, что поперечный разрѣзъ Камчатки показываетъ: съ запада плоскую, слегка волнистую страну, сложенную изъ верхнихъ мѣловыхъ пластовъ или древнихъ третичныхъ; потомъ возстаетъ постепенно кряжъ горъ, прорѣзывающій вдоль весь полуостровъ; онъ склоняется довольно круто къ восточной сторонѣ, на которой лежатъ дѣйствующіе вулканы; вулканы эти составляютъ продолженіе Японскихъ, Курильскихъ, вообще длиннаго ряда Восточно-Азіатскихъ и начавшись на южной оконечности полуострова, мысѣ Лопаткѣ, оканчиваются подъ 56° 40′ сѣверной широты вулканомъ Шивелучемъ. Центральный кряжъ Камчатскій представляетъ рядъ потухшихъ вулкановъ; глубокіе кратеры ихъ лежатъ и на западномъ склонѣ горной системы, отдѣляющей осадочную область западной половины, отъ вулканической площади восточной стороны.

Геологическій возрастъ осадочныхъ образованій въ точности еще не былъ опредѣленъ, но заключающіеся въ нихъ остатки растительные и раковины, при соображеніи условій напластованія, представляютъ, повидимому, всѣ данныя, для такого опредѣленія необходимыя. Тщательное минералогическое изслѣдованіе породъ вулканическихъ, богатыхъ пемзой, обсидіанами и миндальными камнями съ обыкновенными спутниками ихъ халцедонами и цеолитами, было бы весьма поучительно. Во многихъ мѣстахъ находятся горячія воды; опредѣленіе соотношеній ихъ къ дѣйствующимъ вулканамъ могло бы привести къ любопытнымъ заключеніямъ.

Южная и средняя части Камчатки, а также гряды Курильскихъ и Алеутскихъ острововъ, какъ страны преимущественно вулканическія, представляютъ удобство къ подробному мѣстному изученію дѣйствующихъ и потухшихъ огнедышащихъ горъ, къ опредѣленію прежнихъ и нынѣшнихъ произведеній ихъ, періодовъ покоя, продолжительности и напряженности дѣйствій, вержущей силы вулкановъ и другихъ многочисленныхъ соприкосновенныхъ явленій и вопросовъ. Сѣверная же часть Камчатки вовсе не изслѣдована въ этомъ отношеніи.

Въ Камчаткѣ имѣются признаки ртутныхъ рудъ; во многихъ мѣстахъ замѣчены бурый уголь, желѣзная руда болотная и сферосидеритъ, сѣра, янтарь; имѣются пріиски крупно-листоватой слюды. На островѣ Мѣдномъ находима была самородная мѣдь. Опредѣленіе рудоносности, разысканіе горючихъ веществъ и соляныхъ разсоловъ, изслѣдованіе соотношеній между породами осадочными, вулканическими и плутоническими и разновременныхъ поднятій огненныхъ породъ, должны бы были обратить на себя особенное вниманіе.

Нѣкоторые писатели считали Алеутскіе острова остаткомъ перемычки, соединявшей нѣкогда берега Азіатскаго материка съ Американскимъ; они полагали, что за перешейкомъ лежало средиземное водовмѣстилище, но вулканическіе перевороты и напоръ водъ разрушили плотину, отъ которой уцѣлѣла только длинная гряда острововъ. Въ виду нѣкоторой степени правдоподобія этой догадки предполагалось разрѣшить ее тщательнымъ и сравнительнымъ изслѣдованіемъ геологическаго строенія острововъ и прилежащихъ къ нимъ

береговъ обоихъ материковъ. Предполагалось, основываясь на изученіи строенія почвы и подпочвы, составить геологическую карту.

Изслѣдованія по части *естественной исторіи* должны были заключаться въ наблюденіяхъ зоологическихъ и ботаническихъ. Не ограничиваясь сборомъ предметовъ естественной исторіи, предполагалось вывести общія заключенія о географическомъ распредѣленіи ихъ и при этомъ изслѣдовать степень плодородія почвы въ сельско-хозяйственномъ отношеніи.

Изслѣдованія *физико-географическія* предполагалось производить въ возможной полнотѣ и обширности:

a) Геотермическія наблюденія произвести въ Якутскомъ (Шергинскомъ) колодезѣ и другихъ удобныхъ для наблюденія мѣстахъ; экспедиція должна была содѣйствовать, по мѣрѣ возможности, къ разрѣшенію недоразумѣній, которыя возбуждены были разборомъ геотермическихъ наблюденій, недавно предпринятыхъ въ этихъ мѣстахъ.

b) Въ Петропавловскѣ предположено было учредить обсерваторію, для наблюденій, при пособіи одного изъ лицъ, состоящихъ въ мѣстной службѣ, надъ перемѣнами склоненія, наклоненія и напряженности магнитной стрѣлки, а равно надъ абсолютнымъ склоненіемъ и напряженіемъ. При разъѣздахъ экспедиціи, предполагалось опредѣлять три элемента земнаго магнетизма, т. е. склоненія, наклоненія и напряженія. Въ случаѣ возможности предполагалось произвести нужныя розысканія къ опредѣленію настоящаго положенія предполагаемаго въ меридіанѣ Якутска, магнитнаго узла.

c) Наблюденія метеорологическія полагалось производить: летучія при передвиженіяхъ экспедиціи и постоянныя въ особо избранныхъ пунктахъ. Для производства послѣднихъ предназначались Петропавловскъ, Верхне-Камчатскъ, Нижне-Камчатскъ, кр. Гижигинская и островъ Уналашка. Въ Петропавловскѣ, наблюденія полагалось производить при постоянной географической и магнитной обсерваторіи; въ остальныхъ же мѣстахъ приглашались бы начальникомъ экспедиціи, по усмотрѣнію его, наиболѣе способные изъ мѣстныхъ жителей. Въ постоянныхъ пунктахъ наблюдались бы: барометръ, термометръ, психрометръ, направленіе вѣтровъ и опредѣлялось количество выпадающихъ дождя и снѣга. Во время переѣздовъ экспедиціи, кромѣ наблюденій надъ температурою, давленіемъ воздуха и упругостію водяныхъ паровъ, въ немъ распространенныхъ, производились бы также наблюденія надъ температурою источниковъ, рѣкъ и морской воды на разныхъ глубинахъ, а равно надъ явленіями прилива, отлива и морскими теченіями. Экспедиція, при составленіи окончательныхъ выводовъ, должна бы была воспользоваться метеорологическими наблюденіями, производящимися въ Аянѣ и Ситхѣ.

d) Въ числѣ предметовъ, на которыя еще предполагалось обратить вниманіе экспедиціи были: приведеніе въ извѣстность временъ замерзанія и вскрытія рѣкъ, начала цвѣтенія растеній, появленія и удаленія перелетныхъ птицъ, періодическихъ миграцій или переходовъ, также окоченѣнія и пробужденія нѣкоторыхъ млекопитающихъ. Въ особенности предполагалось изслѣдовать: со-

ставъ и удѣльный вѣсъ морской воды и минеральныхъ источниковъ, физическія свойства вѣтровъ, вліяніе временъ года на направленіе вѣтра, вліяніе послѣдняго на содержаніе паровъ въ атмосферѣ и на температуру и распредѣленіе грозъ. Предполагалось также наблюдать электрическія явленія въ атмосферѣ, сѣверное сіяніе и другія оптическія явленія, а также обратить особое вниманіе на опредѣленіе линіи вѣчныхъ снѣговъ на разныхъ склонахъ горъ и измѣненій, представляемыхъ горною флорою.

Изслѣдованія геологическія, естественно-историческія и физико-географическія должно было направить къ одной общей цѣли: къ полному описанію физическаго положенія края.

Кромѣ поименованныхъ предметовъ занятій, на экспедицію предполагалось возложить собираніе нѣкоторыхъ свѣдѣній статистическихъ и этнографическихъ. Предполагалось также назначить при ней особаго рисовальщика, съ тѣмъ, чтобы онъ снималъ по назначенію начальника экспедиціи виды и срисовывалъ этнографическіе предметы, а также естественныя произведенія, порчѣ подлежащія.

Всѣ вышеисчисленныя работы предположено было произвести въ теченіе пяти лѣтъ; съ присовокупленіемъ же времени на переѣздъ и на возвращеніе, экспедиція расчитывалась на шестилѣтній срокъ. Членамъ экспедиціи вмѣнялось въ обязанность руководствоваться подробными инструкціями, къ составленію которыхъ предположено было пригласить, изъ среды членовъ Географическаго Общества, лицъ, извѣстныхъ по спеціальнымъ свѣдѣніямъ.

Экспедицію должны были составить 12 лицъ; одному изъ нихъ предоставлено бы было распоряженіе и руководствованіе занятіями ея, съ званіемъ начальника экспедиціи. Какъ начальникъ, такъ и члены экспедиціи должны были дѣйствовать подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Генералъ-Губернатора Восточной Сибири и представлять на его разрѣшеніе всѣ недоумѣнія и сомнѣнія, которыя могли бы возникнуть во время самого производства работъ. Вице-Предсѣдатель Общества, какъ Управляющій Межевымъ Корпусомъ, изъявилъ намѣреніе придать къ экспедиціи, безъ всякихъ со стороны Географическаго Общества издержекъ, одного межеваго инженера, имѣющаго навыкъ въ производствѣ астрономическихъ работъ.

Генералъ Губернаторъ Восточной Сибири находилъ возможнымъ присоединить къ экспедиціи, на все время дѣйствій ея въ Камчаткѣ, одного чиновника горнаго, одного топографа, нѣсколько штейгеровъ, съ приличнымъ числомъ чернорабочихъ и потребными инструментами и съ принятіемъ всѣхъ имѣющихъ произойти вслѣдствіе такой откомандировки расходовъ, на счетъ мѣстныхъ способовъ.

Въ экспедицію предназначалось передать инструменты, пріобрѣтенные для оконченной Уральской экспедиціи. Кромѣ инструментовъ, предложенныхъ Августѣйшимъ Предсѣдателемъ Общества, Управляющимъ Межевымъ Корпусомъ и Главною Физическою Обсерваторіею, имѣлась потребность въ покупкѣ

инструментовъ, по предварительному соображенію, на сумму около 8.500 р. серебромъ.

На лицъ, которые бы участвовали въ экспедиціи, была бы возложена обязанность, по возвращеніи въ С.-Петербургъ, каждому по своей части, обработать собранные ими матеріалы и представить для общаго свода начальнику экспедиціи.

Записка эта, прочитанная въ засѣданіи Совѣта 16 дек. 1850 г., очень скоро привлекла къ задуманному дѣлу необходимыхъ для его успѣха меценатовъ. Августѣйшій Предсѣдатель Общества, которому записка была прежде всего представлена, возвратилъ ее съ слѣдующими помѣтками: 1) „читалъ съ большимъ удовольствіемъ“ и 2) „когда коммиссія (для начертанія подробныхъ инструкцій экспедиціи) будетъ назначена, желалъ бы видѣть Г.г. членовъ“. Вслѣдъ за тѣмъ дѣятельному А. Д. Озерскому удалось заинтересовать въ задуманномъ научномъ предпріятіи только что окончившаго курсъ въ С.-П.Б. Университетѣ графа Эмерика Карловича Гуттенъ-Чапскаго, который изъявилъ готовность въ теченіе $5^1/_2$ лѣтъ жертвовать по 5.000 р. ежегодно (всего 27.500 р.) на осуществленіе экспедиціи. Послѣ того М. Н. Муравьеву, во время его поѣздки въ Москву, удалось заинтересовать этимъ предпріятіемъ и Члена-Соревнователя общества П. А. Голубкова, пожертвовавшаго на задуманную сибирскую экспедицію 30.000 рублей.

Такимъ образомъ средства для экспедиціи были найдены; оставалось опредѣлить въ точности предѣлы подлежавшаго изслѣдованію пространства, а за тѣмъ и пріискать лицъ въ составъ экспедиціи. По составленному Отдѣленіемъ Физической Географіи плану, главнымъ предметомъ изслѣдованія экспедиціи должна была быть Камчатка, съ сопредѣльными странами, на с. до р. Анадыра, на с.-з. до Гижигинской губы; на югъ изслѣдованіе должно было прихватить Курильскіе острова, а на в. Алеутскіе и даже американское побережье до Ситхи. Экспедиція должна была продолжаться 6 лѣтъ съ 1851 по 1857 годъ.

Одобривъ этотъ общій планъ экспедиціи, въ мартѣ 1851 года, Совѣтъ Общества нѣсколько сократилъ его, исключивъ изъ обязательнаго изслѣдованія экспедиціи все американское побережье, а за тѣмъ поручилъ составленіе подробныхъ инструкцій для разнородныхъ изслѣдованій Особой Коммиссіи, состоявшей изъ тогдашнихъ корифеевъ Геогр. Общества и разбившейся въ свою очередь на отдѣльные комитеты, работавшіе въ началѣ 1851 года. Первый комитетъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ славнѣйшаго изъ тогдашнихъ русскихъ астрономовъ академика В. Я. Струве, изъ помощника его по Отдѣленію Математической Географіи М. Ф. Рейнеке, а также адмирала П. Ѳ. Анжу, А. П. Болотова, К. К. Венцеля, А. В. Голенищева, директора Главной Физическ. Обсерваторіи академика А. Я. Купфера, профессора, впослѣдствіи академика Э. Х. Ленца, капит. 1-го ранга Манганари, профессора, впослѣдствіи академика А. Н. Савича и автора гидрографіи Россіи И. Ѳ. Штукенберга. Этотъ комитетъ составилъ про-

граммy астрономическихъ, геодезическихъ и топографическихъ работъ, редакція которой принадлежала дѣятельному М. Ф. Рейнеке и академику Купферу. Второй комитетъ, подъ предсѣдательствомъ А. Д. Озерскаго, изъ членовъ: академика Г. П. Гельмерсена, профессора Э. К. Гофмана (бывшаго начальника Уральской экспедиціи), проф. С. С. Куторги и А. Ф. Постельса, выработалъ программу геологическихъ изслѣдованій, редактированную А. Д. Озерскимъ, при содѣйствіи П. П. Семенова.

Третій комитетъ, подъ предсѣдательствомъ академика Ѳ. Ѳ. Брандта, изъ академиковъ: А. Ѳ. Миддендорфа, К. А. Мейера, Рупрехта, дир. Бот. Сада Ѳ. Б. Фишера и ботаника Х. Х. Стевена выработалъ программу по изслѣдованіямъ естественно-историческимъ, редактированную Ѳ. Ѳ. Брандтомъ и К. А. Мейеромъ. Наконецъ четвертый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Н. И. Надеждина, изъ академиковъ К. М. Бэра, П. И. Кеппена, К. С. Веселовскаго, А. М. Шегрена и изъ В. В. Григорьева, составилъ программу этнографическихъ изслѣдованій, редактированную Григорьевымъ.

Работа Коммиссіи, подъ заглавіемъ „Сводъ инструкцій для Камчатской экспедиціи, предпринимаемой Имп. Русск. Геогр. Общ.“, была напечатана въ началѣ 1852 г. и немедленно разослана: Ген.-Губ. Вост. Сибири, въ открывшійся въ 1851 г. Сибирскій Отдѣлъ Общества и вообще ко всѣмъ мѣстамъ и лицамъ, отъ которыхъ можно было ожидать полезныхъ указаній и дополненій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Совѣтъ Общества озаботился и пріисканіемъ персонала экспедиціи, которая, по первоначальнымъ предположеніямъ, должна была состоять изъ начальника экспедиціи, его помощника, двухъ астрономовъ, двухъ морскихъ офицеровъ для гидрографическихъ работъ, офицера-топографа и еще двухъ топографовъ, естествоиспытателя, препаратора и рисовальщика. Начальство экспедиціею было предложено наиболѣе потрудившемуся надъ ея планомъ и программою А. Д. Озерскому, который изъявилъ свое согласіе на опредѣленныхъ имъ самимъ условіяхъ, обезпечивавшихъ его будущія матеріальное и служебное положеніе, но такъ какъ, по надлежащемъ сношеніи, Министръ Финансовъ призналъ условія эти неосуществимыми, то въ декабрѣ 1851 г. А. Д. Озерскій отказался отъ руководства предстоящею экспедиціею.

Между тѣмъ, по полученіи многочисленныхъ замѣчаній на разосланные Коммиссіей программы, Совѣтъ назначилъ въ 1852 г. новую Коммиссію для разсмотрѣнія этихъ замѣчаній и составленія окончательныхъ заключеній о кругѣ дѣйствія экспедиціи, о личномъ ея составѣ, о времени и порядкѣ ея отправленія и о денежныхъ и другихъ средствахъ. Коммиссія состояла, подъ предсѣдательствомъ Н. И. Надеждина, изъ К. М. Бэра, Г. П. Гельмерсена, А. А. Зеленаго (впослѣдствіи Министръ Гос. Им.), А. И. Зеленаго, Н. А. Ивашинцова, С. С. Куторги, Р. Г. Машина (морякъ, капит. 1-го ранга), Д. А. Милютина, М. Ф. Рейнеке, А. Н. Савича, А. П. Соколова и новаго Секретаря Общества В. А. Милютина.

Коммиссія эта, ознакомившись съ отзывомъ Сибирскаго Отдѣла и въ особенности съ подробностями, сообщенными нѣкоторыми его членами, близко

береговъ обоихъ материковъ. Предполагалось, основываясь на изученіи строенія почвы и подпочвы, составить геологическую карту.

Изслѣдованія по части *естественной исторіи* должны были заключаться въ наблюденіяхъ зоологическихъ и ботаническихъ. Не ограничиваясь сборомъ предметовъ естественной исторіи, предполагалось вывести общія заключенія о географическомъ распредѣленіи ихъ и при этомъ изслѣдовать степень плодородія почвы въ сельско-хозяйственномъ отношеніи.

Изслѣдованія *физико-географическія* предполагалось производить въ возможной полнотѣ и обширности:

a) Геотермическія наблюденія произвести въ Якутскомъ (Шергинскомъ) колодезѣ и другихъ удобныхъ для наблюденія мѣстахъ; экспедиція должна была содѣйствовать, по мѣрѣ возможности, къ разрѣшенію недоразумѣній, которыя возбуждены были разборомъ геотермическихъ наблюденій, недавно предпринятыхъ въ этихъ мѣстахъ.

b) Въ Петропавловскѣ предположено было учредить обсерваторію, для наблюденій, при пособіи одного изъ лицъ, состоящихъ въ мѣстной службѣ, надъ перемѣнами склоненія, наклоненія и напряженности магнитной стрѣлки, а равно надъ абсолютнымъ склоненіемъ и напряженіемъ. При разъѣздахъ экспедиціи, предполагалось опредѣлять три элемента земнаго магнетизма, т. е. склоненія, наклоненія и напряженія. Въ случаѣ возможности предполагалось произвести нужныя розысканія къ опредѣленію настоящаго положенія предполагаемаго въ меридіанѣ Якутска, магнитнаго узла.

c) Наблюденія метеорологическія полагалось производить: летучія при передвиженіяхъ экспедиціи и постоянныя въ особо избранныхъ пунктахъ. Для производства послѣднихъ предназначались Петропавловскъ, Верхне-Камчатскъ, Нижне-Камчатскъ, кр. Гижигинская и островъ Уналашка. Въ Петропавловскѣ, наблюденія полагалось производить при постоянной географической и магнитной обсерваторіи; въ остальныхъ же мѣстахъ приглашались бы начальникомъ экспедиціи, по усмотрѣнію его, наиболѣе способные изъ мѣстныхъ жителей. Въ постоянныхъ пунктахъ наблюдались бы: барометръ, термометръ, психрометръ, направленіе вѣтровъ и опредѣлялось количество выпадающихъ дождя и снѣга. Во время переѣздовъ экспедиціи, кромѣ наблюденій надъ температурою, давленіемъ воздуха и упругостію водяныхъ паровъ, въ немъ распространенныхъ, производились бы также наблюденія надъ температурою источниковъ, рѣкъ и морской воды на разныхъ глубинахъ, а равно надъ явленіями прилива, отлива и морскими теченіями. Экспедиція, при составленіи окончательныхъ выводовъ, должна бы была воспользоваться метеорологическими наблюденіями, производящимися въ Аянѣ и Ситхѣ.

d) Въ числѣ предметовъ, на которыя еще предполагалось обратить вниманіе экспедиціи были: приведеніе въ извѣстность временъ замерзанія и вскрытія рѣкъ, начала цвѣтенія растеній, появленія и удаленія перелетныхъ птицъ, пѣріодическихъ миграцій или переходовъ, также окоченения и пробужденія нѣкоторыхъ млекопитающихъ. Въ особенности предполагалось изслѣдовать: со-

ставъ и удѣльный вѣсъ морской воды и минеральныхъ источниковъ, физическія свойства вѣтровъ, вліяніе временъ года на направленіе вѣтра, вліяніе послѣдняго на содержаніе паровъ въ атмосферѣ и на температуру и распредѣленіе грозъ. Предполагалось также наблюдать электрическія явленія въ атмосферѣ, сѣверное сіяніе и другія оптическія явленія, а также обратить особое вниманіе на опредѣленіе линіи вѣчныхъ снѣговъ на разныхъ склонахъ горъ и измѣненій, представляемыхъ горною флорою.

Изслѣдованія геологическія, естественно-историческія и физико-географическія должно было направить къ одной общей цѣли: къ полному описанію физическаго положенія края.

Кромѣ поименованныхъ предметовъ занятій, на экспедицію предполагалось возложить собираніе нѣкоторыхъ свѣдѣній статистическихъ и этнографическихъ. Предполагалось также назначить при ней особаго рисовальщика, съ тѣмъ, чтобы онъ снималъ по назначенію начальника экспедиціи виды и срисовывалъ этнографическіе предметы, а также естественныя произведенія, порчѣ подлежащія.

Всѣ вышеисчисленныя работы предположено было произвести въ теченіе пяти лѣтъ; съ присовокупленіемъ же времени на переѣздъ и на возвращеніе, экспедиція расчитывалась на шестилѣтній срокъ. Членамъ экспедиціи вмѣнялось въ обязанность руководствоваться подробными инструкціями, къ составленію которыхъ предположено было пригласить, изъ среды членовъ Географическаго Общества, лицъ, извѣстныхъ по спеціальнымъ свѣдѣніямъ.

Экспедицію должны были составить 12 лицъ; одному изъ нихъ предоставлено бы было распоряженіе и руководствованіе занятіями ея, съ званіемъ начальника экспедиціи. Какъ начальникъ, такъ и члены экспедиціи должны были дѣйствовать подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Генералъ-Губернатора Восточной Сибири и представлять на его разрѣшеніе всѣ недоумѣнія и сомнѣнія, которыя могли бы возникнуть во время самого производства работъ. Вице-Предсѣдатель Общества, какъ Управляющій Межевымъ Корпусомъ, изъявилъ намѣреніе придать къ экспедиціи, безъ всякихъ со стороны Географическаго Общества издержекъ, одного межеваго инженера, имѣющаго навыкъ въ производствѣ астрономическихъ работъ.

Генералъ Губернаторъ Восточной Сибири находилъ возможнымъ присоединить къ экспедиціи, на все время дѣйствій ея въ Камчаткѣ, одного чиновника горнаго, одного топографа, нѣсколько штейгеровъ, съ приличнымъ числомъ чернорабочихъ и потребными инструментами и съ принятіемъ всѣхъ имѣющихъ произойти вслѣдствіе такой откомандировки расходовъ, на счетъ мѣстныхъ способовъ.

Въ экспедицію предназначалось передать инструменты, пріобрѣтенные для оконченной Уральской экспедиціи. Кромѣ инструментовъ, предложенныхъ Августѣйшимъ Предсѣдателемъ Общества, Управляющимъ Межевымъ Корпусомъ и Главною Физическою Обсерваторіею, имѣлась потребность въ покупкѣ

Математическій Отдѣлъ Сибирской экспедиціи, несмотря на необыкновенную настойчивость и энергію Вице-Предсѣдателя М. Н. Муравьева, могъ только окончательно сформироваться и отправиться въ Сибирь въ началѣ 1855 г. Отдѣлъ этотъ состоялъ изъ его Начальника и главнаго астронома экспедиціи, Дѣйств. Чл. Общества Л. Э. Шварца, изъ трехъ выбранныхъ и командированныхъ М. Н. Муравьевымъ офицеровъ Межевого Корпуса: Рашкова, Усольцова и Смирягина, изъ натуралиста Г. И. Радде и художника-пейзажиста Мейера.

Августѣйшій Предсѣдатель Общества выразилъ свое вниманіе экспедиціи снабженіемъ ея хронометрами и универсальнымъ инструментомъ; остальные инструменты были лично выбраны или заказаны за границею А. П. Болотовымъ.

Такъ называемая Забайкальская экспедиція подполк. Агте, снаряженная Главнымъ Штабомъ еще въ 1849 г. и работавшая съ 1849 по 1853 г. въ Забайкальѣ и сѣверной части нынѣшней Амурской области, служила какъ бы подготовительною работою для Сибирской экспедиціи Географическаго Общества. Произведенныя во время экспедиціи Агте астрономомъ Шварцомъ опредѣленія мѣстъ привели къ довольно подробной картографіи мѣстностей, окружающихъ Байкалъ. Кромѣ того путешествіе, маршруты и астрономическія опредѣленія той же экспедиціи вдоль сѣверной окраины нынѣшней Амурской области доставили первыя вѣрныя картографическія свѣдѣнія о бассейнахъ сѣверныхъ притоковъ р. Амура.

Экспедиція попала въ Иркутскъ въ то благопріятное для научныхъ изслѣдованій время, когда генералъ-губернаторъ Н. Н. Муравьевъ готовилъ свой второй сплавъ по Амуру, и, само собою разумѣется, что ей представился соблазнительный случай расширить пространство своей дѣятельности, захвативъ въ него и все теченіе Амура. Сибирскій Отдѣлъ пришелъ немедленно на помощь Обществу и оказалъ ему незабвенную услугу снаряженіемъ на Амуръ ученой партіи, состоявшей подъ завѣдываніемъ Чл.-Сотр. Общества Р. К. Маака (только что возвратившагося изъ посылавшейся передъ тѣмъ Отдѣломъ Вилюйской экспедиціи), изъ магистра Герстфельда, чиновника Кочетова, офицера корпуса топографовъ Зандгагена и препаратора Фурмана. Къ нимъ присоединились члены сибирской экспедиціи: поручикъ Рашковъ и художникъ Мейеръ. Спустившись до Маріинска, партія раздѣлилась: Маакъ съ Зандгагеномъ и Фурманомъ предприняли обратное плаваніе, болѣе медленное и болѣе удобное для наблюденій, Рашковъ и Мейеръ направились на озеро Кизи, а затѣмъ спустились въ Николаевскъ. Маршрутная съемка была произведена по всему теченію Амура: Рашковымъ между Усть-Стрѣлкою и Албазинымъ и между Маріинскомъ и Николаевскомъ, а Зандгагеномъ между Албазинымъ и Маріинскомъ. Рашковъ опредѣлилъ по теченію Амура 21 астрономическій пунктъ, да членъ Совѣта Общества графъ Е. В. Путятинъ предоставилъ въ распоряженіе экспедиціи еще 23 опредѣленія, сдѣланныя сопровождавшимъ адмирала мичманомъ Пещуровымъ (впо-

грамму астрономическихъ, геодезическихъ и топографическихъ работъ, редакція которой принадлежала дѣятельному М. Ф. Рейнеке и академику Купферу. Второй комитетъ, подъ предсѣдательствомъ А. Д. Озерскаго, изъ членовъ: академика Г. П. Гельмерсена, профессора Э. К. Гофмана (бывшаго начальника Уральской экспедиціи), проф. С. С. Куторги и А. Ф. Постельса, выработалъ програму геологическихъ изслѣдованій, редактированную А. Д. Озерскимъ, при содѣйствіи П. П. Семенова.

Третій комитетъ, подъ предсѣдательствомъ академика Ѳ. Ѳ. Брандта, изъ академиковъ: А. Ѳ. Миддендорфа, К. А. Мейера, Рупрехта, дир. Бот. Сада Ѳ. Б. Фишера и ботаника Х. Х. Стевена выработалъ програму по изслѣдованіямъ естественно-историческимъ, редактированную Ѳ. Ѳ. Брандтомъ и К. А. Мейеромъ. Наконецъ четвертый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Н. И. Надеждина, изъ академиковъ К. М. Бэра, П. И. Кеппена, К. С. Веселовскаго, А. М. Шегрена и изъ В. В. Григорьева, составилъ програму этнографическихъ изслѣдованій, редактированную Григорьевымъ.

Работа Коммиссіи, подъ заглавіемъ „Сводъ инструкцій для Камчатской экспедиціи, предпринимаемой Имп. Русск. Геогр. Общ.", была напечатана въ началѣ 1852 г. и немедленно разослана: Ген.-Губ. Вост. Сибири, въ открывшійся въ 1851 г. Сибирскій Отдѣлъ Общества и вообще ко всѣмъ мѣстамъ и лицамъ, отъ которыхъ можно было ожидать полезныхъ указаній и дополненій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Совѣтъ Общества озаботился и пріисканіемъ персонала экспедиціи, которая, по первоначальнымъ предположеніямъ, должна была состоять изъ начальника экспедиціи, его помощника, двухъ астрономовъ, двухъ морскихъ офицеровъ для гидрографическихъ работъ, офицера-топографа и еще двухъ топографовъ, естествоиспытателя, препаратора и рисовальщика. Начальство экспедиціею было предложено наиболѣе потрудившемуся надъ ея планомъ и программою А. Д. Озерскому, который изъявилъ свое согласіе на опредѣленныхъ имъ самимъ условіяхъ, обезпечивавшихъ его будущія матеріальное и служебное положеніе, но такъ какъ, по надлежащемъ сношеніи, Министръ Финансовъ призналъ условія эти неосуществимыми, то въ декабрѣ 1851 г. А. Д. Озерскій отказался отъ руководства предстоящею экспедиціею.

Между тѣмъ, по полученіи многочисленныхъ замѣчаній на разосланные Коммиссіей программы, Совѣтъ назначилъ въ 1852 г. новую Коммиссію для разсмотрѣнія этихъ замѣчаній и составленія окончательныхъ заключеній о кругѣ дѣйствія экспедиціи, о личномъ ея составѣ, о времени и порядкѣ ея отправленія и о денежныхъ и другихъ средствахъ. Коммиссія состояла, подъ предсѣдательствомъ Н. И. Надеждина, изъ К. М. Бэра, Г. П. Гельмерсена, А. А. Зеленаго (впослѣдствіи Министръ Гос. Им.), А. И. Зеленаго, Н. А. Ивашинцова, С. С. Куторги, Р. Г. Машина (морякъ, капит. 1-го ранга), Д. А. Милютина, М. Ф. Рейнеке, А. Н. Савича, А. П. Соколова и новаго Секретаря Общества В. А. Милютина.

Коммиссія эта, ознакомившись съ отзывомъ Сибирскаго Отдѣла и въ особенности съ подробностями, сообщенными нѣкоторыми его членами, близко

только въ іюлѣ и, принявъ за центръ своихъ работъ Селенгинскъ, соединилъ съ нимъ хронометрически Троицко-Савскъ, села Джиндинское и Торейское, Верхнеудинскъ и Петровскій заводъ, опредѣлилъ положеніе пристани Качуги на Ленѣ, вычислилъ 2-лѣтнія метеорологическія наблюденія Кельберга въ Селенгинскѣ и дѣлалъ наблюденія надъ образованіемъ льда въ Ангарѣ, но большихъ переѣздовъ дѣлать не могъ. Возвратившійся, послѣ своихъ успѣшныхъ работъ на Амурѣ, въ Иркутскъ поручикъ Зандгагенъ былъ снаряженъ на мѣсто погибшаго Смирягина для изслѣдованія нижняго теченія Витима, но въ день, назначенный для отъѣзда, скоропостижно умеръ въ Иркутскѣ. Талантливый и неутомимый Усольцевъ, которому было поручено идти отъ Горбицы черезъ среднія теченія лѣвыхъ притоковъ Амура до хребта Атычанъ, затѣмъ по долинѣ Гилюя спуститься на Зею, оттуда перейти на Селимджу и, искрестивъ пространство между Зеей и Селимджой, спуститься по Зеѣ на Амуръ, былъ задержанъ болѣзнью въ Нерчинскѣ, не могъ исполнить всего маршрута, а именно не могъ изслѣдовать пространство между Зеей и Селимджой и долженъ былъ достигнуть устья Гилюя уже прямо спустившись по Зеѣ въ нынѣшней Благовѣщенскъ, хотя путешествіе его продолжалось отъ апрѣля 1856 до января 1857 г. Еще менѣе повезло поручику Орлову. Онъ долженъ былъ идти вверхъ по притоку Амура Олдою, пересѣчь Яблонный хребетъ, пройти поперекъ долины Олекмы, перейти водораздѣлъ между Олекмой и Витимомъ, а оттуда выйти на Лену къ пристани Качугѣ. Руководствуясь этимъ планомъ, Орловъ назначилъ своимъ людямъ съ провизіей и вещами выйти прямо на Олекму и ожидать его тамъ, при впаденіи въ нее р. Тунгира; самъ же Орловъ поднялся по Олдою, перешелъ черезъ Яблонный хребетъ на Олекму, достигъ благополучно условленнаго пункта, но не нашелъ тамъ ни людей, ни вещей и, безъ провизіи, теплой одежды и проводниковъ, едва не погибъ и былъ спасенъ встрѣтившимся ему знакомымъ Орочономъ, который довелъ его черезъ хребетъ до перваго жилья въ Забайкальской области. Только Рашковъ въ теченіе всего лѣта 1856 года работалъ безпрепятственно и успѣлъ на низовьяхъ Амура соединить хронометрически съ Маріинскомъ съ одной стороны заливъ Де-Кастри, а съ другой Николаевскъ.

Зато Г. И. Радде и въ 1856 году дѣйствовалъ съ полнымъ успѣхомъ и изслѣдовалъ въ естественно-историческомъ отношеніи степную Даурію и горную группу Чокондо.

Къ дальнѣйшимъ трудамъ Сибирской экспедиціи мы возвратимся уже въ слѣдующемъ періодѣ, такъ какъ въ разсматриваемомъ экспедиція осталась незаконченною; здѣсь же упомянемъ еще о снаряженной Сибирскимъ Отдѣломъ Вилюйской экспедиціи.

Экспедиція въ Вилюйскій округъ Якутской области была задумана Сибирскимъ Отдѣломъ Имп. Русск. Геогр. Общ. въ 1852 году, т. е. на второй годъ послѣ учрежденія Отдѣла. Побудительной причиной снаряженія экспедиціи было предполагаемое богатство Вилюйскаго округа желѣзными и соля-

ными залежами, драгоцѣнными камнями и золотыми розсыпями. На начальника экспедиціи, Д.-Чл. Общ. Р. К. Маака, была возложена обязанность изслѣдовать край въ естественно-историческомъ, этнографическомъ, статистическомъ и метеорологическомъ отношеніяхъ; съемки и географическія опредѣленія были поручены топографу Зандгагену, а къ экспедиціи былъ еще прикомандированъ препараторъ Фурманъ и присоединился добровольно въ Якутскѣ Г-нъ Павловскій. Экспедицію предполагалось отправить уже въ январѣ 1853 года, но такъ какъ Зандгагенъ прибылъ изъ Петербурга только въ мартѣ, то отправленіе всей экспедиціи отсрочено до янв. 1854 г. Только Зандгагенъ былъ направленъ Отдѣломъ для съемокъ на Вилюй еще лѣтомъ 1853 г.

Въ маѣ онъ выѣхалъ изъ Иркутска, пробрался черезъ Киренскъ на Нижн. Тунгузку, спустился по ней на лодкѣ до дер. Анкулы, оттуда съ проводникомъ изъ Тунгузовъ съ большими трудностями перевалилъ на р. Чону, а по ней и отъ ея устья по Вилюю спустился въ Вилюйскъ. Спуститься далѣе по Вилюю, вслѣдствіе наступившихъ холодовъ, Зандгагену уже не удалось и онъ проѣхалъ изъ Вилюйска, на соединеніе съ Маакомъ, уже сухимъ зимнимъ путемъ.

Между тѣмъ Р. К. Маакъ выѣхалъ изъ Иркутска въ Якутскъ въ январѣ 1854 г. Въ Якутскѣ онъ провелъ нѣсколько недѣль, не только для приготовленій къ путешествію на Вилюй, но и для списыванія метеорологическаго журнала замѣчательнаго наблюдателя Невѣрова, производившаго наблюденія въ Якутскѣ съ 1829 по 1854 годъ, т. е. до своей смерти. Маакъ также произвелъ въ Якутскѣ интересныя метеорологическія наблюденія надъ прорытою въ вѣчно-мерзлой почвѣ Шергинскою шахтою.

Изъ Якутска Маакъ, вмѣстѣ съ Павловскимъ, выѣхалъ въ апрѣлѣ и направился на лошадяхъ вдоль Лены до устья Вилюя, пославъ Зандгагена на неоконченную имъ въ 1853 г. съемку теченія Вилюя отъ Вилюйска до его впаденія въ Лену.

Въ Харангачалахѣ на Ленѣ (при устьѣ р. Лунки) Маакъ и Павловскій наблюдали перелетъ птицъ. Между тѣмъ Зандгагенъ окончилъ свою работу въ концѣ мая, а въ іюнѣ пріѣхала за экспедиціею ожидаемая лодка. Вверхъ по Вилюю экспедиціи удалось проплыть впрочемъ всего только 100 вер. до устья р. Джерона, а тамъ сильная прибыль воды заставила путешественниковъ продолжать путь верхомъ по берегу до самаго Вилюйска.

Въ Вилюйскѣ Маакъ пробылъ только нѣсколько дней для приготовленія оленей, предназначаемыхъ для экспедиціи на р. Оленекъ. Изъ Вилюйска экспедиція переѣхала въ селеніе Нюрбу, лежащее близъ Вилюя, а оттуда въ назначенное сборнымъ пунктомъ для переѣзда на Оленекъ урочище Тасъ, расположенное на р. Хаангыя, впадающей съ лѣв. стороны въ Марху, большой притокъ Вилюя.

До Таса путешественники ѣхали еще на лошадяхъ, а затѣмъ должны были уже пересѣсть на оленей, раздѣлившись на двѣ партіи: Маакъ отправился къ с. на Оленекъ, а Павловскій къ юго-западу, слѣдуя по рѣкамъ

Маркѣ и Спетта (другой прит. Вилюя) до села Сунтаръ на Вилюѣ, гдѣ онъ и долженъ былъ ожидать Маака. Оленекская партія двинулась въ путь только въ августѣ, достигла Оленека, пересѣкла полярный кругъ и только въ половинѣ сентября достигла своего сѣвернаго предѣла (68°15′ с. ш.) на Оленекѣ.

Осмотрѣвъ въ теченіе нѣсколькихъ дней берега Оленека экспедиція повернула назадъ, въ ю.-з. направленіи къ оз. Сюрюнда, расположенному въ верховьяхъ Вилюя. Черезъ 6 дней пути въ этомъ направленіи экспедиція достигла хребта Тунгусъ-янгы, послѣ геогностическаго осмотра котораго перешла на южную его сторону въ концѣ сентября и, послѣ неимовѣрныхъ трудныхъ переходовъ по каменистымъ горамъ и непроходимымъ хвойнымъ лѣсамъ, достигла озера.

Окончивъ топографическую съемку озера въ началѣ ноября, экспедиція пыталась спускаться внизъ по Вилюю, слѣдуя по всѣмъ его изгибамъ, но убѣдилась скоро въ невозможности такого путешествія въ позднее время года. Морозы становились все сильнѣе, отъ холода разрывались стволы толстыхъ деревьевъ, земля давала трещины, нѣсколько влажное дерево становилось по замерзаніи столь твердымъ, что топоръ не рубилъ его, а разлетался въ дребезги какъ стекло, ртуть въ термометрѣ такъ застывала, что производить наблюденія, да и вообще какія бы то ни было работы становилось невозможнымъ. Экспедиція рѣшилась идти самымъ прямымъ 800 верстнымъ путемъ къ устью Чоны.

Къ устью Чоны экспедиція прибыла 25 декабря, и здѣсь уже къ счастію нашла высланныхъ на встрѣчу ей изъ Вилюйска съ провизіей и теплою одеждою Якутовъ. На Чонѣ экспедиція отдыхала нѣсколько дней, затѣмъ останавливалась въ Вилюѣ при устьѣ р. Ахтаранды, гдѣ Маакъ осмотрѣлъ еще интересное мѣсторожденіе минераловъ (вилюитовъ, гроссуляровъ и ахтарандитовъ), а въ первыхъ числахъ января соединилась въ Сунтарѣ съ партіею Павловскаго.

Отсюда вся соединившаяся экспедиція переѣхала въ Олекминскъ и только въ началѣ марта 1855 г. вернулась въ Иркутскъ, проѣхавъ въ 13 мѣсяцевъ до 8.000 верстъ.

Какъ только Р. К. Маакъ вернулся въ Иркутскъ, Сибирскій Отдѣлъ уже предложилъ ему отправиться въ новую экспедицію для осмотра лѣваго берега Амура, отъ Усть-Стрѣлки до Маріинскаго поста, къ чему представлялся особенно удобный случай, такъ какъ въ это время снаряжался военный сплавъ по Амуру, а собственно на ученое изслѣдованіе Амурскаго побережья Чл.-Соревн. золотопромышленникъ Соловьевъ пожертвовалъ полпуда золота.

Научная экспедиція, подъ начальствомъ Маака (о составѣ ея было упомянуто выше на стр. 81), тронулась изъ Иркутска 6 апр. 1855 г., начала свои работы съ Шилки, но принуждена была работать очень спѣшно, такъ какъ не могла отдѣлиться отъ военнаго сплава. Только начиная отъ

слѣдствіи адмиралъ и членъ Государственнаго Совѣта). Что же касается до Р. К. Маака, то его участіе въ Амурской партіи было самое плодотворное, такъ какъ кромѣ прекрасныхъ коллекцій, имъ собранныхъ, ему принадлежитъ честь перваго весьма обстоятельнаго описанія теченія Амура. Если принять еще въ соображеніе, что вслѣдъ за Маакомъ на Амурѣ появились въ 1855—56 годахъ два первоклассные натуралиста: командированный Ботаническимъ Садомъ въ Японію и возвращавшійся оттуда черезъ Амуръ ботаникъ Максимовичъ (впослѣдствіи академикъ и дѣятельный членъ Импер. Русскаго Геогр. Общества) и посланный Академіею Наукъ зоологъ Леопольдъ Шренкъ (впослѣдствіи академикъ и Дѣйств. Чл. Имп. Русскаго Геогр. Общества), то можно сказать, что естественно-историческое изслѣдованіе только что пріобрѣтеннаго Амурскаго края было совершено въ то время съ *самымъ полнымъ* успѣхомъ. Самъ же начальникъ Сибирской экспедиціи Шварцъ и другіе ея члены обратили все свое вниманіе на Околобайкалье. Шварцъ произвелъ всѣ основныя наблюденія въ южной части Забайкалья, связавъ съ тремя основными пунктами: Иркутскомъ, Чиндантомъ и Нерчинскимъ заводомъ много другихъ пунктовъ, какъ напр. городъ Нерчинскъ, Читу, Верхнеудинскъ, Посольскій монастырь, Усть-Ило, Кыринскій кар., сел. Умыръ и др. Своихъ сотрудниковъ Шварцъ распредѣлилъ въ первомъ 1855 году слѣдующимъ образомъ: Усольцевъ долженъ былъ съ Шилки подняться по Нерчѣ, перевалить черезъ Яблонный хребетъ, захватить Каренгу, перейдя на верховья Конды спуститься по ней до ея впаденія въ Витимъ, за тѣмъ обслѣдовать все верхнее теченіе Витима и отъ его истоковъ перейти на Баргузинъ и выйти къ Байкалу. Прикомандированный къ экспедиціи офицеръ корпуса топографовъ Орловъ долженъ былъ изслѣдовать теченіе значительнаго притока Витима Цыпы до ея устья, пройти часть теченія Витима выше устья Цыпы и за тѣмъ перейти на Верхнюю Ангару и выйти по ней къ Байкалу. Наконецъ Смирягинъ долженъ былъ, выйдя на Витимъ къ устью Цыпы, изслѣдовать все нижнее теченіе Витима, до впаденія этой рѣки въ Лену. Усольцевъ выполнилъ свой маршрутъ вполнѣ успѣшно, сдѣлавъ съемку въ 1500 верстъ и опредѣливъ 12 астрономическихъ пунктовъ. Точно также дѣйствовалъ и Орловъ, прошедшій по указанному ему пути 2.500 верстъ и опредѣлившій 11 пунктовъ. Къ сожалѣнію Смирягину не удалось дойти до Витима. Онъ былъ убитъ своимъ проводникомъ близъ р. Бумбуйко, на пути отъ селенія Ундеръ къ Витиму. За то Радде, слѣдуя отъ выхода Ангары изъ Байкала вдоль с.-з. побережья озера, достигъ до устья Верхней Ангары, оттуда, слѣдуя вдоль ю.-в. побережья до устья Селенги обогнулъ всѣ сѣверо-западныя двѣ трети Байкала, а осенью еще успѣлъ наблюдать перелетъ птицъ на Гусиномъ озерѣ и обиліемъ результатовъ своего путешествія превзошелъ всѣ ожиданія Совѣта Общества.

Во второй, 1856 годъ, экспедиція потерпѣла много неудачъ. Начальникъ экспедиціи, послѣ продолжительной болѣзни, могъ приступить къ занятіямъ

спустившись по Ангарѣ черезъ ея пороги, до устья Енисея, составилъ гидрографическую карту рѣки и описалъ какъ пороги, такъ и встрѣченныя имъ обнаженія горныхъ породъ.

Въ Енисейской губерніи Чл.-Сотр. Пейзынъ въ 1854 г. изслѣдовалъ прибрежье р. Кана, а въ 1855 г. Минусинскій округъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Въ юж. части Забайкальской области въ 1854 г. Чл. Сотр. Юринскій посѣтилъ и описалъ мѣстность Делюнъ-Болдокъ на р. Ононѣ— вѣроятную родину Чингисъ-хана, и также имѣющія гобійскій характеръ степныя озера Воронъ и Дзонъ-Тарей и Былыринскіе ключи, а въ 1855 г. Чл.-Сотр. Давыдовъ сдѣлалъ поѣздку для этнографическихъ изслѣдованій въ Верхнеудинскій округъ, а Чл.-Сотр. А. Мордвиновъ изслѣдовалъ кругобайкальскіе пути [1]). Чл.-Сотр. горн. инж. Версиловъ въ 1855 г. произвелъ геогностическія изслѣдованія въ сѣверной части Забайкальской области вдоль теченія Витима, обращавшаго на себя особенное вниманіе золотопромышленниковъ.

Наконецъ нѣкоторыя изслѣдованія членовъ Сибирскаго Отдѣла относились и къ крайнему сѣверу Вост. Сибири, какъ наприм. протоіер. Хитрова—Описаніе Жиганскаго улуса (на низовьяхъ Лены и Оленека), Д. Чл. И. С. Сельскаго— Опис. дороги отъ Якутска до Средне-Колымска [2]) и Чл.-Сотр. Аргентова—Опис. Николаевскаго Чаунскаго прихода въ Колымскомъ округѣ [3]).

---

[1]) См. Зап. Сиб. Отд. кн. III, Юринскаго,—«Пещера и древн. письм. па бер. р. Мангута» стр. 80—88; Чл. Сотр. Д. Давыдова,—«О древн. памятн. и могильн. оборниковъ Забайкальск. обл. Верхнеудинск. ок.» стр. 89—100; А. Мордвинова,—«Объ открытіи и пролож. путей кругомъ Байкала» стр. 101—144.

[2]) Первое изъ этихъ описаній см. Зап. Сиб. Отд. кн. I стр. 53—84, второе тамъ же стр. 85—108.

[3]) См. Зап. Сиб. Отд. кн. III, стр. 79—106.

ными залежами, драгоцѣнными камнями и золотыми розсыпями. На начальника экспедиціи, Д.-Чл. Общ. Р. К. Маака, была возложена обязанность изслѣдовать край въ естественно-историческомъ, этнографическомъ, статистическомъ и метеорологическомъ отношеніяхъ; съемки и географическія опредѣленія были поручены топографу Зандгагену, а къ экспедиціи былъ еще прикомандированъ препараторъ Фурманъ и присоединился добровольно въ Якутскѣ Г-нъ Павловскій. Экспедицію предполагалось отправить уже въ январѣ 1853 года, но такъ какъ Зандгагенъ прибылъ изъ Петербурга только въ мартѣ, то отправленіе всей экспедиціи отсрочено до янв. 1854 г. Только Зандгагенъ былъ направленъ Отдѣломъ для съемокъ на Вилюй еще лѣтомъ 1853 г.

Въ маѣ онъ выѣхалъ изъ Иркутска, пробрался черезъ Киренскъ на Нижн. Тунгузку, спустился по ней на лодкѣ до дер. Анкулы, оттуда съ проводникомъ изъ Тунгузовъ съ большими трудностями перевалилъ на р. Чону, а по ней и отъ ея устья по Вилюю спустился въ Вилюйскъ. Спуститься далѣе по Вилюю, вслѣдствіе наступившихъ холодовъ, Зандгагену уже не удалось и онъ проѣхалъ изъ Вилюйска, на соединеніе съ Маакомъ, уже сухимъ зимнимъ путемъ.

Между тѣмъ Р. К. Маакъ выѣхалъ изъ Иркутска въ Якутскъ въ январѣ 1854 г. Въ Якутскѣ онъ провелъ нѣсколько недѣль, не только для приготовленій къ путешествію на Вилюй, но и для списыванія метеорологическаго журнала замѣчательнаго наблюдателя Невѣрова, производившаго наблюденія въ Якутскѣ съ 1829 по 1854 годъ, т. е. до своей смерти. Маакъ также произвелъ въ Якутскѣ интересныя метеорологическія наблюденія надъ прорытою въ вѣчно-мерзлой почвѣ Шергинскою шахтою.

Изъ Якутска Маакъ, вмѣстѣ съ Павловскимъ, выѣхалъ въ апрѣлѣ и направился на лошадяхъ вдоль Лены до устья Вилюя, пославъ Зандгагена на неоконченную имъ въ 1853 г. съемку теченія Вилюя отъ Вилюйска до его впаденія въ Лену.

Въ Харангачалахѣ на Ленѣ (при устьѣ р. Лунки) Маакъ и Павловскій наблюдали перелетъ птицъ. Между тѣмъ Зандгагенъ окончилъ свою работу въ концѣ мая, а въ іюнѣ пріѣхала за экспедиціею ожидаемая лодка. Вверхъ по Вилюю экспедиціи удалось проплыть впрочемъ всего только 100 вер. до устья р. Джерона, а тамъ сильная прибыль воды заставила путешественниковъ продолжать путь верхомъ по берегу до самаго Вилюйска.

Въ Вилюйскѣ Маакъ пробылъ только нѣсколько дней для приготовленія оленей, предназначаемыхъ для экспедиціи на р. Оленекъ. Изъ Вилюйска экспедиція переѣхала въ селеніе Нюрбу, лежащее близъ Вилюя, а оттуда въ назначенное сборнымъ пунктомъ для переѣзда на Оленекъ урочище Тасъ, расположенное на р. Хаангыя, впадающей съ лѣв. стороны въ Марху, большой притокъ Вилюя.

До Таса путешественники ѣхали еще на лошадяхъ, а затѣмъ должны были уже пересѣсть на оленей, раздѣлившись на двѣ партіи: Маакъ отправился къ с. на Оленекъ, а Павловскій къ юго-западу, слѣдуя по рѣкамъ

Маркѣ и Спетта (другой прит. Вилюя) до села Сунтаръ на Вилюѣ, гдѣ онъ и долженъ былъ ожидать Маака. Оленекская партія двинулась въ путь только въ августѣ, достигла Оленека, пересѣкла полярный кругъ и только въ половинѣ сентября достигла своего сѣвернаго предѣла (68°15′ с. ш.) на Оленекѣ.

Осмотрѣвъ въ теченіе нѣсколькихъ дней берега Оленека экспедиція повернула назадъ, въ ю.-з. направленіи къ оз. Сюрюнда, расположенному въ верховьяхъ Вилюя. Черезъ 6 дней пути въ этомъ направленіи экспедиція достигла хребта Тунгусъ-янгы, послѣ геогностическаго осмотра котораго перешла на южную его сторону въ концѣ сентября и, послѣ неимовѣрныхъ трудныхъ переходовъ по каменистымъ горамъ и непроходимымъ хвойнымъ лѣсамъ, достигла озера.

Окончивъ топографическую съемку озера въ началѣ ноября, экспедиція пыталась спускаться внизъ по Вилюю, слѣдуя по всѣмъ его изгибамъ, но убѣдилась скоро въ невозможности такого путешествія въ позднее время года. Морозы становились все сильнѣе, отъ холода разрывались стволы толстыхъ деревьевъ, земля давала трещины, нѣсколько влажное дерево становилось по замерзаніи столь твердымъ, что топоръ не рубилъ его, а разлетался въ дребезги какъ стекло, ртуть въ термометрѣ такъ застывала, что производить наблюденія, да и вообще какія бы то ни было работы становилось невозможнымъ. Экспедиція рѣшилась идти самымъ прямымъ 800 верстнымъ путемъ къ устью Чоны.

Къ устью Чоны экспедиція прибыла 25 декабря, и здѣсь уже къ счастію нашла высланныхъ на встрѣчу ей изъ Вилюйска съ провизіей и теплою одеждою Якутовъ. На Чонѣ экспедиція отдыхала нѣсколько дней, затѣмъ останавливалась въ Вилюѣ при устьѣ р. Ахтаранды, гдѣ Маакъ осмотрѣлъ еще интересное мѣсторожденіе минераловъ (вилюитовъ, гроссуляровъ и ахтарандитовъ), а въ первыхъ числахъ января соединилась въ Сунтарѣ съ партіею Павловскаго.

Отсюда вся соединившаяся экспедиція переѣхала въ Олекминскъ и только въ началѣ марта 1855 г. вернулась въ Иркутскъ, проѣхавъ въ 13 мѣсяцевъ до 8.000 верстъ.

Какъ только Р. К. Маакъ вернулся въ Иркутскъ, Сибирскій Отдѣлъ уже предложилъ ему отправиться въ новую экспедицію для осмотра лѣваго берега Амура, отъ Усть-Стрѣлки до Маріинскаго поста, къ чему представлялся особенно удобный случай, такъ какъ въ это время снаряжался военный сплавъ по Амуру, а собственно на ученое изслѣдованіе Амурскаго побережья Чл.-Соревн. золотопромышленникъ Соловьевъ пожертвовалъ полпуда золота.

Научная экспедиція, подъ начальствомъ Маака (о составѣ ея было упомянуто выше на стр. 81), тронулась изъ Иркутска 6 апр. 1855 г., начала свои работы съ Шилки, но принуждена была работать очень спѣшно, такъ какъ не могла отдѣлиться отъ военнаго сплава. Только начиная отъ

прорыва Амура через Малый Хинганъ, Маакъ, снабженный лодками и людьми, — могъ двигаться уже вполнѣ самостоятельно и соразмѣрять свои движенія съ задачами изслѣдованія до самаго Маріинска.

Отсюда Маакъ выступилъ обратно 14 августа и, поднимаясь медленно вверхъ теченія, при помощи бичевы, шелъ почти все время пѣшкомъ до окрестностей Айгуна, куда добрался только 1 октября. Дальнѣйшему плаванію воспрепятствовалъ ледоходъ и далѣе экспедиціи уже пришлось ѣхать на лошадяхъ и только 30 декабря она вернулась благополучно въ Иркутскъ, откуда Маакъ, командированный для ученой разработки собраннаго имъ въ двухъ экспедиціяхъ матеріала, отправился въ Петербургъ, куда и прибылъ въ началѣ 1856 г. Предстоявшая Мааку трудная задача (занимавшая его три года) въ значительной мѣрѣ была облегчена ему Географическимъ Обществомъ, пригласившимъ къ научной обработкѣ собранныхъ Маакомъ богатыхъ матеріаловъ дѣятельныхъ своихъ сочленовъ: академика Брандта для обработки коллекціи млекопитающихъ животныхъ, консерватора Академіи Наукъ Менетріэ для коллекцій энтомологическихъ, академиковъ Рупрехта и Максимовича для ботаническихъ и К. С. Веселовскаго для обработки метеорологическихъ наблюденій. Еще болѣе существенною помощью Р. К. Мааку было то, что всѣ расходы по изданію его путешествія принялъ на себя великодушный Чл.-Соревнователь Общества Соловьевъ.

Кромѣ двухъ крупныхъ экспедицій (Вилюйской и Амурской), снаряженныхъ Сибирскимъ Отдѣломъ, Отдѣлъ этотъ оказалъ еще не маловажныя услуги географической наукѣ поддержкою, а иногда и снаряженіемъ менѣе значительныхъ изслѣдованій, предпринимаемыхъ его членами въ губерніяхъ Иркутской, Енисейской и области Забайкальской. Такъ въ Иркутской губерніи въ 1854 г. Чл.-Сотр. горн. инж. Бакшевичъ, изслѣдовалъ теченіе Иркута отъ Тунки до выхода изъ горъ въ Ангарскую долину, при чемъ обратилъ особенное вниманіе на обнаженіе горныхъ породъ, принадлежащихъ къ каменноугольной формаціи [1]). Затѣмъ тотъ же Бакшевичъ сдѣлалъ весьма обстоятельное и разностороннее изслѣдованіе обширнаго острова Ольхона на Байкалѣ. Въ то же время Чл.-Сотр. Пермикинъ осмотрѣлъ верхнюю долину Иркута отъ Тунки до самой высокой горной группы Саянскаго хребта Мунку-Сардыкъ, питающей истоки рѣкъ Иркута, Китоя, Оки и Бѣлой, и въ 1858 г. тотъ же Пермикинъ, черезъ ведущіе въ Монголію перевалы вблизи Мунку-Сардыка, проникъ впервые на высокое, но обширное горное озеро Коссоголъ [2]). Въ 1854 г. Чл.-Сотр. горн. инжен. Клейменовъ,

[1]) См. Бакшевичъ «Описаніе р. Иркута отъ Тунки до впаденія въ Ангару» въ Зап. Сиб. Отд. кн. I, стр. 1—89.

[2]) Тотъ же Пермикинъ, также какъ и горный инженеръ Аносовъ, участвовавшіе въ первомъ сплавѣ Н. Н. Муравьева по Амуру, обнародовали нѣкоторые интересные результаты своихъ наблюденій въ Запис. Сиб. Отд. См. Н. Аносова «Краткій геогн. очеркъ прибрежій р. Амура» въ Зап. Сиб. Отд. кн. I, стр. 109—128 и Пермикина—«Путев. журн. плаванія по р. Амуру» въ Зап. Сиб. Отд. II, стр. 3—78.

спустившись по Ангарѣ черезъ ея пороги, до устья Енисея, составилъ гидрографическую карту рѣки и описалъ какъ пороги, такъ и встрѣченныя имъ обнаженія горныхъ породъ.

Въ Енисейской губерніи Чл.-Сотр. Пейзынъ въ 1854 г. изслѣдовалъ прибрежье р. Кана, а въ 1855 г. Минусинскій округъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Въ юж. части Забайкальской области въ 1854 г. Чл. Сотр. Юринскій посѣтилъ и описалъ мѣстность Делюнъ-Болдокъ на р. Ононѣ—вѣроятную родину Чингисъ-хана, и также имѣющія гобійскій характеръ степныя озера Боронъ и Дзонъ-Тарей и Былыринскіе ключи, а въ 1855 г. Чл.-Сотр. Давыдовъ сдѣлалъ поѣздку для этнографическихъ изслѣдованій въ Верхнеудинскій округъ, а Чл.-Сотр. А. Мордвиновъ изслѣдовалъ кругобайкальскіе пути [1]). Чл.-Сотр. горн. инж. Версиловъ въ 1855 г. произвелъ геогностическія изслѣдованія въ сѣверной части Забайкальской области вдоль теченія Витима, обращавшаго на себя особенное вниманіе золотопромышленниковъ.

Наконецъ нѣкоторыя изслѣдованія членовъ Сибирскаго Отдѣла относились и къ крайнему сѣверу Вост. Сибири, какъ наприм. протоіер. Хитрова—Описаніе Жиганскаго улуса (на низовьяхъ Лены и Оленека), Д. Чл. И. С. Сельскаго—Опис. дороги отъ Якутска до Средне-Колымска [2]) и Чл.-Сотр. Аргентова—Опис. Николаевскаго Чаунскаго прихода въ Колымскомъ округѣ [3]).

---

[1]) См. Зап. Сиб. Отд. кн. III, Юринскаго,—«Пещера и древн. письм. на бер. р. Мангута» стр. 80—88; Чл. Сотр. Д. Давыдова,—«О древн. памятн. и могильн. оборниковъ Забайкальск. обл. Верхнеудинск. ок.» стр. 89—100; А. Мордвинова,—«Объ открытіи и пролож. путей кругомъ Байкала» стр. 101—144.

[2]) Первое изъ этихъ описаній см. Зап. Сиб. Отд. кн. I стр. 53—84, второе тамъ же стр. 85—108.

[3]) См. Зап. Сиб. Отд. кн. III, стр. 79—106.

ГЛАВА IX.

Изслѣдованія и работы по географіи внутренней Азіи.

Выше уже было упомянуто, что и въ предшедшемъ періодѣ Импер. Русс. Геогр. Общество обратило особенное вниманіе на изученіе и изслѣдованіе внутренней Азіи, что ему, однакоже, еще не удалось, въ теченіе перваго періода, снарядить туда ученой экспедиціи, но что крупное пожертвованіе Члена-Соревнователя Голубкова, въ концѣ періода, дало возможность Обществу серьезно заняться географіей не только Азіатской Россіи, но и странъ съ нею сопредѣльныхъ.

Первою попыткою Общества въ этомъ направленіи было составленіе и изданіе генеральной карты Азіи на средства спеціально для того пожертвованныя Голубковымъ (2000 р.). Еще въ 1849 году тогдашній Вице-Предсѣдатель Общества вошелъ въ сношеніе съ директоромъ Веймарскаго географич. института Д-ромъ Фрорипомъ относительно составленія такой карты. Совѣтъ, одобривъ это предположеніе, утвердилъ въ апрѣлѣ 1849 г. проектъ условій съ Фрорипомъ относительно заказа ему карты, а въ февр. 1850 г. доставилъ Фрорипу нѣкоторые русскіе матерьялы для ея составленія. Въ октябрѣ 1850 г. Фрорипъ уже представилъ оттиски трехъ листовъ составленной карты, съ указаніемъ всѣхъ матерьяловъ, служившихъ для ея составленія. Листы эти были переданы на разсмотрѣніе лучшихъ въ то время, въ средѣ Общества, знатоковъ картографіи Азіи—А. П. Болотова и Я. В. Ханыкова, но признаны неудовлетворительными. Во первыхъ, масштабъ карты найденъ недостаточнымъ (250 вер. въ дюймѣ), но этотъ недостатокъ Совѣтъ призналъ уже непоправимымъ; во-вторыхъ, Болотовъ и Ханыковъ указали на крупныя неточности въ Сѣверномъ Уралѣ, на прибрежьяхъ Охотскаго моря, во всей южной Сибири и въ с.-з. части Средней Азіи. Началась переписка. Фрорипъ и исполнитель карты Кипертъ доказывали, что сообщенныя Совѣтомъ замѣчанія доказываютъ только достоинство карты, такъ какъ въ ней усмотрѣно лишь весьма небольшое число недостатковъ. Фрорипъ и Кипертъ предлагали Совѣту сообщить имъ не имѣвшіеся у нихъ въ виду русскіе матерьялы, какъ-то: съемки Сѣвернаго Урала, маршруты Ал. Шренка въ Кир-

гизской степи, всѣ новые матерьялы относительно Южной Сибири и наконецъ карту с.-з. части Средней Азіи Ханыкова, а также предлагали самому Обществу прямо исправить и перерисовать неудовлетворительныя части. Перерисовать части карты члены Общества не взялись, но матерьялъ былъ высланъ въ 1852 году и переписка продолжалась. Въ концѣ 1853 г. Фрорипъ увѣдомилъ, что карта замедлилась, потому что Кипертъ переселился въ Берлинъ. Между тѣмъ дѣло впередъ не подвигалось. Кипертъ, которому не нравилось, какъ онъ выражался, германофобское, будто-бы, направленіе Общества, сложилъ съ себя званіе Члена-Корреспондента Общества и пересталъ принимать участіе въ работѣ по его заказу. Въ 1855 г. самъ Фрорипъ, по болѣзни, продалъ свое заведеніе Денике и передалъ ему и составленіе карты. Тогда Совѣтъ призналъ контрактъ съ Фрорипомъ, по неисполненію его, недѣйствительнымъ и, отвергнувъ дальнѣйшее предложеніе Денике, постановилъ считать дѣло оконченнымъ. Переписка съ Денике продолжалась еще до 1858 г., когда Совѣтъ Общества, усмотрѣвъ въ пробныхъ оттискахъ карты крупные недостатки, призналъ ее для Общества безполезною и совершенно отъ нея отказался. Такъ неудачно кончилась попытка разработывать русскую картографію черезъ посредство несомнѣнно лучшихъ иностранныхъ картографовъ.

Въ началѣ разсматриваемаго періода самымъ ревностнымъ поборникомъ необходимости изученія сопредѣльныхъ съ Россіею странъ Внутренной Азіи былъ талантливый Я. В. Ханыковъ, сдѣлавшійся въ началѣ 1851 года Секретаремъ Общества. Уже въ началѣ 1850 г. Ханыковъ, вмѣстѣ съ А. П. Болотовымъ, приняли на себя, по порученію Общества, составленіе, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, карты с.-з. части Средней Азіи, а именно пространства между 35 и 55° с. ш. и 67° и 95° в. д. отъ Ферро, въ масштабѣ 50 вер. въ англ. д. Желая быстрѣе подвинуть впередъ свой обширный трудъ, Ханыковъ раздѣлилъ его на 4 отдѣльныя карты, а именно: 1) Аральскаго моря и Хивинскаго ханства, 2) озера Иссыкъ-Куль съ его окрестностями, 3) сѣверной Персіи и 4) Каспійскаго моря. Первая изъ этихъ картъ (Аральскаго моря и Хивинскаго ханства), составленная по изслѣдованіямъ русскихъ путешественниковъ (Никифорова, Данилевскаго, Базинера, Бутакова и Поспѣлова) заключала въ себѣ пространство между 37° и 47° с. ш. и 74° и 82° в. д. отъ Ферро. Она уже была издана Ханыковымъ въ 1850 г., а съ нею и составленный имъ, при содѣйствіи Д. Чл. Общ. Ю. В. Толстого (впослѣдствіи Товарищъ Об.-Прок. Свят. Синода), списокъ всѣхъ астрономическихъ пунктовъ, опредѣленныхъ въ с.-з. части внутренней Азіи и карта этихъ пунктовъ. Картографическіе труды Ханыкова обратили на себя вниманіе ученаго міра, его карта была издана на французскомъ языкѣ Парижскимъ Географическимъ Обществомъ и, по представленію А. Гумбольдта, король Прусскій пожаловалъ Ханыкову орденъ Краснаго Орла 2-й степени.

Въ 1851 г. Ханыковъ окончилъ также составленіе карты окрестностей озера Иссыкъ-Куля, т. е. пространства между 40° и 48° с. ш. и 86° и 102° в. д.

отъ Ферро, въ которомъ, слѣдовательно, заключались все Коканское ханство, с.-в. часть тогдашняго Бухарскаго ханства и часть области Сибирскихъ Киргизовъ. Карта сѣверной Персіи была также начата Я. В. Ханыковымъ, но назначеніе его Уфимскимъ губернаторомъ не позволило ему продолжать начатаго труда и карта сѣверной Персіи была передана для окончанія его брату Н. В. Ханыкову, взявшему на себя дополнить ее свѣдѣніями, собранными имъ самимъ во время путешествія его по Персіи лѣтомъ 1852 года.

Составленіе же общей карты с.-з. части Средней Азіи, надъ которой такъ много потрудились А. П. Болотовъ и Я. В. Ханыковъ, причемъ можно было ожидать, что они выработаютъ изъ себя такихъ же ученыхъ картографовъ, какими были въ Германіи Кипертъ и Петерманъ, совершенно прекратилось, когда въ 1855 г. скончался А. П. Болотовъ, а талантливаго Я. В. Ханыкова постигла душевная болѣзнь, очень быстро прекратившая и его жизнь.

Впрочемъ Совѣтъ Общества въ 1853 — 1854 гг. употребилъ всѣ свои усилія для того, чтобы закончить на половину исполненное Болотовымъ и Ханыковымъ дѣло. Въ 1853 же году Общество отдало составленные, но не оконченные листы карты (ихъ было 6) на разсмотрѣніе своему Д. Чл. И. А. Гану. Ганъ представилъ Совѣту подробныя соображенія по этому предмету и даже смѣту расходовъ по окончанію и изданію труда. Оставалось пріискать лицо, могущее взять на себя трудъ, который Болотовъ, безъ сомнѣнія, такъ или иначе привелъ бы къ окончанію. Совѣтъ, по рекомендаціи Д. А. Милютина, обратился къ новому своему сочлену А. И. Макшееву съ предложеніемъ окончить трудъ Болотова, но Макшеевъ, по добросовѣстномъ разсмотрѣніи карты и источниковъ, служившихъ для ея составленія, не отважился взять на себя окончаніе такого обширнаго и сложнаго труда, а другаго лица Совѣтъ, не смотря на всѣ свои усилія, пріискать не могъ. Затѣмъ прошли годы, сдѣланная работа устарѣла, а постепенное занятіе Туркестана и масса совершонныхъ тамъ съемокъ и геодезическихъ работъ понемногу вывели картографію этой части Средней Азіи изъ того гадательнаго положенія, въ которомъ она находилась въ разсматриваемомъ періодѣ и въ изданіи устарѣвшей карты уже не было надобности.

Между тѣмъ пожертвованіе Голубковымъ на изданіе Русскаго перевода Риттеровой Азіи и осуществленіе завѣтныхъ стремленій этого замѣчательнаго русскаго человѣка къ изслѣдованію сопредѣльныхъ съ Россіею странъ внутренней Азіи вызвало, прямо или косвенно, цѣлый рядъ полезныхъ и интересныхъ работъ Географическаго Общества въ этомъ направленіи. Первоначальныя предположенія объ этихъ работахъ были представлены въ 1850 г. Совѣту Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи Физической Географіи А. Д. Озерскимъ и горячимъ сторонникомъ изслѣдованій внутренней Азіи Я. В. Ханыковымъ. Мнѣніе, ими выраженное, заключалось въ томъ, что ни средства, дарованныя Обществу Голубковымъ, ни силы Общества недостаточны

для перевода и изданія всего, состоящаго изъ 1000 печатныхъ листовъ, сочиненія Риттера, составляющаго цѣлую энциклопедію географическихъ свѣдѣній объ Азіи, но что крупною заслугою Общества могъ бы быть переводъ частей Риттеровой Азіи, относящихся до Россіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ внутренней Азіи, и что еще болѣе важною и притомъ совершенно самостоятельною задачею Общества было-бы составленіе дополненій, по новымъ источникамъ, къ тексту Риттера, первые томы котораго составлялись почти четверть вѣка тому назадъ. Поэтому Озерскій и Ханыковъ предложили Совѣту ограничить предстоящую работу географіею Азіатской Россіи и странъ съ нею сопредѣльныхъ, какъ частей Азіи наиболѣе интересующихъ Россію, а именно взять изъ Риттеровой Азіи только Южную Сибирь, Сѣверный и Застѣнный Китай, Туранъ, Авганистанъ, Хорасанъ и Персію, что могло составить до 300 печатныхъ листовъ (а съ дополненіями вдвое болѣе).

Совѣтъ вполнѣ согласился съ этими предложеніями и въ 1851 году пріискалъ и редакторовъ для предстоящей работы, а именно для Южной Сибири—А. П. Болотова, для Сѣвернаго и Застѣннаго Китая, т. е. всей Центральной Азіи,—А. К. Гирса и П. П. Семенова, для Турана—Я. В. Ханыкова и для Персіи съ Хорасаномъ и Авганистаномъ—В. В. Григорьева. Первые два изъ поименованныхъ членовъ Общества (Болотовъ и Гирсъ) впрочемъ очень скоро отказались отъ принятаго ими на себя труда, и редакція частей Риттеровой Азіи, относящихся до Южной Сибири и всей внутренней Китайской Азіи, была возложена на П. П. Семенова. Его стараніями, въ теченіе 1851 и 1852 года, было переведено болѣе трети предположеннаго къ переводу текста Риттера, такъ что въ 1852 г. Совѣтъ назначилъ Коммиссію изъ Помощника Предсѣдателя А. И. Левшина и Членовъ А. К. Гирса, А. К. Каземъ-бека, Н. И. Надеждина и П. П. Семенова для опредѣленія самаго порядка изданія оканчиваемыхъ переводомъ частей сочиненія.

Въ приготовленный уже П. П. Семеновымъ къ изданію томъ перевода Риттеровой Азіи, по предложенному имъ и принятому Коммиссіею плану, должно было войти описаніе Маньчжуріи отъ Японскаго моря до южнаго прибрежья Амура и монгольской окраины степи Гоби отъ Желтаго моря до меридіана города Хами; второй томъ долженъ былъ состоять изъ описанія Тянъ-шаня, третій—Алтая и Саянской системы, четвертый—Около-байкалья т. е. Иркутской губерніи и Забайкальской области.

Изданіе перевода Риттерова текста собственно говоря не представляло никакихъ особыхъ затрудненій; всего труднѣе было условиться въ характерѣ и объемѣ дополненій, которыя собственно и составляли самостоятельную часть принятаго Обществомъ на себя труда, такъ какъ они представляли продолженіе разработки географическихъ свѣдѣній, накопляемыхъ временемъ и усиліями новыхъ путешественниковъ и изслѣдователей. Методъ Риттера, по разработкѣ подобныхъ свѣдѣній, заключался, по объясненію П. П. Семенова, въ томъ, что всѣ имѣющіяся свѣдѣнія о данной странѣ группиро-

вались Риттеромъ въ строго-географическомъ порядкѣ по мѣстностямъ и, будучи сопоставляемы и сравниваемы между собою, служили источникомъ такого описанія каждой мѣстности, естественной области и цѣлой страны, въ которомъ всѣ показанія о нихъ очевидцевъ, путешественниковъ и наблюдателей были бы *вполнѣ исчерпаны*. Такимъ образомъ каждый изъ томовъ Риттера подводитъ, если можно такъ выразиться, итоги нашихъ познаній о странѣ, къ году окончанія этого тома, а такъ какъ Риттеръ закончилъ первые изъ переведенныхъ П. П. Семеновымъ томовъ къ 1830 году, то переводчику предстояло продолжать работу Риттера по источникамъ накопившимся въ теченіе въ то время почти цѣлой четверти вѣка. По такому-то плану и предложилъ П. П. Семеновъ осуществленіе возложеннаго на него труда. Планъ этотъ былъ одобренъ Коммиссіей, а самъ редакторъ, послѣ постигшей его въ 1853 г. тяжкой болѣзни, отправился въ Берлинъ, гдѣ вступилъ въ личныя сношенія съ Карломъ Риттеромъ, слушалъ его лекціи въ теченіе трехъ семестровъ и, сдѣлавшись однимъ изъ любимыхъ его учениковъ, работалъ съ одной стороны надъ дополненіями къ переведеннымъ имъ томамъ, а съ другой—готовился къ задуманному имъ путешествію не только въ Алтай, но и въ Центральную Азію, обращая особенное вниманіе на изученіе геологіи и физической географіи подъ руководствомъ профессоровъ Бейриха, Густава Розе и Дове. Карлъ Риттеръ, уже съ 1830 года не слѣдившій за новѣйшею литературою тѣхъ частей сѣверной окраины нагорной Азіи, а также Центральной Азіи, которыми занимался П. П. Семеновъ, съ полнымъ довѣріемъ отсылалъ къ своему ученику тѣхъ лицъ, которые интересовались географіею этихъ частей Азіи, а престарѣлый Ал. Гумбольдтъ отнесся съ глубокимъ сочувствіемъ къ смѣлому плану, составленному молодымъ русскимъ географомъ, проникнуть въ завѣтный Тянъ-шаньскій хребетъ съ сѣвера изъ Сибири. Этотъ загадочный въ то время Тянъ-шаньскій хребетъ, въ которомъ Гумбольдтъ, въ своемъ классическомъ для того времени сочиненіи о Центральной Азіи, вышедшемъ въ 1841 году, предполагалъ, на основаніи имѣвшихся тогда довольно скудныхъ китайскихъ источниковъ, существованіе еще дѣйствующихъ вулкановъ, обращалъ на себя въ то время особое вниманіе всего ученаго міра и престарѣлый Гумбольдтъ говорилъ, что умретъ спокойно только тогда, когда увидитъ предъ собою обломокъ отъ скалы Тянъ-шаня. Потому весьма естественно было начальнику снаряжавшейся въ то время въ Германіи, по почину и подъ покровительствомъ Гумбольдта, экспедиціи для изслѣдованія Индіи и Гималайскаго хребта, Адольфу Шлагинтвейту, задумать смѣлый планъ проникнуть изъ Индіи черезъ Каракорумскій перевалъ Куэнъ-луня въ Центральную Азію и достигнуть до Тянъ-шаньскаго хребта съ южной стороны. Подобную же задачу поставилъ себѣ почти въ тоже самое время и Сѣверцовъ, снаряженный немного позже Академіею Наукъ для естественно-историческихъ изслѣдованій въ бассейнѣ Сыръ-Дарьи, гдѣ Россія уже стала твердою ногою основаніемъ форта Перовскаго, откуда Сѣверцовъ надѣялся достигнуть за-

падной оконечности Тянъ-шаньскаго хребта. Наконецъ въ тоже время задумывалъ свое, впослѣдствіи столь блистательно удавшееся путешествіе вглубь Азіатскаго материка съ востока, изъ Китая, молодой товарищъ П. П. Семенова по занятіямъ въ Берлинскомъ Университетѣ (впослѣдствіи знаменитый геологъ и Предсѣдатель Берлинскаго Геогр. Общества) Фердинандъ Рихтгофенъ. П. П. Семеновъ, готовясь къ задуманному путешествію, обратилъ особенное вниманіе на изученіе древнѣйшихъ (палеозойскихъ) формацій, распространенія которыхъ ожидалъ въ Центр. Азіи, а также на петрографическое изученіе породъ кристаллическихъ, но, имѣя въ виду предположенія Гумбольдта о распространеніи вулканическихъ породъ и явленій въ Тянъ-шанѣ, счелъ необходимымъ еще направиться осенью 1854 года въ Италію, и остался тамъ нѣсколько мѣсяцевъ для изученія вулканическихъ породъ и явленій въ окрестностяхъ Неаполя, гдѣ въ то время происходило изверженіе Везувія. Осенью 1855 года П. П. Семеновъ вернулся въ Петербургъ, немедленно принялся за изданіе I тома Риттеровой Азіи, и пользуясь помощью лучшаго нашего синолога, почтеннаго В. П. Васильева, сдѣлавшаго для этаго тома нѣсколько самостоятельныхъ извлеченій изъ китайскихъ источниковъ, окончилъ въ началѣ 1856 года изданіе тома, вмѣстѣ со всѣми принадлежащими къ нему дополненіями, а за тѣмъ ходатайствовалъ передъ Обществомъ о снаряженіи его въ экспедицію для собранія свѣдѣній о тѣхъ странахъ, къ которымъ относятся два слѣдующіе, уже переведенные имъ тома Риттеровой Азіи, а именно томы относящіеся до Алтая и Тянъ-шаня.

Совѣтъ Общества съ удовольствіемъ согласился на командировку занимавшаго уже въ то время должность Помощника Предсѣдательствующаго Отдѣленіемъ Географіи-Физической П. П. Семенова, и не стѣсняя его никакими инструкціями, ассигновалъ на его экспедицію только дополнительную сумму, а именно 1.300 руб., такъ какъ главные расходы путешественникъ принялъ на свои средства. Раннею весною онъ направился въ Омскъ, гдѣ заручился разрѣшеніемъ генералъ-губернатора Гасфорта посѣтить ново-пріобрѣтенный для Россіи Заилійскій край.

Изъ Барнаула, при благосклонномъ содѣйствіи Управленія Алтайскимъ горнымъ округомъ, П. П. Семеновъ объѣхалъ весь западный склонъ Алтая. Здѣсь онъ нашелъ работавшую въ это время надъ съемкой Алтая, подъ руководствомъ опытнаго офицера Корпуса Межевыхъ Инженеровъ, капитана Мейена, геодезическую экспедицію, снаряженную Кабинетомъ Его Импер. Величества. По иниціативѣ Вице-Предсѣдателя Общества М. Н. Муравьева, кромѣ непосредственныхъ занятій, возложенныхъ на нее Кабинетомъ, было поручено еще членамъ экспедиціи произвести нѣкоторыя работы и собрать свѣдѣнія, могущія быть полезными для Географич. Общества. Инструкціи для этихъ работъ были составлены академикомъ Купферомъ, К. С. Веселовскимъ и П. П. Семеновымъ.

Ознакомившись со всею обитаемою частью Алтая и убѣдившись, что

экспедиція Мейена дѣйствуетъ успѣшно, П. П. Семеновъ рѣшился попытаться осуществить завѣтную свою мысль проникнуть въ Тянъ-шань. Выѣхавъ изъ Семипалатинска, онъ проѣхалъ въ Копалъ, изслѣдовалъ долины и ущелья Семирѣчинскаго Алатау, добрался до возникавшаго въ то время Вѣрнаго, только что пришедшіе весною жители котораго занимались постройкою своихъ домовъ, и оттуда, въ сопровожденіи конвоя изъ 12 казаковъ, вышелъ черезъ горные проходы Заилійскаго Алатау на восточную оконечность Иссыкъ-Куля, а именно на мысъ, вдающійся въ озеро между устьями рѣкъ Тюба и Джиргалана.

Съ этого мыса, также какъ съ горнаго перевала Санташъ, П. П. Семеновъ увидѣлъ впервые въ августѣ 1856 года весь величественный Тянъ-шаньскій хребетъ, состоявшій изъ непрерывнаго ряда снѣжныхъ вершинъ, которыхъ все западное звѣно казалось выходящимъ непосредственно изъ синихъ волнъ Иссыкъ-Куля. Только годъ послѣ того, а именно въ августѣ 1857 г., довелось и Адольфу Шлагинтвейту, смѣло проникшему въ Китайскій Туркестанъ изъ Индіи, увидѣть издали и съ южной стороны Тянъ-шаньскій хребетъ изъ Кашгара, съ того самаго мѣста, гдѣ смѣлый и доблестный путешественникъ нашелъ свою преждевременную смерть, будучи казненъ временнымъ Кашгарскимъ властителемъ, захватившимъ себѣ власть, вслѣдствіе одного изъ періодически возобновляющихся возстаній, охватившаго въ то время большую часть Китайскаго Туркестана [1]).

Не болѣе удачна была и предпринятая только въ апрѣлѣ 1858 г. попытка Н. А. Сѣверцова проникнуть въ западныя предгорія Тянъ-шаня. Онъ также увидѣлъ западную оконечность Тянъ-шаньской системы, горы Каратау, въ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, а именно изъ лежащаго у подножья этого Каратау городка Туркестана, куда былъ привлеченъ отчасти на арканѣ, раненый и взятый въ плѣнъ Коканцами, не смотря на свою мужественную защиту въ стычкѣ съ ними.

П. П. Семенову удалось однакоже проникнуть только въ 1857 г. въ долины, на вѣчные снѣга и ледники Тянъ-шаня, а въ 1856 г. онъ долженъ былъ довольствоваться посѣщеніемъ обѣихъ оконечностей Иссыкъ-Куля. Возвратившись въ Вѣрное изъ первой своей поѣздки на восточную оконечность озера, путешественникъ узналъ, что послѣ предпринятаго тогдашнимъ Приставомъ Большой киргизской орды полковникомъ Хоментовскимъ небольшаго похода на р. Чу, для наказанія коканскихъ подданныхъ Кара-киргизовъ, грабившихъ русскіе караваны и русскихъ подданныхъ—Киргизовъ Большой Орды и послѣ довольно кровопролитной съ ними стычки, Хоментовскій готовилъ отрядъ изъ 70 человѣкъ для необходимой развѣдки положенія, занимаемаго на р. Чу Кара-киргизами. По предложенію Хоментовскаго П. П. Семеновъ сталъ во главѣ развѣдочной партіи, перешелъ черезъ Кастекскій перевалъ Заилійскаго Алатау, спу-

---

[1]) На мѣстѣ казни Ад. Шлагинтвейта, стараніями Импер. Русскаго Геогр. Общества и достойнаго нашего консула въ Кашгарѣ Петровскаго, воздвигнутъ 3 Іюня 1889 года, съ разрѣшенія китайскихъ властей, скромный памятникъ.

стился въ долину р. Чу и, пройдя ночью мимо кокансваго укрѣпленія Токмака черезъ Буамское ущелье, ночными переходами вышелъ на западную оконечность Иссыкъ-Куля, гдѣ и нашелъ въ громадномъ сборѣ враждовавшихъ съ русскими Кара-киргизовъ, которые, не оправившись отъ разгрома нанесеннаго имъ русскимъ походомъ, приняли путешественника, пріѣхавшаго, какъ имъ объяснили казаки, изъ столицы Бѣлаго царя, гостепріимно и даже облегчили ему возможность вернуться черезъ самые высокіе, въ это время года уже покрытые снѣгомъ, перевалы двухъ параллельныхъ цѣпей Заилійскаго Алатау въ Вѣрное.

Вслѣдъ за тѣмъ П. П. Семеновъ поспѣшилъ въ Копалъ, съ тѣмъ чтобы найти тамъ случай пробраться въ Кульджу. Такой случай представляла изрѣдка посылаемая въ Кульджу, въ недавно открытое тамъ консульство, казачья почта. Узнавъ по пріѣздѣ въ Копалъ, что такая почта ушла немного дней тому изъ Копала, путешественникъ переодѣлся казакомъ и, въ сопровожденіи двухъ казаковъ, направился черезъ Алтынъ-Имельскій перевалъ догонять казачью почту. Проблуждавъ дня три, почти безъ всякой пищи, въ совершенно безлюдномъ, въ это время года, пространствѣ, путешественникъ однакоже успѣлъ присоединиться въ Борохуджирь у самой китайской границы къ казачьему разъѣзду и съ нимъ уже добрался до Кульджи, гдѣ былъ принятъ особенно гостепріимно тогдашнимъ консуломъ, извѣстнымъ синологомъ И. И. Захаровымъ. О дальнѣйшемъ путешествіи П. П. Семенова по Тянъ-шаню въ 1857 г. мы будемъ говорить въ одной изъ главъ послѣдующаго періода.

Здѣсь же мы можемъ замѣтить, что успѣхамъ нашихъ географическихъ знаній о внутренней Азіи чрезвычайно много способствовало основаніе двухъ, въ то время самыхъ отдаленныхъ опорныхъ пунктовъ нашего будущаго владычества надъ Туркестаномъ: Вѣрнаго, основаннаго въ 1855 г. у подошвы Заилійскаго Алатау и форта Перовскаго, основаннаго немного ранѣе (въ 1853 г.) на Сыръ-Дарьѣ, на развалинахъ взятаго русскими кокансваго укрѣпленія Ак-мечети. Вѣрное послужило надежнымъ пунктомъ всѣхъ дальнѣйшихъ нашихъ изслѣдованій въ Тянъ-шанѣ, а фортъ Перовскій оказался опорнымъ пунктомъ прекрасныхъ сухопутныхъ и морскихъ съемокъ низовьевъ Сыръ-Дарьи и Аральскаго моря, произведенныхъ тогда, въ исполненіе своихъ служебныхъ обязанностей, съ 1853 по 1856 г. Д. Членами Общества кап.-лейтенантами Бутаковымъ и Ивашинцовымъ. Упомянемъ еще здѣсь и о томъ, что немного ранѣе одинъ изъ членовъ Общества, П. И. Небольсинъ, благодаря пособію, оказанному ему Обществомъ (500 рублей) и Членомъ-Соревнователемъ Общества Голубковымъ (1.000 руб.), совершилъ поѣздку въ 1850 г. въ Оренбургъ и Зауралье, спеціально съ цѣлью собрать свѣдѣнія о нашей торговлѣ съ Средней Азіей. Трудъ его, подъ заглавіемъ „Очерки торговыхъ сношеній Россіи съ странами Средней Азіи“, представленный въ Совѣтъ Общества въ мартѣ 1851 г. былъ напечатанъ Обществомъ

ГЛАВА X.

Работы Общества въ области математической и физической географіи въ Европейской Россіи.

Обширное предпріятіе Географическаго Общества, начатое еще въ предшедшемъ періодѣ, по почину М. Н. Муравьева, а именно исправленіе межевыхъ атласовъ нѣкоторыхъ частей Россіи, разумѣется, составляло предметъ его заботъ и въ разсматриваемомъ періодѣ.

Въ 1851 г. Д. Чл. Общества ген.-м. Мендъ окончилъ начатыя имъ въ 1849 г. работы въ Рязанской губерніи, а въ 1852 и 1853 годахъ работы по Тамбовской и Владимірской губерніямъ. Одновременно съ производствомъ этихъ работъ Совѣтъ Общества озаботился изданіемъ подробнаго межеваго атласа Тверской губерніи. Атласъ этотъ долженъ былъ состоять изъ 85 цѣлыхъ листовъ или 340 четвертей листовъ. Такъ какъ на расходы по его изданію (хромолитографіею) было исчислено свыше 12 тыс. руб., то Совѣтъ Общества ассигновалъ на это изъ собственныхъ средствъ Общества, по смѣтѣ 1851 и 52 г.г., 4.000 руб., да по Высочайшему повелѣнію отпущено Обществу еще 8.000 руб. Несмотря на задержку, вслѣдствіе выписки изъ за границы необходимой бумаги (кельнской), А. И. Мендъ велъ работы по изданію такъ, что въ 1853 г. вышелъ уже первый выпускъ атласа (Калязинскій уѣздъ), а къ концу разсматриваемаго періода, а именно къ началу 1857 года, изданіе атласа Тверской губерніи уже было совершенно окончено. Въ концѣ 1856 года Совѣтъ постановилъ также принять на средства Общества изданіе исправленной по межеванію карты Рязанской губерніи въ 4-верстномъ масштабѣ, которая должна была обойтись въ 3.000 руб., изъ коихъ Вице-Предсѣдатель Общества (М. Н. Муравьевъ) призналъ возможнымъ принять на счетъ Межеваго вѣдомства 1000 руб. Карта Рязанской губерніи была издана только въ послѣдующемъ періодѣ.

Выше было упомянуто о возникшихъ еще въ предшедшемъ періодѣ предположеніяхъ о геологическомъ изслѣдованіи девонской полосы центральной Россіи.

Изслѣдованіе это получило начало своего существованія уже въ 1850 г. Г. П. Гельмерсенъ отправился для этого изъ С.-Петербурга въ половинѣ мая этаго года, и началъ странствованія свои съ южной части Лифляндской губерніи, гдѣ отъ главнаго въ Россіи пояса девонской формаціи отдѣляется южная полоса ея по направленію на ю.-в. къ Воронежу. Эту полосу, въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, неутомимый путешественникъ переѣхалъ шесть разъ крестъ-на-крестъ: въ первый разъ—отъ Велижа до Могилева, во второй—отъ Могилева до Дорогобужа, въ третій—отъ Дорогобужа до Рославля, въ четвертый — отъ Орла до Черни, въ пятый — отъ Ефремова до Воронежа, въ шестой—отъ Воронежа до Тулы.

Въ исполненіе данной отъ Совѣта инструкціи, главными результатами этой развѣдочной поѣздки были: а) 200 барометрическихъ наблюденій надъ высотою мѣстъ; б) опредѣленіе направленія и геогностическаго состава изслѣдованнаго девонскаго пояса; в) собраніе значительнаго числа данныхъ о минералогическихъ свойствахъ почвы и о распространеніи эрратическихъ камней на подвергавшемся обозрѣнію пространствѣ Россіи; г) опредѣленіе температуры почвы, чрезъ наблюденія надъ температурою ключей и глубокихъ колодцевъ; наконецъ д) опредѣленіе линій, по которымъ, для полученія полнаго понятія объ орографическихъ отношеніяхъ пространства, подлежавшаго къ изслѣдованію, необходимо было бы произвести геодезическія нивеллировки [1]).

Важное пособіе работамъ, начатымъ съ такимъ успѣхомъ Г. П. Гельмерсеномъ, должны были оказать нивеллировки, произведенныя, по распоряженію Правительства, вдоль шоссейныхъ линій: петербурго-кіевской, московско-варшавской и московско-орловской. Однимъ изъ результатовъ, какъ изслѣдованія Гельмерсена, такъ и предшествовавшей ему поѣздки въ 1849 г. П. П. Семенова по сѣверной границѣ черноземнаго пространства Россіи въ Тульской и Рязанской губерніяхъ, оказалось, что девонскія возвышенности Орловской и Воронежской губерній не служатъ, какъ то предполагали прежде, граничною опорою черноземной полосы, а что, напротивъ, черноземный слой восходитъ на эту возвышенность, не представляющую, впрочемъ, и водораздѣла рѣкъ Каспійскаго и Черноморскаго бассейновъ (Оки и Дона) и переходитъ ихъ, простираясь до средней части Тульской и Рязанской губерній.

По возвращеніи своемъ, Г. П. Гельмерсенъ, по порученію Совѣта Общества, опредѣлилъ весьма широко и отчетливо задачи дальнѣйшихъ изслѣдованій девонской полосы и предложилъ снарядить дополнительную экспедицію въ очерченное изслѣдованіями Г. П. Гельмерсена и П. П. Семенова пространство.

Г. П. Гельмерсенъ, не имѣя возможности принять на себя производство предполагаемыхъ изслѣдованій, и имѣя въ виду, что П. П. Семеновъ

[1]) Объ этой поѣздкѣ Гельмерсена см. Гельмерсена отч. объ изсл. девонс. полосы въ Россіи въ 1850 г. въ Вѣстн. Имп. Русс. Геогр. Общ. за 1852. Кн. 2-я отд. II, стр. 33—60.

уже уѣхалъ въ то время на продолжительное время за границу, указалъ Совѣту на одного изъ молодыхъ геологовъ, магистра Дерптскаго Университета Раймунда Пахта, посвятившаго себя преимущественно изученію девонской полосы и уже составившаго себѣ нѣкоторую извѣстность, какъ въ Россіи, такъ и за границею, работами своими по этому предмету. Вполнѣ полагаясь на отзывъ Гельмерсена, Совѣтъ предложилъ Пахту принять на себя исполненіе предположенныхъ работъ и, для покрытія расходовъ, ассигновалъ ему нужную сумму изъ текущихъ доходовъ Общества.

Принявъ съ радостью предложеніе Совѣта Раймундъ Пахтъ отправился въ свою экспедицію въ маѣ 1853 г., и возвратился въ октябрѣ, выполнивъ съ успѣхомъ возложенную на него задачу.

Съ большою добросовѣстностью разработалъ Пахтъ и весь отчетъ по своимъ изслѣдованіямъ (что заняло у него не менѣе года усиленнаго труда), переживая тяжелое для себя время, вслѣдствіе отсутствія достаточныхъ средствъ существованія. Зная что Общество, давшее на экспедицію все, что только оно могло удѣлить изъ своихъ текущихъ суммъ, и что назначить какое либо содержаніе возвратившемуся изъ экспедиціи путешественнику, во время обработки собранныхъ имъ матерьяловъ, оно не можетъ, видя что наконецъ всѣ его усилія обезпечить свое будущее положеніе устройствомъ на какой бы то ни было должности не увѣнчиваются успѣхомъ, а новой командировки въ экспедиціи Географическаго Общества ожидать въ близкомъ будущемъ невозможно [1]), Пахтъ, по окончаніи своей работы, въ 1854 г. сдалъ свой отчетъ Секретарю Общества, а на другой день молодого ученаго, подававшаго столь прекрасныя надежды на будущее, уже не стало. Онъ покончилъ свои расчеты съ жизнью, ничего уже отъ нея не ожидая. Отчеты Гельмерсена и Пахта были напечатаны въ XI книжкѣ „Записокъ“ Общества въ 1855 г. [2]).

Въ засѣданіи Совѣта 26 мая 1854 г. Вице-Предсѣдатель Общества, М. Н. Муравьевъ, предложилъ о снаряженіи новой геогностической экспедиціи для изслѣдованія мѣстности, занимаемой въ Астраханской губерніи горами Большою и Малою Богдо̀, съ ихъ окрестностями. Принявъ въ соображеніе, что хотя гора Богдо̀ и была посѣщаема въ разное время знаменитыми учеными, какъ напримѣръ Палласомъ и Гумбольдтомъ, а также Гебелемъ и графомъ Кейзерлингомъ, но что всѣ они обозрѣвали ее весьма короткое время и что плоды ихъ изслѣдованій не разъяснили вполнѣ относительной древности пластовъ ее составляющихъ, Совѣтъ Общества, вполнѣ согласился съ предложеніемъ Вице-Предсѣдателя и съ мнѣніемъ Члена Совѣта академика Гельмерсена о важности для науки изслѣдовать окрестности

[1]) Въ это время Совѣту Общества удалось только сформировать математическій отдѣлъ Сибирской экспедиціи, а снаряженіе физическаго было отложено.

[2]) См. Гельмерсена «Геогн. изсл. девонской полосы Средн. Россіи отъ р. Западн. Двины до р. Воронежа» стр. 3—62 и Р. Пахта «Геогност. изсл. произвед. въ губерніяхъ Воронежской, Тамбовской, Пензенской и Симбирской» стр. 63—188.

Богдо въ геогностическомъ отношеніи. Къ этому чисто ученому интересу присоединялось еще одно обстоятельство, возвышавшее значеніе этой мѣстности. Изъ горы Богдо получены были образцы сѣрной руды, которые по химическомъ изслѣдованіи въ С.-Петербургѣ оказались съ содержаніемъ до 60% горючей сѣры. Переходя къ обсужденію средствъ для осуществленія новой ученой экспедиціи, Вице-Предсѣдатель изъяснилъ, что достаточно было-бы отправить одного изслѣдователя единственно съ цѣлью геогностическаго изученія горы Богдо и ея окрестностей и не обременяя его многочисленными наблюденіями по другимъ частямъ естествознанія, желательно было-бы однакоже произвести, по мѣрѣ возможности, и нѣкоторыя геодезическія работы. Для осуществленія этого послѣдняго предположенія представлялась, по мнѣнію М. Н. Муравьева, возможность воспользоваться пребываніемъ въ томъ краѣ офицеровъ Корпуса Межевыхъ Инженеровъ, командируемыхъ въ то время по дѣламъ службы въ Астраханскую губернію. Обратившись за тѣмъ съ просьбою о составленіи по сему предмету краткихъ инструкцій къ Членамъ Совѣта Г. П. Гельмерсену и Н. П. Буцкому, Совѣтъ Общества согласился на предложеніе Вице-Предсѣдателя поручить геогностическое изслѣдованіе Секретарю Московскаго Общества Испытателей Природы И. Б. Ауербаху и для издержекъ на эту Экспедицію, требовавшую весьма умѣренныхъ денежныхъ пособій, опредѣлилъ отдѣлить изъ запаснаго капитала на этотъ предметъ 1.200 р.

Въ іюнѣ 1854 г. Вице-Предсѣдатель Общества, озабочиваясь окончательнымъ снаряженіемъ упомянутой экспедиціи, совѣщался лично съ И. Б. Ауербахомъ, на котораго возлагалось исполненіе ученаго предпріятія, и по соглашенію съ нимъ, нашелъ полезнымъ, по окончаніи изученія означенной мѣстности, поручить изслѣдователю посѣтить на возвратномъ пути Самарскую луку, Жегулевскія горы и Сѣрный городокъ. Кромѣ того Ауербахъ предложилъ взять съ собою въ путешествіе, если окажется возможнымъ, рисовальщика, который могъ-бы заняться снятіемъ видовъ изучаемаго края и составленіемъ этнографическихъ рисунковъ во время путешествія.

Затѣмъ, въ отношеніи производства астрономическихъ наблюденій и геодезическихъ работъ въ этой мѣстности для составленія карты изслѣдуемаго пространства, Вице-Предсѣдатель объяснилъ, что командируемый въ Астраханскую губернію Межевымъ вѣдомствомъ—полковникъ И. П. Корниловъ, при которомъ должны состоять два межевые инженера, можетъ принять участіе въ занятіяхъ экспедиціи и оказать содѣйствіе ученому предпріятію Общества, а именно Корниловъ—собираніемъ этнографическихъ и статистическихъ замѣтокъ во время путешествія въ изслѣдуемомъ краѣ, а два другіе, состоящіе при немъ офицера—производствомъ астрономическихъ наблюденій, геодезическими и топографическими работами и снятіемъ карты пространства, подлежащаго геогностическому изслѣдованію.

Экспедиція отправилась въ іюлѣ мѣсяцѣ и окончила свои изслѣдованія на мѣстѣ въ октябрѣ. Вся указанная мѣстность была изучена съ возможною

тщательностью, но въ особенности изслѣдованіе горы Большой Богдо произведено со всею желаемою подробностію. Д. Чл. И. Б. Ауэрбахъ, съ цѣлью самаго точнаго изученія геогностическаго строенія пластовъ ея, произвелъ замѣчательный по размѣрамъ, полный вертикальный разрѣзъ горы отъ самой вершины ея до подошвы, слишкомъ на 768 футовъ, и, обнаживъ ея внутреннее строеніе, прослѣдилъ въ немъ до 379 различныхъ слоевъ. Кромѣ главнаго разрѣза, шириною отъ 1 до 2 аршинъ и болѣе, сдѣлано было на горѣ и нѣсколько частныхъ, по разнымъ направленіямъ. Въ верхнихъ слояхъ известняка при этомъ открыта была разсѣянная на большомъ пространствѣ въ мелкихъ кристаллахъ свинцовая руда, и по близости горы тщательно изслѣдовано возвышеніе, заключающее въ пластѣ буроватой глины тонкій налетъ сѣры, оказавшейся, впрочемъ, не представляющею практической важности.

Окрестности Большой Богдо изслѣдованы такимъ образомъ со всею подробностью, необходимою для конечнаго рѣшенія вопроса о геогностическомъ ихъ строеніи, а другія степныя возвышенности: Малая Богдо, Бисчоко и Чапчачи, осмотрѣны въ геогностическомъ отношеніи, на сколько позволяла краткость времени и сколько требовала того второстепенная важность, представляемая ими для науки.

При подробномъ изслѣдованіи окрестностей горы Большой Богдо составлена Ауэрбахомъ геогностическая карта и собрано множество окаменѣлостей, въ томъ числѣ около 20 видовъ,—частью совершенно новыхъ, частью новыхъ для этой мѣстности. Сверхъ сего, во время пребыванія экспедиціи на Большой Богдо, постоянно были дѣлаемы наблюденія надъ склоненіемъ магнитной стрѣлки и надъ стояніемъ барометра, термометра и психрометра. Наконецъ на всѣхъ, посѣщенныхъ пунктахъ было постоянно обращаемо вниманіе на произведенія другихъ царствъ природы и собираемы растенія, а изъ животныхъ—насѣкомыя, ящерицы, змѣи и пр.

Межевыми инженерами Смирягинымъ и Троицкимъ произведены были слѣдующія работы:

1) Астрономическія наблюденія для опредѣленія географическихъ положеній горъ: Большой Богдо, Малой Богдо, Чапчачи (или Арзаргаръ), Бисчоко и города Черннаго Яра, совершонныя хронометрическою поѣздкою изъ Сарепты и наблюденіями на всѣхъ означенныхъ пунктахъ универсальнымъ снарядомъ, при трехъ Дентовыхъ хронометрахъ.

2) Нивеллированіе Большой Богдо: геодезическое съ одной стороны и топографическое съ другой, относительно уровня Баскунчакскаго солянаго озера. Многія нивеллированныя точки, взятыя по указанію Ауэрбаха, особенно были важны въ геогностическомъ отношеніи, какъ-то, напримѣръ, для опредѣленія наклоннаго положенія свинцоваго пласта. Нивеллированіе неприступныхъ мѣстъ сдѣлано по зенитнымъ разстояніямъ, помощію малаго универсальнаго инструмента, а отлогихъ покатостей топографически, посредствомъ нивеллира-дальномѣра Штампфера, такъ-что изъ взаимнаго соединенія обѣихъ нивеллировокъ

возможно было изобразить гору Большую Богдо по всѣмъ ея главнымъ изломамъ и измѣняющимся профилямъ. На горахъ же Чапчачи и Бисчоко, менѣе значительныхъ по высотѣ надъ степью, топографическое нивеллированіе произведено по одному только главному профилю; на Малой Богдо—тригонометрическое опредѣленіе одной главной вершины; кромѣ того—барометрическое нивеллированіе на всѣхъ горахъ и при Волгѣ (возлѣ Чернаго Яра), при соотвѣтствующихъ наблюденіяхъ на Баскунчакскомъ озерѣ, сдѣланныхъ Ауэрбахомъ.

3) Съемка горъ: a) Большой Богдо въ масштабѣ 250 саж. въ дюймѣ, и, для большей ясности, часть ея, наиболѣе интересная, снята въ масштабѣ 50 саженъ въ дюймѣ; b) Малой Богдо—250 саженъ въ дюймѣ; c) Чапчачи, или Арзаргаръ—250 саженъ въ англійскомъ дюймѣ; d) Бисчоко, или такъ-называемые „Сорокъ Холмовъ“—въ масштабѣ 250 саженъ въ англійскомъ дюймѣ.

4) Между означенными горами и по другимъ направленіямъ на Ахтубѣ, во время переѣздовъ, произведена глазомѣрная съемка самой степи.

Наконецъ, Дѣйствительный Членъ И. П. Корниловъ собралъ статистическія замѣтки о судоходствѣ въ нижнихъ частяхъ Волги, о сельскомъ хозяйствѣ, о сухопутной перевозкѣ товаровъ къ Дону и проч. и разные этнографическіе матерьялы, а рисовальщикъ экспедиціи, топографъ Чередѣевъ, приготовилъ значительное число рисунковъ для этнографическаго альбома Общества. Отчетъ Корнилова былъ напечатанъ въ извлеченіи въ „Вѣстникѣ“ Геогр. Общества [1]).

Что касается до втораго предмета поѣздки, т.-е. до Самарскихъ сѣрныхъ копей, то собранныя о нихъ изъ личнаго осмотра свѣдѣнія и результаты изслѣдованій были сообщены Обществу въ одномъ изъ его собраній и затѣмъ, въ особой запискѣ Ауэрбаха, помѣщены въ „Вѣстникѣ“ [2]).

И. Б. Ауэрбахъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, очень тщательно обработывалъ богатый матерьялъ, собранный имъ во время экспедиціи на Богдо, но къ сожалѣнію, несмотря на многократныя напоминанія, не представлялъ Обществу своего труда, и только послѣ смерти его, въ 1868 г., тогдашнему Предсѣдательствующему Отдѣленіемъ Физической Географіи П. П. Семенову удалось найти и получить рукопись Ауэрбаха, заключающую въ себѣ окончательные и прекрасно обработанные результаты геологической экспедиціи на Богдо, которые и были изданы Обществомъ уже только въ послѣдующемъ періодѣ.

Изслѣдованіями о климатѣ Россіи Общество продолжало заниматься какъ и въ прошломъ періодѣ. На разосланныя по инииціативѣ Порошина въ 1848 и 1849 гг. въ огромномъ количествѣ программы, разсылка которыхъ повторялась и въ 1850 и 1851 годахъ, стали получаться Обществомъ свѣдѣнія со всѣхъ концовъ Россіи.

---

[1]) См. Извлеч. изъ донесен. Д. Чл. И. П. Корнилова о совершонной имъ поѣздкѣ въ Астраханс. губ. и Киргизъ-Калмыцк. степи въ 1854 г. въ Вѣстн. Геогр. Общ. 1855. Т. XIV., Отд. V, стр. 1—5.

[2]) См. И. Б. Ауэрбаха «Сѣрн. копи на Самарс. лукѣ» въ Вѣстн. Геогр. Общ. 1854. Т. XII, отд. II, стр. 130—134, и объ учен. эксп. на Богдо, тамъ же Отд. V Отр. 1—64.

Сочувствіе къ предложенной въ програмахъ работѣ обнаружилось съ замѣчательною силою повсюду, преимущественно въ сельскомъ духовенствѣ и среди помѣщиковъ. Многіе, присылая въ Общество свои отзывы, изъявляли желаніе сдѣлать въ слѣдующемъ году лучше и больше; другіе, не получивъ вновь по какому-либо случаю печатныхъ вопросовъ Общества, освѣдомлялись письменно о причинѣ ихъ неполученія; иные сами переписывали вопросныя тетради съ прошлогоднихъ и присылали ихъ съ отвѣтами; наконецъ, нашлись лица, которыя перепечатывали на мѣстѣ въ одномъ экземплярѣ присланныя отъ Общества программы и единственный экземпляръ этотъ доставляли въ Общество, съ драгоцѣнными замѣчаніями. Наблюдательность до того возбудилась, что нѣкоторыя лица постоянно и по доброй волѣ записывали поденно явленія погоды и измѣненія термометра. Все это, между прочимъ, дало поводъ занимающемуся разсмотрѣніемъ этихъ присылокъ и виновнику ихъ В. С. Порошину, въ одномъ изъ Общихъ Собраній, представить нѣкоторые любопытные выводы и соображенія о пользѣ, какую можетъ извлекать климатологія изъ получаемыхъ такимъ образомъ матерьяловъ.

Кромѣ прямыхъ отвѣтовъ на разсылаемыя програмы доставлялись въ Общество не мало болѣе или менѣе продолжительныхъ наблюденій, изъ коихъ нѣкоторыя были даже вполнѣ научно обработаны. Такъ многолѣтнія наблюденія, сдѣланныя въ Курскѣ, были доставлены Чл.-Сотр. Ѳ. А. Семеновымъ[3]), въ Севастополѣ—Д. Чл. контръ-адм. Аркасомъ (1840—51)[4]), въ Березовѣ Чл.-Сотр. Н. А. Абрамовымъ (1842—1850)[5]). Научная же разработка произведенныхъ наблюденій была сдѣлана для Харькова (1841—49) професс. Харьковск. Унив. В. И. Лапшинымъ, а для Вологодской губерніи Чл.-Сотр. Н. Я. Данилевскимъ. Статья Лапшина о климатѣ Харькова была напечатана, какъ хорошій образецъ мѣстныхъ метеорологическихъ изслѣдованій, въ V книжкѣ „Записокъ“ Общества[6]), а прекрасное изслѣдованіе Н. Я. Данилевскаго — О климатѣ Вологодской губерніи—удостоилось половинной Жуковской преміи и было напечатано въ X книжкѣ „Записокъ“ Общества, съ очень обстоятельными дополненіями и замѣчаніями Д. Чл. К. С. Веселовскаго[7])

Разсмотрѣніемъ всѣхъ доставляемыхъ въ Общество метеорологическихъ наблюденій и разработкою всего получаемаго метеорологическаго матерьяла занимался охотно и весьма обстоятельно талантливый Д. Чл. Общ. К. С. Веселовскій, извѣстный уже и тогда многими прекрасными работами, соединяющими важные числовые выводы по предмету климата съ вѣрнымъ географическимъ

---

[3]) Наблюд. эти печатались въ Вѣстн. Имп. Русс. Геогр. Общ. за 1851 г. и въ послѣдующіе годы.

[4]) Таблицы этихъ наблюденій напечатаны въ IX книжкѣ Запис. Имп. Русс. Геогр. Общ. съ примѣч. К. С. Веселовскаго см. стр. 227—230.

[5]) См. Н. А. Абрамова «О климатѣ города Березова съ примѣч. К. С. Веселовскаго» въ Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ. 1854. Ч. XII, отд. II, стр. 39—99.

[6]) См. Лапшина «Нѣск. клим. допол. относящихся къ Харькову» въ Зап. Имп. Русс. Геогр. Общ. V, стр. 199—229.

[7]) См. Н. Я. Данилевскаго «О Климат. Вологодск. губ.» въ Зап. Имп. Русс. Геогр. Общ. IX, стр. 1—226.

очеркомъ разсматриваемыхъ мѣстностей и указаніемъ практическаго хозяйственнаго вліянія различныхъ климатическихъ явленій на растительность по отношенію къ домоводству. Веселовскій изготовилъ въ 1850 г. для Общества таблицу средней температуры 76 мѣстъ въ Россіи, гдѣ было показано математическое положеніе, абсолютная высота, средняя температура цѣлаго года и главныхъ временъ его, равно-какъ средняя температура самаго холоднаго и самаго теплаго въ году мѣсяца. Таблица эта вошла въ составъ издаваемаго отъ Общества „Статистическаго Сборника“ [1]). Замѣчая вообще, что большая часть доставляемыхъ Обществу метеорологическихъ наблюденій не имѣютъ надлежащей точности, по незнакомству наблюдателей съ необходимыми пріемами, Совѣтъ Общества, по предложенію Отдѣленія Физической Географіи, напечаталъ объ этомъ въ наиболѣе распространенныхъ газетахъ особое извѣщеніе, съ указаніемъ средствъ, которыя должны употреблять наблюдатели для достиженія вѣрныхъ результатовъ.

Въ концѣ 1851 года Совѣтъ Общества принялъ мѣры къ безденежной разсылкѣ лицамъ, присылающимъ въ Общество метеорологическія наблюденія, изданнаго въ 1850 г. директоромъ Главн. Физич. Обсерваторіи академикомъ Купферомъ руководства къ производству метеорологическихъ наблюденій, а въ 1851 г. психрометрическихъ и барометрическихъ таблицъ, составленныхъ для употребленія въ метеорологическихъ обсерваторіяхъ Русскаго Государства; сверхъ того наблюдатели были извѣщены о томъ, что въ Главной Физической Обсерваторіи находится въ готовности большой запасъ тщательно вывѣренныхъ метеорологическихъ инструментовъ, которые продаются по сообщаемымъ цѣнамъ.

Наконецъ въ апрѣлѣ 1853 года Отдѣленіе Физич. Географіи, по иниціативѣ К. С. Веселовскаго, сдѣлало представленіе о томъ, что въ Общество доставляются постоянно изъ разныхъ мѣстъ метеорологическія наблюденія, и присылки эти уже до того размножились, что настало время подумать дѣлать ихъ доступными для ученыхъ, занимающихся какъ метеорологіею, такъ и климатологіею Россіи. Къ этому предоставлялось одно средство,—изданіе этихъ наблюденій въ свѣтъ, но при современномъ состояніи науки, недостаточно было ограничиваться изданіемъ однихъ выводовъ, а необходимо было печатать подлинные дневники наблюденій, въ полномъ ихъ видѣ. Между тѣмъ въ этомъ видѣ едва ли было бы удобно печатать ихъ въ одномъ изъ изданій Общества, какъ по объему ихъ, такъ и потому, что они составляютъ большею частью только матерьялъ для ученой обработки, а не окончательные труды. По этимъ соображеніямъ Отдѣленіе нашло необходимымъ издавать особый „Метеорологическій Сборникъ“. Совѣтъ отнесся къ предложенію съ полнымъ сочувствіемъ и пригласилъ Отдѣленіе составить смѣту изданія, но по разсмотрѣніи ея, въ виду недостаточности средствъ Об-

---

[1]) См. Веселовскаго Метеор. табл. Россіи въ Статис. Сб. Кн. I, 1851, стр. 33—50.

щества, въ декабрьскомъ засѣданіи, 1853 г., опредѣлилъ повременить изданіемъ Метеорологическаго Сборника.

16 іюля 1851 года должно было произойти такое солнечное затмѣніе при которомъ $^{2}/_{3}$ всего пути пробѣгаемаго тѣнью луны должно было заключаться въ предѣлахъ Россіи.

Первый, обратившій вниманіе Общества на этотъ предметъ, былъ курскій мѣщанинъ-астрономъ Ѳ. А. Семеновъ, одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которыхъ природа отмѣчаетъ рѣзкою печатью даровитости и любви къ ученымъ занятіямъ, такъ что они обходятся безъ искусственныхъ пособій обыкновеннаго школьнаго образованія. Этотъ замѣчательный представитель самобытнаго русскаго ума, посвятившій жизнь свою трудамъ по части наукъ математическихъ и преимущественно астрономіи, прислалъ въ Общество составленную имъ карту полнаго солнечнаго затмѣнія, которое должно было быть 16 іюля 1851 года, съ изложеніемъ результатовъ, сдѣланныхъ имъ по этому случаю вычисленій. Совѣтъ поручилъ разсмотрѣть этотъ любопытный трудъ Д. Чл. А. Н. Савичу, который отозвался, что всѣ вычисленія Семенова оказались вполнѣ точными и могутъ служить полезнымъ для будущихъ наблюденій руководствомъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ поставилъ долгомъ засвидѣтельствовать, что этотъ необыкновенный человѣкъ и въ прежніе годы, посредствомъ инструментовъ, имъ самимъ составленныхъ, сдѣлалъ весьма многія наблюденія, доказывающія весьма обширныя и основательныя познанія его по части астрономіи и механики. Вслѣдствіе этого Совѣтъ счелъ себя обязаннымъ пригласить столь замѣчательное дарованіе и трудолюбіе къ постоянному соучастію въ дѣятельности Общества; въ поощреніе же и награду его, употребить всѣ зависящія отъ Общества усилія, чтобы обратить на Семенова Всемилостивѣйшее вниманіе. На основаніи ходатайства Совѣта, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: возвести Ѳ. А. Семенова въ званіе потомственнаго почетнаго гражданства. Между тѣмъ Совѣтъ въ то же время призналъ его Членомъ-Сотрудникомъ Общества и распорядился о напечатаніи присланной имъ карты затмѣнія въ „Географическихъ Извѣстіяхъ“ [1]).

Впослѣдствіи Д. Чл. А. Н. Савичъ представилъ Совѣту предположеніе объ участіи, какое Общество могло бы, съ пользою для науки и въ полной соотвѣтственности съ своимъ назначеніемъ, принять въ мѣстныхъ наблюденіяхъ надъ сказаннымъ затмѣніемъ во время его совершенія. Одобривъ и отчасти пополнивъ это предположеніе, Совѣтъ распорядился пригласить къ этимъ наблюденіямъ всѣхъ членовъ Общества, живущихъ, или имѣющихъ случай быть на мѣстахъ, гдѣ будетъ происходить затмѣніе, разославъ имъ, а также мѣстнымъ Епархіальнымъ и Училищнымъ Начальствамъ въ пособіе и руководство отпечатанную въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ карту Семенова, съ краткой програмой, содержащей нужныя свѣдѣнія и ука-

---

[1]) Карта эта, также какъ и литографированный портретъ Ѳ. А. Семенова, приложены къ Геогр. Извѣстіямъ см. 1850 г.

занія для наблюдателей. Кромѣ того, Совѣтъ избралъ для ученыхъ въ полной мѣрѣ наблюденій отъ Общества два пункта въ западной Россіи, гдѣ затмѣніе должно было быть наиболѣе продолжительно, а именно: Бобринецъ въ Херсонской губерніи и Махновку—въ Кіевской губерніи, пригласивъ къ отправленію туда, на счетъ Общества, свѣдущихъ и опытныхъ астрономовъ, въ томъ числѣ и Члена-Сотрудника Ѳ. А. Семенова, равно какъ Д. Чл. А. Н. Савича и другаго извѣстнаго астронома-наблюдателя Д. Чл. Ѳ. Б. Швейцера; причемъ Вице-Предсѣдатель Общества оказалъ содѣйствіе этому предпріятію назначеніемъ въ помощь астрономамъ нѣкотораго числа чиновъ Межеваго Корпуса, приглашеніемъ къ астрономическимъ работамъ обсерваторіи Константиновскаго Института и снабженіемъ наблюдателей необходимыми инструментами.

Въ исполненіе сихъ предположеній къ 16 іюля 1851 г. отправлены были Совѣтомъ Общества въ городъ Бобринецъ Д. Чл. А. Н. Савичъ и Ѳ. А. Семеновъ; а въ Махновку Д. Чл. Ѳ. Б. Швейцеръ съ поручикомъ Межеваго Корпуса Смирновымъ и четырьмя воспитанниками Константиновскаго Межеваго Института. Пункты, избранные для наблюденій, находясь около центральной линіи затмѣнія, имѣли въ этомъ отношеніи самое выгодное положеніе. Путешественники снабжены были всѣми астрономическими снарядами, необходимыми въ подобныхъ случаяхъ. Не смотря на то, что пасмурная погода помѣшала успѣху наблюденій, обѣ экспедиціи весьма отчетливо исполнили данное имъ порученіе. Савичъ произвелъ, между прочимъ, нѣсколько астрономическихъ наблюденій для опредѣленія географическаго положенія Бобринца, а Швейцеръ опредѣлилъ географическую широту и долготу пяти мѣстъ: Кіева, Махновки, Сѣвска, Батурина и Серпухова, и сдѣлалъ нѣсколько важныхъ замѣчаній относительно занимающаго современныхъ астрономовъ вопроса о солнечныхъ пятнахъ. Отчеты о дѣйствіяхъ обѣихъ экспедицій и о добытыхъ ими результатахъ были своевременно сообщены ученому міру, черезъ посредство „Вѣстника“ Геогр. Общества [1]).

Независимо отъ посылки своихъ членовъ, Общество приняло самыя дѣятельныя мѣры и для приглашенія частныхъ лицъ, которымъ случай позволялъ видѣть солнечное затмѣніе, къ сообщенію сдѣланныхъ ими замѣчаній. Для большаго въ этомъ успѣха, Совѣтъ Общества просилъ епархіальныхъ архіереевъ, начальниковъ губерній, наказнаго атамана Войска Донскаго и другихъ должностныхъ лицъ оказать надлежащее содѣйствіе къ распространенію наблюденій. Сверхъ того, по распоряженію Совѣта, Д. Чл. А. Н. Савичъ составилъ заблаговременно краткую инструкцію для наблюдателей, мало знакомыхъ съ астрономіею; инструкція эта, вмѣстѣ съ картою солнечнаго затмѣнія, составленною Семеновымъ, была напечатана на счетъ Общества и разослана въ большомъ числѣ экземпляровъ въ разныя мѣста западной и южной Россіи. Наконецъ, Вице-Предсѣдатель Общества, въ качествѣ Управляющаго Меже-

---

[1]) См. Швейцера, А. Савича, Ѳ. Семенова «Отч. о полн. солнечн. затм. 16 іюля 1851 г.», Вѣстн. Имп. Русс. Геогр. Общ. 1851. Ч. IV; отд. III, стр. 131—188, 301—321.

вымъ Корпусомъ, предложилъ подчиненнымъ ему губернскимъ и уѣзднымъ землемѣрамъ заняться, по мѣрѣ ихъ средствъ и возможности, наблюденіемъ полнаго затмѣнія. Всѣ эти мѣры увѣнчались желаннымъ успѣхомъ. Общество получило изъ разныхъ мѣстъ, отъ наблюдателей какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго званія, до 70 отчетовъ о замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ ими во время затмѣнія. И въ этомъ случаѣ усердіе русскихъ людей къ пользамъ науки и сочувствіе ихъ ко всѣмъ предпріятіямъ Общества не обманули возложенныхъ на нихъ ожиданій. Отчетъ о всѣхъ доставленныхъ наблюденіяхъ, сдѣланный, по распоряженію Совѣта, А. Н. Савичемъ, былъ напечатанъ въ „Вѣстникѣ". Желая притомъ, чтобы добытые въ этомъ отношеніи результаты сдѣлались общимъ достояніемъ науки, Совѣтъ распорядился о переводѣ на французскій языкъ какъ этого отчета, такъ и тѣхъ, которые были представлены Савичемъ и Швейцеромъ, для разсылки ихъ иностраннымъ ученымъ, спеціально занимающимся этимъ вопросомъ. Сочувствіе, возбужденное Обществомъ къ наблюденіямъ надъ затмѣніемъ 1851 года было такъ велико, что знаменитый нашъ ландшафтный живописецъ И. К. Айвазовскій, находившійся въ то время въ сферѣ полнаго солнечнаго затмѣнія изобразилъ его такъ, какъ оно было видно въ Ѳеодосіи, на единственной въ своемъ родѣ въ Россіи картинѣ, которую и поднесъ Геогр. Обществу.

Кавказскій Отдѣлъ Общества принялъ также участіе въ наблюденіяхъ надъ затмѣніемъ. По порученію Отдѣла, членъ его О. И. Ходьзко составилъ для руководства наблюдателей особое наставленіе, которое было напечатано на 5 языкахъ: русскомъ, грузинскомъ, армянскомъ, персидскомъ и арабскомъ, и разослано по краю въ количествѣ 900 экземпляровъ, съ приглашеніемъ какъ членовъ Отдѣла, такъ и постороннихъ лицъ къ производству наблюденій по пріемамъ, указаннымъ въ наставленіи. Вслѣдствіе такого приглашенія, получено 74 описанія затмѣнія, на всѣхъ упомянутыхъ языкахъ. Общій сводъ ихъ былъ сдѣланъ Ходьзко и напечатанъ въ первой книжкѣ „Записокъ" Отдѣла. Онъ содержалъ въ себѣ данныя тѣмъ болѣе любопытныя, что между Закавказскимъ краемъ и Европою было значительное различіе въ самомъ времени производства наблюденій. Въ особенности интересны были, по отзыву астронома Пулковской Обсерваторіи, О. В. Струве, тѣ наблюденія, которыя производилъ самъ Ходьзко, въ Осетіи, на горѣ Галавдуръ; они имѣли ту необыкновенную особенность, что мѣсто, избранное наблюдателемъ, возвышается болѣе 10 т. футовъ надъ поверхностію моря. „Одного обстоятельства— говоритъ О. В. Струве—что на такой высотѣ видны были выступы и вѣнецъ почти такіе же, какъ и на плоскости, совершенно было достаточно для опроверженія предположенія астронома Файе (Fayé), что эти явленія происходятъ отъ необыкновенныхъ рефракцій или миража въ нашей атмосферѣ." Директоръ Пулковской Обсерваторіи нашелъ наблюденія О. И. Ходьзко столь важными, что счелъ необходимымъ немедленно извѣстить о нихъ заграничныхъ астрономовъ, прося ихъ не приступать къ теоретическимъ объясненіямъ замѣченныхъ явленій, пока не будутъ обнародованы наблюденія,

сдѣланныя за Кавказомъ. Такъ какъ въ слѣдующемъ 1852 году 29 ноября въ Восточной Сибири должно было быть видно полное солнечное затмѣніе, а полоса его проходила чрезъ Нижнеудинскъ, Иркутскъ и Кяхту, то Д. Чл. М. А. Ковальскій (бывшій астрономъ Уральской экспедиціи) обратилъ вниманіе Общества, что найдутся въ Сибири такія мѣста, въ которыхъ вѣроятно можно найти и зрительныя трубы и наблюдателей, хотя немного знакомыхъ съ подобными наблюденіями.

Совѣтъ принялъ предложеніе Ковальскаго и сообщилъ его будущему начальнику Сибирской экспедиціи Шварцу и Сибирскому Отдѣлу, благодаря содѣйствію которыхъ и были произведены соотвѣтствующія наблюденія.

ГЛАВА XI.

Работы Общества въ области этнографіи въ Европейской Россіи.

Этнографическое Отдѣленіе, какъ мы видѣли выше, уже съ конца предшедшаго періода, т. е. со времени избранія Предсѣдательствующимъ одного изъ выдающихся представителей русскаго народнаго направленія Общества— Н. И. Надеждина, сдѣлалось центромъ весьма оживленной дѣятельности.

Разосланныя Отдѣленіемъ программы по прежнему привлекали къ Обществу богатый запасъ матерьяловъ и популяризировали его дѣятельность во всѣхъ концахъ Россіи. Въ 1850 г. Отдѣленіе дополнило свою программу значительнымъ числомъ новыхъ статей и поясненій къ прежнимъ; сверхъ того оно составило особую программу для собиранія свѣдѣній въ инородческомъ населеніи Россіи и наконецъ приняло мѣры для полученія возможно точныхъ и достовѣрныхъ данныхъ о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ, наиболѣе важныхъ задачахъ отечественной этнографіи.

Обиліе и занимательность этнографическихъ матерьяловъ, поступавшихъ въ Общество, побудили Совѣтъ приступить къ изданію ихъ въ свѣтъ въ видѣ особаго „Этнографическаго Сборника“. Матерьялы, назначенные для этого сборника, положено было печатать въ двоякой формѣ: 1) лучшія статьи, заключавшія въ себѣ подробныя описанія отдѣльныхъ мѣстностей, печатать цѣликомъ; 2) изъ всѣхъ остальныхъ, присланныхъ Обществу свѣдѣній составлять общіе систематическіе своды по предметамъ. Редакція предположеннаго на этихъ основаніяхъ изданія поручена была Д. Чл. Н. И. Надеждину, а въ началѣ 1854 г., по множеству занятій послѣдняго, передана была въ вѣдѣніе Д. Чл. К. Д. Кавелина.

Къ началу 1853 г. вышелъ уже подъ редакціею Н. И. Надеждина *первый томъ* „Этнографическаго Сборника“ и ученая его занимательность была оцѣнена по достоинству всѣми свѣдущими по этой части людьми. Вышедшій томъ заключалъ въ себѣ 11 обширныхъ статей, изъ которыхъ каждая представляла подробныя, отчетливыя свѣдѣнія о жителяхъ различныхъ мѣстностей Россіи, объ ихъ наружности, домашнемъ бытѣ, нравахъ и обычаяхъ, особенностяхъ

языка, умственныхъ и нравственныхъ способностей, и т. под., вмѣстѣ съ перечисленіемъ замѣчательнѣйшихъ, наиболѣе извѣстныхъ въ каждой мѣстности пословицъ, поговорокъ, примѣтъ, загадокъ, пѣсенъ и пр. Въ простомъ, безъискусственномъ разсказѣ наблюдателей, вся внутренняя, домашняя жизнь русскаго народа выступала наружу и раскрывалась во всей своей полнотѣ. Для народнаго самопознанія, „Сборникъ" представлялъ обильный запасъ данныхъ занимательныхъ, важныхъ и во многихъ случаяхъ совершенно новыхъ.

Для обезпеченія срочнаго выхода слѣдующихъ книжекъ „Этнографическаго Сборника" Совѣтомъ Общества приняты были, по предложенію К. Д. Кавелина, дѣятельныя мѣры, а въ самомъ планѣ обработки и изданія этнографическихъ матерьяловъ была сдѣлана довольно важная перемѣна. Вмѣсто того, чтобы составлять общій по всей Россіи сводъ присланнымъ свѣдѣніямъ, признано болѣе полезнымъ составлять своды частные по губерніямъ или вообще по отдѣльнымъ краямъ государства. Это измѣненіе первоначальнаго плана оправдывалось самымъ свойствомъ матерьяловъ, находившихся въ распоряженіи Общества. Въ доставленіи этихъ матерьяловъ различныя части Россіи участвовали весьма неравномѣрно: тогда-какъ по нѣкоторымъ мѣстностямъ имѣлся самый обильный запасъ свѣдѣній, изъ другихъ или вовсе ничего не было получено, или получено весьма мало. При такомъ условіи самая необходимость предписывала приступить сначала къ разработкѣ данныхъ по тѣмъ губерніямъ, описанія которыхъ отличались наибольшею полнотою и отчетливостію, отложивъ обнародованіе всѣхъ другихъ матерьяловъ до того времени, когда пополнится и обогатится запасъ ихъ.

Желая, однакоже, чтобы ни одно изъ полезныхъ свѣдѣній, встрѣчающихся въ доставляемыхъ матерьялахъ, не пропало безъ пользы для науки, Отдѣленіе положило составлять, время отъ времени, подробные отчеты о всѣхъ разсматриваемыхъ имъ статьяхъ, выписывая цѣликомъ все то, что можетъ оказаться особенно интереснымъ или новымъ. Второй выпускъ Этнографическаго Сборника, подъ редакціею К. Д. Кавелина, вышелъ уже въ концѣ 1853 года.

Для приведенія вообще въ порядокъ матерьяловъ, получаемыхъ Отдѣленіемъ, предположено было еще въ 1852 году составить систематическій къ нимъ указатель по мѣстностямъ и предметамъ. Д. Членъ А. Г. Яновскій, принявъ на себя исполненіе этого полезнаго труда, окончилъ его, къ апрѣлю 1853 г. самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Составленный имъ указатель обнималъ собою 305 рукописей, относящихся къ 59 городамъ и 223 селеніямъ въ 42 губерніяхъ и 154 уѣздахъ. Наибольшее число свѣдѣній было показано имъ о Нижегородской губерніи, откуда прислано 44 статьи; за тѣмъ изъ Тульской, Вятской, Тверской, Тамбовской, Воронежской, Московской и Пермской доставлено отъ 36 до 15 статей по каждой. Изъ прочихъ же губерній приходилось на каждую менѣе 10 статей. Рукописи доставлены отъ лицъ разнаго рода: отъ Членовъ-Сотрудниковъ Общества получено 11, отъ директоровъ, смотрителей и учителей гражданскихъ училищъ—38, отъ чиновниковъ—20, отъ помѣщиковъ—15, отъ лекаря—1, отъ священниковъ—

[illegible]

[illegible]

[illegible]

На этнографическіе вопросы, относящіяся до инородческихъ племенъ, Отдѣленіе также обращало достаточно вниманія.

Такъ, напримѣръ, Отдѣленіе обратило особенное вниманіе на возбужденный еще въ прошломъ періодѣ Д. Чл. А. Г. Яновскимъ вопросъ о родственности живущаго въ Закавказьѣ (тогдашней Шемахинской губерніи) народа Удь или Уть съ Вотяцкимъ племенемъ, присвоивающимъ себѣ также названія Ути. Въ 1852 г. Кавказскій отдѣлъ доставилъ въ Общество сборникъ Удинскихъ словъ, который Отдѣленіе напечатало и разослало въ 1853 г. въ губерніи, въ которыхъ живутъ Вотяки, съ просьбою отмѣчать соотвѣтствующія удинскимъ вотяцкія слова. Изъ подробнаго сравнительнаго разсмотрѣнія полученныхъ отмѣтокъ и списковъ вотяцкихъ словъ оказалось, что въ языкѣ Вотяковъ находится много словъ русскихъ, татарскихъ и зырянскихъ и что между языками вотяцкимъ и удинскимъ есть коренное сходство въ нѣкоторыхъ словахъ, но встрѣчается разность въ выговорѣ, да и во всякомъ случаѣ сходныя съ удинскими слова употребляются не у всѣхъ Вотяковъ, а слѣдовательно вопросъ можетъ быть разрѣшенъ не иначе какъ сравненіемъ граматическихъ формъ.

Другой вопросъ, обратившій на себя вниманіе Отдѣленія, по предложенію Д. Чл. А. К. Каземъ-бека, относился ко вліянію русскаго языка на мѣстное тюркское нарѣчіе въ Россіи. Затѣмъ, замѣчая что между матерьялами, сообщенными ему въ разное время относительно живущихъ въ Европейской Россіи инородцевъ, особенною многочисленностью и точностью отличались данныя о Мордовскомъ племени, Отдѣленіе поручило спеціальную разработку этихъ данныхъ П. И. Небольсину, съ цѣлью составленія цѣлой монографіи о Мордвѣ. Въ 1853 году, подъ главнымъ руководствомъ Предсѣдательствующаго Н. И. Надеждина, исполнены необходимыя предварительныя работы, какъ-то: составленіе, на основаніи карты П. И. Кеппена, списка селеній, обитаемыхъ Мордвою, и извлеченіе изъ нѣкоторыхъ русскихъ лѣтописей и изъ другихъ отечественныхъ памятниковъ всѣхъ свѣдѣній, относящихся до Мордвы. Первая изъ этихъ работъ была исполнена Н. А. Коркуновымъ, вторая К. Д. Кавелинымъ и Н. И. Надеждинымъ. Въ 1854 году Дѣйствительный Членъ П. И. Мельниковъ доставилъ Отдѣленію подробную карту поселеній Мордвы въ Нижегородской губерніи.

Весьма важное предпріятіе предшедшаго періода, а именно этнографическая карта Европейской Россіи, было приведено къ благополучному окончанію въ разсматриваемомъ періодѣ. Уже въ декабрѣ 1851 г. акад. П. И. Кеппенъ представилъ въ Совѣтъ отпечатанную карту, а въ началѣ 1852 г. и объяснительную къ ней записку съ двумя таблицами, заключавшими въ себѣ числовыя данныя объ инородцахъ, населяющихъ Россію. Къ концу 1852 г. уже вся карта была распродана. Совѣтъ рѣшилъ отпечатать 2-е ея изданіе въ 300 экземплярахъ, которое въ 1855 г. уже все разошлось и затѣмъ рѣшено было сдѣлать еще 3-е изданіе.

Въ январѣ 1855 г. Общество понесло незамѣнимую потерю: Н. И. Надеждинъ скончался и хотя его преемникъ, бывшій въ теченіе всего разсматривае-

маго періода до кончины Надеждина его Помощникомъ, старался продолжать начатое такъ успѣшно Н. И. Надеждинымъ, но все же работы и предпріятія самаго Срезневскаго имѣли нѣсколько иной оттѣнокъ, такъ какъ онъ интересовался болѣе лингвистическою и историческою стороною народной жизни, чѣмъ бытовою.

Еще въ 1852 г. Из. Ив. Срезневскій, замѣтилъ, что въ числѣ этнографическихъ свѣдѣній, присылаемыхъ Обществу, встрѣчается не мало любопытныхъ данныхъ, относящихся собственно до этнографической лингвистики и предложилъ критически разработать сообщенные Обществу лингвистическіе матерьялы и, присоединивъ къ нимъ собственное богатое собраніе подобныхъ же матерьяловъ, издать ихъ въ видѣ особаго сборника, подъ именемъ „Памятниковъ народнаго русскаго языка и словесности". Въ составъ этого сборника, по предначертанному Отдѣленіемъ Этнографіи плану, должны были войти: 1) матерьялы для географіи русскаго языка, съ объясненіемъ особенностей и съ приведеніемъ образцовъ областнаго говора; 2) народныя русскія пѣсни, былины и другіе памятники народной словесности, въ подлинномъ, изъ устъ народа подслушанномъ видѣ, и 3) словари народнаго русскаго языка по различнымъ его нарѣчіямъ. Срезневскій приступилъ даже къ печатанію первой части предположеннаго сборника въ 1853 году.

Затѣмъ, уже сдѣлавшись Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи, Из. Ив. Срезневскій, въ 1856 году, внесъ въ Отдѣленіе свое предложеніе о пользѣ и необходимости изданія матерьяловъ для этнографическаго словаря русскаго языка. Побудительной причиной къ тому было, что въ изданный Академіею Наукъ „Областной Словарь" вошли только общія объясненія словъ, безъ подробностей этнографическихъ. Изданіе этихъ матерьяловъ предположено соединить съ изданіемъ „Памятниковъ Русскаго Языка". Редакцію ихъ принялъ на себя самъ Из. И. Срезневскій, но трудъ этотъ оконченъ и изданъ не былъ. Независимо отъ этого въ 1856 г. Предсѣдательствующій занимался систематическимъ распредѣленіемъ „Матерьяловъ для словаря народной географической терминологіи". Множество поступающихъ въ Отдѣленіе статей, преимущественно посвященныхъ описанію инородцевъ, привели Отдѣленіе къ убѣжденію въ необходимости составленія особой программы такихъ описаній, подобно тому какъ составлена программа для этнографическихъ описаній славянскаго населенія разныхъ губерній. Съ этою цѣлью члены П. С. Савельевъ, П. И. Савваитовъ и всѣ прочіе, спеціально знакомые съ бытомъ и языкомъ многихъ инородцевъ, приглашены были составить такую программу. Вмѣстѣ съ этимъ поручено тѣмъ же членамъ разсмотрѣть подробно скопившіяся въ значительномъ количествѣ свѣдѣнія о Мордвѣ и приготовить ихъ къ изданію въ настоящемъ своемъ видѣ или въ извлеченіяхъ, или составить изъ нихъ систематическую монографію.

Наконецъ въ 1856 г. Совѣтъ оказалъ ученое и денежное содѣйствіе молодому ученому Европеусу, съ жаромъ посвятившему себя изученію соплеменной ему финской народности. Съ пособіемъ отъ Общества, Евро-

пеусъ предпринялъ путешествіе къ отдаленнымъ предѣламъ Терскаго берега Лапландіи, для филологическихъ и археологическихъ изслѣдованій, и вмѣстѣ съ тѣмъ взялъ на себя порученіе Совѣта доставлять въ Общество географическія и этнографическія свѣдѣнія о посѣщенныхъ имъ мѣстностяхъ. Въ своемъ путешествіи Европеусъ нашелъ разныя отрасли финскаго племени, отличающіяся особенными странностями нарѣчія и наводящія на разныя новыя заключенія, относительно сродства этого племени съ прочими человѣческими племенами.

Отдѣленіе Этнографіи въ разсматриваемомъ періодѣ обращало также особенное вниманіе и на историческую географію Россіи.

Принимая въ соображеніе что въ древней русской письменности, кромѣ лѣтописей, существуютъ два чрезвычайно важные источника историко-географическихъ свѣдѣній,—это обширный циклъ такъ называемыхъ „Писцовыхъ книгъ“ (во всѣхъ ихъ видоизмѣненіяхъ: писцовыя, переписныя, сдаточныя, объѣздныя, дозорныя, засѣчныя, межевыя, и т. п.) и „Книга Большаго Чертежа“. Географическое Общество обратило особое вниманіе на изученіе и разработку этихъ важнѣйшихъ матерьяловъ.

Уже въ предшедшемъ періодѣ А. П. Заблоцкій-Десятовской (въ Общемъ Собраніи 5 февраля 1847 г.) указывалъ на писцовыя книги, какъ на „драгоцѣннѣйшій матерьялъ для познанія внутренняго состоянія многихъ мѣстностей“.

Важность писцовыхъ книгъ для познанія древней, а слѣдовательно и нынѣшней Россіи давно образовала между людьми, которые имѣли случай обращаться съ ними, убѣжденіе въ необходимости изданія ихъ въ печати, чтобы каждый могъ пользоваться ими при своихъ ученыхъ изысканіяхъ.

К. А. Неволинъ, по званію члена Географическаго Общества, еще въ 1847 году, вызвался написать статью: „О важности писцовыхъ книгъ для древней географіи Россіи“ и для того просилъ Общество войти въ сношеніе съ Главнымъ Архивомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ о доставленіи древнѣйшихъ писцовыхъ Новгородскихъ книгъ, бывшихъ, какъ извѣстно, въ рукахъ Карамзина.

Совѣтъ Общества, съ полною готовностью, исполнилъ просьбу своего сочлена и получилъ изъ архива три тома писцовыхъ книгъ, относящихся къ Вотьской и Деревской пятинамъ. При чтеніи ихъ у Неволина „мало по малу образовалась мысль—начертать карту пятинъ и погостовъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ“, къ исполненію чего онъ немедленно и приступилъ. Но для удовлетворительнаго, сколько-нибудь, разрѣшенія этой задачи было слишкомъ недостаточно трехъ поименованныхъ томовъ писцовыхъ книгъ. Поэтому, Совѣтъ Общества, по новому представленію Неволина, въ 1851 году получилъ еще 15 томовъ писцовыхъ Новгородскихъ книгъ, хранившихся въ архивѣ Вотчиннаго Департамента, состоящаго при Московскихъ Департаментахъ Правительствующаго Сената. Съ полученіемъ этихъ книгъ,

работа Неволина, по составленію предположенной карты древнихъ Новгородскихъ пятинъ, пошла безостановочно и окончена была въ исходѣ 1851 г.

Совѣтъ Общества, находя, что этотъ трудъ можетъ быть поставленъ на ряду съ лучшими изслѣдованіями въ области исторической географіи, присудилъ К. А. Неволину въ 1852 г. Константиновскую медаль. Вмѣстѣ съ этимъ постановлено было напечатать объяснительный текстъ къ этой картѣ, со всѣми приложеніями. Обширный этотъ трудъ, подъ заглавіемъ: „О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ“, составилъ VIII-й томъ „Записокъ“ Общества, изданный подъ редакціею самого автора въ 1853 году, съ картою въ масштабѣ 40 верстъ въ дюймѣ.

„Карта пятинъ“, по выраженію самого Неволина, составляла „средоточіе“ всего его обширнаго изслѣдованія, которое служитъ только къ поясненію и оправданію самой карты.

Работу свою Неволинъ исполнилъ въ самомъ строгомъ порядкѣ, необыкновенной полнотѣ и съ безукоризненною добросовѣстностью. Съ такою же тщательностью и отчетливостью онъ изучилъ писцовыя книги и другіе памятники древней Новгородской исторіи, и, на основаніи собранныхъ и разработанныхъ имъ данныхъ, изобразилъ географическое положеніе Новгородской области въ концѣ XV и въ началѣ XVI столѣтій, избравъ этотъ періодъ потому, что именно въ теченіе его „область пятинъ сохраняла наибольшее пространство, какое она имѣла по историческимъ извѣстіямъ“. Взявъ въ основу раздѣленіе Новгородской области на „пятины“, Неволинъ прослѣдилъ его по писцовымъ книгамъ, которымъ оно также служило основою, и съ точностью обозначилъ границы не только каждой пятины, но и каждаго изъ многочисленныхъ погостовъ, изъ которыхъ эти пятины состояли. Предѣлы пятинъ, по выраженію Н. И. Надеждина, дотолѣ составляли историко-географическую проблему, а Неволинъ привелъ ихъ въ положительную извѣстность. Въ этомъ отношеніи изслѣдованіе Неволина безспорно являлось важною заслугою для исторической географіи Россіи. Обнародованіе его карты, по справедливому и оправдавшемуся ожиданію Географическаго Общества, не только должно было пролить новый свѣтъ на исторію и древнюю географію Русскаго Сѣвера, но и послужить также превосходнымъ образцомъ для будущихъ дѣятелей на этомъ обширномъ, но еще весьма мало разработанномъ, полѣ.

Изслѣдованіе Неволина „О пятинахъ“ обратило и привлекло дѣятельность многихъ членовъ Общества на разработку другихъ писцовыхъ книгъ по тому же самому плану и вообще на старинные и древніе памятники письменности, такъ или иначе имѣвшіе отношеніе къ кругу ученой дѣятельности Общества.

Такъ, когда въ 1850 г. Членъ-Сотрудникъ Общества И. Н. Царскій — извѣстный обладатель драгоцѣннаго собранія древнихъ рукописей доставилъ въ Общество копію съ имѣющейся у него „таблицы сошнаго письма“,—то Почетный Членъ Общества гр. Д. Н. Блудовъ напечаталъ

на свой счетъ этотъ малоизвѣстный, весьма любопытный и важный документъ, заключающій въ себѣ общій сводъ существовавшихъ въ нашемъ отечествѣ, еще въ XVII столѣтіи, правилъ для описанія и оцѣнки поземельныхъ угодій. Совѣтъ Общества изъявилъ гр. Блудову свою признательность за оказанное имъ просвѣщенное содѣйствіе трудамъ Общества, а Дѣйств. Чл. И. Д. Бѣляевъ по этому поводу обѣщалъ представить Обществу полный „Обзоръ книгъ сошнаго письма". Къ сожалѣнію, это обѣщаніе осталось неисполненнымъ.

Нѣкоторые изъ членовъ Общества прямо доставляли разныя поясненія и выписки изъ древнихъ документовъ, относящіяся къ Новгородской области. Напримѣръ, изъ Новгорода отъ Члена-Сотрудника Купріянова, какъ матерьялы для исторической географіи и исторической статистики Новгорода и его области, доставлены были копіи и выписки изъ разныхъ документовъ XIV, XV, XVII и начала XVIII столѣтій, при чемъ было замѣчено: „Изъ этихъ матерьяловъ, конечно, нельзя еще вывести положительныхъ результатовъ о степени населенности Новгородской области, да едвали и будетъ рѣшенъ этотъ вопросъ ранѣе, чѣмъ будутъ изданы старинныя писцовыя книги".

Независимо отъ этого стали доставляться въ Общество и другія статьи, имѣвшія историко-географическое содержаніе, что служило яснымъ доказательствомъ живаго возбужденія интереса къ изученію древней географіи Россіи. Это обстоятельство и было причиною тому, что Совѣтъ Общества, предпринимая въ 1851 году издавать „Вѣстникъ", ввелъ въ его программу (согласно представленію Дѣйств. Чл. А. А. Краевскаго), особый отдѣлъ: Географіи Исторической и Исторіи Географіи. Впослѣдствіи времени программа Вѣстника подверглась нѣкоторому измѣненію; отдѣлъ „Исторической Географіи" прекратился, тѣмъ не менѣе въ продолженіе десятилѣтняго (1851—1860) періода изданія, на странцахъ тридцати объемистыхъ томовъ этого органа Общества, весьма нерѣдко помѣщались какъ изслѣдованія, такъ документы и разныя сообщенія, относящіяся нрямо къ Исторической Географіи.

Но всего важнѣе послѣдствія труда Неволина оказались по отношенію разработки самыхъ писцовыхъ книгъ и рѣшенія вопроса объ изданіи ихъ.

Одинъ изъ глубокихъ знатоковъ русскихъ лѣтописей и древностей, академикъ М. А. Коркуновъ, поступившій въ 1850 г. въ члены Географическаго Общества — заявилъ Обществу, что онъ намѣренъ разработать географію древняго Бѣлозерскаго княжества, также по плану Неволина. Впослѣдствіи, однако, онъ отказался отъ этого предпріятія, именно по недостатку и неполнотѣ писцовыхъ книгъ, относящихся къ области бывшаго Бѣлозерскаго княжества, и вмѣсто того принялся за разработку географіи Псковскаго княжества. Труды эти были какъ бы продолженіемъ изслѣдованія Неволина. Къ сожалѣнію и многосложность занятій Коркунова, и болѣзненность его, а всего болѣе почтенная добросовѣстность, недозволявшая ему ни одной работы дѣлать, какъ говорится, съ плеча, на скоро, не позволили ему докончить ихъ, но положительно извѣстно,

174, отъ семинаристовъ—6, отъ купцовъ и мѣщанъ—8, отъ крестьянъ—7, отъ неизвѣстныхъ—25.

Съ окончаніемъ помянутаго каталога рукописныхъ матерьяловъ Отдѣленіе признало возможнымъ и необходимымъ составить подробное и точное описаніе богатаго собранія народныхъ костюмовъ, находящихся въ Обществѣ, съ обозначеніемъ всѣхъ принадлежностей каждаго изъ нихъ. Трудъ этотъ былъ возложенъ Отдѣленіемъ на Члена-Сотрудника С. И. Гуляева.

Независимо отъ получаемыхъ извнѣ матерьяловъ, Отдѣленіе, пользуясь поѣздками членовъ своихъ, приглашало ихъ къ составленію этнографическихъ описаній посѣщаемыхъ ими мѣстъ. Такъ, по случаю отъѣзда Д. Члена В. В. Чачкова въ Таврическую губернію, на продолжительное время, Отдѣленіе просило его собрать свѣдѣнія о русскихъ поселеніяхъ въ Крыму и приложить старанія къ отысканію татарскихъ манускриптовъ объ исторіи этого края со временъ хана Капланъ-Гирея до присоединенія къ Россіи.

Въ теченіе 1854 года поступило въ Отдѣленіе 146 рукописей, содержащихъ описанія образа жизни, обычаевъ, преданій и нарѣчій жителей разныхъ мѣстъ государства. Эти рукописи были передаваемы на разсмотрѣніе членовъ Отдѣленія, а нѣкоторыя изъ нихъ, требовавшія особыхъ спеціальныхъ знаній, посылались къ ученымъ лицамъ, и не принадлежащимъ Обществу, съ просьбою Отдѣленія сообщить свое мнѣніе; такъ, статьи на калмыцкомъ языкѣ, заключающія разсказы и пѣсни этого народа, были разсматриваемы и частью переводимы магистромъ Казанской Духовной Академіи А. А. Бобровниковымъ.

Всѣ же рукописи, въ которыхъ находились любопытныя данныя о мѣстныхъ нарѣчіяхъ славянскихъ въ нашемъ государствѣ, поступали для систематической обработки къ Помощнику Предсѣдательствующаго, Из. И. Срезневскому.

Лучшія изъ статей, сообразно представленнымъ о нихъ отзывамъ, напечатаны въ „Вѣстникѣ"; изъ остальныхъ—однѣ, съ разрѣшенія Отдѣленія, переданы нѣкоторымъ членамъ для обработки, другія опредѣлено хранить въ Библіотекѣ Общества.

Въ 1855 году поступило въ Отдѣленіе 97 рукописей, а въ 1856 г.—64; лучшія изъ нихъ (13), согласно съ отзывами членовъ, переданы въ редакцію „Сборника" для напечатанія. Прочія статьи, хотя и не могли быть напечатаны вполнѣ, но, заключая въ себѣ любопытныя данныя, послужили полезнымъ матерьяломъ для нѣкоторыхъ отдѣловъ этнографіи. Такъ, рукописи, содержащія свѣдѣнія о мѣстныхъ нарѣчіяхъ славянскихъ, поступали по прежнему, для систематической обработки, Из. И. Срезневскому; статьи, касающіяся до Зырянъ—къ П. И. Саваитову; упоминаемыя въ доставляемыхъ Обществу рукописяхъ русскія сказки—къ А. Н. Аѳонасьеву, который издалъ первый выпускъ сказокъ; разсказы о мѣстныхъ простонародныхъ леченіяхъ, понятіяхъ и суевѣріяхъ народа о болѣзняхъ—къ В. В. Дерикеру, представившему о важности этихъ данныхъ любопытную записку [1]).

[1]) См. Вѣстникъ Общества за 1856 годъ кн. I.

На этнографическіе вопросы, относящіяся до инородческихъ племенъ, Отдѣленіе также обращало достаточно вниманія.

Такъ, напримѣръ, Отдѣленіе обратило особенное вниманіе на возбужденный еще въ прошломъ періодѣ Д. Чл. А. Г. Яновскимъ вопросъ о родственности живущаго въ Закавказьѣ (тогдашней Шемахинской губерніи) народа Удь или Уть съ Вотяцкимъ племенемъ, присвоивающимъ себѣ также названія Ути. Въ 1852 г. Кавказскій отдѣлъ доставилъ въ Общество сборникъ Удинскихъ словъ, который Отдѣленіе напечатало и разослало въ 1853 г. въ губерніи, въ которыхъ живутъ Вотяки, съ просьбою отмѣчать соотвѣтствующія удинскимъ вотяцкія слова. Изъ подробнаго сравнительнаго разсмотрѣнія полученныхъ отмѣтокъ и списковъ вотяцкихъ словъ оказалось, что въ языкѣ Вотяковъ паходится много словъ русскихъ, татарскихъ и зырянскихъ и что между языками вотяцкимъ и удинскимъ есть коренное сходство въ нѣкоторыхъ словахъ, но встрѣчается разность въ выговорѣ, да и во всякомъ случаѣ сходныя съ удинскими слова употребляются не у всѣхъ Вотяковъ, а слѣдовательно вопросъ можетъ быть разрѣшенъ не иначе какъ сравненіемъ граматическихъ формъ.

Другой вопросъ, обратившій на себя вниманіе Отдѣленія, по предложенію Д. Чл. А. К. Каземъ-бека, относился ко вліянію русскаго языка на мѣстное тюркское нарѣчіе въ Россіи. Затѣмъ, замѣчая что между матерьялами, сообщенными ему въ разное время относительно живущихъ въ Европейской Россіи инородцевъ, особенною многочисленностью и точностью отличались данныя о Мордовскомъ племени, Отдѣленіе поручило спеціальную разработку этихъ данныхъ П. И. Небольсину, съ цѣлью составленія цѣлой монографіи о Мордвѣ. Въ 1853 году, подъ главнымъ руководствомъ Предсѣдательствующаго Н. И. Надеждина, исполнены необходимыя предварительныя работы, какъ-то: составленіе, на основаніи карты П. И. Кеппена, списка селеній, обитаемыхъ Мордвою, и извлеченіе изъ нѣкоторыхъ русскихъ лѣтописей и изъ другихъ отечественныхъ памятниковъ всѣхъ свѣдѣній, относящихся до Мордвы. Первая изъ этихъ работъ была исполнена Н. А. Коркуновымъ, вторая К. Д. Кавелинымъ и Н. И. Надеждинымъ. Въ 1854 году Дѣйствительный Членъ П. И. Мельниковъ доставилъ Отдѣленію подробную карту поселеній Мордвы въ Нижегородской губерніи.

Весьма важное предпріятіе предшедшаго періода, а именно этнографическая карта Европейской Россіи, было приведено къ благополучному окончанію въ разсматриваемомъ періодѣ. Уже въ декабрѣ 1851 г. акад. П. И. Кеппенъ представилъ въ Совѣтъ отпечатанную карту, а въ началѣ 1852 г. и объяснительную къ ней записку съ двумя таблицами, заключавшими въ себѣ числовыя данныя объ инородцахъ, населяющихъ Россію. Къ концу 1852 г. уже вся карта была распродана. Совѣтъ рѣшилъ отпечатать 2-е ея изданіе въ 300 экземплярахъ, которое въ 1855 г. уже все разошлось и затѣмъ рѣшено было сдѣлать еще 3-е изданіе.

Въ январѣ 1855 г. Общество понесло незамѣнимую потерю: Н. И. Надеждинъ скончался и хотя его преемникъ, бывшій въ теченіе всего разсматривае-

маго періода до кончины Надеждина его Помощникомъ, старался продолжать начатое такъ успѣшно Н. И. Надеждинымъ, но все же работы и предпріятія самаго Срезневскаго имѣли нѣсколько иной оттѣнокъ, такъ какъ онъ интересовался болѣе лингвистическою и историческою стороною народной жизни, чѣмъ бытовою.

Еще въ 1852 г. Из. Ив. Срезневскій, замѣтилъ, что въ числѣ этнографическихъ свѣдѣній, присылаемыхъ Обществу, встрѣчается не мало любопытныхъ данныхъ, относящихся собственно до этнографической лингвистики и предложилъ критически разработать сообщенные Обществу лингвистическіе матерьялы и, присоединивъ къ нимъ собственное богатое собраніе подобныхъ же матерьяловъ, издать ихъ въ видѣ особаго сборника, подъ именемъ „Памятниковъ народнаго русскаго языка и словесности“. Въ составъ этого сборника, по предначертанному Отдѣленіемъ Этнографіи плану, должны были войти: 1) матерьялы для географіи русскаго языка, съ объясненіемъ особенностей и съ приведеніемъ образцовъ областнаго говора; 2) народныя русскія пѣсни, былины и другіе памятники народной словесности, въ подлинномъ, изъ устъ народа подслушанномъ видѣ, и 3) словари народнаго русскаго языка по различнымъ его нарѣчіямъ. Срезневскій приступилъ даже къ печатанію первой части предположеннаго сборника въ 1853 году.

Затѣмъ, уже сдѣлавшись Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи, Из. Ив. Срезневскій, въ 1856 году, внесъ въ Отдѣленіе свое предложеніе о пользѣ и необходимости изданія матерьяловъ для этнографическаго словаря русскаго языка. Побудительной причиной къ тому было, что въ изданный Академіею Наукъ „Областной Словарь“ вошли только общія объясненія словъ, безъ подробностей этнографическихъ. Изданіе этихъ матерьяловъ предположено соединить съ изданіемъ „Памятниковъ Русскаго Языка“. Редакцію ихъ принялъ на себя самъ Из. И. Срезневскій, но трудъ этотъ оконченъ и изданъ не былъ. Независимо отъ этого въ 1856 г. Предсѣдательствующій занимался систематическимъ распредѣленіемъ „Матерьяловъ для словаря народной географической терминологіи“. Множество поступающихъ въ Отдѣленіе статей, преимущественно посвященныхъ описанію инородцевъ, привели Отдѣленіе къ убѣжденію въ необходимости составленія особой программы такихъ описаній, подобно тому какъ составлена программа для этнографическихъ описаній славянскаго населенія разныхъ губерній. Съ этою цѣлью члены П. С. Савельевъ, П. И. Савваитовъ и всѣ прочіе, спеціально знакомые съ бытомъ и языкомъ многихъ инородцевъ, приглашены были составить такую программу. Вмѣстѣ съ этимъ поручено тѣмъ же членамъ разсмотрѣть подробно скопившіяся въ значительномъ количествѣ свѣдѣнія о Мордвѣ и приготовить ихъ къ изданію въ настоящемъ своемъ видѣ или въ извлеченіяхъ, или составить изъ нихъ систематическую монографію.

Наконецъ въ 1856 г. Совѣтъ оказалъ ученое и денежное содѣйствіе молодому ученому Европеусу, съ жаромъ посвятившему себя изученію соплеменной ему финской народности. Съ пособіемъ отъ Общества, Евро-

пеусъ предпринялъ путешествіе къ отдаленнымъ предѣламъ Терскаго берега Лапландіи, для филологическихъ и археологическихъ изслѣдованій, и вмѣстѣ съ тѣмъ взялъ на себя порученіе Совѣта доставлять въ Общество географическія и этнографическія свѣдѣнія о посѣщенныхъ имъ мѣстностяхъ. Въ своемъ путешествіи Европеусъ нашелъ разныя отрасли финскаго племени, отличающіяся особенными странностями нарѣчія и наводящія на разныя новыя заключенія, относительно сродства этого племени съ прочими человѣческими племенами.

Отдѣленіе Этнографіи въ разсматриваемомъ періодѣ обращало также особенное вниманіе и на историческую географію Россіи.

Принимая въ соображеніе что въ древней русской письменности, кромѣ лѣтописей, существуютъ два чрезвычайно важные источника историко-географическихъ свѣдѣній,—это обширный циклъ такъ называемыхъ „Писцовыхъ книгъ" (во всѣхъ ихъ видоизмѣненіяхъ: писцовыя, переписныя, сдаточныя, объѣздныя, дозорныя, засѣчныя, межевыя, и т. п.) и „Книга Большаго Чертежа". Географическое Общество обратило особое вниманіе на изученіе и разработку этихъ важнѣйшихъ матерьяловъ.

Уже въ предшедшемъ періодѣ А. П. Заблоцкій-Десятовской (въ Общемъ Собраніи 5 февраля 1847 г.) указывалъ на писцовыя книги, какъ на „драгоцѣннѣйшій матерьялъ для познанія внутренняго состоянія многихъ мѣстностей".

Важность писцовыхъ книгъ для познанія древней, а слѣдовательно и нынѣшней Россіи давно образовала между людьми, которые имѣли случай обращаться съ ними, убѣжденіе въ необходимости изданія ихъ въ печати, чтобы каждый могъ пользоваться ими при своихъ ученыхъ изысканіяхъ.

К. А. Неволинъ, по званію члена Географическаго Общества, еще въ 1847 году, вызвался написать статью: „О важности писцовыхъ книгъ для древней географіи Россіи" и для того просилъ Общество войти въ сношеніе съ Главнымъ Архивомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ о доставленіи древнѣйшихъ писцовыхъ Новгородскихъ книгъ, бывшихъ, какъ извѣстно, въ рукахъ Карамзина.

Совѣтъ Общества, съ полною готовностью, исполнилъ просьбу своего сочлена и получилъ изъ архива три тома писцовыхъ книгъ, относящихся къ Вотьской и Деревской пятинамъ. При чтеніи ихъ у Неволина „мало по малу образовалась мысль—начертать карту пятинъ и погостовъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ", къ исполненію чего онъ немедленно и приступилъ. Но для удовлетворительнаго, сколько-нибудь, разрѣшенія этой задачи было слишкомъ недостаточно трехъ поименованныхъ томовъ писцовыхъ книгъ. Поэтому, Совѣтъ Общества, по новому представленію Неволина, въ 1851 году получилъ еще 15 томовъ писцовыхъ Новгородскихъ книгъ, хранившихся въ архивѣ Вотчиннаго Департамента, состоящаго при Московскихъ Департаментахъ Правительствующаго Сената. Съ полученіемъ этихъ книгъ,

работа Неволина, по составленію предположенной карты древнихъ Новгородскихъ пятинъ, пошла безостановочно и окончена была въ исходѣ 1851 г.

Совѣтъ Общества, находя, что этотъ трудъ можетъ быть поставленъ на ряду съ лучшими изслѣдованіями въ области исторической географіи, присудилъ К. А. Неволину въ 1852 г. Константиновскую медаль. Вмѣстѣ съ этимъ постановлено было напечатать объяснительный текстъ къ этой картѣ, со всѣми приложеніями. Обширный этотъ трудъ, подъ заглавіемъ: „О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ“, составилъ VIII-й томъ „Записокъ“ Общества, изданный подъ редакціею самого автора въ 1853 году, съ картою въ масштабѣ 40 верстъ въ дюймѣ.

„Карта пятинъ“, по выраженію самого Неволина, составляла „средоточіе“ всего его обширнаго изслѣдованія, которое служитъ только къ поясненію и оправданію самой карты.

Работу свою Неволинъ исполнилъ въ самомъ строгомъ порядкѣ, необыкновенной полнотѣ и съ безукоризненною добросовѣстностью. Съ такою же тщательностью и отчетливостью онъ изучилъ писцовыя книги и другіе памятники древней Новгородской исторіи, и, на основаніи собранныхъ и разработанныхъ имъ данныхъ, изобразилъ географическое положеніе Новгородской области въ концѣ XV и въ началѣ XVI столѣтій, избравъ этотъ періодъ потому, что именно въ теченіе его „область пятинъ сохраняла наибольшее пространство, какое она имѣла по историческимъ извѣстіямъ“. Взявъ въ основу раздѣленіе Новгородской области на „пятины“, Неволинъ прослѣдилъ его по писцовымъ книгамъ, которымъ оно также служило основою, и съ точностью обозначилъ границы не только каждой пятины, но и каждаго изъ многочисленныхъ погостовъ, изъ которыхъ эти пятины состояли. Предѣлы пятинъ, по выраженію Н. И. Надеждина, дотолѣ составляли историко-географическую проблему, а Неволинъ привелъ ихъ въ положительную извѣстность. Въ этомъ отношеніи изслѣдованіе Неволина безспорно являлось важною заслугою для исторической географіи Россіи. Обнародованіе его карты, по справедливому и оправдавшемуся ожиданію Географическаго Общества, не только должно было пролить новый свѣтъ на исторію и древнюю географію Русскаго Сѣвера, но и послужить также превосходнымъ образцомъ для будущихъ дѣятелей на этомъ обширномъ, но еще весьма мало разработанномъ, полѣ.

Изслѣдованіе Неволина „О пятинахъ“ обратило и привлекло дѣятельность многихъ членовъ Общества на разработку другихъ писцовыхъ книгъ по тому же самому плану и вообще на старинные и древніе памятники письменности, такъ или иначе имѣвшіе отношеніе къ кругу ученой дѣятельности Общества.

Такъ, когда въ 1850 г. Членъ-Сотрудникъ Общества И. Н. Царскій — извѣстный обладатель драгоцѣннаго собранія древнихъ рукописей — доставилъ въ Общество копію съ имѣющейся у него „таблицы сошнаго письма“,—то Почетный Членъ Общества гр. Д. Н. Блудовъ напечаталъ

на свой счетъ этотъ малоизвѣстный, весьма любопытный и важный документъ, заключающій въ себѣ общій сводъ существовавшихъ въ нашемъ отечествѣ, еще въ XVII столѣтіи, правилъ для описанія и оцѣнки поземельныхъ угодій. Совѣтъ Общества изъявилъ гр. Блудову свою признательность за оказанное имъ просвѣщенное содѣйствіе трудамъ Общества, а Дѣйств. Чл. И. Д. Бѣляевъ по этому поводу обѣщалъ представить Обществу полный „Обзоръ книгъ сошнаго письма". Къ сожалѣнію, это обѣщаніе осталось неисполненнымъ.

Нѣкоторые изъ членовъ Общества прямо доставляли разныя поясненія и выписки изъ древнихъ документовъ, относящіяся къ Новгородской области. Напримѣръ, изъ Новгорода отъ Члена-Сотрудника Купріянова, какъ матерьялы для исторической географіи и исторической статистики Новгорода и его области, доставлены были копіи и выписки изъ разныхъ документовъ XIV, XV, XVII и начала XVIII столѣтій, при чемъ было замѣчено: „Изъ этихъ матерьяловъ, конечно, нельзя еще вывести положительныхъ результатовъ о степени населенности Новгородской области, да едвали и будетъ рѣшенъ этотъ вопросъ ранѣе, чѣмъ будутъ изданы старинныя писцовыя книги".

Независимо отъ этого стали доставляться въ Общество и другія статьи, имѣвшія историко-географическое содержаніе, что служило яснымъ доказательствомъ живаго возбужденія интереса къ изученію древней географіи Россіи. Это обстоятельство и было причиною тому, что Совѣтъ Общества, предпринимая въ 1851 году издавать „Вѣстникъ", ввелъ въ его программу (согласно представленію Дѣйств. Чл. А. А. Краевскаго), особый отдѣлъ: Географіи Исторической и Исторіи Географіи. Впослѣдствіи времени программа Вѣстника подверглась нѣкоторому измѣненію; отдѣлъ „Исторической Географіи" прекратился, тѣмъ не менѣе въ продолженіе десятилѣтняго (1851—1860) періода изданія, на страницахъ тридцати объемистыхъ томовъ этого органа Общества, весьма нерѣдко помѣщались какъ изслѣдованія, такъ документы и разныя сообщенія, относящіяся прямо къ Исторической Географіи.

Но всего важнѣе послѣдствія труда Неволина оказались по отношенію разработки самыхъ писцовыхъ книгъ и рѣшенія вопроса объ изданіи ихъ.

Одинъ изъ глубокихъ знатоковъ русскихъ лѣтописей и древностей, академикъ М. А. Коркуновъ, поступившій въ 1850 г. въ члены Географическаго Общества — заявилъ Обществу, что онъ намѣренъ разработать географію древняго Бѣлозерскаго княжества, также по плану Неволина. Впослѣдствіи, однако, онъ отказался отъ этого предпріятія, именно по недостатку и неполнотѣ писцовыхъ книгъ, относящихся къ области бывшаго Бѣлозерскаго княжества, и вмѣсто того принялся за разработку географіи Псковскаго княжества. Труды эти были какъ бы продолженіемъ изслѣдованія Неволина. Къ сожалѣнію и многосложность занятій Коркунова, и болѣзненность его, а всего болѣе почтенная добросовѣстность, недозволявшая ему ни одной работы дѣлать, какъ говорится, съ плеча, на скоро, не позволили ему докончить ихъ, но положительно извѣстно,

что онъ, до послѣднихъ дней своей жизни, постоянно былъ занятъ мыслью о полнотѣ и тщательности разработки избранной имъ темы. Принимая постоянное и дѣятельное участіе въ занятіяхъ Общества по Отдѣленію Этнографіи, Коркуновъ всегда являлся основательнымъ цѣнителемъ доставлявшихся въ Общество разныхъ статей, особенно тѣхъ, въ которыхъ приводились выписки изъ разныхъ древнихъ документовъ. Въ этихъ случаяхъ онъ всегда умѣлъ опредѣлить и указать, въ чемъ именно заключается существенная важность какого-либо документа для занятій Общества и всегда высказывалъ желаніе пріобрѣтать для Общества болѣе подобныхъ документовъ. При разсмотрѣніи доставленныхъ въ Общество списковъ съ выписей изъ писцовыхъ и межевыхъ книгъ Суздальскаго уѣзда 1628—1654 г., Коркуновъ предлагалъ составить общій планъ изученія и разработки писцовыхъ книгъ. Д. Чл. Общества П. И. Ивановъ, инспекторъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, основательный практическій знатокъ старинной оффиціальной письменности и издатель разныхъ сочиненій палео-библіографическихъ, между прочимъ и „Обозрѣнія писцовыхъ книгъ по Новугороду и Пскову" (Москва, 1841, in 4°), почти немедленно по вступленіи своемъ въ члены Географическаго Общества въ 1850 г., началъ обращать вниманіе Общества на различные старинные документы, заключающіе въ себѣ географическія, статистическія и этнографическія свѣдѣнія. Самое первое его заявленіе было именно о томъ, что въ одномъ изъ завѣдываемыхъ имъ архивовъ онъ нашелъ подробныя описанія городовъ и уѣздовъ Московской губерніи, составленныя въ 1775—1777 годахъ, и вызывался принять на себя изготовленіе этихъ документовъ къ изданію, если только Общество признаетъ ихъ заслуживающими того и если снабдитъ его нѣкоторыми средствами къ снятію съ нихъ копій. Совѣтъ Общества разрѣшилъ выдать П. И. Иванову 120 р. на наемъ писца для снятія копій, какъ съ означенныхъ описаній городовъ и уѣздовъ Московской губерніи, такъ и съ другихъ географическо-статистическихъ матерьяловъ, которые заслуживали бы присылки въ Общество. Изданіе этихъ описаній до времени было, однако, отложено по недостатку денежныхъ средствъ.

Вскорѣ за тѣмъ П. И. Ивановъ доставилъ въ Общество копію съ писцовой книги города Казани и уѣзда, составленной въ 1566—1568 г., т. е. спустя 13—15 лѣтъ послѣ покоренія Казанскаго царства Іоанномъ Грознымъ.

Дѣйств. Членъ В. А. Милютинъ, принявшій на себя разсмотрѣніе этой книги, вызвался, на основаніи заключающихся въ ней свѣдѣній, составить подробное изслѣдованіе о топографіи и статистикѣ древней Казани. Въ то же время онъ представилъ Совѣту Общества свое мнѣніе, въ которомъ излагалъ, что „напечатаніе писцовыхъ книгъ принесло бы несомнѣнную пользу наукѣ, такъ какъ документы этого рода содержатъ въ себѣ множество важныхъ данныхъ не только для исторіи въ тѣсномъ смыслѣ, но также для географіи, этнографіи и статистики древней Россіи. Но съ другой стороны, при множествѣ писцовыхъ книгъ, дошедшихъ до нашего времени, кажется, совершенно безполезно печатать ихъ по одиночкѣ. Если бы Общество рѣшилось приступить къ

изданію *полнаго собранія* писцовыхъ книгъ, то оно оказало бы этимъ важную услугу наукѣ. Изданіе отдѣльныхъ писцовыхъ книгъ принесетъ весьма мало пользы, потому что доставитъ весьма немного любопытныхъ выводовъ. Такіе выводы могутъ быть дѣлаемы не иначе, какъ посредствомъ сличенія всѣхъ, или большей части писцовыхъ книгъ, относящихся къ одному времени и разнымъ мѣстностямъ, или, наоборотъ, къ одной мѣстности и разнымъ временамъ. Что же касается въ частности до Казанской Писцовой Книги, то печатать ее цѣликомъ тѣмъ безполезнѣе, что въ приготовленной о ней статьѣ сдѣланъ подробный обзоръ ея содержанія съ указаніемъ на всѣ ученые результаты, какіе только могутъ быть изъ нея выведены.

Тяжкая болѣзнь, безвременно приведшая В. А. Милютина къ могилѣ въ 1855 г., на 29 г. отъ роду, замедлила и вовсе прервала многія изъ его ученыхъ работъ. Но Милютинъ обладалъ драгоцѣннымъ талантомъ передавать свои убѣжденія и увлекать за собою способныхъ дѣятелей. Отъ того и самая смерть его не остановила многихъ ученыхъ предпріятій, которымъ положилъ онъ начало, или для которыхъ обдумывалъ онъ планы.

Вышеприведенный отзывъ Милютина о писцовыхъ книгахъ былъ сообщенъ П. И. Иванову. Послѣдній скоро предпринялъ обширный и въ высшей степени полезный трудъ, недостатокъ котораго былъ чувствуемъ въ наукѣ, — это именно описаніе писцовыхъ книгъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Главною задачею этого труда было соединеніе въ одно цѣлое всѣхъ разнообразныхъ и полезныхъ свѣдѣній, заключающихся въ писцовыхъ книгахъ. Для достиженія этой цѣли всѣмъ такимъ книгамъ первоначально былъ сдѣланъ списокъ, въ который онѣ внесены по алфавитному порядку описываемыхъ ими уѣздовъ. Затѣмъ, въ томъ же алфавитномъ порядкѣ, приступлено было къ самому ихъ описанію, то есть къ извлеченію изъ нихъ наиболѣе важныхъ свѣдѣній. Само собою разумѣется, что такое подробное описаніе стоило большихъ трудовъ и требовало строгой внимательности. Не смотря на то, работа подвигалась быстро, и къ концу 1852 года уже были описаны всѣ писцовыя книги отъ буквы А до К. Въ теченіе 1853 года П. И. Ивановъ продолжалъ ту-же работу и надѣялся совершенно закончить ее въ 1854 г. Въ то-же время онъ приступилъ къ составленію алфавитнаго указателя лицамъ, показаннымъ въ такъ-называемыхъ „сказкахъ генеральнаго двора". Алфавитъ этотъ расположилъ онъ такъ, чтобы онъ могъ служить къ означенію не только всѣхъ землевладѣльцевъ за извѣстный періодъ времени, но и самыхъ недвижимыхъ имѣній, которыми они владѣли, съ указаніемъ числа дворовъ въ каждомъ изъ нихъ. Но всѣ эти труды П. И. Иванова сдѣлались впрочемъ достояніемъ архивовъ, состоявшихъ въ его завѣдываніи, а Общество получало только извѣстія о ходѣ самыхъ работъ и перечневые списки разсмотрѣнныхъ писцовыхъ книгъ.

Но между тѣмъ и въ средѣ самаго Общества не преставала проводиться мысль о собираніи всякихъ древнихъ документовъ, которые могутъ

служить къ разъясненію древней географіи и топографіи Россіи. Писцовыя книги при этомъ постоянно выставлялись на первый планъ. Въ 1856 году члены Ревизіонной Коммиссіи (П. И. Кеппенъ, М. А. Коркуновъ, К. Д. Кавелинъ, К. И. Арсеньевъ, А. Н. Савичъ, А. В. Веневитиновъ и П. А. Шестаковъ), разсматривавшіе отчетъ Общества за 1855 годъ, заявили Совѣту слѣдующее желаніе: „Дорожа древнею географіею и топографіею Россіи, не лишне было бы извѣстить гг. помѣщиковъ, чрезъ повременныя изданія, что Общество будетъ принимать съ благодарностью вѣрные списки съ выписей изъ писцовыхъ и межевыхъ книгъ XV, XVI и XVII столѣтій“. Совѣтъ Общества, вполнѣ сочувствуя такому заявленію, (7 ноября 1856 г.) опредѣлилъ: „сдѣлать публикацію въ губернскихъ вѣдомостяхъ и столичныхъ журналахъ, по примѣру объявленныхъ отъ Общества программъ и другихъ приглашеній къ доставленію свѣдѣній“. Впрочемъ эта публикація ни къ чему не привела.

Другой важный, общеизвѣстный, но почти вовсе не изслѣдованный памятникъ географическихъ трудовъ нашихъ предковъ, такъ называемая „Книга Большаго Чертежа“ — была также предметомъ особенныхъ заботъ Отдѣленія Этнографіи, сколько въ отношеніи ея изданія въ новомъ, лучшемъ видѣ, столько же въ отношеніи разъясненія элементовъ, послужившихъ къ ея составленію и пріуроченія заключающихся въ ней данныхъ къ современному положенію и состоянію мѣстностей, упоминаемыхъ въ книгѣ.

Нѣтъ точныхъ свѣдѣній, когда составлена была древнѣйшая географическая карта Московскаго государства; но положительно извѣстно, что въ началѣ XVII вѣка въ Разрядѣ имѣлся „большой чертежъ всему Московскому государству по всѣ окрестныя государства, и въ томъ чертежѣ мѣра верстами и милями, и конскою ѣздою, сколько ѣхать станичною ѣздою на день, написано, и мѣра верстамъ положена“. Этотъ чертежъ, какъ составленный „давно при прежнихъ государяхъ“, избился весь и развалился и пришелъ въ такую ветхость, что „по немъ урочищъ смотрѣть было не можно“. Поэтому Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ (въ 1627 г.) повелѣлъ возобновить его, „примѣряясь къ тому старому чертежу, что уцѣлѣлъ отъ пожару“. Въ тоже время составленъ былъ и другой чертежъ „противъ разрядныя росписи отъ царствующаго града Москвы, Рязанскимъ и Сѣверскимъ и Польскимъ городамъ, и полю, и рѣкамъ и всѣмъ урочищамъ до Перекопи тремя дорогами, и Крымской Ордѣ новой сдѣланъ, и всякія урочища на чертежахъ противъ росписи и противъ стараго чертежу подписаны и на чертежахъ знаменемъ мѣра верстамъ положена“. Противъ этого чертежа велѣно было „и книгу написать, и въ книгѣ и въ чертежѣ знамя мѣрѣ верстамъ положить по прежнему, какъ была мѣра верстамъ знамемъ въ старомъ чертежѣ положена“.

Такъ произошла „Книга Большому Чертежу“. Отсюда очевидно, что книга эта составляла не болѣе, какъ объяснительный текстъ (дорожникъ) или перепись втораго чертежа, а самый чертежъ имѣлъ характеръ нынѣшнихъ маршрутныхъ картъ.

Самый чертежъ не сохранился или, по крайней мѣрѣ, доселѣ не отысканъ въ архивахъ и библіотекахъ (кромѣ „Чертежной Книги всей Сибири“ — Семена Ремезова); но объяснительный къ ней текстъ, т. е. „Книга Большаго Чертежа“ дошла до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ, важнѣйшіе варіанты, въ которыхъ существеннымъ образомъ происходятъ отъ того, что одни изъ списковъ относятся, по всей вѣроятности, прямо къ чертежу 1627 года, а другіе къ чертежу вновь исправленному и дополненному при Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ въ 1680 году.

Но если внимательно вчитываться въ текстъ Книги Большаго Чертежа, если сообразить заключающіяся въ немъ свѣдѣнія и самое расположеніе статей съ нѣкоторыми другими документами XVII и XVI столѣтія, то можно замѣтить признаки того, что первоначальный текстъ гораздо древнѣе 1627 года и даже ранѣе царствованія Ѳеодора Іоанновича (1584—1598), когда, какъ полагаютъ иные, составленъ первый чертежъ, о которомъ въ 1627 году сказано, что онъ „сдѣланъ былъ при прежнихъ государяхъ“ и „уцѣлѣлъ отъ пожара“.

Что чертежи частные существовали еще въ царствованіе Іоанна Грознаго, — объ этомъ имѣется много свидѣтельствъ, неподлежащихъ никакому сомнѣнію. Одно уже это обстоятельство позволяетъ предполагать: во 1-хъ то, что и общій чертежъ Московскаго государства могъ существовать тогда же; а во 2-хъ и то, что составленіе чертежей могло начаться гораздо раньше Іоанна Грознаго, быть можетъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ окончательно сложилось Московское государство въ концѣ XV вѣка, при Іоаннѣ III.

Всѣ эти вопросы, весьма любопытные и важные въ изслѣдованіи о степени географическихъ познаній нашихъ предковъ и о состояніи у нихъ картографіи, естественно должны были обратить на себя вниманіе ученаго Общества, избравшаго своею цѣлью собираніе, обработку и распространеніе въ Россіи географическихъ, этнографическихъ и статистическихъ свѣдѣній. Блистательный опытъ разработки древнихъ географическихъ документовъ, произведенный К. А. Неволинымъ, возбуждалъ надежды, что и всѣ недоумѣнія о книгѣ Большого Чертежа найдутъ себѣ опытнаго и вооруженнаго эрудиціею истолкователя и разъяснителя.

Мысль о необходимости разработки этого вопроса поднята была въ Отдѣленіи Этнографіи, гдѣ Предсѣдательствующій Н. И. Надеждинъ самъ посвящалъ много трудовъ на разъясненіе и возстановленіе древне-русской географической номенклатуры. Предложеніе Надеждина поддержано было его ученымъ другомъ К. А. Неволинымъ, голосъ котораго въ этомъ случаѣ, конечно, имѣлъ чрезвычайно важное значеніе.

Первоначальное намѣреніе клонилось къ тому только, чтобъ возстановить древнюю карту Россіи, по книгѣ Большаго Чертежа, т. е. пріурочить къ нынѣшнимъ картамъ всѣ географическія данныя, заключающіяся въ этой книгѣ. Подобную работу, конечно, возможно было исполнить коллективно, т. е. совмѣстными трудами цѣлаго Отдѣленія или нѣсколькихъ его членовъ; но когда также естественно возникло желаніе опредѣлить, по возможности,

источники, послужившіе для составленія „Большаго Чертежа“ и чрезъ это опредѣлить время первопачальнаго составленія карты и постепенно дѣлавшихся въ ней исправленій и пополненій,—то, само собою разумѣется, обнаружилось, что успѣхъ такого изслѣдованія возможенъ лишь тогда, когда одно какое-либо лицо возьмется за изслѣдованіе. Частныя розысканія въ подобныхъ случаяхъ получаютъ значеніе подготовительныхъ работъ, и какъ почти никогда не приводящія къ одному общему результату, требуютъ пересмотра, соглашенія между собою и группировки подъ однимъ взглядомъ. Въ ту пору никто изъ членовъ Общества не сознавалъ себя на столько готовымъ на такое дѣло, и потому Отдѣленіе Этнографіи пришло къ заключенію, что вопросъ объ изслѣдованіи „Книги Большаго Чертежа“ можно избрать задачею на конкурсъ.

Задача эта была формулирована Отдѣленіемъ Этнографіи и утверждена Совѣтомъ Общества, 23 февраля 1852 г., въ слѣдующемъ видѣ: „Возстановить по такъ называемой „Книгѣ Большаго Чертежа“ древнюю географическую карту Россіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ, для которыхъ книга эта въ свое время служила текстомъ“.

Для рѣшенія этой задачи требовалось:

1) Всѣ географическія данныя, содержащіяся въ Книгѣ Большому Чертежу пріурочить и нанести па карту, согласно указаніямъ самой книги.

2) Такъ какъ Большой Чертежъ былъ составленъ тогдашнимъ путямъ сообщенія внутри государства и съ сопредѣльными съ нимъ странами, то пути эти, какъ водяные, такъ и сухопутные, означить на картѣ со всей тщательностью и съ возможною точностью, на основаніи показанныхъ въ книгѣ урочищъ и разстояній.

3) Къ составленной, такимъ образомъ, картѣ приложить объяснительный текстъ, въ которомъ дать подробный отчетъ, какъ объ общихъ началахъ, такъ и о причинахъ, почему нанесенныя на нее данныя пріурочены такъ, а не иначе.

4) Присовокупить систематическую роспись всѣхъ положенныхъ на карту мѣстностей, въ порядкѣ, который обыкновенно употребляется въ географическихъ обозрѣніяхъ, или самый объяснительный текстъ расположить такъ, чтобы вышелъ родъ Географіи Россіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ, современный Большому Чертежу.

5) Сверхъ того выражалось желаніе, чтобы по возможности, изслѣдовано было происхожденіе и судьба самаго подлинника Большаго Чертежа и указано на источники, какіе могли служить для его составленія. Равнымъ образомъ признавалось полезнымъ коснуться вопроса: не былъ ли этотъ Чертежъ извѣстенъ иностраннымъ картографамъ XVII вѣка и не пользовались ли они имъ при составленіи своихъ картъ сѣверо-восточной Европы и Азіи? Въ особенности же поручалось обратить тщательное вниманіе, по крайней мѣрѣ, на то: въ какой степени данныя Большаго Чертежа согла-

суются или не согласуются съ картою, приписываемою царевичу Өеодору Борисовичу.

За вполнѣ удовлетворительное рѣшеніе этой задачи назначена была премія въ 300 рублей серебромъ. Срокъ доставленія отвѣтовъ полагался не позже 1 іюня 1853 года, то есть почти полтора года со времени объявленія програмы, которая напечатана была въ наиболѣе распространенныхъ столичныхъ газетахъ и журналахъ и во всѣхъ губернскихъ вѣдомостяхъ.

Когда же къ назначенному сроку не было представлено ни одного отвѣта, а запоздавшій на одинъ мѣсяцъ отвѣтъ былъ признанъ неудовлетворительнымъ, Совѣтъ Общества предложилъ премію еще на три года т. е. до 1856 г., увеличивъ ее до 500 руб.

Должно сказать, что Отдѣленіе, какъ при первоначальномъ объявленіи задачи о книгѣ Большаго Чертежа, такъ и въ эту пору, при возобновленіи конкурсу на нее, ожидало получить отвѣты, созданные не однимъ путемъ кабинетныхъ размышленій, но въ большей или меньшей степени провѣренные личными изъисканіями на мѣстахъ. Само собою разумѣется, что при этомъ невозможно было требовать, чтобы авторъ отвѣта провѣрилъ по наличности всѣ мѣстности, упоминаемыя въ книгѣ Большаго Чертежа, но, конечно, позволительно было желать, чтобы хоть нѣкоторыя показанія этой книги были разъяснены, подтверждены или опровергнуы на основаніи самоличнаго освидѣтельствованія урочищъ и разстояній. Въ этомъ случаѣ Отдѣленіе болѣе всего разсчитывало на любознательность иногородныхъ изъискателей русской старины. Такія надежды были, повидимому, не безосновательны, потому что изъ многихъ губерній постоянно сообщались въ Общество любопытныя и важныя замѣтки о различныхъ мѣстностяхъ, почему-либо замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи и слѣдовательно въ нѣкоторой степени, представляющія матерьялъ для объясненія книги Большаго Чертежа. Тѣмъ съ большею увѣренностью Отдѣленіе могло разсчитывать на иногородныхъ изслѣдователей, что въ эту самую пору двое изъ членовъ Общества, проживавшіе въ Воронежѣ, И. И. Второвъ и К. О. Александровъ-Дольникъ, издавая сборникъ Воронежскихъ актовъ (Древнія грамоты и другіе письменные памятники, касающіеся Воронежской губерніи и частью Азова, I—III; Воронежъ, 1851—1853; in 8), предприняли вмѣстѣ съ тѣмъ составленіе карты Воронежскаго края въ томъ положеніи, въ какомъ онъ находился въ XVII столѣтіи, съ показаніемъ тогдашнихъ городовъ, селеній, остроговъ, сторожъ, валовъ и другихъ укрѣпленій, путей, которыми Татары Крымскіе и Нагайскіе ходили на Русь и т. под. [1]). Различные „Указатели“, которыми сопровождался каждый томъ „Воронежскихъ Актовъ“ были не простыми обычными алфавитными перечнями „лицъ и мѣстностей, упоминаемыхъ въ актахъ“, но представляли почти полную географію и этнографію Россіи и ея государственный, общественный и экономическій строй въ томъ видѣ, въ какомъ они явились по этимъ самымъа ктамъ. Коротко сказать,

---

[1]) Отчетъ за 1851 г., стр. 40. Отчетъ за 1852 г., стр. 38.

въ трудѣ гг. Второва и Александрова-Дольника уже являлось отчасти осуществленіе того, что желалось Отдѣленіемъ имѣть исполненнымъ по отношенію къ книгѣ Большаго Чертежа (п. 4 програмы). Этотъ опытъ служилъ очевиднымъ доказательствомъ возможности исполненія програмы даже въ провинціи, гдѣ конечно не имѣется тѣхъ ученыхъ пособій, какими можетъ воспользоваться изслѣдователь въ столицѣ. Отдѣленіе, такъ сказать, почти было убѣждено, что отвѣты на задачу явятся изъ провинцій, тѣмъ болѣе, что доходили нѣкоторыя извѣстія о предпріятіяхъ подобнаго рода.

Къ назначенному сроку, въ августѣ 1856 г., на соисканіе премія представлена была рукопись подъ заглавіемъ: „Краткій очеркъ русской картографіи или объясненіе къ древней картѣ Московскаго Государства, извѣстной подъ названіемъ Большаго Чертежа".

Это была довольно обширная тетрадь на 185 нумерованныхъ листахъ in 4^0 и кромѣ того при ней была тетрадка на 32 особо нумерованныхъ страницахъ и еще 8 страницъ ненумерованныхъ. Къ этому тексту приложены были двѣ карты: одна на 6 большихъ листахъ, съ надписью „Большой Чертежъ всему Московскому Государству", а другая на 4 большихъ листахъ, съ заглавіемъ: „Дополнительная къ Большому Чертежу подробная карта отъ Москвы до Перекопа".

Коммиссія, по самомъ обстоятельномъ разсмотрѣніи труда, нашла его не вполнѣ удовлетворительнымъ и неоконченнымъ, а Совѣтъ согласился на продолженіе конкурса еще на два года. Такимъ образомъ стремленіе Общества возстановить „Большой Чертежъ" и издать писцовыя книги, остались недостигнутыми въ разсматриваемомъ періодѣ.

—

ГЛАВА XII.

Работы Общества въ Европейской Россіи по статистикѣ.

Первою заботою Географическаго Общества по отношенію къ статистикѣ въ разсматриваемомъ періодѣ было стараніе объ усовершенствованіи самой важной изъ государственныхъ статистическихъ операцій—*производства народныхъ переписей* или такъ называемыхъ въ то время *ревизій*. Надежду на участіе статистической науки въ дѣлѣ переписей подала Обществу возвѣщенная манифестомъ 23 янв. 1850 г. IX народная перепись (ревизія).

Ветеранъ русской статистики, академикъ Кеппенъ, еще въ истекшемъ періодѣ дѣятельности Общества добивался черезъ Академію Наукъ допущенія его, какъ представителя статистической науки, къ участію въ образуемой при Министерствѣ Финансовъ особой коммиссіи для обсужденія способовъ производства ревизіи, но предложеніе это встрѣтило полнѣйшій отказъ со стороны тогдашняго Министра Финансовъ графа Вронченко.

Въ виду такого отказа Предсѣдательствующій въ Статистическомъ Отдѣленіи Общества, А. П. Заблоцкій, внесъ 5 мая 1850 г. въ Совѣтъ Общества записку, въ которой, изъясняя важность для статистическихъ изслѣдованій точнаго опредѣленія количества народонаселенія, и указывая на разногласіе въ нашихъ оффиціальныхъ извѣстіяхъ о народонаселеніи однихъ и тѣхъ-же частей Имперіи, за одно и тоже время, находилъ необходимымъ, для полученія возможно вѣрныхъ свѣдѣній о числѣ жителей, принять, пользуясь производимою ревизіею, по крайней мѣрѣ слѣдующія мѣропріятія, не вмѣшиваясь въ производство самой ревизіи, а именно: открыть, по распоряженію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ каждой губерніи, подъ предсѣдательствомъ губернатора, временный комитетъ для опредѣленія числа жителей губерніи во время окончанія ревизіи; поручить ему озаботиться средствами, какія предоставлены закономъ, или какія указаны ему будутъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ ко времени окончанія ревизіи, собрать свѣдѣнія по уѣздамъ и городамъ о числѣ жителей, не входящихъ въ ревизію, а изъ свѣдѣній, такимъ образомъ собранныхъ и изъ ревизіи, составить общую о народонаселеніи губерніи вѣдомость и представить ее въ Министерство Внутрен-

нихъ Дѣлъ; форму же для вѣдомости А. П. Заблоцкій-Десятовскій полагалъ составить въ Обществѣ и при томъ сколь возможно упрощенную, придерживаясь только раздѣленія на главныя сословія; и наконецъ для избѣжанія запутанностей и отнесенія однѣхъ и тѣхъ-же лицъ къ разнымъ сословіямъ, вмѣстѣ съ формою, разослать наставленіе о томъ, какія званія должны быть отнесены къ какому разряду, какъ должны быть собираемы о нихъ свѣдѣнія и пр.

Совѣтъ, раздѣляя вполнѣ мнѣніе А. П. Заблоцкаго о важности какъ для статистики, такъ и для самаго Правительства точнаго по возможности опредѣленія числа жителей въ Имперіи и находя, что предлагаемыя для сего мѣры могли бы до нѣкоторой степени обезпечить достиженіе желанной цѣли, опредѣлилъ: препроводить копію съ записки Заблоцкаго на благоусмотрѣніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ, съ покорнѣйшею просьбою почтить Общество увѣдомленіемъ о тѣхъ распоряженіяхъ, которыя Его Сіятельство признаетъ удобнымъ и возможнымъ сдѣлать по настоящему предмету.

Ходатайство Совѣта Общества не привело, впрочемъ, ни къ какимъ результатамъ. Перепись была произведена Министерствомъ Финансовъ обычнымъ порядкомъ, а неподатныя сословія исчислены тѣмъ же порядкомъ на основаніи сословныхъ списковъ, которыя велись въ то время сословными учрежденіями не только небрежно, но и по существу своему неправильно, такъ какъ внесеніе въ дворянскіе списки лицъ принадлежащихъ къ мѣстному дворянству было факультативно и обусловливалось только желаніемъ лицъ, принадлежащихъ къ дворянскому сословію принимать участіе въ дворянскихъ выборахъ, а о внесеніи въ списки членовъ своихъ семействъ, по мѣрѣ ихъ рожденія, никто и не заботился, до тѣхъ поръ пока это внесеніе не становилось практическою необходимостью, для выправленія объ опредѣляемыхъ въ учебныя заведенія дѣтяхъ какихъ либо документовъ. Еще небрежнѣе велись сословные списки по отношенію къ семействамъ духовнаго и купеческаго сословій, а для непринадлежащихъ къ податнымъ сословіямъ, такъ называемыхъ разночинцевъ, и совсѣмъ не было никакой ни постоянной, ни періодической регистраціи.

Несмотря на это трудолюбивый и добросовѣстный П. И. Кеппенъ всетаки свелъ къ 1854 году въ итоги результаты IX ревизіи, давшіе для населенія Имперіи 66.700.000 жителей, приблизительно на $6^1/_2$ мил. болѣе противъ VIII ревизіи, по которой населеніе (съ Ц. Польскимъ и В. Кн. Финляндскимъ) немногимъ превышало 60 милліоновъ. Никакихъ сколько нибудь правильныхъ данныхъ о распредѣленіи этого населенія по семейному состоянію, возрасту, народностямъ, религіи, а тѣмъ болѣе занятіямъ и грамотности IX ревизія конечно не давала, да и самыя цифры населенія можно было считать достовѣрными только для податныхъ сословій (крестьянъ и мѣщанъ) мужскаго пола, т. е. для плательщиковъ подушной подати.

Въ концѣ 1856 года, какъ только возбудился вопросъ о предстоявшей

въ 1858 году X ревизіи, Общество сново подняло вопросъ объ улучшеніи народныхъ переписей.

Почтенный П. И. Кеппенъ обратился къ Августѣйшему Предсѣдателю Общества съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

„Будучи однимъ изъ учредителей Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, я осмѣливаюсь прибѣгнуть къ Вашему Императорскому Высочеству, какъ Предсѣдателю и Покровителю Общества и наукъ, имъ разработываемыхъ.

Познаніе Россіи, ея древностей, ея умственнаго развитія и гражданскаго быта, съ юныхъ лѣтъ были тѣ предметы, которымъ я посвящалъ жизнь свою. Какъ статистикъ, я уже при VIII и IX ревизіяхъ ходатайствовалъ о производствѣ оныхъ порядкомъ, хотя нѣсколько болѣе соотвѣтствующимъ требованіямъ науки. Тогда, къ сожалѣнію, представленія мои были тщетны. Теперь, доживъ до Высочайшаго повелѣнія о новой десятой народной переписи, я, въ упованіи на большее на сей разъ счастіе, считаю долгомъ всепокорнѣйше просить Ваше Высочество о дарованіи сему важному предмету Милостиваго вниманія, исходатайствовавъ, чтобы и отъ Географическаго Общества былъ кто-либо назначенъ въ Члены Коммиссіи, которая, судя по прежнимъ примѣрамъ, имѣетъ учредиться при Министерствѣ Финансовъ для составленія правилъ и формъ предстоящей ревизіи, и въ составъ которой обыкновенно входятъ также чиновники, отряжаемые отъ Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ“.

Письмо это передано было Августѣйшимъ Предсѣдателемъ въ Совѣтъ Общества съ порученіемъ представить соображенія по сему предмету, при чемъ Великій Князь выразилъ, что Онъ готовъ содѣйствовать всѣми зависящими отъ Него способами полезнымъ предположеніямъ Кеппена.

Соображенія, представленныя П. И. Кеппеномъ Совѣту Общества, заключались въ слѣдующемъ:

Точное познаніе числа и состава населенія служитъ основаніемъ всѣхъ статистическихъ изслѣдованій. Наука опирается на основныхъ данныхъ объ этомъ предметѣ для вывода всѣхъ дальнѣйшихъ соображеній и законовъ общественныхъ явленій. По этому счисленіе жителей и правильное производство его составляетъ вездѣ самый важный предметъ вниманія не только статистики, какъ науки, но и администраціи. Производство народосчисленія и точность результатовъ его вездѣ въ то же время выражаютъ собою степень развитія науки и гражданскихъ успѣховъ. Въ нашемъ отечествѣ единственнымъ источникомъ для познанія о числѣ населенія и составныхъ его частей служатъ ревизіи или народныя переписи, производимыя по вѣдомству Министерства Финансовъ. Эта административная мѣра имѣетъ главнѣйше въ виду свою особенную финансовую цѣль, или точное опредѣленіе числа лицъ, составляющихъ податныя сословія, несущія государственныя подати и повинности. Исчисленіе всѣхъ прочихъ состояній, вносимыхъ въ ревизіи для одного только счета, производится весьма неопре-

дѣленно и такимъ образомъ общіе результаты ревизіи не представляютъ собою прочнаго матеріала для науки. Обращая вниманіе главнѣйше на интересы послѣдней, нельзя не желать введенія у насъ такого народоисчисленія, которое удовлетворяло бы не только одной фискальной цѣли, но и всѣмъ прочимъ разнообразнымъ потребностямъ науки и самой администраціи, въ знаніи точнаго числа жителей всѣхъ сословій безъ исключеній, этнографическаго состава, и естественнаго и гражданскаго состоянія всѣхъ лицъ того и другаго пола. При собираніи данныхъ о семъ предметѣ путемъ ревизіи, наукѣ представляется за настоящее время способъ къ достиженію своей цѣли, связать свои изысканія съ производствомъ ревизіи на основаніяхъ, существующихъ въ настоящее время въ нашемъ отечествѣ.

Вслѣдствіе сихъ соображеній Академикъ П. И. Кеппенъ полагалъ, что при производствѣ X ревизіи возможно было бы включить въ ревизскія сказки нѣкоторыя новыя означенія подробностей, которыя могли бы хотя въ нѣкоторой степени отвѣтствовать потребностямъ науки. Съ этою цѣлію, Д. Чл. Кеппенъ обращался съ просьбою къ Его Высочеству объ исходатайствованіи, чтобы въ означенную Коммиссію былъ допущенъ представитель Общества для предъявленія, при сужденіяхъ о новой ревизіи, потребностей статистической науки и предложилъ и новую форму переписныхъ вѣдомостей, въ которую включилъ, кромѣ находившихся въ ней показаній о полѣ, возрастѣ и семейномъ состояніи, еще свѣдѣнія о народности, вѣроисповѣданіи, грамотности и занятіяхъ лицъ, вносимыхъ въ переписныя вѣдомости.

Совѣтъ, находя мысль почтеннаго академика вполнѣ заслуживающею внимательнаго обсужденія, и, раздѣляя мнѣніе его о недостаточности современныхъ данныхъ объ этомъ основномъ вопросѣ науки, выразилъ мнѣніе, что главное затрудненіе къ надлежащему достиженію цѣли состоитъ въ способѣ практическаго примѣненія ревизій къ интересамъ науки. Собираніе свѣдѣній въ желаемой подробности, при всей своей настоятельности для успѣховъ науки и для пользы самой администраціи, составляетъ само по себѣ дѣло весьма трудное, при маломъ распространеніи грамотности, въ большинствѣ населенія и при недостаточной образованности лицъ, занимающихся составленіемъ такъ называемыхъ ревизскихъ сказокъ. Удовлетворительные отвѣты на всѣ вопросы, предлагаемые наукою, превзойдутъ современныя силы исполненія. Но кромѣ того, самое приведеніе собранныхъ переписью данныхъ въ порядокъ и извлеченіе изъ нихъ общихъ результатовъ составляетъ такой громадный трудъ, за который врядъ-ли могутъ взяться наши административныя учрежденія какъ по множеству исполнительныхъ [illegible], такъ и по недостаточному [illegible] въ томъ, что [illegible] произвести только [illegible] удовлетворительно сводку [illegible] полученныхъ вѣдомостями (ревизскими сказками) данныхъ, въ [illegible] той тщательностью, которой требуетъ наука и безъ которой разработка переписи (dépouillement) не можетъ привести къ удовлетворительнымъ результатамъ. Во всякомъ случаѣ Совѣтъ Общества, желая содѣй-

ствовать полезной мысли своего сочлена опредѣлилъ войти въ сношеніе съ Министромъ Финансовъ о допущеніи въ Коммиссію, учрежденную для составленія формъ ревизскихъ сказокъ и производства переписи одного изъ членовъ Общества для заявленія потребностей науки, которымъ могла бы удовлетворить X ревизія. Между тѣмъ въ самомъ Обществѣ Совѣтъ нашелъ полезнымъ составить особую Коммисію для ближайшаго обсужденія какъ способовъ достиженія цѣли статистическихъ изслѣдованій о населеніи, а также и средствъ для обработки получаемыхъ при ревизіи данныхъ такимъ образомъ, чтобы собираніе свѣдѣній не оставалось матерьяломъ, не приносящимъ ни какой пользы для науки.

Приглашая въ эту Коммиссію Дѣйствительныхъ Членовъ: П. И. Кеппена, Ю. А. Гагемейстера, К. С. Весловскаго, В. П. Безобразова и Е. И. Ламанскаго, Совѣтъ просилъ ихъ заняться всестороннимъ разсмотрѣніемъ вопроса о народоисчисленіи и сообразить практическіе способы исполненія этой потребности науки съ современными условіями производства ревизіи.

На отношеніе Вице-Предсѣдателя Общества получился слѣдующій отвѣтъ тогдашняго Министра Финансовъ Брока.

„Войдя въ подробное разсмотрѣніе ходатайства Географическаго Общества, я нахожу, что вся важность работъ учрежденной при Министерствѣ Финансовъ Коммиссіи заключается въ такомъ направленіи порученнаго ей дѣла, которое могло бы облегчить и ускорить производство новой народной переписи. Для достиженія сего Коммиссіи необходимо упростить до крайности порядокъ составленія, подачи и повѣрки ревизскихъ сказокъ. Посему, если, при предстоящей новой народной переписи, сверхъ показаній, которыми обыкновенно ограничиваются ревизскія сказки, требовать еще, чтобы въ нихъ были помѣщаемы или же отдѣльно представляемы какія либо статистическія или другія, собственно до ревизіи не относящіяся, свѣдѣнія, то требованіе таковое, особенно при безграмотствѣ большей части сказкоподавателей, въ однѣхъ мѣстахъ оставалось бы вовсе неудовлетвореннымъ, а въ другихъ имѣло бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ особыя издержки обществъ и остановку въ окончаніи переписи въ назначенный для нея срокъ.

По симъ соображеніямъ, я нахожу съ моей стороны, что назначеніе Члена Географическаго Общества въ составъ Коммиссіи, учрежденной для начертанія правилъ о X народной переписи, не принесло бы существенной пользы, такъ какъ Коммиссія, обязанная озаботиться объ упрощеніи всѣхъ формъ и обрядовъ для успѣшнаго окончанія ревизіи, не можетъ, безъ уклоненія отъ сей важной цѣли, принимать предложенія, собственно до науки относящіяся“.

По выслушаніи этого отвѣта, также какъ и мнѣнія назначенной имъ Коммиссіи, Совѣтъ Общества пришелъ къ слѣдующимъ соображеніямъ. Данныя о народонаселеніи Россіи, получаемыя изъ существующихъ перечневыхъ вѣдо-

мостей ревизіи, крайне неудовлетворительны. Наука не можетъ довольствоваться ими въ справедливыхъ своихъ требованіяхъ точности и опредѣлительности отъ свѣдѣній о такомъ основномъ предметѣ, какъ народонаселеніе. Полученіе данныхъ о немъ, путемъ ли прежнихъ ревизій, или другими способами, составляетъ безспорно вопросъ первѣйшей необходимости. Разрѣшеніе его существенно для статистики, ибо она оставаясь безъ него, какъ безъ прочнаго для себя основанія, не можетъ съ увѣренностію продолжать своихъ изслѣдованій о многихъ другихъ предметахъ общественной жизни, которые неразрывно связаны съ познаніемъ населенія не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніяхъ. Но несравненно болѣе значенія этотъ же вопросъ имѣетъ въ отношеніи къ административнымъ потребностямъ, изъ которыхъ всѣ одинаково удовлетворялись бы, со всею желаемою полнотою, при существованіи точныхъ свѣдѣній о населеніи. Важность этого рода свѣдѣній сознается всѣми европейскими государствами до такой степени, что собираніе ихъ составляетъ тамъ одну изъ главныхъ заботъ Правительствъ, прилагающихъ всевозможныя старанія, пособія науки и большія денежныя средства къ полученію подробныхъ данныхъ о населеніи. Въ нашемъ отечествѣ свѣдѣнія о количествѣ населенія связаны съ производствомъ переписи, которая имѣетъ только свою исключительную цѣль: опредѣлить число лицъ, платящихъ прямыя подати или отправляющихъ повинности извѣстнаго рода, словомъ единственно *число податнаго населенія*, подлежащаго ревизіи. По этому и результатъ переписи удовлетворяетъ одной только этой фискальной цѣли, а именно: опредѣляетъ съ *точностью* лишь общее число лицъ мужскаго пола, приписанныхъ къ тому или другому мѣсту, по которому они отправляютъ свои подати и повинности, а не всего наличнаго народонаселенія Имперіи.

Кромѣ этихъ данныхъ, ревизія не сообщаетъ *никакихъ* точныхъ свѣдѣній о населеніи: ни о числѣ даже податныхъ лицъ по мѣсту ихъ дѣйствительнаго жительства (а не приписки), ни о лицахъ прочихъ сословій, ни о составѣ населенія (по семейному состоянію, возрасту, сословіямъ, вѣроисповѣданіямъ, народностямъ, занятіямъ, грамотности и пр.).

По этимъ вопросамъ наука не можетъ получать отвѣтовъ ни изъ какихъ другихъ источниковъ, кромѣ тщательнаго *народоисчисленія*, котораго по сіе время не существуетъ въ нашемъ отечествѣ. Рядомъ съ этимъ, усматривая изъ отзыва Министра Финансовъ, что онъ полагаетъ главнымъ условіемъ успѣха въ производствѣ предстоящей X ревизіи быстрое ея окончаніе и отстраненіе отъ нея всякихъ, къ наукѣ относящихся свѣдѣній, Совѣтъ призналъ, съ своей стороны, уважительнымъ отступиться отъ ходатайства своего у Министерства Финансовъ о какомъ бы то ни было распространеніи статистическихъ изслѣдованій при производствѣ ревизіи.

Мысль, выраженную Коммиссіею Общества, о томъ, чтобы при ревизіяхъ собираемы были свѣдѣнія о податныхъ сословіяхъ, по прежнему порядку въ Министерствѣ Финансовъ, но лишь съ болѣе соотвѣтствующею потребностямъ науки подробностью, а о прочихъ сословіяхъ по вѣдомству Министерства Вну-

треннихъ Дѣлъ и въ тѣ же сроки, когда производится ревизія,—Совѣтъ Общества призналъ неудобоисполнимою.

Раздвоеніе переписи между двумя вѣдомствами, изъ которыхъ одно преслѣдовало бы фискальныя, а другое административныя цѣли, при неизбѣжномъ въ такомъ случаѣ различіи пріемовъ, не могли бы дать ни малѣйшей возможности къ общему согласованію полученныхъ данныхъ и соединенію въ одинъ итогъ.

Податныя сословія и прочія, входящія въ ревизію, означались у насъ въ ревизскихъ сказкахъ по мѣсту приписки; всѣ же прочія могли бы быть означаемы, при содѣйствіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, только по мѣсту жительства, такъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ сословій никуда не приписаны; другія же подверглись бы двойному и тройному счету, какъ напр. помѣстные дворяне, записанные въ разныя дворянскія книги, по владѣнію имѣніями въ нѣсколькихъ губерніяхъ. Такимъ образомъ, при соединеніи полученныхъ изъ двухъ разныхъ источниковъ свѣдѣній, необходимо оказались бы лишнія повторенія однихъ и тѣхъ же лицъ въ разныхъ мѣстахъ, полный пропускъ другихъ, и самыя данныя о населеніи не имѣли бы одинаковаго достоинства въ способѣ ихъ собиранія.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ Совѣтъ, сохраняя тѣмъ не менѣе полное убѣжденіе въ необходимости знанія числа и состава населенія въ той подробности, какъ указываютъ на то современныя потребности и науки и администраціи, пришелъ къ мысли, что изслѣдованія о населеніи необходимо совершенно отдѣлить отъ всѣхъ частныхъ мѣръ, которыми нынѣ приводятся въ извѣстность тѣ или другія его части, какъ наприм. отъ ревизій податныхъ сословій, и, обсудивъ вопросъ о познаніи населенія въ обширномъ его значеніи, какъ отдѣльную задачу, подлежащую разрѣшенію на общую пользу,—возложить самое производство переписей и разработку ихъ результатовъ на спеціальныя учрежденія административной статистики. При такихъ только условіяхъ изслѣдованія о населеніи представятъ и болѣе возможности къ введенію ихъ въ практическую жизнь. Наукѣ остается лишь, въ этомъ случаѣ, изложить важность значенія точныхъ данныхъ о населеніи и эта важность, еще болѣе цѣнная въ отношеніи къ практическимъ мѣрамъ по государственному управленію, послужитъ, при просвѣщенномъ участіи высшей администраціи, поводомъ къ обсужденію этого вопроса во всей его обширности порядкомъ, наиболѣе обѣщающимъ успѣха въ его разрѣшеніи.

Одно Географическое Общество или даже всѣ ученыя учрежденія, занимающіяся статистикой, не могутъ достичь своей цѣли въ этомъ отношеніи до тѣхъ поръ, *пока само правительство не приметъ законодательныхъ мѣръ къ производству общаго и подробнаго народоисчисленія по всей Имперіи.*

Этою общею мѣрою удовлетворялись бы въ такомъ случаѣ во-1-хъ, всѣ разнообразныя потребности администраціи, для которыхъ въ настоящее время употребляются многочисленные способы къ познанію тѣхъ или другихъ сторонъ населенія, какъ наприм. ревизія, полицейскія вѣдомости о жителяхъ, епархіаль-

9

маго періода до кончины Надеждина его Помощникомъ, старался продолжать начатое такъ успѣшно Н. И. Надеждинымъ, но все же работы и предпріятія самаго Срезневскаго имѣли нѣсколько иной оттѣнокъ, такъ какъ онъ интересовался болѣе лингвистическою и историческою стороною народной жизни, чѣмъ бытовою.

Еще въ 1852 г. Из. Ив. Срезневскій, замѣтилъ, что въ числѣ этнографическихъ свѣдѣній, присылаемыхъ Обществу, встрѣчается не мало любопытныхъ данныхъ, относящихся собственно до этнографической лингвистики и предложилъ критически разработать сообщенные Обществу лингвистическіе матерьялы и, присоединивъ къ нимъ собственное богатое собраніе подобныхъ же матерьяловъ, издать ихъ въ видѣ особаго сборника, подъ именемъ „Памятниковъ народнаго русскаго языка и словесности“. Въ составъ этого сборника, по предначертанному Отдѣленіемъ Этнографіи плану, должны были войти: 1) матерьялы для географіи русскаго языка, съ объясненіемъ особенностей и съ приведеніемъ образцовъ областнаго говора; 2) народныя русскія пѣсни, былины и другіе памятники народной словесности, въ подлинномъ, изъ устъ народа подслушанномъ видѣ, и 3) словари народнаго русскаго языка по различнымъ его нарѣчіямъ. Срезневскій приступилъ даже къ печатанію первой части предположеннаго сборника въ 1853 году.

Затѣмъ, уже сдѣлавшись Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи, Из. Ив. Срезневскій, въ 1856 году, внесъ въ Отдѣленіе свое предложеніе о пользѣ и необходимости изданія матерьяловъ для этнографическаго словаря русскаго языка. Побудительной причиной къ тому было, что въ изданный Академіею Наукъ „Областной Словарь“ вошли только общія объясненія словъ, безъ подробностей этнографическихъ. Изданіе этихъ матерьяловъ предположено соединить съ изданіемъ „Памятниковъ Русскаго Языка“. Редакцію ихъ принялъ на себя самъ Из. И. Срезневскій, но трудъ этотъ оконченъ и изданъ не былъ. Независимо отъ этого въ 1856 г. Предсѣдательствующій занимался систематическимъ распредѣленіемъ „Матерьяловъ для словаря народной географической терминологіи“. Множество поступающихъ въ Отдѣленіе статей, преимущественно посвященныхъ описанію инородцевъ, привели Отдѣленіе къ убѣжденію въ необходимости составленія особой программы такихъ описаній, подобно тому какъ составлена программа для этнографическихъ описаній славянскаго населенія разныхъ губерній. Съ этою цѣлью члены П. С. Савельевъ, П. И. Савваитовъ и всѣ прочіе, спеціально знакомые съ бытомъ и языкомъ многихъ инородцевъ, приглашены были составить такую программу. Вмѣстѣ съ этимъ поручено тѣмъ же членамъ разсмотрѣть подробно скопившіяся въ значительномъ количествѣ свѣдѣнія о Мордвѣ и приготовить ихъ къ изданію въ настоящемъ своемъ видѣ или въ извлеченіяхъ, или составить изъ нихъ систематическую монографію.

Наконецъ въ 1856 г. Совѣтъ оказалъ ученое и денежное содѣйствіе молодому ученому Европеусу, съ жаромъ посвятившему себя изученію соплеменной ему финской народности. Съ пособіемъ отъ Общества, Евро-

пеусъ предпринялъ путешествіе къ отдаленнымъ предѣламъ Терскаго берега Лапландіи, для филологическихъ и археологическихъ изслѣдованій, и вмѣстѣ съ тѣмъ взялъ на себя порученіе Совѣта доставлять въ Общество географическія и этнографическія свѣдѣнія о посѣщенныхъ имъ мѣстностяхъ. Въ своемъ путешествіи Европеусъ нашелъ разныя отрасли финскаго племени, отличающіяся особенными странностями нарѣчія и наводящія на разныя новыя заключенія, относительно сродства этого племени съ прочими человѣческими племенами.

Отдѣленіе Этнографіи въ разсматриваемомъ періодѣ обращало также особенное вниманіе и на историческую географію Россіи.

Принимая въ соображеніе что въ древней русской письменности, кромѣ лѣтописей, существуютъ два чрезвычайно важные источника историко-географическихъ свѣдѣній,—это обширный циклъ такъ называемыхъ „Писцовыхъ книгъ“ (во всѣхъ ихъ видоизмѣненіяхъ: писцовыя, переписныя, сдаточныя, объѣздныя, дозорныя, засѣчныя, межевыя, и т. п.) и „Книга Большаго Чертежа“. Географическое Общество обратило особое вниманіе на изученіе и разработку этихъ важнѣйшихъ матерьяловъ.

Уже въ предшедшемъ періодѣ А. П. Заблоцкій-Десятовской (въ Общемъ Собраніи 5 февраля 1847 г.) указывалъ на писцовыя книги, какъ на „драгоцѣннѣйшій матерьялъ для познанія внутренняго состоянія многихъ мѣстностей“.

Важность писцовыхъ книгъ для познанія древней, а слѣдовательно и нынѣшней Россіи давно образовала между людьми, которые имѣли случай обращаться съ ними, убѣжденіе въ необходимости изданія ихъ въ печати, чтобы каждый могъ пользоваться ими при своихъ ученыхъ изысканіяхъ.

К. А. Неволинъ, по званію члена Географическаго Общества, еще въ 1847 году, вызвался написать статью: „О важности писцовыхъ книгъ для древней географіи Россіи“ и для того просилъ Общество войти въ сношеніе съ Главнымъ Архивомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ о доставленіи древнѣйшихъ писцовыхъ Новгородскихъ книгъ, бывшихъ, какъ извѣстно, въ рукахъ Карамзина.

Совѣтъ Общества, съ полною готовностью, исполнилъ просьбу своего сочлена и получилъ изъ архива три тома писцовыхъ книгъ, относящихся къ Вотьской и Деревской пятинамъ. При чтеніи ихъ у Неволина „мало по малу образовалась мысль—начертать карту пятинъ и погостовъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ“, къ исполненію чего онъ немедленно и приступилъ. Но для удовлетворительнаго, сколько-нибудь, разрѣшенія этой задачи было слишкомъ недостаточно трехъ поименованныхъ томовъ писцовыхъ книгъ. Поэтому, Совѣтъ Общества, по новому представленію Неволина, въ 1851 году получилъ еще 15 томовъ писцовыхъ Новгородскихъ книгъ, хранившихся въ архивѣ Вотчиннаго Департамента, состоящаго при Московскихъ Департаментахъ Правительствующаго Сената. Съ полученіемъ этихъ книгъ,

работа Неволина, по составленію предположенной карты древнихъ Новгородскихъ пятинъ, пошла безостановочно и окончена была въ исходѣ 1851 г.

Совѣтъ Общества, находя, что этотъ трудъ можетъ быть поставленъ на ряду съ лучшими изслѣдованіями въ области исторической географіи, присудилъ К. А. Неволину въ 1852 г. Константиновскую медаль. Вмѣстѣ съ этимъ постановлено было напечатать объяснительный текстъ къ этой картѣ, со всѣми приложеніями. Обширный этотъ трудъ, подъ заглавіемъ: „О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ", составилъ VIII-й томъ „Записокъ" Общества, изданный подъ редакціею самого автора въ 1853 году, съ картою въ масштабѣ 40 верстъ въ дюймѣ.

„Карта пятинъ", по выраженію самого Неволина, составляла „средоточіе" всего его обширнаго изслѣдованія, которое служитъ только къ поясненію и оправданію самой карты.

Работу свою Неволинъ исполнилъ въ самомъ строгомъ порядкѣ, необыкновенной полнотѣ и съ безукоризненною добросовѣстностью. Съ такою же тщательностью и отчетливостью онъ изучилъ писцовыя книги и другіе памятники древней Новгородской исторіи, и, на основаніи собранныхъ и разработанныхъ имъ данныхъ, изобразилъ географическое положеніе Новгородской области въ концѣ XV и въ началѣ XVI столѣтій, избравъ этотъ періодъ потому, что именно въ теченіе его „область пятинъ сохраняла наибольшее пространство, какое она имѣла по историческимъ извѣстіямъ". Взявъ въ основу раздѣленіе Новгородской области на „пятины", Неволинъ прослѣдилъ его по писцовымъ книгамъ, которымъ оно также служило основою, и съ точностью обозначилъ границы не только каждой пятины, но и каждаго изъ многочисленныхъ погостовъ, изъ которыхъ эти пятины состояли. Предѣлы пятинъ, по выраженію Н. И. Надеждина, дотолѣ составляли историко-географическую проблему, а Неволинъ привелъ ихъ въ положительную извѣстность. Въ этомъ отношеніи изслѣдованіе Неволина безспорно явилось важною заслугою для исторической географіи Россіи. Обнародованіе его карты, по справедливому и оправдавшемуся ожиданію Географическаго Общества, не только должно было пролить новый свѣтъ на исторію и древнюю географію Русскаго Сѣвера, но и послужить также превосходнымъ образцомъ для будущихъ дѣятелей на этомъ обширномъ, но еще весьма мало разработанномъ, полѣ.

Изслѣдованіе Неволина „О пятинахъ" обратило и привлекло дѣятельность многихъ членовъ Общества на разработку другихъ писцовыхъ книгъ по тому же самому плану и вообще на старинные и древніе памятники письменности, такъ или иначе имѣвшіе отношеніе къ кругу ученой дѣятельности Общества.

Такъ, когда въ 1850 г. Членъ-Сотрудникъ Общества И. Н. Царскій — извѣстный обладатель драгоцѣннаго собранія древнихъ рукописей — доставилъ въ Общество копію съ имѣющейся у него „таблицы сошнаго письма",—то Почетный Членъ Общества гр. Д. Н. Блудовъ напечаталъ

на свой счетъ этотъ малоизвѣстный, весьма любопытный и важный документъ, заключающій въ себѣ общій сводъ существовавшихъ въ нашемъ отечествѣ, еще въ XVII столѣтіи, правилъ для описанія и оцѣнки поземельныхъ угодій. Совѣтъ Общества изъявилъ гр. Блудову свою признательность за оказанное имъ просвѣщенное содѣйствіе трудамъ Общества, а Дѣйств. Чл. И. Д. Бѣляевъ по этому поводу обѣщалъ представить Обществу полный „Обзоръ книгъ сошнаго письма“. Къ сожалѣнію, это обѣщаніе осталось неисполненнымъ.

Нѣкоторые изъ членовъ Общества прямо доставляли разныя поясненія и выписки изъ древнихъ документовъ, относящіяся къ Новгородской области. Напримѣръ, изъ Новгорода отъ Члена-Сотрудника Купріянова, какъ матерьялы для исторической географіи и исторической статистики Новгорода и его области, доставлены были копіи и выписки изъ разныхъ документовъ XIV, XV, XVII и начала XVIII столѣтій, при чемъ было замѣчено: „Изъ этихъ матерьяловъ, конечно, нельзя еще вывести положительныхъ результатовъ о степени населенности Новгородской области, да едвали и будетъ рѣшенъ этотъ вопросъ ранѣе, чѣмъ будутъ изданы старинныя писцовыя книги“.

Независимо отъ этого стали доставляться въ Общество и другія статьи, имѣвшія историко-географическое содержаніе, что служило яснымъ доказательствомъ живаго возбужденія интереса къ изученію древней географіи Россіи. Это обстоятельство и было причиною тому, что Совѣтъ Общества, предпринимая въ 1851 году издавать „Вѣстникъ“, ввелъ въ его программу (согласно представленію Дѣйств. Чл. А. А. Краевскаго), особый отдѣлъ: Географіи Исторической и Исторіи Географіи. Впослѣдствіи времени программа Вѣстника подверглась нѣкоторому измѣненію; отдѣлъ „Исторической Географіи“ прекратился, тѣмъ не менѣе въ продолженіе десятилѣтняго (1851—1860) періода изданія, на страницахъ тридцати объемистыхъ томовъ этого органа Общества, весьма нерѣдко помѣщались какъ изслѣдованія, такъ документы и разныя сообщенія, относящіяся прямо къ Исторической Географіи.

Но всего важнѣе послѣдствія труда Неволина оказались по отношенію разработки самыхъ писцовыхъ книгъ и рѣшенія вопроса объ изданіи ихъ.

Одинъ изъ глубокихъ знатоковъ русскихъ лѣтописей и древностей, академикъ М. А. Коркуновъ, поступившій въ 1850 г. въ члены Географическаго Общества — заявилъ Обществу, что онъ намѣренъ разработать географію древняго Бѣлозерскаго княжества, также по плану Неволина. Впослѣдствіи, однако, онъ отказался отъ этого предпріятія, именно по недостатку и неполнотѣ писцовыхъ книгъ, относящихся къ области бывшаго Бѣлозерскаго княжества, и вмѣсто того принялся за разработку географіи Псковскаго княжества. Труды эти были какъ бы продолженіемъ изслѣдованія Неволина. Къ сожалѣнію и многосложность занятій Коркунова, и болѣзненность его, а всего болѣе почтенная добросовѣстность, недозволявшая ему ни одной работы дѣлать, какъ говорится, съ плеча, на скоро, не позволили ему докончить ихъ, но положительно извѣстно,

что онъ, до послѣднихъ дней своей жизни, постоянно былъ занятъ мыслью о полнотѣ и тщательности разработки избранной имъ темы. Принимая постоянное и дѣятельное участіе въ занятіяхъ Общества по Отдѣленію Этнографіи, Коркуновъ всегда являлся основательнымъ цѣнителемъ доставлявшихся въ Общество разныхъ статей, особенно тѣхъ, въ которыхъ приводились выписки изъ разныхъ древнихъ документовъ. Въ этихъ случаяхъ онъ всегда умѣлъ опредѣлить и указать, въ чемъ именно заключается существенная важность какого-либо документа для занятій Общества и всегда высказывалъ желаніе пріобрѣтать для Общества болѣе подобныхъ документовъ. При разсмотрѣніи доставленныхъ въ Общество списковъ съ выписей изъ писцовыхъ и межевыхъ книгъ Суздальскаго уѣзда 1628—1654 г., Коркуновъ предлагалъ составить общій планъ изученія и разработки писцовыхъ книгъ. Д. Чл. Общества П. И. Ивановъ, инспекторъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, основательный практическій знатокъ старинной оффиціальной письменности и издатель разныхъ сочиненій палео-библіографическихъ, между прочимъ и „Обозрѣнія писцовыхъ книгъ по Новугороду и Пскову“ (Москва, 1841, in 4°), почти немедленно по вступленіи своемъ въ члены Географическаго Общества въ 1850 г., началъ обращать вниманіе Общества на различные старинные документы, заключающіе въ себѣ географическія, статистическія и этнографическія свѣдѣнія. Самое первое его заявленіе было именно о томъ, что въ одномъ изъ завѣдываемыхъ имъ архивовъ онъ нашелъ подробныя описанія городовъ и уѣздовъ Московской губерніи, составленныя въ 1775—1777 годахъ, и вызывался принять на себя изготовленіе этихъ документовъ къ изданію, если только Общество признаетъ ихъ заслуживающими того и если снабдитъ его нѣкоторыми средствами къ снятію съ нихъ копій. Совѣтъ Общества разрѣшилъ выдать П. И. Иванову 120 р. на наемъ писца для снятія копій, какъ съ означенныхъ описаній городовъ и уѣздовъ Московской губерніи, такъ и съ другихъ географическо-статистическихъ матерьяловъ, которые заслуживали бы присылки въ Общество. Изданіе этихъ описаній до времени было, однако, отложено по недостатку денежныхъ средствъ.

Вскорѣ за тѣмъ П. И. Ивановъ доставилъ въ Общество копію съ писцовой книги города Казани и уѣзда, составленной въ 1566—1568 г., т. е. спустя 13—15 лѣтъ послѣ покоренія Казанскаго царства Іоанномъ Грознымъ.

Дѣйств. Членъ В. А. Милютинъ, принявшій на себя разсмотрѣніе этой книги, вызвался, на основаніи заключающихся въ ней свѣдѣній, составить подробное изслѣдованіе о топографіи и статистикѣ древней Казани. Въ то же время онъ представилъ Совѣту Общества свое мнѣніе, въ которомъ излагалъ, что „напечатаніе писцовыхъ книгъ принесло бы несомнѣнную пользу наукѣ, такъ какъ документы этого рода содержатъ въ себѣ множество важныхъ данныхъ не только для исторіи въ тѣсномъ смыслѣ, но также для географіи, этнографіи и статистики древней Россіи. Но съ другой стороны, при множествѣ писцовыхъ книгъ, дошедшихъ до нашего времени, кажется, совершенно безполезно печатать ихъ по одиночкѣ. Если бы Общество рѣшилось приступить къ

изданію *полнаго собранія* писцовыхъ книгъ, то оно оказало бы этимъ важную услугу наукѣ. Изданіе отдѣльныхъ писцовыхъ книгъ принесетъ весьма мало пользы, потому что доставитъ весьма немного любопытныхъ выводовъ. Такіе выводы могутъ быть дѣлаемы не иначе, какъ посредствомъ сличенія всѣхъ, или большей части писцовыхъ книгъ, относящихся къ одному времени и разнымъ мѣстностямъ, или, наоборотъ, къ одной мѣстности и разнымъ временамъ. Что же касается въ частности до Казанской Писцовой Книги, то печатать ее цѣликомъ тѣмъ безполезнѣе, что въ приготовленной о ней статьѣ сдѣланъ подробный обзоръ ея содержанія съ указаніемъ на всѣ ученые результаты, какіе только могутъ быть изъ нея выведены.

Тяжкая болѣзнь, безвременно приведшая В. А. Милютина къ могилѣ въ 1855 г., на 29 г. отъ роду, замедлила и вовсе прервала многія изъ его ученыхъ работъ. Но Милютинъ обладалъ драгоцѣннымъ талантомъ передавать свои убѣжденія и увлекать за собою способныхъ дѣятелей. Отъ того и самая смерть его не остановила многихъ ученыхъ предпріятій, которымъ положилъ онъ начало, или для которыхъ обдумывалъ онъ планы.

Вышеприведенный отзывъ Милютина о писцовыхъ книгахъ былъ сообщенъ П. И. Иванову. Послѣдній скоро предпринялъ обширный и въ высшей степени полезный трудъ, недостатокъ котораго былъ чувствуемъ въ наукѣ, — это именно описаніе писцовыхъ книгъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Главною задачею этого труда было соединеніе въ одно цѣлое всѣхъ разнообразныхъ и полезныхъ свѣдѣній, заключающихся въ писцовыхъ книгахъ. Для достиженія этой цѣли всѣмъ такимъ книгамъ первоначально былъ сдѣланъ списокъ, въ который онѣ внесены по алфавитному порядку описываемыхъ ими уѣздовъ. Затѣмъ, въ томъ же алфавитномъ порядкѣ, приступлено было къ самому ихъ описанію, то есть къ извлеченію изъ нихъ наиболѣе важныхъ свѣдѣній. Само собою разумѣется, что такое подробное описаніе стоило большихъ трудовъ и требовало строгой внимательности. Не смотря на то, работа подвигалась быстро, и къ концу 1852 года уже были описаны всѣ писцовыя книги отъ буквы А до К. Въ теченіе 1853 года П. И. Ивановъ продолжалъ ту-же работу и надѣялся совершенно закончить ее въ 1854 г. Въ то-же время онъ приступилъ къ составленію алфавитнаго указателя лицамъ, показаннымъ въ такъ-называемыхъ „сказкахъ генеральнаго двора“. Алфавитъ этотъ расположилъ онъ такъ, чтобы онъ могъ служить къ означенію не только всѣхъ землевладѣльцевъ за извѣстный періодъ времени, но и самыхъ недвижимыхъ имѣній, которыми они владѣли, съ указаніемъ числа дворовъ въ каждомъ изъ нихъ. Но всѣ эти труды П. И. Иванова сдѣлались впрочемъ достояніемъ архивовъ, состоявшихъ въ его завѣдываніи, а Общество получало только извѣстія о ходѣ самыхъ работъ и перечневые списки разсмотрѣнныхъ писцовыхъ книгъ.

Но между тѣмъ и въ средѣ самаго Общества не преставала проводиться мысль о собираніи всякихъ древнихъ документовъ, которые могутъ

служить къ разъясненію древней географіи и топографіи Россіи. Писцовыя книги при этомъ постоянно выставлялись на первый планъ. Въ 1856 году члены Ревизіонной Коммиссіи (П. И. Кеппенъ, М. А. Коркуновъ, К. Д. Кавелинъ, К. И. Арсеньевъ, А. Н. Савичъ, А. В. Веневитиновъ и П. А. Шестаковъ), разсматривавшіе отчетъ Общества за 1855 годъ, заявили Совѣту слѣдующее желаніе: „Дорожа древнею географіею и топографіею Россіи, не лишне было бы извѣстить гг. помѣщиковъ, чрезъ повременныя изданія, что Общество будетъ принимать съ благодарностью вѣрные списки съ выписей изъ писцовыхъ и межевыхъ книгъ XV, XVI и XVII столѣтій“. Совѣтъ Общества, вполнѣ сочувствуя такому заявленію, (7 ноября 1856 г.) опредѣлилъ: „сдѣлать публикацію въ губернскихъ вѣдомостяхъ и столичныхъ журналахъ, по примѣру объявленныхъ отъ Общества программъ и другихъ приглашеній къ доставленію свѣдѣній“. Впрочемъ эта публикація ни къ чему не привела.

Другой важный, общеизвѣстный, но почти вовсе не изслѣдованный памятникъ географическихъ трудовъ нашихъ предковъ, такъ называемая „Книга Большаго Чертежа“ — была также предметомъ особенныхъ заботъ Отдѣленія Этнографіи, сколько въ отношеніи ея изданія въ новомъ, лучшемъ видѣ, столько же въ отношеніи разъясненія элементовъ, послужившихъ къ ея составленію и пріуроченія заключающихся въ ней данныхъ къ современному положенію и состоянію мѣстностей, упоминаемыхъ въ книгѣ.

Нѣтъ точныхъ свѣдѣній, когда составлена была древнѣйшая географическая карта Московскаго государства; но положительно извѣстно, что въ началѣ XVII вѣка въ Разрядѣ имѣлся „большой чертежъ всему Московскому государству по всѣ окрестныя государства, и въ томъ чертежѣ мѣра верстами и милями, и конскою ѣздою, сколько ѣхать станичною ѣздою на день, написано, и мѣра верстамъ положена“. Этотъ чертежъ, какъ составленный „давно при прежнихъ государяхъ“, избился весь и развалился и пришелъ въ такую ветхость, что „по немъ урочищъ смотрѣть было не можно“. Поэтому Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ (въ 1627 г.) повелѣлъ возобновить его, „примѣряясь къ тому старому чертежу, что уцѣлѣлъ отъ пожару“. Въ тоже время составленъ былъ и другой чертежъ „противъ разрядныя росписи отъ царствующаго града Москвы, Рязанскимъ и Сѣверскимъ и Польскимъ городамъ, и полю, и рѣкамъ и всѣмъ урочищамъ до Перекопи треня дорогами, и Крымской Ордѣ новой сдѣланъ, и всякія урочища на чертежахъ противъ росписи и противъ стараго чертежу подписаны и на чертежахъ знаменемъ мѣра верстамъ положена“. Противъ этого чертежа велѣно было „и книгу написать, и въ книгѣ и въ чертежѣ знамя мѣрѣ верстамъ положить по прежнему, какъ была мѣра верстамъ знамемъ въ старомъ чертежѣ положена“.

Такъ произошла „Книга Большому Чертежу“. Отсюда очевидно, что книга эта составляла не болѣе, какъ объяснительный текстъ (дорожникъ) или перепись втораго чертежа, а самый чертежъ имѣлъ характеръ нынѣшнихъ маршрутныхъ картъ.

Самый чертежъ не сохранился или, по крайней мѣрѣ, доселѣ не отъисканъ въ архивахъ и библіотекахъ (кромѣ „Чертежной Книги всей Сибири“ — Семена Ремезова); но объяснительный къ ней текстъ, т. е. „Книга Большаго Чертежа“ дошла до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ, важнѣйшіе варіанты, въ которыхъ существеннымъ образомъ происходятъ отъ того, что одни изъ списковъ относятся, по всей вѣроятности, прямо къ чертежу 1627 года, а другіе къ чертежу вновь исправленному и дополненному при Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ въ 1680 году.

Но если внимательно вчитываться въ текстъ Книги Большаго Чертежа, если сообразить заключающіяся въ немъ свѣдѣнія и самое расположеніе статей съ нѣкоторыми другими документами XVII и XVI столѣтія, то можно замѣтить признаки того, что первоначальный текстъ гораздо древнѣе 1627 года и даже ранѣе царствованія Ѳеодора Іоанновича (1584—1598), когда, какъ полагаютъ иные, составленъ первый чертежъ, о которомъ въ 1627 году сказано, что онъ „сдѣланъ былъ при прежнихъ государяхъ“ и „уцѣлѣлъ отъ пожара“.

Что чертежи частные существовали еще въ царствованіе Іоанна Грознаго, — объ этомъ имѣется много свидѣтельствъ, неподлежащихъ никакому сомнѣнію. Одно уже это обстоятельство позволяетъ предполагать: во 1-хъ то, что и общій чертежъ Московскаго государства могъ существовать тогда же; а во 2-хъ и то, что составленіе чертежей могло начаться гораздо раньше Іоанна Грознаго, быть можетъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ окончательно сложилось Московское государство въ концѣ XV вѣка, при Іоаннѣ III.

Всѣ эти вопросы, весьма любопытные и важные въ изслѣдованіи о степени географическихъ познаній нашихъ предковъ и о состояніи у нихъ картографіи, естественно должны были обратить на себя вниманіе ученаго Общества, избравшаго своею цѣлью собираніе, обработку и распространеніе въ Россіи географическихъ, этнографическихъ и статистическихъ свѣдѣній. Блистательный опытъ разработки древнихъ географическихъ документовъ, произведенный К. А. Неволинымъ, возбуждалъ надежды, что и всѣ недоумѣнія о книгѣ Большого Чертежа найдутъ себѣ опытнаго и вооруженнаго эрудиціею истолкователя и разъяснителя.

Мысль о необходимости разработки этого вопроса поднята была въ Отдѣленіи Этнографіи, гдѣ Предсѣдательствующій Н. И. Надеждинъ самъ посвящалъ много трудовъ на разъясненіе и возстановленіе древне-русской географической номенклатуры. Предложеніе Надеждина поддержано было его ученымъ другомъ К. А. Неволинымъ, голосъ котораго въ этомъ случаѣ, конечно, имѣлъ чрезвычайно важное значеніе.

Первоначальное намѣреніе клонилось къ тому только, чтобъ возстановить древнюю карту Россіи, по книгѣ Большаго Чертежа, т. е. пріурочить къ нынѣшнимъ картамъ всѣ географическія данныя, заключающіяся въ этой книгѣ. Подобную работу, конечно, возможно было исполнить коллективно, т. е. совмѣстными трудами цѣлаго Отдѣленія или нѣсколькихъ его членовъ; но когда также естественно возникло желаніе опредѣлить, по возможности,

источники, послужившіе для составленія „Большаго Чертежа" и чрезъ это опредѣлить время первоначальнаго составленія карты и постепенно дѣлавшихся въ ней исправленій и пополненій,—то, само собою разумѣется, обнаружилось, что успѣхъ такого изслѣдованія возможенъ лишь тогда, когда одно какое-либо лицо возьмется за изслѣдованіе. Частныя розысканія въ подобныхъ случаяхъ получаютъ значеніе подготовительныхъ работъ, и какъ почти никогда не приводящія къ одному общему результату, требуютъ пересмотра, соглашенія между собою и группировки подъ однимъ взглядомъ. Въ ту пору никто изъ членовъ Общества не сознавалъ себя на столько готовымъ на такое дѣло, и потому Отдѣленіе Этнографіи пришло къ заключенію, что вопросъ объ изслѣдованіи „Книги Большаго Чертежа" можно избрать задачею на конкурсъ.

Задача эта была формулирована Отдѣленіемъ Этнографіи и утверждена Совѣтомъ Общества, 23 февраля 1852 г., въ слѣдующемъ видѣ: „Возстановить по такъ называемой „Книгѣ Большаго Чертежа" древнюю географическую карту Россіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ, для которыхъ книга эта въ свое время служила текстомъ".

Для рѣшенія этой задачи требовалось:

1) Всѣ географическія данныя, содержащіяся въ Книгѣ Большому Чертежу пріурочить и нанести на карту, согласно указаніямъ самой книги.

2) Такъ какъ Большой Чертежъ былъ составленъ тогдашнимъ путямъ сообщенія внутри государства и съ сопредѣльными съ нимъ странами, то пути эти, какъ водяные, такъ и сухопутные, означить на картѣ со всей тщательностью и съ возможною точностью, на основаніи показанныхъ въ книгѣ урочищъ и разстояній.

3) Къ составленной, такимъ образомъ, картѣ приложить объяснительный текстъ, въ которомъ дать подробный отчетъ, какъ объ общихъ началахъ, такъ и о причинахъ, почему нанесенныя на нее данныя пріурочены такъ, а не иначе.

4) Присовокупить систематическую роспись всѣхъ положенныхъ на карту мѣстностей, въ порядкѣ, который обыкновенно употребляется въ географическихъ обозрѣніяхъ, или самый объяснительный текстъ расположить такъ, чтобы вышелъ родъ Географіи Россіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ, современный Большому Чертежу.

5) Сверхъ того выражалось желаніе, чтобы по возможности, изслѣдовано было происхожденіе и судьба самаго подлинника Большаго Чертежа и указано на источники, какіе могли служить для его составленія. Равнымъ образомъ признавалось полезнымъ коснуться вопроса: не былъ ли этотъ Чертежъ извѣстенъ иностраннымъ картографамъ XVII вѣка и не пользовались ли они имъ при составленіи своихъ картъ сѣверо-восточной Европы и Азіи? Въ особенности же поручалось обратить тщательное вниманіе, по крайней мѣрѣ, на то: въ какой степени данныя Большаго Чертежа согла-

суются или не согласуются съ картою, приписываемою царевичу Ѳеодору Борисовичу.

За вполнѣ удовлетворительное рѣшеніе этой задачи назначена была премія въ 300 рублей серебромъ. Срокъ доставленія отвѣтовъ полагался не позже 1 іюня 1853 года, то есть почти полтора года со времени объявленія программы, которая напечатана была въ наиболѣе распространенныхъ столичныхъ газетахъ и журналахъ и во всѣхъ губернскихъ вѣдомостяхъ.

Когда же къ назначенному сроку не было представлено ни одного отвѣта, а запоздавшій на одинъ мѣсяцъ отвѣтъ былъ признанъ неудовлетворительнымъ, Совѣтъ Общества предложилъ премію еще на три года т. е. до 1856 г., увеличивъ ее до 500 руб.

Должно сказать, что Отдѣленіе, какъ при первоначальномъ объявленіи задачи о книгѣ Большаго Чертежа, такъ и въ эту пору, при возобновленіи конкурсу на нее, ожидало получить отвѣты, созданные не однимъ путемъ кабинетныхъ размышленій, но въ большей или меньшей степени провѣренные личными изъисканіями на мѣстахъ. Само собою разумѣется, что при этомъ невозможно было требовать, чтобы авторъ отвѣта провѣрилъ по наличности всѣ мѣстности, упоминаемыя въ книгѣ Большаго Чертежа, но, конечно, позволительно было желать, чтобы хоть нѣкоторыя показанія этой книги были разъяснены, подтверждены или опровергнуы на основаніи самоличнаго освидѣтельствованія урочищъ и разстояній. Въ этомъ случаѣ Отдѣленіе болѣе всего разсчитывало на любознательность иногородныхъ изъискателей русской старины. Такія надежды были, повидимому, не безосновательны, потому что изъ многихъ губерній постоянно сообщались въ Общество любопытныя и важныя замѣтки о различныхъ мѣстностяхъ, почему-либо замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи и слѣдовательно въ нѣкоторой степени, представляющія матерьялъ для объясненія книги Большаго Чертежа. Тѣмъ съ большею увѣренностью Отдѣленіе могло разсчитывать на иногородныхъ изслѣдователей, что въ эту самую пору двое изъ членовъ Общества, проживавшіе въ Воронежѣ, И. И. Второвъ и К. О. Александровъ-Дольникъ, издавая сборникъ Воронежскихъ актовъ (Древнія грамоты и другіе письменные памятники, касающіеся Воронежской губерніи и частью Азова, I—III; Воронежъ, 1851—1853; in 8), предприняли вмѣстѣ съ тѣмъ составленіе карты Воронежскаго края въ томъ положеніи, въ какомъ онъ находился въ XVII столѣтіи, съ показаніемъ тогдашнихъ городовъ, селеній, остроговъ, сторожъ, валовъ и другихъ укрѣпленій, путей, которыми Татары Крымскіе и Нагайскіе ходили на Русь и т. под. [1]). Различные „Указатели“, которыми сопровождался каждый томъ „Воронежскихъ Актовъ“ были не простыми обычными алфавитными перечнями „лицъ и мѣстностей, упоминаемыхъ въ актахъ“, но представляли почти полную географію и этнографію Россіи и ея государственный, общественный и экономическій строй въ томъ видѣ, въ какомъ они явились по этимъ самымъа ктамъ. Коротко сказать,

[1]) Отчетъ за 1851 г., стр. 40. Отчетъ за 1852 г., стр. 38.

въ трудѣ гг. Второва и Александрова-Дольника уже являлось отчасти осуществленіе того, что желалось Отдѣленіемъ имѣть исполненнымъ по отношенію къ книгѣ Большаго Чертежа (п. 4 програмы). Этотъ опытъ служилъ очевиднымъ доказательствомъ возможности исполненія програмы даже въ провинціи, гдѣ конечно не имѣется тѣхъ ученыхъ пособій, какими можетъ воспользоваться изслѣдователь въ столицѣ. Отдѣленіе, такъ сказать, почти было убѣждено, что отвѣты на задачу явятся изъ провинцій, тѣмъ болѣе, что доходили нѣкоторыя извѣстія о предпріятіяхъ подобнаго рода.

Къ назначенному сроку, въ августѣ 1856 г., на соисканіе премія представлена была рукопись подъ заглавіемъ: „Краткій очеркъ русской картографія или объясненіе къ древней картѣ Московскаго Государства, извѣстной подъ названіемъ Большаго Чертежа".

Это была довольно обширная тетрадь на 185 нумерованныхъ листахъ in 4° и кромѣ того при ней была тетрадка на 32 особо нумерованныхъ страницахъ и еще 8 страницъ ненумерованныхъ. Къ этому тексту приложены были двѣ карты: одна на 6 большихъ листахъ, съ надписью „Большой Чертежъ всему Московскому Государству", а другая на 4 большихъ листахъ, съ заглавіемъ: „Дополнительная къ Большому Чертежу подробная карта отъ Москвы до Перекопа".

Коммиссія, по самомъ обстоятельномъ разсмотрѣніи труда, нашла его не вполнѣ удовлетворительнымъ и неоконченнымъ, а Совѣтъ согласился на продолженіе конкурса еще на два года. Такимъ образомъ стремленіе Общества возстановить „Большой Чертежъ" и издать писцовыя книги, остались недостигнутыми въ разсматриваемомъ періодѣ.

ГЛАВА XII.

Работы Общества въ Европейской Россіи по статистикѣ.

Первою заботою Географическаго Общества по отношенію къ статистикѣ въ разсматриваемомъ періодѣ было стараніе объ усовершенствованіи самой важной изъ государственныхъ статистическихъ операцій—*производства народныхъ переписей* или такъ называемыхъ въ то время *ревизій*. Надежду на участіе статистической науки въ дѣлѣ переписей подала Обществу возвѣщенная манифестомъ 23 янв. 1850 г. IX народная перепись (ревизія).

Ветеранъ русской статистики, академикъ Кеппенъ, еще въ истекшемъ періодѣ дѣятельности Общества добивался черезъ Академію Наукъ допущенія его, какъ представителя статистической науки, къ участію въ образуемой при Министерствѣ Финансовъ особой коммиссіи для обсужденія способовъ производства ревизіи, но предложеніе это встрѣтило полнѣйшій отказъ со стороны тогдашняго Министра Финансовъ графа Вронченко.

Въ виду такого отказа Предсѣдательствующій въ Статистическомъ Отдѣленіи Общества, А. П. Заблоцкій, внесъ 5 мая 1850 г. въ Совѣтъ Общества записку, въ которой, изъясняя важность для статистическихъ изслѣдованій точнаго опредѣленія количества народонаселенія, и указывая на разногласіе въ нашихъ оффиціальныхъ извѣстіяхъ о народонаселеніи однихъ и тѣхъ-же частей Имперіи, за одно и тоже время, находилъ необходимымъ, для полученія возможно вѣрныхъ свѣдѣній о числѣ жителей, принять, пользуясь производимою ревизіею, по крайней мѣрѣ слѣдующія мѣропріятія, не вмѣшиваясь въ производство самой ревизіи, а именно: открыть, по распоряженію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ каждой губерніи, подъ предсѣдательствомъ губернатора, временный комитетъ для опредѣленія числа жителей губерніи во время окончанія ревизіи; поручить ему озаботиться средствами, какія предоставлены закономъ, или какія указаны ему будутъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ ко времени окончанія ревизіи, собрать свѣдѣнія по уѣздамъ и городамъ о числѣ жителей, не входящихъ въ ревизію, а изъ свѣдѣній, такимъ образомъ собранныхъ и изъ ревизіи, составить общую о народонаселеніи губерніи вѣдомость и представить ее въ Министерство Внутрен-

нихъ Дѣлъ; форму же для вѣдомости А. П. Заблоцкій-Десятовскій полагалъ составить въ Обществѣ и при томъ сколь возможно упрощенную, придерживаясь только раздѣленія на главныя сословія; и наконецъ для избѣжанія запутанностей и внесенія однѣхъ и тѣхъ-же лицъ къ разнымъ сословіямъ, вмѣстѣ съ формою, разослать наставленіе о томъ, какія званія должны быть отнесены къ какому разряду, какъ должны быть собираемы о нихъ свѣдѣнія и пр.

Совѣтъ, раздѣляя вполнѣ мнѣніе А. П. Заблоцкаго о важности какъ для статистики, такъ и для самаго Правительства точнаго по возможности опредѣленія числа жителей въ Имперіи и находя, что предлагаемыя для сего мѣры могли бы до нѣкоторой степени обезпечить достиженіе желанной цѣли, опредѣлилъ: препроводить копію съ записки Заблоцкаго на благоусмотрѣніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ, съ покорнѣйшею просьбою почтить Общество увѣдомленіемъ о тѣхъ распоряженіяхъ, которыя Его Сіятельство признаетъ удобнымъ и возможнымъ сдѣлать по настоящему предмету.

Ходатайство Совѣта Общества не привело, впрочемъ, ни къ какимъ результатамъ. Перепись была произведена Министерствомъ Финансовъ обычнымъ порядкомъ, а неподатныя сословія исчислены тѣмъ же порядкомъ на основаніи сословныхъ списковъ, которые велись въ то время сословными учрежденіями не только небрежно, но и по существу своему неправильно, такъ какъ внесеніе въ дворянскіе списки лицъ принадлежащихъ къ мѣстному дворянству было факультативно и обусловливалось только желаніемъ лицъ, принадлежащихъ къ дворянскому сословію принимать участіе въ дворянскихъ выборахъ, а о внесеніи въ списки членовъ своихъ семействъ, по мѣрѣ ихъ рожденія, никто и не заботился, до тѣхъ поръ пока это внесеніе не становилось практическою необходимостью, для выправленія объ опредѣляемыхъ въ учебныя заведенія дѣтяхъ какихъ либо документовъ. Еще небрежнѣе велись сословные списки по отношенію къ семействамъ духовнаго и купеческаго сословій, а для непринадлежащихъ къ податнымъ сословіямъ, такъ называемыхъ разночинцевъ, и совсѣмъ не было никакой ни постоянной, ни періодической регистраціи.

Несмотря на это трудолюбивый и добросовѣстный П. И. Кеппенъ всетаки свелъ къ 1854 году въ итоги результаты IX ревизіи, давшіе для населенія Имперіи 66.700.000 жителей, приблизительно на $6^1/_2$ мил. болѣе противъ VIII ревизіи, по которой населеніе (съ Ц. Польскимъ и В. Кн. Финляндскимъ) немногимъ превышало 60 милліоновъ. Никакихъ сколько нибудь правильныхъ данныхъ о распредѣленіи этого населенія по семейному состоянію, возрасту, народностямъ, религіи, а тѣмъ болѣе занятіямъ и грамотности IX ревизія конечно не давала, да и самыя цифры населенія можно было считать достовѣрными только для податныхъ сословій (крестьянъ и мѣщанъ) мужескаго пола, т. е. для плательщиковъ подушной подати.

Въ концѣ 1856 года, какъ только возбудился вопросъ о предстоявшей

въ 1858 году X ревизіи, Общество сново подняло вопросъ объ улучшеніи народныхъ переписей.

Почтенный П. И. Кеппенъ обратился къ Августѣйшему Предсѣдателю Общества съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

„Будучи однимъ изъ учредителей Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, я осмѣливаюсь прибѣгнуть къ Вашему Императорскому Высочеству, какъ Предсѣдателю и Покровителю Общества и наукъ, имъ разработываемыхъ.

Познаніе Россіи, ея древностей, ея умственнаго развитія и гражданскаго быта, съ юныхъ лѣтъ были тѣ предметы, которымъ я посвящалъ жизнь свою. Какъ статистикъ, я уже при VIII и IX ревизіяхъ ходатайствовалъ о производствѣ оныхъ порядкомъ, хотя нѣсколько болѣе соотвѣтствующимъ требованіямъ науки. Тогда, къ сожалѣнію, представленія мои были тщетны. Теперь, доживъ до Высочайшаго повелѣнія о новой десятой народной переписи, я, въ упованіи на большее на сей разъ счастіе, считаю долгомъ всепокорнѣйше просить Ваше Высочество о дарованіи сему важному предмету Милостиваго вниманія, исходатайствовавъ, чтобы и отъ Географическаго Общества былъ кто-либо назначенъ въ Члены Коммиссіи, которая, судя по прежнимъ примѣрамъ, имѣетъ учредиться при Министерствѣ Финансовъ для составленія правилъ и формъ предстоящей ревизіи, и въ составъ которой обыкновенно входятъ также чиновники, отряжаемые отъ Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ“.

Письмо это передано было Августѣйшимъ Предсѣдателемъ въ Совѣтъ Общества съ порученіемъ представить соображенія по сему предмету, при чемъ Великій Князь выразилъ, что Онъ готовъ содѣйствовать всѣми зависящими отъ Него способами полезнымъ предположеніямъ Кеппена.

Соображенія, представленныя П. И. Кеппеномъ Совѣту Общества, заключались въ слѣдующемъ:

Точное познаніе числа и состава населенія служитъ основаніемъ всѣхъ статистическихъ изслѣдованій. Наука опирается на основныхъ данныхъ объ этомъ предметѣ для вывода всѣхъ дальнѣйшихъ соображеній и законовъ общественныхъ явленій. По этому счисленіе жителей и правильное производство его составляетъ вездѣ самый важный предметъ вниманія не только статистики, какъ науки, но и администраціи. Производство народосчисленія и точность результатовъ его вездѣ въ то же время выражаютъ собою степень развитія науки и гражданскихъ успѣховъ. Въ нашемъ отечествѣ единственнымъ источникомъ для познанія о числѣ населенія и составныхъ его частей служатъ ревизіи или народныя переписи, производимыя по вѣдомству Министерства Финансовъ. Эта административная мѣра имѣетъ главнѣйше въ виду свою особенную финансовую цѣль, или точное опредѣленіе числа лицъ, составляющихъ податныя сословія, несущія государственныя подати и повинности. Исчисленіе всѣхъ прочихъ состояній, вносимыхъ въ ревизіи для одного только счета, производится весьма неопре-

скимъ купечествомъ была вся израсходована на экспедицію, изданіе превосходнаго труда Аксакова и собраніе довольно многочисленныхъ отдѣльныхъ матерьяловъ по статистикѣ внутренней торговли, напечатанныхъ въ изданіяхъ Общества, но глубоко запавшее въ Обществѣ желаніе удовлетворить общественному запросу на изслѣдованіе внутренней торговли Россіи обратило, въ слѣдующемъ періодѣ, вниманіе Общества на изслѣдованіе хлѣбной торговли.

Почти одновременно съ изслѣдованіемъ Украинскихъ ярмарокъ Общество, обращая особенное вниманіе на пользу изслѣдованія различныхъ отраслей отечественной производительности путемъ мѣстныхъ изслѣдованій (enquêtes) снарядило, сообща съ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, одну изъ наиболѣе удавшихся въ этомъ періодѣ по своимъ результатамъ экспедицій, а именно экспедицію для изслѣдованія Каспійскаго рыболовства.

Ближайшимъ поводомъ къ снаряженію Каспійской экспедиціи было то обстоятельство, что весною 1851 года почетный гражданинъ Голиковъ, пожертвовалъ Обществу три тысячи рублей для изслѣдованій состоянія нашего рыболовства на Каспійскомъ морѣ. Освѣдомившись о намѣреніи Министерства Государственныхъ Имуществъ приступить къ подобнымъ же изслѣдованіямъ, съ цѣлью опредѣлить причины и степень основательности жалобъ на уменьшеніе рыбы въ Каспійскомъ морѣ, Совѣтъ рѣшился поставить свои работы въ непосредственную связь съ дѣйствіями Министерства. По взаимному соглашенію между Обществомъ и Министромъ Государственныхъ Имуществъ гр. П. Д. Киселевымъ, рѣшено было отправить на Волгу и Каспійское море ученую экспедицію, планъ которой поручено было составить особой Коммиссіи. Въ эту Коммиссію были назначены со стороны Министерства директоръ Департамента Сельскаго Хозяйства Д. Чл. Общества А. И. Левшинъ, а со стороны Общества — Дѣйствительные его Члены: К. М. Бэръ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, Ю. А. Гагемейстеръ, А. П. Соколовъ и В. А. Милютинъ.

Разсмотрѣвъ и обсудивъ предварительныя, составленныя академикомъ Бэромъ соображенія о предполагаемыхъ изслѣдованіяхъ, Коммиссія составила, на основаніи этихъ соображеній, подробный планъ экспедиціи. Этотъ планъ состоялъ существенно въ слѣдующемъ:

Экспедиція, снаряжаемая Географическимъ Обществомъ и Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, должна была имѣть главною цѣлью изслѣдованіе состоянія нашего рыболовства на Волгѣ и въ Каспійскомъ морѣ въ отношеніяхъ техническомъ, статистическомъ и естественно-историческомъ.

Въ *техническомъ* отношеніи на экспедицію возлагались слѣдующія обязанности:

1) Составить точное и подробное описаніе различныхъ употребляемыхъ въ разныхъ мѣстахъ рыболовныхъ приборовъ.

2) Удостовѣриться какъ собственными наблюденіями, такъ и посредствомъ распрашиванія рыбаковъ и всѣхъ лицъ, занимающихся рыболовствомъ, въ послѣдствіяхъ разнаго рода снарядовъ и способовъ рыбной ловли.

3) Собрать подробныя свѣдѣнія о заготовленіи въ-прокъ всякаго рода

ствовать полезной мысли своего сочлена определилъ войти въ сношеніе съ Министромъ Финансовъ о допущеніи въ Коммиссію, учрежденную для составленія формъ ревизскихъ сказокъ и производства переписи одного изъ членовъ Общества для заявленія потребностей науки, которымъ могла бы удовлетворить X ревизія. Между тѣмъ въ самомъ Обществѣ Совѣтъ нашелъ полезнымъ составить особую Коммисію для ближайшаго обсужденія какъ способовъ достиженія цѣли статистическихъ изслѣдованій о населеніи, а также и средствъ для обработки получаемыхъ при ревизіи данныхъ такимъ образомъ, чтобы собираніе свѣдѣній не оставалось матерьяломъ, не приносящимъ ни какой пользы для науки.

Приглашая въ эту Коммиссію Дѣйствительныхъ Членовъ: П. И. Кеппена, Ю. А. Гагемейстера, К. С. Веселовскаго, В. П. Безобразова и Е. И. Ламанскаго, Совѣтъ просилъ ихъ заняться всестороннимъ разсмотрѣніемъ вопроса о народоисчисленіи и сообразить практическіе способы исполненія этой потребности науки съ современными условіями производства ревизіи.

На отношеніе Вице-Предсѣдателя Общества получился слѣдующій отвѣтъ тогдашняго Министра Финансовъ Брока.

„Войдя въ подробное разсмотрѣніе ходатайства Географическаго Общества, я нахожу, что вся важность работъ учрежденной при Министерствѣ Финансовъ Коммиссіи заключается въ такомъ направленіи порученнаго ей дѣла, которое могло бы облегчить и ускорить производство новой народной переписи. Для достиженія сего Коммиссіи необходимо упростить до крайности порядокъ составленія, подачи и повѣрки ревизскихъ сказокъ. Посему, если, при предстоящей новой народной переписи, сверхъ показаній, которыми обыкновенно ограничиваются ревизскія сказки, требовать еще, чтобы въ нихъ были помѣщаемы или же отдѣльно представляемы какія либо статистическія или другія, собственно до ревизіи не относящіяся, свѣдѣнія, то требованіе таковое, особенно при безграмотствѣ большей части сказкоподавателей, въ однѣхъ мѣстахъ оставалось бы вовсе неудовлетвореннымъ, а въ другихъ имѣло бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ особыя издержки обществъ и остановку въ окончаніи переписи въ назначенный для нея срокъ.

По симъ соображеніямъ, я нахожу съ моей стороны, что назначеніе Члена Географическаго Общества въ составъ Коммиссіи, учрежденной для начертанія правилъ о X народной переписи, не принесло бы существенной пользы, такъ какъ Коммиссія, обязанная озаботиться объ упрощеніи всѣхъ формъ и обрядовъ для успѣшнаго окончанія ревизіи, не можетъ, безъ уклоненія отъ сей важной цѣли, принимать предложенія, собственно до науки относящіяся“.

По выслушаніи этого отвѣта, также какъ и мнѣнія назначенной имъ Коммиссіи, Совѣтъ Общества пришелъ къ слѣдующимъ соображеніямъ. Данныя о народонаселеніи Россіи, получаемыя изъ существующихъ перечневыхъ вѣдо-

мостей ревизіи, крайне неудовлетворительны. Наука не можетъ довольствоваться ими въ справедливыхъ своихъ требованіяхъ точности и опредѣлительности отъ свѣдѣній о такомъ основномъ предметѣ, какъ народонаселеніе. Полученіе данныхъ о немъ, путемъ ли прежнихъ ревизій, или другими способами, составляетъ безспорно вопросъ первѣйшей необходимости. Разрѣшеніе его существенно для статистики, ибо она оставаясь безъ него, какъ безъ прочнаго для себя основанія, не можетъ съ увѣренностію продолжать своихъ изслѣдованій о многихъ другихъ предметахъ общественной жизни, которые неразрывно связаны съ познаніемъ населенія не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніяхъ. Но несравненно болѣе значенія этотъ же вопросъ имѣетъ въ отношеніи къ административнымъ потребностямъ, изъ которыхъ всѣ одинаково удовлетворялись бы, со всею желаемою полнотою, при существованіи точныхъ свѣдѣній о населеніи. Важность этого рода свѣдѣній сознается всѣми европейскими государствами до такой степени, что собираніе ихъ составляетъ тамъ одну изъ главныхъ заботъ Правительствъ, прилагающихъ всевозможныя старанія, пособія науки и большія денежныя средства къ полученію подробныхъ данныхъ о населеніи. Въ нашемъ отечествѣ свѣдѣнія о количествѣ населенія связаны съ производствомъ переписи, которая имѣетъ только свою исключительную цѣль: опредѣлить число лицъ, платящихъ прямыя подати или отправляющихъ повинности извѣстнаго рода, словомъ единственно *число податнаго населенія*, подлежащаго ревизіи. По этому и результатъ переписи удовлетворяетъ одной только этой фискальной цѣли, а именно: опредѣляетъ съ *точностью* лишь общее число лицъ мужескаго пола, приписанныхъ къ тому или другому мѣсту, по которому они отправляютъ свои подати и повинности, а не всего наличнаго народонаселенія Имперіи.

Кромѣ этихъ данныхъ, ревизія не сообщаетъ *никакихъ* точныхъ свѣдѣній о населеніи: ни о числѣ даже податныхъ лицъ по мѣсту ихъ дѣйствительнаго жительства (а не приписки), ни о лицахъ прочихъ сословій, ни о составѣ населенія (по семейному состоянію, возрасту, сословіямъ, вѣроисповѣданіямъ, народностямъ, занятіямъ, грамотности и пр.).

По этимъ вопросамъ наука не можетъ получать отвѣтовъ ни изъ какихъ другихъ источниковъ, кромѣ тщательнаго *народоисчисленія*, котораго по сіе время не существуетъ въ нашемъ отечествѣ. Рядомъ съ этимъ, усматривая изъ отзыва Министра Финансовъ, что онъ полагаетъ главнымъ условіемъ успѣха въ производствѣ предстоящей X ревизіи быстрое ея окончаніе и отстраненіе отъ нея всякихъ, къ наукѣ относящихся свѣдѣній, Совѣтъ призналъ, съ своей стороны, уважительнымъ отступиться отъ ходатайства своего у Министерства Финансовъ о какомъ бы то ни было распространеніи статистическихъ изслѣдованій при производствѣ ревизіи.

Мысль, выраженную Коммиссіею Общества, о томъ, чтобы при ревизіяхъ собираемы были свѣдѣнія о податныхъ сословіяхъ, по прежнему порядку въ Министерствѣ Финансовъ, но лишь съ болѣе соотвѣтствующею потребностямъ науки подробностью, а о прочихъ сословіяхъ по вѣдомству Министерства Вну-

треннихъ Дѣлъ и въ тѣ же сроки, когда производится ревизія,—Совѣтъ Общества призналъ неудобоисполнимою.

Раздвоеніе переписи между двумя вѣдомствами, изъ которыхъ одно преслѣдовало бы фискальныя, а другое административныя цѣли, при неизбѣжномъ въ такомъ случаѣ различіи пріемовъ, не могли бы дать ни малѣйшей возможности къ общему согласованію полученныхъ данныхъ и соединенію въ одинъ итогъ.

Податныя сословія и прочія, входящія въ ревизію, означались у насъ въ ревизскихъ сказкахъ по мѣсту приписки; всѣ же прочія могли бы быть означаемы, при содѣйствіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, только по мѣсту жительства, такъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ сословій никуда не приписаны; другія же подверглись бы двойному и тройному счету, какъ напр. помѣстные дворяне, записанные въ разныя дворянскія книги, по владѣнію имѣніями въ нѣсколькихъ губерніяхъ. Такимъ образомъ, при соединеніи полученныхъ изъ двухъ разныхъ источниковъ свѣдѣній, необходимо оказались бы лишнія повторенія однихъ и тѣхъ же лицъ въ разныхъ мѣстахъ, полный пропускъ другихъ, и самыя данныя о населеніи не имѣли бы одинаковаго достоинства въ способѣ ихъ собиранія.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ Совѣтъ, сохраняя тѣмъ не менѣе полное убѣжденіе въ необходимости знанія числа и состава населенія въ той подробности, какъ указываютъ на то современныя потребности и науки и администраціи, пришелъ къ мысли, что изслѣдованія о населеніи необходимо совершенно отдѣлить отъ всѣхъ частныхъ мѣръ, которыми нынѣ приводятся въ извѣстность тѣ или другія его части, какъ наприм. отъ ревизій податныхъ сословій, и, обсудивъ вопросъ о познаніи населенія въ обширномъ его значеніи, какъ отдѣльную задачу, подлежащую разрѣшенію на общую пользу,—возложить самое производство переписей и разработку ихъ результатовъ на спеціальныя учрежденія административной статистики. При такихъ только условіяхъ изслѣдованія о населеніи представятъ и болѣе возможности къ введенію ихъ въ практическую жизнь. Наукѣ остается лишь, въ этомъ случаѣ, изложить важность значенія точныхъ данныхъ о населеніи и эта важность, еще болѣе цѣнная въ отношеніи къ практическимъ мѣрамъ по государственному управленію, послужитъ, при просвѣщенномъ участіи высшей администраціи, поводомъ къ обсужденію этого вопроса во всей его обширности порядкомъ, наиболѣе обѣщающимъ успѣха въ его разрѣшеніи.

Одно Географическое Общество или даже всѣ ученыя учрежденія, занимающіяся статистикой, не могутъ достичь своей цѣли въ этомъ отношеніи до тѣхъ поръ, *пока само правительство не приметъ законодательныхъ мѣръ къ производству общаго и подробнаго народоисчисленія по всей Имперіи.*

Этою общею мѣрою удовлетворялись бы въ такомъ случаѣ во-1-хъ, всѣ разнообразныя потребности администраціи, для которыхъ въ настоящее время употребляются многочисленные способы къ познанію тѣхъ или другихъ сторонъ населенія, какъ наприм. ревизія, полицейскія вѣдомости о жителяхъ, епархіаль-

ныя свѣдѣнія о прихожанахъ, рекрутскіе и другіе списки и проч. Ею же можно было бы, во-2-хъ, удовлетворить и такимъ изъ важныхъ для администраціи вопросовъ, для которыхъ въ настоящее время вовсе не существуетъ вѣрныхъ источниковъ. Наконецъ изъ результатовъ такого общаго народоисчисленія удовлетворялись бы вполнѣ, если не тотчасъ, то постепенно, всѣ потребности статистики по этому предмету.

Сосредоточивая сужденія свои на этомъ основномъ условіи, отъ котораго единственно можно ожидать успѣшнаго разрѣшенія поставленнаго вопроса, Совѣтъ опредѣлилъ изложить въ особой запискѣ соображенія свои и сужденія Коммиссіи о важности народоисчисленія и о государственномъ значеніи этой мѣры и представить ее на благоусмотрѣніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ. При этомъ Совѣтъ счелъ долгомъ довести о семъ заключеніи до свѣдѣнія Августѣйшаго Предсѣдателя Общества, и за тѣмъ, при передачѣ записки Министру, ходатайствовать у него о томъ, не признаетъ ли онъ возможнымъ обратить благосклонное вниманіе на этотъ предметъ назначеніемъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ особой Коммиссіи для всесторонняго его разсмотрѣнія, съ приглашеніемъ въ оную, для совѣщанія, членовъ отъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Императорской Академіи Наукъ.

Такимъ отчетливымъ и яснымъ разумѣніемъ дѣла о народныхъ переписяхъ, не утратившимъ своего значенія и нынѣ, завершило Географическое Общество въ разсматриваемомъ періодѣ свое вмѣшательство въ важнѣйшую изъ правительственныхъ статистическихъ операцій. На X-ю ревизію мнѣніе Совѣта Общества, разумѣется, не имѣло никакого вліянія. Она была приведена въ исполненіе въ 1858 г. обычнымъ порядкомъ и кромѣ общей цифры населенія, весьма мало увеличившагося со времени послѣдней переписи и частной цифры крѣпостнаго населенія, съ распредѣленіемъ его по губерніямъ, не дала конечно никакихъ результатовъ ни для науки, ни для администраціи. Но эта перепись была и послѣднею. Дискредитованная по отношенію къ статистической наукѣ, не могущая дать отвѣтовъ на самые необходимые запросы администраціи, съ отмѣною подушной подати она утратила и свое фискальное значеніе, а вопросъ о производствѣ всеобщей народной переписи, на основаніи тѣхъ соображеній, которыя были высказаны Совѣтомъ Общества еще въ 1856 году, нынѣ вполнѣ уясненный 30-ти-лѣтними усиліями создавшихся съ того времени спеціальныхъ статистическихъ органовъ, созрѣлъ только къ 50-ти-лѣтнему юбилею Общества на столько, что ждетъ своего осуществленія ранѣе конца нынѣшняго вѣка.

Стремленіе юнаго Географическаго Общества къ тому, чтобы путемъ разработки многочисленныхъ цифровыхъ записей или регистрацій, производимыхъ административными учрежденіями для разныхъ практическихъ цѣлей, достичь интересныхъ для статистической науки результатовъ, получило нѣкоторыя частныя и мѣстныя примѣненія. Такъ Чл.-Сотр. Общества Н. Я. Данилевскій разработалъ за цѣлый рядъ лѣтъ метрическія записи о движеніи населенія (рожденіяхъ, смертяхъ и бракахъ) въ Вологодской губерніи и, примѣняя къ этой разработкѣ самые строгіе научные пріемы, представилъ Обществу весьма замѣча-

тельный трудъ, напечатанный въ изданіяхъ Общества и удостоенный половиной Жуковской преміи, не смотря на то, что многіе изъ корифеевъ Общества (какъ напр. Н. И. Надеждинъ) относились весьма скептически къ самому качеству разработанныхъ Данилевскимъ записей. Д. Чл. Г. В. Вороновъ разработалъ по Петербургскому учебному округу всѣ имѣвшіяся въ Округѣ данныя объ училищахъ и учащихся съ 1829 г. по 1856 г. и за свой, напечатанный въ изданіяхъ Общества трудъ, получилъ полную Жуковскую премію. Д. Чл. Е. И. Ламанскій, разработалъ всѣ имѣвшіяся въ архивахъ Министерства Финансовъ данныя о денежномъ обращеніи и о кредитныхъ операціяхъ въ Россіи и за свой превосходный трудъ, напечатанный также въ изданіяхъ Общества, получилъ полную Жуковскую премію. Наконецъ Чл.-Сотр. Журавскій, при дѣятельномъ содѣйствіи просвѣщеннаго Кіевскаго губернатора Д. Чл. Общ. Фундуклея, не только разработалъ многочисленныя статистическія данныя, находившіяся въ Кіевскихъ архивахъ, но и дополнивъ ихъ, путемъ мѣстныхъ статистическихъ изслѣдованій (enquêtes), составилъ превосходное статистическое описаніе Кіевской губерніи, изданіе котораго Общество непремѣнно приняло бы на себя, если бы Д. Чл. Общества Фундуклей не вызвался напечатать его на свои собственныя средства. Печатаніе это было закончено къ концу разсматриваемаго періода, а вслѣдъ за тѣмъ скончался Журавскій и трудъ его и Фундуклея былъ увѣнчанъ Жуковскою преміею въ 1857 году.

При осуществленіи же своего стремленія вызвать къ жизни, согласно съ желаніемъ С.-П.Б. купечества, полное изслѣдованіе о внутренней торговлѣ въ Европейской Россіи, Общество встрѣтилось съ неодолимыми препятствіями. Препятствія эти заключались главнымъ образомъ въ томъ, что по внутренней торговлѣ не существовало въ то время никакихъ сколько нибудь удовлетворительныхъ правительственныхъ записей, подобныхъ тѣмъ, какія существовали для внѣшней торговли, болѣе или менѣе правильно региструемой на таможенныхъ пунктахъ. Собственно товарное движеніе внутри Россіи, за полнымъ отсутствіемъ въ то время желѣзныхъ дорогъ, кромѣ только что открытой въ разсматриваемомъ періодѣ Николаевской, могло быть региструемо только при нагрузкѣ движущихся водными путями товаровъ на пристаняхъ, но и эта регистрація, какъ это оказалось при разсмотрѣніи членами Общества этого источника, велась въ то время такъ неудовлетворительно, что на ней не было возможности основать серьезнаго труда по торговому движенію внутри Европейской Россіи. Вслѣдствіе того Общество, отказавшись отъ мысли основывать свои изслѣдованія о внутренней торговлѣ на какихъ либо регистраціяхъ торговаго движенія, учрежденіе которыхъ даже на будущее время (до покрытія Европейской Россіи желѣзнодорожною сѣтью) представлялось невозможнымъ, рѣшилось ограничить свою задачу частными изслѣдованіями (enquêtes) о торговлѣ нѣкоторыми наиболѣе важными предметами, какъ напр. хлѣбомъ, льномъ, пенькою, желѣзомъ и мягкою рухлядью, и составить по нимъ частныя описанія хода торговли,

а сверхъ того произвести еще мѣстныя изслѣдованія (enquêtes) о торговлѣ на ярмаркахъ и въ важнѣйшихъ торговыхъ пунктахъ.

Для исполненія задачи въ такомъ видѣ Общество обратилось повсюду: въ Департаменты разныхъ Министерствъ, къ губернаторамъ, въ Палаты Госуд. Имуществъ, Горныя Правленія, Городскія Думы, Биржевые, Мануфактурные и Ярмарочные Комитеты, разославъ 1.200 экземпляровъ составленныхъ программъ. Государственныя учрежденія, при текущихъ своихъ обязанностяхъ, конечно не могли непосредственно выполнить никакихъ статистическихъ работъ, а только открыли доступъ для членовъ Общества въ свои архивы и дѣлопроизводства, а отъ учрежденій общественныхъ, какъ напримѣръ Городскихъ Думъ, получались кое-какія свѣдѣнія и даже статистическія работы.

Къ концу 1852 года отзывовъ изъ Городскихъ Думъ получено было до 250, но къ сожалѣнію именно города, имѣющіе большое торговое значеніе, по самой сложности происходящихъ въ нихъ торговыхъ операцій, не могли доставить требуемыхъ программами свѣдѣній, а слѣдовательно сдѣлать какой бы то ни было общій сводъ полученныхъ свѣдѣній оказалось совершенно невозможнымъ и пришлось ограничиться печатаніемъ въ изданіяхъ Общества, въ видѣ отдѣльныхъ статей тѣхъ изъ доставленныхъ работъ или свѣдѣній, которыя оказались заслуживающими описанія [1]).

Собраніе же свѣдѣній по отдѣльнымъ главнымъ отраслямъ внутренней торговли также встрѣтило большею частью неодолимыя препятствія.

Такъ для изслѣдованія внутренней торговли хлѣбомъ, льномъ и пенькою не доставало прежде всего самыхъ основныхъ свѣдѣній, а именно достовѣрныхъ свѣдѣній о количествѣ производства земледѣльческихъ произведеній по губерніямъ и уѣздамъ и о количествѣ мѣстнаго ихъ потребленія, а затѣмъ и о количествѣ ихъ гужеваго движенія. При такихъ условіяхъ Общество должно было отказаться въ разсматриваемомъ періодѣ отъ какого бы то ни было общаго для всей Имперіи изслѣдованія по торговлѣ сельскими произведеніями, а дѣятельнѣйшіе въ то время изъ членовъ Общества по сельско-хозяйственной статистикѣ А. П. Заблоцкій-Дясятовскій и К. С. Веселовскій, обратились на статистическія работы по сельско-хозяйственной производительности и занялись составленіемъ перваго сельско-хозяйственнаго атласа по Россійской Имперіи, а С. П. Щепкинъ на статистическое изслѣдованіе въ Россіи пеньководства. По отношенію къ торговлѣ мягкою рухлядью кое-какія свѣдѣнія изъ Сибири были добыты дѣятельнымъ членомъ общества Н. С. Щукинымъ.

---

[1]) Наибольшаго вниманія заслуживали свѣдѣнія, доставленныя по Ярославской г-іи Д. Чл. Гр. Э. Х. Гуттенъ-Чапскимъ, А. И. Артемьевымъ, А. И. Пискаревымъ и Чл.-сотр. А. М. Пастуховымъ; по Владимірской—Д. Чл. Н. В. Дубенскимъ; по Воронежской Д. Чл. К. О. Александровымъ-Дольникомъ, Н. А. Второвымъ и чл.-сотр. Х. П. Козловымъ; по Донской Области Д. Чл. А. П. Мельниковымъ; по Самарской г-іи Д. Чл. А. Я. Стобеусомъ; по Зап. Сибири чл.-сотр. И. И. ф. Шиллингомъ; по Смоленской г-іи Д. Чл. Г. Н. Геннади; по Финляндіи чл.-сотр. Я. К. Гротомъ.

По отношенію къ соли и желѣзу имѣлись по крайней мѣрѣ сколько нибудь удовлетворительныя правительственныя записи о мѣстахъ и количествѣ ихъ производства, но о торговлѣ желѣзомъ пришлось собирать свѣдѣнія путемъ мѣстныхъ изслѣдованій (enquêtes). На программу о торговлѣ желѣзомъ было получено до 200 отвѣтовъ. Особеннаго вниманія между трудами по торговлѣ желѣзомъ заслуживали, между прочимъ, статьи Д. Чл. Д. А. Вороновскаго—О торговлѣ желѣзомъ въ Одессѣ, П. А. Валуева—О торговлѣ желѣзомъ въ Ригѣ, но въ особенности прекрасное изслѣдованіе Н. Х. Бунге—О торговлѣ желѣзомъ въ Кіевѣ. Но и эти очень хорошія отдѣльныя монографіи не дали возможности къ составленію какого либо общаго для Европейской Россіи труда по торговлѣ желѣзомъ и Обществу пришлось убѣдиться, что выполненіе соотвѣтствующаго желаніямъ Спб. купечества общаго труда о внутренней торговлѣ въ Россіи, хотя бы даже только по нѣкоторымъ главнымъ статьямъ торговли, при тогдашнемъ положеніи въ Россіи торговой статистики, совершенно неисполнимо.

Оставалось только обратить свои силы на мѣстныя изысканія (enquêtes) по торговой статистикѣ и въ этомъ отношеніи самымъ доступнымъ моментомъ и предметомъ для такихъ изысканій были признаны существующія въ Россіи обширныя ярмарки.

Такимъ образомъ комитетъ по изслѣдованію внутренней торговли вспалъ на мысль снарядить, въ видѣ перваго опыта мѣстныхъ статистическихъ изысканій, экспедицію для изслѣдованія Украинскихъ ярмарокъ. Обращеніе изысканія именно на украинскія ярмарки было основано на томъ соображеніи, что относительно самыхъ главныхъ въ Россіи ярмарокъ: Нижегородской, Ирбитской и Ростовской уже имѣлись довольно подробныя свѣдѣнія, подлежавшія дополненію только въ нѣкоторыхъ частяхъ, но что къ числу вовсе неизслѣдованныхъ обстоятельно ярмарокъ принадлежали въ особенности Украинскія, какъ-то: Коренная, Харьковскія (Крещенская, Троицкая, Успенская и Покровская), Сумская (Веденская), Роменскія (Маслянская и Вознесенская), Полтавская Ильинская, Кролевецкая Воздвиженская и др. Значительность торговыхъ оборотовъ этихъ ярмарокъ извѣстна была только по числовымъ показаніямъ мѣстныхъ начальствъ о томъ, на какую сумму товаровъ было въ привозѣ и въ продажѣ; о самомъ-же движеніи тамошней торговли подробныхъ свѣдѣній ни кѣмъ собираемо не было. Извѣстно, что посредствомъ украинской ярмарочной торговли, Москва и Нижегородская ярмарка снабжали мануфактурными товарами всю Малороссію, Новороссійскій край, Донскую землю и Черноморію, получая изъ этихъ сторонъ мѣстныя произведенія для сбыта въ разныя края Государства; но изъ какихъ именно мѣстъ и какіе предметы привозились на ярмарки; куда именно ихъ сбывали или отправляли на продажу, какая связь существовала между ярмарками; въ чьихъ рукахъ находилась торговля и какими именно товарами; на какихъ условіяхъ производились торговыя сдѣлки и проч.,—все это оставалось необслѣдованнымъ; свѣдѣнія же

объ упомянутыхъ ярмаркахъ, разсѣянныя въ разныхъ печатныхъ источникахъ, были вообще весьма поверхностны, и о настоящемъ значеніи этой ярмарочной торговли не могли дать правильнаго понятія.

Совѣтъ тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ согласился на снаряженіе съ 1854 г. экспедиціи для изслѣдованія Украинскихъ ярмарокъ, что за изслѣдованіе это, по приглашенію Общества, взялся такой талантливый наблюдатель, какимъ былъ Д. Чл. Общества И. С. Аксаковъ.

Совѣтъ поручилъ И. С. Аксакову отправиться въ малороссійскія губерніи, съ тѣмъ, чтобы лично посѣтить главнѣйшія оптовыя ярмарки въ теченіе года, наблюдать за движеніемъ на нихъ торговли и собирать на самомъ мѣстѣ свѣдѣнія изъ достовѣрныхъ источниковъ.

Въ концѣ 1854 года изслѣдователь окончилъ возложенное на него порученіе и приступилъ къ обработкѣ многочисленныхъ, собранныхъ имъ матерьяловъ. Новизна изслѣдованій подобнаго рода и сущность самыхъ мѣстныхъ наблюденій надъ предметомъ, столь трудно поддающимся изученію изъ однихъ печатныхъ матерьяловъ, придали экспедиціи особенный интересъ, тѣмъ болѣе, что изслѣдователь не упускалъ изъ виду, по возможности, ни одного важнаго обстоятельства для подробнаго ознакомленія съ ходомъ ярмарочной торговли.

Всѣхъ оптовыхъ Украинскихъ ярмарокъ оказалось одинадцать, именно: четыре въ г. Харьковѣ, двѣ въ г. Ромнахъ, одна въ Полтавѣ (Ильинская), одна въ Коренной Пустыни, Курской губерніи, одна въ г. Сумахъ, Харьковской губерніи, одна въ г. Кролевцѣ, Черниговской губ., и одна въ г. Елисаветградѣ, Херсонской губерніи. Послѣдняя возникла весьма незадолго передъ изслѣдованіемъ, но уже вошла въ семью Украинскихъ ярмарокъ. Вовсе неописанная до тѣхъ поръ, она была замѣчательна, какъ явное доказательство устремленія въ то время великорусской торговой дѣятельности на югъ и какъ новый рынокъ, открытый ею, для сбыта русскихъ мануфактурныхъ произведеній.

Изслѣдователь ярмарочной торговли находился на всѣхъ 11 ярмаркахъ и, кромѣ того, посѣщалъ многія другія окрестныя мѣста, признавая нужнымъ, для полной оцѣнки ярмарочной торговли, изучать подробно самые ярмарочные пункты и знакомиться, по возможности, съ общею статистикою края.

Оказалось, что Украинскія ярмарки тянутся почти непрерывнымъ рядомъ въ теченіе всего года, такъ что купцы, переѣзжая съ товарами съ одной ярмарки на другую, дѣлаютъ однихъ переѣздовъ, въ продолженіе годичнаго ярмарочнаго курса, болѣе 2.500 верстъ. Это цѣлое ярмарочное колесо, котораго размахъ весьма обширенъ и по которому круглый годъ вращается кочевое племя купцовъ и ихъ прикащиковъ. Нельзя было не поразиться, говорилъ изслѣдователь, многочисленностью ярмарокъ въ Малороссіи, какъ оптовыхъ, такъ и мелкихъ, и на такомъ небольшомъ пространствѣ. Дѣло въ томъ, что онѣ здѣсь имѣютъ совершенно другой ха-

рактеръ, чѣмъ въ Великороссіи: въ Малороссіи даже сельскія ярмарки продолжались иногда недѣли двѣ и болѣе, иногда цѣлый мѣсяцъ, и бывали въ одномъ и томъ же селѣ по нѣскольку разъ въ годъ. При отсутствіи фабрикъ и при безсиліи мѣстныхъ городовыхъ центровъ, а также по свойству самого народа и по многимъ историческимъ причинамъ, ярмарки въ Малороссіи, какъ мелочныя, такъ и гуртовыя, представлялись какимъ-то подвижнымъ переходнымъ рынкомъ. Впрочемъ, во время изслѣдованія Аксакова древняя система оптовыхъ Украинскихъ ярмарокъ уже тронулась и замѣщалась, а новая еще не установилась. При всемъ томъ, Украинскія ярмарки, вмѣстѣ взятыя, служили и во время Аксакова главнѣйшимъ рынкомъ для сбыта мануфактурныхъ русскихъ произведеній, которыя составляли самый капитальный товаръ на всѣхъ ярмаркахъ. Постоянное усиленіе мануфактурной дѣятельности требовало усиленія и сбыта; вслѣдствіе этого фабриканты стали сами являться на всѣхъ ярмаркахъ и продавать товаръ изъ первыхъ рукъ; по этой причинѣ ярмарочная торговая дѣятельность сдвинулась на югъ, къ Новороссійскому краю, какъ къ самому богатому и денежному покупателю.

Но какъ изслѣдователь не долженъ былъ ограничиваться одними общими замѣчаніями, а обязанъ былъ собирать самыя подробныя и точныя свѣдѣнія о товарахъ, то всѣ его старанія и направлены были на пріобрѣтеніе этихъ свѣдѣній путемъ частнаго знакомства и личнаго сближенія съ купцами. Извѣстна была вообще трудность собиранія статистическихъ свѣдѣній о торговлѣ; но на дѣлѣ она оказалась несравненно сильнѣйшею. Кромѣ недовѣрчивости торгующихъ лицъ, кромѣ неспособности большей части изъ нихъ, при недостаткѣ образованія, выводить предметъ изъ среды частныхъ случайностей и обобщать его, они такъ заняты своими дѣлами на ярмаркахъ, которыя называютъ *временемъ горячимъ*, что не имѣютъ досуга заняться съ не-продавцемъ и не-покупателемъ. Тѣмъ не менѣе И. С. Аксаковъ, по каждому значительному товару, составлялъ рядъ подробныхъ вопросовъ, пріискивалъ изъ торгующихъ этимъ товаромъ купцовъ такихъ, которые бы умѣли дать ему полные и обстоятельные отвѣты, и, улучая каждую для нихъ свободную минуту, приходилъ къ нимъ для бесѣды и для записки ихъ показаній. Разумѣется, показанія одного надобно было повѣрять показаніями другаго; при всемъ томъ, Аксакову удалосъ набрать довольно значительную груду матерьяловъ, разработкою которыхъ онъ и занялся. Наступившая Восточная война нѣсколько пріостановила обработку И. С. Аксаковымъ собраннаго матерьяла, такъ какъ онъ поступилъ на время войны въ государственное ополченіе.

Только по заключеніи мира, уже въ 1857 году, Аксаковъ представилъ Обществу свой превосходный трудъ, напечатанный Обществомъ и удостоившійся присужденія большой Константиновской медали только въ слѣдующемъ періодѣ. Этимъ собственно и закончилась дѣятельность Общества по изслѣдованіи внутренней торговли Россіи, такъ какъ сумма, пожертвованная С.-Петербург-

скимъ купечествомъ была вся израсходована на экспедицію, изданіе превосходнаго труда Аксакова и собраніе довольно многочисленныхъ отдѣльныхъ матерьяловъ по статистикѣ внутренней торговли, напечатанныхъ въ изданіяхъ Общества, но глубоко запавшее въ Обществѣ желаніе удовлетворить общественному запросу на изслѣдованіе внутренней торговли Россіи обратило, въ слѣдующемъ періодѣ, вниманіе Общества на изслѣдованіе хлѣбной торговли.

Почти одновременно съ изслѣдованіемъ Украинскихъ ярмарокъ Общество, обращая особенное вниманіе на пользу изслѣдованія различныхъ отраслей отечественной производительности путемъ мѣстныхъ изслѣдованій (enquêtes) снарядило, сообща съ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, одну изъ наиболѣе удавшихся въ этомъ періодѣ по своимъ результатамъ экспедицій, а именно экспедицію для изслѣдованія Каспійскаго рыболовства.

Ближайшимъ поводомъ къ снаряженію Каспійской экспедиціи было то обстоятельство, что весною 1851 года почетный гражданинъ Голиковъ, пожертвовалъ Обществу три тысячи рублей для изслѣдованій состоянія нашего рыболовства на Каспійскомъ морѣ. Освѣдомившись о намѣреніи Министерства Государственныхъ Имуществъ приступить къ подобнымъ же изслѣдованіямъ, съ цѣлью опредѣлить причины и степень основательности жалобъ на уменьшеніе рыбы въ Каспійскомъ морѣ, Совѣтъ рѣшился поставить свои работы въ непосредственную связь съ дѣйствіями Министерства. По взаимному соглашенію между Обществомъ и Министромъ Государственныхъ Имуществъ гр. П. Д. Киселевымъ, рѣшено было отправить на Волгу и Каспійское море ученую экспедицію, планъ которой поручено было составить особой Коммиссіи. Въ эту Коммиссію были назначены со стороны Министерства директоръ Департамента Сельскаго Хозяйства Д. Чл. Общества А. И. Левшинъ, а со стороны Общества — Дѣйствительные его Члены: К. М. Бэръ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, Ю. А. Гагемейстеръ, А. П. Соколовъ и В. А. Милютинъ.

Разсмотрѣвъ и обсудивъ предварительныя, составленныя академикомъ Бэромъ соображенія о предполагаемыхъ изслѣдованіяхъ, Коммиссія составила, на основаніи этихъ соображеній, подробный планъ экспедиціи. Этотъ планъ состоялъ существенно въ слѣдующемъ:

Экспедиція, снаряжаемая Географическимъ Обществомъ и Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, должна была имѣть главною цѣлью изслѣдованіе состоянія нашего рыболовства на Волгѣ и въ Каспійскомъ морѣ въ отношеніяхъ техническомъ, статистическомъ и естественно-историческомъ.

Въ *техническомъ* отношеніи на экспедицію возлагались слѣдующія обязанности:

1) Составить точное и подробное описаніе различныхъ употребляемыхъ въ разныхъ мѣстахъ рыболовныхъ приборовъ.

2) Удостовѣриться какъ собственными наблюденіями, такъ и посредствомъ распрашиванія рыбаковъ и всѣхъ лицъ, занимающихся рыболовствомъ, въ послѣдствіяхъ разнаго рода снарядовъ и способовъ рыбной ловли.

3) Собрать подробныя свѣдѣнія о заготовленіи въ-прокъ всякаго рода

рыбныхъ произведенiй и въ особенности о томъ, справедливы ли жалобы на дурное качество соли, для заготовленiя въ прокъ употребляемой.

Въ *статистическомъ* отношенiи экспедицiи было поручено:

1) Собрать свѣдѣнiя о числѣ рыбопромышленниковъ, количествѣ улова, откупной суммѣ, о цѣнѣ произведенiй рыболовства, съѣстныхъ припасовъ, рыболовныхъ снастей, о платѣ за работу, объ отношенiяхъ капитала къ выручкѣ, о путяхъ рыбной торговли и т. п.

2) Собрать такiя же свѣдѣнiя и за прежнiя времена, притомъ не изъ однихъ только оффицiальныхъ источниковъ, а также, по возможности, изъ частныхъ счетовъ какъ владѣльцевъ рыбныхъ угодiй, такъ и самыхъ рыбаковъ.

3) Собрать данныя для рѣшенiя вопроса: дѣйствительно ли въ настоящее время рыбы на Каспiйскомъ морѣ ловится болѣе, нежели ежегодно нарождается, и съ этою цѣлiю составить возможно-полную исторiю распространенiя рыбной ловли на Каспiйскомъ морѣ и въ его притокахъ, чтобы имѣть возможность сличить годы, въ которые замѣчено было уменьшенiе добычи, съ тѣми годами, въ которые были заложены новыя рыболовныя станцiи или расширены прежнiя.

Въ *естественно-историческомъ* отношенiи экспедицiи вмѣнялось въ обязанность.

1) Произвести химическое разложенiе воды изъ разныхъ мѣстъ Каспiйскаго моря, не только съ береговъ, но и изъ открытаго моря, притомъ не съ одной только поверхности, но также съ самой глубины.

2) Изслѣдовать морское дно въ разныхъ мѣстностяхъ, для того, чтобы получить свѣдѣнiя о количествѣ имѣющагося тамъ на-лицо органическаго питательнаго вещества.

3) Собрать свѣдѣнiя о путяхъ плаванiя наиболѣе цѣнныхъ рыбъ въ Каспiйскомъ морѣ.

4) Опредѣлить, чѣмъ именно питаются болѣе цѣнныя рыбы въ разныя времена года, а особенно въ первомъ своемъ возрастѣ.

5) Собрать свѣдѣнiя о времени, когда мечутъ икру цѣнныя рыбы, о мѣстахъ, гдѣ онѣ это дѣлаютъ, и возрастѣ, въ которомъ начинаютъ метать впервые.

6) Собрать данныя о возможности и пользѣ пересадки рыбъ въ Каспiйское море и озеро Гокча.

При рѣшенiи всѣхъ этихъ частныхъ задачъ, экспедицiя должна была имѣть постоянно въ виду общую цѣль своихъ дѣйствiй, состоящую въ томъ, чтобы доставить самыя подробныя и точныя свѣдѣнiя о всѣхъ обстоятельствахъ, останавливающихъ успѣхи рыболовства, и о самомъ существѣ мѣръ, необходимыхъ для сбереженiя рыбы на Волгѣ и въ Каспiйскомъ морѣ. Свѣдѣнiя эти должны были быть собраны въ такой полнотѣ, чтобы правительство и на будущее время имѣло не только вѣрную основу для сужденiй о прибыли и убыли рыбнаго промысла, но и возможность рѣшать спорные вопросы, могущiе возникнуть на счетъ послѣдствiй разныхъ способовъ и временъ рыбнаго лова.

а сверхъ того произвести еще мѣстныя изслѣдованія (enquêtes) о торговлѣ на ярмаркахъ и въ важнѣйшихъ торговыхъ пунктахъ.

Для исполненія задачи въ такомъ видѣ Общество обратилось повсюду: въ Департаменты разныхъ Министерствъ, къ губернаторамъ, въ Палаты Госуд. Имуществъ, Горныя Правленія, Городскія Думы, Биржевые, Мануфактурные и Ярмарочные Комитеты, разославъ 1.200 экземпляровъ составленныхъ программъ. Государственныя учрежденія, при текущихъ своихъ обязанностяхъ, конечно не могли непосредственно выполнять никакихъ статистическихъ работъ, а только открыли доступъ для членовъ Общества въ свои архивы и дѣлопроизводства, а отъ учрежденій общественныхъ, какъ напримѣръ Городскихъ Думъ, получались кое-какія свѣдѣнія и даже статистическія работы.

Къ концу 1852 года отзывовъ изъ Городскихъ Думъ получено было до 250, но къ сожалѣнію именно города, имѣющіе большое торговое значеніе, по самой сложности происходящихъ въ нихъ торговыхъ операцій, не могли доставить требуемыхъ программами свѣдѣній, а слѣдовательно сдѣлать какой бы то ни было общій сводъ полученныхъ свѣдѣній оказалось совершенно невозможнымъ и пришлось ограничиться печатаніемъ въ изданіяхъ Общества, въ видѣ отдѣльныхъ статей тѣхъ изъ доставленныхъ работъ или свѣдѣній, которыя оказались заслуживающими описанія [1]).

Собраніе же свѣдѣній по отдѣльнымъ главнымъ отраслямъ внутренней торговли также встрѣтило большею частью неодолимыя препятствія.

Такъ для изслѣдованія внутренней торговли хлѣбомъ, льномъ и пенькою не доставало прежде всего самыхъ основныхъ свѣдѣній, а именно достовѣрныхъ свѣдѣній о количествѣ производства земледѣльческихъ произведеній по губерніямъ и уѣздамъ и о количествѣ мѣстнаго ихъ потребленія, а затѣмъ и о количествѣ ихъ гужеваго движенія. При такихъ условіяхъ Общество должно было отказаться въ разсматриваемомъ періодѣ отъ какого бы то ни было общаго для всей Имперіи изслѣдованія по торговлѣ сельскими произведеніями, а дѣятельнѣйшіе въ то время изъ членовъ Общества по сельско-хозяйственной статистикѣ А. П. Заблоцкій-Дясятовскій и К. С. Веселовскій, обратились на статистическія работы по сельско-хозяйственной производительности и занялись составленіемъ перваго сельско-хозяйственнаго атласа по Россійской Имперіи, а С. П. Щепкинъ на статистическое изслѣдованіе въ Россіи пеньководства. По отношенію къ торговлѣ мягкою рухлядью кое-какія свѣдѣнія изъ Сибири были добыты дѣятельнымъ членомъ общества Н. С. Щукинымъ.

---

[1]) Наибольшаго вниманія заслуживали свѣдѣнія, доставленныя по Ярославской г-іи Д. Чл. Гр. Э. Х. Гуттенъ-Чапскимъ, А. И. Артемьевымъ, А. И. Пискаревымъ и Чл.-сотр. А. М. Пастуховымъ; по Владимірской—Д. Чл. Н. В. Дубенскимъ; по Воронежской Д. Чл. К. О. Александровымъ-Дольникомъ, Н. А. Второвымъ и чл.-сотр. Х. П. Козловымъ; по Донской Области Д. Чл. А. П. Мельниковымъ; по Самарской г-іи Д. Чл. А. Я. Стобеусомъ; по Зап. Сибири чл.-сотр. И. И. ф. Шиллингомъ; по Смоленской г-іи Д. Чл. Г. Н. Геннади; по Финляндіи чл.-сотр. Я. К. Гротомъ.

По отношенію къ соли и желѣзу имѣлись по крайней мѣрѣ сколько нибудь удовлетворительныя правительственныя записи о мѣстахъ и количествѣ ихъ производства, но о торговлѣ желѣзомъ пришлось собирать свѣдѣнія путемъ мѣстныхъ изслѣдованій (enquêtes). На программу о торговлѣ желѣзомъ было получено до 200 отвѣтовъ. Особеннаго вниманія между трудами по торговлѣ желѣзомъ заслуживали, между прочимъ, статьи Д. Чл. Д. А. Вороновскаго—О торговлѣ желѣзомъ въ Одессѣ, П. А. Валуева—О торговлѣ желѣзомъ въ Ригѣ, но въ особенности прекрасное изслѣдованіе Н. Х. Бунге—О торговлѣ желѣзомъ въ Кіевѣ. Но и эти очень хорошія отдѣльныя монографіи не дали возможности къ составленію какого либо общаго для Европейской Россіи труда по торговлѣ желѣзомъ и Обществу пришлось убѣдиться, что выполненіе соотвѣтствующаго желаніямъ Спб. купечества общаго труда о внутренней торговлѣ въ Россіи, хотя бы даже только по нѣкоторымъ главнымъ статьямъ торговли, при тогдашнемъ положеніи въ Россіи торговой статистики, совершенно неисполнимо.

Оставалось только обратить свои силы на мѣстныя изысканія (enquêtes) по торговой статистикѣ и въ этомъ отношеніи самымъ доступнымъ моментомъ и предметомъ для такихъ изысканій были признаны существующія въ Россіи обширныя ярмарки.

Такимъ образомъ комитетъ по изслѣдованію внутренней торговли вспалъ на мысль снарядить, въ видѣ перваго опыта мѣстныхъ статистическихъ изысканій, экспедицію для изслѣдованія Украинскихъ ярмарокъ. Обращеніе изысканія именно на украинскія ярмарки было основано на томъ соображеніи, что относительно самыхъ главныхъ въ Россіи ярмарокъ: Нижегородской, Ирбитской и Ростовской уже имѣлись довольно подробныя свѣдѣнія, подлежавшія дополненію только въ нѣкоторыхъ частяхъ, но что къ числу вовсе неизслѣдованныхъ обстоятельно ярмарокъ принадлежали въ особенности Украинскія, какъ-то: Коренная, Харьковскія (Крещенская, Троицкая, Успенская и Покровская), Сумская (Веденская), Роменскія (Маслянская и Вознесенская), Полтавская Ильинская, Кролевецкая Воздвиженская и др. Значительность торговыхъ оборотовъ этихъ ярмарокъ извѣстна была только по числовымъ показаніямъ мѣстныхъ начальствъ о томъ, на какую сумму товаровъ было въ привозѣ и въ продажѣ; о самомъ-же движеніи тамошней торговли подробныхъ свѣдѣній ни кѣмъ собираемо не было. Извѣстно, что посредствомъ украинской ярмарочной торговли, Москва и Нижегородская ярмарка снабжали мануфактурными товарами всю Малороссію, Новороссійскій край, Донскую землю и Черноморію, получая изъ этихъ сторонъ мѣстныя произведенія для сбыта въ разныя края Государства; но изъ какихъ именно мѣстъ и какіе предметы привозились на ярмарки; куда именно ихъ сбывали или отправляли на продажу, какая связь существовала между ярмарками; въ чьихъ рукахъ находилась торговля и какими именно товарами; на какихъ условіяхъ производились торговыя сдѣлки и проч.,—все это оставалось необслѣдованнымъ; свѣдѣнія же

объ упомянутыхъ ярмаркахъ, разсѣянныя въ разныхъ печатныхъ источникахъ, были вообще весьма поверхностны, и о настоящемъ значеніи этой ярмарочной торговли не могли дать правильнаго понятія.

Совѣтъ тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ согласился на снаряженіе съ 1854 г. экспедиціи для изслѣдованія Украинскихъ ярмарокъ, что за изслѣдованіе это, по приглашенію Общества, взялся такой талантливый наблюдатель, какимъ былъ Д. Чл. Общества И. С. Аксаковъ.

Совѣтъ поручилъ И. С. Аксакову отправиться въ малороссійскія губерніи, съ тѣмъ, чтобы лично посѣтить главнѣйшія оптовыя ярмарки въ теченіе года, наблюдать за движеніемъ на нихъ торговли и собирать на самомъ мѣстѣ свѣдѣнія изъ достовѣрныхъ источниковъ.

Въ концѣ 1854 года изслѣдователь окончилъ возложенное на него порученіе и приступилъ къ обработкѣ многочисленныхъ, собранныхъ имъ матерьяловъ. Новизна изслѣдованій подобнаго рода и сущность самыхъ мѣстныхъ наблюденій надъ предметомъ, столь трудно поддающимся изученію изъ однихъ печатныхъ матерьяловъ, придали экспедиціи особенный интересъ, тѣмъ болѣе, что изслѣдователь не упускалъ изъ виду, по возможности, ни одного важнаго обстоятельства для подробнаго ознакомленія съ ходомъ ярмарочной торговли.

Всѣхъ оптовыхъ Украинскихъ ярмарокъ оказалось одинадцать, именно: четыре въ г. Харьковѣ, двѣ въ г. Ромнахъ, одна въ Полтавѣ (Ильинская), одна въ Коренной Пустыни, Курской губерніи, одна въ г. Сумахъ, Харьковской губерніи, одна въ г. Кролевцѣ, Черниговской губ., и одна въ г. Елисаветградѣ, Херсонской губерніи. Послѣдняя возникла весьма незадолго передъ изслѣдованіемъ, но уже вошла въ семью Украинскихъ ярмарокъ. Вовсе неописанная до тѣхъ поръ, она была замѣчательна, какъ явное доказательство устремленія въ то время великорусской торговой дѣятельности на югъ и какъ новый рынокъ, открытый ею, для сбыта русскихъ мануфактурныхъ произведеній.

Изслѣдователь ярмарочной торговли находился на всѣхъ 11 ярмаркахъ и, кромѣ того, посѣщалъ многія другія окрестныя мѣста, признавая нужнымъ, для полной оцѣнки ярмарочной торговли, изучать подробно самые ярмарочные пункты и знакомиться, по возможности, съ общею статистикою края.

Оказалось, что Украинскія ярмарки тянутся почти непрерывнымъ рядомъ въ теченіе всего года, такъ что купцы, переѣзжая съ товарами съ одной ярмарки на другую, дѣлаютъ однихъ переѣздовъ, въ продолженіе годичнаго ярмарочнаго курса, болѣе 2.500 верстъ. Это цѣлое ярмарочное колесо, котораго размахъ весьма обширенъ и по которому круглый годъ вращается кочевое племя купцовъ и ихъ прикащиковъ. Нельзя было не поразиться, говорилъ изслѣдователь, многочисленностью ярмарокъ въ Малороссіи, какъ оптовыхъ, такъ и мелкихъ, и на такомъ небольшомъ пространствѣ. Дѣло въ томъ, что онѣ здѣсь имѣютъ совершенно другой ха-

рактеръ, чѣмъ въ Великороссіи: въ Малороссіи даже сельскія ярмарки продолжались иногда недѣли двѣ и болѣе, иногда цѣлый мѣсяцъ, и бывали въ одномъ и томъ же селѣ по нѣскольку разъ въ годъ. При отсутствіи фабрикъ и при безсиліи мѣстныхъ городовыхъ центровъ, а также по свойству самого народа и по многимъ историческимъ причинамъ, ярмарки въ Малороссіи, какъ мелочныя, такъ и гуртовыя, представлялись какимъ-то подвижнымъ переходнымъ рынкомъ. Впрочемъ, во время изслѣдованія Аксакова древняя система оптовыхъ Украинскихъ ярмарокъ уже тронулась и замѣщалась, а новая еще не установилась. При всемъ томъ, Украинскія ярмарки, вмѣстѣ взятыя, служили и во время Аксакова главнѣйшимъ рынкомъ для сбыта мануфактурныхъ русскихъ произведеній, которыя составляли самый капитальный товаръ на всѣхъ ярмаркахъ. Постоянное усиленіе мануфактурной дѣятельности требовало усиленія и сбыта; вслѣдствіе этого фабриканты стали сами являться на всѣхъ ярмаркахъ и продавать товаръ изъ первыхъ рукъ; по этой причинѣ ярмарочная торговая дѣятельность сдвинулась на югъ, къ Новороссійскому краю, какъ къ самому богатому и денежному покупателю.

Но какъ изслѣдователь не долженъ былъ ограничиваться одними общими замѣчаніями, а обязанъ былъ собирать самыя подробныя и точныя свѣдѣнія о товарахъ, то всѣ его старанія и направлены были на пріобрѣтеніе этихъ свѣдѣній путемъ частнаго знакомства и личнаго сближенія съ купцами. Извѣстна была вообще трудность собиранія статистическихъ свѣдѣній о торговлѣ; но на дѣлѣ она оказалась несравненно сильнѣйшею. Кромѣ недовѣрчивости торгующихъ лицъ, кромѣ неспособности большей части изъ нихъ, при недостаткѣ образованія, выводить предметъ изъ среды частныхъ случайностей и обобщать его, они такъ заняты своими дѣлами на ярмаркахъ, которыя называютъ *временемъ горячимъ*, что не имѣютъ досуга заняться съ не-продавцемъ и не-покупателемъ. Тѣмъ не менѣе И. С. Аксаковъ, по каждому значительному товару, составлялъ рядъ подробныхъ вопросовъ, пріискивалъ изъ торгующихъ этимъ товаромъ купцовъ такихъ, которые бы умѣли дать ему полные и обстоятельные отвѣты, и, улучая каждую для нихъ свободную минуту, приходилъ къ нимъ для бесѣды и для записки ихъ показаній. Разумѣется, показанія одного надобно было повѣрять показаніями другаго; при всемъ томъ, Аксакову удалосъ набрать довольно значительную груду матерьяловъ, разработкою которыхъ онъ и занялся. Наступившая Восточная война нѣсколько пріостановила обработку И. С. Аксаковымъ собраннаго матерьяла, такъ какъ онъ поступилъ на время войны въ государственное ополченіе.

Только по заключеніи мира, уже въ 1857 году, Аксаковъ представилъ Обществу свой превосходный трудъ, напечатанный Обществомъ и удостоившійся присужденія большой Константиновской медали только въ слѣдующемъ періодѣ. Этимъ собственно и закончилась дѣятельность Общества по изслѣдованіи внутренней торговли Россіи, такъ какъ сумма, пожертвованная С.-Петербург-

П. И. Кеппена, вышедшая впервые въ 1851 году, выдержавшая затѣмъ еще два изданія и увѣнчанная Обществомъ двумя высшими наградами: Константиновскою медалью и Жуковскою преміею. Объ этой картѣ было уже говорено выше (стр. 42).

Четвертымъ картографическимъ изданіемъ Общества была вышедшая въ 1851 г. и упомянутая также уже выше, въ главѣ IX „Карта Аральскаго моря и Хивинскаго ханства“ Я. В. Ханыкова.

Всѣ непеpіодическія изданія Общества выходили непосредственно подъ редакціею самихъ авторовъ или составителей этихъ изданій; для наблюденія же за редакціею періодическихъ изданій былъ образованъ особый Редакціонный Комитетъ подъ предсѣдательствомъ Помощника Предсѣдателя изъ 4 или болѣе членовъ и Секретаря Общества. Комитетъ этотъ, учрежденный въ ноябрѣ 1850 г., обязанъ былъ наблюдать: за приличнымъ распредѣленіемъ статей, помѣщаемыхъ въ изданіяхъ Общества, за правильностью языка, за единствомъ правописанія, особливо же географическихъ именъ, и за исправностью изданія вообще. Лица, на которыхъ Совѣтъ возлагалъ редакцію того или другого изданія, становились членами Редакціоннаго Комитета. Всѣ назначаемыя къ печатанію Совѣтомъ статьи поступали въ Комитетъ, который и распредѣлялъ ихъ между изданіями Общества. Относительно правописанія нарицательныхъ именъ, Совѣтъ долженъ былъ руководствоваться словаремъ Академіи Наукъ, относительно именъ географическихъ — придерживаться общаго употребленія и только въ самостоятельныхъ мѣстныхъ изслѣдованіяхъ оставлять правописаніе, принятое ихъ авторами. Въ форматѣ и шрифтѣ Комитетъ долженъ былъ руководствоваться постановленіями Совѣта. Первоначальный Комитетъ, кромѣ Помощника Предсѣдателя и Секретаря, былъ составленъ изъ К. С. Веселовскаго, В. В. Григорьева, Г. П. Неболсина и П. Г. Рѣдкина. Впослѣдствіи Комитетъ усиливался всѣми членами Общества, принимавшими дѣятельное участіе въ его изданіяхъ, но само собою разумѣется, что сдѣлавшееся многочисленнымъ коллегіальное учрежденіе не могло непосредственно руководить различными изданіями Общества и разрѣшало только недоумѣнія и вопросы, возбуждаемые самими редакторами.

Изъ періодическихъ изданій Общества, выходящихъ въ неопредѣленные заранѣе періоды, на первомъ планѣ стояли разумѣется „Записки“ Общества, служившія продолженіемъ уже начатой въ прошломъ періодѣ серіи, состоявшей изъ четырехъ книжекъ, о которыхъ мы говорили выше въ главѣ VI; въ разсматриваемомъ же періодѣ было издано, кромѣ отнесенной еще къ предшедшему періоду, но вышедшей впрочемъ въ 1850 г., IV книжки, семь книжекъ „Записокъ“.

V книжка вышла въ 1851 г., подъ редакціею П. Г. Рѣдкина (проф., впослѣдств. Ректоръ С.-П.Б. Унив., наконецъ Чл. Гос. Сов.). Въ ней были помѣщены слѣдующія статьи: 1) Д. Чл. А. И. Макшеева—Описаніе Аральскаго моря (2 печ. листа)—заключающее въ себѣ весьма важные для географической науки результаты какъ его собственныхъ наблюденій, такъ

и вообще замѣчательной и обильной по географическимъ своимъ работамъ экспедиціи Д. Чл. А. И. Бутакова, участникомъ которой въ 1848 и 1849 г. былъ и Макшеевъ; 2) Д. Чл. Г. И. Данилевскаго—Описаніе Хивинскаго ханства — интересная записка, представляющая результатъ миссіи полковника Г. И. Данилевскаго, отправленнаго нашимъ Правительствомъ, въ сопровожденіи натуралиста Д-ра Базинера, въ 1842 г. въ Хиву и возвратившагося въ 1843 г. Записка Данилевскаго находилась въ архивѣ главнаго штаба и считалась секретною до тѣхъ поръ, пока Обществу не удалось получить разрѣшеніе на ея напечатаніе; 3) Свѣдѣнія о Дикокаменныхъ Киргизахъ, составленныя въ Штабѣ Корпуса Сибирскихъ войскъ и доставленныя Обществу ген.-губ. кн. П. Д. Горчаковымъ (около 1 печ. листа); 4) Д. Чл. Ѳ. О. Максимова—Обзоръ тригонометрическихъ работъ въ Россіи. Статья эта (менѣе 3 печ. листовъ) была составлена геодезистомъ (тогда капит. корпус. топогр.) Максимовымъ для прочтенія въ Общемъ Собраніи Общества (чит. еще 15 окт. 1848 г.); 5) проф. Харьк. Унив. В. И. Лапшина—Нѣсколько климат. данныхъ, относящихся къ Харькову (менѣе 2 печ. лист.),—одна изъ лучшихъ метеорологическихъ статей, полученныхъ Обществомъ въ разсматриваемомъ періодѣ,—и 6) Я. В. Ханыкова—Пояснит. записка къ его картѣ Аральскаго моря, изданной Обществомъ въ томъ же 1851 году. Обширная эта записка (менѣе 6 печатн. листовъ) была читана въ извлеченіи въ Общемъ Собраніи 18 ноября 1850 г., въ присутствіи Августѣйшаго Предсѣдателя Общества и заключала въ себѣ, въ очень интересномъ изложеніи, всю исторію развитія нашихъ географическихъ познаній объ Аральскомъ бассейнѣ до 1850 года.

VI книжка была издана подъ редакціею Д. Чл. А. Н. Попова въ 1852 году и заключала въ себѣ: 1) Обширный трудъ Д. Чл. И. Д. Бѣляева по исторической географіи ($16^1/_2$ печ. листовъ), а именно—О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи; 2) топогр. Д. Юрьева—Топографическая опись Сѣверн. Урала. Обширная статья эта (болѣе 7 печ. листовъ) заключала въ себѣ отчетъ одного изъ участниковъ Уральской экспедиціи о географическихъ изысканіяхъ, совершонныхъ имъ въ составѣ экспедиціи въ 1847 г. Въ 1852 г. отчетъ этотъ былъ новостью, но впослѣдствіи онъ вошелъ въ описаніе Урала Э. К. Гофмана. 3) А. А. Рехенберга—Статист. описаніе лѣснаго пространства между р. Ураломъ и Восточн. Икомъ. Статья эта $7^1/_2$ печ. листовъ была написана авторомъ, офицеромъ корпуса лѣсничихъ, на основаніи собственныхъ наблюденій еще въ 1838 г. и погибла бы, еслибы Общество не приняло ее въ свои „Записки“.

VII книжка записокъ, вышедшая въ 1853 г., подъ редакціею Д. Чл. А. В. Никитенко заключала въ себѣ только два капитальныхъ труда: 1) Дневникъ В. Н. Латкина во время его путешествія на Печору въ 1840—43 г. ($18^1/_2$ печ. листовъ). Этотъ обстоятельный и интересный отчетъ о путешествіи въ столь мало извѣстную часть Европ. Россіи, еще до времени основанія Общества, былъ переданъ въ печать только благодаря тому, что

В. И. Латкинъ сдѣлался Д. Членомъ Общества. Въ теченіе 8 лѣтъ Латкинъ не находилъ средствъ къ печатанію своего прекраснаго труда; 2) И. Ф. Бларамберга — Статистическое обозрѣніе Персіи (до 22½ печ. листовъ). Это обширное описаніе было составлено штаб. офиц. Генер. Шт. (впосл. ген.-лейт.) И. Ф. Бларамбергомъ еще въ 1841 г., послѣ участія его въ Карелинской экспедиціи на Каспійскомъ морѣ и пребыванія его въ Персіи въ 1837—40 г. Оно находилось въ архивѣ Главнаго Штаба и считалось секретнымъ до тѣхъ поръ, пока Обществу не удалось получить его для напечатанія.

VIII книжка „Записокъ" вышла также въ 1853 году, подъ редакціею Д. Чл. К. А. Неволина. Вся она (20½ печ. листовъ) состояла изъ увѣнчаннаго Обществомъ большою Константиновскою медалью капитальнаго труда этого почтеннаго ученаго „О Новгородскихъ пятинахъ и погостахъ".

IX книжка „Записокъ" вышла подъ редакціею Д. Чл. Д. А. Милютина также въ 1853 году и заключала въ себѣ: 1) обширное изслѣдованіе Н. Я. Данилевскаго — О климатѣ Вологодской губерніи съ примѣч. и дополн. статьею К. С. Веселовскаго (всего 16½ листовъ). Изслѣдованіе это было увѣнчано Обществомъ Жуковскою преміею; 2) К. С. Веселовскаго – Метеорологическія наблюденія въ Севастополѣ, произвед. съ 1840 по 1851 контр.-адмир. Аркасомъ (½ листа); 3) прекрасное изслѣдованіе по исторической географіи Д. Чл. А. П. Попова — Сношенія Россіи съ Хивою и Бухарою при Петрѣ Великомъ (около 12 печ. листовъ); 4) Д. Чл. П. И. Иванова — Обозрѣніе геодезическихъ работъ въ Россіи со временъ Петра Великаго до сочиненія генеральной ландкарты Россіи въ 1746 году (статья въ 3 съ небольшимъ печ. листа).

X книжка вышла въ 1885 году, подъ редакціею Д. Чл. И. П. Арапетова и заключала въ себѣ: 1) обширное изслѣдованіе Д. Чл. П. И. Небольсина (болѣе 23 печ. листовъ) — Очеркъ торговли Россіи съ Средней Азіей и 2) Я. В. Ханыкова и Ю. В. Толстого – Списокъ астрон. пунктовъ въ с.-з. части Средней Азіи съ картой (4 печ. листа).

XI книжка „Записокъ" вышла въ 1856 г. подъ редакціею Д. Чл. В. Г. Ерофѣева и заключала въ себѣ: 1) Отчеты объ изслѣдованіи девонской полосы Г. П. Гельмерсена (4 печ. листа) и Р. Пахта (болѣе 7 печ. листовъ); 2) К. М. Бэра — Ученыя замѣтки о Каспійскомъ морѣ и его окрестностяхъ (менѣе 3 печ. листовъ); 3) Ѳ. Семенова — Таблица показаній солнечныхъ и лунныхъ затмѣній съ 1840 по 2001 годъ (6½ листовъ); 4) Н. Марковича — Рѣки Полтавской губерніи — мѣстное изслѣдованіе (8 печ. лист.).

Къ періодическимъ изданіямъ Общества, выходящимъ въ неопредѣленные заранѣе періоды относились, кромѣ „Записокъ", еще Этнографическій и Статистическій Сборники.

Перваго изъ нихъ (Этнографическаго Сборника) вышло въ разсматриваемомъ періодѣ двѣ книжки: I-я подъ редакціею Н. И. Надеждина и К. Д. Кавелина въ 1853 году и II-я подъ редакціею К. Д. Кавелина въ 1854 году. Обѣ книжки состояли исключительно изъ описаній народнаго быта, доставленныхъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи. Такихъ статей, во-

По отношенію къ соли и желѣзу имѣлись по крайней мѣрѣ сколько нибудь удовлетворительныя правительственныя записи о мѣстахъ и количествѣ ихъ производства, но о торговлѣ желѣзомъ пришлось собирать свѣдѣнія путемъ мѣстныхъ изслѣдованій (enquêtes). На программу о торговлѣ желѣзомъ было получено до 200 отвѣтовъ. Особеннаго вниманія между трудами по торговлѣ желѣзомъ заслуживали, между прочимъ, статьи Д. Чл. Д. А. Вороновскаго—О торговлѣ желѣзомъ въ Одессѣ, П. А. Валуева—О торговлѣ желѣзомъ въ Ригѣ, но въ особенности прекрасное изслѣдованіе Н. Х. Бунге—О торговлѣ желѣзомъ въ Кіевѣ. Но и эти очень хорошія отдѣльныя монографіи не дали возможности къ составленію какого либо общаго для Европейской Россіи труда по торговлѣ желѣзомъ и Обществу пришлось убѣдиться, что выполненіе соотвѣтствующаго желаніямъ Спб. купечества общаго труда о внутренней торговлѣ въ Россіи, хотя бы даже только по нѣкоторымъ главнымъ статьямъ торговли, при тогдашнемъ положеніи въ Россіи торговой статистики, совершенно неисполнимо.

Оставалось только обратить свои силы на мѣстныя изысканія (enquêtes) по торговой статистикѣ и въ этомъ отношеніи самымъ доступнымъ моментомъ и предметомъ для такихъ изысканій были признаны существующія въ Россіи обширныя ярмарки.

Такимъ образомъ комитетъ по изслѣдованію внутренней торговли вспалъ на мысль снарядить, въ видѣ перваго опыта мѣстныхъ статистическихъ изысканій, экспедицію для изслѣдованія Украинскихъ ярмарокъ. Обращеніе изысканія именно на украинскія ярмарки было основано на томъ соображеніи, что относительно самыхъ главныхъ въ Россіи ярмарокъ: Нижегородской, Ирбитской и Ростовской уже имѣлись довольно подробныя свѣдѣнія, подлежавшія дополненію только въ нѣкоторыхъ частяхъ, но что къ числу вовсе неизслѣдованныхъ обстоятельно ярмарокъ принадлежали въ особенности Украинскія, какъ-то: Коренная, Харьковскія (Крещенская, Троицкая, Успенская и Покровская), Сумская (Веденская), Роменскія (Маслянская и Вознесенская), Полтавская Ильинская, Кролевецкая Воздвиженская и др. Значительность торговыхъ оборотовъ этихъ ярмарокъ извѣстна была только по числовымъ показаніямъ мѣстныхъ начальствъ о томъ, на какую сумму товаровъ было въ привозѣ и въ продажѣ; о самомъ-же движеніи тамошней торговли подробныхъ свѣдѣній ни кѣмъ собираемо не было. Извѣстно, что посредствомъ украинской ярмарочной торговли, Москва и Нижегородская ярмарка снабжали мануфактурными товарами всю Малороссію, Новороссійскій край, Донскую землю и Черноморію, получая изъ этихъ сторонъ мѣстныя произведенія для сбыта въ разныя края Государства; но изъ какихъ именно мѣстъ и какіе предметы привозились на ярмарки; куда именно ихъ сбывали или отправляли на продажу, какая связь существовала между ярмарками; въ чьихъ рукахъ находилась торговля и какими именно товарами; на какихъ условіяхъ производились торговыя сдѣлки и проч.,—все это оставалось необслѣдованнымъ; свѣдѣнія же

объ упомянутыхъ ярмаркахъ, заключенныя въ разныхъ печатныхъ источникахъ, были вообще весьма поверхностны, и о настоящемъ значеніи этой ярмарочной торговли не могли дать правильнаго понятія.

Совѣтъ тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ согласился на снаряженіе съ 1854 г. экспедиціи для изслѣдованія Украинскихъ ярмарокъ, что за изслѣдованіе это, по приглашенію Общества, взялся такой талантливый наблюдатель, какимъ былъ Д. Ч. Общества И. С. Аксаковъ.

Совѣтъ поручилъ И. С. Аксакову отправиться въ малороссійскія губерніи, съ тѣмъ, чтобы лично посѣтить главнѣйшія оптовыя ярмарки въ теченіе года, наблюдать за движеніемъ на нихъ торговли и собирать на самомъ мѣстѣ свѣдѣнія изъ достовѣрныхъ источниковъ.

Въ концѣ 1854 года изслѣдователь окончилъ возложенное на него порученіе и приступилъ къ обработкѣ многочисленныхъ, собранныхъ имъ матерьяловъ. Новизна изслѣдованій подобнаго рода и сущность самыхъ мѣстныхъ наблюденій надъ предметомъ, столь трудно поддающимся изученію изъ однихъ печатныхъ матерьяловъ, придали экспедиціи особенный интересъ, тѣмъ болѣе, что изслѣдователь не упускалъ изъ виду, по возможности, ни одного важнаго обстоятельства для подробнаго ознакомленія съ ходомъ ярмарочной торговли.

Всѣхъ оптовыхъ Украинскихъ ярмарокъ оказалось одиннадцать, именно: четыре въ г. Харьковѣ, двѣ въ г. Ромнахъ, одна въ Полтавѣ (Ильинская), одна въ Коренной Пустыни, Курской губерніи, одна въ г. Сумахъ, Харьковской губерніи, одна въ г. Кролевцѣ, Черниговской губ., и одна въ г. Елисаветградѣ, Херсонской губерніи. Послѣдняя возникла весьма незадолго передъ изслѣдованіемъ, но уже вошла въ семью Украинскихъ ярмарокъ. Вовсе неописанная до тѣхъ поръ, она была замѣчательна, какъ явное доказательство устремленія въ то время великорусской торговой дѣятельности на югъ и какъ новый рынокъ, открытый ею, для сбыта русскихъ мануфактурныхъ произведеній.

Изслѣдователь ярмарочной торговли находился на всѣхъ 11 ярмаркахъ и, кромѣ того, посѣщалъ многія другія окрестныя мѣста, признавая нужнымъ, для полной оцѣнки ярмарочной торговли, изучать подробно самые ярмарочные пункты и знакомиться, по возможности, съ общею статистикою края.

Оказалось, что Украинскія ярмарки тянутся почти непрерывнымъ рядомъ въ теченіе всего года, такъ что купцы, переѣзжая съ товарами съ одной ярмарки на другую, дѣлаютъ однихъ переѣздовъ, въ продолженіе годичнаго ярмарочнаго курса, болѣе 2.500 верстъ. Это цѣлое ярмарочное колесо, котораго размахъ весьма обширенъ и по которому круглый годъ вращается кочевое племя купцовъ и ихъ прикащиковъ. Нельзя было не поразиться, говорилъ изслѣдователь, многочисленностью ярмарокъ въ Малороссіи, какъ оптовыхъ, такъ и мелкихъ, и на такомъ небольшомъ пространствѣ. Дѣло въ томъ, что онѣ здѣсь имѣютъ совершенно другой ха-

рактеръ, чѣмъ въ Великороссіи: въ Малороссіи даже сельскія ярмарки продолжались иногда недѣли двѣ и болѣе, иногда цѣлый мѣсяцъ, и бывали въ одномъ и томъ же селѣ по нѣскольку разъ въ годъ. При отсутствіи фабрикъ и при безсиліи мѣстныхъ городовыхъ центровъ, а также по свойству самого народа и по многимъ историческимъ причинамъ, ярмарки въ Малороссіи, какъ мелочныя, такъ и гуртовыя, представлялись какимъ-то подвижнымъ переходнымъ рынкомъ. Впрочемъ, во время изслѣдованія Аксакова древняя система оптовыхъ Украинскихъ ярмарокъ уже тронулась и замѣшалась, а новая еще не установилась. При всемъ томъ, Украинскія ярмарки, вмѣстѣ взятыя, служили и во время Аксакова главнѣйшимъ рынкомъ для сбыта мануфактурныхъ русскихъ произведеній, которыя составляли самый капитальный товаръ на всѣхъ ярмаркахъ. Постоянное усиленіе мануфактурной дѣятельности требовало усиленія и сбыта; вслѣдствіе этого фабриканты стали сами являться на всѣхъ ярмаркахъ и продавать товаръ изъ первыхъ рукъ; по этой причинѣ ярмарочная торговая дѣятельность сдвинулась на югъ, къ Новороссійскому краю, какъ къ самому богатому и денежному покупателю.

Но какъ изслѣдователь не долженъ былъ ограничиваться одними общими замѣчаніями, а обязанъ былъ собирать самыя подробныя и точныя свѣдѣнія о товарахъ, то всѣ его старанія и направлены были на пріобрѣтеніе этихъ свѣдѣній путемъ частнаго знакомства и личнаго сближенія съ купцами. Извѣстна была вообще трудность собиранія статистическихъ свѣдѣній о торговлѣ; но на дѣлѣ она оказалась несравненно сильнѣйшею. Кромѣ недовѣрчивости торгующихъ лицъ, кромѣ неспособности большей части изъ нихъ, при недостаткѣ образованія, выводить предметъ изъ среды частныхъ случайностей и обобщать его, они такъ заняты своими дѣлами на ярмаркахъ, которыя называютъ *временемъ горячимъ*, что не имѣютъ досуга заняться съ не-продавцемъ и не-покупателемъ. Тѣмъ не менѣе И. С. Аксаковъ, по каждому значительному товару, составлялъ рядъ подробныхъ вопросовъ, пріискивалъ изъ торгующихъ этимъ товаромъ купцовъ такихъ, которые бы умѣли дать ему полные и обстоятельные отвѣты, и, улучая каждую для нихъ свободную минуту, приходилъ къ нимъ для бесѣды и для записки ихъ показаній. Разумѣется, показанія одного надобно было повѣрять показаніями другаго; при всемъ томъ, Аксакову удалосъ набрать довольно значительную груду матерьяловъ, разработкою которыхъ онъ и занялся. Наступившая Восточная война нѣсколько пріостановила обработку И. С. Аксаковымъ собраннаго матерьяла, такъ какъ онъ поступилъ на время войны въ государственное ополченіе.

Только по заключеніи мира, уже въ 1857 году, Аксаковъ представилъ Обществу свой превосходный трудъ, напечатанный Обществомъ и удостоившійся присужденія большой Константиновской медали только въ слѣдующемъ періодѣ. Этимъ собственно и закончилась дѣятельность Общества по изслѣдованіи внутренней торговли Россіи, такъ какъ сумма, пожертвованная С.-Петербург-

ціонному Комитету Общества[1]). Первообразомъ изданія А. А. Краевскому служили конечно „Отечественныя Записки“, имъ издаваемыя. Какъ и въ Отечественныхъ Запискахъ онъ раздѣлилъ „Вѣстникъ“ на Отдѣлы, съ отдѣльною нумераціею для каждаго въ каждомъ томѣ, что конечно до крайности затрудняетъ отысканіе статей въ изданіи. Само собою разумѣется, что программа изданія, т. е. заголовковъ Отдѣловъ, была иная, чѣмъ въ Отечеств. Запискахъ и спеціально принаровленная къ географическому изданію, но нельзя сказать, чтобы раздѣленіе изданія на Отдѣлы было придумано особенно счастливо. Отдѣловъ полагалось десять, а именно: I) Дѣйствія Общества; II) Чтенія въ его Собраніяхъ; III) Общая Географія; IV) Географія и Статистика Россіи; V) Этнографія; VI) Историческая Географія; VII) Путешествія; VIII) Дѣятельность Иностранныхъ Географическихъ Обществъ; IX) Библіографія; X) Смѣсь и мелкія географическія извѣстія.

А. А. Краевскій, какъ опытный редакторъ, озаботился прежде всего обезпеченіемъ на 1851 годъ III Отдѣла Вѣстника (Общая Географія), въ которомъ онъ усматривалъ центръ тяжести всего изданія, полагая что Отдѣлы I, II, IV, V, VI, VII и VIII обезпечены будутъ статьями, доставляемыми ему членами и Секретаремъ Общества, а на его отвѣтственности останутся только мелкіе Отдѣлы: IX (Библіографія) и X (Смѣсь). Вслѣдствіе того и при помощи Редакціоннаго Комитета ему удалось обезпечить „Вѣстникъ“ цѣлымъ рядомъ обширныхъ статей, за редакцію которыхъ, по приглашенію Комитета, взялись Д. Чл. Свенске (Обозрѣніе главнѣйшихъ путешествій и геогр. открытій въ 10-ти-лѣтіе съ 1838 по 1848 годъ) и П. П. Семеновъ (Описаніе Новой Калифорніи, Новой Мексики и Орегона). Послѣдній трудъ, по приглашенію Редакціоннаго Комитета, былъ предпринятъ авторомъ, въ виду того всеобщаго интереса, который возбуждала въ то время Калифорнія, съ открытыми въ ней золотыми мѣсторожденіями. Рядъ статей Д. Чл. Свенске и Семенова (до 40 печатн. лист.), вмѣстѣ съ отчетомъ и протоколами Общества (21 печатн. лист.), составивъ около двухъ третей предполагаемаго и около половины дѣйствительнаго объема „Вѣстника“, уже вполнѣ обезпечивали своевременный выходъ книжекъ. Затѣмъ, по IV отдѣлу — географіи и статистики Россіи, — набралось до 15 печатныхъ листовъ, благодаря нѣкоторымъ статистическимъ статьямъ, не попавшимъ въ изданную въ 1851 г. первую книжку „Статистическаго Сборника“, какъ напр.: Несытова — Мануфактурная и торговая промышленность города Шуи, К. С. Веселовскаго — О земледѣліи и климатѣ Яренскаго и Устьсысольск. уѣздовъ; М. Кожевникова — Производительность Каспійскаго моря; С. И. Барановскаго — Движеніе населенія въ Финляндіи, а также довольно обширной геогра-

[1]) Въ 1851 г. Комитетъ, подъ Предсѣдательствомъ Помощника Предсѣдателя К. И. Арсеньева, былъ въ слѣдующемъ составѣ: А. П. Болотовъ, К. С. Веселовскій, В. В. Григорьевъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, А. К. Казембекъ, М. А. Коркуновъ, Д. А. Милютинъ, Н. А. Милютинъ, Н. И. Надеждинъ, Г. П. Неболсинъ, А. Д. Озерскій, В. С. Порошинъ, М. Ф. Рейнеке, А. Н. Савичъ, Из. Ив. Срезневскій, А. Ѳ. Тюринъ, Я. В. Ханыковъ и И. О. Шиховскій.

рыбныхъ произведеній и въ особенности о томъ, справедливы ли жалобы на дурное качество соли, для заготовленія въ прокъ употребляемой.

Въ *статистическомъ* отношеніи экспедиціи было поручено:

1) Собрать свѣдѣнія о числѣ рыбопромышленниковъ, количествѣ улова, откупной суммѣ, о цѣнѣ произведеній рыболовства, съѣстныхъ припасовъ, рыболовныхъ снастей, о платѣ за работу, объ отношеніяхъ капитала къ выручкѣ, о путяхъ рыбной торговли и т. п.

2) Собрать такія же свѣдѣнія и за прежнія времена, притомъ не изъ однихъ только оффиціальныхъ источниковъ, а также, по возможности, изъ частныхъ счетовъ какъ владѣльцевъ рыбныхъ угодій, такъ и самыхъ рыбаковъ.

3) Собрать данныя для рѣшенія вопроса: дѣйствительно ли въ настоящее время рыбы на Каспійскомъ морѣ ловится болѣе, нежели ежегодно нарождается, и съ этою цѣлію составить возможно-полную исторію распространенія рыбной ловли на Каспійскомъ морѣ и въ его притокахъ, чтобы имѣть возможность сличить годы, въ которые замѣчено было уменьшеніе добычи, съ тѣми годами, въ которые были заложены новыя рыболовныя станціи или расширены прежнія.

Въ *естественно-историческомъ* отношеніи экспедиціи вмѣнялось въ обязанность.

1) Произвести химическое разложеніе воды изъ разныхъ мѣстъ Каспійскаго моря, не только съ береговъ, но и изъ открытаго моря, притомъ не съ одной только поверхности, но также съ самой глубины.

2) Изслѣдовать морское дно въ разныхъ мѣстностяхъ, для того, чтобы получить свѣдѣнія о количествѣ имѣющагося тамъ на-лицо органическаго питательнаго вещества.

3) Собрать свѣдѣнія о путяхъ плаванія наиболѣе цѣнныхъ рыбъ въ Каспійскомъ морѣ.

4) Опредѣлить, чѣмъ именно питаются болѣе цѣнныя рыбы въ разныя времена года, а особенно въ первомъ своемъ возрастѣ.

5) Собрать свѣдѣнія о времени, когда мечутъ икру цѣнныя рыбы, о мѣстахъ, гдѣ онѣ это дѣлаютъ, и возрастѣ, въ которомъ начинаютъ метать впервые.

6) Собрать данныя о возможности и пользѣ пересадки рыбъ въ Каспійское море и озеро Гокча.

При рѣшеніи всѣхъ этихъ частныхъ задачъ, экспедиція должна была имѣть постоянно въ виду общую цѣль своихъ дѣйствій, состоящую въ томъ, чтобы доставить самыя подробныя и точныя свѣдѣнія о всѣхъ обстоятельствахъ, останавливающихъ успѣхи рыболовства, и о самомъ существѣ мѣръ, необходимыхъ для сбереженія рыбы на Волгѣ и въ Каспійскомъ морѣ. Свѣдѣнія эти должны были быть собраны въ такой полнотѣ, чтобы правительство и на будущее время имѣло не только вѣрную основу для сужденій о прибыли и убыли рыбнаго промысла, но и возможность рѣшать спорные вопросы, могущіе возникнуть на счетъ послѣдствій разныхъ способовъ и временъ рыбнаго лова.

Для выполненія всѣхъ предположенныхъ работъ признано необходимымъ назначить шесть лицъ: начальника экспедиціи и вмѣстѣ естествоиспытателя, помощника его, или младшаго естествоиспытателя, статистика, техника, рисовальщика и, если окажется нужнымъ, химика. Срокъ дѣйствій экспедиціи полагался трехъ-лѣтній; что же касается до самаго порядка ея дѣйствій, то онъ долженъ быть опредѣленъ не иначе, какъ сообразно съ мѣстными обстоятельствами, которыя въ Петербургѣ не могли быть извѣстны вполнѣ. Поэтому Совѣтъ и Министерство признали необходимымъ предоставить ближайшій распорядокъ предпринимаемыхъ работъ усмотрѣнію самаго начальника экспедиціи.

Планъ этотъ удостоился Высочайшаго утвержденія въ 1852 году, а предположенная экспедиція, снаряженная на три года, отправилась въ путь весною 1853 года. Начальство надъ нею поручено Почетн. Члену Общества, академику К. М. Бэру, одно имя котораго уже служило достаточнымъ ручательствомъ за полный успѣхъ предпринимаемаго Обществомъ дѣла и за точное исполненіе важныхъ обязанностей, на экспедицію возложенныхъ.

Статистикомъ экспедиціи избранъ былъ Совѣтомъ Общества Чл.-Сотр. Н. Я. Данилевскій, техникомъ ея Министерство Государственныхъ Имуществъ назначило Тит. Сов. Шульца, а младшимъ естествоиспытателемъ или помощникомъ начальникъ экспедиціи избралъ себѣ консерватора Музея Московскаго Университета канд. ест. наукъ Н. М. Семенова, который впрочемъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, выбылъ изъ состава экспедиціи на второй годъ ея дѣятельности, между тѣмъ какъ Н. Я. Данилевскій, бывшій по характеру своей научной подготовки натуралистомъ еще болѣе, чѣмъ статистикомъ, остался на все время экспедиціи ближайшимъ и единственнымъ научнымъ сотрудникомъ Бэра какъ по статистикѣ, такъ и по естествознанію. При экспедиціи былъ еще рисовальщикъ.

Занимаясь по преимуществу изученіемъ рыболовства въ естественно-историческомъ и техническомъ отношеніяхъ, К. М. Бэръ, въ связи съ этимъ предметомъ, изслѣдовалъ и весьма важные вопросы, имѣющіе и общій ученый интересъ, и особенное значеніе для географіи всего сѣверо-восточнаго прибрежья Каспійскаго моря. Въ числѣ этихъ общихъ предметовъ изслѣдованій К. М. Бэръ представилъ Обществу цѣлый рядъ отдѣльныхъ статей, имѣющихъ между собою связь по взаимному ихъ соотношенію. Въ числѣ ихъ Общество получило изслѣдованіе о томъ, какимъ образомъ произошло, по мнѣнію автора, пониженіе древняго Каспійскаго моря. Рядомъ съ этимъ изслѣдованіемъ К. М. Бэръ написалъ еще подробную записку о происхожденіи соляныхъ озеръ въ юго-восточной Россіи и составилъ описаніе Каспійскаго бассейна и его отдѣловъ. Всѣ эти статьи, по самому предмету содержанія, имѣютъ общую связь и написаны были для совокупнаго ихъ обнародованія подъ однимъ общимъ названіемъ: „Ученыя замѣтки о Кас-

пійскомъ морѣ и его окрестностяхъ“ [1]). Въ 1856 г. Общество получило еще отъ начальника Каспійской экспедиціи К. М. Бэра весьма любопытную записку о путешествіи на Манычъ, которая и была помѣщена затѣмъ въ „Вѣстникѣ“ Общества.

Экспедиція, работая съ полнѣйшимъ успѣхомъ, окончила свои занятія въ началѣ 1857 г., т. е. къ началу послѣдующаго періода, а такъ какъ превосходные научные ея результаты были обработаны Бэромъ и Данилевскимъ лишь въ послѣдующемъ періодѣ, то мы возвратимся къ нимъ въ одной изъ послѣдующихъ главъ.

---

[1]) Они были напечатаны впервые въ XI книжкѣ Записокъ Имп. Русск. Геогр. Общ., вышедшей въ 1856 году. Это и были пріобрѣвшіе (по изданіи ихъ на нѣмецкомъ языкѣ, съ продолженіями и добавленіями автора) всемірную извѣстность «Kaspische Studien» К. М. Бэра.

ГЛАВА XIII.

Издательская дѣятельность Общества и заботы его о научныхъ пособіяхъ: библіотекѣ и музеѣ Общества.

Издательская дѣятельность Общества получила уже обширное развитіе въ теченіе разсматриваемаго періода.

Изъ *непеҏіодическихъ* изданій Общества, вышедшихъ въ свѣтъ въ теченіе этого періода, первое мѣсто принадлежитъ конечно „Описанію Сѣвернаго Урала и берегового хребта Пай-Хой", заключающему въ себѣ всѣ научные результаты оконченной въ самомъ началѣ разсматриваемаго періода Уральской экспедиціи. О трудѣ этомъ мы уже говорили въ VIII главѣ (стр. 70). Здѣсь припомнимъ только, что I томъ сочиненія вышелъ подъ редакціею Д. Чл. Ковальскаго въ 1852 г., а II-й подъ редакціею Э. К. Гофмана въ 1855 г. и что, одновременно съ ними, вышли и нѣмецкія ихъ изданія. Карта же Сѣвернаго Урала, о которой мы также упоминали выше, вышла на двухъ языкахъ, одновременно съ I томомъ, въ 1852 г.

Вторымъ, по своему научному значенію, изъ непеѵіодическихъ изданій Общества былъ I томъ Риттеровой Азіи съ обширными дополненіями П. П. Семенова, вышедшій въ 1856 г. Томъ этотъ, о которомъ мы уже имѣли случай говорить выше въ главѣ IX (стр. 93), состоялъ изъ 45 печатныхъ листовъ, изъ коихъ почти половина приходилась на дополненія, исполненныя редакторомъ по усвоенному имъ методу Риттера, на основаніи источниковъ, появившихся въ географической литературѣ уже послѣ нѣмецкаго изданія этого тома Риттерова сочиненія, т. е. съ 1830 по 1848 годъ. Первый томъ русскаго изданія Риттеровой Азіи, заключающій въ себѣ описаніе Восточной Окраины Азіи, т. е. отчасти Амурскій край, Монголію, Манчжурію, пути по направленію въ Пекинъ и т. д. появился какъ нельзя болѣе кстати въ періодъ оживленія русскихъ изслѣдованій и путешествій въ тѣхъ странахъ, такъ какъ, независимо отъ собственно ученыхъ изысканій, къ этому времени пріурочивались Амурскія экспедиціи Н. Н. Муравьева, посольство графа Путятина въ Китай, отправленіе новой Духовной Миссіи въ Пекинъ и переѣзды множества лицъ, ѣхавшихъ занимать вновь открывав-

шіяся служебныя мѣста на нашей Восточной Окраинѣ. Рѣдкій изъ ѣдущихъ не запасался этимъ первымъ томомъ, какъ единственнымъ путеводителемъ въ невѣдомыхъ странахъ и все изданіе въ самомъ непродолжительномъ времени было раскуплено безъ остатка и нынѣ составляетъ такую же библіографическую рѣдкость, какъ и „Сѣверный Уралъ“ Гофмана.

Третьимъ неперіодическимъ изданіемъ Общества былъ 1-й выпускъ предполагаемаго текста къ атласу Тверской губерніи, вышедшій въ 1856 году подъ заглавіемъ: „Статистическое описаніе города Калязина, общее обозрѣніе уѣзда, экономическія примѣчанія и Межевая Вѣдомость всѣмъ дачамъ, съ алфавитомъ владѣльцевъ и принадлежащихъ имъ дачъ“. Книга эта состояла изъ 47 листовъ убористой печати, была составлена участниками Межевой экспедиціи, и печаталась безвозмездно въ сенатской типографіи, такъ что Общество платило только за одну бумагу изданія. Въ сущности книга эта заключала въ себѣ первый опытъ поземельной регистраціи въ Россіи, соединенной съ экономическимъ описаніемъ уѣздной территоріи. Къ сожалѣнію, съ выходомъ М. Н. Муравьева изъ Вице-Предсѣдателей Общества, полезное изданіе это не продолжалось. Межевые чины перестали продолжать разработку собранныхъ ими данныхъ, а Общество не имѣло возможности принять на свои скудныя средства разработку и изданіе собраннаго матерьяла.

Четвертымъ неперіодическимъ изданіемъ Общества въ разсматриваемомъ періодѣ было „Обзоръ путешествій и географическихъ открытій въ 5 лѣтіе съ 1848 по 1853 г.“. Этотъ трудъ представлялъ собственно отдѣльное изданіе цѣлаго ряда статей Дѣйств. Чл. Свенске, появлявшихся въ „Вѣстникѣ“ Императорскаго Русскаго Геогр. Общества съ 1854 по 1856 г. и образовалъ 2 тома, заключавшихъ въ себѣ всего 69 печатн. листовъ. Изъ нихъ первый вышелъ въ 1855 году, а второй въ 1857 г.

Самое капитальное изъ *картографическихъ изданій* Общества, кромѣ уже упомянутой выше (стр. 70) „Карты Сѣвернаго Урала“, былъ „Межевой атласъ Тверской губерніи“, о составленіи котораго было въ подробности говорено выше въ X главѣ (стр. 36). Первый выпускъ (заключавшій въ себѣ Калязинскій уѣздъ) этого атласа, издаваемаго подъ редакціею ген.-м. Менда, былъ оконченъ въ 1853 году и удостоился Высочайшаго вниманія и одобренія Императора Николая I. Остальные выпуски (всего ихъ было 12, состоявшихъ отъ 8 до 12 большихъ листовъ въ каждомъ) выходили съ 1854 по 1856 годъ, и наконецъ, къ самому началу послѣдующаго періода (въ началѣ 1857 г.), все предпріятіе изданія Межеваго атласа Тверской губерніи было закончено отпечатаніемъ и поступленіемъ въ продажу не только всѣхъ выпусковъ атласа, но и семитопографической карты губерніи на 4 листахъ, въ масштабѣ 8 верстъ въ дюймѣ. Прекратилось только, какъ уже было упомянуто выше, изданіе текстовъ.

Третьимъ картографическимъ изданіемъ Общества, вышедшимъ въ разсматриваемомъ періодѣ, была „Этнографическая карта Европейской Россіи“

П. И. Кеппена, вышедшая впервые въ 1851 году, выдержавшая затѣмъ еще два изданія и увѣнчанная Обществомъ двумя высшими наградами: Константиновскою медалью и Жуковскою преміею. Объ этой картѣ было уже говорено выше (стр. 42).

Четвертымъ картографическимъ изданіемъ Общества была вышедшая въ 1851 г. и упомянутая также уже выше, въ главѣ IX „Карта Аральскаго моря и Хивинскаго ханства“ Я. В. Ханыкова.

Всѣ непеによる періодическія изданія Общества выходили непосредственно подъ редакціею самихъ авторовъ или составителей этихъ изданій; для наблюденія же за редакціею періодическихъ изданій былъ образованъ особый Редакціонный Комитетъ подъ предсѣдательствомъ Помощника Предсѣдателя изъ 4 или болѣе членовъ и Секретаря Общества. Комитетъ этотъ, учрежденный въ ноябрѣ 1850 г., обязанъ былъ наблюдать: за приличнымъ распредѣленіемъ статей, помѣщаемыхъ въ изданіяхъ Общества, за правильностью языка, за единствомъ правописанія, особливо же географическихъ именъ, и за исправностью изданія вообще. Лица, на которыхъ Совѣтъ возлагалъ редакцію того или другого изданія, становились членами Редакціоннаго Комитета. Всѣ назначаемыя къ печатанію Совѣтомъ статьи поступали въ Комитетъ, который и распредѣлялъ ихъ между изданіями Общества. Относительно правописанія нарицательныхъ именъ, Совѣтъ долженъ былъ руководствоваться словаремъ Академіи Наукъ, относительно именъ географическихъ — придерживаться общаго употребленія и только въ самостоятельныхъ мѣстныхъ изслѣдованіяхъ оставлять правописаніе, принятое ихъ авторами. Въ форматѣ и шрифтѣ Комитетъ долженъ былъ руководствоваться постановленіями Совѣта. Первоначальный Комитетъ, кромѣ Помощника Предсѣдателя и Секретаря, былъ составленъ изъ К. С. Веселовскаго, В. В. Григорьева, Г. П. Неболсина и П. Г. Рѣдкина. Впослѣдствіи Комитетъ усиливался всѣми членами Общества, принимавшими дѣятельное участіе въ его изданіяхъ, но само собою разумѣется, что сдѣлавшееся многочисленнымъ коллегіальное учрежденіе не могло непосредственно руководить различными изданіями Общества и разрѣшало только недоумѣнія и вопросы, возбуждаемые самими редакторами.

Изъ періодическихъ изданій Общества, выходящихъ въ неопредѣленные заранѣе періоды, на первомъ планѣ стояли разумѣется „Записки“ Общества, служившія продолженіемъ уже начатой въ прошломъ періодѣ серіи, состоявшей изъ четырехъ книжекъ, о которыхъ мы говорили выше въ главѣ VI; въ разсматриваемомъ же періодѣ было издано, кромѣ отнесенной еще къ предшедшему періоду, но вышедшей впрочемъ въ 1850 г., IV книжки, семь книжекъ „Записокъ“.

V книжка вышла въ 1851 г., подъ редакціею П. Г. Рѣдкина (проф., впослѣдств. Ректоръ С.-П.Б. Унив., наконецъ Чл. Гос. Сов.). Въ ней были помѣщены слѣдующія статьи: 1) Д. Чл. А. И. Макшеева — Описаніе Аральскаго моря (2 печ. листа) — заключающее въ себѣ весьма важные для географической науки результаты какъ его собственныхъ наблюденій, такъ

и вообще замѣчательной и обильной по географическимъ своимъ работамъ экспедиціи Д. Чл. А. И. Бутакова, участникомъ которой въ 1848 и 1849 г. былъ и Макшеевъ; 2) Д. Чл. Г. И. Данилевскаго—Описаніе Хивинскаго ханства — интересная записка, представляющая результатъ миссіи полковника Г. И. Данилевскаго, отправленнаго нашимъ Правительствомъ, въ сопровожденіи натуралиста Д-ра Базинера, въ 1842 г. въ Хиву и возвратившагося въ 1843 г. Записка Данилевскаго находилась въ архивѣ главнаго штаба и считалась секретною до тѣхъ поръ, пока Обществу не удалось получить разрѣшеніе на ея напечатаніе; 3) Свѣдѣнія о Дикокаменныхъ Киргизахъ, составленныя въ Штабѣ Корпуса Сибирскихъ войскъ и доставленныя Обществу ген.-губ. кн. П. Д. Горчаковымъ (около 1 печ. листа); 4) Д. Чл. Ѳ. О. Максимова—Обзоръ тригонометрическихъ работъ въ Россіи. Статья эта (менѣе 3 печ. листовъ) была составлена геодезистомъ (тогда капит. корпус. топогр.) Максимовымъ для прочтенія въ Общемъ Собраніи Общества (чит. еще 15 окт. 1848 г.); 5) проф. Харьк. Унив. В. И. Лапшина—Нѣсколько климат. данныхъ, относящихся къ Харькову (менѣе 2 печ. лист.),—одна изъ лучшихъ метеорологическихъ статей, полученныхъ Обществомъ въ разсматриваемомъ періодѣ,—и 6) Я. В. Ханыкова—Пояснит. записка къ его картѣ Аральскаго моря, изданной Обществомъ въ томъ же 1851 году. Обширная эта записка (менѣе 6 печатн. листовъ) была читана въ извлеченіи въ Общемъ Собраніи 18 ноября 1850 г., въ присутствіи Августѣйшаго Предсѣдателя Общества и заключала въ себѣ, въ очень интересномъ изложеніи, всю исторію развитія нашихъ географическихъ познаній объ Аральскомъ бассейнѣ до 1850 года.

VI книжка была издана подъ редакціею Д. Чл. А. Н. Попова въ 1852 году и заключала въ себѣ: 1) Обширный трудъ Д. Чл. И. Д. Бѣляева по исторической географіи ($16^1/_2$ печ. листовъ), а именно—О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи; 2) топогр. Д. Юрьева—Топографическая опись Сѣверн. Урала. Обширная статья эта (болѣе 7 печ. листовъ) заключала въ себѣ отчетъ одного изъ участниковъ Уральской экспедиціи о географическихъ изысканіяхъ, совершонныхъ имъ въ составѣ экспедиціи въ 1847 г. Въ 1852 г. отчетъ этотъ былъ новостью, но впослѣдствіи онъ вошелъ въ описаніе Урала Э. К. Гофмана. 3) А. А. Рехенберга—Статист. описаніе лѣснаго пространства между р. Ураломъ и Восточн. Икомъ. Статья эта $7^1/_2$ печ. листовъ была написана авторомъ, офицеромъ корпуса лѣсничихъ, на основаніи собственныхъ наблюденій еще въ 1838 г. и погибла бы, еслибы Общество не приняло ее въ свои „Записки".

VII книжка записокъ, вышедшая въ 1853 г., подъ редакціею Д. Чл. А. В. Никитенко заключала въ себѣ только два капитальныхъ труда: 1) Дневникъ В. Н. Латкина во время его путешествія на Печору въ 1840—43 г. ($18^1/_2$ печ. листовъ). Этотъ обстоятельный и интересный отчетъ о путешествіи въ столь мало извѣстную часть Европ. Россіи, еще до времени основанія Общества, былъ переданъ въ печать только благодаря тому, что

В. И. Латкинъ сдѣлался Д. Членомъ Общества. Въ теченіе 8 лѣтъ Латкинъ не находилъ средствъ къ печатанію своего прекраснаго труда; 2) И. Ф. Бларамберга —Статистическое обозрѣніе Персіи (до $22^1/_2$ печ. листовъ). Это обширное описаніе было составлено штаб. офиц. Генер. Шт. (впосл. ген.-лейт.) И. Ф. Бларамбергомъ еще въ 1841 г., послѣ участія его въ Карелинской экспедиціи на Каспійскомъ морѣ и пребыванія его въ Персіи въ 1837—40 г. Оно находилось въ архивѣ Главнаго Штаба и считалось секретнымъ до тѣхъ поръ, пока Обществу не удалось получить его для напечатанія.

VIII книжка „Записокъ“ вышла также въ 1853 году, подъ редакціею Д. Чл. К. А. Неволина. Вся она ($20^1/_2$ печ. листовъ) состояла изъ увѣнчаннаго Обществомъ большою Константиновскою медалью капитальнаго труда этого почтеннаго ученаго „О Новгородскихъ пятинахъ и погостахъ“.

IX книжка „Записокъ“ вышла подъ редакціею Д. Чл. Д. А. Милютина также въ 1853 году и заключала въ себѣ: 1) обширное изслѣдованіе Н. Я. Данилевскаго — О климатѣ Вологодской губерніи съ примѣч. и дополн. статьею К. С. Веселовскаго (всего $16^1/_2$ листовъ). Изслѣдованіе это было увѣнчано Обществомъ Жуковскою преміею; 2) К. С. Веселовскаго – Метеорологическія наблюденія въ Севастополѣ, произвед. съ 1840 по 1851 контр.-адмир. Аркасомъ ($^1/_2$ листа); 3) прекрасное изслѣдованіе по исторической географіи Д. Чл. А. П. Попова—Сношенія Россіи съ Хивою и Бухарою при Петрѣ Великомъ (около 12 печ. листовъ); 4) Д. Чл. П. И. Иванова—Обозрѣніе геодезическихъ работъ въ Россіи со временъ Петра Великаго до сочиненія генеральной ландкарты Россіи въ 1746 году (статья въ 3 съ небольшимъ печ. листа).

X книжка вышла въ 1885 году, подъ редакціею Д. Чл. И. П. Арапетова и заключала въ себѣ: 1) обширное изслѣдованіе Д. Чл. П. И. Небольсина (болѣе 23 печ. листовъ)—Очеркъ торговли Россіи съ Средней Азіей и 2) Я. В. Ханыкова и Ю. В. Толстого – Списокъ астрон. пунктовъ въ с.-з. части Средней Азіи съ картой (4 печ. листа).

XI книжка „Записокъ“ вышла въ 1856 г. подъ редакціею Д. Чл. В. Г. Ерофѣева и заключала въ себѣ: 1) Отчеты объ изслѣдованіи девонской полосы Г. П. Гельмерсена (4 печ. листа) и Р. Пахта (болѣе 7 печ. листовъ); 2) К. М. Бэра — Ученыя замѣтки о Каспійскомъ морѣ и его окрестностяхъ (менѣе 3 печ. листовъ); 3) Ѳ. Семенова — Таблица показаній солнечныхъ и лунныхъ затмѣній съ 1840 по 2001 годъ ($6^1/_2$ листовъ); 4) Н. Марковича — Рѣки Полтавской губерніи—мѣстное изслѣдованіе (8 печ. лист.).

Къ періодическимъ изданіямъ Общества, выходящимъ въ неопредѣленные заранѣе періоды относились, кромѣ „Записокъ“, еще Этнографическій и Статистическій Сборники.

Перваго изъ нихъ (Этнографическаго Сборника) вышло въ разсматриваемомъ періодѣ двѣ книжки: I-я подъ редакціею Н. И. Надеждина и К. Д. Кавелина въ 1853 году и II-я подъ редакціею К. Д. Кавелина въ 1854 году. Обѣ книжки состояли исключительно изъ описаній народнаго быта, доставленныхъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи. Такихъ статей, во-

шедшихъ въ два тома, было всего 20, въ томъ числѣ изъ губерній Московской промышленной области 7 [1]), изъ Центральныхъ черноземныхъ 3 [2]), изъ Малороссійскихъ 2 [3]), изъ Юго-западныхъ 1 [4]), изъ Литовскихъ 2 [5]), наконецъ изъ Бѣлорусскихъ 5 [6]). Изъ нихъ 14 были напечатаны отдѣльно съ редакціонною только обработкою, а 6 (5 Витебскихъ и 1 Гродненская) соединены К. Д. Кавелинымъ въ одну довольно обширную статью: бытъ Бѣлорусскаго крестьянина, основою которой послужила замѣчательная статья вольноотпущенника Анимелле, а остальныя статьи, присланныя изъ Витебской и Гродненской г-ій, служили къ дополненію показаній Анимелле, вездѣ, гдѣ въ этихъ послѣднихъ статьяхъ представлялось что либо новое или уклоняющееся отъ показаній Анимелле.

„Статистическаго Сборника" въ разсматриваемомъ періодѣ вышли также двѣ книжки:

Въ I-й изъ нихъ, вышедшей въ 1851 г. подъ редакціей М. П. Заблоцкаго-Десятовскаго (младшаго брата Предсѣдательствующаго Отдѣленіемъ Статистики), была замѣтна первая попытка лучшихъ въ то время дѣятелей въ Отдѣленіи принести каждому свою лепту на сколько нибудь систематическую разработку въ то время еще весьма недостаточныхъ основныхъ статистическихъ матерьяловъ. Такое направленіе обнаруживается изъ самаго подбора статей, нарочно изготовленныхъ для Сборника, а именно: К. С. Веселовскаго—Пространство и степень населенности Европ. Россіи по даннымъ П. И. Кеппена (2 печ. лист.); М. Н. Муравьева—Вѣдомость о числѣ и простр. дачъ, откр. при полюб. спец. межев.; К. С. Веселовскаго—Метеор. набл. въ Россіи (1 печ. лист.); М. П. Заблоцкаго-Десятовскаго—О числѣ жит. въ Россіи по состояніямъ; А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго—Движ. нас. Россіи съ 1838 по 1847 г. (до 2 печ. лист.); Ѳ. И. Прянишникова—Письмен. сношенія Россіи въ 1848 г. (до 2 печ. лист.); М. П. Заблоцкаго-Десятовскаго—Обозр. внѣшн. торг. Россіи съ 1824 по 1848 г. (до 4 печ. лист.); К. В. Чевкина и А. Д Озерскаго—Обз. горн. промышл. Россіи съ 1826 по 1850 г. ($5^1/_2$ печ. лист.) и Н. А. Милютина—Статист. карта населенности Россіи.

II-я книжка „Статистическаго Сборника" вышла въ 1854 г., подъ редакціею

---

[1]) Изъ Нижегородской 2 (помѣщ. Боборыкина с. Васильевское, свящ. Доброзракова с. Ульяновка), Ярославской 3 (свящ. А. Преображенскаго волость Покрово-Ситская, прих. Станиловскій на Сити и с. Давшино), Тверской 2 (свящ. Лебедева «бытъ крест. Тверск. у.», свящ. С. Разумихина с. Бобровка).

[2]) Изъ Тульской 2 (свящ. П. Троицкаго с. Липицы, свящ. А. Рудакова с. Голунь и Новомихайловское), изъ Воронежской 1 (учит. гимназ. П. Малыхина «бытъ крест. Нижнедѣвицк. у.»).

[3]) Изъ Черниговской 1 (свящ. Базилевскаго мѣст. Александровка), Полтавской 1 (свящ. А. Иванина «домашн. бытъ Малоросса Полтавск. г.»).

[4]) Изъ Волынской (свящ. І. Морачевскаго с. Кобылье).

[5]) Изъ Виленской 1 (профес. Литовск. семин. И. Юркевича прих. Острисскій) и изъ Гродненской 1 (свящ. Поромѣнскаго).

[6]) Всѣ 8 изъ Витебской (вольноотпущеннаго Анимелле, помѣщика А. Родзевича, учит. Сырохнева, лекаря І. Ивановскаго и свящ. Клодницкаго).

Е. И. Ламанскаго. Самыя капитальныя въ ней статьи, увѣнчанныя полною Жуковскою преміею Общества принадлежали самому редактору и относились до финансовой статистики, а именно: „Историч. очеркъ денежнаго обращенія въ Россіи“ и „Статистич. Обозрѣніе операцій Госуд. Банка“ (въ обѣихъ болѣе 15 печ. лист.). Статьи эти упрочили, какъ извѣстно, заслуженную славу ихъ автору. Остальныя статьи, болѣе мелкія, относились до весьма различныхъ отраслей статистики, а именно: Д. Чл. И. А. Гана—О почтахъ въ Россіи; Д. Чл. М. Ѳ. Спасскаго—О вліяніи внѣшнихъ условій на долголѣтіе; Д. Чл. Л. М. Самойлова—Ист. и статист. свѣд. о Кяхтинской торговлѣ; Д. Чл. П. А. Валуева—Нѣск. статист. дан. по Лифляндск. г.; А. П. Рославскаго-Петровскаго—О торг. на Харьковск. ярм. 1842—46 и о госуд. кред. въ Харьковск. губ.; Н. Б. Герсеванова—О вліяніи неурожаевъ на увеличеніе смертности въ Новорос. краѣ въ 1849—50 г.

Къ періодическимъ изданіямъ Общества, выходившимъ въ неопредѣленные періоды, относятся еще Записки Кавказскаго и Сибирскаго Отдѣловъ, въ которыхъ нашла себѣ полное выраженіе дѣятельность этихъ вновь возникшихъ филіальныхъ учрежденій Общества.

„Записокъ Кавказскаго Отдѣла“ въ разсматриваемомъ періодѣ вышло три книжки.

I книжка вышла въ 1852 г., подъ редакціей графа В. А. Сологуба. Она заключала въ себѣ чрезвычайно интересный сводъ наблюденій надъ солнечнымъ затмѣніемъ 16 іюля 1851 г. и четыре первыя статьи, представленныя Отдѣлу его членами, а именно П. Услара—Равнины Эриванск. г. и—Взглядъ на Эриванск. г. въ гидрогр. отнош.; И. Дюкруасси—Кратк. опис. торгов. путей Закавказья, и П. Евлахова—Тифлисскіе карававъ-сераи. Само собою разумѣется, что, независимо отъ этихъ статей, въ „Запискахъ“ Отдѣла помѣщалась еще и лѣтопись и отчеты о его дѣятельности и смѣсь, состоящая изъ разныхъ мелкихъ статей и извѣстій.

II книжка „Записокъ“ Кавказскаго Отдѣла вышла въ 1853 году, подъ редакціею графа Сологуба и А. А. Харитонова (нынѣ сенатора). Она заключала въ себѣ очень интересное изслѣдованіе Н. В. Ханыкова—Объ измѣненіяхъ уровня Каспійскаго моря ($5^1/_2$ лист.) и нѣсколько мелкихъ статей наиболѣе дѣятельныхъ членовъ Отдѣла, а именно: А. Циммермана—О климатѣ Кутаисской губерніи (менѣе 1 листа); В. Новицкаго—Анапа и Закубанскія поселенія (около 2 печ. лист.); И. Дюкруасси—О торговлѣ желѣзомъ въ Закавказскомъ краѣ; Д. Свѣчина—Очеркъ народонаселенія, нравовъ и обычаевъ Дагестанцевъ.

III книжка Записокъ вышла въ 1855 году, подъ редакціею Е. А. Вердеревскаго, и заключала въ себѣ три капитальныя статьи: П. Ф. Рисса—О Талышинцахъ ($4^1/_2$ печ. л.); кн. Р. Эристова—О Тушино-Пшаво-Хевсурскомъ округѣ (того же размѣра) и И. А. Бартоломея—Поѣздка въ Вольную Сванетію (болѣе $5^1/_2$ печ. лист.).

Что же касается до „Записокъ Сибирскаго Отдѣла“, то I и II книжки ихъ вышли въ Петербургѣ, подъ редакціею Е. И. Ламанскаго, въ 1856 г.

Въ I изъ нихъ были помѣщены: Н. Бакшевича—Описаніе р. Иркута (болѣе 3 печ. лист.); протоіер. Хитрова (впосл. Преосв. Діонисія епископа Уфимскаго)—Опис. Жиганскаго улуса (2 печ. лист.); И. С. Сельскаго—Описаніе дороги отъ Якутска до Средне-Колымска ($1^1/_2$ печ. листа); Н. Аносова—Кратк. геогност. очеркъ прибрежій Амура ($1^1/_4$ печ. лист.).

Въ II книжкѣ: Пермикина— Путев. журн. плаванія по Амуру (5 печ. лист.); Юренскаго—Пещера и древн. письм. на рч. Мангутѣ; Д. Давыдова —О древн. памят. Верхнеудин. окр.; А. Мордвинова – Объ открытіи и проложеніи путей кругомъ Байкала; Н. Аносова и Версилова—О хар. золотоносности Нерчинск. окр. (кромѣ мелкихъ статей въ смѣси и лѣтописи Отдѣла).

Что же касается до періодическихъ органовъ, являющихся въ заранѣе опредѣленные періоды, то такимъ органомъ въ началѣ періода были „Географическія Извѣстія“, которыя въ 1850 г. издавались подъ редакціею В. В. Григорьева.

Эти „Географическія Извѣстія“, по содержанію своему, вполнѣ соотвѣтствовали той идеѣ, съ которою они были предприняты. Они сообщали: вопервыхъ свѣжія извѣстія о всемъ томъ, что происходило въ Обществѣ, вмѣстѣ съ чтеніями въ Общихъ Собраніяхъ, годовые отчеты и т. д., во-вторыхъ, живую хронику того, что предпринималось и совершалось въ Россіи въ циклѣ географическихъ наукъ внѣ Общества, въ-третьихъ нѣсколько отрывочныя сообщенія о томъ, что дѣлалось интереснаго съ русской точки зрѣнія по части географіи и въ другихъ странахъ и наконецъ въ-четвертыхъ, изъ получаемыхъ Обществомъ матерьяловъ тѣ мелкія статьи и извѣстія, которыя по своему характеру не могли ждать своей очереди для того, чтобы быть напечатанными въ „Запискахъ“ Общества. Само собою разумѣется, что такіе редакторы, какъ Н. И. Надеждинъ и В. В. Григорьевъ вели редакцію „Извѣстій“ чрезвычайно умѣло и добросовѣстно. Объемъ „Извѣстій“ въ 1850 году уже превзошелъ 42 печатныхъ листа.

Къ началу 1851 года В. В. Григорьевъ отказался отъ Редакціи „Извѣстій“ и Вице-Предсѣдатель Общества М. Н. Муравьевъ, стремясь къ тому, чтобы періодическій органъ Общества служилъ, въ возможно широкихъ размѣрахъ, для распространенія въ Россіи географическихъ познаній, не только о самой Россіи, но и о другихъ странахъ, обратился къ одному изъ корифеевъ тогдашней русской журналистики Д. Чл. Общества А. А. Краевскому, съ просьбою представить свои соображенія объ изданіи въ 1851 г. Обществомъ географическаго журнала въ такомъ духѣ. Представленныя Краевскимъ предположенія были одобрены Совѣтомъ и ему была поручена на 1851 г. редакція изданія періодическаго органа Общества, подъ именемъ „Вѣстника Имп. Русск. Геогр. Общества“. „Вѣстникъ“ этотъ долженъ былъ выходить по полутому (примѣрно въ 15 печ. листовъ каждый) разъ въ два мѣсяца. Главное наблюденіе надъ изданіемъ было поручено Редак-

ціонному Комитету Общества [1]). Первообразомъ изданія А. А. Краевскому служили конечно „Отечественныя Записки", имъ издаваемыя. Какъ и въ Отечественныхъ Запискахъ онъ раздѣлилъ „Вѣстникъ" на Отдѣлы, съ отдѣльною нумераціею для каждаго въ каждомъ томѣ, что конечно до крайности затрудняетъ отыскание статей въ изданіи. Само собою разумѣется, что программа изданія, т. е. заголовковъ Отдѣловъ, была иная, чѣмъ въ Отечеств. Запискахъ и спеціально принаровленная къ географическому изданію, но нельзя сказать, чтобы раздѣленіе изданія на Отдѣлы было придумано особенно счастливо. Отдѣловъ полагалось десять, а именно: I) Дѣйствія Общества; II) Чтенія въ его Собраніяхъ; III) Общая Географія; IV) Географія и Статистика Россіи; V) Этнографія; VI) Историческая Географія; VII) Путешествія; VIII) Дѣятельность Иностранныхъ Географическихъ Обществъ; IX) Библіографія; X) Смѣсь и мелкія географическія извѣстія.

А. А. Краевскій, какъ опытный редакторъ, озаботился прежде всего обезпеченіемъ на 1851 годъ III Отдѣла Вѣстника (Общая Географія), въ которомъ онъ усматривалъ центръ тяжести всего изданія, полагая что Отдѣлы I, II, IV, V, VI, VII и VIII обезпечены будутъ статьями, доставляемыми ему членами и Секретаремъ Общества, а на его отвѣтственности останутся только мелкіе Отдѣлы: IX (Библіографія) и X (Смѣсь). Вслѣдствіе того и при помощи Редакціоннаго Комитета ему удалось обезпечить „Вѣстникъ" цѣлымъ рядомъ обширныхъ статей, за редакцію которыхъ, по приглашенію Комитета, взялись Д. Чл. Свенске (Обозрѣніе главнѣйшихъ путешествій и геогр. открытій въ 10-ти-лѣтіе съ 1838 по 1848 годъ) и П. П. Семеновъ (Описаніе Новой Калифорніи, Новой Мексики и Орегона). Послѣдній трудъ, по приглашенію Редакціоннаго Комитета, былъ предпринятъ авторомъ, въ виду того всеобщаго интереса, который возбуждала въ то время Калифорнія, съ открытыми въ ней золотыми мѣсторожденіями. Рядъ статей Д. Чл. Свенске и Семенова (до 40 печатн. лист.), вмѣстѣ съ отчетомъ и протоколами Общества (21 печатн. лист.), составивъ около двухъ третей предполагаемаго и около половины дѣйствительнаго объема „Вѣстника", уже вполнѣ обезпечивали своевременный выходъ книжекъ. Затѣмъ, по IV отдѣлу — географіи и статистики Россіи, — набралось до 15 печатныхъ листовъ, благодаря нѣкоторымъ статистическимъ статьямъ, не попавшимъ въ изданную въ 1851 г. первую книжку „Статистическаго Сборника", какъ напр.: Несытова — Мануфактурная и торговая промышленность города Шуи, К. С. Веселовскаго — О земледѣліи и климатѣ Яренскаго и Устьсысольск. уѣздовъ; М. Коженникова — Производительность Каспійскаго моря; С. И. Барановскаго — Движеніе населенія въ Финляндіи, а также довольно обширной геогра-

[1]) Въ 1851 г. Комитетъ, подъ Предсѣдательствомъ Помощника Предсѣдателя К. И. Арсеньева, былъ въ слѣдующемъ составѣ: А. П. Болотовъ, К. С. Веселовскій, В. В. Григорьевъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, А. К. Казембекъ, М. А. Коркуновъ, Д. А. Милютинъ, Н. А. Милютинъ, Н. И. Надеждинъ, Г. П. Неболсинъ, А. Д. Озерскій, В. С. Порошинъ, М. Ф. Рейнеке, А. Н. Савичъ, Из. Ив. Срезневскій, А. Ѳ. Тюринъ, Я. В. Ханыковъ и Н. О. Шиховскій.

фической статьѣ Чл. Сотр. Гуляева,—Замѣтки объ Иртышѣ ($5^1/_2$ печатн. лист.),— перехваченной собственно у Записокъ Общества. Отдѣлъ VI (Географія Историческая) наполнился преимущественно довольно обширною статьею Ханыкова — (въ 5 печатн. лист.) „О поѣздкѣ Бурнашева и Поспѣлова въ Ташкентъ", Отдѣлы V (Этнографія) и VII (Путешествія) оказались слабыми по объему, такъ какъ все, что могло быть по нимъ капитальнаго, уходило въ другія изданія Общества (Этнографическій Сборникъ, Уралъ и Записки Общества), а попадали въ нихъ только статьи или опоздавшія въ Сборникъ или читавшіяся въ засѣданіяхъ Общества [1]), вслѣдствіе чего Отдѣлъ II (Чтенія въ Собраніяхъ Общества) остался въ „Вѣстникѣ" совсѣмъ невыполненнымъ, также какъ и Отдѣлъ VIII (Дѣятельность Иностранныхъ Географическихъ Обществъ). Изъ Отдѣловъ, лежавшихъ собственно на редакторѣ, Отдѣлъ X (Смѣсь и Геогр. Извѣстія) вышелъ достаточно объемистъ ($17^1/_2$ листовъ), благодаря тому, что пополнялся преимущественно заказными переводами и выборками изъ иностранныхъ изданій, но совершенно не представлялъ сколько нибудь систематическаго сообщенія извѣстій о современныхъ успѣхахъ географической науки. Отдѣлъ же IX (Библіографія) представлялся до крайности неполнымъ и слѣдилъ почти исключительно только за книгами географическаго содержанія, выходящими въ Россіи.

Всѣ три тома вышедшаго въ 1856 году „Вѣстника" составили 125 печатныхъ листовъ и обошлись Обществу немного дороже предположенной смѣты, а именно въ 2.320 р., но конечно количество подписчиковъ значительно увеличилось противъ числа подписчиковъ на „Географическія Извѣстія", такъ что все почти изданіе (600 экз.) разошлось безъ остатка.

Вступившій въ концѣ 1851 г. въ должность Секретаря Общества В. А. Милютинъ, указавъ Редакціонному Комитету на упомянутые выше недостатки „Вѣстника" 1851 года и выяснивъ невозможность для Редакціоннаго Комитета, по самому коллегіальному его характеру, осуществить какое бы то ни было руководство и наблюденіе надъ изданіемъ „Вѣстника" предложилъ дать Секретарю долю участія въ его редакціи и сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ самой программѣ изданія, для того, чтобы привести характеръ изданія въ бо̀льшее соотвѣтствіе съ его цѣлью.

Когда же Редакц. Комитетъ внесъ въ Совѣтъ свои, согласныя съ мнѣніемъ Секретаря Общества, предложенія, то Совѣтъ, въ виду отказа А. А. Краевскаго отъ редакціи „Вѣстника", рѣшился возложить эту редакцію на Секретаря Общества В. А. Милютина.

Съ согласія Комитета, Милютинъ измѣнилъ программу „Вѣстника", не отступая, впрочемъ, ни отъ общаго его содержанія, ни отъ раздѣленій на Отдѣлы, съ неудобною для читателей отдѣльною ихъ пагинаціею. Отдѣловъ въ „Вѣстникѣ" 1852 года было принято только семь. I-й заключалъ въ себѣ „Дѣйствія Обще-

[1]) Сюда относились: Из. И. Срезневскаго «Замѣч. о матер. для русск. языка»; Эйхвальда «Отрывки изъ путеш. въ Алжиръ въ 1847 г.»; П. И. Небольсина «Инородцы Астраханской г-іи»; Ценковскаго «Отч. о путеш. въ Суданъ»; М. Стаховича «Народныя примѣты».

случаю исполнившагося сего дня 50-лѣтія Вашей ученой дѣятельности, посвященной на пользу и славу нашего отечества.

Не здѣсь было бы мѣсто исчислять заслуги Ваши. Труды, совершонные Вами по различнымъ отраслямъ знанія, составляютъ общее достояніе и давно оцѣнены по достоинству, но на Совѣтѣ лежитъ болѣе близкая обязанность высказать глубокое сознаніе, раздѣляемое Членами Общества, о томъ благотворномъ и живительномъ вліяніи, которое вы постоянно имѣли на дѣятельность нашего Общества, со времени его основанія.

Вы были въ числѣ тѣхъ немногихъ, которымъ принадлежитъ первая мысль объ основаніи Географическаго Общества; Вы принимали потомъ непосредственное участіе въ его устройствѣ, и въ теченіе многихъ лѣтъ руководили занятіями одного изъ Отдѣленій. Но и сложивъ съ себя званіе Предсѣдательствующаго, вы продолжали посвящать Обществу самое теплое сочувствіе и въ послѣднее еще время не отказались взять на себя труды по важной экспедиціи, направленной къ южнымъ предѣламъ нашего отечества.

Такимъ образомъ, Императорское Русское Географическое Общество можетъ по справедливости гордиться тѣмъ, что въ продолженіе своего 19-лѣтняго существованія, оно имѣло Васъ въ числѣ своихъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ. Совѣтъ принимая радостное участіе въ сегодняшнемъ юбилеѣ, почитаетъ себя счастливымъ, что можетъ при этомъ высказать Вамъ чувства благодарности и уваженія, которыя одинаково одушевляютъ всѣхъ членовъ Общества".

Послѣ К. М. Бэра въ концѣ 1860 г. Отдѣленіе Этнографіи избрало своимъ Предсѣдательствующимъ Н. В. Калачова (въ то время профессора, а впослѣдствіи сенатора), а въ началѣ 1865 г., когда Калачовъ сдѣланъ былъ Начальникомъ Московскаго Архива, Предсѣдательствующимъ былъ избранъ молодой и весьма талантливый профессоръ С.-Петерб. Университета В. И. Ламанскій, который вынужденъ былъ въ 1868 г. сложить съ себя званіе, по случаю отъѣзда своего на продолжительное время въ Венецію для изученія тамошнихъ архивовъ, весьма важныхъ для географіи, этнографіи и славянской исторіи. На мѣсто В. И. Ламанскаго былъ избранъ старый дѣятель Геогр. Общества В. В. Григорьевъ, возвратившійся изъ Оренбурга (гдѣ онъ былъ Начальникомъ Управленія Киргизскими степями Оренбургскаго вѣдомства), и занявшій кафедру въ Петербургскомъ Университетѣ. Когда же Григорьевъ, сдѣлавшійся Главнымъ Редакторомъ Правительственнаго Вѣстника, (а потомъ Начальникомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати), отказался въ 1870 отъ своего званія, избранъ былъ въ Предсѣдательствующіе извѣстный своими учеными работами о Славянахъ А. Ѳ. Гильфердингъ. Помощникомъ Предсѣдательствующаго до 1860 г. былъ знаменитый историкъ Н. И. Костомаровъ, а въ послѣдніе годы періода извѣстный профессоръ С.-Петерб. Университета О. Ѳ. Миллеръ [1]).

---

[1]) Секретарями Отдѣленія въ разсматриваемомъ періодѣ были А. И. Артемьевъ (Старш. Редакт. Центр. Статист. Комитета, одинъ изъ почтеннѣйшихъ дѣятелей этого и послѣдую-

Общества и кромѣ небольшаго числа мелкихъ этнографическихъ и статистическихъ статей, не попавшихъ въ Этнографическій и Статистическій Сборники.

Обстоятельство это было замѣчено Редакціоннымъ Комитетомъ и В. А. Милютину вмѣнено въ обязанность принимать въ „Вѣстникъ“ статьи географическія, статистическія и въ особенности касающіяся до Россіи, тѣмъ болѣе, что Совѣтъ не нашелъ средствъ въ своемъ бюджетѣ 1853 года для изданія вторыхъ томовъ Этнографическаго и Статистическаго Сборниковъ. Вслѣдствіе того Милютинъ въ „Вѣстникъ“ 1853 г. включилъ два новыхъ Отдѣла: статистическій и этнографическій (сдѣлавшіеся III-мъ и IV мъ), такъ что совокупность этихъ Отдѣловъ со II-мъ увеличила сей послѣдній болѣе чѣмъ въ полтора раза (до 33 печ. листовъ) [1]). Зато Отдѣлъ извлеченій изъ иностранныхъ сочиненій уменьшился болѣе чѣмъ вдвое, Отдѣлъ библіографіи также нѣсколько сократился, Отдѣлъ же хроники и географическихъ извѣстій остался почти въ прежнемъ своемъ размѣрѣ.

Хотя въ „Вѣстникѣ“ 1854 года В. А. Милютинъ, въ виду отлива этнографическихъ и статистическихъ статей о Россіи во вторые томы изданныхъ въ этомъ году Статистическаго и Этнографическаго Сборниковъ, снова вернулся къ своимъ прежнимъ Отдѣламъ 1852 года, но II Отдѣлъ (Изслѣдованія и Матерьялы) дошелъ уже до 40 печатныхъ листовъ [2]), такъ какъ Милютинъ убѣдился, что Отдѣлъ этотъ болѣе интересуетъ русскую публику, чѣмъ библіографическій и извлеченія изъ иностранной географической литературы, которые въ совокупности уже заняли у него только 26 листовъ (вмѣсто 40 бывшихъ въ 1852 г.). Вмѣстѣ съ тѣмъ В. А. Милютинъ пришелъ также къ сознанію, что такая систематическая, хотя можетъ быть и нѣсколько тяжеловѣсная работа, какую представлялъ рядъ статей Свенске, приглашеннаго Редакціоннымъ Комитетомъ къ составленію обзора главныхъ путешествій съ 1848 по 1853 годъ, болѣе соотвѣтствовала цѣли изданія „Вѣстника“, чѣмъ отрывочныя свѣдѣнія, представляемыя въ хроникѣ и вслѣдствіе того онъ сократилъ эту хронику въ „Вѣстникѣ“ 1854 г. до 11 листовъ, увеличивъ Отдѣлъ изслѣдованій и матерьяловъ статьями Свенске на 22 печ. листа.

---

[1]) Мы не приводимъ здѣсь этнографическихъ статей, напечатанныхъ въ Вѣстникѣ 1853 года, такъ какъ всѣ онѣ перешли и въ Этнографическій Сборникъ (ч. I); остальныя оригинальныя статьи Вѣстника были слѣдующія: Лапшина «Слѣдуютъ ли вѣтры въ Харьковѣ закону вращенія Дове»; Спасскаго «Свѣдѣн. русскихъ о р. Амурѣ въ XVII в.»; Рославскаго «О движ. населенія въ Россіи»; Неситова «Обозрѣнія промышленности города Суздаля, Судогды и ихъ уѣздовъ»; Свенске «Обозр. кругосв. путеш. 1838—48»; И. Булычева «Опыты землед. въ Камчаткѣ»; Пежемскаго «Рыбная производительность Байкала»; С. Куторга «О финскомъ элементѣ въ Петербургск. г. (чтеніе)».

[2]) Кромѣ составившихъ въ этомъ числѣ болѣе половины объема Отдѣла статей Свенске (обзоръ главн. путешеств. и геогр. открытій съ 1848 по 1853 г.), вошедшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ отдѣльное изданіе, во II Отд. Вѣстника 1854 г. были еще слѣдующія оригинальныя статьи: игум. Макарія «Опис. г. Верхотурья»; И. И. Срезневскаго «Слѣды давняго знакомства (въ IX в.) русскихъ съ Южной Азіей»; Спасскаго-Автономова «Путев. записки отъ Баку до устья Урала»; Н. Абрамова «Слобода Царево Городище (г. Курганъ)»; Ад. Киркора «Населеніе г. Вильно»; Арх. Макарія «Опис. Ѳерапонтовской пуст.»; Абрамова «О климатѣ Березова»; А. Бобровникова «Джангаръ (калмыцк. народ. сказка)»; Ауербаха «Сѣрн. копи на Самарс. лукѣ»; П. И. Небольсина «Нѣсколько замѣч. объ уральскихъ казакахъ»; Ю. Ѳ. Штубендорфа «О Карагассахъ».

„Вѣстникъ“ 1855 года[1]), который уже вышелъ безъ имени редактора, такъ какъ онъ былъ только начатъ Милютинымъ, а за отъѣздомъ его по болѣзни за границу, оконченъ Е. И. Ламанскимъ, пошелъ еще далѣе въ томъ же направленіи, также какъ и „Вѣстникъ“ 1856 года, изданный уже всецѣло подъ редакціею Е. И. Ламанскаго. II отдѣлъ (Изслѣдованія и Матерьялы) возросъ въ 1855 г. до 46[2]), а въ 1856 г. до 59 печ. листовъ, тогда какъ наоборотъ Отдѣлы извлеченій изъ иностранныхъ сочиненій и библіографіи упали въ совокупности въ 1855 г. до 21, а въ 1856 г. до 15 листовъ. Отдѣлъ же хроники былъ соединенъ съ Отдѣломъ смѣси, подъ именемъ „Географическія извѣстія и смѣсь“.

Подводя общіе итоги къ издательской дѣятельности Общества въ теченіе втораго періода, мы можемъ сказать, что дѣятельность эта выразилась въ выпускѣ 40 книжекъ разныхъ изданій, содержащихъ въ себѣ (не считая повтореній однѣхъ и тѣхъ же статей въ разныхъ изданіяхъ Общества), до 1260 печ. листовъ, т. е. среднимъ числомъ ежегодно по 180 листовъ, между тѣмъ какъ въ предшедшемъ періодѣ на годъ (не принимая въ разсчетъ перваго года, въ которомъ ничего не было издано) приходилось не болѣе 42 печатныхъ листовъ.

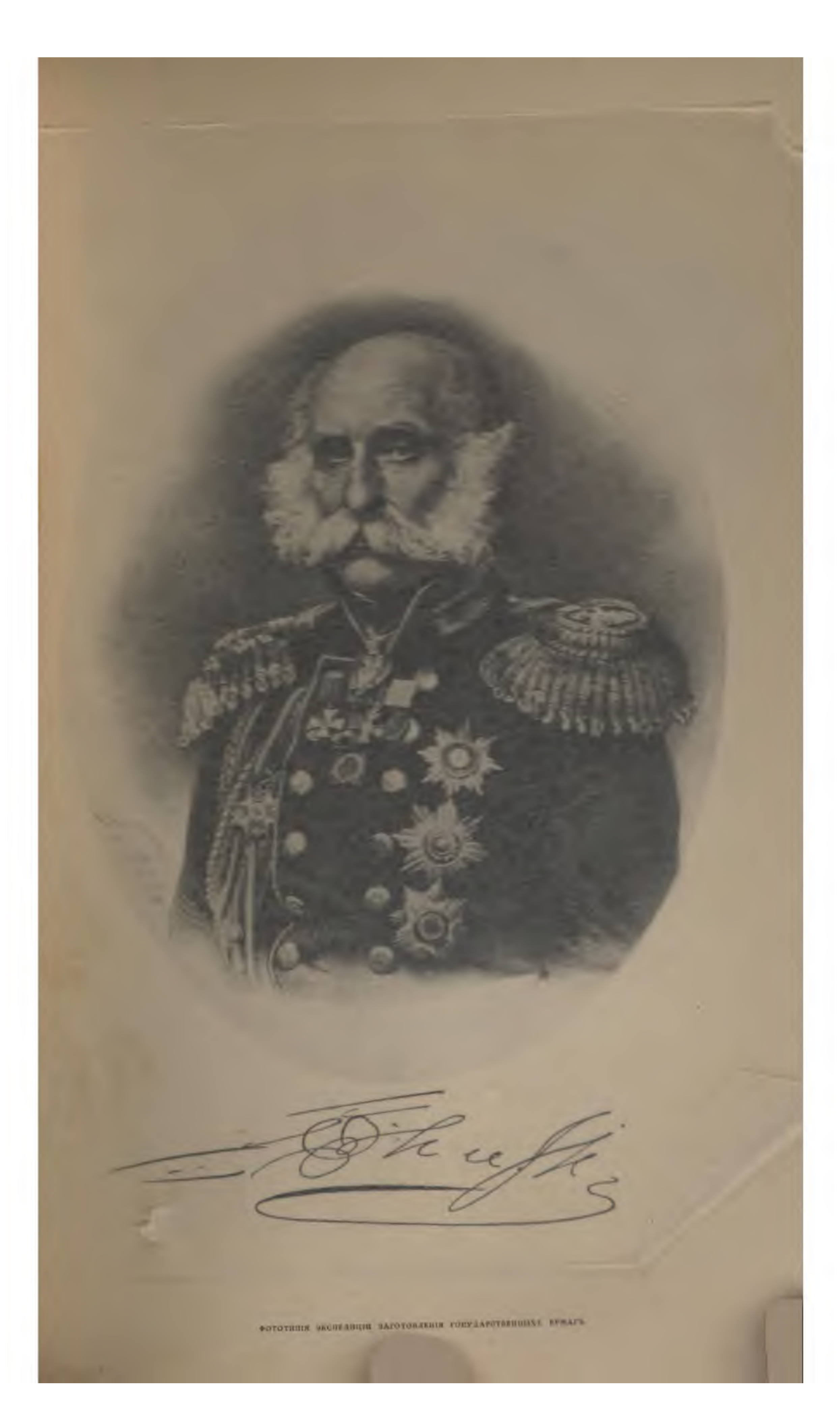
---

1) Кромѣ составляющаго во II Отдѣлѣ Вѣстника за 1855 г. до 21 печ. лис. Обзора Свенске были помѣщены еще слѣдующія оригинальныя статьи: Колмогорова «О промышл. и торговлѣ въ киргиз. степ. Сиб. вѣд.»; Афанасьева-Чужбинскаго «Бытъ малорус. крестьянина»; Луканина «Движ. насел. по Соликамск уѣзду»; Дестуниса «Очеркъ Клефтскаго быта»; А. Уманца «Три главы изъ путев. запис. на востокѣ»; архим. Веніамина, «Мезенскіе Самоѣды»; В. И. Ламанина «О клим. Харьковс. г-іи»; А. Б. «Опытъ изсл. древн. Югрѣ»; М. Попова «Слобода Трехъизбенская»; А. Н. Бекетова «Воспом. о Тифлисѣ»; Титова «Богатырскія поэмы Минусинск. Татаръ»; П. П. Семенова «Обозр. Амура въ физико-геогр. отношеніи».

2) Кромѣ составляющихъ во II Отд. Вѣстника за 1856 г. 12½ печ. лис. обзора Свенске были помѣщены въ немъ еще и слѣдующ оригин. статьи: К. С. Веселовскаго «Метеор. наб. въ Верховож. посадѣ»; А. Н. Бекетова «Географія растеній»; С.-К. «Замѣтки о зап. ч. Гроднен. г.»; Е. И. Ламанскаго «О возрастахъ»; Д. И. Романова «Мезенск. пути сообщенія»; М. А. Максимовича «Обозр. городовыхъ полковъ до смерти Богдана Хмѣльницкаго»; П. П. Семенова «О вулканическихъ явл. внутр. Азіи»; Н. С. Щукина «Геогр. и этногр. терминологіи Вост. Азіи»; Вишневскаго «О религіи некрещ. черемисъ»; В. И. Ламанскаго «Этногр. замѣч. Кастрена о Лопаряхъ, Карелахъ, Самоѣдахъ и Остякахъ»; И. И. Срезневскаго «Юго-Западные Славяне», В. В. Вельяминова-Зернова «Свѣд. о Кокандскомъ ханствѣ»; Н. А. Абрамова «Норъ-Зайсанъ»; Н. М. Вера «Поѣздка на Манычъ»; П. С. Савельева «Записка хорунж. Потанина о Кокандскомъ ханствѣ»; Г. И. Радде «Крымскіе Татары».

ОТДѢЛЪ III.

Періодъ Вице-Предсѣдательства графа Ѳ. П. Литке до 25-ти-лѣтняго юбилея Общества (съ янв. 1857 до янв. 1871 г.).

ФОТОТИПІЯ ЭКСПЕДИЦІИ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ

ОТДѢЛЪ III.

ГЛАВА XIV.

Административная дѣятельность Общества, измѣненія въ составѣ его главныхъ дѣятелей и внутренняя его жизнь (съ 1857 по 1871 г.).

Въ Годовомъ Собраніи 23 января 1857 года изъ трехъ кандидатовъ, предложенныхъ Совѣтомъ, Вице-Предсѣдателемъ Общества былъ весьма единодушно избранъ Ѳ. П. Литке [1]. Столь же единодушно повторялось избраніе, черезъ каждое 4-хъ-лѣтіе, почтеннаго основателя Общества, назначеннаго въ 1859 году Членомъ Государственнаго Совѣта; когда же въ 1863 году наступилъ 50-ти-лѣтній юбилей служебной дѣятельности Ѳ. П. Литке, совпавшій съ 10-ти-лѣтнимъ предсѣдательствомъ его въ Совѣтѣ Общества, то Совѣтъ, по предложенію, подписанному 102 членами Общества, постановилъ украсить залу Географическаго Общества портретомъ Ѳ. П. Литке, о чемъ онъ и былъ извѣщенъ слѣдующимъ письмомъ, подписаннымъ всѣми Членами Совѣта.

„Милостивый Государь
Ѳедоръ Петровичъ.

Императорское Русское Географическое Общество, желая ознаменовать глубокое уваженіе свое къ заслугамъ Вашего Высокопревосходительства на поприщѣ науки, и единодушную признательность за Вашу неусыпную дѣя-

[1]) Двумя другими кандидатами были: А. М. Княжевичъ (съ 1859 года сдѣлавшійся Министромъ Финансовъ) и Ф. П. Врангель.

[2]) Другими кандидатами, предлагаемыми Совѣтомъ въ разсматриваемомъ періодѣ были А. М. Княжевичъ, Е. П. Ковалевскій (директ. Азіатск. Департамента и Помощникъ Предсѣдателя съ 1851 г.), А. И. Левшинъ (товарищъ М-ра Вн. Дѣлъ, впослѣдствіи Чл. Гос. Сов.), А. С. Норовъ (бывшій М-ръ Нар. Просв.), В. П. Титовъ (бывш. посланникъ въ Константинополѣ), А. Г. Тройницкій (Товар. М-ра Вн. Дѣлъ, впослѣдствіи Чл. Гос. Сов.).

тельность въ его кругу, въ Общемъ Собраніи 5 сего октября *единогласно постановило:* украсить залъ Общества Вашимъ портретомъ. Доводя объ этомъ, по порученію Общества, до Вашего свѣдѣнія, Совѣтъ исполняетъ одну изъ пріятнѣйшихъ обязанностей, на него возложенныхъ.

Настоящее выраженіе признательности Общества есть, безъ сомнѣнія, слишкомъ слабая дань заслугамъ Вашимъ въ области землевѣдѣнія, стяжавшимъ Вамъ всеобщую извѣстность въ ученомъ мірѣ, и многолѣтнимъ трудамъ, посвященнымъ Вами на устройство и развитіе дѣятельности Русскаго Географическаго Общества, первоначальная идея учрежденія котораго принадлежитъ Вамъ же. Но какъ ни слаба эта дань, она конечно получитъ въ глазахъ Вашихъ бо́льшую цѣну, когда Вамъ будутъ извѣстны та искренность и то единодушіе, съ которымъ постановлено настоящее рѣшеніе Общества. Совѣтъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества съ своей стороны въ настоящемъ случаѣ не можетъ не вспомнить съ благодарностью о Вашихъ трудахъ въ должности его Предсѣдателя. Постоянно пользуясь Вашимъ просвѣщеннымъ руководствомъ во всѣхъ своихъ начинаніяхъ, Совѣтъ вполнѣ счастливъ, что можетъ и нынѣ продолжать свои труды подъ предсѣдательствомъ Вашимъ".

Портретъ Ѳ. П. Литке былъ исполненъ художникомъ Тютрюмовымъ. Въ 1864 году Ѳ. П. Литке былъ назначенъ Президентомъ Академіи Наукъ, а въ 1866 возведенъ въ графское Россійской Имперіи достоинство, но всетаки не хотѣлъ разставаться съ Обществомъ. Только передъ своимъ послѣднимъ избраніемъ, въ исходѣ 1868 года, графъ Литке уже отказывался отъ предсѣдательства, говоря, что не хочетъ перейти 80-лѣтняго возраста на столь активной должности и хотя чувствуетъ себя еще въ силахъ, но боится пережить такой моментъ, послѣ котораго уже не съумѣетъ сознательно отказаться отъ дѣла, которое ему будетъ не по силамъ. Однакоже на этотъ разъ маститый Вице-Предсѣдатель еще сдался на всеобщее желаніе своихъ сочленовъ и Августѣйшаго Предсѣдателя видѣть его во главѣ Общества во время 25-лѣтняго юбилея, послѣ котораго гр. Литке, дослуживъ свой срокъ (въ исходѣ 1871 г.), уже не согласился на новое избраніе.

Въ февралѣ 1857 г. А. И. Левшинъ, назначенный Товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, за множествомъ занятій, сложилъ съ себя званіе Помощника Предсѣдателя и на мѣсто его былъ избранъ Ег. П. Ковалевскій. Избраніе это повторилось и въ 1861 году, такъ что Ковалевскій пробылъ въ должности Помощника 6 лѣтъ, послѣ чего въ 1865 г. былъ снова избранъ бывшій въ то время уже Членомъ Госуд. Совѣта А. И. Левшинъ, достигшій, послѣ вторичнаго своего избранія, въ званіи Помощника уже до конца періода[1]).

[1]) Слѣдующія лица были избираемы еще Совѣтомъ въ кандидаты на должность Помощника Предсѣдателя въ разсматриваемомъ періодѣ: А. В. Веневитиновъ, А. К. Гирсъ, А. В. Головнинъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій.

Предсѣдательствующими въ Отдѣленіяхъ, въ началѣ 1857 года, были: въ Отдѣленіи Географіи Математической—С. И. Зеленый, Физической—А. Д. Озерскій, Этнографіи—Из. Ив. Срезневскій, Статистики—К. С. Веселовскій.

Въ Отдѣленіи Географіи Математической Предсѣдательствующимъ былъ до марта 1860 г. С. И. Зеленый, съ 1860 по 1866 (два трехлѣтія) О. В. Струве (директоръ Пулковской обсерваторіи), а съ 1866 и до 1870 опять С. И. Зеленый. Въ мартѣ же 1870 г. Предсѣдательствующимъ Отдѣленіемъ былъ избранъ Н. А. Ивашинцовъ, скончавшійся въ янв. 1871 г. Помощникомъ Предсѣдательствующаго вначалѣ періода былъ А. С. Савельевъ, умершій въ 1860 г., затѣмъ С. С. Рехневскій (полковн., а потомъ ген.-м. Генеральнаго Штаба), а за тѣмъ съ янв. 1866 Э. И. Форшъ (впослѣдствіи ген.-лейт. Главнаго Штаба и Нач. воен. топогр. депо), остававшійся въ этомъ званіи до конца періода.

Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Географіи Физической А. Д. Озерскій уже въ ноябрѣ 1857 былъ назначенъ Томскимъ Губернаторомъ и Главнымъ Начальникомъ Алтайскаго Горнаго Округа, вслѣдствіе чего на его мѣсто былъ избранъ Г. П. Гельмерсенъ, а Помощникомъ снова П. П. Семеновъ, который только что возвратился изъ своего путешествія въ Средней Азіи. Черезъ три года, при слѣдующемъ срокѣ избранія (30 января 1860 г.), П. П. Семеновъ уже былъ избранъ въ Предсѣдательствующіе въ Отдѣленіи, въ каковой должности оставался четыре трехлѣтія, до своего избранія въ янв. 1872 г. Вице-Предсѣдателемъ Общества [1]). Помощникомъ П. П. Семенова, какъ Предсѣдательствующаго Отдѣленіемъ, былъ до своего избранія въ 1870 г. въ Предсѣдательств. Отдѣл. Математич. Геогр., т. е. до 1870 г., почтенный изслѣдователь Каспійскаго моря Н. А. Ивашинцовъ [2]). Г. П. Гельмерсену и П. П. Семенову Совѣтъ Общества за ихъ продолжительную и полезную дѣятельность въ качествѣ Предсѣдательствующихъ Отдѣленіемъ, выразилъ свою признательность присужденіемъ въ разсматриваемомъ періодѣ своихъ малыхъ золотыхъ медалей.

Въ Отдѣленіи Этнографіи Из. Ив. Срезневскій сложилъ съ себя званіе Предсѣдательствующаго въ 1859 г., на мѣсто его былъ избранъ Поч. Чл. Общества К. М. Бэръ, сложившій съ себя званіе въ концѣ слѣдующаго 1860 г. Когда же въ 1864 году исполнилось 50 лѣтъ ученой дѣятельности К. М. Бэра Совѣтъ Общества почтилъ его слѣдующимъ адресомъ:

„Милостивый Государь
Карлъ Максимовичъ.

Совѣтъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества имѣетъ честь выразить Вамъ радостное привѣтствіе, отъ имени всего Общества, по

---

[1]) Такимъ образомъ П. П. Семенову, начавшему свою дѣятельность въ Обществѣ съ начала 1849 года, въ теченіе 36 лѣтъ пришлось присутствовать почти во всѣхъ засѣданіяхъ Совѣта Общества.

[2]) Секретарями Отдѣленія въ разсматриваемомъ періодѣ были въ началѣ А. Ф. Бушенъ, а въ концѣ кн. П. А. Кропоткинъ.

случаю исполнившагося сего дня 50-лѣтія Вашей ученой дѣятельности, посвященной на пользу и славу нашего отечества.

Не здѣсь было бы мѣсто исчислять заслуги Ваши. Труды, совершонные Вами по различнымъ отраслямъ знанія, составляютъ общее достояніе и давно оцѣнены по достоинству, но на Совѣтѣ лежитъ болѣе близкая обязанность высказать глубокое сознаніе, раздѣляемое Членами Общества, о томъ благотворномъ и живительномъ вліяніи, которое вы постоянно имѣли на дѣятельность нашего Общества, со времени его основанія.

Вы были въ числѣ тѣхъ немногихъ, которымъ принадлежитъ первая мысль объ основаніи Географическаго Общества; Вы принимали потомъ непосредственное участіе въ его устройствѣ, и въ теченіе многихъ лѣтъ руководили занятіями одного изъ Отдѣленій. Но и сложивъ съ себя званіе Предсѣдательствующаго, вы продолжали посвящать Обществу самое теплое сочувствіе и въ послѣднее еще время не отказались взять на себя труды по важной экспедиціи, направленной къ южнымъ предѣламъ нашего отечества.

Такимъ образомъ, Императорское Русское Географическое Общество можетъ по справедливости гордиться тѣмъ, что въ продолженіе своего 19-лѣтняго существованія, оно имѣло Васъ въ числѣ своихъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ. Совѣтъ принимая радостное участіе въ сегодняшнемъ юбилеѣ, почитаетъ себя счастливымъ, что можетъ при этомъ высказать Вамъ чувства благодарности и уваженія, которыя одинаково одушевляютъ всѣхъ членовъ Общества".

Послѣ К. М. Бэра въ концѣ 1860 г. Отдѣленіе Этнографіи избрало своимъ Предсѣдательствующимъ Н. В. Калачова (въ то время профессора, а впослѣдствіи сенатора), а въ началѣ 1865 г., когда Калачовъ сдѣланъ былъ Начальникомъ Московскаго Архива, Предсѣдательствующимъ былъ избранъ молодой и весьма талантливый профессоръ С.-Петерб. Университета В. И. Ламанскій, который вынужденъ былъ въ 1868 г. сложить съ себя званіе, по случаю отъѣзда своего на продолжительное время въ Венецію для изученія тамошнихъ архивовъ, весьма важныхъ для географіи, этнографіи и славянской исторіи. На мѣсто В. И. Ламанскаго былъ избранъ старый дѣятель Геогр. Общества В. В. Григорьевъ, возвратившійся изъ Оренбурга (гдѣ онъ былъ Начальникомъ Управленія Киргизскими степями Оренбургскаго вѣдомства), и занявшій кафедру въ Петербургскомъ Университетѣ. Когда же Григорьевъ, сдѣлавшійся Главнымъ Редакторомъ Правительственнаго Вѣстника, (а потомъ Начальникомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати), отказался въ 1870 отъ своего званія, избранъ былъ въ Предсѣдательствующіе извѣстный своими учеными работами о Славянахъ А. Ѳ. Гильфердингъ. Помощникомъ Предсѣдательствующаго до 1860 г. былъ знаменитый историкъ Н. И. Костомаровъ, а въ послѣдніе годы періода извѣстный профессоръ С.-Петерб. Университета О. Ѳ. Миллеръ [1]).

---

[1]) Секретарями Отдѣленія въ разсматриваемомъ періодѣ были А. И. Артемьевъ (Старш. Редакт. Центр. Статист. Комитета, одинъ изъ почтеннѣйшихъ дѣятелей этого и послѣдую-

Въ Отдѣленіи Статистики, избранный Непремѣннымъ Секретаремъ Академіи Наукъ, К. С. Веселовскій сложилъ съ себя званіе Предсѣдательствующаго въ январѣ 1862 г., а на мѣсто его былъ избранъ Е. И. Ламанскій, (бывшій Секретарь Общества, впослѣдствіи Управляющій Государственнымъ Банкомъ); переизбираемый въ послѣдующія трехлѣтія онъ оставался въ своемъ званіи до конца періода. Помощникомъ Е. И. Ламанскаго до 1866 г. былъ А. И. Артемьевъ, а съ 1866 г. А. Б. ф. Бушенъ (Старшій Редакт. Центр. Статистич. Комитета, весьма способный и дѣятельный членъ Общества) [1]). Какъ только были учреждены малыя золотыя медали, Совѣтъ Общества почтилъ многолѣтнюю дѣятельность въ двухъ предшедшихъ періодахъ по предсѣдательствованію Отдѣленіемъ Статистики А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго присужденіемъ ему золотой медали.

Секретаремъ Общества начало III періода застало Е. И. Ламанскаго, по случаю командировки котораго за границу для изученія кредитныхъ учрежденій Франціи въ февралѣ 1857 г., обязанности Секретаря были поручены В. П. Безобразову. Когда же возвратившійся къ своей должности въ 1858 г. Е. И. Ламанскій, въ сентябрѣ 1859 г., по усиленію своихъ занятій (онъ былъ въ это время членомъ Редакціонной Коммиссіи по крестьянскому дѣлу), отказался, отъ своей должности, то Секретаремъ, по предложенію Вице-Предсѣдателя, былъ назначенъ Ѳ. Г. Тернеръ (впослѣдствіи Товар. Министра Финансовъ, нынѣ сенаторъ), за отъѣздомъ котораго въ 1861 г., въ теченіе цѣлаго года, обязанности его исполнялъ бар. Ѳ. Р. Остенъ-Сакенъ (впослѣдствіи Помощникъ Предсѣдателя Общества, нынѣ директ. Департ. Внутр. Сношеній Министерства Иностранныхъ Дѣлъ). По окончательномъ же сложеніи Тернеромъ званія Секретаря Общества, въ окт. 1862 г., Секретаремъ, по желанію Вице-Предсѣдателя, избранъ былъ В. П. Безобразовъ, вносившій большую оживленность всюду, гдѣ ему приходилось дѣйствовать. Совѣтъ Общества оцѣнилъ неутомимую дѣятельность В. П. Безобразова присужденіемъ ему малой золотой медали. Когда же В. П. Безобразовъ, по избраніи своемъ Академикомъ, получилъ весною 1864 г. продолжительную командировку отъ Министерства Финансовъ, должность его была поручена бар. Ѳ. Р. Остенъ-Сакену, который, по сложеніи съ себя Безобразовымъ своего званія, былъ избранъ окончательно Секретаремъ Общества въ янв. 1865 г. и уже оставался въ этой должности до конца періода, сдѣлавъ продолжительную отлучку только весною и лѣтомъ 1867 года для путешествія въ Тянъ-шань, во время котораго должность Секретаря исполнялъ его Помощникъ Ѳ. А. Подгурскій [2]).

щаго періода), В. И. Ламанскій (въ концѣ періода Предсѣд. Отдѣленія), Ѳ. Л. Барыковъ (впосл. Управляющ. Земскимъ Отдѣломъ Минист. Вн. Дѣлъ, а затѣмъ Сенаторъ), В. В. Стасовъ, Е. Е. Замысловскій (впосл. профессоръ), Л. Н. Майковъ (въ послѣдующ. періодѣ Предсѣдат. Отдѣленія, нынѣ Вице-Президентъ Академіи Наукъ) и кн. П. Н. Церетелевъ.

[1]) Секретарями Отдѣленія въ разсматриваемомъ періодѣ были: В. И. Вешняковъ (впослѣдствіи Товарищъ Министра Гос. Им., нынѣ Чл. Госуд. Сов.), А. Б. ф. Бушенъ, М. Н. Раевскій (нынѣ Членъ Статистическаго Совѣта) и Н. Ѳ. ф.-д.-Флитъ.

[2]) Помощниками Секретарей были въ разсматриваемый періодъ Ѳ. А. Подгурскій (съ 1851 г. до конца періода), В. В. Звѣринскій и Л. М. Броссе.

Членами Совѣта въ теченіе разсматриваемаго періода были изъ видныхъ дѣятелей прежнихъ періодовъ: К. М. Бэръ, К. С. Веселовскій, Ю. А. Гагемейстеръ, Г. П. Гельмерсенъ, А. К. Гирсъ, В. В. Григорьевъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, С. И. Зеленый, Е. И. Ламанскій, А. И. Левшинъ, П. С. Савельевъ, А. Н. Савичъ, а изъ членовъ, выдавшихся своею дѣятельностью въ циклѣ географическихъ наукъ въ разсматриваемомъ періодѣ: А. И. Артемьевъ (извѣстн. своими трудами по статистикѣ и историческ. географіи, впосл. Членъ Статист. Совѣта), В. П. Безобразовъ (извѣстн. экономистъ, впослѣд. академикъ и сенаторъ), А. И. Бутаковъ (изслѣдователь Аральскаго моря, впосл. адмиралъ), А. И. Бутовскій (директоръ Департам. Мануфактуръ и Торговли, впослѣдствіи сенаторъ), А. Б. фонъ-Бушенъ (статистикъ), В. В. Вельяминовъ Зерновъ (оріенталистъ, академикъ, нынѣ Попеч. Кіевск. учебн. окр.), А. И. Веригинъ (Генер.-квартирмейстеръ, впосл. Чл. Гос. Сов.), В. И. Вешняковъ (статистикъ, впосл. Тов. Мин. Госуд. Им., нынѣ Чл. Гос. Сов.), графъ Ѳ. Л. Гейденъ (Нач. Главн. Шт., нынѣ Финляндск. Ген. Губерн.), Н. А. Ивашинцовъ (изслѣдоват. Каспійскаго моря), Н. П. Игнатьевъ (прославившійся поѣздкою въ Бухару и заключен. Пекинскаго договора, въ разсматриваемомъ періодѣ директ. Азіатск. Департ., впослѣдствіи посолъ въ Константинополѣ, графъ и Министръ Внутр. Дѣлъ), Л. Н. Майковъ (нынѣ Вице-Презид. Акад. Наукъ), К. Н. Посьетъ (извѣстн. своими плаваніями и открытіями въ Японскомъ морѣ, впослѣдствіи адмиралъ и Министръ Путей Сообщенія), Ѳ. Г. Тернеръ (впосл. тов. Мин. Финансовъ, нынѣ Сенаторъ) А. Г. Тройницкій (тов. Министра Внутр. Дѣлъ, впосл. Чл. Госуд. Совѣта), Д. П. Хрущовъ (впослѣдствіи Управляющ. Минист. Госуд. Имуществъ), Н. А. Шестаковъ (впосл. Управляющій Морскимъ Министерствомъ), А. Ѳ. Штакельбергъ (управлявшій временно Центр. Статист. Комитетомъ).

Казначеемъ Общества былъ во весь почти періодъ до янв. 1869 года М. Д. Княжевичъ, а съ 1869 г. Н. Б. Штиглицъ.

Общество, въ теченіе разсматриваемаго періода, многократно удостоивалось Высочайшаго вниманія и милостей. Такъ въ 1857 г., по ходатайству Августѣйшаго Предсѣдателя Общества, былъ командированъ за границу для научныхъ работъ Секретарь Общества Е. И. Ламанскій. Въ 1859 г. были Высочайше дарованы Обществу просимыя имъ средства на снаряженіе Хорасанской экспедиціи. Въ 1861 г., по внесенному Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ въ Государственный Совѣтъ представленію, состоялось слѣдующее Высочайше утвержденное 18 дек. 1861 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта: „Въ дополненіе подлежащихъ статей устава о службѣ по опредѣленію отъ Правительства (Св. Зак, 1857 г. т. III), постановить, что несостоящимъ на государственной службѣ лицамъ, которыя будутъ отправляемы Импер. Русскимъ Геогр. Обществомъ въ дальнія путешествія, съ ученою цѣлію, предоставляются права государственной службы, какъ за время, проведенное ими въ экспедиціи, такъ и за время нужное для составленія подробнаго отчета

о всемъ, учиненномъ ими по ввѣренной имъ экспедиціи". Въ 1861 же году Высочайше даровано на Азовскую экспедицію Географическаго Общества 5.000 рублей. 20 апр. 1862 г., по докладу Управл. Мин. Народн. Просвѣщенія Ст. Секр. А. В. Головнина, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, учредивъ VI-ую С.-Петербургск. Гимназію, помѣстить ее въ домѣ, который занимали бывшіе Министры Народн. Просвѣщенія, и отвести въ томъ же домѣ безвозмездное помѣщеніе для Имп. Русск. Геогр. Общества, возложивъ при томъ всѣ распоряженія по устройству помѣщенія, какъ для Гимназіи, такъ и для Общества на Члена Главнаго Правленія Училищъ Д. Ст. Сов. Постельса. 6 сент. того же 1862 года, также по докладу Управл. Мин. Народ. Просв., Государь Императоръ даровалъ Обществу 10.000 р., на предпринимаемую имъ этнографическую экспедицію въ Западный Край; 8 апрѣля 1863 г. 5.000 р. на изданія по Сибирской экспедиціи Общества, а въ 1867 г., по представленію Мин. Вн. Д., 2.000 рублей на хлѣбную экспедицію (см. ниже), что вмѣстѣ съ ассигнован. на тотъ же предметъ Минист. Госуд. Имуществъ и Морскимъ составило 6.000 рублей. Въ 1868 г. Государю Императору благоугодно было подарить Обществу превосходную рельефную карту Кавказа, составленную подъ руководствомъ Іер. И. Стебницкаго (нынѣ Помощ. Предсѣд. Общества). Въ 1869 г. Высочайше было даровано Обществу на экспедицію архимандрита Палладія въ Манчжурію и Уссурійскій край 5.000 р.

По ходатайствамъ Общества многіе изъ его дѣятелей удостоивались Высочайшихъ наградъ. Такъ въ 1858 г. получилъ орденъ Владиміра 4-й степени Д. Чл. П. П. Семеновъ, за свою экспедицію въ Центральную Азію. Въ 1859 г. время проведенное Е. И. Ламанскимъ въ должности Секретаря Общества зачтено было ему въ дѣйствительную службу и онъ произведенъ въ Статскіе Совѣтники. Въ 1860 г. участники Хорасанской экспедиціи награждены: професс. Дерпт. Унив. Д. Ст. Сов. Бунге орденомъ Владиміра 3-й степени, д-ръ Гебель и Р. Э. Ленцъ орденами Анны 3-й степени, провизоръ Бинертъ орденомъ Станислава 3-й степени. Въ 1862 г. кол. Секр. Смирновъ, за его труды по Сибирскому Отдѣлу, удостоенъ полученія ордена Станислава 3-й степени. Въ 1864 г. Казначей Общества М. Д. Княжевичъ удостоенъ пожалованіемъ ордена Анны 2-й степени съ короною, а помощникъ Секр. Общества Ѳ. А. Подгурскій орденомъ Анны 2-й степени. Въ томъ же году участникамъ Сибирской экспедиціи Общества дарованы: магистру Шмидту пенсія въ 300 р., а кандидату Глену орденъ Станислава 3-й степени. Въ 1865 г., В. П. Безобразовъ, за свои заслуги по должности Секретаря Общества, награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3-й степени. Въ 1867 г. кап. Лопатинъ, за экспедиціи на Витимъ и въ Туруханскій край, награжденъ орденомъ Владиміра 4-й степени. Въ 1869 г. пор. Шебунинъ, за картографич. работы для Общества,—орденомъ Станислава 3-й степени, въ 1870 г. Правитель дѣлъ Сибирскаго Отдѣла А. Ф. Усольцевъ орденомъ Анны 2-й степени, а при 25 лѣтнемъ юбилеѣ Общества Помощ-

никъ Секретаря Ѳ. А. Подгурскій произведенъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники.

Высшая награда Общества—Константиновская медаль въ теченіе разсматриваемаго періода присуждалась:

За 1857 и 1858 годы К. С. Веселовскому за его сочиненіе „О климатѣ Россіи", явившееся результатомъ многолѣтнихъ его трудовъ по русской метеорологіи и И. С. Аксакову за его талантливое изслѣдованіе объ Украинскихъ ярмаркахъ.

За 1859 г. астроному Шварцу за его труды по Сибирской экспедиціи.

За 1860 и 1861 года К. М. Бэру за его образцовыя изслѣдованія Каспійскаго рыболовства и А. Ѳ. Миддендорфу за превосходные труды его по разработкѣ его Сибирскаго путешествія.

За 1862 и 1863 года В. И. Далю за его многолѣтній и монументальный трудъ „Толковый Словарь живаго великорусскаго языка" и В. Я. Струве за его колоссальный трудъ „Измѣреніе дуги меридіана отъ Ледовитаго моря до Дуная".

За 1864 годъ Н. И. Ивашинцову за его многолѣтнее и превосходное описаніе и изслѣдованіе бассейна Каспійскаго моря.

За 1865 г. Г. П. Гельмерсену за его геологическую карту и всѣ предшедшія его геологическія изслѣдованія Россіи.

За 1886 г. Н. Я. Данилевскому за его изслѣдованія на Азовскомъ морѣ и всѣ предшедшіе его труды по участію въ Каспійской экспедиціи.

За 1867 и 1868 г. О. И. Ходзько за его долголѣтніе и замѣчательные труды по съемкамъ и вообще географіи Кавказа и Е. Н. Анучину за его изслѣдованія по уголовной статистикѣ Россіи.

За 1869 годъ Л. И. Шренку за его очерки физич. географіи Японскаго моря и за всѣ предшествовавшіе его географическіе и зоографическіе труды въ бассейнѣ Амура.

За 1870 годъ В. П. Васильеву за его „Буддизмъ" и вообще за превосходныя изслѣдованія по китайскимъ источникамъ въ области Географіи Азіи.

Жуковская премія была въ разсматриваемомъ періодѣ уже на исходѣ. Въ началѣ 1857 года она присуждена была Я. А. Соловьеву за его очень самостоятельный и основательный трудъ „Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губерніи". Къ началу 1858 года таже премія была присуждена за вышедшее въ 1856 г. обширное и прекрасное „Статистическое описаніе Кіевской губерніи" наслѣдникамъ уже умершаго его автора Д. П. Журавскаго. Сенатору же Н. И. Фундуклею, которому трудъ Журавскаго обязанъ былъ своимъ осуществленіемъ и изданіемъ, Августѣйшій Предсѣдатель, по представленію Совѣта, изъявилъ признательность Свою и Общества милостивымъ рескриптомъ. Наконецъ послѣдняя премія, съ наросшими на нее процентами, была присуждена, въ декабрѣ 1861 года, протоіерею Гиляровскому за его замѣчатель-

ный рукописный трудъ „о рожденіи и смертности дѣтей въ Новгородской губерніи“.

Еще въ 1848 г. Ѳ. П. Литке возбуждалъ въ Совѣтѣ Общества вопросъ о томъ, что одна Константиновская медаль, выдаваемая ежегодно за самыя крупныя заслуги въ области географическаго изслѣдованія Россіи и странъ съ нею сопредѣльныхъ, не достаточна для поощренія заслугъ, оказываемыхъ русской географіи, особливо въ кругу непосредственной дѣятельности Общества, и что весьма желательно было бы учрежденіе для сей цѣли нѣсколькихъ малыхъ медалей. Разсмотрѣніе этого вопроса было отложено и онъ не возбуждался ни разу во II періодѣ.

Только въ октябрѣ 1857 года Отдѣленіе Статистики представило Совѣту свои соображенія о томъ, что съ развитіемъ дѣятельности Общества, часто бываетъ необходимо отдать достойную дань уваженія и поощренія за труды, кои не подходятъ по характеру своему, подъ условія существовавшихъ до того времени наградъ. Такого рода трудами и услугами бываютъ напр.: сочиненія, имѣющія большія ученыя достоинства, но не такой первостепенной важности, которая давала бы имъ право на высшую награду—Константиновскую медаль, составленіе ученыхъ инструкцій для снаряжаемыхъ Обществомъ экспедицій, обширныя рецензіи и критическія работы, поручаемыя Обществомъ при обсужденіи сочиненій, поступающихъ на конкурсъ, постоянное и дѣятельное сообщеніе Обществу свѣдѣній и наблюденій по какому либо предмету, разработка матерьяловъ по порученію Общества, ревностное участіе въ ученыхъ экспедиціяхъ и путешествіяхъ, приношеніе въ даръ Обществу значительныхъ художественно-научныхъ произведеній, вообще исполненіе разныхъ порученій Общества, и т. п. Всѣ подобные труды не заключаютъ въ себѣ условій, требуемыхъ высшею наградою Общества (Констант. медаль), также какъ и спеціальными программами премій на задачи, а между тѣмъ заслуживаютъ гораздо бóльшаго поощренія, чѣмъ письменныя изъясненія благодарности, разсылаемыя отъ Общества въ большомъ количествѣ.

Согласно съ этими соображеніями Совѣтъ представилъ въ мартѣ 1858 г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ составленный имъ проектъ положенія о малыхъ медаляхъ, который и былъ утвержденъ въ узаконенномъ порядкѣ, а самое присужденіе ихъ началось съ 1858 года.

Въ первой половинѣ разсматриваемаго періода малыя золотыя медали присуждались:

А. За постоянные труды въ непосредственномъ кругу дѣятельности Общества, а именно Предсѣдательствовавшимъ до того времени въ Отдѣленіяхъ: А. П. Заблоцкому-Десятовскому и Г. П. Гельмерсену.

Б. За труды по участію въ экспедиціяхъ Общества: Н. Я. Данилевскому (экспед. Каспійскаго рыболовства), А. Ѳ. Голубеву (дополнительная къ экспедиціи П. П. Семенова астрономическая экспедиція въ Заилійскій край), Г. М. Пермикину (путеш. на Коссоголъ и ранѣе на Амуръ по порученію Сибирскаго Отдѣла).

В. За труды въ кругѣ работъ, предпринятыхъ Обществомъ и согласно съ его порученіями: Ѳ. А. Семенову (по работамъ о солнечныхъ затмѣніяхъ), С. С. Тютикову за составленіе издаваемой Обществомъ генеральной карты Евр. Россіи и А. Ѳ. Риттиху за его „Атласъ населенія западнаго края по вѣроисповѣданіямъ“.

Г. За полезные географическіе труды, хотя самостоятельно и по собственному почину совершонные членами Общества, но предоставленные въ полное его распоряженіе и печатавшіеся въ его изданіяхъ: А. Ѳ. Гильфердингу (обширный трудъ о Босніи и Герцоговинѣ, составившій XIII томъ Записокъ Общества); протоіерею Гиляровскому (прекрасн. статистит. трудъ о рожденіи и смертности дѣтей, представл. въ Общество въ манускриптѣ), Ѳ. Г. Тернеру (о внѣшней торговлѣ Россіи съ 1853 по 1856 г.г., вошедш. въ III кн. Статист. Сборн.), Д. Чл. Второву (за обширн. изслѣдов. объ этногр. составѣ населенія Воронеж. г., этногр. карту и этногр. альбомъ губерніи, представленные авторомъ въ распоряженіе Общества) и Н. П. Барботу-де-Марни за его геологическо-географическій очеркъ Калмыцкой степи.

Но мало по малу Отдѣленія, желая поощрить исполняемые членами и даже не членами Географическаго Общества, внѣ круга его непосредственной дѣятельности, полезные географическіе труды, не подходящіе подъ условія Константиновской медали, начали дѣлать представленія о присужденіи малыхъ золотыхъ медалей и за такіе труды. Такъ въ 1861 г. малая золотая медаль была присуждена Максимову за его прекрасное сочиненіе „Годъ на Сѣверѣ“. Но это присужденіе имѣло свое оправданіе въ томъ, что Отдѣленіе представляло Максимова собственно даже къ Константиновской медали, Совѣтъ же призналъ сочиненіе его не подходящимъ подъ условія положенія объ этой медали, и присудилъ ему малую золотую по тому соображенію, что поѣздка Максимова на Сѣверъ была имъ предпринята по порученію Августѣйшаго Предсѣдателя Общества.

Но за тѣмъ, въ отступленіе отъ Положенія о малыхъ медаляхъ, многія присужденія производились уже прямо за хорошія географическія работы, не подходящія подъ условія Константиновской медали, совершонныя внѣ круга непосредственной дѣятельности Географическаго Общества. Такъ малыя золотыя медали были присуждены: Б. Я. Швейцеру за работы, которыми онъ доказалъ отклоненія отвѣса въ окрестностяхъ Москвы, П. А. Коргуеву за астрономическія работы на Ладожскомъ озерѣ, А. Н. Афанасьеву за его изданіе русскихъ сказокъ и легендъ, П. И. Рыбникову за его замѣчательное собраніе пѣсень, изданное Хомяковымъ, П. А. Безсонову за изданіе духовныхъ пѣсень подъ заглавіемъ „Калѣки перехожіе“, В. И. Вешнякову за его сочиненіе „Крестьяне собственники въ Россіи“, П. О. Бобровскому за его „Статистическое описаніе Гродненской губерніи“.

Совѣтъ Общества только въ 1864 г. обратилъ вниманіе на такое уклоненіе отъ правилъ присужденія малыхъ медалей Общества и сдѣлалъ по этому предмету указаніе Отдѣленіямъ, но въ апрѣлѣ 1866 г. Вице-

Предсѣдатель Общества снова возбудилъ въ Совѣтѣ вопросъ объ этомъ, для окончательнаго разъясненія этого дѣла, а именно предложилъ, чтобы Совѣтъ разъ навсегда разрѣшилъ вопросъ, слѣдуетъ ли понимать §§ 1 и 3 Положенія такъ, какъ повидимому ихъ понимали при самомъ учреждении медалей, или же допустить иное толкованіе означенныхъ параграфовъ и придавать выраженію: „въ награду и поощреніе за труды въ кругу дѣятельности Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“ болѣе обширное значеніе, что уже нерѣдко допускалось.

По обсужденіи вышеизложенныхъ обстоятельствъ и въ видахъ непосредственной пользы самаго Общества, Совѣтъ призналъ правильнымъ, при присужденіи малыхъ золотыхъ медалей, принять на будущее время за основаніе тѣ соображенія, которыя были изложены въ журналѣ Совѣта 5 февраля 1858 года. Вслѣдствіе сего *опредѣлено*, чтобы впредь малыя золотыя медали Общества были присуждаемы только за труды, понесенные на пользу Общества, въ тѣсномъ смыслѣ сего слова, т. е. за такія ученыя сочиненія, или инаго рода работы, которыя совершены или по порученію Общества, или предоставлены въ его распоряженіе, напечатаны въ его изданіяхъ и т. п.

Сверхъ того Совѣтъ полагалъ полезнымъ и болѣе удобнымъ принять на будущее время за правило: при представленіяхъ Отдѣленій о золотыхъ медаляхъ, обсуждать сперва каждое изъ этихъ представленій отдѣльно (абсолютно), не дѣлая сравненій между бо́льшими или меньшими заслугами или достоинствами кандидатовъ, представленныхъ отъ различныхъ Отдѣленій. Если же за тѣмъ одна или нѣсколько медалей останутся не присужденными (или по непредставленію кандидата какимъ либо изъ Отдѣленій, или же по непризнанію Совѣтомъ кандидата, представленнаго отъ Отдѣленія, достойнымъ медали), то въ такомъ случаѣ на эти остающіяся медали допускать къ соисканію всѣ Отдѣленія одновременно.

Впрочемъ уже со времени постановленія Совѣта 1864 года малыя золотыя медали присуждались согласно съ Положеніемъ о нихъ, т. е. исключительно въ кругу дѣятельности Общества. Такъ съ 1864 года и до конца періода присуждались малыя золотыя медали по слѣдующимъ мотивамъ.

А) За особенно выдающіеся и продолжительныя труды на пользу Общества напр. въ качествѣ Предсѣдательствующаго Отдѣленіемъ и вообще за важныя услуги Обществу: П. П. Семенову, В. П. Безобразову, А. И. Артемьеву, А. Б. Бушену.

Б) За особенно полезные труды въ экспедиціяхъ, снаряженныхъ Обществомъ или дѣйствовавшихъ по его порученію: Ѳ. Б. Шмидту, Г. И. Радде, К. В. Струве, Ю. Э. Янсону, Н. А. Сѣверцову, а по экспедиціямъ Сибирскаго Отдѣла кн. П. А. Крапоткину, А. В. Чекановскому, В. И. Дыбовскому и В. Годлевскому.

В) За особенно выдающіеся научные и редакціонные труды по изданіямъ или картографическимъ работамъ по порученіямъ Общества: Л. М. Кемцу (за Метеорологическій Сборникъ), В. В. Григорьеву (за переводъ и дополненіе части

Риттеровой Азіи о Кабулистанѣ и Каферистанѣ), І. И. Стебницкому (за карту Кавказ. края), и Е. К. Огородникову (изсл. о Мурманскомъ и Терскомъ берегахъ по книгѣ Большаго Чертежа).

Г) За особенно замѣчательные труды въ области географическихъ наукъ, хотя бы и предпринятые независимо отъ Общества, но результаты которыхъ были представлены Обществу для обнародованія ихъ въ его изданіяхъ: А. Θ. Ульскому (Изсл. рельефа дна Каспійск. м.), А. Θ. Будищеву (Изсл. лѣсовъ Приморс. обл.), И. И. Носовичу (Сборн. бѣлорусс. пословицъ), Я. Θ. Головацкому (Сборн. народ. пѣсенъ Галицк. и Угорск. Руси), П. В. Шеину (Сборн. бѣлорусскихъ пѣсенъ), Кривошапкину (Енисейск. окр. и его жизнь), В. А. Попову (Движ. насел. по Вологодск. г.); Н. В. Латкину (Золот. промыслы Енисейск. г.), А. П. Орлову (О способахъ наблюденій надъ землетрясеніями), А. С. Полонскому (Свѣдѣнія объ Анадырскомъ краѣ) [1]).

---

[1]) Серебряныя медали въ разсматриваемомъ періодѣ присуждались:

А) За труды по участію въ экспедиціяхъ Общества: шт.-к. И. Г. Солонникову (стр. о пр. въ Вятс. и Вологод. г.), І. В. Шебунину (въ Физич. Отд. Сибирс. экс.), А. Θ. Усольцеву (сунгарійс. экс.), А. М. Ломоносову (изсл. сибирс. минер. водъ), А. Г. Петровичу (сотр. Будищева по изсл. лѣсовъ Приморск. обл.), И. Л. Полякову (участ. въ Олекминск. экс.), В. В. Радлову (этногр. изсл. въ Туркест. и Заилійск. кр.).

Б) За научныя редакціонныя и картографич. работы, исполненныя по непосредственному порученію Общества или въ кругу его дѣятельности: Ю. С. Рехневскому, В. А. Полторацкому, А. А. Ильину, А. П. Берже, Н. И. Кашину, Н. П. Барсову, П. А. Муллову, Н. И. Воронову, В. М. Успенскому.

В) За хорошіе и самостоятельные труды въ области географическихъ наукъ, исполненные независимо отъ Общества, но результаты которыхъ были представлены Обществу для ихъ обнародованія въ его изданіяхъ: свящ. Луканину (Движ. насел. по Соликамск. у. за 10 лѣтъ), В. Шестакову (О Глазовскомъ у.), И. А. Полетика (Геогн. опис. части золот. пром. Кузнецкаго Алатау), И. Н. Савинову (Статист. оч. Вятск. края), свящ. А. Налимову (Движ. населенія по Новоладожск. у. за 10 лѣтіе), свящ. В. Вербицкому (О языкѣ алтайскихъ инородцевъ), П. Г. Пржецлавскому (Опис. средн. отд. Дагестанской обл.), А. Г. Принтцу (Путеш. въ Кобдо), гр. М. М. Стенбокъ (Объ Усурійскомъ кр.), Г. С. Хатисяну (О Казбекскихъ ледникахъ), Д. М. Пѣтухову (Городъ Дедюхинъ), П. Э. Кларку (Вилюйскъ и его округъ), Я. П. Шишмареву (4 статьи о Монголіи), В. А. Полторацкому (О Занарынс. кр.), И. А. Лопатину (Обз. юж. ч. Приморск. обл.), А. П. Андрееву (О бассейнѣ Ладожскаго оз.), Третьякову (О Туруханск. краѣ), І. И. Стебницкому (О горн. узлѣ Оштенъ), И. Θ. Бабкову (Объ изсл. оз. Балхаша), М Н. Галкину-Врасскому (О Туркменахъ), П. Д. Салоцкому (Оч. орогр. и геол. Кавказа), Н. Я. Аристову (Предан. о кладахъ въ Симбирск. г-ніи), И. Н. Хрущову (О русс. жит. бер. Ояти), Н. Н. Галкину (Этногр. карта Ц. Польскаго), П. П. Чубинскому (О народн. юрид. обычаяхъ въ Малороссіи), Н. М. Пржевальскому (Объ инородч. насел. юж. ч. Приморской обл.).

Г) За лучшія статьи для изданій Общества: А. И. Макшееву, Н. А. Кашину, М. И. Венюкову, Вилье-де-Лиль Аданъ.

Г) За продолжительныя и обстоятельныя метеорологич. наблюденія, а также важныя для Геогр. Общ. барометрич. наблюденія высотъ, химическіе анализы доставляемые Обществу: Н. А. Абрамову, В. В. Обуху, свящ. В. Громову, чл.-сотр. П. А. Кельбергу, капит. Рейнталю, М. С. Игнатьеву. А. И. Буняковскому, С. П. Пѣтухову, Г. А. Рудинскому.

Д) За доставленіе интересныхъ этнографическихъ матерьяловъ: свящ. В. И. Вишневскому, А. И. Дмитрюкову, М. А. Дмитріеву, крест. А. Н. Зырянову, Н. Рогову, чл.-сотр. С. Михайлову, Машкину, А. Н. Зырянову, П. И. Якушкину, С. К. Бабаджанову, И. О. Худякову, свящ. П. С. Воронову, мѣщ. Н. Н. Щипову, протоіер. Стукову, чл.-сотр. С. П. Микуцкому, Г. А. Рудинскому.

Е) За доставленіе интересныхъ статистич. матерьяловъ: архим. Макарію, свящ. П. С. Воронову, П. А. Чубинскому.

Ж) За различные полезные труды, исполняемые для Общества и по его порученію: О. К. Ватсону, В. И. Межову, Θ. А. Подгурскому.

З) За значительныя приношенія въ пользу библіотеки, архива и музея Общества: А. С. Муренко (альб. фотогр. рисунковъ изъ путеш. въ Хиву и Бухару), С. С. Сенницкому (соб-

Въ VII главѣ (стр. 62) мы упоминали о конкурсахъ, предложенныхъ Географическимъ Обществомъ въ предшедшемъ періодѣ. Въ сентябрѣ 1857 года истекъ срокъ конкурса на тему составленія библіографическаго и критическаго описанія географическихъ картъ, изданныхъ со времени Петра Великаго, а въ сентябрѣ 1858 г. срокъ на задачу о книгѣ Большаго Чертежа, но ни на ту, ни на другую задачу отвѣта получено не было.

Въ 1859 году, по предложенію Отдѣленія Статистики, Совѣтъ Общества предложилъ на конкурсъ новую задачу „Изслѣдованіе способовъ для лучшаго устройства статистической части въ Россіи", назначивъ за удовлетворительный отвѣтъ премію въ 500 руб. сер. отъ Географическаго Общества. Въ то же время, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ благосклонно изъявило просвѣщенную готовность, содѣйствовать, съ своей стороны, къ разрѣшенію столь важной задачи, назначеніемъ отъ себя 500 руб. сер. преміи за лучшее сочиненіе; совокупная премія возрасла такимъ образомъ до 1.000 р. сер. Срокомъ для представленія отвѣтовъ опредѣлено 1 октября 1860 г.

Объ учрежденіи этого конкурса была сдѣлана надлежащая публикація въ газетахъ.

Задача, поставленная на конкурсъ, заключала въ себѣ четыре главныхъ пункта:

1. Изложеніе настоящаго положенія статистики въ Россіи, какъ относительно ея обработки, такъ и самаго собиранія данныхъ.

2. Изложеніе положенія этой отрасли государствовѣдѣнія въ главнѣйшихъ Европейскихъ странахъ.

3. Указаніе: какія изъ системъ или мѣръ по этой части, употребляемыя въ иностранныхъ государствахъ, могли бы съ выгодою быть примѣнены къ Россіи.

4. Изложеніе собственнаго мнѣнія автора объ основаніяхъ, на которыхъ можно бы было у насъ устроить полную систему офиціальной статистики.

Къ сроку представленія статей, 1-му октября 1860 г., поступила только одна статья съ девизомъ: „Цифры управляютъ міромъ".

Для разсмотрѣнія этой статьи была избрана въ Статистическомъ Отдѣленіи Коммиссія, состоящая изъ Дѣйств. Чл. Общества, К. С. Веселовскаго, Ѳ. Г. Тернера и А. Г. Тройницкаго. Подвергнувъ означенный трудъ подробному разсмотрѣнію, Коммиссія не нашла возможнымъ присудить ему опредѣленную премію, а Отдѣленіе высказало желаніе, если Министерство Внутреннихъ Дѣлъ изъявитъ на то свое согласіе, возобновить тотъ-же самый конкурсъ съ слѣдующими измѣненіями: 1. Назначить двухлѣтній срокъ для представленія за-

---

раніе картъ) Я. П. Гарелину (этногр. альбомъ), В. Ману (этногр. альбомъ); С. П. Павлову (рис. кр. одеждъ), С. Ѳ. Плеханову, П. И. Гундобину (принош. для музея), М. К. Сидорову, А. П. Шевякову (илюмин. альб. Галича).

Бронзовыя медали присуждались за менѣе важные и мелкіе географическіе, этнографическіе и статистическіе матерьялы, доставляемые Обществу, за разные услуги оказываемыя экспедиціямъ посылаемымъ Обществомъ, а также за небольшія приношенія въ архивъ и музей Общества.

дачъ. 2. Сократить объемъ самой програмы, ограничивъ задачу какимъ нибудь однимъ отдѣломъ статистики, напр. вопросомъ о народонаселеніи, потому что чрезмѣрная обширность предѣловъ настоящей програмы служила, вѣроятно, главнѣйшей причиной неудовлетворительнаго разрѣшенія вопроса.

Для измѣненія програмы задачи Отдѣленіе избрало Коммиссію изъ лицъ, составлявшихъ первоначальную программу, т. е. кн. Н. С. Голицына, К. С. Веселовскаго и А. Г. Тройницкаго, пригласивъ къ участію въ этомъ дѣлѣ и Дѣйствительнаго Члена А. Б. Бушеча, только что возвратившагося изъ заграничной командировки, гдѣ онъ, по порученію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, изучалъ употребляемые тамъ способы собиранія и разработки статистическихъ данныхъ.

При такомъ измѣненіи програмы срокъ конкурса былъ продолженъ до 15 апр. 1863 года. Къ этому сроку, представлено было въ Общество сочиненіе съ девизомъ „Appliquons aux sciences politiques la méthode fondée sur l'observation et le calcul, méthode qui nous a si bien servi dans les sciences naturelles", и это сочиненіе признано было особой Коммиссіей Отдѣленія Статистики, и за тѣмъ Отдѣленіемъ, заслуживающимъ *преміи* назначенной Обществомъ по этому конкурсу, совокупно съ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ Мин. Внутр. Дѣлъ, 1.000 р.

Лицомъ которому присуждена была премія оказался Дѣйств. Чл. Общ. А. Б. фонъ-Бушенъ.

Въ теченіе разсматриваемаго періода званіе Почетныхъ Членовъ Общества соблаговолили принять: Ихъ Императорскія Высочества Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ, Великія Князья Владиміръ и Алексѣй Александровичи, Николай Константиновичъ и князь Николай Максимиліановичъ-Романовскій Герцогъ Лейхтенбергскій. Въ Почетные Члены избраны, М. Н. Муравьевъ, К. В. Чевкинъ, А. С. Норовъ, В. Я. Струве, К. М. Бэръ, кн. А. И. Барятинскій (Намѣстникъ Кавказскій), графъ С. С. Ланской (Министръ Внутр. Дѣлъ), графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, графъ Е. В. Путятинъ, баронъ Ф. П. Врангель, Евсевій Экзархъ Грузіи, П. И. Кеппенъ, Г. П. Гельмерсенъ, А. М. Княжевичъ (Мин. Финансовъ), П. А. Валуевъ (Мин. Внутр. Дѣлъ), А. В. Головнинъ, Ег. П. Ковалевскій, М. С. Карсаковъ (Ген.-губ. Вост. Сибири), Д. А. Милютинъ, Иннокентій Митроп. Московскій, графъ Ѳ. Ѳ. Бергъ и М. Х. Рейтернъ. Въ иностранные Почетные Члены избраны: геологъ Эли-де-Бомонъ въ Парижѣ, статистикъ Кетле въ Брюсселѣ, славянскій этнографъ и филологъ Шафарикъ, норвежскій астрономъ Ганстенъ, метеорологъ Дове въ Берлинѣ, германскій филологъ Гриммъ, чешскій историкъ Палацкій.

Никакимъ измѣненіямъ въ разсматриваемомъ періодѣ какъ и въ предшедшемъ, Уставъ Общества не подвергался, но два раза ревизіонныя коммиссіи возбуждали вопросъ о пересмотрѣ Устава, а именно въ 1861 и 1863 годахъ. Особеннно настаивала на пересмотрѣ Устава, Коммиссія 1863 г. (т. е. разсматривавшая отчетъ 1862 года). Она состояла изъ

членовъ Общества И. В. Вернадскаго, А. С. Воронова, А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, Н. А. Ивашинцова, А. М. Княжевича, Каст. Н. Лебедева и В. А. Татаринова. Впрочемъ находившійся въ составѣ Коммиссіи и, притомъ одинъ изъ самыхъ мудрыхъ и опытныхъ дѣятелей Географическаго Общества двухъ предшедшихъ періодовъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, въ подданномъ имъ отдѣльномъ мнѣніи, протестовалъ противъ высказаннаго Коммиссіею предложенія о пересмотрѣ Устава въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Единственный, приводимый въ подкрѣпленіе такого предложенія, поводъ есть подобное же заявленіе Коммиссіи 1861 года; но не объяснено: въ чемъ состоятъ недостатки Устава и къ чему должны стремиться его измѣненія? Говорятъ, что Коммиссія „ожидаетъ пользы отъ пересмотра Устава“; но столь неопредѣленное ожиданіе, не равносильно ли желанію пересмотра Устава ежегодно? Что въ Уставѣ можно найти недостатки, особенно при разнообразіи взглядовъ на предметъ,—спорить объ этомъ никто не будетъ: Уставъ Общества есть дѣло рукъ человѣческихъ. Но какъ бы ни были разнообразны взгляды на Уставъ, существенный вопросъ остается одинъ и тотъ же: правила нынѣшняго Устава ставятъ ли какія либо преграды дѣятельности членовъ, желающихъ и могущихъ положительно трудиться на пользу науки? По убѣжденію нижеподписавшагося, имѣвшаго честь быть многіе годы Предсѣдателемъ одного изъ Отдѣленій Общества, нынѣшній Уставъ его не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что бы мѣшало его членамъ своими или положительными трудами, или совѣтами, или наконецъ вещественными пожертвованіями содѣйствовать цѣли сего учрежденія. Никакія серьезныя учрежденія не мѣняютъ своихъ основаній безъ дознанныхъ, опытомъ неоднократно указанныхъ, существенныхъ неудобствъ, и если приступаютъ къ измѣненіямъ, то съ крайнею осмотрительностью, съ ясно сознанной цѣлью и съ полною увѣренностью въ ея достиженіи. L'agitation n'est pas le mouvement, сказалъ кто-то весьма справедливо“.

Совѣтъ, въ обширномъ объясненіи, представленномъ Общему Собранію, изложилъ, почему онъ единогласно не усмотрѣлъ никакихъ основаній къ пересмотру Устава и послѣдующія Ревизіонныя Коммиссіи разсматриваемаго періода уже ни разу не возбуждали болѣе вопроса о пересмотрѣ Устава.

Въ началѣ разсматриваемаго періода, а именно въ мартѣ 1859 года, въ Отдѣленіе Статистики была внесена записка слѣдующаго содержанія, подписанная 19 Дѣйств. Членами Общества [1]):

„Развитіе науки народнаго хозяйства неразрывно связано съ успѣхами статистическихъ изслѣдованій. Послѣднія подкрѣпляютъ положенія этой науки точными фактами, взятыми изъ дѣйствительной жизни, точно также какъ

---

[1]) В. П. Безобразовымъ, А. И. Бутовскимъ, П. А. Валуевымъ, К. С. Веселовскимъ, И. В. Вернадскимъ, В. И. Вешняковымъ, Ю. А. Гагемейстеромъ, И. Я. Горловымъ, К. И. Домонтовичемъ, А. П. Заблоцкимъ, Е. И. Ламанскимъ, А. И. Левшинымъ, Н. А. Милютинымъ, Г. П. Неболсинымъ, Я. А. Соловьевымъ, Ѳ. Г. Тернеромъ, Д. И. Хрущовымъ, А. И. Чивилевымъ и А. Ѳ. Штакельбергомъ.

и въ свою очередь законы общественныхъ явленій, составляющихъ сущность науки народнаго хозяйства, будучи обнаруживаемы цѣлою исторіею фактовъ и отвлеченнымъ мышленіемъ, съ своей стороны бросаютъ яркій свѣтъ на значеніе собираемыхъ статистическихъ данныхъ. Они даютъ имъ жизнь и смыслъ и наконецъ научаютъ самому методу собиранія многихъ фактовъ статистики и тѣхъ изъ ихъ сторонъ, которыя именно при этихъ лишь условіяхъ становятся статистическими данными, имѣющими значеніе для дальнѣйшихъ выводовъ.

Сродство и взаимное дѣйствіе этихъ двухъ наукъ давно уже доказаны и даже не разъ заявлены и признаны были членами Статистическаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Ни одна часть статистики не представляетъ въ этомъ отношеніи столь близкаго, почти неотдѣлимаго соприкосновенія двухъ наукъ, какъ статистика хозяйственная. Врядъ ли возможно даже положить основаніе точному изученію и собранію фактовъ въ предѣлахъ хозяйственной статистики, не обсудивъ коренныхъ началъ, имѣющихъ вліяніе на ихъ существованіе, не подвергнувъ анализу самаго значенія явленій, статистическое собираніе и обработка которыхъ составляетъ между тѣмъ главную задачу Отдѣленія Статистики.

Желая обезпечить успѣхъ его занятій по предмету хозяйственной статистики, имѣющей первостепенное значеніе и составляющей неотложную нынѣ потребность, какъ по самой практической ея пользѣ, такъ и по совершенному почти отсутствію въ ней точныхъ данныхъ и надлежащей ихъ обработки, нижеподписавшіеся полагали бы полезнымъ: для достиженія означенной цѣли учредить при Отдѣленіи Статистики особый Комитетъ.

Его занятіямъ подлежало бы обсужденіе передаваемыхъ изъ Отдѣленія вопросовъ по хозяйственной статистикѣ, разъясненіе тѣхъ изъ нихъ, которые преимущественно обращаютъ на себя вниманіе изслѣдователей по этой части, и взаимное между членами Комитета обсужденіе того или другаго изъ круга предметовъ народнаго хозяйства, на собираніе данныхъ, по которому желательно было бы обратить дѣятельность Отдѣленія.

Такимъ образомъ Комитетъ этотъ не только не ослаблялъ бы дѣятельности Отдѣленія Статистики, но напротивъ возбуждалъ бы оную подготовленіемъ раціональнаго взгляда на собираніе фактовъ и подавалъ бы поводъ къ изслѣдованіямъ занимающихъ его вопросовъ статистическимъ путемъ. Согласно съ этимъ назначеніемъ, Комитетъ могъ бы принять названіе политико-экономическаго Комитета при Отдѣленіи Статистики.

На первое время Комитетъ могъ бы быть составляемъ изъ нижеподписавшихся, затѣмъ онъ могъ бы пополниться избраніемъ новыхъ членовъ изъ числа членовъ Общества“.

Отдѣленіе, выслушавъ это предложеніе, одобрило единодушно мысль основанія подобнаго Комитета, но раздѣлилось во мнѣніяхъ относительно предоставленія Комитету просимаго гг. членами, предложившими учрежденіе онаго, права избирать самимъ новыхъ членовъ изъ членовъ Общества.

Вслѣдствіе произведенной по сему случаю баллотировки, оказалось на сторонѣ членовъ, внесшихъ означенное предложеніе (на лицо ихъ находилось только 11) большинство 18 голосовъ противъ 6, подавшихъ голосъ въ пользу предложенія Д. Чл. В. И. Мочульскаго о предоставленіи права всѣмъ членамъ принимать участіе въ занятіяхъ Комитета. Вслѣдствіе сего Отдѣленіе опредѣлило принять и внести на утвержденіе Совѣта предложеніе 19 членовъ въ томъ видѣ, какъ оно подписано этими лицами, т. е. съ исключительнымъ для нихъ правомъ избирать себѣ по собственному усмотрѣнію новыхъ членовъ Комитета.

Принимая во вниманіе пользу ученыхъ совѣщаній для оживленія статистической дѣятельности Общества и признавая основательнымъ мнѣніе гг. членовъ, учредившихъ Комитетъ, объ устройствѣ его изъ лицъ спеціально-занимающихся наукою государственнаго хозяйства, Совѣтъ утвердилъ предложеніе членовъ Отдѣленія.

Дѣятельность Комитета получила полное развитіе въ 1860 году. Въ многочисленныхъ его собраніяхъ обсуждались разные вопросы по хозяйственной статистикѣ и по политической экономіи, частію передаваемые на спеціальное обсужденіе Комитета изъ Статистическаго Отдѣленія, частію возникавшія въ средѣ самаго Комитета.

По нѣкоторымъ изъ этихъ вопросовъ приглашались къ обсужденію, въ видѣ экспертовъ, посторонніе лица, спеціально знакомыя съ практическою стороною обсуждаемаго вопроса [1]).

Комитетъ собирался въ квартирѣ Общества, по взаимному согласію членовъ, въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ (между вакаціонными періодами Географическаго Общества) около двухъ разъ въ мѣсяцъ, всего отъ 10 до 12 разъ каждую зиму. Единственный постоянный органъ Комитета былъ его Секретарь, избранный членами; Секретарь созывалъ собранія и составлялъ журналы. Въ 1861 году журналы публиковались (съ разрѣшенія въ общемъ цензурномъ порядкѣ) въ газетахъ. Впослѣдствіи, по рѣшенію Комитета, журналы помѣщались въ Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, а въ газетахъ публиковались только краткія извѣстія о занятіяхъ Комитета. Комитетъ не имѣлъ никакой постоянной организаціи и никакихъ особыхъ правилъ, кромѣ общеизвѣстнаго порядка ученыхъ бесѣдъ, такъ какъ, по Уставу Географическаго Общества (§ 73), распорядокъ работъ и внутреннее ими управленіе предоставлены въ полное распоряженіе каждаго Отдѣленія.

---

[1]) Вмѣстѣ съ членами, впослѣдствіи присоединившимися къ Комитету, къ нему принадлежали слѣдующія лица: В. П. Безобразовъ (секретарь Комитета), Е. И. Бреверъ, Н. Х. Бунге, А. И. Бутовскій, П. А. Валуевъ, К. С. Веселовскій, В. И. Вешняковъ, И. В. Вернадскій, Н. И. Второвъ, Ю. А. Гагемейстеръ, И. А. Ганъ, И. Я. Горловъ, К. К. Гротъ, К. И. Домонтовичъ, А. П. Заблоцкій, Б. Θ. Калиновскій, А. И. Левшинъ, А. К. Красильниковъ, Θ. П. Литке, баронъ А. К. Мейндорфъ, баронъ Е. К. Мейндорфъ, Θ. М. Митчель, С. А. Мордвиновъ, Г. П. Неболсинъ, М. Х. Рейтернъ, П. П. Семеновъ, Я. А. Соловьевъ, Д. М. Сольскій, Θ. Г. Тернеръ, А. Г. Тройницкій, Д. П. Хрущовъ, А. И. Чивилевъ, А. Θ. Штакельбергъ, С. П. Щепкинъ, І. Н. Шиль, А. К. Гирсъ, Е. И. Ламанскій, Н. А. Милютинъ, баронъ Θ. Р. Остенъ-Сакенъ.

Въ трехлѣтнее почти существованіе Комитета въ немъ были подробно обсуждаемы слѣдующіе важнѣйшіе вопросы: о выкупѣ крестьянскихъ земель, о налогѣ на крѣпкіе напитки или питейномъ сборѣ, о разныхъ банковыхъ системахъ, о государственныхъ и частныхъ банкахъ, объ изданіи популярнаго учебника по политической экономіи, о налогѣ на торговлю и торговый классъ и о гильдейскомъ сборѣ, о денежномъ обращеніи и бумажныхъ деньгахъ, о коммерческихъ кризисахъ и промышленныхъ затрудненіяхъ Россіи, о введеніи всемірной десятичной системы мѣръ, вѣсовъ и монеты, о колонизаціи и заселеніи пограничныхъ ненаселенныхъ мѣстностей, объ экономическихъ послѣдствіяхъ упраздненія крѣпостнаго состоянія, о подушной и подворной подати, о гласности въ финансовомъ управленіи и о разныхъ способахъ извлеченія доходовъ изъ государственныхъ имуществъ. Сверхъ этого, были постоянно обсуждаемы сочиненія, выходившія въ Россіи по предметамъ экономической науки [1]).

Въ 1862 г. сдѣланы были Правительствомъ нѣкоторыя особыя распоряженія относительно учрежденія въ ученыхъ Обществахъ постоянныхъ Комитетовъ и вслѣдствіе этого Министръ Внутреннихъ Дѣлъ [2]) сообщилъ Вице-Предсѣдателю Общества слѣдующее Высочайшее утвержденное мнѣніе Комитета Министровъ.

1. Чтобы всѣ нынѣ существующія Общества, при учрежденіи въ средѣ своей, на основаніи изданныхъ для нихъ уставовъ, особыхъ совѣщательныхъ Собраній или Комитетовъ, въ точности руководствовались правилами въ означенныхъ уставахъ постановленными.

2. Чтобы въ случаѣ усматриваемой Обществомъ потребности, или пользы въ учрежденіи новаго постояннаго Отдѣла или Комитета, въ средѣ Общества или въ составѣ одного изъ допущенныхъ уже въ немъ по уставу постоянныхъ подраздѣленій, учрежденіе подобнаго Отдѣла или Комитета было допускаемо не иначе, какъ по предварительномъ обсужденіи вопроса о томъ въ Совѣтѣ Общества, по составленіи краткой программы предметовъ и порядка занятій новаго Отдѣла или Комитета, и по испрошеніи на то особаго разрѣшенія отъ того Министерства или Главнаго Управленія, которому Общество подвѣдомо.

3. Чтобы послѣ полученія означеннаго разрѣшенія, на Совѣтъ Общества возлагалось наблюденіе за тѣмъ, чтобы новые Отдѣлы или Комитеты не выходили изъ опредѣленнаго для нихъ круга занятій.

4. Чтобы Императорскому Русскому Географическому Обществу вмѣнено было въ обязанность, не закрывая нынѣ существующихъ при немъ постоян-

---

[1]) Должно отдать справедливость Комитету, что, именно въ 1859 и 1860 г., во время обсужденія самыхъ жгучихъ вопросовъ въ коммиссіяхъ по крестьянскому дѣлу, въ которыхъ принимала участіе одна треть тогдашняго состава политико-экономическаго Комитета, Комитетъ систематически избѣгалъ обсужденія именно этихъ вопросовъ, ставя на очередь только тѣ изъ нихъ, разъясненіе которыхъ, какъ напримѣръ способы выкупа крестьянскихъ надѣловъ, устройство кредита, экономическія послѣдствія упраздненія крѣпостнаго права, требовали своевременнаго ихъ освѣщенія со стороны экономической науки, нисколько не касаясь оцѣнки принятыхъ уже правительствомъ мѣръ.

[2]) П. А. Валуевъ былъ самъ однимъ изъ членовъ-учредителей Комитета.

ныхъ Комитетовъ, испросить на дальнѣйшее существованіе оныхъ особое разрѣшеніе съ соблюденіемъ правилъ выше постановленныхъ.

Комитетъ, по выслушаніи сообщенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ и принимая въ соображеніе:

1) Что въ первоначальномъ проектѣ правилъ, составленномъ Комитетомъ въ исполненіе Высочайшаго повелѣнія 5 января 1862 г., кругъ его занятій былъ въ точности обозначенъ и ограниченъ предѣлами самой науки политической экономіи или народнаго и государственнаго хозяйства, которымъ посвящены были труды Комитета, и что невозможно, какъ это признано и въ сужденіяхъ Комитета гг. Министровъ, составленіе полной программы всѣхъ предметовъ, или вопросовъ, которые могутъ входить въ кругъ ученой дѣятельности Комитета и могутъ быть обсуждаемы въ его средѣ, составленіе подобной программы было бы также трудно, какъ и исчисленіе всѣхъ вопросовъ, относящихся къ какой либо наукѣ;

2) Что обстоятельства времени, выдвигающаго то одни, то другіе экономическіе вопросы, и задача самой науки, обязанной искать проявленія своихъ началъ, то въ однихъ, то въ другихъ обстоятельствахъ промышленной жизни народа, могутъ вывести занятія Комитета изъ круга вопросовъ, обозначенныхъ въ его программѣ, а такія нарушенія программы могли бы возбудить прискорбныя недоразумѣнія не только въ средѣ Комитета, но и въ средѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества;

3) Что въ этомъ смыслѣ было бы особенно трудно провести черту между теоретическими и практическими вопросами на почвѣ науки, постоянно подвергающей своему анализу явленія практической промышленной жизни, и въ средѣ Комитета, между прочимъ стремившагося распространять здравыя понятія науки и противодѣйствовать понятіямъ имъ враждебнымъ, какъ въ литературѣ, такъ и въ публикѣ;

4) Что въ этомъ послѣднемъ отношеніи дѣйствія Комитета, лишеннаго ученой независимости въ выборѣ предметовъ и вопросовъ для своихъ занятій и изслѣдованій, были бы особенно затруднительны.

Комитетъ призналъ дальнѣйшее продолженіе своихъ занятій безполезнымъ, и затѣмъ присутствующіе въ Комитетѣ члены по большинству 12 голосовъ противъ 3-хъ, *положили:* Политико-Экономическій Комитетъ, учредившійся по добровольному соглашенію его членовъ, закрыть.

Совѣтъ Общества, имѣя въ виду, что Комитетъ учредился при Отдѣленіи Статистики по добровольному соглашенію нѣкоторыхъ членовъ и не составляетъ обязательной части въ его составѣ и въ кругу его дѣятельности, опредѣленныхъ Уставомъ, положилъ: считать Политико-Экономическій Комитетъ, согласно заключенію его, закрытымъ, и какъ за тѣмъ никакихъ болѣе распоряженій относительно Комитета сдѣлано быть не можетъ, то объ этомъ и сообщить г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ съ препровожденіемъ къ нему копіи журнала Комитета.

Въ разсматриваемомъ періодѣ открылись два новыхъ мѣстныхъ Отдѣла Географическаго Общества: Сѣверо-Западный (въ Вильнѣ) и Оренбургскій.

Сѣверо-Западный Отдѣлъ Общества возникъ по иниціативѣ Попечителя Виленскаго Учебнаго Округа И. П. Корнилова, поддержанной генералъ-губернаторомъ К. П. Кауфманомъ и имѣлъ цѣлью направить всѣ имѣющіяся въ краѣ научныя Русскія силы на изученіе края въ статистическомъ, этнографическомъ, историческомъ и др. отношеніяхъ. Предложеніе, сдѣланное Предсѣдателю Общества И. П. Корниловымъ въ сентябрѣ 1866 г., было принято Совѣтомъ съ сочувствіемъ и, съ согласія Августѣйшаго Предсѣдателя, возбуждено было ходатайство объ учрежденіи Отдѣла, которое и удостоилось Высочайшаго соизволенія 26 февр. 1867 г. Въ маѣ того же года Отдѣлъ былъ открытъ и Предсѣдателемъ его избранъ И. П. Корниловъ [1]).

Въ началѣ своего существованія Отдѣлъ принялся горячо за свое дѣло. По иниціативѣ своего члена П. М. Смыслова, директора Виленской Обсерваторіи, Отдѣлъ озаботился учрежденіемъ метеорологическихъ станцій при 6 гимназіяхъ С.-З. края, затѣмъ оказывалъ дѣятельное содѣйствіе членамъ предпринятой Обществомъ этнографическо-статистической экспедиціи въ Западномъ краѣ. Многіе изъ членовъ Отдѣла приняли особенно живое участіе въ разработкѣ обывательскихъ книгъ по Виленскому уѣзду, представляющихъ богатый статистическій матерьялъ.

Журналы засѣданій Сѣверо-Западнаго Отдѣла печатались въ „Извѣстіяхъ“ Общества. Такихъ засѣданій было въ 1857 г. три.

Къ сожалѣнію отъѣздъ изъ Вильно въ 1858 г. основателя и Предсѣдателя Отдѣла И. П. Корнилова и совершенно безучастное къ нему отношеніе его Покровителя, Виленскаго генералъ-губернатора Потапова, прекратили всякую дѣятельность Отдѣла, остававшагося въ теченіе болѣе года безъ Предсѣдателя.

Однако-же въ концѣ 1869 г. Отдѣлъ нѣсколько оживился. Избранъ былъ Предсѣдателемъ А. П. Никитинъ, организованы четыре Отдѣленія: Физико-математическое, подъ предсѣдательствомъ Н. М. Смыслова, этнографическое — В. И. Гомолицкаго, Статистическое — А. М. Энгеля (онъ же былъ избранъ и Правителемъ Дѣлъ Отдѣла) и Археологическое — А. Ѳ. Головацкаго. Смысловъ обратилъ вниманіе Отдѣла на метеорологическія наблюденія, В. И. Гомолицкій составилъ программу для собиранія географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній, А. Ѳ. Головацкій обратилъ вниманіе на работы въ Виленскомъ Архивѣ и Публичной библіотекѣ, В. П. Кулинъ на изслѣдованіе географическихъ именъ въ С.-З. краѣ. Но оживленіе это было не особенно продолжительно, такъ какъ въ 1870 г. Отдѣлъ опять ничего не заявлялъ

---

[1]) Членами Отдѣла были: Н. П. Барсовъ, Н. А. Деревицкій, М. А. Дмитріевъ, Н. А. Зубковъ, А. Р. Кребель, В. П. Кулинъ, А. П. Никитинъ, Н. Н. Новиковъ, В. Ѳ. Ратчъ, А. В. Рачинскій, С. Т. Славутинскій, П. М. Смысловъ, М. А. Соловцовъ, Е. П. Стеблинъ-Каменскій, А. П. Стороженко, В. А. Тарасовъ, Г. Э. ф. Траутфеттеръ, А. Н. Цыловъ, Н. И. Цыловъ, Н. И. Шперлингъ.

о своемъ существованіи и только въ 1871 г. снова нѣсколько оживился, о чемъ будетъ упомянуто уже въ слѣдующемъ періодѣ.

Оренбургскій Отдѣлъ возникъ по инициативѣ ген. губ. Н. А. Крыжановскаго въ 1867 г., въ то время когда въ составъ генералъ-губернаторства входила половина областей Киргизской степи и всѣ наши постепенно расширяющіяся владѣнія въ Туркестанѣ. За основаніе своего Положенія Оренбургскій Отдѣлъ принялъ положеніе о Сибирскомъ Отдѣлѣ, но особенно заботился объ изслѣдованіи края въ естественно-историческомъ и экономическомъ отношеніяхъ. При этомъ ген. ад. Крыжановскій выражалъ желаніе чтобы мѣстные статистическіе Комитеты губерній; Оренбургской, Уфимской, области Туркестанской и Казачьихъ Войскъ Оренбургскаго и Уральскаго были подчинены Оренбургскому Отдѣлу Географ. Общества.

Совѣтъ Общества съ сочувствіемъ принялъ предложеніе Н. А. Крыжановскаго объ учрежденіи Оренбургскаго Отдѣла, но за тѣмъ, войдя въ подробное разсмотрѣніе содержанія записки Оренбургскаго генералъ-губернатора, положилъ: 1) при изготовленіи проекта Положенія для Отдѣла принять въ основаніе Положеніе о Сибирскомъ Отдѣлѣ; 2) учрежденіе при Отдѣлѣ, впослѣдствіи времени, особаго Экономическаго Отдѣленія, предоставить ближайшему усмотрѣнію главнаго начальника края; 3) что же касается до подчиненія Отдѣлу мѣстныхъ Статистическихъ Комитетовъ, то Совѣтъ, вполнѣ сочувствуя мыслямъ, послужившимъ поводомъ къ означенному предположенію, пришелъ однако, по всестороннемъ обсужденіи вопроса, къ слѣдующему заключенію: сколь ни желательно, чтобы между будущимъ Отдѣломъ и Статистическими Комитетами установились возможно тѣсныя отношенія, нельзя, однако, не замѣтить при этомъ, что характеръ и значеніе этихъ учрежденій совершенно различны. Члены Отдѣла, какъ и члены Географическаго Общества, принимаютъ на себя участіе въ ученыхъ занятіяхъ по добровольному желанію, и условіемъ для этихъ занятій не можетъ быть поставлено исполненіе какихъ либо служебныхъ занятій. Статистическіе же Комитеты, какъ учрежденія правительственныя, имѣютъ свой опредѣленный и обязательный кругъ занятій. По этимъ соображеніямъ, подчиненіе означенныхъ Комитетовъ Отдѣлу ученаго Общества, едвали осуществимо на практикѣ.

Высочайшее соизволеніе на учрежденіе Оренбургскаго Отдѣла воспослѣдовало 30 мая 1867 года. Въ январѣ 1868 г. ген.-ад. Крыжановскій открылъ Отдѣлъ, произнеся длинную и весьма обстоятельную рѣчь, въ которой указалъ въ подробности на цѣль учрежденія Отдѣла и способы ея достиженія. Къ апрѣлю въ Отдѣлѣ было уже 62 члена, а Предсѣдательствующимъ его былъ избранъ Д. Чл. Общ. свиты Его Имп. Вел. ген.-м. Л. Ѳ. Баллюзекъ.

Отдѣлъ образовалъ 4 Отдѣленія: Географіи, Этнографіи, Статистики и Естественной исторіи и принялся очень живо за свое дѣло.

Каждое изъ Отдѣленій занялось составленіемъ программъ для будущихъ дѣйствій Отдѣла по изученію Оренбургскаго края. Программа Отдѣленія Этнографіи, выработанная Предсѣдательствующимъ этого Отдѣленія Н. П. Георгіев-

скимъ и Помощникомъ его И. П. Покровскимъ, заслужила особенное вниманіе Общаго Собранія Отдѣла, по важности поставленныхъ въ ней задачъ въ дѣлѣ изученія этнографіи Оренбургскаго края и по полнотѣ, съ которою она изложена.

Отдѣлъ выработалъ также предположеніе о снаряженіи экспедиціи на Мангишлакскій полуостровъ, для обстоятельнаго изслѣдованія тамошнихъ каменноугольныхъ копей.

Другое весьма важное предпріятіе Отдѣла касалось производства въ Оренбургскомъ краѣ магнитныхъ наблюденій. Начальникъ первоклассной тріангуляціи въ землѣ Оренбургскаго казачьяго войска, А. А. Тилло (нынѣ Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Математической Географіи Общества), заявилъ о готовности своей, какъ членъ Отдѣла, произвести одновременно съ тріангуляціею рядъ наблюденій надъ силой и направленіемъ земнаго магнетизма. На основаніи такого заявленія Предсѣдательствующій въ Отдѣлѣ обратился въ Географическое Общество и въ Академію Наукъ съ просьбою о снабженіи А. А. Тилло, на все время производства тріангуляціи, нѣкоторыми необходимыми инструментами для предположенной цѣли. Вслѣдствіе состоявшагося между обоими учеными учрежденіями соглашенія, Академія Наукъ нашла возможнымъ исполнить желаніе Отдѣла.

Въ виду значительнаго числа рукописныхъ матерьяловъ, поступившихъ въ Оренбургскій Отдѣлъ, было принято рѣшеніе основать особый органъ для печатанія ученыхъ трудовъ, представленныхъ въ распоряженіе Отдѣла. Это предположеніе могло осуществиться благодаря сдѣланному покровителемъ Отдѣла Н. А. Крыжановскимъ, денежному пожертвованію и первый томъ Записокъ Оренбургскаго Отдѣла вышелъ уже въ концѣ разсматриваемаго періода, а именно въ 1870 году (см. ниже). Дальнѣйшая дѣятельность Отдѣла принадлежитъ уже послѣдующему періоду.

Отношенія Ревизіонныхъ Коммиссій къ Совѣту Общества въ разсматриваемомъ періодѣ были тѣже, что и въ предшедшемъ. Высказывая вообще свое одобреніе дѣйствіямъ Совѣта и Отдѣленій, онѣ по прежнему высказывали и всѣ свои сомнѣнія, указывали замѣченные ими недостатки, заявляли свои пожеланія и предположенія. Само собою разумѣется, что при разнообразіи состава Коммиссій [1]) пожеланія или замѣчанія ихъ имѣли часто характеръ случайный

---

[1]) Въ Ревизіонныя Коммиссіи въ разсматриваемомъ періодѣ избирались слѣдующія лица: А. И. Артемьевъ, В. П. Безобразовъ, Е. А. Беренсъ, И. Θ. Кларамбергъ, П. О. Бобровскій, Е. И. Бревернъ, А. И. Бутовскій, А. Б. ф.-Бушенъ, В. П. Васильевъ, В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, М. И. Венюковъ, И. В. Вернадскій, М. П. Веселовскій, И. И. Вильсонъ, А. С. Вороновъ, бар. Ф. П. Врангель, В. А. Гагемейстеръ, Г. П. Гельмерсенъ, А. К. Гирсъ, А. В. Головнинъ, К. К. Гротъ, бар. А. И. Дельвигъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, С. И. Зеленый, Н. А. Ивашинцевъ, П. Д. Калмыковъ, А. М. Княжевичъ, Н. П Корниловъ, Н. И. Костомаровъ, М. О. Кояловичъ, Д. Кропотовъ С. С. Куторга, В. И. Ламанскій, К. Н. Лебедевъ, П. Ю. Лисянскій, С. С. Лошкаревъ, А. И. Макшеевъ, Б. П. Мансуровъ, О. Θ. Миллеръ, Г. П. Небольсинъ, П. И. Небольсинъ, Θ. Д. Нордманъ, А. Д. Озерскій, бар. Θ. Р. Остенъ-Сакенъ, В. Г. Политковскій, В. А. Полторацкій, А. Н. Поповъ, С. С. Рехневскій, В. А. Ржевскій, П. И. Саввантовъ, П. С. Савельевъ, А. С. Сгибневъ, К. А. Скачковъ, Д. М. Сольскій, Н. И. Стояновскій, В. А. Татариновъ, Θ. Г. Тернеръ, А. Г. Тройницкій, И. А. Шестаковъ, А. Θ. Штакельбергъ, А. С. Энгельгардтъ, Ю. Э. Янсонъ.

и въ такомъ случаѣ не повторялись послѣдующими Коммиссіями. Совѣтъ относился внимательно къ замѣчаніямъ Коммиссій, часто руководился ими, но не рѣдко и представлялъ на нихъ свои объясненія и даже рѣшительныя возраженія, какъ это было уже упомянуто выше по вопросу о пересмотрѣ Устава.

Замѣчанія Коммиссій относились до слѣдующихъ предметовъ.

1) По *общимъ вопросамъ* Коммиссія 1861 г. желала чтобы въ засѣданія Общества допускалась публика. Съ 1862 г., когда Общество перемѣстилось въ отведенную ему казенную квартиру, доступъ посѣтителей (гостей) былъ открытъ, съ тѣми ограниченіями, которыя Совѣтъ признавалъ необходимыми, въ виду недостаточнаго объема залы собранія. Таже Коммиссія настаивала на пользѣ устройства публичныхъ чтеній въ Географическомъ Обществѣ. Предложеніе это, переданное Совѣтомъ на обсужденіе Отдѣленій было осуществлено впослѣдствіи. Безплатныя чтенія по билетамъ производились по вечерамъ Великимъ постомъ въ 1863 и 1864 годахъ [1]). Ревизіонная Коммиссія 1869 г. снова возбудила вопросъ о чтеніяхъ, но на этотъ разъ уже безуспѣшно. Коммиссія 1862 и 1863 годовъ настаивала на распространеніи внутреннихъ сношеній Общества съ различными мѣстами и лицами, и въ особенности съ земскими учрежденіями, но Совѣтъ находилъ, что переписка Общества, уже и безъ того столь обширна, что почти превышаетъ силы и средства секретаріата Общества и что едва ли слѣдуетъ увеличивать ее еще искусственно, да и что вообще сношенія общественныхъ учрежденій только тогда приносятъ пользу когда истекаютъ изъ совмѣстныхъ предпріятій или работъ, а что въ такихъ случаяхъ ничто не стѣсняетъ обѣ стороны въ установленіи взаимныхъ сношеній, которыя производятся всегда въ необходимомъ размѣрѣ. Коммиссія 1866 г. настаивала на возбужденіи преній въ Общихъ Собраніяхъ. Совѣтъ находилъ что пренія тогда только могутъ имѣть интересъ, когда они сосредоточиваются на опредѣленномъ предметѣ и что такія пренія могутъ съ большимъ удобствомъ имѣть мѣсто въ собраніяхъ Отдѣленій иногда весьма многочисленныхъ, въ которыхъ существуетъ и болѣе заранѣе приготовленнаго матерьяла и болѣе спеціальной подготовки къ преніямъ, а что въ общихъ собраніяхъ, послѣ часто весьма интересныхъ, но довольно продолжительныхъ сообщеній, не заключающихъ въ себѣ какой либо постановки вопросовъ, долговременная практика сама не выработала преній и едва-ли полезно вызывать ихъ искусственно. Коммиссія 1868 года возбуждала вопросъ объ учрежденіи Отдѣла Общества въ Таш-

---

[1]) Въ 1863 году читали: В. П. Безобразовъ «О бытѣ великороссійскихъ крестьянъ въ XIX вѣкѣ»; А. Б. Бушенъ «О способахъ народоисчисленія въ Россіи»; Н. В. Калачевъ «О бытѣ великороссійскихъ крестьянъ въ XVII вѣкѣ»; Н. И. Костомаровъ «Объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи»; С. С. Рехневскій «О достовѣрности результатовъ научныхъ изслѣдованій»; А. И. Савичъ «О барометрическомъ нивеллированіи». Въ 1864 году: В. П. Безобразовъ «Изъ путевыхъ замѣтокъ по Украинѣ»; А. Б. Бушенъ «О движеніи населенія въ Россіи»; Н. А. Ивашинцовъ «Объ измѣненіи уровня Каспійскаго моря»; М. О. Кояловичъ «Объ этногр. границѣ между Западной Россіей и Польшей», С. С. Рехневскій «Историч. очеркъ опредѣленія фигуры земли»; А. Н. Савичъ «О распредѣленіи звѣздъ»; А. Ѳ. Ульскій «О морской водѣ».

кентѣ, но Совѣтъ, который конечно встрѣтилъ бы съ живымъ сочувствіемъ и поддержкою основаніе такого Отдѣла, полагалъ однакоже, что образованіе Отдѣла не можетъ быть вызвано искусственно изъ Петербурга, а что оно можетъ произойти только по иниціативѣ мѣстныхъ жителей, какъ это и происходило при учрежденіи всѣхъ Отдѣловъ Общества, а что безъ мѣстной иниціативы Отдѣлъ и не могъ бы получить своего существованія.

2) По *казначейскимъ* и *финансовымъ дѣламъ* Общества, Ревизіонныя Коммиссіи дѣлали не мало указаній. По указанію Коммиссіи 1857 года Общество стало отдавать свои текущія суммы на текущіе счеты банковъ, а свои процентныя бумаги хранить въ Государственномъ Банкѣ. Коммиссіи 1857, 1858, 1859, 1860 и 1865 указывали на накопленія недоимокъ во взносахъ членовъ, но средства предлагаемыя ими для взысканія этихъ недоимокъ не помогли дѣлу. Озабочиваясь недостаточностью средствъ Общества и истощеніемъ ихъ въ началѣ разсматриваемаго періода Коммиссіи предлагали также средства къ увеличенію доходовъ и сокращенію нѣкоторыхъ расходовъ, но указанія эти были отчасти недостаточно опредѣленны, отчасти неисполнимы. Такъ предложеніе Коммиссіи 1858 и 1859 о быстрѣйшемъ приращеніи неприкосновеннаго капитала отчисленіемъ въ него части обыкновенныхъ доходовъ оказалось неисполнимымъ, потому что Обществу не хватало этихъ доходовъ на необходимыя издержки, указаніе на убыточность изданій Общества вызвало только отвѣтъ Совѣта, что всякое ученое Общество предпринимаетъ свои изданія для того, чтобы подвинуть впередъ науку, не принимая въ расчетъ окупается ли его изданіе или нѣтъ, и вынуждено принимать въ свои изданія такіе труды, которые, принося большую пользу наукѣ, по спеціальности своей, не находятъ себѣ достаточнаго числа читателей, а слѣдовательно и издателей.

3) *Къ изданіямъ періодическимъ* относились весьма многія замѣчанія Ревизіонныхъ Коммиссій. Коммиссія 1857 обратила вниманіе на неисправность выхода книжекъ „Вѣстника“ и заявляла о неудобствѣ возложенія редакціи его на Секретаря Общества, предлагая, чтобы выборъ Редактора дѣлался Обществомъ по представленію Отдѣленій. На первое замѣчаніе Совѣтъ отвѣтилъ, что 6 книжекъ „Вѣстника“ всегда выходятъ въ теченіе года, но что время выхода каждой изъ нихъ не опредѣлено въ точности, потому что своевременное полученіе почти всегда дароваго матерьяла не всегда зависитъ отъ Редактора, что же касается до порученія редакціи именно Секретарю, то это было сдѣлано по соображеніямъ Редакціоннаго Комитета и Секретаря Общества. Коммиссіи 1860 и 1861 годовъ заявляли свои сѣтованія по поводу изданія Метеорологическаго Сборника въ Дерптѣ и притомъ на нѣмецкомъ языкѣ, а Коммиссія 1863 года, на оборотъ, выразила свою признательность Совѣту Общества и редактору Сборника за его продолженіе. Коммиссіи 1859 и 1861 г. настаивали на необходимости, для сокращенія расходовъ и объединенія редакціоннаго дѣла, слить всѣ изданія Общества, а когда Совѣтъ рѣшился на это сліяніе съ 1861 года, то Коммиссія 1864 года

представляла свои возраженія противъ совершившагося сліянія. Коммиссія 1865 г., критикуя вообще періодическія изданія Общества, стремилась къ идеалу такого географическаго журнала какимъ былъ издаваемый въ Готѣ журналъ Петермана (Geographische Mittheilungen). Коммиссія 1868 предлагала давать гонорары за статьи въ періодическихъ изданіяхъ Общества, но конечно Совѣтъ не могъ найти средствъ для платы такого гонорара. О томъ, какъ съ 1864 года Совѣтъ Общества преобразовалъ окончательно свои изданія, будетъ упомянуто ниже.

4) Къ *не періодическимъ изданіямъ* Ревизіонныя Коммиссіи относились большею частью съ похвалою, стараясь только ускорить ихъ окончаніе или появленіе и соболѣзнуя о прекращеніи или невыполненіи нѣкоторыхъ предположенныхъ изданій. Только Коммиссія 1858 года высказалась противъ исправленія и изданія межевыхъ атласовъ, замѣчая, что такое колоссальное и требующее огромныхъ затратъ предпріятіе не по силамъ Обществу. Съ другой стороны Ревизіонныя Коммиссіи, по части не періодическихъ изданій, часто заботились и о новыхъ предпріятіяхъ Общества. Такъ Коммиссіи 1857, 1858 и 1859 г. настаивали на необходимости изданія Географическаго Словаря, а послѣдующія Коммиссіи были довольны, когда изданіе это началось. Коммиссія 1869 г. выразила желаніе относительно изданія Писцовыхъ книгъ, которое было осуществлено только въ слѣдующемъ періодѣ. Ревизіонныя Коммиссіи 1858 и 1862 гг. настаивали на изданіи генеральной карты Азіи, послѣдняя полагала даже возможнымъ заказать ее англійскому картографу Джонстону, но Совѣтъ не рѣшился на это послѣднее предложеніе, помня неудачный исходъ подобнаго заказа Фрорипу и Киперту и ограничился посылкою нѣкоторыхъ матерьяловъ для предпринимаемой Джонстономъ карты. Коммиссія 1857 предлагала издавать губернскія карты Россіи, но Коммиссія 1858 г. настаивала только на изданіи общей карты Европейской Россіи и Сибири, вслѣдствіе чего Совѣтъ озаботился составленіемъ и изданіемъ карты Европейской Россіи, указавъ на невозможность соединенія карты Сибири съ картою Европ. Россіи, вслѣдствіе невозможности издавать ихъ въ одномъ и томъ же масштабѣ. Коммиссія 1859 г. предлагала еще издавать Географ.—статист. Атласъ Россіи, Коммиссія 1863 г.—Обозрѣніе Внѣшней Торговли, Коммиссія 1870—Географическо-Статистическое описаніе всей Россіи, но всѣ эти предложенія оставлены были Совѣтомъ безъ послѣдствій, за совершеннымъ недостаткомъ средствъ для ихъ исполненія.

5) Относительно *экспедицій*, предпринимаемыхъ Обществомъ, Ревизіонныя Коммиссіи также иногда высказывали свои замѣчанія. Такъ Коммиссіи 1858 г. и 1859 г. находили, что при экспедиціяхъ Общества не достаточно обращалось вниманія на этнографическія изслѣдованія, вслѣдствіе чего Совѣтъ съ удовольствіемъ принялъ впослѣдствіи предложеніе 3-хъ своихъ членовъ о снаряженіи В. В. Радлова для этнографическихъ изслѣдованій въ Туркестанскій и Заилійскій края. Коммиссія 1869 г. поставила въ упрекъ Совѣту, что, давая порученія Радлову, Совѣтъ не обратился въ Отдѣленіе для

и въ свою очередь законы общественныхъ явленій, составляющихъ сущность науки народнаго хозяйства, будучи обнаруживаемы цѣлою исторіею фактовъ и отвлеченнымъ мышленіемъ, съ своей стороны бросаютъ яркій свѣтъ на значеніе собираемыхъ статистическихъ данныхъ. Они даютъ имъ жизнь и смыслъ и наконецъ научаютъ самому методу собиранія многихъ фактовъ статистики и тѣхъ изъ ихъ сторонъ, которыя именно при этихъ лишь условіяхъ становятся статистическими данными, имѣющими значеніе для дальнѣйшихъ выводовъ.

Сродство и взаимное дѣйствіе этихъ двухъ наукъ давно уже доказаны и даже не разъ заявлены и признаны были членами Статистическаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Ни одна часть статистики не представляетъ въ этомъ отношеніи столь близкаго, почти неотдѣлимаго соприкосновенія двухъ наукъ, какъ статистика хозяйственная. Врядъ ли возможно даже положить основаніе точному изученію и собранію фактовъ въ предѣлахъ хозяйственной статистики, не обсудивъ коренныхъ началъ, имѣющихъ вліяніе на ихъ существованіе, не подвергнувъ анализу самаго значенія явленій, статистическое собираніе и обработка которыхъ составляетъ между тѣмъ главную задачу Отдѣленія Статистики.

Желая обезпечить успѣхъ его занятій по предмету хозяйственной статистики, имѣющей первостепенное значеніе и составляющей неотложную нынѣ потребность, какъ по самой практической ея пользѣ, такъ и по совершенному почти отсутствію въ ней точныхъ данныхъ и надлежащей ихъ обработки, нижеподписавшіеся полагали бы полезнымъ: для достиженія означенной цѣли учредить при Отдѣленіи Статистики особый Комитетъ.

Его занятіямъ подлежало бы обсужденіе передаваемыхъ изъ Отдѣленія вопросовъ по хозяйственной статистикѣ, разъясненіе тѣхъ изъ нихъ, которые преимущественно обращаютъ на себя вниманіе изслѣдователей по этой части, и взаимное между членами Комитета обсужденіе того или другаго изъ круга предметовъ народнаго хозяйства, на собираніе данныхъ, по которому желательно было бы обратить дѣятельность Отдѣленія.

Такимъ образомъ Комитетъ этотъ не только не ослаблялъ бы дѣятельности Отдѣленія Статистики, но напротивъ возбуждалъ бы оную подготовленіемъ раціональнаго взгляда на собираніе фактовъ и подавалъ бы поводъ къ изслѣдованіямъ занимающихъ его вопросовъ статистическимъ путемъ. Согласно съ этимъ назначеніемъ, Комитетъ могъ бы принять названіе политико-экономическаго Комитета при Отдѣленіи Статистики.

На первое время Комитетъ могъ бы быть составляемъ изъ нижеподписавшихся, затѣмъ онъ могъ бы пополниться избраніемъ новыхъ членовъ изъ числа членовъ Общества“.

Отдѣленіе, выслушавъ это предложеніе, одобрило единодушно мысль основанія подобнаго Комитета, но раздѣлилось во мнѣніяхъ относительно предоставленія Комитету просимаго гг. членами, предложившими учрежденіе онаго, права избирать самимъ новыхъ членовъ изъ членовъ Общества.

Вслѣдствіе произведенной по сему случаю баллотировки, оказалось на сторонѣ членовъ, внесшихъ означенное предложеніе (на лицо ихъ находилось только 11) большинство 18 голосовъ противъ 6, подавшихъ голосъ въ пользу предложенія Д. Чл. В. И. Мочульскаго о предоставленіи права всѣмъ членамъ принимать участіе въ занятіяхъ Комитета. Вслѣдствіе сего Отдѣленіе опредѣлило принять и внести на утвержденіе Совѣта предложеніе 19 членовъ въ томъ видѣ, какъ оно подписано этими лицами, т. е. съ исключительнымъ для нихъ правомъ избирать себѣ по собственному усмотрѣнію новыхъ членовъ Комитета.

Принимая во вниманіе пользу ученыхъ совѣщаній для оживленія статистической дѣятельности Общества и признавая основательнымъ мнѣніе гг. членовъ, учредившихъ Комитетъ, объ устройствѣ его изъ лицъ спеціально-занимающихся наукою государственнаго хозяйства, Совѣтъ утвердилъ предложеніе членовъ Отдѣленія.

Дѣятельность Комитета получила полное развитіе въ 1860 году. Въ многочисленныхъ его собраніяхъ обсуждались разные вопросы по хозяйственной статистикѣ и по политической экономіи, частію передаваемые на спеціальное обсужденіе Комитета изъ Статистическаго Отдѣленія, частію возникавшія въ средѣ самаго Комитета.

По нѣкоторымъ изъ этихъ вопросовъ приглашались къ обсужденію, въ видѣ экспертовъ, постороннія лица, спеціально знакомыя съ практическою стороною обсуждаемаго вопроса [1]).

Комитетъ собирался въ квартирѣ Общества, по взаимному согласію членовъ, въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ (между вакаціонными періодами Географическаго Общества) около двухъ разъ въ мѣсяцъ, всего отъ 10 до 12 разъ каждую зиму. Единственный постоянный органъ Комитета былъ его Секретарь, избранный членами; Секретарь созывалъ собранія и составлялъ журналы. Въ 1861 году журналы публиковались (съ разрѣшенія въ общемъ цензурномъ порядкѣ) въ газетахъ. Впослѣдствіи, по рѣшенію Комитета, журналы помѣщались въ Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, а въ газетахъ публиковались только краткія извѣстія о занятіяхъ Комитета. Комитетъ не имѣлъ никакой постоянной организаціи и никакихъ особыхъ правилъ, кромѣ общеизвѣстнаго порядка ученыхъ бесѣдъ, такъ какъ, по Уставу Географическаго Общества (§ 73), распорядокъ работъ и внутреннее ими управленіе предоставлены въ полное распоряженіе каждаго Отдѣленія.

---

[1]) Вмѣстѣ съ членами, впослѣдствіи присоединившимися къ Комитету, къ нему принадлежали слѣдующія лица: В. П. Безобразовъ (секретарь Комитета), Е. И. Бреверинъ, Н. Х. Бунге, А. И. Бутовскій, П. А. Валуевъ, К. С. Веселовскій, В. И. Вешняковъ, И. В. Вернадскій, Н. И. Второвъ, Ю. А. Гагемейстеръ, И. А. Ганъ, И. Я. Горловъ, К. К. Гротъ, К. И. Домонтовичъ, А. П. Заблоцкій, Б. Ѳ. Калиновскій, А. И. Левшинъ, А. К. Красильниковъ, Ѳ. П. Литке, баронъ А. К. Мейндорфъ, баронъ Е. К. Мейндорфъ, Ѳ. М. Митчель, С. А. Мордвиновъ, Г. П. Неболсинъ, М. Х. Рейтернъ, П. П. Семеновъ, Я. А. Соловьевъ, Д. М. Сольскій, Ѳ. Г. Тернеръ, А. Г. Тройницкій, Д. П. Хрущовъ, А. И. Чивилевъ, А. Ѳ. Штакельбергъ, С. П. Щепкинъ, І. Н. Шиль, А. К. Гирсъ, Е. И. Ламанскій, Н. А. Милютинъ, баронъ Ѳ. Р. Остенъ-Сакенъ.

Въ трехлѣтнее почти существованіе Комитета въ немъ были подробно обсуждаемы слѣдующіе важнѣйшіе вопросы: о выкупѣ крестьянскихъ земель, о налогѣ на крѣпкіе напитки или питейномъ сборѣ, о разныхъ банковыхъ системахъ, о государственныхъ и частныхъ банкахъ, объ изданіи популярнаго учебника по политической экономіи, о налогѣ на торговлю и торговый классъ и о гильдейскомъ сборѣ, о денежномъ обращеніи и бумажныхъ деньгахъ, о коммерческихъ кризисахъ и промышленныхъ затрудненіяхъ Россіи, о введеніи всемірной десятичной системы мѣръ, вѣсовъ и монеты, о колонизаціи и заселеніи пограничныхъ ненаселенныхъ мѣстностей, объ экономическихъ послѣдствіяхъ упраздненія крѣпостнаго состоянія, о подушной и подворной подати, о гласности въ финансовомъ управленіи и о разныхъ способахъ извлеченія доходовъ изъ государственныхъ имуществъ. Сверхъ этого, были постоянно обсуждаемы сочиненія, выходившія въ Россіи по предметамъ экономической науки [1]).

Въ 1862 г. сдѣланы были Правительствомъ нѣкоторыя особыя распоряженія относительно учрежденія въ ученыхъ Обществахъ постоянныхъ Комитетовъ и вслѣдствіе этого Министръ Внутреннихъ Дѣлъ [2]) сообщилъ Вице-Предсѣдателю Общества слѣдующее Высочайшее утвержденное мнѣніе Комитета Министровъ.

1. Чтобы всѣ нынѣ существующія Общества, при учрежденіи въ средѣ своей, на основаніи изданныхъ для нихъ уставовъ, особыхъ совѣщательныхъ Собраній или Комитетовъ, въ точности руководствовались правилами въ означенныхъ уставахъ постановленными.

2. Чтобы въ случаѣ усматриваемой Обществомъ потребности, или пользы въ учрежденіи новаго постояннаго Отдѣла или Комитета, въ средѣ Общества или въ составѣ одного изъ допущенныхъ уже въ немъ по уставу постоянныхъ подраздѣленій, учрежденіе подобнаго Отдѣла или Комитета было допускаемо не иначе, какъ по предварительномъ обсужденіи вопроса о томъ въ Совѣтѣ Общества, по составленіи краткой программы предметовъ и порядка занятій новаго Отдѣла или Комитета, и по испрошеніи на то особаго разрѣшенія отъ того Министерства или Главнаго Управленія, которому Общество подвѣдомо.

3. Чтобы послѣ полученія означеннаго разрѣшенія, на Совѣтъ Общества возлагалось наблюденіе за тѣмъ, чтобы новые Отдѣлы или Комитеты не выходили изъ опредѣленнаго для нихъ круга занятій.

4. Чтобы Императорскому Русскому Географическому Обществу вмѣнено было въ обязанность, не закрывая нынѣ существующихъ при немъ постоян-

---

[1]) Должно отдать справедливость Комитету, что, именно въ 1859 и 1860 г., во время обсужденія самыхъ жгучихъ вопросовъ въ коммиссіяхъ по крестьянскому дѣлу, въ которыхъ принимала участіе одна треть тогдашняго состава политико-экономическаго Комитета, Комитетъ систематически избѣгалъ обсужденія именно этихъ вопросовъ, ставя на очередь только тѣ изъ нихъ, разъясненіе которыхъ, какъ напримѣръ способы выкупа крестьянскихъ надѣловъ, устройство кредита, экономическія послѣдствія упраздненія крѣпостнаго права, требовали своевременнаго ихъ освѣщенія со стороны экономической науки, нисколько не касаясь оцѣнки принятыхъ уже правительствомъ мѣръ.

[2]) П. А. Валуевъ былъ самъ однимъ изъ членовъ-учредителей Комитета.

ныхъ Комитетовъ, испросить на дальнѣйшее существованіе оныхъ особое разрѣшеніе съ соблюденіемъ правилъ выше постановленныхъ.

Комитетъ, по выслушаніи сообщенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ и принимая въ соображеніе:

1) Что въ первоначальномъ проектѣ правилъ, составленномъ Комитетомъ въ исполненіе Высочайшаго повелѣнія 5 января 1862 г., кругъ его занятій былъ въ точности обозначенъ и ограниченъ предѣлами самой науки политической экономіи или народнаго и государственнаго хозяйства, которымъ посвящены были труды Комитета, и что невозможно, какъ это признано и въ сужденіяхъ Комитета гг. Министровъ, составленіе полной программы всѣхъ предметовъ, или вопросовъ, которые могутъ входить въ кругъ ученой дѣятельности Комитета и могутъ быть обсуждаемы въ его средѣ, составленіе подобной программы было бы также трудно, какъ и исчисленіе всѣхъ вопросовъ, относящихся къ какой либо наукѣ;

2) Что обстоятельства времени, выдвигающаго то одни, то другіе экономическіе вопросы, и задача самой науки, обязанной искать проявленія своихъ началъ, то въ однихъ, то въ другихъ обстоятельствахъ промышленной жизни народа, могутъ вывести занятія Комитета изъ круга вопросовъ, обозначенныхъ въ его программѣ, а такія нарушенія программы могли бы возбудить прискорбныя недоразумѣнія не только въ средѣ Комитета, но и въ средѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества;

3) Что въ этомъ смыслѣ было бы особенно трудно провести черту между теоретическими и практическими вопросами на почвѣ науки, постоянно подвергающей своему анализу явленія практической промышленной жизни, и въ средѣ Комитета, между прочимъ стремившагося распространять здравыя понятія науки и противодѣйствовать понятіямъ имъ враждебнымъ, какъ въ литературѣ, такъ и въ публикѣ;

4) Что въ этомъ послѣднемъ отношеніи дѣйствія Комитета, лишеннаго ученой независимости въ выборѣ предметовъ и вопросовъ для своихъ занятій и изслѣдованій, были бы особенно затруднительны.

Комитетъ призналъ дальнѣйшее продолженіе своихъ занятій безполезнымъ, и затѣмъ присутствующіе въ Комитетѣ члены по большинству 12 голосовъ противъ 3-хъ, *положили:* Политико-Экономическій Комитетъ, учредившійся по добровольному соглашенію его членовъ, закрыть.

Совѣтъ Общества, имѣя въ виду, что Комитетъ учредился при Отдѣленіи Статистики по добровольному соглашенію нѣкоторыхъ членовъ и не составляетъ обязательной части въ его составѣ и въ кругу его дѣятельности, опредѣленныхъ Уставомъ, положилъ: считать Политико-Экономическій Комитетъ, согласно заключенію его, закрытымъ, и какъ за тѣмъ никакихъ болѣе распоряженій относительно Комитета сдѣлано быть не можетъ, то объ этомъ и сообщить г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ съ препровожденіемъ къ нему копіи журнала Комитета.

Въ разсматриваемомъ періодѣ открылись два новыхъ мѣстныхъ Отдѣла Географическаго Общества: Сѣверо-Западный (въ Вильнѣ) и Оренбургскій.

Сѣверо-Западный Отдѣлъ Общества возникъ по иниціативѣ Попечителя Виленскаго Учебнаго Округа И. П. Корнилова, поддержанной генералъ-губернаторомъ К. П. Кауфманомъ и имѣлъ цѣлью направить всѣ имѣющіяся въ краѣ научныя Русскія силы на изученіе края въ статистическомъ, этнографическомъ, историческомъ и др. отношеніяхъ. Предложеніе, сдѣланное Предсѣдателю Общества И. П. Корниловымъ въ сентябрѣ 1866 г., было принято Совѣтомъ съ сочувствіемъ и, съ согласія Августѣйшаго Предсѣдателя, возбуждено было ходатайство объ учрежденіи Отдѣла, которое и удостоилось Высочайшаго соизволенія 26 февр. 1867 г. Въ маѣ того же года Отдѣлъ былъ открытъ и Предсѣдателемъ его избранъ И. П. Корниловъ [1]).

Въ началѣ своего существованія Отдѣлъ принялся горячо за свое дѣло. По иниціативѣ своего члена П. М. Смыслова, директора Виленской Обсерваторіи, Отдѣлъ озаботился учрежденіемъ метеорологическихъ станцій при 6 гимназіяхъ С.-З. края, затѣмъ оказывалъ дѣятельное содѣйствіе членамъ предпринятой Обществомъ этнографическо-статистической экспедиціи въ Западномъ краѣ. Многіе изъ членовъ Отдѣла приняли особенно живое участіе въ разработкѣ обывательскихъ книгъ по Виленскому уѣзду, представляющихъ богатый статистическій матерьялъ.

Журналы засѣданій Сѣверо-Западнаго Отдѣла печатались въ „Извѣстіяхъ“ Общества. Такихъ засѣданій было въ 1857 г. три.

Къ сожалѣнію отъѣздъ изъ Вильно въ 1858 г. основателя и Предсѣдателя Отдѣла И. П. Корнилова и совершенно безучастное къ нему отношеніе его Покровителя, Виленскаго генералъ-губернатора Потапова, прекратили всякую дѣятельность Отдѣла, остававшагося въ теченіе болѣе года безъ Предсѣдателя.

Однако-же въ концѣ 1869 г. Отдѣлъ нѣсколько оживился. Избранъ былъ Предсѣдателемъ А. П. Никитинъ, организованы четыре Отдѣленія: Физико-математическое, подъ предсѣдательствомъ Н. М. Смыслова, этнографическое — В. И. Гомолицкаго, Статистическое – А. М. Энгеля (онъ же былъ избранъ и Правителемъ Дѣлъ Отдѣла) и Археологическое — А. Ѳ. Головацкаго. Смысловъ обратилъ вниманіе Отдѣла на метеорологическія наблюденія, В. И. Гомолицкій составилъ программу для собиранія географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній, А. Ѳ. Головацкій обратилъ вниманіе на работы въ Виленскомъ Архивѣ и Публичной библіотекѣ, В. П. Кулинъ на изслѣдованіе географическихъ именъ въ С.-З. краѣ. Но оживленіе это было не особенно продолжительно, такъ какъ въ 1870 г. Отдѣлъ опять ничего не заявлялъ

---

[1]) Членами Отдѣла были: Н. П. Барсовъ, Н. А. Деревицкій, М. А. Дмитріевъ, Н. А. Зубковъ, А. Р. Кребель, В. П. Кулинъ, А. П. Никитинъ, Н. Н. Новиковъ, В. Ѳ. Ратчъ, А. В. Рачинскій, С. Т. Славутинскій, П. М. Смысловъ, М. А. Соловцовъ, Е. П. Стеблинъ-Каменскій, А. П. Стороженко, В. А. Тарасовъ, Г. Э. ф. Траутфеттеръ, А. И. Цыловъ, Н. И. Цыловъ, И. И. Шперлингъ.

о своемъ существованіи и только въ 1871 г. снова нѣсколько оживился, о чемъ будетъ упомянуто уже въ слѣдующемъ періодѣ.

Оренбургскій Отдѣлъ возникъ по инициативѣ ген. губ. Н. А. Крыжановскаго въ 1867 г., въ то время когда въ составъ генералъ-губернаторства входила половина областей Киргизской степи и всѣ наши постепенно расширяющіяся владѣнія въ Туркестанѣ. За основаніе своего Положенія Оренбургскій Отдѣлъ принялъ положеніе о Сибирскомъ Отдѣлѣ, но особенно заботился объ изслѣдованіи края въ естественно-историческомъ и экономическомъ отношеніяхъ. При этомъ ген. ад. Крыжановскій выражалъ желаніе чтобы мѣстные статистическіе Комитеты губерній; Оренбургской, Уфимской, области Туркестанской и Казачьихъ Войскъ Оренбургскаго и Уральскаго были подчинены Оренбургскому Отдѣлу Географ. Общества.

Совѣтъ Общества съ сочувствіемъ принялъ предложеніе Н. А. Крыжановскаго объ учрежденіи Оренбургскаго Отдѣла, но за тѣмъ, войдя въ подробное разсмотрѣніе содержанія записки Оренбургскаго генералъ-губернатора, положилъ: 1) при изготовленіи проекта Положенія для Отдѣла принять въ основаніе Положеніе о Сибирскомъ Отдѣлѣ; 2) учрежденіе при Отдѣлѣ, впослѣдствіи времени, особаго Экономическаго Отдѣленія, предоставить ближайшему усмотрѣнію главнаго начальника края; 3) что же касается до подчиненія Отдѣлу мѣстныхъ Статистическихъ Комитетовъ, то Совѣтъ, вполнѣ сочувствуя мыслямъ, послужившимъ поводомъ къ означенному предположенію, пришелъ однако, по всестороннемъ обсужденіи вопроса, къ слѣдующему заключенію: сколь ни желательно, чтобы между будущимъ Отдѣломъ и Статистическими Комитетами установились возможно тѣсныя отношенія, нельзя, однако, не замѣтить при этомъ, что характеръ и значеніе этихъ учрежденій совершенно различны. Члены Отдѣла, какъ и члены Географическаго Общества, принимаютъ на себя участіе въ ученыхъ занятіяхъ по добровольному желанію, и условіемъ для этихъ занятій не можетъ быть поставлено исполненіе какихъ либо служебныхъ занятій. Статистическіе же Комитеты, какъ учрежденія правительственныя, имѣютъ свой опредѣленный и обязательный кругъ занятій. По этимъ соображеніямъ, подчиненіе означенныхъ Комитетовъ Отдѣлу ученаго Общества, едвали осуществимо на практикѣ.

Высочайшее соизволеніе на учрежденіе Оренбургскаго Отдѣла воспослѣдовало 30 мая 1867 года. Въ январѣ 1868 г. ген.-ад. Крыжановскій открылъ Отдѣлъ, произнеся длинную и весьма обстоятельную рѣчь, въ которой указалъ въ подробности на цѣль учрежденія Отдѣла и способы ея достиженія. Къ апрѣлю въ Отдѣлѣ было уже 62 члена, а Предсѣдательствующимъ его былъ избранъ Д. Чл. Общ. свиты Его Имп. Вел. ген.-м. Л. Ѳ. Баллюзекъ.

Отдѣлъ образовалъ 4 Отдѣленія: Географіи, Этнографіи, Статистики и Естественной исторіи и принялся очень живо за свое дѣло.

Каждое изъ Отдѣленій занялось составленіемъ програмъ для будущихъ дѣйствій Отдѣла по изученію Оренбургскаго края. Програма Отдѣленія Этнографіи, выработанная Предсѣдательствующимъ этого Отдѣленія Н. П. Георгіев-

скимъ и Помощникомъ его И. П. Покровскимъ, заслужила особенное вниманіе Общаго Собранія Отдѣла, по важности поставленныхъ въ ней задачъ въ дѣлѣ изученія этнографіи Оренбургскаго края и по полнотѣ, съ которою она изложена.

Отдѣлъ выработалъ также предположеніе о снаряженіи экспедиціи на Мангишлакскій полуостровъ, для обстоятельнаго изслѣдованія тамошнихъ каменноугольныхъ копей.

Другое весьма важное предпріятіе Отдѣла касалось производства въ Оренбургскомъ краѣ магнитныхъ наблюденій. Начальникъ первоклассной тріангуляціи въ землѣ Оренбургскаго казачьяго войска, А. А. Тилло (нынѣ Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Математической Географіи Общества), заявилъ о готовности своей, какъ членъ Отдѣла, произвести одновременно съ тріангуляціею рядъ наблюденій надъ силой и направленіемъ земнаго магнетизма. На основаніи такого заявленія Предсѣдательствующій въ Отдѣлѣ обратился въ Географическое Общество и въ Академію Наукъ съ просьбою о снабженіи А. А. Тилло, на все время производства тріангуляціи, нѣкоторыми необходимыми инструментами для предположенной цѣли. Вслѣдствіе состоявшагося между обоими учеными учрежденіями соглашенія, Академія Наукъ нашла возможнымъ исполнить желаніе Отдѣла.

Въ виду значительнаго числа рукописныхъ матерьяловъ, поступившихъ въ Оренбургскій Отдѣлъ, было принято рѣшеніе основать особый органъ для печатанія ученыхъ трудовъ, представленныхъ въ распоряженіе Отдѣла. Это предположеніе могло осуществиться благодаря сдѣланному покровителемъ Отдѣла Н. А. Крыжановскимъ, денежному пожертвованію и первый томъ Записокъ Оренбургскаго Отдѣла вышелъ уже въ концѣ разсматриваемаго періода, а именно въ 1870 году (см. ниже). Дальнѣйшая дѣятельность Отдѣла принадлежитъ уже послѣдующему періоду.

Отношенія Ревизіонныхъ Коммиссій къ Совѣту Общества въ разсматриваемомъ періодѣ были тѣже, что и въ предшедшемъ. Высказывая вообще свое одобреніе дѣйствіямъ Совѣта и Отдѣленій, онѣ по прежнему высказывали и всѣ свои сомнѣнія, указывали замѣченные ими недостатки, заявляли свои пожеланія и предположенія. Само собою разумѣется, что при разнообразіи состава Коммиссій [1]) пожеланія или замѣчанія ихъ имѣли часто характеръ случайный

---

[1]) Въ Ревизіонныя Коммиссіи въ разсматриваемомъ періодѣ избирались слѣдующія лица: А. И. Артемьевъ, В. П. Безобразовъ, Е. А. Беренсъ, И. Ѳ. Бларамбергъ, П. О. Бобровскій, Е. И. Бреверíнъ, А. И. Бутовскій, А. Б. ф.-Бушенъ, В. П. Васильевъ, В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, М. И. Венюковъ, И. В. Вернадскій, М. П. Веселовскій, И. И. Вильсонъ, А. С. Вороновъ, бар. Ф. П. Врангель, В. А. Гагемейстеръ, Г. П. Гельмерсенъ, А. К. Гирсъ, А. В. Головнинъ, К. К. Гротъ, бар. А. И. Дельвигъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, С. И. Зеленый, Н. А. Ивашинцевъ, П. Д. Калмыковъ, А. М. Княжевичъ, И. П Корниловъ, Н. И. Костомаровъ, М. О. Кояловичъ, Д. Кропотовъ С. С. Куторга, В. И. Ламанскій, К. Н. Лебедевъ, П. Ю. Лисянскій, С. С. Лошкаревъ, А. И. Макшеевъ, Б. П. Мансуровъ, О. Ѳ. Миллеръ, Г. П. Небольсинъ, П. И. Небольсинъ, Ѳ. Д. Нордманъ, А. Д. Озерскій, бар. Ѳ. Р. Остенъ-Сакенъ, В. Г. Политковскій, В. А. Полторацкій, А. Н. Поповъ, С. С. Рехневскій, В. А. Ржевскій, П. И. Савваитовъ, П. С. Савельевъ, А. С. Сгибневъ, К. А. Скачковъ, Д. М. Сольскій, Н. И. Стояновскій, В. А. Татариновъ, Ѳ. Г. Тернеръ, А. Г. Тройницкій, И. А. Шестаковъ, А. Ѳ. Штакельбергъ, А. С. Энгельгардтъ, Ю. Э. Янсонъ.

и въ такомъ случаѣ не повторялись послѣдующими Коммиссіями. Совѣтъ относился внимательно къ замѣчаніямъ Коммиссій, часто руководился ими, но не рѣдко и представлялъ на нихъ свои объясненія и даже рѣшительныя возраженія, какъ это было уже упомянуто выше по вопросу о пересмотрѣ Устава.

Замѣчанія Коммиссій относились до слѣдующихъ предметовъ.

1) По *общимъ вопросамъ* Коммиссія 1861 г. желала чтобы въ засѣданія Общества допускалась публика. Съ 1862 г., когда Общество переместилось въ отведенную ему казенную квартиру, доступъ посѣтителей (гостей) былъ открытъ, съ тѣми ограниченіями, которыя Совѣтъ призналъ необходимыми, въ виду недостаточнаго объема залы собранія. Таже Коммиссія настаивала на пользѣ устройства публичныхъ чтеній въ Географическомъ Обществѣ. Предложеніе это, переданное Совѣтомъ на обсужденіе Отдѣленій было осуществлено впослѣдствіи. Безплатныя чтенія по билетамъ производились по вечерамъ Великимъ постомъ въ 1863 и 1864 годахъ [1]. Ревизіонная Коммиссія 1869 г. снова возбудила вопросъ о чтеніяхъ, но на этотъ разъ уже безуспѣшно. Коммиссія 1862 и 1863 годовъ настаивала на распространеніи внутреннихъ сношеній Общества съ различными мѣстами и лицами, и въ особенности съ земскими учрежденіями, но Совѣтъ находилъ, что переписка Общества, уже и безъ того столь обширна, что почти превышаетъ силы и средства секретаріата Общества и что едва ли слѣдуетъ увеличивать ее еще искусственно, да и что вообще сношенія общественныхъ учрежденій только тогда приносятъ пользу когда истекаютъ изъ совмѣстныхъ предпріятій или работъ, а что въ такихъ случаяхъ ничто не стѣсняетъ обѣ стороны въ установленіи взаимныхъ сношеній, которыя производятся всегда въ необходимомъ размѣрѣ. Коммиссія 1866 г. настаивала на возбужденіи преній въ Общихъ Собраніяхъ. Совѣтъ находилъ что пренія тогда только могутъ имѣть интересъ, когда они сосредоточиваются на опредѣленномъ предметѣ и что такія пренія могутъ съ большимъ удобствомъ имѣть мѣсто въ собраніяхъ Отдѣленій иногда весьма многочисленныхъ, въ которыхъ существуетъ и болѣе заранѣе приготовленнаго матерьяла и болѣе спеціальной подготовки къ преніямъ, а что въ общихъ собраніяхъ, послѣ часто весьма интересныхъ, но довольно продолжительныхъ сообщеній, не заключающихъ въ себѣ какой либо постановки вопросовъ, долговременная практика сама не выработала преній и едва-ли полезно вызывать ихъ искусственно. Коммиссія 1865 года возбуждала вопросъ объ учрежденіи Отдѣла Общества въ Там-

[1] Въ 1863 году читали: В. П. Безобразовъ «О бытѣ великороссійскихъ крестьянъ въ XIX вѣкѣ»; А. Б. Бушенъ «О [illegible] въ Россіи»; Н. В. Калачовъ «О бытѣ великороссійскихъ крестьянъ въ XVII вѣкѣ»; Н. И. Костомаровъ «Объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи»; [illegible] «О [illegible] изслѣдованій»; А. Н. Савичъ «О барометрическомъ нивеллированіи». Въ 1864 году В. П. Безобразовъ «Изъ путевыхъ замѣтокъ по Уралу»; А. Б. Бушенъ «О движеніи населенія въ Россіи»; Н. А. Ивашинцовъ «Объ измѣненіи уровня Каспійскаго моря»; М. О. Кояловичъ «Объ этнографической границѣ между Западной Россіей и Польшей»; [illegible] «[illegible]»; А. Н. Савичъ «О распредѣленіи теплоты»; [illegible].

кентѣ, но Совѣтъ, который конечно встрѣтилъ бы съ живымъ сочувствіемъ и поддержкою основаніе такого Отдѣла, полагалъ однакоже, что образованіе Отдѣла не можетъ быть вызвано искусственно изъ Петербурга, а что оно можетъ произойти только по иниціативѣ мѣстныхъ жителей, какъ это и происходило при учрежденіи всѣхъ Отдѣловъ Общества, а что безъ мѣстной инициативы Отдѣлъ и не могъ бы получить своего существованія.

2) По *казначейскимъ* и *финансовымъ дѣламъ* Общества, Ревизіонныя Коммиссіи дѣлали не мало указаній. По указанію Коммиссіи 1857 года Общество стало отдавать свои текущія суммы на текущіе счеты банковъ, а свои процентныя бумаги хранить въ Государственномъ Банкѣ. Коммиссіи 1857, 1858, 1859, 1860 и 1865 указывали на накопленія недоимокъ во взносахъ членовъ, но средства предлагаемыя ими для взысканія этихъ недоимокъ не помогли дѣлу. Озабочиваясь недостаточностью средствъ Общества и истощеніемъ ихъ въ началѣ разсматриваемаго періода Коммиссіи предлагали также средства къ увеличенію доходовъ и сокращенію нѣкоторыхъ расходовъ, но указанія эти были отчасти недостаточно опредѣленны, отчасти неисполнимы. Такъ предложеніе Коммиссіи 1858 и 1859 о быстрѣйшемъ приращеніи неприкосновеннаго капитала отчисленіемъ въ него части обыкновенныхъ доходовъ оказалось неисполнимымъ, потому что Обществу не хватало этихъ доходовъ на необходимыя издержки, указаніе на убыточность изданій Общества вызвало только отвѣтъ Совѣта, что всякое ученое Общество предпринимаетъ свои изданія для того, чтобы подвинуть впередъ науку, не принимая въ расчетъ окупается ли его изданіе или нѣтъ, и вынуждено принимать въ свои изданія такіе труды, которые, принося большую пользу наукѣ, по спеціальности своей, не находятъ себѣ достаточнаго числа читателей, а слѣдовательно и издателей.

3) *Къ изданіямъ періодическимъ* относились весьма многія замѣчанія Ревизіонныхъ Коммиссій. Коммиссія 1857 обратила вниманіе на неисправность выхода книжекъ „Вѣстника" и заявляла о неудобствѣ возложенія редакціи его на Секретаря Общества, предлагая, чтобы выборъ Редактора дѣлался Обществомъ по представленію Отдѣленій. На первое замѣчаніе Совѣтъ отвѣтилъ, что 6 книжекъ „Вѣстника" всегда выходятъ въ теченіе года, но что время выхода каждой изъ нихъ не опредѣлено въ точности, потому что своевременное полученіе почти всегда дароваго матерьяла не всегда зависитъ отъ Редактора, что же касается до порученія редакціи именно Секретарю, то это было сдѣлано по соображеніямъ Редакціоннаго Комитета и Секретаря Общества. Коммиссіи 1860 и 1861 годовъ заявляли свои сѣтованія по поводу изданія Метеорологическаго Сборника въ Дерптѣ и притомъ на нѣмецкомъ языкѣ, а Коммиссія 1863 года, на оборотъ, выразила свою признательность Совѣту Общества и редактору Сборника за его продолженіе. Коммиссіи 1859 и 1861 г. настаивали на необходимости, для сокращенія расходовъ и объединенія редакціоннаго дѣла, слить всѣ изданія Общества, а когда Совѣтъ рѣшился на это сліяніе съ 1861 года, то Коммиссія 1864 года

составленія ему программы и инструкцій. Таже Коммиссія упрекнула Совѣтъ въ ассигнованіи 1.000 руб. на предпринимаемую Минералогическимъ Обществомъ геологическую экспедицію въ Тверскую губернію, безъ непосредственнаго въ ней участія лицъ, командируемыхъ Обществомъ. Но еще чаще Коммиссіи принимали иниціативу въ указаніи на снаряженіе новыхъ экспедицій. Такъ Коммиссіи 1857 и 1858 настаивали на снаряженіи экспедиціи на Волгу, которая не могла осуществиться за неимѣніемъ средствъ. Коммиссія 1862 года предлагала снарядить этнографическую экспедицію для изслѣдованія исчезающихъ, подобно Ливамъ и Кревингамъ, племенъ, но это предложеніе осталось безъ послѣдствій по его неопредѣленности. Коммиссія 1862 г. предлагала экспедицію для изслѣдованія стараго русла Аму-Дарьи и нивеллировки между Аральскимъ и Каспійскимъ морями, но предпріятія эти могли быть осуществлены только въ послѣдующихъ періодахъ. Вообще же нѣкоторыя Ревизіонныя Коммиссіи указывали на то, что желательно, чтобы экспедиціи Общества были направляемы не на окраины, а во внутреннія губерніи Россіи. Къ исполненію этого желанія Совѣтъ встрѣчалъ препятствія въ томъ, что собственно объ экспедиціяхъ, предпринимаемыхъ съ чисто географическою цѣлью изслѣдованія невѣдомыхъ или малоизвѣстныхъ странъ и пространствъ, относительно внутреннихъ губерній достаточно извѣстныхъ въ географическомъ отношеніи, рѣчи быть не можетъ, и что слѣдовательно экспедиціи, посылаемыя во внутреннія губерніи могутъ быть предпринимаемы, только съ весьма опредѣленными спеціальными цѣлями, напримѣръ геологическими, этнографическими или статистическими, въ заранѣе очерченные раіоны или мѣстности, и притомъ по обусловленнымъ временемъ и обстоятельствами спросомъ на такія экспедиціи, и въ этомъ случаѣ Совѣтъ Общества весьма внимательно относился къ такимъ спросамъ, если только снаряженіе экспедицій не выходило изъ круга дѣятельности Общества и не превышало его средствъ.

6) Наконецъ нѣкоторыя заявленія Ревизіонныхъ Коммиссій относились до *устройства библіотеки* и *музея* Общества.

Библіотека Общества въ началѣ періода (1857 г.) состояла уже изъ 3.270 сочиненій, заключающихъ въ себѣ 6.000 томовъ, а въ 1859 уже изъ 4.230 сочиненій и до 8.000 томовъ и продолжала возрастать преимущественно приношеніями, а частью обмѣномъ и покупкою книгъ. Библіотекаремъ Общества, въ началѣ періода, былъ Д.-Чл. В. Я. Фуксъ, а послѣ отказа его отъ сдѣлавшагося уже ему непосильнымъ труда, Совѣтъ рѣшился пригласить для завѣдыванія библіотекою, на помощь Секретарю Общества, вѣдѣнію котораго была поручена библіотека, лицо, трудъ котораго бы оплачивался; такимъ лицомъ въ теченіе разсматриваемаго періода былъ библіотекарь М. И. Богомоловъ. Въ 1863 году библіотека была приведена въ надлежащее устройство и Совѣтъ утвердилъ правила для пользованія ею.

Музей Общества возросъ въ теченіе разсматриваемаго періода въ значительной степени. Кромѣ множества предметовъ, доставляемыхъ Обществу

изъ разныхъ концовъ Европейской Россіи, Музей Общества былъ обогащенъ коллекціями, собранными Д.-Чл. П. П. Дорошинымъ въ нашихъ сѣвероамериканскихъ владѣніяхъ и еще болѣе прекрасными коллекціями, собранными Р. К. Маакомъ во время его Вилюйской и Амурской экспедицій. Но къ сожалѣнію, при такомъ возрастаніи музея, въ нанимаемомъ Обществомъ тѣсномъ помѣщеніи для музея не было достаточно мѣста.

Въ 1858 году въ Обществѣ возникла впервые мысль объ устройствѣ Всероссійскаго Этнографическаго музея. Инициаторомъ этой мысли былъ самъ Августѣйшій Предсѣдатель Общества. Въ попеченіи своемъ объ успѣхахъ изученія нашего отечества, онъ обратилъ вниманіе Совѣта на пользу, которую бы могла извлечь современная наука отъ учрежденія въ Россіи этнографическаго музея. Вопросъ объ учрежденіи Русскаго этнографическаго музея, уже давно занимавшій собою многихъ ревнителей отечественнаго просвѣщенія, и въ томъ числѣ нашего славнаго ученаго, академика Бэра, встрѣченъ былъ въ Обществѣ со всеобщимъ, живѣйшимъ сочувствіемъ. Учрежденіе это какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало бы характеру и требованіямъ современной науки, и въ тоже время, и великому значенію, которое имѣетъ Россія, населенная столь разнородными племенами. Возобновленіе вопроса дало поводъ къ многимъ сужденіямъ и мнѣніямъ въ Географическомъ Обществѣ со стороны лицъ, знакомыхъ съ дѣломъ по роду своихъ спеціальныхъ занятій. Всѣ мнѣнія, различныя въ подробностяхъ, были единогласны относительно самой сущности или крайней пользы ожидаемой отъ музея. Для возможно болѣе зрѣлаго изученія предмета и обсужденія всѣхъ мнѣній составлена была особая Коммиссія, членами которой назначены: К. М. Бэръ, Из. И. Срезневскій, П. С. Савельевъ, Э. И. Эйхвальдъ и А. Г. Яновскій. Коммиссія изложила свое окончательное заключеніе въ особой запискѣ, изъ которой приводятся здѣсь слѣдующія главныя основанія:

1) Русскій этнографическій музей долженъ быть собраніемъ предметовъ, выражающихъ особенности быта какъ народовъ, нынѣ обитающихъ въ Россіи, такъ и прежде ее населявшихъ и нынѣ совершенно исчезнувшихъ.

2) Музей долженъ быть въ завѣдываніи ученаго спеціалиста по этнологическимъ и археологическимъ наукамъ, назначаемаго не отъ правительства, а избираемаго знатоками дѣла изъ лицъ, которыя бы посвятили главную часть своей дѣятельности музею. На обязанности его и другихъ лицъ, кои будутъ назначены ему въ помощники, должно непремѣнно лежать постоянное веденіе подробныхъ и соотвѣтствующихъ требованіямъ науки списковъ всѣхъ предметовъ, хранящихся въ музеѣ.

3) Музей долженъ быть учрежденіемъ не казеннымъ и не частнымъ, но публичнымъ, подъ покровительствомъ и съ содѣйствіемъ правительства, и сообразно своему высокому и вполнѣ общеполезному назначенію, служить успѣхамъ отечественнаго просвѣщенія.

4) Музей долженъ имѣть самостоятельность особаго спеціальнаго учрежденія.

ченіе разсматриваемаго періода въ 1857 г. Каспійское Торговое Товарищество пожертвовало 3.000 руб. на Хорасанскую экспедицію; въ 1860 г. почетн. гражд. Турубаевъ 6.000 р. на изданіе Географич. словаря, въ 1862 г. В. А. Кокоревъ 1.000 р. на изданіе сочиненія Кривошапкина, въ 1864 г. Д. Чл. М. К. Сидоровъ 1.000 р. на изданіе описаній Новой Земли, и 3.000 р. на экспедицію на Черный Иртышъ. Менѣе крупныя пожертвованія были сдѣланы шт.-кап. М. М. Котляревскимъ (300 р.) и ген.-ад. кн. Варшавскимъ, гр. Паскевичемъ Эриванскимъ (300 руб.) на этнографическій музей.

Съ начала 1869 года Совѣтъ Общества уже началъ заботиться о 25-лѣтнемъ юбилеѣ существованія Общества. Въ маѣ 1869 г. было рѣшено составить обозрѣніе дѣятельности Общества за 25 лѣтъ. Многіе изъ старшихъ дѣятелей Общества изъявили готовность принять участіе въ составленіи означеннаго Обозрѣнія, но не нашлось ни одного лица, который бы отважился взять на себя указанный трудъ во всей его цѣлости. Вслѣдствіе того, и какъ то часто случается съ коллективными трудами, не подчиненными одной редакціи, прошло болѣе чѣмъ полтора года и къ концу 1870 г. никто ничего еще не сдѣлалъ, кромѣ А. И. Артемьева, представившаго прекрасный трудъ о дѣятельности Общества по исторической географіи. Въ виду этого Совѣтъ 25 ноября постановилъ память 25-лѣтіе Общества соединить съ годовымъ Собраніемъ января 1871 года, не придавая юбилею большой торжественности.

Вслѣдствіе затрудненій, представившихся къ осуществленію первоначальнаго предположенія объ изготовленіи пространнаго обозрѣнія 25-ти-лѣтней дѣятельности Географическаго Общества, Совѣтъ постановилъ: ограничиться составленіемъ краткихъ обзоровъ по общей географіи, по этнографіи, по статистикѣ и по внутреннему устройству и перемѣнамъ въ личномъ составѣ Общества. Обработку этихъ отдѣльныхъ частей взяли на себя: П. П. Семеновъ и Н. А. Ивашинцовъ по Общей Географіи, А. Ѳ. Гильфердингъ и Л. Н. Майковъ по Этнографіи и А. Б. Вушенъ по Статистикѣ. Составленіе краткаго обозрѣнія по внутреннему устройству и перемѣнамъ въ личномъ составѣ Общества поручено Секретарю. Всѣ эти труды Совѣтъ призналъ необходимымъ выполнить къ 7-му января и въ этотъ день имѣть окончательное совѣщаніе по поводу 25-ти-лѣтія.

На этотъ разъ постановленіе Совѣта было своевременно и въ точности исполнено, но конечно обзоры были напечатаны уже только въ теченіе 1871 г., т. е. послѣ юбилея.

Въ день опредѣленный Совѣтомъ для празднованія юбилея, Общество было осчастливлено принятіемъ Государемъ Императоромъ Александромъ II званія его Покровителя и слѣдующимъ Всемилостивѣйшимъ Рескриптомъ.

Его Императорское Высочество Предсѣдатель Русскаго Географическаго Общества довелъ до моего свѣдѣнія просьбу Общества о принятіи Мною зва-

нія Покровителя онаго, въ ознаменованіе совершившагося нынѣ двадцатипятилѣтія съ того времени, когда блаженной Памяти Родитель Мой Императоръ Николай Первый соизволилъ на учрежденіе Общества.

Трудами своими на пользу науки и всѣми нами горячо любимой Россіи Географическое Общество оправдало надежды Родителя Моего и Мои. Собранныя Обществомъ и обнародованныя свѣдѣнія о Россіи, по предмету географіи, статистики и этнографіи и многочисленныя ученыя экспедиціи, снаряженныя имъ для сего въ разныя мѣстности Имперіи, доказываютъ полезную дѣятельность Общества, которая заслуживаетъ Моего полнаго одобренія и покровительства.

Посему, принимая съ удовольствіемъ званіе Покровителя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и выражая ему Мою признательность за двадцатипятилѣтніе труды, Я вмѣстѣ съ нимъ повелѣлъ Министру Финансовъ отпускать впредь ежегодно, начиная съ 1871 года, въ дополненіе къ получаемому Обществомъ изъ Государственнаго Казначейства пособію, еще по пяти тысячъ рублей.

Оставаясь въ полной увѣренности, что Общество и впредь будетъ продолжать развивать свою дѣятельность на пользу и на славу Отечества, пребываю къ Русскому Географическому Обществу Императорскою Нашею милостію благосклонный.

„АЛЕКСАНДРЪ“.

По прочтеніи рескрипта, Августѣйшій Предсѣдатель, въ краткой рѣчи, выразилъ надежду, что послѣ столь знаменательнаго изъявленія Высочайшихъ милостей, Географическое Общество еще съ бо́льшими силами будетъ продолжать развивать свою дѣятельность на пользу отечествовѣдѣнія. При этомъ, Его Высочество съ признательностію остановился на воспоминаніяхъ о прежнемъ времени, когда 25 лѣтъ тому назадъ, возвратясь изъ плаванія въ Севастополь, онъ получилъ извѣстіе объ учрежденіи Географическаго Общества и о послѣдовавшемъ Высочайшемъ соизволеніи Незабвеннаго Родителя Своего, на принятіе Его Высочествомъ званія Предсѣдателя Общества. Упомянувъ затѣмъ объ успѣшной дѣятельности Географическаго Общества за прежнее время, Августѣйшій Предсѣдатель заявилъ, что главнымъ образомъ Общество обязано достигнутыми имъ блестящими научными результатами своему нынѣшнему Вице-Предсѣдателю графу Ѳедору Петровичу Литке, бывшему главнымъ дѣятелемъ при учрежденіи Общества и его первымъ ревностнѣйшимъ руководителемъ.

Собраніе съ живѣйшимъ сочувствіемъ выслушало эти слова и, по предложенію Его Высочества, выразило графу Ѳ. П. Литке свою глубокую признательность за его долголѣтніе труды по устройству и развитію дѣятельности Русскаго Географическаго Общества.

Вице-предсѣдатель благодарилъ Собраніе за такое выраженіе одобренія

трудовъ его на пользу Общества и при этомъ высказалъ убѣжденіе, что главнѣйшимъ залогомъ для преуспѣянія Общества служило то заботливое попеченіе и сильная поддержка, которыми Общество постоянно пользовалось со стороны своего Августѣйшаго Предсѣдателя. Графъ Литке выразилъ надежду, что Общество еще многіе годы будетъ преуспѣвать подъ просвѣщеннымъ руководствомъ своего Августѣйшаго Предсѣдателя.

Слова Вице-Предсѣдателя вызвали единодушные знаки сочувствія и были покрыты рукоплесканіями.

ГЛАВА XV.

Большая Сибирская Экспедиція Географическаго Общества и работы Сибирскаго Отдѣла и Членовъ Общества по изслѣдованію Амурской и Приморской Областей.

Въ концѣ 1857 года собственно истекалъ опредѣленный Совѣтомъ Общества трехлѣтній срокъ работъ Математическаго Отдѣла Сибирской экспедиціи. Уже въ началѣ года главный астрономъ экспедиціи Шварцъ представилъ составленную имъ отчетную карту Восточной Сибири, съ обозначеніемъ всѣхъ точекъ, опредѣленныхъ въ ней астрономическими наблюденіями. Шварцъ находилъ, что для пріобрѣтенія достаточнаго матерьяла на окончательное составленіе вѣрной географической карты южной полосы Восточной Сибири, необходимо продлить экспедицію еще на годъ, ибо, по истеченіи трехлѣтія дѣйствій экспедиціи, останутся недостаточно изслѣдованными въ чисто географическомъ отношеніи: нижнее теченіе Селимджи, пространство между рѣками Селимджой и Буреею, пространство между рѣками Амгунью и Горынью, сѣверная часть Иркутской губерніи, Нижнеудинскій Округъ и южная часть Енисейской губерніи.

Послѣ многократнаго обсужденія вопроса Совѣтъ Общества призналъ возможнымъ предоставить усмотрѣнію генералъ-губернатора Восточной Сибири продолжать работы Математическаго Отдѣла Сибирской экспедиціи еще на лѣто 1858 года, въ теченіе котораго одинъ членъ экспедиціи могъ бы быть отряженъ на востокъ, для изслѣдованія пространства между рѣками Буреею и Зеей; всѣ же прочіе, въ томъ числѣ и главный астрономъ, отправясь съ ранней весны на западъ, занялись бы опредѣленіемъ тѣхъ пунктовъ, кои въ географическомъ отношеніи будутъ признаны болѣе важными, и къ концу лѣта собрались бы въ Томскѣ или другомъ мѣстѣ Западной Сибири для окончательнаго слѣдованія въ Петербургъ. Что касается до рѣкъ Амгуни и Горыни, то Совѣтъ полагалъ не обременять Сибирской экспедиціи ихъ изслѣдованіемъ. Рѣки эти, по мнѣнію Совѣта, могли бы быть гораздо удобнѣе описаны на гребныхъ судахъ и байдаркахъ изъ Николаевскаго порта и съ военныхъ судовъ, имѣющихъ войти въ составъ Амур-

ской флотиліи. И дѣйствительно Гидрографическій Департаментъ, по просьбѣ Совѣта, снабдилъ командировъ судовъ, отправлявшихся лѣтомъ на Амуръ, надлежащими по сему предмету предписаніями и всѣми нужными средствами. Совѣтъ не нашелъ препятствій продолжить и натуралисту Радде пребываніе на мѣстахъ его изслѣдованій, такъ какъ эти изслѣдованія, по роду ихъ, принадлежали къ предметамъ занятій Физическаго Отдѣла. Что же касается художника Мейера, то Совѣтъ не полагалъ возможнымъ продлить ему срокъ пребыванія въ экспедиціи долѣе трехъ лѣтъ, т. е. до 1857 г.

Лѣтомъ 1857 г. Математическій Отдѣлъ Сибирской экспедиціи направилъ всѣ свои силы на астрономическія наблюденія и начертанія маршрутовъ, на пространствѣ между Леною и Яблоннымъ хребтомъ до параллели Витимской слободы. Пространство это, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, оставалось вовсе необслѣдованнымъ. Между тѣмъ оно заключало болѣе 6.000 кв. вер., и на него было, съ самаго начала, обращено особенное вниманіе Общества и экспедиціи. Силы экспедиціи уменьшились, вслѣдствіе печальной смерти ея члена Смирягина и скоропостижной кончины Зандгагена; на мѣсто ихъ офицеръ отъ Межеваго Корпуса могъ быть назначенъ только весною 1857 г. Также откомандированъ былъ отъ состава экспедиціи офицеръ Орловъ. Для изслѣдованія вышеупомянутнаго пространства необходимы были два путешествія: одно отъ Горбиченской крѣпости черезъ Яблонный-хребетъ на вершины Чары и на западъ черезъ вершины Чуи, Чаи и Киренги на пристань Качугскую; другое по Витиму вверхъ, до устья рѣки Бомбуйко. Первое путешествіе поручено было Усольцеву, а второе взялъ на себя самъ главный астрономъ Шварцъ. Поручику Рашкову надлежало окончить изслѣдованія низовьевъ Амура, и на возвратномъ пути вверхъ по Амуру, опредѣлить положеніе нѣкоторыхъ на немъ пунктовъ. Дѣятельность натуралиста Радде обращена была на южную часть теченія Амура, или на пространство между устьями рѣкъ Усури и Буреи. Верхніе притоки Амура обслѣдованы были имъ въ 1856 г., нижнее теченіе академиками Л. И. Шренкомъ и Максимовичемъ; относительно же помянутаго пространства имѣлось весьма мало наблюденій, между тѣмъ естественно-историческія его особенности представляли весьма много интереса для науки. Наконецъ прапорщику Крыжину, назначенному на мѣсто погибшаго Смирягина, поручено было изслѣдованіе всей мало извѣстной долины Киренги.

Занятія Усольцева шли благополучно. Начальникъ Нерчинскихъ Тунгузскихъ родовъ, князь Гантимуровъ, соревнуя ученому предпріятію, пожертвовалъ пять верховыхъ лошадей, которыя и препроводилъ къ Усольцеву. Самъ же Начальникъ экспедиціи Шварцъ отправился въ іюнѣ изъ Иркутска въ Киренскъ. На этомъ пути ему удалось сдѣлать астрономическія наблюденія только въ Качугской пристани, въ Устькутскомъ острогѣ и въ Марковскомъ селеніи. Изъ Киренска Шварцъ переѣхалъ въ Витимскую Слободу. На этомъ пути онъ опредѣлилъ географическое положеніи Сполошнин-

ской станціи. Отъ Витимской слободы — Шварцъ слѣдовалъ безостановочно вверхъ по Витиму до устья Эмалыта, праваго его притока. Здѣсь находится такъ называемое подпорожье, а самый порогъ Дылюнь-Уранъ, первый изъ трехъ большихъ Витимскихъ пороговъ, расположенъ двѣ версты выше устья Эмалыта. Здѣсь и кончилось путешествіе вверхъ, ибо люди не могли преодолѣть быстроты теченія Витима; въ этомъ мѣстѣ дно Дылюнь-Урана представляетъ сплошной камень, черезъ который Витимъ льется водопадомъ. На берегу замѣтны были слѣды нѣкоторыхъ жилищъ промышленниковъ; но на всемъ теченіи Витима Шварцъ встрѣтилъ только одного Тунгуса, и потому не могъ получить никакихъ мѣстныхъ свѣдѣній отъ жителей. На устьѣ Эмалыта Шварцъ опредѣлилъ широту и долготу мѣста. 28 августа, главный астрономъ отправился назадъ и возвратился 14 сентября въ Витимскую слободу. Результатъ этого путешествія заключался въ маршрутной съемкѣ теченія Витима отъ устья до порога Дылюнь-Урана, на разстояніи 540 верстъ и опредѣленіи 10 астрономическихъ пунктовъ.

Все теченіе Витима, совершенно ошибочно показанное на всѣхъ прежнихъ картахъ Сибири, было новымъ пріобрѣтеніемъ для географіи. Кромѣ астрономическихъ и топографическихъ работъ, Шварцъ занялся также физическимъ изслѣдованіемъ края. Онъ собралъ коллекцію изъ 120 штуфовъ горныхъ породъ и сдѣлалъ краткое описаніе мѣстъ ихъ нахожденія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ велъ метеорологическій журналъ и обратилъ особенное вниманіе на температуру водъ Витима и его притоковъ.

Въ городѣ Киренскѣ Шварцъ съѣхался съ прапорщикомъ Крыжинымъ, который въ іюлѣ отправился изъ Иркутска въ назначенное для него путешествіе. Отъ Качугской пристани Крыжинъ выѣхалъ на вершины Лены и Киренги; по Киренгѣ прослѣдовалъ до Мартыновскаго селенія, сдѣлалъ рекогносцировку на Лену и потомъ поплылъ внизъ до Киренска. Результатъ его путешествія состоялъ въ маршрутной съемкѣ всего пройденнаго пространства, обнимающаго до 1.000 верстъ. На этомъ маршрутѣ опредѣлены были 4 астрономическихъ пункта, въ томъ числѣ Качуга и Киренскъ. Кромѣ того Крыжинъ дѣлалъ ежедневныя метеорологическія наблюденія.

Рашковъ въ началѣ марта ѣздилъ на островъ Сахалинъ; онъ опредѣлилъ географическое положеніе: деревни Тыръ, деревни Віахты, и русскаго поста близъ деревни Дуи, а потомъ Петровскаго зимовья и деревни Челмокъ. Послѣ того Рашковъ отправился въ Усть-Стрѣлочный караулъ и оставался въ Забайкальской области для опредѣленія долготъ: Усть-Стрѣлочнаго караула, Шилкинскаго завода и вообще тѣхъ пунктовъ, опредѣленіе которыхъ не было окончено, вслѣдствіе поспѣшности его путешествія въ 1855 году.

Натуралистъ Радде представилъ Обществу путевой журналъ, веденный имъ во время его слѣдованія по Амуру (съ 27 мая по 1 августа). Въ теченіе этого времени онъ изслѣдовалъ мѣстность Хинганскихъ горъ и близ-

лежащіе многочисленные острова на Амурѣ и заглянулъ въ Приусурійскій край.

Экспедиція въ лѣто 1858 г. раздѣлена была на двѣ части: первая занималась изслѣдованіемъ южной части Восточной Сибири къ западу отъ Иркутска. Она состояла изъ главнаго астронома, поручика Рашкова и прапорщика Крыжина. Задача ея была покрыть юго-восточную часть восточной Сибири достаточнымъ для карты числомъ астрономически опредѣленныхъ пунктовъ и пройти маршрутомъ чрезъ мало еще извѣстныя мѣста.

Другая часть состояла изъ поручика Усольцева; мѣстомъ ея дѣятельности былъ малый Хинганскій хребетъ съ окрестностью, и пространство между Хинганомъ и Селимджой; Усольцевъ долженъ былъ пройти маршрутомъ отъ Буреи на Селимджу и доставить первыя свѣдѣнія объ этой, никѣмъ еще не посѣщенной странѣ.

Крыжинъ началъ свои изслѣдованія отъ Тункинской крѣпости. Онъ достигъ до сѣвернаго конца озера Коссогола, откуда направился къ горѣ Мунко-Сардыкъ, лежащей на самой границѣ съ Китаемъ къ с.-з. отъ Коссогола, и опредѣлилъ съ помощію барометра высоту снѣжной линіи на этой горѣ. Слѣдуя дальше на западъ, онъ дошелъ до Окинскаго караула, по р. Сенцѣ, поднялся на хребетъ Эргикъ-Таргакъ-Тайга, перешелъ его по вершинамъ Ассага, сѣвернѣе того мѣста, которое на картѣ Клапрота показано подъ названіемъ „passage oriental de l'Ergik-Targak-Taiga" и вступилъ въ бассейнъ верхнихъ сѣверныхъ притоковъ Енисея. Придерживаясь постоянно западнаго направленія, Крыжинъ дошелъ наконецъ до самаго Бейкема и на правомъ берегу этой рѣки прожилъ нѣкоторое время, въ средѣ Урянховъ, близъ ихъ куреней, гдѣ имѣлъ частыя и дружескія сношенія съ ихъ Данаиномъ и Хамба-Ламой.

Отъ Бейкема Крыжинъ поворотилъ на сѣверъ, пересѣкъ рѣку Хамсара-Кемъ и ея притоки, вторично перешелъ хребетъ Эргикъ-Таргакъ-Тайга при вершинахъ Уди и вышелъ на рѣку Бирюсу, откута опять направился на западъ, дошелъ до рѣки Маны и по ней сплылъ на плоту въ Енисей и по Енисею до города Красноярска. На всемъ пути, обнимающемъ около 1.500 верстъ, онъ велъ маршрутъ, на который приходилось до 17 астрономически опредѣленныхъ пунктовъ; изъ нихъ Крыжинъ опредѣлилъ 14. Такъ какъ исходный пунктъ маршрута Крыжина, крѣпость Тунка, опредѣленъ былъ Шварцемъ въ 1849 году, а конечный пунктъ, гор. Красноярскъ— Федоровымъ, Ганстеномъ и Шубертомъ, то маршрутъ Крыжина могъ быть положенъ на карту совершенно вѣрно.

Первая часть пути Крыжина, до Окинскаго караула, пролегала чрезъ страну, болѣе или менѣе извѣстную въ географическомъ отношеніи; остальная же часть, около 1.000 верстъ, обнимала мѣста, до того никѣмъ еще неизслѣдованныя. Барометръ, бывшій съ Крыжинымъ, остался неповрежденнымъ во все время путешествія, и наблюденія надъ давленіемъ воздуха въ разныхъ пунктахъ пути при перевалахъ чрезъ хребты и на высшихъ ихъ

точкахъ, дало возможность опредѣлить съ нѣкоторой точностью возвышеніе надъ уровнемъ моря вершинъ Селенги и Енисея и обрисовать профиль этой интересной, альпійской страны. О горныхъ породахъ, составляющихъ толщи хребтовъ, дало первое понятіе 60 образцовъ, вывезенныхъ Крыжинымъ.

Поручикъ Рашковъ проплылъ на лодкѣ Ангару отъ Иркутска до впаденія ея въ Енисей; отъ Братскаго острога, гдѣ начинаются Ангарскіе пороги, онъ велъ маршрутъ и окончилъ съемку рѣки, которая до него снята была только на пространствѣ отъ истока ея изъ Байкала до Братскаго острога. По берегамъ Ангары получилось 16 пунктовъ, хорошо извѣстныхъ по обѣимъ координатамъ; изъ нихъ Рашковымъ опредѣлены въ 1858 г. 13, прочіе 3 были опредѣлены Шварцомъ и лежатъ на пространствѣ первыхъ 120 верстъ, начиная отъ истока; на остальныхъ почти 2.000 верстахъ теченія рѣки не имѣлось до этого ни одной опредѣленной точки.

Маршрутъ Рашкова доказалъ, что всѣ большіе изгибы Ангары вообще были показаны вѣрно на картѣ Восточной Сибири 1855 года, чего и слѣдовало ожидать, ибо эта рѣка, съ первыхъ временъ заселенія ея береговъ Русскими, была торговымъ путемъ и осталась таковымъ до настоящаго времени. Но однѣ уже широты доказали, что исправленія на картѣ придется дѣлать значительныя. На картѣ Восточной Сибири 1855 года, впаденіе Ангары въ Енисей представляло почти самую сѣверную точку Ангары, а село Нижняя Кежма было показано на 10 почти минутъ южнѣе. Оказалось напротивъ, что село Нижняя Кежма лежитъ на 50 минутъ сѣвернѣе устья Енисея и относительное положеніе этихъ двухъ мѣстъ становится невѣрно на цѣлый градусъ, что соотвѣтствуетъ 105 верстамъ, или, въ масштабѣ карты, одному дюйму. Кромѣ этихъ, чисто географическихъ результатовъ, Рашковъ велъ ежедневный журналъ метеорологическихъ наблюденій, собралъ свѣдѣнія о рыболовствѣ по Ангарѣ, о географіи притоковъ Ангары и наконецъ о явленіи кретинизма, который въ среднемъ и нижнемъ теченіи рѣки вовсе не существуетъ, но въ верхнемъ теченіи сильно развитъ.

Главный астрономъ Шварцъ путешествовалъ въ 1858 г. по Минусинскому округу. По притокамъ Ои онъ пришелъ на р. Усъ, по которой сплылъ внизъ въ Енисей; по Енисею въ лодкѣ же поднялся вверхъ до устья Кемчуга, гдѣ стоитъ 23-й пограничный знакъ Буринскаго трактата. Отъ устья Кемчуга онъ возвратился по Енисею въ Минусинскъ, поѣхалъ оттуда въ Таштыбскій форпостъ, по рѣкѣ Таштыбу поднялся на водораздѣльный хребетъ между рѣками Абаканомъ и Томью и доѣхалъ до Царево-Николаевскаго золотаго промысла въ Томской губерніи. Затѣмъ онъ возвратился въ Таштыбскій форпостъ и чрезъ село Означенное, что на Енисеѣ, въ г. Минусинскъ. Онъ снялъ маршрутъ пути отъ впаденія Кебеша въ Ою, по Кебешу вверхъ до первой трети теченія Уса, оттуда вдоль пограничной черты до Царево-Николаевскаго промысла. Этотъ маршрутъ обнималъ около 800 верстъ. На немъ было опредѣлено астрономическимъ способомъ 11 пунктовъ; 7 по обѣимъ координатамъ, а 4 по одной только широтѣ.

составленія ему программы и инструкцій. Таже Коммиссія упрекнула Совѣтъ въ ассигнованіи 1.000 руб. на предпринимаемую Минералогическимъ Обществомъ геологическую экспедицію въ Тверскую губернію, безъ непосредственнаго въ ней участія лицъ, командируемыхъ Обществомъ. Но еще чаще Коммиссіи принимали иниціативу въ указаніи на снаряженіе новыхъ экспедицій. Такъ Коммиссіи 1857 и 1858 настаивали на снаряженіи экспедиціи на Волгу, которая не могла осуществиться за неимѣніемъ средствъ. Коммиссія 1862 года предлагала снарядить этнографическую экспедицію для изслѣдованія исчезающихъ, подобно Ливамъ и Кревингамъ, племенъ, но это предложеніе осталось безъ послѣдствій по его неопредѣленности. Коммиссія 1862 г. предлагала экспедицію для изслѣдованія стараго русла Аму-Дарьи и нивеллировки между Аральскимъ и Каспійскимъ морями, но предпріятія эти могли быть осуществлены только въ послѣдующихъ періодахъ. Вообще же нѣкоторыя Ревизіонныя Коммиссіи указывали на то, что желательно, чтобы экспедиціи Общества были направляемы не на окраины, а во внутреннія губерніи Россіи. Къ исполненію этого желанія Совѣтъ встрѣчалъ препятствія въ томъ, что собственно объ экспедиціяхъ, предпринимаемыхъ съ чисто географическою цѣлью изслѣдованія невѣдомыхъ или малоизвѣстныхъ странъ и пространствъ, относительно внутреннихъ губерній достаточно извѣстныхъ въ географическомъ отношеніи, рѣчи быть не можетъ, и что слѣдовательно экспедиціи, посылаемыя во внутреннія губерніи могутъ быть предпринимаемы, только съ весьма опредѣленными спеціальными цѣлями, напримѣръ геологическими, этнографическими или статистическими, въ заранѣе очерченные раіоны или мѣстности, и притомъ по обусловленнымъ временемъ и обстоятельствами спросомъ на такія экспедиціи, и въ этомъ случаѣ Совѣтъ Общества весьма внимательно относился къ такимъ спросамъ, если только снаряженіе экспедицій не выходило изъ круга дѣятельности Общества и не превышало его средствъ.

6) Наконецъ нѣкоторыя заявленія Ревизіонныхъ Коммиссій относились до *устройства библіотеки* и *музея* Общества.

Библіотека Общества въ началѣ періода (1857 г.) состояла уже изъ 3.270 сочиненій, заключающихъ въ себѣ 6.000 томовъ, а въ 1859 уже изъ 4.230 сочиненій и до 8.000 томовъ и продолжала возрастать преимущественно приношеніями, а частью обмѣномъ и покупкою книгъ. Библіотекаремъ Общества, въ началѣ періода, былъ Д.-Чл. В. Я. Фуксъ, а послѣ отказа его отъ сдѣлавшагося уже ему непосильнымъ труда, Совѣтъ рѣшился пригласить для завѣдыванія библіотекою, на помощь Секретарю Общества, вѣдѣнію котораго была поручена библіотека, лицо, трудъ котораго бы оплачивался; такимъ лицомъ въ теченіе разсматриваемаго періода былъ библіотекарь М. И. Богомоловъ. Въ 1863 году библіотека была приведена въ надлежащее устройство и Совѣтъ утвердилъ правила для пользованія ею.

Музей Общества возросъ въ теченіе разсматриваемаго періода въ значительной степени. Кромѣ множества предметовъ, доставляемыхъ Обществу

изъ разныхъ концовъ Европейской Россіи, Музей Общества былъ обогащенъ коллекціями, собранными Д.-Чл. П. П. Дорошинымъ въ нашихъ сѣверо-американскихъ владѣніяхъ и еще болѣе прекрасными коллекціями, собранными Р. К. Маакомъ во время его Вилюйской и Амурской экспедицій. Но къ сожалѣнію, при такомъ возрастаніи музея, въ нанимаемомъ Обществомъ тѣсномъ помѣщеніи для музея не было достаточно мѣста.

Въ 1858 году въ Обществѣ возникла впервые мысль объ устройствѣ Всероссійскаго Этнографическаго музея. Иниціаторомъ этой мысли былъ самъ Августѣйшій Предсѣдатель Общества. Въ попеченіи своемъ объ успѣхахъ изученія нашего отечества, онъ обратилъ вниманіе Совѣта на пользу, которую бы могла извлечь современная наука отъ учрежденія въ Россіи этнографическаго музея. Вопросъ объ учрежденіи Русскаго этнографическаго музея, уже давно занимавшій собою многихъ ревнителей отечественнаго просвѣщенія, и въ томъ числѣ нашего славнаго ученаго, академика Бэра, встрѣченъ былъ въ Обществѣ со всеобщимъ, живѣйшимъ сочувствіемъ. Учрежденіе это какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало бы характеру и требованіямъ современной науки, и въ тоже время, и великому значенію, которое имѣетъ Россія, населенная столь разнородными племенами. Возобновленіе вопроса дало поводъ къ многимъ сужденіямъ и мнѣніямъ въ Географическомъ Обществѣ со стороны лицъ, знакомыхъ съ дѣломъ по роду своихъ спеціальныхъ занятій. Всѣ мнѣнія, различныя въ подробностяхъ, были единогласны относительно самой сущности или крайней пользы ожидаемой отъ музея. Для возможно болѣе зрѣлаго изученія предмета и обсужденія всѣхъ мнѣній составлена была особая Коммиссія, членами которой назначены: К. М. Бэръ, Из. И. Срезневскій, П. С. Савельевъ, Э. И. Эйхвальдъ и А. Г. Яновскій. Коммиссія изложила свое окончательное заключеніе въ особой запискѣ, изъ которой приводятся здѣсь слѣдующія главныя основанія:

1) Русскій этнографическій музей долженъ быть собраніемъ предметовъ, выражающихъ особенности быта какъ народовъ, нынѣ обитающихъ въ Россіи, такъ и прежде ее населявшихъ и нынѣ совершенно исчезнувшихъ.

2) Музей долженъ быть въ завѣдываніи ученаго спеціалиста по этнологическимъ и археологическимъ наукамъ, назначаемаго не отъ правительства, а избираемаго знатоками дѣла изъ лицъ, которыя бы посвятили главную часть своей дѣятельности музею. На обязанности его и другихъ лицъ, кои будутъ назначены ему въ помощники, должно непремѣнно лежать постоянное веденіе подробныхъ и соотвѣтствующихъ требованіямъ науки списковъ всѣхъ предметовъ, хранящихся въ музеѣ.

3) Музей долженъ быть учрежденіемъ не казеннымъ и не частнымъ, но публичнымъ, подъ покровительствомъ и съ содѣйствіемъ правительства, и сообразно своему высокому и вполнѣ общеполезному назначенію, служить успѣхамъ отечественнаго просвѣщенія.

4) Музей долженъ имѣть самостоятельность особаго спеціальнаго учрежденія.

5) Какъ для систематическаго распредѣленія всѣхъ предметовъ по разнымъ отдѣламъ музея, такъ и для постояннаго сохраненія въ немъ порядка при накопленіи его коллекцій, онъ долженъ имѣть особое, соотвѣтствующее его объему помѣщеніе.

6) Для обезпеченія прочнаго существованія музея необходимо назначеніе постояннаго для него содержанія.

Несмотря между тѣмъ на все горячее участіе, которое принималъ въ этомъ дѣлѣ Августѣйшій виновникъ патріотической мысли объ учрежденіи этнографическаго музея, предположенія эти, какъ требовавшія значительныхъ расходовъ и во всякомъ случаѣ не могущихъ быть не только покрытыми изъ средствъ Общества, но и добытыхъ имъ, пришлось отложить до болѣе благопріятныхъ для ихъ осуществленія обстоятельствъ.

Когда же въ 1862 г. Общество перешло въ новое помѣщеніе (см. выше), Совѣтъ озаботился лучшимъ размѣщеніемъ своего этнографическаго музея.

Въ 1863 г. Отдѣленіе составило обширную программу тѣхъ предметовъ, которые по его мнѣнію должны входить въ составъ этнографическано музея [1]). Утвержденная Совѣтомъ программа эта была разослана повсюду, что еще болѣе увеличило количество предметовъ, поступившихъ въ Музей, такъ что уже не предстояло никакой возможности размѣстить ее въ необширномъ помѣщеніи Общества, а вопросъ объ учрежденіи Всероссійскаго Этнографическаго Музея не получилъ болѣе никакого движенія въ разсматриваемомъ періодѣ.

Заграничныя сношенія Общества значительно развились и усилились въ разсматриваемомъ періодѣ. Въ особенности содѣйствовало этому развитію командировка въ 1857 г. за границу, по всеподданѣйшему докладу Августѣйшаго Предсѣдателя, Секретаря Общества Е. И. Ламанскаго, съ цѣлью быть представителемъ Общества на Вѣнскомъ Статистическомъ конгрессѣ [2]), собрать свѣдѣнія о способахъ производства статистическихъ работъ въ европейскихъ государствахъ и завязать сношенія Общества съ заграничными учеными. Однимъ изъ результатовъ этихъ сношеній былъ развившійся именно въ этомъ періодѣ обмѣнъ изданій съ множествомъ заграничныхъ Обществъ и учрежденій и появленіе во многихъ иностранныхъ журналахъ и въ особенности въ начавшемся съ 1855 превосходномъ географическомъ журналѣ д-ра Петермана свѣдѣній о дѣятельности Географическаго Общества и географическихъ работахъ его Членовъ.

Въ 1857 г. на четвертомъ международномъ статистическомъ конгрессѣ въ Лондонѣ представителемъ Общества былъ Д. Чл. Г. Г. Григорьевъ (нынѣ членъ Совѣта Министра Внутр. Дѣлъ); на конгрессѣ присутсвовали еще изъ членовъ Общества А. Б. ф.-Бушенъ, И. В. Вернадскій (профес-

---

[1]) См. Приложеніе 4-е.

[2]) Вторымъ представителемъ Общества на Вѣнскомъ конгрессѣ былъ И. В. Вернадскій.

соръ Политической Экономіи) и А. Н. Куломзинъ (нынѣ управл. дѣлами Комитета Министровъ).

Въ 1863 года, на пятомъ международномъ статистическомъ конгрессѣ, въ Берлинѣ, представителемъ Географическаго Общества были: Д. Ч. П. П. Семеновъ и Ѳ. Г. Тернеръ; первый изъ нихъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ представителемъ Центр. Статистич. Комитета и старшимъ русскимъ делегатомъ; сверхъ того въ конгрессѣ принимали участіе изъ членовъ Общества В. И. Вешняковъ, А. Б. ф.-Бушенъ, С. П. Щепкинъ и А. Н. Куломзинъ.

Въ 1867 г., на 6-мъ международномъ статистическомъ конгрессѣ, происходившемъ во Флоренціи, представителемъ Геогр. Общества и Центр. Статист. Комитета и старшимъ русскимъ оффиціальнымъ делегатомъ былъ П. П. Семеновъ, а на конгрессѣ присутствовали: Д. Члены Ѳ. Г. Тернеръ, И. И. Вильсонъ (впослѣдствій Секрет. Геогр. Общ., нынѣ Сенаторъ) и Э. Р. Вреденъ (профессоръ Политич. Экон.).

Въ 1869 г. на происходившемъ открытіи Суэцкаго канала представителемъ Географическаго Общества былъ Ѳ. Г. Тернеръ. Всѣ эти конгрессы и съѣзды еще болѣе расширили сношенія Географическаго Общества съ иностранными учеными.

Внутреннія сношенія Общества, въ началѣ періода весьма обширныя и поддерживаемыя разсылкою программъ и запросовъ Общества, съ 1859 г. несомнѣнно уменьшились. Это можно было приписать отчасти тому, что лучшія силы Россіи, не только въ столицѣ а тѣмъ болѣе въ провинціи, направились, съ 1859 года, на великое дѣло освобожденія крестьянъ и имъ уже было не до собиранія географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній для Географическаго Общества, а съ 1851 года развилась и земская дѣятельность, давшая новое и притомъ практическое поле для дѣятельности провинціальной мѣстной интеллигенціи, работа которой должна была неминуемо пойти по указанному ей пути децентрализаціи. Одна изъ Ревизіонныхъ Коммиссій указывала Совѣту Общества на необходимость для Общества вступленія въ сношенія съ земскими учрежденіями, но установленіе такихъ сношеній, хотя и завязавшееся до нѣкоторой степени, встрѣтило отчасти неодолимыя препятствія.

Въ непосредственной своей дѣятельности Общество по прежнему встрѣчало большое сочувствіе, выражавшееся между прочимъ въ необыкновенно живомъ содѣйствіи, встрѣчаемомъ не только экспедиціями, посылаемыми Обществомъ, но и отдѣльными членами Общества, при ихъ поѣздкахъ и научныхъ работахъ. Пожертованія на предпріятія Общества поступали такъ же, какъ и въ предшедшемъ періодѣ, хотя не въ столь крупныхъ размѣрахъ, въ какихъ они поступили отъ Голубкова и гр. Чапскаго [1]). Такъ въ тече-

[1]) Пожертвовали въ первомъ періодѣ: въ 1847 г. СПБ. Купечество 5.000 р. на изслѣд. Внутр. Торговли, въ 1848 и 1849 д. чл П. В. Голубковъ 22.000 р. на изданіе Риттеровой Азіи и карты Азіи. Во 2-мъ періодѣ въ 1851 Гр. Эмерикъ-Гутевъ-Чапскій 27.500 р. и П. В. Голубковъ 30.000 р. на Сибирскую экспедицію и 1.000 р. на поѣздку П. И. Небольсина въ Оренбургскій край, въ 1852 поч. гр. Голиковъ 3.000 р. на изслѣдов. рыболовства въ Каспійскомъ морѣ.

Аносова и Баснина и Р. К. Маака, отъ которыхъ получилъ много полезныхъ свѣдѣній и указаній для предстоящихъ путешествій.

При спускѣ отъ Срѣтенска внизъ по рѣкѣ и при наблюденіяхъ о направленіи кряжей, Шмидту показалось, что параллельныя цѣпи горъ, простирающіяся между Шилкою, Газимуромъ и Аргунью, составляютъ уже часть большаго Хингана, пересѣкаемаго Амуромъ отъ Стрѣлки почти до Албазина. Амуръ въ этомъ мѣстѣ прорѣзываетъ горную систему, состоящую изъ многихъ параллельныхъ между собою отроговъ, простирающихся отъ сѣвера на югъ. Высота этихъ отроговъ постепенно возрастаетъ съ востока на западъ, такъ что самые низкіе изъ нихъ сливаются уже съ Манчжурскою низменностью, а высочайшіе обозначаютъ восточную окраину нагорной центральной Азіи. Отъ Срѣтенска до Благовѣщенска, Шмидтъ почти вездѣ замѣтилъ по обѣимъ сторонамъ рѣки уступы, означающіе высоту прежняго уровня рѣки. Судя по этимъ признакамъ, русло рѣки прежде было до 200 футовъ выше, и не составляло въ то время непрерывной, правильной долины, а было часто прервано озерами различной величины, изъ коихъ самое большое занимало равнину между Зеею и Буреею.

Малый Хинганъ или Доуссэ-Алинъ, также состоялъ, сколько могъ замѣтить Шмидтъ, изъ параллельныхъ между собою кряжей, изъ коихъ восточные и западные казались ниже среднихъ.

Далѣе къ востоку, до устья Усури, опять слѣдовала равнина, часто прерываемая невысокими, параллельными между собою притоками, простирающимися отъ сѣвера на югъ. На другой сторонѣ Усури возвышался значительный кряжъ Хухчиръ-Хуринъ.

Геологическіе результаты этихъ путешествій были слѣдующіе:

На берегахъ р. Турги, Шмидтъ занимался изслѣдованіемъ пластовъ сланцеватой глины, заключающихъ остатки рыбъ, о которыхъ упоминалъ въ своихъ запискахъ Миддендорфъ. Такъ какъ эти рыбы принадлежатъ прѣсноводнымъ родамъ, и такъ какъ остатки ихъ здѣсь сопровождаются окаменѣлыми створками земныхъ и прѣсноводныхъ раковинъ, также отпечатками водяныхъ растеній, то Шмидтъ заключилъ, что упомянутые пласты образовались на берегахъ прѣсноводнаго бассейна, но онъ на первый разъ не рѣшился опредѣлить относительную древность ихъ. Къ сѣверу отъ этой мѣстности залегали наклонные пласты глинистаго сланца съ отпечатками аммонитовъ, которыхъ нельзя было ближе опредѣлить, по неясности экземпляровъ. Но во всякомъ случаѣ аммониты указывали на періодъ предшествовавшій третичному.

По значительной части рѣчной области Амура распространены пласты новѣйшихъ прѣсноводныхъ третичныхъ осадковъ. Но края этого огромнаго прѣсноводнаго бассейна состояли изъ пластовъ каменноугольной и тріасовой почвъ; въ этихъ пластахъ, вмѣстѣ съ отпечатками растеній изъ родовъ: Sphenopteris, Pecopteris, Neuropteris и Voltzia, встрѣчались нетолстые слои каменнаго угля, безъ сомнѣнія образовавшагося изъ этихъ

трудовъ его на пользу Общества и при этомъ высказалъ убѣжденіе, что главнѣйшимъ залогомъ для преуспѣянія Общества служило то заботливое попеченіе и сильная поддержка, которыми Общество постоянно пользовалось со стороны своего Августѣйшаго Предсѣдателя. Графъ Литке выразилъ надежду, что Общество еще многіе годы будетъ преуспѣвать подъ просвѣщеннымъ руководствомъ своего Августѣйшаго Предсѣдателя.

Слова Вице-Предсѣдателя вызвали единодушные знаки сочувствія и были покрыты рукоплесканіями.

оказалось, вмѣсто одного помощника — два, обстоятельство весьма благопріятное для экспедиціи, такъ какъ Гленъ былъ помощникомъ Шмидта въ геологическихъ и естественно-историческихъ работахъ, а Брылкинъ занимался наблюденіями этнографическими, въ которыхъ онъ уже пріобрѣлъ большую опытность во время своего участія въ Усурійской экспедиціи Р. К. Маака.

Съ мѣста своей зимовки 1859 — 60 г. изъ Благовѣщенска Шмидтъ отправился внизъ по Амуру въ мартѣ 1860 г. Время отъѣзда было самое неблагопріятное: весна подходила и дороги портились. Слѣдуя то на саняхъ, то на телѣгѣ, то верхомъ, Шмидтъ достигъ только къ концу марта Михаило-Семеновской станицы и здѣсь долженъ былъ ожидать вскрытія Амура, изслѣдуя раннюю весеннюю флору и геологическое строеніе близкихъ къ Амуру кряжей: Чурки и Ороки. 10 апрѣля ледъ тронулся, а 14 прошелъ окончательно и Шмидтъ поплылъ внизъ по Амуру въ лодкѣ, 23 апрѣля прибылъ въ Хабаровку, а 14 мая достигъ до Николаевска, гдѣ въ то время шелъ снѣгъ и зелень еще не показывалась, между тѣмъ, какъ на южной дорогѣ Амура, всѣ деревья были покрыты зеленью и весенняя флора была во всемъ своемъ блескѣ. Получивъ отъ Приморскаго губернатора двухъ казаковъ, въ качествѣ переводчиковъ на гиляцкій и аинскій языки, 18 мая Шмидтъ отплылъ на Сахалинъ на пароходѣ „Америка“, заходилъ въ заливъ Де-Кастри и прибылъ въ постъ Дуэ 29 марта. И здѣсь его ожидала разительная перемѣна погоды. Въ Де-Кастри, закутанномъ туманами, природа еще не пробуждалась, а въ Дуэ свѣтило солнце и самая роскошная растительность покрывала долины; эта травянистая растительность, превышавшая человѣческій ростъ чрезвычайно препятствовала горнымъ экскурсіямъ путешественника и помѣшала ему перейти черезъ горы въ долину Тыми. Только 24 іюня, на клиперѣ „Опричникъ“, прибыли къ Шмидту его помощники Брылкинъ и топографъ Шебунинъ. Экспедиція раздѣлилась. Брылкинъ тотчасъ же пересѣлъ на корветъ „Гридень“ и отправился прямо въ отдаленный отъ Дуэ на 800 верстъ Кусунай съ тѣмъ, чтобы заняться тамъ изученіемъ аинскаго языка и собираніемъ мѣстной флоры. Шмидтъ съ Шебунинымъ поплыли въ Кусунай, съ цѣлью подробнаго береговаго осмотра, вдоль берега на вельботѣ. Плаваніе это заняло болѣе полутора мѣсяца. Путешественники пребывали въ интересныхъ мѣстахъ по нѣскольку дней и поднимались на высокія горы. Задерживаемые нерѣдко противными ю.-з. вѣтрами, преобладающими лѣтомъ въ Татарскомъ проливѣ и сильными прибоями, путешественники прибыли въ Кусунай только къ 15 августа.

На пути этомъ Шмидтъ сдѣлалъ геологическое и ботаническое обозрѣніе береговъ, и особенно изслѣдовалъ каменно-угольные пласты; топографъ Шебунинъ снялъ берегъ, на сколько это было возможно.

По прибытіи въ Кусунай, чрезъ нѣсколько дней путешественники Шмидтъ и Шебунинъ отправились на восточную сторону острова въ небольшой русскій постъ Мануэ для собиранія растеній и для съемки тропы, ведущей въ этотъ постъ. Изъ Мануэ Шмидтъ отправился съ Брылкинымъ горами на сѣверъ къ мѣловой горѣ Каспи, но по чрезмѣрной трудности пути

ской флотиліи. И дѣйствительно Гидрографическій Департаментъ, по просьбѣ Совѣта, снабдилъ командировъ судовъ, отправлявшихся лѣтомъ на Амуръ, надлежащими по сему предмету предписаніями и всѣми нужными средствами. Совѣтъ не нашелъ препятствій продолжить и натуралисту Радде пребываніе на мѣстахъ его изслѣдованій, такъ какъ эти изслѣдованія, по роду ихъ, принадлежали къ предметамъ занятій Физическаго Отдѣла. Что же касается художника Мейера, то Совѣтъ не полагалъ возможнымъ продлить ему срокъ пребыванія въ экспедиціи долѣе трехъ лѣтъ, т. е. до 1857 г.

Лѣтомъ 1857 г. Математическій Отдѣлъ Сибирской экспедиціи направилъ всѣ свои силы на астрономическія наблюденія и начертанія маршрутовъ, на пространствѣ между Леною и Яблоннымъ хребтомъ до параллели Витимской слободы. Пространство это, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, оставалось вовсе необслѣдованнымъ. Между тѣмъ оно заключало болѣе 6.000 кв. вер., и на него было, съ самаго начала, обращено особенное вниманіе Общества и экспедиціи. Силы экспедиціи уменьшились, вслѣдствіе печальной смерти ея члена Смирягина и скоропостижной кончины Зандгагена; на мѣсто ихъ офицеръ отъ Межеваго Корпуса могъ быть назначенъ только весною 1857 г. Также откомандированъ былъ отъ состава экспедиціи офицеръ Орловъ. Для изслѣдованія вышеупомянутаго пространства необходимы были два путешествія: одно отъ Горбиченской крѣпости черезъ Яблонный-хребетъ на вершины Чары и на западъ черезъ вершины Чуи, Чаи и Киренги на пристань Качугскую; другое по Витиму вверхъ, до устья рѣки Бомбуйко. Первое путешествіе поручено было Усольцеву, а второе взялъ на себя самъ главный астрономъ Шварцъ. Поручику Рашкову надлежало окончить изслѣдованія низовьевъ Амура, и на возвратномъ пути вверхъ по Амуру, опредѣлить положеніе нѣкоторыхъ на немъ пунктовъ. Дѣятельность натуралиста Радде обращена была на южную часть теченія Амура, или на пространство между устьями рѣкъ Усури и Буреи. Верхніе притоки Амура обслѣдованы были имъ въ 1856 г., нижнее теченіе академиками Л. И. Шренкомъ и Максимовичемъ; относительно же помянутаго пространства имѣлось весьма мало наблюденій, между тѣмъ естественно-историческія его особенности представляли весьма много интереса для науки. Наконецъ прапорщику Крыжину, назначенному на мѣсто погибшаго Смирягина, поручено было изслѣдованіе всей мало извѣстной долины Киренги.

Занятія Усольцева шли благополучно. Начальникъ Нерчинскихъ Тунгузскихъ родовъ, князь Гантимуровъ, соревнуя ученому предпріятію, пожертвовалъ пять верховыхъ лошадей, которыя и препроводилъ къ Усольцеву. Самъ же Начальникъ экспедиціи Шварцъ отправился въ іюнѣ изъ Иркутска въ Киренскъ. На этомъ пути ему удалось сдѣлать астрономическія наблюденія только въ Качугской пристани, въ Устькутскомъ острогѣ и въ Марковскомъ селеніи. Изъ Киренска Шварцъ переѣхалъ въ Витимскую Слободу. На этомъ пути онъ опредѣлилъ географическое положеніи Сполошнин-

нять экспедицію на западъ отъ озера Коссогола, въ высокій горный хребетъ Тан-ну, онъ ограничился преимущественно изслѣдованіемъ рѣчныхъ системъ Иркута и Оки, а также раздѣляющей обѣ рѣки горы Мунго-Сардыкъ. 12 іюля ему удалось достигнуть вершины горы. По его приблизительному расчету, высшая точка, лежащая на краю западной снѣжной вершины Мунго-Сардыка, находится на высотѣ 11.200 англ. фут. надъ уровнемъ моря. Для достиженія ея необходимо было пройти широкій ледникъ, простирающійся на 2 версты. Радде не удалось достигнуть высшей точки, потому что вершина горы была покрыта рыхлымъ снѣгомъ, въ который путешественникъ погружался до пояса. Но такъ какъ вся разница между мѣстностью, до которой онъ достигъ, и высшей точкою, составляла не болѣе 60 — 70 футовъ, то въ опредѣленіи высоты горы замѣтной погрѣшности быть не могло.

На обратномъ пути Радде старался опредѣлить, съ помощью барометра, предѣлы распространенія разныхъ растеній. Высота въ 9.700 англ. ф. составляетъ послѣдній предѣлъ растительности; ниже этой линіи показываются первыя тайно-цвѣтныя растенія; вторая граница лежитъ на высотѣ 8.800 фут.; за нею начинаются альпійскіе луга; наконецъ, на высотѣ 7.400 ф., проходитъ третья черта, — граница древесной растительности.

Въ Тунку Радде вернулся 16 авг. 1859 г. и оттуда предпринялъ еще путешествіе для изслѣдованія Хамаръ-Дабана, хребта, лежащаго у юго-западнаго угла Байкальскаго озера. Хамаръ-Дабанъ принадлежитъ къ числу высочайшихъ пунктовъ Байкальскаго береговаго хребта, и въ геогностическомъ отношеніи можетъ считаться, по всей вѣроятности, самостоятельнымъ хребтомъ. Радде отправился изъ Тунки въ деревню Култукъ, лежащую на самомъ берегу Байкала; отсюда идетъ дорога къ вершинамъ Хамаръ-Дабана. Это есть тотъ самый путь, по которому прежде слѣдовали чайные транспорты изъ Кяхты для обхода и частію для перевала высокаго горнаго хребта, который тянется по юговосточной сторонѣ озера. Путь этотъ до того заросъ высокой травой, что мѣстами Радде только съ трудомъ могъ подвигаться впередъ. По дорогѣ къ Хамаръ-Дабану, Радде провѣрилъ на Сохондо и Мунго-Сардыкѣ уже прежде сдѣланныя имъ наблюденія о границахъ распространенія нѣкоторыхъ породъ растеній и произвелъ многочисленныя барометрическія измѣренія.

24-го августа путешественникъ достигъ, съ западной стороны, вершины Хамаръ-Дабана, доступъ къ которому возможенъ только по довольно узкому гребню, круто спускающемуся въ обѣ стороны. Гребень этотъ, длиною до 1/4 версты, соединяющій вершину съ предгоріями, имѣющими тупо-коническую форму,—до того узокъ, что на немъ можно подвигаться только ползкомъ, или сидя верхомъ.

Спутники Радде, крестьяне изъ деревни Култукъ, не рѣшились сопровождать его далѣе, такъ что ему пришлось одному переправиться черезъ опасное пространство. Достигнувъ самой вершины Хамаръ-Дабана, Радде [illegible] постановленный на грудѣ сложенныхъ гранитныхъ осколковъ

лежащіе многочисленные острова на Амурѣ и заглянулъ въ Приусурійскій край.

Экспедиція въ лѣто 1858 г. раздѣлена была на двѣ части: первая занималась изслѣдованіемъ южной части Восточной Сибири къ западу отъ Иркутска. Она состояла изъ главнаго астронома, поручика Рашкова и прапорщика Крыжина. Задача ея была покрыть юго-восточную часть восточной Сибири достаточнымъ для карты числомъ астрономически опредѣленныхъ пунктовъ и пройти маршрутомъ чрезъ мало еще извѣстныя мѣста.

Другая часть состояла изъ поручика Усольцева; мѣстомъ ея дѣятельности былъ малый Хинганскій хребетъ съ окрестностью, и пространство между Хинганомъ и Селимджой; Усольцевъ долженъ былъ пройти маршрутомъ отъ Буреи на Селимджу и доставить первыя свѣдѣнія объ этой, никѣмъ еще не посѣщенной странѣ.

Крыжинъ началъ свои изслѣдованія отъ Тункинской крѣпости. Онъ достигъ до сѣвернаго конца озера Коссогола, откуда направился къ горѣ Мунко-Сардыкъ, лежащей на самой границѣ съ Китаемъ къ с.-з. отъ Коссогола, и опредѣлилъ съ помощію барометра высоту снѣжной линіи на этой горѣ. Слѣдуя дальше на западъ, онъ дошелъ до Окинскаго караула, по р. Сенцѣ, поднялся на хребетъ Эргикъ-Таргакъ-Тайга, перешелъ его по вершинамъ Ассага, сѣвернѣе того мѣста, которое на картѣ Клапрота показано подъ названіемъ „passage oriental de l'Ergik-Targak-Taiga“ и вступилъ въ бассейнъ верхнихъ сѣверныхъ притоковъ Енисея. Придерживаясь постоянно западнаго направленія, Крыжинъ дошелъ наконецъ до самаго Бейкема и на правомъ берегу этой рѣки прожилъ нѣкоторое время, въ средѣ Урянховъ, близъ ихъ куреней, гдѣ имѣлъ частыя и дружескія сношенія съ ихъ Данаиномъ и Хамба-Ламой.

Отъ Бейкема Крыжинъ поворотилъ на сѣверъ, пересѣкъ рѣку Хамсара-Кемъ и ея притоки, вторично перешелъ хребетъ Эргикъ-Таргакъ-Тайга при вершинахъ Уди и вышелъ на рѣку Бирюсу, откута опять направился на западъ, дошелъ до рѣки Маны и по ней сплылъ на плоту въ Енисей и по Енисею до города Красноярска. На всемъ пути, обнимающемъ около 1.500 верстъ, онъ велъ маршрутъ, на который приходилось до 17 астрономически опредѣленныхъ пунктовъ; изъ нихъ Крыжинъ опредѣлилъ 14. Такъ какъ исходный пунктъ маршрута Крыжина, крѣпость Тунка, опредѣленъ былъ Шварцемъ въ 1849 году, а конечный пунктъ, гор. Красноярскъ — Федоровымъ, Ганстеномъ и Шубертомъ, то маршрутъ Крыжина могъ быть положенъ на карту совершенно вѣрно.

Первая часть пути Крыжина, до Окинскаго караула, пролегала чрезъ страну, болѣе или менѣе извѣстную въ географическомъ отношеніи; остальная же часть, около 1.000 верстъ, обнимала мѣста, до того никѣмъ еще неизслѣдованныя. Барометръ, бывшій съ Крыжинымъ, остался неповрежденнымъ во все время путешествія, и наблюденія надъ давленіемъ воздуха въ разныхъ пунктахъ пути при перевалахъ чрезъ хребты и на высшихъ ихъ

матическаго Отдѣла. Гель-
. Магистра Дерптскаго Уни-
на себя порученіе Общества.
должно было быть изслѣдованіе
всей Приамурской области и нако-
представляющаго особенный интересъ
этихъ изслѣдованій необходимо
которыхъ геологъ долженъ былъ
подвигаться постепенно къ востоку до
изслѣдованій прибрежнаго пространства.
Для успѣшнаго исполненія этого порученія Со-
иметь при себѣ помощника и топографа
картъ. Что касается до перваго, то Гель-
курсъ въ Дерптскомъ Университетѣ Майделя,
ствовать Шмидту и, по своимъ познаніямъ и ревно-
края, обѣщающаго быть полезнымъ помощникомъ
же топографа, Совѣтъ нашелъ необходимымъ просить со-
Штаба о прикомандированіи таковаго изъ унтеръ-офице-
графомъ, благодаря благосклонному содѣйствію генералъ-
Ливена, былъ назначенъ топографъ 1-го класса унтеръ-
Всѣ эти лица командированы были на три года.
своемъ распоряженіи изъ суммъ, пожертвованныхъ на Сибир-
еще 18.000 р. Совѣтъ ассигновалъ на Физическій Отдѣлъ
15 тыс. р., а Отдѣленіе Физической Географіи составило инструк-
Шмидта.

Шмидтъ отправился, вмѣстѣ съ топографомъ, въ апрѣлѣ 1859 г. изъ
бурга, въ маѣ прибылъ въ Казань, а 15 іюня въ Иркутскъ. На
пути онъ изслѣдовалъ геологическій составъ береговъ Иртыша и
въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Сибирская дорога пересѣкаетъ теченіе сихъ
рѣкъ.

Въ городѣ Нерчинскѣ Шмидтъ пробылъ три недѣли, въ ожиданіи своего спутника Майделя, заболѣвшаго въ Иркутскѣ; онъ воспользовался этимъ временемъ для обзора окрестностей Нерчинскаго завода, береговъ Онона, Адунъ-чалонскихъ горъ и для изслѣдованія замѣчательныхъ пластовъ на р. Тургѣ, заключающихъ остатки рыбъ. Въ этихъ мѣстностяхъ Шмидта занимали предпочтительно наблюденія надъ породами метаморфическими. Горный инженеръ, капитанъ Эйхвальдъ, сопутствовалъ Шмидту во всѣхъ этихъ поѣздкахъ и сообщилъ ему много полезныхъ свѣдѣній и указаній.

Осмотрѣвъ гранитный кряжъ Адунъ-чалонскій, Шмидтъ открылъ у подножія его, въ глинистомъ сланцѣ, отпечатки растеній, встрѣченныхъ имъ также на дорогѣ въ Газимурскій заводъ, а на пути въ Нерчинскій заводъ и на берегу рѣки Ингоды, онъ собралъ образцы подобныхъ же отпечатковъ и куски окаменѣлыхъ хвойныхъ деревъ.

На рѣкѣ Кулиндѣ, впадающей въ Газимуръ, Шмидтъ нашелъ два рода руконогихъ раковинъ (Brachiopoda): Rhynchonella и Spirifer, относящихся къ девонской почвѣ.

Далѣе, по направленію къ Аргуни, преобладали известняки и кристаллическія породы безъ окаменѣлостей; но между Цурухайту и Нерчинскимъ заводомъ Ѳ. Б. Шмидтъ наблюдалъ пески, глины и конгломераты новѣйшаго образованія, заключающіе слои бураго угля, образовавшагося изъ нынѣ еще существующихъ болотныхъ растеній.

Не имѣя болѣе возможности, вслѣдствіе продолжительной остановки въ Нерчинскѣ, доѣхать осенью до Николаевска и приступить, согласно предварительному предположенію, немедленно къ изслѣдованію Сахалина, Шмидтъ рѣшился измѣнить планъ своего путешествія и перезимовать въ Благовѣщенскѣ, чтобы затѣмъ уже весною отправиться на Сахалинъ.

При перемѣнѣ плана не предстояло необходимости спѣшить пріѣздомъ въ Благовѣщенскъ и потому Шмидтъ нашелъ возможность заняться дорогой геогностическимъ изслѣдованіемъ прибрежья Амура, отъ Усть-Стрѣлки до Благовѣщенска.

Проплывъ все это пространство на лодкѣ, онъ изслѣдовалъ шагъ за шагомъ, каждое береговое обнаженіе горныхъ породъ. Въ Благовѣщенскѣ, куда онъ прибылъ 12 сентября, онъ встрѣтилъ горнаго инженеръ-поручика Аносова, который ему сообщилъ много полезныхъ свѣдѣній о геологіи средняго и нижняго Амура и показалъ, между прочимъ, альбомъ рисунковъ, снятыхъ имъ съ натуры, во время разъѣздовъ по здѣшнему краю. Рисунки эти хорошо выражали ландшафтный характеръ страны и были очень поучительны для геолога.

Какъ собственныя изслѣдованія, такъ и сообщенія Аносова, убѣдили Шмидта, что весь верхній Амуръ и, вѣроятно, и большая часть нижняго, протекаетъ по одной и той же формаціи угольнаго песчаника и сланцеватой глины, заключающей незначительные слои каменнаго угля. Морскія формаціи съ остатками животныхъ совсѣмъ не попадались; съ остатками сухопутныхъ растеній Шмидтъ находилъ многія напластованія.

Такимъ образомъ онъ открылъ на рѣкѣ Олдой въ нѣкоторыхъ напластованіяхъ отпечатки папортниковъ, принадлежащіе прѣсноводному образованію, занимающему свое мѣсто между почвами юрской и каменноугольной, также окаменѣлые остатки односѣмянодольныхъ растеній, именно: злаковъ, пальмъ и банановидныхъ и остатки хвойныхъ деревъ, именно: виды, напоминающіе родъ Voltzia; каменный уголь этой формаціи былъ весьма разнообразенъ, и предоставлялъ почти всѣ видоизмѣненія отъ лигнита и бураго угля до антрацита, но растенія, служившія для образованія его, были однѣ и тѣ же.

Изъ Благовѣщенска Шмидтъ сплавился внизъ по Амуру и прибылъ 4 октября въ Хабаровку, на устье Усури, а 5 октября отправился изъ Хабаровки обратно въ Благовѣщенскъ, гдѣ встрѣтилъ горныхъ офицеровъ

нять экспедицію на западъ отъ озера Коссогола, въ высокій горный хребетъ Тан-ну, онъ ограничился преимущественно изслѣдованіемъ рѣчныхъ системъ Иркута и Оки, а также раздѣляющей обѣ рѣки горы Мунго-Сардыкъ. 12 іюля ему удалось достигнуть вершины горы. По его приблизительному расчету, высшая точка, лежащая на краю западной снѣжной вершины Мунго-Сардыка, находится на высотѣ 11.200 англ. фут. надъ уровнемъ моря. Для достиженія ея необходимо было пройти широкій ледникъ, простирающійся на 2 версты. Радде не удалось достигнуть высшей точки, потому что вершина горы была покрыта рыхлымъ снѣгомъ, въ который путешественникъ погружался до пояса. Но такъ какъ вся разница между мѣстностью, до которой онъ достигъ, и высшей точкою, составляла не болѣе 60 — 70 футовъ, то въ опредѣленіи высоты горы замѣтной погрѣшности быть не могло.

На обратномъ пути Радде старался опредѣлить, съ помощью барометра, предѣлы распространенія разныхъ растеній. Высота въ 9.700 англ. ф. составляетъ послѣдній предѣлъ растительности; ниже этой линіи показываются первыя тайно-цвѣтныя растенія; вторая граница лежитъ на высотѣ 8.800 фут.; за нею начинаются альпійскіе луга; наконецъ, на высотѣ 7.400 ф., проходитъ третья черта, — граница древесной растительности.

Въ Тунку Радде вернулся 16 авг. 1859 г. и оттуда предпринялъ еще путешествіе для изслѣдованія Хамаръ-Дабана, хребта, лежащаго у югозападнаго угла Байкальскаго озера. Хамаръ-Дабанъ принадлежитъ къ числу высочайшихъ пунктовъ Байкальскато береговаго хребта, и въ геогностическомъ отношеніи можетъ считаться, по всей вѣроятности, самостоятельнымъ хребтомъ. Радде отправился изъ Тунки въ деревню Култукъ, лежащую на самомъ берегу Байкала; отсюда идетъ дорога къ вершинамъ Хамаръ-Дабана. Это есть тотъ самый путь, по которому прежде слѣдовали чайные транспорты изъ Кяхты для обхода и частію для перевала высокаго горнаго хребта, который тянется по юговосточной сторонѣ озера. Путь этотъ до того заросъ высокой травой, что мѣстами Радде только съ трудомъ могъ подвигаться впередъ. По дорогѣ къ Хамаръ-Дабану, Радде провѣрилъ на Сохондо и Мунго-Сардыкѣ уже прежде сдѣланныя имъ наблюденія о границахъ распространенія нѣкоторыхъ породъ растеній и произвелъ многочисленныя барометрическія измѣренія.

24-го августа путешественникъ достигъ, съ западной стороны, вершины Хамаръ-Дабана, доступъ къ которому возможенъ только по довольно узкому гребню, круто спускающемуся въ обѣ стороны. Гребень этотъ, длиною до $^1/_4$ версты, соединяющій вершину съ предгоріями, имѣющими тупо-коническую форму,—до того узокъ, что на немъ можно подвигаться только ползкомъ, или сидя верхомъ.

Спутники Радде, крестьяне изъ деревни Култукъ, не рѣшились сопровождать его далѣе, такъ что ему пришлось одному переправиться черезъ это опасное пространство. Достигнувъ самой вершины Хамаръ-Дабана, Радде нашелъ тамъ постановленный на грудѣ сложенныхъ гранитныхъ осколковъ

крестъ, на которомъ отмѣчены „1831 годъ“ и высота надъ Байкаломъ „5.763“. По измѣреніямъ Радде этотъ третій высокій пунктъ южной стороны восточной Сибири, достигаетъ абсолютной высоты около 7.000 ф. Цифра эта весьма близко подходитъ къ цифрѣ отмѣченной на крестѣ. Видъ съ вершины Хамаръ-Дабана на дикія долины Слюдянки, Пахабыхи и на поверхность озера Байкала, только мѣстами проглядывающую сквозь чащу лѣсовъ, представляетъ величественную картину природы, — надъ нею носятся обыкновенно густыя облака, насыщаемыя испареніями байкальскаго бассейна.

26-го августа Радде предпринялъ еще экскурсію съ цѣлью осмотрѣть развѣдки, которыя за нѣсколько лѣтъ тому назадъ были предприняты въ нижней части долины Слюдянки, для отысканія драгоцѣнныхъ камней, и привезъ оттуда нѣсколько мароксйтовъ и другихъ минераловъ.

27-го онъ возвратился въ Тунку, но въ сентябрѣ предпринялъ съ прибывшимъ въ Иркутскъ и оставшимся здѣсь за болѣзнью помощникомъ начальника Физическаго Отдѣла экспедиціи Майделемъ, еще одно путешествіе въ восточный Саянъ. На этомъ путешествіи здоровье Майделя разстроилось до того, что онъ находился въ опасности ослѣпнуть. Путешественникамъ удалось только достигнуть Нарынъ-Хоройскаго пограничнаго караула, послѣ чего они принуждены были возвратиться, частью вслѣдствіе печальнаго положенія здоровья Майделя, частью и потому, что перевалы въ горахъ въ это время были занесены снѣгомъ.

Къ концу октября Радде возвратился въ Иркутскъ, приготовилъ тамъ свои богатыя коллекціи къ отправленію въ дорогу, и, отправившись изъ Иркутска въ ноябрѣ, прибылъ въ январѣ 1860 г. въ Петербургъ.

Коллекціи Радде, особенно зоологическія, принадлежали къ самымъ полнымъ, какія до сихъ поръ доставлены изъ Восточной Сибири въ Европу. Обнимая собою и естественныя произведенія бассейна Амура, коллекціи эти имѣли весьма важное значеніе, какъ для зоологіи вообще, такъ и для географическаго распространенія животныхъ. Численность экземпляровъ коллекцій приблизительно была слѣдующая: 1.760 позвоночныхъ животныхъ, въ томъ числѣ до 400 млекопитающихъ, 1.200 птицъ и 200 амфибій и рыбъ. Насѣкомыхъ и молюсковъ Радде привезъ 50.000 экземпляровъ.

Такъ какъ Общество не имѣло собственнаго естественно-историческаго музея, то эта коллекція была предоставлена Обществомъ Академіи Наукъ, которая не только обѣщала придти на помощь Радде въ ея разработкѣ, но и весьма щедро вознаградила его за ту часть коллекцій, которая составляла его собственность, и сверхъ того опредѣлила Радде сверхштатнымъ консерваторомъ Зоологическаго музея Академіи.

По возвращеніи Шварца въ 1858 г. Совѣтъ, озабочиваясь окончаніемъ Сибирской экспедиціи, поручилъ Предсѣдательствовавшему въ то время въ Отдѣленіи Физ. Геогр. Г. П. Гельмерсену пріискать ученаго геолога, съ тѣмъ, чтобы Общество могло возложить на него геологическія изслѣдованія, производство которыхъ входило въ планъ экспедиціи и которыя необходимо должны были

быть начаты теперь, за окончаніемъ работъ Математическаго Отдѣла. Гельмерсенъ рекомендовалъ Совѣту опытнаго геолога, Магистра Дертпскаго Университета Шмидта, изъявившаго желаніе принять на себя порученіе Общества. По мнѣнію Совѣта предметомъ занятій геолога должно было быть изслѣдованіе юговосточной части Забайкальской области, всей Приамурской области и наконецъ по возможности острова Сахалина, представляющаго особенный интересъ въ геологическомъ отношеніи. Для исполненія этихъ изслѣдованій необходимо было время отъ 3 до 4 лѣтъ, въ продолженіи которыхъ геологъ долженъ былъ начать свои занятія отъ Нерчинска, подвигаться постепенно къ востоку до устья Амура и затѣмъ, по окончаніи изслѣдованій прибрежнаго пространства, перейти на островъ Сахалинъ. Для успѣшнаго исполненія этого порученія Совѣтъ рѣшилъ, что геологъ долженъ имѣть при себѣ помощника и топографа для съемки маршрутовъ и черченія картъ. Что касается до перваго, то Гельмерсенъ указалъ на окончившаго курсъ въ Дертпскомъ Университетѣ Майделя, изъявившаго согласіе сопутствовать Шмидту и, по своимъ познаніямъ и ревностному желанію къ изученію края, обѣщающаго быть полезнымъ помощникомъ геологу. Относительно же топографа, Совѣтъ нашелъ необходимымъ просить содѣйствія Главнаго Штаба о прикомандированіи таковаго изъ унтеръ-офицеровъ. Такимъ топографомъ, благодаря благосклонному содѣйствію генералъ-адъютанта Барона Ливена, былъ назначенъ топографъ 1-го класса унтеръ-офицеръ Шебунинъ. Всѣ эти лица командированы были на три года.

Имѣя въ своемъ распоряженіи изъ суммъ, пожертвованныхъ на Сибирскую экспедицію еще 18.000 р. Совѣтъ ассигновалъ на Физическій Отдѣлъ экспедиціи 15 тыс. р., а Отдѣленіе Физической Географіи составило инструкцію для Шмидта.

Шмидтъ отправился, вмѣстѣ съ топографомъ, въ апрѣлѣ 1859 г. изъ Петербурга, въ маѣ прибылъ въ Казань, а 15 іюня въ Иркутскъ. На этомъ пути онъ изслѣдовалъ геологическій составъ береговъ Иртыша и Енисея въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Сибирская дорога пересѣкаетъ теченіе сихъ рѣкъ.

Въ городѣ Нерчинскѣ Шмидтъ пробылъ три недѣли, въ ожиданіи своего спутника Майделя, заболѣвшаго въ Иркутскѣ; онъ воспользовался этимъ временемъ для обзора окрестностей Нерчинскаго завода, береговъ Онона, Адунъ-чалонскихъ горъ и для изслѣдованія замѣчательныхъ пластовъ на р. Тургѣ, заключающихъ остатки рыбъ. Въ этихъ мѣстностяхъ Шмидта занимали предпочтительно наблюденія надъ породами метаморфическими. Горный инженеръ, капитанъ Эйхвальдъ, сопутствовалъ Шмидту во всѣхъ этихъ поѣздкахъ и сообщилъ ему много полезныхъ свѣдѣній и указаній.

Осмотрѣвъ гранитный кряжъ Адунъ-чалонскій, Шмидтъ открылъ у подножія его, въ глинистомъ сланцѣ, отпечатки растеній, встрѣченныхъ имъ также на дорогѣ въ Газимурскій заводъ, а на пути въ Нерчинскій заводъ и на берегу рѣки Ингоды, онъ собралъ образцы подобныхъ же отпечатковъ и куски окаменѣлыхъ хвойныхъ деревъ.

и недостатку провизіи путешественники должны были вернуться назадъ. Не смотря на эту неудачу, экскурсія оказалась довольно полезною въ ботаническомъ и геологическомъ отношеніяхъ.

Возвратясь въ Кусунай въ началѣ сентября, путешественники отправились на югъ до главнаго японскаго селенія Эндунгомо, на западномъ берегу Сахалина, верстахъ въ 125 отъ Кусуная; далѣе японскіе чиновники никакъ не рѣшались пропустить русскихъ, и, только по убѣдительной ихъ просьбѣ, пропустили до мыса Найборо, находящагося верстахъ въ 75 сѣвернѣе оконечнаго мыса Крильонъ. Въ сел. Эндунгомо путешественники прожили до средины октября и были въ весьма добрыхъ отношеніяхъ съ Японцами. Шмидтъ познакомился съ флорою южнаго Сахалина, которая гораздо богаче сѣверной, и распространилъ дальше геологическое обозрѣніе острова. Топографъ Шебунинъ снялъ все пройденное пространство, Брылкинъ успѣлъ пріобрѣсть много новаго для изученія Айновъ.

По возвращеніи въ Кусунай нельзя было и думать о какихъ либо экскурсіяхъ. Начались дожди, выпадалъ снѣгъ и только изрѣдка прояснивалась погода. Нужно было приготовиться къ отъѣзду въ Николаевскъ.

У экспедиціи было только шесть собакъ, купленныхъ въ Кусунайскомъ посту; купить же у Айновъ ихъ не было никакой возможности, потому что Японцы строго слѣдили, чтобъ Айны не входили ни въ какія сношенія съ Русскими и особенно, чтобъ не завелось какой нибудь торговли. Нужно было дѣйствовать хитростью. Шмидтъ поручилъ топографу Шебунину, отправившемуся за 60 верстъ для осмотра озера Трайциско, закупить сколько возможно собакъ и юколы; но не смотря на всѣ усилія, онъ пріобрѣлъ только пять собакъ и очень немного юколы, а потому Шмидтъ только одинъ выѣхалъ въ Николаевскъ, оставивъ своихъ помощниковъ съ весьма скудными запасами на зимовку.

22 января Шмидтъ пустился въ Николаевскъ, восточнымъ берегомъ отъ Мануйскаго поста. Почти отъ самаго начала его пути до залива Терпѣнія, дорога не была проложена, и Шмидтъ съ большимъ трудомъ на десятый день могъ проѣхать это пространство. Путь отъ залива Терпѣнія до Дуэ былъ почти легокъ, относительно прежняго, и въ одну недѣлю путешественники перевалили Сахалинъ.

Въ Дуэ Шмидтъ уже встрѣтилъ Глена, прибывшаго туда въ іюнѣ мѣсяцѣ. Гленъ успѣлъ изслѣдовать геологическое строеніе берега отъ Дуэ на сѣверъ до Лазарева мыса и собрать полную тамошнюю флору. Изъ Дуэ оба путешественника вмѣстѣ отправились въ Николаевскъ, куда прибыли въ послѣдній день февраля 1861 г. Шмидтъ остался въ Николаевскѣ до открытія навигаціи, чтобы весною съ новыми запасами отправиться обратно на Сахалинъ; Гленъ чрезъ недѣлю на собакахъ вернулся въ Дуэ, чтобы зимнимъ путемъ обозрѣть сѣверную часть острова, чего, къ несчастію, невозможно было сдѣлать лѣтомъ.

Въ началѣ апрѣля Шмидтъ получилъ чрезъ Гиляковъ письмо отъ Глена,

Аносова и Баснина и Р. К. Маака, отъ которыхъ получилъ много полезныхъ свѣдѣній и указаній для предстоящихъ путешествій.

При спускѣ отъ Срѣтенска внизъ по рѣкѣ и при наблюденіяхъ о направленіи кряжей, Шмидту показалось, что параллельныя цѣпи горъ, простирающіяся между Шилкою, Газимуромъ и Аргунью, составляютъ уже часть большаго Хингана, пересѣкаемаго Амуромъ отъ Стрѣлки почти до Албазина. Амуръ въ этомъ мѣстѣ прорѣзываетъ горную систему, состоящую изъ многихъ параллельныхъ между собою отроговъ, простирающихся отъ сѣвера на югъ. Высота этихъ отроговъ постепенно возрастаетъ съ востока на западъ, такъ что самые низкіе изъ нихъ сливаются уже съ Манчжурскою низменностью, а высочайшіе обозначаютъ восточную окраину нагорной центральной Азіи. Отъ Срѣтенска до Благовѣщенска, Шмидтъ почти вездѣ замѣтилъ по обѣимъ сторонамъ рѣки уступы, означающіе высоту прежняго уровня рѣки. Судя по этимъ признакамъ, русло рѣки прежде было до 200 футовъ выше, и не составляло въ то время непрерывной, правильной долины, а было часто прервано озерами различной величины, изъ коихъ самое большое занимало равнину между Зеею и Буреею.

Малый Хинганъ или Доуссэ-Алинъ, также состоялъ, сколько могъ замѣтить Шмидтъ, изъ параллельныхъ между собою кряжей, изъ коихъ восточные и западные казались ниже среднихъ.

Далѣе къ востоку, до устья Усури, опять слѣдовала равнина, часто прерываемая невысокими, параллельными между собою притоками, простирающимися отъ сѣвера на югъ. На другой сторонѣ Усури возвышался значительный кряжъ Хухчиръ-Хуринъ.

Геологическіе результаты этихъ путешествій были слѣдующіе:

На берегахъ р. Турги, Шмидтъ занимался изслѣдованіемъ пластовъ сланцеватой глины, заключающихъ остатки рыбъ, о которыхъ упоминалъ въ своихъ запискахъ Миддендорфъ. Такъ какъ эти рыбы принадлежатъ прѣсноводнымъ родамъ, и такъ какъ остатки ихъ здѣсь сопровождаются окамѣнѣлыми створками земныхъ и прѣсноводныхъ раковинъ, также отпечатками водяныхъ растеній, то Шмидтъ заключилъ, что упомянутые пласты образовались на берегахъ прѣсноводнаго бассейна, но онъ на первый разъ не рѣшился опредѣлить относительную древность ихъ. Къ сѣверу отъ этой мѣстности залегали наклонные пласты глинистаго сланца съ отпечатками аммонитовъ, которыхъ нельзя было ближе опредѣлить, по неясности экземпляровъ. Но во всякомъ случаѣ аммониты указывали на періодъ предшествовавшій третичному.

По значительной части рѣчной области Амура распространены пласты новѣйшихъ прѣсноводныхъ третичныхъ осадковъ. Но края этого огромнаго прѣсноводнаго бассейна состояли изъ пластовъ каменноугольной и тріасовой почвъ; въ этихъ пластахъ, вмѣстѣ съ отпечатками растеній изъ родовъ: Sphenopteris, Pecopteris, Neuropteris и Voltzia, встрѣчались нетолстые слои каменнаго угля, безъ сомнѣнія образовавшагося изъ этихъ

тихая, прибоя не было, и, выгрузивши провизію для Кусунайской команды, чрезъ два часа путешественники отправились далѣе.

Узнавъ, что отвѣтъ на его письмо изъ Хакодадэ еще не пришелъ, Шмидтъ взялъ съ собою топографа Шебунина, какъ помощника на двухгодичную экспедицію, и, оставивъ Глена, приплывшаго сюда съ Шмидтомъ, и Брылкина на Сахалинѣ, отправился въ портъ св. Ольги.

Въ Кусунаѣ Шмидтъ узналъ, что казаки, посланные имъ въ предшедшую зиму съ провизіею, прибыли благополучно, и двадцать собакъ, пришедшія съ ними, остались тамъ для обратнаго возвращенія зимою Глена и Брылкина.

Помощники Начальника экспедиціи, остававшіеся на Сахалинѣ въ Кусунаѣ, все время были заняты работами экспедиціи. Брылкинъ составилъ довольно полный словарь аинскаго языка, записалъ нѣсколько народныхъ сказаній и, сверхъ того, собралъ первую флору окрестностей Кусуная и Мануэ. Топографъ Шебунинъ, не смотря на морозы, ходилъ зимой пѣшкомъ почти за 300 верстъ къ сѣверу до мыса Наяси и Сакотанъ, до мѣста разработки каменнаго угля николаевскимъ купцомъ Бауровымъ, и снялъ это пространство подробнѣе, чѣмъ было возможно лѣтомъ во время плаванія на вельботѣ; сверхъ того, онъ снялъ зимнюю дорогу отъ Кусуная до Мануэ и весною окончилъ съемку и сдѣлалъ промѣръ весьма большаго озера Трайциско, находящагося въ 60 верстахъ отъ Кусуная. Оно соединено длиннымъ протокомъ съ моремъ и можетъ служить гаванью для мелкихъ судовъ. Брылкинъ и Шебунинъ достали по аинскому черепу. Народность этихъ череповъ была несомнѣнна, потому что вмѣстѣ съ черепами нашли остатки аинскихъ одеждъ.

21 іюня Шмидтъ пришелъ въ портъ св. Ольги. Перемѣна флоры его поразила. Все было покрыто дубомъ и другими лиственными породами, и только на приморскихъ утесахъ видна особаго вида лиственница, открытая Максимовичемъ. Стояли на мѣстѣ около недѣли, слѣдовательно могли достаточно познакомиться съ окрестностями.

25 іюня пришелъ корветъ „Гридень“ изъ залива Посьетъ за депешами, и такъ какъ Шмидтъ желалъ туда отправиться, то пересѣлъ на него и вышелъ изъ Ольги 27 числа. „Америка“ пошла въ Хакодате.—2 іюля Шмидтъ пришелъ въ портъ Владивостокъ (Мей), а 5-го въ заливъ Посьетъ, гдѣ встрѣтилъ всю русскую эскадру нашу, подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Лихачева. Перебравшись на берегъ, Шмидтъ занялся изслѣдованіемъ мѣстъ, прилегающихъ къ южнымъ портамъ, и очень радъ былъ случаю, доставившему ему предлогъ проѣхать до города Хунчуна, находящагося въ 50 верстахъ на сѣверо-западъ отъ порта Посьетъ.

Пограничная экспедиція пришла въ Посьетъ гораздо позже, чѣмъ предполагалось. Полковникъ Будогоскій, начальникъ пограничной экспедиціи, прибылъ въ Посьетъ только 23-го августа, а къ 1-му сентября собралась и вся экспедиція.

По просьбѣ Шмидта Будогоскій позволилъ ему присоединиться къ возвращающейся экспедиціи и 1 сентября Шмидтъ вышелъ изъ Посьета на клиперѣ „Разбойникъ“ и вечеромъ того же числа пришелъ въ портъ Владивостокъ. На

оказалось, вмѣсто одного помощника—два, обстоятельство весьма благопріятное для экспедиціи, такъ какъ Гленъ былъ помощникомъ Шмидта въ геологическихъ и естественно-историческихъ работахъ, а Брылкинъ занимался наблюденіями этнографическими, въ которыхъ онъ уже пріобрѣлъ большую опытность во время своего участія въ Усурійской экспедиціи Р. К. Маака.

Съ мѣста своей зимовки 1859—60 г. изъ Благовѣщенска Шмидтъ отправился внизъ по Амуру въ мартѣ 1860 г. Время отъѣзда было самое неблагопріятное: весна подходила и дороги портились. Слѣдуя то на саняхъ, то на телѣгѣ, то верхомъ, Шмидтъ достигъ только къ концу марта Михаило-Семеновской станицы и здѣсь долженъ былъ ожидать вскрытія Амура, изслѣдуя раннюю весеннюю флору и геологическое строеніе близкихъ къ Амуру кряжей: Чурки и Ороки. 10 апрѣля ледъ тронулся, а 14 прошелъ окончательно и Шмидтъ поплылъ внизъ по Амуру въ лодкѣ, 23 апрѣля прибылъ въ Хабаровку, а 14 мая достигъ до Николаевска, гдѣ въ то время шелъ снѣгъ и зелень еще не показывалась, между тѣмъ, какъ на южной дорогѣ Амура, всѣ деревья были покрыты зеленью и весенняя флора была во всемъ своемъ блескѣ. Получивъ отъ Приморскаго губернатора двухъ казаковъ, въ качествѣ переводчиковъ на гиляцкій и аинскій языки, 18 мая Шмидтъ отплылъ на Сахалинъ на пароходѣ „Америка", заходилъ въ заливъ Де-Кастри и прибылъ въ постъ Дуэ 29 марта. И здѣсь его ожидала разительная перемѣна погоды. Въ Де-Кастри, закутанномъ туманами, природа еще не пробуждалась, а въ Дуэ свѣтило солнце и самая роскошная растительность покрывала долины; эта травянистая растительность, превышавшая человѣческій ростъ чрезвычайно препятствовала горнымъ экскурсіямъ путешественника и помѣшала ему перейти черезъ горы въ долину Тыми. Только 24 іюня, на клиперѣ „Опричникъ", прибыли къ Шмидту его помощники Брылкинъ и топографъ Шебунинъ. Экспедиція раздѣлилась. Брылкинъ тотчасъ же пересѣлъ на корветъ „Гридень" и отправился прямо въ отдаленный отъ Дуэ на 800 верстъ Кусунай съ тѣмъ, чтобы заняться тамъ изученіемъ аинскаго языка и собираніемъ мѣстной флоры. Шмидтъ съ Шебунинымъ поплыли въ Кусунай, съ цѣлью подробнаго береговаго осмотра, вдоль берега на вельботѣ. Плаваніе это заняло болѣе полутора мѣсяца. Путешественники пребывали въ интересныхъ мѣстахъ по нѣскольку дней и поднимались на высокія горы. Задерживаемые нерѣдко противными ю.-з. вѣтрами, преобладающими лѣтомъ въ Татарскомъ проливѣ и сильными прибоями, путешественники прибыли въ Кусунай только къ 15 августа.

На пути этомъ Шмидтъ сдѣлалъ геологическое и ботаническое обозрѣніе береговъ, и особенно изслѣдовалъ каменно-угольные пласты; топографъ Шебунинъ снялъ берегъ, на сколько это было возможно.

По прибытіи въ Кусунай, чрезъ нѣсколько дней путешественники Шмидтъ и Шебунинъ отправились на восточную сторону острова въ небольшой русскій постъ Мануэ для собиранія растеній и для съемки тропы, ведущей въ этотъ постъ. Изъ Мануэ Шмидтъ отправился съ Брылкинымъ горами на сѣверъ къ мѣловой горѣ Каспи, но по чрезмѣрной трудности пути

и недостатку провизіи путешественники должны были вернуться назадъ. Не смотря на эту неудачу, экскурсія оказалась довольно полезною въ ботаническомъ и геологическомъ отношеніяхъ.

Возвратясь въ Кусунай въ началѣ сентября, путешественники отправились на югъ до главнаго японскаго селенія Эндунгомо, на западномъ берегу Сахалина, верстахъ въ 125 отъ Кусуная; далѣе японскіе чиновники никакъ не рѣшались пропустить русскихъ, и, только по убѣдительной ихъ просьбѣ, пропустили до мыса Найборо, находящагося верстахъ въ 75 сѣвернѣе оконечнаго мыса Крильонъ. Въ сел. Эндунгомо путешественники прожили до средины октября и были въ весьма добрыхъ отношеніяхъ съ Японцами. Шмидтъ познакомился съ флорою южнаго Сахалина, которая гораздо богаче сѣверной, и распространилъ дальше геологическое обозрѣніе острова. Топографъ Шебунинъ снялъ все пройденное пространство, Брылкинъ успѣлъ пріобрѣсть много новаго для изученія Айновъ.

По возвращеніи въ Кусунай нельзя было и думать о какихъ либо экскурсіяхъ. Начались дожди, выпадалъ снѣгъ и только изрѣдка прояснивалась погода. Нужно было приготовиться къ отъѣзду въ Николаевскъ.

У экспедиціи было только шесть собакъ, купленныхъ въ Кусунайскомъ посту; купить же у Айновъ ихъ не было никакой возможности, потому что Японцы строго слѣдили, чтобъ Айны не входили ни въ какія сношенія съ Русскими и особенно, чтобъ не завелось какой нибудь торговли. Нужно было дѣйствовать хитростью. Шмидтъ поручилъ топографу Шебунину, отправившемуся за 60 верстъ для осмотра озера Трайциско, закупить сколько возможно собакъ и юколы; но не смотря на всѣ усилія, онъ пріобрѣлъ только пять собакъ и очень немного юколы, а потому Шмидтъ только одинъ выѣхалъ въ Николаевскъ, оставивъ своихъ помощниковъ съ весьма скудными запасами на зимовку.

23 января Шмидтъ пустился въ Николаевскъ, восточнымъ берегомъ отъ Мануйскаго поста. Почти отъ самаго начала его пути до залива Терпѣнія, дорога не была проложена, и Шмидтъ съ большимъ трудомъ на десятый день могъ проѣхать это пространство. Путь отъ залива Терпѣнія до Дуи былъ почти легокъ, относительно прежняго, и въ одну недѣлю путешественники перевалили Сахалинъ.

Въ Дуэ Шмидтъ уже встрѣтилъ Глена, прибывшаго туда въ іюнѣ мѣсяцѣ. Гленъ успѣлъ изслѣдовать геологическое строеніе берега отъ Дуэ на сѣверъ до Лазарева мыса и собрать полную тамошнюю флору. Изъ Дуэ оба путешественника вмѣстѣ отправились въ Николаевскъ, куда прибыли въ послѣдній день февраля 1861 г. Шмидтъ остался въ Николаевскѣ до открытія навигаціи, чтобы весною съ новыми запасами отправиться обратно на Сахалинъ; Гленъ чрезъ недѣлю на собакахъ вернулся въ Дуэ, чтобы зимнимъ путемъ обозрѣть сѣверную часть острова, чего, къ несчастію, невозможно было сдѣлать лѣтомъ.

Въ началѣ апрѣля Шмидтъ получилъ чрезъ Гиляковъ письмо отъ Глена,

въ которомъ онъ увѣдомлялъ Начальника экспедиціи, что поѣздка его совершилась благополучно и что доѣхавъ почти до сѣверной оконечности острова, онъ перевалилъ оттуда на восточную сторону, откуда вернулся прямо въ Дуэ, послѣднимъ зимнимъ путемъ. По пріѣздѣ въ Николаевскъ, Шмидтъ тотъ же часъ закупилъ все необходимое для помощниковъ своихъ, оставшихся въ Кусунаѣ, и отправилъ къ нимъ все необходимое на двухъ нартахъ.

Получивъ разрѣшеніе отъ Географическаго Общества остаться еще на годъ для изслѣдованія Сахалина, Шмидтъ былъ сильно озабоченъ тѣмъ, позволитъ ли японское правительство обойти кругомъ островъ; хотя въ сел. Эндунгомо онъ передалъ японскому сахалинскому начальнику письмо къ русскому консулу въ Хакодаде Гашкевичу, съ просьбою исходатайствовать въ Японіи свободный обходъ острова, но не вполнѣ былъ увѣренъ въ согласіи на то японскаго правительства. По этому Шмидтъ нашелъ выгоднѣйшимъ осмотрѣть новопріобрѣтенную южную часть Амурскаго края, оставивъ на Сахалинѣ помощника своего Глена, на котораго вполнѣ могъ положиться, какъ на геолога и ботаника, и Брылкина, для болѣе полнаго изученія аинскаго языка. Къ тому же Шмидтъ имѣлъ въ виду, осмотрѣвъ южные порты, встрѣтить въ портѣ Посьетъ пограничную экспедицію для размежеванія границы съ Китаемъ, перевалить съ нею на озеро Ханка, а оттуда спуститься по Усури до Хабаровки. Сверхъ того, чтобы пробраться на верховья Буреи, что Шмидтъ думалъ предпринять въ годъ своего тутъ пребыванія, нужно было быть въ Николаевскѣ въ началѣ зимы; съ Сахалина же онъ не могъ прибыть сюда ранѣе февраля мѣсяца.

Шмидтъ оставилъ Николаевскъ 23 мая и пошелъ на пароходѣ Америка въ де-Кастри. Въ лиманѣ караванъ былъ задержанъ льдомъ до 26 числа. 28 числа онъ прибылъ въ зал. де-Кастри, гдѣ былъ задержанъ цѣлую недѣлю выгрузкой казеннаго груза съ гамбургскаго судна Horizont, пришедшаго изъ Кронштадта. Во время стоянки сюда пришло до десяти купеческихъ судовъ американскихъ и гамбургскихъ, шедшихъ съ товаромъ въ Николаевскъ. Нѣкоторыя изъ нихъ уже давно ожидали въ де-Кастри вскрытія Амура. Въ томъ числѣ была одна японская шкуна Камитамара, назначенная въ Николаевскъ съ торговою и вмѣстѣ ученою цѣлію, для описанія края. Все устройство ея было европейское, только люди сохранили національный костюмъ.

Только 6 іюня Шмидтъ прибылъ въ Дуэ. Гленъ былъ въ самомъ разгарѣ занятій; онъ собралъ весеннюю флору окрестностей Дуэ и значительно увеличилъ палеонтологическія коллекціи; сверхъ того ѣздилъ въ маѣ на сѣверъ, почти до Лазарева мыса, чтобы познакомиться съ весенней флорой тамошнихъ тундръ, которыя онъ въ первый разъ посѣтилъ предшедшею осенью. Во время подъемовъ на высшія сопки, онъ часто наблюдалъ долину р. Тыми, и тѣмъ значительно могъ дополнить имѣвшіяся топографическія свѣдѣнія.

Выѣхавъ изъ Дуэ рано утромъ 16 іюня, путешественники прибыли въ Кусунай на другой день плаванія, въ пять часовъ по полудни. Погода была

тихая, прибоя не было, и, выгрузивши провизію для Кусунайской команды, чрезъ два часа путешественники отправились далѣе.

Узнавъ, что отвѣтъ на его письмо изъ Хакодадэ еще не пришелъ, Шмидтъ взялъ съ собою топографа Шебунина, какъ помощника на двухгодичную экспедицію, и, оставивъ Глена, приплывшаго сюда съ Шмидтомъ, и Брылкина на Сахалинѣ, отправился въ портъ св. Ольги.

Въ Кусунаѣ Шмидтъ узналъ, что казаки, посланные имъ въ предшедшую зиму съ провизіею, прибыли благополучно, и двадцать собакъ, пришедшія съ ними, остались тамъ для обратнаго возвращенія зимою Глена и Брылкина.

Помощники Начальника экспедиціи, остававшіеся на Сахалинѣ въ Кусунаѣ, все время были заняты работами экспедиціи. Брылкинъ составилъ довольно полный словарь аинскаго языка, записалъ нѣсколько народныхъ сказаній и, сверхъ того, собралъ первую флору окрестностей Кусуная и Мануэ. Топографъ Шебунинъ, не смотря на морозы, ходилъ зимой пѣшкомъ почти за 300 верстъ къ сѣверу до мыса Наяси и Сакотанъ, до мѣста разработки каменнаго угля николаевскимъ купцомъ Бауровымъ, и снялъ это пространство подробнѣе, чѣмъ было возможно лѣтомъ во время плаванія на вельботѣ; сверхъ того, онъ снялъ зимнюю дорогу отъ Кусуная до Мануэ и весною окончилъ съемку и сдѣлалъ промѣръ весьма большаго озера Трайциско, находящагося въ 60 верстахъ отъ Кусуная. Оно соединено длиннымъ протокомъ съ моремъ и можетъ служить гаванью для мелкихъ судовъ. Брылкинъ и Шебунинъ достали по аинскому черепу. Народность этихъ череповъ была несомнѣнна, потому что вмѣстѣ съ черепами нашли остатки аинскихъ одеждъ.

21 іюня Шмидтъ пришелъ въ портъ св. Ольги. Перемѣна флоры его поразила. Все было покрыто дубомъ и другими лиственными породами, и только на приморскихъ утесахъ видна особаго вида лиственница, открытая Максимовичемъ. Стояли на мѣстѣ около недѣли, слѣдовательно могли достаточно познакомиться съ окрестностями.

25 іюня пришелъ корветъ „Гридень“ изъ залива Посьетъ за депешами, и такъ какъ Шмидтъ желалъ туда отправиться, то пересѣлъ на него и вышелъ изъ Ольги 27 числа. „Америка“ пошла въ Хакодате.—2 іюля Шмидтъ пришелъ въ портъ Владивостокъ (Мей), а 5-го въ заливъ Посьетъ, гдѣ встрѣтилъ всю русскую эскадру нашу, подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Лихачева. Перебравшись на берегъ, Шмидтъ занялся изслѣдованіемъ мѣстъ, прилегающихъ къ южнымъ портамъ, и очень радъ былъ случаю, доставившему ему предлогъ проѣхать до города Хунчуна, находящагося въ 50 верстахъ на сѣверо-западъ отъ порта Посьетъ.

Пограничная экспедиція пришла въ Посьетъ гораздо позже, чѣмъ предполагалось. Полковникъ Будогоскій, начальникъ пограничной экспедиціи, прибылъ въ Посьетъ только 23-го августа, а къ 1-му сентября собралась и вся экспедиція.

По просьбѣ Шмидта Будогоскій позволилъ ему присоединиться къ возвращающейся экспедиціи и 1 сентября Шмидтъ вышелъ изъ Посьета на клиперѣ „Разбойникъ“ и вечеромъ того же числа пришелъ въ портъ Владивостокъ. На

другое утро на баркасѣ пошли къ устью р. Суйфунъ и поднялись вверхъ по рѣкѣ приблизительно на 40 верстъ до китайской фанзы Чуань. Тутъ пришлось ожидать обоза изъ порта Посьета. Стоянка эта была, безъ сомнѣнія, очень полезна, ибо Шмидтъ могъ продолжать изслѣдованіе флоры, осмотрѣнной въ портѣ Владивостокъ Максимовичемъ только по морскому берегу.

13 сентября, по приходѣ обоза съ провизіею, путешественники тронулись дальше и 15 прибыли въ русскій постъ на рѣкѣ же Суйфунъ, откуда ровною безлѣсною степью вышли на озеро Ханка, къ посту Камень-Рыболовъ 20 числа. Разстояніе отъ озера Ханка до Суйфуна около 100 верстъ, откуда уже почти свободно можно спускаться на лодкѣ до самаго устья.

По неимѣнію лодокъ, Шмидтъ долженъ былъ обойти озеро кругомъ на лошадяхъ и 25 сентября достигъ поста на истокѣ р. Сунгача. Отсюда въ большой крытой шлюпкѣ, спустясь по р. Сунгачѣ, вышелъ на Усури и утромъ 3 октября пришелъ въ Хабаровку. Тутъ, заставъ два казенныхъ парохода Амуръ и Ононъ, Шмидтъ тотчасъ же пересѣлъ на одинъ изъ нихъ и 12 числа прибылъ въ Николаевскъ.

Хотя Шмидтъ и Будогоскій торопились, но все таки первому удалось достаточно осмотрѣть почти всѣ обнаженія по берегамъ Ханка и Усури, и даже во время плаванія на пароходѣ Ононъ, онъ имѣлъ случай иногда дополнять свои изслѣдованія объ амурскихъ берегахъ, ибо пароходъ нѣсколько разъ, по причинѣ тумановъ и свѣжихъ вѣтровъ, долженъ былъ останавливаться.

Научные результаты всѣхъ этихъ переѣздовъ были весьма обильны, особенно въ геологическомъ и ботаническомъ отношеніяхъ.

Работы Физическаго Отдѣла экспедиціи должны были окончиться въ 1861 году, но такъ какъ, по настоянію Предсѣдательствующаго Отдѣленіемъ Физической Географіи П. П. Семенова, Совѣтъ согласился на предложеніе Шмидта о продолженіи экспедиціи еще на одинъ годъ, то Шмидтъ открылъ свою научную компанію и весною 1862 года.

Тотчасъ по открытіи навигаціи на Амурѣ, Шмидтъ тронулся съ Шебунинымъ въ путь на верховья р. Буреи, а помощника своего Глена отправилъ къ верховьямъ Амура для пополненія амурскихъ горныхъ коллекцій, собранныхъ Шмидтомъ еще въ 1859 г., но большею частью пропавшихъ во время пожара въ домѣ, гдѣ онѣ находились. Эта поѣздка замѣнила поѣздку Глена на Сахалинъ, которую Шмидтъ, не смотря на полное желаніе, не могъ предпринять за недостаткомъ денегъ.

19 мая, Шмидтъ съ Шебунинымъ тронулся изъ Николаевска. Поднявшись на пароходѣ по Амуру до ст. Тыръ, противъ устья Амгуни, путешественники 26 числа, дождавшись проводниковъ Якутовъ, пошли бичевою, вверхъ по р. Амгуни. Поднявшись по ней до 300 верстъ, путешественники пошли притокомъ Амгуни — довольно незначительной р. Немиленъ, потомъ вверхъ по этой рѣкѣ до лѣваго ея притока Агнеканъ, и дошли по сей послѣдней до горъ Апоросо, гдѣ находится волокъ, на разстояніи десяти верстъ до р. Тугура. Тутъ, послѣ двухдневнаго отдыха, путешественники сѣли на дожидавшихся ихъ оленей и пошли сухимъ

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] Императорскаго Русскаго [illegible] Сибири [illegible]

[illegible] Министра Народнаго Просвѣщенія [illegible] 1000 руб. на изданіе [illegible]

изданіе III тома принялъ на себя В. П. Безобразовъ, и началъ уже и это изданіе, замедлившееся доставленіемъ рукописи отъ переѣхавшаго въ Тифлисъ Радде, съ свойственною ему живостью отдавшаго всѣ свои силы географическимъ и естественно-историческимъ изслѣдованіямъ въ Закавказскомъ краѣ. Когда же наконецъ ожидаемый манускриптъ былъ присланъ Г. И. Радде, онъ былъ случайно утраченъ редакторомъ В. П. Безобразовымъ и Радде, по множеству занятій, уже не имѣлъ возможности возобновить его. Спеціальные же части труда Радде были прекрасно изданы Академіей Наукъ.

Разработка же матерьяловъ собранныхъ собственно Физическимъ Отдѣломъ Сибирской экспедиціи заняла много времени и I томъ трудовъ его вышелъ только въ концѣ періода, а послѣдующіе уже въ послѣдующемъ періодѣ.

Въ тѣсной связи съ Сибирскою экспедиціею Географическаго Общества находились и предпріятія Сибирскаго Отдѣла по изслѣдованію Амурскаго бассейна. Какъ только неутомимый Р. К. Маакъ, находясь въ Петербургѣ, привелъ, послѣ 3 лѣтъ работы, въ исходѣ 1858 г., къ концу изданія своего путешествія по Амуру, онъ получилъ уже предложеніе Сибирскаго Отдѣла отправиться отъ него въ новую экспедицію для изслѣдованія долины и теченія р. Усури, на которую пожертвовано было неизвѣстнымъ 3.000 р. и чл.-сотр. Прейномъ 500 р.

Первымъ русскимъ путешественникомъ, проникшимъ на р. Усури былъ Д. Чл. Общ. (впослѣдствіи академикъ) К. И. Максимовичъ, поднявшійся еще въ 1855 г. вверхъ по этой рѣкѣ, впрочемъ на протяженіе только 125 вер., до устья р. Нора, но первымъ піонеромъ обстоятельнаго географическаго изслѣдованія почти всего теченія р. Усури былъ М. И. Венюковъ (впослѣдствіи Секретарь Имп. Русск. Геогр. Общества). Экспедиція Венюкова была снаряжена въ 1858 г. генер. губерн. Восточной Сибири и состояла, кромѣ начальника экспедиціи, изъ гольдскаго переводчика и 12 казаковъ, съ сотникомъ во главѣ ихъ. Назначенные въ экспедицію на помощь Венюкову два топографа не успѣли прибыть во̀ время къ отправленію экспедиціи и всѣ труды по съемкѣ выпали на долю самого Венюкова.

1-го іюня экспедиція вышла на 2-хъ лодкахъ изъ Усурійскаго поста, а 7-го была уже на устьѣ р. Нора, до котораго доходилъ въ 1855 г. Максимовичъ. Отсюда потребовалось М. И. Венюкову 10 дней, для того чтобы, при дождливой погодѣ, слѣдуя преимущественно пѣшкомъ вдоль берега Усури добраться 19 іюня до устья Нимани (Имы), самаго многоводнаго изъ притоковъ Усури.

22 іюня Венюковъ прошелъ устье р. Сунгачи, оставивъ слѣдовательно въ сторонѣ весь обширный бассейнъ озера Ханка. Выше устья р. Хубурхани, до котораго Венюковъ достигъ 25 іюня, плаваніе вверхъ по Усури сдѣлалось на столько затруднительнымъ, что путешественникъ вынужденъ былъ оставить здѣсь бо̀льшую изъ своихъ лодокъ съ сотникомъ и двумя казаками, а самъ съ 10-ю казаками и переводчикомъ продолжалъ путь въ меньшей изъ своихъ лодокъ. 2 іюля, перейдя 45° с. ш., Венюковъ достигъ

устья р. Добихи, выше котораго Усури уже течетъ не съ ю. къ в., какъ на большей части своего протяженія, а съ ю.-в. къ с.-з., при чемъ вѣтви, изъ сліянія которыхъ образуется рѣка, берутъ начало на Сихота-Алинѣ, служащемъ водораздѣломъ между системою р. Усури и береговыми рѣками Японскаго моря.

Эта верхняя часть системы р. Усури была въ то время совершенно terra incognita и представила особый интересъ для путешественника, какъ по обилію найденныхъ имъ здѣсь развалинъ, памятниковъ давняго прошлаго Манчжуріи, такъ и потому, что онъ здѣсь, въ этомъ горномъ уголкѣ древней Манчжуріи, встрѣтилъ китайскія фермы, занимавшіяся культурою одною изъ драгоцѣннѣйшихъ произведеній Манчжуріи женъ-шеня (Panax Ginseng). Но за то трудности пути все болѣе и болѣе увеличивались. Только 7 іюля Венюковъ достигъ устья р. Ныкту и, оставивъ здѣсь свою лодку, рѣшился выйти къ морю пѣшкомъ съ истоковъ Усури.

Вслѣдствіе же стеченія разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, Венюковъ могъ достичь своей цѣли, только поднимаясь по долинѣ р. Фудзи, одного изъ самыхъ верховыхъ притоковъ Усури и съ вершинъ этой рѣки онъ перешелъ черезъ водораздѣльный хребетъ на р. Лефуле, а по ней спустился къ морскому прибрежью, котораго и достигъ только 18 іюля. Стеченіе случайныхъ обстоятельствъ не дозволило Венюкову дойти до Владимірской гавани, находившейся отъ него только въ 35 верстахъ и вынудило его возвратиться на прежнюю стоянку на р. Фудзи, гдѣ онъ оставилъ у китайцевъ больного казака, и куда онъ прибылъ 23 іюля, а за тѣмъ вернуться къ своимъ лодкамъ на которыхъ онъ и спустился по Усури.

Результатомъ этого перваго русскаго путешествія вдоль всего теченія Усури была съемка рѣки и множество распросныхъ свѣдѣній о притокахъ рѣки, толантливо сгруппированныхъ и изложенныхъ путешественникомъ въ его интересной статьѣ „Обозрѣніе р. Усури“ [1]).

Только въ слѣдующемъ, 1859 г., Сибирскому Отдѣлу Имп. Русск. Геогр. Общества удалось снарядить свою Усурійскую экспедицію. Р. К. Маакъ, выѣхавъ изъ Петербурга въ февралѣ и снарядившись въ апрѣлѣ въ Иркутскѣ, вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ Брылкинымъ, 26 апр., по вскрытіи р. Ингоды, отправился на большой лодкѣ внизъ по Ингодѣ, Шилкѣ и Амуру. Въ Усть-Стрѣлку путешественникъ попалъ 6 мая, а въ Благовѣщенскъ прибылъ 18 мая, въ Айгунѣ запасся необходимыми припасами, а 5 іюня достигъ до предгорія Кырма̀, замыкающаго долину Усури съ запада, откуда собственно и началось возложенное на Р. К. Маака изслѣдованіе. 11 дней употребилъ онъ на изслѣдованіе хребта Хехцыръ и осмотръ Усурійскаго устья и за тѣмъ уже пустился въ плаваніе вверхъ по Усури. Природа, въ это лучшее для натуралиста время, кипѣла жизнью. Много интереснаго собралъ неутомимый натуралистъ изъ міра растеній и насѣкомыхъ на своихъ экскурсіяхъ во время

---

[1]) См. «Вѣстникъ» Имп. Русск. Геогр. Общ. 1859 г., ч. XXV, Отд. II, стр. 185—242.

береговыхъ остановокъ, между тѣмъ какъ Брылкинъ, съ большою пользою для науки, занимался изученіемъ языка и этнографическимъ изслѣдованіемъ прибрежныхъ жителей. На глазахъ же этихъ піонеровъ русской науки на р. Усури происходило и водвореніе первыхъ русскихъ переселенцевъ на Усурійскихъ прибрежьяхъ, только что начинавшихъ строить себѣ жилища на мѣстахъ своего водворенія. 28 іюня, пройдя 125 вер. по Усури, путешественники достигли устья р. Нора, большаго притока Усури (47°21′ с. ш.), служащаго границею между нижнимъ и среднимъ теченіемъ рѣки.

Во время своего слѣдованія вверхъ по среднему теченію Усури, сопровождаемому покрытыми роскошнымъ лѣсомъ горами, Маакъ, останавливаясь на берегу рѣки на достаточно продолжительныхъ стоянкахъ, дѣлалъ экскурсіи въ горы, возвращаясь всегда съ богатою ботаническою и зоологическою добычею.

Поднимаясь при помощи бичевы, экспедиція 18 іюля достигла устья р. Нимани (Имы) (45°59′ с. ш.), большаго праваго притока Усури, составляющаго уже границу верхняго ея теченія. Отъ устья р. Сунгачи 25 іюля экспедиція вошла въ эту рѣку и, поднимаясь 180 верстъ вверхъ ея извилистаго теченія, достигла 28 августа до большаго озера Ханка, бывшаго въ этотъ день въ сильномъ волненіи. Задержанный болѣзнью на истокѣ Сунгачи изъ озера, Р. К. Маакъ могъ переплыть къ русскому посту, только что устроенному въ то время на озерѣ, не ранѣе 16 авг. Этотъ постъ и былъ предѣльнымъ пунктомъ экспедиціи, возвратившейся 26 сент. въ Хабаровку, а 6 окт. въ Благовѣщенскъ. Здѣсь пришлось ожидать зимняго пути, такъ что въ Петербургъ Маакъ вернулся только въ мартѣ 1860 г. Въ 1861 г. путешествіе Маака по долинѣ Усури уже было издано.

Одновременно съ путешествіемъ Маака производились по Усури прекрасныя топографическія работы, снаряженною генералъ-губернаторомъ Вост. Сибири Н. Н. Муравьевымъ разграничительною съ Китаемъ экспедиціи, подъ начальствомъ Д. Чл. Общ. полк. Будогосскаго.

Экспедиція эта была вызвана тѣмъ что дипломатическому искусству Н. П. Игнатьева удалось, въ 1860 г., навсегда закрѣпить за Россіею, заключеннымъ имъ Пекинскимъ договоромъ, не только Усурійскую долину, но и все прибрежье Японскаго моря до Корейской границы. Усурійская экспедиція состояла, кромѣ полк. Будогосскаго, изъ участниковъ въ прежнихъ экспедиціяхъ Общества: Д. Чл. Общ. поруч. Усельцева и художника Мейера, а также переводчика Шишмарева, штабсъ-капит. корп. топографовъ Гамова съ 3 съемочными отдѣленіями (изъ 4 съемщиковъ каждая). Отдѣленія эти дѣлились на партіи. Отдѣленіе, въ которомъ находился Усольцевъ, дѣйствовало съ особымъ успѣхомъ. Оно поднялось по Усури и Сунгачѣ, прошло оз. Ханка, перевалило черезъ Сихота-Алинъ на р. Суйфунъ, прошло до границы Кореи, а на обратномъ пути раздѣлилось на двѣ партіи: одна съ Усольцевымъ, пройдя отъ корейской границы берегомъ моря до устья Суйфуна, поднялась по Суйфуну, перешла черезъ хребетъ на истокъ

р. Лефу и по этой рѣкѣ вернулась на озеро Ханка [1]). Другая партія съ хорунж. Доржитаровымъ слѣдовала отъ Корейской границы по водораздѣлу между р. Хунъ-Чунь и моремъ до вершины р. Шуфани, оттуда обогнувъ истокъ этого притока Суйфуна и преодолѣвая невѣроятныя препятствія на пути черезъ дѣвственные лѣса безлюднаго горнаго хребта, достигла вершины Хубту-Бира, другаго притока Суйфуна. Спустившись по нему партія пересѣкла долину этой послѣдней рѣки и, слѣдуя далѣе по водораздѣлу, обогнула долину оз. Ханка съ западной стороны и достигла наконецъ р. Мурени, по которой и вышла на Усури. Усольцевъ и Гамовъ опредѣлили необходимое число астрономическихъ пунктовъ. Въ 1860 г. командированный Ботаническимъ Садомъ Д. Чл. Общ. К. И. Максимовичъ, снова посѣтилъ нашъ дальній Востокъ и на этотъ разъ поднялся вверхъ теченія Усури до р. Фудзи, а затѣмъ, слѣдуя путемъ Венюкова, перевалилъ черезъ водораздѣлъ на рѣку Лафуле, по ней спустился къ морю и прибрежною тропою пробрался къ заливамъ Св. Владиміра и Св. Ольги, откуда на пароходѣ „Америка“ направился еще въ заливъ Посьета. Разумѣется изслѣдованіе такого первокласснаго натуралиста, какимъ былъ академикъ Максимовичъ, пролили новый свѣтъ на географію и біологію Приморской области.

Съ 1859 по 1863 годъ работала еще въ Приморской области, подъ начальствомъ чл. Сибир. Отд. капит. корп. Лѣсничихъ Будищева, партія для описанія лѣсовъ Приморской области, состоявшая изъ топографовъ: члена Сибирс. Отд. Петровича, Корзука и Любенскаго. Результатомъ работъ этой партіи было прекрасное описаніе лѣсовъ Приморской области, обнародованное въ 1867 г. въ IX и X книжкѣ Записокъ Сиб. Отдѣла (24 печатн. листа) [2]).

Независимо отъ этихъ систематическихъ изслѣдованій многіе изъ членовъ Общества обратили особенное вниманіе на изслѣдованіе Приморскаго и Усурійскаго краевъ. Такъ Д. Чл. Д. И. Романовъ, сопровождая гр. Н. Н. Муравьева-Амурскаго, въ 1861 г. собралъ цѣлый рядъ интересныхъ свѣдѣній о низовьяхъ Амура и русскихъ прибрежьяхъ Японскаго моря [3]), Шт.-капитаны Главнаго Штаба Тиротъ и П. А. Гельмерсенъ (внося. Чл. Сов. Имп. Русск. Геогр. Общ.) въ 1864 и 1865 г. не только пополнили своими съемками картографію Заусурійскаго края, но и собрали много драгоцѣнныхъ о немъ географическихъ свѣдѣній [4]). Д. Члены Общества И. А. Лопатинъ и Басничъ (первый во время годичнаго пребыванія въ Приморской области въ 1863—64 гг.) ознакомились съ горными богатствами въ особенности съ каменноугольными мѣсторожденіями на Суйфунѣ. Дѣя-

---

[1]) Статья А. Ф. Усольцева «Заханкайскій край» была помѣщена въ іюльской книжкѣ Морск. Сборника 1864 г.; статья Гамова въ Зап. Геогр. Общ. за 1862 г. кн. I и II. Послѣдняя впрочемъ очень малосодержательна.

[2]) Д. Чл. Общ. Будищеву была въ 1867 г. присуждена малая золотая медаль Общества, по рецензіи П. П. Семенова.

[3]) Статья его Новгородская гавань въ заливѣ Посьета была помѣщена въ VIII книжкѣ Записокъ Сибирс. Отдѣла, статья съ Русскаго берега во II книжкѣ Морскаго Сборника за 1862 годъ.

[4]) Объ изслѣдованіяхъ П. А. Гельмерсена см. Изв. И. Р. Г. О. 1868 г., Отд. II, стр. 189—192.

тельный чл. Сиб. Отд. горн. инж. Аносовъ также посѣтилъ для геологическихъ изслѣдованій Амурскую область и былъ въ 1863 г. на Сихота-Алинѣ и оз. Ханка [1]).

Въ 1867 г. чл. Сибирск. Отдѣла горн. инжен. Лопатинъ, возвратившійся изъ своихъ интересныхъ экспедицій въ Восточной Сибири (Витимской и Сахалинской), снова былъ посланъ генер. губернаторомъ для геологическихъ изслѣдованій ос. Сахалина и прибрежья Приморской области.

Недостатокъ въ лошадяхъ и затруднительность верховыхъ переѣздовъ по береговой полосѣ заставили Лопатина дѣлать большія пѣшеходныя путешествія по острову, къ которымъ уже не разъ прибѣгали Шмидтъ и Гленъ въ 1860—1862 гг. Не смотря на всю трудность подобныхъ путешествій, при малой населенности острова и необходимости нести на себѣ провизію, Лопатинъ сдѣлалъ однако въ 1867 и 1868 гг. около 1.600 верстъ, и изслѣдовалъ такимъ образомъ южную часть острова и часть до того совершенно неизвѣстнаго восточнаго берега.

Изслѣдованія въ южныхъ частяхъ Сахалина были сдѣланы преимущественно въ 1867 г. Выйдя въ этомъ году изъ русскаго поста Кусунай (на зап. берегу, подъ 48° с. ш.), Лопатинъ пересѣкъ островъ по дорогѣ, ведущей къ русскому же посту Мануэ, лежащему на вост. берегу, и отсюда тронулся къ ю. вдоль восточн. берега. Близъ селенія Тунайчи, извѣстнаго своею группою озеръ, онъ оставилъ берегъ моря, по японской дорогѣ пересѣкъ восточный Анивскій полуостровъ, и вышелъ къ селенію Кусунъ-Котанъ (въ зал. Анива). Сдѣлавъ изъ Кусунъ-Котана экскурсію къ русскому посту Муравьевскому, расположенному въ бухтѣ Буссе близь с. Тобоци, Лопатинъ отправился затѣмъ на западъ, вдоль берега зал. Анива, дошелъ почти вплоть до самой южной оконечности острова, т. е. до Ріотомари, гдѣ онъ пересѣкъ западный Анивскій полуостровъ и по западному берегу вернулся въ Кусунай.

Начало 1868 года было имъ также посвящено южному Сахалину. Въ февралѣ Лопатинъ прошелъ изъ Мануэ къ устью р. Оне-Най (Найбучи), гдѣ находится русскій постъ, и, поднявшись по ней, на ея лѣвыхъ притокахъ, сливающихся съ Соя-Сусунайскаго хребта, дѣлалъ развѣдки на золото, котораго впрочемъ не оказалось. Въ геологическомъ отношеніи Лопатину удалось собрать нѣкоторыя интересныя данныя.

Не лишены были интереса для Физической Географіи и наблюденія надъ количествомъ снѣга, выпадающаго въ этомъ хребтѣ и надъ уменьшеніемъ его глубины по мѣрѣ приближенія къ морскому берегу. Этотъ фактъ послужилъ новымъ подтвержденіемъ того, какія большія массы атмосферическихъ осадковъ выпадаютъ и на южн. Сахалинѣ.

Весною же 1868 года, именно въ апрѣлѣ, Лопатинъ еще разъ посѣ-

---

[1]) Статью его «озеро Ханкай» см. во II книжкѣ Запис. Имп. Русск. Геогр. Общ. за 1864 г.

тилъ южную часть Сахалина; т. е., дойдя изъ Кусуная до Мануэ, онъ пошелъ по восточному берегу до устья Оне-Ная, поднялся вверхъ по этой рѣкѣ вплоть до ея вершины, и отсюда направился къ с.-з., перевалилъ главный Сахалинскій хребетъ и вышелъ на западный берегъ острова у с. Куму-Ная (Тумо-ная), лежащаго верстахъ въ 25-ти южнѣе Кусуная. Часть пути по Оне-Наю, именно $2^1/_2$ дня, пройдена имъ на лодкѣ, причемъ рѣка оказалась судоходною для лодокъ вплоть до подножія хребта. Въ это путешествіе сдѣланы въ вершинахъ Оне-Ная развѣдки каменнаго угля.

Сдѣлавъ еще одну экскурсію вдоль по западному берегу до сел. Утасу, Лопатинъ сталъ приготовляться къ большому путешествію на восточный берегъ острова. 20 мая онъ выступилъ въ походъ съ 5-ю человѣками, которые несли на себѣ припасы, необходимые для того, чтобы дойти до оз. Тарайки; здѣсь же были въ продолженіе зимы заготовлены припасы для дальнѣйшаго путешествія до с. Унну, расположеннаго на восточномъ берегу.

Переходъ изъ Кусуная въ Мануэ и изъ Мануэ — по плоскому прибрежью до устья рч. Сиськи, впадающей въ заливъ Терпѣнія, не представляло особаго интереса. Населеніе сосредоточивалось только около Мануэ и на протяженіи 25 вер. къ с. до Мугунъ-Котана, а за тѣмъ до сел. Сиськи берегъ былъ незаселенъ. Близъ селенія Сиськи вливается въ заливъ р. Поронай, или Нева, составляющаяся изъ нѣсколькихъ рѣчекъ, имѣющихъ одно общее устье. Въ концѣ мая, въ іюнѣ и іюлѣ, въ этомъ лиманѣ собирается довольно большое пришлое населеніе изъ аиновъ, гиляковъ, ороковъ (тунгузскаго племени; они сами называютъ себя ороками) и японцевъ, приходящихъ на джонкахъ изъ Японскаго архипелага. Лиманъ удобенъ какъ для ловли рыбы, такъ и для стоянки судовъ, такъ какъ джонки входятъ въ устье рѣки. Плаваніе затрудняется только частыми туманами. Уловъ рыбы бываетъ здѣсь очень значителенъ, и рыба мѣстными жителями большею частію сушится, японцами же солится, для чего они привозятъ соль съ собою, оставляя лишніе запасы соли и рыболовныя снасти въ особыхъ сараяхъ. Японцы приняли Лопатина очень дружелюбно, зазвали къ себѣ, угощали и старались вступить въ разговоры, при помощи переводчика, знавшаго англійскій языкъ.

Придя въ Сиську, Лопатинъ обратилъ главное вниманіе на отысканіе вожака, за которымъ, конечно, обратился къ орокамъ. Они приняли его весьма дружелюбно и показывали, что до устья Тыйме 10 дней хода, но идти туда никто не рѣшался; вообще вост. берегъ вовсе не посѣщался, такъ какъ сообщеніе между заливомъ Терпѣнія и устьемъ Тыйме, совершалось зимою на нартахъ, по рр. Невѣ и Тыйме, отдѣленнымъ другъ отъ друга низкимъ пологимъ водораздѣломъ. Во всякомъ случаѣ, сближеніе съ ороками было весьма полезно для Лопатина, такъ какъ отъ нихъ, особенно отъ одного старика Сакуано, онъ получилъ много полезныхъ указаній относительно страны, которую предстояло изслѣдовать. Впослѣдствіи одинъ орокъ изъ с. Тарайки, рѣшившійся съ голода попользоваться припасами Лопа-

тика, взялся, чтобъ загладить свою вину, проводить его на нѣкоторой части пути, т. е. до устья р. Нальджиманъ, впадающей въ Охотское море на в. отъ перевала Нокоро.

Переходъ отъ Сиськи до Тарайки Лопатинъ совершилъ по берегу моря. Селеніе Тарайки, гдѣ живутъ тунгусы и аины весьма интересно въ археологическомъ отношеніи. Оно все построено на песчаныхъ буграхъ, въ которыхъ, на протяженіи около 300 саж., по берегу, видно множество ямъ, представляющихъ остатки землянокъ, имѣвшихъ до 2 саж. въ квадратѣ и менѣе, и въ то время совершенно обвалившихся. Слѣды народа, населявшаго эти землянки, найдены Лопатинымъ въ довольно большомъ количествѣ, въ видѣ обломковъ глиняной посуды и каменныхъ топоровъ, выдѣланныхъ изъ галекъ трапповыхъ породъ. Топоры были совершенно сходны съ датскими, изображенными у Луббока. Многіе изъ нихъ совершенно отдѣланы, другіе только отчасти, такъ что по всей вѣроятности они тутъ-же и выдѣлывались. Мѣстное преданіе говоритъ, что они принадлежали народу Тойзи, который нѣкогда населялъ эти мѣста, а потомъ ушелъ на сѣверъ. И замѣчательно, что преданіе объ этомъ народѣ распространено по всей посѣщенной Лопатинымъ части Сахалина; ему же приписываютъ остатки землянокъ, находимые у Мугунъ-Котана (въ заливѣ Терпѣнія), у м. Сирароро и вѣроятно встрѣчающіеся и въ другихъ мѣстахъ.

Отъ Тарайки до устья Нокоро, Лопатинъ продолжалъ идти берегомъ, причемъ встрѣчалъ здѣсь въ обнаженіяхъ только новѣйшія образованія. При устьѣ Нокоро, береговая полоса была оставлена, и партія, состоявшая изъ 5 человѣкъ русскихъ, одного тунгуса и одного молодаго гиляка, пошла вверхъ по Нокоро, чтобы перевалить на вост. берегъ острова. Первые три часа были пройдены на лодкѣ; затѣмъ продолжали идти пѣшкомъ. Переходъ отъ устья рч. Нокоро (впад. въ зал. Анива) до устья рч. Джимданге (притокъ Охотскаго моря), по гилякски называемой Ій, былъ сдѣланъ въ $2^1/_2$ дня. Торной дороги на этомъ перевалѣ нѣтъ, но мѣстами видна тропинка, по которой зимою сообщеніе совершается на нартахъ. Перевалъ не высокъ и не крутъ, и весь густо заросъ хвойнымъ лѣсомъ. Въ обнаженіяхъ встрѣчены только рухляки безъ ископаемыхъ.

Перейдя рч. Джимданге въ бродъ, Лопатинъ дошелъ до рч. Нальджиманъ и нашелъ здѣсь послѣднее, къ тому же временное, жилье на вост. берегу,—т. е. одну орокскую юрту. До этого мѣста дошли тунгусъ-вожакъ и гилякъ; напрасно старался Лопатинъ уговорить кого нибудь изъ ороковъ идти съ ними далѣе,—никто не пошелъ; даже на разспросы отвѣчали неохотно, и только тогда, когда убѣдились, что партія пойдетъ безъ вожака, рѣшились разсказывать о дальнѣйшемъ пути.

Такимъ образомъ, 10 іюня Лопатинъ выступилъ въ дальнѣйшій путь по вост. берегу, безъ вожака, въ сопровожденіи четырехъ русскихъ, несшихъ на себѣ провизію. Запасъ ея былъ не великъ,—8 іюня на всю пар-

тію изъ 5 человѣкъ оставалось только $2^1/_2$ пуда сухарей, и этого запаса, какъ оказалось впослѣдствіи, должно было хватить на весь путь до Дуэ.

Хотя на картѣ Сахалина и были показаны селенія между мысами Беллингсгаузена и Делиль-де-ля-Кройеръ, но оказалось, что на всемъ протяженіи отъ Нальджимана до Чжамъ-Во (Джамуа),—ничтожнаго селенія, расположеннаго верстахъ въ двадцати отъ этого послѣдняго мыса,—весь берегъ былъ необитаемъ. Только кое-гдѣ, передъ м. Делиль, замѣчены признаки прежнихъ аинскихъ или гилякскихъ жилищъ. Это безлюдье восточнаго берега объясняется, крайне невыгодными климатическими условіями и скудостью естественныхъ произведеній. Даже и въ юртѣ Нальджиманъ и сел. Чжамъ-во Лопатинъ встрѣтилъ крайнюю бѣдность; въ послѣднемъ селеніи едва можно было добыть нѣсколько юколы. Только нерпичій промыселъ довольно хорошъ, такъ какъ весь вост. берегъ изобилуетъ нерпами (и китами); партіи удалось впрочемъ убить дорогою только одну нерпу, а другую — найти мертвою на берегу.

Миновавши м. Делиль, Лопатинъ уже разстался съ горами, которыя отходятъ далеко отъ моря, на разстояніе около $1^1/_2$ дня ходьбы (20—30 верстъ). Отсюда начинается низменное прибрежье, покрытое озерами. Вблизи мыса, эти озера обратились уже въ континентальныя, такъ какъ ихъ протоки къ морю замыты песками; далѣе они сохраняютъ свои протоки, достигающія значительной ширины, содержатъ полусолоноватую воду, и есть основаніе думать, что суда могутъ входить въ нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. Уллу и Милькуо, достигающіе до 20—30 верстъ въ длину. Между озерами тянутся низменныя мѣста, называемыя *марь*; это — песчаныя низменности, покрытыя песчаными же валами, идущими параллельно берегу, и поросшія мохомъ, ягодами и низкими искривленными лиственницами.

Въ $1^1/_2$ дняхъ пути отъ м. Делиля попалось первое (гилякское) селеніе Чжамъ-Во; а за тѣмъ, начиная отсюда, до устья Тыйме, расположено было, преимущественно на берегу озеръ, нѣсколько гилякскихъ и тунгусскихъ селеній, изъ которыхъ наибольшія, Улло и Милькуо,—состояли изъ десятка дворовъ. Главное занятіе жителей составляла конечно ловля рыбы, которою очень богаты эти озера, и нерпичій промыслъ. Берега обилуютъ нерпами, заходящими и въ озера, и китами.

Лопатинъ, послѣ очень труднаго перехода по берегу, дошелъ до Чжамъ-Во 18 іюня, и, отдохнувъ здѣсь два дня, пошелъ далѣе, по берегу же. Не дойдя около 25 верстъ до устья Тыйме, именно у Милькуо, онъ своротилъ вглубь страны, и по рч. Нгабиль, притоку Милькуо, поднялся на водораздѣлъ, отдѣляющій притоки Охотскаго моря отъ бассейна Тыйме. Водораздѣлъ довольно высокъ, т. е. достигаетъ приблизительно до 600 м. (2.000 ф.) и весь, вплоть до верха, густо заросъ лѣсомъ. Только отдѣльныя вершины выходили за предѣлъ распространенія древесной растительности. Лѣсъ здѣсь исключительно хвойный; бамбуковыхъ кустарниковъ, покрывающихъ западные Сахалинскіе хребты, здѣсь не встрѣчено, хотя, какъ

извѣстно, въ западныхъ хребтахъ они встрѣчаются гораздо сѣвернѣе. Это общее отличіе восточныхъ хребтовъ: на нихъ не встрѣчается бамбука даже на перевалѣ изъ Буссе на восточный берегъ.

27 іюня партія вышла наконецъ на р. Тыйме, къ деревнѣ Плебъ-Во (Пиль-во). Эта рѣка, шириною въ этомъ мѣстѣ до 60 метр. (30 саж.), течетъ здѣсь въ широкой, болотистой долинѣ, густо-поросшей лѣсомъ; мѣстами она ударяется въ утесы, обнажая песчаники, совершенно сходные по литологическимъ и палеонтологическимъ признакамъ съ тѣми, которые въ окрестностяхъ Дуэ (въ Аркай-во) содержатъ каменный уголь; въ нихъ есть даже тонкіе прослойки каменнаго угля. По берегамъ Тыйме, которая весьма богата рыбою, расположенъ цѣлый рядъ селеній, жители которыхъ занимаются рыбнымъ и звѣринымъ промысломъ: на бѣлку, соболя и т. п. Болотистый и лѣсистый характеръ этой долины дѣлаютъ ее едва ли удобною для хлѣбопахатныхъ поселеній; расчистка покрывающихъ ее густыхъ лѣсовъ должна представить большія затрудненія.

28 іюня Лопатинъ оставилъ Тыйме, и по перевалу Пурмримъ или Пурми перешелъ на рч. Мграчъ-Балъ, притокъ Японскаго моря. Въ общихъ чертахъ, этотъ перевалъ сходенъ съ предъидущимъ. Подъемъ на него очень пологъ; но спускъ, который въ три раза короче подъема, очень крутъ.

30 іюня партія вышла уже на берегъ Японскаго моря, у сел. Мангинай, и 2 іюля была уже въ Дуэ.

Главнымъ практическимъ результатомъ экспедиціи Лопатина было обслѣдованіе всѣхъ въ то время извѣстныхъ на Сахалинѣ залежей каменнаго угля [1]). Научные же географическіе результаты путешествія Лопатина были не менѣе значительны. Дневники его содержали богатый матерьялъ геологическихъ, метеорологическихъ и этнографическихъ данныхъ. Во время описаннаго путешествія Лопатина занимались еще на Сахалинѣ научными изслѣдованіями Члены Сибирскаго Отдѣла: маіоръ Депрерадовичъ, производившій цѣлый рядъ метеорологическихъ наблюденій въ Кусунаѣ и этнографическія изслѣдованія объ Айнахъ и медикъ Добротворскій, собиравшій много разнообразныхъ данныхъ для полнаго описанія острова.

Но самымъ интереснымъ изслѣдователемъ Приморско-Усурійскаго края, въ концѣ разсматриваемаго періода, явился одинъ новый дѣятель Географическаго Общества, стяжавшій себѣ въ послѣдующемъ періодѣ громкую славу своими путешествіями и изслѣдованіями.

Вступленіе его въ ряды дѣятелей Географическаго Общества было далеко не заурядно. Въ 1866 году къ Предсѣдательствующему въ Отдѣленіи Физической Географіи П. П. Семенову явился молодой еще офицеръ, съ предложеніемъ

---

[1]) Мѣсторожденій этихъ было семь: на восточн. берегу въ 20 вер. къ з. отъ Мануэ (у сел. Могунъ-Котанъ) и въ 7 вер. къ ю. отъ Мануэ (въ Сирараро); на зап. бер. въ 15 вер. къ с. отъ Кусуная (мысъ Эбисіи) и въ 40 вер. къ югу отъ него (Отеккоро), а также въ верш. рч. Нетора; наконецъ еще въ вершинахъ р. Оненая и въ Очехпоно въ зал. Мордвинова.

о томъ, чтобы Географическое Общество снарядило его въ экспедицію для изслѣванія Центральной Азіи. Это былъ штабсъ-кап. Н. М. Пржевальскій занимавшій до того скромное мѣсто завѣдывающаго военною школою въ Царствѣ Польскомъ.

Достаточно было поговорить съ этимъ человѣкомъ чтобы убѣдиться, что въ предпріимчивости, энергіи и отвагѣ у него не было недостатка. Страстный охотникъ, онъ очевидно былъ и хорошимъ орнитологомъ, да и вообще обнаруживалъ большую склонность къ естественно-историческимъ наукамъ и проявлялъ большую наблюдательность, всегда свойственную хорошему натуралисту, но никакихъ научныхъ заслугъ въ области географическихъ наукъ за нимъ тогда еще не было. Предсѣдательствующій Отд. Физической Географіи откровенно высказалъ ему это, объяснивъ, что хотя снаряженіе экспедиціи въ Центральную Азію и было излюбленнымъ стремленіемъ въ средѣ Географическаго Общества, но едва ли Совѣтъ Общества рѣшится поручить такую экспедицію лицу ничѣмъ еще себя не заявившему, да и притомъ Общество, истощая всѣ свои средства на окончаніе своей Сибирской экспедиціи, еще не имѣетъ никакой возможности помышлять о снаряженіи экспедиціи во Внутреннюю Азію. Поэтому П. П. Семеновъ совѣтовалъ молодому будущему путешественнику прежде всего испытать свои силы на обслѣдованіи въ географическомъ и естественно-историческомъ отношеніи того, въ то время мало извѣстнаго края, который, поступивъ во владѣніе Россіи, обращалъ на себя всеобщее вниманіе, а именно Усурійскаго. При этомъ П. П. Семеновъ обѣщалъ Н. М. Пржевальскому, что если онъ исполнитъ свою задачу вполнѣ удовлетворительно и проявитъ свои таланты какъ путешественникъ и естествоиспытатель, то Отдѣленіе Физической Географіи уже позаботится о его снаряженіи въ экспедицію въ Центральную Азію.

Н. М. Пржевальскій съ благодарностью вспоминалъ впослѣдствіи объ этихъ переговорахъ, которые, хотя и не могли удовлетворить въ данную минуту его пылкимъ стремленіямъ, но имѣли рѣшительное вліяніе на всю дальнѣйшую его дѣятельность. Съ свойственною ему энергіею и настойчивостью, онъ добился того, что его откомандировали, въ качествѣ офицера Главнаго Штаба, въ распоряженіе генералъ-губернатора Восточной Сибири М. С. Карсакова, къ которому П. П. Семеновъ, бывшій его другомъ съ дѣтскихъ лѣтъ, далъ Н. М. Пржевальскому самую теплую рекомендацію, вслѣдствіе чего, по пріѣздѣ Пржевальскаго въ Иркутскъ, М. С. Карсаковъ, встрѣтивъ особенно привѣтливо горячо рекомендованнаго ему будущаго путешественника, далъ ему командировку въ южно-Усурійскій край, а Сибирскій Отдѣлъ поручилъ ему, по его вызову, собираніе естественно-историческихъ коллекцій, для каковой цѣли Пржевальскій взялъ съ собою особаго препаратора.

8 іюля 1867 г. Пржевальскій уже прибылъ въ стан. Казакевичеву на Усури и, послѣ сдѣланной экскурсіи на вершину хребта Хехцыръ, потянулся на лодкахъ вверхъ по Усури до станицы Буссе, тщательно изучая жизнь животныхъ на берегу рѣки. Изъ станицы Буссе онъ отправился уже

на пароходѣ на озеро Ханка, куда и прибылъ до 28 авг., дѣлая ботаническіе, энтомологическіе и орнитологическіе сборы.

Оставивъ Ханка Пржевальскій проѣхалъ по долинамъ Лефу и Суйфуна въ Владивостокъ, а оттуда въ заливъ Посьета и до корейской границы, и провелъ два осеннихъ мѣсяца въ изслѣдованіяхъ не только окрестностей залива, но и всего побережья отъ корейской границы до заливовъ Св. Ольги и Св. Владиміра. Особенное вниманіе обратилъ онъ на долину Сучана на 70 верстномъ ея протяженіи, а также и на долины другихъ рѣкъ: Сидеми, Монгучай, Цыму-Хэ, Та-Уху, Пхусунъ и Тазешу, вдоль которыхъ имѣлись площади и мѣста, по свойству своей почвы, удобныя для земледѣлія. Само собою разумѣется что для охоты за тиграми, оленями и другими животными Пржевальскому представлялось не мало случаевъ, которыми онъ широко и воспользовался для самаго обстоятельнаго изученія природы страны, что дало ему возможность дать впослѣдствіи полную картину органической жизни этой страны, съ указаніемъ на ея естественныя богатства и отношенія къ нимъ человѣка.

Проведя зиму 1867—1868 г. въ Николаевскѣ, Пржевальскій, независимо отъ служебныхъ своихъ занятій, занялся научною обработкою собранныхъ имъ въ 1867 г. матерьяловъ, но уже въ февралѣ снова отправился въ Усурійскій край, для того чтобы на озерѣ Ханка наблюдать весенній пролетъ птицъ и вообще весеннее пробужденіе природы. При истокѣ изъ озера р. Сунгачи Пржевальскій прожилъ до мая, а затѣмъ съ половины мая до половины іюля проблуждалъ большею частью пѣшкомъ въ западной и южной части Ханкайскаго бассейна, изыскивая, посреди лѣсныхъ дебрей, новые пути сообщенія. Затѣмъ Пржевальскій сопровождалъ еще ген.-ад. Скалкова во время его поѣздки по Усурійскому краю и уже глубокою осенью вернулся въ Иркутскъ, а въ началѣ 1870 года возвратился и въ Петербургъ, гдѣ и издалъ въ теченіе года, на собственный счетъ, свою превосходную книгу „Путешествіе въ Усурійскомъ краѣ“, давшую ему, какъ мы увидимъ въ одной изъ послѣдующихъ главъ, право на осуществленіе Русскимъ Геогр. Обществомъ его завѣтной мысли — снаряженіе его въ путешествіе во Внутреннюю Азію.

ГЛАВА XVI.

Остальныя экспедиціи и изслѣдованія, совершонныя Географическимъ Обществомъ, его Сибирскимъ Отдѣломъ и ихъ Членами въ предѣлахъ Восточной Сибири.

По окончаніи дѣйствій Математическаго Отдѣла Сибирской Экспедиціи, Сибирскій Отдѣлъ задумалъ немедленно приступить къ пополненію оставленныхъ ею пробѣловъ въ изслѣдованіяхъ Витимскаго края, но недостатокъ денежныхъ средствъ заставилъ его отложить это предпріятіе до болѣе благопріятнаго случая. Случай этотъ представился только въ 1865 году, когда Оберъ-Квартмейст. Штаба Сиб. войскъ и чл. Сибирск. Отд. Е. А. Симоновъ испросилъ разрѣшенія Покровителя Отдѣла (ген.-губ. М. С. Карсакова) командировать на Витимъ, для съемки его долины, одного топографа съ тѣмъ, чтобы съемку эту соединить съ учеными изслѣдованіями Сибирскаго Отдѣла и отнести расходы по экспедиціи на средства Отдѣла и Главнаго Штаба. Такимъ образомъ и состоялась *Витимская экспедиція*, во главѣ которой былъ поставленъ Д. Чл. Общ. горн. инжен. Лопатинъ, уже извѣстный Географическому Обществу своими геологическими изысканіями въ Амурской области.

Лопатину поручено было начать свое путешествіе съ устья р. Аргады, впадающей въ Баргузинъ, изслѣдовать теченіе Аргады, перевалить затѣмъ къ вершинѣ Витима, по которому и слѣдовать до впаденія въ него съ пр. стороны р. Золы. Сдѣлавъ съемку Золы, до ея вершины, экспедиція должна была осмотрѣть водораздѣлъ между Витимомъ и вершинами р. Байцагана, впадающаго въ Больш. Амалатъ, а затѣмъ слѣдовать долиною этой рѣки, до впаденія ея въ Цыпу, а Цыпою выйти на Витимъ. Потомъ экспедиція должна была пройти вверхъ по Витиму до впаденія въ него Киренги, возвратившись отсюда удобными путями къ устью р. Амалата, слѣдовать Цыпою до впаденія въ нее р. Олинды и долиною этой послѣдней выйти на р. Толой, а по этой рѣкѣ и по Ципикану вернуться на Баргузинъ ближайшею дорогою, проложенною золотопромышленниками.

Въ исполненіе этой задачи Лопатинъ выѣхалъ изъ Иркутска 18 апрѣля 1865 г., сопутствуемый топографомъ, которому поручалось вести гла-

зомѣрную съемку всего бассейна верхней части Витима. 24 апр. Лопатинъ уже былъ въ Баргузинѣ и прожилъ въ городѣ до 18 мая, выжидая, когда окончательно стаютъ снѣга на перевалѣ съ вершинъ Аргады на Витимъ. Но, желая провѣрить показанія жителей, Лопатинъ сдѣлалъ попытку перевалить одинъ изъ хребтовъ, раздѣляющихъ долину Баргузина отъ Байкала. У подошвы этого хребта, Чивиркуя, на солнечной сторонѣ, путешественникъ видѣлъ цвѣтущіе кустарники, между тѣмъ какъ на вершинѣ перевала дѣйствительно лежали еще сугробы снѣга. Кромѣ этой поѣздки, Лопатинъ дѣлалъ экскурсіи по окрестностямъ Баргузина, съ цѣлію геологическаго осмотра ихъ, а также для развѣдокъ могилъ Баргутовъ, нѣкогда населявшихъ Баргузинскій край.

18 мая отрядъ Лопатина тронулся въ путь, направляясь долиною Баргузина къ устью р. Аргады. На пути къ Аргадѣ, Лопатинъ осмотрѣлъ холодный минеральный ключъ Эпигина, который вытекаетъ изъ трещинъ скалы. Близь устья Аргады былъ расположенъ Бурятскій дацанъ (ламайскій монастырь), отъ котораго отрядъ направился 26 мая вверхъ рѣчки Аргады. Въ послѣднемъ бурятскомъ улусѣ Лопатинъ нашелъ себѣ проводника на Витимъ. Отрядъ его въ это время состоялъ изъ топографа, казака, одного баргузинскаго мѣщанина и трехъ бурятъ. Вершина Аргады была неприступна для прохода лошадьми, а потому на перевальный хребетъ экспедиція поднялась съ большимъ затрудненіемъ съ вершинъ Аргуткана, притока Аргады. На верхнихъ склонахъ хребта виднѣлся одинъ только сланникъ, кустарничный кедровникъ, а самая вершина была обнажена; слѣдующія горы, составляющія перевальный хребетъ, имѣли видъ холмовъ, на которыхъ не было растительности, а въ лощинахъ даже лежалъ глубокій снѣгъ. Термометръ въ продолженіи двухъ дней перевала днемъ показывалъ $+9^{\circ}$, а ночью вода въ стаканѣ замерзала. Видъ окружающей мѣстности наводилъ уныніе на путешественника. Спустившись съ хребта, съ новымъ проводникомъ, Лопатинъ слѣдовалъ до озеръ р. Джилинды, а потомъ по стоку ихъ до вершины Витимкана. По соединеніи съ р. Чикой, Витимканъ уже принимаетъ названіе Витима.

По притокамъ Витимкана вездѣ было золото въ новѣйшихъ рыхлыхъ наносахъ, но не богатаго содержанія. На пріиски, расположенные по р. Чинѣ, отрядъ Лопатина пришелъ 25 іюня, встрѣтивъ тамъ весьма радушный пріемъ. Пріиски расположены были по двумъ притокамъ рч. Чины -- Сиво и Сивокану. Во время пребыванія на пріискахъ Лопатинъ ѣздилъ съ топографомъ на вершину Чины. Вершина эта была почти безводна, потому что снѣгъ въ этихъ мѣстахъ скоро стаиваетъ, и вѣчно-мерзлая почва, укрытая мхомъ и тундрою, не таетъ и не даетъ воды; оттого и дождевая вода не всасывается, а быстро скатывается въ рѣчки. Отъ такого безводія пріиски много терпятъ. Отъ устья Чины Витимъ шелъ на ю.-з. Въ широкихъ мѣстахъ долины путешественникъ встрѣтилъ осадочные пласты съ отпечатками растеній и стволовъ ихъ. Расширеніе долины Витимкана начинается съ устья р. Джилинды, послѣ того какъ Витимъ про-

рывается сквозь мраморное ущелье и течетъ уже по долинѣ, имѣющей ширины до 4 верстъ.

Близъ Джилинды былъ расположенъ бурятскій улусъ. На протяженіи отъ устья Чины до устья Джилинды, отрядъ Лопатина заходилъ во всѣ притоки Витима, для топографической съемки. Такъ какъ по малымъ притокамъ не встрѣчалось замѣчательныхъ обнаженій, то, чтобъ не стѣснять топографа при его съемкѣ, которую онъ былъ обязанъ вести по всѣмъ безъ исключенія притокамъ, Лопатинъ отдѣлился отъ него.

Первоначально путь Лопатина лежалъ по рч. Кидимидъ. Съ вершины Кидимида онъ перевалилъ на р. Зазу, изобилующую лугами. Обнаженія встрѣчались рѣдко и состояли изъ чернозема, гранитныхъ обломковъ и лавъ. Окрестности Соловьевскаго зимовья, расположеннаго близъ р. Кысеха, представляли поразительную разность въ строеніи лавъ. Слои песчаниковъ повсюду содержали отпечатки растеній. Ниже устья Зазы, на правомъ берегу Витима, вытекалъ изъ бугра глинистаго сланца сѣрнистый ключъ, которымъ пользуются буряты, признавая его цѣлебныя качества. На устьѣ Зазы Лопатинъ былъ 12 августа. Въ этомъ мѣстѣ находилась резиденція К°. Соловьева, Пермикина и Катышевцева. Здѣсь путешественникъ прожилъ 3 дня, а затѣмъ, переваливъ водораздѣльный хребетъ онъ спустился на р. Алянгу, текущую въ промежуткѣ между Кидимидомъ и Зазою. Далѣе путь Лопатина продолжался хребтомъ, потому что между устьями Зазы и Алянги Витимъ идетъ въ ущельѣ, въ которомъ только зимою по льду пробираются обозы съ кладью. Отъ Алянги Лопатинъ возвратился долиною Витима къ устью Джилинды. Отсюда онъ перешелъ къ с.-в., на золотые пріиски, расположенные по рч. Ауникъ, одному изъ притоковъ Амалата.

Поднявшись изъ ущелья на плоскую возвышенность, путешественники, за неимѣніемъ хорошаго проводника, должны были слѣдовать по указанію компаса на с.-в., и такимъ образомъ вышли къ большому Амалату и, направившись внизъ по нему, нашли торную тропинку съ слѣдами оленей; слѣдуя по ней, они спустились къ долинѣ малаго Амалата.

25 августа Лопатинъ пріѣхалъ на пріискъ по р. Аунику и пробылъ здѣсь до 30 авг., а потомъ пустился на Цыпиканъ, къ пріиску Пермикина. Мѣстность по Ципикану, по словамъ Лопатина, весьма интересна для золотопромышленника и геолога, но, къ сожалѣнію, позднее время не позволило ему обстоятельно и подробно обслѣдовать ее. Съ Ципикана путешественникъ направился къ озеру Баунтъ и далѣе къ пріиску К° Кандинскаго, куда и прибылъ 12 сентября. Отсюда онъ сталъ пробираться на в. къ Витиму, къ которому и вышелъ чрезъ 8 дней. Лопатинъ, по барометрическимъ наблюденіямъ, замѣтилъ, что пройденная мѣстность понижается къ востоку и устье Бомбуйко лежитъ на одной высотѣ съ г. Баргузинымъ, и что пространство между этими двумя пунктами, по прямой линіи 400 верстъ, составляетъ сплошную возвышенность, постепенно понижающуюся къ Витиму.

На всемъ пространствѣ отъ пріисковъ Баунтовской К° до Витима открывалась золотоносность.

На обратномъ пути къ пріиску, Лопатину пришлось встрѣтить не мало затрудненій отъ выпавшаго въ тайгѣ на $^1/_2$ арш. снѣга, вслѣдствіе чего на Итыгдыканъ онъ едва могъ добраться къ 29 сентября.

Проживъ двѣ недѣли для поправленія разстроеннаго здоровья, Лопатинъ направился чрезъ р. Бугарикту и вершины Цыпы къ ближнимъ къ тайгѣ кочевьямъ Баргузинскихъ бурятъ. Достигнувъ ихъ 18 октября, путешественникъ направился внизъ по Баргузину, осмотрѣвъ по пути горячія воды Агойскія и Аллинскія. Только 23 октября Лопатинъ прибылъ въ г. Баргузинъ. Отсюда онъ сдѣлалъ еще поѣздку въ с. Урро, а оттуда на Уринскія минеральныя воды. Температура Аллинскихъ водъ оказалась до $+70^0$ Р., Уринскихъ—до$+46^0$ Р.

Изъ с. Урро Лопатинъ съѣздилъ на теплое озеро, находящееся почти на срединѣ долины Баргузина, въ 30 вер. отъ русла рѣки. Температура его оказалась только$+12^1/_2{}^0$. По дорогѣ между Урро и Суво залегаютъ гуджирныя озера (соленыя). Возвратившись въ Баргузинъ 1 ноября, Лопатинъ отправился въ Иркутскъ, куда и прибылъ 10 ноября.

Кромѣ геологическихъ изслѣдованій Лопатинъ собралъ краткія этнографическія замѣтки, на сколько позволило мимолетное знакомство съ туземцами. Между прочимъ онъ замѣтилъ, что Орочоны, обитатели Верхне-Витимской тайги, которыхъ въ то время считалось не болѣе 300 душъ, замѣтно вымираютъ, частью отъ болѣзней, а частью отъ недостатка пропитанія, потому что звѣрь, — исключительное средство ихъ существованія, уменьшается, и единственнымъ средствомъ къ дальнѣйшей поддержкѣ ихъ оставалось наниматься въ работы на золотыхъ пріискахъ; нѣкоторые же изъ нихъ выказывали склонность завести скотоводство. Главная работа ихъ для пріисковъ состояла въ томъ, что они косили сѣно и заготовляли дрова, а въ этомъ отношеніи они трудолюбивѣе и склоннѣе къ работѣ, чѣмъ Енисейскіе тунгусы.

Изъ изслѣдованій Лопатина оказалось, что вершины р. Витима занимаютъ большую часть Баргузинскаго округа и протекаютъ по сплошной возвышенности, имѣющей отъ 3 до 5 т. фут. высоты надъ уровнемъ моря. Окраина этой возвышенности, называемая Байкальскими горами, покрыта снѣгомъ до конца мая. Вообще, вся сплошная Витимская возвышенность имѣетъ столь холодный климатъ, что только въ теченіе лѣтняго одного мѣсяца не бываетъ тамъ заморозковъ или не падаетъ инеевъ. Земля на глубинѣ 1—2 аршинъ тамъ вѣчно замерзшая.

Скотоводческой жизни Витимская сплошная возвышенность болѣе благопріятствуетъ, чѣмъ хлѣбопашеству, котораго опыты уже были сдѣланы золотопромышленниками, но хлѣбъ замерзалъ, между тѣмъ какъ луговыхъ мѣстъ весьма достаточно. Тайга преимущественно состояла изъ листвени, рѣдко достигавшей даже 6 вершковъ въ обрубѣ; сосновые лѣса были рѣдки, ель встрѣ-

чалась въ очень немногихъ мѣстахъ. Барометрическія наблюденія, произведенныя Лопатинымъ, дали высоты вершинъ Витимской сплошной возвышенности.

Здѣшнія золотыя розсыпи залегаютъ исключительно на древнихъ метаморфическихъ породахъ, отъ разрушенія которыхъ они произошли. Тамъ, гдѣ обломки и гальки розсыпей не заключаютъ въ себѣ метаморфическихъ породъ, золота не встрѣчено. Обиліе кварцевыхъ жилъ и здѣсь совмѣстно съ богатствомъ розсыпей, а тамъ, гдѣ золотыя розсыпи здѣшняго края самыя богатыя, кварцевыхъ жилъ наиболѣе.

Лопатинъ вынужденъ былъ отложить обработку собранныхъ матерьяловъ, въ видѣ геологическихъ дневниковъ, картъ, разрѣзовъ и 1.300 экземпляровъ коллекцій горныхъ породъ, рудъ и минераловъ, потому что былъ командированъ вскорѣ по своемъ возвращеніи въ Туруханскую экспедицію, а большая часть его коллекцій 1865—66 г. не была еще доставлена въ Иркутскъ.

Нижняя часть Енисейскаго бассейна, а именно Туруханскій край Енисейскаго округа, обращала на себя вниманіе Сибирскаго Отдѣла съ самаго начала разсматриваемаго періода. Чл. Отд. Мордвиновъ (Енисейск. окружн. начальникъ) уже въ 1857 г. предпринималъ въ этомъ краѣ замѣчательныя поѣздки: одно плаваніе вверхъ по Турухану на 500 вер. до Янова стана, другое отъ Туруханска внизъ по Енисею на 800 вер. до Толстаго мыса, а наконецъ сухопутную поѣздку на Хатангу въ 1.500 вер. отъ Туруханска, на Пясинское озеро, рѣки Пясину, Дубыпту, Боганиду и Хэту, въ область тундръ, залегающихъ между этими бассейнами; при этомъ Мордвиновъ обращалъ преимущественно вниманіе на вопросы этнографическіе. Затѣмъ съ 1858 года началъ заниматься этнографическимъ изслѣдованіемъ въ Туруханскомъ краѣ медикъ Кривошапкинъ, первая статья котораго въ 1863 г. была напечатана въ IV кн. Зап. Сиб. Отд. Но самымъ капитальнымъ трудомъ, по изслѣдованію быта жителей Енисейскаго округа былъ увѣнчанный малою золотою медалью Общества трудъ Кривошапкина „Енисейскій округъ и его жизнь“, изданный Геогр. Обществомъ, въ его „Запискахъ“ въ 1863 году.

Туруханская экспедиція Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества возникла слѣдующимъ образомъ. Въ началѣ 1866 г. Енисейскіе золотопромышленники—Кузнецовъ, Рябиковъ, Токаревъ и Григорьевъ, сочувствуя предпріятіямъ Сибирскаго Отдѣла, пожертвовали ему 1.800 руб., съ тѣмъ, чтобы на эти средства была снаряжена лѣтомъ 1866 г. ученая экспедиція въ Туруханскій край; компанія же Енисейскаго пароходства вызвалась безвозмездно доставить экспедицію на своемъ пароходѣ къ устью р. Енисея и обратно въ Енисейскъ. Сибирскій Отдѣлъ поручилъ начальство надъ этою экспедиціею и геологическія изысканія возвратившемуся изъ Витимской экспедиціи Д. Чл. Общ. горному инженеру Лопатину.

Въ качествѣ этнографа и статистика изъявилъ желаніе участвовать въ экспедиціи извѣстный талантливый писатель Щаповъ. Лопатинъ 2-й принялъ на себя трудъ вести при экспедиціи фотографическія работы, а топографъ Андреевъ,—топографическія. Кромѣ того бывшій начальникъ физическаго От-

дѣла Сибирской экспедиціи Д. Чл. Общ. Ѳ. Б. Шмидтъ, по назначенію Академіи Наукъ прибывшій въ Туруханскій край, для осмотра открытаго тамъ остова мамонта, вызвался принять участіе въ экспедиціи по части естествознанія. Наконецъ въ экспедиціи принялъ на себя метеорологическія наблюденія г. Мерло.

Такимъ образомъ, туруханская экспедиція, по своему составу, по отдаленности и по обширному пространству изслѣдуемаго края, должна была возбудить общее любопытство, и Отдѣлъ и въ эту экспедицію внесъ свою посильную лепту, ассигнововъ къ пожертвованной суммѣ еще 800 руб., которыхъ недоставало по составленной смѣтѣ.

Распорядительный Комитетъ Отдѣла сознавая значеніе этой экспедиціи, составилъ особую коммиссію для обсужденія всѣхъ способовъ, могущихъ послужить къ удобнѣйшему и лучшему выполненію требуемыхъ отъ экспедиціи работъ. Коммисія и Комитетъ пришли къ заключенію, что нельзя стѣснять экспедицію особой инструкціей, а составленіе общаго плана слѣдуетъ предоставить членамъ, каждому по своей спеціальности, и затѣмъ составить уже общій сводъ. Касательно же пути экспедиціи было принято слѣдующее предложеніе Лопатина. Такъ какъ при слѣдованіи парохода внизъ по Енисею, экспедиція, по необходимости, должна была ограничить свои изслѣдованія только тѣми мѣстностями, гдѣ останавливался пароходъ, то, чтобъ избѣжать этого неудобства, предоставлялось экспедиціи сойти съ парохода, гдѣ она признаетъ болѣе удобнымъ, и продолжать дальнѣйшее слѣдованіе на лодкахъ. При этомъ Комитетъ выразилъ желаніе, чтобы экспедиція начала свои изысканія, независимо отъ рейсовъ парохода, отъ устья р. Тунгуски или же отъ селенія Монастырскаго. Верстъ на 50 ниже Бреховскихъ острововъ, экспедиція могла еще проплыть и на пароходѣ; далѣе же къ Ледовитому морю она должна была слѣдовать на оленяхъ, запряженныхъ въ нарты, каковая ѣзда тамъ возможна и въ лѣтнее время, потому что нарты, легко везутся по мхамъ, а болотистыя и тундристыя мѣста протаиваютъ не болѣе какъ на ½ арш. На обратномъ слѣдованіи парохода экспедиція должна была пополнить наблюденія передняго пути, въ особенности между Туруханскомъ и Енисейскомъ, чтобы осмотрѣть геологически наиболѣе пунктовъ. Для снаряженія лодокъ, заготовленія оленей, проводниковъ и прочихъ потребностей, были заранѣе сдѣланы надлежащія распоряженія.

Значеніе Туруханской экспедиціи обусловливалось тѣмъ, что, съ одной стороны изслѣдованіе прибрежьевъ Енисея въ геологическомъ отношеніи, ознакомленіе съ природою края и изученіе быта и промышленности прибрежныхъ жителей, кромѣ научнаго интереса, могло принести существенную пользу и въ государственномъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что имѣвшіяся свѣдѣнія объ этомъ краѣ, были большею частію, основаны на разсказахъ. Только теченіе Енисея отъ Туруханска до устья и далѣе до мыса Стерлегова было снято еще въ 1733—1740 годахъ штурманомъ Мининымъ; а Ганстеномъ сдѣлано географическое опредѣленіе Туруханска.

Но, по мнѣнію Миддендорфа, съемка эта была чрезвычайно невѣрна. Не говоря уже о важности топографической съемки для ученыхъ изысканій, она представлялась необходимою для пароходныхъ рейсовъ. Кромѣ опредѣленій извилинъ теченія рѣки, пороговъ и постоянныхъ мелей, топографъ долженъ былъ нанести на карту мѣстонахожденія лѣсовъ и каменноугольныхъ обнаженій. Открытыя Сидоровымъ обширныя залежи графита давали поводъ надѣяться, что въ томъ краѣ есть и каменный уголь, открытіе котораго было весьма важно для такого края, въ которомъ растительное царство уже крайне скудно и гдѣ даже большая часть страны покрыта безлѣсными пространствами.

Что касается до этнографическихъ изысканій, Щаповъ надѣялся изслѣдовать физіологическій и патологическій типъ разноплеменныхъ туруханскихъ жителей, въ связи съ мѣстными физико-географическими и этнологическими условіями, а также заняться сравнительной краніометріей и собираніемъ череповъ. Онъ также хотѣлъ изслѣдовать предметы и способы продовольствія туруханскаго народонаселенія, особенно инородческаго; мѣстные типы и вліяніе пищи, особенно рыбной, одежду, жилища, образъ жизни, занятія или промыслы туземнаго населенія. Наконецъ, онъ долженъ былъ составить хотя краткій сборникъ тѣхъ словъ, какими обмѣнивались между собою разноплеменные жители Туруханскаго края, съ обозначеніемъ того, какія изъ этихъ словъ изъ одного языка существенно вошли въ составъ другаго.

26 апрѣля 1866 г. экспедиція прибыла въ г. Енисейскъ и здѣсь окончательно снарядилась для дальнѣйшаго слѣдованія. Этимъ временемъ Лопатинъ сдѣлалъ геологическія экскурсіи въ окрестностяхъ Енисейска, и, между прочимъ, осмотрѣлъ желѣзную руду, разработывавшуюся здѣсь уже съ XVII столѣтія. Руда эта состояла изъ сферосидерита, залегающаго пластообразно (до $^1/_2$ арш. толщины) на правомъ берегу Енисея, по притокамъ р. Зырянки, на протяженіи нѣсколькихъ квадратныхъ верстъ. Мѣстные жители разработывали руду шахтами и штольнями, но постоянныхъ крѣпей не дѣлали, почему и разработка не имѣла должной правильности и отъ этого много руды заливалось водою и пропадало безвозвратно. Мѣстность, гдѣ залегаетъ руда, а также и дорога къ ней отъ Енисея, была снята топографомъ.

Къ 19 мая всѣ члены экспедиціи собрались въ Енисейскѣ, а 20-го отправились внизъ по Енисею на баржѣ, буксируемой пароходомъ. Въ 30-ти верстахъ отъ Туруханска, въ Троицкомъ монастырѣ, Щаповъ сошелъ съ баржи и занялся здѣсь этнографическими изслѣдованіями у окрестныхъ жителей, а за тѣмъ остался въ Туруханскѣ на болѣе продолжительное время.

До Бреховскихъ острововъ экспедиція не могла дѣлать правильныхъ разслѣдованій, потому что пароходъ шелъ очень скоро, останавливаясь или не надолго, или же въ такихъ мѣстахъ, которыя въ геологическомъ отношеніи не представляли никакого интереса, или же были покрыты снѣгомъ. По прибытіи на Бреховскіе острова, Лопатинъ съ Шмидтомъ и топографомъ Андреевымъ, въ теченіе 11-ти дней, дѣлали по нимъ разъѣзды.

6-го іюня экспедиція раздѣлилась на двѣ партіи: Лопатинъ 1-й, топографъ и сопровождавшій Шмидта препараторъ Савельевъ отправились въ низовья Енисея, а Шмидтъ съ П. А. Лопатинымъ 2-мъ направились къ западу отъ Бреховскихъ острововъ на р. Гыду, къ мѣсту нахожденія мамонта, еще зимою осмотрѣннаго Шмидтомъ.

Достигнувъ крайняго зимовья, Лопатинъ пустился верстъ на 150 по тундрѣ, а препараторъ остался въ зимовьѣ и занялся препарированіемъ рыбъ. Путешествіе въ передній и въ обратный путь было крайне медленно, потому что олени были изнурены, такъ что по большой части приходилось идти пѣшкомъ. 11 августа Лопатинъ вернулся къ зимовью. Отсюда препараторъ Савельевъ потянулся на лодкѣ вдоль праваго берега Енисея; а Лопатинъ 1-й, съ топографомъ Андреевымъ, и въ сопровожденіи нѣсколькихъ Юраковъ, пошли по лѣвому берегу, а потомъ, переѣхавъ Енисей въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ имѣетъ 20 верстъ ширины, направились по правому каменистому берегу, и 22 августа прибыли въ село Толстый Носъ, гдѣ Лопатинъ 1-й встрѣтился съ своимъ братомъ и Шмидтомъ.

23 августа экспедиція потянулась на лодкѣ вверхъ по Енисею, вплоть до Туруханска. Шмидтъ отправился изъ с. Дудинки на Норильскія озера, для осмотра мѣстонахожденія каменнаго угля и мѣдной руды. Лопатинъ 1-й, на этомъ же пути, не доходя 100 верстъ до Туруханска, успѣлъ по р. Курейкѣ, впадающей въ Енисей справа, осмотрѣть мѣсторожденіе графита и каменнаго угля, открытыхъ Сидоровымъ, а на пути, по самой рѣчкѣ, обслѣдовалъ интересныя геологическія обнаженія. Путешествіе на лодкѣ продолжалось до с. Назимова, лежащаго на Енисеѣ въ 200-хъ верстахъ отъ г. Енисейска. Отсюда экспедиція отправилась уже на саняхъ до г. Енисейска.

Такимъ образомъ результатомъ занятій Лопатина явились геологическія изслѣдованія, произведенныя преимущественно по Енисею отъ Крестовскаго зимовья до Нижней Тунгуски; далѣе же до Енисейска изслѣдованія шли отрывочно.

На крайнемъ сѣверномъ пунктѣ Енисея, до котораго доходилъ Лопатинъ, подъ 72° с. ш., начиная отъ мѣста, называемаго Долганами Губа Урекъ, на разстояніи почти 30-ти верстъ, по рѣкѣ встрѣчались утесы, состоящіе изъ твердыхъ вулканическихъ породъ, а также и миндальные камни и базальтовидные траппы.

Поднимаясь вверхъ по Енисею до Подкаменной Тунгуски, экспедиція встрѣчала преимущественно обнаженія рыхлыхъ породъ: песка, ила, глины. Въ рыхлыхъ береговыхъ обнаженіяхъ, начиная отъ 72° с. ш. до 67° с. ш., встрѣчалось множество раковинъ береговыхъ моллюсковъ, и чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ остатки этой древней фауны становились, повидимому, разнообразнѣе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попадалось до 25 разныхъ видовъ раковинъ и коралловъ. Изъ положенія, въ какомъ они лежали, видно было, что тутъ же и было ихъ мѣстожительство, что доказывается еще и тѣмъ, что попадались раковины еще съ цѣлыми сухожильными связками. Почти всѣ эти ра-

ковины принадлежали къ нынѣ живущимъ и населяющимъ полярныя моря, такъ что изъ этого можно было заключить, что на протяженіи 6° нынѣшняго континента нѣкогда было морское дно.

Надъ этими слоями морскаго образованія во многихъ мѣстахъ лежалъ торфяной слой, покрытый разной толщины слоемъ ила. Въ этомъ-то слоѣ попадались куски и цѣлые стволы деревьевъ, необтертыхъ, а потому и ненаносныхъ. Но эти деревья, залитыя древними болотами, несравненно толще, сравнительно съ ничтожными кустарниками, растущими теперь на вершинахъ яровъ. Фактъ этотъ свидѣтельствуетъ о постепенномъ охлажденіи климата, которое и положило препятствіе развитію мощной растительности и постепенно довело ее до нынѣшняго тощаго кустарника. Эти слои лежатъ надъ морскими пластами. Но подъ морскими постпліоценовыми напластованіями Лопатинъ нашелъ въ двухъ мѣстахъ, подобные мелямъ, плоскіе утесы, значительныхъ размѣровъ, состоящіе изъ горизонтальныхъ слоевъ рыхлыхъ песчаниковъ, съ окаменѣлостями (раковинами и деревьями), принадлежащими къ юрской формаціи. Отъ 67° с. ш., почти до устья Подкаменной Тунгуски, экспедиція нашла явственные признаки верхняго яруса силурійской формаціи. Хотя далѣе къ югу ясныхъ обнаженій силурійской формаціи и невидно, но попадающіеся валуны съ остатками или отпечатками силурійскихъ раковинъ, и раковъ, свидѣтельствуютъ о продолженіи ея къ югу. Такимъ образомъ силурійская формація или ея признаки, видимы на протяженіи 900 верстъ по Енисею. Надъ нею экспедиція усмотрѣла слой песчаниковъ, заключающихъ въ себѣ графитъ, обнаженія котораго не видны по Енисею, но по р. Курейкѣ выступаютъ горизонтальнымъ слоемъ до одной сажени толщиною. Этотъ слой, судя по отпечаткамъ растеній, относится къ каменноугольной формаціи. Осмотръ Курейскихъ обнаженій происходилъ при несовсѣмъ благопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ въ то время земля была покрыта на $^1/_4$ аршина снѣгомъ.

Въ отчетѣ своемъ Лопатинъ упоминалъ, что на пути къ с. Назимову лежащему въ 200-хъ верстахъ отъ Енисейска, ему приходилось проплывать у рѣки Подкаменной Тунгуски одно ущелье, называемое „Камнемъ", въ которомъ Енисей идетъ съ замѣчательною быстротою, отчего рѣка въ этомъ мѣстѣ очень долго не замерзаетъ. Далѣе къ югу, вверхъ по Енисею, изслѣдованія Лопатина шли уже отрывочно.

Кромѣ петрографическаго обзора Лопатинъ производилъ изслѣдованія и другихъ геологическихъ явленій, какъ напримѣръ, дѣйствія воды и льда на Енисеѣ и береговыя обнаженія горнокаменныхъ породъ. Наносное дѣйствіе водъ Енисея ясно обнаруживалось тамъ, гдѣ теченіе его или замедлено порогами, какъ наприм. выше Камня, и передъ селомъ Игорна, гдѣ невысокій рядъ трапповыхъ утесовъ пересѣкаетъ рѣку, или же тамъ, гдѣ теченіе Енисея подпирается стремленіемъ въ него притоковъ, или на низовьяхъ, гдѣ воды Енисея подпираются морскимъ приливомъ. Бреховскіе острова, какъ кажется, своимъ образованіемъ обязаны этому подпору водъ Ени-

сея. Въ Енисейской губѣ, при прѣсной водѣ, Лопатинъ наблюдалъ правильный двукратный въ день приливъ воды въ два фута и слышалъ отъ другихъ лицъ, что приливъ и отливъ еще замѣтнѣе въ сѣверныхъ изъ Бреховскихъ острововъ.

Такъ какъ Щаповъ производилъ этнографическія изысканія только до г. Туруханска, то далѣе по теченію Енисея Лопатинъ дѣлалъ этнографическія замѣтки. Страна ниже Туруханска, по теченію рѣкъ Енисея, Таза, Пясины, Анабары и Хатанги, населена осѣдлыми русскими. Инородцы же кочуютъ по всей тундрѣ. Въ низовьяхъ Енисея экспедиція встрѣчала: Остяковъ (почти до полярнаго круга) и далѣе Самоѣдовъ, Юраковъ и Долганъ, а къ востоку отъ Енисея жили и Якуты. Край этотъ вообще весьма мало населенъ; по свѣдѣніямъ 1864 года считалось русскихъ и инородцевъ обоего пола 7.660 чел. Но и это немногочисленное населеніе замѣтно уменьшалось, вымирая частью отъ болѣзней, а частью отъ разныхъ случайныхъ опасностей, съ которыми сопряжена жизнь на крайнемъ сѣверѣ. Скудныя средства и своеобразная жизнь измѣнили совершенно характеръ русскихъ поселенцевъ и отчасти сравнили ихъ съ туземцами. Чѣмъ далѣе отъ Туруханска, тѣмъ чаще встрѣчались оставленныя избы и даже брошенныя селенія.

Изъ инородцевъ Лопатину болѣе всего удалось ознакомиться съ Долганами. Народъ этотъ принадлежитъ къ тунгусскому племени. Лѣтомъ Долганы ведутъ кочевую жизнь по тундрѣ, охотясь за дикими оленями; зимою же сидятъ въ одномъ мѣстѣ, въ предѣлахъ лѣсной полосы около рыбныхъ озеръ и по притокамъ Енисея и рѣчекъ, текущихъ въ Ледовитое море.

Что касается до метеорологическихъ наблюденій, то Лопатинъ, вмѣсто отрывочныхъ наблюденій, счелъ за лучшее основать постоянную станцію въ с. Толстомъ Носу (подъ 61° с. ш.), оставивъ тутъ чл. Эксп. Мерло, которому и было поручено производить наблюденія въ теченіе цѣлаго года.

Мерло производилъ метеорологическія наблюденія первоначально въ срединѣ низменныхъ Бреховскихъ острововъ, а потомъ въ селеніи Толстый Носъ, гдѣ онъ находился въ продолженіе всей зимы. Такъ какъ предполагавшаяся вторая поѣздка Ѳ. Б. Шмидта на Енисей, въ 1867 г., не состоялась, то къ Мерло отправлены были подробныя инструкціи, какъ для производства метеорологическихъ наблюденій, такъ и для собиранія различныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для разрѣшенія многихъ научныхъ вопросовъ, относящихся до крайняго сѣвера.

Изъ произведенныхъ же наблюденій, во время пребыванія экспедиціи за Туруханскомъ, Лопатинъ говоритъ въ особенности о рѣзкой разницѣ температуръ и метеорологическихъ перемѣнахъ, даже на небольшихъ пространствахъ; такъ наприм. Лопатинъ не снималъ теплой одежды во все время поѣздки отъ острововъ внизъ по нравому берегу Енисея, и не видѣлъ ни мошекъ, ни комаровъ, между тѣмъ въ то же время Шмидтъ и Лопатинъ 2-й, находившіеся на лѣвой сторонѣ Енисея, страдали отъ сильнаго жара и терпѣли нападенія миріадовъ комаровъ. Несмотря на суровость лѣта, Лопатинъ, однакоже, не

встрѣтилъ льдовъ въ Енисейской бухтѣ, тамъ, гдѣ она, подъ 72° с. ш., соединяется съ Ледовитымъ моремъ. Долганы завѣряли, что они, приходя въ бухту въ концѣ лѣта, никогда не видятъ льдовъ. Жившіе же въ этихъ мѣстахъ русскіе говорятъ, что на морѣ лѣтомъ появляются льды только при с.-з. и з. вѣтрахъ, а с. и с.-в-ные вѣтры льдовъ не наносятъ. По произведеннымъ Мерло наблюденіямъ, температура воды въ Енисеѣ оказалась выше температуры водъ въ рѣкахъ, текущихъ въ него за полярнымъ кругомъ. Этотъ запасъ тепла, приносимый Енисеемъ сверху, вліяетъ на климатъ прибрежныхъ мѣстностей, что доказывается большимъ развитіемъ береговой растительности.

Относительно физической жизни Туруханскаго населенія, Щаповъ изслѣдовалъ по возможности, кромѣ общихъ отличительныхъ анатомическихъ типовъ и индивидуальностей разноплеменныхъ Туруханскихъ жителей, ихъ ростъ, физическую, рабочую силу, плодливость женщинъ, физіологическій день остяцкій и тунгусскій, или распредѣленіе, въ теченіе сутокъ, покоя, сна и рабочаго движенія, голода, ѣды, и т. п.; затѣмъ распредѣленіе по временамъ года браковъ, рожденій, численный составъ семействъ, среднюю продолжительность жизни, смертность и ея распредѣленіе по временамъ года, болѣзни, преимущественно мѣстныя эндемическія и этнологическія или племенныя, и наконецъ, физіологическое смѣшеніе или метисацію разноплеменныхъ туруханскихъ жителей. Этнологическія изслѣдованія Щапова, касаясь весьма разностороннихъ вопросовъ, дали богатый матерьялъ для науки, и дали намъ довольно полное понятіе о туруханскихъ обитателяхъ. При недостаточности времени для краніологическихъ изслѣдованій, Щапову, однакожъ, удалось собрать нѣкоторыя свѣдѣнія по этой части, а потомъ и самому сдѣлать весьма обстоятельныя наблюденія и опыты надъ физическими особенностями инородцевъ; кромѣ того, онъ собралъ 14 череповъ, съ полнымъ означеніемъ мѣстъ ихъ нахожденія, какому роду и племени они принадлежатъ и времени ихъ погребенія.

Результатъ своихъ изслѣдованій, Щаповъ изложилъ въ представленной имъ Сибирскому Отдѣлу статьѣ, подъ заглавіемъ „Народная жизнь на сѣверѣ Енисея, между 60° и 65° с. ш.“, въ такомъ порядкѣ: 1) физическое развитіе русскаго и особенно инородческаго народонаселенія сѣверной долины Енисея, отъ Ворогова до Туруханска или отъ 60° до 65° сѣверной широты; 2) экономическій бытъ; 3) умственный складъ и міросозерцаніе русскаго и инородческаго народонаселенія и преимущественно Остяковъ и Тунгусовъ; и 4) историческій очеркъ колонизаціи и культуры или промышленности Туруханскаго края.

Кромѣ этихъ разработанныхъ матерьяловъ, Щаповъ, во время пребыванія своего въ Красноярскѣ, успѣлъ извлечь изъ Красноярскаго (бывшаго Томскаго) архива весьма много интересныхъ свѣдѣній для исторіи внутренняго быта, колонизаціи и культуры Восточной Сибири, особенно съ конца XVIII столѣтія и до 20-хъ годовъ нынѣшняго.

Продолжительная и тяжкая болѣзнь автора, а затѣмъ и смерть его были причиною того, что разработка обширныхъ трудовъ его осталась неоконченною.

П. А. Лопатинъ 2-й, снялъ нѣсколько видовъ прибрежій Енисея, во время слѣдованія на пароходѣ до Бреховскихъ острововъ, а потомъ и во время поѣздки съ Шмидтомъ къ мѣсту нахожденія мамонта. Онъ также сдѣлалъ нѣсколько интересныхъ снимковъ съ пустынной тундры и ея скитальцевъ-обитателей, которые встрѣчались имъ мимоходомъ.

Топографъ Андреевъ глазомѣрно снялъ пространство отъ 69° до 72° с. ш. На этой съемкѣ нанесенъ былъ впрочемъ только тотъ берегъ, по которому онъ шелъ. Лѣтомъ 1864 г. Окружный Штабъ снова командировалъ топографа Андреева на Енисей, для нанесенія пробѣловъ и для продолженія съемки вплоть до устья Енисея, которое до того еще не было снято подробно.

Что же касается до Ѳ. Б. Шмидта, то полныхъ остатковъ мамонта имъ не было найдено, такъ какъ многія части были забраны ранѣе этого времени, потому что остатки мамонта были открыты за 10 лѣтъ передъ тѣмъ. Изъ этого можно заключить, что сообщеніе Максимова въ томъ видѣ, какъ оно было передано Гуляевымъ, было довольно несогласно съ правдою, какъ основанное только на слухахъ, хотя оно и привело къ открытію скелета. Самыя же главныя части скелета, какъ напримѣръ голова и другія, были разрушены еще до пріѣзда г. Шмидта. Точно также имъ не было найдено и признаковъ внутренностей мамонта. Настоящее открытіе мамонта также не привело къ положительному рѣшенію о мѣстѣ его обитанія. Это животное точно также могло жить недалеко отсюда, какъ и быть перенесено въ эти мѣста издалека. Вся добыча Шмидта ограничилась пріобрѣтеніемъ значительнаго количества разрозненныхъ и по большей части испорченныхъ костей скелета, кусковъ кожи и пучковъ волосъ, вѣсомъ около пуда.

Но за то геологическіе и естественно-историческіе результаты путешествія Шмидта были весьма обильны и впослѣдствіи прекрасно обработаны.

По части ботаники и зоологіи, члены экспедиціи были усердными помощниками Ѳ. Б. Шмидта.

Обширныя же геологическія изслѣдованія Лопатина, произведенныя въ особенности непрерывно по Енисею, между Крестовскимъ зимовьемъ и Нижней Тунгузкой, къ сожалѣнію остались въ то время необработанными и неизданными, вслѣдствіе того, что Лопатинъ, вскорѣ послѣ своего возвращенія изъ экспедиціи, уѣхалъ въ Петербургъ съ цѣлью обработки собранныхъ имъ богатыхъ матерьяловъ сначала по Витимской, а потомъ и по Туруханской экспедиціи, но не былъ поставленъ въ благопріятныя условія для такой обработки, такъ какъ во время пребыванія его въ Петербургѣ онъ не имѣлъ ни средствъ, ни возможности вполнѣ разработать собранный имъ научный матерьялъ, а затѣмъ былъ отвлеченъ въ цѣлый рядъ новыхъ поѣздокъ, научныхъ и практическихъ предпріятій. Но къ счастію драгоцѣнные матерьялы, собранные Лопатинымъ, не пропали для науки, и нынѣ, благодаря средствамъ даннымъ самимъ Лопатинымъ, разработка этихъ матерьяловъ оканчи-

вается и Императорское Русское Геогр. Общество печатаетъ въ настоящее время въ своихъ «Запискахъ» научные результаты Витимской и Туруханской экспедицій.

Въ 1866 г. дѣятельный Сибирскій Отдѣлъ, подъ вліяніемъ потребностей, возникающихъ изъ жизненныхъ условій Восточной Сибири, предпринялъ снаряженіе и еще одной экспедиціи—*Олекминской*—задавшейся практическою цѣлью отысканія скотопрогоннаго пути изъ быстро развивающихся Олекминскихъ золотыхъ промысловъ въ Нерчинскій край, но вызвавшей цѣлый рядъ интересныхъ географическихъ изслѣдованій.

Ленскіе золотопромышленники: гг. Катышевцевъ, Баснинъ, Базановъ и Трапезниковъ заявили свое желаніе снарядить особую экспедицію, которая прослѣдовала-бы съ ихъ пріисковъ, находящихся по вершинамъ нижнихъ лѣвыхъ притоковъ Олекмы, въ Нерчинскій край. На расходы по снаряженію экспедиціи ими пожертвовано 5.200 руб. и кромѣ того, они взялись доставить экспедицію на свой счетъ отъ Верхоленска до Тихонозадонскаго пріиска, въ верховьяхъ Жуи, откуда она и должна начать свои изслѣдованія. Начальный пунктъ экспедиціи долженъ былъ лежать на р. Ныгрѣ, и оттуда, она должна была направиться на устье рч. Бомбуйко, мимо устья Цыпы и далѣе, и выйти гдѣ нибудь между гор. Читою и Кайдаловскою станціей. При этой экспедиціи долженъ былъ находиться одинъ изъ Нерчинскихъ скотопромышленниковъ съ двумя бурятами, которымъ была бы извѣстна мѣстность отъ устья Цыпы до населенныхъ мѣстъ Нерчинскаго округа. Отдѣлъ съ признательностью принялъ такое предложеніе, имѣя при этомъ въ виду, что изслѣдованія мѣстностей по которымъ будутъ пролегать эти пути, кромѣ достиженія практическихъ цѣлей, будетъ имѣть большой интересъ и въ научномъ отношеніи. Одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Отдѣла князь П. А. Кропоткинъ, уже проявившій свою талантливость и способности путешественника и наблюдателя во время своей замѣчательной поѣздки въ Тункинскій край и Саянскій хребетъ въ 1865 г. (см. ниже), принялъ на себя это многотрудное дѣло. Кромѣ разслѣдованія самаго пути, на него возлагалось: веденіе путеваго журнала, геогностическія изслѣдованія и производство метеорологическихъ наблюденій. Къ нему, въ качествѣ помощника, присоединился Чл.-Сотр. Поляковъ, съ большою любовью занимавшійся естественными науками, и также обнаружившій свою талантливость и способности путешественника и наблюдателя въ своей поѣздкѣ въ Саянскія горы (см. ниже). Онъ долженъ былъ собирать растенія и насѣкомыхъ и препарировать птицъ. Кромѣ того, изъ Окружнаго Штаба былъ прикомандированъ къ экспедиціи топографъ Машинскій, для производства глазомѣрной съемки.

Въ первыхъ числахъ мая экспедиція собралась въ сел. Качугѣ, но за мелководіемъ Лены едва могла тронуться только 15 мая на пустомъ павозкѣ. Время, проведенное въ Качугѣ, было посвящено знакомству съ бывшею тамъ въ это время ярмаркою и изученію окрестностей селенія. Ярмарка оказалась до

того ничтожною и мелочною, что, по словамъ кн. Кропоткина, не заслуживала даже и названія ярмарки. Мелководіе Лены въ началѣ много замедляло плаваніе экспедиціи и только отъ д. Козловой павозокъ могъ плыть свободнѣе, вплоть до сел. Крестовскаго. Но, несмотря на скорость этого плаванія и на рѣдкія и не продолжительныя остановки, членамъ экспедиціи удалось поверхностно ознакомиться съ береговыми обнаженіями и съ характеромъ береговой растительности и собрать значительное число образцовъ горно-каменныхъ породъ и растеній, а также и препарировать нѣсколько экземпляровъ птицъ.

Пробывъ нѣсколько дней въ Крестовской резиденціи золотопромышленниковъ, экспедиція на лошадяхъ отправилась на Тихонозадонскій пріискъ, находящійся на р. Ныгрѣ, притокѣ Вачи (притокъ Чары), куда экспедиція прибыла къ 12 іюня, проѣхавъ въ теченіе 8 дней 250 вер.

Съ удаленіемъ отъ Лены начиналось уже глухое лѣсистое предгорье и съ каждымъ шагомъ впередъ пади рѣчекъ становились круче и глубже, а самыя рѣчки быстрѣе; по сторонамъ выступали отроги хребтовъ, достигавшихъ до 4.800 фут. высоты. Хребты и пади были укрыты большею частью лѣсомъ и чрезвычайно жидкою луговою растительностью, за то повсюду встрѣчалось изобиліе оленьяго моха.

На Тихонозадонскомъ пріискѣ экспедиція пробыла до 2 іюля, потому что необходимо было окончательно снарядиться для дальнѣйшаго путешествія и выждать появленія въ гольцахъ хотя сколько нибудь годнаго для лошадей корма.

Экспедиція, кромѣ кн. Кропоткина, Полякова и топографа Машинскаго, была въ слѣдующемъ составѣ: Нерчинскій скотопромышленникъ Чистохинъ съ двумя бурятами, довѣренный отъ Ленскаго товарищества Мельниковъ, два вожака изъ тунгусовъ и 4 конюха, всего 13 человѣкъ. Подъ вьюками шло 30 лошадей и изъ нихъ 9 запасныхъ и 13 верховыхъ.

Кромѣ Тихонозадонскаго пріиска кн. Кропоткинъ осмотрѣлъ также сосѣдніе пріиски Ленскаго товарищества по Ныгрѣ и Безъимянкѣ, а также ему удалось побывать на пріискахъ: Вознесенскомъ, Успенскомъ и Сергіевскомъ на р. Хомолхо. Успенскій пріискъ особенно оказался интереснымъ потому, что работы велись въ немъ на высотѣ 82 саж. надъ уровнемъ р. Хомолхо, въ горѣ, изъ розсыпи, образовавшейся отъ разрушенія глинистаго сланца. Полякову, кромѣ сбора растеній, удалось препарировать до 25 штукъ птицъ.

На Вознесенскомъ пріискѣ кн. Кропоткинъ поручилъ живущему тамъ доктору К. А. Эймонду вести метеорологическія наблюденія, оставивъ для этого барометръ и термометръ. На этомъ же пріискѣ кн. Кропоткинъ пріобрѣлъ метеорологическій журналъ, веденный съ сентября 1858 года управляющимъ пріискомъ, Игнатьевымъ, который по три раза въ день записывалъ показаніе спиртоваго термометра и состояніе атмосферы. На Тихонозадонскомъ пріискѣ кн. Кропоткинъ отыскалъ тунгуса Кудрина, который хорошо зналъ путь до рѣки Муи и уговорился быть вожакомъ.

2-го іюля экспедиція тронулась въ дальнѣйшій путь. Слѣдуя внизъ по рѣчкѣ Ныгрѣ, мимо Павловскаго пріиска, переѣхали р. Вачу, близь устья

Ныгры. Далѣе отъ Вачи экспедиція слѣдовала вверхъ по пади Чипко и постепенно вдавалась внутрь гольцевъ, лишенныхъ растительности и состоящихъ изъ однихъ только розсыпей, весьма затруднявшихъ ѣзду на лошадяхъ, для которыхъ кромѣ того мало находилось корма. Переваливъ цѣпи гольцевъ, экспедиція спустилась къ рч. Джегдаканъ (притокъ Вачи), а потомъ къ рч. Альдыки, въ которой нашла хорошій кормъ для лошадей.

Высшій гребень между Чипко и Джегдаканъ представлялъ вполнѣ дикую страну, въ которой только одинъ оленный тунгусъ находитъ себѣ раздолье, а для прохода лошадьми здѣсь предстояло не мало затрудненій. Тропинки бродячихъ тунгусовъ мало облегчали прокладку пути по этимъ дебрямъ. Такими-то тропами, съ большими затрудненіями, экспедиція пробралась къ Витиму, переваливъ на пути долину рч. Янкадьимо и р. Датакты. Слѣдуя по этой послѣдней и рч. Дагальды, перешли на р. Тсимику, текущую въ Витимъ. По теченію этой рѣчки, съ приближеніемъ къ Витиму, растительность стала измѣняться; послѣ моховыхъ мочажинъ стала появляться сочная трава, показалась черемуха, береза и тополь. На Витимѣ экспедиція нашла лодку, приведенную Кудринымъ съ Бойдобо. Переправившись черезъ Витимъ, экспедиція послѣдовала лѣвымъ его берегомъ до устья р. Нерпи, а потомъ по Нерпикану. Переваливъ черезъ два небольшіе хребта съ Нерпикана на Ирбö, а потомъ на Чайнеро, экспедиція перешла высокій хребетъ, идущій отъ Муэ. Высота хребтовъ оказалась не болѣе 4.500 фут.; они какъ бы служили границею распространенія мховъ и ягелей, потому что далѣе уже чаще попадались луговыя мѣста. Изъ вершинъ Чойонуй путешественники перевалили въ р. Дагалдынъ (притокъ Янгуды). Далѣе, поднимаясь по Янгудѣ, экспедиція стала переваливать чрезъ главную цѣпь скалистыхъ гольцевъ, идущихъ грядою къ сѣверу отъ Муэ, что представляло въ каменистыхъ розсыпяхъ не мало трудностей, въ особенности при спускѣ въ муйскія покатости, по узкому и каменистому ущелью Уксюмукита, лишенному растительности. По выходѣ изъ этого ущелья открылась обширная равнина, покрытая озерами и лѣсомъ, разстилающаяся при устьѣ Парамы. Переѣхавъ Параму, экспедиція, слѣдуя вблизи Витима, перешла низменность и достигла устья Муэ. Здѣсь было расположено поселеніе якутовъ, переселившихся сюда съ верховьевъ Чарсы. Пройденная экспедиціею горная страна состояла изъ нѣсколькихъ рядовъ параллельныхъ горныхъ цѣпей, отлого спускавшихся къ сѣверу и очень круто падающихъ къ югу. По показанію Полякова на пути отъ Тихонозадонскаго пріиска до Витима и далѣе, чрезъ рядъ горныхъ цѣпей къ устью Муэ, не замѣтно было большаго измѣненія въ древесной и кустарной растительности. Собранные образцы растеній вполнѣ охарактеризовали растительность этой дикой горной страны. Кромѣ ботаническихъ изысканій, Поляковъ собралъ большой матерьялъ и изъ животнаго царства и изъ птицъ. На устьѣ Муэ экспедиціи посчастливилось достать хорошаго вожака для дальнѣйшаго слѣдованія къ западу. Экспедиція, прошла по Муэ верстъ 15, до выхода изъ горъ ручья Давакита (притока Муджирикана), по которому поднялась

до вершины, и перейдя высокій хребетъ, спустилась въ падь р. Тульдуни, а потомъ, перейдя низкій пологій хребетъ, въ Ирокинду и по ней прошла до второй, малой Тульдуни. Здѣсь встрѣтилась скалистая цѣпь, идущая грядою отъ в.-с.-в. къ з.-ю.-з. параллельно Тульдуни, верхнему теченію Бомбуйко, гдѣ поднимается довольно высокая гора Дюмнокъ (Дюмокъ на картѣ Шварца) и Цыпѣ. Сквозь эту цѣпь прорывались Бомбуйко и Цыпа; къ сѣверу же отъ нея тянулась широкая болотистая долина, усѣянная озерами и покрытая толстымъ слоемъ аллувіальныхъ наносовъ. По этой широкой долинѣ направились путешественники къ ю.-з. вверхъ по Бомбуйко и Цыпѣ, которую и переѣхали вблизи ея отворота къ ю.-з. На Цыпѣ экспедиція провела 4 дня, въ ожиданіи стока разлившейся отъ дождей рѣки. Однакожъ и тутъ грязи и разлитіе водъ позволили идти Цыпою только до горы Пайхада; а потому, оставивъ Цыпу, экспедиція направилась къ югу, по правому ея притоку Кудуру и въ его вершинахъ перевалила чрезъ цѣпь, составляющую, по видимому, окраину витимскаго плоскогорья. Она незамѣтно понижалась къ югу и круто падала къ сѣверу. Пройдя верстъ 30 грязною падью Талая, экспедиція перешла по р. Байчикану въ долину Ушоя (притока малаго Амалата), въ которой нашла пріискъ „Задорный“, принадлежавшій Соловьеву. Встрѣтивъ здѣсь обязательный пріемъ и снабдившись мясомъ, путешественники перешли на Серафимовскій пріискъ, находящійся на р. Ауникѣ. Отсюда кн. Кропоткинъ направился къ устью Холоя, впадающаго въ Витимъ съ правой стороны, а потомъ, слѣдуя вверхъ по Холою, вышелъ на почтовый трактъ, въ селеніе Укырское, лежащее между Верхнеудинскомъ и Читою. Этимъ путемъ рабочіе ходятъ на пріиски, везутся тяжести и гонится скотъ, закупаемый въ Агинской степи.

Со стороны розысканія путей, вопросъ былъ рѣшенъ утвердительно, и для доставщиковъ скота изъ Забайкалья на Олекминско-Витимскіе и Ленскіе золотые промысла открыты были пути слѣдованія. Оставалось только розыскать обходъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ экспедиція еще, по первому опыту, встрѣтила препятствія; но и съ этой стороны не встрѣтилось большаго затрудненія, потому что кн. Кропоткинъ указалъ и на эти обходы.

При производствѣ ученыхъ обслѣдованій, кн. Кропоткинъ не ограничился отдѣльными изысканіями надъ встрѣченными имъ предметами;— онъ вникъ въ общій характеръ природы посѣщенныхъ имъ мѣстностей и представилъ, въ ясныхъ чертахъ, полныя орографическія и геологическія картины.

Вопросъ о распространеніи на Восточную Сибирь ледниковаго періода разработанъ былъ кн. Кропоткинымъ довольно подробно и предположенія его о существованіи въ Витимской нагорной странѣ моренъ подтверждено было также изысканіями другихъ путешественниковъ по тѣмъ тайгамъ; а именно Маркеловымъ и Базилевскимъ, искрестившимъ Олекминско-Витимскую тайгу во всѣхъ направленіяхъ, съ цѣлью розысканія золота.

Другія геологическія изысканія кн. Кропоткина точно также весьма обстоятельно очертили посѣщенныя имъ мѣстности. На всемъ пространствѣ пути его

отъ Иркутска на Лену и потомъ съ прiисковъ до Читы собраны значительныя коллекцiи горнокаменныхъ породъ, образцы которыхъ были опредѣлены горн. инж. полковникомъ Фитингофомъ.

На основанiи этого опредѣленiя составлена была и петрографическая карта, которая въ связи съ изслѣдованiями Лопатина и отрывочными матерьялами, собранными Сибирскою ученою экспедицiею, дала понятiе, съ небольшими конечно пробѣлами, о геогностическомъ строенiи Витимской страны.

Употребивъ зиму 1867—1868 гг. на разработку собранныхъ имъ свѣдѣнiй кн. П. А. Кропоткинъ уже въ маѣ 1868 г. окончилъ эту разработку и представилъ ее Отдѣлу въ прекрасной статьѣ.

Сотрудникъ его, учитель Иркутской военной начальной школы, талантливый И. С. Поляковъ, добровольно вызвавшiйся участвовать въ Олекминско-Витимской экспедицiи, для зоологическихъ и ботаническихъ изысканiй, въ этомъ первомъ своемъ опытѣ путевыхъ изслѣдованiй выказалъ любовь къ естествознанiю и хорошую научную подготовку, доставшуюся ему путемъ тяжелаго труда. Задачи возложенныя на него состояли въ слѣдующемъ: 1) описать растительность посѣщенныхъ экспедицiею мѣстностей, обративъ при этомъ вниманiе на древесныя породы, дабы выяснить: 2) въ какомъ соотношенiи находится количество видовъ птицъ въ странѣ съ количествомъ видовъ растительныхъ, въ особенности породъ древесныхъ; 3) ознакомиться съ гидрографiей страны, съ характеромъ и распредѣленiемъ водъ, въ виду той цѣли, чтобы уяснить: 4) распространенiе птицъ плавающихъ и голенастыхъ; 5) сдѣлать очеркъ млекопитающихъ и выяснить ихъ зависимость отъ окружающихъ условiй; 6) собрать, по возможности, образцы растенiй и древесныхъ породъ и сдѣлать чучела птицъ.

На основанiи сдѣланныхъ имъ наблюденiй, Поляковъ вывелъ заключенiе, что количество видовъ птицъ стоитъ въ прямой зависимости отъ степени разнообразiя древесныхъ породъ. Такъ, одна преобладающая порода дерева, на какомъ-бы то обширномъ пространствѣ ни было, далеко не представляетъ того богатства видовъ, которые рядомъ съ этою же тайгою даетъ маленькiй клочекъ, заросшiй породами болѣе разнообразными. Извѣстно, что сибирская тайга слагается преимущественно изъ трехъ или двухъ хвойныхъ видовъ, а не рѣдко изъ одной преобладающей на огромномъ протяженiи, за что и ни одинъ путешественникъ, въ томъ числѣ и Радде, жалуются на ея холодное однообразiе. Достаточно появленiя одного ручейка, чтобъ измѣнить на малую долю ея суровый видъ. Но несравненно большее влiянiе на ея характеръ выказываетъ человѣкъ, который, руководясь насущными потребностями, принимается за вырубку лѣса, и, одна или двѣ хвойныя породы замѣняются сначала нѣсколькими, а потомъ и десяткомъ мелкихъ лиственныхъ породъ, и эти первые шаги его даютъ возможность проникать за нимъ извѣстному числу пернатыхъ видовъ въ ту область, гдѣ прежде ихъ существованiе, по крайней мѣрѣ въ лѣтнее время, было немыслимо.

Факты, собранные Олекминско-Витимскою экспедицiею и 100 видовъ

птицъ, которыхъ удалось наблюдать Полякову, доказываютъ, что предполагаемое соотношеніе между разнообразіемъ древесныхъ породъ и разнообразіемъ видовъ птицъ подтверждается несомнѣнно.

Статья Полякова „Опытъ ботаническихъ и зоологическихъ изысканій въ юго-восточной части Ленскаго бассейна“ представляла довольно полный обзоръ млекопитающихъ и птицъ Олекминско-Витимской горной страны, а потому труды кн. Кропоткина и Полякова взаимно дополняли другъ друга и составили двѣ части одного цѣлаго, стремящагося довольно полно охарактеризовать обслѣдованную ими страну. Отдѣлъ млекопитающихъ содержалъ въ себѣ краткія монографіи о 38 попадавшихся во время путешествія видахъ млекопитающихъ; изъ нихъ наиболѣе подробно разсмотрѣны тѣ виды, о которыхъ можно было получить наиболѣе свѣдѣній, т. е. тѣ, истребленіемъ которыхъ занятъ человѣкъ-охотникъ. Въ этихъ монографіяхъ, между прочимъ, указывалось, для каждаго изъ разсмотрѣнныхъ видовъ, его географическое распредѣленіе въ той области, которую экспедиція имѣла возможность обслѣдовать. Вездѣ, гдѣ только можно было, Поляковъ выставлялъ зависимость распредѣленія животныхъ отъ условій питанія, слѣдовательно отъ распространенія тѣхъ животныхъ и растительныхъ видовъ, которые служатъ пищею данному виду, и отъ отношеній, въ которыхъ они находятся къ человѣку. Затѣмъ Поляковъ сообщилъ не мало интересныхъ данныхъ о большихъ хищникахъ, а также и о тарбаганѣ, бѣлкѣ, кабаргѣ, козѣ и различныхъ видахъ оленя. Для опредѣленія густоты распространенія, сообщены данныя о числѣ ежегодно убиваемыхъ Тунгусами особей даннаго вида, а также и результаты собственныхъ наблюденій.

Въ отдѣлѣ птицъ Поляковъ излагалъ исключительно свои собственныя наблюденія. Изъ добытыхъ Поляковымъ 200 экземпляровъ чучелъ птицъ, описано 74 вида сухопутныхъ, которыхъ Поляковъ наблюдалъ во время путешествія и двухъ-недѣльнаго пребыванія на озерѣ Рыхлеѣ и постояннаго въ Иркутскѣ. За тѣмъ Поляковъ сообщилъ еще весьма интересныя свѣдѣнія: о географическомъ распространеніи каждаго изъ разсмотрѣнныхъ видовъ; свѣдѣнія о времени появленія бродячихъ и пролетныхъ птицъ во многихъ мѣстахъ, особенно въ Иркутскѣ; нѣкоторыя наблюденія надъ нравами и образомъ жизни нѣсколькихъ видовъ.

Имѣя въ виду, что статьи Полякова и кн. Кропоткина должны содержать не менѣе 30 печатныхъ листовъ, Распорядительный Комитетъ предположилъ: во-первыхъ, издать эти труды отдѣльною книгою, озаглавивъ ее: „Изслѣдованіе части Олекминско-Витимской нагорной страны“, а во-вторыхъ, по ограниченности средствъ, Отдѣлъ просилъ Русское Географическое Общество издать этотъ трудъ, что и было исполнено Обществомъ въ 1873 году.

Четвертымъ крупнымъ и притомъ совмѣстнымъ предпріятіемъ Сибирскаго Отдѣла и самаго Общества въ разсматриваемомъ періодѣ была такъ называемая *Чукотская экспедиція*.

Поводомъ къ снаряженію этой экспедиціи была потребность чисто административная. Чукчи, населяющіе сѣверо-восточный уголъ Восточной Сибири,

составляли, на основаніи 1251—56 ст. т. IX Св. Зак. о состояніяхъ, особенный разрядъ инородцевъ, считавшихся въ зависимости отъ Россіи, безъ совершеннаго подданства. Главнымъ мѣстомъ сношеній ихъ съ русскими служила такъ называемая Анюйская крѣпостца или Островна на Маломъ Анюѣ, куда они ежегодно приходили для мѣновой торговли съ русскими и для взноса ясака, за что получали подарки на счетъ 150 рублей, ежегодно ассигновавшихся на то Кабинетомъ Его Императорскаго Величества. Ясакъ платился нѣкоторыми состоятельными инородцами „по собственному ихъ произволу", говоря словами закона (ст. 1256), „какъ въ количествѣ, такъ и въ качествѣ".

Въ 1866 г., въ видахъ привлеченія Чукчей въ совершенное подданство, былъ командированъ въ Анюйскъ чиновникъ особыхъ порученій Якутскаго Областнаго Правленія, баронъ Майдель, который предложилъ главному эрему или начальнику Чукчей, Андрею Амвраургину, принявшему присягу на вѣрноподданство еще въ 1859 году, обложить всѣхъ взрослыхъ мужчинъ хотя небольшимъ ясакомъ, что мало по малу должно было пріучить Чукчей считать себя русскими подданными. Эремъ согласился на это, но на вопросъ Майделя, сколько считается всего Чукчей и имѣетъ ли онъ достаточную власть, чтобы взыскать съ нихъ ясакъ, онъ ничего не могъ сказать опредѣленнаго. Въ то же время начальникъ Носовыхъ Чукчей (т. е. живущихъ въ окрестностяхъ Чукотскаго мыса), Дмитрій Хотто, зависѣвшій отъ главнаго эрема, вмѣстѣ съ двумя изъ самыхъ богатыхъ родовичей своихъ, добровольно принялъ присягу.

Въ эту же поѣздку Майделя Чукчи заявили ему желаніе перекочевать въ Большую Тундру, прилегающую къ Ледовитому морю, между рр. Колымою и Индигиркою, на что, впрочемъ, имъ уже было дано позволеніе въ 1860 году. Главное мѣстное начальство имѣло въ виду, что перекочевка богатыхъ оленныхъ Чукчей въ сосѣдство бѣднаго населенія Якутовъ, обитающихъ по Колымѣ и Индигиркѣ, можетъ послужить и къ улучшенію быта послѣднихъ. Но при этомъ, для достиженія всѣхъ правительственныхъ цѣлей, въ отношеніи къ инородцамъ сѣверной части Восточной Сибири, оказалось необходимымъ ближе ознакомиться съ бытомъ и характеромъ ихъ и страною, ими занимаемою. Вслѣдствіе сего генералъ-губернаторъ М. С. Карсаковъ рѣшился войти съ представленіемъ о снаряженіи особой экспедиціи въ Чукотскій край и пригласилъ Сибирскій Отдѣлъ къ участію въ экспедиціи. Распорядительный Комитетъ Отдѣла, соображаясь съ ограниченными средствами, бывшими въ его распоряженіи, обратилъ вниманіе только на тѣ научные вопросы, изслѣдованіе которыхъ могло дать самые обильные и наиболѣе полезные результаты при снаряженіи экспедиціи въ край столь обширный и отдаленный. По этимъ соображеніямъ Комитетъ рѣшился снарядить въ экспедицію спеціалиста по части магнитныхъ, метеорологическихъ и астрономическихъ наблюденій. По просьбѣ Отдѣла Географическое Общество и Императорская Академія Наукъ снабдили экспедицію необходимыми физическими и астрономическими инструментами. Особенно дѣятельное участіе при этомъ оказалъ

Обществу помощникъ директора Главной Физической Обсерваторіи М. А. Рыкачевъ.

Независимо отъ снабженія экспедиціи инструментами Совѣтъ Общества призналъ крайне желательнымъ воспользоваться представившимся рѣдкимъ случаемъ, чтобы произвести топографическую съемку въ тѣхъ частяхъ Чукотской земли, которая будетъ посѣщена экспедиціею. А такъ какъ на сдѣланный по сему поводу запросъ Начальникъ Главнаго Штаба Военнаго Министерства отвѣчалъ полною готовностью принять на счетъ сего Министерства половину издержекъ по командировкѣ топографа, то Совѣтъ нашелъ возможнымъ остальную часть требовавшейся суммы отнести на средства Общества. Вслѣдствіе сего Вице-Предсѣдатель Общества немедленно отнесся къ Предсѣдательствующему въ Сибирскомъ Отдѣлѣ, Б. К. Кукелю, о зависящемъ содѣйствіи къ назначенію въ Чукотскую экспедицію опытнаго топографа.

Начальникъ экспедиціи, баронъ Майдель, былъ снабженъ, во время пребыванія своего въ Петербургѣ, разными инструкціями, въ числѣ которыхъ особенный интересъ представляетъ рядъ указаній, предложенныхъ экспедиціи Поч. Членомъ К. М. Бэромъ, по просьбѣ Совѣта Общества. Знаменитый ученый обратилъ вниманіе экспедиціи на вопросъ, возбудившій въ послѣднее время всеобщій интересъ въ географическомъ мірѣ, вслѣдствіе заявленія, сдѣланнаго американскимъ китобоемъ Лонгомъ объ открытой имъ къ сѣверу отъ Берингова пролива землѣ, которую онъ назвалъ по имени знаменитаго моряка и путешественника барона Врангеля. Извѣстно, что бродячіе Чукчи не разъ говорили барону Врангелю, во время его поѣздки по сѣверо-восточнымъ берегамъ Сибири, въ 1821—23 гг., что съ мыса Якана въ ясные лѣтніе дни видна бываетъ въ Ледовитомъ морѣ гористая земля. Самъ Врангель, несмотря на долгіе поиски, не могъ увидать этой земли. Вотъ почему К. М. Бэръ призналъ полезнымъ поручить снаряженной экспедиціи обратить особенное вниманіе на этотъ вопросъ и собрать по возможности положительныя свѣдѣнія о томъ, въ какомъ направленіи, на какомъ протяженіи и при какихъ обстоятельствахъ видна земля на сѣверѣ, т. е. показывается ли она во всѣ ясные дни или только изрѣдка, или даже очень рѣдко.

Другіе вопросы академика Бэра касались естественно-историческихъ предметовъ, но при этомъ имѣли также преимущественно въ виду разрѣшеніе географическихъ задачъ, относящихся до полярныхъ странъ. Такъ напр., обращая вниманіе экспедиціи на китовъ Ледовитаго моря, Бэръ замѣтилъ, что опредѣлительныя свѣдѣнія относительно того, какъ далеко на западъ заходятъ эти животныя, бросили бы новый свѣтъ на вопросъ о свойствахъ и строеніи полярнаго бассейна. Не меньшую важность представили бы наблюденія о распространеніи вдоль сѣвернаго сибирскаго берега морскихъ растеній, большихъ (такъ называемая *морская капуста*) и мелкихъ породъ.

Весьма полезное содѣйствіе, при снабженіи Чукотской экспедиціи инструкціями, было оказано Обществу извѣстнымъ датскимъ ученымъ Ринкомъ, инспекторомъ датскихъ колоній въ Гренландіи. Ринкъ, посвятившій себя

преимущественно этнографическому изслѣдованію Эскимосовъ, пріѣзжалъ нарочно въ Петербургъ, чтобы ознакомиться съ положеніемъ нашихъ изысканій объ инородцахъ сѣверо-восточной оконечности Сибири. Ринка въ особенности интересовали Чукчи, которые по всей вѣроятности находятся въ родствѣ съ Эскимосами. По возвращеніи своемъ въ Копенгагенъ Ринкъ прислалъ въ Географическое Общество рядъ вопросовъ, касающихся языка, вѣрованій и преданій береговыхъ Чукчей, а также отношеній ихъ къ оленнымъ Чукчамъ. Эти вопросы были немедленно сообщены въ Иркутскъ, для пересылки барону Майделю.

Что касается до плана экспедиціи, т. е. направленія ея поѣздокъ по Чукотской землѣ, то указаній въ этомъ отношеніи не могло послѣдовать ни со стороны Географическаго Общества, ни со стороны Отдѣла, такъ какъ экспедиція была снаряжена отъ Правительства съ опредѣленною административною цѣлью.

Впрочемъ экспедиція сама составила себѣ въ этомъ отношеніи слѣдующій планъ. Она полагала провести зиму 1868—69 гг. въ Нижне-Колымскѣ. Въ продолженіе этого времени Нейманъ, спутникъ барона Майделя, долженъ былъ съѣздить къ устью Колымы и на Крестовскій мысъ (76° ш.) для производства магнитныхъ и астрономическихъ наблюденій. Изъ Нижне-Колымска баронъ Майдель предполагалъ посѣтить живущаго недалеко отъ Анюйской крѣпостцы главнаго эрема (начальника) Чукчей Амвраургина, съ которымъ онъ уже познакомился въ 1866 г., — и объѣхать вмѣстѣ съ нимъ стойбища подвластныхъ ему Чукчей, а при возможности, доѣхать и до Чаунской губы, до которой простирались поѣздки живущаго въ тѣхъ краяхъ миссіонера. Такимъ образомъ первая зима была бы употреблена на предварительное ознакомленіе съ Чукчами, на покупку необходимаго числа оленей и вообще на приготовленія къ дальнѣйшей экспедиціи.

Въ мартѣ 1869 г. экспедиція должна была отправиться на Анюйскую ярмарку, которая продолжается семь дней. По окончаніи ярмарки баронъ Майдель полагалъ выѣхать вмѣстѣ съ Носовыми Чукчами и слѣдовать съ ними до Берингова пролива. Такъ какъ Чукчи совершаютъ свои передвиженія очень медленно и съ частыми дневками, то путешественники могли имѣть достаточно времени, чтобы производить наблюденія. Во всякомъ случаѣ предполагалось поставить экспедицію такъ, чтобы она могла и отдѣлиться отъ Чукчей и слѣдовать по тѣмъ направленіямъ, которыя будетъ желательно избрать для производства наблюденій. Такимъ образомъ весна, лѣто и осень 1869 должны были быть посвящены на изслѣдованіе пространства отъ Анюйской крѣпостцы до устья Анадыра. Здѣсь экспедиція должна была провести вторую зиму, а за тѣмъ весною 1870 года отправиться въ обратный путь, вверхъ по Анадыру и потомъ перевалить на Колыму въ Средне-Колымскъ и прибыть въ Якутскъ въ августѣ 1870 года.

Чукотская экспедиція, получивъ свое окончательное снаряженіе въ Иркутскѣ, тронулась въ путь 13-го августа 1868 г. При начальникѣ экспедиціи

состоялъ К. К. Нейманъ для астрономическихъ, магнитныхъ и метеорологическихъ наблюденій и топографъ Афанасьевъ, для производства съемокъ. При нихъ находились еще проводникъ и шесть казаковъ. Экспедиція прибыла въ Якутскъ 22-го сентября и, употребивъ 5 недѣль на свое окончательное снаряженіе, тронулась въ путь только 30 октября.

Проѣхавъ 200 вер. 1-го ноября экспедиція добралась до Алдана въ урочищѣ Джели, гдѣ экспедицію ожидали вьючныя лошади. Отсюда она вышла 7 ноября уже въ полномъ составѣ и черезъ 7 дней достигла подножія Верхоянскаго хребта, перейдя на полпути черезъ Тукулано, бурный притокъ Алдана и встрѣчая на дорогѣ только однѣ поварни, т. е. маленькіе деревянные нежилые амбарчики съ очагами. Тяжелый перевалъ черезъ Верхоянскій хребетъ (достигающій 4.700 ф. высоты) занялъ 7 часовъ, при температурѣ 26° Р. 24 ноября экспедиція прибыла въ Верхоянскъ, гдѣ термометръ даже въ теченіе трехъ недѣль былъ ниже — 40° и опустился впослѣдствіи до — 52,2°. Баронъ Майдель отправился отсюда впередъ и прибылъ въ Средне-Колымскъ 28 декабря, а Нейманъ съ остальною частью экспедиціи только 16 янв., потерявъ одного изъ своихъ казаковъ, зарѣзавшагося на дорогѣ въ одной изъ поваренъ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ извѣстій полученныхъ изъ дому. Здѣсь экспедиція впервые ознакомилась съ Чукчами, перекочевывавшими въ это время, съ разрѣшенія сообщеннаго имъ Майделемъ, на лѣвую сторону р. Колымы, въ такъ называемую Большую Тундру. Изъ Средне-Колымска бар. Майдель отправился 24 янв. въ Нижне-Колымскъ, сопровождая ѣхавшаго туда епископа Якутскаго, а оттуда въ Анюйскую крѣпостцу, для свиданія съ яремомъ Чукчей (туземнымъ начальникомъ Чукотскаго народа) Амраургиномъ. Отыскавъ Амраургина и условившись о томъ, что экспедиція съѣдется съ нимъ въ концѣ марта на Чукотской ярмаркѣ, Майдель вернулся въ Средне-Колымскъ 24 февр.

12 марта экспедиція выѣхала изъ Средне-Колымска, сдѣлавъ на оленяхъ 280 вер. до ур. Кресты, а за тѣмъ на собакахъ 200 вер. и прибыла въ Нижне-Колымскъ. Съ 23 по 25 марта экспедиція сдѣлала переѣздъ въ 260 вер. въ Анюйскую крѣпостцу, гдѣ въ это время, при морозѣ въ — 30°, все кипѣло жизнью, такъ какъ Чукотская ярмарка начиналась. Вслѣдъ затѣмъ экспедиція поспѣшила въ ставку Амраургина, находившуюся верстахъ въ 10 отъ ярмарки.

4 апрѣля, по окончаніи ярмарки, экспедиція, въ сопровожденіи Амраургина, уже тронулась въ настоящій свой путь, на изслѣдованіе малоизвѣстной Чукотской земли въ слѣдующемъ составѣ: бар. Майдель, Нейманъ, топографъ Афанасьевъ, лекарскій ученикъ Антоновичъ, 3 якутскіе казака и юкагиръ-переводчикъ. Замѣчательно, что постройка саней, упряжь и способъ ѣзды на оленяхъ у Чукчей не измѣнились въ то время въ теченіе цѣлаго столѣтія со времени Биллингса, не смотря на то, что съ тѣхъ поръ Чукчи вышли изъ своего каменнаго періода и ознакомились съ употребленіемъ желѣза и другихъ металловъ и даже сдѣлались христіанами.

Переѣздъ экспедиціи совершался на 60 саняхъ и 200 оленяхъ; собственно говоря она кочевала по Чукотской землѣ вмѣстѣ съ Чукчами.

Пройдя такими кочевками верстъ 300 экспедиція достигла 13 апр. зимовки Амраургина, расположенной на плоскогоріи въ 2.000 ф. выс., поросшемъ низкимъ и рѣдкимъ лиственичнымъ лѣсомъ, подъ 66° 35′ с. ш. и 166° 22′ на В. отъ Гринвича, гдѣ, пробывъ Пасху, выѣхала отсюда только 23 апр., а 26-го, перейдя водораздѣлъ въ 3.000 ф. выс., вышла съ системы Больш. Анюя на систему р. Анадыра (р. Энъ-Моа).

Экспедиція отсюда намѣревалась, выйти на Колюченскую губу, а оттуда на Восточный мысъ, но встрѣтила неодолимыя препятствія. Высланные Амраургиномъ впередъ Чукчи, встрѣтивъ 10 мая экспедицію, объяснили, что по пути вся отава обледенѣла и что продолжать путь по сѣверной сторонѣ хребта, отдѣляющаго Анадырскую систему отъ рѣкъ, текущихъ въ Ледовитый Океанъ, невозможно. Экспедиціи пришлось слѣдовательно идти по южной сторонѣ хребта. Между тѣмъ съ 9 мая уже появились предвѣстники весны—пролетныя птицы и полярная весна началась очень рано. Погода становилась все теплѣе и теплѣе и 29 мая экспедиція наткнулась уже на первую вскрывшуюся рѣку (одинъ изъ сѣверныхъ притоковъ Анадыра), на которой пришлось строить плотъ для переправы. Дорожныя бѣдствія усилились; какъ только рѣчки были глубже аршина, всѣ вещи и припасы промокали на низкихъ чукотскихъ саняхъ, и приходилось ихъ высушивать въ теченіе цѣлыхъ сутокъ, не говоря уже о потерѣ времени при поискахъ мелкихъ мѣстъ. Въ такихъ условіяхъ экспедиція подвигалась очень медленно. Съ половины іюня вся тундра распустилась; приходилось идти пѣшкомъ, переходя съ кочки на кочку. Съ 20 іюня появились комары, а за ними и пауты — страшные бичи оленей. При крайнемъ ихъ изнуреніи экспедиція могла двигаться только по 5 верстъ въ сутки. Погода въ іюлѣ была ужасная; днемъ термометръ поднимался свыше 13°Р., а ночью опускался ниже 0, вѣтры дули постоянно, нагоняя туманы и пасмурную погоду. Все это до крайности затрудняло не только астрономическія, но и магнитныя наблюденія, которымъ препятствовали желѣзныя колья палатки. 27 іюля было солнечное затмѣніе, напугавшее Чукчей; къ сожалѣнію наблюденія надъ нимъ Нейману пришлось дѣлать на 16′ сѣвернѣе его тотальности. Черезъ нѣсколько дней послѣ затмѣнія экспедиція встрѣтилась въ первый разъ съ Оленными или Сидячими Чукчами, отъ которыхъ узнала что море уже близко.

1 авг. экспедиція увидѣла море. Это была Капчелонская губа — часть Большерѣченско-Анадырскаго залива и, хотя море было всего только въ 30 верстахъ, путешественники добрались до него въ 18 сутокъ, затрудняемые дождями и встрѣчая озера соединенныя между собою протоками (висками). Только 19 авг. экспедиція достигла крутаго и высокаго берега моря (40 саж. выс.), которому Чукчи принесли обычную жертву (оленя).

Изобиліе рыбы и морскихъ животныхъ въ Анадырскомъ заливѣ было изумительно. 22 авг. выпалъ снѣгъ и свирѣпствовала страшная пурга, такъ что отъ надежды доплыть отсюда въ туземныхъ байдарахъ до Чукотскаго

Носа экспедиціи пришлось отказаться. Мѣсто стоянки на берегу моря находилось подъ 64° 48′ с. ш.

Отсюда экспедиція пустилась въ обратный путь, слѣдуя параллельно Анадыру, но верстъ на 100 сѣвернѣе его. 16 сент. выпалъ снѣгъ и установился уже хорошій санный путь, и только переправы черезъ незамерзшія рѣки все еще останавливали путешественниковъ. На одной изъ этихъ рѣкъ, уже замерзшей, пришлось однакоже просидѣть цѣлую недѣлю, такъ какъ ледъ не былъ еще достаточно проченъ для перегонки цѣлаго табуна оленей (до 600 головъ). Только 19 окт. экспедиція достигла р. Анадыра и первыхъ русскихъ домовъ, а 27 окт. прибыла и въ Анадырскій острогъ. Осень 1869 г. была необыкновенно удачна какъ для рыбной ловли, такъ и для оленьяго промысла, изъ за котораго жители, вслѣдствіе частыхъ наводненій, переселялись въ лежащее выше по Анадыру село Марково. Въ послѣднемъ жили въ то время: миссіонеръ, дьячекъ, 12 казаковъ съ урядникомъ и до 60 осѣдлыхъ инородцевъ. Изъ Маркова 8 ноября бар. Майдель поѣхалъ въ Гижигу, для переговоровъ съ тамошнимъ исправникомъ, а Нейманъ на собакахъ въ Нижне-Колымскъ.

Нейманъ ѣхалъ 16 вер. вдоль Анадыра, а за тѣмъ 7 дней поднимался по р. Подъемной, до вершины которой достигъ 16 ноября, а за тѣмъ совершилъ, при пургѣ и 30° мороза, переѣздъ черезъ Анадырскій хребетъ, на которомъ едва не погибъ, попавъ на край пропасти между двумя снѣговыми обвалами. Только 27 ноября путешественникъ добрался до впаденія р. Эломбала въ Мал. Анюй, гдѣ въ это время строилась, по заказу Амраургина, часовня во имя Св. Андрея, его патрона. Отъ Эломбалы Нейманъ направился въ находящуюся оттуда въ 120 вер. Анюйскую крѣпостцу, куда прибылъ, сдѣлавъ въ 1 день 120 вер., а за тѣмъ и доѣхалъ до Нижне-Колымска 2 декабря, совершивъ весь свой переѣздъ въ 1,200 вер. въ 24 дня.

Городъ оказался въ это время почти пустымъ; только въ 4 домахъ его жили люди. 28 декабря прибылъ туда и топографъ Афанасьевъ, ѣхавшій другимъ путемъ изъ Маркова, вмѣстѣ съ Амраургиномъ. Нейманъ занялся здѣсь своими наблюденіями, а Афанасьевъ составленіемъ карты.

5 февраля—оба предприняли поѣздку на Медвѣжьи острова, лежащіе въ Ледовитомъ океанѣ противъ устья Колымы. Для этой цѣли они спустились по Колымѣ до ея устья при Маломъ Чукочьемъ, отстоящемъ въ 150 вер. отъ Нижне-Колымска, но на этотъ разъ поѣздка, по случаю ужасной пурги, не удалась: путешественники доѣхали только до Каменнаго острова, лежащаго въ самомъ устьѣ Колымы, переѣхали на восточный берегъ рѣки и оттуда вернулись назадъ въ Нижне-Колымскъ 12 февраля. Черезъ 2 дня прибылъ туда и бар. Майдель, благополучно окончивъ поѣздку въ Гижигу и объѣхавъ нѣкоторыя стойбища оленныхъ Чукчей по Анадыру. Вскорѣ пріѣхали и купцы по пути на Анюйскую ярмарку и городъ оживился. Въ концѣ февраля Майдель и Ней-

манъ отправились на ярмарку, которая въ 1870 г. была еще значительнѣе чѣмъ въ 1869 г.

13 апрѣля Нейманъ снова предпринялъ поѣздку на Медвѣжьи острова. 14-го онъ доѣхалъ до Малаго Чукочья, а 15-го, слѣдуя отъ устья Колымы вдоль прибрежья, достигъ до Большого Чукотскаго мыса (110 вер. отъ Мал. Чукочей). 16-го октября онъ уже былъ 50 вер. далѣе, на устьѣ рч. Агафоновки, откуда въ ясную погоду видѣлъ первый изъ Медвѣжьихъ острововъ Крестовый.

18 апрѣля Нейманъ на 8 нартахъ пустился въ море и къ вечеру достигъ до острова, а 19 апрѣля опредѣлилъ географическое его положеніе, произвелъ магнитныя наблюденія, объѣхалъ островъ и собралъ на немъ горныя породы. Затѣмъ, въ теченіе трехъ послѣдующихъ дней, Нейманъ осмотрѣлъ всѣ 4 Медвѣжьихъ острова, убилъ, при помощи спутниковъ, двухъ бѣлыхъ медвѣдей и выѣхалъ на материкъ около мыса Большаго Барановаго Камня. Послѣдній переѣздъ отъ Малаго Бараньяго Камня къ устью Колымы по морю былъ особенно затрудненъ разсолами, т. е. вымерзшею морскою солью, лежащею на поверхности льда и крайне затрудняющею ѣзду. 29 апрѣля Нейманъ вернулся въ Нижне-Колымскъ, вполнѣ достигнувъ своей цѣли производствомъ наблюденій на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ за 50 и 100 лѣтъ ихъ дѣлали Врангель, Биллингсъ, Лаптевъ и Шалауровъ.

Въ то время, когда Нейманъ ѣздилъ на Медвѣжьи острова, бар. Майдель сдѣлалъ попытку достигнуть до мыса Якана, съ цѣлью выяснить вопросъ, заданный экспедиціи К. М. Бэромъ о Врангелевой землѣ. 8 апрѣля съ Анюйской ярмарки Майдель отправился на 8 нартахъ къ сѣверу, перевалилъ черезъ горы, спустился по р. Малой Барашкѣ къ Ледовитому морю, и отсюда вдоль прибрежья направился къ мысу Якану. 25 апрѣля онъ уже былъ въ 15 вер. отъ мыса, но далѣе проникнуть не могъ. Вслѣдствіе неблагопріятнаго исхода рыбной ловли въ 1868 и 1869 г. на Колымскомъ прибрежьи запасовъ рыбы не было и кормить собакъ было нечѣмъ. Попытки найти бѣлыхъ медвѣдей для корма собакамъ не увѣнчались успѣхомъ, и путешественнику пришлось вернуться назадъ. Однако же всѣ распрошенные Майделемъ Чукчи свидѣтельствовали о томъ, что не съ мыса Якана, а съ болѣе высокихъ горъ, можно видѣть горы Врангелевой земли. Но обыкновенно они видѣли горы Врангелевой зелени тогда, когда, отправляясь въ своихъ байдарахъ въ море, отплывали отъ берега на такое разстояніе, что ихъ берегъ съ его мысами и горами исчезалъ изъ виду; тогда они видѣли Врангелеву землю, которая ясно представлялась имъ въ видѣ покрытаго снѣгомъ и льдомъ горнаго кряжа, на которомъ, при ясной погодѣ, можно было различить, что этотъ снѣгъ и ледъ лежали только въ разсѣлинахъ скалистаго кряжа.

Но ни сами Чукчи, ни ихъ предки, насколько они могли помнить, не бывали на Врангелевой землѣ. Доѣхать туда на байдарахъ слишкомъ далеко, такъ какъ Чукчи никогда не отваживаются пускаться въ море далѣе чѣмъ на 24 часа, а зимою невозможно положиться на прочность льда, потому что въ направленіи къ Врангелевой землѣ всегда бываютъ видны ту-

манныя полосы, указывающія на полыньи, а высокіе торосы измѣняютъ свой видъ, слѣдовательно ледъ находится въ движеніи.

Что же касается до пролета птицъ, на который Бэръ въ своихъ вопросахъ обратилъ вниманіе экспедиціи, то свѣдѣнія о немъ также подтверждали существованіе Врангелевой земли. Въ особенности туземцы замѣчали, что пролетъ, прямо на сѣверъ на Врангелеву землю, замѣтенъ верстахъ въ 32 къ западу отъ того мѣста, гдѣ вышелъ на Ледовитое море Майдель. Пролетъ совершается большими стаями; осенью птицы возвращаются назадъ, но уже не такими стаями. Птицы эти самыя раннія: красивая порода утокъ, за тѣмъ бѣлые гуси, другія породы утокъ и кулики [1]).

Необходимо замѣтить, что с.-в. уголъ восточн. Сибири, т. е. Колымскій и Чукотско-Анадырскій край, съ его интереснымъ туземнымъ населеніемъ, обращалъ на себя вниманіе Сибирскаго Отдѣла еще съ самаго начала разсматриваемаго періода. Такъ въ книжкахъ III и IV Запис. Сибирск. Отд., изданныхъ еще въ 1857 году были напечатаны двѣ весьма интересныя статьи чл. Сибирск. Отд.: свящ. А. Аргентова: „Описаніе Чаунскаго Николаевскаго края“ (37 стр.) и „Путев. Запис. въ приколымск. мѣстности“ (57 стр.).

Независимо отъ описанныхъ четырехъ главныхъ экспедицій, предпринятыхъ и организованныхъ Сибирскимъ Отдѣломъ, отчасти при содѣйствіи Совѣта Географическаго Общества, Отдѣлъ, сгруппировавъ въ своей средѣ всѣхъ тѣхъ, кто только могъ быть полезнымъ географическимъ изслѣдованіямъ въ Сибири, произвелъ цѣлую массу интереснѣйшихъ работъ въ этомъ направленіи.

Ближайшее вниманіе Отдѣла было направлено, разумѣется, на мало извѣстныя горныя части Иркутской губерніи.

Такъ, когда Д. Чл. Пермикину удалось открыть близь Байкала пріиски lapis lazuli, то Чл. Отд. горн. инж. Версиловъ въ 1857 г. осмотрѣлъ ихъ и сдѣлалъ ихъ обстоятельное описаніе. Въ 1860 г. чл. Отд. Будогосскій произвелъ интересное изслѣдованіе долины р. Китоя, начиная отъ ея верховья до селенія Китойскаго. Съ этою цѣлью онъ изъ Ниловой пустыни отправился на ю.-з. вдоль Тункинскаго хр., переваливъ этотъ хребетъ въ вершинахъ верхняго Холхондоя, спустился по Нижнему Холхондою, достигъ до вершины Китоя, спустился внизъ по теченію этой рѣки, но позднее время и прибыль воды воспрепятствовали ему слѣдовать по Китою далѣе устья Сахангера, вслѣдствіе чего Будогосскій повернулъ въ долину этого притока, перешелъ по его вершины, перевалилъ Оспинскій голецъ, спустился въ долину Оспы, оттуда вышелъ къ вершинѣ р. Даялона, и достигъ по этой рѣкѣ р. Бѣлой. Во время своего слѣдованія Будогосскій снялъ маршрутную карту всего пройденнаго пути. Въ 1862 г. Чл.-Сотр. Н. И.

---

[1]) Отвѣты на остальные вопросы Бэра представлены были бар. Майделемъ, на сколько было ему возможно, обстоятельно. См. Изв. Сибирс. Отд. Геогр. Общ. Т. II. 1871, № 1—2, стр. 60—70. Подробные отчеты Начальника экспедиціи барона Майделя начали появляться только теперь въ академическомъ изданіи: Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches. Первый томъ этихъ отчетовъ изданъ въ 1893 г. подъ заглавіемъ Reisen und Forschungen im Jakutischen Gebiet Ost-Sibiriens in den Jahren 1861—71. По всѣмъ вѣроятіямъ этихъ отчетовъ выйдетъ еще два тома.

Поповъ посѣтилъ Тункинскій край, а въ 1864 г. чл. Отд. протоіер. Стуковъ занимался здѣсь этнографическими изслѣдованіями о Бурятахъ.

Но гораздо болѣе обстоятельное изслѣдованіе этого края было сдѣлано въ 1865 г. чл. Отд. кн. П. А. Кропоткинымъ. При этомъ Кропоткинъ не ограничился изслѣдованіемъ только Тункинской котловины и долины р. Иркута до самыхъ ея верховьевъ, но изслѣдовалъ и водораздѣлъ рѣкъ Иркута, Оки и Бѣлой, извѣстный подъ именемъ Нуку-Дабанъ, окрестности Алиберовскаго графитнаго пріиска, верхнее теченіе Оки и Окинскіе водопады, при чемъ производилъ глазомѣрную съемку и геологическія наблюденія. Въ томъ же году Дѣйств. Чл. Общ. Горн. Инж. Фитингофъ, опредѣлившій 200 образцовъ горныхъ породъ привезенныхъ кн. Кропоткинымъ, изслѣдовалъ пласты каменнаго угля по р. Балею, притоку Ангары.

Одновременно съ кн. Кропоткинымъ въ средѣ Отдѣла явился и другой предпріимчивый путешественникъ—учитель Иркутской военной школы И. С. Поляковъ (казакъ родомъ, при замѣчательной своей талантливости самъ себя образовавшій, впослѣдствіи сдѣлавшійся магистромъ и докторомъ С.-П.-Б. Университета и ученымъ консерваторомъ зоологическаго музея Академіи Наукъ). Этотъ молодой естествоиспытатель, выѣхавъ 12 іюня 1867 г. изъ Иркутска и, переплывъ на лодкѣ Байкалъ къ Култуку, отправился оттуда 25 іюня въ Тункинскую котловину, за тѣмъ пробрался черезъ долину Хорема въ самые малоизвѣстные уголки Саянскаго хребта, на хребетъ Хирбей-Норчунъ, гольцы Саганъ, Шолотой, Бухэй-Хардыкъ, Экда-Ургудей и самый высокій Хорта-Хардыкъ; за тѣмъ Поляковъ посѣтилъ и пограничные караулы Ургудѣевскій и Кличевскій на р. Цакирѣ. Здѣсь горы представлялись въ видѣ плоскихъ уваловъ, встрѣчалось населеніе скотоводческо-звѣроловческое; земледѣльческая же промышленность лежитъ здѣсь, благодаря климатическимъ условіямъ — холодамъ, въ предѣлахъ перемежающихся урожаевъ; это же самое Поляковъ видѣлъ и дальше въ долинѣ Джиды, почти до ст. Харацая, куда по Джидѣ пролегалъ дальнѣйшій его путь. Все пространство верхняго теченія Джиды носило на себѣ признаки горной страны по своему холодному климату, по характеру лѣсовъ, по высотѣ своего положенія; даже Харацай лежитъ несравненно выше Тунки, не говоря о всѣхъ другихъ поселеніяхъ верхняго теченія. Сообразно съ этимъ и млекопитающія и птицы представлялись только въ тѣхъ видахъ, которые характеризуютъ своимъ распространеніемъ горныя, альпійскія страны. Въ этомъ смыслѣ въ особенности интересно было распространеніе здѣсь особой альпійской разновидности байбака (Arctomys Bobac), которой нѣкоторое подобіе находится и въ Витимскихъ горныхъ странахъ. Начиная съ Харацая, долина Джиды замѣтно теряла свой горный характеръ; урожаи здѣсь, хотя и не въ высокой степени, но постоянны, растительность разнообразнѣе, что отражается также и на характерѣ пернатыхъ обитателей.

Оставивъ нижнее теченіе Джиды, куда, за недостаткомъ времени, Поляковъ отъ Харацая избралъ путь черезъ оставленную почтовую дорогу—

Игумновскій трактъ, пробылъ предварительно дня два въ селѣ Армакъ, для ознакомленія съ бытомъ здѣшнихъ жителей, тунгусовъ, сохранившихся здѣсь въ небольшомъ числѣ. 4 августа г. Поляковъ оставилъ Армакъ и 5-го вступилъ снова въ область горной Прибайкальской страны. Съ р. Снѣжной хребты начинаютъ повышаться до вершинъ р. Ланчатуя, откуда они идутъ, понижаясь къ Байкалу. На пути, въ этой именно мѣстности, путешественнику пришлось бороться со снѣгомъ и сильной вьюгой, а также съ трудностями стараго, пришедшаго въ разрушеніе почтоваго тракта. 9-го августа Поляковъ прибылъ въ с. Култукъ и, переѣзавъ сѣверо-западное Байкальское плоскогоріе, 11 августа достигъ Иркутска.

На пути Поляковъ производилъ барометрическія и термометрическія наблюденія, приготовилъ до 40 шт. чучелъ птицъ и собралъ до 100 видовъ растеній, добылъ шкурки, преимущественно небольшихъ млекопитающихъ. Въ окрестностяхъ Тунки, въ разрушающихся песчаныхъ холмахъ, Поляковъ добылъ коллекцію каменныхъ орудій, принадлежавшихъ вѣроятно аборигенамъ тунгусскаго племени; изъ этихъ же песковъ онъ выгребъ сгнившій скелетъ съ сохранившимся черепомъ и съ атрибутами (бусами и мѣдной тарелкой), принадлежащій монгольскому племени; кромѣ этого черепа, а также и другаго, найденнаго на поверхности песковъ, ему удалось достать два черепа современныхъ бурятъ, живущихъ въ Тункѣ.

Въ 1870 г. Тункинская котловина и вообще долины Иркута и верхней Оки были изслѣдованы и еще въ одномъ отношеніи, а именно этнографическомъ Д. Чл. Общ. П. А. Ровинскимъ.

Съ 1867 по 1869 г. очень усердно занимался въ окрестностяхъ Иркутска энтомологическими сборами Д. Чл. Общ. М. П. Пуцилло. Этотъ Пуцилло въ 1868 совершалъ для зоологическихъ сборовъ поѣздки на Култукъ, въ Тунку, на Хамаръ-Дабанъ и Нуку-Дабанъ.

Съ 1868 г., въ средѣ Сибирскаго Отдѣла, явились новыя и притомъ весьма полезныя для изслѣдованія края научныя силы, въ лицѣ нѣкоторыхъ сосланныхъ въ Восточную Сибирь послѣ польскаго возстанія Поляковъ. Между ними особенно выдавались своею талантливостью и очень основательными научными познаніями А. Л. Чекановскій и Дыбовскій.

А. Л. Чекановскій, какъ отличный геологъ, былъ съ 1869 г. приглашенъ Сибирскимъ Отдѣломъ для обширнаго и обстоятельнаго геологическаго изслѣдованія Иркутской губерніи. Изслѣдованія Чекановскаго въ 1869 и 1870 гг. велись весьма систематически. Въ опредѣленной постепенности онъ изслѣдовалъ: Байкальское прибрежье отъ Иркутска до Култука, теченіе Ангары, между Иркутскомъ и Балаганскомъ, линію отъ Балаганска до Верхоленска и оттуда къ острову Ольхону, Байкальскій хребетъ отъ Ольхона до выхода Ангары изъ Байкала и наконецъ хребетъ Хамаръ-Дабанскій.

Результаты изслѣдованій Чекановскаго для познанія геологическаго строенія Околобайкалья и вообще Иркутской губерніи были весьма велики; однимъ изъ замѣчательныхъ результатовъ этихъ изслѣдованій было то, что каменные

угли Иркутской губерніи оказались принадлежащими не къ каменноугольному, а къ юрскому періоду.

Одновременно съ изслѣдованіями Чекановскаго проживавшіе въ то время въ Култукѣ ссыльные Дыбовскій (нынѣ профессоръ въ Львовскомъ Университетѣ) и Годлевскій производили превосходныя зоологическія набюденія надъ водною фауною Байкальскаго озера.

Несравненно менѣе изслѣдованій, кромѣ вышеупомянутой Туруханской экспедиціи, было предпринимаемо Обществомъ и его Сибирскимъ Отдѣломъ въ предѣлахъ обширной Енисейской губерніи. Однакоже еще въ 1858 г. Д. Чл. Общества К. Будогосскій совершилъ поѣздку на верхніе притоки Енисея. Онъ, въ сопровожденіи шт.-кап. Турбина, первый посѣтилъ страну горныхъ Урянховъ, составилъ путевой журналъ пройденнаго пути и маршрутную карту этого пространства. Точно также неутомимый Чл. Сотр. Отдѣла князь Костровъ сообщалъ отдѣлу интересныя этнографическія данныя о Кайбалахъ-Бирюсахъ и о Шушенской вол., напечатанныя въ 1863 г. въ Зап. Сиб. Отд. Геогр. Общ., а Чл. Отдѣла шт.-кап. Мажный совершалъ въ 1863 г. интересныя поѣздки въ Минусинс. округѣ по р. Казыру, на земляхъ Ирбинскаго зав., на р. Шадата, на оз. Черномъ, въ верховьяхъ р. Амына, на гранитныхъ вершинахъ хребта Тороса, на р. Усѣ, на верховьяхъ Абакана и р. Бѣломъ Юсѣ. Главная цѣль его поѣздки состояла въ изслѣдованіи топографіи и исторіи Минусинскаго края, но попутно онъ собиралъ и горныя породы. Со времени этой поѣздки и работъ Сибирской экспедиціи, въ теченіе разсматриваемаго періода, не было значительныхъ изслѣдованій въ южной, Присаянской, части Енисейской губерніи.

Что же касается до Забайкальской области, то особенное вниманіе Отдѣла было обращено на бассейнъ р. Селенги и происходившій въ этомъ бассейнѣ рядъ землетрясеній. Наблюдателемъ этихъ землетрясеній, въ теченіе продолжительнаго періода лѣтъ, былъ Чл.-Сотр. Кельбергъ, доставившій Отдѣлу какъ по этому предмету, такъ и вообще по географіи и этнографіи Селенгинскаго бассейна, многочисленныя свѣдѣнія. О землетрясеніи въ Кяхтѣ сообщалъ въ 1862 г. Д. Чл. А. И. Деспотъ-Зеновичъ. Въ 1868 г. Д. Чл. Общ. Горн. Инж. Фитингофъ также производилъ обстоятельныя изслѣдованія въ области Забайкальскихъ землетрясеній, осмотрѣвъ многія изъ мѣстностей, въ которыхъ происходили эти землетрясенія. Сибирскій Отдѣлъ вообще собралъ драгоцѣнные матерьялы для этихъ землетрясеній, обстоятельно разработанные его Правителемъ Дѣлъ А. С. Сгибневымъ, въ его отчетѣ за 1863 г. Очень интересныя этнографическія свѣдѣнія о Бурятахъ Забайкальской области доставлялъ еще протоіер. Стуковъ, котораго три статьи о Бурятахъ были напечатаны въ 1865 г. въ VIII кн. Запис. Сиб. Отд. Въ 1866 г. Отдѣлъ командировалъ въ Забайкальскій край Д. Чл. А. М. Ломоносова для изслѣдованія химическаго состава многочисленныхъ тамъ минеральныхъ источниковъ. Въ томъ же году Дѣйств. Чл. горн. инж. Павлуцкій занимался раскопкою кургановъ въ Забайкальѣ. Раскопки свои онъ производилъ въ холмѣ Карабаянъ близъ

лючинскаго рудника, въ Кондуйскихъ курганахъ на р. Кандуѣ, а также въ долинѣ р. Харкира и наконецъ изслѣдовалъ замѣчательный древній валъ по р. Аргуни. Въ 1868 г. Дыбовскій представилъ Отдѣлу прекрасные результаты своихъ интереснѣйшихъ изслѣдованій объ ихтіологической фаунѣ рѣкъ Онона и Ингоды. Съ 1870 г. въ средѣ Отдѣла замѣчательнымъ изслѣдователемъ частыхъ землетрясеній въ Забайкальской области явился Д. Чл. А. П. Орловъ, совершившій въ 1870 г., по порученію Отдѣла, поѣздку за Байкалъ, для изслѣдованія причинъ бывшихъ лѣтомъ 1869 г. чрезмѣрныхъ наводненій. Онъ собралъ подробныя свѣдѣнія о ходѣ послѣдняго наводненія, главнымъ образомъ успѣлъ найти въ Селенгинскомъ архивѣ извѣстія о наводненіяхъ прежнихъ временъ, а именно 1751, 1785 и 1830 года. Другія изысканія Орлова касались р. Селенги. Подвижность русла сибирскихъ рѣкъ къ востоку, такъ превосходно выставленная на видъ академикомъ Миддендорфомъ, была ближайшимъ поводомъ къ тому, что Орловъ обратилъ вниманіе на это явленіе въ отношеніи къ р. Селенгѣ. Наблюденія, собранныя по этому предмету, привели его къ заключенію, что эта рѣка, несмотря на то, что въ теченіи своемъ и многочисленныхъ изгибахъ весьма уклоняется отъ меридіональнаго направленія, очевидно передвигаетъ, однакоже, свое русло къ правому берегу, т. е. къ востоку. Въ связи съ изслѣдованіями о руслѣ Селенги находились и наблюденія о соотношеніяхъ этой рѣки къ Гусиному озеру. Въ эту же поѣздку Орловъ собралъ весьма важныя свѣдѣнія объ измѣненіи уровня Байкальскихъ водъ, а также о землетрясеніяхъ въ окрестностяхъ Байкала, въ концѣ лѣта и осенью 1869 г. Въ этихъ послѣднихъ явленіяхъ выразилось замѣчательное соотношеніе съ измѣненіемъ уровня подземныхъ водъ, обусловливаемыхъ количествомъ нисподающей атмосферной воды; въ то время, когда это количество падающей воды было самое большое, и слѣдовательно, когда подземныя пути переполнялись просачивающейся водой, землетрясенія были весьма рѣдки и слабы; но когда произошла достаточная убыль этой подземной воды и пустоты такимъ образомъ опоражнивались, тогда въ нихъ начинались обрушенія, которыя и порождали мѣстныя повышенія уровня почвенныхъ водъ. Орловъ помѣстилъ цѣлый рядъ статей, какъ объ этихъ землетрясеніяхъ такъ и объ измѣненіяхъ уровня Байкала въ т. I „Извѣстій" Сибирскаго Отдѣла (1870 г.).

Въ предѣлахъ собственно Западной Сибири (губерній Тобольской и Томской), ни Общество, ни его Сибирской Отдѣлъ въ разсматриваемомъ періодѣ не предпринимали никакихъ экспедицій. Снаряженная Кабинетомъ Его Имп. Величества въ концѣ предшедшаго періода экспедиція для съемки Алтая, въ которой и Географич. Общество принимало нѣкоторое, хотя косвенное участіе (стр. 93), была благополучно окончена въ началѣ разсматриваемаго періода и имѣла своимъ результатомъ прекрасно составленную начальник. экспедиціи Подполк. Мейеномъ въ 1864 г. и изданную Кабинетомъ въ 1868 г. карту Алтая.

Многіе изъ Членовъ-Сотрудниковъ Общества, пребывавшихъ въ раз-

сматриваемомъ періодѣ въ Западной Сибири и занимаясь тамъ географическими этнографическими изслѣдованіями, сообщали о нихъ интересныя статьи въ изданіяхъ Общества. Такъ дѣятельный Чл.-Сотр. Общества Н. А. Абрамовъ, жившій въ предшедшемъ періодѣ въ Березовѣ, а въ разсматриваемомъ въ Семипалатинскѣ, сообщилъ Обществу напечатанныя въ этомъ періодѣ слѣдующія изслѣдованія, касающіяся Западной Сибири: „Описаніе Березовскаго края“ (Зап. И. Р. Г. Общ. кн. XII, 1857); „Гор. Тюмени“ (Вѣстн. 1858 г.); „Описаніе желѣзн. зав. въ Сибири“ (Вѣстн. 1860); „Опис. Семипалатинска“ (Зап. 1861 г.); „Усть-Каменогорска“ (Зап. 1863 г.). Независимо отъ того Н. А. Абрамовъ въ теченіе всего періода сообщалъ Обществу метеорологическія свои наблюденія въ Семипалатинскѣ. Другой Чл.-Сотр. Г. Н. Потанинъ сообщалъ свои изслѣдованія; „О торговлѣ Томска въ XVII в.“ (Вѣстн. 1859 г.), „О числѣ жит. въ Зап. Сибири въ XVIII в.“ (Вѣстн. 1860 г.) и „Юго-Зап. часть Томской губ. въ этнографическомъ отношеніи“ (Запис. 1864 г.). Чл. Сотр. свящ. В. Вербицкій — „О языкѣ Алтайск. инородцевъ“ (Вѣстн. 1888 г.). Чл. Сотр. Шанековъ — „О Шаманствѣ въ Сибири“ (Зап. 1864 г.). Наконецъ Д. Чл. Общества сообщили: И. А. Полетика: „Геогн. опис. за мат. пр. Маріинск. окр.“ (Вѣстн. 1860 г.), М. И. Венюковъ: „Обз. внѣшн. торг. черезъ Зап. Сибирь“ (Зап. 1861 г.), и А. Принтцъ „Каменьщики“ Бухмарминской волости (Зап. по Общ. Геогр. 1867 г.).

ГЛАВА XVII.

Экспедиціи и поѣздки Членовъ Общества и Сибирскаго его Отдѣла въ Манчжурію и Монголію.

Тянъ-цзинскій и Пекинскій договоры съ Китаемъ открывали до нѣкоторой степени Русскимъ доступъ въ предѣлы Китайской Имперіи, обусловленный слѣдующими обстоятельствами. Еще во время заключенія Тянь-цзиньскихъ трактатовъ въ 1858 году Великобританскій Полномочный Коммиссаръ Лордъ Эльгинъ, несмотря на отчаянное упорство Китайцевъ, добился включенія въ англійскій трактатъ условія, по которому англійскіе подданные получали право путешествовать для своего удовольствія или же съ цѣлями торговыми во всѣхъ частяхъ внутренняго Китая. Въ виду такой статьи, и по праву наиболѣе благопріятствуемой державы, выговоренному нашимъ тяньцзиньскимъ трактатомъ, Россіи представился случай воспользоваться возможностью основательно ознакомиться съ обширнымъ сосѣднимъ государствомъ, съ которымъ мы находились въ сношеніяхъ уже болѣе двухъ вѣковъ. Но осуществить такой доступъ на практикѣ было не легко, такъ какъ мѣстныя китайскія власти, руководствуясь безъ сомнѣнія инструкціями, даваемыми имъ изъ Пекина, старались или ставить неопродолимыя препятствія проѣздамъ нашихъ путешественниковъ, или создавать имъ условія, совершенно неблагопріятныя для какихъ бы то ни было наблюденій и научныхъ изслѣдованій.

Русскій Уполномоченный въ Тянь-Цзинѣ графъ Е. В. Путятинъ обратилъ особенное вниманіе на упомянутую статью договора и по возвращеніи въ Петербургъ, въ концѣ 1858 года, въ числѣ разныхъ предположеній, касавшихся оживленія сношеній Россіи съ Китаемъ, вошелъ съ представленіемъ о необходимости скорѣйшаго снаряженія въ Китай экспедиціи съ цѣлью всесторонняго изслѣдованія этой страны въ научномъ и торговомъ отношеніяхъ. Предположеніе это было одобрено Правительствомъ, а осуществленіе его было возложено на Географическое Общество. Нельзя не сожалѣть о томъ, что, по независимымъ отъ Общества обстоятельствамъ, отправленіе ученой экспедиціи во внутреннія провинціи Китая, въ то время не состоялось.

Но Императорское Русское Географическое Общество, поставившее

себѣ постоянно одною изъ главныхъ своихъ задачъ изслѣдованіе внутренности Азіатскаго материка, а также живой и дѣятельный Сибирскій Отдѣлъ Общества и просвѣщенные генералъ-губернаторы Восточной Сибири, которымъ удалось, благодаря Айгунскому и Пекинскому договорамъ, распространить владычество Россіи до Восточнаго Океана и стать все болѣе и болѣе прочною ногою во вновь пріобрѣтенныхъ странахъ, направляли всѣ усилія для того, чтобы постепенно ознакомиться въ особенности съ сосѣдними съ нами частями Китайской Имперіи. Эти усилія постепенно нашли себѣ прочную точку опоры въ нашей Пекинской миссіи, превратившейся въ разсматриваемомъ періодѣ уже въ настоящее посольство, и въ консульствахъ, учреждаемыхъ въ важнѣйшихъ изъ близкихъ къ нашей границѣ торговыхъ пунктовъ.

Исходными точками въ разсматриваемомъ періодѣ нашихъ попытокъ для географическихъ изслѣдованій въ сопредѣльной съ нами Манчжуріи, которую Китайцы особенно ревниво охраняли отъ посѣщенія Русскими, были: Старо-Цурухайтуевскій постъ на Аргуни въ Забайкальской области, Благовѣщенскъ и китайскій городъ Айгунъ, Михайло-Семеновская станица на Амурѣ и наконецъ самый Пекинъ.

Изъ Стараго Цурухайту были сдѣланы, при участіи Сибирскаго Отдѣла Общества, въ разсматриваемомъ періодѣ двѣ попытки проникнуть въ Манчжурію.

Одна изъ нихъ заключалась въ посылкѣ въ 1862 году Чл.-Кор. Сибирск. Отд. Н Хилковскаго изъ Стараго Цурухайту, для развѣдки пути, ведущаго оттуда въ манчжурскій городъ Цицикаръ, при чемъ Хилковскій на первый разъ долженъ былъ ограничиться посѣщеніемъ монгольскаго города Хайлара, лежащаго верстахъ въ 75 отъ нашей границы на р. Хайларѣ, притокѣ Аргуни, еще на монгольской сторонѣ Хинганскаго хребта, но служащаго узловымъ пунктомъ двухъ ведущихъ въ Манчжурію дорогъ, а именно въ города Цицикаръ и Мергенъ, изъ которыхъ каждый отстоитъ отъ Хайлара на 420 верстъ. Поѣздка Хилковскаго, занявшая всего 27 дней (въ августѣ), имѣла результатомъ не только ознакомленіе съ дорогою до Хайлара и съ самымъ городкомъ Хайларомъ и его торговымъ значеніемъ, но и собраніе обстоятельныхъ распросныхъ свѣдѣній о дорогѣ изъ Хайлара въ Цицикаръ [1]).

Несравненно болѣе важною, по отношенію къ полученнымъ для географической науки результатамъ, была поѣздка въ 1864 году изъ Цурухайту черезъ Мергенъ въ Айгунъ Д. Чл. Общ. Кн. П. А. Кропоткина, пересѣкшая не только Хинганскій хребетъ, но и весь вторгающійся между Забайкальскою и Амурскою областями с. з. уголъ Манчжуріи, по самому прямому пути изъ Аргуни въ Айгунъ. Путь этотъ впослѣдствіи сдѣлался весьма

[1]) Отчетъ Н. Хилковскаго (8 печ. стр.) былъ напечатанъ въ VIII кн. Запис. Сиб. Отд., изданной въ 1865 г.

манныя полосы, указывающія на полыньи, а высокіе торосы измѣняютъ свой видъ, слѣдовательно ледъ находится въ движеніи.

Что же касается до пролета птицъ, на который Бэръ въ своихъ вопросахъ обратилъ вниманіе экспедиціи, то свѣдѣнія о немъ также подтверждали существованіе Врангелевой земли. Въ особенности туземцы замѣчали, что пролетъ, прямо на сѣверъ на Врангелеву землю, замѣтенъ верстахъ въ 32 къ западу отъ того мѣста, гдѣ вышелъ на Ледовитое море Майдель. Пролетъ совершается большими стаями; осенью птицы возвращаются назадъ, но уже не такими стаями. Птицы эти самыя раннія: красивая порода утокъ, за тѣмъ бѣлые гуси, другія породы утокъ и кулики [1]).

Необходимо замѣтить, что с.-в. уголъ восточн. Сибири, т. е. Колымскій и Чукотско-Анадырскій край, съ его интереснымъ туземнымъ населеніемъ, обращалъ на себя вниманіе Сибирскаго Отдѣла еще съ самаго начала разсматриваемаго періода. Такъ въ книжкахъ III и IV Запис. Сибирск. Отд., изданныхъ еще въ 1857 году были напечатаны двѣ весьма интересныя статьи чл. Сибирск. Отд.: свящ. А. Аргентова: „Описаніе Чаунскаго Николаевскаго края“ (37 стр.) и „Путев. Запис. въ приколымск. мѣстности“ (57 стр.).

Независимо отъ описанныхъ четырехъ главныхъ экспедицій, предпринятыхъ и организованныхъ Сибирскимъ Отдѣломъ, отчасти при содѣйствіи Совѣта Географическаго Общества, Отдѣлъ, сгруппировавъ въ своей средѣ всѣхъ тѣхъ, кто только могъ быть полезнымъ географическимъ изслѣдованіямъ въ Сибири, произвелъ цѣлую массу интереснѣйшихъ работъ въ этомъ направленіи.

Ближайшее вниманіе Отдѣла было направлено, разумѣется, на мало извѣстныя горныя части Иркутской губерніи.

Такъ, когда Д. Чл. Пермикину удалось открыть близь Байкала пріиски lapis lazuli, то Чл. Отд. горн. инж. Версиловъ въ 1857 г. осмотрѣлъ ихъ и сдѣлалъ ихъ обстоятельное описаніе. Въ 1860 г. чл. Отд. Будогосскій произвелъ интересное изслѣдованіе долины р. Китоя, начиная отъ ея верховья до селенія Китойскаго. Съ этою цѣлью онъ изъ Ниловой пустыни отправился на ю.-з. вдоль Тункинскаго хр., переваливъ этотъ хребетъ въ вершинахъ верхняго Холхондоя, спустился по Нижнему Холхондою, достигъ до вершины Китоя, спустился внизъ по теченію этой рѣки, но позднее время и прибыль воды воспрепятствовали ему слѣдовать по Китою далѣе устья Сахангера, вслѣдствіе чего Будогосскій повернулъ въ долину этого притока, перешелъ по его вершины, перевалилъ Оспинскій голецъ, спустился въ долину Оспы, оттуда вышелъ къ вершинѣ р. Даялона, и достигъ по этой рѣкѣ р. Бѣлой. Во время своего слѣдованія Будогосскій снялъ маршрутную карту всего пройденнаго пути. Въ 1862 г. Чл.-Сотр. Н. И.

[1]) Отвѣты на остальные вопросы Бэра представлены были бар. Майделемъ, на сколько было ему возможно, обстоятельно. См. Изв. Сибирс. Отд. Геогр. Общ. Т. II. 1871, № 1—2, стр. 60—70. Подробные отчеты Начальника экспедиціи барона Майделя начали появляться только теперь въ академическомъ изданіи: Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches. Первый томъ этихъ отчетовъ изданъ въ 1893 г. подъ заглавіемъ Reisen und Forschungen im Jakutischen Gebiet Ost-Sibiriens in den Jahren 1861—71. По всѣмъ вѣроятіямъ этихъ отчетовъ выйдетъ еще два тома.

наблюденій условіяхъ, такъ какъ китайцы держали все время посланца, подъ видомъ гостепріимства, подъ строгимъ карауломъ и результатъ поѣздки Малевича ограничился только самымъ поверхностнымъ знакомствомъ съ пройденнымъ путемъ и окрестною страною [1]).

Изъ Михаило-Семеновской станицы въ 1864 г. была предпринята замѣчательная попытка подняться на пароходѣ вверхъ по р. Сунгари до одного изъ важнѣйшихъ манчжурскихъ городовъ — Гирина. Цѣлью посылки парохода было завязать прямыя сношенія съ Гиринскимъ Цзянъ-Цзюнемъ о разныхъ пограничныхъ дѣлахъ, а главное осуществить предоставленное русскимъ Айгунскимъ договоромъ право плаванія по р. Сунгари. При этомъ генералъ-губернаторъ М. С. Карсаковъ, желая, чтобы посылка парохода не осталась безъ научной пользы, сформировалъ небольшую экспедицію, состоявшую изъ Д. Чл. Общ. Усольцева, снабженнаго писторовымъ кругомъ и хронометромъ, Д. Чл. кн. П. А. Крапоткина и Д-ра Конради для геологическихъ и ботаническихъ наблюденій.

Пароходъ „Усури“ вошелъ въ р. Сунгари 21 іюля, 29-го добрался до перваго китайскаго города Сянъ-Сина, астрономическое положеніе котораго было опредѣлено (46° 17, 46″ с. ш. изъ 47° 16,74 в. д. отъ ф.) впервые Усольцовымъ, 6 августа до города Бэдунэ, а 9 авг. до города Гирина, поднявшись такимъ образомъ на 1.100 вер. вверхъ по Сунгари въ 19 дней. Города Гирина впрочемъ экспедиціи осмотрѣть не удалось, кромѣ переулковъ, выходящихъ къ рѣкѣ. 11 авг. пароходъ пустился обратно и, встрѣчая на каждомъ шагу отмели и трудно одолимыя препятствія для судоходства, только 18 авг. добрался до Бэдунэ, а 23-го авг. уже прибылъ въ Михайлово-Семеновскую станицу на Амурѣ. Научнымъ результатомъ экспедиціи было опредѣленіе 4 астрономическихъ пунктовъ, глазомѣрная съемка теченія рѣки и сборъ не болѣе какъ 200 видовъ растеній. Въ геологическомъ отношеніи результатовъ не было никакихъ, такъ какъ одинъ только разъ экспедиціи пришлось выйти на берегъ тамъ, гдѣ было обнаженіе, состоявшее изъ красноватыхъ глинистыхъ сланцевъ. Метеорологическія наблюденія производились по всему пути [2]). Впрочемъ оба описанія пути экспедиціи, представленныя Сибирскому Отдѣлу кн. Кропоткинымъ и Усольцевымъ, имѣютъ большой интересъ, такъ какъ до плаванія по Сунгари парохода „Усури“, бассейнъ Сунгари былъ только извѣстенъ изъ отрывочныхъ свѣдѣній, сообщенныхъ французскими миссіонерами, проникавшими въ Манчжурію и изъ показаній самихъ манчжуровъ, найденныхъ В. П. Васильевымъ, тщательно сопоставленныхъ, критически сведенныхъ и вполнѣ исчерпанныхъ въ географическомъ отношеніи П. П. Семеновымъ въ его Дополненіяхъ къ I тому Риттеровой Азіи, а также изъ описанія Манчжуріи и записокъ о Нингутѣ В. П. Василь-

---

[1]) Отчетъ Малевича напечатанъ въ Запис. Сиб. Отд. кн. VII, изд. въ 1864 г. (15 печ. стр.).

[2]) Объ этой экспедиціи см. кн. Кропоткина: «Сунгари отъ гор. Гирина до устья» (62 стр.) и Усольцева: «Свѣд. о р. Сунгари до г. Гирина» (47 стр.) въ Зап. Сиб. Отд. кн. VIII, 1865 г.

Игумновскій трактъ, пробылъ предварительно дня два въ селѣ Армакъ, для ознакомленія съ бытомъ здѣшнихъ жителей, тунгусовъ, сохранившихся здѣсь въ небольшомъ числѣ. 4 августа г. Поляковъ оставилъ Армакъ и 5-го вступилъ снова въ область горной Прибайкальской страны. Съ р. Снѣжной хребты начинаютъ повышаться до вершинъ р. Ланчатуя, откуда они идутъ, понижаясь къ Байкалу. На пути, въ этой именно мѣстности, путешественнику пришлось бороться со снѣгомъ и сильной вьюгой, а также съ трудностями стараго, пришедшаго въ разрушеніе почтоваго тракта. 9-го августа Поляковъ прибылъ въ с. Култукъ и, перерѣзавъ сѣверо-западное Байкальское плоскогоріе, 11 августа достигъ Иркутска.

На пути Поляковъ производилъ барометрическія и термометрическія наблюденія, приготовилъ до 40 шт. чучелъ птицъ и собралъ до 100 видовъ растеній, добылъ шкурки, преимущественно небольшихъ млекопитающихъ. Въ окрестностяхъ Тунки, въ разрушающихся песчаныхъ холмахъ, Поляковъ добылъ коллекцію каменныхъ орудій, принадлежавшихъ вѣроятно аборигенамъ тунгусскаго племени; изъ этихъ же песковъ онъ выгребъ сгнившій скелетъ съ сохранившимся черепомъ и съ атрибутами (бусами и мѣдной тарелкой), принадлежащій монгольскому племени; кромѣ этого черепа, а также и другаго, найденнаго на поверхности песковъ, ему удалось достать два черепа современныхъ бурятъ, живущихъ въ Тункѣ.

Въ 1870 г. Тункинская котловина и вообще долины Иркута и верхней Оки были изслѣдованы и еще въ одномъ отношеніи, а именно этнографическомъ Д. Чл. Общ. П. А. Ровинскимъ.

Съ 1867 по 1869 г. очень усердно занимался въ окрестностяхъ Иркутска энтомологическими сборами Д. Чл. Общ. М. П. Пуцилло. Этотъ Пуцилло въ 1868 совершалъ для зоологическихъ сборовъ поѣздки на Култукъ, въ Тунку, на Хамаръ-Дабанъ и Нуку-Дабанъ.

Съ 1868 г., въ средѣ Сибирскаго Отдѣла, явились новыя и притомъ весьма полезныя для изслѣдованія края научныя силы, въ лицѣ нѣкоторыхъ сосланныхъ въ Восточную Сибирь послѣ польскаго возстанія Поляковъ. Между ними особенно выдавались своею талантливостью и очень основательными научными познаніями А. Л. Чекановскій и Дыбовскій.

А. Л. Чекановскій, какъ отличный геологъ, былъ съ 1869 г. приглашенъ Сибирскимъ Отдѣломъ для обширнаго и обстоятельнаго геологическаго изслѣдованія Иркутской губерніи. Изслѣдованія Чекановскаго въ 1869 и 1870 гг. велись весьма систематически. Въ опредѣленной постепенности онъ изслѣдовалъ: Байкальское прибрежье отъ Иркутска до Култука, теченіе Ангары, между Иркутскомъ и Балаганскомъ, линію отъ Балаганска до Верхоленска и оттуда къ острову Ольхону, Байкальскій хребетъ отъ Ольхона до выхода Ангары изъ Байкала и наконецъ хребетъ Хамаръ-Дабанскій.

Результаты изслѣдованій Чекановскаго для познанія геологическаго строенія Околобайкалья и вообще Иркутской губерніи были весьма велики; однимъ изъ замѣчательныхъ результатовъ этихъ изслѣдованій было то, что каменные

изъ нихъ сдѣлать; наконецъ, благодаря трудамъ Радде, Маака, Шренка, Пржевальскаго и другихъ получились обстоятельныя свѣдѣнія о животномъ царствѣ Амурскаго и Усурійскаго края. При всемъ томъ, въ изслѣдованіяхъ края остался одинъ весьма важный пробѣлъ, а именно очень мало было извѣстно о туземномъ населеніи Амурскаго края, о бытовой сторонѣ жизни сего населенія, о его нуждахъ и потребностяхъ, объ отношеніяхъ, въ которыхъ оно находится къ русскимъ переселенцамъ съ одной и къ сосѣднимъ жителямъ Манчжуріи и Кореи съ другой стороны. При соображеніяхъ касательно колонизаціи края, необходимо было имѣть въ виду и тѣ задатки, которые представляютъ сами туземцы для будущаго своего развитія и принятія русской гражданственности. Въ разрѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ представлялась въ то время крайняя необходимость, а потому Коммисія полагала, что Географическое Общество не можетъ лучше согласовать своихъ дѣйствій съ цѣлью, предположенною Правительствомъ при отправленіи Коммисіи подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Сколкова, какъ обративъ особенное вниманіе на изученіе амурскихъ инородцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не имѣя въ то время въ виду спеціалиста, которому можно было бы поручить этнографическое изученіе инородческихъ племенъ, обитающихъ амурское прибрежье, Коммисія полагала начать изслѣдованіе съ приграничныхъ къ китайской Манчжуріи и Кореи мѣстностей Усурійскаго края, гдѣ различныя народности встрѣчаются на сравнительно небольшомъ пространствѣ. Здѣсь, независимо отъ разныхъ этнографическихъ вопросовъ, весьма важно было-бы произвести изысканія относительно находящихся здѣсь многочисленныхъ остатковъ старины (слѣдовъ древнихъ городовъ, развалинъ, укрѣпленій и т. п.), а также собрать возможно подробныя географическія и историческія свѣдѣнія о сосѣднихъ, малоизвѣстныхъ частяхъ Манчжуріи, Кореи и Монголіи. Для всѣхъ поименованныхъ изслѣдованій въ Манчжуріи и Южно-Усурійскомъ краѣ, Коммисія не могла рекомендовать лица, которое бы болѣе соотвѣтствовало предполагаемой цѣли, какъ начальника тогдашней Пекинской Духовной Миссіи, архимандрита Палладія, глубокія познанія котораго по части географіи, исторіи и словесности Манчжуріи, Китая и Кореи представляли наилучшее ручательство въ томъ, что поѣздка его принесетъ самые обильные и важные научные результаты.

Совѣтъ одобрилъ вышеизложенное заключеніе Коммисіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ вошелъ съ ходатайствомъ объ ассигнованіи въ распоряженіе Географическаго Общества 5.000 руб. для предполагаемой экспедиціи, такъ какъ средства Общества оказались для сего недостаточными. По всеподданнѣйшемъ о томъ докладѣ Министра Финансовъ М. Х. Рейтерна, Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ на отпускъ этой суммы изъ Государственнаго Казначейства.

Что касается до способа производства изслѣдованій, выбора извѣстныхъ пунктовъ для болѣе продолжительнаго въ нихъ пребыванія и т. д.,

Ключинскаго рудника, въ Кондуйскихъ курганахъ на р. Кандуѣ, а также въ долинѣ р. Харкира и наконецъ изслѣдовалъ замѣчательный древній валъ по р. Аргуни. Въ 1868 г. Дыбовскій представилъ Отдѣлу прекрасные результаты своихъ интереснѣйшихъ изслѣдованій объ ихтіологической фаунѣ рѣкъ Онона и Ингоды. Съ 1870 г. въ средѣ Отдѣла замѣчательнымъ изслѣдователемъ частыхъ землетрясеній въ Забайкальской области явился Д. Чл. А. П. Орловъ, совершившій въ 1870 г., по порученію Отдѣла, поѣздку за Байкалъ, для изслѣдованія причинъ бывшихъ лѣтомъ 1869 г. чрезмѣрныхъ наводненій. Онъ собралъ подробныя свѣдѣнія о ходѣ послѣдняго наводненія, а равнымъ образомъ успѣлъ найти въ Селенгинскомъ архивѣ извѣстія о наводненіяхъ прежнихъ временъ, а именно 1751, 1785 и 1830 года. Другія изысканія Орлова касались р. Селенги. Подвижность русла сибирскихъ рѣкъ къ востоку, такъ превосходно выставленная на видъ академикомъ Миддендорфомъ, была ближайшимъ поводомъ къ тому, что Орловъ обратилъ вниманіе на это явленіе въ отношеніи къ р. Селенгѣ. Наблюденія, собранныя по этому предмету, привели его къ заключенію, что эта рѣка, несмотря на то, что въ теченіи своемъ и многочисленныхъ изгибахъ весьма удаляется отъ меридіональнаго направленія, очевидно передвигаетъ, однакоже, свое русло къ правому берегу, т. е. къ востоку. Въ связи съ изслѣдованіями о руслѣ Селенги находились и наблюденія о соотношеніяхъ этой рѣки къ Гусиному озеру. Въ эту же поѣздку Орловъ собралъ весьма важныя свѣдѣнія объ измѣненіи уровня Байкальскихъ водъ, а также о землетрясеніяхъ въ окрестностяхъ Байкала, въ концѣ лѣта и осенью 1869 г. Въ этихъ послѣднихъ явленіяхъ выразилось замѣчательное соотношеніе съ измѣненіемъ уровня подземныхъ водъ, обусловливаемыхъ количествомъ ниспадающей атмосферной воды; въ то время, когда это количество падающей воды было самое большое, и слѣдовательно, когда подземныя пути переполнялись просачивающейся водой, землетрясенія были весьма рѣдки и слабы; но когда произошла достаточная убыль этой подземной воды и пустоты такимъ образомъ опоражнивались, тогда въ нихъ начинались обрушенія, которыя и порождали мѣстныя повышенія уровня почвенныхъ водъ. Орловъ помѣстилъ цѣлый рядъ статей, какъ объ этихъ землетрясеніяхъ такъ и объ измѣненіяхъ уровня Байкала въ т. I „Извѣстій" Сибирскаго Отдѣла (1870 г.).

Въ предѣлахъ собственно Западной Сибири (губерній Тобольской и Томской), ни Общество, ни его Сибирской Отдѣлъ въ разсматриваемомъ періодѣ не предпринимали никакихъ экспедицій. Снаряженная Кабинетомъ Его Имп. Величества въ концѣ предшедшаго періода экспедиція для съемки Алтая, въ которой и Географич. Общество принимало нѣкоторое, хотя косвенное участіе (стр. 93), была благополучно окончена въ началѣ разсматриваемаго періода и имѣла своимъ результатомъ прекрасно составленную начальник. экспедиціи Подполк. Мейеномъ въ 1864 г. и изданную Кабинетомъ въ 1868 г. карту Алтая.

Многіе изъ Членовъ-Сотрудниковъ Общества, пребывавшихъ въ раз-

угли Иркутской губерніи оказались принадлежащими не къ каменноугольному, а къ юрскому періоду.

Одновременно съ изслѣдованіями Чекановскаго проживавшіе въ то время въ Култукѣ ссыльные Дыбовскій (нынѣ профессоръ въ Львовскомъ Университетѣ) и Годлевскій производили превосходныя зоологическія набюденія надъ водною фауною Байкальскаго озера.

Несравненно менѣе изслѣдованій, кромѣ вышеупомянутой Туруханской экспедиціи, было предпринимаемо Обществомъ и его Сибирскимъ Отдѣломъ въ предѣлахъ обширной Енисейской губерніи. Однакоже еще въ 1858 г. Д. Чл. Общества К. Будогосскій совершилъ поѣздку на верхніе притоки Енисея. Онъ, въ сопровожденіи шт.-кап. Турбина, первый посѣтилъ страну горныхъ Урянховъ, составилъ путевой журналъ пройденнаго пути и маршрутную карту этого пространства. Точно также неутомимый Чл. Сотр. Отдѣла князь Костровъ сообщалъ отдѣлу интересныя этнографическія данныя о Кайбалахъ-Бирюсахъ и о Шушенской вол., напечатанныя въ 1863 г. въ Зап. Сиб. Отд. Геогр. Общ., а Чл. Отдѣла шт.-кап. Мажный совершалъ въ 1863 г. интересныя поѣздки въ Минусинс. округѣ по р. Казыру, на земляхъ Ирбинскаго зав., на р. Шадата, на оз. Черномъ, въ верховьяхъ р. Амына, на гранитныхъ вершинахъ хребта Тороса, на р. Усѣ, на верховьяхъ Абакана и р. Бѣломъ Юсѣ. Главная цѣль его поѣздки состояла въ изслѣдованіи топографіи и исторіи Минусинскаго края, но попутно онъ собиралъ и горныя породы. Со времени этой поѣздки и работъ Сибирской экспедиціи, въ теченіе разсматриваемаго періода, не было значительныхъ изслѣдованій въ южной, Присаянской, части Енисейской губерніи.

Что же касается до Забайкальской области, то особенное вниманіе Отдѣла было обращено на бассейнъ р. Селенги и происходившій въ этомъ бассейнѣ рядъ землетрясеній. Наблюдателемъ этихъ землетрясеній, въ теченіе продолжительнаго періода лѣтъ, былъ Чл.-Сотр. Кельбергъ, доставившій Отдѣлу какъ по этому предмету, такъ и вообще по географіи и этнографіи Селенгинскаго бассейна, многочисленныя свѣдѣнія. О землетрясеніи въ Кяхтѣ сообщалъ въ 1862 г. Д. Чл. А. И. Деспотъ-Зеновичъ. Въ 1868 г. Д. Чл. Общ. Горн. Инж. Фитингофъ также производилъ обстоятельныя изслѣдованія въ области Забайкальскихъ землетрясеній, осмотрѣвъ многія изъ мѣстностей, въ которыхъ происходили эти землетрясенія. Сибирскій Отдѣлъ вообще собралъ драгоцѣнные матерьялы для этихъ землетрясеній, обстоятельно разработанные его Правителемъ Дѣлъ А. С. Сгибневымъ, въ его отчетѣ за 1863 г. Очень интересныя этнографическія свѣдѣнія о Бурятахъ Забайкальской области доставлялъ еще протоіер. Стуковъ, котораго три статьи о Бурятахъ были напечатаны въ 1865 г. въ VIII кн. Запис. Сиб. Отд. Въ 1866 г. Отдѣлъ командировалъ въ Забайкальскій край Д. Чл. А. М. Ломоносова для изслѣдованія химическаго состава многочисленныхъ тамъ минеральныхъ источниковъ. Въ томъ же году Дѣйств. Чл. горн. инж. Павлуцкій занимался раскопкою кургановъ въ Забайкальѣ. Раскопки свои онъ производилъ въ холмѣ Карабаянъ близъ

ГЛАВА XVII.

Экспедиціи и поѣздки Членовъ Общества и Сибирскаго его Отдѣла въ Манчжурію и Монголію.

Тянъ-цзинскій и Пекинскій договоры съ Китаемъ открывали до нѣкоторой степени Русскимъ доступъ въ предѣлы Китайской Имперіи, обусловленный слѣдующими обстоятельствами. Еще во время заключенія Тяньцзиньскихъ трактатовъ въ 1858 году Великобританскій Полномочный Коммиссаръ Лордъ Эльгинъ, несмотря на отчаянное упорство Китайцевъ, добился включенія въ англійскій трактатъ условія, по которому англійскіе подданные получали право путешествовать для своего удовольствія или же съ цѣлями торговыми во всѣхъ частяхъ внутренняго Китая. Въ виду такой статьи, и по праву наиболѣе благопріятствуемой державы, выговоренному нашимъ тяньцзиньскимъ трактатомъ, Россіи представился случай воспользоваться возможностью основательно ознакомиться съ обширнымъ сосѣднимъ государствомъ, съ которымъ мы находились въ сношеніяхъ уже болѣе двухъ вѣковъ. Но осуществить такой доступъ на практикѣ было не легко, такъ какъ мѣстныя китайскія власти, руководствуясь безъ сомнѣнія инструкціями, даваемыми имъ изъ Пекина, старались или ставить неопродолимыя препятствія проѣздамъ нашихъ путешественниковъ, или создавать имъ условія, совершенно неблагопріятныя для какихъ бы то ни было наблюденій и научныхъ изслѣдованій.

Русскій Уполномоченный въ Тянь-Цзинѣ графъ Е. В. Путятинъ обратилъ особенное вниманіе на упомянутую статью договора и по возвращеніи въ Петербургъ, въ концѣ 1858 года, въ числѣ разныхъ предположеній, касавшихся оживленія сношеній Россіи съ Китаемъ, вошелъ съ представленіемъ о необходимости скорѣйшаго снаряженія въ Китай экспедиціи съ цѣлью всесторонняго изслѣдованія этой страны въ научномъ и торговомъ отношеніяхъ. Предположеніе это было одобрено Правительствомъ, а осуществленіе его было возложено на Географическое Общество. Нельзя не сожалѣть о томъ, что, по независимымъ отъ Общества обстоятельствамъ, отправленіе ученой экспедиціи во внутреннія провинціи Китая, въ то время не состоялось.

Но Императорское Русское Географическое Общество, поставившее

себѣ постоянно одною изъ главныхъ своихъ задачъ изслѣдованіе внутренности Азіатскаго материка, а также живой и дѣятельный Сибирскій Отдѣлъ Общества и просвѣщенные генералъ-губернаторы Восточной Сибири, которымъ удалось, благодаря Айгунскому и Пекинскому договорамъ, распространить владычество Россіи до Восточнаго Океана и стать все болѣе и болѣе прочною ногою во вновь пріобрѣтенныхъ странахъ, направляли всѣ усилія для того, чтобы постепенно ознакомиться въ особенности съ сосѣдними съ нами частями Китайской Имперіи. Эти усилія постепенно нашли себѣ прочную точку опоры въ нашей Пекинской миссіи, превратившейся въ разсматриваемомъ періодѣ уже въ настоящее посольство, и въ консульствахъ, учреждаемыхъ въ важнѣйшихъ изъ близкихъ къ нашей границѣ торговыхъ пунктовъ.

Исходными точками въ разсматриваемомъ періодѣ нашихъ попытокъ для географическихъ изслѣдованій въ сопредѣльной съ нами Манчжуріи, которую Китайцы особенно ревниво охраняли отъ посѣщенія Русскими, были: Старо-Цурухайтуевскій постъ на Аргуни въ Забайкальской области, Благовѣщенскъ и китайскій городъ Айгунъ, Михайло-Семеновская станица на Амурѣ и наконецъ самый Пекинъ.

Изъ Стараго Цурухайту были сдѣланы, при участіи Сибирскаго Отдѣла Общества, въ разсматриваемомъ періодѣ двѣ попытки проникнуть въ Манчжурію.

Одна изъ нихъ заключалась въ посылкѣ въ 1862 году Чл.-Кор. Сибирск. Отд. Н Хилковскаго изъ Стараго Цурухайту, для развѣдки пути, ведущаго оттуда въ манчжурскій городъ Цицикаръ, при чемъ Хилковскій на первый разъ долженъ былъ ограничиться посѣщеніемъ монгольскаго города Хайлара, лежащаго верстахъ въ 75 отъ нашей границы на р. Хайларѣ, притокѣ Аргуни, еще на монгольской сторонѣ Хинганскаго хребта, но служащаго узловымъ пунктомъ двухъ ведущихъ въ Манчжурію дорогъ, а именно въ города Цицикаръ и Мергенъ, изъ которыхъ каждый отстоитъ отъ Хайлара на 420 верстъ. Поѣздка Хилковскаго, занявшая всего 27 дней (въ августѣ), имѣла результатомъ не только ознакомленіе съ дорогою до Хайлара и съ самымъ городкомъ Хайларомъ и его торговымъ значеніемъ, но и собраніе обстоятельныхъ распросныхъ свѣдѣній о дорогѣ изъ Хайлара въ Цицикаръ [1]).

Несравненно болѣе важною, по отношенію къ полученнымъ для географической науки результатамъ, была поѣздка въ 1864 году изъ Цурухайту черезъ Мергенъ въ Айгунъ Д. Чл. Общ. Кн. П. А. Кропоткина, пересѣкшая не только Хинганскій хребетъ, но и весь вторгающійся между Забайкальскою и Амурскою областями с. з. уголъ Манчжуріи, по самому прямому пути изъ Аргуни въ Айгунъ. Путь этотъ впослѣдствіи сдѣлался весьма

---

[1]) Отчетъ Н. Хилковскаго (8 печ. стр.) былъ напечатанъ въ VIII кн. Запис. Сиб. Отд., изданной въ 1865 г.

важнымъ не только транзитнымъ торговымъ, но и скотопрогоннымъ трактомъ, соединяющимъ Забайкалье съ Благовѣщенскомъ и нашею Южно-Амурскою и Зейскою колонизаціонными площадями, а нынѣ могъ бы получить громадное значеніе, еслибы по нему могла пройти желѣзная дорога отъ Нерчинскаго завода къ Благовѣщенску, которая, имѣя протяженіе около 680 верстъ, сократила бы верстъ на 400 нашъ великій Сибирскій желѣзный путь и прошла бы черезъ мѣстности несравненно болѣе удобныя для проведенія желѣзной дороги, чѣмъ весь нашъ трудно доступный и крайне неудобный для желѣзно-дорожнаго сооруженія лѣвый берегъ Амура, между сліяніемъ Шилки съ Аргунью и устьемъ Кумары. Другой чисто научный интересъ изслѣдованія пути отъ Цурухайту до Айгуна заключался въ близости отъ него мѣстности Уюнъ-Холдонги, на которую еще въ 1856 году обратилъ особенное вниманіе географовъ П. П. Семеновъ, какъ на самую континентальную изъ вулканическихъ областей земнаго шара, такъ какъ въ ней, по показаніямъ очевидца, открытымъ въ китайскихъ источникахъ В. П. Васильевымъ, еще въ 1791 и 1792 г. происходилъ цѣлый рядъ несомнѣнныхъ вулканическихъ изверженій, сопровождаемыхъ обильными изліяніями потоковъ лавы.

Кн. Кропоткинъ вышелъ изъ Старо-Цурухайту 21 мая, 25 и 26-го перешелъ, первый изъ русскихъ путешественниковъ, черезъ не особенно высокій и не затруднительный перевалъ Большаго Хинганскаго хребта, 4 іюня достигъ Мергена, а 11-го добрался и до Айгуна, пройдя такимъ образомъ 650 верстное протяженіе караваннаго пути въ три недѣли. Практическимъ результатомъ интересной поѣздки Кропоткина было то, что пройденный имъ путь оказался безъ сравненія самымъ хорошимъ и самымъ удобнымъ путемъ сообщенія между Забайкальемъ и Южно-Амурскимъ раіономъ нашихъ поселеній (Благовѣщенскомъ и Зейскою колонизаціонною площадью). Главнымъ же научнымъ результатомъ этой поѣздки было то, что хотя кн. Кропоткинъ и не отыскалъ мѣстности, называемой мѣстными жителями Уюнъ-Холдонги, но существованіе вулканической области близъ Мергена, въ отрогахъ горъ Илхури Алинъ, вполнѣ подтвердилось, такъ какъ Кропоткину не только удалось найти конусообразныя сопки съ кратерами изверженія, но и привезти образцы вулканическихъ горныхъ породъ, которыя, по опредѣленіямъ горн. инжен. Фитингофа и Шестакова, оказались пузиристыми и пористыми базальтами съ оливиномъ. Такимъ образомъ обѣ цѣли интересной поѣздки кн. Кропоткина оказались вполнѣ достигнутыми.

Единственною поѣздкою, предпринятою въ разсматриваемомъ періодѣ въ Манчжурію, изъ Благовѣщенска или лучше сказать изъ Айгуна, была посылка въ 1863 году, для нѣкоторыхъ пограничныхъ переговоровъ съ Цицикарскимъ Цзянъ Цзюнемъ, Чл. Сиб. Отд. Малевича черезъ Айгунъ и Мергенъ въ Цицикаръ. Выѣхавъ 26 апр. изъ Айгуна, на своихъ лошадяхъ, Малевичъ 30 апр. прибылъ въ Мергенъ, а 4 мая въ Цицикаръ. Вся поѣздка до Цицикара, отстоящаго отъ Айгуна верстахъ въ 300, заняла всего 18 дней, но была совершена въ весьма неблагопріятныхъ для какихъ бы то ни было географическихъ

наблюденій условіяхъ, такъ какъ китайцы держали все время посланца, подъ видомъ гостепріимства, подъ строгимъ карауломъ и результатъ поѣздки Малевича ограничился только самымъ поверхностнымъ знакомствомъ съ пройденнымъ путемъ и окрестною страною [1]).

Изъ Михаило-Семеновской станицы въ 1864 г. была предпринята замѣчательная попытка подняться на пароходѣ вверхъ по р. Сунгари до одного изъ важнѣйшихъ манчжурскихъ городовъ—Гирина. Цѣлью посылки парохода было завязать прямыя сношенія съ Гиринскимъ Цзянъ-Цзюнемъ о разныхъ пограничныхъ дѣлахъ, а главное осуществить предоставленное русскимъ Айгунскимъ договоромъ право плаванія по р. Сунгари. При этомъ генералъ-губернаторъ М. С. Карсаковъ, желая, чтобы посылка парохода не осталась безъ научной пользы, сформировалъ небольшую экспедицію, состоявшую изъ Д. Чл. Общ. Усольцева, снабженнаго писторовымъ кругомъ и хронометромъ, Д. Чл. кн. П. А. Крапоткина и Д-ра Конради для геологическихъ и ботаническихъ наблюденій.

Пароходъ „Усури" вошелъ въ р. Сунгари 21 іюля, 29-го добрался до перваго китайскаго города Сянъ-Сина, астрономическое положеніе котораго было опредѣлено (46° 17, 46″ с. ш. изъ 47° 16,74 в. д. отъ ф.) впервые Усольцовымъ, 6 августа до города Бэдунэ, а 9 авг. до города Гирина, поднявшись такимъ образомъ на 1.100 вер. вверхъ по Сунгари въ 19 дней. Города Гирина впрочемъ экспедиціи осмотрѣть не удалось, кромѣ переулковъ, выходящихъ къ рѣкѣ. 11 авг. пароходъ пустился обратно и, встрѣчая на каждомъ шагу отмели и трудно одолимыя препятствія для судоходства, только 18 авг. добрался до Бэдунэ, а 23-го авг. уже прибылъ въ Михайлово-Семеновскую станицу на Амурѣ. Научнымъ результатомъ экспедиціи было опредѣленіе 4 астрономическихъ пунктовъ, глазомѣрная съемка теченія рѣки и сборъ не болѣе какъ 200 видовъ растеній. Въ геологическомъ отношеніи результатовъ не было никакихъ, такъ какъ одинъ только разъ экспедиціи пришлось выйти на берегъ тамъ, гдѣ было обнаженіе, состоявшее изъ красноватыхъ глинистыхъ сланцевъ. Метеорологическія наблюденія производились по всему пути [2]). Впрочемъ оба описанія пути экспедиціи, представленныя Сибирскому Отдѣлу кн. Кропоткинымъ и Усольцевымъ, имѣютъ большой интересъ, такъ какъ до плаванія по Сунгари парохода „Усури", бассейнъ Сунгари былъ только извѣстенъ изъ отрывочныхъ свѣдѣній, сообщенныхъ французскими миссіонерами, проникавшими въ Манчжурію и изъ показаній самихъ манчжуровъ, найденныхъ В. П. Васильевымъ, тщательно сопоставленныхъ, критически сведенныхъ и вполнѣ исчерпанныхъ въ географическомъ отношеніи П. П. Семеновымъ въ его Дополненіяхъ къ I тому Риттеровой Азіи, а также изъ описанія Манчжуріи и записокъ о Нингутѣ В. П. Василь-

---

[1]) Отчетъ Малевича напечатанъ въ Запис. Сиб. Отд. кн. VII, изд. въ 1864 г. (15 печ. стр.).

[2]) Объ этой экспедиціи см. кн. Кропоткина: «Сунгари отъ гор. Гирина до устья» (62 стр.) и Усольцева: «Свѣд. о р. Сунгари до г. Гирина» (47 стр.) въ Зап. Сиб. Отд. кн. VIII, 1865 г.

лошадьми трехъ тарантасахъ и 10 одноколкахъ, прошла черезъ всю Монголію, отъ русской границы при пикетѣ Кулусуту, по пути отдаленному отъ Кяхтинскаго, но паралельному съ нимъ, не только въ городъ Долонъ-Норъ (1.000 вер.), но и далѣе въ Пекинъ.

Экспедиція вышла съ границы въ самомъ началѣ іюня и 7-го іюня уже достигла р. Кэрулэна. На Кэрулэнѣ экспедиція пробыла три дня, между дружелюбно къ ней относившимися Монголами. Пустившись снова въ путь и, пройдя черезъ нѣсколько хребтовъ, между которыми путешественники замѣтили группы потухшихъ вулкановъ, съ ихъ характерными воронковидными кратерами и старыми потоками, а также пройдя черезъ одну только полосу песчаныхъ bархановъ, экспедиція достигла 29 іюня значительнаго города Долонъ-Нора, имѣвшаго уже въ то время не малое экономическое значеніе для Монголіи.

Отсюда только часть экспедиціи отправилась въ Пекинъ, куда, выѣхавъ изъ Долонъ-Нора 9 іюля, слѣдуя на города Годжетонъ и Фунинъ (Шара-хото) и пройдя черезъ Великую Стѣну у Губэй-Кэу достигла Пекина 28 іюля. Интересное описаніе пути пройденнаго Бутинскою экспедиціей, съ приложеніемъ карты, было сообщено Бутиными Сибирскому Отдѣлу и напечатано въ его „Извѣстіяхъ" [1]), а геологическіе матерьялы, собранные экспедиціею, были обработаны Д. Ч. И..В. Мушкетовымъ (нынѣ Предсѣд. въ Отд. Физ. Географіи) и напечатаны въ Горн. Жур. Т. II — 1881 г. подъ заглавіемъ «Геологическія замѣтки о восточной Монголіи»:

Изъ пограничнаго Алтайскаго пикета Суокъ идетъ торговый путь въ монгольскій городъ Хобдо.

Первымъ изъ членовъ Географическаго Общества, проѣхавшимъ въ Хобдо, былъ въ 1863 г. шт.-кап. Генер. Шт. А. Принтцъ. Поѣздка эта была предпринята по иниціативѣ Д. Чл. Общества, Томскаго губернатора Лерхе, лично посѣтившаго пограничныя съ Монголіею дебри Алтая, вмѣстѣ съ Принтцомъ еще въ 1862 году. Командируя шт.-кап. Принтца въ Монголію губернаторъ Лерхе удовлетворялъ ходатайствамъ купечества, завязавшаго уже съ городомъ Хобдо торговыя сношенія, но еще не прямыя, а черезъ посредство Монголовъ. Снабженный заграничнымъ паспортомъ, Принтцъ, съ сопровождавшимъ его купцомъ Гилевымъ, выѣхалъ изъ пограничнаго пикета Суокъ 23 іюня и въ 5 дней, проѣхавъ 260 верстъ, первый изъ русскихъ путешественниковъ добрался до Хобдо. Научнымъ результатомъ этой поѣздки была маршрутная съемка пройденнаго пути, а практическимъ — собраніе свѣдѣній необходимыхъ для развитія въ этомъ направленіи торговыхъ нашихъ сношеній. Интересная статья Принтца о его поѣздкѣ въ Хобдо была напечатана въ „Запискахъ" Общества, вмѣстѣ съ еще болѣе обширною его статьею: „Каменьщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости Томской губерніи и поѣздка въ ихъ селенія и въ Бухтарминскій край въ 1863 г.".

Въ началѣ лѣта 1869 года Директоръ Азіатскаго Департамента увѣдо-

[1]) «Извѣстія» Сиб. Отд. 1871 г. Т. II, стр. 2[illegible].

изъ нихъ сдѣлать; наконецъ, благодаря трудамъ Радде, Маака, Шренка, Пржевальскаго и другихъ получились обстоятельныя свѣдѣнія о животномъ царствѣ Амурскаго и Усурійскаго края. При всемъ томъ, въ изслѣдованіяхъ края остался одинъ весьма важный пробѣлъ, а именно очень мало было извѣстно о туземномъ населеніи Амурскаго края, о бытовой сторонѣ жизни сего населенія, о его нуждахъ и потребностяхъ, объ отношеніяхъ, въ которыхъ оно находится къ русскимъ переселенцамъ съ одной и къ сосѣднимъ жителямъ Манчжуріи и Кореи съ другой стороны. При соображеніяхъ касательно колонизаціи края, необходимо было имѣть въ виду и тѣ задатки, которые представляютъ сами туземцы для будущаго своего развитія и принятія русской гражданственности. Въ разрѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ представлялась въ то время крайняя необходимость, а потому Коммисія полагала, что Географическое Общество не можетъ лучше согласовать своихъ дѣйствій съ цѣлью, предположенною Правительствомъ при отправленіи Коммисіи подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Сколкова, какъ обративъ особенное вниманіе на изученіе амурскихъ инородцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не имѣя въ то время въ виду спеціалиста, которому можно было бы поручить этнографическое изученіе инородческихъ племенъ, обитающихъ амурское прибрежье, Коммисія полагала начать изслѣдованіе съ приграничныхъ къ китайской Манчжуріи и Кореи мѣстностей Усурійскаго края, гдѣ различныя народности встрѣчаются на сравнительно небольшомъ пространствѣ. Здѣсь, независимо отъ разныхъ этнографическихъ вопросовъ, весьма важно было-бы произвести изысканія относительно находящихся здѣсь многочисленныхъ остатковъ старины (слѣдовъ древнихъ городовъ, развалинъ, укрѣпленій и т. п.), а также собрать возможно подробныя географическія и историческія свѣдѣнія о сосѣднихъ, малоизвѣстныхъ частяхъ Манчжуріи, Кореи и Монголіи. Для всѣхъ поименованныхъ изслѣдованій въ Манчжуріи и Южно-Усурійскомъ краѣ, Коммисія не могла рекомендовать лица, которое бы болѣе соотвѣтствовало предполагаемой цѣли, какъ начальника тогдашней Пекинской Духовной Миссіи, архимандрита Палладія, глубокія познанія котораго по части географіи, исторіи и словесности Манчжуріи, Китая и Кореи представляли наилучшее ручательство въ томъ, что поѣздка его принесетъ самые обильные и важные научные результаты.

Совѣтъ одобрилъ вышеизложенное заключеніе Коммисіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ вошелъ съ ходатайствомъ объ ассигнованіи въ распоряженіе Географическаго Общества 5.000 руб. для предполагаемой экспедиціи, такъ какъ средства Общества оказались для сего недостаточными. По всеподданнѣйшемъ о томъ докладѣ Министра Финансовъ М. Х. Рейтерна, Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ на отпускъ этой суммы изъ Государственнаго Казначейства.

Что касается до способа производства изслѣдованій, выбора извѣстныхъ пунктовъ для болѣе продолжительнаго въ нихъ пребыванія и т. д.,

то въ этомъ отношеніи Совѣтъ не счелъ полезнымъ стѣснять о. Палладія особою инструкціею, полагаясь вполнѣ на долголѣтнюю опытность его въ путешествіяхъ по странамъ отдаленнымъ и на его обширныя познанія по части географіи, лингвистики и исторіи крайняго востока. Ближайшему вниманію его поручено туземное населеніе Манчжуріи и Усурійскаго края, изслѣдованіе отношеній, существующихъ между китайскими, манчжурскими и корейскими элементами этого населенія съ одной стороны и русскими колонистами съ другой, и т. п. По просьбѣ Совѣта, Дѣйствительные Члены Общества В. П. Васильевъ, П. А. Гельмерсенъ и И. И. Захаровъ, какъ спеціально знакомые съ странами, въ которыя направлялся архимандритъ Палладій, обязательно взяли на себя трудъ составленія особыхъ памятныхъ записокъ по разнымъ научнымъ вопросамъ, касающимся этнографіи, исторіи, географіи, лингвистики и археологіи означенныхъ странъ. Эти записки немедленно были отправлены въ Пекинъ.

Сношенія съ архимандритомъ Палладіемъ о его согласіи ѣхать въ экспедицію и съ Духовнымъ Вѣдомствомъ о его разрѣшеніи на экспедицію Палладія, взяло не мало времени, такъ что только къ концу 1869 года всѣ распоряженія по снаряженію экспедиціи архимандрита Палладія были приведены къ окончанію. Вслѣдствіе сдѣланныхъ Совѣтомъ сношеній съ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, съ Генералъ-Губернаторомъ Восточной Сибири и съ Сибирскимъ Отдѣломъ, экспедиція была обставлена вполнѣ удовлетворительно.

Генералъ-лейтенантъ М. С. Карсаковъ, по ходатайству Общества, нашелъ возможнымъ прикомандировать къ экспедиціи опытнаго топографа Гавріила Нахвальныхъ, для глазомѣрной съемки, такъ какъ нельзя было предвидѣть возможности употребленія инструментовъ во время пути по китайскимъ владѣніямъ. Топографъ прибылъ въ Пекинъ 5-го апрѣля и привезъ съ собою небольшой компасъ и карту Южно-Усурійскаго края.

Сибирскій Отдѣлъ также весьма сочувственно отозвался къ экспедиціи, снабдивъ ее нѣкоторыми учеными пособіями.

Въ Пекинѣ снаряженіе экспедиціи послѣдовало при живомъ участіи Е. К. Бюцова (нынѣ русскаго посланника въ Персіи), бывшаго въ то время нашимъ тамъ повѣреннымъ въ дѣлахъ. Рѣшившись ѣхать въ Амурскій край прямымъ путемъ чрезъ Китайскую Манчжурію, архимандритъ Палладій нашелъ нужнымъ запастись не только паспортомъ отъ нашего посольства, засвидѣтельствованнымъ пекинскими властями, но также и охраннымъ листомъ (ху-джао) на свободный проѣздъ чрезъ Манчжурію, который былъ выданъ изъ Пекинскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (Цзунъ-ли-ямынь). Для переѣзда изъ Пекина до Гирина (на верхнемъ теченіи Сунгари) были наняты пять китайскихъ повозокъ, каждая о двухъ мулахъ. При начальникѣ экспедиціи состоялъ, кромѣ топографа, еще слуга изъ китайцевъ.

Благодаря содѣйствію Г. А. Фритше, директора Пекинской Обсерва-

торія, О. Палладій получилъ провѣренный анероидъ-барометръ для наблюденія высотъ во время путешествія.

Выѣздъ изъ Пекина послѣдовалъ 30-го апрѣля 1870 г.; проѣхавъ 6-го мая Шань-хай-гуаньскую заставу, путешественники слѣдовали въ сѣверо-восточномъ направленіи по большой Ляо-дунской дорогѣ и 14-го мая прибыли въ Мукденъ; 22-го достигли Гирина, гдѣ оставались до 24-го; 29-го были въ Бэдунэ, 5-го іюня въ Цицикарѣ, 12-го—въ Мергенѣ и 17-го—въ Айгунѣ, проѣхавъ всю Манчжурію; оттуда въ тотъ же день архимандритъ Палладій переправился чрезъ Амуръ, потомъ чрезъ Зею и остановился въ домѣ Преосвященнаго Камчатскаго, въ 4-хъ верстахъ отъ Благовѣщенска. Такимъ образомъ экспедиціи Географическаго Общества удалось впервые пройти, на этотъ разъ почти безпрепятственно, черезъ всю Манчжурію.

21-го іюня экспедиція отправилась на пароходѣ „Чита“ внизъ по Амуру и 24-го прибыла въ Хабаровку. Дальнѣйшее плаваніе вверхъ по Усури, до впаденія въ нее рѣки Сунгача, было совершено на пароходѣ „Сунгача“ въ 8 дней; по излучистой Сунгача путешественники слѣдовали два дня и 7-го іюля переѣхали чрезъ озеро Ханка (правильнѣе Хинка или Хинкай). Переночевавъ на берегу озера, въ постѣ Камень-Рыболовъ, О. Палладій отправился дальше въ село Никольское, отстоящее верстахъ въ 100 отъ поста, и остановился тамъ 10-го іюля, на квартирѣ у одного крестьянина. Село Никольское, находится близъ Щуанъ-цэнъ-цзы (двуградія) или двухъ древнихъ городищъ, со множествомъ другихъ слѣдовъ старинныхъ укрѣпленій и поселеній. 30-го іюля О. Палладій отправился на лодкѣ внизъ по р. Суйфынь, протекающей въ двухъ верстахъ отъ села Никольскаго; а у станка Рѣчнаго пересѣлъ на легкій пароходъ, на которомъ прибылъ 1-го августа въ Владивостокъ. Въ концѣ августа онъ снова возвратился въ село Никольское, которое избралъ центральнымъ пунктомъ для своихъ поѣздокъ.

Характеризуя въ общихъ чертахъ историческое значеніе пройденной мѣстности, почтенный синологъ писалъ, между прочимъ, слѣдующее: „На востокъ отъ Шань-хай-гуаня, съ того пункта, гдѣ оканчиваются послѣдніе отпрыски Тайханскаго хребта, начинается пространная равнина, искони служившая поприщемъ состязаній, между Китаемъ, Кореей, Чжурчжи и Монголами. Она пересѣкается рѣкою Ляо-Хэ и ограждена съ сѣвера и востока такъ называемою ивовою изгородью, которая проведена по цѣпи, то низменныхъ, то высокихъ горъ; съ юга естественный предѣлъ ея—море. Вся эта площадь усѣяна развалинами, слѣдами давней воинственной жизни. Отъ нея на с.-в., сѣверъ и с. з. ведутъ, чрезъ изгородь, нѣсколько широкихъ проходовъ въ гористую и лѣсистую полосу Восточной Манчжуріи, на широкія и привольныя пажити бассейновъ Сунгари и Нонни и въ восточные аймаки Монголіи. Равнины, простирающіяся на сѣверъ отъ изгороди, по междурѣчью, до склоновъ Хинганьскаго хребта, равно удобны и для кочевыхъ и для осѣдлыхъ племенъ; здѣсь полудикія племена горно-лѣсистой Манчжуріи измѣняли образъ жизни и принимали начатки гражданственности, которая быстро развивалась подъ вліяніемъ

Игумновскій трактъ, пробылъ предварительно дня два въ селѣ Армакъ, для ознакомленія съ бытомъ здѣшнихъ жителей, тунгусовъ, сохранившихся здѣсь въ небольшомъ числѣ. 4 августа г. Поляковъ оставилъ Армакъ и 5-го вступилъ снова въ область горной Прибайкальской страны. Съ р. Снѣжной хребты начинаютъ повышаться до вершинъ р. Ланчатуя, откуда они идутъ, понижаясь къ Байкалу. На пути, въ этой именно мѣстности, путешественнику пришлось бороться со снѣгомъ и сильной вьюгой, а также съ трудностями стараго, пришедшаго въ разрушеніе почтоваго тракта. 9-го августа Поляковъ прибылъ въ с. Култукъ и, переѣзавъ сѣверо-западное Байкальское плоскогоріе, 11 августа достигъ Иркутска.

На пути Поляковъ производилъ барометрическія и термометрическія наблюденія, приготовилъ до 40 шт. чучелъ птицъ и собралъ до 100 видовъ растеній, добылъ шкурки, преимущественно небольшихъ млекопитающихъ. Въ окрестностяхъ Тунки, въ разрушающихся песчаныхъ холмахъ, Поляковъ добылъ коллекцію каменныхъ орудій, принадлежавшихъ вѣроятно аборигенамъ тунгусскаго племени; изъ этихъ же песковъ онъ выгребъ сгнившій скелетъ съ сохранившимся черепомъ и съ атрибутами (бусами и мѣдной тарелкой), принадлежащій монгольскому племени; кромѣ этого черепа, а также и другаго, найденнаго на поверхности песковъ, ему удалось достать два черепа современныхъ бурятъ, живущихъ въ Тункѣ.

Въ 1870 г. Тункинская котловина и вообще долины Иркута и верхней Оки были изслѣдованы и еще въ одномъ отношеніи, а именно этнографическомъ Д. Чл. Общ. П. А. Ровинскимъ.

Съ 1867 по 1869 г. очень усердно занимался въ окрестностяхъ Иркутска энтомологическими сборами Д. Чл. Общ. М. П. Пуцилло. Этотъ Пуцилло въ 1868 совершалъ для зоологическихъ сборовъ поѣздки на Култукъ, въ Тунку, на Хамаръ-Дабанъ и Нуку-Дабанъ.

Съ 1868 г., въ средѣ Сибирскаго Отдѣла, явились новыя и притомъ весьма полезныя для изслѣдованія края научныя силы, въ лицѣ нѣкоторыхъ сосланныхъ въ Восточную Сибирь послѣ польскаго возстанія Поляковъ. Между ними особенно выдавались своею талантливостью и очень основательными научными познаніями А. Л. Чекановскій и Дыбовскій.

А. Л. Чекановскій, какъ отличный геологъ, былъ съ 1869 г. приглашенъ Сибирскимъ Отдѣломъ для обширнаго и обстоятельнаго геологическаго изслѣдованія Иркутской губерніи. Изслѣдованія Чекановскаго въ 1869 и 1870 гг. велись весьма систематически. Въ опредѣленной постепенности онъ изслѣдовалъ: Байкальское прибрежье отъ Иркутска до Култука, теченіе Ангары, между Иркутскомъ и Балаганскомъ, линію отъ Балаганска до Верхоленска и оттуда къ острову Ольхону, Байкальскій хребетъ отъ Ольхона до выхода Ангары изъ Байкала и наконецъ хребетъ Хамаръ-Дабанскій.

Результаты изслѣдованій Чекановскаго для познанія геологическаго строенія Околобайкалья и вообще Иркутской губерніи были весьма велики; однимъ изъ замѣчательныхъ результатовъ этихъ изслѣдованій было то, что каменные

ѣхалъ въ Шанхай и оттуда, чрезъ Тянь-Цзинъ, въ Пекинъ, гдѣ и немедленно принялся за разработку собранныхъ имъ богатыхъ матерьяловъ. Результаты экспедиціи архимандрита Палладія были опубликованы Обществомъ уже только въ послѣдующемъ періодѣ.

Вообще русская миссія въ Пекинѣ начала, въ разсматриваемомъ періодѣ, приносить громадную пользу русской географической наукѣ и Географическому Обществу, которое изъ столицы Китая, въ концѣ разсматриваемаго періода, очень часто получало любопытныя сообщенія, помѣщавшіяся въ его изданіяхъ. Къ постояннымъ корреспондентамъ Общества—доктору русской дипломатической миссіи Э. Бретшнейдеру, студенту той же миссіи Веберу и архим. Палладію, писавшему въ то время подъ именемъ „Пекинскаго корреспондента", присоединились въ концѣ періода два новыхъ сотрудника: директоръ пекинской физической обсерваторіи Фритше и драгоманъ миссіи, къ сожалѣнію скончавшійся въ 1870 г., А. Ѳ. Поповъ. Поповъ, имѣвшій случай совершить путешествіе по рѣкѣ Янъ-цзы-цзяну, до главнаго торговаго центра во внутреннемъ Китаѣ – Хань-Коу, прислалъ въ Географическое Общество интересные очерки о русской торговлѣ въ этомъ портѣ и объ устроенныхъ нашими соотечественниками чайныхъ фабрикахъ.

Фритше, находившійся въ Пекинѣ съ 1868 года, не ограничиваясь исполненіемъ своихъ прямыхъ обязанностей по завѣдыванію Физическою Обсерваторіею, пользовался каждымъ случаемъ, чтобы расширить кругъ своихъ изслѣдованій. Онъ писалъ нѣсколько разъ въ Географическое Общество и сообщалъ любопытныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ своихъ для распространенія нашихъ познаній по географіи, метеорологіи и т. п. въ малоизвѣстныхъ частяхъ Сѣвернаго Китая и Монголіи.

Такимъ образомъ, онъ успѣлъ учредить метеорологическую станцію въ Ургѣ, а также совершить пять поѣздокъ къ сѣверу отъ Пекина, во время которыхъ онъ произвелъ географическія, магнитныя и гипсометрическія опредѣленія, на восемнадцати пунктахъ. Интересные результаты этихъ изслѣдованій напечатаны во второй книжкѣ „Извѣстій" Сибирскаго Отдѣла за 1870 г.[1]).

Одна изъ поѣздокъ Фритше была направлена въ гористую мѣстность на сѣверѣ отъ Пекина, гдѣ расположенъ Же-Хэ—лѣтній дворецъ Богдохана. При этой поѣздкѣ ему сопутствовалъ Веберъ, избравшій себѣ спеціальностью картографію и доставившій, еще въ 1869 году, въ Географическое Общество составленную имъ на основаніи новаго атласа Китайской имперіи, прекрасно исполненную карту, представляющую измѣненія, происшедшія въ теченіи Желтой рѣки въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Результаты поѣздки въ Же-Хэ

---

[1]) Еще прежде сего г. Фритше помѣстилъ въ Отчетѣ Сибирскаго Отдѣла за 1869 г. краткій обзоръ результатовъ астрономическихъ и магнитныхъ наблюденій въ Россіи, Сибири и Сѣверномъ Китаѣ, произведенныхъ съ 1867 по 1869 годъ. Полный отчетъ о наблюденіяхъ, произведенныхъ во время пятимѣсячнаго путешествія изъ Петербурга въ Пекинъ помѣщенъ въ «Метеорологическомъ Сборникѣ», издаваемомъ Главною Физическою Обсерваторіею, т. I, стр. 151—174.

Ключинскаго рудника, въ Кондуйскихъ курганахъ на р. Кандуѣ, а также въ долинѣ р. Харкира и наконецъ изслѣдовалъ замѣчательный древній валъ по р. Аргуни. Въ 1868 г. Дыбовскій представилъ Отдѣлу прекрасные результаты своихъ интереснѣйшихъ изслѣдованій объ ихтіологической фаунѣ рѣкъ Онона и Ингоды. Съ 1870 г. въ средѣ Отдѣла замѣчательнымъ изслѣдователемъ частыхъ землетрясеній въ Забайкальской области явился Д. Чл. А. П. Орловъ, совершившій въ 1870 г., по порученію Отдѣла, поѣздку за Байкалъ, для изслѣдованія причинъ бывшихъ лѣтомъ 1869 г. чрезмѣрныхъ наводненій. Онъ собралъ подробныя свѣдѣнія о ходѣ послѣдняго наводненія, а равнымъ образомъ успѣлъ найти въ Селенгинскомъ архивѣ извѣстія о наводненіяхъ прежнихъ временъ, а именно 1751, 1785 и 1830 года. Другія изысканія Орлова касались р. Селенги. Подвижность русла сибирскихъ рѣкъ къ востоку, такъ превосходно выставленная на видъ академикомъ Миддендорфомъ, была ближайшимъ поводомъ къ тому, что Орловъ обратилъ вниманіе на это явленіе въ отношеніи къ р. Селенгѣ. Наблюденія, собранныя по этому предмету, привели его къ заключенію, что эта рѣка, несмотря на то, что въ теченіи своемъ и многочисленныхъ изгибахъ весьма удаляется отъ меридіональнаго направленія, очевидно передвигаетъ, однакоже, свое русло къ правому берегу, т. е. къ востоку. Въ связи съ изслѣдованіями о руслѣ Селенги находились и наблюденія о соотношеніяхъ этой рѣки къ Гусиному озеру. Въ эту же поѣздку Орловъ собралъ весьма важныя свѣдѣнія объ измѣненіи уровня Байкальскихъ водъ, а также о землетрясеніяхъ въ окрестностяхъ Байкала, въ концѣ лѣта и осенью 1869 г. Въ этихъ послѣднихъ явленіяхъ выразилось замѣчательное соотношеніе съ измѣненіемъ уровня подземныхъ водъ, обусловливаемыхъ количествомъ ниспадающей атмосферной воды; въ то время, когда это количество падающей воды было самое большое, и слѣдовательно, когда подземныя пути переполнялись просачивающейся водой, землетрясенія были весьма рѣдки и слабы; но когда произошла достаточная убыль этой подземной воды и пустоты такимъ образомъ опоражнивались, тогда въ нихъ начинались обрушенія, которыя и порождали мѣстныя повышенія уровня почвенныхъ водъ. Орловъ помѣстилъ цѣлый рядъ статей, какъ объ этихъ землетрясеніяхъ такъ и объ измѣненіяхъ уровня Байкала въ т. I „Извѣстій“ Сибирскаго Отдѣла (1870 г.).

Въ предѣлахъ собственно Западной Сибири (губерній Тобольской и Томской), ни Общество, ни его Сибирской Отдѣлъ въ разсматриваемомъ періодѣ не предпринимали никакихъ экспедицій. Снаряженная Кабинетомъ Его Имп. Величества въ концѣ предшедшаго періода экспедиція для съемки Алтая, въ которой и Географич. Общество принимало нѣкоторое, хотя косвенное участіе (стр. 93), была благополучно окончена въ началѣ разсматриваемаго періода и имѣла своимъ результатомъ прекрасно составленную начальник. экспедиціи Подполк. Мейеномъ въ 1864 г. и изданную Кабинетомъ въ 1868 г. карту Алтая.

Многіе изъ Членовъ-Сотрудниковъ Общества, пребывавшихъ въ раз-

Д. Чл. Общества шт. кап. Главн. Штаба П. А. Гельмерсеномъ, снарядившимъ въ Ургѣ маленькій караванъ и переодѣвшимся купцомъ. Гельмерсенъ слѣдовалъ сначала по р. Толѣ, спустился по ней до впаденія ея въ Орхонъ, съ Орхона перебрался на р. Селенгу по рѣкамъ Бургултаю и Ибекъ-Голу, вышелъ на Селенгу противъ куреня Дзуна-Дзасана, поднялся по Селенгѣ верстъ 100 до устья р. Эхе-Гола и по этой рѣкѣ, пройдя черезъ китайскій пограничный караулъ Хуху, достигъ наконецъ до озера Косогола, послѣ 55 дней пути отъ Урги. Озеро Косоголъ оказалось несравненно менѣе, чѣмъ предполагалось по свѣдѣніямъ, собраннымъ во время поѣздки къ нему Пермикина, именно имѣло 150 вер. дл. и 40 вер. шир. Результатомъ поѣздки Гельмерсена были: полный маршрутъ, въ 5 вер. въ дюймѣ, по всему пути отъ Урги до Косогола, коллекціи встрѣченныхъ по пути горныхъ породъ и интересныя свѣдѣнія объ обитающихъ на берегахъ Косогола Урянхахъ.

Изъ Урги же была предпринята въ 1868 г. одна изъ интересныхъ поѣздокъ разсматриваемаго періода однимъ изъ лучшихъ нашихъ знатоковъ Монголіи Д. Чл. Общества Шишмаревымъ, нашимъ Ургинскимъ консуломъ. Цѣлью этой поѣздки было изслѣдованіе путей отъ Урги къ русской границѣ на р. Ононѣ.

Шишмаревъ выѣхалъ изъ Урги 7 іюня, 9 іюня былъ на р. Толѣ, 12-го перешелъ р. Кэрулэнъ, 14-го на р. Хурху, 20-го добрался до Онона, а 21-го уже былъ въ русскомъ Верхне-Ульхунскомъ караулѣ (гдѣ рѣка Ононъ входитъ въ русскіе предѣлы), пройдя около 270 верстъ въ 2 недѣли. Цѣль экспедиціи—снять и развѣдать путь изъ Урги на Ононъ при Верхъ-Ульхунскомъ караулѣ—была вполнѣ достигнута, но Шишмаревъ отправилъ еще топографовъ. по нашей пограничной линіи до Амгинскаго пикета, а оттуда уже по Монголіи въ Ургу болѣе близкимъ отъ нашей границы путемъ (300 верстъ), пересѣкающимъ Ононъ въ китайскихъ предѣлахъ. Такимъ образомъ получилось два пути отъ Урги къ Онону, изъ которыхъ болѣе удобнымъ оказался пройденный самимъ Шишмаревымъ. Прекрасное описаніе пройденнаго пути, въ видѣ дневника Шишмарева, было помѣщено въ Зап. Сиб. Отдѣла [1]).

Независимо отъ этой чрезвычайно интересной для географіи Монголіи поѣздки Шишмаревъ сообщилъ еще Сибирскому Отдѣлу прекрасную статью о Халхасской Монголіи, напечатанную въ „Запискахъ“ Сибирскаго Отдѣла [2]).

Но несомнѣнно, что одною изъ самыхъ замѣчательныхъ экспедицій въ Монголію, совершонныхъ въ разсматриваемомъ періодѣ, была торговая экспедиція, снаряженная на собственный счетъ и страхъ членами Сибирскаго Отдѣла Геогр. Общества братьями Бутиными, такъ какъ экспедиція эта, въ запряженныхъ

[1]) См. Шишмарева «Поѣздка изъ города Урги на р. Ононъ» въ Зап. Сиб. Отд. VIII (9 стр. съ картою).

[2]) См. Шишмарева «Свѣд. о Халхасскихъ владѣніяхъ» въ Зап. Сиб. Отд. кн. XII (стр. 36).

множество людей. Когда путешественники взобрались, наконецъ, на вершину перевала, то ихъ съ радостью встрѣтило нѣсколько собакъ, отставшихъ отъ бѣжавшихъ на Нарынъ Богинцевъ и кормившихся до прихода русской экспедиціи свѣжими еще трупами. Собаки эти пристали къ экспедиціи и потомъ сопровождали ее всюду.

Передъ путешественниками разстилалось обширное плоскогоріе—сыртъ, по которому разбросаны были небольшіе полузамерзшія озера, расположенныя между относительно уже невысокими горами, однакоже покрытыми на вершинахъ вѣчнымъ снѣгомъ, а на скатахъ роскошной зеленью альпійскихъ луговъ. Съ вершины одной изъ такихъ горъ путешественники видѣли очень отчетливо текущія изъ разстилавшихся у ихъ ногъ сыртовыхъ озеръ верховья притоковъ Нарына, главный истокъ котораго находился къ в.-ю.-в. отсюда. Такимъ образомъ впервые были достигнуты европейскимъ путешественникомъ истоки обширной рѣчной системы Яксарта. Къ сожалѣнію къ вечеру поднялась такая вьюга и снѣжная мятель, что ночевать на этой высотѣ безъ палатки и всякаго покрова въ рѣдкомъ воздухѣ, на 12.000 футахъ высоты, было невозможно, да и облака были такъ густы, что трудно было ожидать сносной погоды на другой день. Нельзя было спуститься по Нарыну какъ потому, что съ путешественникомъ было всего только 7 казаковъ, такъ и потому, что, по слухамъ, Сара-Багиши, кочевавшіе ниже по Нарыну, готовили русской экспедиціи засаду. Вслѣдствіе того П. П. Семеновъ рѣшился возвратиться на ночлегъ къ верхнему альпійскому озеру, гдѣ оставалась половина взятыхъ путешественникомъ на Заукинскій перевалъ казаковъ. Съ ночлега П. П. Семеновъ уже спустился къ тому пункту Заукинской долины, гдѣ оставлены были верблюды и главная часть каравана. Такимъ образомъ первая попытка проникнуть въ завѣтный Тянъшань увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Получился прекрасный геологическій разрѣзъ отъ Иссыкъ-Куля до истоковъ Нарына; на всѣхъ встрѣченныхъ обнаженіяхъ взяты были образцы горныхъ породъ, а на альпійскихъ лугахъ собрана превосходная коллекція альпійской флоры Тянъ-шаня, опредѣлены были высоты и сняты интереснѣйшіе виды по пути.

Но это первое восхожденіе на Тянъ-шань казалось путешественнику еще далеко недостаточнымъ. Онъ рѣшился пересѣчь сѣверный склонъ Тянъшаня еще въ другомъ, болѣе восточномъ меридіанѣ, въ которомъ Богинскіе проводники брались провести его на рѣку Сары-Джазъ, принадлежащую, по ихъ разсказамъ, къ бассейну самой Центрально-Азіатской рѣки стараго свѣта, Тарима, впадающаго въ озеро Лобъ-Норъ. До этой новой и еще болѣе интересной поѣздки во внутренность Тянъ-шаня, П. П. Семеновъ посѣтилъ сначала освобожденные отъ захвата Сара-Багишей части южнаго и сѣвернаго прибрежій Иссыкъ-Куля и нѣкоторые изъ горныхъ переваловъ южной цѣпи Заилійскаго Алатау, вернулся въ кочевья Бурамбая около Санташа, гдѣ нашелъ стараго манапа совершенно успокоившимся. Уклончивый Умбетъ-Ала не только прекратилъ всѣ враждебныя дѣйствія противъ Богин-

милъ Общество о томъ, что въ теченіе лѣта предполагалось командировать отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ назначеннаго Кульджинскимъ консуломъ Павлинова[1]), въ города Хобдо и Улясутай, съ цѣлью изыскать новые пути и способы для развитія торговыхъ сношеній Сибири съ Западною Монголіею. Имѣя въ виду, что край, въ который направлялся Павлиновъ, былъ еще весьма мало извѣстенъ въ географическомъ и другихъ отношеніяхъ, Д. Чл. Общ. тайн. сов. Стремоуховъ заявлялъ объ этой поѣздкѣ Географическому Обществу и предлагалъ воспользоваться представляющимся случаемъ для собранія, чрезъ посредство Павлинова, разныхъ свѣдѣній. Такъ какъ извѣщеніе это поступило уже въ вакаціонное время, то въ Азіатскій Департаментъ былъ препровожденъ только рядъ вопросовъ и указаній для Павлинова, составленныхъ по соглашенію Секретаря Общества бар. Ѳ. Р. Остенъ-Сакена съ многими находившимися на лицо членами Общества. Эти указанія касались, главнымъ образомъ, орографіи и гидрографіи края, а также этнографичесихъ особенностей тамошнихъ пограничныхъ племенъ; Павлинову посланы также тѣ изданія Общества, въ которыхъ находились свѣдѣнія о Западной Монголіи и о торговлѣ въ Хобдо.

Въ началѣ осени въ Обществѣ было получено увѣдомленіе изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, что поѣздка Павлинова отложена до весны 1870 г. Вслѣдствіе сего Совѣтъ просилъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Географіи Физической войти въ обсужденіе, въ средѣ Отдѣленія, о томъ, не слѣдуетъ ли сдѣлать какихъ-либо дополненій въ изготовленной для Павлинова инструкціи. П. П. Семеновъ предложилъ Отдѣленію пересмотрѣть инструкцію, составленную во время лѣтнихъ вакацій Секретаремъ Общества, совмѣстно съ нѣкоторыми членами. По этому поводу было между прочимъ, постановлено указать на необходимость командированія, при предполагаемой экспедиціи, топографа, который, на возвратномъ пути, былъ бы посланъ въ сѣверномъ направленіи въ Минусинскій край, что дало бы возможность ознакомиться съ почти совершенно неизвѣстнымъ бассейномъ озера Убса-Норъ, теченіемъ р. Кемчика и хребтами, залегающими къ сѣверу отъ него, и вообще значительно выяснило бы орографію этихъ странъ.

Предложеніе это было принято Отдѣленіемъ, и при этомъ было высказано мнѣніе, что касается до переѣзда въ русскихъ предѣлахъ, то такъ какъ онъ не можетъ быть совершонъ на лодкѣ внизъ по Енисею, то можно воспользоваться извѣстною старинною дорогою черезъ Шабина-Даванъ на Ханъ-Тигиръ (Кантигиръ у Шварца). Чл.-Сотр. кн. П. А. Кропоткинъ предложилъ также снабдить Павлинова анероидомъ, хотя бы карманнымъ. При обработкѣ орографіи бассейна Енисея, кн. Кропоткину постоянно приходилось сталкиваться съ недостаткомъ гипсометрическихъ данныхъ, тогда какъ именно отъ знанія орографическаго строенія нагорья, лежащаго къ с. и ю. отъ

[1]) Павлиновъ былъ назначенъ въ 1865 г. консуломъ въ Кульджу, но не успѣлъ достигнуть мѣста своего назначенія, по случаю вспыхнувшаго въ то время въ Западномъ Китаѣ Дунганскаго мятежа, имѣвшаго послѣдствіемъ раззореніе Кульджи.

Мушкетова, былъ, по крайней мѣрѣ на своей оконечности и боковой моренѣ, тщательно осмотрѣнъ путешественникомъ, восходившимъ и на самый ледникъ, но не имѣвшимъ возможности, при недостаткѣ вспомогательныхъ средствъ и малочисленности сопровождавшаго его персонала, перейти поперегъ ледника. По всему пути и въ ледниковой моренѣ были взяты образцы горныхъ породъ, собрана интересная коллекція богатой альпійской флоры и опредѣлена высота снѣжной линіи и нижней оконечности ледника. Наконецъ на горныхъ склонахъ П. П. Семеновъ увидѣлъ впервые стадо кочкаровъ, той самой породы горныхъ барановъ, которую описывалъ еще Марко-Поло и которую, по добытому на Памирѣ англійскимъ путешественникомъ Вудомъ скелету головы и рогамъ, зоологи описали и назвали Ovis Polii, полагая при этомъ замѣчательную породу эту совершенно вымершею [1]). Возвратясь назадъ въ оставленный имъ лагерь на Сары-Джазѣ путешественникъ спустился по этой рѣкѣ на сколько было возможно, но, при отсутствіи возможности слѣдовать по ущелью, въ которое врывается рѣка, не рѣшился идти и на перевалы ведущіе въ Кашгарію, а повернувъ назадъ къ востоку, и пройдя мимо ледника, названнаго впослѣдствіи ледникомъ Семенова, пробрался къ верховьямъ р. Кокъ-Джара, а оттуда черезъ высокій перевалъ (въ 9.900 ф.) вышелъ на одну изъ вершинъ Текеса, а съ нея уже очень труднымъ путемъ спустился сначала въ глубокую поперечную долину, изъ которой эта рѣка вырывается въ свою продольную долину, а за тѣмъ направился по этой долинѣ, простирающейся уже у подножія Тянъ-шаньскаго хребта.

Цѣль второй поѣздки вглубь Тянъ-шаня была вполнѣ достигнута. Получилось два поперечныхъ геологическихъ разрѣза Тянъ-шаня: одинъ по Кокъджарскому пути, другой по Текесу; были опредѣлены высоты горныхъ переваловъ, снѣжной линіи, оконечностей двухъ ледниковъ, средней высоты двухъ продольныхъ долинъ, собрана полная коллекція горныхъ породъ по пройденному пути и превосходная коллекція альпійской флоры Тянъ-шаня.

Дальнѣйшее намѣреніе путешественника состояло въ томъ, чтобы, пройдя еще далѣе по долинѣ Текеса, избрать одну изъ поперечныхъ долинъ впадающихъ въ него рѣкъ, съ цѣлью подняться по такой долинѣ какъ можно ближе къ недоступному для него, по обстоятельствамъ, прославленному китайцами Муссартскому проходу и получить такимъ образомъ еще одинъ поперечный геологическій разрѣзъ сѣвернаго склона Тянъ-шаня.

Но, къ сожалѣнію, исполненіе этого намѣренія встрѣтило непредвидѣнныя препятствія. Немного не доходя до входа въ ту поперечную долину, которую избралъ П. П. Семеновъ для своего восхожденія (Чонъ-Капкакъ), прибылъ гонецъ съ извѣстіемъ, что султану Тезеку, котораго участіе въ экспедиціи обезпечило П. П. Семенову возможность проникнуть въ завѣт-

---

[1]) Впослѣдствіи прекрасные экземпляры Ovis Polii были добыты сначала Н. А. Сѣверцовымъ, а потомъ Н. М. Пржевальскимъ.

горныхъ хребта, Саянскій и Танну-Ола. Проходы чрезъ послѣдній изъ этихъ хребтовъ не представляютъ особенныхъ затрудненій для слѣдованія на вьюкахъ, но пути или правильнѣе тропинки, ведущія черезъ Саянскій хребетъ, до крайности затруднительны для слѣдованія съ вьючными верблюдами. Переѣзды на южную сторону этого хребта, по крутымъ и каменистымъ подъемамъ и мѣстами по весьма топкимъ болотамъ, совершаются обыкновенно съ легкими вьюками на лошадяхъ. Водяной же путь, вверхъ по Енисею, также представляетъ большія затрудненія по причинѣ множества пороговъ и подводныхъ камней. Такимъ образомъ оказывается, что зимою вверхъ по рѣкѣ Енисею на саняхъ было бы всего удобнѣе перевозить наши товары изъ Минусинскаго округа въ предѣлы Западной Монголіи. Китайскіе товары могли бы удобно быть сплавляемы внизъ по Енисею на плоскодонныхъ судахъ и плотахъ.

Во все продолженіе слѣдованія экспедиціи по Монголіи, а именно отъ Китайскаго пикета Суокъ, на границѣ Томской губерніи до Хобдо (248 верстъ), отъ Хобдо до Улясутая (около 420 в.) и отъ Улясутая до границы Минусинскаго округа (595 в.), топографъ Матусовскій производилъ маршрутную съемку. Сверхъ того онъ снялъ глазомѣрно подробный планъ г. Хобдо и собралъ распросныя свѣдѣнія о верховьяхъ Чернаго Иртыша, о загадочномъ озерѣ Кызыль-Башъ и о путяхъ, ведущихъ чрезъ Южный Алтай и изъ Зайсанскаго Приставства къ урочищу Буруль-Тохаю, находящемуся въ китайскихъ предѣлахъ и сдѣлавшемуся интереснымъ по предположенію китайскаго правительства выстроить на немъ новый городъ, вмѣсто разрушеннаго Дунганами Чугучака. Наконецъ Матусовскій успѣлъ осмотрѣть Икэ-аралъ-норъ, составляющій одну изъ болѣе замѣчательныхъ озерныхъ группъ въ Западной Монголіи.

Картографическіе результаты этой экспедиціи, предъявленные въ апрѣльскомъ Общемъ Собраніи 1871 г., заключались въ двухъ маршрутныхъ съемкахъ въ пятиверстномъ масштабѣ: одной отъ пограничнаго пикета Суокъ, на границѣ Томской губерніи, до городовъ Хобдо и Улясутая, а другой отъ сего послѣдняго города, въ направленіи къ сѣверу, чрезъ хребты Танну-Ола и Саянскій, въ г. Минусинскъ. Работы эти исполнены Матусовскимъ, составившимъ также планы городовъ Хобдо и Улясутая.

Результаты географическихъ изслѣдованій Матусовскаго весьма любопытны. Изслѣдованія происходили въ странахъ, о которыхъ имѣлись до того времени самыя скудныя свѣдѣнія. Благодаря изслѣдованіямъ экспедиціи въ Западной Монголіи, можно было составить себѣ нѣкоторое понятіе, какъ о гористой сѣверной окраинѣ этой части Монголіи, такъ и о замѣчательной водной системѣ рѣкъ и озеръ, находящейся между Хобдо и Улясутаемъ и далѣе къ югу. Въ одномъ изъ засѣданій Отдѣленія Географіи Физической, Матусовскій предъявилъ, кромѣ своихъ маршрутныхъ съемокъ, подробное топографическое описаніе пути и собранныя имъ распросныя свѣдѣнія. На основаніи этихъ свѣдѣній, Матусовскій

П. П. Семеновъ вернулся въ Копалъ, оттуда проникъ еще во вновь возникшее Лепсинское поселеніе, въ верховьяхъ р. Лепсы, въ с.-в. части Семирѣчинскаго Алатау, на озеро Ала-Куль и на два Тарбагатайскихъ горныхъ перевала (Алетъ и Котель) и тѣмъ завершилъ свою обширную научную рекогносцировку сѣверо-западной окраины Центральной нагорной Азіи. Общимъ результатомъ путешествій П. П. Семенова было изслѣдованіе 23 горныхъ переваловъ, собраніе 300 образцовъ горныхъ породъ, болѣе 1.000 видовъ растеній [1]), между которыми оказалось очень много новыхъ формъ, опредѣленія до 50 высотъ, между тѣмъ какъ художникъ Кокшаровъ исполнилъ съ натуры множество рисунковъ карандашемъ и масляными красками.

Первою заботою П. П. Семенова, по возвращеніи въ Петербургъ, было ходатайство передъ Обществомъ о снаряженіи дополнительной экспедиціи, для опредѣленія недостающихъ въ изслѣдованномъ имъ краѣ астрономическихъ пунктовъ. При этомъ П. П. Семеновъ обратилъ вниманіе Совѣта на совершенный недостатокъ опредѣленій географическаго положенія важнѣйшихъ пунктовъ въ томъ замѣчательномъ пространствѣ Средней Азіи, заключающее въ себѣ озеро Иссыкъ-Куль, которое составляетъ одинъ изъ центральныхъ пунктовъ всего Азіятскаго материка, ибо оно находится приблизительно въ одинаковомъ разстояніи отъ Обской губы, Бенгальскаго залива, Чернаго и Желтаго морей. Во всей Забалхашской Джунгаріи былъ въ то время только одинъ астрономическій пунктъ, опредѣленный Русскими, это именно впаденіе рѣки Лепсы въ Балхашъ; кромѣ него было еще два китайскихъ, опредѣленные Іезуитами въ XVII вѣкѣ: это устье рѣки Конуръ-Улена (Хонгоръ-Олона), впадающей съ Ю.-З. въ озеро Иссыкъ-Куль и городъ Кульджа на Или.

По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, требованія географической науки вызвали Императорское Русское Географическое Общество на снаряженіе небольшой экспедиціи для опредѣленія нѣкоторыхъ пунктовъ между озеромъ Балхашемъ и хребтами Тарбагатай, Джунгарскимъ Алатау и Тянъ-шанемъ, т. е. въ русской и отчасти китайской Джунгаріи.

---

[1]) Растенія эти были впослѣдствіи описаны директоромъ Ботаническаго сада Регелемъ и его сотрудникомъ Гердеромъ въ цѣломъ рядѣ мемуаровъ, помѣщавшихся въ Bull. de la Soc. Imp. des naturalistes de Moscou съ 1864 по 1869, подъ заглавіемъ Enumeratio plantarum in regionibus cis et transilensibus à P. Semenowio anno 1857 (собственно 1856—57) collectarum. Число всѣхъ перечисленныхъ въ этомъ спискѣ растеній простиралось до 1288, въ числѣ коихъ совершенно новыхъ видовъ было описано 78. Но въ общее число вошло нѣкоторое количество растеній, собранныхъ Г. Н. Потанинымъ въ 1863, и Н. А. Сѣверцовымъ въ 1861 г. Списокъ собранныхъ П. П. Семеновымъ жесткокрылыхъ былъ напечатанъ В. Мочульскимъ. Краткіе отчеты о путешествіи П. П. Семенова были помѣщаемы въ Отчетахъ и Извѣстіяхъ Общества, одинъ отрывокъ изъ его путешествій въ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по Общ. Геогр. Т. I, 1867 г., другой въ Живописной Россіи, въ томѣ относящемся до Средней Азіи. Общій очеркъ изслѣдованной страны былъ напечатанъ въ Petermanns Mittheilungen за 1858 г. подъ заглавіемъ P. v. Semenow, Forschungsreisen in Inner-Asien im Jahre 1857, etc. bis zu den Gletschern des Thian-Schan-Gebirges. Дневники П. П. Семенова, и обширная коллекція горныхъ породъ и окаменѣлостей остались не разработанными. Только дневники, относящіеся до приалтайскихъ странъ, использованы въ дополненіяхъ П. П. Семенова къ III тому Риттеровой Азіи (Алтай); остальные же будутъ служить, между прочимъ, къ будущимъ томамъ дополненій ко II тому русскаго перевода Риттеровой Азіи (Тянъ-шань).

ГЛАВА XVIII.

Экспедиціи Общества и изслѣдованія его Членовъ на сѣверо-западной окраинѣ Центральной Азіи.

Мы уже упоминали выше (стр. 93—95) объ экспедиціи П. П. Семенова, достигшаго еще въ 1856 г. до обѣихъ оконечностей озера Иссыкъ-Куля.

Зиму 1856—57 гг. П. П. Семеновъ провелъ въ Барнаулѣ, до начала весны съѣздилъ въ Омскъ для свиданія съ генералъ-губернаторомъ Г. Х. Гасфортомъ, отъ котораго получилъ разрѣшеніе путешествовать по Заилійскому краю, съ условіемъ не переходить рѣки Чу, при чемъ, конечно, о Тянъ-шанѣ не было рѣчи. Тѣмъ не менѣе П. П. Семеновъ, съ ранней весны 1857 года, отправился въ Заилійскій край, съ затаенной мыслью во что бы то ни стало достигнуть завѣтнаго Тянъ-шаня, но такъ какъ онъ не могъ нарушить своего обѣщанія переходить черезъ р. Чу, то единственный доступъ въ Тянъ-шань былъ открытъ ему только съ восточной стороны Иссыкъ-Куля.

Пріѣхавъ въ Вѣрное, путешественникъ узналъ тамъ отъ мѣстнаго начальника, Пристава Большой Орды полковника Перемышльскаго, о положеніи дѣлъ у подножія Тянъ-шаня. Въ это время бассейнъ Иссыкъ-Куля былъ раздѣленъ между двумя племенами Дикокаменныхъ Киргизовъ (Кара-Киргизовъ)—Сара-Багишами на западѣ и Богинцами (Богу) на востокѣ, изъ коихъ первые считали себя подданными Коканскаго ханства, а вторые Китайской имперіи. Оба племени были между собою, уже въ теченіе двухъ лѣтъ, въ кровавой распрѣ. Манапъ (старшій султанъ) племени Сара-Багишъ, смѣлый и предпріимчивый Урманъ, съумѣвшій не только одолѣть, но и погубить такого сильнаго врага, какимъ былъ знаменитый Кенисара [1]), случайно погибъ въ кровопролитной битвѣ съ Богинцами, въ 1855 году. Хитрый и уклончивый сынъ Урмана—Умбетъ-Ала, гостепріимствомъ котораго П. П. Семеновъ пользовался осенью 1856 г., отмстилъ (а именно лѣтомъ

---

[1]) Султанъ Кенисара Касимовъ, потомокъ Аблай-Хана, въ теченіе болѣе 10 лѣтъ умѣвшій, еще въ сороковыхъ годахъ, сопротивляться распространенію и упроченію русскаго владычества въ Киргизской степи, погибъ въ распрѣ съ Урманомъ и Дикокаменными Киргизами въ 1847 году.

того же года, ранѣе посѣщенія П. П. Семенова) за гибель отца такимъ полнымъ разгромомъ Богинцевъ, что они бросили всѣ свои кочевья на Иссыкъ-Кулѣ и вынуждены были укрываться въ долинахъ Тянъ-шаня и на рѣкѣ Текесѣ—верховьѣ р. Или. Эта пустынность береговъ Иссыкъ-Куля и дала возможность П. П. Семенову, еще въ августѣ 1856 г., совершить, всего только съ 12-ю казаками, свою рискованную поѣздку на восточную оконечность озера. Въ зиму 1856 — 57 гг. весь бассейнъ Иссыкъ-Куля уже былъ занятъ Сара-Багишами, а Богинцы, тѣснясь на зимовкахъ у подножія Тянъ-шаня, около перевала Санташъ, очутились весною въ такомъ критическомъ положеніи, что рѣшились просить помощи у Пристава Большой Орды, заявляя ему, что они даже готовы пойти въ русское подданство. Полковникъ Перемышльскій, не имѣя никакихъ уполномочій ни на принятіе Богинцевъ въ подданство, ни на оказаніе имъ оффиціально какой либо помощи, но не желая отказомъ своимъ прекратить всякіе дальнѣйшіе переговоры по этому предмету, очень обрадовался пріѣзду предпріимчиваго путешественника и немедленно снабдилъ его конвоемъ изъ 40 казаковъ, усиливъ его сверхъ того приглашеніемъ самаго отважнаго изъ Султановъ Большой Орды—Тезека—подать помощь Богинцамъ. Такимъ образомъ для экспедиціи Географическаго Общества открылась возможность изслѣдовать всю территорію, принадлежавшую Богинскому племени, т. е. сѣверный склонъ Тянъ-шаня между меридіанами Заукинскаго и Муссартскаго переваловъ, изъ которыхъ послѣдній былъ въ то время, впрочемъ, совершенно недоступенъ для изслѣдованія, потому что смуты происходившія въ 1857 г. въ Кашгарѣ и во всемъ Алтышарѣ (шестиградіи, у южной подошвы Тянъ-шаня) заставили китайцевъ двигать въ теченіе всего лѣта 1857 г. массы войскъ изъ своей Илійской провинціи въ Алтышаръ для усмиренія только разгорѣвшагося тамъ мятежа.

Экспедиція снарядилась въ Вѣрномъ, гдѣ въ составъ ея вошли художникъ Кокшаровъ, приглашенный П. П. Семеновымъ изъ Томска и два топографа, которымъ впрочемъ было поручено дѣлать, въ тылу экспедиціи и подъ ея защитою, съемки двухъ параллельныхъ цѣпей Заилійскаго Алатау, продольной долины р. Чилика, ихъ раздѣляющей также какъ и ихъ поперечныхъ долинъ, а если возможно и Кунгея, сѣвернаго побережья Иссыкъ-Куля. П. П. Семеновъ быстро прошелъ по знакомому ему уже отчасти пути черезъ перевалы Заилійскаго Алатау къ подножію Тянъ-шаня, гдѣ старый и пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ манапъ (старшій султанъ) племени Богу, Бурамбай, встрѣтилъ русскихъ, около перевала Сантышъ, какъ друзей и избавителей. Быстро разнеслась по всѣмъ прибрежьямъ Иссыкъ-Куля молва о прибытіи русскаго начальника изъ столицы Бѣлаго царя, съ тысячнымъ, будто бы, отрядомъ, на защиту Богинцевъ, пожелавшихъ идти въ русское подданство. Поводомъ этому слуху было то, что султанъ Тезекъ дѣйствительно явился на помощь Богинцамъ, вслѣдъ за русскими, съ 800 всадниками. Сара-Багиши быстро очистили не только Богинскія земли, но и весь Терской (юж-

ный берегъ Иссыкъ-Куля): одни изъ нихъ откочевали на западную оконечность Иссыкъ-Куля и въ долину Чу, подъ защиту кокандскихъ крѣпостей Пишпека и Токмака, другіе перебрались черезъ Тянъ-шань и расположились въ верхней долинѣ р. Нарына (верховья Сыръ-Дарьи), также опираясь на имѣвшееся у нихъ въ тылу на Нарынѣ кокандское укрѣпленіе.

П. П. Семеновъ, не теряя времени, рѣшился направиться къ находящемуся за первой (съ восточной стороны) третью Терскея, къ югу отъ Иссыкъ-Куля, Заукинскому перевалу, по которому и надѣялся углубиться во внутренность Тянъ-шаня. Попутно, однако же, онъ поспѣшилъ заглянуть хотя немного, но впервые, въ поперечную Тянъ-шаньскую долину р. Тургень-Аксу. Въ ней, по разсказу Богинцевъ, находился теплый ключъ (Арасанъ), достигнувъ котораго путешественникъ откололъ отъ Тянъ-шаньскихъ скалъ первые образцы горныхъ породъ. Отсюда П. П. Семеновъ, отправивъ свой караванъ обходомъ черезъ гору къ Терскею, самъ, въ сопровожденіи одного казака, прошелъ по трудно и мало-доступной тропинкѣ черезъ ущелье, при выходѣ изъ котораго наткнулся на сильный развѣдочный отрядъ Сара-Багишей, переправлявшихся въ то время черезъ трудный бродъ на р. Тургень-Аксу. Только своевременное появленіе изъ-за горы главнаго отряда, съ его внушительною вереницею верблюдовъ и блестѣвшимъ на солнцѣ оружіемъ казаковъ, спасло путешественника отъ опаснаго столкновенія: Сара-Багиши быстро удалились.

Прибрежье Иссыкъ-Куля было впрочемъ совершенно пустынно, встрѣчались только пѣшіе, усталые и голодные Богинцы, возвращавшіеся изъ плѣна отъ Сара-Багишей: они были брошены сими послѣдними на произволъ судьбы при быстромъ ихъ бѣгствѣ съ береговъ Терскея.

Войдя въ долину р. Зауку П. П. Семеновъ прошелъ мимо опустошеннаго Сара-Багишами сада манапа Бурамбая и, поднявшись по доступной для верблюдовъ части долины, оставилъ на одномъ изъ своихъ ночлеговъ, тамъ гдѣ уже дорога становилась затруднительною, главную часть своего каравана и отправился налегкѣ, съ 15 казаками, на вершину Заукинскаго перевала.

Въ особенности труденъ былъ подъемъ отъ верхняго изъ двухъ альпійскихъ озеръ, между которыми р. Зауку терялась подъ грудами камней, образующихъ родъ вала—вѣроятно остатокъ старой морены. Затруднительность крутаго подъема, восходящаго зигзагомъ выше верхняго озера, недалеко отъ низвергающейся съ перевала рѣчки была еще усилена тѣмъ, что тропинка мѣстами оказалась заваленною трупами павшихъ, но совершенно хорошо сохранившихся въ ледяной атмосферѣ, на 10 тыс. фут. высоты, лошадей и другихъ животныхъ. Это были слѣды катастрофы, случившейся весною 1857 года съ однимъ изъ Богинскихъ родовъ, разсорившимся съ Бурамбаемъ и рѣшившимся перекочевать за Тянь-шань. Сара-Багиши, устроили этимъ Богинцамъ на пути ихъ засаду, которая, пропустивъ перекочевку впередъ, напала на нее съ тыла и нанесла ей страшнѣйшій разгромъ, отбивъ у Богинцевъ много стадъ и истребивъ и захвативъ въ плѣнъ

множество людей. Когда путешественники взобрались, наконецъ, на вершину перевала, то ихъ съ радостью встрѣтило нѣсколько собакъ, отставшихъ отъ бѣжавшихъ на Нарынъ Богинцевъ и кормившихся до прихода русской экспедиціи свѣжими еще трупами. Собаки эти пристали къ экспедиціи и потомъ сопровождали ее всюду.

Передъ путешественниками разстилалось обширное плоскогоріе—сыртъ, по которому разбросаны были небольшіе полузамерзшія озера, расположенныя между относительно уже невысокими горами, однакоже покрытыми на вершинахъ вѣчнымъ снѣгомъ, а на скатахъ роскошной зеленью альпійскихъ луговъ. Съ вершины одной изъ такихъ горъ путешественники видѣли очень отчетливо текущія изъ разстилавшихся у ихъ ногъ сыртовыхъ озеръ верховья притоковъ Нарына, главный истокъ котораго находился къ в.-ю.-в. отсюда. Такимъ образомъ впервые были достигнуты европейскимъ путешественникомъ истоки обширной рѣчной системы Яксарта. Къ сожалѣнію къ вечеру поднялась такая вьюга и снѣжная мятель, что ночевать на этой высотѣ безъ палатки и всякаго покрова въ рѣдкомъ воздухѣ, на 12.000 футахъ высоты, было невозможно, да и облака были такъ густы, что трудно было ожидать сносной погоды на другой день. Нельзя было спуститься по Нарыну какъ потому, что съ путешественникомъ было всего только 7 казаковъ, такъ и потому, что, по слухамъ, Сара-Багиши, кочевавшіе ниже по Нарыну, готовили русской экспедиціи засаду. Вслѣдствіе того П. П. Семеновъ рѣшился возвратиться на ночлегъ къ верхнему альпійскому озеру, гдѣ оставалась половина взятыхъ путешественникомъ на Заукинскій перевалъ казаковъ. Съ ночлега П. П. Семеновъ уже спустился къ тому пункту Заукинской долины, гдѣ оставлены были верблюды и главная часть каравана. Такимъ образомъ первая попытка проникнуть въ завѣтный Тянъшань увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Получился прекрасный геологическій разрѣзъ отъ Иссыкъ-Куля до истоковъ Нарына; на всѣхъ встрѣченныхъ обнаженіяхъ взяты были образцы горныхъ породъ, а на альпійскихъ лугахъ собрана превосходная коллекція альпійской флоры Тянъ-шаня, опредѣлены были высоты и сняты интереснѣйшіе виды по пути.

Но это первое восхожденіе на Тянъ-шань казалось путешественнику еще далеко недостаточнымъ. Онъ рѣшился пересѣчь сѣверный склонъ Тянъшаня еще въ другомъ, болѣе восточномъ меридіанѣ, въ которомъ Богинскіе проводники брались провести его на рѣку Сары-Джазъ, принадлежащую, по ихъ разсказамъ, къ бассейну самой Центрально-Азіатской рѣки стараго свѣта, Тарима, впадающаго въ озеро Лобъ-Норъ. До этой новой и еще болѣе интересной поѣздки во внутренность Тянъ-шаня, П. П. Семеновъ посѣтилъ сначала освобожденные отъ захвата Сара-Багишей части южнаго и сѣвернаго прибрежій Иссыкъ-Куля и нѣкоторые изъ горныхъ перевалов южной цѣпи Заилійскаго Алатау, вернулся въ кочевья Бурамбая около Санташа, гдѣ нашелъ стараго манапа совершенно успокоившимся. Уклончивый Умбетъ-Ала не только прекратилъ всѣ враждебныя дѣйствія противъ Богин-

цевъ, которые могли снова постепенно занять свои земли по обѣимъ сторонамъ Иссыкъ-Куля, но, хотя и не хотѣлъ мириться съ своимъ врагомъ Бурамбаемъ, сталъ заискивать расположенія русскихъ и въ особенности своего бывшаго гостя (тамыра) П. П. Семенова, на письмо котораго, написанное по просьбѣ Бурамбая, о выкупѣ плѣнницъ — султаншъ семьи сего послѣдняго, отвѣтилъ возвращеніемъ этихъ плѣнницъ, въ томъ числѣ и родной своей сестры (бывшей замужемъ за однимъ изъ сыновей Бурамбая) безъ всякаго выкупа. Сверхъ того осторожный Умбатъ-Ала, опасаясь болѣе всего, чтобы русскіе не вмѣшались въ распрю Сара-Багишей и Богинцевъ, ставъ рѣшительно на сторону послѣднихъ, парализировалъ невыгодныя для него коварныя намѣренія одного изъ подвѣдомственныхъ ему султановъ, Джантая, кочевавшаго въ то время на Тянъ-шаньскихъ сыртахъ и собиравшагося произвести рѣшительное нападеніе на русскую экспедицію.

При такихъ благопріятно сложившихся условіяхъ, П. П. Семеновъ, предпринялъ свою вторую поѣздку вглубь Тянъ-шаньской системы. Поднявшись по р. Каркарѣ, значительному притоку р. Или и за тѣмъ по Кокъ-Джару, одной изъ верховыхъ рѣкъ Каркары, путешественникъ взобрался на перевалъ около 12 тыс. ф., раздѣляющій Кокъ-Джаръ отъ Сары-Джаза, т. е. рѣчныя системы озеръ Балхаша и Лобъ-Нора и, къ изумленію своему, съ этого перевала непосредственно увидѣлъ передъ собою возвышающуюся прямо къ югу отъ перевала въ своемъ невообразимомъ величіи группу Ханъ-Тенгри. Главный исполинъ этой группы, гора Ханъ-Тенгри, слегка опоясанная вѣнцомъ облаковъ — возвышалось крутою и довольно острою пирамидою по крайней мѣрѣ на 6 или 7 тыс. фут. надъ двумя десятками бѣлоснѣжныхъ вершинъ ее окружающихъ, до высоты 24 тыс. фут. и, при полномъ блескѣ на солнечныхъ лучахъ бѣлоснѣжнаго покрова всей группы, превосходила своею красотою всякое описаніе. Группа эта весьма удачно была изображена съ натуры на рисункѣ сопровождавшимъ П. П. Семенова художникомъ Кокшаровымъ. Оказалось что притокъ Тарима Сары-Джазъ беретъ начало ихъ обширныхъ ледниковъ, спускающихся съ сѣвернаго склона Ханъ-Тенгри, течетъ сначала по высокой (въ 9.000 ф.) продольной долинѣ Тянъшаня, за тѣмъ врѣзывается въ продолженіе главнаго Тяншаньскаго хребта и прорывается черезъ него такими дикими и никѣмъ не посѣщенными тѣснинами, черезъ которые, какъ утверждали Кара-Киргизы, нѣтъ никакого пути, а что на обходахъ этого прорыва, на западъ отъ него, есть дорога ведущая въ китайскій Туркестанъ черезъ два чрезвычайно высокіе перевала.

Оставивъ весь свой караванъ на Сары-Джазѣ, П. П. Семеновъ съ художникомъ Кокшаровымъ и 7-ю казаками отправился на ледники, питающіе вершины Сары-Джаза. Пройдя мимо того изъ истоковъ Сары-Джаза, который течетъ изъ замыкающаго продольную долину чрезвычайно обширнаго ледника, носящаго нынѣ названіе ледника Семенова, онъ углубился въ поперечную долину, въ которой очень живописно спускались съ Сары-Джаза еще три ледника. Изъ нихъ одинъ, получившій впослѣдствіи названіе ледника

или по проходящимъ за этими горами долинамъ. Занятіе и упроченіе такой границы должно было имѣть неминуемымъ послѣдствіемъ и прекращеніе нашего неопредѣленнаго положенія въ бассейнѣ Иссыкъ-Куля, и полное подчиненіе намъ всѣхъ кочевыхъ племенъ какъ этого бассейна, такъ и всей западной части Тянъ-шаньскаго нагорья.

Это быстро проникшее въ высшія правительственныя сферы убѣжденіе вызвало уже въ 1860 г. военную экспедицію полковника Циммермана [1]), которая, хотя нерѣшительно и только отчасти, выполнила задуманный планъ, но все же, уничтоживъ Пишпекъ и Токмакъ—опорные пункты коканскаго владычества на Иссыкъ-Кулѣ, имѣла послѣдствіемъ то, что отрѣзанные отъ Коканскихъ опорныхъ пунктовъ Сара-Багиши, съ Умбетъ-Алою во главѣ, вынуждены были перейти въ русское подданство и такимъ образомъ весь бассейнъ Иссыкъ-Куля безспорно подпалъ подъ русское владычество.

За тѣмъ Главный штабъ направилъ всѣ свои усилія на распространеніе геодезическихъ съемокъ въ Тянь-шаньской горной странѣ. Уже въ 1859 г., М. И. Венюковъ (въ послѣдующемъ періодѣ секретарь Географическаго Общества) посѣтилъ рѣчныя долины р. Чу и ея верховья Кошкара [2]), а въ 1860 г., подъ его руководствомъ, были произведены съемки на Иссыкъ-Кулѣ. Еще болѣе рѣшительный шагъ впередъ былъ сдѣланъ въ 1863 г. превосходными съемками капитана Проценко (нынѣ ген.-лейт. и начальникъ Азіатскаго Отдѣла Главн. штаба), уже распространившимися на всю западную часть Тянъ-шаня, вплоть до Нарына и обнявшими бассейнъ въ высшей степени интереснаго альпійскаго озера Сонъ-Куля.

Въ то же самое время Министерство Иностранныхъ Дѣлъ озаботилось и упроченіемъ границы вновь занятаго нами Семирѣченскаго и Заилійскаго краевъ со стороны Китая, между Алтаемъ и Тянъ-шанемъ. Министерство это, снарядивъ уже къ началу 1862 г. разграничительную Коммиссію, предложило Императорскому Русскому Географическому Обществу присоединить къ этой Коммиссіи и экспедицію со стороны Общества.

Воспользовавшись этимъ случаемъ Совѣтъ Общества поручилъ въ маѣ 1862 г. Д. Чл. К. В. Струве (нынѣ русскій посланникъ въ Голландіи), приглашенному въ составъ разграничительной Коммиссіи, произвести нѣкоторыя географическія изслѣдованія, и преимущественно астрономическія, метеорологическія и магнитныя наблюденія. Струве былъ снабженъ отъ Общества инструкціями и инструментами. Для метеорологическихъ изслѣдованій были сдѣланы указанія К. С. Веселовскимъ, и по его совѣту было поручено путешественнику завести, по возможности, въ разныхъ мѣстахъ средней Азіи постоянныя метеорологическія наблюденія.

---

[1]) Впослѣдствіи ген. отъ инф., командовавшаго западною арміею во время послѣдней Восточной войны и перешэдшаго прежде всѣхъ Дунай въ Добруджу.

[2]) См. интересную статью Н. И. Венюкова «Очерки Заилійскаго края и Причуйской страны» въ Зап. Им. Рус. Геогр. Общ. за 1861 г. Изсл. и матер. стр. 79—130.

ный Тянъ-шань, грозила серьезная опасность. На возвратномъ пути своемъ изъ кочевьевъ Бурамбая въ свои владѣнія, онъ былъ захваченъ въ плѣнъ личнымъ своимъ врагомъ, однимъ изъ подчиненныхъ ему султановъ, возставшимъ противъ него изъ за какой то распри и содержался въ оковахъ въ одной изъ дикихъ долинъ Заилійскаго Алатау, при чемъ и самая жизнь узника была въ большой опасности. Несомнѣнно, что гибель Тезека, вѣсть о которой быстро распространилась бы между всѣми, а въ особенности враждебными намъ Сара-Багишами, поставила бы все племя Богинцевъ и самую экспедицію въ затруднительное положеніе.

Вслѣдствіе того П. П. Семеновъ оставилъ свой караванъ, медленно повернувшій въ возвратный путь, быстро вернулся къ стойбищамъ Бурамбая, гдѣ на первый вызовъ собралось нѣсколько сотъ Богинскихъ всадниковъ, пожелавшихъ ѣхать на выручку Тезека. Сборный отрядъ тронулся въ 5 часовъ вечера и, пройдя, при помощи заводныхъ лошадей [1]), съ однимъ только получасовымъ отдыхомъ, верстъ 120, былъ уже, хотя въ сильно уменьшенномъ отсталыми составѣ [2]), на другой день рано по утру на мѣстѣ заключенія Тезека. Плѣнникъ былъ освобожденъ не ожидавшими прибытія отряда Киргизами и спокойствіе возстановлено, но экспедиція, по измѣнившимся обстоятельствамъ, уже не могла вернуться для дальнѣйшаго изслѣдованія Тянъ-шаня.

П. П. Семенову оставалось однакоже, на приближающуюся осень, не мало дѣла по изслѣдованію до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстнаго Заилійскаго Алатау. Путешественникъ, объѣхавъ мѣста, гдѣ работали топографы, прошелъ продольную долину Чилика, изслѣдовалъ всѣ остальные перевалы восточной половины южной и сѣверной цѣпей Заилійскаго Алатау, получивъ нѣсколько полныхъ геологическихъ разрѣзовъ хребта, вполнѣ иллюстрируемыхъ собранными образцами горныхъ породъ, сдѣлалъ много опредѣленій высотъ и собралъ весьма полную коллекцію флоры Заилійскаго Алатау, не говоря уже о многочисленныхъ рисункахъ, исполненныхъ Кокшаровымъ и небольшихъ энтомологическихъ сборахъ.

Вернувшись осенью въ Вѣрное путешественникъ завершилъ свое путешествіе посѣщеніемъ дымившихся прежде холмовъ (отъ подземнаго пожара пластовъ каменнаго угля) по сѣверной сторонѣ р. Или, въ невысокой группѣ холмовъ Кату, при чемъ убѣдился, что разсказы и китайскія показанія о явленіяхъ въ Тянъ-шаньскомъ хребтѣ, принятыхъ Гумбольдтомъ за вулканическія, пока не нашли еще себѣ подтвержденія, такъ какъ не только вулкановъ, но и настоящихъ вулканическихъ породъ путешественнику, не смотря на внимательный осмотръ каждаго изъ встрѣчающихся обнаженій, не удалось найти ни во всемъ Тянъ-шанѣ, ни въ Заилійскомъ, ни въ Джунгарскомъ Алатау. Затѣмъ

---

[1]) Осѣдланныхъ запасныхъ лошадей, держимыхъ каждымъ всадникомъ въ поводу.

[2]) На вечерней перекличкѣ въ аулахъ Бурамбая было до 800 человѣкъ, а на утренней, передъ приходомъ въ стойбище враждебныхъ Тезеку Киргизовъ, только 90 человѣкъ. Всѣ остальные отстали, вслѣдствіе быстроты перехода.

П. П. Семеновъ вернулся въ Копалъ, оттуда проникъ еще во вновь возникшее Лепсинское поселеніе, въ верховьяхъ р. Лепсы, въ с.-в. части Семирѣчинскаго Алатау, на озеро Ала-Куль и на два Тарбагатайскихъ горныхъ перевала (Алетъ и Котель) и тѣмъ завершилъ свою обширную научную рекогносцировку сѣверо-западной окраины Центральной нагорной Азіи. Общимъ результатомъ путешествій П. П. Семенова было изслѣдованіе 23 горныхъ переваловъ, собраніе 300 образцовъ горныхъ породъ, болѣе 1.000 видовъ растеній [1]), между которыми оказалось очень много новыхъ формъ, опредѣленія до 50 высотъ, между тѣмъ какъ художникъ Кокшаровъ исполнилъ съ натуры множество рисунковъ карандашемъ и масляными красками.

Первою заботою П. П. Семенова, по возвращеніи въ Петербургъ, было ходатайство передъ Обществомъ о снаряженіи дополнительной экспедиціи, для опредѣленія недостающихъ въ изслѣдованномъ имъ краѣ астрономическихъ пунктовъ. При этомъ П. П. Семеновъ обратилъ вниманіе Совѣта на совершенный недостатокъ опредѣленій географическаго положенія важнѣйшихъ пунктовъ въ томъ замѣчательномъ пространствѣ Средней Азіи, заключающее въ себѣ озеро Иссыкъ-Куль, которое составляетъ одинъ изъ центральныхъ пунктовъ всего Азіятскаго материка, ибо оно находится приблизительно въ одинаковомъ разстояніи отъ Обской губы, Бенгальскаго залива, Чернаго и Желтаго морей. Во всей Забалхашской Джунгаріи былъ въ то время только одинъ астрономическій пунктъ, опредѣленный Русскими, это именно впаденіе рѣки Лепсы въ Балхашъ; кромѣ него было еще два китайскихъ, опредѣленные Іезуитами въ XVII вѣкѣ: это устье рѣки Конуръ-Улена (Хонгоръ-Олона), впадающей съ Ю.-З. въ озеро Иссыкъ-Куль и городъ Кульджа на Или.

По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, требованія географической науки вызвали Императорское Русское Географическое Общество на снаряженіе небольшой экспедиціи для опредѣленія нѣкоторыхъ пунктовъ между озеромъ Балхашемъ и хребтами Тарбагатай, Джунгарскимъ Алатау и Тянъ-шанемъ, т. е. въ русской и отчасти китайской Джунгаріи.

---

[1]) Растенія эти были впослѣдствіи описаны директоромъ Ботаническаго сада Регелемъ и его сотрудникомъ Гердеромъ въ цѣломъ рядѣ мемуаровъ, помѣщавшихся въ Bull. de la Soc. Imp. des naturalistes de Moscou съ 1864 по 1869, подъ заглавіемъ Enumeratio plantarum in regionibus cis et transilensibus à P. Semenowio anno 1857 (собственно 1856—57) collectarum. Число всѣхъ перечисленныхъ въ этомъ спискѣ растеній простиралось до 1288, въ числѣ коихъ совершенно новыхъ видовъ было описано 78. Но въ общее число вошло нѣкоторое количество растеній, собранныхъ Г. Н. Потанинымъ въ 1863, и Н. А. Сѣверцовымъ въ 1861 г. Списокъ собранныхъ П. П. Семеновымъ жесткокрылыхъ былъ напечатанъ В. Мочульскимъ. Краткіе отчеты о путешествіи П. П. Семенова были помѣщаемы въ Отчетахъ и Извѣстіяхъ Общества, одинъ отрывокъ изъ его путешествій въ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по Общ. Геогр. Т. I, 1867 г., другой въ Живописной Россіи, въ томѣ относящемся до Средней Азіи. Общій очеркъ изслѣдованной страны былъ напечатанъ въ Petermanns Mittheilungen за 1858 г. подъ заглавіемъ P. v. Semenow, Forschungsreisen in Inner-Asien im Jahre 1857, etc. bis zu den Gletschern des Thian-Schan-Gebirges. Дневники П. П. Семенова, и обширная коллекція горныхъ породъ и окаменѣлостей остались не разработанными. Только дневники, относящіеся до приалтайскихъ странъ, использованы въ дополненіяхъ П. П. Семенова къ III тому Риттеровой Азіи (Алтай); остальные же будутъ служить, между прочимъ, къ будущимъ томамъ дополненій ко II тому русскаго перевода Риттеровой Азіи (Тянъ-шань).

По обсужденіи этого предположенія въ Математическомъ Отдѣленіи, Общество приступило къ приведенію онаго въ исполненіе. Департаментъ Генеральнаго Штаба, съ которымъ было сдѣлано сношеніе, изъявилъ съ своей стороны полную готовность содѣйствовать видамъ Общества, и нашелъ возможнымъ съ этою цѣлью откомандировать въ экспедицію одного изъ своихъ офицеровъ, капитана Голубева, и снабдить его нѣкоторыми инструментами и денежнымъ пособіемъ. Ему поручено было опредѣлить географическое положеніе 16 пунктовъ, по указанію П. П. Семенова. Сверхъ того Голубевъ долженъ былъ заняться, на сколько позволитъ ему досугъ и обстоятельства, физическими наблюденіями и собраніемъ общегеографическихъ свѣдѣній. Въ помощники ему назначенъ былъ топографъ 1-го класса Мотковъ.

12 февраля 1859 г. Голубевъ отправился изъ Петербурга чрезъ Омскъ, Семипалатинскъ, Аягузъ и Копалъ въ Вѣрное, куда онъ прибылъ 2 апрѣля, встрѣтивъ повсюду всевозможное содѣйствіе со стороны мѣстныхъ властей. Болѣзнь не допустила его ранѣе 22 апрѣля выступить въ дальнѣйшій путь къ озеру Иссыкъ-Кулю.

Въ это время Богинцы уже оффиціально были приняты въ русское подданство, но кровавыя ихъ распри съ Сара-Багишами, остававшимися въ Коканскомъ подданствѣ, еще продолжались, даже и еще болѣе обострились, вслѣдствіе того, что русское начальство поддерживало болѣе слабыхъ Богинцевъ, а болѣе сильные и смѣлые Сара-Багиши находили себѣ опору въ Коканскомъ ханѣ и отношеніе къ Русскимъ Сара-Багишей на Иссыкъ-Кулѣ сдѣлалось совершенно враждебнымъ.

Такое положеніе дѣлъ заставило Голубева измѣнить планъ своихъ дѣйствій и заняться первоначально изслѣдованіемъ края, лежащаго къ востоку отъ рѣки Каркары. Конецъ апрѣля и половина мая были употреблены вслѣдствіе того Голубевымъ на экскурсію къ китайскому мѣстечку Сумбе.

Возвратившись на Каркару около 15 мая, Голубевъ нашелъ тамъ отрядъ изъ 50 казаковъ, посланный въ подкрѣпленіе его конвоя, и извѣстіе, что для удержанія Сара-Багишей отъ непріязненныхъ дѣйствій будутъ приняты надлежащія мѣры. Увѣренный такимъ образомъ въ возможности успѣха, Голубевъ черезъ три дня, т. е. 18 мая, отправился черезъ р. Кегенъ къ Иссыкъ-Кулю и прибылъ 21-го числа къ устью рѣки Тюбъ. Избравъ впаденіе послѣдней въ озеро за исходный пунктъ, Голубевъ соединилъ съ нимъ хронометрически укрѣпленіе Вѣрное и Кегенъ; этимъ же опредѣлилась и долгота китайскаго мѣстечка Сумбе и пункта на Текесѣ. Означенная работа сдѣлала необходимымъ двукратное путешествіе между Кегеномъ и устьемъ рѣки Тубъ и кромѣ того поѣздку отъ послѣдняго пункта въ Вѣрное, которыя окончены Голубевымъ 13 іюня.

Не смотря на все свое желаніе посѣтить за тѣмъ, согласно указанію П. П. Семенова, Небесныя горы и проходъ Заукинскій, ведущій въ Кашгаръ, Голубевъ долженъ былъ оставить это намѣреніе, такъ какъ одно изъ самыхъ

непріязненныхъ намъ племенъ Сара-Багишей кочевало тогда вверхъ отъ озера по р. Джиргалану. Вслѣдствіе того Голубевъ отправился 16 іюня сѣвернымъ берегомъ озера на Кутемалды, а оттуда чрезъ Кескеленскій перевалъ въ Вѣрное, куда онъ прибылъ 26 іюня, опредѣливъ урочище Кутемалды перевозкою хронометровъ между двумя уже опредѣленными пунктами: устьемъ рѣки Тюба и Вѣрнымъ. Изъ Вѣрнаго Голубевъ предпринялъ еще экскурсію для опредѣленія вновь выстроеннаго укрѣпленія на рѣкѣ Кестекъ [1]), отстоящаго на 35 верстъ отъ Токмака и мостоваго укрѣпленія на Или.

Въ Вѣрномъ же, для опредѣленія его абсолютной долготы, произведенъ былъ полный рядъ наблюденій лунныхъ разстояній. Въ Вѣрномъ также, при помощи артиллеріи подполк. Обуха, начавшаго тамъ свои метеорологическія наблюденія по приглашенію П. П. Семенова, Голубеву удалось основать первую метеорологическую станцію, продолжавшую свои дѣйствія до 1864 г., когда Чл.-Кор. Общ. Обухъ былъ убитъ при штурмѣ Ташкента.

Окончательные результаты, добытые г. Голубевымъ во время его экспедиціи въ за-Илійскомъ краѣ, не смотря на неблагопріятныя обстоятельства, вслѣдствіе кочеванія по этимъ мѣстностямъ враждебныхъ намъ племенъ Кара-Киргизовъ, заключались въ астрономическомъ опредѣленіи слѣдующихъ 8 пунктовъ: 1) укрѣпленіе Вѣрное, 2) укрѣпленіе на Или, 3) укрѣпленіе на Кестекѣ, 4) впаденіе рѣки Каркары въ Кегенъ [2]), 5) Китайское мѣстечко Сумбе, 6) пунктъ на лѣв. берегу рѣки Текесъ между рѣками Аксу и Орто-Муссартъ, 7) впаденіе рѣки Тубъ въ Иссыкъ-Куль, 8) урочище Кутемалды на озерѣ же.

Затѣмъ Голубевъ употребилъ еще августъ и сентябрь мѣсяцы на производство наблюденій въ Семирѣченскомъ краѣ и китайской Илійской провинціи. Въ этомъ второмъ астрономическомъ районѣ онъ выбралъ главнымъ пунктомъ городъ Копалъ, куда прибылъ изъ Вѣрнаго 7 августа. Между этими двумя пунктами были произведены наблюденія на пикетѣ Алтынъ-Имель, близъ горнаго прохода того же имени и на Коксуйскомъ поселеніи. Послѣ необходимыхъ наблюденій въ Копалѣ, Голубевъ опять возвратился въ Коксу, опредѣливъ такимъ образомъ послѣднее поселеніе относительно Копала, а пикетъ Алтынъ-Имель перевозкою хронометровъ между Вѣрнымъ и Коксу.

Воспользовавшись затѣмъ представившимся ему случаемъ посѣтить Кульджу съ конвоемъ, отправлявшимся туда изъ Коксу, Голубевъ прибылъ въ Кульджу 18 августа, опредѣливъ на пути пограничный китайскій пикетъ Борохуджиръ, и къ 2 сентября возвратился обратно изъ Кульджи въ Копалъ. Наконецъ, 10 сентября была предпринята Голубевымъ еще экскурсія изъ Копала для опредѣленія Лепсинскаго поселенія, называемаго также Чубаръ-Агачъ. Городъ Копалъ былъ также опредѣленъ абсолютно рядомъ наблюденій.

[1]) По долинѣ которой въ 1856 г. П. П. Семеновъ прошелъ на р. Чу.

[2]) Каркара и Чарынъ, образующійся изъ слiянія Каркары и Кегена, были тогда пограничными рѣками Россіи съ Китаемъ.

ниже истока, переправились черезъ рѣку на лодкахъ, принадлежащихъ русскимъ рыбопромышленникамъ, и гостепріимно были приняты на русской рыбалкѣ смотрителемъ ея Ереминымъ. Отсюда, они предприняли путешествіе по сѣверному берегу Зайсана. Озеро это, къ удивленію, оказалось de facto, уже и въ то время совершенно русскимъ; на его берегахъ и мысахъ находилось нѣсколько русскихъ рыбачьихъ артелей; численность русскихъ крестьянъ и казаковъ доходила почти до 200. За исключеніемъ очень немногихъ Киргизовъ, служащихъ въ работникахъ у нашихъ рыбопромышленниковъ, не встрѣчено здѣсь ни одного Киргиза, а о Китайцахъ и слуху не было. Только осенью, прикочевывали съ горъ на сѣверный берегъ Зайсана бѣднѣйшіе Киргизы Акнайманской волости и занимались зимою рыбною ловлею. Сѣверный берегъ Зайсана, противъ ожиданія, оказался на всемъ протяженіи совершенно доступнымъ; камыши представляли очень узкую, часто прерывающуюся ленту. Въ недальнемъ разстояніи отъ окраины воды, надъ низкимъ прибрежьемъ озера, тянулся увалъ, незначительный на западѣ и болѣе возвышенный на востокѣ, гдѣ онъ примыкалъ къ каменистой возвышенности Чакыльшисъ. Эта возвышенность лежала у самаго берега, въ серединѣ бухты, образуемой двумя мысами Бархотскимъ и Бакланьимъ. Съ вершины ея видно было почти все озеро, и только западный конецъ сливался съ туманомъ; на сѣверѣ и сѣверо-западѣ, представлялась взорамъ голая и совершенно безплодная равнина, простиравшаяся до предгорій Долонкары и Аркаула. Ни одна рѣка не впадала съ сѣвера въ Зайсанъ.

Мая 10 наши путешественники пришли къ урочищу Чингильды у Чернаго Иртыша, тому самому, которое означено у Риттера, со свѣдѣній Путинцева, подъ именемъ страны Чингиль и расположились лагеремъ въ 3 верстахъ отъ того мѣста, гдѣ Иртышъ раздѣляется на два рукава, отдѣльно доходящіе до озера. Здѣсь встрѣтилъ ихъ султанъ Туртуульскаго рода Мохаммедъ-Султанъ, племянникъ Таны. Онъ принялъ на себя обязанность вожака на озеро Марка. Отъ него, какъ бывалаго въ тѣхъ мѣстахъ, Струве получилъ много интересныхъ свѣдѣній о верхнемъ теченіи Чернаго Иртыша, о его притокахъ и объ Улюнгурѣ, который составляетъ совершенно отдѣльный бассейнъ; озеро это лежитъ только въ 40 верстахъ отъ Чернаго Иртыша и отдѣлено отъ него кряжемъ невысокихъ каменистыхъ горъ. На третій день послѣ прибытія Струве на Чингильды пріѣхалъ съ устья Чернаго Иртыша киргизъ Даніяръ Мендыбошчъ, съ дѣтства занимавшійся рыболовствомъ на этой рѣкѣ и, вслѣдствіе постоянныхъ своихъ сношеній съ русскими рыбаками, говорившій свободно по русски; онъ предложилъ свой карбазъ, чтобы съѣздить водою къ устьямъ Чернаго Иртыша для изслѣдованія этой части рѣки и для производства тамъ астрономическихъ наблюденій. Поѣздка эта задержала нашихъ путешественниковъ здѣсь на пять дней; въ теченіе этого времени вода на Иртышѣ прибыла болѣе чѣмъ на три фута, но не смотря на это уровень рѣки остался значительно ниже противъ прежнихъ годовъ. По всей Киргизской степи жаловались на недо-

статокъ въ водѣ, а зима между тѣмъ была очень снѣжна. Мая 17 Струве и Потанинъ отправились въ сѣверо-восточномъ направленіи къ озеру Марка. На другой же день они поднялись по крутому свѣсу Букумбайскаго хребта, рѣзко выдающемуся надъ долиною Чернаго Иртыша, и ночевали въ высокой долинѣ р. Такыра. Съ одной изъ болѣе выдающихся вершинъ этого хребта, на которую Струве взошелъ съ барометромъ, можно было обозрѣть значительную часть долины Чернаго Иртыша. Четыре притока его: Такыръ, Колджиръ, Алкабэкъ и Беллезекъ (первый изъ нихъ не заслуживаетъ названія притока, такъ какъ русло его не доходитъ до самаго Иртыша), берега которыхъ окаймлены не широкою, но густою полосою тополей и кустарниковъ, рѣзко отдѣлялись отъ каменисто-песчаной, а мѣстами солонцеватой почвы, по которой вился широкою зеленою лентою быстрый и глубокій Иртышъ. Къ югу горизонтъ былъ заслоненъ горами Сауры, Монракомъ и Тарбагатаемъ, а на западѣ виднѣлась сливающаяся съ горизонтомъ поверхность Зайсана. По Такыру путешественники поднялись до аула Мохаммедъ-Султана, находившагося въ урочищѣ Джалпакъ-Каинъ (широкій березникъ), къ югу отъ горы Салкынъ-Чоку, одной изъ высотъ той цѣпи, которая отъ извѣстнаго Саръ-Тау тянется на юго-западъ и отдѣляетъ притоки Курчума отъ притоковъ Чернаго Иртыша. Отсюда они 22 мая пошли параллельно этой цѣпи и въ тотъ же день достигли быстраго порожистаго Колджира. О быстротѣ этого горнаго потока можно судить по тому обстоятельству, что при длинѣ не болѣе 120 до 150 верстъ онъ имѣетъ паденіе болѣе чѣмъ на 4 т. фут. Путешественники остановились въ небольшой долинѣ, удобной для хлѣбопашества и окруженной горами, при самомъ соединеніи Колджира съ его западнымъ притокомъ Бала-Колджиромъ. Здѣсь они перешли на восточный берегъ этой быстрой рѣки, и дальнѣйшее путешествіе къ озеру Марка продолжалось по горамъ, лежащимъ уже на лѣвомъ берегу Колджира. Послѣдній ночлегъ былъ на р. Тарлаулы, принадлежащей къ бассейну Алкабека, болѣе восточнаго притока Чернаго Иртыша. Мая 25, съ альпійскихъ высотъ, лежащихъ къ югу отъ Марка, открылось передъ глазами это живописное озеро, окруженное, со всѣхъ сторонъ, высокими крутыми горами, покрытыми лиственными лѣсами. Мѣстами, лѣсъ доходилъ до самой воды, мѣстами же, берегъ, на протяженіи версты или двухъ, представлялъ роскошные луга, поднимающіеся постепенно надъ уровнемъ воды и прислоняющіеся къ крутымъ отвѣсамъ окружающихъ горъ. Спускъ съ этихъ горъ къ самому озеру былъ весьма труденъ; однако путешественники благополучно спустились въ узкое ущелье рѣчки Каинъ-Су, изъ которой вышли въ долину Колджира, а по ней достигли наконецъ до озера. Въ лѣтніе мѣсяцы берега Марка и примыкающія къ нимъ горныя щели покрыты многочисленными аулами Киргизъ Кара-Кирѣевскаго рода. Члены этого бѣднаго поколѣнія производили у истока Колджира богатую рыбную ловлю посредствомъ невода (одинъ только и былъ на всемъ озерѣ) и остроги; ежедневно занимались этимъ промысломъ до 200 человѣкъ. Путешественники расположились

у самаго истока рѣки Колджира изъ Марка. На берегу Марка они пробыли семь дней; для обратнаго путешествія выбрали другой путь, ближе къ горѣ Саръ-Тау, которая отъ прежней дороги оставалась значительно влѣво. 2 іюня, послѣ нѣсколькихъ весьма трудныхъ переходовъ по высокой гористой странѣ, они достигли этой горы; здѣсь они провели четыре дня на высотѣ около $6^{1}/_{2}$ т. футовъ надъ уровнемъ океана и на $2^{1}/_{2}$ т. футовъ ниже самой вершины. Куполовидная вершина Саръ-Тау значительно выдается за предѣльную линію лиственницъ, однакожъ не достигаетъ еще линіи вѣчнаго снѣга; на южномъ склонѣ ея, Потанинъ нашелъ вполнѣ альпійскую флору. Въ теченіе четырехъ дней, Струве четыре раза поднимался на самую вершину, но снѣгъ и сильнѣйшій вѣтеръ помѣшали производить на ней астрономическія наблюденія. Видъ съ этой горы, весьма обширный. Отъ подошвы Саръ-Тау путешественники быстро спустились въ жаркую равнину Зайсана, по долинѣ Колгуты, текущей по направленію къ этому озеру и теряющейся въ камышахъ, не доходя 25 верстъ до него. Отъ этой рѣчки они шли на западъ по южной сторонѣ горъ Долонъ-Кара и Аркаула; на всемъ протяженіи до Иртыша не было ни воды, ни корму и они принуждены были сдѣлать въ одинъ переходъ около 60 верстъ. Ночью, съ 9 на 10 іюня, достигли праваго берега Иртыша, и, на слѣдующій день, переправились на другой берегъ. Эта первая поѣздка, въ Южный Алтай, продолжалась около 2 мѣсяцевъ [1]).

Въ виду столь интересныхъ результатовъ экспедиціи К. В. Струве и Г. Н. Потанина въ бассейнѣ Чернаго Иртыша Отдѣленіе Физической Географіи уже осенью 1863 года подняло вопросъ о продолженіи этой экспедиціи на 1864 годъ. Къ сожалѣнію Совѣтъ не нашелъ никакихъ на то средствъ и только въ началѣ осени 1864 г. Предсѣдательствующему въ Отд. Физ. Географіи П. П. Семенову удалось заинтересовать отзывчиваго на всѣ полезныя географическія предпріятія въ Сибири и странахъ сопредѣльныхъ съ нею М. К. Сидорова на столько, что онъ пожертвовалъ Обществу 5.000 руб. на изслѣдованіе Чернаго Иртыша и сосѣднихъ съ нимъ мѣстностей.

По предложенію П. П. Семенова экспедиція должна была имѣть цѣлью изслѣдованіе малоизвѣстной страны, прилегающей къ верховьямъ Иртыша, и загадочнаго до тѣхъ поръ отношенія этой рѣки къ сосѣднему озеру Кызыль-Башу. Сверхъ того П. П. Семеновъ полагалъ возможнымъ соединить съ этою экспедиціею поѣздку въ китайскій городъ Урумчи, для осмотра, хотя-бы самаго быстраго, въ высшей степени интересной, по мнѣнію Гумбольдта, вулканической области этой части Средней Азіи, о которой мы до сихъ поръ имѣли только отрывочныя свѣдѣнія, основанныя на китайскихъ источникахъ.

Но всѣ эти предположенія, къ сожалѣнію, не могли быть приведены

---

[1]) Интересные результаты этой поѣздки описаны въ статьѣ К. Струве и Г. Потанина. «Путеш. на оз. Зайсанъ» (66 стр.) въ I томѣ Зап. Имп. Русс. Геогр. Общ. по Общей Геогр., изд. подъ редакціей П. П. Семенова въ 1867 году.

или по проходящимъ за этими горами долинамъ. Занятіе и упроченіе такой границы должно было имѣть неминуемымъ послѣдствіемъ и прекращеніе нашего неопредѣленнаго положенія въ бассейнѣ Иссыкъ-Куля, и полное подчиненіе намъ всѣхъ кочевыхъ племенъ какъ этого бассейна, такъ и всей западной части Тянъ-шаньскаго нагорья.

Это быстро проникшее въ высшія правительственныя сферы убѣжденіе вызвало уже въ 1860 г. военную экспедицію полковника Циммермана [1]), которая, хотя нерѣшительно и только отчасти, выполнила задуманный планъ, но все же, уничтоживъ Пишпекъ и Токмакъ—опорные пункты коканскаго владычества на Иссыкъ-Кулѣ, имѣла послѣдствіемъ то, что отрѣзанные отъ Коканскихъ опорныхъ пунктовъ Сара-Багиши, съ Умбетъ-Алою во главѣ, вынуждены были перейти въ русское подданство и такимъ образомъ весь бассейнъ Иссыкъ-Куля безспорно подпалъ подъ русское владычество.

За тѣмъ Главный штабъ направилъ всѣ свои усилія на распространеніе геодезическихъ съемокъ въ Тянь-шаньской горной странѣ. Уже въ 1859 г., М. И. Венюковъ (въ послѣдующемъ періодѣ секретарь Географическаго Общества) посѣтилъ рѣчныя долины р. Чу и ея верховья Кошкара [2]), а въ 1860 г., подъ его руководствомъ, были произведены съемки на Иссыкъ-Кулѣ. Еще болѣе рѣшительный шагъ впередъ былъ сдѣланъ въ 1863 г. превосходными съемками капитана Проценко (нынѣ ген.-лейт. и начальникъ Азіатскаго Отдѣла Главн. штаба), уже распространившимися на всю западную часть Тянъ-шаня, вплоть до Нарына и обнявшими бассейнъ въ высшей степени интереснаго альпійскаго озера Сонъ-Куля.

Въ то же самое время Министерство Иностранныхъ Дѣлъ озаботилось и упроченіемъ границы вновь занятаго нами Семирѣченскаго и Заилійскаго краевъ со стороны Китая, между Алтаемъ и Тянъ-шанемъ. Министерство это, снарядивъ уже къ началу 1862 г. разграничительную Коммиссію, предложило Императорскому Русскому Географическому Обществу присоединить къ этой Коммиссіи и экспедицію со стороны Общества.

Воспользовавшись этимъ случаемъ Совѣтъ Общества поручилъ въ маѣ 1862 г. Д. Чл. К. В. Струве (нынѣ русскій посланникъ въ Голландіи), приглашенному въ составъ разграничительной Коммиссіи, произвести нѣкоторыя географическія изслѣдованія, и преимущественно астрономическія, метеорологическія и магнитныя наблюденія. Струве былъ снабженъ отъ Общества инструкціями и инструментами. Для метеорологическихъ изслѣдованій были сдѣланы указанія К. С. Веселовскимъ, и по его совѣту было поручено путешественнику завести, по возможности, въ разныхъ мѣстахъ средней Азіи постоянныя метеорологическія наблюденія.

---

[1]) Впослѣдствіи ген. отъ инф., командовавшаго западною арміею во время послѣдней Восточной войны и перешедшаго прежде всѣхъ Дунай въ Добруджу.

[2]) См. интересную статью Н. И. Венюкова «Очерки Заилійскаго края и Причуйской страны» въ Зап. Им. Рус. Геогр. Общ. за 1861 г. Изсл. и матер. стр. 79—130.

съ убитымъ при этомъ штурмѣ Чл. Геогр. Общества полк. Обухомъ. Послѣ, того Сѣверцовъ пребывалъ въ Чемкентѣ, а въ декабрѣ вернулся въ 1864 г. въ Петербургъ по порученію Черняева [1]).

Въ 1865 году Военное Министерство, по представленію Оренбургскаго генералъ-губернатора, задумало снарядить экспедицію, для продолженія ученыхъ изысканій, начатыхъ въ Зачуйскомъ краѣ въ 1864 году и пригласило Географическое Общество къ участію въ означенной экспедиціи, присоединеніемъ своихъ инструкцій и денежныхъ средствъ, а также оказаніемъ впослѣдствіи содѣйствія для напечатанія результатовъ оной. Предложеніе это было принято Совѣтомъ съ живѣйшею признательностью.

По первоначальному предположенію изслѣдованія должны были продолжаться два года. По примѣру бывшей Сибирской экспедиціи, новая экспедиція раздѣлена была на два отдѣла: математическій и физическій. Первый долженъ былъ заняться астрономическими опредѣленіями и топографическими работами; второму поручены были: геологическія изслѣдованія, составленіе естественно-историческихъ коллекцій, метеорологическія наблюденія и наконецъ собираніе свѣдѣній о производительныхъ средствахъ Зачуйскаго края.

Математическій отдѣлъ экспедиціи порученъ былъ К. В. Струве, который, вмѣстѣ съ партіею топографовъ, предназначавшейся первоначально на съемку вновь опредѣленной китайской границы, уже приступилъ въ началѣ лѣта 1865 года къ астрономическимъ и топографическимъ работамъ въ Туркестанской области.

Физическій отдѣлъ экспедиціи порученъ былъ руководству Д. Чл. Н. А. Сѣверцова. При Н. А. Сѣверцовѣ находились: коллекторъ, три препаратора, три стрѣлка и горный инженеръ съ 3 штейгерами и 10 горнорабочими.

Магистръ Сѣверцовъ снабженъ былъ отъ Общества нѣкоторыми физическими инструментами и книгами. Съ тѣмъ вмѣстѣ Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Физической Географіи П. П. Семеновъ сообщилъ Сѣверцову нѣсколько указаній относительно тѣхъ вопросовъ, на которые желательно, чтобы экспедиція обратила особенное вниманіе. Одинъ изъ этихъ вопросовъ касался существованія въ западныхъ отрогахъ Тянь-шаня моренъ и вообще слѣдовъ древнихъ ледниковъ. Уже въ первую свою поѣздку въ Зачуйскій край, въ 1864 году, Н. А. Сѣверцовъ, на основаніи собранныхъ имъ, хотя и отрывочныхъ фактовъ, допускалъ возможность нахожденія слѣдовъ ледяного періода въ этомъ краѣ. Подтвержденіе этого предположенія имѣло особую важность для геологіи.

Другой вопросъ, на который П. П. Семеновъ обратилъ вниманіе начальника Зачуйской экспедиціи, имѣлъ также значительный современный интересъ.

---

[1]) Результаты изслѣдованій Сѣверцова были изложены въ статьѣ его «Поѣздка въ зап. часть Небеснаго хребта» (106 стр.), напечатанной въ вышедшемъ въ 1867 г. подъ редакціею П. П. Семенова, I т. Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. стр. 75—180.

Метеорологическія наблюденія производились съ 1-го іюля по 1-е октября ежедневно, съ 6 час. утра до 10 час. веч., по возможности черезъ каждые два часа. Во время непродолжительнаго отсутствія К. В. Струве изъ Чугучака, съ 11-го по 19-е сентября, они дѣлались г-мъ Вардугинымъ, который охотно взялся заниматься ими и впредь. По этому, еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, Струве вручилъ ему необходимые снаряды, и онъ тогда уже началъ записывать, одновременно съ К. В. Струве, показанія барометра и термометра. Отъ времени до времени Струве сличалъ журналы и пришелъ къ убѣжденію, что на наблюденія Вардугина можно будетъ вполнѣ полагаться. Хотя Чугучакъ и Сергіополь отстоятъ между собою только на триста, приблизительно, верстъ, и притомъ лежатъ почти подъ одинаковой широтою, но, оказалась довольно значительная разность между средними температурами года той и другой точки.

Начатыя въ 1862 г., въ связи съ работами разграничительной экспедиціи, топографическія и астрономическія работы, по нашей граничной линіи съ Западнымъ Китаемъ, продолжались и въ 1863 году. Топографическая же съемка 1863 г. распространилась къ сѣверу до средней Бухтармы и Нарыма. Она ограничивалась, съ запада, теченіемъ нижняго или Бѣлаго Иртыша, отъ его выхода изъ озера Зайсана до устья р. Нарыма, а съ востока — чертою, идущею отъ китайскаго пикета Чингистай, на оз. Марка-Куль и, далѣе, долиною р. Колджира, до впаденія въ Черный Иртышъ. Наши съемщики, постепенно углублялись къ Востоку, внутрь страны до альпійскаго озера Марка-Куль и отроговъ Большаго Алтая. Топографъ поруч. Нифантьевъ снялъ сѣверный берегъ Зайсана, отъ уроч. Клы до устья Чернаго Иртыша по долинѣ праваго берега этой рѣки до устья р. Такыра. Въ тоже время, топографы Вязовскій и Шестаковъ снимали долину р. Курчума и, достигнувъ истоковъ этой рѣки, перенесли съемку къ озеру Марка-Куль. Отсюда, они перешли, черезъ среднюю часть р. Курчума, въ долину Нарыма. Дальнѣйшая съемка, отъ истоковъ Нарыма, производилась, съ одной стороны, по направленію къ китайскому пикету Чингистай, а съ другой, внизъ по Нарыму и за тѣмъ, вверхъ по Иртышу до пикета Хони-Майлаху (Баты). Всего снято было до 16.830 квадратныхъ верстъ.

Независимо отъ топографической съемки по обоимъ берегамъ Зайсана и Чернаго Иртыша, предпринято было изслѣдованіе фарватера верхняго и нижняго Иртыша, съ цѣлью устройства, по этимъ рѣкамъ и соединяющему ихъ водоему—озеру Зайсанъ,—пароходнаго сообщенія. Для этой цѣли генералъ-губернаторъ Дюгамель призналъ возможнымъ снарядить особую экспедицію и поручилъ ее подполковнику Зряхову, служившему въ Балтійскомъ флотѣ. 30 мая экспедиція отплыла изъ Омска на 20-ти сильномъ пароходѣ купца Беренса. Послѣ 2-хъ мѣсячнаго плаванія, Зряховъ достигъ пикета Маниту-Гатулъ на Черномъ Иртышѣ. Отъ этого пункта въ началѣ августа, Зряховъ окончивъ изслѣдованія на Черномъ Иртышѣ, предпринялъ обратное плаваніе и, войдя въ озеро Зайсанъ, спустился внизъ по Иртышу, осмотрѣвъ на пути и побочныя рѣки, изливающіяся въ Иртышъ: Курчумъ, Буконь и Бух-

тарму. Болѣзнь, постигшая этого дѣятельнаго офицера, вслѣдствіе понесенныхъ имъ трудовъ, во время экспедиціи, заставила его изъ ст. Грачевской (близъ Семипалатинска) возвратиться въ Омскъ, сухимъ путемъ. Результатомъ этого плаванія было: составленіе описанія береговъ оз. Зайсана и рѣкъ Чернаго и Бѣлаго Иртыша, тщательное изслѣдованіе фарватера ихъ, выборъ мѣста для пристаней и составленіе карты всего плаванія, въ масштабѣ 1 версты въ англійскомъ дюймѣ.

Между тѣмъ Главный Коммиссаръ разграничительной экспедиціи, весьма дѣятельный Д. Чл. Геогр. Общества, полковникъ Бабковъ, прибывъ на Черный Иртышъ къ пикету Маниту-Гатулъ, произвелъ рекогносцировку этого пикета. Во все время пребыванія Бабкова на Черномъ Иртышѣ, производились, астрономическія наблюденія и топографическія работы. К. В. Струве опредѣлилъ географическое положеніе пикета Маниту-Гатулъ (Акъ-тюбе), независимо отъ другихъ 18 опредѣленій въ этой мѣстности и сосѣднемъ краѣ. Кромѣ того, была произведена съемка, въ масштабѣ, 200 саженъ въ дюймѣ, долины лѣваго берега Чернаго Иртыша, отъ горы Акъ-Тюбе, къ западу, на 10 верстъ, и составлена распросная карта мѣстности верховьевъ Чернаго Иртыша и прилегающей къ нему страны, перерѣзанной снѣжнымъ хребтомъ Сауры. Вмѣстѣ со съемкою, производилось полковникомъ Бабковымъ и подробное описаніе мѣстности, при чемъ собраны имъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія о Киргизскихъ родахъ, кочующихъ по Тарбагатаю, обоимъ берегамъ Зайсана, вдоль рѣки Курчума и по Черному Иртышу, до его верховьевъ. Потомъ была снята часть Тарбагатайскаго хребта, измѣрены К. В. Струве высоты горъ Монракъ, Тологой, прохода Хабаръ-Асу и еще пяти пунктовъ.

Дѣятельное участіе К. В. Струве въ работахъ по изслѣдованію бассейна Норъ-Зайсана и сосѣдняго Тарбагатая было обусловлено въ особенности тѣмъ что Отдѣленіе Физической Географіи и Совѣтъ Общества обратили особенное вниманіе на высокій интересъ изслѣдованія упомянутаго бассейна и совершенно неизвѣстной рѣчной области верхняго или Чернаго Иртыша, съ его необыкновенно интересными въ географическомъ отношеніи и совершенно неизвѣстными обширными озерными бассейнами Марка-Куля и Улюнгура и разъясненія вопроса о существованіи снѣжныхъ горъ въ истокахъ Чернаго Иртыша, присутствіе которыхъ, отвергаемое многими географами, по мнѣнію изложенному въ запискѣ представленной Совѣту Предсѣдателя Отдѣл. Физич. Географіи П. П. Семеновымъ, ясно вытекало изъ распросовъ казаками туземцевъ и нѣкоторыхъ мѣстныхъ названій. Наконецъ, по мнѣнію П. П. Семенова, изложенному въ той же запискѣ, рѣчная область Чернаго Иртыша представляла большой интересъ и какъ этнографическая граница между киргизскою и калмыцкою народностями, а въ историческомъ, какъ одинъ изъ путей, черезъ которые проходили народныя миграціи, направлявшіяся изъ внутренней Азіи на отдаленный западъ, т. е. въ страны европейскія. Въ 1863 году (вслѣдствіе продолженія разграничительныхъ работъ

на китайскихъ границахъ) представлялся случай для изслѣдованія страны, знаніе которой могло пролить большой свѣтъ на физическія, этнографическія и историческія отношенія внутренней Азіи. Случай этотъ обусловливался тѣмъ, что состоявшій при разграничительной экспедиціи Д. Чл. Общества К. В. Струве, обладавшій всѣми свѣдѣніями для успѣшнаго выполненія подобной задачи, изъявилъ готовность попытаться произвести подобное изслѣдованіе, и нашелъ дѣятельнаго себѣ помощника въ Членѣ-Сотрудникѣ Общества Г. Н. Потанинѣ, человѣкѣ образованномъ, по рожденію своему принадлежащемъ къ казачьему сословію, предпріимчивомъ и готовомъ жертвовать всѣмъ для науки [1]). На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, Совѣтъ Общества, согласно съ мнѣніемъ Отдѣленій Математической и Физической Географіи, рѣшился, въ 1863 г., ассигновать денежныя средства для поѣздки К. В. Струве и Г. Н. Потанина на Черный Иртышъ, съ цѣлію собрать по возможности подробныя свѣдѣнія о рѣчной его области.

К. В. Струве началъ свое путешествіе раннею весною 1863 года изъ Сергіополя (Аягуза) и пересѣкъ горы, отдѣляющія этотъ бассейнъ отъ бассейна Зайсана; въ этихъ горахъ онъ посѣтилъ Балтагаракскій графитовый пріискъ гг. Мамонтовыхъ. 22 Апрѣля, онъ достигъ до города Кокбекты, лежащаго уже въ системѣ Зайсана; здѣсь присоединился къ нему Потанинъ. Въ Кокбектахъ привелось ему пробыть четверо сутокъ для окончательнаго снаряженія экспедиціи, для найма еще 10 верблюдовъ, кромѣ 10, взятыхъ изъ Сергіопольскаго округа, и для пріема двухмѣсячнаго провіанта на сопровождающихъ 30 казаковъ. Здѣсь же Струве пригласилъ въ спутники его экспедиціи очень уважаемаго въ той странѣ, киргизскаго засѣдателя Тану Тлемисова, извѣстнаго по всей Киргизской степи подъ именемъ Мирзы [2]).

Этому Танѣ, К. В. Струве, по большей части былъ обязанъ удобнымъ и счастливымъ исходомъ своего труднаго путешествія. 25 апрѣля путешественники оставили Кокбекты и, на четвертый день, достигли мѣста стоянки русскаго отряда, расположеннаго въ 10 верстахъ отъ устьевъ рѣчки Кокбектинки. За тѣмъ, они перешли къ истоку Иртыша изъ Зайсана, и 6 мая, въ 15 верстахъ

[1]) Г. Н. Потанинъ, одинъ изъ выдающихся дѣятелей Импер. Русскаго Геогр. Общества въ послѣдующихъ періодахъ, окончивъ курсъ наукъ въ Омскомъ Кадетскомъ корпусѣ и будучи офицеромъ Казачьяго Войска занимался въ 1856—57 годахъ разработкою Сибирской исторіи въ Омскихъ архивахъ и своимъ трудолюбіемъ и талантливостью обратилъ на себя особое вниманіе П. П. Семенова, во время троекратнаго его пребыванія въ Омскѣ. Выйдя въ отставку Г. Н. Потанинъ, безъ всякихъ денежныхъ средствъ, добрался въ 1858 г. до Петербурга съ цѣлью пополнить свое недостаточное научное образованіе и нашелъ живое участіе и поддержку въ особенно дѣятельныхъ въ то время членахъ Имп. Русс. Геогр. Общества П. П. Семеновѣ и К. Д. Кавелинѣ, что и дало ему возможность прослушать полный курсъ въ С-П.Б Университетѣ по физико-математическому факультету. Лѣтнія свои вакансіи предпріимчивый Г. Н. Потанинъ употреблялъ на весьма серьезныя и обширныя географическія экскурсіи, начиная отъ озера Ильменя до устья р. Урала. При такой основательной научной подготовкѣ, Г. Н. Потанинъ обладалъ и знаніемъ киргизскаго языка, что и дало возможность К. В. Струве, по рекомендаціи П. П. Семенова, взять Г. Н. Потанина въ свою экспедицію, въ качествѣ переводчика и натуралиста.

[2]) О вліяніи Таны между неподвластными Киргизами и о гостепріимствѣ его, сообщалъ уже прежде Д. Чл. Общ. А. Г. Влангали (нынѣ русскій посолъ въ Италіи) въ своихъ «Геогностическихъ поѣздкахъ въ восточную часть Киргизской степи въ 1849 и 1851 годахъ».

Въ мартѣ 1862 г. проѣздомъ чрезъ городъ Сергіополь, Струве предложилъ тамошнему врачу, Новицкому, взять на себя производство ежедневныхъ метеорологическихъ наблюденій, на что Новицкимъ была изъявлена полнѣйшая готовность. Вслѣдствіе этого Струве передалъ ему одинъ изъ барометровъ и два термометра и указалъ ему надлежащую установку и употребленіе этихъ снарядовъ.

Въ Урджарской станицѣ пришлось К. В. Струве пробыть десять дней. Онъ воспользовался этимъ временемъ и отправился, съ барометромъ и съ отражательнымъ кругомъ, въ Тарбагатайскія горы, тянущіяся почти по направленію параллели, въ тридцати верстахъ на сѣверъ отъ Урджарской станицы. На трехъ изъ болѣе выдающихся вершинъ, а именно на Алетѣ, Кешкенъ-Тау и Тассъ-Тау, сдѣланы барометрическія наблюденія; соотвѣтствующія одновременныя наблюденія произведены въ Урджарѣ А. Ѳ. Голубевымъ. Съ Тассъ-Тау измѣрены были также углы между нѣкоторыми болѣе выдающимися точками въ долинѣ. Высота означенныхъ трехъ горъ надъ долиною опредѣлена К. В. Струве также и тригонометрически. Впослѣдствіи этимъ же способомъ измѣрены были еще двѣ вершины того же хребта, лежащія ближе къ Чугучаку, котораго положеніе Струве опредѣлилъ со всевозможною точностью. Абсолютная его долгота, до тѣхъ поръ неопредѣленная, была выведена съ удовлетворительною точностью изъ трехъ наблюденій покрытія звѣздъ. Для опредѣленія широты было сдѣлано два ряда наблюденій, одинъ—отражательнымъ кругомъ, другой—универсальнымъ инструментомъ. Но занятія К. В. Струве, по необходимости, были подчинены дѣйствіямъ демаркаціонной Коммиссіи, которыя, въ свою очередь, зависѣли отъ разныхъ политическихъ обстоятельствъ.

Такъ осенью, 1862 г. Струве намѣревался перевалить чрезъ Тарбагатайскій хребетъ и пойти къ озеру Зайсану, для опредѣленія его географическаго положенія и для изслѣдованія его береговъ и окрестностей. Онъ уже совсѣмъ было приготовился къ этой экспедиціи, заготовилъ провіантъ, нанялъ у киргизовъ потребное число верблюдовъ и лошадей, и нашелъ надежнаго вожака, киргиза, хорошо знакомаго съ тою мѣстностью. Между тѣмъ, коммиссары наши уѣхали изъ Чугучака только 30 сентября. Уже было поздно: настала осень, пошли частые дожди, и Тарбагатайскія горы покрылись сплошною бѣлою пеленою. Струве вынужденъ былъ отложить свою интересную поѣздку до слѣдующей ранней весны, когда камышистые берега Зайсанъ-Нора еще не населены миріадами кровожадныхъ комаровъ, успѣшно отстаивающихъ за собою, въ лѣтніе мѣсяцы, исключительное право владѣнія этими мѣстами.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ Струве однакожъ нашелъ возможнымъ отлучиться на нѣкоторое время изъ Чугучака, и воспользовался этимъ для хронометрическаго соединенія Урджарской станицы и Сергіополя съ Чугучакомъ.

Одновременно съ астрономическими наблюденіями сдѣланы были также и магнитныя наблюденія, для опредѣленія магнитныхъ координатъ въ Чугучакѣ.

Метеорологическія наблюденія производились съ 1-го іюля по 1-е октября ежедневно, съ 6 час. утра до 10 час. веч., по возможности черезъ каждые два часа. Во время непродолжительнаго отсутствія К. В. Струве изъ Чугучака, съ 11-го по 19-е сентября, они дѣлались г-мъ Вардугинымъ, который охотно взялся заниматься ими и впредь. По этому, еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, Струве вручилъ ему необходимые снаряды, и онъ тогда уже началъ записывать, одновременно съ К. В. Струве, показанія барометра и термометра. Отъ времени до времени Струве сличалъ журналы и пришелъ къ убѣжденію, что на наблюденія Вардугина можно будетъ вполнѣ полагаться. Хотя Чугучакъ и Сергіополь отстоятъ между собою только на триста, приблизительно, верстъ, и притомъ лежатъ почти подъ одинаковой широтою, но, оказалась довольно значительная разность между средними температурами года той и другой точки.

Начатыя въ 1862 г., въ связи съ работами разграничительной экспедиціи, топографическія и астрономическія работы, по нашей граничной линіи съ Западнымъ Китаемъ, продолжались и въ 1863 году. Топографическая же съемка 1863 г. распространилась къ сѣверу до средней Бухтармы и Нарыма. Она ограничивалась, съ запада, теченіемъ нижняго или Бѣлаго Иртыша, отъ его выхода изъ озера Зайсана до устья р. Нарыма, а съ востока — чертою, идущею отъ китайскаго пикета Чингистай, на оз. Марка-Куль и, далѣе, долиною р. Колджира, до впаденія въ Черный Иртышъ. Наши съемщики, постепенно углублялись къ Востоку, внутрь страны до альпійскаго озера Марка-Куль и отроговъ Большаго Алтая. Топографъ поруч. Нифантьевъ снялъ сѣверный берегъ Зайсана, отъ уроч. Клы до устья Чернаго Иртыша по долинѣ праваго берега этой рѣки до устья р. Такыра. Въ тоже время, топографы Вязовскій и Шестаковъ снимали долину р. Курчума и, достигнувъ истоковъ этой рѣки, перенесли съемку къ озеру Марка-Куль. Отсюда, они перешли, черезъ среднюю часть р. Курчума, въ долину Нарыма. Дальнѣйшая съемка, отъ истоковъ Нарыма, производилась, съ одной стороны, по направленію къ китайскому пикету Чингистай, а съ другой, внизъ по Нарыму и за тѣмъ, вверхъ по Иртышу до пикета Хони-Майлаху (Баты). Всего снято было до 16.830 квадратныхъ верстъ.

Независимо отъ топографической съемки по обоимъ берегамъ Зайсана и Чернаго Иртыша, предпринято было изслѣдованіе фарватера верхняго и нижняго Иртыша, съ цѣлью устройства, по этимъ рѣкамъ и соединяющему ихъ водоему—озеру Зайсанъ,—пароходнаго сообщенія. Для этой цѣли генералъ-губернаторъ Дюгамель призналъ возможнымъ снарядить особую экспедицію и поручилъ ее подполковнику Зряхову, служившему въ Балтійскомъ флотѣ. 30 мая экспедиція отплыла изъ Омска на 20-ти сильномъ пароходѣ купца Беренса. Послѣ 2-хъ мѣсячнаго плаванія, Зряховъ достигъ пикета Маниту-Гатулъ на Черномъ Иртышѣ. Отъ этого пункта въ началѣ августа, Зряховъ окончивъ изслѣдованія на Черномъ Иртышѣ, предпринялъ обратное плаваніе и, войдя въ озеро Зайсанъ, спустился внизъ по Иртышу, осмотрѣвъ на пути и побочныя рѣки, изливающіяся въ Иртышъ: Курчумъ, Буконь и Бух-

Эта послѣдняя была передана въ ботаническій музей Академіи Наукъ и впослѣдствіи разработана акад. Рупрехтомъ.

Травникъ Занарынской экспедиціи представлялъ образцы двухъ совершенно различныхъ, по характеру своему, растительностей. Пересѣкая на своемъ пути рѣчныя долины Чу, Кошкара, Нарына, Арпы и Атпаши, возвышающіяся послѣдовательно отъ 3.500 до слишкомъ 7.000 футовъ надъ уровнемъ моря, экспедиція собрала на этихъ долинахъ растенія почти исключительно степныя, принадлежащія, по своей физіономіи, къ арало-каспійской растительной области. Эта же флора появилась опять на спускѣ къ Кашгару, т. е. на южномъ склонѣ Тянь-шаня. Другія формы растительности, а именно альпійскія, несравненно болѣе привлекали путешественника. Онѣ являлись въ полномъ развитіи при переходѣ чрезъ снѣжные хребты, перевалы которыхъ находятся приблизительно на высотѣ отъ 11 до 12 тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Площадки озеръ Сонъ-Куля и Чатыръ-Куля, возвышающіяся до девяти и одиннадцати тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, также представляли интересную, хотя и болѣе скудную альпійскую флору. Средину между степью и альпами занимали пихтовые лѣса, являвшіеся, въ ограниченныхъ, впрочемъ, размѣрахъ, на извѣстной высотѣ (5.000 ф. и болѣе) и при томъ, какъ кажется, исключительно на *сѣверныхъ* склонахъ хребтовъ. Хвойные лѣса сопровождались разнообразными кустарниками, преимущественно: рябиною, барбарисомъ, жимолостью, кизильникомъ, розаномъ, черною смородиною, таволгою и можжевельникомъ. Послѣдній появлялся всего чаще, независимо отъ лѣсовъ, и достигалъ значительныхъ высотъ. Нѣкоторыя изъ собранныхъ растеній дали поводъ къ любопытнымъ сравненіямъ растительности Тянь-шаня съ гималайскою флорою, ближайшею къ ней изъ извѣстныхъ альпійскихъ флоръ. Такъ напр. на высотѣ двухъ послѣднихъ переваловъ (Джаманъ-Дабанъ и Ташъ-Рабатъ) экспедиціею найденъ гималайскій левкой (Cheiranthus himalayensis), совершенно одинаковый съ тѣмъ, который былъ открытъ извѣстнымъ путешественникомъ Жакмономъ близъ предѣловъ растительности въ Гималайскихъ горахъ. На Сонъ-Кулѣ появилась въ первый разъ интересная и оригинальная форма зонтичныхъ (Hymenolaena) до сихъ поръ еще нигдѣ не найденная въ Туркестанскомъ краѣ и достигающая своего полнаго развитія въ Индіи. [1]).

Къ 1867 году относятся еще собранія статистическихъ и этнографическихъ свѣдѣній о вновь пріобрѣтенномъ Туркестанскомъ краѣ Д. Чл. Общ. А. И. Макшеева, проведшаго въ немъ лѣто 1867 года. Плодомъ этихъ изслѣдованій была прекрасная статья подъ заглавіемъ: „Географическіе, этнографическіе и статистическіе матерьялы о Туркестанскомъ краѣ“, представленная авторомъ въ Географическое Общество и вошедшая въ со-

---

[1]) Результаты ботаническихъ сборовъ Бар. Ѳ. Р. Остенъ-Сакена были изданы Рупрехтомъ въ Mém. de l'Acad. Impér. des Sciences de St.-Pétersbourg, VII série, T. XIV, № 4, подъ заглавіемъ Sertum thianschanicum, Botanische Ergebnisse einer Reise im mittleren Thian-Schan von Fr. v. d. Osten-Sacken und F. J. Ruprecht. St.-Petersburg, 1869.

на китайскихъ границахъ) представлялся случай для изслѣдованія страны, знаніе которой могло пролить большой свѣтъ на физическія, этнографическія и историческія отношенія внутренней Азіи. Случай этотъ обусловливался тѣмъ, что состоявшій при разграничительной экспедиціи Д. Чл. Общества К. В. Струве, обладавшій всѣми свѣдѣніями для успѣшнаго выполненія подобной задачи, изъявилъ готовность попытаться произвести подобное изслѣдованіе, и нашелъ дѣятельнаго себѣ помощника въ Членѣ-Сотрудникѣ Общества Г. Н. Потанинѣ, человѣкѣ образованномъ, по рожденію своему принадлежащемъ къ казачьему сословію, предпріимчивомъ и готовомъ жертвовать всѣмъ для науки [1]). На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, Совѣтъ Общества, согласно съ мнѣніемъ Отдѣленій Математической и Физической Географіи, рѣшился, въ 1863 г., ассигновать денежныя средства для поѣздки К. В. Струве и Г. Н. Потанина на Черный Иртышъ, съ цѣлію собрать по возможности подробныя свѣдѣнія о рѣчной его области.

К. В. Струве началъ свое путешествіе раннею весною 1863 года изъ Сергіополя (Аягуза) и пересѣкъ горы, отдѣляющія этотъ бассейнъ отъ бассейна Зайсана; въ этихъ горахъ онъ посѣтилъ Балтагаракскій графитовый пріискъ гг. Мамонтовыхъ. 22 Апрѣля, онъ достигъ до города Кокбекты, лежащаго уже въ системѣ Зайсана; здѣсь присоединился къ нему Потанинъ. Въ Кокбектахъ привелось ему пробыть четверо сутокъ для окончательнаго снаряженія экспедиціи, для найма еще 10 верблюдовъ, кромѣ 10, взятыхъ изъ Сергіопольскаго округа, и для пріема двухмѣсячнаго провіанта на сопровождающихъ 30 казаковъ. Здѣсь же Струве пригласилъ въ спутники его экспедиціи очень уважаемаго въ той странѣ, киргизскаго засѣдателя Тану Тлемисова, извѣстнаго по всей Киргизской степи подъ именемъ Мирзы [2]).

Этому Танѣ, К. В. Струве, по большей части былъ обязанъ удобнымъ и счастливымъ исходомъ своего труднаго путешествія. 25 апрѣля путешественники оставили Кокбекты и, на четвертый день, достигли мѣста стоянки русскаго отряда, расположеннаго въ 10 верстахъ отъ устьевъ рѣчки Кокбектинки. Затѣмъ, они перешли къ истоку Иртыша изъ Зайсана, и 6 мая, въ 15 верстахъ

---

[1]) Г. Н. Потанинъ, одинъ изъ выдающихся дѣятелей Импер. Русскаго Геогр. Общества въ послѣдующихъ періодахъ, окончивъ курсъ наукъ въ Омскомъ Кадетскомъ корпусѣ и будучи офицеромъ Казачьяго Войска занимался въ 1856—57 годахъ разработкою Сибирской исторіи въ Омскихъ архивахъ и своимъ трудолюбіемъ и талантливостью обратилъ на себя особое вниманіе П. П. Семенова, во время троекратнаго его пребыванія въ Омскѣ. Выйдя въ отставку Г. Н. Потанинъ, безъ всякихъ денежныхъ средствъ, добрался въ 1858 г. до Петербурга съ цѣлью пополнить свое недостаточное научное образованіе и нашелъ живое участіе и поддержку въ особенно дѣятельныхъ въ то время членахъ Имп. Русс. Геогр. Общества П. П. Семеновѣ и К. Д. Кавелинѣ, что и дало ему возможность прослушать полный курсъ въ С-П.Б Университетѣ по физико-математическому факультету. Лѣтнія свои вакансіи предпріимчивый Г. Н. Потанинъ употреблялъ на весьма серьезныя и обширныя географическія экскурсіи, начиная отъ озера Ильменя до устья р. Урала. При такой основательной научной подготовкѣ, Г. Н. Потанинъ обладалъ и знаніемъ киргизскаго языка, что и дало возможность К. В. Струве, по рекомендаціи П. П. Семенова, взять Г. Н. Потанина въ свою экспедицію, въ качествѣ переводчика и натуралиста.

[2]) О вліяніи Таны между неподвластными Киргизами и о гостепріимствѣ его, сообщалъ уже прежде Д. Чл. Общ. А. Г. Влангали (нынѣ русскій посолъ въ Италіи) въ своихъ «Геогностическихъ поѣздкахъ въ восточную часть Киргизской степи въ 1819 и 1851 годахъ».

ниже истока, переправились черезъ рѣку на лодкахъ, принадлежащихъ русскимъ рыбопромышленникамъ, и гостепріимно были приняты на русской рыбалкѣ смотрителемъ ея Ереминымъ. Отсюда, они предприняли путешествіе по сѣверному берегу Зайсана. Озеро это, къ удивленію, оказалось de facto, уже и въ то время совершенно русскимъ; на его берегахъ и мысахъ находилось нѣсколько русскихъ рыбачьихъ артелей; численность русскихъ крестьянъ и казаковъ доходила почти до 200. За исключеніемъ очень немногихъ Киргизовъ, служащихъ въ работникахъ у нашихъ рыбопромышленниковъ, не встрѣчено здѣсь ни одного Киргиза, а о Китайцахъ и слуху не было. Только осенью, прикочевывали съ горъ на сѣверный берегъ Зайсана бѣднѣйшіе Киргизы Акнайманской волости и занимались зимою рыбною ловлею. Сѣверный берегъ Зайсана, противъ ожиданія, оказался на всемъ протяженіи совершенно доступнымъ; камыши представляли очень узкую, часто прерывающуюся ленту. Въ недальнемъ разстояніи отъ окраины воды, надъ низкимъ прибрежьемъ озера, тянулся увалъ, незначительный на западѣ и болѣе возвышенный на востокѣ, гдѣ онъ примыкалъ къ каменистой возвышенности Чакыльшисъ. Эта возвышенность лежала у самаго берега, въ серединѣ бухты, образуемой двумя мысами Бархотскимъ и Бакланьимъ. Съ вершины ся видно было почти все озеро, и только западный конецъ сливался съ туманомъ; на сѣверѣ и сѣверо-западѣ, представлялась взорамъ голая и совершенно безплодная равнина, простиравшаяся до предгорій Долонкары и Аркаула. Ни одна рѣка не впадала съ сѣвера въ Зайсанъ.

Мая 10 наши путешественники пришли къ урочищу Чингильды у Чернаго Иртыша, тому самому, которое означено у Риттера, со свѣдѣній Путинцева, подъ именемъ страны Чингиль и расположились лагеремъ въ 3 верстахъ отъ того мѣста, гдѣ Иртышъ раздѣляется на два рукава, отдѣльно доходящіе до озера. Здѣсь встрѣтилъ ихъ султанъ Туртуульскаго рода Мохаммедъ-Султанъ, племянникъ Таны. Онъ принялъ на себя обязанность вожака на озеро Марка. Отъ него, какъ бывалаго въ тѣхъ мѣстахъ, Струве получилъ много интересныхъ свѣдѣній о верхнемъ теченіи Чернаго Иртыша, о его притокахъ и объ Улюнгурѣ, который составляетъ совершенно отдѣльный бассейнъ; озеро это лежитъ только въ 40 верстахъ отъ Чернаго Иртыша и отдѣлено отъ него кряжемъ невысокихъ каменистыхъ горъ. На третій день послѣ прибытія Струве на Чингильды пріѣхалъ съ устья Чернаго Иртыша киргизъ Даніяръ Мендыбошчъ, съ дѣтства занимавшійся рыболовствомъ на этой рѣкѣ и, вслѣдствіе постоянныхъ своихъ сношеній съ русскими рыбаками, говорившій свободно по русски; онъ предложилъ свой карбазъ, чтобы съѣздить водою къ устьямъ Чернаго Иртыша для изслѣдованія этой части рѣки и для производства тамъ астрономическихъ наблюденій. Поѣздка эта задержала нашихъ путешественниковъ здѣсь на пять дней; въ теченіе этого времени вода на Иртышѣ прибыла болѣе чѣмъ на три фута, но не смотря на это уровень рѣки остался значително ниже противъ прежнихъ годовъ. По всей Киргизской степи жаловались на недо-

статокъ въ водѣ, а зима между тѣмъ была очень снѣжна. Мая 17 Струве и Потанинъ отправились въ сѣверо-восточномъ направленіи къ озеру Марка. На другой же день они поднялись по крутому свѣсу Букумбайскаго хребта, рѣзко выдающемуся надъ долиною Чернаго Иртыша, и ночевали въ высокой долинѣ р. Такыра. Съ одной изъ болѣе выдающихся вершинъ этого хребта, на которую Струве взошелъ съ барометромъ, можно было обозрѣть значительную часть долины Чернаго Иртыша. Четыре притока его: Такыръ, Колджиръ, Алкабэкъ и Беллезекъ (первый изъ нихъ не заслуживаетъ названія притока, такъ какъ русло его не доходитъ до самаго Иртыша), берега которыхъ окаймлены не широкою, но густою полосою тополей и кустарниковъ, рѣзко отдѣлялись отъ каменисто-песчаной, а мѣстами солонцеватой почвы, по которой вился широкою зеленою лентою быстрый и глубокій Иртышъ. Къ югу горизонтъ былъ заслоненъ горами Сауры, Монракомъ и Тарбагатаемъ, а на западѣ виднѣлась сливающаяся съ горизонтомъ поверхность Зайсана. По Такыру путешественники поднялись до аула Мохаммедъ-Султана, находившагося въ урочищѣ Джалпакъ-Каинъ (широкій березникъ), къ югу отъ горы Салкынъ-Чоку, одной изъ высотъ той цѣпи, которая отъ извѣстнаго Саръ-Тау тянется на юго-западъ и отдѣляетъ притоки Курчума отъ притоковъ Чернаго Иртыша. Отсюда они 22 мая пошли параллельно этой цѣпи и въ тотъ же день достигли быстраго порожистаго Колджира. О быстротѣ этого горнаго потока можно судить по тому обстоятельству, что при длинѣ не болѣе 120 до 150 верстъ онъ имѣетъ паденіе болѣе чѣмъ на 4 т. фут. Путешественники остановились въ небольшой долинѣ, удобной для хлѣбопашества и окруженной горами, при самомъ соединеніи Колджира съ его западнымъ притокомъ Бала-Колджиромъ. Здѣсь они перешли на восточный берегъ этой быстрой рѣки, и дальнѣйшее путешествіе къ озеру Марка продолжалось по горамъ, лежащимъ уже на лѣвомъ берегу Колджира. Послѣдній ночлегъ былъ на р. Тарлаулы, принадлежащей къ бассейну Алкабека, болѣе восточнаго притока Чернаго Иртыша. Мая 25, съ альпійскихъ высотъ, лежащихъ къ югу отъ Марка, открылось передъ глазами это живописное озеро, окруженное, со всѣхъ сторонъ, высокими крутыми горами, покрытыми лиственными лѣсами. Мѣстами, лѣсъ доходилъ до самой воды, мѣстами же, берегъ, на протяженіи версты или двухъ, представлялъ роскошные луга, поднимающіеся постепенно надъ уровнемъ воды и прислоняющіеся къ крутымъ отвѣсамъ окружающихъ горъ. Спускъ съ этихъ горъ къ самому озеру былъ весьма труденъ; однако путешественники благополучно спустились въ узкое ущелье рѣчки Каинъ-Су, изъ которой вышли въ долину Колджира, а по ней достигли наконецъ до озера. Въ лѣтніе мѣсяцы берега Марка и примыкающія къ нимъ горныя щели покрыты многочисленными аулами Киргизъ Кара-Кирѣевскаго рода. Члены этого бѣднаго поколѣнія производили у истока Колджира богатую рыбную ловлю посредствомъ невода (одинъ только и былъ на всемъ озерѣ) и остроги; ежедневно занимались этимъ промысломъ до 200 человѣкъ. Путешественники расположились

маіоръ Загряжскій произвелъ разслѣдованія въ горной странѣ по р. Сусамыру и ея притоку Джумгалу.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1869 года Радловъ отправился опять въ южную Джунгарскую степь. Цѣль его путешествія была двоякая: во 1-хъ, онъ желалъ посѣтить китайскую границу въ Илійской долинѣ, гдѣ послѣ возстанія татаръ поселились, въ большомъ числѣ, даурскіе военные колонисты—Сибо и Солоны, и гдѣ онъ надѣялся получить точныя свѣдѣнія о ходѣ извѣстнаго Дунганскаго возстанія; во 2-хъ, ему хотѣлось изслѣдовать племена Дикокаменныхъ Киргизовъ въ Чуйской долинѣ и на берегахъ Иссыкъ-Куля.

Въ концѣ мая, отправившись изъ г. Копала, онъ слѣдовалъ по почтовой дорогѣ до Алтынъ-эмэльскаго пикета, а оттуда своротилъ съ дороги по направленію къ ю.-в., перешелъ чрезъ Алтынъ-эмэльскій хребетъ до пикета Тегерекъ (въ 30—40 верстахъ отъ Алтынъ-эмэльскаго пикета), затѣмъ путешественникъ, слѣдуя немного южнѣе того пути, по которому слѣдовалъ въ 1856 году П. П. Семеновъ на пути въ Кульджу, дошелъ до р. Борохуджира, гдѣ на китайской границѣ стоялъ въ то время русскій пограничный отрядъ, верстахъ въ трехъ отъ прежняго китайскаго города Тюргень. Съ запада примыкали къ нашему отряду полукругомъ разбросанные дворы и пашни китайскихъ выходцевъ въ числѣ до 800 душъ, состоявшихъ большею частью изъ даурскихъ военныхъ колонистовъ (Сибо), которые уже прежде были причислены къ солонскимъ военнымъ колоніямъ; Солоновъ же, Китайцевъ, Манжуровъ и Чемпанъ было очень немного. Большая часть Солоновъ отправилась къ Чугучаку. Положеніе здѣшнихъ колонистовъ, особенно чиновниковъ, было очень жалкое. Лишившись родины, собственности, семействъ, они поселились здѣсь по близости къ прежнимъ мѣстамъ своего жительства только для того, чтобы не быть слишкомъ отдаленными отъ своихъ несчастныхъ дѣтей, женъ и родственниковъ, отнятыхъ у нихъ татарами и угнетаемыхъ теперь прежними рабами ихъ. Дворы и пашни этихъ колонистовъ ясно показывали, что они поселились здѣсь только временно.

Проживъ на мѣстѣ расположенія Борохуджирскаго отряда болѣе двухъ недѣль, Радловъ занялся лингвистическими изслѣдованіями языка Сибо и Солоновъ. Первые изъ нихъ говорили совершенно тѣмъ же языкомъ, которымъ говорили манджурскіе завоеватели Китая и который сдѣлался теперь въ Китайской имперіи мертвымъ книжнымъ языкомъ. Не менѣе вниманія обращено было Радловымъ на религіозныя и соціальныя отношенія этого народа и на собираніе рукописей, не переведенныхъ съ китайскаго, но прямо писанныхъ Сибо или Шибинцами на родномъ языкѣ ихъ (по манджурски). Кромѣ того онъ собралъ свѣдѣнія о прежнемъ и нынѣшнемъ положеніи Илійской долины и о ходѣ возстанія.

9-го іюня Радловъ отправился съ однимъ изъ отрядныхъ офицеровъ и въ сопровожденіи небольшаго конвоя до 4-го солонскаго города Чеджи (Акъ-кентъ). Всѣ четыре города,—Тюргень, Самалъ, Чичханъ и Чеджи—были совершенно разрушены и всѣ сады ихъ и поля опустошены. Ни одной души не встрѣчалось

въ исполненіе, вслѣдствіе вспыхнувшаго въ западномъ Китаѣ возстанія мусульманскаго населенія (Дунганей), прекратившаго съ осени 1864 года и дѣйствія разграничительной Коммиссіи. К. В. Струве возвратился въ Петербургъ въ началѣ зимы 1864 г. и въ Общемъ Собраніи Общества 2 дек. 1864 г. сдѣлалъ въ высшей степени интересное сообщеніе о своихъ, совмѣстно съ Потанинымъ, поѣздкахъ лѣтомъ 1864 г., посвященныхъ изслѣдованію Тарбагатайскаго хребта и его подгорьевъ, во время котораго путешественники занимались не только географическими, но и этнографическими изслѣдованіями и Струве даже составилъ весьма интересную карту кочевьевъ отдѣльныхъ Киргизскихъ волостей въ изслѣдованной ими странѣ.

Не имѣя возможности, до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, продолжать начатыя изслѣдованія въ бассейнѣ Чернаго Иртыша и въ Сѣверной Джунгаріи, Отдѣленіе Физической Географіи, а за нимъ и Совѣтъ Общества, сосредоточили все свое вниманіе на продолженіи изслѣдованія въ Тяньшанской горной странѣ, гдѣ обстоятельства складывались въ это время болѣе благопріятно для научныхъ предпріятій.

Между тѣмъ, въ виду сознанной въ правительственныхъ сферахъ настоятельной необходимости получить прочную границу съ независимыми владѣніями Туркестана, на протяженіи между Вѣрнымъ и Перовскомъ, въ 1864 г. уже немного оставалось сдѣлать для закругленія этой границы. Не изслѣдованнымъ оставалось еще только пространство отъ Яны-Кутана на Сыръ-Дарьѣ на з., до долины р. Чу на в. Поэтому правительство наше рѣшилось завершить это дѣло одновременнымъ снаряженіемъ двухъ военныхъ экспедицій: Западно-Сибирской и Оренбургской. Первая вышла изъ Вѣрнаго, подъ начальствомъ отважнаго и предпріимчиваго полковника М. Г. Черняева, вторая изъ Яны-Кутана подъ начальствомъ полк. Веревкина. Великіе результаты этихъ экспедицій всѣмъ извѣстны. Военныя успѣхи М. Г. Черняева привели насъ въ постоянное соприкосновеніе съ осѣдлымъ населеніемъ Средней Азіи. Ташкентъ и все среднее теченіе Сыръ-Дарьи досталось Россіи и мы стали прочною ногою въ Туркестанѣ.

Географическое Общество не преминуло воспользоваться походомъ Черняева для распространенія географическихъ познаній о Тяньшанской горной странѣ. Оно, по предложенію Предсѣдательствующаго Отдѣленіемъ Физич. Географіи П. П. Семенова, поддержанному Почетн. Членами Г. П. Гельмерсеномъ и К. М. Бэромъ, дало возможность Дѣйств. Чл. Н. А. Сѣверцову принять участіе въ Черняевской экспедиціи, Сѣверцовъ въ маѣ и іюнѣ 1864 г. успѣлъ довольно подробно обслѣдовать то продолженіе Заилійскаго Алатау, за извѣстнымъ уже изъ путешествія П. П. Семенова Кестекскимъ горнымъ переваломъ, которое у туземцевъ получило названіе Киргизнымъ-Алатау, а русскими геодезистами было названо Александровскимъ хребтомъ. Сѣверцовъ прошелъ вдоль всего южнаго склона хребта по долинѣ р. Таласа. Отсюда онъ направился на Аулья-Ата и Чемкентъ, гдѣ за тѣмъ принималъ участіе въ штурмѣ Ташкента; здѣсь Сѣверцовъ находился

съ убитымъ при этомъ штурмѣ Чл. Геогр. Общества полк. Обухомъ. Послѣ, того Сѣверцовъ пребывалъ въ Чемкентѣ, а въ декабрѣ вернулся въ 1864 г. въ Петербургъ по порученію Черняева [1]).

Въ 1865 году Военное Министерство, по представленію Оренбургскаго генералъ-губернатора, задумало снарядить экспедицію, для продолженія ученыхъ изысканій, начатыхъ въ Зачуйскомъ краѣ въ 1864 году и пригласило Географическое Общество къ участію въ означенной экспедиціи, присоединеніемъ своихъ инструкцій и денежныхъ средствъ, а также оказаніемъ впослѣдствіи содѣйствія для напечатанія результатовъ оной. Предложеніе это было принято Совѣтомъ съ живѣйшею признательностью.

По первоначальному предположенію изслѣдованія должны были продолжаться два года. По примѣру бывшей Сибирской экспедиціи, новая экспедиція раздѣлена была на два отдѣла: математическій и физическій. Первый долженъ былъ заняться астрономическими опредѣленіями и топографическими работами; второму поручены были: геологическія изслѣдованія, составленіе естественно-историческихъ коллекцій, метеорологическія наблюденія и наконецъ собираніе свѣдѣній о производительныхъ средствахъ Зачуйскаго края.

Математическій отдѣлъ экспедиціи порученъ былъ К. В. Струве, который, вмѣстѣ съ партіею топографовъ, предназначавшейся первоначально на съемку вновь опредѣленной китайской границы, уже приступилъ въ началѣ лѣта 1865 года къ астрономическимъ и топографическимъ работамъ въ Туркестанской области.

Физическій отдѣлъ экспедиціи порученъ былъ руководству Д. Чл. Н. А. Сѣверцова. При Н. А. Сѣверцовѣ находились: коллекторъ, три препаратора, три стрѣлка и горный инженеръ съ 3 штейгерами и 10 горнорабочими.

Магистръ Сѣверцовъ снабженъ былъ отъ Общества нѣкоторыми физическими инструментами и книгами. Съ тѣмъ вмѣстѣ Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Физической Географіи П. П. Семеновъ сообщилъ Сѣверцову нѣсколько указаній относительно тѣхъ вопросовъ, на которые желательно, чтобы экспедиція обратила особенное вниманіе. Одинъ изъ этихъ вопросовъ касался существованія въ западныхъ отрогахъ Тянь-шаня моренъ и вообще слѣдовъ древнихъ ледниковъ. Уже въ первую свою поѣздку въ Зачуйскій край, въ 1864 году, Н. А. Сѣверцовъ, на основаніи собранныхъ имъ, хотя и отрывочныхъ фактовъ, допускалъ возможность нахожденія слѣдовъ ледянаго періода въ этомъ краѣ. Подтвержденіе этого предположенія имѣло особую важность для геологіи.

Другой вопросъ, на который П. П. Семеновъ обратилъ вниманіе начальника Зачуйской экспедиціи, имѣлъ также значительный современный интересъ.

---

[1]) Результаты изслѣдованій Сѣверцова были изложены въ статьѣ его «Поѣздка въ зап. часть Небеснаго хребта» (106 стр.), напечатанной въ вышедшемъ въ 1867 г. подъ редакціею П. П. Семенова, I т. Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. стр. 75—180.

Было весьма важно имѣть нѣкоторыя данныя о шелковомъ производствѣ въ русскомъ Туркестанѣ, о томъ, существуетъ ли это производство въ Ташкентѣ и въ какихъ размѣрахъ, гдѣ крайній предѣлъ шелководства, а также извѣстна ли въ Сыръ-Дарьянской долинѣ болѣзнь шелковичныхъ червей, причинившая такъ много вреда въ южной Европѣ.

Магистръ Сѣверцовъ выѣхалъ изъ Петербурга въ іюлѣ, но, задержанный домашними обстоятельствами въ Воронежской губерніи, началъ свои работы въ Туркестанскомъ краѣ только съ начала лѣта 1866 года.

Лѣто это Сѣверцовъ посвятилъ, главнымъ образомъ, изученію горной системы Каратау, весьма недостаточно осмотрѣнной имъ въ 1864 году, а также крайнихъ западныхъ предѣловъ Тянь-шаня, между Арысомъ и Чирчикомъ. Что касается до Каратаускихъ горъ, то, послѣ обстоятельнаго изслѣдованія всей юго-восточной ихъ части, отъ Турланскаго прохода, между гор. Туркестаномъ и Чолакъ-Курганомъ до рр. Арыса и Терсы, Сѣверцовъ убѣдился до какой степени карты этой мѣстности неточны. Система этихъ горъ оказалась весьма сложною; они начинаются у р. Терсы высокой площадью, которой с.-в. край представляетъ крутые сланцовые обрывы; западнѣе, между рр. Арысомъ и Боролдаемъ, примыкали къ этой площади нѣсколько параллельныхъ, короткихъ известковыхъ хребтовъ, довольно скалистыхъ, которые крутыми обрывами упирались въ р. Боролдай. Далѣе, къ с.-з. отъ Боролдая и Терсы, терсинское плоскогоріе переходило на с.-з. склонъ, съ отдѣльными группами известковыхъ скалъ и крутыми рѣчными долинами; тутъ уже къ с.-в. отъ водораздѣла, къ с.-з. отъ озера Біилю-Куль, являются узкіе параллельные хребты. Еще далѣе къ с.-з., у рр. Арысъ-Тамды и Батнакъ-Су, Каратау понижается и почти сливается съ окрестной степью. Наибольшей же высоты (около 7.000 ф.) Каратау достигаетъ около Туркестана; общее направленіе горныхъ подъемовъ отъ ю.-в. къ с.-з.

Весьма любопытны были результаты, достигнутые Сѣверцовымъ при его изслѣдованіяхъ пространства и залеганія каменноугольной формаціи въ Каратаускихъ горахъ. Имъ найдена также цѣлая система золотыхъ розсыпей по притокамъ р. Терсы, кромѣ многихъ мѣсторожденій желѣзной руды. На золотыхъ пріискахъ на Чирчикѣ, весьма неудобныхъ къ разработкѣ въ большихъ размѣрахъ, Сѣверцовъ собралъ интересныя подробности о первобытномъ способѣ ихъ размывки туземцами—Сартами. Иныя условія представляли золотоносныя формаціи въ бассейнѣ р. Терсы; здѣсь преобладали рыхлые пески, и не было твердыхъ конгломератовъ, такъ затрудняющихъ работу на Чирчикѣ.

Особенно важны были, въ геологическомъ отношеніи, изслѣдованія, произведенныя Сѣверцовымъ по южной отлогости долины Терсы. Здѣсь онъ нашелъ весьма явственные, по его мнѣнію, слѣды древнихъ ледниковъ, а именно около р. Куркуреу холмистую возвышенность, состоящую изъ Тянь-

дующій затѣмъ знакъ Терсъ-айрыкскій, поставленъ на водораздѣлѣ, отдѣляющемъ правые притоки р. Такыръ отъ ключей, изъ которыхъ образуются истоки р. Терсъ-айрыкъ.

Скаты южнаго Алтая, спускаясь къ озеру Зайсану и Черному Иртышу образуютъ терасовидныя пониженія. Послѣдній изъ этихъ уступовъ обозначается грядою Букомбайскихъ высотъ, у подошвы которыхъ, вблизи пролегающей въ этомъ мѣстѣ дороги къ озеру Зайсану, находится ключъ Аулiэ-Булакъ (Священный источникъ). Этотъ единственный источникъ хорошей прѣсной воды во всей окрестной мѣстности до самаго Зайсана остался въ русскихъ предѣлахъ. Знакъ Аулiэ-булакскій былъ поставленъ восточнѣе ущелья, по которому спускается дорога съ Букомбайскихъ высотъ на Зайсанскую равнину. На пространствѣ отъ Букомбайскихъ горъ до озера Зайсана, поставлены два пограничныхъ знака Кiинъ-Керчъ и Чакэльмэсъ на горахъ тѣхъ же названій. Гора Чакэльмэсъ возвышается въ срединѣ полукруглой бухты, образуемой мысами Бархотъ (Джеланащъ-Тюбекъ) и Бакланьимъ (Акъ-Джаль). Отсюда сѣверо-восточный берегъ Зайсана и Черный Иртышъ до пограничнаго знака Акъ-Тюбе образуютъ естественную границу. Знакъ Акъ-Тюбе (по китайски Маниту-Гатулханъ) на горѣ того же имени, былъ на лѣвомъ берегу Чернаго Иртыша, противъ устья р. Колджира, вытекающаго изъ Марка-Куля, и былъ послѣднимъ, поставленнымъ на границѣ русскихъ владѣній съ областью Кобдо.

Къ югу отъ Чернаго Иртыша первый пограничный знакъ, Каратальскій, поставленъ былъ у истоковъ р. Каратала, а второй Сары-булакскій у выхода на долину рѣки Сары-Булака. Третій пограничный знакъ Сары-Тологой, поставленъ близь горы того же имени по чертѣ водораздѣла, отдѣляющаго лѣвые притоки малой Уласты, отъ правыхъ притоковъ Кендерлика. Такимъ образомъ, вся система рѣки Сары-Булакъ попала въ русскія предѣлы.

Къ югу отъ Ледяныхъ горъ и ихъ западной оконечности хребта Сауръ-Тау, государственная граница была проведена по чертѣ горнаго разлома въ хребтахъ: Сары-Тумсукъ, Кочжуръ и Тарбагатай, образующихъ на юго-востокѣ Зайсанскаго края естественный рубежъ между нашими и китайскими владѣніями. А потому, на всемъ этомъ пространствѣ пограничные знаки поставлены только въ главнѣйшихъ горныхъ проходахъ, ведущихъ съ Зайсанскаго плоскогорія и котловины Чиликты въ долину Эмиля и къ верховьямъ рѣкъ Кобокъ. Первый знакъ былъ поставленъ на ближайшемъ къ Ледянымъ горамъ и хребту Сауръ-Тау горномъ проходѣ Чаганъ-Обо.

Отъ перевала Чаганъ-Обо, государственная граница была проведена на юго-западъ по гребню хребта Сары-Тумсукъ къ горному проходу Керегенъ-Тасъ. Проходъ Керегенъ-Тасъ пролегаетъ по ущелью р. Тайндарыка между горами Сары-Тумсукъ и Кочжуръ. Пограничный знакъ Керегенъ-Тасъ былъ поставленъ въ этомъ проходѣ, на чертѣ горнаго разлома, отдѣляющаго верховья Тайндарыка отъ бассейна р. Кобокъ. Оба означенные горные прохода удобны только для слѣдованія на вьюкахъ.

Туркестанской экспедиціи денежное содѣйствіе, вслѣдствіе заявленія Главнаго Штаба о томъ, что суммы, ассигнованныя со стороны Военнаго Министерства на экспедицію, всѣ израсходованы.

Магистръ Сѣверцовъ, занимавшійся въ теченіе зимы 1866—67 г. въ Петербургѣ обработкою собранныхъ имъ богатыхъ матерьяловъ, былъ окончательно снаряженъ отъ Общества въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Къ сожалѣнію тяжкая и продолжительная болѣзнь, постигшая Начальника экспедиціи на пути въ Оренбургъ, разстроила его планы и все лѣто 1867 года пропало для его научныхъ изслѣдованій. По выздоровленіи, Сѣверцовъ измѣнилъ свой маршрутъ и направился въ Туркестанскій край чрезъ Омскъ и Семипалатинскъ, а въ началѣ сентября находился уже въ Вѣрномъ. Отсюда онъ рѣшился проникнуть въ малоизвѣстную страну верховьевъ Нарына.

Цѣль этой поѣздки заключалась въ томъ, чтобы опредѣлить геологическій разрѣзъ Тянь-шаня близъ его развѣтвленія къ з. отъ Ханъ-Тенгри, на меридіанѣ, гдѣ сближаются долины Нарына, и притока его Атпаши, съ одной стороны, и Аксая (принадлежащаго уже къ системѣ водъ Восточнаго Туркестана) съ другой.

Изъ Вѣрнаго Н. А. Сѣверцовъ, выѣхалъ 14 сентября, а изъ Аксуйскаго поста, находившагося на южной сторонѣ Иссыкъ-Куля, 28 того же мѣсяца. Въ послѣднемъ пунктѣ его снабдили необходимымъ конвоемъ. Съ Иссыкъ-Куля экспедиція поднялась чрезъ проходъ Барскоунъ (къ западу отъ Заукинскаго прохода). Первый хребетъ отъ Иссыкъ-Куля, по замѣчанію Сѣверцова, есть самый высокій и главный, но водораздѣла не образуетъ. Водораздѣлъ находится въ продольной долинѣ между первымъ и вторымъ хребтомъ и образуется едва примѣтными отрогами обоихъ.

7-го октября экспедиція вышла на урочище Улькунъ-Нарынъ-Басъ, гдѣ Большой Нарынъ получаетъ свое названіе, образуясь изъ двухъ вершинъ: Тарагая и Капчегая. Долина Нарына при Улькунъ-Басѣ оказалась около девяти тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, у верхняго предѣла елей. Пройденный экспедиціею перевалъ опредѣленъ приблизительно въ 11.000 ф., вершины главнаго хребта у перевала на 2—3 тысячи футовъ выше, за тѣмъ слѣдующіе хребты къ Нарыну и первый Занарынскій хребетъ не подымается выше 12.000 футовъ.

Съ Улькунъ-Баса экспедиція пошла сперва внизъ по Нарыну, потомъ перешла его въ бродъ, перевалила снѣговой хребетъ Акъ-Чеку и вышла на верховья Атпаши (лѣвый притокъ Нарына). Далѣе она шла два дня внизъ по Атпашѣ, потомъ поднялась по р. Тасъ-Асу къ перевалу черезъ горы Уюрменъ-Чеку и 13 октября пришла на Аксай, къ тому мѣсту, гдѣ онъ пробиваетъ послѣдній изъ Тянь-шанскихъ хребтовъ и стремится на востокъ въ бассейнъ Кашгаръ-Дарьи, принадлежащій Восточному Туркестану. На обратномъ пути Сѣверцовъ пошелъ къ мѣсту прежняго китайскаго моста на Нарынѣ; 25-го октября перевалилъ на Джуванъ-Арыкъ—лѣвую вершину р. Чу и 30-го былъ въ Токмакѣ.

и Вѣрномъ, послужатъ къ весьма надежному опредѣленію абсолютной долготы всей страны. Для наблюденія покрытій звѣздъ К. В. Струве употреблялъ мюнхенскій телескопъ съ отверстіемъ въ 27 линій; для опредѣленія времени и широтъ наблюдатель имѣлъ Писторовъ кругъ большаго размѣра. Звѣзды наблюдались въ рѣдкихъ случаяхъ; по бо̀льшей части только солнце. Опредѣленія времени для долготъ основаны постоянно на соотвѣтствующихъ высотахъ. Переносъ времени совершался помощью четырехъ карманныхъ хронометровъ, которые показывали весьма правильный ходъ во время экспедиціи въ Коканѣ".

„Вычисленіе опредѣленій было сдѣлано самимъ наблюдателемъ, и результаты, хотя названы предварительными, но на столько хороши, что потребуютъ только весьма несущественныхъ измѣненій".

Въ 1870 г. ген.-губ. К. П. ф. Кауфманъ снарядилъ къ верховьямъ Зеравшана свою замѣчательную экспедицію, имѣвшую столько же военный, сколько и научный характеръ и принесшую обширную пользу географической наукѣ. Во главѣ военной экспедиціи стоялъ храбрый ген.-м. Абрамовъ, съемкою завѣдывалъ бар. Аминовъ, а научныя работы производились А. П. Федченко и его супругою О. А. Федченко, горными инженерами Д. Ивановымъ и Мышенковымъ и оріенталистомъ А. Куномъ. Экспедиція на этотъ разъ доходила до озера Искендеръ-Куля и Зеравшанскихъ ледниковъ. Изъ упомянутыхъ лицъ А. П. Федченко велъ съ Геогр. Обществомъ корреспонденціи, а Д. К. Мышенковъ сообщилъ Обществу отчетъ о своихъ геологическихъ наблюденіяхъ.

Особенную важность для географической науки имѣли работы въ Тянъшанѣ Д. Чл. Общ. полковн. барона А. В. Каульбарса въ 1869 и 1870 г. Въ 1869 г. бар. Каульбарсъ произвелъ рекогносцировку и полуинструментальную съемку въ верховьяхъ Нарына и на границѣ Алтышара и Кокана, обнявшую пространство отъ с.-в. предѣловъ Коканскаго ханства на в., вдоль предполагавшейся въ то время нашей границы съ Кашгаромъ до меридіана, проходящаго верстъ на 50 восточнѣе восточной оконечности Иссыкъ-Куля. Каульбарсъ изслѣдовалъ водораздѣлъ Нарына и Учь-Турпана, дошелъ и до верховьевъ Нарына, вытекающаго подъ именемъ Ханъ-Таша изъ большаго ледника Сенъ-шійрякскаго хребта приблизительно на одномъ меридіанѣ съ восточною оконечностью Иссыкъ-Куля. За тѣмъ бар. Каульбарсъ осмотрѣлъ громадные снѣговые хребты Сары-Яссы (несомнѣнно Сары-Джазъ по которой восходилъ уже до высоты приблизительно 14 тыс. въ 1857 г. П. П. Семеновъ) и Кокъ-Шаалъ [1]).

Кончивъ рекогносцировку горнаго узла, въ которомъ Нарынъ беретъ начало изъ громадныхъ ледниковъ, баронъ А. В. Каульбарсъ направился къ западу и обратилъ особенное вниманіе на ту часть гористой страны средняго Тянь-шаня, куда не проникъ рекогносцировочный отрядъ полков-

---

[1]) Можетъ быть Кокъ-Джаръ, черезъ который въ 1857 перешелъ П. П. Семеновъ.

горныхъ переваловъ, пройденныхъ экспедиціею, три, а именно: Шамси, Джаманъ-Дабанъ и Ташъ-Рабатъ, находятся, судя по альпійской растительности, на высотѣ отъ 9 до 10 т. футовъ. На первомъ изъ этихъ переваловъ 9 іюля мѣстами лежалъ снѣгъ. Лѣсной поясъ (который, по наблюденіямъ П. П. Семенова, въ Заилійскомъ краѣ находится на высотѣ отъ 5—8 т. футовъ), путешественники пересѣкли въ первый разъ на сѣверномъ склонѣ Александровскаго хребта, т. е. въ ущельи Шамси. На южномъ склонѣ (въ долинѣ Кошкара) лѣса не встрѣчается. Вообще, бѣдность лѣсной растительности во всей описываемой странѣ крайне поразительна. Во второй разъ (т. е за Шамсійскимъ ущельемъ) лѣсной поясъ появился при спускѣ съ Сонкульскаго плоскогорія въ долину Нарына—въ ущельи Молда-Асу. На южной сторонѣ Нарынской долины лѣсной поясъ весьма ясно видѣнъ былъ на высотѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ надъ дномъ долины: онъ тянулся по крутымъ склонамъ скалистаго известковаго хребта.

Далѣе на югъ не было никакого лѣса, ни въ долинѣ Арпы, ни на равнинѣ Чатыръ-Куля, высота котораго была опредѣлена въ 1868 г. Буняковскимъ въ 11 тыс. ф. За Чатыръ-Кулемъ, послѣ незначительнаго Турагатскаго перевала, которымъ, однако, обозначается водораздѣлъ между Нарынскимъ бассейномъ и бассейномъ Кашгаръ-Дарьи, почва понижалась очень постепенно. Первые кустарники (облепиха) появились въ долинѣ р. Тоинъ (притока р. Суекъ, текущей въ Кашгаръ-Дарью), въ двухъ переходахъ за Чатыръ-Кулемъ, первое дерево (тополь)—въ четырехъ переходахъ отъ озера. Здѣсь же появилось опять земледѣліе (превосходныя поля пшеницы), котораго не было ни въ долинѣ Арпы, ни на Чатыръ-Кулѣ. Земледѣліемъ занимаются здѣсь киргизы Чонъ-Багиши.

Крайнимъ пунктомъ экспедиціи В. А. Полторацкаго было разрушенное китайское укрѣпленіе Тессыкъ-Ташъ, верстахъ въ 50 отъ Кашгара, гдѣ уже властвовалъ Якубъ-бекъ, отношеніе котораго къ Россіи въ то время еще не опредѣлились.

Научные результаты Занарынской экспедиціи заключались въ слѣдующемъ:

1) въ пятиверстной полуинструментальной съемкѣ Занарынскаго края, на пространствѣ приблизительно 12.000 кв. верстъ, произведенной Матусовскимъ подъ наблюденіемъ В. А. Полторацкаго;

2) въ собраніи млекопитающихъ, птицъ, насѣкомыхъ и проч., сдѣланномъ Скорняковымъ, препараторомъ, участвовавшимъ прежде въ экспедиціяхъ магистра Сѣверцова;

3) въ коллекціи растеній (до 500 видовъ), собранныхъ барономъ Остенъ-Сакеномъ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, велъ подробный дневникъ пути и ботаническія наблюденія [1]).

---

[1]) Краткая реляція объ этой экспедиціи помѣщена въ Извѣстіяхъ 1869 г. (Отд. II, стр. 127—150) подъ заглавіемъ: «Поѣздка въ Занарыкскій край лѣтомъ 1867 г.»; статья Д. Чл. Общ. бар. Ѳ. Р. Остенъ-Сакена.

Тюбе и шли горною дорогою, почти на самомъ гребнѣ хребта, и только подходя къ долинѣ начали постепенно спускаться. Перейдя послѣдній отрогъ, отдѣлявшій путешественниковъ отъ долины Кетменъ-Тюбе, Каульбарсъ остановился на небольшомъ перевалѣ. Передъ путешественниками разстилалась обширная долина, на которой всюду виднѣлись аулы киргизскаго рода Саякъ. Какъ только спустились къ первому аулу, то мужчины всѣ разбѣжались, а женщины спрятались. Каульбарсъ отправился съ переводчикомъ въ аулъ и черезъ $^1/_4$ часа сидѣлъ уже въ кругу киргизокъ, распрашивалъ о ихъ нуждахъ, приласкалъ дѣтей; мужчины вернулись и все успокоилось. Путешественники оставались здѣсь нѣсколько дней и имъ удалось между прочимъ присутствовать при киргизскихъ поминкахъ. Оставивъ караванъ въ долинѣ, Каульбарсъ отправился для рекогносцировки дороги, ведущей къ перевалу Даванъ изъ долины Кара-Су въ Андиджанъ. Растительность въ долинахъ Кара-Су и его притока Каракола особенно роскошна. Путешественникъ не успѣлъ достигнуть до самой вершины перевала Даванъ, не могъ убѣдиться, что колесная ѣзда здѣсь немыслима.

Урочище Кетменъ-Тюбе было сплошь покрыто пашнями и заселено киргизами (Саяки). Сѣверная долина урочища сливалась съ долиною Узунъ-Ахмата, по которой экспедиція и направились, какъ по кратчайшему, такъ и лучшему пути въ Ауліэ-Ата. Пройдя по лѣсистому ущелью, экспедиція поднялась на трудный перевалъ Терекъ-Бель и спустилась въ живописное скалистое ущелье р. Бишъ-Таша и, направляясь внизъ по руслу этой рѣки, вышла на широкую долину Таласа. Отсюда она повернула на востокъ, прошла до верховьевъ Таласа и, переваливъ черезъ Уть-Мекъ, спустились къ заросшимъ кустарникамъ и густою травою верховьямъ р. Сусамыра. Ниже пункта соединенія рѣчекъ, составляющихъ его верховья, рѣка вступаетъ въ скалистое ущелье. Часть этого ущелья Каульбарсъ видѣлъ, когда направлялся на перевалъ Ой-Каинъ, составляющій одинъ изъ водораздѣловъ между рѣками Сусамыромъ и Джумгаломъ.

Всѣ упомянутыя горы, за исключеніемъ Джаманъ-Дабана и восточныхъ частей Джасы-Тау, не достигаютъ линіи вѣчнаго снѣга. На обширной долинѣ р. Джумгала Каульбарсъ встрѣтился со съемочною партіею, откомандированною изъ Нарынскаго укрѣпленія для съемки пробѣловъ въ этой мѣстности. Снѣгъ выпадалъ ежедневно, топографическія работы затруднялись имъ а также частыми туманами и холодами; къ тому же кончился провіантъ; Каульбарсъ рѣшился прекратить рекогносцировку и 18-го октября выступили по направленію на Караколъ, на южномъ берегу Иссыкъ-Куля, куда прибылъ приблизительно черезъ недѣлю.

Наконецъ въ 1870 г. Каульбарсу удалось взобраться на вершину знаменитаго Муссартскаго горнаго прохода.

Выѣхавъ изъ Вѣрнаго 22-го сентября, онъ направился въ Тянь-шаньскій отрядъ, выдвинутый въ августѣ къ Муссартскому ущелью у выхода его на долину р. Текеса. Весь сѣверный склонъ Тянь-шаня былъ покрытъ

ставъ II тома „Записокъ“ по Отдѣленію Статистики. Вниманіе Д. Чл. Макшеева было главнымъ образомъ обращено на полученіе хотя приблизительныхъ данныхъ о числѣ осѣдлыхъ и кочевыхъ жителей различныхъ народностей, распредѣленныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ края. Свѣдѣнія собирались отъ служащихъ лицъ, а иногда непосредственно отъ свѣдущихъ туземцевъ и по возможности взаимно провѣрялись. Такимъ образомъ автору удалось составить первый и притомъ довольно полный списокъ городовъ и селеній Туркестанскаго края, съ обозначеніемъ числа домовъ или дворовъ. Что же касается до кочеваго населенія, то оно, на сколько это было возможно, распредѣлено на племенныя группы съ обозначеніемъ числа кибитокъ.

Къ статистическо-этнографическимъ изслѣдованіямъ о населеніи авторъ присовокупилъ интересное планиметрическое исчисленіе пространства Туркестанскаго ген.-губернаторства и проектированныхъ въ ономъ областей и уѣздовъ, а также свѣдѣнія о русскомъ населеніи, объ имѣющихся географическихъ источникахъ для изученія края, о почтовыхъ сообщеніяхъ и о климатѣ. Послѣднія основаны были на данныхъ, полученныхъ отъ медиковъ, служащихъ въ Казалинскѣ, Петровскѣ, Чемкентѣ и Ходжентѣ и занимавшихся метеорологическими наблюденіями. Климатическія данныя были весьма обязательно просмотрѣны Д. Чл. А. И. Воейковымъ, спеціалистомъ по метеорологіи.

Наконецъ въ томъ же году Д. Чл. Общ. П. И. Лерхе, по порученію Импер. Археологической Коммиссіи, производилъ изслѣдованіе Джанкентскихъ (Янгикентской) развалинъ близъ Казалы, затѣмъ остатковъ города Саурана, мечети въ городѣ Туркестанѣ, надписей въ ущельи Джанатута по дорогѣ изъ Джизака въ Яны-Курганъ, развалинъ Ахыртомъ между Аулья-Ата и Мерке. О результатахъ своихъ изслѣдованій Лерхе дѣлалъ сообщеніе въ Обществѣ [1]).

Съ 1867 года открытіе Туркестанскаго генералъ-губернаторства въ Ташкентѣ перенесло мощный русскій культурный центръ къ самому подножію с.-з. окраины нагорной Азіи и обстоятельство это, въ связи съ назначеніемъ генералъ-губернаторомъ просвѣщеннаго К. П. фонъ-Кауфмана, имѣло самое благотворное вліяніе на успѣхи нашего географическаго познанія этой части Средней Азіи, доступъ въ которую до крайности облегчился.

Уже въ началѣ 1868 г. Импер. Русское Географическое Общество обратило свое вниманіе на то, что, при возрастающемъ обиліи географическихъ и естественно-историческихъ изслѣдованій на с.-з. окраинѣ Центральной нагорной Азіи, изслѣдованій этнографическихъ въ этой странѣ произведено было еще очень мало.

Вотъ почему въ мартѣ 1868 г. Д. Чл. Общества В. В. Григорьевъ, П. П. Семеновъ и бар. Ѳ. Р. Остенъ-Сакенъ внесли въ Совѣтъ представленіе слѣдующаго содержанія:

---

[1]) См. «Извѣстія» 1867 г., кн. 8-я, стр. 199, I отд.

Эта послѣдняя была передана въ ботаническій музей Академіи Наукъ и впослѣдствіи разработана акад. Рупрехтомъ.

Травникъ Занарынской экспедиціи представлялъ образцы двухъ совершенно различныхъ, по характеру своему, растительностей. Пересѣкая на своемъ пути рѣчныя долины Чу, Кошкара, Нарына, Арпы и Атпаши, возвышающіяся послѣдовательно отъ 3.500 до слишкомъ 7.000 футовъ надъ уровнемъ моря, экспедиція собрала на этихъ долинахъ растенія почти исключительно степныя, принадлежащія, по своей физіономіи, къ арало-каспійской растительной области. Эта же флора появилась опять на спускѣ къ Кашгару, т. е. на южномъ склонѣ Тянь-шаня. Другія формы растительности, а именно альпійскія, несравненно болѣе привлекали путешественника. Онѣ являлись въ полномъ развитіи при переходѣ чрезъ снѣжные хребты, перевалы которыхъ находятся приблизительно на высотѣ отъ 11 до 12 тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Площадки озеръ Сонъ-Куля и Чатыръ-Куля, возвышающіяся до девяти и одиннадцати тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, также представляли интересную, хотя и болѣе скудную альпійскую флору. Средину между степью и альпами занимали пихтовые лѣса, являвшіеся, въ ограниченныхъ, впрочемъ, размѣрахъ, на извѣстной высотѣ (5.000 ф. и болѣе) и при томъ, какъ кажется, исключительно на *сѣверныхъ* склонахъ хребтовъ. Хвойные лѣса сопровождались разнообразными кустарниками, преимущественно: рябиною, барбарисомъ, жимолостью, кизильникомъ, розаномъ, черною смородиною, таволгою и можжевельникомъ. Послѣдній появлялся всего чаще, независимо отъ лѣсовъ, и достигалъ значительныхъ высотъ. Нѣкоторыя изъ собранныхъ растеній дали поводъ къ любопытнымъ сравненіямъ растительности Тянь-шаня съ гималайскою флорою, ближайшею къ ней изъ извѣстныхъ альпійскихъ флоръ. Такъ напр. на высотѣ двухъ послѣднихъ переваловъ (Джаманъ-Дабанъ и Ташъ-Рабатъ) экспедиціею найденъ гималайскій левкой (Cheiranthus himalayensis), совершенно одинаковый съ тѣмъ, который былъ открытъ извѣстнымъ путешественникомъ Жакмономъ близъ предѣловъ растительности въ Гималайскихъ горахъ. На Сонъ-Кулѣ появилась въ первый разъ интересная и оригинальная форма зонтичныхъ (Hymenolaena) до сихъ поръ еще нигдѣ не найденная въ Туркестанскомъ краѣ и достигающая своего полнаго развитія въ Индіи. [1]).

Къ 1867 году относятся еще собранія статистическихъ и этнографическихъ свѣдѣній о вновь пріобрѣтенномъ Туркестанскомъ краѣ Д. Чл Общ. А. И. Макшеева, проведшаго въ немъ лѣто 1867 года. Плодомъ этихъ изслѣдованій была прекрасная статья подъ заглавіемъ: „Географическіе, этнографическіе и статистическіе матерьялы о Туркестанскомъ краѣ" представленная авторомъ въ Географическое Общество и вошедшая въ с

[1]) Результаты ботаническихъ сборовъ Бар. Ѳ. Р. Остенъ-Сакена были изданы Рупрехтомъ въ Mém. de l'Acad. Impér. des Sciences de St.-Pétersbourg, VII série, T. XIV, № 4, подъ заглавіемъ Sertum thianschanicum, Botanische Ergebnisse einer Reise im mittleren Thian-Schan von Fr. v. d. Osten-Sacken und F. J. Ruprecht. St.-Petersburg, 1869.

ставъ II тома „Записокъ“ по Отдѣленію Статистики. Вниманіе Д. Чл. Макшеева было главнымъ образомъ обращено на полученіе хотя приблизительныхъ данныхъ о числѣ осѣдлыхъ и кочевыхъ жителей различныхъ народностей, распредѣленныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ края. Свѣдѣнія собирались отъ служащихъ лицъ, а иногда непосредственно отъ свѣдущихъ туземцевъ и по возможности взаимно провѣрялись. Такимъ образомъ автору удалось составить первый и притомъ довольно полный списокъ городовъ и селеній Туркестанскаго края, съ обозначеніемъ числа домовъ или дворовъ. Что же касается до кочеваго населенія, то оно, на сколько это было возможно, распредѣлено на племенныя группы съ обозначеніемъ числа кибитокъ.

Къ статистическо-этнографическимъ изслѣдованіямъ о населеніи авторъ присовокупилъ интересное планиметрическое исчисленіе пространства Туркестанскаго ген.-губернаторства и проектированныхъ въономъ областей и уѣздовъ, а также свѣдѣнія о русскомъ населеніи, объ имѣющихся географическихъ источникахъ для изученія края, о почтовыхъ сообщеніяхъ и о климатѣ. Послѣднія основаны были на данныхъ, полученныхъ отъ медиковъ, служащихъ въ Казалинскѣ, Петровскѣ, Чемкентѣ и Ходжентѣ и занимавшихся метеорологическими наблюденіями. Климатическія данныя были весьма обязательно просмотрѣны Д. Чл. А. И. Воейковымъ, спеціалистомъ по метеорологіи.

Наконецъ въ томъ же году Д. Чл. Общ. П. И. Лерхе, по порученію Импер. Археологической Коммиссіи, производилъ изслѣдованіе Джанкентскихъ (Янгикентской) развалинъ близъ Казалы, затѣмъ остатковъ города Саурана, мечети въ городѣ Туркестанѣ, надписей въ ущельи Джанатута по дорогѣ изъ Джизака въ Яны-Курганъ, развалинъ Ахыртомъ между Аулья-Ата и Мерке. О результатахъ своихъ изслѣдованій Лерхе дѣлалъ сообщеніе въ Обществѣ [1]).

Съ 1867 года открытіе Туркестанскаго генералъ-губернаторства въ Ташкентѣ перенесло мощный русскій культурный центръ къ самому подножію с.-з. окраины нагорной Азіи и обстоятельство это, въ связи съ назначеніемъ генералъ-губернаторомъ просвѣщеннаго К. П. фонъ-Кауфмана, имѣло самое благотворное вліяніе на успѣхи нашего географическаго познанія этой части Средней Азіи, доступъ въ которую до крайности облегчился.

Уже въ началѣ 1868 г. Импер. Русское Географическое Общество обратило свое вниманіе на то, что, при возрастающемъ обиліи географическихъ и естественно-историческихъ изслѣдованій на с.-з. окраинѣ Центральной нагорной Азіи, изслѣдованій этнографическихъ въ этой странѣ произведено было еще очень мало.

Вотъ почему въ мартѣ 1868 г. Д. Чл. Общества В. В. Григорьевъ, П. П. Семеновъ и бар. Ѳ. Р. Остенъ-Сакенъ внесли въ Совѣтъ представленіе слѣдующаго содержанія:

---

[1]) См. «Извѣстія» 1867 г., кн. 8-я, стр. 199, I отд.

„Учитель барнаульской горной школы, В. В. Радловъ (нынѣ академикъ), извѣстный своими этнографическими и лингвистическими изысканіями о средне-азіатскихъ народахъ, предполагаетъ совершить въ теченіе нынѣшняго лѣта поѣздку въ Туркестанскій край (въ Ташкендъ, Ходжендъ и т. д.). По мнѣнію нижеподписавшихся, было бы весьма желательно воспользоваться этимъ случаемъ и дать порученіе Радлову отъ Географическаго Общества.

„Туркестанская экспедиція нашего Общества занимается исключительно изслѣдованіями по физической географіи недавно пріобрѣтеннаго Россіею края; между тѣмъ, край этотъ представляетъ обширное поле для интереснѣйшихъ изысканій по разнымъ другимъ отраслямъ знанія и, въ томъ числѣ, въ особенности, по этнографіи. Если Географическое Общество не располагаетъ достаточными средствами для снаряженія особой этнографической экспедиціи, то тѣмъ болѣе, кажется, слѣдовало бы не упускать представляющагося случая для расширенія круга нашихъ изслѣдованій, безъ особенно значительныхъ со стороны Общества затратъ.

„Еслибы Совѣтъ призналъ возможнымъ и удобнымъ снабдить В. В. Радлова порученіемъ отъ Общества, во время предполагаемой имъ поѣздки, то нижеподписавшіеся, имѣющіе полное основаніе предполагать, что онъ не откажется отъ подобнаго порученія, взяли бы на себя трудъ составленія небольшой инструкціи относительно предметовъ, на которые желательно обратить особенное вниманіе изслѣдователя. Марта 4 дня 1868 г.“.

Совѣтъ принялъ съ сочувствіемъ означенное предложеніе и поручилъ Секретарю снестись съ Радловымъ, для опредѣленія ближайшихъ обстоятельствъ его поѣздки, на которую, съ своей стороны, Совѣтъ призналъ возможнымъ ассигновать Радлову необходимую для облегченія его поѣздки сумму.

Инструкція для Радлова была составлена по соглашенію гг. членовъ Совѣта В. В. Григорьева и П. П. Семенова. Указанія, сообщенныя Радлову, нисколько не стѣсняя его въ начертаніи общаго плана поѣздки, имѣли главнымъ образомъ цѣлью обратить его вниманіе на нѣкоторые частные, доселѣ неразъясненные, вопросы по среднеазіатской этнографіи.

Радловъ выѣхалъ изъ Барнаула въ началѣ мая и прибылъ въ Ташкендъ именно въ то время, когда политическія дѣла въ Средней Азіи вынудили новое движеніе впередъ со стороны нашихъ военныхъ силъ. Къ счастію военныя дѣйствія нисколько не помѣшали Радлову въ его ученыхъ занятіяхъ. Благодаря просвѣщенному содѣйствію Туркестанскаго генералъ-губернатора, ген.-ад. К. П. фонъ-Кауфмана, который принялъ Радлова подъ свое покровительство, нашему путешественнику удалось побывать въ мѣстностяхъ, до того времени бывшихъ недоступными для изслѣдованій. По окончаніи военныхъ дѣйствій, главнымъ мѣстнымъ начальствомъ была снаряжена экспедиція для обозрѣнія передовой нашей линіи. Радлову была дана возможность принять участіе въ этой экспедиціи и такимъ образомъ онъ объѣхалъ почти всю восточную половину Бухарскаго ханства, а именно вдоль по Зеравшанской долинѣ, къ западу отъ Самарканда до г. Катырчи, находящагося при

сліяніи двухъ рукавовъ Зеравшана (Акъ-Дарьи и Кара-Дарьи). Отсюда экспедиція направилась на сѣверъ и посѣтила возвышенную долину, находящуюся между хребтами Нуратанынгъ-Акъ-Тагъ и Нуратанынгъ-Кара-Тагъ, а потомъ чрезъ Чилекъ возвратилась въ Самаркандъ.

Въ отчетѣ объ этой поѣздкѣ, представленномъ Радловымъ Географическому Обществу весною 1869 г., подъ названіемъ „Описаніе Зеравшанской долины", съ картою, В. В. Радловъ сообщилъ подробныя свѣдѣнія о гидрографіи и топографіи Зерафшанской долины, подробности о водоорошеніи и каналахъ; исчислилъ пункты осѣдлости, о которыхъ представилъ топографическія извѣстія, большею частію совершенно новыя, останавливаясь преимущественно на Самаркандѣ и Катты-Курганѣ, въ которомъ ему удалось прожить цѣлую недѣлю. Относительно Самарканда, особенно интересными представлялись свѣдѣнія, собранныя имъ о тамошнихъ Евреяхъ, природный языкъ которыхъ персидскій. Говоря о Катты-Курганѣ, авторъ сообщилъ любопытныя статистическія данныя о тамошнемъ шелководствѣ и мѣстныхъ цѣнахъ, какъ на туземныя, такъ и на привозныя произведенія. Въ отдѣлѣ свѣдѣній этнографическихъ, встрѣтилось много свѣжаго матерьяла. Особенно же замѣчательны были извѣстія о Сартахъ въ Сыръ-дарьинской области, говорящихъ однимъ изъ тюркскихъ нарѣчій и считающихся за племя отдѣльное отъ Таджиковъ, тогда какъ Сартъ считался до тѣхъ поръ синонимомъ Таджика. О существованіи такихъ Сартовъ говорилось уже и прежде, но важно было имѣть подтвержденіе этого факта отъ такого спеціалиста какъ Радловъ.

При содѣйствіи топографовъ, сопровождавшихъ экспедицію и производившихъ маршрутную съемку, Радловъ успѣлъ составить десятиверстную карту пройденнаго пространства, а пробѣлы между маршрутами выполнилъ, по возможности, разспросными свѣдѣніями. Главное достоинство картографическаго труда Радлова состояло въ возможно-правильной передачѣ мѣстныхъ географическихъ названій и въ показаніи распредѣленіи племенъ, обитающихъ въ восточной части ханства.

Въ 1868 г. Дѣйств. Чл. Общ. А. В. Буняковскій провелъ часть лѣта и осени въ Нарынскомъ краѣ, былъ на озерахъ Сонъ-Кулѣ, Чатыръ-Кулѣ и въ долинѣ Арпы (принадлежащей къ бассейну Сыръ-Дарьи), дошелъ до предѣловъ Кокана, гдѣ подымался на высокую гору Когартъ, о которой ходятъ между Киргизами разные фантастическіе разсказы. Представленный имъ, въ Георг. Общ., списокъ высотамъ, опредѣленнымъ барометрически, заключалъ высоты Шамсійскаго и Ташъ-рабатскаго переваловъ, озеръ Сонъ-Куля и Чатыръ-Куля и крайней границы лѣсной растительности въ Шамсійскомъ ущельи, а полк. Рейнталь, первый изъ русскихъ путешественниковъ, отправленный послѣ Валиханова въ Кашгаръ для переговоровъ съ Якубъ-бекомъ, опредѣлилъ еще высоты Кашгара, нѣсколькихъ пунктовъ по дорогѣ черезъ Шамсійскій перевалъ и моста на Нарынѣ. Въ тоже самое время топографы экспедиціи ген.-м. Краевскаго пополнили пробѣлы съемокъ въ Тянъ-шанѣ отъ Иссыкъ-Куля до Чатыръ-Куля, а

маіоръ Загряжскій произвелъ разслѣдованія въ горной странѣ по р. Сусамыру и ея притоку Джумгалу.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1869 года Радловъ отправился опять въ южную Джунгарскую степь. Цѣль его путешествія была двоякая: во 1-хъ, онъ желалъ посѣтить китайскую границу въ Илійской долинѣ, гдѣ послѣ возстанія татаръ поселились, въ большомъ числѣ, даурскіе военные колонисты—Сибо и Солоны, и гдѣ онъ надѣялся получить точныя свѣдѣнія о ходѣ извѣстнаго Дунганскаго возстанія; во 2-хъ, ему хотѣлось изслѣдовать племена Дикокаменныхъ Киргизовъ въ Чуйской долинѣ и на берегахъ Иссыкъ-Куля.

Въ концѣ мая, отправившись изъ г. Копала, онъ слѣдовалъ по почтовой дорогѣ до Алтынъ-эмэльскаго пикета, а оттуда своротилъ съ дороги по направленію къ ю.-в., перешелъ чрезъ Алтынъ-эмэльскій хребетъ до пикета Тегерекъ (въ 30—40 верстахъ отъ Алтынъ-эмэльскаго пикета), затѣмъ путешественникъ, слѣдуя немного южнѣе того пути, по которому слѣдовалъ въ 1856 году П. П. Семеновъ на пути въ Кульджу, дошелъ до р. Борохуджира, гдѣ на китайской границѣ стоялъ въ то время русскій пограничный отрядъ, верстахъ въ трехъ отъ прежняго китайскаго города Тюргень. Съ запада примыкали къ нашему отряду полукругомъ разбросанные дворы и пашни китайскихъ выходцевъ въ числѣ до 800 душъ, состоявшихъ большею частью изъ даурскихъ военныхъ колонистовъ (Сибо), которые уже прежде были причислены къ солонскимъ военнымъ колоніямъ; Солоновъ же, Китайцевъ, Манжуровъ и Чампанъ было очень немного. Большая часть Солоновъ отправилась къ Чугучаку. Положеніе здѣшнихъ колонистовъ, особенно чиновниковъ, было очень жалкое. Лишившись родины, собственности, семействъ, они поселились здѣсь по близости къ прежнимъ мѣстамъ своего жительства только для того, чтобы не быть слишкомъ отдаленными отъ своихъ несчастныхъ дѣтей, женъ и родственниковъ, отнятыхъ у нихъ татарами и угнетаемыхъ теперь прежними рабами ихъ. Дворы и пашни этихъ колонистовъ ясно показывали, что они поселились здѣсь только временно.

Проживъ на мѣстѣ расположенія Борохуджирскаго отряда болѣе двухъ недѣль, Радловъ занялся лингвистическими изслѣдованіями языка Сибо и Солоновъ. Первые изъ нихъ говорили совершенно тѣмъ же языкомъ, которымъ говорили манджурскіе завоеватели Китая и который сдѣлался теперь въ Китайской имперіи мертвымъ книжнымъ языкомъ. Не менѣе вниманія обращено было Радловымъ на религіозныя и соціальныя отношенія этого народа и на собираніе рукописей, не переведенныхъ съ китайскаго, но прямо писанныхъ Сибо или Шибинцами на родномъ языкѣ ихъ (по манджурски). Кромѣ того онъ собралъ свѣдѣнія о прежнемъ и нынѣшнемъ положеніи Илійской долины и о ходѣ возстанія.

9-го іюня Радловъ отправился съ однимъ изъ отрядныхъ офицеровъ и въ сопровожденіи небольшаго конвоя до 4-го солонскаго города Чеджи (Акъ-кентъ). Всѣ четыре города,—Тюргень, Самалъ, Чичханъ и Чеджи—были совершенно разрушены и всѣ сады ихъ и поля опустошены. Ни одной души не встрѣчалось

въ этихъ прежде богатыхъ мѣстахъ, которыя такъ щедро вознаграждали трудолюбіе жителей. До самаго города Кульджи вся земля находилась въ такомъ же положеніи.

По пикетной дорогѣ Радловъ возвратился опять на Алтынъ-эмэльскую станцію и доѣхалъ оттуда безъ остановки до г. Вѣрнаго.

Изъ города Вѣрнаго онъ отправился чрезъ Кестекское ущелье въ городъ Токмакъ. Въ Чуйской долинѣ, близъ Токмака, Радловъ прожилъ почти мѣсяцъ въ юртахъ Кара-Киргизовъ у племенъ Сара-Багышъ и Солто, и занимался собираніемъ лингвистическихъ матерьяловъ. Богатая эпическая поэзія этого народа доставила ему довольно обильную жатву, не только важную для лингвиста, но и весьма интересную для изслѣдователя миѳовъ и народной поэзіи. У Черныхъ Киргизовъ эпосъ цвѣтетъ въ полномъ смыслѣ слова. Радловъ занимался здѣсь, по порученію Императорской Археологической Коммиссіи, и раскопкою кургановъ, но къ сожалѣнію, безъ успѣха. Не легко было жить въ этихъ болотистыхъ мѣстахъ, наполненныхъ вредными міазмами.

Черные Киргизы гораздо бѣднѣе Киргизовъ Алматинскаго края. Они занимаются земледѣліемъ несравненно болѣе, чѣмъ сѣверные ихъ сосѣди. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ эти дикія племена, наводившія страхъ на купцовъ и всѣхъ проѣзжающихъ, вполнѣ усмирились. Радловъ жилъ между ними безъ казаковъ и безъ всякаго конвоя и проѣхалъ до Иссыкъ-Куля безъ малѣйшей опасности [1]).

Русское укрѣпленіе было построено въ очень неудобной мѣстности. Прежнее кованское укрѣпленіе было расположено довольно благоразумно у подошвы южныхъ горъ, гдѣ здоровый и свѣжій воздухъ, и откуда можно было съ удобствомъ защищать южныя ущелья; наше же укрѣпленіе было построено въ сторонѣ, посреди болота, такъ что половина гарнизона находилась безпрестанно въ госпиталѣ. Изъ Токмака Радловъ одинъ отправился на Иссыкъ-Куль чрезъ Бомское (Буамское) ущелье и остановился на дорогѣ у верховья рѣки Чу для раскопки кургановъ. Онъ ѣхалъ по сѣверному берегу Иссыкъ-Куля, предположивъ остановиться близъ укрѣпленія Караколъ. Превосходная картина озера разстилалась въ продолженіе всего пути передъ глазами путешественника. Огромное озеро лазуреваго цвѣта окаймлено со всѣхъ сторонъ снѣжными горами; обстановка его окрестностей безпрерывно мѣнялась: то зеленые луга, то скалы, то безплодныя терассы, а на другомъ берегу отдаленныя снѣжныя вершины Небеснаго хребта виднѣлись, какъ прозрачные эфирные вѣнки легкихъ облаковъ на голубомъ небосклонѣ.

Отъ рѣки Чу до рѣчки Торъ-Айгыръ сѣверный берегъ озера былъ покрытъ многочисленными пашнями. Отъ Торъ-Айгыра до рѣчки Акъ-Су, тянулась у самаго берега каменистая степь, на которой только близъ ручейковъ проглядывала кое-какая растительность. Начиная отъ рѣчки Акъ-Су появились въ го-

---

[1]) Подобный же фактъ быстраго умиротворенія русскими прежде враждебныхъ имъ племенъ былъ замѣченъ гораздо позднѣе, по отношенію къ Текинцамъ, П. П. Семеновымъ во время его поѣздки въ Самаркандъ въ 1887 году.

Начальникъ экспедиціи, Д. Чл. Н. В. Ханыковъ, занимавшійся собираніемъ и изученіемъ древнихъ надписей памятниковъ, попадавшихся на пути, и этнографическихъ особенностей края, обратилъ особенное вниманіе на изслѣдованія о происхожденіи Хезарэ, племени, обитающаго большую часть деревень, находящихся между Мешхедомъ и Гератомъ и далѣе до Кабула.

Племя это, говорящее чистымъ персидскимъ языкомъ, отличается отъ персовъ монгольскимъ типомъ лица; многіе въ Европѣ считаютъ его особеннымъ народомъ; но изъ разговоровъ Ханыкова съ ихъ старѣйшинами оказалось, что они ничто иное, какъ отдѣленіе Узбековъ, Берласъ, кочевавшее во времена Тимура близъ Кеша или Шехри-Себза. Тысячи семействъ этого племени были отправлены Амиръ-Тимуромъ въ 799 году хеджры въ Хорасанъ, при назначеніи туда правителемъ Шахъ-Руха, отчего и произошло ихъ настоящее имя „Хезаре", означающее на персидскомъ „тысячники". Преданіе это, несомнѣнно вѣрное относительно отдѣла Хезаре, переселеннаго въ Персію, объясняетъ намъ происхожденіе и прочихъ отдѣловъ этого народа, имя коего встрѣчается у восточныхъ историковъ и до времени Шахъ-Руха, когда напр. въ 694 г. хедж. Газанъ-Ханъ назначилъ Музафара начальникомъ племени Хезаре.

Естествоиспытатели экспедиціи: профессоръ Бунге, магистръ Гебель, графъ Э. Кейзерлингъ и студентъ Бинертъ, занимались собираніемъ ботаническихъ, зоологическихъ и геогностическихъ коллекцій, и съ этою цѣлью, не ограничиваясь мѣстностью пройденнаго пути, предпринимали еще частыя экскурсіи въ горы, окаймляющія долину, по которой проходитъ дорога.

Пробывъ почти весь сентябрь въ Гератѣ, члены экспедиціи воспользовались этимъ временемъ для приведенія въ порядокъ [illegible] и коллекцій, а также и для изслѣдованія окрестностей Герата. [illegible] горы и рѣка Герирудъ, [illegible], представляютъ [illegible] въ то же время богатство [illegible] въ [illegible] сталь важной въ исторіи [illegible] въ глазахъ [illegible].

[illegible] въ Тегеранъ [illegible] въ [illegible] въ [illegible] въ [illegible] Рудъ [illegible] въ [illegible] 22 [illegible] въ [illegible] въ [illegible] въ [illegible].

[illegible] въ [illegible] 23

Кромѣ двухъ координатъ (долготы и широты) Мирошниченко опредѣлялъ и третью, т. е. высоты надъ ур. м. всѣхъ означенныхъ пунктовъ.

Топографическія съемки на китайской границѣ производились къ сѣверу и югу отъ урочища Укэка. На сѣверномъ отдѣлѣ границы работы велись двумя партіями, изъ коихъ одна открыла работы у истоковъ рѣки Бѣлой Алахи по направленію къ озеру Джувлу-Куль. При этомъ были сняты долины рѣкъ Ойгыра и Аккола, принадлежащихъ къ рѣчной системѣ Кобдо. По причинѣ наступившихъ въ сентябрѣ сильныхъ холодовъ въ этой возвышенной пустынной мѣстности, съемка топографовъ Ѳедорова и Петрова была закончена у рѣкъ Чоганъ-Колъ и Боро-Бургазынъ. Сѣверная партія, въ вѣдѣніи топогр. Тарасова, открыла работы близь озера Джувлу-Куль. Далѣе съемка производилась въ китайскихъ предѣлахъ по направленію рѣки Аллаша и ея притоковъ.

Работы третьей партіи были сосредоточены главнымъ образомъ въ южномъ Алтаѣ. При этомъ была снята на планъ страна верховьевъ Кабы, одного изъ главныхъ притоковъ Чернаго Иртыша. Далѣе производилась съемка по горамъ Тау-Текели и черезъ горы Сары-Тау и Джиль-Тау. Отсюда съемочныя работы были перенесены въ долины лѣваго берега Чернаго Иртыша и продолжались отъ горъ Акъ-Тюбе по направленію вновь поставленной границы до Ледянаго хребта. Сверхъ того производилась таже съемка по южную сторону этого хребта въ горныхъ проходахъ Чоганъ-Обо, Тайндарыкъ и Керегень-Тасъ.

Послѣ постановки пограничныхъ знаковъ въ горныхъ проходахъ южнаго Алтая, И. Ѳ. Бабковъ двинулся, вмѣстѣ съ китайскими коммиссарами, къ верховьямъ р. Курчума. Послѣ перехода за Курчумскія горы чрезъ Текелійскій проходъ, были поставлены пограничные знаки: Верхне-Курчумскій у водораздѣла рр. Курчума и Текели, и Теректинскій — на гребнѣ Курчумскаго хребта по направленію водораздѣла, отдѣляющаго бассейнъ альпійскаго озера Марка-Куль отъ системы лѣвыхъ притоковъ Курчума. Далѣе, обойдя недоступное ущелье, чрезъ которое Курчумъ пробиваетъ себѣ путь, разграничительная Коммиссія переправилась чрезъ эту рѣку близъ притока ея Коломбай. Здѣсь генералъ Бабковъ поднялся по Коломбайскому проходу на высоты, съ которыхъ открывается видъ на живописное озеро Марка-Куль. На одной изъ этихъ высотъ, у истоковъ р. Коломбай былъ поставленъ пограничный знакъ Коломбайскій, а затѣмъ на одной изъ куполообразныхъ вершинъ горъ Саръ-Тау, вблизи истоковъ ключа Топай-Булакъ воздвигнутъ Сартаускій знакъ. 19-го іюля генералъ Бабковъ, пройдя самую возвышенную точку горъ Саръ-Тау, на высотѣ 9.000 ф. надъ поверхностью моря и слѣдуя по хребту Джиль-Тау, достигъ горы Салкынъ-Чеку. Здѣсь государственная граница сдѣлала поворотъ на югъ и прошла по чертѣ водораздѣла, отдѣляющаго верховья рѣкъ Калгуты и Такыра. Первая изъ этихъ рѣкъ течетъ въ направленіи къ Бѣлому Иртышу, но не достигаетъ его; вторая есть притокъ Чернаго Иртыша. Пограничный знакъ поставленъ былъ на одномъ изъ пиковъ горы Салкынъ-Чеку. Слѣ-

дующій затѣмъ знакъ Терсъ-айрыкскій, поставленъ на водораздѣлѣ, отдѣляющемъ правые притоки р. Такыръ отъ ключей, изъ которыхъ образуются истоки р. Терсъ-айрыкъ.

Скаты южнаго Алтая, спускаясь къ озеру Зайсану и Черному Иртышу образуютъ терасовидныя пониженія. Послѣдній изъ этихъ уступовъ обозначается грядою Букомбайскихъ высотъ, у подошвы которыхъ, вблизи пролегающей въ этомъ мѣстѣ дороги къ озеру Зайсану, находится ключъ Аулiэ-Булакъ (Священный источникъ). Этотъ единственный источникъ хорошей прѣсной воды во всей окрестной мѣстности до самаго Зайсана остался въ русскихъ предѣлахъ. Знакъ Аулiэ-булакскій былъ поставленъ восточнѣе ущелья, по которому спускается дорога съ Букомбайскихъ высотъ на Зайсанскую равнину. На пространствѣ отъ Букомбайскихъ горъ до озера Зайсана, поставлены два пограничныхъ знака Кiинъ-Керчъ и Чакэльмэсъ на горахъ тѣхъ же названій. Гора Чакэльмэсъ возвышается въ срединѣ полукруглой бухты, образуемой мысами Бархотъ (Джеланащъ-Тюбекъ) и Бакланьимъ (Акъ-Джаль). Отсюда сѣверо-восточный берегъ Зайсана и Черный Иртышъ до пограничнаго знака Акъ-Тюбе образуютъ естественную границу. Знакъ Акъ-Тюбе (по китайски Маниту-Гатулханъ) на горѣ того же имени, былъ на лѣвомъ берегу Чернаго Иртыша, противъ устья р. Колджира, вытекающаго изъ Марка-Куля, и былъ послѣднимъ, поставленнымъ на границѣ русскихъ владѣній съ областью Кобдо.

Къ югу отъ Чернаго Иртыша первый пограничный знакъ, Каратальскій, поставленъ былъ у истоковъ р. Каратала, а второй Сары-булакскій у выхода на долину рѣки Сары-Булака. Третій пограничный знакъ Сары-Тологой, поставленъ близь горы того же имени по чертѣ водораздѣла, отдѣляющаго лѣвые притоки малой Уласты, отъ правыхъ притоковъ Кендерлика. Такимъ образомъ, вся система рѣки Сары-Булакъ попала въ русскія предѣлы.

Къ югу отъ Ледяныхъ горъ и ихъ западной оконечности хребта Сауръ-Тау, государственная граница была проведена по чертѣ горнаго разлома въ хребтахъ: Сары-Тумсукъ, Кочжуръ и Тарбагатай, образующихъ на юго-востокѣ Зайсанскаго края естественный рубежъ между нашими и китайскими владѣніями. А потому, на всемъ этомъ пространствѣ пограничные знаки поставлены только въ главнѣйшихъ горныхъ проходахъ, ведущихъ съ Зайсанскаго плоскогорія и котловины Чиликты въ долину Эмиля и къ верховьямъ рѣкъ Кобокъ. Первый знакъ былъ поставленъ на ближайшемъ къ Ледянымъ горамъ и хребту Сауръ-Тау горномъ проходѣ Чаганъ-Обо.

Отъ перевала Чаганъ-Обо, государственная граница была проведена на юго-западъ по гребню хребта Сары-Тумсукъ къ горному проходу Керегенъ-Тасъ. Проходъ Керегенъ-Тасъ пролегаетъ по ущелью р. Тайндарыка между горами Сары-Тумсукъ и Кочжуръ. Пограничный знакъ Керегенъ-Тасъ былъ поставленъ въ этомъ проходѣ, на чертѣ горнаго разлома, отдѣляющаго верховья Тайндарыка отъ бассейна р. Кобокъ. Оба означенные горные прохода удобны только для слѣдованія на вьюкахъ.

Отъ перевала Керегенъ-Тасъ, государственная граница была проведена по гребню горъ Кочжуръ и между истоками рѣкъ: Бай-Мурза и Адербай, спустились на долину, замкнутую съ востока хребтомъ Кочжуръ, а съ запада—горами Улькунъ-Джильды-Тау, составляющими восточную оконечность Тарбагатая. На этой долинѣ, по чертѣ водораздѣла, отдѣляющаго рѣки Бай-Мурза и Котонъ-Айзи, принадлежащія къ системѣ верховьевъ Эмиля, отъ рѣки Адербай, называемой въ нижней части своего теченія Чаганъ-Обо (по имени бывшаго здѣсь китайскаго пикета) и принадлежащей бассейну оазиса Кызылъ-Чиликты, поставленъ былъ пограничный знакъ Бай-Мурза.

Отъ горъ Улькунъ-Джильды-Тау, Тарбагатайскій хребетъ начинаетъ замѣтно понижаться и сохраняетъ этотъ характеръ на протяженіи приблизительно около 20 верстъ до горъ Наулимбетъ и Достаръ. Эта часть Тарбагатайскаго хребта образуетъ рѣзко очерченную и мѣстами глубоко врѣзанную сѣдловину, извѣстную подъ именемъ горъ Кузеунъ. Въ горахъ Кузеунъ находится нѣсколько горныхъ проходовъ, изъ коихъ болѣе другихъ извѣстны Кузеунъ-Асу и Бокай-Асу. Въ этихъ горныхъ проходахъ поставлены пограничные знаки тѣхъ же названій по чертѣ водораздѣла, отдѣляющаго рѣки, текущія въ сазъ (болото) Кызылъ-Чиликты, отъ системы правыхъ притоковъ Эмиля. Оба названные горные прохода были въ то время доступны исключительно для вьюковъ, въ особенности при перевалѣ въ долину Эмиля, гдѣ встрѣчаются весьма крутые спуски.

Слѣдующій отъ Бокай-Асу пограничный знакъ былъ поставленъ въ горномъ проходѣ Хабаръ-Асу. Хабаръ-асуйскій пограничный знакъ поставленъ въ альпахъ Тарбагатая, противъ горы Сары-Чеку, восточнѣе дороги, пролегающей въ этомъ горномъ проходѣ и по чертѣ горнаго разлома, отдѣляющаго верховья Тамырсыка отъ истоковъ р. Уласты.

Начальникъ Математическаго Отдѣла Туркестанской экспедиціи К. В. Струве, уже не принимавшій участія въ разграничительной экспедиціи въ бассейнѣ Зайсана, представилъ въ 1868 г. въ Общество карту изслѣдованныхъ имъ частей Туркестана въ 10 вер. масштабѣ, и въ 1869 г. ѣздилъ въ Самаркандъ и попутно опредѣлилъ и положеніе Катты-Кургана и Джизака и такимъ образомъ получилъ базу для дальнѣйшихъ опредѣленій въ Зеравшанскомъ краѣ. Въ 1870 г. К. В. Струве былъ посылаемъ въ Коканское ханство, гдѣ также опредѣлилъ 7 астрономическихъ пунктовъ.

Астрономическіе дневники, присланные К. В. Струве въ Общество, были переданы, согласно желанію его, дѣйств. чл. В. К. Деллену, который сообщилъ Обществу по поводу этихъ работъ К. В. Струве, слѣдующій отчетъ:

„Въ теченіе четырехнедѣльной поѣздки своей по Коканскому ханству К. В. Струве успѣлъ опредѣлить вполнѣ удовлетворительно шесть пунктовъ. Въ Маргеланѣ наблюдено одно покрытіе звѣзды луною, и такое же наблюденіе удалось и въ Бухарѣ, во время поѣздки туда въ іюнѣ 1871. Эти два покрытія, вмѣстѣ съ двумя наблюденными въ 1870 г. въ Ташкентѣ

и Вѣрномъ, послужатъ къ весьма надежному опредѣленію абсолютной долготы всей страны. Для наблюденія покрытій звѣздъ К. В. Струве употреблялъ мюнхенскій телескопъ съ отверстіемъ въ 27 линій; для опредѣленія времени и широтъ наблюдатель имѣлъ Писторовъ кругъ большаго размѣра. Звѣзды наблюдались въ рѣдкихъ случаяхъ; по большей части только солнце. Опредѣленія времени для долготъ основаны постоянно на соотвѣтствующихъ высотахъ. Переносъ времени совершался помощью четырехъ карманныхъ хронометровъ, которые показывали весьма правильный ходъ во время экспедиціи въ Коканѣ".

„Вычисленіе опредѣленій было сдѣлано самимъ наблюдателемъ, и результаты, хотя названы предварительными, но на столько хороши, что потребуютъ только весьма несущественныхъ измѣненій".

Въ 1870 г. ген.-губ. К. П. ф. Кауфманъ снарядилъ къ верховьямъ Зеравшана свою замѣчательную экспедицію, имѣвшую столько же военный, сколько и научный характеръ и принесшую обширную пользу географической наукѣ. Во главѣ военной экспедиціи стоялъ храбрый ген.-м. Абрамовъ, съемкою завѣдывалъ бар. Аминовъ, а научныя работы производились А. П. Федченко и его супругою О. А. Федченко, горными инженерами Д. Ивановымъ и Мышенковымъ и оріенталистомъ А. Куномъ. Экспедиція на этотъ разъ доходила до озера Искендеръ-Куля и Зеравшанскихъ ледниковъ. Изъ упомянутыхъ лицъ А. П. Федченко велъ съ Георг. Обществомъ корреспонденціи, а Д. К. Мышенковъ сообщилъ Обществу отчетъ о своихъ геологическихъ наблюденіяхъ.

Особенную важность для географической науки имѣли работы въ Тяньшанѣ Д. Чл. Общ. полковн. барона А. В. Каульбарса въ 1869 и 1870 г. Въ 1869 г. бар. Каульбарсъ произвелъ рекогносцировку и полуинструментальную съемку въ верховьяхъ Нарына и на границѣ Алтышара и Кокана, обнявшую пространство отъ с.-в. предѣловъ Коканскаго ханства на в., вдоль предполагавшейся въ то время нашей границы съ Кашгаромъ до меридіана, проходящаго верстъ на 50 восточнѣе восточной оконечности Иссыкъ-Куля. Каульбарсъ изслѣдовалъ водораздѣлъ Нарына и Учь-Турпана, дошелъ и до верховьевъ Нарына, вытекающаго подъ именемъ Ханъ-Таша изъ большаго ледника Сенъ-шіиряксkаго хребта приблизительно на одномъ меридіанѣ съ восточною оконечностью Иссыкъ-Куля. За тѣмъ бар. Каульбарсъ осмотрѣлъ громадные снѣговые хребты Сары-Яссы (несомнѣнно Сары-Джазъ по которой восходилъ уже до высоты приблизительно 14 тыс. въ 1857 г. П. П. Семеновъ) и Кокъ-Шаалъ [1]).

Кончивъ рекогносцировку горнаго узла, въ которомъ Нарынъ беретъ начало изъ громадныхъ ледниковъ, баронъ А. В. Каульбарсъ направился къ западу и обратилъ особенное вниманіе на ту часть гористой страны средняго Тянь-шаня, куда не проникъ рекогносцировочный отрядъ полков-

[1]) Можетъ быть Кокъ-Джаръ, черезъ который въ 1857 перешелъ П. П. Семеновъ.

ника Полторацкаго, въ 1867-мъ году, бывшій на р. Арпѣ, вливающейся въ Алабугу.

2-го сентября 1869 года отрядъ выступилъ изъ Нарынскаго укрѣпленія на западъ, съ цѣлью пополнить сдѣланныя въ этой мѣстности съемки и изслѣдовать наши западныя границы съ Коканскимъ ханствомъ. Экспедиція двинулась по двумъ направленіямъ: одна партія была направлена на Сонъ-Куль и Кочкаръ къ верховьямъ Сусамыра, для пополненія пробѣловъ въ съемкахъ; самъ же баронъ Каульбарсъ съ другою партіею направился внизъ по лѣвому берегу Нарына. Пройдя урочище Куртка, баронъ Каульбарсъ пошелъ къ устью р. Алабуги, но не доходя его повернулъ налѣво и спустился на Алабугу выше ея устья въ Нарынъ. Экспедиція стояла на берегу той рѣки, которая, по предшествующимъ съемкамъ, направлялась въ долину Фергана, подъ названіемъ Гулишана. На лѣвомъ берегу рѣки возвышались горы Акъ-Шійрякъ съ неистощимыми богатствами каменной соли и гипса. Соль, растворяемая подземными водами, покрывала бѣлымъ налетомъ, а мѣстами и толстою корою, всѣ родники и рѣчки, вливающіяся въ Алабугу. Къ югу виднѣлись снѣжныя вершины Джаманъ-Дабана, отъ подошвы котораго тянется рядъ долинъ, поросшихъ кустами и деревьями. Алабуга полноводная, стремительная рѣка, черезъ которую экспедиція переправилась съ трудомъ. Дойдя до устья лѣваго притока р. Алабуги, р. Мана-Кыльды, пошли вверхъ по теченію этой послѣдней и черезъ перевалъ того же имени спустились въ долину и ущелье р. Бычана (рѣка эта течетъ съ запада и, соединяясь съ р. Арпою, образуетъ Алабугу). Оставивъ караванъ, произвели рекогносцировку въ долинѣ перевала Джасы, ведущаго въ Андиджанъ. Съ высоты его видны были параллельные отроги хребта Джасы-Тау, которые въ направленіи отъ востока къ западу тянутся въ долину Фергана. Подъемъ на перевалъ Джасы былъ довольно затруднителенъ. Перейдя второй перевалъ Турукъ-Бель, спустились въ поросшую густыми травами долину р. Кылъ-Дуи, и были пріятно поражены красивыми березовыми рощами, растущими вдоль русла рѣки; особенно живописны были они среди скалъ узкаго ущелья при устьѣ рѣчки Когартъ. Близь этого устья Каульбарсъ оставилъ р. Кылъ-Дую и направился на ю.-з. Съ возвышенностей, по которымъ шли, открывалась превосходная панорама на обширную, изрѣзанную глубокими оврагами площадь Тогусъ-Торау. Здѣсь осмотрѣли перевалъ Урюмъ-Башъ. Перейдя самый полноводный притокъ р. Кылъ-Дуи, Кокъ-Иримъ, берега котораго покрыты густымъ тальникомъ и березнякомъ, начали подниматься на отрогъ горъ Джасы, къ перевалу Казыкъ-Бель, котораго достигли послѣ труднаго подъема. Съ вершины его открывается превосходнѣйшая картина на дикое и величественное ущелье Нарына, между урочищами Тогусъ-Торау и Кетменъ-Тюбе: глубокіе крутые овраги, ограничиваемые скалами и въ нижнихъ частяхъ покрытые еловымъ лѣсомъ, спускаются къ руслу рѣки, стѣсненному съ противуположной стороны красноватыми, глинисто-песчаными скалами сѣверныхъ хребтовъ. Отсюда направились на урочище Кетменъ-

Тюбе и шли горною дорогою, почти на самомъ гребнѣ хребта, и только подходя къ долинѣ начали постепенно спускаться. Перейдя послѣдній отрогъ, отдѣлявшій путешественниковъ отъ долины Кетменъ-Тюбе, Каульбарсъ остановился на небольшомъ перевалѣ. Передъ путешественниками разстилалась обширная долина, на которой всюду виднѣлись аулы киргизскаго рода Саякъ. Какъ только спустились къ первому аулу, то мужчины всѣ разбѣжались, а женщины спрятались. Каульбарсъ отправился съ переводчикомъ въ аулъ и черезъ 1/4 часа сидѣлъ уже въ кругу киргизокъ, распрашивалъ о ихъ нуждахъ, приласкалъ дѣтей; мужчины вернулись и все успокоилось. Путешественники оставались здѣсь нѣсколько дней и имъ удалось между прочимъ присутствовать при киргизскихъ поминкахъ. Оставивъ караванъ въ долинѣ, Каульбарсъ отправился для рекогносцировки дороги, ведущей къ перевалу Даванъ изъ долины Кара-Су въ Андиджанъ. Растительность въ долинахъ Кара-Су и его притока Каракола особенно роскошна. Путешественникъ не успѣлъ достигнуть до самой вершины перевала Даванъ, но могъ убѣдиться, что колесная ѣзда здѣсь немыслима.

Урочище Кетменъ-Тюбе было сплошь покрыто пашнями и заселено киргизами (Саяки). Сѣверная долина урочища сливалась съ долиною Узунъ-Ахмата, по которой экспедиція и направились, какъ по кратчайшему, такъ и лучшему пути въ Ауліэ-Ата. Пройдя по лѣсистому ущелью, экспедиція поднялась на трудный перевалъ Терекъ-Бель и спустилась въ живописное скалистое ущелье р. Бишъ-Таша и, направляясь внизъ по руслу этой рѣки, вышла на широкую долину Таласа. Отсюда она повернула на востокъ, прошла до верховьевъ Таласа и, переваливъ черезъ Уть-Мекъ, спустились къ заросшимъ кустарникамъ и густою травою верховьямъ р. Сусамыра. Ниже пункта соединенія рѣчекъ, составляющихъ его верховья, рѣка вступаетъ въ скалистое ущелье. Часть этого ущелья Каульбарсъ видѣлъ, когда направлялся на перевалъ Ой-Каинъ, составляющій одинъ изъ водораздѣловъ между рѣками Сусамыромъ и Джумгаломъ.

Всѣ упомянутыя горы, за исключеніемъ Джаманъ-Дабана и восточныхъ частей Джасы-Тау, не достигаютъ линіи вѣчнаго снѣга. На обширной долинѣ р. Джумгала Каульбарсъ встрѣтился со съемочною партіею, откомандированною изъ Нарынскаго укрѣпленія для съемки пробѣловъ въ этой мѣстности. Снѣгъ выпадалъ ежедневно, топографическія работы затруднялись имъ а также частыми туманами и холодами; къ тому же кончился провіантъ; Каульбарсъ рѣшился прекратить рекогносцировку и 18-го октября выступили по направленію на Караколъ, на южномъ берегу Иссыкъ-Куля, куда прибылъ приблизительно черезъ недѣлю.

Наконецъ въ 1870 г. Каульбарсу удалось взобраться на вершину знаменитаго Муссартскаго горнаго прохода.

Выѣхавъ изъ Вѣрнаго 22-го сентября, онъ направился въ Тянъ-шаньскій отрядъ, выдвинутый въ августѣ къ Муссартскому ущелью у выхода его на долину р. Текеса. Весь сѣверный склонъ Тянь-шаня былъ покрытъ

здѣсь сплошными еловыми лѣсами. Самое ущелье Муссарта съ сѣверной стороны было вообще удобно для движенія, за исключеніемъ одного карниза, съуживающагося въ двухъ мѣстахъ до того, что пройти по нему было довольно опасно. Иногда карнизъ даже совершенно пропадалъ, такъ что сообщеніе было возможно только вслѣдствіе устройства небольшихъ деревянныхъ мостиковъ. Послѣ этихъ карнизовъ или *бомовъ* слѣдуетъ нѣсколько неудобныхъ каменистыхъ мѣстъ, а потомъ дорога идетъ по весьма широкому и отлогому ущелью, до подошвы перваго ледника, изъ котораго вытекаетъ р. Муссартъ. Ледникъ этотъ значительныхъ размѣровъ и конечная морена его имѣетъ до 150 футовъ высоты, а нижній конецъ его опускается значительно ниже линіи еловаго лѣса. Сопровождавшій Каульбарса вожакъ (здѣшній старожилъ) называлъ этотъ ледникъ Муссартскимъ, а притокъ р. Муссарта съ западной стороны,—рѣкою Ялынгъ-Хацыръ. Отсюда дурная дорога поднималась еще версты 4, причемъ еловый лѣсъ, хотя и не очень крупный, покрывалъ мѣстами сѣверный склонъ ущелья. На этомъ пространствѣ встрѣтилось нѣсколько боковыхъ ущелій съ небольшими ледниками, на одномъ изъ которыхъ путешественникъ видѣлъ рядъ ледяныхъ столбовъ, но безъ камней на нихъ, которые вѣроятно уже обрушились.

Пройдя версты 4 отъ перваго ледника, Каульбарсъ дошелъ до подошвы второго, по ущелью котораго дорога поднималась на перевалъ: нижній конецъ ледника представлялъ картину полнаго разрушенія; онъ былъ прорванъ широкими и глубокими трещинами, поглотившими часть боковыхъ моренъ, тропа въ этомъ мѣстѣ круто поднималась по осыпямъ этихъ моренъ, вдоль подошвы ледника. На разстояніи еще съ $^1/_4$ версты, открылось вдругъ величественное и интересное зрѣлище. Ущелье здѣсь заслонялось большими скалами, а къ востоку отъ него были видны снѣговыя поля, изъ которыхъ ледникъ беретъ начало и, опускаясь внизъ, немедленно стискивается двумя отвѣсными скалами, дающими ему для прохода только узкія ворота. За этимъ узкимъ мѣстомъ, уголъ паденія ледника значительно увеличился (около 40°). Съ распространеніемъ ледника въ ширину, поверхность его разрывалась и пересѣкалась огромными трещинами. Вездѣ въ хаотическомъ безпорядкѣ возвышались цѣлыя ледяныя скалы; по временамъ раздавался громовой гулъ отъ вновь образующихся трещинъ. Подъемъ по леднику въ этомъ мѣстѣ былъ въ высшей степени затруднителенъ, между тѣмъ перевалъ находился еще впереди. Одинъ за другимъ люди начали отставать, что побудило Каульбарса дать имъ приказаніе остаться и ждать его у подошвы ледника; самъ-же Каульбарсъ, въ сопровожденіи одного казака и вожака, двинулся дальше. Путешественники ползли съ одной осыпи на другую по тропинкѣ, а потомъ наудачу, такъ какъ тропинку совершенно занесло снѣгомъ. Каульбарсъ уже отчаявался достигнуть перевала, какъ вдругъ, поднявшись на вершину одной осыпи, онъ увидѣлъ новый громадный ледникъ, имѣвшій склонъ къ югу. Ледникъ этотъ выполняетъ все ущелье южнаго Муссарта; къ нему опускаются нѣсколько второстепенныхъ ледниковъ, берущихъ свое на-

которыя встрѣчаются въ Киргизскихъ степяхъ. Пространство же отъ этихъ горъ до Исфагана представляло опять безплодную пустыню. Надо предполагать, что почва сей послѣдней, сильно пропитанная солью, богата солеными растеніями, но по причинѣ ранняго времени года, эта флора еще была мало развита. Не смотря однако на раннее время года и на ночные спѣшные переѣзды, ботаникамъ экспедиціи удалось и на этомъ пути собрать много замѣчательныхъ растеній.

Достигнувъ лагеря Императорской Миссіи въ Зергенде, близъ Тегерана, передовой отрядъ экспедиціи остановился здѣсь на нѣсколько дней. Это время Бинертъ посвятилъ на ботаническія экскурсіи въ окрестностяхъ; собранныя имъ растенія однако уже большею частію были извѣстны изъ коллекцій ботаника Котчи.

Какъ было выше сказано, начальникъ экспедиціи съ остальными членами оной, выѣхавъ изъ Кирмана 23 апрѣля, чрезъ деревни Багынъ, Кябутарханъ, Бахрамгабадъ, Хушкъ, Анаръ, разваленный караванъ-сарай Кирманъ-Шаханъ и деревню Сяри-Іездъ, 1 мая прибылъ въ Іездъ и остался тамъ до 9-го, какъ для изученія памятниковъ и особенностей этого мало извѣстнаго и въ высшей степени промышленнаго города, такъ и для снятія подробнаго плана онаго. Р. Э. Ленцъ въ это время произвелъ рядъ астрономическихъ, метеорологическихъ и магнитныхъ наблюденій, чрезъ что съ точностью опредѣлилась весьма шаткая дотолѣ на картахъ широта и долгота этого города, его магнитныя координаты и напряженіе въ немъ силы земнаго магнитизма. Гебель же знакомился съ техническими пріемами Іездскихъ фабрикантовъ. 9-го экспедиція переѣхала въ большое селеніе Тафтъ, занятое на половину Гебрами и Мусульманами. Тамъ 10-го, Гебель посѣтилъ знаменитую въ Персіи Тафтскую пещеру, гдѣ онъ собралъ богатую коллекцію минераловъ и открылъ обильную бирюзовую руду, которую мѣстные жители принимали за Lapis lazuli; оттуда чрезъ деревню Меймунъ, Мейбудъ, Акгда, Гекъ-Гумбязъ, Лагирекъ, Купа, Сякзи и Хуросканъ, экспедиція 19-го прибыла въ Исфаганъ и была не только радушно принята правителемъ, но помѣщена въ лучшемъ изъ Исфаганскихъ дворцовъ — Иморяти-Садріе. Здѣсь съемки экспедиціи связались съ обширными топографическими работами, произведенными въ 1851 и 52 годахъ, подъ руководствомъ ген.-м. Чирикова, въ западной Персіи, такъ что послѣ того Россія сдѣлалась обладательницею самаго богатаго собранія топографическихъ свѣдѣній объ этой странѣ. Въ Исфаганѣ экспедиція осталась 7 дней, срокъ, едва достаточный для поверхностнаго обзора многочисленныхъ памятниковъ Сефевидской династіи, украсившей столицу свою великолѣпными дворцами, мостами, водопроводами, училищами, обширными садами, мечетями, караванъ-сараями и базарами. По отзыву Ханыкова, нигдѣ въ цѣлой Персіи, въ такое короткое время не приносили къ нему столько интересныхъ восточныхъ манускриптовъ. Гебель, передъ самымъ городомъ, на переходѣ между деревнями Сякзи и Гульнабадомъ открылъ огромное мѣсторожденіе глауберовой соли, покрывающей

ГЛАВА XIX.

Хорасанская экспедиція Общества и изслѣдованія его членовъ въ Каспійскомъ бассейнѣ и Арало-Каспійской низменности.

Самымъ крупнымъ, въ разсматриваемомъ періодѣ изъ предпріятій Общества, направленныхъ на изслѣдованіе сопредѣльныхъ съ Россіею азіатскихъ странъ, была Хорасанская экспедиція.

Обстоятельства, способствовавшія снаряженію этой экспедиціи были слѣдующія. Начало разсматриваемаго періода было для Россіи эпохою ея возрожденія послѣ Крымской кампаніи. Русское общество стремилось къ оживленію нашихъ торговыхъ сношеній съ Переднею Азіею и очень заботилось о распространеніи съ этой стороны сферы нашего вліянія. Въ то самое время, какъ наше вліяніе такъ успѣшно проникало на с.-з. окраину нагорной Азіи—въ Джунгарію и Сѣверный Туркестанъ весьма естественно было заботиться о распространеніи нашихъ географическихъ свѣдѣній, а также объ оживленіи нашихъ торговыхъ сношеній и со стороны Каспійскаго бассейна. Къ этой цѣли были направлены: дипломатическая миссія Н. П. Игнатьева въ Хиву и Бухару, гидрографическое изслѣдованіе всего Каспійскаго бассейна, рекогносцировки Дандевилемъ всего восточнаго, тураменскаго побережья Каспійскаго моря, учрежденіе Закаспійскаго Торговаго Товарищества, составленіе плана научно-торговой Аму-Дарьинской экспедиціи [1]).

Августѣйшій Предсѣдатель Общества принималъ самое живое участіе во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ, когда въ 1857 г. Д. Чл. Общества Н. В. Ханыковъ представилъ Ему свою весьма обстоятельно и съ большимъ знаніемъ дѣла составленную записку о пользѣ снаряженія ученой экспедиціи въ с.-в. Персію и планъ этой экспедиціи. Записка эта была передана Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ на обсужденіе Совѣта Общества.

Совѣтъ, одобривъ весь планъ экспедиціи, нашелъ только, что собствен-

[1]) Составителями этого плана были Д. Чл. Общ. оріенталистъ Демезонъ, Жиль и бар. Жомини.

женіе коихъ опредѣлено астрономически, такъ и на непрерывной сѣти треугольниковъ, начавшейся у Астрабада и доведенной топографомъ Жариновымъ до нашей границы съ Персіею на Араксѣ. Сверхъ того экспедиція произвела большое количество тригонометрическихъ и барометрическихъ измѣреній, съ точностью опредѣляющихъ профиль сказаннаго пространства, на коемъ болѣе чѣмъ въ 30 пунктахъ опредѣлены магнитныя координаты и напряженіе силы земнаго магнетизма и вмѣстѣ съ тѣмъ произведены точныя наблюденія, позволяющія нѣсколько вѣрнѣе охарактеризовать климатъ этой части Азіи; сверхъ того собрано до 2.000 видовъ растеній, богатыя коллекціи животныхъ и 43 ящика образцовъ водъ, солей и горныхъ породъ пройденной мѣстности. Независимо отъ этаго изслѣдованія, край подвергся подробному археологическому обзору, несомнѣнно пролившему новый свѣтъ на его исторію, и были собраны свѣдѣнія, позволявшія пополнить то, что до того было извѣстно о его этнографическихъ элементахъ.

Такимъ образомъ нѣтъ сомнѣнія что Хорасанская экспедиція, по своему счастливому составу, объему и разнообразію своихъ изслѣдованій и обилію собранныхъ научныхъ матерьяловъ была однимъ изъ успѣшныхъ и даже блистательныхъ предпріятій Географическаго Общества. Къ сожалѣнію Совѣту Общества, за совершеннымъ недостаткомъ денежныхъ средствъ, не удалось ни осуществить полную систематическую разработку собранныхъ экспедиціею драгоцѣнныхъ матерьяловъ, ни сосредоточить обнародованіе результатовъ экспедиціи въ одномъ изданномъ Обществомъ сочиненіи.

Отсюда и произошло то, что Н. В. Ханыковъ, получившій, по окончаніи своей экспедиціи, мѣсто русскаго агента М-ва Народн. Просвѣщенія въ Парижѣ, по обработкѣ чисто географическихъ и отчасти этнографическо-историческихъ результатовъ экспедиціи, обнародовалъ ихъ въ Парижѣ на французскомъ языкѣ, на счетъ Парижскаго Географическаго Общества [1]). Только впослѣдствіи Н. В. Ханыковъ пользовался еще матерьялами Хорасанской экспедиціи для дополненій къ I тому Риттерова Ирана. Остальные Члены Экспедиціи обнародовали результаты постепенно и медленно обработываемыхъ ими матерьаловъ, въ различныхъ спеціальныхъ изданіяхъ [2]).

Ревизіонныя Коммиссіи не разъ выражали свои сожалѣнія по этому предмету, но Совѣтъ Общества, разъ выпустивъ все дѣло изъ своихъ рукъ, по неимѣнію и неприисканію своевременно средствъ на разработку и изда-

---

[1]) Труды Ханыкова появились въ Mémoires de la Société de Géographie de Paris, подъ заглавіемъ: 1) Mémoire sur la partie meridionale de l'Asie Centrale par N. de Khanikoff 1861 (съ картою и 2 планами), и 2) Mémoire sur l'ethnographie de la Perse par N. de Khanikoff Paris 1866 (съ 3 таблицами типовъ). Первое изъ этихъ сочиненій вошло въ составъ VII тома Mémoires de la Soc. de Géogr. de Paris.

[2]) Такъ Р. Э. Ленцъ напечаталъ: «Изсл. въ Восточн. Персіи и Хератскомъ владѣніи» въ Прилож. къ VIII т. Запис. Имп. Акад. Наукъ № 4, 1868, съ картою. А. Гебель представилъ также Академіи нѣсколько отдѣльныхъ мемуаровъ, преимущественно химическаго содержанія. А. Бунге пользовался собранными имъ въ экспедиціи матерьялами при монографической разработкѣ отдѣльныхъ родовъ растеній.

диціи, Общество было облегчено не только содѣйствіемъ Правительства [1]), но и патріотическимъ пожертвованіемъ со стороны вновь учрежденнаго Каспійскаго Торговаго Товарищества, давшаго на экспедицію 3.000 руб. При такомъ пожертвованіи и обширномъ содѣйствіи Правительства, Общество на первый разъ не вышло, не смотря на обширность предпріятія, изъ границъ предположеннаго Совѣтомъ расхода изъ собственныхъ суммъ Общества двухъ тысячъ рублей. Совѣтъ встрѣтилъ единодушное и горячее содѣйствіе въ настоящемъ дѣлѣ, со стороны всѣхъ вѣдомствъ и лицъ, съ коими онъ долженъ былъ войти въ сношеніе; такъ, откомандированію членовъ экспедиціи и безденежному снабженію ея необходимыми инструментами, особенно содѣйствовали: Министерства — Народнаго Просвѣщенія, Финансовъ, Иностранныхъ и Внутреннихъ Дѣлъ, Межевой Корпусъ, Генеральный Штабъ, Гидрографическій Департаментъ, Императорская Академія Наукъ, Императорская Николаевская Обсерваторія, Главная Физическая Обсерваторія и др.

Согласно намѣченному плану дѣйствій, экспедиція приступила къ своимъ занятіямъ въ началѣ 1858 г. Къ 15 марта всѣ члены ея собрались въ Баку, откуда совершили переѣздъ черезъ Каспійское море и 23-го числа бросили якорь на Ашурадинскомъ рейдѣ.

Въ ожиданіи извѣщенія отъ персидскаго правительства о распоряженіяхъ къ пріему экспедиціи въ Астрабадской и Мазандеранской провинціяхъ, члены ея посѣтили Ашрефъ, великолѣпный садъ, разведенный шахомъ Аббасомъ Великимъ, въ началѣ XVII столѣтія, но представлявшій въ то время груду развалинъ, живописно обвитыхъ плющемъ и окруженныхъ трехсотъ-лѣтними померанцовыми, лимонными, апельсинными и кипарисовыми деревьями. Въ концѣ марта экспедиція прибыла въ Астрабадъ.

На пути къ этому городу члены ея уже начали свои занятія. Еще въ Ашураде положено было начало къ производству тамъ постоянныхъ барометрическихъ наблюденій, для возможности сличенія ихъ впослѣдствіи съ наблюденіями экспедиціи. Кромѣ того сдѣлано было съ острова нѣсколько измѣреній высоты горы Демавенда и опредѣлены наклоненія магнитной стрѣлки и широта Ашураде. По дорогѣ въ Астрабадъ произведено нѣсколько барометрическихъ наблюденій, которыя дали возможность опредѣлить положеніе геодезическаго нуля въ этой части каспійскаго провала. Въ самомъ Астрабадѣ опредѣлены всѣ три магнитные элемента и произведены многократныя наблюденія для опредѣленія широты и времени.

Ботаникъ Бунге, профессоръ, уже извѣстный ученому міру изслѣдованіемъ Алтайской флоры, собралъ богатые матерьялы при посѣщеніи Ашрефа, затѣмъ при проѣздѣ черезъ роскошные лѣса, покрывающіе подножья и предгорья Мазандеранскихъ хребтовъ и сѣверные ихъ скаты къ Астрабаду. Наблюденія его подтвердили выраженное уже ботаникомъ Бузе замѣчаніе о

---

[1]) Членамъ экспедиціи сохранены ихъ оклады по мѣстамъ службы, даны подъемныя деньги и прогоны изъ Государ. Казначейства.

тельное участіе въ занятіяхъ Общества, съ 1860 г. бывшій Помощникомъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Физической Географіи, а въ послѣдній годъ своей жизни Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи Математической Географіи.

Экспедиція Ивашинцова была уже снаряжена въ 1856 году, но цѣлый рядъ несчастій, постигшихъ ее въ началѣ ея работъ, отодвинулъ его дѣятельность до разсматриваемаго періода. Какъ только экспедиція, лѣтомъ 1856 года, прибыла въ Астрахань скончался тамъ отъ холеры ея астрономъ Остолоповъ, а когда, на мѣсто его, были назначены Ивашинцову въ помощники лейт. Кошкуль и Симоновъ, произведшіе цѣлый рядъ работъ въ теченіе лѣта 1857 года, то, при входѣ ихъ въ Апшеронскій проливъ, на старомъ пароходѣ Куба, пароходъ погибъ, вмѣстѣ съ обоими астрономами экспедиціи, хронометрами ими перевозимыми, журналами ихъ наблюденій и всѣми результатами годовыхъ работъ.

Но это ужасное несчастіе не прекратило дѣятельности экспедиціи. Зимою 1857—58 г. были заготовлены и испытаны новые хронометры и инструменты, а Ивашинцову назначены новые помощники—лейт. Ульскій и Пущинъ и подпоруч. Мякишевъ, которые приготовились къ практическимъ наблюденіямъ подъ руководствомъ Предсѣдат. Отдѣленіемъ Матем. Географіи О. В. Струве.

Съ тѣхъ поръ экспедиція работала ежегодно въ навигаціонное время до 1867 г., т. е. въ теченіе 10 лѣтъ и блистательно привела къ окончанію весь широко задуманный ея планъ. Результатами экспедиціи были:

1) Опредѣленіе вокругъ всего морскаго бассейна, съ замѣчательною точностью, всѣхъ необходимыхъ для прочнаго основанія генеральной карты Каспійскаго моря астрономическихъ пунктовъ.

2) Береговая съемка почти всѣхъ Каспійскихъ прибрежій, съ тою точностью и отчетливостью, какая была необходима не только для практическихъ мореплавателей, но и для ученыхъ, желающихъ имѣть прочное основаніе для наблюденій за измѣненіями береговой линіи, какъ вслѣдствіе наносовъ, вносимыхъ въ море его притоками, размыва морскими волнами крутыхъ береговъ, такъ и вслѣдствіе береговыхъ поднятій.

3) Самые подробные прибрежные морскіе промѣры мелководныхъ пространствъ моря, съ опредѣленіемъ, съ необыкновенною точностью, всѣхъ отмелей, рифовъ и другихъ препятствій для мореплаванія. Промѣры эти были особенно важны съ научной точки зрѣнія потому, что дали прочную исходную точку для изслѣдованій объ измѣненіяхъ уровня Каспійскаго моря, вслѣдствіе ли колебанія морскаго дна, береговыхъ поднятій или отсутствія равновѣсія между притекающею и испаряющеюся водою.

4) Изслѣдованіе всего рельефа и физическихъ свойствъ дна Каспійскаго моря, собраніе многочисленныхъ образцовъ воды на различныхъ глубинахъ и въ разныхъ частяхъ бассейна, а также образцовъ морскихъ осадковъ (ила) и морскихъ животныхъ, находимыхъ на значительныхъ глубинахъ. Снаряды употребляемые для изслѣдованія морскихъ глубинъ были устроены

южнаго прибрежья Каспійскаго моря. Барометрическія наблюденія въ Астрабадѣ и Зіаредѣ, произведенныя одновременно съ наблюденіями на островѣ Ашураде, лежащемъ въ Астрабадскомъ заливѣ, дали возможность опредѣлить съ точностью не только возвышеніе этихъ двухъ мѣстъ надъ уровнемъ моря, но и всѣхъ пунктовъ Альбурскаго хребта: какъ тѣхъ, которые измѣрены были Ленцомъ посредствомъ тригонометрическихъ наблюденій, такъ и тѣхъ, въ которыхъ спутниками Ленца, во время ихъ экскурсій, были дѣланы барометрическія измѣренія.

Гебелемъ совершены были три экскурсіи въ горы на югъ отъ Астрабада. Первая, продолжавшаяся 9 дней (съ 4 по 13 апрѣля) и совершонная большимъ обществомъ, слѣдовала такому пути: отъ Астрабада черезъ Сандукъ въ Шахку, Поинъ, Чегарде, и Туіе, оттуда черезъ Радканъ и Баладьяде обратно въ Астрабадъ. Вторая экскурсія изъ Астрабада продолжалась 15 дней (съ 20 апрѣля по 4 мая), при благопріятныхъ обстоятельствахъ, за исключеніемъ 2 дней, проведенныхъ на высокихъ горахъ между Янисоромъ и Сурхугирге, когда сильный дождь и густой туманъ почти совершенно препятствовали наблюденіямъ. Путь лежалъ черезъ Баладьяде, Саркула, Баркала, Янисоръ, Сурхугирге, Туіе, Немеке, Чешмъ-Али, Остане, Огіону въ Дамганъ и оттуда черезъ Чарде, оба Шахку и Зіаредъ обратно въ Астрабадъ. Третья экскурсія продолжалась 8 дней (съ 15 по 22 мая). При этомъ Гебель отправился черезъ Зіаредъ, Ташъ-Немерканъ, вдоль по Бастамской долинѣ, черезъ Пуро и Бастамъ въ Шарудъ.

Хотя экскурсіи эти имѣли характеръ только научныхъ рекогносцировокъ, но онѣ дали возможность Гебелю выяснить сложный характеръ горнаго кряжа, расположеннаго въ трехугольникѣ между Астрабадомъ, Дамганомъ и Шарудомъ и различить въ немъ три главныя горныя системы, опредѣляющія конфигурацію этой горной страны, при чемъ нахожденіе нуммулитовъ и окаменѣлостей девонскихъ, каменноугольныхъ и юрскихъ въ различныхъ кряжахъ дало возможность различить и разныя эпохи образованія пластовъ и формацій, изъ которыхъ слагаются горы этой страны.

Графъ Э. Кейзерлингъ, вмѣстѣ съ студентомъ Бинертомъ, принимали участіе въ экскурсіяхъ Гебеля и собрали все, что представлялось возможнымъ по части зоологіи, при чемъ были поражены скудостью фауны и скудной водою горной страны. Шкуръ немногихъ водящихся здѣсь млекопитающихъ достать было совсѣмъ невозможно. Все, что было найдено изъ птицъ, принадлежало кавказскимъ формамъ. Рыбъ въ горныхъ потокахъ совсѣмъ не было; онѣ попадались только въ рѣчкахъ, покинувшихъ горы. Змѣй попалось только 2 вида, но за то ящерицъ было много, въ нѣсколькихъ (5) видахъ. Насѣкомыхъ было собрано сколько возможно, но все таки и энтомологическая фауна оказалась довольно бѣдною. Растеній Бинертъ собралъ нѣсколько сотъ видовъ, что дало возможность проф. Бунге, въ превосходномъ его первомъ отчетѣ о ботаническихъ результатахъ экспедиціи [1]),

[1]) См. Вѣстн. И. Р. Г. О. 1859 г.

гышлакскаго полуострова до Персидской границы; послѣдняя экспедиція дѣйствовала до нѣкоторой степени въ связи съ работами экспедиціи Ивашинцова.

Въ обѣихъ экспедиціяхъ принималъ участіе Д. Чл. Общества М. Н. Галкинъ-Врасской (тогда дипломатическій чиновникъ при Оренбургскомъ генералъ губернаторѣ, впослѣдствіи Саратовскій губернаторъ, нынѣ Начальникъ Главн. Тюремн. Управленія), которому географическая наука и Общество обязаны не только веденіемъ дневниковъ миссіи и экспедиціи и собраніемъ драгоцѣнныхъ этнографическихъ матерьяловъ, особливо о Туркменахъ, но и сообщеніемъ Обществу любопытной и богатой новыми фактами статьи, напечатанной въ I томѣ „Записокъ" Импер. Русскаго Геогр. Общества по Отдѣленію Этнографіи и увѣнчанной въ 1866 году серебряною медалью Общества. Въ концѣ разсматриваемаго періода М. Н. Галкинъ-Врасской, разработавъ весьма обстоятельно всѣ собранныя имъ во время обоихъ его интересныхъ путешествій матерьялы, издалъ ихъ особою книжкою [1]).

Въ концѣ разсматриваемаго періода, въ средѣ Общества, возникъ вопросъ о снаряженіи экспедиціи для изслѣдованія древняго русла Аму-Дарьи и возможности поворота рѣки въ старое русло. Иниціатива этого вопроса принадлежала В. В. Григорьеву, который уже въ 1864 году представилъ Совѣту Общества записку по этому предмету, въ которой высказывалъ основанное имъ на историческихъ данныхъ убѣжденіе, что Аму-Дарья текла въ прежнія времена въ Каспійское море и вмѣстѣ съ тѣмъ выражалъ свое мнѣніе о томъ, что поворотъ рѣки въ старое русло онъ считаетъ и въ настоящее время возможнымъ.

Записка Григорьева, вмѣстѣ съ соображеніями А. Н. Савича, Н. А. Ивашинцова и А. Ѳ. Ульскаго, поддерживавшими предложенное Григорьевымъ снаряженіе экспедиціи, было напечатано въ „Запискахъ" Общества. Задачи, представлявшіяся для ученой экспедиціи въ тѣхъ краяхъ, должны были состоять въ съемкѣ Туркменской степи, къ югу отъ Усть-Урта, въ нивеллировкѣ той полосы ея, которая находится между Балханскимъ заливомъ и границею Хивинскаго оазиса, наконецъ въ подробномъ описаніи стараго русла Аму-Дарьи и всѣхъ существующихъ на этомъ пространствѣ остатковъ, свидѣтельствующихъ о прежней его населенности. Совѣтъ передалъ предположеніе Григорьева на разсмотрѣніе Д. Членовъ Н. П. Игнатьева, О. В. Струве и С. И. Зеленаго, которые, выразивъ полное сочувствіе къ мысли о снаряженіи экспедиціи, признали однако же исполненіе предположенія въ то время несвоевременнымъ, такъ какъ оно встрѣтило бы существенныя препятствія въ отсутствіи опорнаго пункта, отъ котораго могли бы начаться изслѣдованія.

Вслѣдствіе того Совѣтъ Общества оказался вынужденнымъ въ 1864 г.

---

[1]) М. Н. Галкина: «Этнографическія и историческіе матерьялы по Средней Азіи и Оренбургскому краю» С.-П.-Б. 1869 (21 печ. листъ).

экскурсіи въ окрестности Мешхеда, гдѣ онъ занимался производствомъ астрономическихъ и барометрическихъ наблюденій.

Магнитныя наблюденія Ленца начались еще въ Тифлисѣ; линія нулеваго склоненія была пересѣчена имъ въ Елисаветполѣ; затѣмъ всѣхъ пунктовъ, гдѣ опредѣлены были обѣ магнитныя координаты и соотвѣтствующія имъ напряженія силы земнаго магнитизма было уже 15; въ двухъ пунктахъ, по недостатку времени, произведены наблюденія только надъ двумя изъ магнитныхъ элементовъ. Если принять въ соображеніе, что до тѣхъ поръ въ Персіи произведены были магнитныя наблюденія только въ двухъ мѣстахъ— въ Буширѣ и Каракѣ, въ 1824 и 1827 годахъ, капитаномъ Гейнесомъ, и что, затѣмъ, на всемъ огромномъ пространствѣ, отдѣляющемъ Персидскій заливъ отъ южнаго Кашмира и Тибета съ одной стороны и Персидскій заливъ отъ Арарата съ другой, до тѣхъ поръ не было опредѣлено ни одного магнитнаго элемента, нельзя было не придти къ убѣжденію, что наблюденія Ленца пополнили значительный пробѣлъ въ наукѣ.

Въ Мешхедѣ Р. Э. Ленцъ производилъ и метеорологическія наблюденія и, пользуясь просвѣщеннымъ вызовомъ г. Джануцци — Неаполитанскаго офицера, находившагося въ персидской службѣ, производить наблюденія надъ термометромъ, погодою и направленіемъ вѣтра, оставилъ ему термометръ, что и дало впослѣдствіи возможность Ленцу имѣть одновременныя наблюденія въ Мешхедѣ и Гератѣ, изъ которыхъ обнаружился значительный погибъ къ югу изотермы 12° Ц. въ глубинѣ Средней Азіи.

Геогностическія наблюденія Гебеля въ Хорасанѣ были до крайности интересны. Оказалось, что не только Хорасанъ не имѣетъ того преимущественно равниннаго образованія, каковое можно было ему приписать по имѣвшимся дотолѣ свѣдѣніямъ, но и что многочисленныя горы его должны быть отнесены къ другимъ осадочнымъ и изверженнымъ образованіямъ, чѣмъ тѣ, кои Гебель наблюдалъ въ Мазандеранѣ. Геологическій характеръ и самое наружное впечатлѣніе, производимое Хорасанскими горами на наблюдателя, совершенно иное. Въ обозрѣнной имъ горной части Мазандерана горные кряжи столплены и раздѣлены только узкими и глубокими долинами или разсѣлинами, по Хорасану же тянутся отдѣльные хребты почти въ параллельныхъ направленіяхъ, съ весьма незначительными развѣтвленіями, раздѣленные сравнительно узкими, но длинными, долинами съ медленнымъ подъемомъ по обѣимъ сторонамъ ихъ продольнаго поперечника. Въ Мазандеранѣ, на незначительномъ пространствѣ, встрѣчается большое разнообразіе образованій и именно тамъ палеозоическія образованія принимаютъ большое участіе въ составѣ горъ; въ Хорасанѣ разнообразіе образованій гораздо менѣе, старѣйшія осадочныя образованія вовсе не встрѣчаются и рядъ ихъ начинается тамъ мѣловою формаціею, а большая часть горъ осадочнаго образованія принадлежитъ къ нуммулитовой формаціи. Разнообразіе горно-каменныхъ породъ, повсемѣстное въ Мазандеранѣ, встрѣчается въ Хорасанѣ весьма рѣдко; тутъ отдѣльныя горно-каменныя породы образуютъ значительные

хребты, и, отличаясь громадностью развитія, придаютъ мѣстности нѣсколько однообразный видъ. Въ вышеозначенной части Мазандерана, горы почти исключительно состоятъ изъ осадочныхъ образованій, изверженныя образованія попадаются кое-гдѣ, отрывочно. Въ Хорасанѣ уже изверженныя и метаморфическія образованія преобладаютъ; онѣ образуютъ главные хребты и скалы обширныхъ пространствъ земли, а незначительные по объему осадочные спутники ихъ обязаны вліянію первыхъ, не только измѣненіемъ своего внутренняго сложенія, но и совершеннымъ уничтоженіемъ заключавшихся въ нихъ органическихъ остатковъ.

Количество растеній, собранныхъ экспедиціею (Бунге и Бинертомъ) до Мешхеда простиралось до 1.000 видовъ, что, по мнѣнію Бунге, достаточно указывало на богатство и разнообразіе растительности этихъ странъ.

Экспедиція оставила Мешхедъ въ половинѣ августа, и черезъ Турукъ, Кехризъ-Деми, Бенди Феридукъ, Абдаль-Абадъ и Ленгеръ, прибыла въ Турбети-Шейхи-Джамъ, откуда, дождавшись извѣщенія о конвоѣ, высланномъ ей на встрѣчу, отправилась черезъ Кехризъ, Кюссанъ и Гурьянъ въ Гератъ, куда и прибыла 3 сентября.

Топографическія работы экспедиціи отъ Астрабада до Герата заключались въ слѣдующемъ:

1) Въ съемкѣ Астрабадской провинціи въ масштабѣ 3 вер. въ дюймѣ, три площади въ 5.000 кв. вер.

2) Въ маршрутѣ отъ Астрабада чрезъ Шахрудъ до Тегерана (2 вер. въ дюйм.), 420 вер. длины, около 4.500 кв. верстъ.

3) Въ маршрутѣ отъ Шахруда до Мешхеда (2 вер. въ дюйм.), 425 вер. длины, 11.050 кв. вер.

4) Въ съемкѣ около Мешхеда: a) по направленію къ Чешмэ-Гилясу, 40 вер. длины, 1.500 кв. вер.; b) по направленію къ Табатъ-Ку, 40 вер. длины, 800 кв. вер. Обѣ съемки 2 вер. въ дюймѣ.

5) Въ маршрутѣ (2 вер. въ дюйм.) отъ Мешхеда чрезъ Турбетъ-Хейдари, Туршизъ, Себзеваръ, Куганъ (Кабушанъ) и обратно до Мешхеда же, 600 вер. длины, 12.000 кв. вер.

6) Въ маршрутѣ отъ Мешхеда чрезъ Турбетъ-Шейхи-Джамъ, Гурьянъ до Герата (2 вер. въ дюйм.), длиною 340 вер., около 8.000 кв. вер.

7) Въ съемкѣ долины Хери-Руда, между Гератомъ, Обэ и Керухомъ (2 вер. въ дюйм.), 95 вер. въ поперечникѣ, около 6.000 кв. вер.

8) Въ маршрутѣ (2 вер. въ дюйм.) отъ Гурьяна чрезъ Хафъ, Тунъ въ Тебесъ и оттуда чрезъ Бирджандъ обратно до Герата, длиною 1.060 вер., около 42.300 кв. вер.

9) Въ планѣ Мешхеда и его окрестностей въ 2 вер. масштабѣ.

10) Въ планѣ Герата и его окрестностей въ томъ же масштабѣ.

Съ апрѣля 1858 г. по январь 1859 г. снято топографами, прикомандированными къ экспедиціи, примѣрно 91.350 кв. вер., въ 2 вер. масштабѣ; для карты же въ меньшемъ масштабѣ, получилось топографическихъ

данныхъ болѣе, чѣмъ на 130.000 кв. вер.,—такъ какъ отдаленные хребты, солонцы, русла рѣкъ и т. п., видѣнные нашими топографами со многихъ возвышенныхъ пунктовъ пройденной дороги и обрисованные ими въ общихъ очеркахъ, не могли войти въ подробные топографическіе маршруты, но могли быть съ пользою употреблены при составленіи общей карты Хорасана. Болѣе половины сказаннаго пространства заключало въ себѣ мѣста, никѣмъ еще не посѣщенныя, съ возможностью представить вѣрный очеркъ ихъ топографической особенности; большая же часть этого пространства пополнялась на картахъ Персіи разспросными свѣдѣніями; отъ этого появлялись небывалые города и самое относительное положеніе дѣйствительно-существующихъ городовъ оказалось чрезвычайно невѣрнымъ. Уже первая сводка маршрутовъ показала, что Тебесъ долженъ быть переставленъ почти на полтора градуса къ западу и на градусъ широты къ югу; что большое плоскогоріе центра Хорасана вовсе не представляетъ такого равниннаго образованія, какъ можно было думать по имѣвшимся до того свѣдѣніямъ, но что оно перерѣзано нѣсколькими меридіональными хребтами, и что хотя поверхность, надъ которой они возвышаются, нигдѣ не имѣетъ менѣе полутора тысячи футъ абсолютной высоты, она представляетъ южную границу пространства, идущаго между 50 и 33-мя градусами широты, на протяженіи почти 50 градусовъ долготы, и отличающагося чрезвычайнымъ богатствомъ отдѣльныхъ другъ отъ друга, средиземныхъ бассейновъ, каковы озера: Ванъ, Урмійское, Каспійское море, Аральское озеро и Балхашъ; что оно также, какъ и западная часть этого пространства, имѣетъ двѣ впадины, центры коихъ находятся на линіи, пересѣкающей меридіаны, почти подъ угломъ 20°. На сѣверѣ впадина эта наполняется солонцами, идущими между Іездомъ, Кумомъ, Кашаномъ, Симнаномъ, Дамганомъ и Нишапуромъ; а на югѣ нижайшей точкою ей служитъ Сеистанское озеро.

Вышеозначенныя съемки были связаны 50-ю пунктами, астрономически опредѣленными Р. Э. Ленцомъ, изъ коихъ только 9 были тождественны съ опредѣленіями Лемма.

Между Мешхедомъ и Гератомъ Ленцъ опредѣлилъ астрономическое положеніе всѣхъ деревень, а именно пунктовъ между Шахрудомъ и Мешхедомъ. Пункты эти до сихъ поръ можно было считать если и не за неизвѣстные, то по крайней мѣрѣ за сомнительные; хотя здѣсь англійскими путешественниками и сдѣланы астрономическія наблюденія, но на нихъ полагаться было нельзя, потому что не имѣлось никакихъ свѣдѣній ни объ употребленныхъ при этомъ инструментахъ, ни о подробностяхъ самихъ наблюденій, а выставлены одни только результаты. Въ этой части путешествія долготы опредѣлены почти исключительно хронометрически, лунныя разстоянія измѣрены не часто. Хронометры переносились на носилкахъ и въ крайнихъ только случаяхъ Р. Э. Ленцъ рѣшался передавать ихъ пѣшеходу, убѣдившись предварительно изъ опыта, что гораздо болѣе можно полагаться на первый способъ переноски.

Начальникъ экспедиціи, Д. Чл. Н. В. Ханыковъ, занимавшійся собираніемъ и изученіемъ древнихъ надписей памятниковъ, попадавшихся на пути, и этнографическихъ особенностей края, обратилъ особенное вниманіе на изслѣдованія о происхожденіи Хезарэ, племени, обитающаго большую часть деревень, находящихся между Мешхедомъ и Гератомъ и далѣе до Кабула.

Племя это, говорящее чистымъ персидскимъ языкомъ, отличается отъ персовъ монгольскимъ типомъ лица; многіе въ Европѣ считаютъ его особеннымъ народомъ; но изъ разговоровъ Ханыкова съ ихъ старѣйшинами оказалось, что они ничто иное, какъ отдѣленіе Узбековъ, Берласъ, кочевавшее во времена Тимура близъ Кеша или Шехри-Себза. Тысячи семействъ этого племени были отправлены Амиръ-Тимуромъ въ 799 году хеджры въ Хорасанъ, при назначеніи туда правителемъ Шахъ-Руха, отчего и произошло ихъ настоящее имя „Хезаре", означающее на персидскомъ „тысячники". Преданіе это, несомнѣнно вѣрное относительно отдѣла Хезаре, переселеннаго въ Персію, объясняетъ намъ происхожденіе и прочихъ отдѣловъ этого народа, имя коего встрѣчается у восточныхъ историковъ и до времени Шахъ-Руха, когда напр. въ 694 г. хедж. Газанъ-Ханъ назначилъ Музафара начальникомъ племени Хезаре.

Естествоиспытатели экспедиціи: профессоръ Бунге, магистръ Гебель, графъ Э. Кейзерлингъ и студентъ Бинертъ, занимались собираніемъ ботаническихъ, зоологическихъ и геогностическихъ коллекцій, и съ этою цѣлью, не ограничиваясь мѣстностью пройденнаго пути, предпринимали еще частыя экскурсіи въ горы, окаймляющія долину, по которой проходитъ дорога.

Пробывъ почти весь сентябрь въ Гератѣ, члены экспедиціи воспользовались этимъ временемъ для приведенія въ порядокъ дневниковъ и коллекцій, а также и для изслѣдованія окрестностей Герата. Сосѣднія горы и рѣка Герирудъ, съ ея многочисленными искусственными развѣтвленіями и водопроводами, представляетъ естествоиспытателю богатую добычу; въ то же время богатство памятниковъ и остатковъ древняго величія встрѣченныхъ въ этой, столь важной въ исторіи востока странѣ, придаютъ ей особенное значеніе въ глазахъ археолога.

1 октября естествоиспытатели экспедиціи, въ сопровожденіи одного топографа, предприняли болѣе дальную экскурсію въ Тебесъ, мѣстечко, знаменитое своими садами финиковыхъ пальмъ и апельсинныхъ деревьевъ. Дождавшись въ Гурьянѣ, отстоящемъ на 70 верстъ отъ Герата, конвоя, необходимаго для защиты отъ Туркменовъ, они перешли между Гурьяномъ и городомъ Руи, границу Герата и Персіи и чрезъ Джуменъ, въ Гунабадскомъ Округѣ, Тунъ и Бушруя, прибыли 22 октября въ живописный Тебесъ, въ которомъ провели три дня; на обратномъ пути они посѣтили Бирджандъ, Исфезаръ, Авазъ и Іездунъ, и къ 18 ноября воротились въ Гератъ.

Во время поѣздки въ Тебесъ и оттуда обратно чрезъ Биржандскій округъ въ Гератъ, Р. Э. Ленцу удалось опредѣлить географическое положеніе

пунктовъ. Высоты звѣздъ и солнца исключительно были измѣряемы писторовымъ кругомъ.

Въ мѣстахъ, гдѣ экспедиція останавливалась на цѣлыя сутки, какъ въ Гуріанѣ, Хафѣ или Руи, Джуменѣ, Тунѣ, и въ Тебесѣ, Ленцъ измѣрялъ лунныя разстоянія, съ цѣлью опредѣлить географическую долготу этихъ мѣстъ, независимо отъ хода хронометровъ; долгота промежуточныхъ станцій опредѣлялась посредствомъ хронометровъ, ходъ которыхъ опредѣлился, потому что большая часть дороги было пройдена два раза.

Въ 7 пунктахъ Ленцъ опредѣлилъ всѣ элементы земнаго магнитизма. Наклоненіе въ каждомъ мѣстѣ было опредѣлено посредствомъ одной стрѣлки и только въ Тебесѣ Ленцъ пользовался обѣими; каждое изъ упомянутыхъ наблюденій было полное, съ перемѣною полюсовъ, при двухъ положеніяхъ круга и стрѣлки. Склоненіе магнитной стрѣлки Ленцъ опредѣлялъ теодолитомъ Ламона, при измѣреніи азимута земныхъ предметовъ универсальнымъ инструментомъ; только въ Гуріанѣ, гдѣ относительная высота предмета была извѣстна, опредѣлялся азимутъ писторовымъ кругомъ. Напряженіе земнаго магнитизма, во все время путешествія, опредѣлялось изъ колебаній горизонтально висящей стрѣлки, потому что наблюденія отклоненія стрѣлки отнимали слишкомъ много времени.

Въ 7 пунктахъ высоты горъ опредѣлены тригонометрическимъ способомъ, при чемъ Ленцъ не измѣрялъ, впрочемъ, ни разу базиса, потому что могъ получить разстоянія опредѣленныхъ высотъ съ достаточною точностью изъ топографической съемки.

Изъ Тебеса Ленцъ измѣрилъ значительное число высотъ, окружающихъ долину; онѣ должны были впослѣдствіи дать объясненія причинъ жаркаго климата этой страны. Роскошная растительность нѣкоторыхъ богатыхъ водою мѣстъ, нахожденіе пальмъ и апельсиновъ объясняются орографическими отношеніями и относительно низкимъ ихъ положеніемъ. Высокая горная стѣна защищаетъ отъ С.-З. холодныхъ вѣтровъ и еще болѣе холодныхъ С.-В., дующихъ съ Гиндукуша, между тѣмъ какъ теплые, извѣстные по своему жару во всей Персіи, Ю.-В. вѣтры имѣютъ свободный доступъ. Этимъ и объясняется, что еще 25 октября (стараго стиля) можно было наблюдать температуру въ 21° Р.

Кромѣ упомянутыхъ наблюденій, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ была экспедиція, наблюдалось состояніе барометра и термометра. Топографъ Петровъ производилъ во время всей дороги съемку страны; работы его доставили возможность исправить ошибки, которыя вкрались во всѣ извѣстныя до сихъ поръ карты Хорасана.

Гебель далъ въ своемъ отчетѣ Географическому Обществу прекрасную характеристику орографіи и геогно-графическаго состава пройденной имъ страны [1]). Богатство геогностическихъ образчиковъ, собранныхъ Гебелемъ, да-

---

[1]) См. Вѣстн. Геогр. Общ. 1860 г.

ГЛАВА XX.

Работы Общества и его Членовъ въ области Математической и Физической Географіи въ Европейской Россіи и на Кавказѣ.

Въ главѣ X (стр. 96) мы уже видѣли, что одно изъ крупныхъ предпріятій Общества, а именно исправленіе Межевыхъ Атласовъ нѣкоторой части Россіи рѣшительно не могло быть продолжаемо Географическимъ Обществомъ въ разсматриваемомъ періодѣ. Работы по составленію и изданію Межеваго атласа одной Тверской губерніи вызвали, со стороны Общества, Межеваго Вѣдомства и Правительства, такіе громадные расходы, что продолжать это дѣло, въ задуманномъ масштабѣ ни Общество, ни Межевое вѣдомство были не въ силахъ. Это и было совершенно справедливо замѣчено уже въ самомъ началѣ періода Ревизіонною Коммиссіею 1858 года.

Къ началу періода изданіе всего атласа Тверской губерніи уже было окончено, составлена была и карта Рязанской губерніи въ 8 верстномъ масштабѣ, и надъ Обществомъ тяготѣли еще расходы, принятые имъ на себя по ея изданію.

Исполняя принятыя на себя обязательства, Совѣтъ Общества уплатилъ еще Д. Чл. Общ. ген.-лейт. Менду въ 1857, 1858 и 1859 годахъ всего 2.620 р. на изданіе карты Рязанской губерніи, которая и была, благодаря этимъ средствамъ, приведена къ окончанію въ 1861 г., но затѣмъ, опираясь на мнѣніе Ревизіонной Коммиссіи, Совѣтъ рѣшился уже отказаться отъ участія въ издержкахъ, необходимыхъ для предположеннаго Межевымъ Вѣдомствомъ изданія, въ 4 верстномъ масштабѣ, карты Тамбовской губерніи, расходы по которой были исчислены въ суммѣ до 4.000 рублей, тѣмъ болѣе что и суммы, потребныя на изданіе карты Рязанской губерніи были позаимствованы Совѣтомъ изъ сильно оскудѣвавшаго въ это время запаснаго капитала.

Самымъ крупнымъ картографическимъ предпріятіемъ Общества, въ разсматриваемомъ періодѣ, было составленіе и изданіе карты Европейской Россіи и Кавказа. Первая мысль объ изданіи карты хотя бы части Европей-

[illegible] до 30 января 1859 года. Окрестности Герата и прилегающія горы покрылись снѣгомъ, растительность поблекла и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла и мелкая фауна. Ботаническія, зоологическія и геогностическія изслѣдованія прекратились на время; можно было продолжать только работы не требующія проявленія органической жизни и независимыя отъ времени года. Ленцъ, принужденный часто прерывать свои занятія, по причинѣ неясной погоды и облачнаго неба, занимался въ особенности опредѣленіемъ долготы Герата, а топографъ Жариновъ съемкой подробнаго плана этого города.

30 января, наконецъ, экспедиція могла уже двинуться въ обратный путь. Ей представлялось три дороги для возврата: либо обыкновенная караванная дорога на Мешхедъ, либо таковая же чрезъ Тебесъ, либо чрезъ сѣверный Сеистанъ, южный Хорасанъ и Кирманъ. Такъ какъ первыя двѣ были уже изслѣдованы, послѣдняя же до того не была пройдена ни однимъ европейцемъ и представляла наиболѣе географическаго интереса, она и была избрана. Оставивъ долину Херируда въ Раузебагѣ, экспедиція, по обыкновенной Кандагарской дорогѣ, направилась къ Себзару. Значительное скопленіе снѣга на хребтѣ Мадери, на такъ называемой шахской дорогѣ, принудило экспедицію принять нѣсколько болѣе западное направленіе и перевалиться чрезъ сказанный хребетъ въ урочище Сянгакисія. Оттуда наши путешественники по довольно широкому и удобному ущелью спустились въ долину Адрескана, нѣсколько ниже впаденія въ эту рѣку Рудигяза. Здѣсь, подъ проливнымъ дождемъ, провели они ночь въ черныхъ палаткахъ кочующаго отдѣла господствующаго теперъ въ Авганистанѣ племени Борикзіевъ. Переправа чрезъ Адресканъ, вода коего значительно прибыла отъ дождей, представила не малыя затрудненія; нѣсколько вьючныхъ лошадей каравана было опрокинуто водою и едва-едва ихъ могли спасти. Перевалъ чрезъ скалистый хребетъ Михминазъ, круто упирающійся здѣсь въ Адресканъ, былъ уже безснѣженъ и кромѣ узкости, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, ущелья, ведущаго къ нему, не представилъ особыхъ затрудненій къ слѣдованію. Къ югу отъ него стелется обширная и плодородная Себзарская равнина, обтекаемая съ трехъ сторонъ Адрескаиомъ, дѣлающимъ тутъ значительный элиптическій погибъ на западъ. Изнуреніе лошадей и желаніе ближе ознакомиться съ окрестностями Себзара, принудили экспедицію пробыть тамъ два дня, 6 и 7 февраля. Переправившись за Себзаромъ снова чрезъ Адресканъ, служащій здѣсь границею Ферахскаго округа, экспедиція, переночевавъ съ 8 на 9 въ степи, 9 февраля прибыла въ Анаръ-Дере, значительную деревню, стоящую на границѣ Лашскаго округа Сеистана и Гератскаго владѣнія и платящую дань и Лашскому и Гератскому владѣльцамъ. Замкнутое положеніе Анаръ-Дере, окруженной со всѣхъ сторонъ высокими скалистыми горами, дѣлаетъ изъ нея родъ огромной теплицы, и не только миртъ свободно растетъ около всѣхъ заборовъ ея многочисленныхъ садовъ, но въ ней встрѣчаются уже двѣ финиковыя пальмы, пересаженныя сюда изъ Зигина, деревушки, лежащей верстахъ въ 10 къ югу, гдѣ ихъ гораздо болѣе и гдѣ онѣ уже даютъ плоды. Отъ этой деревни Адресканъ принимаетъ на-

званіе Харута. Переправившись чрезъ него около деревни Бахризекъ, экспедиція 12 февраля прибыла въ деревню Гудикенъ, гдѣ надобно было сдѣлать дневку для предваренія правителя Лаша о скоромъ прибытіи экспедиціи. Здѣсь наши путешественники были поражены странною отсталостью растительности: не смотря на то, что днемъ термометръ въ тѣни поднимался до 18° Р., и что ночи были довольно теплы, ни одно растеніе еще не цвѣло, тогда какъ въ Баурчѣ, у Анаръ-Дере, уже дикій миндаль начиналъ цвѣсти. Сухой туманъ стоялъ очень высоко, дѣлая незамѣтнымъ изображеніе полярной звѣзды и вполнѣ незамѣтнымъ зодіакальный свѣтъ, наблюденный въ первый разъ въ Анаръ-Дере и видѣнный послѣ того почти каждый ясный вечеръ до Бирчана. 14 февраля экспедиція вступила въ предѣлы сѣвернаго Сеистана и была встрѣчена въ ущельи безыменныхъ горъ, отдѣляющихъ деревню Дженеръ отъ деревни Шуракъ, братомъ и сыномъ Ахмедъ-Хана, правителя Лаша. Проливной дождь, продолжавшійся всю ночь съ 14 на 15-е, сдѣлалъ невозможнымъ движеніе впередъ. На весьма мало покатой плоскости, тянущейся отъ Баленжоу къ Лашу, скопилась такая масса дождевой воды, что и 16 числа путешественники ѣхали цѣлый часъ по водѣ, въ иныхъ мѣстахъ доходившей до колѣнъ лошади. Ферахъ-Рудъ, протекающій подъ стѣнами Лаша, до того прибылъ, что выступилъ изъ своихъ обрывистыхъ береговъ, дошелъ вплоть къ воротамъ крѣпости и прервалъ всякое сообщеніе съ Джувейномъ, лежащимъ на лѣвомъ берегу его противу Лаша. 18 февр. сдѣланъ былъ небольшой переходъ до деревни Сануръ, какъ для того, чтобы успѣли пригнать верблюдовъ, нанятыхъ въ подмогу изнурившихся лошадей, такъ и для необходимыхъ запасовъ къ предстоявшему переходу въ 24 географическихъ мили, по мѣстности, вовсе незаселенной отъ страха Белуджей. 19 и 20 экспедиція съ большимъ трудомъ пробилась чрезъ топкую дельту Харута и, обогнувъ сѣверо-западный уголъ озера Хамуна, называемаго въ южной части его Заре, чрезъ скалистый перевалъ Тебербендъ, вырубленный Надиръ-Шахомъ при походѣ его въ Индію, и чрезъ урочище Хоуз-и-Джанъ-Бекъ Белуджь, 23 февраля благополучно возвратилась въ предѣлы Хорасана, въ пограничный персидскій городъ Нихъ, образующій съ небольшою крѣпостцею Бендань округъ Нихбенданъ, богатый пастбищами, но чрезвычайно мало населенный отъ частыхъ нападеній Белуджей. Изъ Ниха ведетъ прямая дорога въ Кирманъ, идущая чрезъ Дихи-Сальмъ и чрезъ безводную степь Лютъ; для прохода по ней надобно было нанимать верблюдовъ; весною же животныя эти чрезвычайно тощи и слабы, такъ что, не смотря на всѣ усилія нанять ихъ въ достаточномъ количествѣ, послѣ 8-ми дневныхъ безпрерывныхъ совѣщаній объ этомъ съ губернаторомъ Ниха и хозяевами верблюдовъ, рѣшено было идти по сѣверной окраинѣ Люта до Серичаха и уже оттуда, пользуясь сборомъ большаго каравана, идущаго всякую весну изъ Хорасана въ Кирманъ и Бендеръ-Аббаси, совершить трудный переходъ чрезъ пустыню.

Вслѣдствіе ранняго времени года, путешественники до самаго Анаръ-

Дере не встрѣчали еще слѣдовъ растительности; только здѣсь начали показываться первыя растенія, предвѣстники наступающей весны, напоминающія своимъ характеромъ первую весеннюю растительность Кавказа и особенно долины Куры, которую профессоръ Бунге изслѣдовалъ въ предшествовавшемъ году. Такое раннее развитіе растительности встрѣчалось однако только въ окрестностяхъ Анаръ-Дере, далѣе вся природа была еще погружена въ зимній сонъ, хотя изрѣдка попадающіяся пальмы и доказывали, что Лашская мѣстность принадлежитъ къ теплой полосѣ. Частые переходы черезъ горы, встрѣчающіяся по дорогѣ источники и соляныя болота, представляли богатое поприще для изслѣдованій Гебеля. Къ сожалѣнію, при отсутствіи безопасности въ Лашской области, нельзя было думать объ экскурсіяхъ въ горы, лежащія на нѣкоторомъ разстояніи, такъ что Гебель долженъ былъ ограничиться изслѣдованіемъ тѣхъ горныхъ проходовъ, черезъ которые пролегала дорога. Только въ Анаръ-Дере были предприняты небольшія поѣздки съ геогностическою и ботаническою цѣлью въ горы, которыя, какъ мы видѣли изъ описанія пути экспедиціи, подходятъ здѣсь довольно близко къ селенію. Такъ какъ зимнее время отличается здѣсь частыми туманами, то и работы Р. Э. Ленца, по крайней мѣрѣ въ началѣ путешествія изъ Герата въ Лашъ, не могли идти удовлетворительно; но чѣмъ далѣе экспедиція подвигалась на югъ, тѣмъ погода становилась благопріятнѣе и астрономическія наблюденія многочисленнѣе.

Почва около озера Заре отличалась безплодіемъ; на огромныхъ пустынныхъ пространствахъ изрѣдка пробивались чрезъ землю небольшія растенія; только при переходахъ чрезъ отрасли Бенданскаго хребта начала показываться болѣе роскошная растительность, напоминающая характеромъ растительность сѣверныхъ частей Хорасана, и только на границѣ Люта попадались растенія, принадлежавшія къ Аравійской и Суэзской флорамъ.

Между Нихомъ и Серичахомъ Гебель, изъ деревни Басиранъ, ѣздилъ осматривать расположенный вблизи этого мѣста рудникъ Калезяри. Судя по сохранившимся остаткамъ огромнаго горнаго завода и согласно показаніямъ мѣстныхъ жителей, надобно думать, что въ прежнія времена здѣсь добывалась въ изобиліи мѣдная и свинцовая руды, но рудники эти почти вовсе были оставлены, по опасности отъ нападенія Белуджей, и только малая часть мѣди выплавлялась жителями Басирана.

Въ Серичахѣ экспедиція дѣйствительно нашла караванъ въ сборѣ, но верблюдовожатые все не надѣялись еще на силу своихъ верблюдовъ и подъ разными предлогами оттягивали срокъ выступленія въ пустыню. Десять дней, проведенные здѣсь экспедиціею, были употреблены на покупку и приведеніе въ годность 110 бурдюковъ для воды, на закупку потребнаго для перехода чрезъ пустыню ячменя, самана и жизненныхъ припасовъ. Въ эти десять дней естествоиспытатели экспедиціи дѣлали ежедневныя поѣздки по окрестностямъ Серичаха; топографъ же Жариновъ, подъ предлогомъ покупки провизіи, былъ отправленъ въ Бирджандъ, для связи маршрута, снятаго

совершенно награвированными. При разсмотрѣніи Коммиссіи этихъ награвированныхъ листовъ вновь вступившій въ составъ Коммиссіи, избранный въ 1860 г. Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи Физической Географіи П. П. Семеновъ обратилъ вниманіе на то, что составленная карта, при многихъ несомнѣнныхъ ея достоинствахъ, имѣетъ и крупные недостатки. Многіе изъ этихъ недостатковъ были постепенно замѣчаемы Коммиссіей и исправлялись безъ особыхъ затрудненій, но самымъ главнымъ недостаткомъ карты было совершенное отсутствіе всякой системы и критики при нанесеніи на карту того, что должно было быть на нее нанесено. Такъ какъ отдѣльные листы карты были исполняемы различными лицами, то каждый изъ нихъ наносилъ, безъ опредѣленнаго плана и даже безъ всякаго соглашенія съ другими исполнителями, все, что ему, по личному его воззрѣнію, казалось полезнымъ нанести на карту. Когда же П. П. Семеновъ сопоставлялъ передъ Коммиссіею два смежные листа, то оказывалось, что даже рѣки нанесенныя на листѣ однимъ топографомъ не имѣли своего продолженія на другомъ листѣ, такъ какъ составитель втораго листа не нашелъ ихъ достаточно значительными для ихъ нанесенія. Но всего поразительнѣе и произвольнѣе было нанесеніе населенныхъ пунктовъ. Одинъ листъ былъ переполненъ такими пунктами и названіями, безъ всякой мѣры и въ ущербъ наглядности карты, между тѣмъ какъ смежный листъ представлялся относительно пустымъ, не смотря на то, что населеніе въ немъ было въ дѣйствительности гуще и поселковъ больше. При ближайшемъ разсмотрѣніи нанесенныхъ поселковъ оказывалось, что въ то время, когда мелкихъ поселковъ было нанесено множество свыше всякой мѣры, многіе крупные были пропущены. Тамъ же, гдѣ поселки, весьма крупные, были довольно рѣдки и мѣсто позволяло, составители карты наносили самые мелкіе хутора, а въ совершенно пустынныхъ частяхъ Астраханской губерніи были нанесены и обозначены кружками населенныхъ мѣстъ, колодцы, которыхъ названіе сопровождаемое на планшетахъ буквою х „худукъ“ было принято за хуторъ.

По мнѣнію, высказанному П. П. Семеновымъ, все это произошло отъ того, что черченію и гравированію карты должно было бы предшествовать своевременное составленіе, по каждой губерніи, алфавитнаго списка на карточкахъ всего того, что слѣдовало нанести на карту, а что списокъ этотъ долженъ былъ быть основанъ на имѣющихся по каждому наносимому предмету и пункту географическихъ, статистическихъ и др. свѣдѣній. Но конечно подобный предварительный трудъ представлялъ громадныя затрудненія въ своемъ исполненіи, тѣмъ болѣе, что въ то время или совсѣмъ не существовало полныхъ списковъ населенныхъ мѣстъ, или они еще не были разработаны и обнародованы.

При данныхъ обстоятельствахъ все это было уже почти непоправимо и Коммиссія должна была ограничиться только довольно поверхностнымъ осмотромъ листовъ и исправленіемъ самыхъ бросающихся въ глаза недостатковъ.

И при всемъ томъ и эти самыя необходимыя исправленія замедлили вы-

Кирманскаго визиря Мухаммедъ-Измаилъ-Хана. Ленцъ, окончивъ наблюденія для опредѣленія широты и долготы Кирмана, ѣздилъ съ Н. В. Ханыковымъ въ Маканъ, самый южный пунктъ, посѣщенный экспедиціею. Мѣсто это знаменито по тому что здѣсь погребенъ Шейхъ-Нигметъ-Улла, умершій 134 лѣтъ отъ роду въ 834 г. Хеджры; Маканъ былъ до того посѣщенъ только въ началѣ нынѣшняго столѣтія Потинджеромъ, при проѣздѣ его изъ Белуджистана въ Ширазъ. Для большаго удобства слѣдованія и по необходимости для проф. Бунге скорѣе возвратиться на родину, начальникъ экспедиціи, принявъ во вниманіе совершенную безопасность переѣзда отъ Кирмана до Тегерана, отпустилъ Бунге, гр. Кейзерлинга и Бинерта впередъ 18 апрѣля, снабдивъ перваго изъ нихъ рекомендательными письмами къ правителю Іезда, армянскому епископу въ Исфаганѣ и къ полномочному министру нашему въ Тегеранѣ Н. А. Аничкову; самъ же, съ остальными членами экспедиціи, послѣ подробнаго осмотра памятниковъ Кирмана и возможно близкаго изученія быта и положенія Гебровъ, выѣхалъ 23-го по дорогѣ въ Іездъ.

Дорога изъ Кирмана до Іезда, какъ сообщилъ Обществу Бунге въ своемъ прекрасномъ третьемъ отчетѣ [1]), представляла мало матерьяла для ботаника. Глинистая почва, доставляющая здѣсь, при искусственномъ орошеніи, богатые урожаи пшеницы, ячменя и хлопка, въ необработанномъ состояніи производитъ весьма мало растеній; степень растительности зависитъ притомъ отъ количества соли, которою пропитана эта почва. Въ мѣстахъ, гдѣ почва состояла изъ грубаго щебня съ большою примѣсью соли, растительность прекращалась вовсе; тамъ же, гдѣ щебенистая почва менѣе пропитана солью, показывалась бѣдная флора, и между прочимъ небольшія однолѣтнія степныя растенія; по мѣрѣ приближенія къ подошвѣ горъ, эти послѣднія становились гораздо многочисленнѣе. На песчаныхъ почвахъ видны были опять совершенно другія растенія; нѣкоторыя изъ нихъ были исключительно эндемическія, другія же принадлежали къ общей флорѣ южной Персіи.

Безплодность почвы около Іезда не даромъ перешла въ пословицу;— тощая растительность между Кирманомъ и Іездомъ, становилась все бѣднѣе по мѣрѣ приближенія къ сему послѣднему пункту. Не смотря на то, вездѣ, гдѣ почва подвергалась искусственному орошенію, возникали оазисы, покрытые богатою растительностью хлѣбныхъ растеній, хлопка и мака.

Первая половина дороги изъ Іезда въ Исфаганъ была похожа на дорогу изъ Кирмана въ Іездъ: та же почва, та же бѣдность растеній. Растительность начала нѣсколько болѣе развиваться только у деревни Агда, и за тѣмъ, по мѣрѣ возвышенія почвы, становилась изобильнѣе, теряла предшествующій характеръ и переходила въ формы флоры восточной Персіи. Въ горахъ между Іездомъ и Исфаганомъ найдено было нѣсколько растеній,

---

[1]) См. Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ. 1860 г., кн. 2.

которыя встрѣчаются въ Киргизскихъ степяхъ. Пространство же отъ этихъ горъ до Исфагана представляло опять безплодную пустыню. Надо предполагать, что почва сей послѣдней, сильно пропитанная солью, богата солеными растеніями, но по причинѣ ранняго времени года, эта флора еще была мало развита. Не смотря однако на раннее время года и на ночные спѣшные переѣзды, ботаникамъ экспедиціи удалось и на этомъ пути собрать много замѣчательныхъ растеній.

Достигнувъ лагеря Императорской Миссіи въ Зергенде, близъ Тегерана, передовой отрядъ экспедиціи остановился здѣсь на нѣсколько дней. Это время Бинертъ посвятилъ на ботаническія экскурсіи въ окрестностяхъ; собранныя имъ растенія однако уже большею частію были извѣстны изъ коллекцій ботаника Котчи.

Какъ было выше сказано, начальникъ экспедиціи съ остальными членами оной, выѣхавъ изъ Кирмана 23 апрѣля, чрезъ деревни Багынъ, Кябутарханъ, Бахрамгабадъ, Хушкъ, Анаръ, разваленный караванъ-сарай Кирманъ-Шаханъ и деревню Сяри-Іездъ, 1 мая прибылъ въ Іездъ и остался тамъ до 9-го, какъ для изученія памятниковъ и особенностей этого мало извѣстнаго и въ высшей степени промышленнаго города, такъ и для снятія подробнаго плана онаго. Р. Э. Ленцъ въ это время произвелъ рядъ астрономическихъ, метеорологическихъ и магнитныхъ наблюденій, чрезъ что съ точностью опредѣлилась весьма шаткая дотолѣ на картахъ широта и долгота этого города, его магнитныя координаты и напряженіе въ немъ силы земнаго магнитизма. Гебель же знакомился съ техническими пріемами Іездскихъ фабрикантовъ. 9-го экспедиція переѣхала въ большое селеніе Тафтъ, занятое на половину Гебрами и Мусульманами. Тамъ 10-го, Гебель посѣтилъ знаменитую въ Персіи Тафтскую пещеру, гдѣ онъ собралъ богатую коллекцію минераловъ и открылъ обильную бирюзовую руду, которую мѣстные жители принимали за Lapis lazuli; оттуда чрезъ деревню Мейнунъ, Мейбудъ, Акгда, Гекъ-Гумбязъ, Лагирекъ, Купа, Сякзи и Хуросканъ, экспедиція 19-го прибыла въ Исфаганъ и была не только радушно принята правителемъ, но помѣщена въ лучшемъ изъ Исфаганскихъ дворцовъ—Иморяти-Садріе. Здѣсь съемки экспедиціи связались съ обширными топографическими работами, произведенными въ 1851 и 52 годахъ, подъ руководствомъ ген.-м. Чирикова, въ западной Персіи, такъ что послѣ того Россія сдѣлалась обладательницею самаго богатаго собранія топографическихъ свѣдѣній объ этой странѣ. Въ Исфаганѣ экспедиція осталась 7 дней, срокъ, едва достаточный для поверхностнаго обзора многочисленныхъ памятниковъ Сефевидской династіи, украсившей столицу свою великолѣпными дворцами, мостами, водопроводами, училищами, обширными садами, мечетями, караванъ-сараями и базарами. По отзыву Ханыкова, нигдѣ въ цѣлой Персіи, въ такое короткое время не приносили къ нему столько интересныхъ восточныхъ манускриптовъ. Гебель, передъ самымъ городомъ, на переходѣ между деревнями Сякзи и Гульнабадомъ открылъ огромное мѣсторожденіе глауберовой соли, покрывающей

своими кристаллами пространство около 6-ти квадратныхъ географическихъ миль. Р. Э. Ленцъ опредѣлилъ широту, долготу и магнитныя координаты города. Выѣхавъ 26 изъ Исфагана, экспедиція чрезъ караванъ-сарай Гязъ и деревни Мурчахуръ, Соу, Кухрудъ, Башфинъ близъ Кашана, Синсинъ, Пасянганъ, городъ Кумъ, Пули-Даллякъ, Хоузи-Султанъ и Кенаре-Гирдъ прибыла 7 іюня въ лагерь Императорской Миссіи, Зергенде, изъ коего проф. Бунге, графъ Э. Кейзерлингъ и Бинертъ выѣхали только 5-го. Здѣсь, распустивъ окончательно 18-го іюня всѣхъ членовъ экспедиціи, Ханыковъ долженъ былъ остаться до 24 іюля при Императорской Миссіи; Ленцъ, Ристори и топографъ Петровъ направились чрезъ Сары въ Ашураде для того, чтобы воспользоваться пароходнымъ сообщеніемъ съ Астраханью и для съемки недостававшаго у экспедиціи маршрута отъ Тегерана до прибрежья Каспія; Гебель же изъявилъ желаніе возвратиться на границу съ Ханыковымъ чрезъ Адербейджанъ.

Пользуясь пребываніемъ Ханыкова въ Зергенде, Гебель совершилъ нѣсколько поѣздокъ, въ близъ-лежащія горы Шемрунъ, и предпринялъ за тѣмъ на свой счетъ двухнедѣльную экскурсію на гору Демавендъ и къ небольшому горному озеру Таръ, окруженному известковыми скалами, богатыми окаменѣлостями. Для съемки приданъ былъ ему топографъ Жариновъ, составившій подробную карту какъ самаго Демавенда, такъ и его окрестностей до Тегерана включительно. Восхожденіе на Демавендъ было предпринято въ сопровожденіи 8-ми проводниковъ, взятыхъ изъ деревни Абигермъ, послѣдняго жилого мѣста подъ вершиною горы. Топографъ Жариновъ съ двумя проводниками достигъ 30 іюня вершины Демавенда. Гебелю, сопровождаемому только однимъ проводникомъ, такъ какъ прочіе 5 отказались идти далѣе, удалось въ этотъ день добраться только до ледянаго поля (Firneisfeld), лежащаго у внѣшней подошвы кратера; 2 іюля Гебель, съ тремя проводниками, предпринялъ второе восхожденіе, и 3 іюля достигъ вершины кратера этого интереснаго вулкана, высота коего достигаетъ, по измѣренію Ленца, 21.000 фут.

Горячіе ключи, пробивающіеся чрезъ кору земли на разныхъ высотахъ горы и многочисленные фумаролы (дымящіяся отверстія, извергающія водяные пары съ сѣрнисто-кислымъ газомъ), окружающія кратеръ, служатъ явными признаками до сихъ поръ продолжающейся внутренней вулканической дѣятельности Демавенда.

Черезъ лагерь Шаха въ Султаніэ, копи каменной соли близъ деревни Маманъ и чрезъ обширную плоскую возвышенность, тянущуюся между Міаной и Марагой, коснувшись восточнаго берега Урмійскаго озера, Н. В. Ханыковъ и Гебель возвратились 22 августа на нашу границу.

Изслѣдованія Хорасанской экспедиціи обняли значительную часть Азіатскаго материка въ 10 градусовъ по меридіану и въ 13 градусовъ по параллели, и пріобрѣли для географіи вѣрное очертаніе болѣе чѣмъ 350.000 квадратныхъ верстъ, очертаніе, основанное какъ на 100 пунктахъ, поло-

званіе Харуда. Переправившись чрезъ него около деревни Кахризекъ, экспедиція 12 февраля прибыла въ деревню Гушкекъ, гдѣ надобно было сдѣлать дневку для предваренія правителя Лаша о скоромъ прибытіи экспедиціи. Здѣсь наши путешественники были поражены странною отсталостью растительности: не смотря на то, что днемъ термометръ въ тѣни поднимался до 18° Р., и что ночи были довольно теплы, ни одно растеніе еще не цвѣло, тогда какъ сѣвернѣе, у Анаръ-Дере, уже дикій миндаль начиналъ цвѣсти. Сухой туманъ стоялъ очень высоко, дѣлая неяснымъ изображеніе полярной звѣзды и вполнѣ неявственнымъ зодіакальный свѣтъ, наблюденный въ первый разъ въ Анаръ-Дере и видѣнный послѣ того почти каждый ясный вечеръ до Кирмана. 14 февраля экспедиція вступила въ предѣлы сѣвернаго Сеистана и была встрѣчена въ ущельи безъимянныхъ горъ, отдѣляющихъ деревню Лянгеръ отъ деревни Шушкъ, братомъ и сыномъ Ахмедъ-Хана, правителя Лаша. Проливной дождь, продолжавшійся всю ночь съ 14 на 15-е, сдѣлалъ невозможнымъ движеніе впередъ. На весьма мало покатой плоскости, тянущейся отъ Калеиноу къ Лашу, скопилась такая масса дождевой воды, что и 16 числа путешественники ѣхали цѣлый часъ по водѣ, въ иныхъ мѣстахъ доходившей до колѣнъ лошади. Ферахъ-Рудъ, протекающій подъ стѣнами Лаша, до того прибылъ, что выступилъ изъ своихъ обрывистыхъ береговъ, подошелъ вплоть къ воротамъ крѣпости и прервалъ всякое сообщеніе съ Джувейномъ, лежащимъ на лѣвомъ берегу его противу Лаша. 18 февр. сдѣланъ былъ небольшой переходъ до деревни Самуръ, какъ для того, чтобы успѣли пригнать верблюдовъ, нанятыхъ въ подмогу изнурившихся лошадей, такъ и для необходимыхъ запасовъ къ предстоявшему переходу въ 24 географическихъ мили, по мѣстности, вовсе незаселенной отъ страха Белдужей. 19 и 20 экспедиція съ большимъ трудомъ пробилась чрезъ топкую дельту Харуда и, обогнувъ сѣверо-западный уголъ озера Хамуна, называемаго въ южной части его Заре, чрезъ скалистый перевалъ Теберкендъ, вырубленный Надиръ-Шахомъ при походѣ его въ Индію, и чрезъ урочище Хоузи-Джанъ-Бекъ Белуджь, 23 февраля благополучно возвратилась въ предѣлы Хорасана, въ пограничный персидскій городъ Нихъ, образующій съ небольшою крѣпостцею Берданъ округъ Нихбенданъ, богатый пастбищами, но чрезвычайно мало населенный отъ частыхъ нападеній Белуджей. Изъ Ниха ведетъ прямая дорога въ Кирманъ, идущая чрезъ Дихи-Сальмъ и чрезъ безводную степь Лютъ; для прохода по ней надобно было нанимать верблюдовъ; весною же животныя эти чрезвычайно тощи и слабы, такъ что, не смотря на всѣ усилія нанять ихъ въ достаточномъ количествѣ, послѣ 8-ми дневныхъ безпрерывныхъ совѣщаній объ этомъ съ губернаторомъ Ниха и хозяевами верблюдовъ, рѣшено было идти по сѣверной окраинѣ Люта до Серичаха и уже оттуда, пользуясь сборомъ большаго каравана, идущаго всякую весну изъ Хорасана въ Кирманъ и Бендеръ-Аббаси, совершитъ трудный переходъ чрезъ пустыню.

Вслѣдствіе ранняго времени года, путешественники до самаго Анаръ-

Дере не встрѣчали еще слѣдовъ растительности; только здѣсь начали показываться первыя растенія, предвѣстники наступающей весны, напоминающія своимъ характеромъ первую весеннюю растительность Кавказа и особенно долины Куры, которую профессоръ Бунге изслѣдовалъ въ предшествовавшемъ году. Такое раннее развитіе растительности встрѣчалось однако только въ окрестностяхъ Анаръ-Дере, далѣе вся природа была еще погружена въ зимній сонъ, хотя изрѣдка попадающіяся пальмы и доказывали, что Лашская мѣстность принадлежитъ къ теплой полосѣ. Частые переходы черезъ горы, встрѣчающіяся по дорогѣ источники и соляныя болота, представляли богатое поприще для изслѣдованій Гебеля. Къ сожалѣнію, при отсутствіи безопасности въ Лашской области, нельзя было думать объ экскурсіяхъ въ горы, лежащія на нѣкоторомъ разстояніи, такъ что Гебель долженъ былъ ограничиться изслѣдованіемъ тѣхъ горныхъ проходовъ, черезъ которые пролегала дорога. Только въ Анаръ-Дере были предприняты небольшія поѣздки съ геогностическою и ботаническою цѣлью въ горы, которыя, какъ мы видѣли изъ описанія пути экспедиціи, подходятъ здѣсь довольно близко къ селенію. Такъ какъ зимнее время отличается здѣсь частыми туманами, то и работы Р. Э. Ленца, по крайней мѣрѣ въ началѣ путешествія изъ Герата въ Лашъ, не могли идти удовлетворительно; но чѣмъ далѣе экспедиція подвигалась на югъ, тѣмъ погода становилась благопріятнѣе и астрономическія наблюденія многочисленнѣе.

Почва около озера Заре отличалась безплодіемъ; на огромныхъ пустынныхъ пространствахъ изрѣдка пробивались чрезъ землю небольшія растенія; только при переходахъ чрезъ отрасли Бенданскаго хребта начала показываться болѣе роскошная растительность, напоминающая характеромъ растительность сѣверныхъ частей Хорасана, и только на границѣ Люта попадались растенія, принадлежавшія къ Аравійской и Суэзской флорамъ.

Между Нихомъ и Серичахомъ Гебель, изъ деревни Басиранъ, ѣздилъ осматривать расположенный вблизи этого мѣста рудникъ Калезяри. Судя по сохранившимся остаткамъ огромнаго горнаго завода и согласно показаніямъ мѣстныхъ жителей, надобно думать, что въ прежнія времена здѣсь добывалась въ изобиліи мѣдная и свинцовая руды, но рудники эти почти вовсе были оставлены, по опасности отъ нападенія Белуджей, и только малая часть мѣди выплавлялась жителями Басирана.

Въ Серичахѣ экспедиція дѣйствительно нашла караванъ въ сборѣ, но верблюдовожатые все не надѣялись еще на силу своихъ верблюдовъ и подъ разными предлогами оттягивали срокъ выступленія въ пустыню. Десять дней, проведенные здѣсь экспедиціею, были употреблены на покупку и приведеніе въ годность 110 бурдюковъ для воды, на закупку потребнаго для перехода чрезъ пустыню ячменя, самана и жизненныхъ припасовъ. Въ эти десять дней естествоиспытатели экспедиціи дѣлали ежедневныя поѣздки по окрестностямъ Серичаха; топографъ же Жариновъ, подъ предлогомъ покупки провизіи, былъ отправленъ въ Бирджандъ, для связи маршрута, снятаго

Физич. Географіи, Г. П. Гельмерсеномъ), академиковъ: К. С. Веселовскаго, П. И. Кеппена, А. Н. Савича и Секр. Общ. В. П. Безобразова. Для первоначальныхъ сужденій Коммиссіи приглашены были также Корпуса Топографовъ полковникъ С. С. Тутиковъ и капитанъ И. С. Шваревъ, преимущественно участвовавшіе въ самыхъ работахъ по составленію карты.

Коммиссія прежде всего опредѣлила предѣлы карты (паралели Нордкапа и Демавенда, меридіаны Звѣриноголовска и западной оконечности Польши) и ея масштабъ (40 вер. въ дюймѣ) и раздѣлила ее на 12 листовъ.

Затѣмъ относительно проекціи карты изъ двухъ, употребительныхъ проекцій, Бонна и Гаусса, Коммиссія избрала послѣднюю, какъ представлявшую наиболѣе удобствъ для предположенной карты Россіи. Желая придать болѣе точности въ отношеніи измѣренія разстояній, и принимая во вниманіе, что сѣверная часть карты въ своихъ очертаніяхъ не представляла ничего особо замѣчательнаго, Коммиссія, при исчисленіи проекцій, за нормальныя параллели, приняла параллели широтъ 58° и 46°. Притомъ положено было приложить особые масштабы для поясовъ въ 7° или 8° разности-широты, на боковыхъ краяхъ рамки. Долготы должны были быть означены на рамкахъ отъ перваго меридіана, считая его на 20° къ западу отъ Парижскаго. Для сличенія составляемой карты съ изданными по другимъ меридіанамъ, вверху каждаго листа была надписана разность долготъ Пулкова отъ Парижа и отъ Гринвича.

Что касается до предметовъ, подлежащихъ нанесенію, то Коммиссія опредѣлила нанести на карту: всѣ безъ исключенія астрономическіе пункты, всѣ города, пригороды и мѣстечки, мануфактурные, промышленные поселки и заводы, въ мѣстностяхъ мало населенныхъ почтовыя станціи (при этомъ впрочемъ не было разъяснено о томъ, какія селенія должны быть наносимы на карту), границы губерній и уѣздовъ, дороги желѣзныя, шоссейныя, почтовыя и торговыя, рѣки судоходныя, сплавныя и чѣмъ-либо замѣчательныя, замѣчательныя озера и болота, горы Уральскія, Кавказскія, Крымскія, отрасли Карпатскихъ, Финляндскія и Алаунскія.

Наконецъ относительно способа исполненія карты Коммиссія, имѣя въ виду, что предполагаемая къ изданію карта должна быть доступна для общаго употребленія и главнымъ достоинствомъ имѣть точность показаній, съ возможностью скораго отыскиванія и различенія того или другаго предмета, Коммиссія нашла необходимымъ гравировать карту на мѣди.

Совѣтъ Общества принялъ всѣ основанія предложенныя Коммиссіею, но во время сужденій своихъ объ изданіи карты обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что губерніи Вятская, частію Костромская и Вологодская не могутъ быть благонадежно нанесены на карту, ибо въ нихъ нѣтъ пунктовъ, опредѣленныхъ астрономически. Для устраненія такого недостатка въ картѣ, Совѣтъ входилъ по этому предмету въ сношеніе съ Генеральнымъ Штабомъ. Генералъ-Квартирмейстеръ Баронъ Ливенъ увѣдомилъ Совѣтъ, что, принимая живое участіе въ изданіи Императорскимъ Русскимъ Геогра-

Кирманскаго визиря Мухаммедъ-Измаилъ-Хана. Ленцъ, окончивъ наблюденія для опредѣленія широты и долготы Кирмана, ѣздилъ съ Н. В. Ханыковымъ въ Маканъ, самый южный пунктъ, посѣщенный экспедиціею. Мѣсто это знаменито по тому что здѣсь погребенъ Шейхъ-Нигметъ-Улла, умершій 134 лѣтъ отъ роду въ 834 г. Хеджры; Маканъ былъ до того посѣщенъ только въ началѣ нынѣшняго столѣтія Потинджеромъ, при проѣздѣ его изъ Белуджистана въ Ширазъ. Для большаго удобства слѣдованія и по необходимости для проф. Бунге скорѣе возвратиться на родину, начальникъ экспедиціи, принявъ во вниманіе совершенную безопасность переѣзда отъ Кирмана до Тегерана, отпустилъ Бунге, гр. Кейзерлинга и Бинерта впередъ 18 апрѣля, снабдивъ перваго изъ нихъ рекомендательными письмами къ правителю Іезда, армянскому епископу въ Исфаганѣ и къ полномочному министру нашему въ Тегеранѣ Н. А. Аничкову; самъ же, съ остальными членами экспедиціи, послѣ подробнаго осмотра памятниковъ Кирмана и возможно близкаго изученія быта и положенія Гебровъ, выѣхалъ 23-го по дорогѣ въ Іездъ.

Дорога изъ Кирмана до Іезда, какъ сообщилъ Обществу Бунге въ своемъ прекрасномъ третьемъ отчетѣ [1]), представляла мало матерьяла для ботаника. Глинистая почва, доставляющая здѣсь, при искусственномъ орошеніи, богатые урожаи пшеницы, ячменя и хлопка, въ необработанномъ состояніи производитъ весьма мало растеній; степень растительности зависитъ притомъ отъ количества соли, которою пропитана эта почва. Въ мѣстахъ, гдѣ почва состояла изъ грубаго щебня съ большою примѣсью соли, растительность прекращалась вовсе; тамъ же, гдѣ щебенистая почва менѣе пропитана солью, показывалась бѣдная флора, и между прочимъ небольшія однолѣтнія степныя растенія; по мѣрѣ приближенія къ подошвѣ горъ, эти послѣднія становились гораздо многочисленнѣе. На песчаныхъ почвахъ видны были опять совершенно другія растенія; нѣкоторыя изъ нихъ были исключительно эндемическія, другія же принадлежали къ общей флорѣ южной Персіи.

Безплодность почвы около Іезда не даромъ перешла въ пословицу;— тощая растительность между Кирманомъ и Іездомъ, становилась все бѣднѣе по мѣрѣ приближенія къ сему послѣднему пункту. Не смотря на то, вездѣ, гдѣ почва подвергалась искусственному орошенію, возникали оазисы, покрытые богатою растительностью хлѣбныхъ растеній, хлопка и мака.

Первая половина дороги изъ Іезда въ Исфаганъ была похожа на дорогу изъ Кирмана въ Іездъ: та же почва, та же бѣдность растеній. Растительность начала нѣсколько болѣе развиваться только у деревни Агда, и за тѣмъ, по мѣрѣ возвышенія почвы, становилась изобильнѣе, теряла предшествующій характеръ и переходила въ формы флоры восточной Персіи. Въ горахъ между Іездомъ и Исфаганомъ найдено было нѣсколько растеній,

---

[1]) См. Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ. 1860 г., кн. 2.

которыя встрѣчаются въ Киргизскихъ степяхъ. Пространство же отъ этихъ горъ до Исфагана представляло опять безплодную пустыню. Надо предполагать, что почва сей послѣдней, сильно пропитанная солью, богата солеными растеніями, но по причинѣ ранняго времени года, эта флора еще была мало развита. Не смотря однако на раннее время года и на ночные спѣшные переѣзды, ботаникамъ экспедиціи удалось и на этомъ пути собрать много замѣчательныхъ растеній.

Достигнувъ лагеря Императорской Миссіи въ Зергенде, близъ Тегерана, передовой отрядъ экспедиціи остановился здѣсь на нѣсколько дней. Это время Бинертъ посвятилъ на ботаническія экскурсіи въ окрестностяхъ; собранныя имъ растенія однако уже большею частію были извѣстны изъ коллекцій ботаника Котчи.

Какъ было выше сказано, начальникъ экспедиціи съ остальными членами оной, выѣхавъ изъ Кирмана 23 апрѣля, чрезъ деревни Багынъ, Кябутарханъ, Бахрамгабадъ, Хушкъ, Анаръ, разваленный караванъ-сарай Кирманъ-Шаханъ и деревню Сяри-Iездъ, 1 мая прибылъ въ Iездъ и остался тамъ до 9-го, какъ для изученія памятниковъ и особенностей этого мало извѣстнаго и въ высшей степени промышленнаго города, такъ и для снятія подробнаго плана онаго. Р. Э. Ленцъ въ это время произвелъ рядъ астрономическихъ, метеорологическихъ и магнитныхъ наблюденій, чрезъ что съ точностью опредѣлилась весьма шаткая дотолѣ на картахъ широта и долгота этого города, его магнитныя координаты и напряженіе въ немъ силы земнаго магнитизма. Гебель же знакомился съ техническими пріемами Iездскихъ фабрикантовъ. 9-го экспедиція переѣхала въ большое селеніе Тафтъ, занятое на половину Гебрами и Мусульманами. Тамъ 10-го, Гебель посѣтилъ знаменитую въ Персіи Тафтскую пещеру, гдѣ онъ собралъ богатую коллекцію минераловъ и открылъ обильную бирюзовую руду, которую мѣстные жители принимали за Lapis lazuli; оттуда чрезъ деревню Меймунъ, Мейгудъ, Акда, Гокъ-Гумбязъ, Лагирекъ, Купа, Сякзи и Хуросканъ, экспедиція 19-го прибыла въ Исфаганъ и была не только радушно принята правителемъ, но помѣщена въ лучшемъ изъ Исфаганскихъ дворцовъ—Иморяти-Садріэ. Здѣсь съемки экспедиціи связались съ обширными топографическими работами, произведенными въ 1851 и 52 годахъ, подъ руководствомъ ген.-м. Чирикова, въ западной Персіи, такъ что послѣ того Россія сдѣлалась обладательницею самаго богатаго собранія топографическихъ свѣдѣній объ этой странѣ. Въ Исфаганѣ экспедиція осталась 7 дней, срокъ, едва достаточный для поверхностнаго обзора многочисленныхъ памятниковъ Сефевидской династіи, украсившей столицу свою великолѣпными дворцами, мостами, водопроводами, училищами, обширными садами, мечетями, караванъ-сараями и базарами. По отзыву Ханыкова, нигдѣ въ цѣлой Персіи, въ такое короткое время не приносили къ нему столько интересныхъ восточныхъ манускриптовъ. Гебель, передъ самымъ городомъ, на переходѣ между деревнями Сякзи и Гульнабадомъ открылъ огромное мѣсторожденіе глауберовой соли, покрывающей

своими кристаллами пространство около 6-ти квадратныхъ географическихъ миль. Р. Э. Ленцъ опредѣлилъ широту, долготу и магнитныя координаты города. Выѣхавъ 26 изъ Исфагана, экспедиція чрезъ караванъ-сарай Гязъ и деревни Мурчахуръ, Соу, Кухрудъ, Башфинъ близъ Кашана, Синсинъ, Пасянганъ, городъ Кумъ, Пули-Даллякъ, Хоузи-Султанъ и Кенаре-Гирдъ прибыла 7 іюня въ лагерь Императорской Миссіи, Зергенде, изъ коего проф. Бунге, графъ Э. Кейзерлингъ и Бинертъ выѣхали только 5-го. Здѣсь, распустивъ окончательно 18-го іюня всѣхъ членовъ экспедиціи, Ханыковъ долженъ былъ остаться до 24 іюля при Императорской Миссіи; Ленцъ, Ристори и топографъ Петровъ направились чрезъ Сары въ Ашураде для того, чтобы воспользоваться пароходнымъ сообщеніемъ съ Астраханью и для съемки недостававшаго у экспедиціи маршрута отъ Тегерана до прибрежья Каспія; Гебель же изъявилъ желаніе возвратиться на границу съ Ханыковымъ чрезъ Адербейджанъ.

Пользуясь пребываніемъ Ханыкова въ Зергенде, Гебель совершилъ нѣсколько поѣздокъ, въ близъ-лежащія горы Шемрунъ, и предпринялъ затѣмъ на свой счетъ двухнедѣльную экскурсію на гору Демавендъ и къ небольшому горному озеру Таръ, окруженному известковыми скалами, богатыми окаменѣлостями. Для съемки приданъ былъ ему топографъ Жариновъ, составившій подробную карту какъ самаго Демавенда, такъ и его окрестностей до Тегерана включительно. Восхожденіе на Демавендъ было предпринято въ сопровожденіи 8-ми проводниковъ, взятыхъ изъ деревни Абигермъ, послѣдняго жилого мѣста подъ вершиною горы. Топографъ Жариновъ съ двумя проводниками достигъ 30 іюня вершины Демавенда. Гебелю, сопровождаемому только однимъ проводникомъ, такъ какъ прочіе 5 отказались идти далѣе, удалось въ этотъ день добраться только до ледянаго поля (Firneisfeld), лежащаго у внѣшней подошвы кратера; 2 іюля Гебель, съ тремя проводниками, предпринялъ второе восхожденіе, и 3 іюля достигъ вершины кратера этого интереснаго вулкана, высота коего достигаетъ, по измѣренію Лемма, 21.000 фут.

Горячіе ключи, пробивающіеся чрезъ кору земли на разныхъ высотахъ горы и многочисленные фумаролы (дымящіяся отверстія, извергающія водяные пары съ сѣрнисто-кислымъ газомъ), окружающія кратеръ, служатъ явными признаками до сихъ поръ продолжающейся внутренней вулканической дѣятельности Демавенда.

Черезъ лагерь Шаха въ Султаніэ, копи каменной соли близъ деревни Маманъ и чрезъ обширную плоскую возвышенность, тянущуюся между Міаной и Марагой, коснувшись восточнаго берега Урмійскаго озера, Н. В. Ханыковъ и Гебель возвратились 22 августа на нашу границу.

Изслѣдованія Хорасанской экспедиціи обняли значительную часть Азіатскаго материка въ 10 градусовъ по меридіану и въ 13 градусовъ по параллели, и пріобрѣли для географіи вѣрное очертаніе болѣе чѣмъ 350.000 квадратныхъ верстъ, очертаніе, основанное какъ на 100 пунктахъ, поло-

женіе коихъ опредѣлено астрономически, такъ и на непрерывной сѣти треугольниковъ, начавшейся у Астрабада и доведенной топографомъ Жариновымъ до западной границы съ Персіею на Араксѣ. Сверхъ того экспедиція произвела большое количество тригонометрическихъ и барометрическихъ измѣреній, съ точностью опредѣляющихъ профиль сказаннаго пространства, на коемъ болѣе чѣмъ въ 30 пунктахъ опредѣлены магнитныя координаты и напряженіе земнаго магнетизма и вмѣстѣ съ тѣмъ произведены точныя наблюденія, позволяющія нѣсколько вѣрнѣе охарактеризовать климатъ этой части Азіи. Сверхъ того собрано до 2000 видовъ растеній, богатыя коллекціи животныхъ и 43 ящика образцовъ почвъ, солей и горныхъ породъ пройденной мѣстности. Независимо отъ этаго изслѣдованія, край подвергся подробному археологическому обзору, несомнѣнно пролившему новый свѣтъ на его исторію, и были собраны свѣдѣнія, позволившія пополнить то, что до того было извѣстно о его географическихъ элементахъ.

Такимъ образомъ нѣтъ сомнѣнія, что Хорасанская экспедиція, по своему личному составу, объему и разнообразію своихъ изслѣдованій и обилію собранныхъ научныхъ матерьяловъ была однимъ изъ успѣшныхъ и даже блистательныхъ предпріятій Географическаго Общества. Къ сожалѣнію Совѣту Общества, за совершеннымъ недостаткомъ денежныхъ средствъ, не удалось ни осуществить полную систематическую разработку собранныхъ экспедиціею драгоцѣнныхъ матерьяловъ, ни сосредоточить обнародованіе результатовъ экспедиціи въ одномъ издаваемомъ Обществомъ сочиненіи.

Отсюда и произошло то, что Н. В. Ханыковъ, получившій, по окончаніи своей экспедиціи, мѣсто русскаго агента М-ва Народн. Просвѣщенія въ Парижѣ, по обработкѣ чисто географическихъ и отчасти этнографическо-историческихъ результатовъ экспедиціи, обнародовалъ ихъ въ Парижѣ на французскомъ языкѣ, на счетъ Парижскаго Географическаго Общества [1]). Только впослѣдствіи Н. В. Ханыковъ пользовался еще матерьялами Хорасанской экспедиціи для дополненій къ I тому Риттерова Ирана. Остальные Члены Экспедиціи обнародовали результаты постепенно и медленно обработываемыхъ ими матерьяловъ, въ различныхъ спеціальныхъ изданіяхъ [2]).

Ревизіонныя Коммиссіи не разъ выражали свои сожалѣнія по этому предмету, но Совѣтъ Общества, разъ выпустивъ все дѣло изъ своихъ рукъ, по неимѣнію и неприисканію своевременно средствъ на разработку и изда-

---

[1]) Труды Ханыкова появились въ Mémoires de la Société de Géographie de Paris, подъ заглавіемъ: 1) Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie Centrale par N. de Khanikoff 1861 съ картою и 2 планами, и 2) Mémoire sur l'ethnographie de la Perse par N. de Khanikoff Paris 1866 съ 3 таблицами типовъ. Первое изъ этихъ сочиненій вошло въ составъ VII тома Mémoires de la Soc. de Géogr. de Paris.

[2]) Такъ Э. Ленцъ напечаталъ «Изсл. въ Восточн. Персіи и Хератскомъ владѣніи» въ Прилож. къ VIII т. Запис. Имп. Акад. Наукъ № 4, 1868, съ картою. А. Гебель представилъ также Академіи нѣсколько отдѣльныхъ мемуаровъ, преимущественно химическаго содержанія. А. Бунге пользовался собранными имъ въ экспедиціи матерьялами при монографической разработкѣ отдѣльныхъ родовъ растеній.

ніе результатовъ Хорасанской экспедиціи, уже рѣшительно былъ въ невозможности поправить дѣло.

Мы видѣли въ одной изъ предшедшихъ главъ (стр. 89) какъ Импер. Русск. Геогр. Общество заботилось о картографіи Арало-Каспійской котловины и какъ оно, задумавъ составленіе обширной карты С.-З. части Средней Азіи, между 35° и 55° с. ш. и 67° и 95° в. д. отъ Ферро, раздѣлило этотъ обширный трудъ на четыре отдѣльныя карты. Изъ нихъ карта Аральскаго моря и Хивинскаго ханства была исполнена Я. В. Ханыковымъ и издана Обществомъ еще въ 1850 г., карта озера Иссыкъ-Куль и окружающей его части Средней Азіи была составлена также Я. В. Ханыковымъ, но отъѣздъ, болѣзнь и смерть его и его сотрудника А. П. Болотова, окончательно задержали изданіе карты до начала разсматриваемаго періода, а быстрые успѣхи географическихъ и картографическихъ изслѣдованій въ этой части Азіи въ разсматриваемомъ періодѣ, изложенные въ предшедшей главѣ, сдѣлали изданіе ея уже несвоевременнымъ.

Составленіе карты Сѣверной Персіи было возложено на Н. В. Ханыкова, но полученное при этомъ составленіи убѣжденіе въ несовершенствѣ картографическихъ матерьяловъ, относящихся до Сѣверной Персіи, навели его на мысль о необходимости только что описанной Хорасанской экспедиціи, картографическіе матерьялы которой и послужили исполненіемъ возложеннаго Обществомъ на Н. В. Ханыкова порученія.

Что же касается до 4-го листа предполагавшейся къ составленію въ предшедшемъ періодѣ карты, то онъ обнималъ собою водоемъ собственно Каспійскаго моря и Общество уже въ началѣ періода пришло къ убѣжденію, что матерьялы для карты Каспійскаго моря до такой степени устарѣли (лучшій атласъ Каспійскаго моря Колодкина относился къ 1781 году) и были несовершенны, что, для составленія карты Каспійскаго моря, необходимо было сдѣлать его новую опись.

Августѣйшій Предсѣдатель Общества, особенно внимательно слѣдившій за развитіемъ дѣятельности Общества въ это время, исходя изъ этого убѣжденія, немедленно по вступленіи своемъ, въ качествѣ Генералъ-Адмирала, въ дѣйствительное управленіе Морскимъ Министерствомъ, выдвинулъ опись Каспійскаго моря на первый планъ гидрографическихъ работъ ввѣреннаго ему Министерства и, хотя Географическое Общество не имѣло непосредственнаго матерьяльнаго участія въ этомъ предпріятіи, всецѣло принадлежавшемъ Морскому Министерству, но все таки опись и изслѣдованіе Каспійскаго моря совершались въ непосредственной связи и общеніи съ работами Общества на пользу русской географіи.

Предварительная записка, съ указаніемъ главнѣйшихъ основаній, на которыхъ должна была быть произведена опись Каспійскаго моря, была составлена, по порученію Августѣйшаго Предсѣдателя, Вице-Предсѣдателемъ Общества Ѳ. П. Литке, а въ начальники экспедиціи былъ избранъ, по указанію Ѳ. П. Литке, Д. Чл. Общества Н. А. Ивашинцовъ, съ 1850 г. уже принимавшій дѣя-

тельное участіе въ занятіяхъ Общества, съ 1860 г. бывшій Помощникомъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Физической Географіи, а въ послѣдній годъ своей жизни Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи Математической Географіи.

Экспедиція Ивашинцова была уже снаряжена въ 1856 году, но цѣлый рядъ несчастій, постигшихъ ее въ началѣ ея работъ, отодвинулъ его дѣятельность до разсматриваемаго періода. Какъ только экспедиція, лѣтомъ 1856 года, прибыла въ Астрахань скончался тамъ отъ холеры ея астрономъ Остолоповъ, а когда, на мѣсто его, были назначены Ивашинцову въ помощники лейт. Кошкуль и Симоновъ, произведшіе цѣлый рядъ работъ въ теченіе лѣта 1857 года, то, при входѣ ихъ въ Апшеронскій проливъ, на старомъ пароходѣ Куба, пароходъ погибъ, вмѣстѣ съ обоими астрономами экспедиціи, хронометрами ими перевозимыми, журналами ихъ наблюденій и всѣми результатами годовыхъ работъ.

Но это ужасное несчастіе не прекратило дѣятельности экспедиціи. Зимою 1857—58 г. были заготовлены и испытаны новые хронометры и инструменты, а Ивашинцову назначены новые помощники—лейт. Ульскій и Пущинъ и подпоруч. Мякишевъ, которые приготовились къ практическимъ наблюденіямъ подъ руководствомъ Предсѣдат. Отдѣленіемъ Матем. Географіи О. В. Струве.

Съ тѣхъ поръ экспедиція работала ежегодно въ навигаціонное время до 1867 г., т. е. въ теченіе 10 лѣтъ и блистательно привела къ окончанію весь широко задуманный ея планъ. Результатами экспедиціи были:

1) Опредѣленіе вокругъ всего морскаго бассейна, съ замѣчательною точностью, всѣхъ необходимыхъ для прочнаго основанія генеральной карты Каспійскаго моря астрономическихъ пунктовъ.

2) Береговая съемка почти всѣхъ Каспійскихъ прибрежій, съ тою точностью и отчетливостью, какая была необходима не только для практическихъ мореплавателей, но и для ученыхъ, желающихъ имѣть прочное основаніе для наблюденій за измѣненіями береговой линіи, какъ вслѣдствіе наносовъ, вносимыхъ въ море его притоками, размыва морскими волнами крутыхъ береговъ, такъ и вслѣдствіе береговыхъ поднятій.

3) Самые подробные прибрежные морскіе промѣры мелководныхъ пространствъ моря, съ опредѣленіемъ, съ необыкновенною точностью, всѣхъ отмелей, рифовъ и другихъ препятствій для мореплаванія. Промѣры эти были особенно важны съ научной точки зрѣнія потому, что дали прочную исходную точку для изслѣдованій объ измѣненіяхъ уровня Каспійскаго моря, вслѣдствіе ли колебанія морскаго дна, береговыхъ поднятій или отсутствія равновѣсія между притекающею и испаряющеюся водою.

4) Изслѣдованіе всего рельефа и физическихъ свойствъ дна Каспійскаго моря, собраніе многочисленныхъ образцовъ воды на различныхъ глубинахъ и въ разныхъ частяхъ бассейна, а также образцовъ морскихъ осадковъ (ила) и морскихъ животныхъ, находимыхъ на значительныхъ глубинахъ. Снаряды употребляемые для изслѣдованія морскихъ глубинъ были устроены

на однихъ основаніяхъ съ тѣми, которые служили для тѣхъ же цѣлей при проведеніи трансатлантическаго телеграфа, но отличались отъ нихъ остроумными приспособленіями, придуманными Д. Чл. Общ. Ульскимъ. Имъ же и были изложены результаты изслѣдованій экспедиціи относительно рельефа дна Каспійскаго моря, въ изданной Обществомъ въ его „Запискахъ" 1864 г. статьѣ, съ картою, на которой различныя глубины моря отмѣчены были 6-ю тонами.

5) Полный атласъ различныхъ частей Каспійскаго моря, приведенный Ивашинцовымъ и его сотрудниками къ окончанію въ 1870 г.

6) Цѣлый рядъ превосходныхъ магнитныхъ наблюденій, производившихся по берегамъ Каспійскаго моря съ 1858 г. по 1867 годъ; результаты этихъ наблюденій были изданы Гидрографическимъ Департаментомъ въ 1870 г. отдѣльнымъ томомъ, въ 44 печ. листа, съ графическими таблицами и магнитными картами Каспійскаго моря.

Географическое Общество выражало въ теченіе всего періода свое живое и постоянное участіе въ столь полезныхъ для географической науки работахъ своихъ сочленовъ: Н. А. Ивашинцова, А. Ѳ. Ульскаго и Н. Л. Пущина (впослѣдствіи Члена Совѣта и Директ. Гидрогр. Департамента). Въ 1865 г. Совѣтъ Общества присудилъ Ивашинцову высшую свою награду Константиновскую медаль, а Ульскому малую золотую, а самый компетентный изъ научныхъ знатоковъ Каспійскаго моря въ средѣ Общества К. М. Бэръ, въ одномъ изъ его засѣданій, выразился, что ни одно море не было въ такой точности изслѣдовано экспедиціею русскихъ моряковъ, да и едва ли какой либо водный бассейнъ столь подробно изученъ въ наутическомъ отношеніи какъ Каспійское море. Если же принять въ соображеніе то, чего К. М. Бэръ не могъ говорить по скромности, какъ изслѣдователь Каспійскаго бассейна съ общей географическо-естественно-исторической точки зрѣнія, а также съ практическо-зоологической, по отношенію къ изслѣдованію Каспійскаго рыболовства, то окажется, что Географическому Обществу, отчасти путемъ снаряженныхъ имъ экспедицій и работъ его сочленовъ, отчасти своею иниціативою и своимъ вліяніемъ, удалось, въ теченіе разсматриваемаго періода, добиться до такого полнаго изслѣдованія Каспійскаго водоема, какой не выпадалъ на долю ни одного изъ прилежащихъ къ Россіи водныхъ бассейновъ.

Къ сожалѣнію изданный въ началѣ 1870 г., подъ редакціею Н. А. Ивашинцова, II томъ Гидрографическаго изслѣдованія Каспійскаго моря былъ его лебединою пѣснью: онъ скончался въ исходѣ 1870 года.

Весьма много способствовали расширенію круга нашихъ познаній объ Арало-Каспійской низменности, въ разсматриваемомъ періодѣ, снаряженная въ 1858 г., по Высочайшему повелѣнію, подъ начальствомъ флигель-адъютанта Н. П. Игнатьева, миссія въ Хиву и Бухару, а также снаряженная по Высочайшему повелѣнію, подъ начальствомъ полковн. В. Д. Дандевиля, экспедиція для обозрѣнія восточн. берега Каспійскаго моря, начиная отъ Ман-

гышлакскаго полуострова до Персидской границы; послѣдняя экспедиція дѣйствовала до нѣкоторой степени въ связи съ работами экспедиціи Ивашинцова.

Въ обѣихъ экспедиціяхъ принималъ участіе Д. Чл. Общества М. Н. Галкинъ-Врасской (тогда дипломатическій чиновникъ при Оренбургскомъ генералъ губернаторѣ, впослѣдствіи Саратовскій губернаторъ, нынѣ Начальникъ Главн. Тюремн. Управленія), которому географическая наука и Общество обязаны не только веденіемъ дневниковъ миссіи и экспедиціи и собраніемъ драгоцѣнныхъ этнографическихъ матерьяловъ, особливо о Туркменахъ, но и сообщеніемъ Обществу любопытной и богатой новыми фактами статьи, напечатанной въ I томѣ „Записокъ“ Импер. Русскаго Геогр. Общества по Отдѣленію Этнографіи и увѣнчанной въ 1866 году серебряною медалью Общества. Въ концѣ разсматриваемаго періода М. Н. Галкинъ-Врасской, разработавъ весьма обстоятельно всѣ собранныя имъ во время обоихъ его интересныхъ путешествій матерьялы, издалъ ихъ особою книжкою [1]).

Въ концѣ разсматриваемаго періода, въ средѣ Общества, возникъ вопросъ о снаряженіи экспедиціи для изслѣдованія древняго русла Аму-Дарьи и возможности поворота рѣки въ старое русло. Иниціатива этого вопроса принадлежала В. В. Григорьеву, который уже въ 1864 году представилъ Совѣту Общества записку по этому предмету, въ которой высказывалъ основанное имъ на историческихъ данныхъ убѣжденіе, что Аму-Дарья текла въ прежнія времена въ Каспійское море и вмѣстѣ съ тѣмъ выражалъ свое мнѣніе о томъ, что поворотъ рѣки въ старое русло онъ считаетъ и въ настоящее время возможнымъ.

Записка Григорьева, вмѣстѣ съ соображеніями А. Н. Савича, Н. А. Ивашинцова и А. Ѳ. Ульскаго, поддерживавшими предложенное Григорьевымъ снаряженіе экспедиціи, было напечатано въ „Запискахъ“ Общества. Задачи, представлявшіяся для ученой экспедиціи въ тѣхъ краяхъ, должны были состоять въ съемкѣ Туркменской степи, къ югу отъ Усть-Урта, въ нивеллировкѣ той полосы ея, которая находится между Балханскимъ заливомъ и границею Хивинскаго оазиса, наконецъ въ подробномъ описаніи стараго русла Аму-Дарьи и всѣхъ существующихъ на этомъ пространствѣ остатковъ, свидѣтельствующихъ о прежней его населенности. Совѣтъ передалъ предположеніе Григорьева на разсмотрѣніе Д. Членовъ Н. П. Игнатьева, О. В. Струве и С. И. Зеленаго, которые, выразивъ полное сочувствіе къ мысли о снаряженіи экспедиціи, признали однако же исполненіе предположенія въ то время несвоевременнымъ, такъ какъ оно встрѣтило бы существенныя препятствія въ отсутствіи опорнаго пункта, отъ котораго могли бы начаться изслѣдованія.

Вслѣдствіе того Совѣтъ Общества оказался вынужденнымъ въ 1864 г.

---

[1]) М. Н. Галкина: «Этнографическія и историческіе матерьялы по Средней Азіи и Оренбургскому краю» С.-П.-Б. 1869 (21 печ. листъ).

ограничиться сношеніемъ съ Оренбургскимъ Генералъ-Губернаторомъ, прося его извѣстить Общество, когда будетъ предприниматься топографическая съемка въ упомянутой мѣстности, съ тѣмъ, чтобы Общество могло въ то время озаботиться присоединеніемъ къ съемочнымъ работамъ и своихъ собственныхъ географическихъ изслѣдованій.

Ген.-Ад. Безакъ обратилъ на предположеніе Общества полное свое вниманіе и увѣдомилъ его, что, обдумавъ окончательно вопросъ объ изслѣдованіи прежняго русла Аму-Дарьи, онъ включилъ его, съ цѣлью удовлетворенія желанія Общества, въ число работъ, предназначенныхъ имъ для производства мѣстными чинами Генеральнаго Штаба въ 1865 году.

Но дальнѣйшихъ послѣдствій это дѣло не имѣло, тѣмъ болѣе что Закаспійскія наши владѣнія, съ занятіемъ Красноводскаго залива, перешли въ вѣдѣніе Кавказскаго Намѣстника.

Между тѣмъ вопросъ объ экспедиціи поднялся снова, въ Отдѣленіи Географіи Физической въ 1867 году. Иниціатива въ этотъ разъ принадлежала Д. Чл.: В. П. Васильеву, Г. П. Гельмерсену, В. В. Григорьеву, С. И. Зеленому, Н. А. Ивашинцову и А. Н. Савичу.

Отдѣленіе отнеслось къ предложенію съ величайшимъ сочувствіемъ и для обсужденія его избрало особую Коммиссію подъ предсѣдательствомъ П. П. Семенова изъ Дѣйствительныхъ Членовъ: А. И. Бутакова, А. К. Гейнса, А. И. Глуховского, В. В. Григорьева, Н. А. Ивашинцова, С. И. Зеленаго, А. Н. Савича и М. Г. Черняева.

Близкое знакомство избранныхъ въ Коммиссію лицъ съ положеніемъ дѣлъ въ Средней Азіи и съ условіями снаряженія экспедицій въ тамошнихъ краяхъ, придавало сужденіямъ, происходившимъ въ Коммиссіи, особый интересъ. Всѣ присутствовавшіе единогласно заявили свое сочувствіе къ ученому предпріятію, которое могло бы повести къ разрѣшенію одного изъ любопытнѣйшихъ вопросовъ, касающихся физической географіи Азіи; кромѣ того обстоятельное изслѣдованіе стараго русла Аму-Дарьи могло имѣть важныя практическія послѣдствія. Всѣ сознавали однако, что достиженіе предполагавшейся цѣли было сопряжено съ немаловажными затрудненіями. Самыми главными препятствіями представлялись неустроенное состояніе края и враждебное настроеніе обитающихъ въ немъ племенъ. Большинство членовъ Коммиссіи полагало, что для осуществленія ученаго предпріятія не только необходимо, чтобы экспедицію сопровождала значительная военная сила, но и то, чтобы работы экспедиціи были обезпечены предварительнымъ занятіемъ устья Аму-Дарьи сильнымъ военнымъ отрядомъ и одновременною посылкою парохода въ Балханскій заливъ Каспійскаго моря. Эти обстоятельства заставили Коммиссію пріостановиться подробною разработкою плана экспедиціи и просить Предсѣдательствующаго П. П. Семенова представить Совѣту о результатахъ происходившаго совѣщанія, на тотъ конецъ не пред-

ставится ли впослѣдствіи возможность осуществленія столь интересной и полезной въ научномъ отношеніи экспедиціи.

Къ концу разсматриваемаго періода обстоятельства сложились нѣсколько благопріятнѣе, такъ что Предсѣдательствующій Отдѣленіемъ Физической Географіи П. П. Семеновъ нашелъ своевременнымъ снова возбудить вопросъ о снаряженіи Аму-дарьинской экспедиціи. Поводомъ къ этому возбужденію служила составленная Р. Э. Ленцомъ интересная записка „Наши познанія о прежнемъ теченіи Аму-Дарьи и впаденіи ея въ Каспійское море“, читанная имъ въ засѣданіи Отд. Физич. Геогр. 5 февр. 1870 г.

Передъ чтеніемъ этой записки Предсѣдательствующій напомнилъ Отдѣленію, что въ 1864 г., главнымъ препятствіемъ къ снаряженію предполагаемой экспедиціи Азіатскій Департаментъ считалъ отсутствіе опорнаго для экспедиціи пункта на вост. берегу Каспійскаго моря, а что занятіе Красноводскаго залива въ 1869 г. дало этотъ опорный пунктъ. Что же касается до средствъ снаряженія экспедиціи, то Секретарь Общества заявилъ, что онъ уполномоченъ Вице-Предсѣдателемъ Общества Гр. Ѳ. П. Литке сообщить Отдѣленію,что Его Импер. Высочество Намѣстникъ Кавказскій изъявилъ готовность содѣйствовать экспедиціи относительно перевозочныхъ средствъ, прикомандированія топографа и другихъ лицъ, необходимыхъ для успѣха экспедиціи.

Чтеніе интересной записки Р. Э. Ленца возбудило въ Отдѣленіи живой обмѣнъ мыслей и дѣло кончилось избраніемъ Коммиссіи изъ Г. П. Гельмерсена, В. В. Григорьева, Н. А. Ивашинцова, А. И. Макшеева, А. П. Проценко и Н. А. Сѣверцова. Коммиссія избрала своимъ Предсѣдателемъ П. П. Семенова и секретаремъ—барона Ѳ. Р. Остенъ-Сакена.

Коммиссія эта составила проектъ экспедиціи и даже пріискала членовъ ея: физико-географа, геолога и археолога. Казалось, что снаряженіе экспедиціи было уже обезпечено, но оказалось, что въ то же самое время была задумана и въ Тифлисѣ экспедиція въ Красноводскъ, въ которой должны были принять участіе въ качествѣ зоолога Г. И. Радде, въ качествѣ геологовъ г.г. Кошкуль и Г. И. Сиверсъ и сверхъ того полагалось присоединить къ экспедиціи и геодезическій отдѣлъ подъ руководствомъ І. И. Стебницкаго.

Извѣщеніе объ этомъ Правителя дѣла Кавказскаго Отдѣла Д. И. Коваленскаго заставило Совѣтъ Общества отложить предполагавшуюся экспедицію на неопредѣленное время.

Между тѣмъ неутомимый Г. И. Радде, вмѣстѣ съ не задолго дотого пріѣхавшимъ въ Тифлисъ молодымъ естествоиспытателемъ Д-ромъ ест. наукъ Г. И. Сиверсомъ, уже направился съ ранней весны къ Баку, съ цѣлью переѣхать оттуда въ Красноводскъ, но узнавъ въ Баку отъ начальника Красноводскаго отряда полковн. Столѣтова, что въ это время еще невозможно было обезпечить путешественниковъ достаточнымъ для экскурсій военнымъ конвоемъ, повернулъ въ

Ленкорань, откуда только къ 5 іюня путешественники прибыли въ Красноводскъ.

Тутъ, не смотря на полную готовность военнаго начальства содѣйствовать успѣху путешественниковъ, они не могли отдаляться отъ лагеря болѣе чѣмъ версты на три. Обстоятельство это, при крайней бѣдности флоры и даже фауны пустыни, дѣйствовало крайне неблагопріятно на изслѣдованія путешественниковъ. Гербарій, ими собранный, при всѣхъ ихъ усиліяхъ, не превзошелъ 80 видовъ. Зоологическіе сборы были богаче. Добыта была замѣчательная закаспійская ящерица (Varanus caspius) въ 4 фут. дл. и многія породы ящерицъ и черепахъ (между послѣдними распространенная отъ Индіи до Каспія Testudo Horsfeldtii), много насѣкомыхъ и въ особенности рѣдкихъ видовъ жесткокрылыхъ (Coleoptera) и перепончато-крылыхъ (Hymenoptera). Г. И. Сиверсъ изслѣдовалъ известняки Красноводскихъ горъ и нашелъ въ нихъ впервые окаменѣлости, давшіе ему возможность опредѣлить геологическую эпоху ихъ образованія. Путешественники, во время своего трехъ-мѣсячнаго пребыванія въ Красноводскѣ, сдѣлали все, что было возможно и вернулись назадъ въ іюлѣ, потому что движеніе отряда еще не предпринималось.

Движеніе это началось только осенью 1870 г. и въ немъ, къ счастью для географической науки, принялъ участіе І. И. Стебницкій, съ топографами: поруч. Денисовымъ и Кирпичниковымъ и прапорщ. Плотневымъ.

Плоды этой экспедиціи вошли въ составъ обширной статьи Стебницкаго, напечатанной въ VIII-мъ томѣ „Записокъ“ Кавказскаго Отдѣла, подъ заглавіемъ: „Замѣтки о Туркменіи“. Замѣчательный трудъ этотъ представлялъ всестороннее физико-географическое изслѣдованіе мѣстностей, посѣщенныхъ экспедиціею,—сводъ всего, что добыто наукою до нея, въ связи съ наблюденіями, произведенными самимъ І. И. Стебницкимъ или подъ его руководствомъ. Вычерченныя въ Кавказскомъ Военно-Топографическомъ Отдѣлѣ подробныя съемки, планы и карты экспедиціи послужили основаніемъ картографическихъ приложеній статьи; они заключались: 1) въ прекрасной 20-ти верстной картѣ Закаспійскаго края, обнимающей Каспійское прибрежье отъ $41^1/_2^\circ$ до 37° с. ш., вмѣстѣ съ дорогою идущею вглубь страны до кр. Кызылъ-Арватъ, и пересѣкающею сухое русло Аму-Дарьи; 2) въ 4 профиляхъ, и 3) въ планѣ сухаго русла Аму-Дарьи.

Астрономическія наблюденія и опредѣленія высотъ дали возможность составить таблицу, въ которой поименованы 18 новыхъ пунктовъ, съ обозначеніемъ широты и высоты надъ уровнемъ Каспійскаго и Чернаго морей.

Относительно климатологіи края, въ рукахъ І. И. Стебницкаго было слишкомъ недостаточно матерьяла, чтобы сдѣлать положительные общіе выводы. Онъ имѣлъ метеорологическія наблюденія (барометръ, термометръ и гигрометръ) почти за годъ въ Красноводскѣ, за $2^1/_2$ мѣсяца въ Ташъ-Арватъ-Кала и за годъ въ фортѣ Александровскомъ, которыя вычислены и срав-

нены имъ съ наблюденіями за 1870 годъ въ Баку. Разность въ климатѣ на противуположныхъ берегахъ моря, подъ тою же широтою оказалась весьма значительною. Въ Красноводскѣ зимніе мѣсяцы были холоднѣе чѣмъ въ Баку; напротивъ, весна и лѣто въ Красноводскѣ теплѣе.

Изъ всего весьма полнаго и нагляднаго изложенія І. И. Стебницкаго о физическихъ свойствахъ Туркменіи, и въ особенности изъ сообщенія касательно значенія занятыхъ нами пунктовъ (Красноводска, Ташъ-Арватъ-Кала, Михайловскаго поста и Мулла-Кари) и вообще всей этой мѣстности, можно было заключить что Красноводскъ, по свойству почвы и другимъ мѣстнымъ условіямъ, не представляетъ удобствъ для постояннаго населенія, и можетъ, развѣ, имѣть только значеніе, какъ пунктъ военный и отчасти коммерческій. Но и въ этомъ отношеніи неудобства путей идущихъ отъ него въ Хиву, Бухару и Туркестанъ должны были пока парализировать это значеніе. Ташъ-Арватъ-Кала отстоялъ отъ Красноводска на 135 верстъ, съ дурной водой по дорогѣ. Кромѣ воды и дровъ (и то въ небольшомъ количествѣ), все должно было быть туда доставлено издалека. Михайловскій постъ и Мулла-Кари расположены были среди безплодныхъ степей и въ первомъ совсѣмъ не было воды.

Наконецъ, І. И. Стебницкій далъ намъ также первыя точныя, основанныя на положительныхъ изслѣдованіяхъ свѣдѣнія, объ одной части стараго русла Аму-Дарьи. Онъ дѣлалъ барометрическія наблюденія и нивеллировки, собиралъ геологическія коллекціи и имѣлъ возможность вывести заключеніе о послѣднихъ 100 верстахъ русла отъ колодца Айдинъ до моря. Мѣста, изслѣдованныя І. И. Стебницкимъ, ясно представляли высохшее русло когда-то бывшей большой рѣки; ясныя очертанія береговъ и послѣдовательныя иловатыя отложенія на нихъ, также какъ и на выдающихся со дна курганахъ и банкахъ, которые производила вода, спадая мало по-малу,— все это представляло такой видъ, какъ будто вода еще недавно протекала здѣсь. Кромѣ того, самая мѣстность съ обѣихъ сторонъ на недалекое разстояніе понижалась къ долинѣ, которая въ ширину простиралось до 6 верстъ, а съ горъ спускались къ ложу рѣки ясно обозначенныя высохшія русла ея боковыхъ притоковъ. Изъ произведенныхъ нивеллировокъ и барометрическихъ наблюденій І. И. Стебницкій заключилъ, что на протяженіи, имъ обслѣдованномъ (100 верстъ), русло имѣетъ склонъ, хотя и слабый, къ Каспійскому морю, а потому нельзя было думать (говоря по крайней мѣрѣ объ этой части), чтобы поднятіе берега моря было причиною удаленія воды изъ рѣки.

Въ концѣ своего труда І. И. Стебницкій представилъ этнографическія замѣтки о туркменскихъ племенахъ.

Такимъ образомъ много новаго внесено было І. И. Стебницкимъ въ науку, по отношенію къ одной изъ интереснѣйшихъ по своимъ физико-географическимъ условіямъ и наименѣе извѣстныхъ мѣстностей Средней Азіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Кавказскій Отдѣлъ заслужилъ глубокую признательность

всѣхъ интересующихся распространеніемъ географическихъ познаній, за то живое участіе, которое онъ не замедлилъ принять въ изслѣдованіи края, только что сдѣлавшагося доступнымъ для географической науки. Результаты работъ Стебницкаго, Кошкуля, Радде, Сиверса и Я. Малома, прошедшаго съ ноября 1869 по мартъ 1870 г. своими рекогносцировками многія пространства изъ Красноводска и давшаго очень обстоятельныя географическія свѣдѣнія объ окрестной мѣстности [1]), во многомъ дали отвѣты на вопросы, поставленные программою Коммиссіи Географическаго Общества, а съ другой стороны дали даже и гораздо больше, чѣмъ предполагала программа.

---

[1]) «Извѣстія», Томъ VI, Отд. 2, стр. 181—232 (кн. 7).

ГЛАВА XX.

Работы Общества и его Членовъ въ области Математической и Физической Географіи въ Европейской Россіи и на Кавказѣ.

Въ главѣ X (стр. 96) мы уже видѣли, что одно изъ крупныхъ предпріятій Общества, а именно исправленіе Межевыхъ Атласовъ нѣкоторой части Россіи рѣшительно не могло быть продолжаемо Географическимъ Обществомъ въ разсматриваемомъ періодѣ. Работы по составленію и изданію Межеваго атласа одной Тверской губерніи вызвали, со стороны Общества, Межеваго Вѣдомства и Правительства, такіе громадные расходы, что продолжать это дѣло, въ задуманномъ масштабѣ ни Общество, ни Межевое вѣдомство были не въ силахъ. Это и было совершенно справедливо замѣчено уже въ самомъ началѣ періода Ревизіонною Коммиссіею 1858 года.

Къ началу періода изданіе всего атласа Тверской губерніи уже было окончено, составлена была и карта Рязанской губерніи въ 8 верстномъ масштабѣ, и надъ Обществомъ тяготѣли еще расходы, принятые имъ на себя по ея изданію.

Исполняя принятыя на себя обязательства, Совѣтъ Общества уплатилъ еще Д. Чл. Общ. ген.-лейт. Менду въ 1857, 1858 и 1859 годахъ всего 2.620 р. на изданіе карты Рязанской губерніи, которая и была, благодаря этимъ средствамъ, приведена къ окончанію въ 1861 г., но затѣмъ, опираясь на мнѣніе Ревизіонной Коммиссіи, Совѣтъ рѣшился уже отказаться отъ участія въ издержкахъ, необходимыхъ для предположеннаго Межевымъ Вѣдомствомъ изданія, въ 4 верстномъ масштабѣ, карты Тамбовской губерніи, расходы по которой были исчислены въ суммѣ до 4.000 рублей, тѣмъ болѣе, что и суммы, потребныя на изданіе карты Рязанской губерніи были позаимствованы Совѣтомъ изъ сильно оскудѣвавшаго въ это время запаснаго капитала.

Самымъ крупнымъ картографическимъ предпріятіемъ Общества, въ разсматриваемомъ періодѣ, было составленіе и изданіе карты Европейской Россіи и Кавказа. Первая мысль объ изданіи карты хотя бы части Европей-

ской Россіи была высказана еще въ концѣ предшедшаго періода Ревизіонною Коммиссіею 1856 года, а затѣмъ уже приняла форму совершенно опредѣленнаго предположенія, по инпціативѣ Вице-Предсѣдателя Общества Ѳ. П. Литке, какъ въ Совѣтѣ такъ и въ Отдѣленіи Математической Географіи, въ 1857 году.

Въ это время живо чувствовалась потребность въ генеральной картѣ Европейской Россіи, которая соединяла бы въ себѣ результаты всѣхъ новѣйшихъ топографическихъ работъ и географическихъ изслѣдованій въ нашемъ отечествѣ. Недостатокъ такой карты ощущался по всѣмъ отраслямъ отечественной дѣятельности: ученой, административной и промышленной. Всякій трудъ и всякое предпріятіе по этимъ различнымъ отраслямъ необходимо требовали пособія такой генеральной карты, которая бы, по своему масштабу и техническому исполненію, позволяла обозрѣть въ одной общей картинѣ всѣ важнѣйшіе географическіе элементы и условія какъ всего государства, такъ и отдѣльныхъ его частей. Можно было рѣшительно сказать, что, въ то время, такой генеральной карты Европейской Россіи совсѣмъ не было.

Озабочиваясь составленіемъ такой карты, Совѣтъ вошелъ въ сношеніе съ Генеральнымъ Штабомъ, съ тѣмъ, чтобы пригласить его принять участіе въ предпріятіи Общества. Генералъ Квартирмейстеръ, Баронъ Ливенъ, встрѣтилъ мысль Общества съ полнымъ сочувствіемъ и изъявилъ готовность, со стороны Генеральнаго Штаба, содѣйствовать изданію карты Россіи всѣми географическими и картографическими матерьялами и техническими способами, находящимися въ распоряженіи Военно-Топографическаго Депо. Затѣмъ и было рѣшено предпринять составленіе и печатаніе карты совокупными силами Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Военно-Топографическаго Депо, т. е. такимъ образомъ, чтобы всѣ работы по картѣ, какъ составленіе ея, такъ и техническая часть были произведены въ Военно-Топографическомъ Депо, по указаніямъ и подъ ученымъ руководствомъ Общества и на его иждивеніе (на коммерческомъ основаніи, по вольному найму).

Совѣтъ избралъ особую Коммиссію изъ Членовъ, спеціально знакомыхъ съ тою или другою частію предпринятаго труда, для всесторонняго и тщательнаго обсужденія всѣхъ разнообразныхъ подробностей составленія и изданія Генеральной карты Россіи, всѣхъ предметовъ, которые въ нее должны войти, хозяйственной части предпріятія и наконецъ для постояннаго ученаго наблюденія за ходомъ работъ, на будущее время, до окончательнаго выпуска ея въ свѣтъ. Коммиссія эта состояла подъ предсѣдательствомъ Директора Военно-Топографическаго Депо, Д. Члена И. Ф. Бларамберга, съ особенною любовью принявшаго все это дѣло подъ ближайшее свое руководство и наблюденіе, изъ слѣдующихъ членовъ: С. И. Зеленаго (Предс. въ Отд. Матем. Геогр.), А. Д. Озерскаго (Предс. въ Отд. Физической Географіи, скоро замѣненнаго вновь избраннымъ въ званіе Предс. въ Отд.

Физич. Географіи, Г. П. Гельмерсеномъ), академиковъ: К. С. Веселовскаго, П. И. Кеппена, А. Н. Савича и Секр. Общ. В. П. Безобразова. Для первоначальныхъ сужденій Коммиссіи приглашены были также Корпуса Топографовъ полковникъ С. С. Тутиковъ и капитанъ И. С. Шваревъ, преимущественно участвовавшіе въ самыхъ работахъ по составленію карты.

Коммиссія прежде всего опредѣлила предѣлы карты (паралели Нордкапа и Демавенда, меридіаны Звѣриноголовска и западной оконечности Польши) и ея масштабъ (40 вер. въ дюймѣ) и раздѣлила ее на 12 листовъ.

Затѣмъ относительно проекціи карты изъ двухъ, употребительныхъ проекцій, Бонна и Гаусса, Коммиссія избрала послѣднюю, какъ представлявшую наиболѣе удобствъ для предположенной карты Россіи. Желая придать болѣе точности въ отношеніи измѣренія разстояній, и принимая во вниманіе, что сѣверная часть карты въ своихъ очертаніяхъ не представляла ничего особо замѣчательнаго, Коммиссія, при исчисленіи проекцій, за нормальныя параллели, приняла параллели широтъ 58° и 46°. Притомъ положено было приложить особые масштабы для поясовъ въ 7° или 8° разности-широты, на боковыхъ краяхъ рамки. Долготы должны были быть означены на рамкахъ отъ перваго меридіана, считая его на 20° къ западу отъ Парижскаго. Для сличенія составляемой карты съ изданными по другимъ меридіанамъ, вверху каждаго листа была надписана разность долготъ Пулкова отъ Парижа и отъ Гринвича.

Что касается до предметовъ, подлежащихъ нанесенію, то Коммиссія опредѣлила нанести на карту: всѣ безъ исключенія астрономическіе пункты, всѣ города, пригороды и мѣстечки, мануфактурные, промышленные поселки и заводы, въ мѣстностяхъ мало населенныхъ почтовыя станціи (при этомъ впрочемъ не было разъяснено о томъ, какія селенія должны быть наносимы на карту), границы губерній и уѣздовъ, дороги желѣзныя, шоссейныя, почтовыя и торговыя, рѣки судоходныя, сплавныя и чѣмъ-либо замѣчательныя, замѣчательныя озера и болота, горы Уральскія, Кавказскія, Крымскія, отрасли Карпатскихъ, Финляндскія и Алаунскія.

Наконецъ относительно способа исполненія карты Коммиссія, имѣя въ виду, что предполагаемая къ изданію карта должна быть доступна для общаго употребленія и главнымъ достоинствомъ имѣть точность показаній, съ возможностью скораго отыскиванія и различенія того или другаго предмета, Коммиссія нашла необходимымъ гравировать карту на мѣди.

Совѣтъ Общества принялъ всѣ основанія предложенныя Коммиссіею, но во время сужденій своихъ объ изданіи карты обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что губерніи Вятская, частію Костромская и Вологодская не могутъ быть благонадежно нанесены на карту, ибо въ нихъ нѣтъ пунктовъ, опредѣленныхъ астрономически. Для устраненія такого недостатка въ картѣ, Совѣтъ входилъ по этому предмету въ сношеніе съ Генеральнымъ Штабомъ. Генералъ-Квартирмейстеръ Баронъ Ливенъ увѣдомилъ Совѣтъ, что, принимая живое участіе въ изданіи Императорскимъ Русскимъ Геогра-

фическимъ Обществомъ генеральной карты Европейской Россіи,—онъ готовъ содѣйствовать Географическому Обществу и въ означенномъ обстоятельствѣ, т. е. въ опредѣленіи вновь астрономическихъ пунктовъ въ губерніяхъ: Вятской, частію Костромской и Вологодской, которые бы могли служить благонадежными данными при составленіи карты. Но исполненіе этого предпріятія лѣтомъ 1857 года сдѣлано быть не могло, потому, что всѣ хронометры, принадлежащіе Генеральному Штабу, и болѣе 20-ти лучшихъ хронометровъ, заимствованныхъ отъ Николаевской Главной Обсерваторіи, были отправлены въ большую хронометрическую экспедицію, для точнаго опредѣленія Архангельска, но такъ какъ эта экспедиція должна была имѣть связь съ Москвою, то на пути были опредѣлены въ западной части Вологодской губерніи города: Вельскъ и Вологда. Относительно опредѣленія астрономическихъ пунктовъ въ Костромской губерніи, предположенная карта Россіи была обезпечена, ибо въ этой губерніи, по распоряженіямъ о работахъ Генеральнаго Штаба, весною 1858 года, произведена тригонометрическая сѣть, а потому въ теченіе лѣта было приготовлено столько вѣрныхъ данныхъ, что для составленія генеральной карты ихъ было весьма достаточно. Что же касается до опредѣленія астрономическихъ точекъ въ Вятской и восточной части Вологодской губерніи, то это предпріятіе предположено было лѣтомъ 1858 г. выполнить обоюдными средствами Географическаго Общества и Генеральнаго Штаба.

Работы по составленію генеральной карты Европейской Россіи уже начались по указаніямъ Общества въ 1858 г. Въ теченіе перваго года чины военно-топографическаго депо приступили къ занятіямъ на тѣхъ основаніяхъ, которыя были утверждены Совѣтомъ, по обсужденіи въ особой Коммиссіи.

Въ отношеніи самаго плана изданія, оказалось въ 1858 г. необходимымъ сдѣлать слѣдующія дополненія, по ближайшемъ соображеніи дѣла въ Коммиссіи и Совѣтѣ:

1) Съ цѣлью достиженія наибольшой точности, ясности и чистоты въ технической отдѣлкѣ положено окончательно гравировать карту на мѣди.

2) Въ изображеніи горъ принять систему Лемана.

3) Изобразить на картѣ горы: Уральскія, Кавказскія, Крымскія, Карпатскія и Финляндскія.

4) Всѣ возвышенные пункты уже опредѣленные означить въ футахъ высоты надъ уровнемъ моря.

5) Съ цѣлью распространенія карты за границей снестись съ Готскимъ Институтомъ о предоставленіи ему права изданія при содѣйствіи отъ Общества, но съ тѣмъ лишь, чтобы содѣйствіе это не стоило Обществу никакихъ издержекъ.

Работы по исполненію карты производились безостановочно въ теченіе 1858 и 1859 годовъ и въ 1860 г. уже были на столько близки къ окончанію, что многіе листы были представлены на утвержденіе Коммиссіи уже

совершенно награвированными. При разсмотрѣніи Коммиссіи этихъ награвированныхъ листовъ вновь вошедшій въ составъ Коммиссіи, избранный въ 1860 г. Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи Физической Географіи П. П. Семеновъ обратилъ вниманіе на то, что составленная карта, при многихъ несомнѣнныхъ ея достоинствахъ, имѣетъ и крупные недостатки. Многіе изъ этихъ недостатковъ были постепенно замѣчаемы Коммиссіей и исправлялись безъ особыхъ затрудненій, но самымъ главнымъ недостаткомъ карты было совершенное отсутствіе всякой системы и критики при нанесеніи на карту того, что должно было быть на нее наносимо. Такъ какъ отдѣльные листы карты были исполняемы различными лицами, то каждый изъ нихъ наносилъ, безъ опредѣленнаго плана и даже безъ всякаго соглашенія съ другими исполнителями, все, что ему, по личному его воззрѣнію, казалось полезнымъ нанести на карту. Когда же П. П. Семеновъ сопоставлялъ передъ Коммиссіею два смежные листа, то оказывалось, что даже рѣки нанесенныя на листѣ однимъ топографомъ не имѣли своего продолженія на другомъ листѣ, такъ какъ составитель втораго листа не нашелъ ихъ достаточно значительными для ихъ нанесенія. Но всего поразительнѣе и произвольнѣе было нанесеніе населенныхъ пунктовъ. Одинъ листъ былъ переполненъ такими пунктами и названіями, безъ всякой мѣры и въ ущербъ наглядности карты, между тѣмъ какъ смежный листъ представлялся относительно пустымъ, не смотря на то, что населеніе въ немъ было въ дѣйствительности гуще и поселковъ больше. При ближайшемъ разсмотрѣніи нанесенныхъ поселковъ оказывалось, что въ то время, когда мелкихъ поселковъ было нанесено множество свыше всякой мѣры, многіе крупные были пропущены. Тамъ же, гдѣ поселки, весьма крупные, были довольно рѣдки и мѣсто позволяло, составители карты наносили самые мелкіе хутора, а въ совершенно пустынныхъ частяхъ Астраханской губерніи были нанесены и обозначены кружками населенныхъ мѣстъ, колодцы, которыхъ названіе сопровождаемое на планшетахъ буквою х „худукъ“ было принято за хуторъ.

По мнѣнію, высказанному П. П. Семеновымъ, все это произошло отъ того, что черченію и гравированію карты должно было бы предшествовать своевременное составленіе, по каждой губерніи, алфавитнаго списка на карточкахъ всего того, что слѣдовало нанести на карту, а что списокъ этотъ долженъ былъ быть основанъ на имѣющихся по каждому наносимому предмету и пункту географическихъ, статистическихъ и др. свѣдѣній. Но конечно подобный предварительный трудъ представлялъ громадныя затрудненія въ своемъ исполненіи, тѣмъ болѣе, что въ то время или совсѣмъ не существовало полныхъ списковъ населенныхъ мѣстъ, или они еще не были разработаны и обнародованы.

При данныхъ обстоятельствахъ все это было уже почти непоправимо и Коммиссія должна была ограничиться только довольно поверхностнымъ осмотромъ листовъ и исправленіемъ самыхъ бросающихся въ глаза недостатковъ.

И при всемъ томъ и эти самыя необходимыя исправленія замедлили вы-

ходъ карты, ожидавшійся уже въ 1861 году, до начала 1863 года. Тянуть далѣе выпускъ карты было невозможно, тѣмъ болѣе, что Общество, затративъ на нее огромныя по своему бюджету средства (17.000 руб.) и растративъ весь свой запасный капиталъ, было поставлено въ началѣ 1870-хъ годовъ въ критическое положеніе и полную невозможность предпринимать что бы то ни было вновь. Карта была выпущена въ продажу въ началѣ 1863 года, съ объяснительною запискою, составленною Д. Чл. Ивашинцевымъ и Смысловымъ и, не смотря на нѣкоторые непоправимые свои недостатки, была все таки безспорно не только лучшею, но и можно сказать единственною въ то время генеральною картою Россіи и до такой степени удовлетворила общественному спросу, что первое ея изданіе (1000 экз.) разошлось очень быстро, а за тѣмъ, такъ какъ спросъ на карту не прекращался, Общество продолжало издавать ее съ необходимыми исправленіями и постепенно вернуло всѣ свои затраты по составленію и изданію карты.

Отдѣленіе Математической Географіи, которое, при малочисленности своихъ членовъ, со времени избранія въ 1860 году Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи Физической Географіи П. П. Семенова, нашло для себя болѣе удобнымъ собираться въ засѣданіи двухъ соединенныхъ Отдѣленій, возбуждало вопросы о нѣкоторыхъ новыхъ, одинаково интересующихъ оба Отдѣленія предпріятіяхъ. Такъ въ 1861 году Дѣйст. Членъ А. Н. Савичъ предложилъ Соединеннымъ Отдѣленіямъ проектъ о производствѣ наблюденій надъ качаніемъ постояннаго маятника на нѣсколькихъ астрономическихъ точкахъ русскихъ градусныхъ измѣреній дугъ меридіана и параллели.

Отдѣленія отнеслись съ большимъ сочувствіемъ къ этому проекту, но Совѣтъ Общества не нашелъ никакихъ средствъ къ снаряженію необходимой для такихъ наблюденій экспедиціи и полезная мысль А. Н. Савича, осталась безъ осуществленія до позднѣйшаго періода дѣятельности Общества.

Затѣмъ, въ засѣданіи Соединенныхъ Отдѣленій, въ ноябрѣ 1861 года Д. Чл. О. В. Струве представилъ на обсужденіе Отдѣленій проектъ геометрической нивеллировки Европейской Россіи и указалъ на практическую важность и пользу подобнаго предпріятія. Отдѣленія, одобривъ вполнѣ всѣ предположенія О. В. Струве, положили уполномочить его и П. П. Семенова представить разсматриваемый проектъ Совѣту съ просьбою употребить зависящія отъ него средства для осуществленія этой важной работы, которая, по мнѣнію Отдѣленій, могла бы быть начата съ губерній примыкающихъ къ Балтійскому морю, а именно съ Эстляндской и Лифляндской, какъ такихъ, въ коихъ наиболѣе ощущалась необходимость подобной нивеллировки и представлялись значительныя удобства для приведенія ея въ исполненіе.

Внесенный въ Совѣтъ Общества проектъ этотъ былъ разсмотрѣнъ въ январѣ 1862 года. При этомъ Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Математической Географіи изложилъ свое мнѣніе о важномъ значеніи подобной работы и о пользѣ, которую она можетъ принести государству, какъ въ науч-

номъ отношеніи, такъ и во многихъ примѣненіяхъ, наприм. при проведеніи каналовъ, сооруженіи желѣзныхъ дорогъ, осушеніи болотъ и т. д. О. В. Струве сообщилъ съ тѣмъ вмѣстѣ о результатахъ произведеннаго въ окрестностяхъ Пулкова опыта геометрическо-геодезической нивеллировки, и представилъ составленную объ этомъ имъ, совмѣстно съ П. П. Семеновымъ, записку.

Къ сожалѣнію представленіе это попало въ Совѣтъ именно въ то время, когда средства Общества были наиболѣе истощены изданіемъ карты Европейской Россіи. Совѣтъ однако же, сознавая вполнѣ пользу предположеннаго предпріятія и желая съ своей стороны, на сколько это возможно, содѣйствовать осуществленію его, призналъ полезнымъ поручить Отдѣленію Математической Географіи составленіе по возможности полнаго свода данныхъ о томъ, въ какихъ мѣстностяхъ, въ какихъ размѣрахъ и какими способами были произведены до того времени нивеллировки въ Россіи. Независимо отъ того, Совѣтъ опредѣлилъ: снестись съ Генеральнымъ Штабомъ и просить о сообщеніи—не имѣется ли въономъ какихъ либо предположеній касательно производства нивеллировокъ въ Европейской Россіи.

Сношеніе это было сдѣлано и въ отвѣтъ на него Генералъ Квартирмейстеръ Д. Чл. Общ. А. И. Веригинъ, выражая полное сочувствіе Генеральнаго Штаба къ проекту нивеллированія, изъяснилъ, что только недостатокъ въ необходимыхъ денежныхъ средствахъ препятствовалъ осуществленію этого полезнаго предпріятія. Въ видѣ предварительныхъ работъ Департаментъ Генеральнаго Штаба призналъ полезнымъ собрать свѣдѣнія: о томъ, въ какихъ губерніяхъ и мѣстностяхъ Россіи были уже произведены нивеллировки различными вѣдомствами и для какого именно назначенія и для сего войти въ сношеніе съ Главнымъ Управленіемъ Путей Сообщенія и Публичными Зданіями, Межевымъ Корпусомъ и компаніями желѣзныхъ дорогъ, а также Департаментами: Инженернымъ и Горныхъ Дѣлъ, дабы воспользоваться произведенными уже работами, хотя съ разносторонними цѣлями, но могущими способствовать къ облегченію предстоящаго труда. Вмѣстѣ съ тѣмъ предположено воспользоваться также имѣющимися матерьялами въ Военно-Топографическомъ Депо, по распоряженію коего были сдѣланы нивеллировки во время тригонометрическихъ и топографическихъ съемокъ.

Независимо отъ сего, Департаментомъ Генеральнаго Штаба, по окончаніи предпринятыхъ статистическихъ описаній, которыя уже были въ то время исполнены свыше чѣмъ по 25 губерніямъ, опредѣлено сдѣлать общее извлеченіе о тѣхъ собственно мѣстностяхъ, на которыя должно было исключительно обратить вниманіе и дабы преимущественно начать нивеллированіе такихъ пространствъ, гдѣ можно ожидать наибольшихъ результатовъ, какъ для пользъ государственныхъ, такъ и для торговой промышленности въ нашемъ отечествѣ.

По собраніи всѣхъ этихъ данныхъ Департаментъ Генеральнаго Штаба обѣщалъ сообщить Географическому Обществу о тѣхъ окончательныхъ пред-

положеніяхъ, которыя, сообразно съ имѣющимися матерьяльными и денежными средствами, можно будетъ, имѣть въ виду, дабы съ пользою приступить къ дѣйствительнымъ работамъ по нивеллированію.

Такимъ образомъ дѣло это затянулось и было возбуждено вновь въ Соединенныхъ Отдѣленіяхъ только въ 1866 году. Въ это время Д. Чл. Общества А. И. Штукенбергъ прочелъ записку по предмету составленія карты Россіи, съ изображеніемъ на ней горизонталями точекъ равнаго возвышенія: обильными матерьялами для этой работы, по мнѣнію Штукенберга, могли быть многочисленныя продольныя нивеллировки, сдѣланныя для проведенія шоссе, желѣзныхъ дорогъ и каналовъ. Подобныхъ нивеллировокъ путей, устроенныхъ или оставшихся въ предположеніи, Штукенбергъ насчитывалъ до 20.000 верстъ. Приведя къ горизонту и, гдѣ есть пробѣлы, пополнивъ новыми нивеллировками, можно было получить богатую рельефную сѣть страны и по ней начертить на картѣ линіи одинаковаго возвышенія или горизонтали и пополнить отмѣтками барометрически опредѣленныхъ высотъ.

Сообщеніе Д. Чл. Штукенберга возбудило въ Отдѣленіи весьма живой интересъ; но при этомъ были выражены нѣкоторыя сомнѣнія относительно возможности въ то время выполнить удовлетворительно предположенія, изъясненныя въ его запискѣ, по сравнительно незначительному числу данныхъ и матерьяловъ во многихъ частяхъ Россіи, а главное по неимѣнію лица, которое взялось бы за такую сложную и трудную работу.

Тѣмъ не менѣе Совѣтъ Общества, согласно съ желаніемъ Отдѣленій, сдѣлалъ по этому предмету новый запросъ въ Генеральный Штабъ, на который Военно-Топографическій Отдѣлъ увѣдомилъ, что въ немъ въ то время весьма дѣятельно производились работы по собранію матерьяловъ для составленія спеціально-орографическихъ картъ. Первый результатъ этихъ работъ, предъявленъ былъ въ годовомъ Собраніи Общества въ 1861 г. Это была „Орографическая карта Одесскаго Военнаго Округа“, на 4-хъ листахъ въ 10-ти верстномъ масштабѣ, хромолитографированная четырьмя красками.

Къ сожалѣнію эти интересныя работы продолжаемы для остальныхъ частей Россіи въ разсматриваемомъ періодѣ не были, и только въ одной изъ послѣдующихъ главъ мы увидимъ какъ блистательно была осуществлена въ новѣйшее время однимъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей Географическаго Общества эта въ то время оказавшаяся неосуществимою задача.

Самымъ крупнымъ предпріятіемъ Общества въ предѣлахъ Европейской Россіи, въ области Физической Географіи, была Азовская Экспедиція.

Мысль о снаряженіи этой экспедиціи принадлежала Его Императорскому Высочеству Августѣйшему Предсѣдателю Общества.

Уже давно обращено было вниманіе на возрастающее обмелѣніе Азовскаго моря, но, по недостатку постоянныхъ наблюденій и положительныхъ изслѣдованій, нельзя было указать на истинную причину этого явленія. Главное начальство Новороссійскаго края полагало, что море засоряется

выбрасываемымъ купеческими судами балластомъ, и для предупрежденія опасности, грозившей отъ этого мореходству, считало необходимымъ или поставить непремѣннымъ условіемъ для судовъ, плавающихъ въ Азовскомъ морѣ, имѣть водяной балластъ, или же совершенно запретить входъ судамъ, приходящимъ изъ за границы, какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ.

Предположенія эти были разсмотрѣны въ Министерствахъ Морскомъ и Финансовъ, но были найдены отчасти слишкомъ стѣснительными, отчасти совершенно неудобоисполнимыми, наконецъ высказывались и опроверженія самаго факта, что море можетъ мелѣть отъ выбрасываемаго балласта.

Обширная оффиціальная переписка по этому предмету продолжалась въ М-вахъ Морскомъ и Финансовъ отъ 1846 по 1860 годъ и привела къ убѣжденію, что всякое административное распоряженіе для отвращенія дальнѣйшаго обмелѣнія моря было бы преждевременно и неосновательно, пока не будетъ произведено ученаго изслѣдованія самаго явленія. Подобное изслѣдованіе, раскрывъ настоящія причины обмелѣнія, указало бы и на тѣ мѣры, которыми можно было бы противодѣйствовать оному.

Имѣя въ виду важность этого предмета, какъ для купеческаго мореплаванія, такъ и для военныхъ судовъ, Великій Князь Константинъ Николаевичъ полагалъ, что для изслѣдованія на мѣстѣ о причинахъ обмелѣнія Азовскаго моря было бы весьма полезно отправить ученую экспедицію отъ Русскаго Географическаго Общества, Академіи Наукъ и Морскаго Министерства и изъявлялъ готовность содѣйствовать оной всѣми, зависящими отъ Него, средствами, а разсмотрѣніе этого дѣла поручилъ Совѣту Общества.

Вслѣдствіе сего Совѣтъ уже въ 1860 г. разсмотрѣлъ карты Азовскаго моря, представленныя Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи Математической Географіи, С. И. Зеленымъ, и его объясненія разныхъ измѣреній, указывающихъ на степень мѣстнаго обмелѣнія распредѣляющагося весьма неравномѣрно, а также обширную записку, излагающую мнѣніе Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Физической Географіи П. П. Семенова, по этому вопросу.

По основательномъ обсужденіи какъ представленныхъ Предсѣдательствующими Отдѣленіи, такъ и всѣхъ другихъ имѣвшихся свѣдѣній, касательно этого важнаго вопроса, Совѣтъ Общества также какъ и Императорская Академія Наукъ пришли къ тому заключенію, что обмелѣніе Азовскаго моря, происшедшее въ теченіе вѣковъ, не всеобщее, а только мѣстное, и что оно никакъ не можетъ быть приписано выбрасыванію купеческими судами балласта въ море, а должно быть объяснено многоразличными мѣстными условіями, въ коихъ находится это море, какъ то: свойствомъ грунта, прилеганіемъ къ степнымъ пространствамъ, сильными теченіями и вѣтрами, степными рѣками, приносящими съ собой илъ и песокъ и проч.; и что потому снаряженіе ученой экспедиціи въ Азовское море, для изслѣдованія этихъ условій, нельзя не признать полезнымъ не только съ научной точки зрѣнія, но и въ практическомъ отношеніи, потому что подобная экспе-

диція могла бы, какъ то и было выражено въ Запискѣ Предсѣдательствующаго въ Отд. Физич. Геогр., указать на раціональныя мѣры для противодѣйствія постепенному, собственно береговому, обмелѣнію Азовскаго моря, какъ напр. съуженіе плотинами гирлъ Дона и т. п. Въ то же самое время Совѣтъ Общества высказалъ мнѣніе, что всякія административныя мѣры къ предотвращенію выбрасыванія купеческими судами балласта оказываются излишними. По мнѣнію Совѣта Общества, предметы занятій экспедиціи слѣдовало бы ограничить только тою, сухопутною геологическою частью изслѣдованій, которая указана была П. П. Семеновымъ въ его запискѣ; морская же часть изслѣдованій не могла быть поручена экспедиціи въ прямомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ она не могла имѣть предметомъ работъ, могущихъ начаться и кончиться въ теченіе опредѣленнаго для экспедиціи времени.

За тѣмъ Совѣтъ возложилъ дальнѣйшую разработку вопроса о способѣ приведенія въ исполненіе означенной экспедиціи на особую Коммиссію, состоявшую подъ предсѣдательствомъ Ѳ. П. Литке, изъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Физической Географіи П. П. Семенова, непремѣннаго секретаря Академіи К. С. Веселовскаго, почетныхъ членовъ: К. М. Бэра и Г. П. Гельмерсена, дѣйствительнаго члена С. И. Зеленаго и испр. долж. Секр. Общ. барона Ѳ. Р. Остенъ-Сакена.

Коммиссія при обсужденіи вопроса высказала мнѣніе, что желательно было бы, по возможности, всестороннее изученіе Азовскаго моря, для того, чтобы полученные отъ предполагаемой экспедиціи результаты могли принести наибольшую практическую пользу и служить достовѣрнымъ основаніемъ для всѣхъ тѣхъ работъ, которыя впослѣдствіи будутъ предприняты въ этомъ морѣ.

Что же касается до самыхъ предметовъ изслѣдованія, то Коммиссія въ февралѣ 1862 г. пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Первое мѣсто должны занять гидрологическія изслѣдованія, а именно произведеніе промѣровъ въ Азовскомъ морѣ, наблюденіе морскихъ теченій вообще и теченія, замѣченнаго въ Керченскомъ проливѣ, въ особенности, и наконецъ наблюденія за измѣненіемъ уровня воды. Одновременно съ этими изслѣдованіями необходимо произвести метеорологическія наблюденія на берегу, для опредѣленія вліянія давленія воздуха на измѣненіе уровня моря. Удобнѣйшими пунктами для метеорологическихъ наблюденій представлялись гг. Тагапрогъ и Керчъ.

2. Въ связи съ предъидущими наблюденіями должны были находиться изслѣдованія надъ степенью солености воды въ разныхъ частяхъ моря. Кромѣ того, весьма важно было опредѣлить количество прѣсной воды, вливающейся рѣками въ Азовское море, а также количество ила, приносимаго въ особенности въ весеннее время Дономъ, и по возможности другими болѣе значительными рѣками, напр. Калміусомъ и Бердою.

3. Къ весьма важнымъ научнымъ результатамъ повело бы за тѣмъ геологическое изслѣдованіе всего прибрежья Азовскаго моря; наблюденія на ко-

сахъ, надъ ихъ приращеніемъ и видоизмѣненіемъ вообще; изслѣдованія береговъ и дна рѣкъ. При этомъ слѣдовало бы обратить особенное вниманіе на всѣ тѣ обстоятельства, которыя указывали бы на внезапное пониженіе уровня Азовскаго моря; явленіе несомнѣнно доказанное въ Каспійскомъ морѣ.

4. Столь же необходимымъ признано было наконецъ и изслѣдованіе фауны Азовскаго моря; преимущественно наблюденія надъ рыбами и низшими животными и распредѣленіемъ ихъ въ различныхъ частяхъ моря.

Опредѣливъ такимъ образомъ главныя задачи, представляющіяся при изученіи Азовскаго моря, Коммиссія приступила къ обсужденію вопроса, какимъ образомъ всего удобнѣе было бы распредѣлить рѣшеніе ихъ. Коммиссія нашла, что нѣкоторыя изъ изслѣдованій, а именно промѣры въ Азовскомъ морѣ, наблюденія надъ морскими теченіями, измѣреніе разрѣзовъ рѣчныхъ руслъ и скорости теченія ихъ водъ, съ цѣлію опредѣленія количества выносимаго ими ила, прямо входятъ въ кругъ дѣйствій Морскаго вѣдомства и съ успѣхомъ могутъ быть выполнены только учеными морскими офицерами. Что же касается до наблюденій надъ измѣненіемъ уровня воды и метеорологическихъ наблюденій, то они также не могли войти въ число занятій Экспедиціи, снаряжаемой Географическимъ Обществомъ. Такимъ образомъ Экспедиція эта должна была преимущественно заняться наблюденіями по части геологіи и зоологіи, а именно изслѣдованіями геогностическаго состава Азовскаго прибрежья, но еще болѣе геологическихъ явленій, происходящихъ на берегахъ, и надъ распредѣленіемъ органической жизни, т. е. животныхъ и растеній, находящихся въ морѣ. На работы подобнаго рода Коммиссія признавала двухъ-годичный срокъ продолженія Экспедиціи, вообще достаточнымъ.

Коммиссія просила К. М. Бэра и П. П. Семенова принять на себя пріисканіе способныхъ лицъ для означенной экспедиціи, и положила въ свое время отнестись въ Морское Министерство, для соглашенія съ онымъ касательно производства работъ гидрологическихъ и метеорологическихъ.

Во исполненіе порученія этого, К. М. Бэръ и П. П. Семеновъ, обратились съ предложеніемъ принять участіе въ экспедиціи къ талантливому помощнику К. М. Бэра по изслѣдованію каспійскаго бассейна, Н. Я. Данилевскому, имѣвшему уже порученіе отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ по изслѣдованію рыболовства Чернаго и Азовскаго морей. Изъ отвѣта Данилевскаго, находившагося въ то время въ Астрахани, оказалось, что онъ возвратится въ С.-Петербургъ не раньше мая 1862, и только въ слѣдующемъ году можетъ предпринять путешествіе къ Азовскому морю.

Такъ какъ не имѣлось въ виду другого лица, къ которому можно было бы обратиться съ предложеніемъ участвовать въ экспедиціи, то оказалось неизбѣжнымъ отложить главную экспедицію до слѣдующаго года; но находя съ тѣмъ вмѣстѣ, что настоящій годъ можетъ быть употребленъ съ большею пользою для предварительнаго обзора всего Азовскаго бассейна, который бы послужилъ основаніемъ для послѣдующихъ работъ, К. М. Бэръ

и П. П. Семеновъ полагали полезнымъ отправить немедленно небольшую экспедицію къ Азовскому морю для исполненія слѣдующихъ порученій:

1) Объѣхать все прибрежье Азовскаго моря и пріискать средства и людей, которые бы могли содѣйствовать успѣху послѣдующихъ работъ. При этомъ открылись бы тѣ мѣстности, изслѣдованіе которыхъ можетъ доставить важнѣйшіе результаты для исторіи Азовскаго моря.

2) Изслѣдовать удѣльный вѣсъ и химическій составъ воды, взятой изъ разныхъ частей Азовскаго и Гнилаго моря.

3) Изслѣдовать рыболовство и фауну обоихъ морей въ лѣтнее время.

4) Предварительно обозрѣть дельту Дона, что показало бы слѣдуетъ ли подвергнуть ее болѣе подробному изслѣдованію.

5) Осмотрѣть, если возможно, и устья Кубани.

Въ заключеніе самъ К. М. Бэръ изъявилъ согласіе принять на себя руководство этою предварительною экспедиціею, которая должна была отправиться изъ С.-Петербурга въ началѣ мая и продолжаться отъ 3-хъ до 4-хъ мѣсяцевъ.

Совѣтъ призналъ въ высшей степени полезною такую предварительную экспедицію для первоначальнаго общаго обзора южнаго нашего прибрежья, Азовскаго моря, отчасти и Чернаго, и всѣхъ естественныхъ условій почвы, растительности и морской фауны, которыя могутъ отчасти соприкасаться съ самою задачею обмелѣнія, и въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ обусловливать ея разрѣшеніе. Предварительный общій обзоръ былъ по мнѣнію Совѣта, также необходимъ для указанія тѣхъ частей мѣстности и тѣхъ вопросовъ, на которыхъ должны преимущественно сосредоточиваться изслѣдованія. Успѣхъ такой предварительной экспедиціи былъ обезпеченъ, когда ее принялъ на себя такой знаменитый естествоиспытатель, какимъ былъ К. М. Бэръ. Ему сопутствовалъ Г. И. Радде, въ качествѣ помощника. Они отправились изъ Петербурга въ маѣ, на Москву, Харьковъ и Екатеринославъ. Отсюда они проѣхали въ Николаевъ, частію чтобъ ознакомиться съ прежними гидрографическими изслѣдованіями Азовскаго моря, частію чтобы войти въ соглашеніе съ адмираломъ Глазенапомъ, обязательно принявшимъ на себя содѣйствіе занятіямъ и переѣздамъ экспедиціи. Изысканія въ гидрографическомъ николаевскомъ архивѣ привели къ слѣдующему немаловажному факту: показаніе, на оффиціальной картѣ 1803 г., глубины 48 ф., въ 10—15 миляхъ на с. отъ Еникале, произошло отъ простой опечатки или ошибки при вырѣзываніи карты. Въ изданіи карты на греческомъ языкѣ, болѣе внимательно исправленной начальникомъ работъ, грекомъ, показано 38 ф., а не 48. Эта цифра 48 ф. произвела большое недоумѣніе въ Академіи Наукъ, при первоначальномъ обсужденіи вопроса объ обмелѣніи Азовскаго моря, ибо она указывала на весьма сильное обмелѣніе, въ теченіе 50 лѣтъ, сильное даже и для залива Азовскаго моря, и притомъ ни сколько не согласовавшееся со всѣми другими данными. Изъ Николаева, гдѣ путешественники пробыли 2 сутокъ, они отправились на пароходѣ въ Таганрогъ. Ю.-З. штормъ, въ который пароходъ

претерпѣлъ аваріи, заставилъ его зайти на сутки въ Севастополь; но этотъ штормъ послужилъ къ пользѣ экспедиціи, ибо далъ возможность ознакомиться съ послѣдствіями бурь въ этихъ моряхъ. Вода въ таганрогскомъ портѣ чрезвычайно поднялась. Ни одно изъ 200 судовъ, стоявшихъ на Таганрогскомъ рейдѣ, не было повреждено, но изъ каботажныхъ судовъ, стоявшихъ ближе къ берегу, три были выброшены на берегъ: два—на острова донской дельты, гдѣ ихъ и нашли члены экспедиціи, и одно на материкъ. Члены экспедиціи произвели розысканія въ рукавахъ Дона и по сю сторону дельты до Ростова и Новочеркасска. Отсюда Радде прошелъ въ долину Манычa, и его изслѣдованія подтвердили взгляды Барбота де Марни. Посѣщеніе Азова и Ейска показало, что здѣсь нѣтъ степнаго известняка, какъ на сѣверномъ прибрежьѣ, и что мѣстные жители не знаютъ никакихъ каменоломень, вблизи лежащихъ. На таганрогской или сѣверной сторонѣ число камней, находимыхъ на берегу и въ мелкой водѣ, хотя не велико, но гораздо значительнѣе, чѣмъ на южной сторонѣ.

Эти камни накопляются частію изъ строительныхъ матерьяловъ города, котораго западная часть лежитъ вся на скатѣ берега, частію изъ слоевъ степнаго известняка, распространяющихся до самаго берега, частію изъ большихъ овраговъ, которые съ давнихъ поръ прорвали известняки вдалекѣ отъ моря и при высокой водѣ выносятъ ихъ къ морю. Высокій берегъ Таганрога подверженъ особенно сильному обмыванію: въ этомъ можно было убѣдиться послѣ каждаго сильнаго дождя. Большая часть смываемыхъ веществъ состоитъ, однако, изъ глины и песка, и только весьма ничтожная часть изъ камней. На крайней западной сторонѣ моря процессъ смыванія гораздо слабѣе, однако и здѣсь онъ чувствителенъ. Если же ко всему этому присовокупить ежегодные наносы Дона въ море, то дѣлается понятнымъ существовавшее предположеніе, что Азовское море будетъ вскорѣ несудоходнымъ. Но при подобномъ предположеніи забывали, какъ медленно совершаются подобные перевороты. Такъ какъ предположенные Совѣтомъ Географическаго Общества, въ связи съ дѣйствіями экспедиціи, промѣры глубины моря, способами морскаго вѣдомства, къ сожалѣнію, еще не производились въ 1862 году, то члены экспедиціи предприняли сами, съ содѣйствіемъ служащихъ при таганрогскомъ портѣ, промѣры средней воды залива. При этомъ ни какой разницы съ показаніями послѣдней гидрографической карты 1851 г. не найдено въ таганрогскомъ заливѣ.

Вообще всѣ изысканія экспедиціи укрѣпили въ К. М. Бэрѣ мысль, что первоначальныя соображенія Коммиссій Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Императорской Академіи Наукъ, представленныя въ 1861 году Августѣйшему Предсѣдателю по вопросу объ обмелѣніи Азовскаго моря, вѣрны въ своей сущности, и въ особенности то мнѣніе, что берега Азовскаго моря, преимущественно Таганрогскаго залива, подвержены постояннымъ наносамъ песка, что при этомъ косы увеличиваются въ своемъ объемѣ, пространство судоходной воды суживается, что осадки водъ Дона

и Таганрогскаго залива главнѣйше накопляются около береговъ, не угрожая судоходству въ самомъ морѣ ни теперь, ни на многія столѣтія впередъ, но что средина судоходнаго пространства въ таганрогскомъ портѣ, также и въ самомъ бассейнѣ Азовскаго моря такъ медленно обмеляется, что обмелѣніе въ теченіе краткихъ пространствъ времени нечувствительно. Члены экспедиціи произвели испытанія дна, рядомъ 12 обходовъ Таганрогскаго порта съ превосходнымъ инструментомъ для доставанія дна (лотъ съ храпомъ), присланнымъ изъ Гидрографическаго Департамента Морскаго Министерства. Ни разу не попадался въ этихъ испытаніяхъ камень или какая нибудь частица выбрасываемаго балласта и хотя балластъ выбрасывался въ море, но выбрасываніе это значительно уменьшилось въ послѣдніе 3 года, ибо городъ Таганрогъ снималъ самъ балластъ съ судовъ за умѣренную плату. При этомъ члены экспедиціи убѣдились, что выброшенный балластъ быстро исчезаетъ въ морѣ, такъ какъ большая его половина состоитъ изъ песка, глины и подобныхъ землистыхъ веществъ, немедленно раздробляемыхъ дѣйствіемъ морскихъ волнъ. Гораздо меньшая половина балласта состоитъ изъ хряща съ отдѣльными кругловатыми камнями. Послѣдніе тотчасъ тонутъ въ илѣ, изъ котораго состоитъ дно порта, и который, дѣйствіемъ этихъ камней, выталкивается, долго носится въ водѣ и распространяется на большое пространство. Такимъ образомъ экспедиція нашла, что выкидкѣ балласта въ засореніи Азовскаго моря была приписана слишкомъ преувеличенная роль.

Отвѣчая же на вопросъ не должно ли, при огромной массѣ осадковъ Азовскаго моря, въ которыхъ балластъ играетъ впрочемъ ничтожную роль, опасаться близкой невозможности продолжать на немъ судоходство, К. М. Бэръ пришелъ къ заключенію, что засореніе морскаго дна въ Азовскомъ морѣ происходитъ такъ медленно, что въ ближайшемъ будущемъ нѣтъ возможности опасаться за навигацію въ этомъ морѣ, въ то время чрезвычайно усилившуюся послѣ Севастопольской войны [1]).

Члены экспедиціи посѣтили не только Таганрогъ, но и другіе порты: Бердянскъ, Маріуполь и Ейскъ, новое мѣсто для гавани Геничи, а также сѣверный и западный берега Азовскаго моря, часть южнаго берега и Гнилое море, въ его самой сѣверной, средней и южной частяхъ. Они привезли изъ разныхъ частей Азовскаго моря 12 образчиковъ воды, которые зимою 1862—63 г. были подвергнуты полному химическому анализу Г. В. Струве. Въ восточной третьей части Таганрогскаго залива вода была найдена прѣсною и годною для питья до Бѣглицкой косы; чѣмъ далѣе на западъ, тѣмъ быстрѣе она дѣлалась соленою, и въ открытомъ морѣ соленыя примѣси были гораздо значительнѣе, чѣмъ въ главномъ бассейнѣ Балтійскаго моря. Это подтверждалось и сравненіемъ животнаго царства въ обоихъ моряхъ. Скаты (Rochen) довольно многочисленны въ Азовскомъ бассейнѣ, въ Балтійскомъ же морѣ они показываются только въ самой западной его части и даже не

---

[1]) См. Бэра «Отч. о путеш. на Азовс. м. по поруч. Имп. Русск. Геогр. Общ. въ 1862 г.».

доходятъ до Рюгена. Раковины, общія обоимъ морямъ, имѣли въ большомъ бассейнѣ Азовскаго моря величину, какой онѣ достигаютъ лишь въ самой западной части Балтійскаго моря. Безпозвоночныхъ животныхъ собрана была экспедиціею цѣлая коллекція. Относительно рыбъ наблюденія экспедиціи были менѣе полны. Можно было только убѣдиться, что количество ихъ въ Азовскомъ морѣ весьма многочисленно. Замѣчено было, что юго-восточный берегъ Азовскаго моря покрывается весною на большихъ протяженіяхъ полою водою и потому содѣйствуетъ распространенію рыбъ, не входящихъ въ Донъ. Наблюденія экспедиціи относительно рыбъ были совсѣмъ неудовлетворительны, какъ потому, что лѣтомъ производится мало рыболовства, такъ и потому, что всѣ рыболовы старательно содержатъ въ тайнѣ свое ремесло и не сообщаютъ о немъ свѣдѣній. Такъ, на Бердянской косѣ, они не хотѣли даже вытащить своихъ сѣтей при членахъ экспедиціи, два раза посѣщавшихъ это мѣсто [1]).

Эти предварительныя изысканія на Азовскомъ морѣ, послужили точкою опоры для дальнѣйшихъ дѣйствій Общества по этому предмету и для снаряженія полной экспедиціи.

Вопросъ объ опредѣленіи предметовъ изслѣдованія снаряжаемой Обществомъ въ 1863 г. Азовской экспедиціи былъ обсуживаемъ въ особо для того избранной Отдѣленіемъ Физической Географіи Коммиссіи [2]), которая представила Совѣту слѣдующія соображенія:

Практическая сторона вопроса объ обмелѣніи Азовскаго моря уже была достаточно разъяснена поѣздкою и изслѣдованіями К. М. Бэра, что выбрасываемый въ море проходящими въ него кораблями баластъ, не можетъ имѣть никакого вліянія на общее обмелѣніе Азовскаго моря и что вообще быстраго общаго обмелѣнія цѣлаго бассейна, которое бы угрожало русской торговлѣ непосредственною опасностью, не существуетъ.

Но за тѣмъ оказалось несомнѣннымъ, что рѣки, впадающія въ Азовское море, вносятъ ежегодно нѣкоторое количество осадковъ, и что море распредѣляетъ различнымъ образомъ эти осадки по своему дну, отчасти образуя изъ нихъ тѣ характеристическія косы, вдающіяся въ бассейнъ большею частію параллельно между собою, съ сѣвернаго прибрежья. Изслѣдованіе этого медленнаго геологическаго процесса обмелѣнія Азовскаго бассейна, а также способа образованія сего бассейна и измѣненій его очертаній въ новѣйшія геологическія эпохи, имѣла высокій научный интересъ и составляла главную задачу экспедиціи, задачу, изъ коей вытекалъ цѣлый рядъ частныхъ вопросовъ, а именно:

I. Для изслѣдованія вопроса о геологическомъ образованіи Азовскаго

[1]) Впослѣдствіи превосходныя изслѣдованія Н. Я. Данилевскаго о рыболовствѣ въ Азовскомъ и Черноморскомъ бассейнѣ, по порученію Министерства Государственныхъ Имуществъ, пополнили этотъ пробѣлъ.

[2]) Коммиссія состояла изъ Почет. Член. Бэра и Гельмерсена и Д. Чл. Семенова, Данилевскаго и Ивашинцова. Инструкція была составлена К. М. Бэромъ и П. П. Семеновымъ и редактирована симъ послѣднимъ.

бассейна, о прежнихъ отношеніяхъ его къ Каспійскому и объ измѣненіяхъ въ его очертаніяхъ въ новѣйшія геологическія эпохи, желательно было, чтобы экспедиція обратила вниманіе свое на слѣдующіе предметы:

1) На сѣверной сторонѣ Азовскаго моря находятся два рода третичныхъ образованій, весьма различныхъ между собою. Въ однихъ (въ такъ называемомъ степномъ известнякѣ) находятся остатки раковинъ, изъ коихъ почти ни одна не принадлежитъ къ породамъ, нынѣ живущимъ въ Азовскомъ морѣ, хотя общій характеръ фауны этихъ осадковъ имѣетъ большія аналогіи съ характеромъ фауны нынѣшняго черноморскаго бассейна, въ другихъ же осадкахъ, наоборотъ, всѣ почти встрѣчаемые виды совершенно тождественны съ нынѣ живущими въ Азовскомъ бассейнѣ. Это рѣзкое различіе между двумя родами образованій, встрѣчаемыхъ на Азовскомъ прибрежьи, не было еще изслѣдовано геологами первой половины нашего вѣка, смѣшавшими оба разновременныя образованія и полагавшими, что степной известнякъ заключаетъ въ себѣ вмѣстѣ съ отжившими породами и нынѣ живущія раковины Азовскаго бассейна. Потому одною изъ важныхъ задачъ экспедиціи должно было быть проведеніе и обозначеніе на картѣ раздѣлительной черты между двумя означенными геологическими образованіями. Такая черта опредѣлитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и прежнее очертаніе съ сѣверной стороны Азовскаго бассейна.

2) Особое вниманіе экспедиціи должно было быть обращено на нижнюю часть Манычской долины (по крайней мѣрѣ до холмовъ Ергени), съ цѣлью убѣдиться, нѣтъ ли въ этой долинѣ морскихъ раковинъ Азовскаго бассейна или не разрушены ли эти раковины растительною жизнію. Во всякомъ случаѣ, обзоръ Манычской долины могъ дать лучшіе матерьялы для разрѣшенія важнаго вопроса о прежнемъ соединеніи Азовскаго бассейна съ Каспійскимъ.

3) Весьма полезно было собрать положительныя свѣдѣнія о томъ, встрѣчается ли на южной сторонѣ Азовскаго бассейна, къ востоку отъ полуострова Тамани, степной известнякъ и если встрѣчается, то гдѣ проходитъ его ближайшая граница. Въ этомъ отношеніи замѣчательно, что въ Азовѣ, Ейскѣ и Ачуевѣ степной известнякъ, какъ строевой матерьялъ, совершенно неизвѣстенъ, такъ что весьма возможно, что эта горная порода, залегающая уже на довольно низкомъ уровнѣ въ Таганрогѣ, находится въ Азовѣ и Ейскѣ такъ глубоко, что могла бы быть открыта только посредствомъ буровыхъ скважинъ.

II. Второй предметъ изслѣдованій экспедиціи долженъ былъ состоять въ изученіи прибрежій Азовскаго моря, съ цѣлью ознакомиться съ мѣстностями, изъ которыхъ рѣки, впадающія въ Азовское море, берутъ матерьялы для вносимыхъ ими въ море наносовъ.

1) Первую важность въ этомъ отношеніи имѣло изслѣдованіе пластическаго устройства сѣвернаго побережья Азовскаго моря, такъ какъ почти всѣ рѣки бассейна принадлежатъ къ этому побережью. Для изслѣдованія

береговаго уступа, круто падающаго въ море съ этой стороны, а также долинъ, его пересѣкающихъ и возвышенностей побережья, необходимо было, чтобы экспедиція объѣхала все сѣверное побережье.

2) Не менѣе важенъ былъ осмотръ ю.-в. берега моря, между Темрюкскимъ лиманомъ и Ясенскимъ мысомъ, а также изслѣдованіе старыхъ сѣверо-западныхъ рукавовъ Кубани, такъ какъ именно съ этой стороны, въ прежнія времена, до окончательнаго засоренія рукавовъ этой рѣки, впадающихъ въ Азовское море, бассейнъ получалъ едва ли не наибольшее количество тѣхъ осадковъ, изъ коихъ состоитъ нынѣ его дно. При обзорѣ этой части побережья необходимо было осмотрѣть, въ какой мѣрѣ оно болотисто, какъ далеко вторгаются болота въ материкъ, пересѣкаются ли они значительными водными поверхностями и, наконецъ, нѣтъ ли на прибрежной полосѣ значительныхъ лѣсныхъ пространствъ, такъ какъ присутствіе лѣсовъ могло дать нѣкоторое понятіе о давности образованія этой части Кубанской дельты.

3) Керченскій и Таманскій полуострова заслуживали изслѣдованія экспедиціи только въ такомъ случаѣ, если бы до окончанія оной не были обнародованы изслѣдованія Абиха, или если эти изслѣдованія требовали-бы дополненій съ точки зрѣнія главной цѣли экспедиціи.

III. Третій предметъ изслѣдованія экспедиціи долженъ былъ состоять въ изученіи самаго процесса внесенія рѣками въ Азовскій бассейнъ наносовъ и въ приблизительномъ исчисленіи количества сихъ наносовъ. Для этой цѣли необходимо было:

1) Опредѣлить быстроту теченія Дона и нѣкоторыхъ рѣкъ и ручьевъ сѣвернаго прибрежья во время и послѣ таянія снѣговъ (въ февралѣ и мартѣ).

2) Опредѣлить количество вносимой въ море рѣкою Дономъ воды во время его половодья.

3) Опредѣлить количество заключающихся въ мутной во время половодья водѣ Дона осадковъ.

4) Изслѣдовать устье Міусскаго лимана съ цѣлію узнать, выносятся ли въ море многочисленные обломки, отрываемаго отъ прибрежій рѣкою Міусомъ степнаго известняка, или остаются они въ самомъ лиманѣ.

IV. Четвертою задачею экспедиціи должно было быть изслѣдованіе вопроса о томъ, что дѣлаетъ море изъ вносимыхъ въ него осадковъ. Въ этомъ отношеніи заслуживали особенное вниманіе экспедиціи:

1) Размывное дѣйствіе моря на крутыя сѣверныя его прибрежья.

2) Образованіе косъ и причины замѣчательнаго ихъ параллелизма.

3) Собраніе образцовъ тѣхъ осадковъ, которые находятся на днѣ моря въ различныхъ частяхъ бассейна и преимущественно по срединѣ его и микроскопическое изслѣдованіе этихъ образцовъ съ цѣлію опредѣлить, откуда принесены эти осадки.

V. Пятою задачею экспедиціи могло быть изслѣдованіе самой водной

массы Азовскаго бассейна. Въ этомъ отношеніи отъ экспедиціи можно было ожидать:

1) Собраніе нѣкоторыхъ дополнительныхъ пробъ воды къ тѣмъ, которыя уже анализированы были Г. В. Струве, а именно: съ устьевъ Дона при Ростовѣ, съ Таганрогскаго рейда, съ устья Міусскаго лимана и изъ самой средины Азовскаго бассейна.

2) Особенно тщательное сравненіе флоры и фауны Азовскаго водоема, съ флорою и фауною бассейновъ Каспійскаго и Черноморскаго.

3) Разрѣшеніе вопроса о томъ, свѣтится ли поверхность Азовскаго моря, и если свѣтится, то подробныя изысканія по сему предмету.

VI. Шестою задачею экспедиціи могли-бы быть нѣкоторыя розысканія въ Таганрогскихъ архивахъ, касающіяся до слѣдующихъ предметовъ:

а) Не насыпанъ ли искусственно островъ Черепаха по повелѣнію Петра I.

б) При какихъ обстоятельствахъ производилась въ Таганрогѣ постройка судовъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II, и какъ они спускались въ море.

VII. Наконецъ, экспедиціи можно было-бы поручить сообразить на мѣстѣ, въ какихъ пунктахъ Азовскаго прибрежья и какими способами и средствами могутъ быть производимы нѣкоторыя постоянныя наблюденія, какъ надъ различными періодическими измѣненіями морскаго уровня, такъ и надъ явленіями метеорологическими, какъ-то: измѣненіями температуры, барометрическаго давленія и проч. Разумѣется, такія наблюденія могли быть производимы только въ такомъ случаѣ, если бы экспедиціи удалось найти въ прибрежныхъ городахъ лицъ, представляющихъ нравственныя ручательства въ точномъ исполненіи возложенныхъ на нихъ наблюденій.

Отдѣленіе и Совѣтъ вполнѣ одобрили составленную Коммиссіею программу и въ 1864 году снарядили экспедицію Н. Я. Данилевскаго, но до тѣхъ поръ Общество воспользовалось поѣздкою въ южную Россію своего Почетнаго Члена Г. П. Гельмерсена, какъ Члена Коммиссіи разсматривавшей составленную К. М. Бэромъ и П. П. Семеновымъ инструкцію и просила Г. П. Гельмерсена употребить часть своего времени на геологическій осмотръ сѣвернаго прибрежья Азовскаго м. съ его косами и береговыми обнаженіями. Г. П. Гельмерсенъ охотно и съ успѣхомъ исполнилъ порученіе Общества и представилъ ему отчетную записку о своей поѣздкѣ, напечатанную въ Отчетѣ Общества за 1863 годъ.

Въ 1864 г. Н. Я. Данилевскій впервые объѣхалъ вокругъ всего Азовскаго моря, придерживаясь сколько возможно самаго прибрежья, а мѣстами, гдѣ того требовали представлявшіеся ему вопросы, вдаваясь на нѣсколько десятковъ и сотенъ верстъ въ материкъ. Этотъ объѣздъ началъ онъ, переправившись через Керченскій проливъ на Таманскій полуостровъ. Первое, что представилось на этомъ пути, была Кубанская дельта. Около мѣсяца употребилъ Данилевскій на осмотръ ея; онъ обозрѣлъ косы, которыя отграничиваютъ эту дельту отъ моря, и сѣть безчисленныхъ протоковъ и лимановъ, ее наполняю-

щихъ, а также доѣзжалъ до Екатеринодара и потомъ, слѣдуя вдоль сѣверовосточной окраины дельты, старался опредѣлить границы того залива, черезъ выполненіе котораго наносами рѣки образовалась нынѣшная Кубанская дельта.

Изъ обозрѣнія Таманскаго полуострова, Данилевскій заключилъ, что и онъ долженъ быть необходимо причисленъ къ Кубанской дельтѣ, съ тою однакоже существенною разницею, что собственно Кубанская дельта образовалась чрезъ выполненіе наносами бывшаго Кубанскаго залива, Таманскій же полуостровъ состоялъ въ то время изъ группы островов одного образованія съ Керченскимъ полуостровомъ, между которыми впадали, теперь высохшіе, рукава Кубани; они наполнили наносами низменности между горами, и такимъ образомъ сплотили архипелагъ острововъ въ одинъ сплошный полуостровъ. Характеръ Кубанской дельты оказываетъ большое вліяніе на процессъ засоренія Азовскаго моря наносами Кубани, и именно значительно его замедляетъ. Изъ всѣхъ многочисленныхъ устьевъ или гирлъ, которыми Кубань вливается въ море, только одна Протока (впадающая у Ачуева) непосредственно вливается въ море, всѣ же прочія протекаютъ черезъ одинъ, черезъ два или черезъ цѣлый рядъ лимановъ (болѣе или менѣе обширныя озера) прежде, чѣмъ доходятъ до моря. Необходимымъ слѣдствіемъ этого было то, что большая часть мути, несомой мутною Кубанью, отлагалась въ промежуточныхъ лиманахъ и вовсе не достигала моря. Другая причина, замедлявшая засореніе Азовскаго моря, состояла въ самой мелкотѣ его. При сколько нибудь значительномъ волненіи, осѣвшая на дно муть взбудораживается, дѣлаетъ самую воду моря мутною, и такъ какъ преобладающее теченіе мути изъ Азовскаго моря въ Черное, то она и выносится въ него. Однако же, едва ли это такъ будетъ продолжаться всегда. Засореніе Кубанскихъ лимановъ и обращеніе ихъ въ плавни идетъ быстрыми шагами; есть обширные лиманы, въ которыхъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ ловили рыбу, а теперь косятъ сѣно. Съ теченіемъ времени, засореніе и выполненіе Кубанскихъ лимановъ неизбѣжно, и тогда всю эту массу осадковъ, которую Кубань употребляла на образованіе своей дельты, засоряя бывшій заливъ, въ который она впадала, остатки котораго составляютъ нынѣшніе лиманы, понесетъ она въ Азовское море. Полезное дѣйствіе второй причины, замедлявшей доселѣ засореніе моря, именно выносъ мути въ Черное море, кажется также должно уменьшиться, и едва ли уже не уменьшилось. Чтобы хотя приблизительно опредѣлить количество мути, вносимой Кубанью въ Азовское море, Данилевскій дѣлалъ наблюденія надъ быстротою теченія въ Темрюцкомъ гирлѣ и надъ количествомъ содержащихся въ водѣ его осадковъ. На остальномъ пространствѣ обозрѣннаго имъ морскаго берега, главнѣйшее вниманіе обращалъ онъ на образованіе косъ, и съ этою цѣлью посѣтилъ едва ли не всѣ косы, вдающіяся въ Азовское море, начиная съ Тузлы, и кончая Аробатской стрѣлкой, т. е. до двадцати косъ.

Результатами изслѣдованій этихъ косъ были весьма основательныя и интересныя объясненія причинъ и матеріала образованія и условій постояннаго развитія и роста какъ морскихъ, такъ и лиманныхъ косъ Азовскаго моря.

Устья Дона Данилевскій посѣтилъ уже слишкомъ поздно, чтобы заняться опредѣленіемъ быстроты его теченія, такъ какъ это послѣднее могло имѣть интересъ въ отношеніи къ засоренію моря преимущественно во время разлива, потому что въ меженное время вода Дона такъ чиста, что едва ли можетъ имѣть чувтвительное вліяніе на образованіе морскихъ осадковъ. Кромѣ наносовъ (понимая подъ этимъ словомъ муть, плавающую въ водѣ и потомъ осядающую), рѣки дѣйствуютъ на засореніе морей еще накатами песку, но и въ этомъ отношеніи вліяніе Дона не очень сильно, такъ какъ острова его дельты весьма медленно подаются въ море. Дѣйствіе остальныхъ рѣкъ на засореніе моря оказалось совершенно ничтожнымъ, потому что только одинъ Калміусъ вливается непосредственно въ море. Міусъ, прежде своего впаденія, образуетъ довольно обширный лиманъ, который и удерживаетъ въ себѣ большую часть вносимыхъ въ него рѣкою наносовъ и накатовъ. Молочная вовсе до моря не достигаетъ, точно также какъ Берда и другія меньшія рѣки. Статья Г. П. Гельмерсена, извлеченіе изъ которой было помѣщено въ отчетѣ Географическаго Общества за 1863 годъ, заставила Н. Я. Данилевскаго обратить вниманіе еще на одну причину засоренія моря, именно, на обвалы береговъ вдоль сѣверной и части восточной окраинъ моря. Эти обвалы имѣютъ мѣсто только тамъ, гдѣ берегъ совершенно обрывистъ, т. е. вертикаленъ, а это бываетъ въ свою очередь тамъ, гдѣ воды моря непосредственно касаются кручи. Тамъ же, гдѣ къ кручѣ приросла коса или даже только узкій береговой припай, тамъ Данилевскій замѣчалъ вездѣ, что возвышенный берегъ потерялъ характеръ обрыва; скатъ отъ осыпей и вліянія дождей сдѣлался положе и большею частію оброс травою; въ такихъ мѣстахъ обваловъ уже болѣе не бываетъ, но косы и низменные припаи занимаютъ гораздо большую часть береговой линіи нежели обрывы, спускающіеся непосредственно къ водѣ, и, какъ кажется, должны занимать все большее и большее протяженіе, такъ, что если наносы Кубани должны съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе содѣйствовать засоренію моря, то, на оборотъ, подобное же дѣйствіе обваловъ должно со временемъ уменьшаться все болѣе и болѣе. Во время путешествія вдоль сѣвернаго берега моря, Н. Я. Данилевскій дѣлалъ нѣсколько въѣздовъ внутрь материка, придерживаясь рѣчныхъ долинъ, съ тѣмъ, чтобы, по образуемымъ ими разрѣзамъ, прослѣдить за слоями новѣйшаго азовскаго образованія, и хотя въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ ему и удалось отъискать слои, заключающіе въ себѣ раковины совершенно такого же характера, какъ нынѣ живущія въ Азовскомъ морѣ, и даже еще въ полуископаемомъ состояніи, но такихъ мѣстностей, встрѣтилось не много и всѣ онѣ лежатъ между устьями Дона и рѣкою Міусомъ.

Въ 1865 году Данилевскій, задержанный въ Петербургѣ по дѣламъ службы, не могъ попасть, какъ предполагалъ, раннею весною на Манычъ, и въ лѣто 1865 г. долженъ былъ довольствоваться береговымъ осмотромъ Азовскаго и Черноморскаго бассейновъ. Но въ 1866 г. ему уже удалось вполнѣ окончить возложенную на него задачу, а именно изслѣдовать обстоя-

тельно всю Маныческую ложбину, сѣверное прибрежье Азовскаго моря и заняться еще изслѣдованіемъ собственно Азовскаго водоема, съ цѣлью выяснить распредѣленіе осадковъ на днѣ моря и морской его фауны. При посѣщеніи этой низменности, Данилевскому удалось найти въ ней (на правомъ берегу Маныча, тамъ гдѣ онъ начинаетъ расширяться въ Мечетный лиманъ) морскіе осадки съ раковинами, нынѣ живущими въ Азовскомъ морѣ, а также прослѣдить оба старыхъ прибрежья широкой Манычской ложбины, которая, по всѣмъ фактамъ, собраннымъ Данилевскимъ, была дномъ морскимъ и служила соединительнымъ проливомъ между Каспійскимъ и Азовскимъ бассейнами.

Непосредственныя заключенія, выведенныя Данилевскимъ изъ изслѣдованія Манычской низменности, состояли въ слѣдующемъ: 1) что собственно такъ называемый Манычъ или Манычская водосточина находится въ генетической связи съ Манычскою ложбиною и не представляетъ непрерывнаго воднаго тока, хотя бы и въ различныя стороны текущаго; 2) что западный Манычъ есть ни что иное, какъ продолженіе Егорлыка, а восточный—Калауса, безъ сомнѣнія впадавшихъ въ древній проливъ и по осушеніи его направившихся по его ложу, сообразно склону мѣстности въ Донъ и къ Каспійскому морю; 3) что оз. Гудило или Большой Лиманъ находится въ связи съ Егорлыкомъ и Калаусомъ лишь тѣмъ, что занимаетъ высохшее дно того же морскаго пролива и потому можетъ быть поставлено на ряду съ восточнымъ и западнымъ Манычемъ и названо среднимъ Манычемъ.

Въ прекрасныхъ отчетахъ, представленныхъ Обществу Н. Я. Данилевскимъ и въ обширномъ трудѣ его о Кубанской дельтѣ, Данилевскій, опираясь на богатство какъ собранныхъ имъ фактовъ и наблюденій, со свойственною ему ясностью, опредѣлилъ главныя черты геологической исторіи бассейна Азовскаго моря и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшилъ и тѣ практическіе вопросы, изъ-за которыхъ собственно и снаряжалась научная экспедиція. Во вниманіе къ такому успѣшному результату Азовской экспедиціи, Совѣтъ Общества увѣнчалъ, по рецензіи П. П. Семенова и представленію Отдѣленія Физической Географіи, трудъ Данилевскаго высшею своею наградою Константиновскою медалью.

Отдѣленіе Физической Географіи, въ разсматриваемомъ періодѣ какъ и въ предшедшемъ, не переставало живо интересоваться успѣхами геологическаго познанія Европейской Россіи и хотя Общество и не могло пріискать въ теченіе періода достаточныхъ средствъ для снаряженія самостоятельныхъ экспедицій для геологическаго изслѣдованія Европейской Россіи, кромѣ Азовской, на которую средства были Высочайше дарованы Обществу, но наиболѣе выдающіеся изъ членовъ Отдѣленія Физической Географіи не щадили своихъ усилій для того чтобы подвинуть впередъ геологическія познанія обширныхъ пространствъ Европейской Россіи.

Такъ бывшій въ началѣ періода (съ 1857 по 1860 г.) Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи Физической Географіи, Г. П. Гельмерсенъ,

въ теченіе всего этого періода, совершалъ цѣлый рядъ поѣздокъ съ цѣлью геологическихъ изслѣдованій въ разныхъ частяхъ Европейской Россіи. Въ первые годы періода поѣздки эти были направлены въ Олонецкую губернію, съ цѣлью геологическаго описанія и составленія геологической карты обширнаго округа Олонецкихъ горныхъ заводовъ. Убѣдившись, во время самыхъ путешествій, что существующія карты Олонецкой губерніи до крайности недостаточны, такъ даже, что на одной изъ нихъ нѣкоторые пункты показаны 10 верстъ южнѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ находятся, какъ напримѣръ южный конецъ полуострова Заонежья, и принявъ въ соображеніе, что основаніемъ геологическихъ картъ должны служить вѣрныя географическія карты, Г. П. Гельмерсенъ, съ разрѣшенія Министра Финансовъ, приступилъ къ составленію карты Олонецкой губерніи. Прежнія карты были основаны на весьма маломъ числѣ астрономическихъ пунктовъ, на 3 или 4. Получивъ съ Пулковской Обсерваторіи 43 пункта, астрономически опредѣленные въ Олонецкой губерніи полковникомъ Леммомъ, Г. П. Гельмерсенъ поручилъ одному офицеру Корпуса Топографовъ составить новую проэкцію Олонецкой губерніи, и въ новую сѣть внести всѣ географическія данныя, показанныя на спеціальной картѣ Россіи, въ уѣздахъ Вытегорскомъ, Петрозаводскомъ и Повѣнецкомъ. Новая карта, составленная въ масштабѣ 10 верстъ въ дюймѣ, во многихъ мѣстахъ была значительно исправлена помощью бусольныхъ съемокъ, произведенныхъ Гельмерсеномъ во время путешествій.

Въ Олонецкой губерніи, Гельмерсенъ опредѣлилъ барометрически высоту 42 пунктовъ, въ томъ числѣ и высоту линіи раздѣленія водъ между Бѣлымъ моремъ и Онежскимъ озеромъ. По желанію Главноуправляющаго Путями Сообщенія и Публичными Зданіями, онъ осмотрѣлъ и снялъ близъ деревни Масельги мѣстность, гдѣ нѣкогда полагали соединить Бѣлое море съ Онежскимъ озеромъ посредствомъ канала. Гельмерсенъ составилъ также болѣе 100 рисунковъ и чертежей, объясняющихъ геологію и физическую географію обслѣдованныхъ имъ странъ. Окончивъ осмотръ Олонецкаго горнаго округа, путешественникъ отправился чрезъ Петрозаводскъ и Олонецъ въ Финляндію, для продолженія здѣсь наблюденій надъ эрратическими явленіями, начатыхъ имъ въ Олонецкой губерніи. Наблюденія надъ дилювіальной почвой Финляндіи простирались до Нейшлота, Выборга и Гельсингфорса.

Въ 1860 г. Г. П. Гельмерсенъ уже издалъ отчетъ о четырехлѣтнихъ своихъ геологическихъ изслѣдованіяхъ Олонецкаго горнаго округа. Къ этому отчету была приложена геологическая карта этого округа въ масштабѣ 20 верстъ въ русскомъ дюймѣ.

Лѣтомъ, 1860 года, Г. П. Гельмерсенъ изслѣдовалъ мѣсторожденія каменнаго угля Тульской губерніи, Богородицкаго уѣзда, въ имѣніи графовъ Бобринскихъ, и Тульской же губерніи въ имѣніи Хомякова. Въ селѣ Малевкѣ, графа Алексѣя Алексѣевича Бобринскаго, было открыто каменноугольное поле въ 5 квадратныхъ верстъ. Пластъ мѣстами достигалъ до 3 саженъ толщины; изъ него ежегодно, въ началѣ разсматриваемаго періода,

добывалось 600.000 пудовъ угля, употребляемаго для нагрѣванія паровыхъ котловъ, дѣйствующихъ при свеклосахарномъ производствѣ въ селѣ Михайловскомъ графа Бобринскаго. Каменный уголь, открытый въ имѣніи Обидимо, Хомякова, оказался также хорошихъ качествъ и могъ съ пользою служить какъ для паровиковъ и домашняго употребленія, такъ и для полученія освѣтительнаго газа.

Мѣсторожденія каменнаго угля, открытыя и разработываемыя въ южной части Тульской губерніи, обратили на себя въ то время всеобщее вниманіе русскихъ геологовъ.

Предсѣдательствующій съ 1860 года въ Отдѣленіи Физической Географіи П. П. Семеновъ, уже во время своего пребыванія въ Германіи въ началѣ 1850-хъ годовъ близко изучившій палеонтологическую фауну каменноугольной формаціи въ Силезіи, посѣтилъ въ 1861 г. Малевскія копи, и убѣдившись, что каменноугольныя мѣсторожденія занимаютъ очень низкій ярусъ въ напластованіяхъ горныхъ известняковъ, столь распространенныхъ по всей Тульской и Рязанской губерніяхъ, обратилъ особенное вниманіе на палеонтологическую фауну тѣхъ пластовъ (известняковъ и мергелей), на которыхъ покоятся богатыя содержаніемъ каменнаго угля сланцеватыя глины.

Фауна эта оказалась не только богатою, но и очень характерною въ томъ отношеніи, что виды, изъ которыхъ она состояла, были можно сказать переходными между фауною каменноугольной и девонской системъ [1]). Прослѣдивъ эти характерныя напластованія отъ Малевки и Товаркова Тульской губерніи до верховьевъ рѣки Рановы и села Мураевни въ Рязанской, гдѣ также вслѣдъ за тѣмъ были найдены пласты каменноугольной формаціи, П. П. Семеновъ убѣдился въ полномъ тождествѣ характерныхъ малевскихъ и рановскихъ окаменѣлостей и, собравъ въ свои лѣтніе досуги съ 1860 г. по 1863 г., богатый палеонтологическій матерьалъ, разработалъ его вмѣстѣ съ Д. Чл. Общ. В. И. Меллеромъ (нынѣ директоромъ Горнаго Института) и напечаталъ въ трудахъ Императорской Академіи Наукъ, потому что Географическое Общество, именно въ началѣ 1860-хъ годовъ, не имѣло средствъ на изданіе такого труда, въ которомъ заключались всегда дорого стоющіе рисунки и таблицы, совершенно необходимыя въ палеонтологическихъ сочиненіяхъ. [2]).

Главнымъ результатомъ изслѣдованій П. П. Семенова и В. И. Меллера было установленіе особаго и притомъ весьма характернаго и постояннаго яруса, отнесеннаго ими къ верхнедевонской формаціи, но во всякомъ случаѣ

---

[1]) Нѣкоторые изъ видовъ этой фауны напримѣръ Rhynchonella, названная П. П. Семеновымъ R. Panderi была до крайности близка къ девонскимъ формамъ, другія какъ напримѣръ струйчатые виды Productus (Productus Panderi) имѣли наибольшія аналогіи съ каменноугольными типами, такъ какъ струйчатыхъ (продольно-бороздчатыхъ) Productus въ девонской формаціи прежде не находили и считали ихъ безусловно типическими раковинами каменноугольнаго періода.

[2]) См. P. Semenow und V. v. Möller über die oberen devonischen Schichten des mittleren Russlands въ Melanges physiq. tirés du Bullet. de l'Acad. Imp. des sciences T. V 1864.

переходнаго между этою формацiею и каменноугольною и замѣчательнаго тѣмъ, что именно на немъ покоятся сланцеватыя глины, въ которыхъ залегаютъ каменноугольныя мѣсторожденiя Центральной Россiи. Обстоятельное описанiе всей морской фауны *малевско-мураевенскаго* яруса навсегда установили за нимъ его права гражданства въ русской геологiи.

По окончанiи путешествiя по Тульской и Калужской губернiямъ, результаты котораго напечатаны въ Горномъ журналѣ и въ изданiяхъ Академiи Наукъ, Г. П. Гельмерсенъ изслѣдовалъ во всей подробности нижнее теченiе рѣки Наровы отъ Нарвскаго водопада до устья, и рѣку Россону, вытекающую изъ рѣки Луги и впадающую въ Нарову въ $^1/_4$ версты выше устья сей послѣдней. Изслѣдованiя Гельмерсена на р. Наровѣ и въ прилегающихъ къ бассейну Чудскаго озера частяхъ С. П. Бургской, Псковской, Эстляндской и Лифляндской губернiй продолжались и все лѣто 1861 года. Цѣль этихъ изслѣдованiй была слѣдующая:

Извѣстно, что между истокомъ Наровы и Нарвскимъ водопадомъ находятся въ двухъ мѣстахъ опасные пороги, затрудняющiе судоходство. Извѣстно также, что часть западнаго и восточнаго берега Чудскаго озера такъ мало возвышается надъ обыкновеннымъ уровнемъ воды, что ежегодно берега озера затопляются весеннимъ полноводiемъ, или же вслѣдствiе крѣпкихъ вѣтровъ восточныхъ и западныхъ.

Отъ этихъ затопленiй, простирающихся мѣстами до 10 и болѣе верстъ во внутрь материка, большiя пространства луговыхъ и лѣсныхъ дачъ и воздѣланныхъ полей, мало по малу, обращаются въ мертвыя моховыя болота.

По этому давно возникъ вопросъ, не окажется ли, въ физическомъ и экономическомъ отношенiи, возможнымъ и выгоднымъ устроить каналъ съ двойною цѣлью: 1) для обхода помянутыхъ пороговъ и 1) для пониженiя, помощью этого же канала, уровня Чудскаго озера на 3 или на 4 фута, что совершенно было бы достаточно для спасенiя затопляемыхъ дачъ и для превращенiя ихъ въ богатые луга, лѣса и пашни. Такихъ дачъ на озерѣ находилось болѣе 700 квадратныхъ верстъ. Но если къ нимъ присовокупить обширныя болота, находящiяся по сторонамъ верхняго теченiя Наровы, и ежегодно затопленныя полыми ея водами, то пространство земли, спасаемое каналомъ, было нѣсколько болѣе приведенной выше цифры.

Г. П. Гельмерсенъ изслѣдовалъ эту задачу съ геологической стороны во всей подробности, а именно:

1. Онъ опредѣлилъ всѣ пункты по верхнему теченiю Наровы, на которыхъ обнажены пласты нижней силурiйской почвы.

2. Опредѣлилъ ясную границу этихъ пластовъ и удостовѣрился, дѣйствительно ли верхняя силурiйскал почва не доходитъ съ запада ни до Наровы, ни до Чудскаго озера.

3. Изслѣдовалъ составъ береговъ Чудскаго и Псковскаго озеръ, съ цѣлью показать, какое влiянiе оказали свойства береговыхъ почвъ на образованiе и

очертаніе озера и какими геологическими отношеніями обусловливается нынѣшній уровень озера надъ моремъ.

4. Какое вліяніе окажетъ пониженіе уровня озера, на 3 или 4 фута, на нижнее теченіе впадающихъ въ него судоходныхъ рѣкъ: Эмбаха, Воя, Великой и могутъ ли эти рѣки, по геологическому свойству ихъ русла, сами углубить нижнее свое теченіе въ случаѣ пониженія уровня озера.

Въ 1862 и 1863 гг. Г. П. Гельмерсенъ произвелъ, по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, геологическій осмотръ береговъ Азовскаго моря, о которомъ мы уже упоминали выше и который много способствовалъ успѣшности трудовъ Азовской экспедиціи.

Но главною заботою почтеннаго корифея Географическаго Общества и русской географической науки было въ разсматриваемомъ періодѣ, составленіе и изданіе геологической карты Европейской Россіи.

Извѣстно что Г. П. Гельмерсенъ издалъ первую, весьма неполную карту этого рода еще въ 1841 г. Въ 1845 г. появилась карта Россіи, приложенная къ геологическому описанію Россіи и Уральскихъ горъ, изданному гг. Мурчисономъ, Вернелемъ и графомъ А. Кейзерлингомъ. Въ 1849 г. генералъ-маіоръ Озерскій напечаталъ русскій переводъ этой карты, исправленный въ нѣкоторыхъ ея частяхъ.

Но какъ съ тѣхъ поръ прошло много времени и были сдѣланы многія новыя геологическія открытія въ Россіи, и какъ во многихъ мѣстахъ границы формаціи опредѣлены съ бóльшею точностью, чѣмъ прежде, то необходимо было приступить къ составленію и изданію новой геологической карты Россіи.

Для достиженія возможной полноты и исправности, Г. П. Гельмерсенъ обратился ко всѣмъ извѣстнымъ геологамъ Россіи, прося каждаго изъ нихъ доставить ему матерьялы для предпринимаемаго обширнаго труда. Просьбы эти удовлетворены, благодаря вниманію нашихъ ученыхъ къ важности предмета.

Геологи Пандеръ, Гофманъ, Абихъ, Ауербахъ, Барботъ, Гревинкъ, Феофилактовъ, Антиповъ 2-й и Гольмбергъ доставили свѣдѣнія о произведенныхъ ими на разныхъ пространствахъ Россіи изслѣдованіяхъ; нѣкоторые изъ нихъ приняли даже на себя трудъ составленія географическихъ картъ обслѣдованныхъ ими мѣстностей, для доставленія ихъ Г. П. Гельмерсену.

Весь этотъ богатый матерьялъ внесенъ въ новую карту; сверхъ того, Г. П. Гельмерсенъ воспользовался всѣми геологическими сочиненіями и статьями, публикованными въ Россіи съ 1849 г.

Г. П. Гельмерсенъ работалъ надъ своей картою съ 1860 года и, вышедшая въ 1865 году, она можно сказать была вѣнцомъ многолѣтней и неутомимой дѣятельности этого Члена и учредителя Общества на пользу русской географической науки. Такъ посмотрѣло на нее и Импер. Русское Геогр. Общество, увѣнчавшее эту работу Гельмерсена, вмѣстѣ со всѣми пред-

шествовавшими его трудами высшею наградою Общества Константиновскою медалью.

Когда, къ концу разсматриваемаго періода финансовое положеніе Общества начало нѣсколько улучшаться, то Совѣтъ Общества рѣшился оказать и матерьяльную поддержку одному изъ предпріятій, направленныхъ къ геологическому изученію Россіи.

Предпріятіе это—геологическое изслѣдованіе Тверской губерніи—возникло по почину отчасти Императорскаго Минералогическаго Общества, отчасти же Тверскаго Земства. Каждое изъ этихъ учрежденій ассигновало по 1.200 руб. на экспедицію для геологичсскаго изслѣдованія Тверской губерніи. Совѣтъ Географ. Общества, вполнѣ сочувствуя мыслямъ и предположеніямъ Минералогическаго Общества и имѣя въ виду, что геологическія изысканія непосредственно входятъ въ кругъ занятій Общества, ассигновалъ для той же цѣли 1.000 рублей.

При такомъ ассигнованіи Совѣтъ принялъ еще во вниманіе и то обстоятельство, что снаряжаемая экспедиція была первымъ образцомъ совмѣстной дѣятельности Общества съ однимъ изъ Земскихъ учрежденій Имперіи, на желательную связь съ которыми уже указывали Ревизіонныя Коммиссіи 1862 и 1863 г., а также что большинство командируемыхъ въ экспедицію лицъ были дѣятельными членами Географическаго Общества.

Дѣйствительно такое усиленіе средствъ экспедиціи дало возможность отправить въ Тверскую губернію четырехъ геологовъ одновременно и произвести изслѣдованіе, возможно подробное и основательное, въ короткій сравнительно срокъ.

Командированныя лица, а именно: Дѣйств. Члены Общества П. В. Еремеевъ (нынѣ Академикъ), Дитмаръ, И. И. Бокъ (нынѣ Казначей Общества) и Лагузенъ, въ теченіе лѣта 1868 г. успѣли изслѣдовать девять уѣздовъ Тверской губерніи. Непосѣщенными остались уѣзды Кашинскій, Бѣжецкій и Весьегонскій. Для нихъ пришлось отправить небольшую дополнительную экспедицію въ 1869 году.

На изслѣдованномъ пространствѣ геологи подробно изучили составъ обоихъ ярусовъ горнаго известняка, также девонскую почву, и старались возможно точнѣе опредѣлить границы между этими образованіями. Они обратили должное вниманіе на наносы, открыли въ губерніи силурійскую почву и убѣдились въ отсутствіи въ ней системъ юрской и мѣловой.

Важнымъ пособіемъ при изслѣдованіяхъ экспедиціи служила двухверстная карта Тверской губерніи, изданная Географическимъ Обществомъ въ 1856 г. На эту карту, которая отличается своею точностью и отчетливостью, наносились всѣ маршруты и всѣ открытыя обнаженія горныхъ породъ.

Такимъ образомъ, благодаря содѣйствію Общества, экспедиція увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, не смотря на осужденіе этого участія Ревизіонною Коммиссіею 1869 года. Но разумѣется, какъ и во все продолженіе

разсматриваемаго періода. Совѣтъ нашелся въ невозможности удѣлить какія бы то ни было средства, когда дѣло шло о разработкѣ и изданіи результатовъ экспедиціи. Къ счастію уже въ 1871 г. труды этой экспедиціи были изданы въ полномъ объемѣ стараніями Минералогическаго Общества. Они вошли въ составъ третьяго тома Матеріаловъ для геологіи Россіи и заключали въ себѣ подробные отчеты Еремѣева, Дитмара, Лагузена и Бока, и сверхъ того результаты горныхъ развѣдокъ около Вышняго-Волочка, произведенныхъ, по порученію горнаго вѣдомства въ 1869 и 1870 гг., инженеромъ П. Н. Алексѣевымъ. Къ отчетамъ приложены были три карты: 1) обще-обзорная геологическая карта Тверской губерніи въ 20-верстномъ масштабѣ, 2) карта верхняго теченія Волги, т. е. площади, бывшей наиболѣе доступною для изслѣдованій, въ 10-верстномъ масштабѣ, и 3) планъ горныхъ развѣдокъ у Вышняго-Волочка, также въ 10-в. масштабѣ.

Съ общимъ ходомъ экспедиціи и главнѣйшими результатами произведенныхъ изслѣдованій Члены Общества ознакомились изъ интересной статьи Чл.-Сотр. Н. П. Барбота-де-Марни, помѣщенной въ «Извѣстіяхъ» 1869 года[1]).

Въ разсматриваемомъ періодѣ, какъ и въ предшедшемъ, Отдѣленіе Физической Географіи продолжало интересоваться дальнѣйшимъ развитіемъ нашихъ познаній о климатѣ Россіи.

Въ 1857 году Общество издало обстоятельную инструкцію для производства метеорологическихъ наблюденій. Въ 1858 году, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ Членовъ Общества въ двухъ прошлыхъ періодахъ, К. С. Веселовскій увѣнчалъ свою многолѣтнюю дѣятельность на пользу Метеорологіи Россіи изданіемъ своего образцоваго и превосходнѣйшаго для того времени сочиненія „О климатѣ Россіи“, удостоеннаго въ 1858 г. высшей награды Общества Константиновской медали.

Въ 1858 году К. С. Веселовскій сдѣлалъ Совѣту предложеніе о важности для успѣховъ физической географіи вообще и климатологіи въ особенности, собирать метеорологическія наблюденія, производимыя по одному общепринятому и напередъ строго обдуманному плану. По мнѣнію его, цѣль Общества состояла въ томъ, чтобы соединенными силами многихъ рѣшать такія задачи, которыя превышаютъ силы частныхъ наблюдателей, лишенныхъ взаимной связи и работающихъ отдѣльно, каждый по своему плану и съ различными средствами. Поэтому Общество могло бы сдѣлаться средоточіемъ, въ которомъ разрозненные труды отдѣльныхъ наблюдателей нашли бы общую точку опоры и соединяющее начало.

Для достиженія сей цѣли полезнымъ представлялось учрежденіе при Отдѣленіи Физической Географіи особаго Метеорологическаго Комитета. Комитетъ этотъ предполагалось составить изъ небольшаго числа членовъ, спеціально занимающихся метеорологіею, климатологіею и вообще физикою земнаго шара.

---

[1]) Томъ V, Отд. 2, стр. 1—5 (кн. 1).

Планъ Веселовскаго былъ сообщенъ зимою 1857 года профессору Дерптскаго университета, Кемцу, который охотно согласился, не только участвовать въ трудахъ Комитета, но и принять, согласно желанію нѣкоторыхъ членовъ, общее направленіе его занятій. По приглашенію ихъ онъ изложилъ свои мысли относительно сего предмета.

По мнѣнію Кемца, желательно было предпринять изданіе особаго метеорологическаго журнала, имѣющаго выходить нѣсколько разъ въ годъ, выпусками, по мѣрѣ накопленія матерьяловъ. Эти матерьялы, состоящіе большею частію изъ метеорологическихъ дневниковъ частныхъ наблюдателей, даютъ обыкновенно только среднія показанія теплоты, давленія воздуха и проч., что составляетъ такъ сказать только первый начатокъ обработки, да и то лишь относительно климатологіи. При печатаніи же ихъ, само собою, должна была возникнуть необходимость дальнѣйшей разработки, которая, при значительномъ количествѣ наблюденій, обнимающихъ большія пространства, могла дать новые и важные для науки результаты, объясняющіе связь между метеорологическими фактами, замѣченными въ разныхъ мѣстахъ, но имѣющими взаимныя соотношенія. Слѣдовательно такой журналъ имѣлъ бы двоякое значеніе для науки: онъ поощрялъ бы частныхъ лицъ къ точнымъ и тщательнымъ наблюденіямъ и давалъ бы спеціалистамъ и ученымъ возможность постоянно слѣдить за общею связью и географическимъ распространеніемъ метеорологическихъ явленій. Для начала изданія Кемцъ предлагалъ приступить къ напечатанію исторіи погоды въ 1856 году, представляющей множество особенностей. За тѣмъ слѣдовало бы напечатать инструкцію для частныхъ наблюдателей съ показаніемъ способа опредѣленія среднихъ выводовъ.

Что касается до способа печатанія поступающихъ въ редакцію статей, то Кемцъ полагалъ лучше всего держаться примѣра Astronomische Nachrichten Шумахера, т. е. по мѣрѣ поступленія статей печатать ихъ на томъ языкѣ, на которомъ онѣ написаны: на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ. Но какъ журналъ долженъ былъ быть для заграничныхъ спеціалистовъ не менѣе важенъ чѣмъ для русскихъ, то для первыхъ полагалось помѣщать изъ русскихъ статей краткія извлеченія на нѣмецкомъ или французскомъ языкахъ; изъ статей же, печатаемыхъ на иностранныхъ языкахъ, такія же извлеченія сообщать въ редакцію «Вѣстника», назначеннаго спеціально для русской публики. Печатаніе и редакцію Кемцъ вызвался взять на себя, въ томъ случаѣ, если Общество согласилось-бы на изданіе журнала въ Дерптѣ, въ количествѣ 400 экземпляровъ, и на ассигнованіе на издержки отъ 800 до 1000 р. сер. Выручку за продажу экземпляровъ въ Россіи и за границею Кемцъ полагалъ обратить въ особый капиталъ, изъ котораго можно было бы снабжать наблюдателей даромъ хорошими инструментами.

Отдѣленіе Физической Географіи, разсмотрѣвъ это предложеніе и убѣдившись въ важности разработки метеорологическихъ данныхъ не только для климатологіи и метеорологіи, но и для физической географіи вообще,

для опредѣленія относительной высоты различныхъ точекъ наблюденія, для географіи растеній и проч., выразило мнѣніе объ огромной пользѣ «Сборника» для науки. При томъ же, имѣя въ виду обиліе метеорологическихъ матеріаловъ, какъ прямо поступающихъ въ самое общество такъ и находящихся въ распоряженіи Кемца и обѣщанныхъ ему со стороны разныхъ вѣдомствъ, оно рѣшилось принять предложеніе Кемца и Веселовскаго.

Согласно съ заключеніемъ Отдѣленія,Совѣтъ составилъ, подъ предсѣдательствомъ тогдашняго Предсѣдателя Отдѣленія Г. П. Гельмерсена, Метеорологическій Комитетъ изъ Дѣйствительныхъ членовъ, изъявившихъ Веселовскому свое согласіе на участіе, а именно: академиковъ: К. М. Бэра, А. Я. Купфера, В. Г. Абиха, К. С. Веселовскаго, профессоровъ: А. Н. Савича, А. С. Савельева и Кемца и Предсѣдательствующаго Отдѣленіемъ Математической Географіи С. И. Зеленаго.

Изданіе же при Отдѣленіи «Метеорологическаго Сборника» установлено было на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ при Этнографическомъ и Статистическомъ Отдѣленіяхъ существовали спеціальные сборники. Въ 1859 г. это дѣло успѣшно приведено въ исполненіе, при ревностномъ содѣйствіи Профессора Кемца, принявшаго на себя редакцію «Сборника». Изданные два первыхъ выпуска содержали въ себѣ, кромѣ инструкцій для производства наблюденій надъ разными атмосферическими явленіями и вспомогательныхъ таблицъ для вычисленія такихъ наблюденій,—ученую обработку метеорологическихъ данныхъ о Россіи, доставленныхъ въ Общество отъ разныхъ лицъ.

Въ теченіе 1860 года вышло еще два выпуска «Метеорологическаго Сборника», закончившіе собою первый томъ этого изданія, выходящаго подъ редакціею Кемца. Въ этихъ двухъ выпускахъ представлены были вычисленные самимъ Кемцомъ выводы изъ метеорологическихъ журналовъ, доставленныхъ въ Общество отъ разныхъ лицъ, а также и изъ его собственныхъ наблюденій, производимыхъ въ Дерптѣ. Кромѣ того, ученый редакторъ помѣстилъ здѣсь начало обширнаго изслѣдованія, которое онъ предпринялъ о климатѣ южно-русскихъ степей, и въ которомъ онъ имѣлъ въ виду изложить результаты своихъ изслѣдованій о метеорологическихъ особенностяхъ обширной страны, представляющей по климату такъ много своебытнаго и несходнаго съ тѣмъ, что представляетъ остальная Европа. Употребляя, ежегодно, лѣтнее вакаціонное время на ученыя путешествія въ Швейцарскіе альпы, Кемцъ пользовался этими случаями, чтобы возбудить между извѣстнѣйшими европейскими метеорологами вниманіе и содѣйствіе предпринятому Обществомъ изданію Сборника, и, вслѣдствіе этого, получилъ отъ нѣкоторыхъ уважаемыхъ ученыхъ любопытныя сообщенія, которыя помѣщались въ выпускахъ Сборника. Вообще можно сказать, что появленіе изданія встрѣчено было особымъ одобреніемъ въ ученомъ мірѣ, и если Общество принесло имъ пользу для науки и пріобрѣло новое право на вниманіе къ своимъ трудамъ, то оно обязано было этимъ результатамъ просвѣщенному содѣйствію профессора Кемца, посвятившаго, съ такою любовью къ дѣлу, большую часть своихъ досуговъ изданію этого Сборника.

Въ 1861 году издано было еще два выпуска «Метеорологическаго Сборника», въ которыхъ профессоръ Кемцъ представилъ плодъ своихъ трудовъ по обработкѣ сдѣланныхъ въ Россіи метеорологическихъ наблюденій. Обширная напечатанная имъ здѣсь статья о климатѣ степей южной Россіи была замѣчательна какъ сводъ, критически обработанный, точныхъ данныхъ, служащихъ для познанія климата огромной области степей (извлеченіе изъ этой статьи помѣщено было на русскомъ языкѣ въ «Запискахъ» Общества). Кромѣ того Кемцъ помѣстилъ въ Сборникѣ свое изслѣдованіе о суточномъ ходѣ температуры въ Дерптѣ, Бирксруэ (въ Лифляндіи) и Костромѣ, записку о среднемъ стояніи барометра въ уровнѣ океана въ разныхъ мѣстахъ земнаго шара; о новомъ устройствѣ барометра-анероиднаго, видѣннаго Кемцомъ въ Цюрихѣ у механика Гольдшмида выводы новѣйшихъ изслѣдованій о земномъ магнетизмѣ, и наконецъ, результаты метеорологическихъ наблюденій, производимыхъ Кемцемъ въ Дерптѣ. Если вспомнить, что самая большая часть статей Сборника была написана самимъ Кемцомъ, что для нихъ онъ долженъ былъ сдѣлать огромное количество вычисленій, что онъ при этомъ велъ дѣятельную переписку съ метеорологами и наблюдателями въ Россіи и за границею, и что такимъ образомъ, посвящая предпріятію Общества много своего времени и трудовъ совершенно безкорыстно и изъ одной любви къ наукѣ, то нельзя не согласиться, что ученый сочленъ оказалъ крупныя услуги Обществу.

При всемъ томъ изданіе «Метеорологическаго Сборника», и притомъ въ Дерптѣ и на нѣмецкомъ языкѣ, возбуждало противъ себя нареканія въ средѣ Общества, находившее свой отголосокъ и въ замѣчаніяхъ, высказываемыхъ Ревизіонными Коммиссіями, какъ напр. Коммиссіями 1860 и 1861 годовъ. Въ виду этого въ 1862 г. Совѣтъ подвергнулъ этотъ вопросъ особому подробному обсужденію и принялъ относительно продолженія изданія «Метеорологическаго Сборника» слѣдующія единогласныя соображенія Отдѣленія Физической Географіи.

Пересмотрѣвъ всѣ выпуски Сборника, можно было убѣдиться какъ въ несомнѣнной пользѣ его для науки, такъ и въ томъ, что изданіе, въ томъ видѣ, въ какомъ оно велось Кемцомъ, есть одно изъ лучшихъ ученыхъ изданій Общества.

При пересмотрѣ статей Сборника оказалось, что всѣ онѣ могутъ быть подведены подъ три главныя категоріи: 1) относящіяся непосредственно до климатологіи Россіи; 2) касающіяся до общей метеорологіи; 3) касающіяся до климатологіи странъ, къ Россіи не принадлежащихъ. Въ необходимости статей первой категоріи не могло и быть никакого сомнѣнія: для нихъ предпринято изданіе Сборника. Статьи второй категоріи, имѣя самый высокій научный интересъ, не только желательны, но и неизбѣжны въ «Метеорологическомъ Сборникѣ», по связи своей съ отечественною климатологіею. Это были руководящія статьи для русскихъ климатологовъ и наблюдателей. Потому статьи этой категоріи должны были необходимо имѣть свое мѣсто въ Сборникѣ, хотя желательно было бы, чтобы онѣ не преобладали въ немъ надъ статьями русской климатологіи. Впрочемъ, это послѣднее обстоятельство зависѣло менѣе отъ Кемца, чѣмъ отъ

самого Общества, или, лучше сказать, отъ количества матерьяловъ по русской климатологіи, доставляемыхъ Обществомъ Кемцу. Что же касается до статей третьей категоріи, то онѣ могли быть совершенно исключены изъ Сборника, такъ же какъ и всѣ статьи, которыя были уже обнародованы въ какихъ бы то ни было иностранныхъ изданіяхъ.

Желаніе, чтобы статьи, относящіяся до русской климатологіи, преобладали надъ статьями общей метеорологіи, навело на обсужденіе такихъ мѣръ, которыя бы могли увеличить количество поступающихъ въ Общество матерьяловъ отечественной климатологіи. До тѣхъ поръ Общество побуждало мѣстныхъ наблюдателей къ производству и доставленію климатологическихъ наблюденій двумя способами:

1. При всякой снаряжаемой Обществомъ экспедиціи, начальникамъ экспедицій поручалось пріискивать, по возможности, такихъ лицъ, которыя, принявъ на себя производство наблюденій, представляли бы достаточныя гарантіи для выполненія наблюденій; лица эти снабжались отъ Общества инструментами.

2. Общество разсылало печатныя программы для полученія различныхъ свѣдѣній, до физической географіи Россіи относящихся.

Первый способъ вполнѣ достигалъ своей цѣли, но, конечно, только для тѣхъ частей Россіи, куда Общество направляло свои экспедиціи. Что же касается до печатныхъ программъ, разсылаемыхъ Обществомъ, то отвѣты, на нихъ представляемые, по мнѣнію Отдѣленія, не заслуживали научной разработки.

По этому признано полезнымъ, уничтоживъ совершенно прежнія печатныя программы, разослать въ тѣ гимназіальные города Имперіи, въ которыхъ нѣтъ метеорологическихъ станцій, циркулярныя приглашенія о вызовѣ къ предпринятію метеорологическихъ наблюденій. Въ случаѣ вызова лицъ, представляющихъ достаточныя гарантіи для добросовѣстнаго исполненія принятыхъ на себя наблюденій, Общество могло бы снабдить вызвавшихся лицъ инструментами, поставивъ наблюдателей подъ нѣкоторый контроль гимназическаго начальства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при Отдѣленіи Физической Географіи признано необходимымъ имѣть списокъ наблюдателей, снабженныхъ инструментами для того, чтобы, по истеченіи опредѣленнаго періода времени, Общество могло истребовать результаты наблюденій.

Совѣтъ, согласно единогласному мнѣнію Отдѣленія Физической Географіи, рѣшился продолжать еще изданіе Сборника. Что касается до неоднократно высказываемаго въ средѣ Общества желанія, чтобы метеорологическія статьи Сборника были обнародованы и на русскомъ языкѣ, признано полезнымъ и возможнымъ издавать особо нѣкоторыя важнѣйшія статьи Сборника на русскомъ языкѣ въ Дерптѣ же, подъ наблюденіемъ Кемца и русскихъ спеціалистовъ, членовъ Общества.

Изданіе части Сборника на русскомъ языкѣ, по сдѣланному разсчету, требовало весьма незначительныхъ расходовъ, которые могли быть отнесены на общую сумму, ассигнованную на Сборникъ и никогда на него не истрачивавшуюся вполнѣ.

Въ 1864 г. вышли еще весьма интересные по содержанію выпуски III тома «Метеорологическаго Сборника» и было приготовлено Предсѣд. Отд. Физ. Геогр. П. П. Семеновымъ и русское изданіе для «Записокъ» Общества самыхъ интересныхъ его статей.

Но въ это время Общество переживало самый сильный за все время своего существованія финансовый кризисъ. Средства его были истощены на столько, что Совѣтъ, въ видѣ необходимаго сокращенія расходовъ, рѣшился на сліяніе всѣхъ своихъ періодическихъ изданій и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ сожалѣніемъ, выраженнымъ въ Отчетѣ 1864 г., пожертвовалъ, согласно съ мнѣніемъ выраженнымъ самимъ Вице-Предсѣдателемъ Общества гр. Ѳ. П. Литке, и нѣмецкимъ изданіемъ «Метеорологическаго Сборника», сохранивъ еще въ бюджетѣ слѣдующаго года сумму, необходимую на окончаніе IV тома и выразивъ свою глубокую признательность Л. М. Кемцу, за его безкорыстные многолѣтніе труды по этому изданію, которое безспорно осталось замѣчательнымъ памятникомъ въ исторіи русской метеорологіи.

Но конечно метеорологія продолжала по прежнему интересовать Отдѣленіе Физической Географіи. Въ 1869 году, въ ряду текущихъ дѣлъ, которыя были предметомъ занятій Отдѣленія, самое видное мѣсто занималъ вопросъ объ учрежденіи Метеорологическаго Комитета. Предложеніе объ учрежденіи Комитета, поступившее отъ нѣсколькихъ членовъ Отдѣленія, интересующихся успѣхами метеорологіи въ Россіи, основывалось на томъ, что метеорологическій матерьялъ постоянно поступалъ въ Географическое Общество, но при недостаткѣ общаго плана въ наблюденіяхъ и хорошихъ инструментовъ, бо́льшая часть этого матерьяла пропадала для науки. Это происходило конечно отъ недостатка центра, который направлялъ бы эти частные труды, а между тѣмъ Географическое Общество, имѣя членовъ во всѣхъ концахъ Россіи, могло бы оказать въ этомъ отношеніи существенную услугу русской метеорологіи. Для этого предлагалось учредить при Отдѣленіи Физической Географіи Метеорологическій Комитетъ, который находился бы въ постоянныхъ сношеніяхъ съ наблюдателями, снабжалъ ихъ инструкціями и инструментами, направлялъ наблюденія къ одной общей цѣли; а съ другой стороны, устраивалъ чтенія, бесѣды и такимъ образомъ, возбуждая интересъ къ наукѣ, вызывалъ бы и новыя наблюденія и новыя самостоятельныя работы.

Предложеніе было встрѣчено съ самымъ живымъ сочувствіемъ большинствомъ Отдѣленія. Для составленія проекта правилъ о Метеорологическомъ Комитетѣ, въ засѣданіи 20 ноября 1869 г., Отдѣленіе избрало Коммиссію изъ помощника директора Главной Физической Обсерваторіи, и секретарей Общества и Отдѣленія. Эти правила были выработаны, разсмотрѣны и утверждены Отдѣленіемъ и внесены въ Совѣтъ, который съ особеннымъ удовольствіемъ утвердилъ ихъ, такъ какъ видѣлъ въ нихъ осуществленіе тѣхъ предположеній, которыя еще въ началѣ періода были сдѣланы лучшимъ въ то время дѣятелемъ по метеорологіи въ средѣ Общества

К. С. Веселовскимъ. Между тѣмъ, еще до утвержденія Совѣтомъ положенія о Метеорологической Коммиссіи, Отдѣленіе поручило одному изъ дѣятельныхъ участниковъ въ дѣлѣ основанія оной, дѣйств. чл. А. И. Воейкову, находившемуся въ то время за границею, вступить въ сношенія съ заграничными метеорологическими Обществами и предложить имъ обмѣнъ изданій, составить каталоги метеорологическихъ изданій и, такимъ образомъ, завязать личныя сношенія между будущею Коммиссіею и заграничными Обществами. Живое участіе, принимаемое въ учрежденіи Коммиссіи директоромъ Главной Физической Обсерваторіи, его помощникомъ и нѣкоторыми членами Общества, служило ручательствомъ ея успѣха.

Въ мартѣ 1870 г. Метеорологическая Коммиссія окончательно сформировалась подъ предсѣдательствомъ Д. Чл. Г. И. Вильда, директора Главной Физической Обсерваторіи. Она состояла изъ гг. членовъ: А. И. Воейкова, П. А. Гельмерсена, Э. А. Коверскаго, кн. П. А. Кропоткина, Р. Э. Ленца, М. А. Рыкачева и Л. И. Шренка. Обязанности по дѣлопроизводству Коммиссіи сначала взялъ на себя М. А. Рыкачевъ, а впослѣдствіи А. И. Воейковъ.

Текущія занятія Метеорологической Коммиссіи заключались въ разсмотрѣніи поступавшихъ въ Общество статей по метеорологіи и земному магнетизму, въ принятіи мѣръ для собиранія уже существующихъ метеорологическихъ матерьяловъ, въ разъясненіи разныхъ вопросовъ, поступавшихъ отъ любителей метеорологіи внутри Россіи, и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Коммиссія заботилась о приведеніи въ надлежащій порядокъ метеорологической библіотеки Общества и о пополненіи оной преимущественно посредствомъ обмѣна изданій съ существующими у насъ въ Россіи учрежденіями, занимающимися метеорологіей, а также съ Метеорологическими Обществами за границею.

Независимо отъ этихъ текущихъ дѣлъ Метеорологическая Коммиссія, съ самаго начала, занялась разработкою двухъ частныхъ вопросовъ, имѣвшихъ большую важность, а именно: 1) учрежденіе общей системы наблюденій надъ грозами и надъ метеорными осадками въ Россіи, и 2) собираніе наблюденій надъ вскрытіемъ и замерзаніемъ рѣкъ.

Причины, заставившія Метеорологическую Коммиссію обратить особенное вниманіе на дожди и грозы, заключались не только въ недостаточности еще наблюденій надъ ними на обширномъ пространствѣ Европ. Россіи, но и въ томъ, что дожди и грозы—явленія такой практической важности, въ нихъ заинтересовано столько лицъ, что была полная надежда, при ясной постановкѣ вопроса, пріобрѣсти внутри Россіи значительное число любителей, которые приняли бы на себя производство наблюденій. Къ тому же, дождемѣръ—инструментъ такой простой и дешевый, обращеніе съ нимъ такъ легко и записываніе требуетъ такъ мало времени, что подобнаго рода изслѣдованія доступны и для тѣхъ, которые, конечно, никогда не рѣшились бы заняться полными метеорологическими наблюденіями. При этомъ, было

еще замѣчено, что дождь — явленіе столь мѣстное, что въ Россіи нужно имѣть не менѣе 1.000 станцій для того, чтобы распредѣленіе метеорныхъ осадковъ было извѣстно въ точности.

Наблюденія надъ грозами еще легче—оно не требуетъ инструментовъ, а только интереса къ дѣлу и вниманія. Между тѣмъ, знаніе главныхъ направленій, которымъ слѣдуютъ грозы въ Россіи—вопросъ очень важный, и изъ него можно извлечь весьма интересныя заключенія, какъ показалъ атласъ грозъ, изданный Парижскою обсерваторіею. Для практическихъ цѣлей грозы особенно важны по ихъ связи съ градомъ, а такъ какъ извѣстно, что существуютъ мѣста, посѣщаемыя очень часто градомъ, и другія, гдѣ это явленіе бываетъ рѣдко, — то понятно, что страхованіе отъ града тогда только могло-бы установиться у насъ на прочныхъ основаніяхъ, если бы эти данныя были собираемы.

Имѣя въ виду вышеизложенныя соображенія, Д. Чл. Г. И. Вильдъ, по просьбѣ Коммиссіи, составилъ проектъ бланокъ и наставленій для записи наблюденій надъ грозами и надъ метеорными осадками, а также циркуляръ съ объясненіемъ пользы такихъ наблюденій. По доведеніи обо всемъ этомъ до свѣдѣнія Совѣта, означенные бланки и циркуляръ были отпечатаны для разсылки въ значительномъ количествѣ экземпляровъ. Циркуляръ и бланки были разосланы во всѣ тогда существовавшія въ Россіи Общества Естествоиспытателей: Дерптское, Казанское, Кіевское, Московское, Одесское, С.-Петербургское и Харьковское. Равнымъ образомъ Общество обратилось къ Дирекціямъ училищъ, ко всѣмъ предсѣдателямъ Уѣздныхъ Земскихъ Собраній (въ числѣ болѣе трехсотъ), ко всѣмъ членамъ Общества, уже принимавшимъ участіе въ занятіяхъ по метеорологіи и т. д. Наконецъ, Д. Чл. А. И. Воейковъ написалъ еще особую популярную статью о важности наблюденій надъ дождями и грозами, которая была помѣщена въ газетѣ „Голосъ“ и за тѣмъ перепечатана во многихъ повременныхъ изданіяхъ.

Предположенія Метеорологической Коммиссіи Географическаго Общества возбудили повсемѣстно большой интересъ. Независимо отъ ученыхъ Обществъ, получились заявленія отъ начальниковъ губерній, земскихъ собраній, предводителей дворянства, директоровъ училищъ и наконецъ отъ множества частныхъ лицъ. Тѣ, которые сочувственно отзывались на предположенія Географическаго Общества, по бо́льшей части выписывали, вмѣстѣ съ тѣмъ, и дождемѣры изъ Главной Физической Обсерваторіи, а Общество спѣшило высылать бланки для записыванія наблюденій.

Второй вопросъ, на который Метеорологическая Коммиссія обратила вниманіе, касался собиранія наблюденій надъ вскрытіемъ и замерзаніемъ рѣкъ. Дѣйст. Чл. М. А. Рыкачевъ написалъ съ этою цѣлью статью, которая была сперва напечатана въ газетѣ „Голосъ“, а потомъ въ „Извѣстіяхъ“, и сверхъ того разослана въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, при особомъ циркулярѣ. Одна изъ цѣлей собиранія подобныхъ наблюденій заключалась въ пополненіи данныхъ, собранныхъ

за прежніе годы академикомъ К. С. Веселовскимъ, въ его сочиненіи „О климатѣ Россіи“.

Уже съ 1865 года Отдѣленіе Физической Географіи заинтересовалось вопросомъ объ изслѣдованіи полярныхъ морей. Ближайшимъ поводомъ къ тому послужило письмо Президента Лондонскаго Географическаго Общества къ Вице-Предсѣдателю Общества, о возникшемъ въ Англіи предположеніи снарядить экспедицію къ сѣверному полюсу. Сэръ Родерикъ Мурчисонъ, препровождая проектъ полярной экспедиціи, начертанный капитаномъ Осборномъ, изъявлялъ желаніе узнать мнѣніе русскихъ географовъ по сему предмету.

Вопросъ о полярныхъ экспедиціяхъ былъ предметомъ оживленныхъ преній, именно въ 1865 году, между географическими авторитетами Англіи и Германіи.

Англійскій капитанъ Осборнъ предлагалъ снарядить, для достиженія полюса, санную экспедицію вдоль западнаго берега Гренландіи, тогда какъ германскій географъ, докторъ Петерманъ, доказывалъ, что только Шпицбергенъ можетъ служить надежною исходною точкою для полярной экспедиціи, и что океанъ, находящійся къ сѣверу отъ этой группы острововъ, представляетъ несравненно болѣе удобствъ для достиженія полюса, чѣмъ сѣверная часть гренландскаго материка. Въ засѣданіи Отдѣленія Физической Географіи, Д. Чл. баронъ Н. Г. Шиллингъ сообщилъ еще третій, имъ составленный проектъ экспедиціи къ сѣверному полюсу. Онъ предлагалъ преимущественно русскій путь для достиженія полюса, а именно чрезъ Берингѣвъ проливъ и сибирскій Ледовитый океанъ.

Комбинируя весьма остроумно всѣ имѣющіяся русскія свѣдѣнія о Ледовитомъ Океанѣ, какъ напримѣръ о полыньѣ, видѣнной Врангелемъ и о такъ называемой Врангелевой Землѣ съ своими соображеніями о направленіи предполагаемыхъ въ Ледовитомъ океанѣ теченій бар. Шиллингъ приходилъ къ заключенію, что весьма вѣроятно, что указаннымъ имъ путемъ можно обогнуть Азію и возвратиться Атлантическимъ океаномъ.

Предположенія о новыхъ полярныхъ экспедиціяхъ были выслушаны въ Отдѣленіи Физической Географіи съ большимъ интересомъ. Гдѣ бы ни осуществилось подобное предпріятіе, въ Англіи, Германіи или Россіи, оно въ одинаковой степени должно было возбудить сочувствіе въ каждомъ, кто только слѣдилъ за важными географическими, физическими и метеорологическими вопросами, разрѣшеніе которыхъ слѣдуетъ искать на крайнемъ сѣверѣ. Что же касается собственно до содержанія различныхъ проектовъ: Шиллинга, Осборна и Петермана, то большинство склонялось въ пользу послѣдняго, какъ представлявшаго, повидимому, наименьшія затрудненія, а также наименьшую опасность для экипажа. Дѣйствительно, если бы даже суда были затерты льдами на сѣверѣ отъ Шпицбергена, то имъ бы осталась надежда, слѣдующею весною, вмѣстѣ со льдами, быть вынесенными къ югу; тогда какъ такой надежды почти не существуетъ въ проливахъ сѣверо-

американскаго архипелага, что доказала печальная участь Франклина.—Отдавая полную справедливость остроумнымъ комбинаціямъ, изложеннымъ въ проектѣ барона Шиллинга, Отдѣленіе не упустило, однако, изъ виду значительныхъ неудобствъ, которыя представляетъ для полярной экспедиціи, путь чрезъ Беринговъ проливъ, по отдаленности его отъ мѣста самаго снаряженія экспедиціи, т. е. отъ русскихъ или англійскихъ портовъ.

Указаннымъ бар. Шиллингомъ путемъ воспользовалась впрочемъ впослѣдствіи неудавшаяся экспедиція американскаго судна „Жанета".

Отдѣленіе Физической Географіи посвятило въ 1865 г. нѣсколько засѣданій обсужденію интереснаго вопроса объ экспедиціяхъ для изслѣдованія полярныхъ морей, но проекта о снаряженіи русской экспедиціи въ Ледовитый океанъ составить еще не отважилось.

Въ 1870 г. поднялся въ Отдѣленіи уже въ болѣе конкретной формѣ, вопросъ о снаряженіи ученой экспедиціи въ наши сѣверныя моря. Мартовское засѣданіе Отдѣленія было посвящено вообще исключительно сообщеніямъ о сѣверѣ. Консерваторъ зоологическаго музея при Петербургскомъ Университетѣ, Ѳ. Ѳ. Яржинскій, ѣздившій лѣтомъ 1869 г. въ Ледовитый океанъ, ознакомилъ Отдѣленіе съ результатами своихъ крайне любопытныхъ зоологическихъ изслѣдованій и батометрическихъ наблюденій. Удаляясь отъ Мурманскаго берега лишь на незначительныя разстоянія и драгируя на глубинахъ въ 80—200 саж., Яржинскій открылъ въ высшей степени богатый зоологическій міръ, какъ по числу особей, такъ и по разнообразію формъ, а равно и по неожиданному развитію, достигаемому формами, прежде причислявшимися скорѣе къ тропическимъ. Наконецъ, изъ трехсотъ видовъ, собранныхъ имъ безпозвоночныхъ, бо́льшая часть оказалась свойственною Атлантическому океану. Батометрическія наблюденія объяснили этотъ фактъ, неопровержимо устанавливая другой, еще болѣе важный, — именно фактъ существованія вдоль Мурманскаго берега, въ небольшомъ разстояніи отъ береговъ, вѣтви теплаго теченія, огибающаго Нордкапъ и направляющагося вдоль берега на в.-ю.-в.

Въ томъ же засѣданіи Д. Чл. М. К. Сидоровъ ознакомилъ Отдѣленіе съ своимъ послѣднимъ плаваніемъ изъ Кронштадта къ устью Печоры. Указывая на плаванія норвежцевъ, на развитіе ихъ промышленности, и упадокъ и порабощеніе нашей, припоминая длинную эпопею крушеній судовъ, задержекъ, остановокъ на меляхъ и т. д. въ устьѣ Печоры, Сидоровъ настаивалъ на снаряженіи экспедицій въ наши сѣверныя моря, для изслѣдованія ихъ теченій, описи ихъ береговъ и пересоставленія картъ, столь невѣрныхъ во многихъ мѣстахъ. Наконецъ, секретарь Отдѣленія изложилъ вкратцѣ свѣдѣнія, собранныя консерваторомъ минералогическаго музея Академіи, А. Ф. Гебелемъ, во время поѣздокъ къ Медвѣжьимъ островамъ, о послѣднихъ плаваніяхъ норвежцевъ къ Новой Землѣ и въ Карскомъ морѣ. Свѣдѣнія о быстромъ развитіи Норвежскаго Финмаркена, о смѣлыхъ плаваніяхъ норвежцевъ въ Карскомъ морѣ, и о развитіи ихъ рыбныхъ, звѣри-

ныхъ и китоваго промысловъ возбудили въ Отдѣленіи живѣйшій интересъ. Сравнивая нашу промышленность съ быстро-развивающеюся норвежскою и припоминая при этомъ отвагу, выносливость и превосходныя морскія качества нашихъ поморовъ, Гебель съ настойчивостью указывалъ на необходимость поднять уровень общаго и морскаго образованія среди этого населенія превосходныхъ моряковъ. Для обсужденія возбужденныхъ вопросовъ была выбрана особая Коммиссія. Но не предвидя, откуда можно было бы получить средства для снаряженія обширной сѣверной экспедиціи, Коммиссія ограничилась предложеніемъ Совѣту помочь Яржинскому продолжать свои наблюденія и возбудить ходатайство о томъ, чтобы Морское Министерство въ навигацію 1870 г. командировало въ Сѣверный Океанъ спеціалиста для наблюденій астрономическихъ, магнитныхъ и метеорологическихъ. И то и другое было исполнено Совѣтомъ.

Особенно способствовало осуществленію стремленій Общества совершившееся лѣтомъ 1870 г. плаваніе Великаго Князя Алексѣя Александровича по Сѣверному Океану, которое дало новый и сильный толчокъ всему дѣлу. Великій Князь посѣтилъ въ русскихъ океаническихъ предѣлахъ не только Мурманскій берегъ и Бѣломорское Поморье, но и Новую Землю. Начальникъ сопровождавшей его эскадры, К. Н. Посьетъ, сообщилъ Обществу еще въ рукописи интересный отчетъ экспедиціи. Самымъ важнымъ ея географическимъ результатомъ было то, что фактъ существованія теплаго теченія вдоль Мурманскаго берега, направляющагося за тѣмъ къ Новой Землѣ, былъ твердо установленъ наблюденіями спутниковъ Великаго Князя (Бѣлавенецъ и др.) и лейт. бар. Майделя, командированнаго Морскимъ Министерствомъ на клиперъ „Варягъ", въ исполненіе ходатайства Общества. Зоогеографическія наблюденія Яржинскаго, исполнившаго порученіе Общества, также подтвердили заключеніе наблюдателей эскадры Великаго Князя, а бывшій на клиперѣ „Варягъ" академикъ Миддендорфъ, съ свойственной ему талантливостью, далъ всѣмъ этимъ наблюденіямъ надлежащее научное освѣщеніе.

Въ декабрѣ Отдѣленіе снова собралось, съ цѣлью обсужденія вопроса о снаряженіи сѣверной экспедиціи. Мысль о снаряженіи Обществомъ сѣверной экспедиціи была встрѣчена и въ русской общественной средѣ съ большимъ сочувствіемъ. Въ особомъ докладѣ, упомянувъ вкратцѣ о результатахъ плаваній 1870 г., и о всемъ томъ, чѣмъ можетъ обогатить физическую географію земнаго шара сѣверная экспедиція, а также о тѣхъ вопросахъ метеорологіи, которые подлежатъ разрѣшенію такой экспедиціи, и наконецъ объ осуществимости этой задачи, Д. Чл. А. И. Воейковъ настаивалъ на необходимости снаряженія слѣдующимъ же лѣтомъ экспедиціи на Новую Землю и въ Карское море, или же въ моря, лежащія на востокъ отъ Новой Земли. Предложеніе было принято весьма сочувственно, и, послѣ оживленныхъ преній, избрана Коммиссія подъ предсѣдательствомъ барона Н. Г. Шиллинга изъ членовъ: А. И. Воейкова, С. И. Зеленаго, К. Н. Посьета, М. А. Рыкачева, П. П. Семенова, М. К. Сидорова, Л. И.

Шренка и Ѳ. Ѳ. Яржинскаго, которая и занялась выработкою проекта экспедиціи въ сѣверныя моря.

Дальнѣйшія движенія вопроса объ изслѣдованіяхъ въ нашихъ Сѣверныхъ моряхъ принадлежитъ уже послѣдующему періоду.

Работы по изслѣдованію Кавказа, въ области Математической, Физической о общей Географіи, принадлежали исключительно Кавказскому Отдѣлу Императорскаго Русскаго Географическаго Общества; по части математической географіи и картографіи лучшія работы на Кавказѣ въ кругу дѣятельности Общества, принадлежали разумѣется О. И. Ходзько и I. И. Стебницкому.

Не говоря уже о томъ, что, благодаря непосредственной служебной дѣятельности этихъ двухъ лицъ, съемки Кавказа въ разсматриваемомъ періодѣ быстро подвигались впередъ, I. И. Стебницкій, въ кругу дѣятельности Кавказскаго Отдѣла, принялъ на себя ближайшее завѣдываніе изданіемъ общедоступной по цѣнѣ ручной карты Кавказа, въ масштабѣ 40 вер. въ дюймѣ, съ приложеніемъ къ ней профилей горъ, поясовъ растительности, краткой статистической таблицы и пр.

Составленіе этой превосходной по своему исполненію карты, начатой въ 1866 г., окончилось ея изданіемъ въ 1868 г. Объ рельефной картѣ Кавказа, исполненной также подъ руководствомъ I. И. Стебницкаго и подаренной Обществу Императоромъ Александромъ II, было уже упомянуто выше. Независимо отъ того I. И. Стебницкій напечаталъ въ VII выпускѣ „Записокъ“ Кавказскаго Отдѣла извлеченіе изъ подробнаго описанія громаднаго труда общей тріангуляціи Кавказа, доставившаго заслуженную славу какъ Кавказскому Отдѣлу Главнаго Штаба, такъ и главнымъ его дѣятелямъ О. И. Ходзько и I. И. Стебницкому. О блестящемъ участіи I. И. Стебницкаго въ предпринятой Кавказскимъ Отдѣломъ Общества Закаспійской Экспедиціи было уже упомянуто выше.

Д. Чл. Общества, знаменитый геологъ Абихъ, составившій себѣ всемірную извѣстность цѣлымъ рядомъ многолѣтнихъ геологическихъ изслѣдованій на Кавказѣ, охотно дѣлился своими трудами съ Кавказскимъ Отдѣломъ, въ Запискахъ котораго въ разсматриваемомъ періодѣ былъ напечатанъ цѣлый рядъ его мѣстныхъ изслѣдованій по геологіи Кавказа.

Точно также поступалъ и живой и неутомимый Д. Чл. Общ. Г. И. Радде, которому, въ разсматриваемомъ періодѣ, уже принадлежалъ цѣлый рядъ интереснѣйшихъ географическихъ, зоографическихъ и естественно-историческихъ изслѣдованій Кавказа, не говоря объ участіи Радде въ замѣчательной экспедиціи, предпринятой Кавказскимъ Отдѣломъ въ нашихъ Закаспійскихъ владѣніяхъ въ 1870 г. и о которой уже упомянуто было выше (стр. 333). Цѣлый рядъ статей Г. И. Радде объ его поѣздкахъ и изслѣдованіяхъ на Кавказѣ, былъ напечатанъ въ разсматриваемомъ періодѣ въ „Запискахъ“ Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географич. Общества.

ГЛАВА XXI.

Работы Общества и отдѣльныхъ его Членовъ въ области Этнографіи въ Европейской Россіи и Славянскихъ земляхъ.

Отдѣленіе Этнографіи, въ разсматриваемомъ періодѣ, продолжало свою оживленную и полезную дѣятельность по этнографическому изслѣдованію Европейской Россіи, въ направленіи, проложенномъ Н. И. Надеждинымъ и его выдающимися сотрудниками, подъ руководствомъ отчасти корифеевъ Русской Этнографіи предшедшаго періода (К. М. Бэра, В. В. Григорьева, Из. И. Срезневскаго), отчасти новыхъ въ средѣ Общества дѣятелей по русской этнографіи, которые заявили себя или особою своею талантливостью (В. И. Ламанскій и А. Ѳ. Гильфердингъ) или глубокими познаніями въ одной изъ отраслей, входящихъ въ обширный кругъ занятій Отдѣленія (Н. В. Калачовъ).

Само собою разумѣется, что, при большомъ различіи въ спеціальныхъ познаніяхъ каждаго изъ Предсѣдательствовавшихъ въ разсматриваемомъ періодѣ Отдѣленіемъ Этнографіи [1]), каждый изъ нихъ вносилъ свой оттѣнокъ въ направленіе занятій Отдѣленія, которыя по тому самому и пріобрѣли именно въ этомъ періодѣ большое разнообразіе.

При всемъ своемъ пристрастіи къ занятіямъ, относящимся до живаго народнаго языка, Из. Ив. Срезневскій, по примѣру Н. И. Надеждина и К. Д. Кавелина, въ началѣ періода продолжалъ заниматься разработкою обширныхъ матерьяловъ, скопившихся въ Обществѣ и изданіемъ этихъ матерьяловъ въ книжкахъ начатого упомянутыми дѣятелями „Этнографическаго Сборника“.

Такъ въ III выпускѣ „Этногр. Сборника“, напечатанномъ въ 1858 г., собрано было все, что относилось до народнаго быта славянскихъ обитателей Малороссіи и сѣверо-западнаго края, а въ IV-мъ все, что относилось до инородцевъ финскаго, татарскаго и полярнаго племени с.-в. Россіи.

[1]) Одинъ изъ нихъ К. М. Бэръ былъ натуралистъ и антропологъ, другой Из. Ив. Срезневскій — филологъ по русскимъ нарѣчіямъ, третій — В. В. Григорьевъ — оріенталистъ, четвертый Н. В. Калачовъ — юристъ, знатокъ юридическаго быта старой Руси, и наконецъ два — В. И. Ламанскій и А. Ѳ. Гильфердингъ были слависты.

Но уже совершенно иной характеръ имѣли труды, помѣщенные въ вышедшемъ подъ редакціею Н. В. Калачова и В. И. Ламанскаго въ 1862 году V выпускѣ и въ 1864-мъ подъ редакціею Н. В. Калачова и В. В. Стасова VI выпускѣ Сборника, а также въ вышедшемъ въ 1864 году, подъ редакціею В. И. Ламанскаго, I томѣ «Записокъ» Общества по Отдѣленію Этнографіи. Здѣсь, на ряду съ изслѣдованіями бытовыми, доставленными Обществу по прежнему его сотрудниками изъ разныхъ концовъ Россіи, появились и статьи, обличающія и другія теченія въ занятіяхъ Отдѣленія, какъ напримѣръ работы его выдающихся членовъ по славянской этнографіи внѣ предѣловъ Россіи, по этнографіи Востока, по народнымъ юридическимъ обычаямъ и по исторической географіи. Возвратъ къ бытовой этнографіи Россіи и произведеніямъ русскаго народнаго творчества замѣчается снова, въ концѣ періода, въ изданномъ въ 1869 г., подъ редакціею будущаго (въ послѣдующемъ періодѣ) Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи Л. Н. Майкова, II томѣ «Записокъ» Общества по этому Отдѣленію.

Но прежде чѣмъ перейти къ превосходнымъ личнымъ трудамъ въ области этнографіи членовъ Отдѣленія мы укажемъ сначала на коллективныя его работы и предпріятія.

Въ 1862 году въ средѣ Отдѣленія Этнографіи возникъ вопросъ о снаряженіи экспедиціи для изслѣдованія этнографическаго состава населенія Западнаго края—вопросъ, на который изданная въ предшедшемъ періодѣ этнографическая карта Кеппена не давала отвѣта, такъ какъ она не дѣлала никакихъ различій между славянскими народностями.

Когда Управляющій Министерствомъ Народн. Просвѣщенія, Ст. Секр. Головнинъ, узналъ о такомъ стремленіи Общества, онъ, глубоко сочувствуя желанію привести въ извѣстность этнографическій составъ населенія Западнаго края, довелъ о томъ до свѣдѣнія Государя Императора и вслѣдъ затѣмъ сообщилъ Совѣту Общества Высочайшее повелѣніе отъ 6 сентября 1862 г. о передачѣ изъ суммъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ Русское Географическое Общество *десяти тысячъ* руб., для отправленія въ послѣдующемъ году этнографической экспедиціи въ западныя губерніи, съ преимущественною цѣлью изслѣдовать численность народонаселенія по народностямъ, вѣроисповѣданіямъ, сословіямъ и занятіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія вызывался оказать съ своей стороны зависящее отъ него содѣйствіе экспедиціи.

Предварительно приступленія къ какимъ либо мѣрамъ, по снаряженію новой экспедиціи, Совѣтъ призналъ необходимымъ привести въ совершенную ясность: въ чемъ должна состоять сущность ея задачи и какими лицами всего лучше можетъ быть достигнута предполагаемая цѣль. Вслѣдствіе сего Совѣтъ просилъ своихъ сочленовъ: А. К. Гирса, П. П. Семенова и А. И. Бутовскаго войти въ ближайшее разсмотрѣніе сего предмета, а также обсу-

дить форму отвѣтнаго отзыва Общества на сообщеніе Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.

Коммиссія эта нашла необходимымъ изложить соображенія свои: 1) о предметѣ изысканій экспедиціи; 2) объ области, на которую должны распространяться дѣйствія экспедиціи; 3) о времени, въ теченіе коего должны быть совершены труды экспедиціи, и 4) о составѣ самой экспедиціи.

1. Относительно предметовъ изслѣдованія экспедиціи, Коммиссія полагала, что подробное ихъ исчисленіе должно быть опредѣлено спеціальною программою, составленіе которой могло быть возложено Совѣтомъ Общества на подлежащія Отдѣленія, но что, въ общихъ чертахъ, задача экспедиціи должна обнимать слѣдующіе предметы: а) изслѣдованія о народностяхъ западнаго края, а именно о племенныхъ различіяхъ, выражающихся въ языкѣ, нравахъ, обычаяхъ, относительной численности племенъ края, важнѣйшихъ этнографическихъ границахъ и проч.; б) изслѣдованія о распредѣленіи населенія по вѣроисповѣданіямъ и степени его религіозной и нравственной культуры; в) изслѣдованія хозяйственнаго быта различныхъ племенъ западнаго края и степени ихъ матерьяльнаго благосостоянія.

2. Коммиссія нашла, что въ составъ области, на которую должны распространяться изслѣдованія экспедиціи, должны входить девять губерній, располагающихся въ трехъ группахъ: Бѣлорусской (Витебская, Могилевская и Минская), Литовской (Виленская, Ковенская и Гродненская) и Украинской (Кіевская, Волынская и Подольская).

3. Что касается до времени, въ которое должна быть произведена экспедиція, то Коммиссія нашла, что, по самому существу предметовъ изслѣдованія, подлежащихъ измѣненію изъ года въ годъ, собранныя свѣдѣнія могутъ только тогда имѣть живой интересъ, если они будутъ пріурочены къ одному, по возможности краткому, періоду времени, а потому полагала необходимымъ произвести собраніе всѣхъ матерьяловъ, изъ которыхъ должно быть выработано общее обозрѣніе западнаго края въ указанныхъ отношеніяхъ, одновременно въ трехъ упомянутыхъ группахъ губерній и по возможности въ теченіе одного года, съ тѣмъ, чтобы и самые результаты экспедиціи были обнародованы въ непродолжительномъ времени по ея окончаніи.

4. Обращаясь къ самому составу экспедиціи, Коммиссія полагала, что онъ опредѣляется совокупностью вышеизложенныхъ соображеній. По различію спеціальностей, представляемыхъ каждою изъ главныхъ задачъ экспедиціи, въ составѣ оной должны необходимо находиться по крайней мѣрѣ три главныхъ дѣятеля (одинъ, преимущественно этнографъ-филологъ, для изслѣдованія отношеній племенныхъ, другой для изслѣдованія отношеній религіозныхъ, третій для отношеній хозяйственныхъ). Но, принимая въ соображеніе обширность изслѣдуемаго края и кратковременность періода изслѣдованія, Коммиссія полагала необходимымъ отдѣлить отъ занятій этихъ главныхъ дѣятелей экспедиціи—собираніе всѣхъ подробныхъ числовыхъ данныхъ, относящихся къ каждому изъ этихъ предметовъ и возложить такое собираніе еще

на трехъ изслѣдователей, распредѣляя между ними собираніе сказанныхъ свѣдѣній уже не по отдѣльнымъ предметамъ, а по тремъ группамъ губерній, съ обязанностію собрать каждому, по своей группѣ, статистическо-этнографическія данныя по всѣмъ предметамъ. Собираніе сихъ послѣднихъ свѣдѣній, по данной однообразной программѣ, должно было происходить, при помощи данныхъ уже имѣющихся у мѣстной администраціи, преимущественно въ главныхъ центрахъ края, а именно городахъ, между тѣмъ какъ, наоборотъ, занятіе первыхъ трехъ членовъ должны были состоять въ изслѣдованіи и наблюденіи предметовъ, взятыхъ изъ жизни народной и большею частію не подлежащихъ исчисленію. Такого рода наблюденія могли получить особую цѣну при сравненіяхъ однихъ и тѣхъ же фактовъ въ средѣ различныхъ національностей и на обширномъ пространствѣ, и потому передвиженіе изъ одной группы губерній въ другую и при томъ не по большимъ дорогамъ, а по линіямъ соприкосновенія различныхъ народностей могло быть однимъ изъ существенныхъ условій успѣха подобныхъ изслѣдованій. Важность же сихъ изслѣдованій состояла между прочимъ въ томъ, что они могли указать на обстоятельства, стѣсняющія развитіе нравственнаго и экономическаго благосостоянія племени, преобладающаго численностью въ западномъ краѣ (Бѣлоруссовъ, Литвиновъ, Малоруссовъ), а вслѣдствіе того облегчить Правительству и пріисканіе способовъ къ возвышенію этого благосостоянія. На семъ основаніи Коммиссія полагала, что главное вниманіе должно быть обращено на выборъ тѣхъ лицъ, на которыхъ будетъ возложено обозрѣніе всего западнаго края по спеціальному предмету изслѣдованія и лица эти должны быть избраны между людьми, по своимъ талантамъ выходящими изъ обыкновеннаго уровня и пріобрѣтшими уже себѣ извѣстность по своимъ спеціальностямъ. Отъ остальныхъ трехъ лицъ достаточно требовать только общаго образованія и спеціальнаго навыка для собиранія и обработки статистическихъ свѣдѣній; слѣдовательно, весьма важно было бы, имѣя въ виду, что экспедиція должна начать дѣйствовать съ ранней весны слѣдующаго года, озаботиться неотлагательно выборомъ и назначеніемъ трехъ спеціалистовъ съ тѣмъ, чтобы они могли принять участіе и въ составленіи программы для собирателей числовыхъ данныхъ и заранѣе условиться какъ между собою, такъ и съ сими послѣдними въ общемъ направленіи изслѣдованія, что и должно было придать труду необходимое единство.

Имѣя въ виду опредѣленный такимъ образомъ составъ экспедиціи, Коммиссія выразила убѣжденіе, что предоставляемая по Высочайшему повелѣнію, въ распоряженіе Совѣта Общества сумма 10.000 руб. была бы достаточна собственно на покрытіе путевыхъ издержекъ членовъ экспедиціи, но что суммы этой во всякомъ случаѣ, недостаточно для производства необходимаго членамъ на время ихъ занятій содержанія, а также на изданіе результатовъ экспедиціи. Имѣя, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду отзывъ Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія о дальнѣйшей готовности его содѣйствовать экспедиціи, Коммиссія полагала, что такое содѣйствіе могло бы состоять:

1. Въ исходатайствованіи членамъ экспедиціи, состоящимъ на службѣ въ

различныхъ вѣдомствахъ, всѣхъ настоящихъ ихъ окладовъ на все время отсутствія отъ занимаемыхъ ими должностей.

2. Въ ассигнованіи, по окончаніи экспедиціи, необходимыхъ средствъ для изданія ея результатовъ.

Вполнѣ одобряя изложенное заключеніе Коммиссіи, Совѣтъ положилъ: сообщить его Управляющему Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, и, по полученіи его отзыва, приступить къ дальнѣйшимъ распоряженіямъ по организаціи экспедиціи. Статсъ-секретарь Головнинъ увѣдомилъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе Совѣта и Коммиссіи по упомянутому предмету и готовъ ходатайствовать какъ о сохраненіи окладовъ лицамъ, которые будутъ назначены въ экспедицію, такъ и объ ассигнованіи особой суммы на изданіе результатовъ оной, и что тѣмъ изъ этихъ лицъ, которые будутъ состоять на службѣ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, онъ постарается дать командировку отъ сего Министерства.

Послѣ того Совѣтъ Общества возложилъ ближайшее опредѣленіе состава экспедиціи и выборъ лицъ на Предсѣдательствующихъ въ Отдѣленіи Этнографіи (Н. В. Калачова) и Статистики (Е. И. Ламанскаго), при чемъ, согласно предположенію Члена Совѣта А. Г. Тройницкаго, Совѣтъ призналъ возможнымъ пригласить къ статистическимъ изслѣдованіямъ по экспедиціи 4 лица изъ Центральнаго Статистическаго Комитета, спеціально знакомыхъ съ механизмомъ статистическихъ работъ, по выбору самаго Комитета, возложивъ при томъ на одного изъ этихъ лицъ главное наблюденіе за ходомъ работъ остальныхъ трехъ, между которыми полагалось раздѣлить весь край. Какъ по этому предмету, такъ и вообще относительно устройства статистической части экспедиціи Совѣтъ опредѣлилъ войти въ сношеніе съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, коего и просить при этомъ о зависящемъ съ его стороны содѣйствіи настоящему предпріятію Общества.

По представленію Предсѣдательствующихъ Отдѣленіями выборъ Совѣта остановился для спеціально этнографической части экспедиціи, т. е. изслѣдованія преимущественно племенныхъ отношеній на всемъ пространствѣ западнаго края, на Д. Чл. Общества А. Ѳ. Гильфердингѣ, а для изслѣдованія народнаго быта по отношеніямъ религіознымъ на Д. Чл. М. О. Кояловичѣ. Статистическая же часть, согласно съ предложеніемъ Е. И. Ламанскаго, была возложена на А. Б. ф.-Бушена, такъ какъ онъ взялся справиться съ этою частью и безъ помощниковъ, а Совѣтъ сверхъ того постановилъ присоединить, при открытіи какихъ либо источниковъ къ увеличенію денежныхъ способовъ экспедиціи, къ составу ея П. К. Щебальскаго, для нѣкоторыхъ историческихъ изслѣдованій въ западномъ краѣ, согласно съ планомъ его. Затѣмъ Совѣтъ установилъ такой порядокъ по этому дѣлу: по разсмотрѣніи программъ особо въ каждомъ подлежащемъ Отдѣленіи, составить Коммиссію изъ Предсѣдательствующихъ Отдѣленіями Статистики и Этнографіи, нѣсколькихъ членовъ по выбору Отдѣленій, членовъ Совѣта (П. П. Семенова, А. К. Гирса и А. И. Бутовскаго), изъ коихъ была составлена Коммиссія для первоначальнаго об-

сужденія экспедиціи, всѣхъ членовъ экспедиціи и секретаря Общества, и по окончательномъ обсужденіи всѣхъ программъ въ Коммиссіи, такимъ образомъ составленной, представить заключеніе ея въ Совѣтъ.

Програмы, благодаря дѣятельному участію въ ихъ составленіи А. Ѳ. Гильфердинга и М. О. Кояловича, были скоро составлены и казалось, что снаряженіе экспедиціи къ началу 1863 г. будетъ благополучно завершено, но, къ сожалѣнію, польскій мятежъ, охватившій и губерніи западнаго края, вынудилъ Правительство отложить отправленіе экспедиціи до болѣе благопріятнаго времени, имѣющаго быть опредѣленнымъ по соглашенію Министра Внутреннихъ Дѣлъ съ Вице-Предсѣдателемъ Общества.

Между тѣмъ Статсъ-Секретарь Головнинъ обратился къ Вице-Предсѣдателю Общества съ письмомъ слѣдующаго содержанія.

„Причины, по которымъ не состоялась въ нынѣшнемъ году предположенная этнографическая экспедиція, могутъ продлиться еще нѣсколько времени и отдалить совершеніе столь важнаго для науки изслѣдованія. Въ ожиданіи, когда болѣе благопріятныя обстоятельства дозволятъ приступить къ нему, мнѣ казалось бы полезнымъ по крайней мѣрѣ стараться распространять тѣ этнографическія свѣдѣнія, какія уже пріобрѣтены наукой, и однимъ изъ лучшихъ, по мнѣнію моему, средствъ къ тому, было бы изданіе этнографической карты славянскихъ народовъ Шафарика, съ измѣненіями, которыя должны внести въ нее изысканія Кеппена и другихъ ученыхъ. Если Ваше Высокопревосходительство раздѣляете это мнѣніе, я просилъ бы васъ покорнѣйше увѣдомить меня, не приметъ ли на себя Этнографическое Отдѣленіе Русскаго Географическаго Общества нынѣ же исправленіе и новое изданіе карты Шафарика и какая можетъ потребоваться сумма на это предпріятіе“.

Совѣтъ передалъ вопросъ, возбужденный Управляющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія на заключеніе Отдѣленія Этнографіи, которое избрало для обсужденія этаго вопроса особую Коммиссію изъ Н. В. Калачова, П. П. Семенова, академика А. А. Куника, А. Ѳ. Гильфердинга, М. О. Кояловича, Из. И. Срезневскаго и А. Б. ф.-Бушена.

Коммиссія эта, по разсмотрѣніи предложеннаго вопроса, представила Совѣту слѣдующія свои соображенія.

По вопросу объ объемѣ и составныхъ частяхъ предположенной этнографической карты, Коммиссія полагала, что одно изъ главныхъ обстоятельствъ, которое должно имѣть въ виду при составленіи предполагаемой карты, есть графическое изображеніе предѣловъ распространенія и распредѣленія славянскихъ племенъ въ Европѣ, а такъ какъ это распространеніе не ограничивается предѣлами Россійской имперіи, то въ составъ карты должны войти и тѣ части западной Европы, въ которыхъ обитаютъ славянскія племена. Съ другой стороны, по неимѣнію достаточныхъ данныхъ, при составленіи карты могутъ быть устранены азіатскія владѣнія Россіи, а именно Сибирь и Кавказъ, изъ коихъ включеніе послѣдняго, при крайнемъ разнообразіи его этнографическаго состава и невозможности собрать положительныхъ данныхъ о враждеб-

ныхъ Россіи горскихъ племенахъ, представило бы неодолимыя затрудненія. Не смотря однакоже на такое ограниченіе, этнографическая карта Европейской Россіи и славянскихъ земель все еще будетъ заключать въ себѣ пространство болѣе чѣмъ въ 100.000 кв. геогр. миль, при весьма разнообразной группировкѣ племенъ, входящихъ въ составъ населенія. Обращаясь къ обсужденію вопроса, изъ какихъ частей должна состоять предполагаемая карта, Коммиссія признала неудобнымъ составленіе одной этнографической карты всего пространства въ одномъ и томъ же масштабѣ. А именно если принять для карты одинъ небольшой масштабъ, съ цѣлью умѣстить ее на одномъ листѣ, то карта утратитъ всякое научное значеніе, потому что не дастъ ни малѣйшаго понятія объ относительномъ размѣщеніи и группировкѣ племенъ именно тамъ, гдѣ эта группировка наиболѣе разнообразна и отношенія племенъ наиболѣе сложны. Если же, напротивъ, принять одинъ общій и притомъ весьма значительный масштабъ, позволяющій изобразить графически размѣщеніе племенъ тамъ, гдѣ оно наиболѣе разнообразно, а слѣдовательно и наиболѣе интересно, то придется издать карту въ такомъ количествѣ листовъ, что издержки по черченію и гравированію ея будутъ слишкомъ велики, безъ всякой существенной пользы для той, по пространству, большей части Россіи, гдѣ составъ населенія весьма мало разнообразенъ и одно племя (великороссійское) представляется рѣшительно преобладающимъ. Потому, по мнѣнію Коммиссіи, этнографическая карта Россіи и славянскихъ земель должна была бы имѣть характеръ *атласа* и состоять изъ нѣсколькихъ картъ различныхъ масштабовъ, а именно одной общей карты всего пространства (въ небольшомъ масштабѣ), необходимой для обзора распредѣленія племенъ въ общихъ чертахъ, и изъ 6 картъ (примѣрно) бо̀льшаго масштаба, для точнаго графическаго изображенія племенныхъ отношеній тѣхъ частей пространства, въ которыхъ этнографическій составъ населенія достигаетъ наибольшаго разнообразія.

По вопросу о способахъ изготовленія карты, Коммиссіи предстояло прежде всего обратиться къ разсмотрѣнію источниковъ и пособій, могущихъ служить для сей цѣли, такъ какъ состояніе сихъ источниковъ опредѣляло наиболѣе самый способъ предстоящихъ работъ. При разсмотрѣніи готовыхъ уже матерьяловъ для составленія предполагаемой карты, Коммиссія прежде всего обратила вниманіе на карту Европейской Россіи П. И. Кеппена и карту славянскихъ земель Шафарика.

Самый легкій способъ составленія предполагаемой къ изданію этнографической карты состоялъ бы въ приведеніи обѣихъ картъ къ принятому масштабу, по предварительномъ дополненіи и исправленіи ихъ нѣкоторыми обнародованными впослѣдствіи данными. Но подобная карта, по мнѣнію Коммиссіи, не имѣла бы большаго научнаго значенія и даже представила бы при своемъ исполненіи непреодолимыя затрудненія. Такое убѣжденіе Коммиссіи основывалось съ одной стороны на томъ, что карта Кеппена не заключала въ себѣ даже и попытки раздѣленія русскаго племени на главныя его группы: великороссійскую, малороссійскую и бѣлорусскую, а съ другой,

что карта Шафарика относительно русскихъ земель была основана на столь недостаточныхъ данныхъ, что въ нее вкрались нѣкоторыя довольно важныя ошибки (какъ напр. неправильно показаны отношенія польскаго элемента въ бывшей Бѣлостокской области; новгородское населеніе отдѣлено отъ великороссійскаго, какъ особое племя). Такъ какъ притомъ всѣ существовавшіе дотолѣ печатные и рукописные источники для этнографіи западнаго и юго-западнаго края Европейской Россіи были вполнѣ недостаточны даже для приблизительнаго графическаго изображенія племенныхъ отношеній сего края, то Коммиссія полагала необходимымъ отчасти создать новые источники, т. е. собрать предварительно нѣсколько необходимыхъ данныхъ по сему предмету. При этомъ Коммиссія выразила глубокое убѣжденіе, что собраніе этихъ данныхъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ, могло бы быть произведено довольно скоро и далеко не сопряжено, съ такими затрудненіями, какъ это могло казаться съ перваго взгляда. Планъ всей работы опредѣлялся бы слѣдующимъ образомъ: все пространство карты, по свойству источниковъ и способовъ работы, должно было быть раздѣлено на три части: внѣрусскія славянскія земли, части Европейской Россіи, въ коихъ не распространены племена малороссійское, бѣлорусское, литовское и польское и части Европейской Россіи, въ коихъ распространены эти племена. Относительно внѣрусскихъ славянскихъ земель наличные обнародованные источники признаны были почти достаточными для составленія карты. Пополнить ихъ можно было бы истребованіемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній отъ консуловъ, находящихся въ славянскихъ земляхъ Европейской Турціи. Вмѣстѣ съ симъ всѣ обнародованные уже въ Австріи и Пруссіи матерьялы должны были быть критически разобраны и графически нанесены на карту ученымъ спеціалистомъ, и къ этому труду можно было бы приступить немедленно. Относительно сѣверной, средней и восточной Россіи, гдѣ изъ славянскихъ племенъ распространено только великороссійское, можно было приступить также немедленно къ работѣ, которая не требовала собранія никакихъ новыхъ данныхъ, а главнымъ образомъ могла быть основана на картѣ Кеппена, повѣренной уже существующими данными, и особенно приходскими списками. Наконецъ, для западной и юго-западной Россіи необходимо было бы собрать нѣсколько новыхъ этнографическихъ матерьяловъ. При семъ Коммиссія имѣла въ виду, что отнесеніе жителей той или другой населенной мѣстности къ тому или другому племени не можетъ быть сдѣлано на основаніи имѣющихся въ приходскихъ спискахъ голословныхъ показаній приходскихъ священниковъ. Такія показанія, какъ уже доказалъ опытъ, могутъ привести только къ весьма сомнительнымъ, даже противунаучнымъ выводамъ; стоитъ только вспомнить о нахожденіи въ приходскихъ спискахъ дулебовъ, полянъ, древлянъ и другихъ давно изчезнувшихъ славянскихъ племенъ. Единственною повѣркою того, что жители извѣстной населенной мѣстности принадлежатъ къ той или другой народности, могутъ служить образцы живаго народнаго языка, и потому для составленія сколько нибудь удовлетворительной этнографической карты

западной и юго-западной Россіи, гдѣ славянскія племена и нарѣчія такъ разнообразно перемѣшаны между собою, необходимо, чтобы къ показанію приходскаго священника или мѣстнаго наблюдателя о народности жителей волости былъ приложенъ образецъ мѣстнаго нарѣчія волости. Для сей цѣли каждый изъ священниковъ или другихъ мѣстныхъ наблюдателей долженъ быть снабженъ вопроснымъ листкомъ, на коемъ въ подробности объясняется, что именно отъ нихъ требуется. Такими листками могли были быть снабжены не только приходскіе священники западнаго и юго-западнаго края, но и члены повѣрочныхъ Коммиссій, разсылавшихся въ это время въ губерніи Виленскаго генералъ-губернаторства. Членамъ повѣрочныхъ Коммиссій, которые и безъ того должны, по своей обязанности, говорить съ народомъ, ничего не стоило бы записать между дѣломъ на листокъ небольшой отрывокъ изъ народной рѣчи. Между тѣмъ безъ такого матерьяла, по убѣжденію Коммиссіи, нельзя сдѣлать ни шага въ этнографіи западнаго края. Относительно же денежныхъ средствъ на изданіе карты, Коммиссія могла только представить приблизительныя общія цифры. Принимая въ соображеніе, что независимо отъ черченія и гравированія 7 или 8 картъ и хромолитографированія ихъ различными цвѣтами, потребно еще много механическаго труда, какъ то собраніе матерьяловъ, извлеченіе изъ нихъ, изготовленіе вопросныхъ листковъ, разсмотрѣніе и сводка заключающихся въ нихъ свѣдѣній, графическое нанесеніе всѣхъ этнографическихъ данныхъ на карты большаго масштаба и пр., и пр., Коммиссія полагала, что изданіе карты могло бы обойтись не менѣе чѣмъ въ 7 или 8 т. рублей.

Къ картѣ необходимо было бы приложить объяснительную записку, которая могла бы получить характеръ краткаго этнографическаго описанія Россіи, вмѣстѣ съ тѣмъ полезно было бы обнародовать и собранные филологическіе образцы, которые должны составить научное основаніе всей карты.

Записка Коммиссіи была представлена Министру Народнагѡ Просвѣщенія, который, вполнѣ соглашаясь съ заключеніемъ Коммиссіи, нашелъ однакоже необходимымъ пріостановиться осуществленіемъ этого предпріятія до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, такъ какъ собираніе этнографическихъ свѣдѣній въ западныхъ губерніяхъ, при тревожныхъ въ нихъ обстоятельствахъ, было несвоевременно. Въ началѣ февраля 1865 года, Вице-Предсѣдатель Общества, вслѣдствіе представленія въ Совѣтѣ Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи Этнографіи постановленія Отдѣленія о томъ, что крайне желательно было бы приступить къ снаряженію экспедиціи, обращался по этому предмету къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, но статсъ-секретарь Валуевъ увѣдомилъ, что, по его мнѣнію, не представляется еще своевременнымъ отправленіе экспедиціи. Только лѣтомъ 1866 г. Совѣтъ Общества, получивъ заявленіе отъ генералъ-губернатора Сѣверо-Западнаго края, генералъ-адъютанта Кауфмана, что снаряженіе Обществомъ экспедиціи было бы особенно удобно въ то время, поручилъ Вице-Предсѣдателю обратиться вновь

къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ; на это отношеніе послѣдовалъ отвѣтъ статсъ-секретаря Валуева, что съ его стороны уже не встрѣчается никакого препятствія къ отправленію сказанной экспедиціи.

Вслѣдствіе того соединенныя Отдѣленія Этнографіи и Статистики снова принялись за дѣло снаряженія экспедиціи и выслушавъ вновь, составленныя еще въ 1862 г. А. Ѳ. Гильфердингомъ, М. О. Кояловичемъ и А. Б. ф. Бушеномъ программы, поручили разработку общей программы экспедиціи и принятія ближайшихъ мѣръ къ ея снаряженію Коммиссіи, изъ Предсѣдательствующихъ въ Отдѣленіяхъ, и членовъ А. И. Артемьева, П. О. Бобровскаго, А. Б. Бушена, А. Ѳ. Гильфердинга, В. В. Григорьева, М. О. Кояловича, В. Д. Левшина, П. П. Семенова, С. П. Щепкина и Ю. Э. Янсона.

Коммиссія избрала единогласно своимъ Предсѣдателемъ П. П. Семенова. Къ сожалѣнію организація экспедиціи встрѣтилась съ большими затрудненіями. Ни одно изъ лицъ, желавшихъ принять участіе въ экспедиціи въ 1862 г. (Гильфердингъ, Кояловичъ, Бушенъ, Щебальскій), уже не могло участвовать въ ней, такъ какъ всѣ они были отвлечены или своими служебными или семейными обстоятельствами. Отдѣленіе Этнографіи предложило замѣнить Гильфердинга и Кояловича Д. И. Иловайскимъ и Х. Э. Барономъ, природнымъ латышомъ, но послѣдній не согласился на участіе въ экспедиціи, а Иловайскій, соглашаясь принять нѣкоторое участіе въ трудахъ экспедиціи, не пожелалъ однакоже взять на себя никакихъ обязательствъ относительнаго полнаго этнографическаго изслѣдованія въ западномъ краѣ. Наконецъ, по указанію Предсѣдательствующаго Отдѣленіемъ Этнографіи, выборъ палъ на С. В. Максимова, уже заявившаго себя весьма способнымъ для этнографическихъ и бытовыхъ наблюденій, а по указанію Отдѣленія Статистики и А. Б. ф.-Бушена другой выборъ на Н. Я. Дубенскаго, извѣстнаго своими хорошими статистическими трудами по Владимірской губерніи, а въ послѣднее время ознакомившагося и съ Западнымъ краемъ, въ качествѣ Секретаря Могилевскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

Максимовъ взялся исключительно за этнографическое изслѣдованіе въ западныхъ губерніяхъ русскаго племени, т. е. обитающихъ тамъ великоруссовъ, малороссовъ и бѣлоруссовъ, со всѣми бытовыми ихъ различіями и особенностями, причемъ программа изслѣдованія въ общихъ чертахъ опредѣлена была Коммиссіей слѣдующимъ образомъ:

1) Изслѣдовать и опредѣлить черты, составляющія границы между тремя племенами русскаго народа: великорусскимъ, малорусскимъ и бѣлорусскимъ. 2) Изслѣдовать мѣстныя разновидности бѣлорусскаго племени и той части малорусскаго племени, которая живетъ на правой сторонѣ Днѣпра, причемъ опредѣлить границы этихъ разновидностей. 3) Опредѣлить главныя черты, составляющія особенности нарѣчій этихъ племенъ. 4) Изслѣдовать бытъ этихъ племенъ въ религіозномъ, хозяйственномъ и другихъ отношеніяхъ, какъ въ его самостоятельномъ видѣ, такъ и въ соприкосновеніи съ вліяніями поль-

скимъ, литовскимъ и еврейскимъ и близкородственнымъ великорусскимъ племенемъ.

Что же касается до Дубенскаго, то, по настоянію А. Б. ф.-Бушена, для сохраненія единства въ статистическихъ изслѣдованіяхъ Западнаго края, на него были возложены всецѣло эти изслѣдованія, согласно съ слѣдующей установленной Коммиссіей программою:

1) Разработать, по каждой изъ девяти губерній, входящихъ въ составъ Западно-Русскаго края, всѣ имѣющіеся матерьялы этнографической статистики, а именно Списки населенныхъ мѣстъ, при чемъ привести въ извѣстность какъ численность каждаго изъ населяющихъ губернію племенъ поуѣздно, такъ и размѣщеніе племенъ, составляющихъ меньшинство населенія въ предѣлахъ уѣзда. 2) Нанести всѣ эти свѣдѣнія на карты. 3) На основаніи же Списковъ населенныхъ мѣстъ, опредѣлить численность населенія по вѣроисповѣданіямъ и сословіямъ, принимая въ разсчетъ и этнографическій составъ его. 4) Собрать по пути слѣдованія и притомъ въ каждой изъ тѣхъ мѣстностей, которыя могутъ служить типомъ болѣе или менѣе однородныхъ мѣстныхъ условій, свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи сельскаго населенія и въ особенности о перемѣнахъ, происшедшихъ въ этомъ положеніи со времени послѣднихъ политическихъ событій и окончательнаго устройства экономическаго быта бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. 5) Собрать свѣдѣнія объ экономическомъ состояніи населенія неземледѣльческаго (городскаго), причемъ также обратить вниманіе на перемѣны, происшедшія въ экономическомъ быту городскихъ сословій вслѣдствіе политическихъ событій и реформъ послѣднихъ лѣтъ.

Въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ изслѣдователь долженъ былъ обратить вниманіе на оттѣнки, отличающіе экономическое состояніе населенія по его племенному составу, и прослѣдить: не оказывается ли, въ послѣднее время, въ экономическомъ бытѣ края, новыхъ племенныхъ вліяній; такъ напримѣръ: изслѣдователь долженъ былъ обратить вниманіе на то, на сколько событія послѣднихъ лѣтъ содѣйствовали усиленію великорусскаго элемента въ торговлѣ и промышленности Западной Россіи.

Что же касается Иловайскаго, то, такъ какъ онъ желалъ быть полезнымъ Обществу участіемъ въ трудахъ экспедиціи, но въ матерьяльномъ пособіи не нуждался, то Коммиссія опредѣлила просить его содѣйствовать своими трудами экспедиціи.

Относительно же этнографическаго изслѣдованія литовскаго и латышскаго населенія въ Западномъ краѣ, Коммиссія пришла къ заключенію, что по неимѣнію лицъ, которымъ бы могла быть поручена эта задача въ то время, исполненіе ея могло быть отсрочено на нѣкоторое, по возможности непродолжительное время, а Коммиссія, оставаясь въ дѣйствіи въ теченіе всей экспедиціи, должна была озаботиться пріисканіемъ одного или двухъ лицъ, которые бы могли взять на себя трудъ изслѣдованія Литовцевъ и Латышей. Относительно же изслѣдованія быта Евреевъ, Коммиссія опредѣлила: черезъ Дубенскаго,

пригласить заняться этимъ трудомъ г. Брафмана, который былъ рекомендованъ Коммиссіи Кояловичемъ и Ламанскимъ.

Лѣтомъ 1868 г. С. В. Максимовъ посвятилъ мѣсяцы іюнь, іюль и августъ Могилевской губерніи, въ томъ разсчетѣ, что, по составу своего населенія, она была легче для изслѣдованія чѣмъ другія, и могла облегчить изслѣдователю первоначальный приступъ и указать новые способы, если таковые понадобились бы для изученія Бѣлоруссовъ, послѣ опытовъ въ изслѣдованіи быта Великоруссовъ.

Жители Посожья и Поднѣпровья, познакомили Максимова съ тѣми общими чертами Бѣлоруссовъ, которыя не утратили своей силы и значенія и здѣсь на западныхъ, дальнихъ границахъ этого самобытнаго русскаго племени. Оно, несмотря на всю силу враждебныхъ вліяній и противодѣйствій съумѣло сохранить тѣ родственныя черты, которыя объясняютъ его несомнѣнное и очевидное родство съ Великоруссами. Племенная связь особенно поразила Максимова въ сопостановленіи съ тѣмъ видомъ Великоруссовъ, который можно назвать Новогородскимъ и который населялъ сѣверныя губерніи Россіи. Максимовъ вспалъ даже на мысль, что едва ли не изъ Бѣлорусса выродился тотъ промышленный сильный и предпріимчивый сѣверный человѣкъ, который не убоялся враждебныхъ силъ природы, ужился вблизи Сѣвернаго океана, перешагнулъ чрезъ Уральскій камень и ушелъ въ лѣса и за лѣса Сибири, въ то время, когда оставшійся на мѣстѣ Бѣлоруссъ, отъ множества враждебныхъ условій, задержался въ своемъ развитіи.

Въ Могилевской губерніи Максимовъ всего дольше оставался въ уѣздахъ Быховскомъ и Чериковскомъ, въ которыхъ цѣльнѣе сохранился племенной типъ Бѣлорусса. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, съ особеннымъ вниманіемъ, присматривался къ тѣмъ видоизмѣненіямъ, которыя необходимо должны были оказываться въ мѣстахъ, гдѣ при встрѣчѣ двухъ племенъ обнаруживалось взаимнодѣйствіе, какъ то и случилось въ Гомельскомъ уѣздѣ, населенномъ въ одно время и старообрядцами и Малороссами.

Вторая его поѣздка была совершена по губерніямъ Виленской и Гродненской, сначала по тѣмъ мѣстамъ, которыя смежны съ Литовцами, потомъ по тѣмъ, которыя прилегаютъ къ селеніямъ Мазуровъ. Чрезъ Слонимъ и Новгрудокъ Максимовъ достигъ центральной полосы (г. Несвижъ), непрерывно тянущейся до Минска, откуда распространялось сильное польское вліяніе. Чрезъ Борисовъ, Игуменъ, Мозырь, Пинскъ и Кобринъ, Максимовъ опять возвратился въ южную часть Гродненской губерніи, чтобы окончательно разслѣдовать степень и средства вліянія Польши на ту часть Бѣлорусскаго племени, которая называется Чернорусcами.

Кромѣ изученія быта Бѣлоруссовъ въ деревняхъ, Максимовъ останавливался въ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ собиралъ матерьялы для этнографическаго описанія евреевъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ Максимовъ пріѣхалъ въ Петербургъ для личнаго представленія отчета о первой половинѣ своихъ изслѣдованій. Затѣмъ слѣ-

дующіе мѣсяцы, мартъ и апрѣль, онъ посвятилъ на окончательную поѣздку по сѣвернымъ странамъ Бѣлоруссіи, т. е. по сѣвернымъ уѣздамъ губ. Виленской и Минской и по восточнымъ уѣздамъ Витебской.

Уже въ началѣ 1868 года онъ сдѣлалъ сообщеніе въ средѣ Отдѣленія Этнографіи, которое имѣло въ виду познакомить общество съ употребленными имъ пріемами этнографическихъ изслѣдованій, съ удобствами и затрудненіями, которыя онъ встрѣтилъ въ ходѣ своихъ работъ, а также съ общимъ характеромъ добытыхъ имъ результатовъ, во время первой поѣздки 1867 г. Краткое извлеченіе изъ этого сообщенія было напечатано въ журналѣ засѣданія Отдѣленія Этнографіи 22 марта 1868 г. [1]).

Что же касается до Иловайскаго, то предположенная имъ поѣздка по Западному краю, къ сожалѣнію, не могла состояться, вслѣдствіе постигшей его болѣзни.

Лѣтомъ 1868 г. С. В. Максимовъ совершилъ нѣсколько значительныхъ поѣздокъ по Западному краю. Начавъ со Пскова, онъ слѣдовалъ по окраинѣ великорусскаго племени съ бѣлорусскимъ чрезъ Опочку, Новоржевъ на Усвятъ, мѣстечко Витебской губерніи, Велижскаго уѣзда. Начиная отъ Велижа онъ уже ѣхалъ по сѣверо-западной границѣ бѣлорусскаго племени. Въ Смоленской губерніи Максимовъ углубился въ сердце Бѣлорусскаго края, на Порѣчье и Смоленскъ. Далѣе онъ заѣзжалъ въ Витебскъ, чтобы изучить тѣ особенности, которыми отличалось сѣверное бѣлорусское племя. Первая поѣздка окончилась Полоцкомъ и Дриссою. Затѣмъ онъ отправился въ южную часть Гродненской губерніи, для опредѣленія по возможности точныхъ границъ между бѣлорусскимъ племенемъ и малороссами, живущими по всей южной части Гродненской губерніи.

Н. Я. Дубенскій въ 1867 году, избравъ центромъ для своихъ изысканій по Сѣверо-западному краю г. Вильну, посвятилъ лѣтніе мѣсяцы разъѣздамъ по Ковенской, Витебской, Могилевской, Виленской и Гродненской губерніямъ, а съ сентября принялся за приведеніе въ порядокъ собранныхъ матерьяловъ, а также по своему собственному почину за составленіе хозяйственной карты, съ указаніемъ на оной почвъ и густоты населенія.

Карта эта была результатомъ его ознакомленія въ 1867 г. со свойствомъ и протяженіемъ разныхъ почвъ края. Онъ представилъ Обществу въ 1868 г. составленную имъ почвенную карту и дополнилъ свои изслѣдованія свѣдѣніями о производительности и доходности земель и о цѣнахъ на хлѣба въ разныхъ мѣстностяхъ. Земли нечерноземной полосы Западнаго края Дубенскій распредѣлилъ на своей картѣ на пять разрядовъ, начиная отъ тощихъ, малопроизводительныхъ песковъ въ озерномъ пространствѣ и въ Полѣсьи, съ урожаемъ въ 10 и 20 четвериковъ съ десятины (сверхъ сѣмянъ), до плодороднаго водораздѣльнаго кряжа въ верховьяхъ Днѣпра,

---

[1]) См. «Извѣстія» 1868 г., № 6, стр. 185.

Западной Двины, Нѣмана и Буга, и до тучныхъ земель Ковенской губерніи, съ урожаемъ отъ 40 до 60 четвериковъ.

За тѣмъ объѣзды Дубенскаго въ 1867 г. были направлены главнымъ образомъ на ознакомленіе съ экономическимъ положеніемъ сельскаго населенія сѣверо-западнаго края, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обратилъ, конечно, вниманіе и на главную свою задачу, распредѣленіе населенія въ Западномъ краѣ по племенамъ и вѣроисповѣданіямъ. Разграничивающею чертой между Литовцами и Русскими онъ призналъ песчаную и безплодную полосу, которая тянется съ сѣверо-востока на юго-западъ, начиная выше Люцина, между Рѣжицей и Себежемъ къ Друйску на Двинѣ, потомъ между Свѣнцянами и Вилейкой, Вильной и Ошмянами, Троками и Лидой и т. д. и чрезъ Нѣманъ, къ сѣв. отъ Бобра, до прусской границы. Движеніе русскаго племени къ западу отъ этой песчаной полосы, а литовскаго къ востоку, по мнѣнію Дубенскаго, совершалось только по большимъ рѣкамъ, по Двинѣ, Виліи и Нѣману, на прибрежьяхъ которыхъ оба племени перемѣшались. По Виліи, въ окрестностяхъ Дукшты и Ворни, Дубенскій встрѣтилъ селенія, въ которыхъ говорятъ и по-русски и по-литовски, но польскій языкъ не въ употребленіи ни въ русскомъ, ни въ литовскомъ, даже католическомъ населеніи. Отъ этой полосы смѣшаннаго населенія, на востокъ шло сплошное русское и почти сплошное православное, на западъ сплошное литовское, католическое населеніе. Русское католическое населеніе, къ востоку отъ указанной черты, охотно возвращалось въ православную вѣру предковъ своихъ и безъ сѣтованія встрѣчало закрытіе костеловъ и обращеніе ихъ въ православныя церкви, какъ по сохранившимся преданіямъ, что прежде вѣра ихъ предковъ была православная, такъ и потому, что большинство тамъ принадлежало къ православному вѣроисповѣданію и что не было въ селеніяхъ почти ни одного крестьянскаго семейства чисто католическаго, а вездѣ были и православные члены: то отецъ, то мать, а отсюда и дѣти. За Нѣманомъ, въ Сувалкской губерніи, литовское племя смѣшалось съ польскимъ, а еще южнѣе, по Бугу, Бобру и Нареву, въ губерніяхъ Ломжинской и Сѣдлецкой, польское племя встрѣтилось и смѣшалось съ русскимъ [1]).

Независимо отъ того Дубенскій разработалъ нѣкоторыя изъ имѣвшихся въ Вильнѣ статистическихъ данныхъ о еврейскомъ населеніи въ С.-З. краѣ и убѣдился въ поразительной ихъ невѣрности.

Что же касается до С. В. Максимова, то онъ возвратясь осенью 1868 г. въ Петербургъ, заявилъ Коммиссіи объ окончаніи имъ изученія Бѣлорусскаго племени, и отказался отъ продолженія возложенныхъ на него изслѣдованій надъ

[1]) Общее число жителей на всей площади съ господствующимъ русскимъ населеніемъ и отчасти литовскимъ, Дубенскій опредѣлилъ въ 12,509,500 душъ обоего пола. Въ томъ числѣ Русскихъ до 8,150,533, Латышей, Литовцевъ и Жмудяковъ 1,540,000, Поляковъ до 748,000, Нѣмцевъ до 129,000, Караимовъ и Татаръ до 9,000, Евреевъ 1,833,000. И такъ, русское населеніе составляло до 66%, Литовцы и Жмудь $12{,}_{33}$%, Поляки 6%, Евреи $14{,}_{67}$%, Нѣмцы $1{,}_{03}$%, Караимы и Татары $00{,}_{7}$%. По отношенію ко всѣмъ этимъ различнымъ составнымъ частямъ населенія Западнаго края, изслѣдователь собралъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, о занятіяхъ и благосостояніи, и т. п.

дующіе мѣсяцы, мартъ и апрѣль, онъ посвятилъ на окончательную поѣздку по сѣвернымъ странамъ Бѣлоруссіи, т. е. по сѣвернымъ уѣздамъ губ. Виленской и Минской и по восточнымъ уѣздамъ Витебской.

Уже въ началѣ 1868 года онъ сдѣлалъ сообщеніе въ средѣ Отдѣленія Этнографіи, которое имѣло въ виду познакомить общество съ употребленными имъ пріемами этнографическихъ изслѣдованій, съ удобствами и затрудненіями, которыя онъ встрѣтилъ въ ходѣ своихъ работъ, а также съ общимъ характеромъ добытыхъ имъ результатовъ, во время первой поѣздки 1867 г. Краткое извлеченіе изъ этого сообщенія было напечатано въ журналѣ засѣданія Отдѣленія Этнографіи 22 марта 1868 г. [1]).

Что же касается до Иловайскаго, то предположенная имъ поѣздка по Западному краю, къ сожалѣнію, не могла состояться, вслѣдствіе постигшей его болѣзни.

Лѣтомъ 1868 г. С. В. Максимовъ совершилъ нѣсколько значительныхъ поѣздокъ по Западному краю. Начавъ со Пскова, онъ слѣдовалъ по окраинѣ великорусскаго племени съ бѣлорусскимъ чрезъ Опочку, Новоржевъ на Усвятъ, мѣстечко Витебской губерніи, Велижскаго уѣзда. Начиная отъ Велижа онъ уже ѣхалъ по сѣверо-западной границѣ бѣлорусскаго племени. Въ Смоленской губерніи Максимовъ углубился въ сердце Бѣлорусскаго края, на Порѣчье и Смоленскъ. Далѣе онъ заѣзжалъ въ Витебскъ, чтобы изучить тѣ особенности, которыми отличалось сѣверное бѣлорусское племя. Первая поѣздка окончилась Полоцкомъ и Дриссою. Затѣмъ онъ отправился въ южную часть Гродненской губерніи, для опредѣленія по возможности точныхъ границъ между бѣлорусскимъ племенемъ и малороссами, живущими по всей южной части Гродненской губерніи.

Н. Я. Дубенскій въ 1867 году, избравъ центромъ для своихъ изысканій по Сѣверо-западному краю г. Вильну, посвятилъ лѣтніе мѣсяцы разъѣздамъ по Ковенской, Витебской, Могилевской, Виленской и Гродненской губерніямъ, а съ сентября принялся за приведеніе въ порядокъ собранныхъ матерьяловъ, а также по своему собственному почину за составленіе хозяйственной карты, съ указаніемъ на оной почвъ и густоты населенія.

Карта эта была результатомъ его ознакомленія въ 1867 г. со свойствомъ и протяженіемъ разныхъ почвъ края. Онъ представилъ Обществу въ 1868 г. составленную имъ почвенную карту и дополнилъ свои изслѣдованія свѣдѣніями о производительности и доходности земель и о цѣнахъ на хлѣба въ разныхъ мѣстностяхъ. Земли нечерноземной полосы Западнаго края Дубенскій распредѣлилъ на своей картѣ на пять разрядовъ, начиная отъ тощихъ, малопроизводительныхъ песковъ въ озерномъ пространствѣ и въ Полѣсьи, съ урожаемъ въ 10 и 20 четвериковъ съ десятины (сверхъ сѣмянъ), до плодороднаго водораздѣльнаго кряжа въ верховьяхъ Днѣпра,

[1]) См. «Извѣстія» 1868 г., № 6, стр. 135.

Западной Двины, Нѣмана и Буга, и до тучныхъ земель Ковенской губерніи, съ урожаемъ отъ 40 до 60 четвериковъ.

За тѣмъ объѣзды Дубенскаго въ 1867 г. были направлены главнымъ образомъ на ознакомленіе съ экономическимъ положеніемъ сельскаго населенія сѣверо-западнаго края, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обратилъ, конечно, вниманіе и на главную свою задачу, распредѣленіе населенія въ Западномъ краѣ по племенамъ и вѣроисповѣданіямъ. Разграничивающею чертой между Литовцами и Русскими онъ призналъ песчаную и безплодную полосу, которая тянется съ сѣверо-востока на юго-западъ, начиная выше Люцина, между Рѣжицей и Себежемъ къ Друйску на Двинѣ, потомъ между Свѣнцянами и Вилейкой, Вильной и Ошмянами, Троками и Лидой и т. д. и чрезъ Нѣманъ, къ сѣв. отъ Бобра, до прусской границы. Движеніе русскаго племени къ западу отъ этой песчаной полосы, а литовскаго къ востоку, по мнѣнію Дубенскаго, совершалось только по большимъ рѣкамъ, по Двинѣ, Виліи и Нѣману, на прибрежьяхъ которыхъ оба племени перемѣшались. По Виліи, въ окрестностяхъ Дукшты и Ворни, Дубенскій встрѣтилъ селенія, въ которыхъ говорятъ и по-русски и по-литовски, но польскій языкъ не въ употребленіи ни въ русскомъ, ни въ литовскомъ, даже католическомъ населеніи. Отъ этой полосы смѣшаннаго населенія, на востокъ шло сплошное русское и почти сплошное православное, на западъ сплошное литовское, католическое населеніе. Русское католическое населеніе, къ востоку отъ указанной черты, охотно возвращалось въ православную вѣру предковъ своихъ и безъ сѣтованія встрѣчало закрытіе костеловъ и обращеніе ихъ въ православныя церкви, какъ по сохранившимся преданіямъ, что прежде вѣра ихъ предковъ была православная, такъ и потому, что большинство тамъ принадлежало къ православному вѣроисповѣданію и что не было въ селеніяхъ почти ни одного крестьянскаго семейства чисто католическаго, а вездѣ были и православные члены: то отецъ, то мать, а отсюда и дѣти. За Нѣманомъ, въ Сувалкской губерніи, литовское племя смѣшалось съ польскимъ, а еще южнѣе, по Бугу, Бобру и Нареву, въ губерніяхъ Ломжинской и Сѣдлецкой, польское племя встрѣтилось и смѣшалось съ русскимъ [1]).

Независимо отъ того Дубенскій разработалъ нѣкоторыя изъ имѣвшихся въ Вильнѣ статистическихъ данныхъ о еврейскомъ населеніи въ С.-З. краѣ и убѣдился въ поразительной ихъ невѣрности.

Что же касается до С. В. Максимова, то онъ возвратясь осенью 1868 г. въ Петербургъ, заявилъ Коммиссіи объ окончаніи имъ изученія Бѣлорусскаго племени, и отказался отъ продолженія возложенныхъ на него изслѣдованій надъ

[1]) Общее число жителей на всей площади съ господствующимъ русскимъ населеніемъ и отчасти литовскимъ, Дубенскій опредѣлилъ въ 12,509,500 душъ обоего пола. Въ томъ числѣ Русскихъ до 8,150,533, Латышей, Литовцевъ и Жмудяковъ 1,540,000, Поляковъ до 748,000, Нѣмцевъ до 129,000, Караимовъ и Татаръ до 9,000, Евреевъ 1,833,000. И такъ, русское населеніе составляло до 66%, Литовцы и Жмудь 12,33%, Поляки 6%, Евреи 14,67%, Нѣмцы 1,03%, Караимы и Татары 00,7%. По отношенію ко всѣмъ этимъ различнымъ составнымъ частямъ населенія Западнаго края, изслѣдователь собралъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, о занятіяхъ и благосостояніи, и т. п.

Для изслѣдованій въ с.-з. краѣ Литовско-латышскаго племени Коммиссія уже въ 1868 г. пріискала латыша родомъ, кандидата Спб. Унив. Ю. П. Кузнецова, способнаго молодаго человѣка, который уже по своему происхожденію, съ бóльшею легкостью и успѣхомъ могъ заняться этнографическими изслѣдованіями въ названномъ краѣ, чѣмъ всякое другое лицо, которому пришлось бы еще сначала изучать языкъ. Въ инструкціи, составленной, по общему соглашенію Коммиссіи, дѣйствительными членами Общества А. Ѳ. Гильфердингомъ, Л. Н. Майковымъ и П. П. Семеновымъ, задачи, предложенныя Кузнецову, обозначены были слѣдующимъ образомъ: 1) опредѣленіе народности Литовцевъ и Латышей въ главныхъ ея признакахъ внутреннихъ и внѣшнихъ; 2) опредѣленіе территоріальнаго размѣщенія Литовцевъ и Латышей въ сѣверо-западномъ краѣ, съ вычисленіемъ количества по даннымъ списковъ населенныхъ мѣстъ и съ указаніями на степень живучести литовско-латышскаго племени, и наконецъ 3) по мѣрѣ возможности, собираніе данныхъ относительно экономическаго быта Латышей и Литовцевъ, ихъ отзывовъ о послѣднихъ реформахъ и событіяхъ въ краѣ и всѣхъ вообще фактовъ, такъ или иначе характеризующихъ вліяніе этихъ реформъ и событій на литовскій и латышскій народъ.

Предъ отправленіемъ въ свою поѣздку Кузнецовъ занялся весьма важною предварительною работою, которая могла много содѣйствовать успѣху его изысканій, а именно - извлеченіемъ данныхъ о территоріальномъ размѣщеніи Литовцевъ и Латышей въ сѣверо западномъ краѣ изъ списковъ населенныхъ мѣстъ этихъ губерній, еще неизданныхъ, но которые Директоръ Центр. Статист. Комитета П. П. Семеновъ предоставилъ въ распоряженіе Географическаго Общества. На основаніи этихъ матерьяловъ Кузнецовъ имѣлъ возможность очертить на картѣ главную территорію, занятую литовско-латышскимъ племенемъ, а также и отдѣльныя мѣстности, населенныя тѣмъ же племенемъ внѣ предѣловъ этой территоріи, и наконецъ мѣстности, занятыя, среди Литовцевъ и Латышей, другими народностями: Русскими, Поляками и Нѣмцами.

Подготовленный, такимъ образомъ, весьма основательно для предстоявшихъ ему изслѣдованій, Кузнецовъ отправился въ путь въ концѣ августа 1868 г. Позднее время года было избрано собственно потому, что изслѣдованія, главнымъ образомъ, должны были производиться въ селеніяхъ, когда крестьяне не заняты полевыми работами.

Кузнецовъ прежде всего направился въ Тельшевскій уѣздъ Ковенской губерніи, въ которомъ литовское населеніе всего менѣе подверглось постороннему вліянію и притомъ находилось въ самыхъ лучшихъ матерьяльныхъ условіяхъ. Здѣсь, по выраженію тамошнихъ крестьянъ, настоящая, чистая Жмудь. Кузнецовъ прожилъ болѣе двухъ недѣль въ средѣ одного крестьянскаго семейства съ цѣлью практическаго изученія литовскаго языка. Потомъ онъ сдѣлалъ объѣздъ сѣверной этнографической границы Литвы, т. е. приблизительно вдоль границы Ковенско-Курляндской, отъ Новоалександровска до Полангена. Во время разъѣздовъ имъ собрано было болѣе 250 народныхъ пѣсенъ; около трети изъ

Географическаго Общества, очень многихъ изъ мѣстныхъ знатоковъ и изслѣдователей. Такъ Чл.-Сотр. Общ. И. П. Новицкій, составилъ программу для собиранія матерьяловъ народной южно-русской рѣчи, и предоставилъ въ распоряженіе экспедиціи до 6.000 пѣсенъ (считая въ томъ числѣ и варіанты), а также принялъ на себя обработку бытовыхъ пѣсенъ, приготовляемыхъ къ изданію въ Трудахъ экспедиціи. Географическое Общество увѣнчало труды Новицкаго присужденіемъ ему въ 1870 году серебряной медали. Профессоръ Кіевской Духовной Академіи (прежде бывшій учитель Кременецкой семинаріи) Н. Петровъ, доставилъ весьма обширный сборникъ повѣрій и обрядовъ, относящихся къ праздникамъ, и составленный на основаніи матерьяловъ, собранныхъ по его указанію учениками Кременецкой семинаріи. Н. В. Лысенко, преподаватель Кіевской музыкальной школы, положилъ на ноты мотивы обрядовыхъ пѣсенъ, какъ-то: свадебныхъ, веснянокъ и другихъ. Какъ извѣстный пьянистъ и знатокъ украинской музыки, онъ исполнилъ это, по отзыву Чубинскаго, съ замѣчательнымъ умѣніемъ, оставаясь вѣрнымъ дѣйствительности. Это былъ первый трудъ собиранія мелодій обрядовой малорусской народной музыки. Дѣйств. чл. Общества А. И. Дыминскій предоставилъ Подольскому Статистическому Комитету передать въ распоряженіе экспедиціи его сборникъ пѣсенъ (до 2.000, считая въ томъ числѣ и варіанты). Сборникъ этотъ важенъ былъ въ томъ отношеніи, что относительно Подольской губерніи имѣлось очень мало матерьяловъ. Священники села Браилова, Ушицкаго уѣзда, Подольской губерніи, Дим. Струцинскій и села Якуменецъ Винницкаго у. Дан. Чернецкій, а также учитель Тывровскаго народнаго училища, Винницкаго уѣзда, Подольской губерніи, Воронецкій, составили обширные сборники народныхъ вѣрованій, обрядовъ, суевѣрій, легендъ и проч. этнографическихъ матеріаловъ. Особенно обширны въ нихъ были нѣкоторые отдѣлы, какъ напр. отдѣлъ, касающійся міра духовнаго. Учитель Бѣльскихъ педагогическихъ курсовъ Сѣдлецкой губерніи, Андріевскій, прислалъ сборникъ этнографическихъ матерьяловъ, записанныхъ учениками этихъ курсовъ. Учитель народнаго училища Липецкой слободы, Харьковскаго уѣзда, Столбинъ, доставилъ обстоятельные отвѣты по всѣмъ программамъ экспедиціи [1]).

Дѣятельное и просвѣщенное содѣйствіе и покровительство экспедиціи оказывали: ген.-губ. кн. А. М. Дундуковъ-Корсаковъ, архіепископы Леонтій Подольскій (впосл. митрополитъ Московскій) и епиcк. Михаилъ Холмскій, губернаторы Кіевскій М. К. Катакази и Подольскій кн. И. В. Мещерскій.

Немедленно по окончаніи экспедиціи П. П. Чубинскій, со свойственною ему энергіею, принялся за разработку собранныхъ имъ богатыхъ матерьяловъ, раздѣлилъ ихъ по установленнымъ имъ, по соглашенію съ Коммиссіею, двѣнадцати Отдѣламъ и къ концу періода пять изъ нихъ уже представилъ Обществу совершенно готовыми къ изданію.

[1]) Менѣе значительные, но все-таки весьма интересные матерьялы были еще доставлены слѣдующими лицами: И. С. Ждановымъ (опис. свадьбы и 100 обрядовыхъ пѣсенъ), Залюбовскимъ, Л. В. Ильницкимъ, И. И. Касьяненко (повѣрья и образцы говора), Я. К. Темненко (прекрасн. бытовыя фотографіи), Ящинскимъ (свадьба и игры), Ѳедоренко (вѣрованія).

Для изслѣдованій въ с.-з. краѣ Литовско-латышскаго племени Коммиссія уже въ 1868 г. пріискала латыша родомъ, кандидата Спб. Унив. Ю. П. Кузнецова, способнаго молодаго человѣка, который уже по своему происхожденію, съ бо́льшею легкостью и успѣхомъ могъ заняться этнографическими изслѣдованіями въ названномъ краѣ, чѣмъ всякое другое лицо, которому пришлось бы еще сначала изучать языкъ. Въ инструкціи, составленной, по общему соглашенію Коммиссіи, дѣйствительными членами Общества А. Ѳ. Гильфердингомъ, Л. Н. Майковымъ и П. П. Семеновымъ, задачи, предложенныя Кузнецову, обозначены были слѣдующимъ образомъ: 1) опредѣленіе народности Литовцевъ и Латышей въ главныхъ ея признакахъ внутреннихъ и внѣшнихъ; 2) опредѣленіе территоріальнаго размѣщенія Литовцевъ и Латышей въ сѣверо-западномъ краѣ, съ вычисленіемъ количества по даннымъ списковъ населенныхъ мѣстъ и съ указаніями на степень живучести литовско-латышскаго племени, и наконецъ 3) по мѣрѣ возможности, собираніе данныхъ относительно экономическаго быта Латышей и Литовцевъ, ихъ отзывовъ о послѣднихъ реформахъ и событіяхъ въ краѣ и всѣхъ вообще фактовъ, такъ или иначе характеризующихъ вліяніе этихъ реформъ и событій на литовскій и латышскій народъ.

Предъ отправленіемъ въ свою поѣздку Кузнецовъ занялся весьма важною предварительною работою, которая могла много содѣйствовать успѣху его изысканій, а именно - извлеченіемъ данныхъ о территоріальномъ размѣщеніи Литовцевъ и Латышей въ сѣверо западномъ краѣ изъ списковъ населенныхъ мѣстъ этихъ губерній, еще неизданныхъ, но которые Директоръ Центр. Статист. Комитета П. П. Семеновъ предоставилъ въ распоряженіе Географическаго Общества. На основаніи этихъ матерьяловъ Кузнецовъ имѣлъ возможность очертить на картѣ главную территорію, занятую литовско-латышскимъ племенемъ, а также и отдѣльныя мѣстности, населенныя тѣмъ же племенемъ внѣ предѣловъ этой территоріи, и наконецъ мѣстности, занятыя, среди Литовцевъ и Латышей, другими народностями: Русскими, Поляками и Нѣмцами.

Подготовленный, такимъ образомъ, весьма основательно для предстоявшихъ ему изслѣдованій, Кузнецовъ отправился въ путь въ концѣ августа 1868 г. Позднее время года было избрано собственно потому, что изслѣдованія, главнымъ образомъ, должны были производиться въ селеніяхъ, когда крестьяне не заняты полевыми работами.

Кузнецовъ прежде всего направился въ Тельшевскій уѣздъ Ковенской губерніи, въ которомъ литовское населеніе всего менѣе подверглось постороннему вліянію и притомъ находилось въ самыхъ лучшихъ матерьяльныхъ условіяхъ. Здѣсь, по выраженію тамошнихъ крестьянъ, настоящая, чистая Жмудь. Кузнецовъ прожилъ болѣе двухъ недѣль въ средѣ одного крестьянскаго семейства съ цѣлью практическаго изученія литовскаго языка. Потомъ онъ сдѣлалъ объѣздъ сѣверной этнографической границы Литвы, т. е. приблизительно вдоль границы Ковенско-Курляндской, отъ Новоалександровска до Полангена. Во время разъѣздовъ имъ собрано было болѣе 250 народныхъ пѣсенъ; около трети изъ

этого числа составляли пѣсни еще ненапечатанныя. Эпическіе и миѳическіе элементы въ этихъ пѣсняхъ вообще были незначительны. Къ сожалѣнію, и бытовыя свои пѣсни народъ уже предавалъ забвенію, склоняясь въ пользу позднѣйшихъ риѳмованныхъ произведеній. Различныя суевѣрія и преданія также исчезли по бо̀льшей части безвозвратно. Изъ обрядовъ хорошо сохранились мѣстами обряды свадебные. Кузнецовъ не упускалъ случая собирать свѣдѣнія о состояніи крестьянскаго хозяйства, о величинѣ рабочей платы, о важнѣйшихъ промыслахъ, и т. п.

Въ маѣ 1870 г. Ю. П. Кузнецовъ отправился въ тѣ части Ковенской губерніи, въ которыхъ преобладало собственно литовское нарѣчіе. Онъ провелъ, между прочимъ, около четырехъ недѣль въ интересной при-нѣманской мѣстности, около Веленъ, въ Ковенскомъ уѣздѣ, игравшей значительную роль въ исторіи Литвы и замѣчательной по чистотѣ быта и привязанности народа къ своимъ поэтическимъ произведеніямъ. Болѣе подробныя объ этомъ свѣдѣнія заключались въ письмѣ Кузнецова, напечатанномъ въ „Извѣстіяхъ“ [1]). Осенью онъ предпринялъ объѣздъ восточной и южной стороны живой литовской рѣчи, по направленію отъ Крейцбурга и Новоалександровска къ прусской границѣ. Новоалександровскій уѣздъ потребовалъ значительныхъ разъѣздовъ по перемѣшанности русскаго населенія съ литовскимъ. Нездоровье не позволило, къ сожалѣнію, путешественнику докончить предположенную поѣздку. Октябрь и ноябрь онъ употребилъ отчасти на изученіе крестьянскаго быта, отчасти на занятія по нѣкоторымъ статистическимъ вопросамъ. Такъ напр. имъ собраны любопытныя данныя о рекрутскомъ наборѣ въ сельскихъ обществахъ по двумъ уѣздамъ.

Соединяя впечатлѣнія, вынесенныя изъ разъѣздовъ по Новоалександровскому уѣзду, съ другими данными, Кузнецовъ пришелъ къ положительному заключенію, что восточная, почти совершенно русская часть этого уѣзда была когда-то литовскою. Доказательство тому Кузнецовъ находилъ въ литовскихъ названіяхъ бо̀льшей части урочищъ, довольно часто встрѣчающихся литовскихъ фамиліяхъ лицъ, уже вполнѣ русскихъ и незнающихъ литовскаго языка, литовскихъ названіяхъ построекъ и т. п. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, среди совершенно обрусѣвшихъ волостей, Кузнецовъ находилъ деревни, въ которыхъ все старое поколѣніе еще очень хорошо владѣло литовскимъ языкомъ, хотя и почти не говорило на немъ, тогда какъ молодое поколѣніе довольствовалось исключительно русскимъ. Слѣды давнишняго существованія въ тѣхъ мѣстностяхъ православныхъ церквей и многочисленныя старообрядческія селенія, нынѣ существующія, объясняютъ изчезновеніе литовскихъ элементовъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, возникаетъ важный этнографическій вопросъ: кого изъ такъ называемыхъ бѣлоруссовъ слѣдуетъ считать коренными славянами и кого потомками литовцевъ, или же потомками тѣхъ и другихъ вмѣстѣ? Удовлетворительное разрѣшеніе этого вопроса могло бы дать довольно близкое опредѣленіе области, которую занималъ литовскій народъ въ началѣ его исторіи.

[1]) Томъ VI, Отд. 2, стр. 241—244 (Кн. 7-я).

изслѣдованіе Н. Я. Данилевскаго—Очеркъ Уральскаго рыбнаго хозяйства [1]), въ которомъ выяснены были всѣ артельные общинные порядки въ такой важной отрасли народнаго хозяйства, какимъ представляется Уральское рыболовство въ водахъ принадлежащихъ цѣлой Уральской казачьей общинѣ. Къ артельному же порядку относится и прекрасное историко-юридическое изслѣдованіе Н. В. Калачова—Артели древней и нынѣшней Россіи. [2]).

Во время предсѣдательствованія Н. В. Калачова Отдѣленіе Этнографіи обратило особенное вниманіе и на изученіе въ Россіи народныхъ юридическихъ обычаевъ и составило по этому предмету обстоятельную программу. Это стремленіе Отдѣленія привлекло между прочимъ въ „Записки" Общества по Отдѣленію Этнографіи (Т. I 1867 г.) интересныя статьи: Чл.-Сотр. П. А. Муллова — Нѣск. словъ о матерьялахъ для объяснен. народн. юридич. быта и П. А. Матвѣева—Что сдѣлано у насъ по обычному праву и въ Т. II 1869 г. статью П. П. Чубинскаго—Народн. юридич. обычаи въ Малороссіи.

Не ограничиваясь бытовыми изслѣдованіями русской народности въ Европ. Россіи Геогр. Общество очень охотно обращало свои изслѣдованія и на ея инородцевъ; такъ въ разсматриваемомъ періодѣ члены и въ особенности Члены-Корреспонденты Общества обращали свое вниманіе на изслѣдованіе: Черемисовъ (св. Вишневскій [3]) Гр. Городской [4]), Мещеряковъ (К. Масловскій) [5]), Вотяковъ (В. Шестаковъ) [6]), Самоѣдовъ (архим. Веніаминъ) [7]) крымскихъ татаръ (Г. И. Радде) [8]), евреевъ (Берлинъ [9]) и Думошевскій [10]).

Въ разсматриваемомъ же періодѣ Отдѣленіе Этнографіи, не ограничилось изученіемъ русской и славянскихъ народностей въ предѣлахъ Россіи но обратило еще особое вниманіе на изученіе славянскихъ народностей и за русскими предѣлами. Этому направленію въ особенности способствовали труды А. Ѳ. Гильфердинга, сдѣлавшагося въ концѣ періода Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи Этнографіи. Ранѣе другихъ изъ этихъ трудовъ появилась его статья „Боснія въ началѣ 1858 г." въ „Вѣстникѣ" И. Р. Г. О. за 1858 г., затѣмъ въ 1859 г. капитальнѣйшій его трудъ о Босніи и Герцоговинѣ, составившій XIII послѣдній томъ „Записокъ" Общества первоначальной серіи, за тѣмъ въ 1862 г. (8 вып. Этногр. Сборн.) обширная

---

[1]) См. Вѣстн. И. Р. Г. О. 1858. XXII. Одт. II стр 77—87, Н Я. Данилевскаго «Краткій очеркъ Уральск. рыбн. хоз.».

[2]) См. Этногр. Сб. VI 1864 г. Н. В. Калачова «Артели въ древн. и нынѣшн. Россіи».

[3]) См. Этн. Сб. IV 1858 г. св. Вишневскаго «О религіи некрещ. черемисъ Пермс. г.».

[4]) См. Этногр. Сб. VI стр. 20. Гр. Городского «О черемисахъ прожив. въ Красноуф. у.».

[5]) См. Вѣстн. И. Р. Г. О. 1859 г. XXVII. Отд. II, стр. 111—124. К. Масловскаго «Бытъ, обряды и повѣрья Мещеряковъ Керенс. у. Пензенс. г.».

[6]) См. Вѣстн. И. Р. Г. О. 1889 г. XXVI, отд. VI, стр. 93—112. Вл. Шестакова «Глазовскій у.».

[7]) См. Этногр. Сб. IV, 1858 г. арх. Веніамина «Мезенскія самоѣды».

[8]) См. Вѣстн. И. Р. Г. О. 1857 г. Радде «Крымс. татары».

[9]) См. Этногр. Сб. V, 1861 г. Берлинъ «Оч. Еврейс. пол. въ Россіи».

[10]) См. Вѣстн. И. Р. Г. О. 1859 г. XXVII. Отд. II стр. 61. А. Думошевскаго «Евреи-Земледѣльцы».

всего періода, хотя обширная практическая дѣятельность лучшихъ интеллигентныхъ силъ Россіи, обратившаяся въ 1861 г. сначала на приведеніе исполненіе Положенія 19 февр., а потомъ на дѣятельность въ средѣ возникшихъ земскихъ учрежденій, оттянула многихъ отъ научныхъ изслѣдованій. При всемъ томъ такія изслѣдованія получались еще отъ Чл.-Сотр. Общества все таки изъ многихъ мѣстностей Евр. Россіи, какъ напр. Обоянскаго у. Курской г-іи (Чл.-Сотр. Машкина) [1]) трехъ восточн. уѣздовъ Орловской г-іи (Чл.-Сотр. А. И. Трунова) [2]), Торопецкаго уѣзда Псковской г-іи (Чл.-Сотр. М. И. Семевскаго) [3]), г. Котельнича Вятской г-іи (Чл.-Сотр. учителя Ил. Глушкова) [4]), Шадринскаго у. Пермской г-іи (Чл.-Сотр. А. Я. Кокосова) [5]), Вельскаго у. Вологодской Чл.-Сотр. П. Воронова) [6]), береговъ р. Ояти Олонецкой (Чл.-Сотр. И. П. Хрущова) [7]). Всѣ эти этнографическіе труды, по своему содержанію, ближе всего подходили къ программамъ разсылавшимся въ предшедшемъ періодѣ Отдѣленіемъ Этнографіи.

Но были и такія изслѣдованія, также относящіяся до русскаго племени, которыя представляли другіе оттѣнки въ области этнографіи. Такъ представлялись Обществу изслѣдованія о раскольничьихъ сектахъ (скопцахъ) изъ губерній Калужской (свящ. А. А. Георгіевскаго) [8]) и Симбирской (А. П. Крыжина), [9]), а Сборникъ о русскихъ заклинаніяхъ былъ составленъ Л. Н. Майковымъ и В. И. Ламанскимъ [10]). Нѣкоторыя изслѣдованія имѣли нѣсколько лингвистическій оттѣнокъ, какъ напр. статьи: Чл.-Сотр. Ст. Микуцкаго „О Лето-Славянскомъ языкѣ сравн. съ др. Арійскими язык." [11]); Дешно „Памятн. русск. народной рѣчи и словесности" [12]); П. Н. Рыбникова „Сбор. словъ употр. въ Олонецк. г-іи" [13]); И. И. Носовича „Сборн. Бѣлорусс. пословицъ и загадокъ" [14]); В. И. Худякова „Великорусс. загадки" [15]). Были и изслѣдованія, которыя касались экономическаго быта русскаго народа, какъ напр. превосходное

---

1) См. Этногр. Сборн. кн. V 1862 г. чл.-сотр. Машкинъ «Бытъ крестьянъ курск. г. Обоянс. у.».

2) См. Зап. Имп. Р. Г. О. по Отд. Этногр. т. VI 1869 г. стр. 1—48 А. Трунова «Понят. кр. Орловс. г. о природѣ физич. и нравственной» кн. II изсл. и мат. стр. 122—220.

3) См. Зап. Имп. Р. Г. О. 1864 г. М. И. Семевскаго «Торопецъ».

4) См. Зап. Имп. Р. Г. О. 1862 г. кн. I изсл. и мат. чл.-сотр. Ил. Глушкова «Котельничъ» стр. 68—96.

5) См. Зап. И. Р. Г. О. по Отд. Этногр. т. II 1869 г. стр. 399—417 А. Я. Кокосова «Кругов. игры и пѣсни въ с. Умановскомъ».

6) См. Этногр. Сб. V, 1862 г. чл.-сотр. П. Воронова «Вельск. свадебн. обряды и причты».

7) См. Зап. И. Р. Г. О. по Отд. Этногр. т. II 1869 г. стр. 76 чл.-сотр. Н. П. Хрущова «Зам. о русс. жит. бер. р. Ояти».

8) См. Зап. И. Р. Г. О. по Отд. Этногр. т. I 1867 г. стр. 528—547 Св. Аѳ. Георгіевскаго «Зап. о скопцахъ».

9) См. тамъ же стр. 433—527 А. П. Крыжина «Изсл. скопч. секты въ Симбирс. г.».

10) См. Зап. И. Р. Г. О. по Отд. Этногр. т. II 1869 г. стр. 417—580 и 748 Л. Н. Майкова «Великорусск. заклинанія».

11) См. Зап. И. Р. Г. О. по Отд. Этногр. I, 1867 г. стр. 548.

12) Тамъ же стр. 653.

13) См. Этногр. Сборн. VI, 1864 г. П. Н. Рыбникова «Сб. словъ употр. въ Олонецк. г.».

14) См. Зап. И. Р. Г. О. по Отд. Этн. I 281 и II, стр. 363, 373.

15) См. Этногр. Сборн. 1864 г. VI, В. И. Худякова «Великорус. загадки».

изслѣдованіями въ Государственномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ своей статьѣ „Старинная Русская Картографія“ [1]), сообщилъ любопытное извлеченіе изъ составленной въ 1713 г. описи дѣламъ Тайнаго Приказа, заключающее въ себѣ свѣдѣнія о множествѣ различныхъ чертежей, составленныхъ въ XVII столѣтіи, которые тогда велѣно было взять въ Ближнюю Канцелярію [2]). При этомъ случаѣ В. И. Ламанскій высказалъ такое мнѣніе: „Обиліе чертежей убѣдительно доказало, что въ XVII вѣкѣ на Руси чертежное дѣло было не новостію“; а неопровергнутое никѣмъ извѣстіе Татищева, будто Іоаннъ Грозный еще „въ 1552 г. велѣлъ землю измѣрить и чертежъ государства сдѣлать“, въ свою очередь можетъ служить доказательствомъ, что такое обширное предпріятіе не могло бы осуществиться, если бы не существовало уже частныхъ опытовъ и слѣдовательно должно допустить существованіе отдѣльныхъ чертежей на Руси еще въ первой половинѣ XVI вѣка.

Кромѣ того В. И. Ламанскій, въ общемъ собраніи 2 марта 1860 г., представляя подлинные чертежи, хранившіеся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ: 1) городамъ, лежащимъ по рѣкамъ Дону, Окѣ и Волгѣ отъ Москвы до Астрахани; 2) городамъ и селамъ нынѣшней Казанской губерніи; 3) городу Олонцу; 4) Саранску и рѣкъ впадающихъ въ Алатырь; 5) Кашину съ слободами; 6) Пскову; 7) Витебску и 8) чертежъ и описаніе учиненное стольникомъ Максимомъ Цызаревымъ, начавъ отъ Витебска вверхъ до вершинъ Двины рѣки,—сообщилъ нѣсколько новыхъ данныхъ о старинномъ Русскомъ землевѣдѣніи.

По мнѣнію В. И. Ламанскаго землевѣдѣніе въ старой Руси хотя и не могло быть особенно развито, по причинѣ простоты и несложности тогдашней русской жизни, тѣмъ не менѣе русское общество предпринимало зависящія отъ себя средства, для узнанія доступной ему тогда истины. Съ этой точки зрѣнія и на труды нашихъ предковъ въ области землевѣдѣнія нельзя глядѣть безъ уваженія. Представляя бѣглый обзоръ источниковъ географическихъ познаній древней Руси, В. И. Ламанскій указалъ на разныя сочиненія византійскія и латинскія, въ подлинникахъ и въ болгарскихъ, сербскихъ и русскихъ переводахъ извѣстныя на Руси, и болѣе подробно остановился на характеристикѣ распространенныхъ тогда „Космографій“. Особенно важнымъ средствомъ пріобрѣтенія познаній о различныхъ странахъ служили „хожденія русскихъ людей“ и составленныя о томъ записки. „Статейные списки“ нашихъ пословъ къ иностраннымъ дворамъ представляютъ также вообще любопытный географическій матерьялъ, а нѣкоторые изъ нихъ заключаютъ въ себѣ не мало научнаго интереса. Что касается трудовъ нашихъ предковъ по изученію самой Россіи, то замѣчательный шагъ впередъ сдѣ-

---

[1]) Вѣстникъ XXVII, смѣсь, стр. 11—18.

[2]) Эта опись напечатана вполнѣ, въ изданномъ подъ редакціею В. И. Ламанскаго, 2 томѣ «Записокъ Славяно-Русскаго Отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества» стр. 1—43 (Спб. 1861 г. in 8°).

и превосходная статья (12 печ. листовъ) „Остатки славянъ на южн. берегу Балтійскаго моря“ и наконецъ въ 1869 г. (Т. II Запис. Общ. по Отд. Этногр.) „Старин. сборн. серб. пословицъ“. Въ томъ же томѣ „Записокъ“ редакція ихъ (Л. Н. Майковъ) составила сводъ пословицъ и поговорокъ Галицкой и Угорской Руси. Какой интересъ возбуждала въ Географическомъ Обществѣ этнографія славянскихъ народовъ въ разсматриваемомъ періодѣ обнаруживается между прочимъ и изъ того, что въ вышедшемъ въ 1854 г. V томѣ Этнографическаго Сборника была помѣщена заимствованная изъ иностранныхъ изданій статья Лежана (Lejean) объ этнографіи Европ. Турціи, съ первою этнографическою ея картою, на которой было между прочимъ изображено распространеніе на Балканскомъ полуостровѣ славянскихъ народностей.

Изслѣдованія географическо-археологическія также обращали на себя вниманіе Отдѣленія Этнографіи.

Доставленные имъ въ Общество предметы, найденные имъ при раскопкѣ ананьевскаго могильника, были такъ интересны, что К. М. Бэръ, въ засѣданіи Общества 10 октября 1859 г., сдѣлалъ очень интересное сообщеніе „О древнихъ обитателяхъ Европы“ [1]), указалъ въ немъ, между прочимъ, впервые на распространеніе орудій бронзоваго періода, называемыхъ кельтами [2]), такъ какъ они до того времени были извѣстны только въ могильникахъ кельтійскихъ народовъ, на в. до Вятской губерніи (ананьинскій могильникъ). Въ 1859 г. подѣлился съ Обществомъ результатами археологическихъ изслѣдованій П. Алабинъ, производившій раскопки въ ананьинскомъ могильникѣ близъ Елабуги [3]). Статья К. М. Бэра, напечатанная въ изданіяхъ Общества только въ 1863 г., возбудила и еще одного просвѣщеннаго изслѣдователя, Н. Бутенева, къ сообщенію о томъ, что онъ нашелъ слѣды каменнаго вѣка въ Олонецкой губерніи (Историческая географія Европейск. Россіи), какъ и въ предшедшемъ періодѣ обращавшая на себя особое вниманіе Отдѣленія Этнографіи и его дѣятельнѣйшихъ членовъ [4]).

Мы уже говорили въ одной изъ предшедшей главъ (см. выше стр. 118) о томъ, какъ Общество заботилось о возстановленіи книги Большаго Чертежа и какъ оно выбрало это возстановленіе своею конкурсною задачею. Въ 1859 г. истекъ второй срокъ конкурса, но отвѣта на предложенную задачу не получилось.

Между тѣмъ въ средѣ самого Отдѣленія интересъ къ вопросу о книгѣ Большаго Чертежа впрочемъ не ослабѣвалъ и члены Отдѣленія продолжали время отъ времени обращаться къ нему и сообщать какія либо свѣдѣнія, относящіяся до этого предмета. Такъ В. И. Ламанскій, занимавшійся

---

[1]) Напечатано въ Зап. Имп. Русс. Г. О. за 1863 г., кн. I стр. 1—20.

[2]) Орудіе это вѣроятно служило для обработки земли.

[3]) См. Вѣстн. И. Р. Г. О. 1860 г., XXIX Отд. II, стр. 67—120 П. Алабинъ, «Ананьинскіе могильники».

[4]) Сообщеніе его, появившееся въ Зап. И. Р. Г. О. за 1864 г., подъ заглавіемъ «Нѣкотор. соображ. о первобыт. жителяхъ въ Сѣв. Россіи», непосредственно вызваны появленіемъ въ 1863 г., въ Запис. Общ. 1863 г. сообщенія К. М. Бэра.

Вслѣдствіе этого вопросъ о возстановленіи Большаго Чертежа принялъ новое направленіе. Отдѣленіе Этнографіи съ этого времени, не отказываясь отъ мысли осуществить такое предпріятіе во всей его полнотѣ, рѣшило поощрять всѣ частныя изслѣдованія, относящіяся къ Большому Чертежу, справедливо считая всѣ подобныя работы важнымъ матерьяломъ для этого дѣла. Самъ Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Н. В. Калачовъ, въ этихъ же преимущественно видахъ, избралъ себѣ для спеціальной разработки изслѣдованіе „Объ украйнахъ и засѣкахъ въ XVII столѣтіи".

Въ связи съ разработкою вопроса о Большомъ Чертежѣ, Чл.-Сотр. Н. Я. Аристовъ, прочиталъ въ собраніи Отдѣленія Этнографіи 4 марта 1866 г. „Преданія о кладахъ". Въ статьѣ этой преимущественно были изложены преданія о кладахъ, записанныя авторомъ въ Симбирской губерніи; но въ общемъ очеркѣ вѣрованій народа въ существованіе кладовъ авторъ указалъ на то значеніе, какое могутъ они имѣть для историка и этнографа.

Статья Аристова послужила поводомъ къ тому, что Юрловъ, собиратель различныхъ свѣдѣній относительно средняго Поволжья, доставилъ въ Общество любопытный чертежъ, составленный въ началѣ настоящаго столѣтія и служившій руководствомъ для кладоискателей при опредѣленіи мѣстности, въ которой предполагаются клады. Подобные чертежи, по заявленію Юрлова, встрѣчаются въ Приволжскомъ краѣ у многихъ кладоискателей, которые почти всегда прибавляютъ, что чертежъ полученъ ими отъ сосланнаго въ Сибирь преступника. Отдѣленіе Этнографіи признало полезнымъ издать этотъ чертежъ въ дополненіе къ статьѣ Аристова [1]).

Въ засѣданіи 27 мая 1866 г. дѣйств. чл. П. И. Савваитовъ представилъ вниманію Отдѣленія чертежъ устья рѣки Волги, открытый при одномъ дѣлѣ синодскаго архива 1721 года и, какъ можно догадываться, составленный въ 1629 году. Это открытіе, служащее очевиднымъ доказательствомъ, что въ до-Петровской Руси подобные чертежи были весьма употребительны, дало Отдѣленію поводъ къ особой бесѣдѣ о Книгѣ Большаго Чертежа.

Наконецъ въ 1868 г. представлена была отдѣленію часть обширнаго критико-историческаго изслѣдованія о Большомъ Чертежѣ, предпринятаго и исполненнаго вполнѣ сообразно съ тѣми требованіями по этому предмету, какія были высказываемы Обществомъ при объявленіи задачи о книгѣ Большаго Чертежа, а именно Дѣйств. чл. Е. К. Огородниковъ, въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣленія 19 апрѣля 1868 г., прочиталъ свою статью: „Мурманскій и Терскій берега по книгѣ Большаго Чертежа [2]).

Придавая „Книгѣ Большаго Чертежа" значеніе русской географической хроники, сложившейся разновременно, изслѣдователь доказывалъ возможность, посредствомъ разложенія текста „Книги", на основаніи лѣтописныхъ указаній и данныхъ, встрѣчаемыхъ въ старинныхъ актахъ, открыть признаки текста первоначальнаго и такимъ образомъ приблизиться къ разрѣшенію

[1]) Записки по Отд. Этнографіи, I, стр. 708—750.
[2]) Извѣстія 1868, Отд. I, стр. 155.

вопроса о времени появленія „Чертежа“ и, путемъ историческаго анализа, по возможности опредѣлить тѣ періоды, когда „Чертежъ“ былъ возобновляемъ со временъ Іоанна IѴ включительно до времени Ѳеодора Алексѣевича.

Что же касается до Писцовыхъ книгъ, то успѣшный оборотъ принялъ въ разсматриваемомъ періодѣ вопросъ объ ихъ изданіи, когда въ Общемъ Собраніи Общества 4 дек. 1868 г. Д.-Чл. Н. В. Калачовъ прочиталъ свою статью: „О значеніи Писцовыхъ книгъ для изученія исторической географіи, этнографіи и внутренняго быта Россіи и о необходимости изданія свѣдѣній, изъ нихъ извлеченныхъ“.

Напомнивъ присутствующимъ, что въ средѣ Географическаго Общества была встрѣчена съ живымъ сочувствіемъ и нашла себѣ осуществленіе первая попытка изданія историко-географическихъ свѣдѣній, извлеченныхъ изъ Писцовыхъ книгъ, именно извѣстный трудъ незабвеннаго К. А. Неволина „О новгородскихъ пятинахъ“ — Н. В. Калачовъ объяснилъ, что съ тѣхъ поръ, какъ наши архивы сдѣлались доступными для научныхъ изысканій, наука не въ правѣ обходить всю ту массу писцовыхъ и межевыхъ книгъ, которую завѣщала намъ древняя Россія, какъ самое наглядное и вѣрное выраженіе ея администраціи и внутренняго быта. По мнѣнію Калачова, записи, подобныя Писцовымъ книгамъ, суть чисто туземное учрежденіе, основы котораго являются въ самую раннюю эпоху существованія Русскаго государства. На основаніи данныхъ, представляемыхъ многими договорными и другими граматами XII, XIII, XIѴ и XѴ вѣковъ, можно считать несомнѣннымъ, что уже въ удѣльный періодъ существовали списки тѣхъ мѣстностей, съ которыхъ княжескіе посадники собирали дань, съ обозначеніемъ предметовъ и количества дани, и становъ или погостовъ, гдѣ были учреждены стоянки даньщиковъ. Въ XѴI же и XѴII вѣкахъ Писцовыя книги являются уже результатомъ отчетливо сознанной и проведенной правительствомъ системы описанія земель, для взиманія, на основаніи этого описанія, людей на службу и разнаго рода казенныхъ сборовъ; такъ что въ это время распространеніе предѣловъ русскаго государства уже постоянно сопровождается посылкою во вновь пріобрѣтенныя области и города писцовъ для производства тамъ переписей. Такимъ образомъ составленныя и дополненныя въ разныя царствованія отъ Іоанна III до начала XѴIII вѣка писцовыя, межевыя, переписныя, засѣчныя и другія по описанію земель книги сохранились въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи въ количествѣ слишкомъ 3.000 текстовъ или редакцій, относящихся къ болѣе чѣмъ 100 городамъ и пригородамъ, съ ихъ уѣздами. Нѣкоторая доля этихъ книгъ ограничивается лишь весьма небольшими участками земли, но большая часть ихъ заключаетъ въ себѣ полныя описанія городовъ, съ ихъ уѣздами и съ опредѣленіемъ сборовъ, взимавшихся съ жителей. Изъ этого понятно, какое важное значеніе имѣютъ эти документы для разработки географіи и внутренняго быта древней Россіи. Заключая въ себѣ массу названій различныхъ географическихъ мѣстностей, подробный

изслѣдованіе Н. Я. Данилевскаго—Очеркъ Уральскаго рыбнаго хозяйства [1]), въ которомъ выяснены были всѣ артельные общинные порядки въ такой важной отрасли народнаго хозяйства, какимъ представляется Уральское рыболовство въ водахъ принадлежащихъ цѣлой Уральской казачьей общинѣ. Къ артельному же порядку относится и прекрасное историко-юридическое изслѣдованіе Н. В. Калачова—Артели древней и нынѣшней Россіи. [2]).

Во время предсѣдательствованія Н. В. Калачова Отдѣленіе Этнографіи обратило особенное вниманіе и на изученіе въ Россіи народныхъ юридическихъ обычаевъ и составило по этому предмету обстоятельную программу. Это стремленіе Отдѣленія привлекло между прочимъ въ „Записки“ Общества по Отдѣленію Этнографіи (Т. I 1867 г.) интересныя статьи: Чл.-Сотр. П. А. Муллова — Нѣск. словъ о матерьялахъ для объяснен. народн. юридич. быта и П. А. Матвѣева—Что сдѣлано у насъ по обычному праву и въ Т. II 1869 г. статью П. П. Чубинскаго—Народн. юридич. обычаи въ Малороссіи.

Не ограничиваясь бытовыми изслѣдованіями русской народности въ Европ. Россіи Геогр. Общество очень охотно обращало свои изслѣдованія и на ея инородцевъ; такъ въ разсматриваемомъ періодѣ члены и въ особенности Члены-Корреспонденты Общества обращали свое вниманіе на изслѣдованіе: Черемисовъ (св. Вишневскій [3]) Гр. Городской [4]), Мещеряковъ (К. Масловскій) [5]), Вотяковъ (В. Шестаковъ) [6]), Самоѣдовъ (архим. Веніаминъ) [7]) крымскихъ татаръ (Г. И. Радде) [8]), евреевъ (Берлинъ [9]) и Думошевскій [10]).

Въ разсматриваемомъ же періодѣ Отдѣленіе Этнографіи, не ограничилось изученіемъ русской и славянскихъ народностей въ предѣлахъ Россіи но обратило еще особое вниманіе на изученіе славянскихъ народностей и за русскими предѣлами. Этому направленію въ особенности способствовали труды А. Ѳ. Гильфердинга, сдѣлавшагося въ концѣ періода Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи Этнографіи. Ранѣе другихъ изъ этихъ трудовъ появилась его статья „Боснія въ началѣ 1858 г.“ въ „Вѣстникѣ“ И. Р. Г. О. за 1858 г., затѣмъ въ 1859 г. капитальнѣйшій его трудъ о Босніи и Герцоговинѣ, составившій XIII послѣдній томъ „Записокъ“ Общества первоначальной серіи, за тѣмъ въ 1862 г. (8 вып. Этногр. Сборн.) обширная

---

[1]) См. Вѣстн. И. Р. Г. О. 1858. XXII. Одт. II стр 77—87, Н. Я. Данилевскаго «Краткій очеркъ Уральск. рыбн. хоз.».

[2]) См. Этногр. Сб. VI 1864 г. Н. В. Калачова «Артели въ древн. и нынѣшн. Россіи».

[3]) См. Этн. Сб. IV 1858 г. св. Вишневскаго «О религіи некрещ. черемисъ Пермс. г.».

[4]) См. Этногр. Сб. VI стр. 20. Гр. Городского «О черемисахъ прожив. въ Красноуф. у.».

[5]) См. Вѣстн. И. Р. Г. О. 1859 г. XXVII. Отд. II, стр. 111—124. К. Масловскаго «Бытъ, обряды и повѣрья Мещеряковъ Керенс. у. Пензенс. г.».

[6]) См. Вѣстн. И. Р. Г. О. 1889 г. XXVI, отд. VI, стр. 93—112. Вл. Шестакова «Глазовскій у.».

[7]) См. Этногр. Сб. IV, 1858 г. арх. Веніамина «Мезенскія самоѣды».

[8]) См. Вѣстн. И. Р. Г. О. 1857 г. Радде «Крымс. татары».

[9]) См. Этногр. Сб. V, 1861 г. Берлинъ «Оч. Еврейс. пол. въ Россіи».

[10]) См. Вѣстн. И. Р. Г. О. 1859 г. XXVII. Отд. II стр. 61. А. Думошевскаго «Евреи-Земледѣльцы».

и превосходная статья (12 печ. листовъ) „Остатки славянъ на южн. берегу Балтійскаго моря“ и наконецъ въ 1869 г. (Т. II Запис. Общ. по Отд. Этногр.) „Старин. сборн. серб. пословицъ“. Въ томъ же томѣ „Записокъ“ редакція ихъ (Л. Н. Майковъ) составила сводъ пословицъ и поговорокъ Галицкой и Угорской Руси. Какой интересъ возбуждала въ Географическомъ Обществѣ этнографія славянскихъ народовъ въ разсматриваемомъ періодѣ обнаруживается между прочимъ и изъ того, что въ вышедшемъ въ 1854 г. V томѣ Этнографическаго Сборника была помѣщена заимствованная изъ иностранныхъ изданій статья Лежана (Lejean) объ этнографіи Европ. Турціи, съ первою этнографическою ея картою, на которой было между прочимъ изображено распространеніе на Балканскомъ полуостровѣ славянскихъ народностей.

Изслѣдованія географическо-археологическія также обращали на себя вниманіе Отдѣленія Этнографіи.

Доставленные имъ въ Общество предметы, найденные имъ при раскопкѣ ананьевскаго могильника, были такъ интересны, что К. М. Бэръ, въ засѣданіи Общества 10 октября 1859 г., сдѣлалъ очень интересное сообщеніе „О древнихъ обитателяхъ Европы“ [1]), указалъ въ немъ, между прочимъ, впервые на распространеніе орудій бронзоваго періода, называемыхъ кельтами [2]), такъ какъ они до того времени были извѣстны только въ могильникахъ кельтійскихъ народовъ, на в. до Вятской губерніи (ананьинскій могильникъ). Въ 1859 г. подѣлился съ Обществомъ результатами археологическихъ изслѣдованій П. Алабинъ, производившій раскопки въ ананьинскомъ могильникѣ близъ Елабуги [3]). Статья К. М. Бэра, напечатанная въ изданіяхъ Общества только въ 1863 г., возбудила и еще одного просвѣщеннаго изслѣдователя, Н. Бутенева, къ сообщенію о томъ, что онъ нашелъ слѣды каменнаго вѣка въ Олонецкой губерніи (Историческая географія Европейск. Россіи), какъ и въ предшедшемъ періодѣ обращавшая на себя особое вниманіе Отдѣленія Этнографіи и его дѣятельнѣйшихъ членовъ [4]).

Мы уже говорили въ одной изъ предшедшей главъ (см. выше стр. 118) о томъ, какъ Общество заботилось о возстановленіи книги Большаго Чертежа и какъ оно выбрало это возстановленіе своею конкурсною задачею. Въ 1859 г. истекъ второй срокъ конкурса, но отвѣта на предложенную задачу не получилось.

Между тѣмъ въ средѣ самого Отдѣленія интересъ къ вопросу о книгѣ Большаго Чертежа впрочемъ не ослабѣвалъ и члены Отдѣленія продолжали время отъ времени обращаться къ нему и сообщать какія либо свѣдѣнія, относящіяся до этого предмета. Такъ В. И. Ламанскій, занимавшійся

---

[1]) Напечатано въ Зап. Имп. Русс. Г. О за 1863 г., кн. I стр. 1—20.

[2]) Орудіе это вѣроятно служило для обработки земли.

[3]) См. Вѣсти. И. Р. Г. О. 1860 г., XXIX Отд. II, стр. 67—120 П. Алабинъ, «Ананьинскіе могильники».

[4]) Сообщеніе его, появившееся въ Зап. И. Р. Г. О. за 1864 г., подъ заглавіемъ «Нѣкотор. сообраз. о первобыт. жителяхъ въ Сѣв. Россіи», непосредственно вызвано появленіемъ въ 1863 г., въ Запис. Общ. 1863 г. сообщенія К. М. Бэра.

изслѣдованіями въ Государственномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ своей статьѣ „Старинная Русская Картографія" [1]), сообщилъ любопытное извлеченіе изъ составленной въ 1713 г. описи дѣламъ Тайнаго Приказа, заключающее въ себѣ свѣдѣнія о множествѣ различныхъ чертежей, составленныхъ въ XVII столѣтіи, которые тогда велѣно было взять въ Ближнюю Канцелярію [2]). При этомъ случаѣ В. И. Ламанскій высказалъ такое мнѣніе: „Обиліе чертежей убѣдительно доказало, что въ XVII вѣкѣ на Руси чертежное дѣло было не новостію"; а неопровергнутое никѣмъ извѣстіе Татищева, будто Іоаннъ Грозный еще „въ 1552 г. велѣлъ землю измѣрить и чертежъ государства сдѣлать", въ свою очередь можетъ служить доказательствомъ, что такое обширное предпріятіе не могло бы осуществиться, если бы не существовало уже частныхъ опытовъ и слѣдовательно должно допустить существованіе отдѣльныхъ чертежей на Руси еще въ первой половинѣ XVI вѣка.

Кромѣ того В. И. Ламанскій, въ общемъ собраніи 2 марта 1860 г., представляя подлинные чертежи, хранившіеся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ: 1) городамъ, лежащимъ по рѣкамъ Дону, Окѣ и Волгѣ отъ Москвы до Астрахани; 2) городамъ и селамъ нынѣшней Казанской губерніи; 3) городу Олонцу; 4) Саранску и рѣкъ впадающихъ въ Алатырь; 5) Кашину съ слободами; 6) Пскову; 7) Витебску и 8) чертежъ и описаніе учиненное стольникомъ Максимомъ Цызаревымъ, начавъ отъ Витебска вверхъ до вершинъ Двины рѣки,—сообщилъ нѣсколько новыхъ данныхъ о старинномъ Русскомъ землевѣдѣніи.

По мнѣнію В. И. Ламанскаго землевѣдѣніе въ старой Руси хотя и не могло быть особенно развито, по причинѣ простоты и несложности тогдашней русской жизни, тѣмъ не менѣе русское общество предпринимало зависящія отъ себя средства, для узнанія доступной ему тогда истины. Съ этой точки зрѣнія и на труды нашихъ предковъ въ области землевѣдѣнія нельзя глядѣть безъ уваженія. Представляя бѣглый обзоръ источниковъ географическихъ познаній древней Руси, В. И. Ламанскій указалъ на разныя сочиненія византійскія и латинскія, въ подлинникахъ и въ болгарскихъ, сербскихъ и русскихъ переводахъ извѣстныя на Руси, и болѣе подробно остановился на характеристикѣ распространенныхъ тогда „Космографій". Особенно важнымъ средствомъ пріобрѣтенія познаній о различныхъ странахъ служили „хожденія русскихъ людей" и составленныя о томъ записки. „Статейные списки" нашихъ пословъ къ иностраннымъ дворамъ представляютъ также вообще любопытный географическій матерьялъ, а нѣкоторые изъ нихъ заключаютъ въ себѣ не мало научнаго интереса. Что касается трудовъ нашихъ предковъ по изученію самой Россіи, то замѣчательный шагъ впередъ сдѣ-

[1]) Вѣстникъ XXVII, смѣсь, стр. 11—18.

[2]) Эта опись напечатана вполнѣ, въ изданномъ подъ редакціею В. И. Ламанскаго, 2 томѣ «Записокъ Славяно-Русскаго Отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества» стр. 1—43 (Спб. 1861 г. in 8°).

ланъ былъ въ ту пору, когда для Московскаго Правительства, въ видахъ чисто административныхъ, нужно было собирать точныя и вѣрныя свѣдѣнія о различныхъ областяхъ. Въ этотъ періодъ началась и дѣятельно производилась „мѣра и опись“ земель и такимъ образомъ составились „Писцовыя книги“, а быть можетъ, тогда же появились и первые „чертежи“. Писцовыя книги весьма много говорятъ въ пользу живой практической мудрости тогдашняго Русскаго Правительства и служатъ очевиднымъ доказательствомъ того, что оно прилагало много заботъ къ извѣданію страны, которою оно было призвано управлять.

Въ 1863 г., Г. С. Куклинскій, изъ Бѣлостока, выслалъ на разсмотрѣніе Общества двѣ карты, составленныя по „Книгѣ Большаго Чертежа“ и довольно обширную рукопись, заключающую въ себѣ примѣчанія къ нимъ. Отдѣленіе образовало для разсмотрѣнія ихъ особую Коммиссію, членами которой были избраны: П. И. Савваитовъ, М. О. Кояловичъ, Н. В. Калачовъ, А. А. Куникъ и Д. А. Кропотовъ.

По разсмотрѣніи этихъ картъ и рукописи, Коммиссія нашла, что онѣ тѣ же самыя, которыя были доставлены еще въ 1856 г., въ отвѣтъ на задачу Отдѣленія „О книгѣ Большаго Чертежа“, но при всемъ томъ Коммиссія признавала, что труды Куклинскаго полезно было бы издать, какъ матерьялъ для будущихъ розысканій относительно древней карты Большаго Чертежа и по возможности вѣрнаго ея возстановленія.

Въ концѣ концовъ Коммиссія, обсуждая планъ изданія этихъ трудовъ, пришла къ убѣжденію, что нужно вновь напечатать и самую „Книгу Большаго Чертежа“, какъ потому, что всѣ прежнія изданія этого важнаго памятника сдѣлались библіографическими рѣдкостями, такъ и потому, что и самое послѣднее изъ нихъ (Г. И. Спасскаго, въ 1846 г.) не заключало въ себѣ свода всѣхъ извѣстныхъ списковъ „Книги“, между которыми есть весьма замѣчательные по варіантамъ. Составить такой сводъ и приготовить его къ печати вызвался членъ Коммиссіи (Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Этнографіи) Н. В. Калачовъ. Прочіе члены Коммиссіи изъявили готовность принять на себя редакцію изданія картъ Куклинскаго и дополненіе принадлежащихъ къ нимъ примѣчаній и объясненій, подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что всѣ отдѣльныя изслѣдованія будутъ соглашены между собою и приведены къ единству взгляда.

Отдѣленіе Этнографіи, принимая вполнѣ заключенія Коммиссіи, вошло въ Совѣтъ Общества съ представленіемъ объ изданіи картъ и объясненій къ нимъ, съ присоединеніемъ и новаго изданія самой Книги Большаго Чертежа. Къ сожалѣнію представленіе это попало въ Совѣтъ въ эпоху самаго сильнаго безденежья Общества.

Совѣтъ, посвятивъ обсужденію представленія Отдѣленія почти два засѣданія (22 февраля и 27 марта 1864 г.) и послѣ продолжительныхъ и горячихъ преній, отказалъ ассигновать особую сумму на изданіе труда Куклинскаго.

что было бы желательно предполагаемое изданіе снабдить картами, составленными на основаніи Писцовыхъ книгъ.

Совѣтъ, принявъ во вниманіе отзывъ Археографической Коммиссіи и заявленіе, сдѣланное Ревизіонною Коммиссіею, въ засѣданіи 11 марта 1869 г., призналъ осуществленіе означеннаго предположенія въ средѣ Общества весьма полезнымъ, съ тѣмъ однако, чтобы при составленіи извлеченій обращено было вниманіе: 1) На группировку предметовъ, заключающихся въ Писцовыхъ книгахъ, въ географическомъ порядкѣ, съ соблюденіемъ по мѣрѣ возможности, подраздѣленій на области и уѣзды, — такъ какъ, при надлежащемъ географическомъ распредѣленіи каждая часть изданія будетъ представлять совершенно законченный отдѣлъ и можетъ имѣть значеніе и принести пользу даже въ томъ случаѣ, если бы изданіе по какимъ-либо обстоятельствамъ не могло быть доведено до окончанія. 2) Чтобы при выборкѣ изъ Писцовыхъ книгъ разнаго рода свѣдѣній было соблюдаемо во всемъ изданіи полное однообразіе и послѣдовательность. Это правило относится въ особенности до числовыхъ данныхъ. Если извѣстнаго рода статистическія свѣдѣнія, касающіяся какой либо мѣстности, войдутъ въ составъ извлеченія, то необходимо, чтобы однородныя свѣдѣнія, относящіяся до другой мѣстности, ни въ какомъ случаѣ не были пропускаемы. 3) Совѣтъ не могъ не принять также во вниманіе заявленія, сдѣланнаго Археографическою Коммиссіею о томъ, что было бы весьма желательно присоединить къ предполагаемому изданію географическія карты, съ нанесеніемъ на нихъ разными красками или разными шрифтами мѣстностей, по мѣрѣ появленія ихъ въ Писцовыхъ книгахъ. Такія карты представляли бы самый надежный и богатый матерьялъ для изученія постепеннаго заселенія Россіи и движенія въ ней народонаселенія и для рѣшенія многихъ другихъ географическихъ и статистическихъ вопросовъ.

Постановленіе Совѣта, чрезъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Статистики, было сообщено особой Коммиссіи по предмету изданія свѣдѣній изъ Писцовыхъ книгъ, и она, въ засѣданіи 22 марта 1869 г., по разсмотрѣніи каждаго изъ трехъ пунктовъ въ отдѣльности, опредѣлила: 1) Руководствуясь въ общемъ планѣ изданія распредѣленіемъ Писцовыхъ книгъ на три хронологическія группы, уже признанныя за главное основаніе въ трудѣ,—при изданіи каждой хронологической группы держаться порядка географическаго; 2) Соблюденіе полнаго однообразія въ самомъ извлеченіи свѣдѣній, въ особенности числовыхъ данныхъ, составляетъ несомнѣнно существенную необходимость разсматриваемаго труда: въ этихъ видахъ въ предисловіи къ изданію оговорить пріемы, которыми редакція намѣрена руководствоваться въ трудѣ, при комбинаціи статистическихъ данныхъ; 3) Выражая свое полное сочувствіе къ желанію имѣть карты при изданіи, Коммиссія однако пришла къ заключенію, что составленіе подобныхъ картъ неминуемо потребуетъ обширнаго спеціальнаго труда и особыхъ съ этою цѣлью изслѣдованій, и потому возможно только по окончаніи всего изданія извлеченій изъ Писцовыхъ книгъ.

вопроса о времени появленія „Чертежа“ и, путемъ историческаго анализа, по возможности опредѣлить тѣ періоды, когда „Чертежъ“ былъ возобновляемъ со временъ Іоанна IV включительно до времени Ѳеодора Алексѣевича.

Что же касается до Писцовыхъ книгъ, то успѣшный оборотъ принялъ въ разсматриваемомъ періодѣ вопросъ объ ихъ изданіи, когда въ Общемъ Собраніи Общества 4 дек. 1868 г. Д.-Чл. Н. В. Калачовъ прочиталъ свою статью: „О значеніи Писцовыхъ книгъ для изученія исторической географіи, этнографіи и внутренняго быта Россіи и о необходимости изданія свѣдѣній, изъ нихъ извлеченныхъ“.

Напомнивъ присутствующимъ, что въ средѣ Географическаго Общества была встрѣчена съ живымъ сочувствіемъ и нашла себѣ осуществленіе первая попытка изданія историко-географическихъ свѣдѣній, извлеченныхъ изъ Писцовыхъ книгъ, именно извѣстный трудъ незабвеннаго К. А. Неволина „О новгородскихъ пятинахъ“ — Н. В. Калачовъ объяснилъ, что съ тѣхъ поръ, какъ наши архивы сдѣлались доступными для научныхъ изысканій, наука не въ правѣ обходить всю ту массу писцовыхъ и межевыхъ книгъ, которую завѣщала намъ древняя Россія, какъ самое наглядное и вѣрное выраженіе ея администраціи и внутренняго быта. По мнѣнію Калачова, записи, подобныя Писцовымъ книгамъ, суть чисто туземное учрежденіе, основы котораго являются въ самую раннюю эпоху существованія Русскаго государства. На основаніи данныхъ, представляемыхъ многими договорными и другими граматами XII, XIII, XIV и XV вѣковъ, можно считать несомнѣннымъ, что уже въ удѣльный періодъ существовали списки тѣхъ мѣстностей, съ которыхъ княжескіе посадники собирали дань, съ обозначеніемъ предметовъ и количества дани, и становъ или погостовъ, гдѣ были учреждены стоянки даньщиковъ. Въ XVI же и XVII вѣкахъ Писцовыя книги являются уже результатомъ отчетливо сознанной и проведенной правительствомъ системы описанія земель, для взиманія, на основаніи этого описанія, людей на службу и разнаго рода казенныхъ сборовъ; такъ что въ это время распространеніе предѣловъ русскаго государства уже постоянно сопровождается посылкою во вновь пріобрѣтенныя области и города писцовъ для производства тамъ переписей. Такимъ образомъ составленныя и дополненныя въ разныя царствованія отъ Іоанна III до начала XVIII вѣка писцовыя, межевыя, переписныя, засѣчныя и другія по описанію земель книги сохранились въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи въ количествѣ слишкомъ 3.000 текстовъ или редакцій, относящихся къ болѣе чѣмъ 100 городамъ и пригородамъ, съ ихъ уѣздами. Нѣкоторая доля этихъ книгъ ограничивается лишь весьма небольшими участками земли, но большая часть ихъ заключаетъ въ себѣ полныя описанія городовъ, съ ихъ уѣздами и съ опредѣленіемъ сборовъ, взимавшихся съ жителей. Изъ этого понятно, какое важное значеніе имѣютъ эти документы для разработки географіи и внутренняго быта древней Россіи. Заключая въ себѣ массу названій различныхъ географическихъ мѣстностей, подробный

перечень городскихъ построекъ, описаніе внутренняго украшенія церквей и монастырей, численныя данныя о населеніи городскомъ и сельскомъ, означеніе ихъ промысловъ и взимаемыхъ съ нихъ сборовъ, вышеупомянутые документы представляютъ множество новыхъ свѣдѣній, равно любопытныхъ для географа, статистика, этнографа, археолога, юриста, и финансиста. Принимая во вниманіе такую чрезвычайную научную важность Писцовыхъ книгъ, Н. В. Калачовъ заявлялъ о необходимости обнародованія заключающихся въ нихъ свѣдѣній, и о томъ, что выполненіе подобнаго предпріятія, по его мнѣнію, составляло почти нравственную обязанность Русскаго Географическаго Общества.

Чтеніе Н. В. Калачова, пробудило давнія стремленія Общества къ тому, чтобы сдѣлать Писцовыя книги общимъ достояніемъ всѣхъ, кто занимается историческимъ изученіемъ состоянія Русской Земли и Русскаго Народа въ періодъ полнаго и всесторонняго развитія Московскаго государства, обнимающій пространство двухъ сотъ лѣтъ. Ближе и болѣе всего въ этомъ вопросѣ заинтересованы были Этнографическое и Статистическое Отдѣленія Общества и члены этихъ Отдѣленій тогда же условились собраться въ соединенное засѣданіе для тщательнаго обсужденія предложеній Н. В. Калачова.

Это соединенное засѣданіе состоялось 12 декабря 1868 г. и отличалось особенною оживленностію происходившихъ въ ней преній, которыя сформулировались въ положительное и категорически выраженное желаніе, чтобы Общество приняло мѣры къ изданію Писцовыхъ книгъ.

Н. В. Калачовъ въ этомъ засѣданіи высказалъ, что, такъ какъ полное изданіе всей массы Писцовыхъ книгъ неосуществимо, по чрезвычайной обширности такого предпріятія, то и необходимо обнародовать научныя данныя, заключающіяся въ этихъ документахъ, по особому способу. По мнѣнію ученаго референта, способъ этотъ долженъ былъ состоять „въ искусной выборкѣ изъ Писцовыхъ книгъ всѣхъ тѣхъ свѣдѣній, которыя могутъ интересовать того или другаго изслѣдователя; такая выборка чрезвычайно облегчалась итогами, находящимися въ самыхъ книгахъ послѣ описанія каждаго стана или волости и составляющими сводъ всѣхъ цифръ о числѣ селъ, деревень, погостовъ и починковъ, а въ нихъ дворовъ и жителей, о количествѣ владѣемой ими и пустой оброчной земли, о другихъ угодьяхъ и наконецъ о платимыхъ ими повинностяхъ. Извлеченіе такого рода, не будучи слишкомъ обширнымъ, составило-бы въ своей совокупности ту именно работу, по Писцовымъ книгамъ, которую желательно имѣть для разнаго рода изслѣдованій по древней Россіи и осуществленіе которой вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣятельности Географическаго Общества“. Вмѣстѣ съ этимъ Н. В. Калачовъ представилъ, какъ опытъ подобнаго извлеченія, составленное подъ его наблюденіемъ, сокращеніе Писцовой книги города Тамбова и его уѣзда, помѣщенное въ IV выпускѣ „Лѣтописи занятій Археографической Коммиссіи“ (Спб. 1869.).

Какъ и слѣдовало ожидать, предложеніе Н. В. Калачова, вызвало различныя замѣчанія, какъ относительно вообще изданія Писцовыхъ книгъ, такъ и способа, изложеннаго въ запискѣ [1]). Нѣкоторые изъ членовъ (преимущественно А. П. Заблоцкій-Десятовскій и П. И. Савваитовъ, подъ редакціею котораго изданы были Писцовыя книги Деревской пятины) высказали, что „Писцовыя книги должны быть издаваемы не иначе, какъ вполнѣ, потому именно, что при сокращенномъ изданіи, какъ бы ни было оно искусно редактировано, всегда могутъ быть опущены такія подробности, которыя могутъ имѣть научное значеніе“. Другіе члены (особенно В. И. Вешняковъ и И. И. Вильсонъ) допускали возможность изданія Писцовыхъ книгъ въ сокращенномъ видѣ, если только для успѣшнаго и единообразнаго исполненія этого труда будетъ установлена опредѣленная программа, которою руководствовались бы лица, принимающія на себя выборку свѣдѣній изъ Писцовыхъ книгъ; такъ предложено составлять эти извлеченія въ формѣ таблицъ, что значительно сократило бы объемъ самого изданія и потребныя на него издержки. Иные изъ членовъ (преимущественно А. Б. фонъ-Бушенъ) заявили желаніе имѣть свѣдѣнія изъ Писцовыхъ книгъ по всей Россіи за одну какую-либо эпоху, или, по крайней мѣрѣ, за одинъ возможно короткій періодъ времени, такъ какъ только такого рода свѣдѣнія могли имѣть значеніе въ статистическомъ отношеніи.

Въ отвѣтъ на эти заявленія Н. В. Калачовъ объяснилъ, что пользу изданія Писцовыхъ книгъ во всей ихъ буквальности онъ не отвергаетъ, но считаетъ такое предпріятіе вполнѣ неосуществимымъ, какъ это уже доказывается отчасти опытомъ, сдѣланнымъ Археологическою Коммиссіею. Что же касается изданія извлеченій въ формѣ таблицъ, то этотъ способъ представляетъ два неудобства: во 1-хъ, табличная форма совершенно уничтожаетъ свойственный Писцовымъ книгамъ характеръ описанія мѣстностей; во 2-хъ, въ форму таблицъ нѣтъ возможности умѣстить большую часть свѣдѣній, заключающихся въ книгахъ. Относительно же изданія свѣдѣній за извѣстный краткій періодъ, онъ замѣтилъ, что такое требованіе трудно удовлетворить потому, что сохранившіяся и доселѣ извѣстныя книги разныхъ мѣстностей относятся къ различнымъ эпохамъ и что книгъ по всей Россіи за одну какую-либо эпоху не сохранилось.

Когда изъ разнообразія высказанныхъ мнѣній обнаружилось, что въ многолюдномъ собраніи соединенныхъ Отдѣленій трудно будетъ прійти къ окончательному разрѣшенію вопроса, то предложили составить Коммиссію для обсужденія подробностей поднятаго чтеніемъ Калачова вопроса. Въ составъ этой Коммиссіи избраны были: А. И. Артемьевъ, В. И. Вешняковъ, Н. В. Калачовъ, Д. А. Кропотовъ, А. Б. фонъ-Бушенъ и И. И. Вильсонъ и приглашены къ участію секретари: Общества — баронъ Ѳ. Р. Остенъ-Са-

[1]) Извѣстія, 1869, Отд. I, стр. 24. Статья Н. В. Калачова была напечатана вполнѣ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» № 4, въ 1869 г.

принять инціативу въ дѣлѣ усовершенствованія статистики движенія населенія [1]).

По надлежащей разработкѣ этого вопроса въ Центр. Статист. Комитетѣ и послѣ необходимыхъ сношеній съ оберъ-прокуроромъ Св. Синода гр. Д. А. Толстымъ, по всеподданнѣйшему его докладу и согласно съ отзывами Св. Синода и Министра Внутр. Дѣлъ, послѣдовало въ ноябрѣ 1865 г. Высочайшее повелѣніе о порядкѣ составленія и сообщенія Губерн. Статист. Комитетамъ статистическихъ свѣдѣній изъ церковныхъ книгъ и актовъ. Вслѣдствіе сего, по соглашенію Св. Синода съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, въ Центр. Статист. Комитетѣ составлены были подробныя правила и формы для извлеченія данныхъ изъ метрическихъ книгъ, въ несравненно большей подробности, чѣмъ то было прежде. Свѣдѣнія въ этомъ видѣ должны были представляться ежегодно изъ каждаго прихода непосредственно въ губернскіе Статистическіе Комитеты, на которые, какъ на учрежденія знакомыя съ техникою статистическаго дѣла, и возложенъ былъ сводъ свѣдѣній о движеніи населенія въ общія таблицы, по указаніямъ Центр. Статист. Комитета. Введеніе такого усовершенствованнаго порядка для статистической разработки движенія населенія принесло свои плоды только въ послѣдующемъ періодѣ.

Въ 1865 же году въ Отдѣленіи Статистики былъ возбужденъ и еще одинъ вопросъ, относящійся до статистики движенія населенія. Вопросъ этотъ возникъ въ Отдѣленіи по поводу письма Главнаго Регистратора Англіи (т. е. директора статистики населенія въ Лондонѣ), доктора Фарра, къ секретарю Отдѣленія, А. Б. Бушену, о пользѣ введенія въ столицахъ Россіи, Петербургѣ и Москвѣ, регистраціи болѣзней и причинъ смертности. Ученый англійскій статистикъ просилъ Отдѣленіе обратить особое вниманіе на важность этого вопроса и ходатайствовать объ осуществленіи правильной регистраціи причинъ смертности въ Петербургѣ, что дало бы, со временемъ, возможность дополнить и повѣрить результаты изысканій, произведенныхъ уже въ другихъ столицахъ Европы. Отдѣленіе приняло это сообщеніе съ живѣйшимъ сочувствіемъ, и, обсудивъ главныя начала вопроса и существующія уже у насъ пособія и средства для введенія регистраціи, а также представлявшіяся къ сему препятствія, просило окончательно Дѣйств. Чл. П. П. Семенова внести въ Статистическій Совѣтъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ соображенія Отдѣленія, касательно возможности введенія въ С.-Петербургѣ правильной регистраціи причинъ смертности.

Ходатайство Отдѣленія, съ настойчивостью поддержанное и проведенное въ правительственныхъ сферахъ П. П. Семеновымъ, имѣло послѣдствіемъ

---

[1]) Измѣненія противъ прежняго заключались въ слѣдующемъ: 1) всѣ данныя распредѣляются по мѣсяцамъ; 2) при рожденіяхъ показываются мертворожденные, близнецы и подкидыши; 3) умершіе распредѣляются по возрастамъ погодно, а дѣти ниже 1 года по 3-хъ мѣсячн. группамъ; 4) при бракахъ показывается возрастъ и семейное состояніе жениха и невѣсты.

Совѣтъ Общества отнесся къ представленію соединенныхъ Отдѣленій съ живымъ сочувствіемъ; но въ тоже время, желалъ дѣйствовать съ крайнею осторожностью. Имѣя въ виду, что Археографическая Коммиссія, на которую возложена обязанность изданія древнихъ актовъ, уже начала печатаніе Писцовыхъ книгъ вполнѣ, Совѣтъ опасался, такъ сказать, вторгнуться въ кругъ дѣятельности другаго учрежденія, хотя и зналъ, что Археографическая Коммиссія пріостановила продолженіе своего изданія. Вслѣдствіе сего Совѣтъ, 30 января 1869 г., постановилъ: предварительно обсужденія вопроса о томъ, какія средства могутъ быть употреблены на предполагаемое изданіе извлеченій изъ Писцовыхъ книгъ, снестись съ Археографическою Коммиссіею, не встрѣчаетъ ли она съ своей стороны препятствій къ предполагаемому Обществомъ изданію, для чего сообщить и выработанную Отдѣленіями Статистики и Этнографіи программу; а если Коммиссія не встрѣчаетъ препятствій, то не изъявитъ ли она согласія принять участіе въ означенномъ предпріятіи.

Въ это самое время члены Ревизіонной Коммиссіи (А. К. Гирсъ, П. И. Савваитовъ, М. О. Кояловичъ, И. П. Корниловъ, А. Б. фонъ-Бушенъ, И. И. Вильсонъ, Ѳ. Г. Тернеръ и Ю. А. Гагемейстеръ), разсматривавшіе отчетъ Общества за 1868 годъ, въ виду важности вопроса объ изданіи Писцовыхъ книгъ, сочли долгомъ присоединить и свой голосъ къ ходатайству двухъ Отдѣленій.

Принимая въ соображеніе, съ одной стороны то, что изданіемъ труда покойнаго К. А. Неволина и увѣнчаніемъ его высшею своею наградою, Общество, уже 20 лѣтъ тому назадъ, заявило о своемъ вниманіи къ этому роду научной дѣятельности, а съ другой—то, что пріостановленное Археографическою Коммиссіею буквальное воспроизведеніе Писцовыхъ книгъ не обѣщаетъ возобновиться, а возобновившись не можетъ обѣщать скораго окончанія,—члены Ревизіонной Коммиссіи находили, что „способъ изданія предложенный Н. В. Калачовымъ, сохраняя за Писцовыми книгами все значеніе ихъ, какъ богатѣйшаго матерьяла для изслѣдованія всѣхъ сторонъ внутренняго быта допетровской Россіи, даетъ возможность привести это дѣло къ скорому концу. Но независимо отъ важности самаго предмета, возбуждающаго сочувствіе всѣхъ друзей отечествовѣдѣнія, Ревизіонная Коммиссія выразила твердую увѣренность въ успѣхѣ предпріятія, въ виду высокихъ качествъ того ученаго, который обязательно принималъ на себя выполненіе этого дѣла.

Между тѣмъ полученъ былъ и отзывъ Археографической Коммиссіи по этому предмету. Коммиссія увѣдомляла, что предполагаемое Обществомъ изданіе извлеченій изъ Писцовыхъ книгъ она отнюдь не можетъ считать какимъ-либо нарушеніемъ ея собственныхъ издательскихъ правъ и высказывая полное сочувствіе къ предпріятію, выразило сожалѣніе, что не можетъ принять участіе въ этомъ изданіи, какъ по ограниченности денежныхъ средствъ, такъ и потому, что, согласно своему уставу, она имѣетъ предметомъ только изданіе полныхъ текстовъ, а не извлеченій. Вмѣстѣ съ этимъ Коммиссія высказала,

что было бы желательно предполагаемое изданіе снабдить картами, составленными на основаніи Писцовыхъ книгъ.

Совѣтъ, принявъ во вниманіе отзывъ Археографической Коммиссіи и заявленіе, сдѣланное Ревизіонною Коммиссіею, въ засѣданіи 11 марта 1869 г., призналъ осуществленіе означеннаго предположенія въ средѣ Общества весьма полезнымъ, съ тѣмъ однако, чтобы при составленіи извлеченій обращено было вниманіе: 1) На группировку предметовъ, заключающихся въ Писцовыхъ книгахъ, въ географическомъ порядкѣ, съ соблюденіемъ по мѣрѣ возможности, подраздѣленій на области и уѣзды, — такъ какъ, при надлежащемъ географическомъ распредѣленіи каждая часть изданія будетъ представлять совершенно законченный отдѣлъ и можетъ имѣть значеніе и принести пользу даже въ томъ случаѣ, если бы изданіе по какимъ-либо обстоятельствамъ не могло быть доведено до окончанія. 2) Чтобы при выборкѣ изъ Писцовыхъ книгъ разнаго рода свѣдѣній было соблюдаемо во всемъ изданіи полное однообразіе и послѣдовательность. Это правило относится въ особенности до числовыхъ данныхъ. Если извѣстнаго рода статистическія свѣдѣнія, касающіяся какой либо мѣстности, войдутъ въ составъ извлеченія, то необходимо, чтобы однородныя свѣдѣнія, относящіяся до другой мѣстности, ни въ какомъ случаѣ не были пропускаемы. 3) Совѣтъ не могъ не принять также во вниманіе заявленія, сдѣланнаго Археографическою Коммиссіею о томъ, что было бы весьма желательно присоединить къ предполагаемому изданію географическія карты, съ нанесеніемъ на нихъ разными красками или разными шрифтами мѣстностей, по мѣрѣ появленія ихъ въ Писцовыхъ книгахъ. Такія карты представляли бы самый надежный и богатый матерьялъ для изученія постепеннаго заселенія Россіи и движенія въ ней народонаселенія и для рѣшенія многихъ другихъ географическихъ и статистическихъ вопросовъ.

Постановленіе Совѣта, чрезъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Статистики, было сообщено особой Коммиссіи по предмету изданія свѣдѣній изъ Писцовыхъ книгъ, и она, въ засѣданіи 22 марта 1869 г., по разсмотрѣніи каждаго изъ трехъ пунктовъ въ отдѣльности, опредѣлила: 1) Руководствуясь въ общемъ планѣ изданія распредѣленіемъ Писцовыхъ книгъ на три хронологическія группы, уже признанныя за главное основаніе въ трудѣ,—при изданіи каждой хронологической группы держаться порядка географическаго; 2) Соблюденіе полнаго однообразія въ самомъ извлеченіи свѣдѣній, въ особенности числовыхъ данныхъ, составляетъ несомнѣнно существенную необходимость разсматриваемаго труда: въ этихъ видахъ въ предисловіи къ изданію оговорить пріемы, которыми редакція намѣрена руководствоваться въ трудѣ, при комбинаціи статистическихъ данныхъ; 3) Выражая свое полное сочувствіе къ желанію имѣть карты при изданіи, Коммиссія однако пришла къ заключенію, что составленіе подобныхъ картъ неминуемо потребуетъ обширнаго спеціальнаго труда и особыхъ съ этою цѣлью изслѣдованій, и потому возможно только по окончаніи всего изданія извлеченій изъ Писцовыхъ книгъ.

Какъ только послѣдовало согласіе Совѣта Общества на предполагавшееся изданіе, Н. В. Калачовъ немедленно приступилъ къ предварительнымъ работамъ, начавъ съ книгъ XVI столѣтія, которыя должны были войдти въ первую серію изданія. Свѣдѣнія о Писцовыхъ книгахъ, хранящіяся въ Московскихъ Архивахъ Министерствъ Юстиціи и Иностранныхъ Дѣлъ, а также въ Румянцовскомъ Музеѣ уже и прежде были имъ собраны; а тутъ онъ привелъ въ извѣстность книги, какъ хранящіяся въ библіотекахъ: Императорской Публичной и Академіи Наукъ, такъ и заключающіяся въ Литовской метрикѣ при Департаментѣ Герольдіи. Доводя объ этомъ до свѣдѣнія Коммиссіи по изданію извлеченій изъ Писцовыхъ книгъ, онъ заявилъ, что изъ всѣхъ имѣющихся въ виду книгъ онъ полагалъ не включать совершенно въ изданіе книгъ XVI вѣка, относящихся до Новгородскихъ Пятинъ, такъ какъ Археографическою Коммиссіею предпринято текстуальное ихъ изданіе, которое, хотя и пріостановлено въ послѣднее время, однако не можетъ считаться вовсе прекращеннымъ. Остающіяся за тѣмъ книги онъ положилъ раздѣлить для печати на нѣсколько группъ, изъ которыхъ каждая заключала бы въ себѣ Писцовыя книги городовъ, находящихся теперь въ предѣлахъ одной губерніи. Вслѣдъ за извлеченіемъ изъ Писцовой книги описанія города должно было печататься извлеченіе изъ описанія его уѣзда, въ тѣхъ границахъ, въ какихъ былъ уѣздъ при составленіи книги, хотя бы онъ заходилъ даже въ предѣлы другой губерніи; пріуроченіе же древнихъ уѣздовъ къ нынѣшнимъ, требуя особаго, спеціальнаго труда, побудило бы выйдти изъ рамокъ настоящаго изданія, которое имѣетъ цѣлью представить въ извлеченіи самыя Писцовыя книги. Въ тоже время, дѣленіе городовъ по губерніямъ давало возможность соблюсти одно изъ существенныхъ условій предпринимаемаго труда, чтобъ книги каждой хронологической группы были расположены въ порядкѣ географическомъ. Относительно порядка губерній Н. В. Калачовъ полагалъ принять за правило—идти отъ центра къ окружности, избравъ этимъ центромъ Москву. Въ частности группы 1-й серіи изданія, съ исключеніемъ повсюду книгъ Новгородскихъ Пятинъ, должны были быть слѣдующія: I. Книги губерніи Московской, II. Владимірской, III. Костромской, IV. Ярославской, V. Тверской, VI. Олонецкой, VII. Псковской, VIII. Витебской, IX. Смоленской, X. Калужской, XI. Орловской, XII. Тульской, XIII. Рязанской, XIV. Нижегородской, XV. Казанской и XVI. Пермской.

Съ конца 1869 года Н. В. Калачовъ принялся за свой громадный трудъ. Въ декабрѣ 1869 г. онъ сообщилъ Коммиссіи, что въ то время уже приводились къ окончанію изготовляемыя подъ его наблюденіемъ выписки изъ Писцовыхъ книгъ, долженствующія, согласно опредѣленію Коммиссіи, войти въ составъ I-го тома изданія; а потому онъ полагалъ приступить къ печатанію и начать съ извлеченій изъ Писцовыхъ книгъ XVI столѣтія губерніи Московской. Вмѣстѣ съ тѣмъ Н. В. Калачовъ предложилъ Коммиссіи нѣкоторые вопросы, касающіеся изданія, по которымъ состоялись нижеслѣдующія опредѣленія:

щательнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ долженствующаго, подъ названіемъ Статистическаго Совѣта, служить къ объединенію всѣхъ статистическихъ работъ, предпринимаемыхъ различными Министерствами и вѣдомствами, органа. Учрежденіе это собственно и осуществляло идею предложенной Географическимъ Обществомъ при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ Коммиссіи, при чемъ задача Статистическаго Совѣта, какъ учрежденія постояннаго, не должна была ограничиваться вопросами спеціально относящимися до производства народныхъ переписей, но и вообще до устройства статистической части въ Имперіи. Въ составъ этого Совѣта, Предсѣдателемъ котораго былъ назначенъ А. Г. Тройницкій, должны были войти, кромѣ будущаго Директора Центр. Статист. Комитета и Членовъ отъ Министерствъ, имѣющихъ статистическіе органы или ведущихъ статистическія записи и работы, еще и, согласно съ предложеніемъ Географическаго Общества, Предсѣдательствующій Отдѣленіемъ Статистики въ Обществѣ, Членъ Академіи Наукъ по части статистики и профессоръ С.-П.-Б. Университета по кафедрѣ этой науки.

Когда же Положеніе о преобразованіи статистическихъ учрежденій Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, пройдя черезъ Государственный Совѣтъ, удостоилось Высочайшаго утвержденія, то первымъ Директоромъ Центральнаго Статистич. Комитета былъ назначенъ (1 янв. 1864 г.), опять таки по настоянію А. Г. Тройницкаго, одинъ изъ наиболѣе выдающихся въ то время молодыхъ дѣятелей Географическаго Общества и крестьянской реформы—П. П. Семеновъ, бывшій уже въ 1862 г. Членомъ Статистическаго Совѣта и старшимъ делегатомъ Россіи на международномъ статистическомъ конгрессѣ въ Берлинѣ и занимавшійся въ то время однимъ изъ наиболѣе близкихъ статистикѣ предпріятій Общества—Географическо-Статистическимъ Словаремъ Россійской Имперіи.

Если принять въ соображеніе, что и въ редакторы Центральнаго Статистическаго Комитета попали лица, принадлежавшія большею частію къ выдающимся дѣятелямъ Географическаго Общества [1]), то понятно, что центръ тяжести дѣятельности этихъ лицъ по статистикѣ перенесся въ Центральный Статистическій Комитетъ, хотя Общество и по прежнему служило имъ сборнымъ пунктомъ для обмѣна мыслей по самымъ важнымъ вопросамъ, относящимся до статистическаго дѣла и точкою опоры для тѣхъ статистическихъ предпріятій и работъ, которыя, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не могли входить въ кругъ непосредственной дѣятельности Центральнаго Статистическаго Комитета.

Но и для вновь возникшихъ при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ Центральныхъ статистическихъ учрежденій время заботъ о введеніи пра-

---

[1]) Редакторами этими въ разсматриваемомъ періодѣ были большею частью часто упоминаемые въ исторіи Общества Д. Чл. его: А. И. Артемьевъ, А. Б. ф. Бушенъ, Е. К. Огородниковъ, И. И. Вильсонъ, М. Н. Раевскій, Л. Н. Майковъ, П. И. Бларамбергъ, В. В. Звѣринскій, И. И. Бокъ, В. О. Струве, а секретаремъ Комитета Д. Чл. Общ. Н. И. Зайцевскій.

въ первый разъ въ текстѣ, отмѣчался египетскимъ шрифтомъ; 3) въ каждой части прилагаются алфавитный указатель мѣстностей и фамилій и объясненія различныхъ терминовъ, встрѣчающихся въ книгахъ.

По единогласному желанію Коммиссіи Чл.-Сотр. Е. Е. Замысловскій признанъ постояннымъ членомъ Коммиссіи. По просьбѣ Предсѣдательствующаго Д. Чл. М. Н. Раевскій, занимавшійся дѣлопроизводствомъ въ Коммиссіи, въ качествѣ секретаря Отдѣленія Статистики, остался секретаремъ Коммиссіи.

Въ декабрѣ 1870 г. Н. В. Калачовъ сообщилъ Коммиссіи, что первый томъ предпринятаго изданія, котораго уже было отпечатано 20 листовъ, онъ раздѣлилъ, въ виду обилія матерьяла (всего съ отпечатаннымъ предвидѣлось до 120 листовъ), на два отдѣла, изъ которыхъ первый долженъ былъ заключать въ себѣ Писцовыя книги по губерніямъ Московской, Владимірской и Костромской. Оба отдѣла Н. В. Калачовъ полагалъ выпустить вмѣстѣ, чтобы заключить разомъ первую серію изданія, посвященную XVI вѣку. Редакціонныя работы привели Николая Васильевича къ убѣжденію въ необходимости предпослать изданію подробное введеніе, которое, главнымъ образомъ, должно было ознакомить съ правилами и способами землемѣрія къ древней Россіи, служащими ключомъ къ пониманію Писцовыхъ книгъ. Въ частности, введеніе должно было состоять изъ трехъ главъ: первая должна была заключать въ себѣ историческія свѣдѣнія, извлеченныя изъ нашихъ древнихъ памятниковъ по XVI столѣтіе включительно, о значеніи сохи и другихъ земляныхъ мѣръ, о приведеніи посредствомъ ихъ въ извѣстность количества и качества земли и связи этихъ мѣръ съ текстомъ Писцовыхъ книгъ. Глава вторая должна была быть посвящена изданію правилъ землемѣрія, коихъ изъ XVI столѣтія извѣстенъ только одинъ списокъ, а изъ XVII и XVIII вѣковъ большое число списковъ разныхъ редакцій, подъ названіемъ „книгъ сошнаго и вытнаго письма, землянаго верстанія“ и проч. Затѣмъ, въ третьей главѣ полагалось представить нѣкоторые выводы изъ содержанія Писцовыхъ книгъ, какъ-то, напр., статистическія данныя о количествѣ земель, о населенности различныхъ мѣстностей, составѣ древнихъ городовъ и селъ, о разныхъ способахъ сельскаго хозяйства, промыслахъ и т. п. Такъ какъ данныя эти болѣе или менѣе измѣняются по столѣтіямъ, то необходимо было составлять эту главу для каждаго тома отдѣльно, исключительно изъ Писцовыхъ книгъ, въ немъ помѣщенныхъ.

Коммиссія выразила свое согласіе на предположенія Н. В. Калачова. Пренія возникли лишь по вопросу о печатаніи, въ подлинникѣ, книгъ сошнаго письма,—такъ какъ было высказано мнѣніе, что для предисловія достаточно изложенія содержанія этихъ книгъ или изслѣдованія объ нихъ, самыя же книги, при спеціальномъ ихъ значеніи, могли бы составить особое изданіе; но большинство членовъ Коммиссіи, принимая во вниманіе, что книги сошнаго письма заключаютъ въ себѣ главное основаніе для составленія Писцовыхъ книгъ, и слѣдовательно для уразумѣнія ихъ, и что потому

что было бы желательно предполагаемое изданіе снабдить картами, составленными на основаніи Писцовыхъ книгъ.

Совѣтъ, принявъ во вниманіе отзывъ Археографической Коммиссіи и заявленіе, сдѣланное Ревизіонною Коммиссіею, въ засѣданіи 11 марта 1869 г., призналъ осуществленіе означеннаго предположенія въ средѣ Общества весьма полезнымъ, съ тѣмъ однако, чтобы при составленіи извлеченій обращено было вниманіе: 1) На группировку предметовъ, заключающихся въ Писцовыхъ книгахъ, въ географическомъ порядкѣ, съ соблюденіемъ по мѣрѣ возможности, подраздѣленій на области и уѣзды, — такъ какъ, при надлежащемъ географическомъ распредѣленіи каждая часть изданія будетъ представлять совершенно законченный отдѣлъ и можетъ имѣть значеніе и принести пользу даже въ томъ случаѣ, если бы изданіе по какимъ-либо обстоятельствамъ не могло быть доведено до окончанія. 2) Чтобы при выборкѣ изъ Писцовыхъ книгъ разнаго рода свѣдѣній было соблюдаемо во всемъ изданіи полное однообразіе и послѣдовательность. Это правило относится въ особенности до числовыхъ данныхъ. Если извѣстнаго рода статистическія свѣдѣнія, касающіяся какой либо мѣстности, войдутъ въ составъ извлеченія, то необходимо, чтобы однородныя свѣдѣнія, относящіяся до другой мѣстности, ни въ какомъ случаѣ не были пропускаемы. 3) Совѣтъ не могъ не принять также во вниманіе заявленія, сдѣланнаго Археографическою Коммиссіею о томъ, что было бы весьма желательно присоединить къ предполагаемому изданію географическія карты, съ нанесеніемъ на нихъ разными красками или разными шрифтами мѣстностей, по мѣрѣ появленія ихъ въ Писцовыхъ книгахъ. Такія карты представляли бы самый надежный и богатый матерьялъ для изученія постепеннаго заселенія Россіи и движенія въ ней народонаселенія и для рѣшенія многихъ другихъ географическихъ и статистическихъ вопросовъ.

Постановленіе Совѣта, чрезъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Статистики, было сообщено особой Коммиссіи по предмету изданія свѣдѣній изъ Писцовыхъ книгъ, и она, въ засѣданіи 22 марта 1869 г., по разсмотрѣніи каждаго изъ трехъ пунктовъ въ отдѣльности, опредѣлила: 1) Руководствуясь въ общемъ планѣ изданія распредѣленіемъ Писцовыхъ книгъ на три хронологическія группы, уже признанныя за главное основаніе въ трудѣ,—при изданіи каждой хронологической группы держаться порядка географическаго; 2) Соблюденіе полнаго однообразія въ самомъ извлеченіи свѣдѣній, въ особенности числовыхъ данныхъ, составляетъ несомнѣнно существенную необходимость разсматриваемаго труда: въ этихъ видахъ въ предисловіи къ изданію оговорить пріемы, которыми редакція намѣрена руководствоваться въ трудѣ, при комбинаціи статистическихъ данныхъ; 3) Выражая свое полное сочувствіе къ желанію имѣть карты при изданіи, Коммиссія однако пришла къ заключенію, что составленіе подобныхъ картъ неминуемо потребуетъ обширнаго спеціальнаго труда и особыхъ съ этою цѣлью изслѣдованій, и потому возможно только по окончаніи всего изданія извлеченій изъ Писцовыхъ книгъ.

Какъ только послѣдовало согласіе Совѣта Общества на предполагавшееся изданіе, Н. В. Калачовъ немедленно приступилъ къ предварительнымъ работамъ, начавъ съ книгъ XVI столѣтія, которыя должны были войдти въ первую серію изданія. Свѣдѣнія о Писцовыхъ книгахъ, хранящіяся въ Московскихъ Архивахъ Министерствъ Юстиціи и Иностранныхъ Дѣлъ, а также въ Румянцовскомъ Музеѣ уже и прежде были имъ собраны; а тутъ онъ привелъ въ извѣстность книги, какъ хранящіяся въ библіотекахъ: Императорской Публичной и Академіи Наукъ, такъ и заключающіяся въ Литовской метрикѣ при Департаментѣ Герольдіи. Доводя объ этомъ до свѣдѣнія Коммиссіи по изданію извлеченій изъ Писцовыхъ книгъ, онъ заявилъ, что изъ всѣхъ имѣющихся въ виду книгъ онъ полагалъ не включать совершенно въ изданіе книгъ XVI вѣка, относящихся до Новгородскихъ Пятинъ, такъ какъ Археографическою Коммиссіею предпринято текстуальное ихъ изданіе, которое, хотя и пріостановлено въ послѣднее время, однако не можетъ считаться вовсе прекращеннымъ. Остающіяся за тѣмъ книги онъ положилъ раздѣлить для печати на нѣсколько группъ, изъ которыхъ каждая заключала бы въ себѣ Писцовыя книги городовъ, находящихся теперь въ предѣлахъ одной губерніи. Вслѣдъ за извлеченіемъ изъ Писцовой книги описанія города должно было печататься извлеченіе изъ описанія его уѣзда, въ тѣхъ границахъ, въ какихъ былъ уѣздъ при составленіи книги, хотя бы онъ заходилъ даже въ предѣлы другой губерніи; пріуроченіе же древнихъ уѣздовъ къ нынѣшнимъ, требуя особаго, спеціальнаго труда, побудило бы выйдти изъ рамокъ настоящаго изданія, которое имѣетъ цѣлью представить въ извлеченіи самыя Писцовыя книги. Въ тоже время, дѣленіе городовъ по губерніямъ давало возможность соблюсти одно изъ существенныхъ условій предпринимаемаго труда, чтобъ книги каждой хронологической группы были расположены въ порядкѣ географическомъ. Относительно порядка губерній Н. В. Калачовъ полагалъ принять за правило—идти отъ центра къ окружности, избравъ этимъ центромъ Москву. Въ частности группы 1-й серіи изданія, съ исключеніемъ повсюду книгъ Новгородскихъ Пятинъ, должны были быть слѣдующія: I. Книги губерніи Московской, II. Владимірской, III. Костромской, IV. Ярославской, V. Тверской, VI. Олонецкой, VII. Псковской, VIII. Витебской, IX. Смоленской, X. Калужской, XI. Орловской, XII. Тульской, XIII. Рязанской, XIV. Нижегородской, XV. Казанской и XVI. Пермской.

Съ конца 1869 года Н. В. Калачовъ принялся за свой громадный трудъ. Въ декабрѣ 1869 г. онъ сообщилъ Коммиссіи, что въ то время уже приводились къ окончанію изготовляемыя подъ его наблюденіемъ выписки изъ Писцовыхъ книгъ, долженствующія, согласно опредѣленію Коммиссіи, войти въ составъ I-го тома изданія; а потому онъ полагалъ приступить къ печатанію и начать съ извлеченій изъ Писцовыхъ книгъ XVI столѣтія губерніи Московской. Вмѣстѣ съ тѣмъ Н. В. Калачовъ предложилъ Коммиссіи нѣкоторые вопросы, касающіеся изданія, по которымъ состоялись нижеслѣдующія опредѣленія:

Временника Россійской Имперіи“ довольно полный сборникъ по разнороднымъ отраслямъ статистики [1]). Замѣчательно, что въ этомъ „Временникѣ“, по просвѣщенному согласію на то Министра Финансовъ М. X. Рейтерна и разумѣется съ Высочайшаго разрѣшенія, были обнародованы въ первый разъ составлявшіе до того государственную тайну своды государственныхъ доходовъ по дѣйствительному ихъ поступленію съ 1832 по 1861 г. и государственныя росписи съ 1862 по 1866 годъ. Съ тѣхъ поръ разумѣется Министерство Финансовъ уже начало обнародовать государственныя росписи ежегодно.

Въ концѣ періода, а именно въ 1869 году, Центр. Статист. Комитету удалось уже и примѣнить впервые выработанныя имъ для Россіи, по указаніямъ науки и практики, пріемы народоисчисленія къ переписи жителей Петербурга. Перепись эта принята была на себя Центр. Статистичес. Комитетомъ съ цѣлью выясненія лучшихъ способовъ народоисчисленія городскаго населенія въ Россіи. Исполненная и разработанная подъ личнымъ руководствомъ П. П. Семенова и при участіи всего состава Центр. Статист. Комитета и большинства членовъ Отдѣленія Сстатистики, перепись эта дала для столицы цифру населенія на 130 тыс. (24%) большую противъ цифры текущихъ полицейскихъ списковъ, несостоятельность коихъ была вполнѣ доказана. Перепись 1869 г. уже послужила образцомъ всѣхъ послѣдующихъ городскихъ переписей, которыя предпринимались по мѣстной иниціативѣ, при дѣятельномъ содѣйствіи Цент. Статист. Комитета, въ различныхъ городахъ Имперіи. При разработкѣ же (depouillement) переписи 1869 года впервые была примѣнена система карточекъ, распространенная впослѣдствіи и на многія другія статистическія работы. Пріемы и результаты переписи были сообщены П. П. Семеновымъ въ Общемъ Собраніи Общества 1870 г. и напечатаны въ его „Извѣстіяхъ“ за этотъ годъ. Дальнѣйшее движеніе дѣла о переписяхъ принадлежитъ уже послѣдующему періоду.

Во всякомъ случаѣ Географическое Общество и въ разсматриваемомъ періодѣ увидѣло хотя отчасти осуществленіе тѣхъ стремленій къ усовершенствованію статистическаго дѣла въ Россіи, въ которомъ оно приняло и починъ въ предшедшемъ періодѣ и активное участіе въ разсматриваемомъ.

Сознавая вполнѣ, что осуществленіе статистическихъ переписей и веденіе служащихъ для статистики записей можетъ только лежать на правительственныхъ статистическихъ учрежденіяхъ (на желательную помощь которымъ могутъ

---

[1]) Статистическія свѣдѣнія, вошедшія въ составъ Сборника, относились до слѣдующихъ предметовъ: пространства (по уѣздамъ), общей численности населенія (тоже), населенія по сословіямъ и вѣроисповѣданіямъ (по губерніямъ), движенія населенія (по губерніямъ), численности населенныхъ мѣстностей (по губерніямъ), распредѣленія земель по главнымъ угодьямъ, добычи металловъ, производствъ обложенныхъ и необложенныхъ акцизомъ, внутренняго судоходства, движенія грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ, ярмарокъ, гильдейскихъ и промысловыхъ свидѣтельствъ, банковъ, акціонерныхъ обществъ, внѣшней торговли, количества скота, преступленій, учебныхъ заведеній, государственныхъ доходовъ и расходовъ, сухопутныхъ и морскихъ силъ.

съ нимъ относительно географическаго разграниченія ихъ изысканій. Въ Вятскомъ краѣ онъ обратилъ особенное вниманіе на слободу Кукарку (при впаденіи р. Пыжмы въ Вятку), составляющую важный центръ хлѣбной торговли, далеко преобладающій по своему комерческому значенію даже надъ всѣми сосѣдними городами.

Изъ Вятки Безобразовъ проѣхалъ черезъ гг. Слободской и Глазовъ къ верховьямъ Камы и потомъ проселками въ Оханскій уѣздъ Пермской губерніи. Онъ останавливался для своихъ изысканій въ г. Слободскомъ и въ особенности въ Глазовѣ, который составляетъ любопытный, крайне типическій, образчикъ городовъ Вятской губерніи, обязанныхъ всѣмъ своимъ благоденствіемъ посредничеству по архангельской торговлѣ. Но Глазовъ въ это время уже падалъ.

Проѣхавъ проселками въ с.-в. направленіи по Глазовскому уѣзду и потомъ по Оханскому и Соликамскому уѣздамъ (Пермской губерніи), черезъ Обвинскій край (около Обвы, притока Камы) въ село Ильинское, — центръ управленія имѣніями гр. Строгановой, и средоточіе торговли этой мѣстности,—Безобразовъ направился уже оттуда въ Пермь, по почтовому тракту, идущему по теченію Камы. Въ Перми онъ оставался довольно долго, для того, чтобы завязать связи къ изученію хлѣбной торговли, направляющейся отчасти черезъ посредство Перми къ сѣверу, къ Чердынскому краю, который снабжается исключительно съ низовьевъ Камы; въ Перми же, получившей все свое комерческое значеніе отъ устья Чусовой, Безобразовъ началъ ознакомливаться съ движеніемъ хлѣба вверхъ по Чусовой на Уралъ (преимущественно въ Тагилъ). Въ Перми же, какъ въ центрѣ губернскаго управленія, онъ могъ собрать много свѣдѣній по вопросу о правительственныхъ мѣрахъ къ обезпеченію народнаго продовольствія (между прочимъ объ обязательныхъ заводскихъ запасахъ),—вопросу, подвергавшемуся столь разнорѣчивымъ толкамъ и во многихъ отношеніяхъ обусловливавшему собою направленіе мѣстной хлѣбной торговли и хлѣбопашества.

Изъ Перми Безобразовъ проѣхалъ въ г. Кунгуръ, и по Кунгурскому уѣзду мало проѣзжимъ Серебрянскимъ (не почтовымъ) трактомъ переѣхалъ р. Чусовую у Ослянской пристани и направляясь по теченію Серебрянки, притока Чусовой, вверхъ, перевалилъ черезъ Уральскій хребетъ. На этомъ переѣздѣ, онъ изслѣдовалъ земледѣльческую мѣстность Кунгурскаго уѣзда, и въ особенности хлѣбную торговлю кунгурскихъ крестьянъ, играющую важную роль въ снабженіи зауральскаго горнозаводскаго края (Тагила и въ особенности Гороблагодатскаго казеннаго округа) и въ комерческомъ посредничествѣ между этимъ краемъ и хлѣбными запасами Камскаго бассейна.

За Ураломъ Безобразовъ былъ занятъ, преимущественно горными заводами, но на каждомъ изъ нихъ тщательно изслѣдовалъ условія мѣстнаго продовольствія. Начавъ свой объѣздъ зауральскаго горнозаводскаго края съ горы Благодати, онъ проѣхалъ на сѣверъ черезъ г. Верхотурье до самой крайней оконечности этого края, Богословскихъ горныхъ промысловъ въ Верхотурскомъ уѣздѣ. Гороблагодатскій и Богословскій горные округа (въ особенности послѣдній) представляли большой интересъ, какъ мѣстности, почти вовсе чуждыя хлѣ-

бопашеству, а зауральскій горнозаводскій край далъ запасъ наблюденій, весьма драгоцѣнныхъ по своей рѣдкости въ цивилизованныхъ европейскихъ государствахъ, — и именно наблюденій надъ самымъ первоначальнымъ ходомъ земледѣлія, при первомъ тамъ водвореніи земледѣльческаго населенія. Здѣсь еще продолжали расчищаться подъ покосы и пашни дикіе лѣса; необходимость заставляла приступать къ обработкѣ почвы, на которой хлѣбопашество признавалось прежде невозможнымъ, и въ мѣстностяхъ плодородныхъ и черноземныхъ, народонаселеніе съ жадностью, все болѣе и болѣе, предавалось хлѣбопашеству. Освобожденіе отъ обязательнаго горнозаводскаго труда, разстройство горнаго промысла, въ особенности на казенныхъ заводахъ, и упраздненіе прежней опеки крѣпостнаго права содѣйствовали въ то время усиленію хлѣбопашества. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникала и хлѣбная оптовая торговля, которой прежде здѣсь вовсе не было.

Возвращаясь изъ Богословскаго округа на югъ къ Алапаевску, Безобразовъ проѣхалъ восточною частью Верхотурскаго уѣзда, и изъ Алапаевска на западъ, черезъ Тагилъ и потомъ на югъ черезъ Екатеринбургъ до Каменскаго казеннаго завода. Въ этой части путешествія онъ могъ заняться, въ особенности въ Тагилѣ (Нижнетагильскѣ), главномъ хлѣбномъ рынкѣ по ту сторону Урала, и въ Екатеринбургѣ, вышеупомянутыми вопросами о развитіи хлѣбной торговли, и сверхъ того нѣсколько коснулся экскурсіями края (уѣзды Ирбитскій, Камышловскій, Шадринскій Пермской губерніи, и Челябинскій Оренбургской), составляющаго житницу восточнаго склона Средняго и Сѣвернаго Урала.

Отъ Екатеринбургскихъ горныхъ заводовъ до Златоуста, Безобразовъ изъѣздилъ въ разныхъ направленіяхъ горнозаводскій міръ, окружающій Уральскій хребетъ съ запада и востока, въ южной части Пермской губерніи и въ Уфимской, и расположенный между начинающимися здѣсь развѣтвленіями главнаго хребта; направясь черезъ Артинскій казенный заводъ въ Златоустъ, онъ ознакомился съ краемъ, составляющимъ бассейнъ р. Уфы. Изъ Златоуста онъ проѣхалъ въ г. Уфу, а оттуда черезъ Бирскъ, по теченію Бѣлой, на Мензелинскъ, выѣхалъ снова на Каму, къ Челнамъ (одной изъ главнѣйшихъ хлѣбныхъ пристаней на Нижней Камѣ). Эта часть его путешествія была снова исключительно посвящена изслѣдованію хлѣбной торговли, и именно въ бассейнѣ р. Бѣлой, которой значеніе, какъ по плодородію омываемыхъ ею мѣстностей, такъ и по количеству хлѣба, сплавляемаго по ней для внутренняго потребленія и для иностраннаго вывоза, съ каждымъ годомъ возрастала. Отъ мѣстныхъ торговцевъ въ Уфѣ, въ Бирскѣ и др., а также иногородныхъ на Камѣ и Волгѣ, закупающихъ хлѣбъ на р. Бѣлой, онъ получилъ достаточно свѣдѣній для опредѣленія значенія этой рѣки въ нашей хлѣбной торговлѣ. Гдѣ было въ особенности ощутительно увеличеніе производства хлѣба въ послѣдніе годы, послѣ освобожденія крестьянъ, такъ это въ бассейнѣ Бѣлой; мѣстные торговцы говорили, что самые значительные запасы хлѣба, обращавшіеся въ торговлѣ 10 лѣтъ тому назадъ,

ничтожны въ сравненіи съ запасами, въ то время закупаемыми купцами. Въ особенности башкирскія земли начали играть роль въ нашей хлѣбной торговлѣ.

Послѣднею частью путешествія Безобразова были разъѣзды по Камѣ отъ Елабуги вверхъ до Воткинскаго завода и потомъ внизъ до Казани. Этому пространству, заключающему въ себѣ важнѣйшія хлѣбныя пристани въ системѣ Камы, связующія ее съ Волгою, Петербургскимъ портомъ и заграничными рынками, принадлежало первое мѣсто во всемъ движеніи хлѣбной торговли Камскаго бассейна.

Къ концу періода В. П. Безобразовъ разработалъ и результаты своего изслѣдованія, которые были напечатаны въ 1870 г. подъ заглавіемъ „Хлѣбная торговля въ с.-в. Россіи (въ Камскомъ бассейнѣ и Пріуральскомъ краѣ)“ [1]). Изслѣдованія хлѣбной торговли въ Камско-Уральскомъ бассейнѣ указали на то, что всѣ площади занятыя Уральскимъ горнымъ округомъ, съ его заводами, рудниками и пріисками, и въ особенности сѣверная его часть, не имѣютъ конечно достаточнаго количества мѣстнаго хлѣба на свое продовольствіе и что недостатокъ этотъ пополняется изъ двухъ сосѣднихъ житницъ, изъ которыхъ одна находится на западной (изъ уѣздовъ Кунгурскаго, Красноуфимскаго, Омскаго Пермской губерніи), а другая—на восточной сторонѣ Урала (изъ уѣздовъ Ирбитскаго, Камышловскаго, Шадринскаго Пермской губерніи и Челябинскаго—Оренбургской). Вторая изъ этихъ житницъ важнѣйшая и при помощи ближайшихъ округовъ Тобольской губерніи вполнѣ достаточна для обезпеченія продовольствія всего горнозаводскаго населенія, а первая служитъ какъ бы резервною житницею для Урала въ случаяхъ неурожая на сибирской его сторонѣ.

Въ Верхне- и Нижневолжскомъ раіонахъ работали въ 1867 и 1868 годахъ командированные въ хлѣбную экспедицію Географическаго и Вольно-экономическаго Общества отъ Военнаго Министерства И. Ѳ. Барковскій и Р. И. Липранди.

И. Ѳ. Барковскій въ 1867 г., принявъ на себя изслѣдованіе хлѣбной промышленности и торговли въ губерніяхъ Верхневолжскаго раіона, отправился въ Рыбинскъ 2 мая. Уяснивъ тамъ главныя свойства раіона— т. е. что собственная его хлѣбная производительность, по мѣстнымъ почвеннымъ и климатическимъ условіямъ, главнымъ образомъ ограничивается обезпеченіемъ мѣстныхъ нуждъ края (за исключеніемъ впрочемъ сбываемаго овса); что, затѣмъ, продовольствіе его далеко не удовлетворяется мѣстнымъ урожаемъ хлѣба, недостатокъ котораго восполняется подвозами съ низовыхъ пристаней р. Волги; что сверхъ того раіонъ этотъ транспортируетъ громадныя количества хлѣба, низоваго производства къ Петербургскому порту, отчасти перерабатывая ихъ—Барковскій пришелъ къ заключенію, что Верхневолжскій раіонъ, въ отношеніи хлѣбной торговли, имѣетъ транзитный характеръ. А такъ какъ въ мѣстности подобнаго характера пути играютъ

[1]) См. «Труды экспедиціи для изслѣдов. хлѣбн. торговли и производительности» т. II, вып. 3-й, 1870 г.

первостепенную роль, потому что: а) извѣстное состояніе ихъ служитъ, не только мѣриломъ степени обезпеченія продовольствія мѣстностей, къ нимъ прилегающихъ, по имъ также обусловливается развитіе производительности громадныхъ плодородныхъ пространствъ низовьевъ рѣки Волги, въ видахъ усиленія внѣшняго отпуска, б) что цѣны въ разныхъ пунктахъ, хотя съ одной стороны подчиняются размѣру заграничнаго спроса и низоваго урожая, но съ другой стороны, взаимное отношеніе и колебаніе ихъ сильно зависятъ отъ условій вѣрности подвоза, в) что въ подобныхъ мѣстностяхъ на складъ хлѣбныхъ цѣнъ имѣетъ громадное вліяніе элементъ доставки со всевозможными его варіаціями, г) что извѣстною степенью удобствъ путей опредѣляется степень правильности торговли, и д) что, наконецъ, по самому времени экспедиціи (лѣто), процессъ транспортировки представляетъ факты болѣе живые и, слѣовательно, болѣе доступные для личнаго наблюденія, — Барковскій задался мыслью, что въ изслѣдуемомъ имъ раіонѣ, главное вниманіе должно быть обращено на пути и на способы по нимъ доставки хлѣбныхъ товаровъ.

Подъ вліяніемъ этихъ соображеній Барковскій опредѣлилъ свой маршрутъ и самую программу занятій, слѣдующимъ образомъ:

Обезпечивъ въ Рыбинскѣ подготовку нѣкоторыхъ общихъ данныхъ, онъ отправился внизъ по р. Волгѣ до Нижняго на встрѣчу грузамъ, шедшимъ къ Рыбинску. Въ Нижнемъ онъ завязалъ сношенія съ буксиро-пароходными дѣятелями и другими лицами.

Изъ Нижняго путь Барковскаго шелъ обратно къ Рыбинску. Останавливаясь въ разныхъ пунктахъ этого пространства, онъ вошелъ въ сношеніе съ земствами Костромской и Ярославской губерній, съ льнопрядильщиками (фабрикантами), винокурами, съ вѣдомствомъ акцизныхъ сборовъ и путей сообщеній, съ сотрудниками мѣстныхъ статистическихъ учрежденій и др. лицами.

Въ Рыбинскѣ Барковскій пробылъ около мѣсяца, занимаясь: во-1-хъ) собираніемъ данныхъ о количествѣ: разныхъ хлѣбовъ, сала, льна, пеньки и др. товаровъ, обращающихся на Рыбинскомъ рынкѣ, и о цѣнахъ на хлѣбъ, входя при этомъ въ сношеніе съ торговымъ міромъ и обращаясь къ матерьяламъ Рыбинскаго биржеваго комитета, начальника пристани, а также къ маклерскимъ книгамъ, и во 2-хъ) собираніемъ общихъ данныхъ: о значеніи торговыхъ путей, лежащихъ отъ Рыбинска къ Петербургу, о распредѣленіи по нимъ хлѣбныхъ товаровъ и о значеніи предполагаемой Рыбинско-Петербургской желѣзной дороги.

За тѣмъ интересныя явленія 1867 года по р. Шекснѣ (полноводье, сибирская язва, остановка движенія грузовъ) увлекли Барковскаго на Маріинскій путь. На этомъ пути онъ останавливался въ Череповцѣ, Ниловцахъ, Ивановомъ борѣ, Кириловѣ (связь съ Сѣверо-Двинскимъ водянымъ путемъ), Бѣлозерскѣ, на Шольскихъ мукомольныхъ заводахъ, въ Девятинахъ, Вытегрѣ, Вознесеньи, Сермаксахъ, Сясскихъ рядкахъ и Ладогѣ. Здѣсь онъ со-

бралъ свѣдѣнія о грузахъ, идущихъ по этому пути, о судахъ, о силахъ тянущихъ эти суда, о цѣнахъ и продолжительности разныхъ видовъ тяги, о состояніи и свойствахъ самаго пути, о значеніи его какъ для торговли, такъ и для прилегающаго края, о характерѣ разныхъ пунктовъ въ отношеніи хлѣбной торговли и проч.

Изъ Ладоги Барковскій направился на Вышневолоцкій путь. На этомъ пути онъ былъ: въ Гостинопольскихъ порогахъ, Новгородѣ, Опеченскомъ посадѣ, Боровицкихъ порогахъ, Потерпелицахъ, Вышнемъ-Волочкѣ и Твери. Здѣсь онъ собиралъ свѣдѣнія тѣ же, что и на Маріинскомъ пути, входя при этомъ въ сношенія съ земствами Новгородской и Тверской губерній, съ вѣдомствомъ акцизныхъ сборовъ и путей сообщеній и съ разными лицами, занимающимися доставкою товаровъ, перемоломъ и торговлею.

Р. И. Липранди въ 1867 г. отправился въ Пензенскую губернію въ концѣ апрѣля и началъ работу въ верховьяхъ р. Суры. Собираніе разныхъ свѣдѣній въ Пензенской губ., по движенію хлѣбной торговли и винокуренной дѣятельности, шло довольно успѣшно, но относительно хлѣбной производительности, за совершеннымъ отсутствіемъ точныхъ положительныхъ данныхъ, пришлось довольствоваться словесными личными показаніями, весьма отрывочными.

Изъ Пензенской губ. Липранди отправился въ уѣз. Корсунскій, Ардатовскій и Алатырскій, сбывающіе свои хлѣба къ Промзинскимъ пристанямъ. Здѣсь наоборотъ, все касающееся до хлѣбной производительности разрѣшилось несравненно легче; сгруппированныя въ этой части Симбирской губерніи большія экономіи помѣщиковъ и удѣльнаго вѣдомства, большею частью весьма тщательно региструющія свѣдѣнія о посѣвахъ и урожаяхъ, дали изслѣдователю возможность получить много интересныхъ данныхъ относительно сельскаго хозяйства и хлѣбной производительности вообще. Такъ напр. въ экономіи Варко-Вешкайма нашлись свѣдѣнія о посѣвахъ и урожаяхъ болѣе, чѣмъ за 80 лѣтъ. Объѣзды въ этомъ раіонѣ Липранди окончилъ с. Промзинымъ; но не удовлетворенный собранными въ первое посѣщеніе этими свѣдѣніями, онъ чрезъ три мѣсяца посѣтилъ Промзино вторично.

Изъ этого раіона Липранди переѣхалъ въ Лукояновскій уѣздъ, а затѣмъ въ Нижній-Новгородъ.

Въ Нижнемъ онъ получилъ подробныя свѣдѣнія о винокуреніи, а изъ конторъ главныхъ пароходныхъ обществъ—разные матерьялы, относящіеся до доставки разными способами хлѣбныхъ грузовъ по нижней Волгѣ; заручившись, затѣмъ, весьма многими рекомендаціями, онъ отправился прямо въ Самару, чтобы застать въ низовыхъ мѣстахъ разныхъ промышленниковъ, обыкновенно уѣзжающихъ на ярмарку въ Нижній.

Свѣдѣнія, собранныя въ Самарѣ болѣе чѣмъ отъ 30 дѣятелей, почти безъ исключенія совмѣщающихъ въ одномъ лицѣ и хлѣбныхъ производителей и торговцевъ, дали полное понятіе о хлѣбной производительности въ уѣздахъ Самарскомъ и Бузулукскомъ и о торговлѣ хлѣбомъ на знаменитой Самарской пристани.

бинскимъ, съ живымъ сочувствіемъ возникавшимъ въ то время Вятскимъ Земствомъ.

Въ 1868 г. Чубинскій прочелъ въ Отдѣленіи записку о проектируемой Вятско-Двинской дорогѣ; въ запискѣ этой авторъ, изобразивъ печальное положеніе гужевыхъ путей изъ Вятской губерніи къ двинскимъ пристанямъ, а также сопряженное съ неимовѣрными трудностями плаваніе по притокамъ Двины и Двиною до устья Вычегды, привелъ вполнѣ убѣдительные доводы о необходимости соединить рр. Вятку и Двину рельсовыми путями, какъ для того, чтобъ обезпечить продовольствіе бѣломорскаго населенія, такъ и для отклоненія упадка производительности сѣверо-восточной части Имперіи и для упроченія торговли Архангельскаго порта [1]).

Когда же въ 1868 г., по случаю поразившаго крайній Сѣверъ неурожая, возникла въ Петербургѣ, при Коммиссіи Государя Наслѣдника, особая Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ ген.-ад. Зиновьева, для обсужденія мѣръ къ поднятію уровня благосостоянія и обезпеченія народнаго продовольствія населенія крайняго Сѣвера и самыми дѣятельными членами этой Коммиссіи явились Д. Чл. Общ. П. П. Семеновъ и Н. Я. Данилевскій, послѣдній былъ командированъ Министромъ Внутр. Дѣлъ въ Сѣверный край, для дополнительныхъ по сему предмету изслѣдованій. Вслѣдствіе того вопросъ о необходимости постройки Вятско-Котласской желѣзной дороги, (долженствовавшей возвратить житницѣ крайняго Сѣвера—Вятскому краю—исконный его выходъ къ морю въ Архангельскъ), выдвинулся впередъ въ правительственныхъ сферахъ и необходимость проведенія Вятско-Двинскаго желѣзнаго пути была признана Коммиссіею ген.-ад. Зиновьева единогласно.

П. П. Чубинскій къ концу періода окончилъ успѣшно и разработку всѣхъ собранныхъ имъ свѣдѣній. Въ 1869 былъ напечатанъ его „Отчетъ о льноводствѣ, льняномъ производствѣ и льняной торговлѣ въ Сѣверномъ раіонѣ“ [2]), а въ 1870 г. его трудъ о состояніи хлѣбной торговли въ Сѣверномъ раіонѣ [3]).

Въ сосѣдній съ Сѣвернымъ, Камско-Уральскій раіонъ, направился съ открытіемъ навигаціи на Волгѣ въ 1867 году Д. Чл. Общ. академикъ В. П. Безобразовъ.

Изъ Казани онъ проѣхалъ сухимъ путемъ, на Малмыжъ и Уржумъ, по теченію р. Вятки. Изъ Уржума начались его странствованія по Вятскому краю (уѣздамъ: Уржумскому, Нолинскому, Яранскому, Котельническому, Орловскому и Вятскому), по проселкамъ, которыми онъ почти исключительно пользовался во всемъ путешествіи. Въ Вятскомъ краѣ онъ обратилъ вниманіе на раздѣльную черту между движеніемъ хлѣба къ Двинѣ и Архангельску и движеніемъ къ Волгѣ и Петербургу. Первое изъ этихъ двухъ движеній здѣсь господствовало. Неоднократно встрѣчаясь съ П. П. Чубинскимъ, В. П. Безобразовъ условился

---

[1]) Сообщеніе Чубинскаго см. Изв. И. Р. Г. О. Т. X, Отд. I, стр. 101—107.

[2]) См. «Труды экспедиціи для изсл. хлѣбн. торговли и производительности» Т. I, вып. 2-й, 1869 г.

[3]) См. то же изданіе Т. I, вып. 6-й, 1870 г.

съ нимъ относительно географическаго разграниченія ихъ изысканій. Въ Вятскомъ краѣ онъ обратилъ особенное вниманіе на слободу Кукарку (при впаденіи р. Пыжмы въ Вятку), составляющую важный центръ хлѣбной торговли, далеко преобладающій по своему комерческому значенію даже надъ всѣми сосѣдними городами.

Изъ Вятки Безобразовъ проѣхалъ черезъ гг. Слободской и Глазовъ къ верховьямъ Камы и потомъ проселками въ Оханскій уѣздъ Пермской губерніи. Онъ останавливался для своихъ изысканій въ г. Слободскомъ и въ особенности въ Глазовѣ, который составляетъ любопытный, крайне типическій, образчикъ городовъ Вятской губерніи, обязанныхъ всѣмъ своимъ благоденствіемъ посредничеству по архангельской торговлѣ. Но Глазовъ въ это время уже падалъ.

Проѣхавъ проселками въ с.-в. направленіи по Глазовскому уѣзду и потомъ по Оханскому и Соликамскому уѣздамъ (Пермской губерніи), черезъ Обвинскій край (около Обвы, притока Камы) въ село Ильинское, —центръ управленія имѣніями гр. Строгановой, и средоточіе торговли этой мѣстности,—Безобразовъ направился уже оттуда въ Пермь, по почтовому тракту, идущему по теченію Камы. Въ Перми онъ оставался довольно долго, для того, чтобы завязать связи къ изученію хлѣбной торговли, направляющейся отчасти черезъ посредство Перми къ сѣверу, къ Чердынскому краю, который снабжается исключительно съ низовьевъ Камы; въ Перми же, получившей все свое комерческое значеніе отъ устья Чусовой, Безобразовъ началъ ознакомливаться съ движеніемъ хлѣба вверхъ по Чусовой на Уралъ (преимущественно въ Тагилъ). Въ Перми же, какъ въ центрѣ губернскаго управленія, онъ могъ собрать много свѣдѣній по вопросу о правительственныхъ мѣрахъ къ обезпеченію народнаго продовольствія (между прочимъ объ обязательныхъ заводскихъ запасахъ),—вопросу, подвергавшемуся столь разнорѣчивымъ толкамъ и во многихъ отношеніяхъ обусловливавшему собою направленіе мѣстной хлѣбной торговли и хлѣбопашества.

Изъ Перми Безобразовъ проѣхалъ въ г. Кунгуръ, и по Кунгурскому уѣзду мало проѣзжимъ Серебрянскимъ (не почтовымъ) трактомъ переѣхалъ р. Чусовую у Ослянской пристани и направляясь по теченію Серебрянки, притока Чусовой, вверхъ, перевалилъ черезъ Уральскій хребетъ. На этомъ переѣздѣ, онъ изслѣдовалъ земледѣльческую мѣстность Кунгурскаго уѣзда, и въ особенности хлѣбную торговлю кунгурскихъ крестьянъ, играющую важную роль въ снабженіи зауральскаго горнозаводскаго края (Тагила и въ особенности Гороблагодатскаго казеннаго округа) и въ комерческомъ посредничествѣ между этимъ краемъ и хлѣбными запасами Камскаго бассейна.

За Ураломъ Безобразовъ былъ занятъ, преимущественно горными заводами, но на каждомъ изъ нихъ тщательно изслѣдовалъ условія мѣстнаго продовольствія. Начавъ свой объѣздъ зауральскаго горнозаводскаго края съ горы Благодати, онъ проѣхалъ на сѣверъ черезъ г. Верхотурье до самой крайней оконечности этого края, Богословскихъ горныхъ промысловъ въ Верхотурскомъ уѣздѣ. Гороблагодатскій и Богословскій горные округа (въ особенности послѣдній) представляли большой интересъ, какъ мѣстности, почти вовсе чуждыя хлѣ-

бопашеству, а зауральскій горнозаводскій край далъ запасъ наблюденій, весьма драгоцѣнныхъ по своей рѣдкости въ цивилизованныхъ европейскихъ государствахъ, — и именно наблюденій надъ самымъ первоначальнымъ ходомъ земледѣлія, при первомъ тамъ водвореніи земледѣльческаго населенія. Здѣсь еще продолжали расчищаться подъ покосы и пашни дикіе лѣса; необходимость заставляла приступать къ обработкѣ почвы, на которой хлѣбопашество признавалось прежде невозможнымъ, и въ мѣстностяхъ плодородныхъ и черноземныхъ, народонаселеніе съ жадностью, все болѣе и болѣе, предавалось хлѣбопашеству. Освобожденіе отъ обязательнаго горнозаводскаго труда, разстройство горнаго промысла, въ особенности на казенныхъ заводахъ, и упраздненіе прежней опеки крѣпостнаго права содѣйствовали въ то время усиленію хлѣбопашества. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникала и хлѣбная оптовая торговля, которой прежде здѣсь вовсе не было.

Возвращаясь изъ Богословскаго округа на югъ къ Алапаевску, Безобразовъ проѣхалъ восточною частью Верхотурскаго уѣзда, и изъ Алапаевска на западъ, черезъ Тагилъ и потомъ на югъ черезъ Екатеринбургъ до Каменскаго казеннаго завода. Въ этой части путешествія онъ могъ заняться, въ особенности въ Тагилѣ (Нижнетагильскѣ), главномъ хлѣбномъ рынкѣ по ту сторону Урала, и въ Екатеринбургѣ, вышеупомянутыми вопросами о развитіи хлѣбной торговли, и сверхъ того нѣсколько коснулся экскурсіями края (уѣзды Ирбитскій, Камышловскій, Шадринскій Пермской губерніи, и Челябинскій Оренбургской), составляющаго житницу восточнаго склона Средняго и Сѣвернаго Урала.

Отъ Екатеринбургскихъ горныхъ заводовъ до Златоуста, Безобразовъ изъѣздилъ въ разныхъ направленіяхъ горнозаводскій міръ, окружающій Уральскій хребетъ съ запада и востока, въ южной части Пермской губерніи и въ Уфимской, и расположенный между начинающимися здѣсь развѣтвленіями главнаго хребта; направясь черезъ Артинскій казенный заводъ въ Златоустъ, онъ ознакомился съ краемъ, составляющимъ бассейнъ р. Уфы. Изъ Златоуста онъ проѣхалъ въ г. Уфу, а оттуда черезъ Бирскъ, по теченію Бѣлой, на Мензелинскъ, выѣхалъ снова на Каму, къ Челнамъ (одной изъ главнѣйшихъ хлѣбныхъ пристаней на Нижней Камѣ). Эта часть его путешествія была снова исключительно посвящена изслѣдованію хлѣбной торговли, и именно въ бассейнѣ р. Бѣлой, которой значеніе, какъ по плодородію омываемыхъ ею мѣстностей, такъ и по количеству хлѣба, сплавляемаго по ней для внутренняго потребленія и для иностраннаго вывоза, съ каждымъ годомъ возрастала. Отъ мѣстныхъ торговцевъ въ Уфѣ, въ Бирскѣ и др., а также иногородныхъ на Камѣ и Волгѣ, закупающихъ хлѣбъ на р. Бѣлой, онъ получилъ достаточно свѣдѣній для опредѣленія значенія этой рѣки въ нашей хлѣбной торговлѣ. Гдѣ было въ особенности ощутительно увеличеніе производства хлѣба въ послѣдніе годы, послѣ освобожденія крестьянъ, такъ это въ бассейнѣ Бѣлой; мѣстные торговцы говорили, что самые значительные запасы хлѣба, обращавшіеся въ торговлѣ 10 лѣтъ тому назадъ,

ничтожны въ сравненіи съ запасами, въ то время закупаемыми купцами. Въ особенности башкирскія земли начали играть роль въ нашей хлѣбной торговлѣ.

Послѣднею частью путешествія Безобразова были разъѣзды по Камѣ отъ Елабуги вверхъ до Воткинскаго завода и потомъ внизъ до Казани. Этому пространству, заключающему въ себѣ важнѣйшія хлѣбныя пристани въ системѣ Камы, связующія ее съ Волгою, Петербургскимъ портомъ и заграничными рынками, принадлежало первое мѣсто во всемъ движеніи хлѣбной торговли Камскаго бассейна.

Къ концу періода В. П. Безобразовъ разработалъ и результаты своего изслѣдованія, которые были напечатаны въ 1870 г. подъ заглавіемъ „Хлѣбная торговля въ с.-в. Россіи (въ Камскомъ бассейнѣ и Пріуральскомъ краѣ)“ [1]). Изслѣдованія хлѣбной торговли въ Камско-Уральскомъ бассейнѣ указали на то, что всѣ площади занятыя Уральскимъ горнымъ округомъ, съ его заводами, рудниками и пріисками, и въ особенности сѣверная его часть, не имѣютъ конечно достаточнаго количества мѣстнаго хлѣба на свое продовольствіе и что недостатокъ этотъ пополняется изъ двухъ сосѣднихъ житницъ, изъ которыхъ одна находится на западной (изъ уѣздовъ Кунгурскаго, Красноуфимскаго, Омскаго Пермской губерніи), а другая—на восточной сторонѣ Урала (изъ уѣздовъ Ирбитскаго, Камышловскаго, Шадринскаго Пермской губерніи и Челябинскаго—Оренбургской). Вторая изъ этихъ житницъ важнѣйшая и при помощи ближайшихъ округовъ Тобольской губерніи вполнѣ достаточна для обезпеченія продовольствія всего горнозаводскаго населенія, а первая служитъ какъ бы резервною житницею для Урала въ случаяхъ неурожая на сибирской его сторонѣ.

Въ Верхне- и Нижневолжскомъ раіонахъ работали въ 1867 и 1868 годахъ командированные въ хлѣбную экспедицію Географическаго и Вольно-экономическаго Общества отъ Военнаго Министерства И. Ѳ. Барковскій и Р. И. Липранди.

И. Ѳ. Барковскій въ 1867 г., принявъ на себя изслѣдованіе хлѣбной промышленности и торговли въ губерніяхъ Верхневолжскаго раіона, отправился въ Рыбинскъ 2 мая. Уяснивъ тамъ главныя свойства раіона—т. е. что собственная его хлѣбная производительность, по мѣстнымъ почвеннымъ и климатическимъ условіямъ, главнымъ образомъ ограничивается обезпеченіемъ мѣстныхъ нуждъ края (за исключеніемъ впрочемъ сбываемаго овса); что, затѣмъ, продовольствіе его далеко не удовлетворяется мѣстнымъ урожаемъ хлѣба, недостатокъ котораго восполняется подвозами съ низовыхъ пристаней р. Волги; что сверхъ того раіонъ этотъ транспортируетъ громадныя количества хлѣба, низоваго производства къ Петербургскому порту, отчасти перерабатывая ихъ—Барковскій пришелъ къ заключенію, что Верхневолжскій раіонъ, въ отношеніи хлѣбной торговли, имѣетъ транзитный характеръ. А такъ какъ въ мѣстности подобнаго характера пути играютъ

---

[1]) См. «Труды экспедиціи для изслѣдов. хлѣбн. торговли и производительности» т. II, вып. 3-й, 1870 г.

первостепенную роль, потому что: а) извѣстное состояніе ихъ служитъ, не только мѣриломъ степени обезпеченія продовольствія мѣстностей, къ нимъ прилегающихъ, но имъ также обусловливается развитіе производительности громадныхъ плодородныхъ пространствъ низовьевъ рѣки Волги, въ видахъ усиленія внѣшняго отпуска, б) что цѣны въ разныхъ пунктахъ, хотя съ одной стороны подчиняются размѣру заграничнаго спроса и низоваго урожая, но съ другой стороны, взаимное отношеніе и колебаніе ихъ сильно зависятъ отъ условій вѣрности подвоза, в) что въ подобныхъ мѣстностяхъ на складъ хлѣбныхъ цѣнъ имѣетъ громадное вліяніе элементъ доставки со всевозможными его варіаціями, г) что извѣстною степенью удобствъ путей опредѣляется степень правильности торговли, и д) что, наконецъ, по самому времени экспедиціи (лѣто), процессъ транспортировки представляетъ факты болѣе живые и, слѣовательно, болѣе доступные для личнаго наблюденія, — Барковскій задался мыслью, что въ изслѣдуемомъ имъ раіонѣ, главное вниманіе должно быть обращено на пути и на способы по нимъ доставки хлѣбныхъ товаровъ.

Подъ вліяніемъ этихъ соображеній Барковскій опредѣлилъ свой маршрутъ и самую программу занятій, слѣдующимъ образомъ:

Обезпечивъ въ Рыбинскѣ подготовку нѣкоторыхъ общихъ данныхъ, онъ отправился внизъ по р. Волгѣ до Нижняго на встрѣчу грузамъ, шедшимъ къ Рыбинску. Въ Нижнемъ онъ завязалъ сношенія съ буксиро-пароходными дѣятелями и другими лицами.

Изъ Нижняго путь Барковскаго шелъ обратно къ Рыбинску. Останавливаясь въ разныхъ пунктахъ этого пространства, онъ вошелъ въ сношеніе съ земствами Костромской и Ярославской губерній, съ льнопрядильщиками (фабрикантами), винокурами, съ вѣдомствомъ акцизныхъ сборовъ и путей сообщеній, съ сотрудниками мѣстныхъ статистическихъ учрежденій и др. лицами.

Въ Рыбинскѣ Барковскій пробылъ около мѣсяца, занимаясь: во-1-хъ) собираніемъ данныхъ о количествѣ: разныхъ хлѣбовъ, сала, льна, пеньки и др. товаровъ, обращающихся на Рыбинскомъ рынкѣ, и о цѣнахъ на хлѣбъ, входя при этомъ въ сношеніе съ торговымъ міромъ и обращаясь къ матерьяламъ Рыбинскаго биржеваго комитета, начальника пристани, а также къ маклерскимъ книгамъ, и во 2-хъ) собираніемъ общихъ данныхъ: о значеніи торговыхъ путей, лежащихъ отъ Рыбинска къ Петербургу, о распредѣленіи по нимъ хлѣбныхъ товаровъ и о значеніи предполагаемой Рыбинско-Петербургской желѣзной дороги.

За тѣмъ интересныя явленія 1867 года по р. Шекснѣ (полноводье, сибирская язва, остановка движенія грузовъ) увлекли Барковскаго на Маріинскій путь. На этомъ пути онъ останавливался въ Череповцѣ, Ниловцахъ, Ивановомъ борѣ, Кириловѣ (связь съ Сѣверо-Двинскимъ водянымъ путемъ), Бѣлозерскѣ, на Шольскихъ мукомольныхъ заводахъ, въ Девятинахъ, Вытегрѣ, Вознесеньи, Сермаксахъ, Сясскихъ рядкахъ и Ладогѣ. Здѣсь онъ со-

бралъ свѣдѣнія о грузахъ, идущихъ по этому пути, о судахъ, о силахъ тянущихъ эти суда, о цѣнахъ и продолжительности разныхъ видовъ тяги, о состояніи и свойствахъ самаго пути, о значеніи его какъ для торговли, такъ и для прилегающаго края, о характерѣ разныхъ пунктовъ въ отношеніи хлѣбной торговли и проч.

Изъ Ладоги Барковскій направился на Вышневолоцкій путь. На этомъ пути онъ былъ: въ Гостинопольскихъ порогахъ, Новгородѣ, Опеченскомъ посадѣ, Боровицкихъ порогахъ, Потерпелицахъ, Вышнемъ-Волочкѣ и Твери. Здѣсь онъ собиралъ свѣдѣнія тѣ же, что и на Маріинскомъ пути, входя при этомъ въ сношенія съ земствами Новгородской и Тверской губерній, съ вѣдомствомъ акцизныхъ сборовъ и путей сообщеній и съ разными лицами, занимающимися доставкою товаровъ, перемоломъ и торговлею.

Р. И. Липранди въ 1867 г. отправился въ Пензенскую губернію въ концѣ апрѣля и началъ работу въ верховьяхъ р. Суры. Собираніе разныхъ свѣдѣній въ Пензенской губ., по движенію хлѣбной торговли и винокуренной дѣятельности, шло довольно успѣшно, но относительно хлѣбной производительности, за совершеннымъ отсутствіемъ точныхъ положительныхъ данныхъ, пришлось довольствоваться словесными личными показаніями, весьма отрывочными.

Изъ Пензенской губ. Липранди отправился въ уѣз. Корсунскій, Ардатовскій и Алатырскій, сбывающіе свои хлѣба къ Промзинскимъ пристанямъ. Здѣсь наоборотъ, все касающееся до хлѣбной производительности разрѣшилось несравненно легче; сгруппированныя въ этой части Симбирской губерніи большія экономіи помѣщиковъ и удѣльнаго вѣдомства, большею частью весьма тщательно региструющія свѣдѣнія о посѣвахъ и урожаяхъ, дали изслѣдователю возможность получить много интересныхъ данныхъ относительно сельскаго хозяйства и хлѣбной производительности вообще. Такъ напр. въ экономіи Варко-Вешкайма нашлись свѣдѣнія о посѣвахъ и урожаяхъ болѣе, чѣмъ за 80 лѣтъ. Объѣзды въ этомъ раіонѣ Липранди окончилъ с. Промзинымъ; но не удовлетворенный собранными въ первое посѣщеніе этими свѣдѣніями, онъ чрезъ три мѣсяца посѣтилъ Промзино вторично.

Изъ этого раіона Липранди переѣхалъ въ Лукояновскій уѣздъ, а затѣмъ въ Нижній-Новгородъ.

Въ Нижнемъ онъ получилъ подробныя свѣдѣнія о винокуреніи, а изъ конторъ главныхъ пароходныхъ обществъ—разные матерьялы, относящіеся до доставки разными способами хлѣбныхъ грузовъ по нижней Волгѣ; заручившись, затѣмъ, весьма многими рекомендаціями, онъ отправился прямо въ Самару, чтобы застать въ низовыхъ мѣстахъ разныхъ промышленниковъ, обыкновенно уѣзжающихъ на ярмарку въ Нижній.

Свѣдѣнія, собранныя въ Самарѣ болѣе чѣмъ отъ 30 дѣятелей, почти безъ исключенія совмѣщающихъ въ одномъ лицѣ и хлѣбныхъ производителей и торговцевъ, дали полное понятіе о хлѣбной производительности въ уѣздахъ Самарскомъ и Бузулукскомъ и о торговлѣ хлѣбомъ на знаменитой Самарской пристани.

Изъ Самары Липранди отправился на пристани Екатериновскую и Алексѣевскую и затѣмъ объѣхалъ Самарскій и Николаевскій уѣзды. Изъ Николаевскаго уѣзда онъ переѣхалъ въ Сызрань, гдѣ собиралъ свѣдѣнія о пшенномъ производствѣ. Послѣ Сызрани Липранди посѣтилъ Саратовъ. Результаты его работъ въ Саратовской губерніи, оказались значительно слабѣе самарскихъ; только что возникшее земство еще не имѣло опредѣленныхъ свѣдѣній ни по одному предмету, а хлѣбные промышленники, сбывающіе всю массу скупаемаго хлѣба мукою и постоянно стремящіеся подавить мукомольное дѣло въ верховыхъ мѣстахъ,—весьма неохотно дѣлились своими свѣдѣніями.

Изъ Саратова Липранди отправился въ Покровскую слободу, а потомъ объѣхалъ всѣ колоніи, начиная отъ Баронска (Екатериненштадтъ). По возвращеніи въ Саратовъ, онъ отправился въ сѣверные уѣзды Саратовской губ., объѣхавъ которые, прибылъ въ Камышинъ, замѣчательный также пшеннымъ производствомъ и выдѣлкою т. н. размольной и цилиндерной муки, сбываемой къ Астрахани. Въ Камышинѣ Липранди имѣлъ возможность собрать также свѣдѣнія о хлѣбной торговлѣ слободы Николаевской, сбывающей постоянно свои хлѣбные избытки къ Царицыну для перевала на Донъ. Изъ Камышина онъ отправился въ Дубовку, а оттуда въ Царицынъ. Въ Царицынѣ онъ узналъ, что свѣдѣнія о движеніи хлѣбныхъ грузовъ по Волго-донской ж. д. получены Г. Г. Перетцомъ, поэтому, собравъ тамъ только свѣдѣнія о степени производительности этого края и о сбытѣ хлѣбовъ Волгою, онъ отправился въ Астрахань. На обратномъ пути изъ Астрахани Липранди посѣтилъ Вольскъ, Балаково и Хвалынскъ. Изъ Хвалынска онъ отправился въ Ставропольскій уѣздъ, въ которомъ объѣхалъ всѣ замѣчательныя экономіи и въ томъ числѣ Мелекесъ, главнѣйшій внутренній хлѣбный рынокъ на луговой сторонѣ нижней Волги.

Изъ Мелекеса Липранди отправился въ Симбирскъ; собравъ здѣсь всѣ необходимыя данныя, онъ посѣтилъ въ с. Путиловкѣ предсѣдателя Симбирскаго Общества Сельскихъ Хозяевъ, отъ котораго получилъ много свѣдѣній, очень интересныхъ, и потомъ возвратился въ с. Промзино.

Изъ Промзина Липранди проѣхалъ на Сенгилеевскую пристань, а оттуда въ Сызранскій уѣздъ; посѣтивъ затѣмъ пристани: Новодѣвичью, Майнскую, Спасскую, Тетюшскую, прибылъ въ Казань. Выѣхавъ изъ Казани 14 сентября, онъ отправился на пристани Чебоксарскую и Лысковскую, послѣ чего возвратился въ Петербургъ.

Этимъ и закончились, согласно съ планомъ хлѣбной экспедиціи, труды Р. И. Липранди по изслѣдованію Нижневолжскаго раіона. По возвращеніи своемъ въ Петербургъ Липранди сдѣлалъ въ Обществѣ одно сообщеніе о сортахъ пшеницы на нижней Волгѣ, ихъ свойствѣ и географическомъ распространеніи [1]), но свѣдѣнія имъ собранныя никогда разработаны не были. На запросъ сводной Коммиссіи въ 1870 г. онъ прислалъ заявленіе, что, по причинѣ служебныхъ своихъ отношеній, онъ не въ состояніи окончить возложен-

[1]) См. Изв. Имп. Рус. Геогр. Общ. Т. III, отд. 1-й, стр. 171—172.

ную на него задачу, тѣмъ болѣе, что собранный имъ матерьялъ оказался крайне неполнымъ и недостаточнымъ [1]). Матерьялъ этотъ былъ переданъ Коммиссіею Д. Чл. Е. И. Анучину, на котораго была возложена дополнительная экспедиція для изслѣдованія Нижневолжскаго раіона, дѣйствовавшая уже въ 1871 г., т. е. въ послѣдующемъ періодѣ.

Въ 1868 же году И. Ѳ. Барковскій продолжалъ и заканчивалъ свои изслѣдованія по прежнему плану на средней (между Нижнимъ-Новгородомъ и Рыбинскомъ) и верхней (между Рыбинскомъ и Тверью) Волгѣ и занимался спеціальнымъ изученіемъ Вышневолоцкаго и частью Тихвинскаго путей. Замѣчательная убыль воды на Волгѣ въ 1868 году представила весьма интересный для наблюденія контрастъ съ 1867 годомъ, и дала возможность подмѣтить вліяніе мелководья на ходъ хлѣбной торговли и на цѣны. Самая большая часть лѣта была посвящена изслѣдованіямъ по опредѣленію хлѣбной производительной силы въ разныхъ частяхъ раіона и характера важнѣйшихъ пунктовъ хлѣбной торговли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Барковскимъ собраны свѣдѣнія: 1) о всѣхъ паровыхъ двигателяхъ на Волгѣ, 2) о мукомольномъ и частью винокуренномъ дѣлѣ и 3) о льняной производительности на средней Волгѣ.

Первымъ результатомъ превосходныхъ изслѣдованій И. Ѳ. Барковскаго, доставившихъ ему впослѣдствіи заслуженную извѣстность, были представленные имъ Обществу въ 1867 и 1868 г. доклады о способахъ доставки хлѣба отъ Рыбинска къ С.-Петербургу.

Доклады эти вызвали въ Отдѣленіи Статистики цѣлую серію засѣданій, начавшихся съ того, что И. Ѳ. Барковскій въ 1867 г. представилъ вниманію Общества очеркъ о способахъ доставки хлѣбныхъ продуктовъ отъ Нижневолжскихъ пристаней къ Рыбинску [2]), а въ 1868 г. крайне подробный и строго научный очеркъ современнаго состоянія Маріинскаго пути [3]) — этой главной торговой артеріи между Рыбинскомъ и Петербургомъ, способа судоходства на различныхъ частяхъ системы и невыгодъ его, какъ отъ дурнаго техническаго ея устройства, такъ и отъ различныхъ чисто экономическихъ условій; затѣмъ лекторъ привелъ существующіе проекты улучшенія пути и указавъ, какъ выгодно повліяло бы ихъ выполненіе на доставку, отдавая при этомъ преимущество возрожденію Маріинской системы предъ

---

[1]) Нѣкоторымъ оправданіемъ неуспѣха экспедиціи Липранди служитъ то, что по хлѣбной торговлѣ раіонъ его представлялъ только начало того движенія вверхъ теченія Волги, которое уже такъ хорошо было изслѣдовано Барковскимъ, а свѣдѣнія о нагрузкѣ на Нижневолжскихъ пристаняхъ могли быть только разработаны по подлиннымъ даннымъ Министерства Путей Сообщенія. Подвозка же гужевыми путями къ Волжскимъ пристанямъ, по отсутствію всякой регистраціи движенія грузовъ по этимъ путямъ, ускользала отъ изслѣдованія. Собственно въ Нижневолжскомъ раіонѣ, какъ производящемъ громадные хлѣбные избытки, центръ тяжести изслѣдованія долженъ былъ находиться въ свѣдѣніяхъ о хлѣбной производительности, но очевидно, что статистика хлѣбной производительности, какъ показалъ опытъ изслѣдованій Географ. Общества, совершенно недоступна для частныхъ изслѣдованій (enquêtes), и очевидно, что собираніе свѣдѣній по статистикѣ хлѣбной производительности требовало государственной организація.

[2]) См. Изв. И. Р. Г. О. Т. III, отд. 1-й, стр. 171—172.

[3]) См. Изв. И. Р. Г. О. Т. IV, отд. I, стр. 69—71.

проектами желѣзныхъ дорогъ отъ Рыбинска къ Петербургу. Мнѣніе о настоятельной необходимости возрожденія Маріинскаго пути было подтверждено вполнѣ во всѣхъ слѣдовавшихъ за чтеніемъ г. Барковскаго сообщеніяхъ, въ которыхъ участвовали Д. Члены А. П. Андреевъ, Л. М. Розенталь, В. В. Саловъ и гости Клокачовъ и Романовскій; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторые изъ референтовъ высказались за необходимость, о бокъ съ улучшеніемъ водяной системы, соединить Рыбинскъ со столицей рельсовыми путями или (какъ В. В. Саловъ) воспользоваться для этого участкомъ Николаевской дороги отъ Твери [1]), а между Тверью и Рыбинскомъ учредить туэрное пароходство.

Трудъ Барковскаго „Пути и способы перевозки грузовъ съ низовыхъ пристаней Волги къ Петербургу“ былъ уже изданъ въ 1868 г. и составилъ I выпускъ I тома „Трудовъ Экспедиціи по изслѣдованіи хлѣбной торговли и производительности“. За тѣмъ И. Ѳ. Барковскій занялся окончательною разработкою собранныхъ имъ матерьяловъ, но при этомъ встрѣтилъ надобность лично провѣрить свои изслѣдованія на нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и потому вошелъ въ Сводную Коммиссію съ представленіемъ о разрѣшеніи ему дополнительной поѣздки въ Верхневолжскій бассейнъ, подлежавшій его изслѣдованію въ 1867 и 1868 г. Предположеніе это было одобрено Коммиссіею и предсѣдатель, Дѣйств. Чл. Г. П. Неболсинъ, обратился съ ходатайствомъ къ военному министру, отъ котораго зависѣла командировка Барковскаго. Почетный членъ Д. А. Милютинъ, въ просвѣщенной заботливости своей о пользахъ отечественной статистики, изъявилъ согласіе на продолженіе командировки Барковскаго въ теченіе лѣта 1859 г. Поѣздка изслѣдователя продолжалась два мѣсяца. Главная часть времени была употреблена имъ на провѣрку уже обработанныхъ матерьяловъ. Кромѣ того, И. Ѳ. Барковскій, имѣя въ виду развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ, которая въ скоромъ времени должна была соприкасаться съ Волгою въ семи пунктахъ (въ Царицынѣ, Саратовѣ, Нижнемъ, Кинешмѣ, Ярославлѣ, Рыбинскѣ и Твери), обратилъ особенное вниманіе на настоящее состояніе пароходства на Волгѣ и собралъ по этому предмету любопытныя свѣдѣнія. Въ числѣ работъ, предпринятыхъ Барковскимъ вслѣдствіе послѣдней его поѣздки, слѣдуетъ упомянуть о составленныхъ имъ статистическихъ картахъ, на которыхъ весьма наглядно и подробно было выражено движеніе хлѣбной торговли на всемъ пространствѣ Верхневолжскаго бассейна, а также характеръ и сила разныхъ частей бассейна въ отношеніи средствъ для обезпеченія продовольствія мѣстнаго населенія. Главный трудъ Барковскаго „Изслѣдованіе хлѣбной торговли въ Верхневолжскомъ бассейнѣ“ вышелъ впрочемъ только въ слѣдующемъ періодѣ [2]). Результатомъ экспедиціи И. Ѳ. Барковскаго было полное выясне-

---

[1]) Какъ извѣстно предположеніе это осуществилось вслѣдствіи постройкою Рыбинско-Бологовскаго пути.

[2]) См. «Труды эксп. для изсл. хлѣбн. торговли и производительности въ Россіи». Т. II. Вып. IV. 1878 г.

ніе хлѣбной торговли, направленной изъ плодородныхъ Нижневолжскихъ и при-камскихъ губерній вверхъ теченій Волги и Камы къ Нижнему, гдѣ движеніе хлѣбныхъ грузовъ разбивалось на двѣ струи: одну, идущую на пополненіе хлѣбныхъ потребностей Москвы и Московской промышленной области, другую черезъ Рыбинскъ и водные пути, соединяющіе Волгу съ ея экономическимъ морскимъ устьемъ Петербургомъ къ этой столицѣ.

Ознакомившись со способомъ тогдашней регистраціи хлѣбныхъ и другихъ грузовъ на пристаняхъ, И. Ѳ. Барковскій могъ убѣдиться въ несовершенствѣ тогдашнихъ записей и впослѣдствіи, когда прекрасные труды по статистикѣ торговаго движенія выдвинули И. Ѳ. Барковскаго на постъ завѣдывающаго Статистическимъ Отдѣломъ Министерства Путей Сообщенія, онъ уже могъ заняться улучшеніемъ записей товарнаго движенія на водныхъ и желѣзныхъ путяхъ.

Сосѣдній съ двумя Волжскими раіонами—Центральный—былъ, какъ мы уже упомянули выше, порученъ Н. А. Трескину.

Выпавшій на его долю раіонъ представлялъ для своего изслѣдованія особыя затрудненія. Большая часть этого раіона принадлежала къ центральной черноземной полосѣ, имѣющей большіе хлѣбные избытки. На первомъ планѣ работъ въ Центральномъ раіонѣ стояла, слѣдовательно, хлѣбная производительность. Но изученіе ея, какъ и въ сосѣднемъ Нижневолжскомъ раіонѣ, было совершенно недостижимо путемъ частныхъ изслѣдованій (enquêtes) и требовало государственной организаціи собиранія свѣдѣній: о количествѣ земель подъ запашками, о распредѣленіи этихъ запашекъ по посѣвамъ отдѣльныхъ хлѣбовъ, о количествѣ посѣвовъ и урожаевъ этихъ хлѣбовъ и т. п. При отсутствіи такихъ свѣдѣній нельзя было въ то время даже приблизительно исчислить количество производимыхъ хлѣбовъ, а тѣмъ болѣе количества ихъ избытковъ, остающихся за мѣстнымъ потребленіемъ.

Оставалось, слѣдовательно, ограничиться самыми поверхностными распросными свѣдѣніями о хлѣбномъ производствѣ и стараться прослѣдить движеніе хлѣбныхъ грузовъ по его главнымъ направленіямъ. Но и въ этомъ отношеніи изслѣдованіе встрѣтилось съ большими затрудненіями. Хлѣбные избытки Центральнаго раіона всегда направлялись съ одной стороны въ Московскую промышленную область, а съ другой на западъ въ Бѣлоруссію и къ Рижскому порту: въ первомъ направленіи при помощи весьма недостаточныхъ водныхъ путей—Окскаго и Цнинскаго, а гораздо болѣе гужевыми путями, во второмъ исключительно гужевыми путями, на которыхъ не было никакихъ записей и уловить грузовое движеніе было совершенно невозможно. Но страна уже была въ переходномъ состояніи: одинъ желѣзный путь—Московско-Рязанско-Козловскій уже врѣзался вглубь ея до одного изъ важнѣйшихъ хлѣбныхъ рынковъ—Козлова, другой строился отъ Риги къ Орлу.

Н. А. Трескинъ, вслѣдствіе неокончанія Орловскаго желѣзнаго пути, который долженъ былъ измѣнить все направленіе хлѣбныхъ грузовъ въ западной части его раіона, рѣшился начать изслѣдованіе съ восточной.

Посѣтивъ, для первоначальнаго ознакомленія съ дѣломъ, города Козловъ, Моршанскъ и Тамбовъ, онъ поѣхалъ къ юго-восточной окраинѣ своего раіона—чрезъ Тамбовъ на Чембаръ (Пензенской губерніи). Изъ Чембара онъ повернулъ на югъ и ѣхалъ по раздѣльной линіи центральнаго и нижневолжскаго раіоновъ, въ Саратовской губерніи, причемъ уклонился на востокъ до Саратовской Елани. Отсюда Трескинъ направился на западъ — чрезъ Борисоглѣбскъ къ Усмани, объѣзжая южную границу раіона, и посѣщая всѣ важнѣйшіе ссыпные пункты мѣстности. Спустившись на югъ, до Воронежа, онъ на западѣ доѣхалъ на этотъ разъ до Ельца. Изслѣдователь собралъ свѣдѣнія о черноземномъ хозяйствѣ, о крупчаткахъ, торговлѣ пшеничною мукою и о нашихъ пшеницахъ. Затѣмъ онъ вернулся на Козловъ и занялся составленіемъ подробной статистики хлѣбныхъ и другихъ грузовъ по всей Рязанско-Козловской линіи, по подлиннымъ грузовымъ книгамъ, причемъ имъ были посѣщены почти всѣ станціи желѣзной дороги. Свою послѣднюю поѣздку онъ окончилъ тѣмъ, что подготовилъ всѣ главнѣйшія статистическія работы для предстоящаго изученія хлѣбной торговли по рѣкѣ Цнѣ. Вернулся онъ въ С.-Петербургъ въ концѣ декабря, пробылъ здѣсь около трехъ мѣсяцевъ, для разработки собраннаго матерьяла и сдѣлалъ въ одномъ изъ засѣданій Отдѣленія Статистики интересное сообщеніе, въ которомъ представилъ Отдѣленію очеркъ посѣщенныхъ имъ мѣстъ, остановился на значеніи по хлѣбному дѣлу Ельца, одного изъ важнѣйшихъ пунктовъ сказаннаго раіона; обороты Ельца и естественное движеніе его торговли на западъ и сѣверо-западъ были разсмотрѣны изслѣдователемъ со всею подробностью [1]).

Вторую половину своихъ изслѣдованій Н. А. Трескинъ долженъ былъ произвести въ теченіе лѣта 1868 года, но тяжкая болѣзнь, его постигшая, прервала его поѣздку въ самомъ началѣ и 1868 годъ для изслѣдованія центральнаго раіона остался потеряннымъ, да и окончить разработку собранныхъ свѣдѣній Н. А. Трескинъ былъ уже не въ силахъ.

Чл.-Сотр. А. С. Тарачкову, секретарю Орловскаго Статистическаго Комитета и автору весьма тщательныхъ очерковъ о торговлѣ сельско-хозяйственными произведеніями городовъ Орловской губ., было поручено закончить изученіе центральнаго раіона, остановившееся по болѣзни Трескина. На долю Тарачкова пришлись: срединные и восточные уѣзды губерній Курской и Орловской, почти вся Тульская губ., часть Рязанской, вся Владимірская и Московская, вмѣстѣ съ самой Москвой. Все это пространство, въ отношеніи производительности, дѣлится на двѣ части: производительную и потребительную; границей между ними служила, до нѣкоторой степени, р. Ока. Путешествіе свое Чл.-Сотр. Тарачковъ началъ съ Курской губ. Постоянное его жительство въ Орлѣ и близкое знакомство съ сельско-хозяйственными условіями Орловской губ. дали ему возможность отложить по-

[1]) См. Изв. И. Р. Г. О. Т. IV, отд. I, стр. 176—179.

вѣрку имѣющихся у него матерьяловъ по этой губерніи до обратнаго возвращенія въ Орелъ, а потому изъ Курской губ. изслѣдователь проѣхалъ прямо въ Тульскую. Здѣсь, также какъ и въ Курской, были посѣщены имъ всѣ главные пункты. Изъ Тульской губерніи Тарачковъ прослѣдовалъ по южной окраинѣ Московской въ Рязанскую, отсюда во Владимірскую и затѣмъ въ Московскую, гдѣ заключилъ свои изслѣдованія Москвой. Въ концѣ сентября Тарачковъ возвратился въ Орелъ и вслѣдъ затѣмъ представилъ свой предварительный отчетъ, напечатанный въ „Извѣстіяхъ“.

Въ этомъ отчетѣ Тарачковъ, на ряду съ планомъ своего путешествія, указалъ въ крупныхъ чертахъ положеніе хлѣбной торговли въ главныхъ пунктахъ, до открытія желѣзныхъ дорогъ изъ Москвы и Риги вглубь страны и во время изслѣдованія; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ привелъ свѣдѣнія о тѣхъ сельско-хозяйственныхъ и фабричныхъ производствахъ, которыя обусловливаютъ физіономію края. Такимъ образомъ, предварительный отчетъ Тарачкова былъ цѣлымъ экономическимъ очеркомъ, въ которомъ крайне наглядно было выражено вліяніе рельсовыхъ путей. Вліяніе это, относительно хлѣбной торговли, Тарачковъ подвелъ къ слѣдующимъ результатамъ: 1) Витебско-Орловская дорога, въ связи съ Московско-Курской, отвлекли направленіе хлѣба изъ центральной черноземной полосы на Москву, къ движенію на западъ, къ Ригѣ; 2) Московско-Козловская, въ связи съ Ряжско-Моршанской линіей, наоборотъ, усилили притокъ хлѣба въ Москву съ юго-восточной черноземной полосы, и Рязанскій путь сдѣлался главнымъ кормильцемъ древней столицы. 3) Всѣ сказанныя линіи, равно какъ и Московско-Нижегородская, съ вѣтвью ея къ с. Иванову, соединяя непосредственно мѣста потребленія съ центрами производительности, убили перевалочные и перегрузочные пункты, торговавшіе чужимъ хлѣбомъ, въ качествѣ посредниковъ между производителями и потребителями и вслѣдствіе этого сдѣлали болѣе длинными раіоны полученія хлѣба. Такъ упалъ гор. Ефремовъ, было близко къ паденію село Сергіевское, Тульской губ., упали Серпуховская, Коломенская и Рязанская пристани на Окѣ, утратили также значеніе пристани по Клязьмѣ; въ то же время раіонъ Москвы удлиннился по всѣмъ направленіямъ, изъ которыхъ онъ получалъ хлѣбъ, не исключая даже падающаго движенія съ юга, гдѣ раіонъ Москвы отъ Мценска и Орла перемѣстился къ Курску. Вмѣстѣ съ тѣмъ слабѣе и слабѣе становилось въ центральномъ раіонѣ движеніе хлѣба водой. 4) Въ самой Москвѣ, благодаря желѣзнымъ дорогамъ въ разныя стороны черноземнаго пространства, цѣны на хлѣбъ въ послѣднее пятилѣтіе колебались незначительно, за исключеніемъ 1868 года.

Къ сожалѣнію обстоятельнымъ предварительнымъ отчетомъ Тарачкова и окончились его работы по ввѣренному раіону [1]). Онъ принялся за окончательную разработку собранныхъ имъ свѣдѣній; но тяжкая болѣзнь и смерть воспрепятствовали окончанію его работы.

[1]) Этотъ отчетъ былъ напечатанъ въ Изв. общ. Т. V, Отд. 2-й, стр. 271—302.

Сводная Коммиссія возложила окончаніе трудовъ по центральному раіону В. И. Чаславскому, дѣятельность котораго по хлѣбной экспедиціи принадлежитъ уже послѣдующему періоду.

Еще менѣе посчастливилось Обществу и въ Азовскомъ (юго-восточномъ) раіонѣ. Г. Г. Перетцъ, на котораго было возложено изслѣдованіе этого раіона, выѣхалъ 25 апрѣля 1867 г. изъ Петербурга и въ концѣ того же мѣсяца прибылъ въ Воронежъ. Пробывъ здѣсь около двухъ недѣль, онъ успѣлъ собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о состояніи хлѣбной производительности и торговли въ Воронежской губерніи. Затѣмъ онъ предпринялъ поѣздку по ея уѣздамъ, которая, вмѣстѣ съ обслѣдованіемъ Борисоглѣбскаго уѣзда Тамбовской и Балашовскаго и Аткарскаго Саратовской губерніи, заняла почти весь май мѣсяцъ. Болѣе подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія успѣлъ онъ собрать по уѣздамъ Бобровскому, Острогожскому и прихоперскимъ, причемъ обращалъ особенное вниманіе, какъ на происшедшія въ послѣднее десятилѣтіе измѣненія въ народномъ хозяйствѣ, такъ и на характеръ и направленіе хлѣбной торговли въ краѣ, особенно же на судоходство по Дону и Хопру, имѣвшее важное значеніе для азовской хлѣбной торговли. Кромѣ того, ему удалось пріобрѣсти точныя данныя о количествѣ пахатной земли въ Воронежской губерніи въ 1857 году, а также свѣдѣнія о продажныхъ и арендныхъ цѣнахъ на землю за послѣднее десятилѣтіе, о стоимости производства и размѣрахъ урожая разныхъ хлѣбовъ, а также дѣйствительныя продажныя цѣны хлѣба съ 1851 года.

Изъ Аткарскаго уѣзда Перетцъ проѣхалъ въ Саратовъ, гдѣ успѣлъ собрать нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія по Балашовскому и Аткарскому уѣздамъ, и важнѣйшія данныя о движеніи хлѣбной торговли съ Волги на Донъ, которое окончательно выяснилъ въ Царицынѣ и въ Калачѣ, откуда Дономъ отправился прямо въ Ростовъ.

Цѣлый мѣсяцъ провелъ онъ въ Ростовѣ и Таганрогѣ. Особенный интересъ представлялъ въ это время (въ іюнѣ) Ростовъ, куда, незадолго до пріѣзда Перетца, пришли донской и хоперскій караваны, такъ что онъ могъ непосредственно ознакомиться съ процессомъ разгрузки, сушки и очистки пшеницы и льнянаго сѣмени. Здѣсь онъ познакомился и съ представителями важнѣйшихъ торговыхъ иностранныхъ конторъ и съ главными хлѣбными торговцами, доставляющими хлѣбъ съ донскихъ и азовскихъ пристаней, а также съ линіи и изъ Пятигорскаго округа. Отъ нихъ пріобрѣлъ онъ обстоятельныя свѣдѣнія о положеніи и ходѣ нашей хлѣбной торговли, объ условіяхъ ея развитія и процвѣтанія, о встрѣчаемыхъ ею препятствіяхъ, и о тѣхъ мѣрахъ, которыя могли бы содѣйствовать ея развитію. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ успѣлъ собрать изъ разныхъ источниковъ свѣдѣнія о движеніи цѣнъ на главные сорта хлѣба за послѣдніе 11 лѣтъ (съ 1856 г., т. е. со времени окончанія Крымской войны), какъ въ Ростовѣ, такъ и въ Таганрогѣ, причемъ обратилъ особенное вниманіе на элементы, входящіе въ составъ портовой цѣны, и на отношеніе ея къ цѣнѣ на мѣстѣ производства.

Въ началѣ іюля Перетцъ отправился въ Новочеркасскъ, откуда поѣхалъ въ Міусскій округъ земли Войска Донскаго и въ Бахмутскій и Славяносербскій уѣзды, составлявшіе главныя части таганрогскаго раіона. Затѣмъ онъ посѣтилъ Маріуполь и Бердянскъ, гдѣ обратилъ преимущественное вниманіе на особенности торговаго движенія этихъ портовъ и на производительность ихъ ближайшихъ раіоновъ—Маріупольскаго округа и уѣздовъ Бердянскаго, Мелитопольскаго и Александровскаго. Здѣсь онъ побывалъ также въ важнѣйшихъ пунктахъ найма рабочихъ, и былъ очевидцемъ неимовѣрно-быстраго и сильнаго возвышенія заработной платы и крайняго недостатка въ рабочихъ рукахъ, явленій, болѣзненно отзывающихся на экономическомъ развитіи Приазовскаго края.

Въ Таганрогѣ, Маріуполѣ и Бердянскѣ, кромѣ самаго торговаго движенія за послѣдніе 11 лѣтъ, Перетцъ успѣлъ ознакомиться съ состояніемъ этихъ портовъ, съ удобствами, которыя они представляютъ для кораблей и для каботажнаго судоходства, съ условіями и стоимостью нагрузки. Не ограничиваясь личнымъ объѣздомъ и осмотромъ рейдовъ, онъ собиралъ мнѣнія и отзывы спеціалистовъ морскаго дѣла, иностранныхъ конторъ и шкиперовъ. Точно также въ Ростовѣ онъ обратилъ вниманіе на положеніе и виды донскаго пароходства, которое въ то время было еще весьма мало развито.

Въ Екатеринославской губерніи онъ старался знакомиться съ направленіемъ и положеніемъ чумацкихъ трактовъ, такъ какъ въ Приазовскомъ краѣ, лишенномъ какихъ-либо водяныхъ путей кромѣ Дона, сухопутное передвиженіе товаровъ играетъ важную роль и сильно вліяетъ на торговлю хлѣбомъ, на его цѣны и даже на количество отпуска.

Конецъ іюля Перетцъ употребилъ на обозрѣніе Екатеринославскаго, Новомосковскаго и Павлоградскаго уѣздовъ, при чемъ осмотрѣлъ и днѣпровскіе пороги, проѣхавъ Днѣпромъ все пространство отъ Лоцманской Каменки до колоніи Кичкасъ.

Августъ мѣсяцъ Перетцъ посвятилъ обозрѣнію Харьковской губерніи, гдѣ удалось ему болѣе подробно и обстоятельно ознакомиться съ положеніемъ производительности и хлѣбной торговли въ уѣздахъ Харьковскомъ, Зміевскомъ, Изюмскомъ и отчасти Старобѣльскомъ. Свѣдѣнія эти были собраны имъ отчасти отъ коммиссіонеровъ бердянскихъ и маріупольскихъ торговцевъ, отчасти отъ торговцевъ непосредственно отправляющихъ хлѣбъ въ Азовскіе порты. Въ заключеніе своей поѣздки изслѣдователь посѣтилъ южныя и ю.-в. уѣзды Курской губерніи, которые хотя и не участвуютъ непосредственно въ Азовской отпускной торговлѣ, но или снабжаютъ рожью и овсомъ Харьковскую и отчасти Воронежскую губерніи или перемалываютъ Воронежскую и Старобѣльскую пшеницу, отправляемую въ Елецъ, Ливны, Козловъ и прямо въ Москву.

Въ концѣ своего предварительнаго отчета Г. Г. Перетцъ, имѣвшій дѣло съ раіономъ, на всемъ своемъ протяженіи обладающимъ большимъ хлѣбнымъ избыткомъ, пришелъ совершенно справедливо къ заключенію, что

самыми неудовлетворительными изъ собранныхъ имъ свѣдѣпій оказались свѣдѣнія о количествѣ производимаго въ обслѣдованномъ краѣ хлѣба: данныя оффиціальныя оказались не только далекими отъ истины, но и вполнѣ неудовлетворительными; получать же какія бы то ни было цифры частнымъ путемъ оказалось совершенно невозможно.

По возвращеніи своемъ въ Петербургъ Перетцъ сдѣлалъ въ Обществѣ два сообщенія о вліяніи крестьянской реформы на хлѣбную производительность Воронежской губерніи [1]) и о каменно-угольномъ производствѣ въ землѣ Войска Донскаго.

Казалось бы, что изслѣдователю оставалось только, разработавъ за возможно продолжительный промежутокъ времени отпускную торговлю каждаго Азовскаго порта, опредѣлить изъ собранныхъ имъ матерьяловъ раіонъ вліянія этихъ портовъ, пути слѣдованія къ нимъ товаровъ, способы перевозки и цѣны на хлѣбъ съ ихъ колебаніями и представить въ такомъ видѣ результаты своихъ работъ въ Общество, но Г. Г. Перетцъ не разработалъ ни неудовлетворительныхъ, ни удовлетворительныхъ данныхъ имъ собранныхъ, и не смотря на безчисленныя напоминанія не исполнилъ принятыхъ имъ на себя передъ Обществомъ обязанностей.

Съ полнымъ, по мѣрѣ возможности, успѣхомъ дѣйствовалъ за то по изслѣдованію хлѣбной торговли въ сосѣднемъ юго-западномъ или Одесско-Черноморскомъ раіонѣ Ю. Э. Янсонъ.

Выѣхавъ изъ Петербурга 29 апр. 1867 г. Ю. Э. Янсонъ направился, по предложенію Коммиссіи, на Волынь и первую половину мая посвятилъ ея изученію. Въ Пинскъ изслѣдователю не удалось пробраться, по положительной невозможности проѣхать туда съ западной стороны въ раннюю пору года (особенно въ дожди и разливы 1867 года). Волынь—представляла большія особенности въ хлѣбной торговлѣ. Янсонъ прорѣзалъ ее по линіи, раздѣляющей сбытъ на сѣверъ—къ Данцигу и Кенигсбергу отъ сбыта на ю. къ Балтѣ и на ю.-з. въ Галицію. На Волыни же изслѣдователь прямо столкнулся съ преобладаніемъ въ хлѣбной торговлѣ еврейскаго элемента, дающаго ей своеобразный и не всегда прямой характеръ. Это преобладаніе еврейскаго элемента охватывало весь раіонъ и дѣлало изслѣдованія въ немъ въ высшей степени затруднительными. Особенно сильно было господство это на правой сторонѣ Днѣпра; на лѣвой, по мѣрѣ удаленія отъ него, оно становилось все болѣе и болѣе слабымъ. Но и тамъ уже давленіе его давало себя чувствовать и торговля принимала колоритъ праваго берега. Элементъ этотъ проникалъ даже въ крайній востокъ Черниговской губерніи—въ Глуховской раіонъ. Что касается до экономическаго положенія Волыни, то тамъ, также какъ и въ губерніяхъ Кіевской и Подольской, сельское хозяйство, по многимъ причинамъ было, въ то время, въ по[illegible] очевидно ненормальномъ—что значительно усложняло изслѣдовані[illegible]

[1]) См. Извѣст. И. Р. Г. О., Т. III, Отд. 1, стр. 176—180.

мелочи условія покупки внутри и отправки за границу хлѣбныхъ продуктовъ, сала, а равно и положеніе мукомольнаго производства въ портовыхъ городахъ Одессѣ и Николаевѣ.

На возвратномъ пути онъ посѣтилъ еще нѣкоторыя мѣста Кіевской губерніи, пропущенныя имъ по разнымъ причинамъ въ первую экскурсію туда изъ Кременчуга.

По возвращеніи своемъ въ Петербургъ Ю. Э. Янсонъ сдѣлалъ въ Обществѣ интересное сообщеніе о способахъ водяной доставки въ Нижнеднѣпровскомъ раіонѣ [1]).

Въ слѣдующемъ 1868 г. Ю. Э. Янсонъ посѣтилъ юго-западныя губерніи, Новороссійскій край, а также южный берегъ Крыма. Въ представленномъ имъ сжатомъ очеркѣ [2]), онъ весьма талантливо умѣлъ очертить всѣ тѣ вопросы въ общественномъ, торговомъ и сельско-хозяйственномъ бытѣ только что названныхъ благодатныхъ странъ южной Россіи, которыя по необходимости приходится изучать изслѣдователю спеціальнаго вопроса о хлѣбной производительности и торговлѣ.

Изслѣдованіе въ 1868 г. Янсонъ началъ городомъ Суджею Курской губерніи хлѣбнымъ рынкомъ, который оказался, впрочемъ, болѣе связаннымъ съ Ригою и Москвою, чѣмъ съ Кременчугомъ и южными портами. Затѣмъ изслѣдователь обратилъ вниманіе на три западные уѣзда Харьковской губерніи (Сумскій, Ахтырскій, Лебединскій), гдѣ отсутствіе путей вывоза заставило населеніе обратиться на винокуреніе и свеклосахарное производство, а продукты этихъ производствъ направлять въ Крымъ. Изъ Сумъ Янсонъ направился, черезъ Кременчугъ, въ сѣв. часть Херсонской губерніи, посѣтилъ Александрію и Елисаветградъ, переѣхалъ черезъ Уманскій уѣздъ въ Подолію, гдѣ встрѣтился съ неблагосклоннымъ отношеніемъ къ русскому изслѣдователю помѣщиковъ-поляковъ, и могъ собрать только нѣкоторыя полезныя свѣдѣнія, какъ въ предшедшемъ году, на Волыни, только черезъ мировыхъ посредниковъ и предсѣдателей съѣздовъ. Балта и Могилевъ на Днѣстрѣ обратили на себя особое вниманіе изслѣдователя; первый изъ этихъ городовъ еще нисколько не успѣлъ въ то время перемѣнить своей физіономіи подъ вліяніемъ только что построенной въ Одессу желѣзной дороги, съ которой, при ея неустройствѣ, еще конкурировало въ то время приходящее въ упадокъ громадное чумацкое движеніе. Большое вниманіе въ своихъ изслѣдованіяхъ въ Подоліи, какъ и въ Волыни, Янсонъ обратилъ на крупную экономическую силу юго-западнаго края—еврейство.

Изъ южной части Подольской губерніи онъ черезъ Ананьевъ прибылъ въ Одессу, гдѣ собралъ цѣнныя статистическія матерьялы, а за тѣмъ посѣтилъ и Крымскіе порты отъ Евпаторіи до Керчи, обращая вниманіе на ихъ тогдашнее значеніе по сравненію съ Азовскими, а оттуда направился

[1]) См. Изв. И. Р. Г. О., Т. III, Отд. 1, стр. 185—188.
[2]) Очеркъ этотъ былъ прочтенъ авторомъ въ октябрскомъ Общемъ Собраніи 1868 г. и напечатанъ въ «Извѣстіяхъ» Общества, Т. IV, Отд. II, № 7, стр. 349—359.

въ Бессарабію, прорѣзалъ ее до Хотина, а затѣмъ посѣтилъ еще и сѣверную часть Подольской губерніи съ ея рынками Проскуровымъ и Старо-Константиновымъ. Послѣднею мѣстностью для изслѣдованій Янсона былъ Пинскъ, представлявшій въ то время, по свидѣтельству изслѣдователя, весьма важную еврейскую факторію (съ 14 тыс. жит.), на раздѣльной почвѣ двухъ системъ воднаго сообщенія Днѣпровско-Бугской и Огинской, привязывающихъ торговлю средняго Днѣпра къ Вислянскому и Нѣманскому воднымъ путямъ.

По возвращеніи своемъ изъ экспедиціи Янсонъ сначала сдѣлалъ въ Обществѣ еще одно сообщеніе [1]), а затѣмъ принялся за разработку собранныхъ имъ данныхъ и окончилъ ее въ разсматриваемомъ періодѣ съ замѣчательною талантливостью и успѣхомъ, упрочившимъ его извѣстность, какъ одного изъ лучшихъ русскихъ статистиковъ и открывшихъ ему дорогу на каѳедру профессора статистики С.-П.-Б. Университета. Весь рядъ его изслѣдованій былъ напечатанъ въ „Трудахъ Экспедиціи для изслѣдованія хлѣбной торговли и производительности въ Россіи“, а именно „Пинскъ и его раіонъ“ составилъ 3-й выпускъ I тома (1869 г.); „Хлѣбная торговля въ Волыни“ и „Хлѣбная торговля на самовозныхъ рынкахъ“—4-й и 5-й выпуски того же тома (1870); „Крымъ и его хлѣбопашество и хлѣбная торговля“—1-й вып. II тома (1870); „Статистическое изслѣдованіе о хлѣбной торговлѣ въ Одесскомъ раіонѣ“—2-й вып. II тома 1870.

Сосѣдній съ Юго-Западнымъ, Сѣверо-Западный раіонъ былъ порученъ М. Н. Раевскому, на долю котораго выпало изученіе бассейновъ Западной Двины, Нѣмана и верховьевъ Днѣпра. По запискѣ, представленной имъ въ Коммиссію и одобренной ею, изслѣдованіе это предполагалось раздѣлить на двѣ поѣздки, каждая по 5 мѣсяцевъ; а именно, въ теченіе первой — прослѣдивъ Двину отъ истока до Витебска, переѣхать на Днѣпръ и изучить движеніе на немъ до устья Десны; отсюда же объѣхать раіонъ посѣщенныхъ пристаней, заключивъ его Калужской губерніей. Остальная часть Двинскаго бассейна и округъ Нѣмана были оставлены на вторую поѣздку, въ теченіе 1868 года. Въ первую поѣздку было предположено посѣтить еще 3 пристани Верхневолжскаго района: Зубцовскую, Гжатскую и Ржевскую, потому что округъ ихъ казался тѣсно связаннымъ съ округомъ Бѣльской пристани. Путь Раевскаго, за рѣдкими исключеніями, держался, можно сказать, строго того направленія, какое было предположено въ запискѣ. Правда, на первыхъ же дняхъ пребыванія во Ржевѣ, Раевскій узналъ, что Ржевъ не отправлялъ уже ничего на Бѣльскую пристань, тѣмъ не менѣе онъ остался для изслѣдованій и въ этомъ городѣ, преимущественно потому, что округъ Ржевскій заходитъ глубоко въ Смоленскую губернію, и вдобавокъ отпускъ Ржева, по предметамъ своимъ, очень похожъ вообще на отпускъ

[1]) О цѣнахъ въ хлѣбной торговлѣ съ пристаней ср. теченія Днѣпра къ Пинску. (Извѣстія И. Р. Г. О., Т. V, Отд. 1-е, стр. 188—190).

мелочи условія покупки внутри и отправки за г
товъ, сала, а равно и положеніе мукомольнаго
городахъ Одессѣ и Николаевѣ.

На возвратномъ пути онъ посѣтилъ
губерніи, пропущенныя имъ по разнымъ при
изъ Кременчуга.

По возвращеніи своемъ въ Петерб
ществѣ интересное сообщеніе о спо
днѣпровскомъ раіонѣ [1]).

Въ слѣдующемъ 1868 г. Ю.
берніи, Новороссійскій край, а так
номъ имъ сжатомъ очеркѣ [2]), онъ
вопросы въ общественномъ, торго
что названныхъ благодатныхъ
мости приходится изучать
производительности и торгов

Изслѣдованіе въ 1868 г.
хлѣбнымъ рынкомъ, который
Москвою, чѣмъ съ Крем
обратилъ вниманіе на
Ахтырскій, Лебединскій
обратиться на вино
производствъ напр
Кременчугъ, въ
Елисаветградъ.
тился съ небла
щиковъ-поляко
въ предше
и предсѣда
особое вни
не успѣл
что пос
еще к
движе
Вол
кра

былъ таковъ
или крайне пос
откуда во Ржевъ.
данныя по Ерш
верстахъ въ 50 ниже
откуда онъ отправился
и притомъ мѣсто жи-
съ Бѣлаго; проживъ
Бѣльской пристани и ея
Бѣлый, а направился въ
главнымъ образомъ въ
за онъ проѣхалъ въ Смо-
въ этой мѣстности, онъ
пристани или точнѣе о
слышать довольно еще
въ Рославль—перевалочный
наго торговаго дома по этой
удовлетворенными свѣдѣніями
Порѣчье. Въ Порѣчьѣ онъ
Велижѣ, единственной хлѣбной
не особо значительной; свѣ-
Витебскѣ, куда онъ прибылъ чрезъ
женъ былъ заняться, какъ водя-
ной дорогѣ; дорога эта успѣла уже
замѣтно особенно въ усиленіи спроса
Витебска онъ отправился въ Моги-
левъ. Раевскій обращался, отъ тор-
онъ ходилъ прямо, не будучи
большею частію чисто русское
его. Въ Могилевѣ, гдѣ всѣ хлѣб-
увидѣлъ скоро, что приходится пере-
только тогда можно получить обстоятель-
отъ еврейскихъ торговцевъ, когда
купецъ, только хорошо ихъ знающій, све-
послѣднему разсказать пріѣхавшему,
Могилевской губерніи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ
обращался уже отъ производителей или
губерніи этой онъ былъ по Днѣпру: въ
слышалъ, какъ въ этихъ пунктахъ, такъ и
Дорогобужѣ. По Сожу въ Могилевской
Кричевѣ, Молостовкѣ (въ 30 верстахъ
Пропойскѣ, г. Гомелѣ и слободѣ Вѣткѣ.
ѣхалъ въ Черниговъ, откуда ѣздилъ въ Любечъ,

самыми неудовлетворительными изъ собранныхъ имъ свѣдѣній оказались свѣдѣнія о количествѣ производимаго въ обслѣдованномъ краѣ хлѣба: данныя оффиціальныя оказались не только далекими отъ истины, но и вполнѣ неудовлетворительными; получать же какія бы то ни было цифры частнымъ путемъ оказалось совершенно невозможно.

По возвращеніи своемъ въ Петербургъ Перетцъ сдѣлалъ въ Обществѣ два сообщенія о вліяніи крестьянской реформы на хлѣбную производительность Воронежской губерніи [1]) и о каменно-угольномъ производствѣ въ землѣ Войска Донскаго.

Казалось бы, что изслѣдователю оставалось только, разработавъ за возможно продолжительный промежутокъ времени отпускную торговлю каждаго Азовскаго порта, опредѣлить изъ собранныхъ имъ матерьяловъ раіонъ вліянія этихъ портовъ, пути слѣдованія къ нимъ товаровъ, способы перевозки и цѣны на хлѣбъ съ ихъ колебаніями и представить въ такомъ видѣ результаты своихъ работъ въ Общество, но Г. Г. Перетцъ не разработалъ ни неудовлетворительныхъ, ни удовлетворительныхъ данныхъ имъ собранныхъ, и не смотря на безчисленныя напоминанія не исполнилъ принятыхъ имъ на себя передъ Обществомъ обязанностей.

Съ полнымъ, по мѣрѣ возможности, успѣхомъ дѣйствовалъ за то по изслѣдованію хлѣбной торговли въ сосѣднемъ юго-западномъ или Одесско-Черноморскомъ раіонѣ Ю. Э. Янсонъ.

Выѣхавъ изъ Петербурга 29 апр. 1867 г. Ю. Э. Янсонъ направился, по предложенію Коммиссіи, на Волынь и первую половину мая посвятилъ ея изученію. Въ Пинскъ изслѣдователю не удалось пробраться, по положительной невозможности проѣхать туда съ западной стороны въ раннюю пору года (особенно въ дожди и разливы 1867 года). Волынь—представляла большія особенности въ хлѣбной торговлѣ. Янсонъ прорѣзалъ ее по линіи, раздѣляющей сбытъ на сѣверъ—къ Данцигу и Кенигсбергу отъ сбыта на ю. къ Балтѣ и на ю.-з. въ Галицію. На Волыни же изслѣдователь прямо столкнулся съ преобладаніемъ въ хлѣбной торговлѣ еврейскаго элемента, дающаго ей своеобразный и не всегда прямой характеръ. Это преобладаніе еврейскаго элемента охватывало весь раіонъ и дѣлало изслѣдованія въ немъ въ высшей степени затруднительными. Особенно сильно было господство это на правой сторонѣ Днѣпра; на лѣвой, по мѣрѣ удаленія отъ него, оно становилось все болѣе и болѣе слабымъ. Но и тамъ уже давленіе его давало себя чувствовать и торговля принимала колоритъ праваго берега. Элементъ этотъ проникалъ даже въ крайній востокъ Черниговской губерніи—въ Глуховской раіонъ. Что касается до экономическаго положенія Волыни, то тамъ, также какъ и въ губерніяхъ Кіевской и Подольской, сельское хозяйство, по многимъ причинамъ было, въ то время, въ положеніи очевидно ненормальномъ—что значительно усложняло изслѣдованіе.

---

[1]) См. Извѣст. И. Р. Г. О., Т. III, Отд. 1, стр. 176—180.

мѣстностей требовало значительнаго количества времени и труда и должно было быть поручено особому изслѣдователю. Вмѣстѣ съ тѣмъ Раевскій представилъ оставшіяся у него отъ разъѣздовъ деньги, объяснивъ, что онъ самъ, по особымъ обстоятельствамъ, никакъ не можетъ принять на себя трудъ по изслѣдованію оставшихся въ Сѣверо-Западномъ раіонѣ пробѣловъ. Коммиссія, соглашаясь съ мнѣніемъ Раевскаго о необходимости образовать изъ бассейна Нѣмана и большей части Царства Польскаго особый раіонъ и поручить изслѣдованіе этого раіона, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и посѣщеніе Данцига и Кенигсберга, особому изслѣдователю, приняла однакоже на видъ, что исключительное положеніе, въ которомъ находились наши сѣверозападныя губерніи, въ это время, представляло большія затрудненія для успѣшнаго хода ученой экспедиціи и что врядъ ли полезно приступить нынѣ же къ посылкѣ въ этотъ край и въ Царство Польское новаго лица, пріисканіе котораго сопряжено тоже съ значительными трудностями, а потому опредѣлила отложить пополненіе пробѣловъ, оставшихся въ Сѣверо-Западномъ раіонѣ, до болѣе благопріятнаго времени.

М. Н. Раевскій по возвращеніи своемъ, дѣятельно принялся за разработку собранныхъ имъ матерьяловъ, но привелъ ихъ къ окончанію только въ слѣдующемъ періодѣ, къ которому относится также и дополнительная поѣздка В. Н. Чаславскаго для изслѣдованія хлѣбной торговли въ Примосковскомъ раіонѣ и въ Ригѣ — о чемъ будетъ еще рѣчь въ послѣдующихъ главахъ.

Вообще дѣятельность Географическаго Общества по Отдѣленію Статистики въ разсматриваемомъ періодѣ было самою оживленною. Этому много содѣйствовало то, что именно въ этомъ періодѣ Россія прошла черезъ рядъ реформъ начавшихся съ подготовленнаго работами 1858—1861 года освобожденія крестьянъ и измѣнившихъ совершенно весь экономическій строй Россіи. Въ особенности повліяло на это измѣненіе: освобожденіе труда и начавшееся въ этомъ періодѣ проведеніе цѣлой сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ.

При томъ дѣятельномъ участіи, которое самые видные члены Общества принимали въ совершавшихся въ разсматриваемомъ періодѣ реформахъ, весьма естественно, что сужденія о всемъ томъ, что совершалось въ это время въ Россіи, должны были переходить и въ чуткое и отзывчивое по всѣмъ экономическимъ вопросамъ Географическое Общество. Это и объясняетъ цѣлый рядъ происходившихъ въ засѣданіи Отдѣленія Статистики преній о желаемомъ направленіи предпринимаемыхъ желѣзнодорожныхъ путей, пренія, которыя, разъясняя довольно разносторонне спорные вопросы, имѣли хотя конечно только косвенное вліяніе на ихъ разрѣшеніе. Этимъ объясняется также образованіе при Отдѣленіи Статистики особаго Политико-Экономическаго Комитета, также принесшаго свою несомнѣнную долю пользы при обсужденіи общественно-экономическихъ вопросовъ.

О дѣятельности и закрытіи Комитета мы имѣли уже случай говорить выше (стр. 169—173); здѣсь же замѣтимъ только, что съ закрытіемъ Политико-

Экономическаго Комитета при Геогр. Обществѣ, потребность обсужденія нѣкоторыхъ имѣющихъ всеобщій интересъ экономическихъ вопросовъ не устранилась: обсужденіе это перенеслось только на другую почву, прiисканную прежними участниками Политико-Экономическаго Комитета, на почву дружеской бесѣды на такъ называемыхъ экономическихъ обѣдахъ.

Въ одной изъ послѣдующихъ главъ мы увидимъ, какое вліяніе имѣло на Отдѣленіе Статистики Географич. Общества перенесеніе центра тяжести дѣятельности тѣхъ же наиболѣе выдающихся Членовъ Геогр. Общества въ другія группы и учрежденія.

ГЛАВА XXIII.

Издательская дѣятельность Общества.

Изъ картографическихъ изданій Общества въ разсматриваемомъ періодѣ, послѣ изданія Межеваго атласа Тверской губерніи, оконченнаго къ его началу (онъ вышелъ въ продажу въ 1857 г.) былъ изданъ въ 1859 г. Межевой атласъ Рязанской губерніи, въ масштабѣ 4 верш. въ дюймѣ, на 24 листахъ, а въ 1860 г. семитопографическія карты Тверской и Рязанской губерніи въ 8 вер. въ дюймѣ.

Затѣмъ въ 1862 г. было окончено и издано крупное картографическое предпріятіе Общества—Карта Европ. Россіи и Кавказскаго края на 12 листахъ въ масштабѣ 40 вер. въ дюймѣ, о которомъ мы уже достаточно сказали выше (стр. 336—341).

Въ 1864 г. окончено капитальное картографическое изданіе Общества, представлявшее главный результатъ работъ Математическаго отдѣла его Сибирской экспедиціи:—Большая карта южной половины Вост. Сибири въ масштабѣ 40 вер. въ дюймѣ, на 7 большихъ листахъ и та же карта въ 160 верстномъ масштабѣ.

Наконецъ въ 1867 г. вышло небольшое картографическое изданіе Общества: карта южной части Туркестанскаго края (Сыръ-Дарьинская область) въ масштабѣ 110 вер. въ дюймѣ, а въ 1858 г. изданная Кавказскимъ Отдѣломъ карта Кавказскаго края, въ масштабѣ 40 верст. въ дюймѣ.

Изъ трудовъ экспедицій Общества въ разсматриваемомъ періодѣ Общества были изданы:

А). По большой Сибирской экспедиціи Географическаго Общества:

Труды Сибирской экспедиціи. Математическій Отдѣлъ. Отчетъ астронома Шварца. 4. 1865 (50 печ. лист.). Физическій Отдѣлъ Т. I. Историческіе отчеты о физико-геогр. изслѣдованіяхъ магистра Ѳ. Б. Шмидта и П. П. Глена. 1868. 4. ($17^1/_2$ печ. лист.).

Dr. G. Radde, Reisen im Süden v. Ost-Sibirien in den Jahren 1856—59. Bd. I. Die Säugethierfauna. St. Petersb. 1862. 4. (48 печ. лист.). Bd. II. Die Festlands-Ornis d. S.-O. Sibiriens. 1863. 4. (до 48

печ. лист.). Объ экспедиціяхъ, давшихъ пищу этимъ изданіямъ, было уже достаточно говорено выше (стр. 192—194).

Б). По экспедиціямъ Сибирскаго Отдѣла (изданія этого Отдѣла) вышли въ разсматриваемомъ періодѣ два капитальные труда:

Р. Маака: Путеш. на Амуръ, совершонное по распоряженію Сибирскаго Отдѣла въ 1855. СПБ. 1859. 4 (49 печ. лист.).

Р. Маака: Путеш. по долинѣ р. Усури. 2 части. СПБ. 1861. 4 (74 печ. лист.).

В). По экспедиціямъ для изслѣдованія внутренней торговли вышли въ разсматриваемомъ періодѣ:

И. Аксакова: Изслѣдованіе о торговлѣ на Украинскихъ ярмаркахъ 1858. 4 (48 печ. лист.).

Труды по экспедиціи для изслѣдованія хлѣбн. торговли и производительности въ Россіи:

Т. I. Вып. 1-й И. Ѳ. Барковскій: Пути и способы перевозки грузовъ съ низовыхъ пристаней Волги и С.-П.-Б. 1868 (70 стр.). Вып. 2-й П. П. Чубинскій: Отч. о льняноводствѣ и льнян. торг. въ Сѣверн. раіонѣ. 1869. (83 стр.). Вып. 3-й Ю. Э. Янсонъ: Пинскъ и его раіонъ. 1870. (180 стр.). Вып. 4-й и 5-й Ю. Э. Янсонъ: Хлѣбн. торговля въ Волыни и хлѣбн. торг. на самовозныхъ рынкахъ. 1870 г. (155 стр.). Вып. 6-й П. П. Чубинскій: О сост. хлѣбн. торг. въ Сѣв. раіонѣ. 1870. (285 стр.). Весь томъ заключаетъ 48 печ. листовъ.

Т. II. Вып. 1-й Ю. Э. Янсонъ: Крымъ и его хлѣбопашество и хлѣбная торговля 1870. Вып. 2-й Ю. Э. Янсонъ: Статист. изсл. о хлѣбн. торг. въ Одесск. раіонѣ. 1870 г. Вып. 3-й В. П. Безобразовъ: Хлѣбная торговля въ с.-в. Россіи (въ Камскомъ бассейнѣ и Пріуральск. краѣ). 1870. (во всѣхъ трехъ выпускахъ 38 печ. лист.).

Изъ Риттеровой Азіи вышли въ разсматриваемомъ періодѣ слѣдующіе томы: Т. II. Тянъ-шань и Алтай съ китайской стороны. Перев. П. Семенова 1859 г. (22 печ. лист.).

Т. III. Русскій Алтай и Саянскій хребетъ. Пер. П. Семенова 1860 г. (36 печ. лист.).

Т. IV. Кабулистанъ и Кафиристанъ. Перев. В. В. Григорьева съ критич. примѣч. и дополненіями 1867 г. (63 печ. лист.).

Т. V. Восточный или Китайскій Туркестанъ. Перев. В. В. Григорьева съ критич. замѣч. 1869 г. (35 печ. лист.).

Такимъ образомъ въ разсматриваемомъ періодѣ Тянъ-шань, Алтай и Восточный Туркестанъ изданы были еще только въ переводѣ съ Риттера безъ дополненій, изданныхъ въ послѣдующемъ періодѣ, а Кабулистанъ и Кафиристанъ съ довольно обширными дополненіями В. В. Григорьева.

Самымъ же обширнымъ предпріятіемъ Общества по отношенію къ изданіямъ былъ въ разсматриваемомъ періодѣ „Географическо-Статистическій Словарь Россійской Имперіи“.

пристань почти на границѣ Черниговскаго и Городненскаго уѣздовъ; про Радуль и Навозъ, другія днѣпровскія пристани Черниговской губ., онъ составилъ понятіе изъ разсказовъ въ Гомелѣ, Вѣткѣ, Любечѣ, и Черниговѣ. Изъ Любеча, чрезъ Черниговъ, Раевскій отправился въ Новгородъ-Сѣверскій; въ Новгородѣ-Сѣверскомъ онъ слышалъ много про Трубчевскъ, о которомъ получилъ предварительныя свѣдѣнія еще въ Шкловѣ и Вѣткѣ. Изъ Новгорода-Сѣверскаго, чрезъ Стародубъ, важный пунктъ по пенькѣ и транзитной торговлѣ хлѣбомъ, онъ пробрался въ мѣстечко Почепъ, мѣсто перевалки какъ для Рославля, такъ и для Могилевской губерніи; изъ Почепа переѣхалъ въ Брянскъ. Хотя было уже 1-е октября, но до Свенской (Свинской) ярмарки, считающейся Покровской, оставалось еще больше недѣли; Свинская ярмарка, на которой, какъ выражаются на мѣстѣ, степь переговаривается съ Бѣлоруссіей, каковы были урожаи, былъ съѣздъ торговцевъ портовыхъ, какъ къ Ригѣ, такъ и къ Петербургу, съ ихъ прасолами и главными степными торговцами. Здѣсь собирались купцы по Витебску и Порѣчью, по Бѣлому, Ерыгинскимъ пристанямъ; торговцы отъ Калуги, Сухиничъ, Спаса (Спасъ-Деменскаго Мосальскаго уѣзда), Бѣлева, Одоева, Орла, Карачева, Трубчевска, Сѣвска и Курскихъ мѣстъ, и дѣлались обширныя закупки пеньки, масла, также сала и хлѣба. Самыхъ же предметовъ этихъ нисколько не свозилось, и Свинская ярмарка напоминала Кіевскіе контракты; устанавливалась она, когда пріѣзжали главные представители по Порѣчскому и Витебскому отпуску. Изъ Брянска, чрезъ Орелъ, Раевскій прибылъ въ Петербургъ. Такимъ образомъ неизслѣдованными остались Калужская губернія, города Бѣлевъ и Одоевъ Тульской.

По возвращеніи своемъ въ Петербургъ изъ перваго своего путешествія, М. Н. Раевскій сдѣлалъ въ Обществѣ сообщеніе: „Экономическій очеркъ восточной части с.-з. раіона". Путешествіе Раевскаго въ лѣтніе мѣсяцы 1868 г. началось съ мѣстностей, гдѣ остановились занятія изслѣдователя въ 1867 г. [2]), а именно съ лѣсныхъ (западныхъ) уѣздовъ Орловской губерніи, которые, обработывая въ значительныхъ размѣрахъ коноплю, занимаютъ видное мѣсто на рижскомъ рынкѣ. Изъ этихъ уѣздовъ Раевскій прослѣдовалъ въ Калужскую губернію и прилегающій къ ней край Тульской; здѣсь пребываніе въ городахъ Бѣлевѣ, Калугѣ и Сухиничахъ доставило обильный матерьялъ для оцѣнки вліянія рельсовыхъ путей средней Россіи на движеніе къ Верхневолжскимъ пристанямъ (Гжатскимъ или Ерыгинскимъ и Зубцовскимъ) и вообще на ходъ торговли. Изъ Мосальска, чрезъ Рославль, изъ округа пеньки, Раевскій переѣхалъ на противоположную сторону раіона, въ округъ льна, въ Витебскъ. Для изученія торговли по Западной Двинѣ, внизъ отъ Витебска, онъ останавливался въ Бѣшенковичахъ (мѣстечкѣ Лепельскаго уѣзда), Полоцкѣ и Динабургѣ. Здѣсь,

[1]) Подробности путешествія 1867 г. сообщены въ запискѣ, напечатанной въ «Извѣстіяхъ», Т. III, № 8, стр. 201—204.

дѣлилъ: не приступая пока къ рѣшительнымъ мѣрамъ для изданія словаря, просить Вице-Предсѣдателя подвергнуть вопросъ этотъ, согласно съ выраженною Неволинымъ мыслью, новому обсужденію лицъ, близко знакомыхъ съ предпріятіями такого рода.

Въ 1854 г. Д. Чл. И. И. Шопенъ представилъ Совѣту свои соображенія о средствахъ къ изданію словаря, предлагая исходатайствовать на это столь полезное предпріятіе пособіе Правительства, сдѣлать на него заемъ и открыть подписку на изданіе по всей Имперіи. По разсмотрѣніи этихъ предположеній Совѣтъ однакоже опредѣлилъ: увѣдомить ихъ автора, что Общество, по недостатку денежныхъ средствъ, не можетъ еще приступить къ исполненію полезнаго предпріятія на собственный счетъ и не полагаетъ также возможнымъ прибѣгать и къ тѣмъ средствамъ покрытія расходовъ, на которые указывалъ И. И. Шопенъ.

Ревизіонная Коммиссія 1855 года обратила снова вниманіе Совѣта на необходимость изданія Географическаго Словаря. Совѣтъ нашелъ желаніе Коммиссіи вполнѣ уважительнымъ, а изданіе словаря вполнѣ своевременнымъ и необходимымъ. Достоинство Общества требовало весьма многихъ условій для исполненія труда соотвѣтственно ожиданіямъ, которыя вправѣ имѣть наука отъ ученаго учрежденія; поэтому Совѣтъ въ исходѣ 1856 г. составилъ особую коммиссію, для обсужденія во всей подробности плана необходимыхъ работъ, способовъ къ собиранію матерьяловъ и средствъ на изданіе словаря. Въ Коммиссію эту вошли: Предсѣдательствующіе въ Отдѣленіяхъ: А. И. Заблоцкій, И. И. Срезневскій, А. Д. Озерскій, С. И. Зеленый, Членъ Совѣта К. С. Веселовскій, Д. Чл. П. И. Кеппенъ, Членъ-Сотрудникъ К. Ѳ. Свенске и Секретарь Общества Е. И. Ламанскій.

Совѣтъ просилъ Коммиссію указать и впослѣдствіи на лицъ, которыя могли бы принять на себя главное завѣдываніе по собиранію матерьяловъ, обработкѣ ихъ и окончательному приготовленію къ печати.

Избранная Коммиссія открыла свои дѣйствія уже въ началѣ разсматриваемаго періода и въ засѣданіи 23 апрѣля 1857 г. подвергла окончательному въ средѣ своей разсмотрѣнію два представившіеся по предмету ея занятій вопроса: 1) что именно должно войти въ предположенный Словарь; 2) какимъ образомъ приступить къ составленію и изданію Словаря.

По первому вопросу, Коммиссія тщательно разсмотрѣла замѣчанія, представленныя на программу Словаря каждымъ изъ Членовъ, и сообразно съ ними исправила ее.

По второму вопросу, Коммиссія пришла къ убѣжденію о необходимости составленія алфавитнаго списка всѣхъ словъ, которыя войдутъ въ Словарь, съ краткимъ указаніемъ на источники. Такая работа должна была не только чрезвычайно облегчить составленіе самыхъ статей, но и сама по себѣ была бы уже пріобрѣтеніемъ для науки. По окончаніи списка, онъ долженъ быть напечатанъ и вмѣстѣ съ образцовыми статьями разосланъ для приглашенія разныхъ находящихся на мѣстахъ лицъ сообщать Обществу свѣдѣнія объ извѣстныхъ имъ

предметахъ. Успѣшнаго составленія подобнаго списка можно было, по единодушному убѣжденію Коммиссіи, ожидать только отъ академика П. И. Кеппена; посему Коммиссія и обратилась къ нему съ приглашеніемъ принять на себя этотъ трудъ, только для него доступный, какъ по разнообразію и точности его свѣдѣній о Россіи, такъ и по богатству собранныхъ имъ матерьяловъ, единственныхъ въ своемъ родѣ. П. И. Кеппенъ изъявилъ согласіе принять на себя трудъ составленія алфавитнаго списка; объ условіяхъ же, на которыхъ онъ принималъ эту работу, Предсѣдательствующій въ Коммиссіи доложилъ лично Совѣту. При этомъ Коммиссія, согласно заявленію П. И. Кеппена, признала необходимымъ, предоставить ему, для совершенія означеннаго труда, нанимать отъ себя, на счетъ суммъ Общества, писцовъ для переписки и иной механической работы.

Совѣтъ, вполнѣ соглашаясь съ сообщеннымъ А. П. Заблоцкимъ заключеніемъ Коммиссіи и съ условіями принятія академикомъ П. И. Кеппеномъ работы по составленію алфавитнаго списка, положилъ:

1) Просить академика П. И. Кеппена обязать Общество составленіемъ означеннаго списка и выдавать ему, по мѣрѣ надобности, деньги изъ суммъ Общества для найма людей, для переписки и другой механической работы и для покупки нужнаго количества бумаги, предоставивъ ему распоряжаться въ этомъ отношеніи по совершенному его усмотрѣнію.

2) Выдать ему признаваемыя имъ нужными для его работы книги, а также экземпляръ „Вѣстника“ со времени его изданія и „Сборниковъ“ статистическихъ и этнографическаго.

3) Оказывать во всѣхъ предпринимаемыхъ работахъ содѣйствіе П. И. Кеппену отъ Общества, въ пріобрѣтеніи всѣхъ нужныхъ ему свѣдѣній.

4) Предоставить ему писать каждое [illegible] названіе на особой карточкѣ, чтобы имѣть нужный просторъ для прибавленій.

5) Опредѣлить вознагражденіе академику П. И. Кеппену изъ суммъ Общества, за составленіе алфавитнаго списка [illegible] предметовъ для Географическаго Словаря, съ указаніемъ источниковъ и свѣдѣній о нихъ, [illegible] тысячи рублей серебромъ, и выдавать ему эту сумму въ слѣдующемъ порядкѣ: [illegible] тысячу рублей по изготовленіи [illegible] карточекъ, [illegible] — по изготовленіи [illegible], и остальную сумму — по совершенномъ окончаніи работы, т. е. по представленіи въ надлежащемъ видѣ [illegible] карточекъ. По окончаніи всего алфавита карточки должны были оставаться у П. И. Кеппена.

6) Просить Коммиссію, состоящую изъ Дѣйствительныхъ Членовъ А. П. Заблоцкаго, [illegible], [illegible], [illegible], [illegible] Свенске, Н. И. [illegible] и [illegible], постоянно содѣйствовать академику Кеппену въ его трудахъ по Словарю и принять на себя постоянное веденіе дѣла по составленію и изданію Словаря.

Въ маѣ [illegible] г. П. И. Кеппенъ, переселясь окончательно въ Крымъ, представилъ Совѣту Общества [illegible] составленныхъ имъ, согласно условію,

Экономическаго Комитета при Геогр. Обществѣ, потребность обсужденія нѣкоторыхъ имѣющихъ всеобщій интересъ экономическихъ вопросовъ не устранилась: обсужденіе это перенеслось только на другую почву, пріисканную прежними участниками Политико-Экономическаго Комитета, на почву дружеской бесѣды на такъ называемыхъ экономическихъ обѣдахъ.

Въ одной изъ послѣдующихъ главъ мы увидимъ, какое вліяніе имѣло на Отдѣленіе Статистики Географич. Общества перенесеніе центра тяжести дѣятельности тѣхъ же наиболѣе выдающихся Членовъ Геогр. Общества въ другія группы и учрежденія.

ГЛАВА XXIII.

Издательская дѣятельность Общества.

Изъ картографическихъ изданій Общества въ разсматриваемомъ періодѣ, послѣ изданія Межеваго атласа Тверской губерніи, оконченнаго къ его началу (онъ вышелъ въ продажу въ 1857 г.) былъ изданъ въ 1859 г. Межевой атласъ Рязанской губерніи, въ масштабѣ 4 верш. въ дюймѣ, на 24 листахъ, а въ 1860 г. семитопографическія карты Тверской и Рязанской губерніи въ 8 вер. въ дюймѣ.

Затѣмъ въ 1862 г. было окончено и издано крупное картографическое предпріятіе Общества—Карта Европ. Россіи и Кавказскаго края на 12 листахъ въ масштабѣ 40 вер. въ дюймѣ, о которомъ мы уже достаточно сказали выше (стр. 336—341).

Въ 1864 г. окончено капитальное картографическое изданіе Общества, представлявшее главный результатъ работъ Математическаго отдѣла его Сибирской экспедиціи:—Большая карта южной половины Вост. Сибири въ масштабѣ 40 вер. въ дюймѣ, на 7 большихъ листахъ и та же карта въ 160 верстномъ масштабѣ.

Наконецъ въ 1867 г. вышло небольшое картографическое изданіе Общества: карта южной части Туркестанскаго края (Сыръ-Дарьинская область) въ масштабѣ 110 вер. въ дюймѣ, а въ 1858 г. изданная Кавказскимъ Отдѣломъ карта Кавказскаго края, въ масштабѣ 40 верст. въ дюймѣ.

Изъ трудовъ экспедицій Общества въ разсматриваемомъ періодѣ Общества были изданы:

А). По большой Сибирской экспедиціи Географическаго Общества:

Труды Сибирской экспедиціи. Математическій Отдѣлъ. Отчетъ астронома Шварца. 4. 1865 (50 печ. лист.). Физическій Отдѣлъ Т. I. Историческіе отчеты о физико-геогр. изслѣдованіяхъ магистра Ѳ. Б. Шмидта и П. П. Глена. 1868. 4. ($17^1/_2$ печ. лист.).

Dr. G. Radde, Reisen im Süden v. Ost-Sibirien in den Jahren 1856—59. Bd. I. Die Säugethierfauna. St. Petersb. 1862. 4. (48 печ. лист.). Bd. II. Die Festlands-Ornis d. S.-O. Sibiriens. 1863. 4. (до 48

печ. лист.). Объ экспедиціяхъ, давшихъ пищу этимъ изданіямъ, было уже достаточно говорено выше (стр. 192—194).

Б). По экспедиціямъ Сибирскаго Отдѣла (изданія этого Отдѣла) вышли въ разсматриваемомъ періодѣ два капитальные труда:

Р. Маака: Путеш. на Амуръ, совершонное по распоряженію Сибирскаго Отдѣла въ 1855. СПБ. 1859. 4 (49 печ. лист.).

Р. Маака: Путеш. по долинѣ р. Усури. 2 части. СПБ. 1861. 4 (74 печ. лист.).

В). По экспедиціямъ для изслѣдованія внутренней торговли вышли въ разсматриваемомъ періодѣ:

И. Аксакова: Изслѣдованіе о торговлѣ на Украинскихъ ярмаркахъ 1858. 4 (48 печ. лист.).

Труды по экспедиціи для изслѣдованія хлѣбн. торговли и производительности въ Россіи:

Т. I. Вып. 1-й И. Θ. Барковскій: Пути и способы перевозки грузовъ съ низовыхъ пристаней Волги и С.-П.-Б. 1868 (70 стр.). Вып. 2-й П. П. Чубинскій: Отч. о льняноводствѣ и льнян. торг. въ Сѣверн. раіонѣ. 1869. (83 стр.). Вып. 3-й Ю. Э. Янсонъ: Пинскъ и его раіонъ. 1870. (180 стр.). Вып. 4-й и 5-й Ю. Э. Янсонъ: Хлѣбн. торговля въ Волыни и хлѣбн. торг. на самовозныхъ рынкахъ. 1870 г. (155 стр.). Вып. 6-й П. П. Чубинскій: О сост. хлѣбн. торг. въ Сѣв. раіонѣ. 1870. (285 стр.). Весь томъ заключаетъ 48 печ. листовъ.

Т. II. Вып. 1-й Ю. Э. Янсонъ: Крымъ и его хлѣбопашество и хлѣбная торговля 1870. Вып. 2-й Ю. Э. Янсонъ: Статист. изсл. о хлѣбн. торг. въ Одесск. раіонѣ. 1870 г. Вып. 3-й В. П. Безобразовъ: Хлѣбная торговля въ с.-в. Россіи (въ Камскомъ бассейнѣ и Пріуральск. краѣ). 1870. (во всѣхъ трехъ выпускахъ 38 печ. лист.).

Изъ Риттеровой Азіи вышли въ разсматриваемомъ періодѣ слѣдующіе томы: Т. II. Тянъ-шань и Алтай съ китайской стороны. Перев. П. Семенова 1859 г. (22 печ. лист.).

Т. III. Русскій Алтай и Саянскій хребетъ. Пер. П. Семенова 1860 г. (36 печ. лист.).

Т. IV. Кабулистанъ и Кафиристанъ. Перев. В. В. Григорьева съ критич. примѣч. и дополненіями 1867 г. (63 печ. лист.).

Т. V. Восточный или Китайскій Туркестанъ. Перев. В. В. Григорьева съ критич. замѣч. 1869 г. (35 печ. лист.).

Такимъ образомъ въ разсматриваемомъ періодѣ Тянъ-шань, Алтай и Восточный Туркестанъ изданы были еще только въ переводѣ съ Риттера безъ дополненій, изданныхъ въ послѣдующемъ періодѣ, а Кабулистанъ и Кафиристанъ съ довольно обширными дополненіями В. В. Григорьева.

Самымъ же обширнымъ предпріятіемъ Общества по отношенію къ изданіямъ былъ въ разсматриваемомъ періодѣ „Географическо-Статистическій Словарь Россійской Имперіи".

Мысль объ изданіи Географическаго Словаря возникла въ средѣ Общества въ началѣ 1856 г. Еще въ то время Отдѣленіе Статистики, принявъ на себя починъ въ этомъ дѣлѣ и признавъ необходимость подобнаго изданія, учредило для разсмотрѣнія этого вопроса особую Коммиссію.

Коммиссія эта, изъяснивъ подробно необходимость составленія новаго, возможно современнаго Географическаго и Статистическаго словаря Россіи и опредѣливъ предметы, которые должны войти въ этотъ словарь, полагала относительно способовъ исполненія этого предпріятія: во-1-хъ, всѣ распоряженія какъ по составленію статей, такъ и по самому изданію сосредоточить въ лицѣ одного Редактора, который съ ученымъ образованіемъ, соединялъ-бы возможность пожертвовать достаточно времени на это предпріятіе, съ тѣмъ, чтобы ему назначено было денежное вознагражденіе; во-2-хъ, для наблюденія уже за ходомъ изданія, просмотра статей и т. д. учредить Совѣщательный Комитетъ изъ членовъ отъ каждаго изъ Отдѣленій Общества, поручивъ ему дѣйствовать на томъ же основаніи, какъ это сдѣлано для изданія „Обозрѣнія внутренней торговли“, и въ-3-хъ, возложить прежде всего на Редактора, совокупно съ Комитетомъ, составить полную программу Словаря и образцовыя, по каждому отдѣлу, статьи, которыя по одобреніи Совѣта Общества, напечатать во всѣхъ вѣдомостяхъ и особо для распространенія въ возможно большемъ числѣ экземпляровъ, съ приглашеніемъ доставить по нимъ свѣдѣнія.

Совѣтъ, принимая съ одной стороны въ соображеніе всю важность подобнаго предпріятія для распространенія точныхъ географическихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи, а съ другой, то, что дѣло это по существу предметовъ, долженствующихъ войти въ составъ Словаря, касается всѣхъ отдѣленій Общества опредѣлилъ: подробное разсмотрѣніе настоящаго проекта и обсужденіе мѣръ по приведенію его въ исполненіе возложить на особую Коммиссію, съ тѣмъ, чтобы она представила Совѣту заключенія свои по сему предмету.

Коммиссія эта, состоявшая изъ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, Д. А. Милютина и К. С. Веселовскаго, признавая необходимымъ обезпечить предпріятіе пріисканіемъ подходящаго редактора, обратила вниманіе Совѣта на Д. Чл. Фролова, съ которымъ Совѣтъ въ 1851 г. и вступилъ въ сношеніе черезъ своего сочлена Д. А. Милютина. Въ февралѣ 1852 г. Д. А. Милютинъ предъявилъ Совѣту письмо Фролова, въ которомъ сей послѣдній отказался отъ принятія на себя предложенной редакціи.

Затѣмъ Вице-Предсѣдатель Общества М. Н. Муравьевъ обратился къ Д. Чл. К. А. Неволину, поручивъ ему представить свои соображенія о планѣ изданія и о способахъ его выполненія.

Усмотрѣвъ изъ этихъ соображеній, что изданіе Географическаго Словаря въ томъ объемѣ, какого требуютъ современныя потребности науки, далеко превышаетъ денежныя средства Общества, и не можетъ быть предпринято безъ особыхъ, именно на этотъ предметъ назначенныхъ пособій, Совѣтъ опре-

дѣлилъ: не приступая пока къ рѣшительнымъ мѣрамъ для изданія словаря, просить Вице-Предсѣдателя подвергнуть вопросъ этотъ, согласно съ выраженною Неволинымъ мыслью, новому обсужденію лицъ, близко знакомыхъ съ предпріятіями такого рода.

Въ 1854 г. Д. Чл. И. И. Шопенъ представилъ Совѣту свои соображенія о средствахъ къ изданію словаря, предлагая исходатайствовать на это столь полезное предпріятіе пособіе Правительства, сдѣлать на него заемъ и открыть подписку на изданіе по всей Имперіи. По разсмотрѣніи этихъ предположеній Совѣтъ однакоже опредѣлилъ: увѣдомить ихъ автора, что Общество, по недостатку денежныхъ средствъ, не можетъ еще приступить къ исполненію полезнаго предпріятія на собственный счетъ и не полагаетъ также возможнымъ прибѣгать и къ тѣмъ средствамъ покрытія расходовъ, на которые указывалъ И. И. Шопенъ.

Ревизіонная Коммиссія 1855 года обратила снова вниманіе Совѣта на необходимость изданія Географическаго Словаря. Совѣтъ нашелъ желаніе Коммиссіи вполнѣ уважительнымъ, а изданіе словаря вполнѣ своевременнымъ и необходимымъ. Достоинство Общества требовало весьма многихъ условій для исполненія труда соотвѣтственно ожиданіямъ, которыя вправѣ имѣть наука отъ ученаго учрежденія; поэтому Совѣтъ въ исходѣ 1856 г. составилъ особую коммиссію, для обсужденія во всей подробности плана необходимыхъ работъ, способовъ къ собиранію матерьяловъ и средствъ на изданіе словаря. Въ Коммиссію эту вошли: Предсѣдательствующіе въ Отдѣленіяхъ: А. И. Заблоцкій, И. И. Срезневскій, А. Д. Озерскій, С. И. Зеленый, Членъ Совѣта К. С. Веселовскій, Д. Чл. П. И. Кеппенъ, Членъ-Сотрудникъ К. Ѳ. Свенске и Секретарь Общества Е. И. Ламанскій.

Совѣтъ просилъ Коммиссію указать и впослѣдствіи на лицъ, которыя могли бы принять на себя главное завѣдываніе по собиранію матерьяловъ, обработкѣ ихъ и окончательному приготовленію къ печати.

Избранная Коммиссія открыла свои дѣйствія уже въ началѣ разсматриваемаго періода и въ засѣданіи 23 апрѣля 1857 г. подвергла окончательному въ средѣ своей разсмотрѣнію два представившіеся по предмету ея занятій вопроса: 1) что именно должно войти въ предположенный Словарь; 2) какимъ образомъ приступить къ составленію и изданію Словаря.

По первому вопросу, Коммиссія тщательно разсмотрѣла замѣчанія, представленныя на программу Словаря каждымъ изъ Членовъ, и сообразно съ ними исправила ее.

По второму вопросу, Коммиссія пришла къ убѣжденію о необходимости составленія алфавитнаго списка всѣхъ словъ, которыя войдутъ въ Словарь, съ краткимъ указаніемъ на источники. Такая работа должна была не только чрезвычайно облегчить составленіе самыхъ статей, но и сама по себѣ была бы уже пріобрѣтеніемъ для науки. По окончаніи списка, онъ долженъ быть напечатанъ и вмѣстѣ съ образцовыми статьями разосланъ для приглашенія разныхъ находящихся на мѣстахъ лицъ сообщать Обществу свѣдѣнія объ извѣстныхъ имъ

предметахъ. Успѣшнаго составленія подобнаго списка можно было, по единодушному убѣжденію Коммиссіи, ожидать только отъ академика П. И. Кеппена; посему Коммиссія и обратилась къ нему съ приглашеніемъ принять на себя этотъ трудъ, только для него доступный, какъ по разнообразію и точности его свѣдѣній о Россіи, такъ и по богатству собранныхъ имъ матерьяловъ, единственныхъ въ своемъ родѣ. П. И. Кеппенъ изъявилъ согласіе принять на себя трудъ составленія алфавитнаго списка; объ условіяхъ же, на которыхъ онъ принималъ эту работу, Предсѣдательствующій въ Коммиссіи доложилъ лично Совѣту. При этомъ Коммиссія, согласно заявленію П. И. Кеппена, признала необходимымъ, предоставить ему, для совершенія означеннаго труда, нанимать отъ себя, на счетъ суммъ Общества, писцовъ для переписки и иной механической работы.

Совѣтъ, вполнѣ соглашаясь съ сообщеннымъ А. П. Заблоцкимъ заключеніемъ Коммиссіи и съ условіями принятія академикомъ П. И. Кеппеномъ работы по составленію алфавитнаго списка, положилъ:

1) Просить академика П. И. Кеппена обязать Общество составленіемъ означеннаго списка и выдавать ему, по мѣрѣ надобности, деньги изъ суммъ Общества для найма людей, для переписки и другой механической работы и для покупки нужнаго количества бумаги, предоставивъ ему распоряжаться въ этомъ отношеніи по совершенному его усмотрѣнію.

2) Выдать ему признаваемыя имъ нужными для его работы книги, и также экземпляръ „Вѣстника“ со времени его изданія и „Сборниковъ“ статистическихъ и этнографическаго.

3) Оказывать во все продолженіе работы содѣйствіе П. И. Кеппену отъ Общества, въ пріобрѣтеніи всѣхъ нужныхъ ему свѣдѣній.

4) Предоставить ему писать каждое отдѣльное названіе на особой карточкѣ, чтобы имѣть нужный просторъ для прибавленій.

5) Опредѣлить вознагражденіе академику П. И. Кеппену изъ суммъ Общества, за составленіе алфавитнаго списка именъ предметовъ для Географическаго Словаря, съ указаніемъ источниковъ и свѣдѣній о нихъ, *въ три тысячи рублей серебромъ*, и выдавать ему эту сумму въ слѣдующемъ порядкѣ: первую тысячу рублей по изготовленіи 2.000 карточекъ, вторую — по изготовленіи 9.000, и остальную сумму — по завершеніи работы, т. е., по представленіи по крайней мѣрѣ 10.000 карточекъ. До окончанія всего алфавита карточки дожны были оставаться у П. И. Кеппена.

6) Просить Коммиссію, состоявшую изъ Дѣйствительныхъ Членовъ: А. П. Заблоцкаго, К. С. Веселовскаго, С. И. Зеленаго, А. Д. Озерскаго, К. О. Свенске, И. И. Срезневскаго и В. П. Безобразова, постоянно содѣйствовать академику Кеппену въ его трудахъ по Словарю и принять на себя постоянное веденіе дѣла, по составленію и изданію Словаря.

Въ іюнѣ 1858 г. П. И. Кеппенъ, переселяясь окончательно въ Крымъ, представилъ Совѣту Общества 10.000 изготовленныхъ имъ, согласно условію,

печ. лист.). Объ экспедиціяхъ, давшихъ пищу этимъ изданіямъ, было уже достаточно говорено выше (стр. 192—194).

Б). По экспедиціямъ Сибирскаго Отдѣла (изданія этого Отдѣла) вышли въ разсматриваемомъ періодѣ два капитальные труда:

Р. Маака: Путеш. на Амуръ, совершонное по распоряженію Сибирскаго Отдѣла въ 1855. СПБ. 1859. 4 (49 печ. лист.).

Р. Маака: Путеш. по долинѣ р. Усури. 2 части. СПБ. 1861. 4 (74 печ. лист.).

В). По экспедиціямъ для изслѣдованія внутренней торговли вышли въ разсматриваемомъ періодѣ:

И. Аксакова: Изслѣдованіе о торговлѣ на Украинскихъ ярмаркахъ 1858. 4 (48 печ. лист.).

Труды по экспедиціи для изслѣдованія хлѣбн. торговли и производительности въ Россіи:

Т. I. Вып. 1-й И. Ѳ. Барковскій: Пути и способы перевозки грузовъ съ низовыхъ пристаней Волги и С.-П.-Б. 1868 (70 стр.). Вып. 2-й П. П. Чубинскій: Отч. о льняноводствѣ и льнян. торг. въ Сѣверн. раіонѣ. 1869. (83 стр.). Вып. 3-й Ю. Э. Янсонъ: Пинскъ и его раіонъ. 1870. (180 стр.). Вып. 4-й и 5-й Ю. Э. Янсонъ: Хлѣбн. торговля въ Волыни и хлѣбн. торг. на самовозныхъ рынкахъ. 1870 г. (155 стр.). Вып. 6-й П. П. Чубинскій: О сост. хлѣбн. торг. въ Сѣв. раіонѣ. 1870. (285 стр.). Весь томъ заключаетъ 48 печ. листовъ.

Т. II. Вып. 1-й Ю. Э. Янсонъ: Крымъ и его хлѣбопашество и хлѣбная торговля 1870. Вып. 2-й Ю. Э. Янсонъ: Статист. изсл. о хлѣбн. торг. въ Одесск. раіонѣ. 1870 г. Вып. 3-й В. П. Безобразовъ: Хлѣбная торговля въ с.-в. Россіи (въ Камскомъ бассейнѣ и Пріуральск. краѣ). 1870. (во всѣхъ трехъ выпускахъ 38 печ. лист.).

Изъ Риттеровой Азіи вышли въ разсматриваемомъ періодѣ слѣдующіе томы: Т. II. Тянь-шань и Алтай съ китайской стороны. Перев. П. Семенова 1859 г. (22 печ. лист.).

Т. III. Русскій Алтай и Саянскій хребетъ. Пер. П. Семенова 1860 г. (36 печ. лист.).

Т. IV. Кабулистанъ и Кафиристанъ. Перев. В. В. Григорьева съ критич. примѣч. и дополненіями 1867 г. (63 печ. лист.).

Т. V. Восточный или Китайскій Туркестанъ. Перев. В. В. Григорьева съ критич. замѣч. 1869 г (35 печ. лист.).

Такимъ образомъ въ разсматриваемомъ періодѣ Тянь-шань, Алтай и Восточный Туркестанъ изданы были еще только въ переводѣ съ Риттера безъ дополненій, изданныхъ въ послѣдующемъ періодѣ, а Кабулистанъ и Кафиристанъ съ довольно обширными дополненіями В. В. Григорьева.

Самымъ же обширнымъ предпріятіемъ Общества по отношенію къ изданіямъ былъ въ разсматриваемомъ періодѣ „Географическо-Статистическій Словарь Россійской Имперіи".

Коммиссія полагала, что эти дополнительные расходы можно бы принять на обыкновенныя средства Общества; 7.000 р. сер., распредѣленные на 3 года, составили бы 2.333 р. въ годъ; это maximum, который пришлось бы доплатить Обществу изъ своихъ собственныхъ средствъ въ случаѣ не распродажи ни одного экземпляра; но можно было надѣяться, что означенная продажа значительно уменьшитъ необходимость ежегоднаго пожертвованія. Съ другой стороны можно было надѣяться съ увѣренностію, что подобное изданіе, не только принесетъ пользу публикѣ и ученому Обществу, но и въ матерьяльномъ результатѣ, непремѣнно окупится, такъ что расходы, которые будутъ сдѣланы Обществомъ на этотъ предметъ, могутъ быть разсматриваемы только какъ временные, долженствующіе со временемъ уплатиться.

3) Принявъ за главное основаніе направленія изданія прежде составленную программу, съ отстраненіемъ однако изъ нея нѣкоторыхъ излишнихъ статей, слѣдуетъ поручить затѣмъ, въ случаѣ приступленія къ этой работѣ, избранному редактору и Коммиссіи составить болѣе подробное опредѣленіе тѣхъ различныхъ частей, которыя должны войти въ Словарь, и размѣровъ, которые необходимо дать разнымъ статьямъ.

4) Необходимо избрать одного главнаго редактора и поручить ему, какъ выборъ сотрудниковъ, такъ и все управленіе редакціоннымъ дѣломъ по Географическому Словарю.

По выслушаніи чтенія этого журнала, Совѣтъ одобрилъ вполнѣ изложенныя въономъ мнѣнія, и, согласно предложенію двухъ Членовъ Коммиссіи А. П. Заблоцкаго и К. С. Веселовскаго, обратился къ П. П. Семенову съ просьбою о принятіи имъ на себя главной редакціи Словаря, на что П. П. Семеновъ изъявилъ свое согласіе и обѣщалъ, согласно желанію Совѣта, представить ему подробную программу работы и нѣсколько образцовыхъ статей.

При подробномъ разсмотрѣніи Кеппеновскаго матерьяла оказалось, что, по отношенію къ библіографіи народностей, матерьялъ этотъ представлялъ замѣчательную полноту, такъ какъ П. И. Кеппенъ подбиралъ для каждаго племени, обитающаго въ Россіи, въ особой обложкѣ не только хорошо знакомыя ему библіографическія указанія, но и вырѣзки изъ газетъ и журналовъ и всю свою обширную корреспонденцію по разъясненію встрѣчаемыхъ имъ при составленіи его Этнографической карты сомнѣній.

Что же касалось до всѣхъ остальныхъ чисто географическихъ предметовъ (горъ, рѣкъ, городовъ, уѣздовъ, населенныхъ мѣстъ и т. п.), то хотя по нимъ и имѣлось болѣе 14 тыс. карточекъ, но библіографическія указанія на нихъ выписанныя были, по самой системѣ ихъ выборки, крайне не полны, такъ какъ, при обиліи указаній на газетныя статьи, множество самыхъ капитальныхъ географическихъ сочиненій и статей исчерпаны не были, также какъ и многочисленныя періодическія изданія (напр. изданія Геогр. Общества, Горный Журналъ, Журналъ Министерства Внутр. Дѣлъ и т. п.), да и вообще сотрудники Кеппена по составленію карточекъ не просматривали

дѣлилъ: не приступая пока къ рѣшительнымъ мѣрамъ для изданія словаря, просить Вице-Предсѣдателя подвергнуть вопросъ этотъ, согласно съ выраженною Неволинымъ мыслью, новому обсужденію лицъ, близко знакомыхъ съ предпріятіями такого рода.

Въ 1854 г. Д. Чл. И. И. Шопенъ представилъ Совѣту свои соображенія о средствахъ къ изданію словаря, предлагая исходатайствовать на это столь полезное предпріятіе пособіе Правительства, сдѣлать на него заемъ и открыть подписку на изданіе по всей Имперіи. По разсмотрѣніи этихъ предположеній Совѣтъ однакоже опредѣлилъ: увѣдомить ихъ автора, что Общество, по недостатку денежныхъ средствъ, не можетъ еще приступить къ исполненію полезнаго предпріятія на собственный счетъ и не полагаетъ также возможнымъ прибѣгать и къ тѣмъ средствамъ покрытія расходовъ, на которые указывалъ И. И. Шопенъ.

Ревизіонная Коммиссія 1855 года обратила снова вниманіе Совѣта на необходимость изданія Географическаго Словаря. Совѣтъ нашелъ желаніе Коммиссіи вполнѣ уважительнымъ, а изданіе словаря вполнѣ своевременнымъ и необходимымъ. Достоинство Общества требовало весьма многихъ условій для исполненія труда соотвѣтственно ожиданіямъ, которыя вправѣ имѣть наука отъ ученаго учрежденія; поэтому Совѣтъ въ исходѣ 1856 г. составилъ особую коммиссію, для обсужденія во всей подробности плана необходимыхъ работъ, способовъ къ собиранію матерьяловъ и средствъ на изданіе словаря. Въ Коммиссію эту вошли: Предсѣдательствующіе въ Отдѣленіяхъ: А. И. Заблоцкій, И. И. Срезневскій, А. Д. Озерскій, С. И. Зеленый, Членъ Совѣта К. С. Веселовскій, Д. Чл. П. И. Кеппенъ, Членъ-Сотрудникъ К. Ѳ. Свенске и Секретарь Общества Е. И. Ламанскій.

Совѣтъ просилъ Коммиссію указать и впослѣдствіи на лицъ, которыя могли бы принять на себя главное завѣдываніе по собиранію матерьяловъ, обработкѣ ихъ и окончательному приготовленію къ печати.

Избранная Коммиссія открыла свои дѣйствія уже въ началѣ разсматриваемаго періода и въ засѣданіи 23 апрѣля 1857 г. подвергла окончательному въ средѣ своей разсмотрѣнію два представившіеся по предмету ея занятій вопроса: 1) что именно должно войти въ предположенный Словарь; 2) какимъ образомъ приступить къ составленію и изданію Словаря.

По первому вопросу, Коммиссія тщательно разсмотрѣла замѣчанія, представленныя на програму Словаря каждымъ изъ Членовъ, и сообразно съ ними исправила ее.

По второму вопросу, Коммиссія пришла къ убѣжденію о необходимости составленія алфавитнаго списка всѣхъ словъ, которыя войдутъ въ Словарь, съ краткимъ указаніемъ на источники. Такая работа должна была не только чрезвычайно облегчить составленіе самыхъ статей, но и сама по себѣ была бы уже пріобрѣтеніемъ для науки. По окончаніи списка, онъ долженъ быть напечатанъ и вмѣстѣ съ образцовыми статьями разосланъ для приглашенія разныхъ находящихся на мѣстахъ лицъ сообщать Обществу свѣдѣнія объ извѣстныхъ имъ

предметахъ. Успѣшнаго составленія подобнаго списка можно было, по единодушному убѣжденію Коммиссіи, ожидать только отъ академика П. И. Кеппена; посему Коммиссія и обратилась къ нему съ приглашеніемъ принять на себя этотъ трудъ, только для него доступный, какъ по разнообразію и точности его свѣдѣній о Россіи, такъ и по богатству собранныхъ имъ матерьяловъ, единственныхъ въ своемъ родѣ. П. И. Кеппенъ изъявилъ согласіе принять на себя трудъ составленія алфавитнаго списка; объ условіяхъ же, на которыхъ онъ принималъ эту работу, Предсѣдательствующій въ Коммиссіи доложилъ лично Совѣту. При этомъ Коммиссія, согласно заявленію П. И. Кеппена, признала необходимымъ, предоставить ему, для совершенія означеннаго труда, нанимать отъ себя, на счетъ суммъ Общества, писцовъ для переписки и иной механической работы.

Совѣтъ, вполнѣ соглашаясь съ сообщеннымъ А. П. Заблоцкимъ заключеніемъ Коммиссіи и съ условіями принятія академикомъ П. И. Кеппеномъ работы по составленію алфавитнаго списка, положилъ:

1) Просить академика П. И. Кеппена обязать Общество составленіемъ означеннаго списка и выдавать ему, по мѣрѣ надобности, деньги изъ суммъ Общества для найма людей, для переписки и другой механической работы и для покупки нужнаго количества бумаги, предоставивъ ему распоряжаться въ этомъ отношеніи по совершенному его усмотрѣнію.

2) Выдать ему признаваемыя имъ нужными для его работы книги, и также экземпляръ „Вѣстника“ со времени его изданія и „Сборниковъ“ статистическихъ и этнографическаго.

3) Оказывать во все продолженіе работы содѣйствіе П. И. Кеппену отъ Общества, въ пріобрѣтеніи всѣхъ нужныхъ ему свѣдѣній.

4) Предоставить ему писать каждое отдѣльное названіе на особой карточкѣ, чтобы имѣть нужный просторъ для прибавленій.

5) Опредѣлить вознагражденіе академику П. И. Кеппену изъ суммъ Общества, за составленіе алфавитнаго списка именъ предметовъ для Географическаго Словаря, съ указаніемъ источниковъ и свѣдѣній о нихъ, *въ три тысячи рублей серебромъ*, и выдавать ему эту сумму въ слѣдующемъ порядкѣ: первую тысячу рублей по изготовленіи 2.000 карточекъ, вторую—по изготовленіи 9.000, и остальную сумму—по завершеніи работы, т. е., по представленіи по крайней мѣрѣ 10.000 карточекъ. До окончанія всего алфавита карточки дожны были оставаться у П. И. Кеппена.

6) Просить Коммиссію, состоявшую изъ Дѣйствительныхъ Членовъ: А. П. Заблоцкаго, К. С. Веселовскаго, С. И. Зеленаго, А. Д. Озерскаго, К. Ѳ. Свенске, И. И. Срезневскаго и В. П. Безобразова, постоянно содѣйствовать академику Кеппену въ его трудахъ по Словарю и принять на себя постоянное веденіе дѣла, по составленію и изданію Словаря.

Въ іюнѣ 1858 г. П. И. Кеппенъ, переселяясь окончательно въ Крымъ, представилъ Совѣту Общества 10.000 изготовленныхъ имъ, согласно условію,

сроки „Записокъ“ Общества и „Сборниковъ“ Этнографическаго и Статистическаго и изъ выходящаго въ строго опредѣленные періоды (разъ въ два мѣсяца) „Вѣстника“ Общества.

Что касается до „Записокъ“ Общества, то ихъ въ началѣ разсматриваемаго періода вышло двѣ книжки, а именно:

XII книжка „Записокъ“ вышла въ 1857 году подъ редакціею Д. Чл. П. И. Небольсина, состояла изъ 28 печ. листовъ и заключала въ себѣ двѣ статьи В. П. Васильева: Описан. Манчжуріи и Записка о Нингутѣ (7 печ. лист.), Д. Чл. Спасскаго—О достопримѣч. памятн. Сибирск. древности (4 листа), Германова—Постепен. распростр. однодворн. насел. въ Воронежской г-іи (9 печ. листовъ) и Чл.-Сотр. Н. А. Абрамова—Опис. Березовск. кр. (8 печ. лист.).

XIII книжка „Записокъ“ вышла въ 1859 году подъ редакціею Д. Чл. А. Ѳ. Гильфердинга, состояла изъ 43½ печ. листовъ и заключала въ себѣ обширное и основанное на личныхъ наблюденіяхъ самаго редактора описаніе положенія Босніи и Герцоговины въ 1858 г., которое являлось плодомъ путешествія талантливаго наблюдателя по этой славянской странѣ въ 1857 и 1858 году.

За тѣмъ уже „Записки“ Общества не появлялись, такъ какъ всѣ статьи, могущія войти въ ихъ составъ, были перехватываемы „Вѣстникомъ“.

Что же касается до Этнографическаго и Статистическаго Сборниковъ, то перваго изъ нихъ въ разсматриваемомъ періодѣ вышло 4 книжки, служившія по своей нумераціи продолженіемъ двухъ вышедшихъ въ предшедшемъ періодѣ.

III книжка, вышедшая въ 1858 г. подъ редакціею Д. Чл. академика Н. А. Коркунова, состояла изъ 17 печ. лист. и заключала въ себѣ четыре статьи, относящіяся до быта русскаго населенія Европейской Россіи. Всѣ эти статьи были перепечатаны изъ „Вѣстника“ Общества 1855, 1856 и 1857 гг. [1]).

IV книжка, вышедшая въ 1858 г., подъ редакціею Д. Чл. П. С. Савельева, состояла изъ 20 печ. лист. и заключала въ себѣ 6 статей, относящихся до быта инородцевъ. Пять изъ нихъ были перепечатаны изъ „Вѣстника“ 1855 и 1856 г. [2]) и только одна статья: „Курсъ буддійск. ученія, перев. съ Монгольскаго“ (54 стр.) явилась въ этой книжкѣ впервые въ печати.

V книжка была издана въ 1862 г., подъ редакціею Н. В. Калачова и В. И. Ламанскаго и состояла почти изъ 44 листовъ. Въ книжкѣ были

---

[1]) Статьи эти были: М. Попова «Слобода Трехъизбянская», Афанасьева-Чужбинскаго «Бытъ малороссійскаго крестьянина», С. К. «Замѣтки о западн. части Гродненской г-іи» 1859 г. и Киркора «Этногр. взгляды на Виленск. г.».

[2]) Арх. Веніамина «Мезенскіе Самоѣды»; Титова «Богатырск. поэмы Минусин. татаръ»; Вишневскаго «О религіи некрещ. Черемисъ»; Кастрена «Этногр. замѣч. и набл.» и статья «О Карагассахъ».

перепечатаны три статьи изъ „Записокъ“ Общества [1]). Остальныя статьи появились въ печати впервые. Это были двѣ бытовыя: Машкина—Бытъ крестьянъ Обоянскаго у. (119 стр.) и Воронова—Вельск. свадебн. обряды (50 стр.), одна капитальная статья Гильфердинга относящаяся до заграничныхъ славянъ—Остатки Славянъ на южн. берегу Балтійскаго моря (191 стр.) и одна статья Воронова относящаяся до историч. географіи — Историч. взглядъ на Волжско-Двинск. удѣльн. кр. (17 стр.). Кромѣ того нѣсколько мелкихъ статей этнографическаго и историко-географическаго содержанія составили въ книжкѣ отдѣлъ смѣси (70 стр.).

VI книжка вышла въ 1864 г., подъ редакціею Н. В. Калачова и В. В. Стасова и состояла изъ 47 печ. лист. Перепечатокъ уже въ этой книжкѣ не было и кромѣ одной переводной статьи (Лежана „Этнографія Европ. Турціи“ 46 стр.), которой редакція придавала особое значеніе, всѣ остальныя статьи появлялись въ печати впервые. Три изъ этихъ относились до этнографіи Европ. Россіи [2]), двѣ до этнографіи Россіи [3]), одна до историко-юридической этнографіи [4]), одна до этнографіи инородцевъ [5]). Сверхъ того въ книжкѣ были помѣщены мелкія статьи, образовавшія особый отдѣлъ смѣси (49 стр.), библіогр. указ. этногр. сочин. и статей Межова (82 стр.) и наконецъ двѣ программы Отдѣленія этнографіи (собир. народн. юридич. обычаевъ и собир. предметовъ для этногр. музея).

Статистическаго Сборника въ разсматриваемомъ періодѣ вышла только одна III книжка въ 1858 г., подъ редакціею В. П. Безобразова, изъ 42 печ. листовъ. Большую половину ея (болѣе 21 печ. листа) занимала капитальная статья Ѳ. Г. Тернера:—Движеніе внѣшней торговли Россіи съ 1853 по 1856 г. Затѣмъ слѣдовали еще статьи: В. В. Трубникова—Результатъ народн. переписей въ Ардатовск. у. Симбирск. г. (86 стр.), Е. И. Кайписа—Движ. народонас. въ Россіи съ 1848 по 1852 г. (36 стр.),—Свящ. Словцова—Истор. и статист. обозр. неурожаевъ въ Россіи (38 стр.),—Архим. Макарія—Матер. для геогр. и статист. Нижегор. г-іи (132 стр.).

Третьимъ Сборникомъ Общества былъ Метеорологическій, выходившій въ Дерптѣ, подъ редакціею знаменитаго метеоролога Кемца на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ Repertorium für Meteorologie, и представлявшій собою, безъ сомнѣнія, превосходное научное изданіе, составившее себѣ скоро очень заслуженную славу за границей, но имѣвшее собственно характеръ журнала, издаваемаго знаменитымъ метеорологомъ и субсидируемаго Обществомъ только потому, что Кемцъ въ этомъ изданіи занимался преиму-

---

[1]) Берлина «Оч. этногр. Евр. нас. Рос.», Килевейна «Отрыв. изъ путеш. въ Хиву» и Глушкова «Опис. Котельнича».

[2]) И. А. Худякова «Великорусск. загадки» (128 стр.), П. Н. Рыбникова, «Сборн. сл. употр. въ Олонецк. г-іи» (24 стр.), Н. П. Корнилова «Лѣсопром. и строеніе гусянокъ на р. Унжѣ» (34 стр.).

[3]) Г. Н. Потанина «Ю.-З. часть Томск. г-іи въ этногр. отн.» (154 стр.), ламы Гомбоева «Шидди-куръ, собраніе монгольск. сказокъ съ предисл. академика А. Шифнера» (102 стр).

[4]) Н. В. Калачова «Артели въ древней и нынѣшней Россіи» (92 стр.).

[5]) Гр. Городскаго «О Черемисахъ, прожив. въ Красноуфимск. у. Пермской г-іи».

щественно разработкою русской метеорологіи, при чемъ въ значительной мѣрѣ пользовался и матерьяломъ, создаваемымъ и собираемымъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ.

I томъ Repertorium (всѣ они печатались in 4°) вышелъ въ 1860 г., II въ 1862 г., III въ 1863 г. и этимъ и закончилось все изданіе, заключавшее въ себѣ 208 печ. листовъ.

Самымъ лучшимъ украшеніемъ изданія былъ обширный трудъ самаго Кемца—О климатѣ южно-русскихъ степей (до 30 печ. листовъ). Затѣмъ въ изданіи были и еще весьма хорошія статьи Кемца, представляющія разработку русскихъ метеорологическихъ данныхъ, а именно—О температурѣ Архангельска,—О ходѣ дневной температуры въ Екатеринбургѣ,—Различныя метеорологическія наблюденія въ Дерптѣ,—Ходъ дневной температуры въ Дерптѣ, Биркенруэ и Костромѣ, —О климатѣ Варшавы,—Погода въ Холмѣ,—Результаты метеорологическ. наблюденій въ Семипалатинскѣ,—О буранахъ,—О климатѣ Астрабада,—О стояніи воды въ Каспійскомъ морѣ. Всѣ эти статьи, вмѣстѣ взятыя, составили еще 30 печ. листовъ. Къ этому нужно еще присовокупить статьи, касающіяся до метеорологіи Россіи другихъ Членовъ Русск. Геогр. Общества, а именно: К. С. Вѐселовскаго,—Часовыя колебанія температуры въ С.-П.-Б.,—О климатѣ Икогмута,—Средн. темпер. Ситхи; Соловьева—Метеорол. наблюд. въ Витенесѣ; Ѳ. П. Литке—Метеорол. набл. въ Авандусѣ (его имѣніи въ Лифляндіи); Лесневскаго—О климатѣ Новгорода; В. Петрова—О климатѣ Орла; А. Емельянова—Метеорол. набл. въ Галановскѣ; А. Купфера—Состояніе погоды въ Россіи; Соколовскаго—Замерзаніе и вскрытіе Волги у Костромы; Голубева—Темпер. и давленіе воздуха въ Вѣрномъ; Громова—Средн. темпер. Ишака и Козмодемьянска. Всѣ эти статьи составили вмѣстѣ менѣе 5 печ. листовъ и такимъ образомъ разработкѣ русской метеорологіи было посвящено менѣе трети изданія. Между остальными статьями были еще нѣкоторыя статьи Кемца, относящіяся до общей метеорологіи также какъ и статьи Дерптск. професс. Асмуса и иностранныхъ ученыхъ: Дюфура, Фюре, Бюи-Балло, Келлера, Вартмана, Коффина, Миндинга, Кетле, Вольпичелло, Аллана Броуна, Ламона, Геннеси, Моро, Дюроше, Блакистона, Леса, Лойда, Пальмьери, Дерксена и Мартенса.

Въ началѣ разсматриваемаго періода главное періодическое изданіе Общества „Вѣстникъ“ продолжалось въ томъ же направленіи и въ той же внѣшней формѣ, какъ и въ предшедшемъ періодѣ и редакторами его по прежнему были преимущественно лица, исполнявшія обязанности Секретарей Общества, а именно въ 1857 и 1858 г. В. П. Безобразовъ, въ 1859 г. Е. И. Ламанскій, а въ 1860 г. Ѳ. Г. Тернеръ.

Единственное измѣненіе, происшедшее въ порядкѣ изданія „Вѣстника“, состояло въ томъ, что вмѣсто одного полутома въ мѣсяцъ (отъ 12 до 15 листовъ) „Вѣстникъ“ съ 1858 г. началъ выходить ежемѣсячными выпусками (отъ 5 до 8 листовъ), по 4 на каждый томъ.

Всѣ 12 томовъ, вышедшіе за это 4-хъ-лѣтіе, заключали въ себѣ до 367

печ. листовъ (средн. числ. болѣе 92 лист. въ годъ). Отдѣлы въ „Вѣстникѣ“ остались тѣми же, и само собою, что центръ тяжести всего изданія лежалъ во II отд. (Изслѣдованія и матерьялы), который составлялъ немного менѣе половины всего изданія, а именно въ 1857. году 59 печ. листовъ [1]), а въ 1858 [2]), 1859 [3]) и 1860 г. [4]) отъ 36 до 37 листовъ ежегодно. Отдѣлъ „Дѣйствія Общества“ очень разросся въ „Вѣстникѣ“ отчасти потому, что составляемые Секретарями отчеты увеличивались въ объемѣ, а сверхъ того въ этотъ отдѣлъ вошли обширные отчеты Хорасанской экспедиціи, а также и потому, что многое изъ того, что печаталось въ VI отд. (Приложенія) перешло въ I отдѣлъ. Остальные отдѣлы: III-й (Извлеч. изъ иностр. соч.), IV (Библіографія и критика) и V (Корреспонденція и смѣсь), вмѣстѣ взятые, составляя седьмую часть изданія, не только не увеличились въ своемъ объемѣ противъ „Вѣстника“ прошлаго періода, но даже и уменьшились. Изданіе „Вѣстника“ обходилось Обществу въ первое 4-лѣтіе разсматриваемаго періода по 3.000 р. въ годъ и ко-

---

[1]) Кромѣ составляющихъ во II отд. Вѣстника за 1857 г. 17½ печ. листовъ обзора Свенске и чтеній въ Обществѣ (В. Дерикера, В. П. Безобразова и А. Б. ф. Бушена) были помѣщены еще слѣдующія оригинальныя статьи: Г. И. Радде «Крымскіе Татары» (окончаніе, 1 листъ), Я. П. Гарелина «Суздала, офени или ходебщики» (22 стр.), В. П. Васильева «Опис. больш. рѣкъ, впад. въ Амуръ» (17 стр.), Усольцова «Путеш. въ дол. Нерчи» (82 стр.), Спасскаго «Оч. изъ быта Сиб. инор.» (30 стр.), А. Киркора «Этногр. взгл. въ Виленс. г.» (170 стр.), Герстфельда «О прибреж. жит. Амура» (84 стр.), Н. Рогова «Движ. нас. въ Ильвен. дачѣ. Соликам. у.» (106 стр.), Г. И. Радде «Оз. Байкалъ» (60 стр.), Паргачевскаго «Зимняя поѣздка вверхъ по Амуру отъ Николаева 1856—57 г.» (23 стр.), Орлова «Баунтовс. и Ангарс. бродяч. Тунгусы» и «Амурск. Орочены» (19 стр.), Зеленецкаго «Зап. на пути по Херсон. г.» (76 стр.).

[2]) Въ 1858 г. во II отд. Вѣстн. были помѣщены слѣд. оригинальн. статьи: А. Н. Бекетова «О виногр. и винѣ» (22 стр.), А. Б. ф. Бушена «Обз. важн. геогр. раб. въ Россіи за 1857 г.» (15 стр.), Н. Я. Данилевскаго «Оч. Уральс. рыбн. хоз.» (50 стр.), В. В. Григорьева «Путев. зам. маіора Бланкеннагеля о Хивѣ въ 1793—94 г.» (30 стр.), Г. И. Радде «Дауро-Монг. гр. Забайкалья» (26 стр.), Н. Усольцова «Путеш. на вершины Гилюя и Зею 1856» (17 стр.), П. П. Семенова «Перв. поѣздка на Тянъ-шань» (23 стр.), В. П. Васильева «Опис. больш. рѣкъ впад. въ Амуръ» (17 стр.), А. Антипова «Геогн. стр. Печор. кр.» (32 стр.), А. Ѳ. Гильфердинга «Боснія въ началѣ 1858 г.» (58 стр.), Н. А. Абрамова «Тюмень» (25 стр.), В. Архангельскаго «О Ветлужс. заволжс. краѣ» (17 стр.), А. Ѳ. Раева «Буряты» (40 стр.), Пермикина «Оз. Косоголъ» (36 стр.), св. В. Вербицкаго «Замѣтки кочев. Алтайца» (33 стр.), Денгинка «Періодич. явл. въ Кишиневѣ» (16 стр.), Спасскаго «Вл. Атласовъ покорит. Камчатки» (16 стр.), «Указ. для путеш. по Кит.» (42 стр.), Ив. Савинова «Зам. о Глазовс. у.» (12 стр.), М. Дмитріева «Ист. свѣд. о Новогрудкѣ» (13 стр.).

[3]) Въ 1859 г. во II отд. Вѣстн. были помѣщены слѣдующія оригин. статьи: Ю. С. Рехневскаго «Польс. прих.-расх. книги XVII и XVIII в.» (26 стр.), М. Стаховича «Елецк. у.» (36 стр.), А. Б. Бушена «Вулк. явл. земн. ш.» и «Обз. геогр. раб. 1858 г.» (67 стр.), П. С. Воронова «Вельскъ» (24 стр.), Д. И. Романова «Между Декастри и Амуромъ» (31 стр.), М. И. Венюкова «Р. Усури» (57 стр.), Св. А. Луканина «Движ. нас. въ Чердынс. у.» (65 стр.), М. Дмитріева «Ист. св. о Новогрудкѣ» (7 стр.), И. А. Шестакова «Глазовскій у.» (80 стр.), И. П. Корнилова «Зам. об. Астрах. г.» (48 стр.), В. И. Ламанскаго «Рядъ истор. мат. об. Оренб.» (30 стр.), А. Думошевскаго «Евреи-земледѣльцы» (30 стр.), К. Масловскаго «бытъ Мещеряковъ Пенз. г.» (14 стр.), Г. Н. Потанина «Очеркъ Томска въ XVII в.» (20 стр.), Швейцера «Исчис. пов. оз. и лимановъ Рос. Имп.» (39 стр.).

[4]) Въ 1860 г. во II отдѣлѣ Вѣстника были помѣщены слѣдующія оригинальныя статьи: И. А. Полетики «Геогн. опис. золот. пром. Маріинс. окр.» (26 стр.), А. А. Мордвинова «Инор. Туруханск. кр.» (40 стр.), Г. Н. Потанина «Показ. каз. Максимова о Коканс. ханс.» (12 стр.), И. Н. Савинова «Стат. оч. Вятск. кр.» (145 стр.), П. Алабина «Ананьинс. могильникъ» (34 стр.), П. Воронова «Верховажскій посадъ» (30 стр.), Афанасьева «Число жит. въ Ковенс. г. по вѣроисп. и племен.» (26 стр.), А. Пекера «Оч. Уфы» (24 стр.), Г. Н. Потанина «Число жит. въ Зап. Сиб. въ XVIII в.» (35 стр.), Я. Гарелина «Вознесенс. пос.» (22 стр.), Е. Ч—ина «Пути сообщ. въ Цар. Польс.» (22 стр.), св. Налимова «Движ. нас. по Новоладож. у. въ 1846—55 г.» (58 стр.), А. Голубева «Годов. темпер. въ Вѣрномъ» (6 стр.), И. Кашина «Домашн. медиц. Приаргунцевъ» (36 стр.), Н. Абрамова «О желѣз. зав. въ Сибири» (11 стр.).

нечно далеко не окупалось, такъ какъ подписчиковъ „Вѣстникъ" имѣлъ очень немного.

Уже въ началѣ 1860 г. Ревизіонная Коммиссія, разсматривавшая отчетъ Общества за 1859 годъ обратила вниманіе Совѣта какъ на многочисленность изданій Общества, такъ и на значительность расходовъ, причиняемыхъ несосредоточенностью изданій Общества и подняла вопросъ о возможномъ сліяніи, по крайней мѣрѣ періодическихъ изданій Общества, въ одно.

Одинъ изъ почтеннѣйшихъ дѣятелей Общества, А. Н. Савичъ, представилъ даже письменное мнѣніе Совѣту о совершенномъ упраздненіи періодическаго журнала Общества, но мнѣніе это встрѣтило въ Совѣтѣ сильныя возраженія со стороны большинства его Членовъ. Совѣтъ, признавая однако же, что раздѣленіе періодическихъ изданій Общества на „Записки" и „Вѣстникъ" не вполнѣ соотвѣтствуетъ цѣлямъ Общества, избралъ изъ среды своей Коммиссію изъ В. П. Безобразова, К. С. Веселовскаго и П. П. Семенова, для обсужденія вопроса, о сліяніи обоихъ изданій. Коммиссія эта представила Совѣту слѣдующія соображенія.

Два, выходящія отъ имени Общества изданія „Записки" и „Вѣстникъ" содержатъ, и то и другое, статьи, выражающія собою дѣятельность Общества, такъ что и то, другое, отдѣльно взятое, не можетъ быть названо полнымъ органомъ Общества и лишь совокупность обоихъ изданій представляетъ собою сумму трудовъ Общества и его членовъ.

Не говоря уже о томъ, что такое разъединеніе трудовъ въ два изданія лишаетъ каждое изъ нихъ полноты, можно замѣтить, что и самыя условія, по которымъ какая нибудь статья попадаетъ въ то или другое изъ этихъ изданій, не имѣютъ въ себѣ ничего опредѣленнаго и строго послѣдовательнаго.

Кромѣ отсутствія опредѣлительнаго разграниченія между сферами обоихъ изданій, есть еще и другія неудобства, истекающія изъ раздѣльнаго ихъ существованія.

Печатаніе отдѣльныхъ томовъ „Записокъ", подъ редакціею различныхъ Членовъ Общества, происходило во многихъ случаяхъ весьма медленно, а при перемѣнныхъ редакторахъ, не связанныхъ передъ Обществомъ постоянною обязанностью, это обстоятельство едва ли устранимо, тогда какъ не скорое появленіе въ свѣтъ трудовъ, печатаемыхъ въ „Запискахъ", въ нѣкоторыхъ случаяхъ отклоняло авторовъ отъ представленія ихъ Обществу. Съ другой стороны значительность и неопредѣлительность промежутковъ времени между появленіемъ отдѣльныхъ томовъ „Записокъ" служила отчасти причиною малаго ихъ сбыта, такъ что денежныя затраты на это изданіе вовсе не вознаграждались продажею экземпляровъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ изданіе „Вѣстника" представляло и еще нѣкоторыя неудобства. Если частый выходъ книжекъ этого журнала имѣлъ ту выгоду, что давалъ возможность доводить своевременно до общаго свѣдѣнія отчеты о дѣйствіяхъ Общества, то съ другой стороны обязанность ежемѣсячно пополнять книжку влекла за собою необходимость давать мѣсто и такимъ статьямъ, которыя,

по строгомъ разборѣ, можетъ быть и не заслуживали бы печати; а неразлучная при томъ спѣшность работы обращалась въ ущербъ точности собираемыхъ свѣдѣній и тщательности просмотра статей до печатанія. Столь же частый выходъ книжекъ не есть необходимость для журнала ученаго, въ которомъ основательность обработки статей важнѣе, чѣмъ свѣжесть собираемыхъ извѣстій.

На основаніи этихъ соображеній и Совѣтъ, согласно съ заключеніемъ Коммиссіи, нашелъ необходимымъ слить „Записки" и „Вѣстникъ" въ одно изданіе, которое должно было служить полнымъ выраженіемъ дѣятельности Общества, вмѣщая въ себѣ какъ извѣстія о дѣятельности онаго и статьи, читаемыя въ Обществѣ, такъ и статьи и сочиненія, доставляемыя Членами Общества, или посторонними лицами,—но касающіяся предметовъ занятій Общества.

Новое изданіе подъ названіемъ „*Записокъ*", должно было выходить 4 раза въ годъ, черезъ каждые три мѣсяца. Оно уже не могло быть сборомъ статей безъ строгаго опредѣленнаго характера, а должно было имѣть задачею — слѣдить за ходомъ и успѣхами географической науки во всѣхъ ея отрасляхъ, совершаемыхъ въ Россіи, доставляя въ то же время читателямъ болѣе или менѣе краткія свѣдѣнія о главнѣйшихъ явленіяхъ географической дѣятельности и въ другихъ странахъ.

Редакція „Записокъ" была возложена на Д. Чл. Общ. А. Н. Бекетова, при чемъ редактору было опредѣлено ежегодное вознагражденіе въ 1.000 р. По представленной имъ программѣ въ „Запискахъ" было 4 отдѣла: 1) дѣйствія Общества, 2) изслѣдованія и матерьялы, 3) библіографія и критика и 4) лѣтопись. Въ сущности обновленное изданіе Общества представляло только сліяніе „Записокъ" Общества съ „Вѣстникомъ", при чемъ въ новыхъ „Запискахъ" удержаны были тѣ же Отдѣлы какъ и въ „Вѣстникѣ", съ нѣкоторымъ ихъ сокращеніемъ (выкинуты были извлеченія изъ иностранныхъ сочиненій и приложенія), но съ удержаніемъ неудобной отдѣльной пагинаціи Отдѣловъ.

Въ такомъ измѣненномъ видѣ „Записки" издавались подъ редакціею А. Н. Бекетова и наблюденіемъ Редакціоннаго Комитета въ теченіе 2 лѣтъ (1861 и 1862 г.), затѣмъ, когда А. Н. Бекетовъ, въ исходѣ 1862 г., отказался отъ редакціи, вслѣдствіе принятія на себя обязанностей по редакціи Русскаго Инвалида, въ Совѣтѣ былъ вновь возбужденъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли продолжать „Записки" въ томъ видѣ, въ какомъ они издавались въ 1861 и 1862 г. На этотъ разъ Совѣтъ призналъ удобнымъ оставить весь планъ изданія безъ измѣненія, поручивъ редакцію „Записокъ", по представленію Редакціоннаго Комитета, К. Н. Бестужеву-Рюмину на прежнихъ основаніяхъ. Въ этомъ видѣ и подъ этою редакціею „Записки" издавались еще два года, а именно въ 1863 и 1864 г.г.

Всѣ 16 книжекъ, вышедшія въ 4-хъ-лѣтіе 1861—1864 гг. заключали въ себѣ 352 печ. листа, т. е. среднимъ числомъ ежегодно по 88 печ. листовъ, т. е. только на 4 листа ежегодно менѣе чѣмъ „Вѣстникъ". Какъ и въ „Вѣстникѣ" около половины изданія была занята изслѣдованіями и ма-

терьялами, коихъ въ 1861 году было $43\frac{1}{2}$ печ. листа [1]), въ 1862 г. $38\frac{1}{2}$ [2]), въ 1863 г. 45 [3]), а въ 1864 г. 39 печ. листовъ [4]). Чрезвычайно разросся въ послѣдніе два года „Записокъ“ (1863 и 1864 г.) отдѣлъ дѣятельности Общества, какъ вслѣдствіе помѣщенія въ немъ чрезвычайно обширныхъ и прекрасно составленныхъ отчетовъ В. П. Безобразова, такъ и стенографическихъ отчетовъ засѣданій Политико-Экономическаго Комитета.

Между тѣмъ, не смотря на весьма умѣлое и добросовѣстное исполненіе редакторами принятыхъ ими обязанностей, на достоинство статей, входящихъ въ составъ отдѣла „Изслѣдованія и матерьялы“ и на обиліе свѣдѣній, сообщаемыхъ въ отчетахъ и „Дѣйствіяхъ“ Общества, финансовая сторона періодическаго изданія Общества представилась въ 4-хъ-лѣтіе 1861—64 г. еще невыгоднѣе, чѣмъ въ предшедшемъ 4-хъ-лѣтіи. На „Записки“ Общества приходилось расходовать до 4.000 р. въ годъ, т. е. немного менѣе того, что расходовалось въ предшедшемъ 4-хъ-лѣтіи на „Вѣстникъ“ и „Записки“, а количество платныхъ подписчиковъ, составлявшихъ среднимъ числомъ на „Вѣстникъ“ въ 1853—1855 г. 460, съ 1856—58 г. 280, въ 1859—60 гг. 175, для „Записокъ“ въ 4-хъ-лѣтіе 1861—64 г. опустилось среднимъ числомъ ежегодно до 70. Само собою разумѣется, что главною причиною этого было то, что „Записки“, согласно Уставу, подлежали безденежной раздачѣ всѣмъ Членамъ Общества. При этомъ нельзя было не принять въ соображеніе, что „Записки“ все-таки не исчерпывали собою всѣхъ изданій Общества, такъ какъ сверхъ ихъ издавались еще „Сборники“: Метеорологическій (съ бюджетомъ въ 1.000 р.), Этнографическій и Статистиче-

---

[1]) Въ «Запискахъ» 1861 г. были слѣдующія оригинальныя статьи: М Берлина «Этногр. Еврейск. насел. въ Россіи» (94 стр.), Е. Я Кильвейна «Отрыв. изъ путеш. въ Хиву 1858 г.» (14 стр.), Н. А. Абрамова «Семипалатинскъ» (66 стр.), К. С. Веселовскаго «Возрастн. распр. насел. въ Россіи» (5 стр.), В. А. Кельбергъ «Полив. поля Забайкалья» (4 стр.), Ч. Ч. Валиханова, двѣ ст.: «Очерки Джунгаріи» и «Состояніе Алтышара» (116 стр.), св. Аргентова «Сѣверн. земля» (34 стр.), Голубева двѣ ст.: «Отч. объ эксп. въ Семирѣч. кр. и Заилійскій край» (100 стр.), В. В. Григорьева «Опис. Хивинск. ханства» (34 стр.), М. И. Венюкова три ст.: «О Памирѣ» (30 стр.), Обзоръ внѣшн. торг. черт. Зап. Сиб.» (26 стр.), «Оч. Заилійск. кр.» (52 стр.), М. Лебедкина «О плем. сост. насел. Зап. края» (30 стр.), Г. И. Радде «Пут. въ Ю.-В. Сибирь» (78 стр.).

[2]) Въ «Запискахъ» 1862 года были слѣдующія оригинальныя статьи: И. Глушкова «Опис. Котельнича» (105 стр.), Гамова «Путев. зап. на Амурѣ и Усури» (112 стр.), М. И. Венюкова «Поясн. зап. къ картѣ Коканск. ханства, Белоры и ихъ страна» (32 стр.), И. И. Вильсова «Народн. перепись Великобрит. 1861 г.» (12 стр.), А. Голубева «Маршр. отъ Турфана до Кашгара» (7 стр.), Барботъ-де-Марни «Геогн.-орогр. оч. Калмыцк. ст.» (122 стр.), М. Кривошапкина «Енисейскій округъ и его жизнь» (199 стр.).

[3]) Въ «Запискахъ» 1863 года были слѣдующія оригинальныя статьи: К. М. Бэра «О древнѣйш. обит. Европы» (чтеніе), «О проэктѣ соедин. Черн. м. съ Касп.» (32 стр.), Н. А. Ивашинцова «Гидр. изсл. Каспійск. м.» (чтеніе 20 стр.), М. Кривошапкина «Енисейск. окр. и его жизнь» (250 стр.), М. Венюкова «Оч. простр. м. Кубанью и Бѣлой» (91 стр.), Н. Костомарова «Объ отнош. русск. истор. къ геогр. и этногр.» (лекціи 21 стр.), А. Ульскаго «О результ. промѣра Каспійск. м.» (чтеніе 27 стр.), Е. И Ламанскаго «О народн. сбережен.» (чтеніе 14 стр.), Дм. Пѣтухова «Городъ Дедюхинъ» (237 стр.), Н. Абрамова «Усть-Каменогорскъ» (28 стр.).

[4]) Въ «Запискахъ» 1864 года были слѣдующія оригинальныя статьи: М. Венюкова «Насел. с.-з. Кавказа» (8 стр.), М. И. Семевскаго «Торопецъ» (140 стр.), С. Шашкова «Шаманство въ Сибири» (105 стр.), Н. Аносова «Оз. Ханкай» (15 стр.), А. Б. ф.-Бушена «Объ устр. источн. статистики насел. въ Россіи» (122 стр.), Н. Бутенева «О первоб. жит. Сѣв. Россіи» (20 стр.), Г. Н. Потанина «О рыбн. пром. на Зайсанѣ» (30 стр.), А. Скальковскаго «О торгов. и пром. силахъ Одессы» (180 стр.).

скій, а также задуманныя сверхъ того Отдѣленіями: „Книжка для любителей Этнографіи“ и „Статистическій Ежегодникъ“, наконецъ годовые отчеты Общества, сдѣлавшіеся весьма объемистыми и печатаемые на русскомъ и французскомъ языкахъ, не говоря уже о многочисленныхъ непеpіодическихъ изданіяхъ Общества. Въ общей суммѣ, расходы Общества на изданія уже въ 1863 г. возросли до 10.300 р., а въ 1864 г. до 14.000 р., при бюджетѣ, не превышающемъ 20.000 р.

Это обстоятельство совпало съ общимъ денежнымъ кризисомъ Общества, растратившимъ почти всѣ свои запасные капиталы на изданіе карты Европейской Россіи, вслѣдствіе чего Совѣтъ вынужденъ былъ принять рѣшительныя мѣры къ сокращенію своихъ расходовъ на изданія.

Въ маѣ 1864 г. Вице-Предсѣдатель Общества Ѳ. П. Литке внесъ въ Совѣтъ особую и весьма обстоятельную Записку, излагающую положеніе изданій и въ заключеніе этой записки предлагалъ:

1) Прекратить съ 1865 года періодическое изданіе „Записокъ“ и издавать ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были до 1861 г.

2) Возобновить съ 1865 г. изданіе „Извѣстій“, подъ редакціею Секретарей Общества и которыя только заключали бы отчеты, протоколы, сообщенія, а также свѣжія извѣстія въ области наукъ, занимающихъ Общество.

3) Сверхъ „Записокъ“ и „Извѣстій“, ограничиться продолженіемъ Статистическаго и Этнографическаго Сборниковъ и безусловно не предпринимать никакихъ новыхъ изданій, кромѣ такихъ, на которыя будутъ пожертвованы особые капиталы.

4) Прекратить съ 1865 г. изданіе Метеорологическаго Сборника.

5) Безусловно устранить изъ изданій Общества переводныя статьи и также статьи заказанныя (съ уплатою гонорара) единственно для наполненія изданій.

Это предложеніе Вице-Предсѣдателя вызвало въ средѣ Совѣта очень оживленныя пренія. Всѣ соглашались съ тѣмъ, что реформа въ періодическихъ изданіяхъ необходима, какъ въ виду того, что не смотря на стремленіе реформы 1861 г. слить всѣ періодическія изданія Общества въ одно, изданія эти были до крайности разбросаны, такъ и въ виду того, что изданія Общества вызывали такіе расходы, которые становились для Общества уже совершенно непосильными.

Предложеніе о возобновленіи „Извѣстій“ на тѣхъ основаніяхъ, какъ то было выяснено въ Запискѣ Вице-Предсѣдателя, не встрѣтило возраженій и было принято единогласно. Столь же охотно отказался Совѣтъ отъ переводныхъ и заказныхъ статей въ изданіяхъ Общества и принялъ за основаніе, что Общество должно печатать только свободно возникающіе труды его членовъ также какъ и свѣдѣнія о своей общественной и ихъ дѣятельности въ области географическихъ наукъ. Съ сожалѣніемъ согласился также Совѣтъ на прекращеніе Метеорологическаго Сборника, но вопросъ о совмѣст-

номъ печатаніи „Записокъ“ и „Сборниковъ“ Отдѣленій возбудилъ нѣкоторое разногласіе.

Послѣ живаго обмѣна мыслей по этому предмету Предсѣд. въ Отд. Физич. Геогр. П. П. Семеновъ обратилъ вниманіе Совѣта на то, что если попытка 1861 г. къ сліянію изданій въ одно не увѣнчалась успѣхомъ, то это произошло не только отъ того, что „Записки“ все таки не отрѣшились отъ мысли быть правильно періодическимъ органомъ Общества, т. е. географическимъ журнальнымъ предпріятіемъ, но еще болѣе отъ того, что историческое развитіе Общества образовало въ немъ три главныхъ очага научной дѣятельности: область общей Географіи, представляемую Отдѣленіями Географіи Математической и Физической, область этнографіи и область статистики—представляемыя соотвѣтствующими Отдѣленіями.

Понятно, что каждый такой очагъ научной дѣятельности требуетъ существованія своего органа, независимаго отъ какой бы то ни было общей редакціи и это стремленіе завести свой отдѣльный органъ неминуемо всегда будетъ идти въ разрѣзъ съ стремленіемъ Совѣта объединить изданія Общества. Но по мнѣнію П. П. Семенова возобновленіе „Извѣстій“ въ предложенномъ характерѣ и объемѣ (отъ 20 до 30 печ. листовъ въ годъ) Общества, удовлетворяющаго самымъ скромнымъ потребностямъ въ періодическомъ органѣ цѣлямъ Общества, развязываетъ руки къ децентрализаціи самаго основнаго, періодическаго, хотя и не правильно періодическаго изданія Общества, – его „Записокъ“. Поэтому П. П. Семеновъ предложилъ, упразднивъ Этнографическіе и Статистическіе Сборники и вообще всѣ спеціальныя изданія Отдѣленій, издавать „Записки“ Общества особыми серіями, соотвѣтствующими тремъ главнымъ вышеупомянутымъ центрамъ научной дѣятельности Общества, возложивъ изданіе каждой серіи „Записокъ“ на обязанность и отвѣтственность соотвѣтствующихъ Отдѣленій. Предложеніе Предсѣдательствующаго Отдѣленіемъ Физич. Географіи было принято единогласно и Совѣтъ постановилъ:

1) Прекратить съ 1865 г. періодическое изданіе „Записокъ“ и издавать ихъ свободными выпусками, по мѣрѣ накопленія ученыхъ трудовъ въ средѣ Общества, какъ это было до 1861 года.

2) Въ видахъ предоставленія Отдѣленіямъ возможно большей самостоятельности въ опубликованіи своихъ трудовъ и въ видахъ возможно большаго сбереженія расходовъ, чрезвычайно возросшихъ вслѣдствіе многочисленности спеціальныхъ изданій по Обществу, издавать „Записки“— особыми серіями: 1) по Отдѣленіямъ Математической и Физической Географіи, 2) по Отд. Статистики и 3) по Отд. Этнографіи, съ тѣмъ, чтобы „Записки“ съ 1865 г. оставались на отвѣтственности каждаго Отдѣленія и замѣнили собою всѣ особыя изданія по Отдѣленіямъ (въ томъ числѣ Сборники Статистическій и Этнографическій).

3) Для текущей части по Обществу и для распространенія свѣдѣній

въ области наукъ, занимающихъ Общество, издавать съ 1865 г., подъ редакціей секретаря, „Извѣстія“, на опредѣленныхъ основаніяхъ.

4) Не предпринимать сверхъ всего этого никакихъ новыхъ постоянныхъ изданій отъ Общества, кромѣ такихъ, на которыя имѣются спеціальныя средства.

5) Прекратить съ 1865 г. изданіе Метеорологическаго Сборника.

6) Безусловно устранить изъ изданій Общества всякія переводныя статьи и также труды, заказанные (съ уплатою гонорара) единственно для наполненія изданій.

Одновременно съ этимъ рѣшеніемъ, по возбужденному Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ Ст.-Секр. П. А. Валуевымъ вопросу, какія мѣры полагаетъ Общество принять по своимъ изданіямъ въ отношеніи ихъ къ имѣющему быть введеннымъ новому Цензурному Уставу, Совѣтъ утвердилъ предложеніе состоявшаго подъ предсѣдательствомъ А. И. Левшина Редакціоннаго Комитета, а именно:

а) по каждому изданію Общества возложить отвѣтственность на то лицо, которому поручено было наблюденіе за изданіемъ и имя котораго означено на книгѣ; б) обязать редакторовъ „Записокъ“ и вообще каждаго отдѣльнаго изданія Общества обращаться въ Редакціонный Комитетъ для разрѣшенія встрѣченныхъ ими сомнѣній и затрудненій, касающихся цензурныхъ вопросовъ; в) каждое изданіе Общества разрѣшать къ выпуску Редакціоннымъ Комитетомъ, по докладѣ о немъ Секретаря.

Въ дополненіе къ этому Совѣтъ постановилъ еще: а) чтобы лицо, которому поручается наблюденіе за какимъ либо изданіемъ Общества, сообщало Секретарю имя и адресъ типографіи, въ которой предполагается печатать это изданіе.

б) Чтобы корректурные листы всѣхъ издаваемыхъ Обществомъ сочиненій были доставляемы Секретарю изъ типографіи, по мѣрѣ печатанія этихъ листовъ.

в) Чтобы отпускъ изъ типографій изданій Общества совершался не иначе, какъ по запискамъ Секретаря.

Со времени реформы 1865 года никакихъ измѣненій въ періодическихъ изданіяхъ до послѣдняго періода 50-ти-лѣтія Общества уже не происходило.

Извѣстія Общества въ разсматриваемомъ періодѣ выходили ежегодно (1865—1870 гг.) подъ редакціею Секретаря Общества бар. Ѳ. Р. Остенъ-Сакена, вносившаго въ нее и свою необыкновенную добросовѣстность и свою обширную эрудицію. Объемъ „Извѣстій“ въ первое 3-хъ-лѣтіе ихъ выхода составлялъ среднимъ числомъ по 27 печатныхъ листовъ, во второе около 41, а всего въ 6 лѣтъ вышло 208 печ. листовъ.

„Извѣстія“ раздѣлялись на два отдѣла: Дѣйствія Общества и собственно Извѣстія; каждый имѣлъ свою отдѣльную нумерацію, такъ что въ каждомъ годовомъ томѣ извѣстно было только двѣ нумераціи, что при обстоятель-

номъ оглавленіи и прилагаемыхъ алфавитныхъ указателяхъ чрезвычайно облегчало пользованіе изданіемъ. Отдѣлъ „Дѣйствія Общества“ представлялся въ замѣчательной полнотѣ, въ Отдѣлѣ Географическихъ Извѣстій помѣщались хотя только мелкія статьи (крупныя уходили въ „Записки“), но представлявшія нерѣдко высокій научный интересъ и имѣвшія большое значеніе для географической науки [1]).

По возобновленіи „Записокъ“ Общества въ прежнемъ ихъ видѣ, т. е. безъ періодически опредѣленнаго ихъ выхода и притомъ съ раздѣленіемъ ихъ на три серіи, соотвѣтствующія дѣятельности Отдѣленій Общества, въ разсматриваемомъ періодѣ были изданы:

По Общей Географіи два тома: оба подъ редакціею П. П. Семенова.

I вышелъ въ 1867 г., состоялъ изъ 36 печ. листовъ и заключалъ въ себѣ по преимуществу статьи, относящіяся до С.-З. окраины Центральной Нагорной Азіи и Сибири, а именно: Полторацкаго—Обз. страны между Чу и Сыръ-Дарьею (20 стр.), Н. А. Сѣверцова—Поѣздка въ зап. часть Тянъ-шаня (106 стр.), П. П. Семенова—Поѣздка на зап. оконеч. Иссыкъ-Куля (74 стр.), Н. А. Абрамова 4 статьи—Вѣрное, р. Караталъ, Копалъ, Верхлепсинская ст.—всего 74 стр., полк. Бобкова—Топогр. изсл. Балхаша (20 стр.), А. Голубева—Ала-Куль (14 стр.), К. В. Струве и Г. Потанина—Путеш. на Зайсанъ лѣтомъ 1863, Зимн. поѣздка на Зайсанъ, Поѣздка по вост. Тарбагатаю 1864 (въ 3-хъ стат. 172 стр.), А. Принтца—Поѣздка въ Хобдо въ 1863 г. и Каменьщики Бухтарм. вол. (въ 2-хъ стат. 53 стр.). Не относящихся до Сибири и сопредѣльныхъ съ нею странъ было только три статьи: Андреева- Ладожс. оз. (16 стр.), I. И. Стебницкаго—Геогр. зам. о вост. части Закубанс. кр., Гр. Хатисіана — Девдоракскій ледникъ (35 стр.).

II томъ изъ 45 почти печатныхъ листовъ вышелъ въ 1869 г. и заключалъ въ себѣ результаты Азовской экспедиціи Общества, (Н. Я. Данилевскаго — Изслѣд. о Кубанс. дельтѣ и о поѣздкѣ на Манычъ, всего 180 стр. и Г. П.

---

[1]) Сюда относились напр. въ Изв. 1865 г.: (Т. I) А. Принтца «Торг. русск. съ китайц. на Чуѣ и поѣздка въ Хобдо» (16 стр. съ картою), Н. Н. Крита «О торг. пут. изъ Китая» (14 стр.), М. Н. Галкина-Врасскаго «О Шегри-Себзской обл. Бухарск. ханс.» (5 стр.), Шишмарева «Поѣздка изъ Урги на Ононъ» (6 стр.). Въ Изв. 1866 г.: (Т. II) бар. Θ. Р. Остенъ-Сакена «Замѣтки о Цейлонѣ» (16 стр.), А. К. Гейнса «О возст. Дунгеней» (22 стр.), К. Скачкова «О геогр. позн. Китайцевъ» (15 стр.), Гольмстрема «О путяхъ изъ Зап. Сиб. въ Туркест. обл.» (6 стр.), Г. И. Радде «Восхожд. на Эльбрусь» (6 стр.). Въ Изв. 1867 г.: (Т. III) А. С. Татаринова «Каменноуг. дѣло и золот. пр. въ Туркест. обл.» (12 стр.). Въ Изв. 1868 г.: (Т. IV) П. А. Гельмерсена «Изсл. въ юж. ч. Усурійск. кр.» (4 стр.), Г. И. Радде «Пут. въ Турецк. Арм. въ 1867 г.» (6 стр.), А. В. Комарова «Сост. населен. Дагестан. обл.» (8 стр.), I. И. Стебницкаго «Нѣсколько словъ о рельеф. картѣ Кавказа» (5 стр.), К. М. Бэра «Нѣсколько словъ о Врангел. землѣ» (16 стр.). Въ Изв. 1869 г.: (Т. V) И. Θ. Бобкова «Устр. русск. пос. въ с.-в. части Киргизс. ст.» (6 стр.), бар. Θ. Р. Остенъ-Сакена «Поѣздка въ Занарынскій край» (23 стр.), «Поѣздка В. А. Полторацкаго на Муссартск. пр.» (10 стр.), П. А. Гельмерсена «Замѣтка о Кореѣ» (3 стр.). Въ Изв. 1870 г.: (Т. 14) О. В. Струве «О перв. мерид.» (14 стр.), П. П. Семенова «Перепись жителей С.-П.-Б. 1869 г.» (22 стр.), В. Радлова «Кратк. отч. о поѣздкѣ въ Семирѣченск. обл. въ 1869 г.» (5 стр.), Г. А. Колпаковскаго «О древн. постр. на Иссыкъ-Кулѣ» (5 стр.), К. А. Абрамова «О Каратегинск. вл.» (5 стр.), бар. Н. Г. Шиллинга «О снаряж. уч. эксп. въ наши Сѣвер. моря» (9 стр.), Фр. ф. Кошкуля «Отч. по геол. раб. на ос. Челекенѣ» (33 стр.), Я. Маломы «Топогр. свѣд. о Красноводскѣ» (20 стр.).

Гельмерсена—По вопросу объ обмелѣніи Азовскаго м. (34 стр.), а также двѣ статьи о восточн. Сибири: П. Третьякова—Туруханскій край (316 стр.) и Н. В. Латкина—Очеркъ пром. Енис. окр. (188 стр.).

По Отдѣленію Этнографіи вышло также два тома.

I томъ изъ 47 печ. листовъ вышелъ подъ редакціею В. И. Ламанскаго въ 1867 г. и состоялъ изъ обширной статьи М. Н. Галкина-Врасскаго — Этногр. матер. по Ср. Азіи (250 стр.), И. И. Носовича — Сборн. Бѣлорусск. посл. (34 стр.). двухъ статей о скопцахъ (63 стр.), а именно А. П. Крыжина (Симбирс. г.) и свящ. Аф. Георгіевскаго (Калужс. г.); С. П. Микуцкаго — О Лѣто-Славянс. яз. (67 стр.), двѣ статьи (38 стр.) о народн. обычномъ правѣ (П. А. Муллова и П. А. Матвѣева), А. П. Десино—Русс. этногр. матер. сказки, свадьба и т. п. (52 стр.), Н. Я. Аристова – Пред. о кладахъ (43 стр.).

II томъ, до 47 печ. листовъ вышелъ въ 1869 г. подъ редакціею Л. Н. Майкова и заключалъ въ себѣ слѣдующія статьи: А. Н. Трунова — Понятія крест. Орловск. г. (48 стр.), И. П. Хрущова – О русск. жит. береговъ р. Ояти (28 стр.), П. С. Ефименко—О Ярилѣ съ замѣтк. О. Ѳ. Миллера (38 стр.), А. Ѳ. Гильфердинга – Сербск. пословицы (10 стр.), Пословицы и поговорки Галицк. и Угорск. Руси (138 стр.), И. И. Носовича — Бѣлорусск. пословицы и загадки (19 стр.), Н. С. Щукина—Народн. увес. Иркутск. губ. (17 стр.), А. Л. Кокосова—Кругов. игры и пѣсни въ с. Ушаковскомъ (18 стр.), Л. Н. Майкова—Великорусск. заклинанья (164 стр.), Е. К. Огородникова—Мурманскій и Терскій берега по Кн. Больш. Черт. (96 стр.), П. П. Чубинскаго – Народн. юридич. обычаи въ Малороссіи (40 стр.), А. Н. Веселовскаго—Нѣск. геогр. и этногр. свѣд. о древн. Россіи изъ разсказовъ Итальянцевъ.

Наконецъ по Отд. Статистики вышелъ только одинъ I томъ въ 1866 году, подъ редакціею А. И. Артемьева. Томъ этотъ изъ $41^1/_2$ печ. листа заключалъ въ себѣ увѣнчанный Жуковскою преміею и малою золотою медалью Общества прекрасный трудъ протоіерея Ѳ. В. Гиляровскаго—Изсл. о рожденіи и смертности дѣтей въ Новгородск. губ.

Кавказскій, Оренбургскій и Сибирскій Отдѣлы Общества имѣли свои, независимыя отъ Общества, періодическія изданія.

Кавказскій Отдѣлъ издалъ въ разсматриваемомъ періодѣ три книжки.

IV книжка вышла въ 1857 г. подъ редакціею Д. Чл. Отдѣла М. К. Ломизе и Н. Г. Берзенова, состояла изъ 16 печ. листовъ и заключала въ себѣ статьи: А. Т. Филадельфина,—Климатъ въ Тифлисѣ (172 стр.); Л. Я. Люлье двѣ статьи: Общ. взгл. на страны, занимаемыя горскими народами и О Натухайцахъ, Шапсугахъ и Абадзехахъ (93 стр.) и А. П. Мулиsковскаго – Объ имѣніяхъ Греческой церкви въ Закавказс. кр. (30 стр.). Кромѣ статей была помѣщена въ книжкѣ и лѣтопись Отдѣла.

V книжка вышла въ 1862 г. подъ редакціею Д. Чл. Отдѣла А. Т. Филадельфина и А. П. Загурскаго, состояла изъ 25 печ. листовъ и заключала въ себѣ, кромѣ лѣтописи Отдѣла (91 стр.), слѣдующія статьи: Г. В. Абиха—Землетрясенія въ Шемахѣ и Эрзерумѣ въ маѣ 1859 г. (18 стр.), А. Т. Филадельфина — Климатъ въ Тифлисѣ (102 стр.), Л. Я. Люлье—Вѣрованія,

религіозн. обряды и предразсудки у Черкесъ (18 стр.), І. И. Стебницкаго — Статистич. таблица Кавказскаго края (72 стр.), П. И. Іосселіани — Опис. города Душета (72 стр.) и Н. Д. Салацкаго — Очеркъ климата Закавказск. края (89 стр.).

VI книжка вышла въ 1864 г. подъ редакціею Правит. дѣлъ Отдѣла Д. И. Коваленскаго. состояла изъ 34 печ. листовъ и заключала въ себѣ, кромѣ отчета Отдѣла съ 1859 по 1863 г., его лѣтописи (122 стр.) и Библіографіи, еще слѣдующія статьи: П. И. Собольщикова—Хведуретскій минер. источникъ (18 стр.), Д. З. Бакрадзе - Сванетія (110 стр.), Г. В. Абиха — Кратк. обзоръ строенія Апшеронскаго полуостр. (24 стр.), Ф. Г. ф. Кошкуля – Статист. таблицы нефтянаго промысла на Апшеронск. полуостровѣ (12 стр.), А. И. Нешеля и Ф. Г. ф. Кошкуля—Кратк. очеркъ остр. Святаго (20 стр.), А. А. Висковатова двѣ статьи:—О періодич. Казбекскомъ завалѣ (34 стр.) и Обз. геогр. раб. на Кавк. въ 1863 г., Г. С. Хатисяна—Кратк. оч. дѣйствій 2 коммиссій для изслѣд. Казбекскихъ ледниковъ (1862—63) (10 стр.), І. И. Стебницкаго три статьи: Статист. табл. Дагестанск. обл., Зап. о кавказс. Тріангуляц. и—О новѣйш. карт. Кавказс. края (всего 22 стр.), І. И. Ходзько — Общ. взгл. на орогр. Кавказа (54 стр.), П. Ф. Рисса — Общ. замѣч. о южн. бер. Касп. м. (16 стр.), А. А. Литвинова — Объ изм. теч. Терека и берег. Касп. м. съ 1841 по 1863 (14 стр.), Н. И. Торопова — Сухумъ и его лихорадочность (6 стр.).

VII книжка вышла въ 1866 г., также подъ редакціею Д. И. Коваленскаго, состояла изъ $36^1/_2$ печ. листовъ и заключала въ себѣ слѣдующія самостоятельныя статьи: Н. Д. Салацкаго — Оч. орографіи и геологіи Кавказа (118 стр.), К. А. Бороздина—Крѣпостн. состояніе въ Мингреліи (68 стр.), Б. И. Статковскаго — Изсл. причин. происхожденій періодич. Казбекскаго завала (28 стр.), Л. Я. Люлье—Учр. и народн. обыч. Шапсуговъ и Натухайцевъ (18 стр.), Г. И. Радде — Путеш. въ Мингрельск. альпахъ (222 стр.).

Записки, выходившія подъ редакціею Д. И. Коваленскаго, были вообще прекрасно редактированы. Коваленскій велъ записки не въ видѣ простого сборника трудовъ Членовъ Отдѣла, какъ это было прежде, но въ видѣ настоящаго географическаго журнала, съ раздѣленіемъ на отдѣлы: матерьялы и изслѣдованія, критика и библіографія, смѣсь и лѣтопись Отдѣла. Послѣдняя изъ упомянутыхъ книжекъ (VII) была выпускаема по мѣрѣ напечатанія статей, имѣвшихъ каждая свою самостоятельную нумерацію отдѣльными выпусками.

Изданія Сибирскаго Отдѣла Общества, вышедшія въ теченіе разсматриваемаго періода, состояли:

Изъ семи книжекъ „Записокъ“ слѣдующаго содержанія:

1) III книжка, вышедшая въ 1857 г. въ Спб., подъ редакціею Секретаря Общества Е. И. Ламанскаго, заключала въ себѣ 11 печ. листовъ и состояла, кромѣ лѣтописи и смѣси, изъ двухъ статей: Н. Свербеева — Опис. плаван. по р. Амуру экспедиц. ген.-губ. Восточ. Сибири (Н. Н. Муравьева) въ 1854 г. (78 стр.) и А. Аргентова—Опис. Николаевскаго Чаунскаго прихода (28 стр.).

2) IV книжка, вышедшая также въ 1857 г. въ Спб., подъ редак-

ціею Д. Чл. И. С. Сельскаго и Н. А. Версилова, заключала въ себѣ 15 печ. листовъ и состояла, кромѣ смѣси и лѣтописи, изъ трехъ статей: А. Аргентова—Путев. зап. свящ.-миссіон. въ приполярной мѣстности (58 стр.), кн. Кострова—Очерки Туруханскаго края (116 стр.) и Н. Версилова—Опис. пріисковъ лазореваго камня (9 стр.).

3) V книжка, подъ тою же редакціею, вышла въ Спб. въ 1858 г., заключала въ себѣ также около 15 листовъ и состояла, кромѣ смѣси и лѣтописи, изъ трехъ статей: В. Гаупта – Замѣтки на пути изъ Кяхты въ Ургу въ 1850 г. (10 стр.), И. Сельскаго—Послѣдняя осада Албазина Маньчжу-Китайцами (18 стр.) и Г. Пейзына—Минусинскій окр. Енисейск. г. въ сельско-хоз. отнош. (57 стр.).

4) VI книжка, подъ редакціею Правит. Дѣлъ Сибирск. Отд. А. С. Сгибнева, вышла уже въ Иркутскѣ въ 1863 году, заключала въ себѣ до 13 листовъ и, кромѣ смѣси и лѣтописи, состояла изъ 9 статей: А. Павловскаго—Поѣздка изъ Якутска на Учурскую ярмарку (23 стр.), В. Райскаго—Истор. оч. Якутско-Тамчинскаго желѣзодѣлат. зав. и Юрдыбаньской серебр. руд. (15 стр.), М. Кривошапкина—Объ Остякахъ, Тунгусахъ и пр. инородц. Енис. окр. (48 стр.), П. Кларка—Очеульскіе и Тутурскіе тунгусы Верхоленс. окр. (10 стр.), Н. Кашина—Нѣск. сл. объ Аргуни и замѣч. на эту ст. Будогосскаго (18 стр.) и три статьи кн. Н. Кострова:—Кайбалы, Шушенская вол. Минусинс. окр. и Бирюссы (26 стр.).

5) VII книжка, подъ редакціею А. С. Сгибнева и М. В. Загоскина, вышла въ Иркутскѣ ранѣе VI-й, а именно въ 1861 году, состояла изъ 22 печ. листовъ и, кромѣ смѣси и лѣтописи, заключала въ себѣ статьи: Брылкина – Письма съ Сахалина (54 стр.), Шишмарева - Свѣд. о Халхасскихъ владѣн. (36 стр.), П. Кларка—Вилюйскъ и его окр. (75 стр.), И. Лопатина—Обз. юж. части Приморской обл. (41 стр.), Ушарова—Кр. путев. зап. о вост. Сибири (7 стр.).

6) VIII книжка, подъ редакціею Д-ра П. И. Кашина, вышла въ Иркутскѣ въ 1865 г., заключала въ себѣ болѣе 25½ печ. лист. и содержала, кромѣ смѣси и лѣтописи: Кн. П. Крапоткина—Двѣ поѣздки въ Манчжурію въ 1864 г. (120 стр.), К. Стукова—О Монголо-Бурятахъ (52 стр.) и А. Усольцова—Свѣд. о р. Сунгари до Гирина (47 стр.).

7) IX и X книжка, вышла въ Иркутскѣ въ одномъ томѣ, подъ редакціею Н. И. Кашина въ 1867 г. Она заключала въ себѣ 39 печ. листовъ и содержала въ себѣ, кромѣ смѣси и лѣтописи, только двѣ статьи: Кн. П. Крапоткина—Поѣздка въ Окинскій кар. (94 стр.) и А. Ѳ. Будищева—Опис. лѣсовъ части Приморской обл. (380 стр.).

Эта книжка была послѣднею въ разсматриваемомъ періодѣ.

Съ 1867 года начали появляться весьма обстоятельные и очень талантливо составленные Правит. Дѣлъ Сибирс. Отдѣла А. Ф. Усольцовымъ отчеты, представляемые непосредственно въ Импер. Русское Географическое Общество и напечатанные за 1867, 1868, 1869 года отдѣльными брошюрами и при „Извѣстіяхъ“ Общества.

Съ 1870 года начали уже издаваться въ Иркутскѣ „Извѣстія Сибирскаго Отдѣла“ и въ августѣ этого года началъ выходить 1-й томъ этихъ

Извѣстій, но такъ какъ печатаніе этого тома было закончено только въ 1871 году, то изданіе это мы уже причисляемъ къ слѣдующему періоду.

Младшій изъ Отдѣловъ Общества, возникшій въ разсматриваемомъ періодѣ – Оренбургскій—успѣлъ выпустить одну только I книжку своихъ Записокъ.

Книжка эта, изданная въ Казани, состояла изъ 19 печ. листовъ и заключала въ себѣ, кромѣ лѣтописи Общества, еще слѣдующія статьи: Алтынсаринова—Очеркъ обычаевъ Киргизовъ Оренб. вѣд. (36 стр.). В. И. Плотникова — Поминки (асъ) у Зауральскихъ Киргизовъ (16 стр.), И. П. Покровскаго — Сборникъ башкир. и татар. пѣсенъ (80 стр.), Л. Ѳ. Баллюзека—Нов. администр. дѣленіе Тургайской обл. (3 стр.), султана Сайдалина – О развит. хлѣбопашества въ бас. Тургая (25 стр.), А. А. Тилло—Отч. о дѣйств. Оренб. военн. топогр. Отд. (12 стр.) за 1868 г., П. Н. Оводова—О направл. и силѣ вѣтра въ Оренбургѣ (30 стр.).

Подводя общіе итоги издательской дѣятельности Общества въ теченіе третьяго періода мы можемъ сказать, что дѣятельность эта выразилась въ изданіи 82 томовъ и книжекъ, заключающихъ въ себѣ до 2.600 печатныхъ листовъ, т. е. среднимъ числомъ ежегодно до 190 печатныхъ листовъ, т. е. все-таки нѣсколько-болѣе чѣмъ въ предшедшемъ періодѣ.

Музей Общества въ разсматриваемомъ періодѣ значительно обогатился множествомъ новыхъ приношеній. Въ числѣ ихъ наиболѣе интересными были предметы, собранные во время Вилюйской экспедиціи Р. К Маакомъ, каменныя орудія изъ Рязанской губерніи, доставленныя въ 1859 г. Д. Чл. А. И. Драшусовымъ, предметы съ Чукотской земли и Каролинскихъ острововъ, пожертвованные въ 1860 г. А. Ф. Постельсомъ, коллекціи Алеутскихъ острововъ собранныя Чл.-Сотр. Дорошинымъ, Амурскія коллекціи Р. К. Маака, многочисленные предметы изъ Ананьинскаго могильника близъ Елабуги, доставленные Поч. Чл. М. Н. Муравьевымъ. Музей приводился въ порядокъ въ 1858 г. Э. И. Эйхвальдомъ, а въ 1860 г. Чл.-Сотр. О. К. Ватсономъ.

Въ 1863 г. Отдѣленіе Этнографіи составило новую программу для присылки предметовъ въ Музей Общества [1]). Разсылка этой программы еще болѣе увеличила Музей Общества, но, къ сожалѣнію, тѣснота помѣщенія и отсутствіе достаточныхъ средствъ для ухода за предметами полагали неодолимыя препятствія для развитія музея.

Что же касается до библіотеки Общества, то она возрастала чрезвычайно быстро. Такъ какъ въ разсматриваемомъ періодѣ библіотека уже приведена была въ порядокъ и завѣдываніе ею было поручено спеціальному библіотекарю, то Совѣту Общества оставалось только сдѣлать ее вполнѣ доступною для Членовъ Общества.

Это и было сдѣлано въ 1863 г. съ одной стороны открытіемъ квартиры Общества два раза въ недѣлю по вечерамъ отъ 7 до 10 часовъ, а съ другой составленіемъ утвержденныхъ Совѣтомъ правилъ для пользованія библіотекою.

[1]) Программа эта была приложена къ журналу Совѣта 15 мая 1863 г. Въ составленіи ея, кромѣ Предсѣдательствующаго, его Помощника и Секретаря Отдѣленія принимали участіе: Дѣйств. Чл. Общ. К. М. Бэръ, В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, А. А. Куникъ и В. В. Стасовъ.

